



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

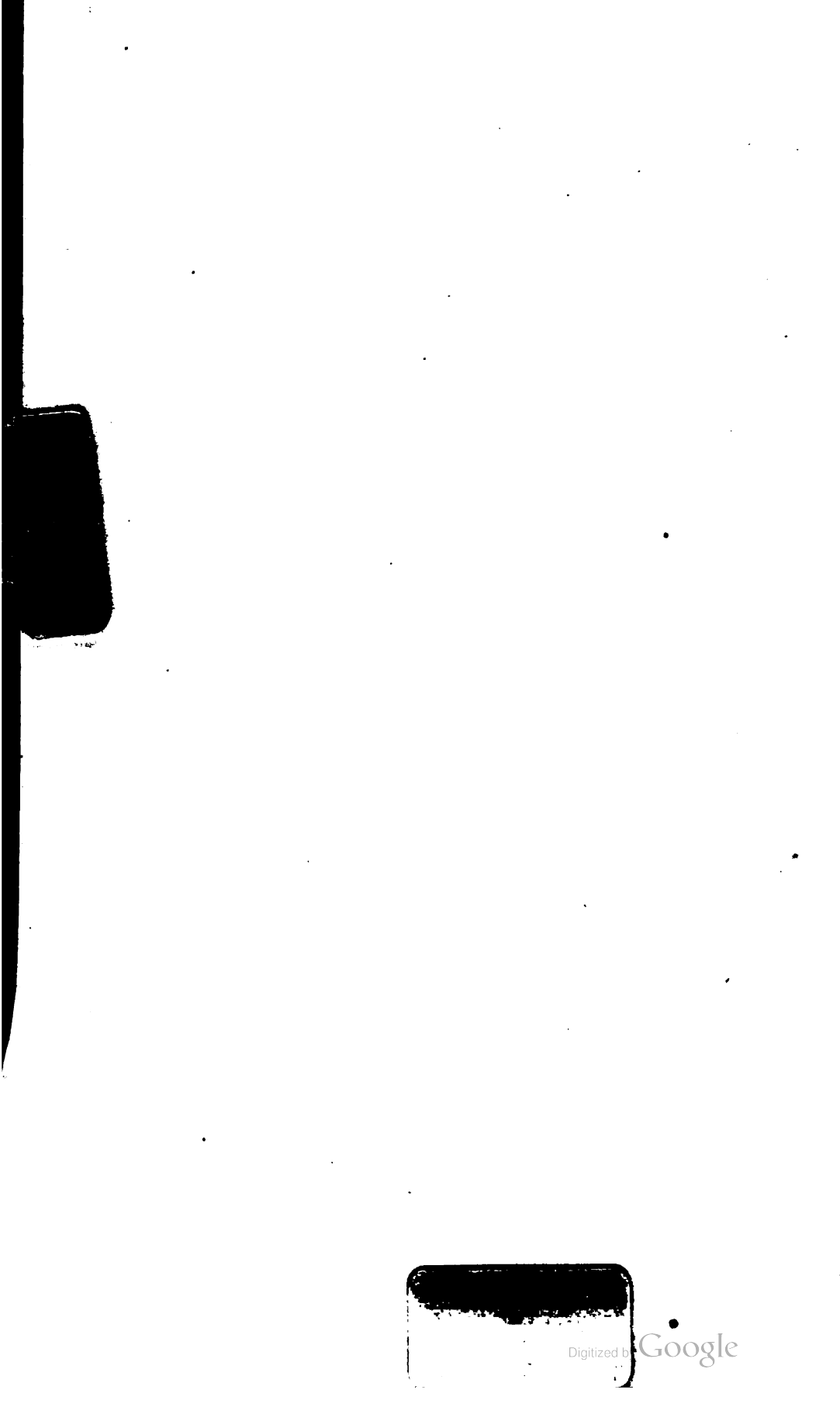
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



INDEXED

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XXXIX. — ТОМЪ CXXVI. — 1/18 МАРТА, 1875.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ—ВТОРОЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

**Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.**

**Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочк.,
№ 9.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592570
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L



ХАЙ-ДѢВКА

ПОВѢСТЬ.

I.

У богатаго торговаго крестьянина деревни Барашихи, Дмитрія Петрова, единственная дочь, Татьяна, года два уже считается кевѣстой. Не налюбуется на нее досыта вся деревенская молодежь. Рѣдко задаются такія дѣвки: высокая, коренастая, здоровая, сильная — сейчасъ видно, что не заморышь, не на однихъ пустыхъ щакъ выросла, а что ей не въ диковинку ни пирогъ съ начинкой, ни баранина. Румянецъ у Татьяны во всю щеку, коса на спинѣ ниже пояса, лицо гладкое, широкое, какъ булка съобная, правда, пестрить лѣтомъ отъ веснушекъ, да это не въ заморъ красѣ дѣвичьей; глаза хоть и маленькіе, и сердитые, зато, бѣда, какіе юркіе: смѣлые, бойкіе, и брови надъ ними дугой, точно нарисованныя. На языкѣ Татьяна куда востра: какой бы ни былъ парень ловкій, разухабистый, хоть бы питерець, а на словахъ ее не собѣтъ и въ краску не вгонить: сама всякаго ю восточкамъ переберетъ и на смѣхъ подниметъ. А если кто въ парней, залюбовавшись на ея красу дѣвичью, на грудь выжюку, богатырскую, по мужицкой привычѣ, рукамъ волю дастъ, того такъ на-отмашъ огрѣбеть, что твой добрый сотскій, или староста: въ другой разъ не присунется. Веселье да смѣхъ Татьяна очно носила съ собой: куда ни придетъ, тамъ и смѣхъ, и прибаутки, и пѣсни, и пляска пойдутъ. А какъ нарядится въ праздничный день: вилететь въ косу ленту цвѣтную, надѣнетъ рубаш-

ку кисейную, сарафанъ шелковый, еще бабушкинъ, да башмачки сафьянные красные, такъ парни за ней, точно стая на сворѣ, такъ и бѣгаютъ; пойдеть въ хоровадь, никто лучше ея голосомъ не выведеть; пѣсни играть вздумаетъ: откуда что беретса! и старыя всѣ знаетъ, и новыя выдумываетъ: такія отхватываетъ, что и женатыя, и старики даже сойдутся иной разъ смотрѣть да слушать, и только въ бороду себѣ посмѣиваются; на качеляхъ качаться начнетъ, такъ этакой смѣлости да силы не у всякаго и парня станеть: смотрѣть духъ захватываетъ, того и жди, что черезъ перекладину перелетитъ, или веревка лопнетъ: только скрипъ идетъ, да красныя башмачки сверкаютъ въ воздухѣ. Вся деревня Танюхой любовалась и хвастала, на всю округу слава про нея прошла: даже изъ чужихъ деревень парни ходили, о праздникахъ, только посмотрѣть на нее, и нарочно дружбу заводили съ барашихинскими ребятами, чтобы въ кругъ пускали: съ Танюхой попѣть да походить. И то чудное дѣло: всѣ Татьяну знали, всѣ про нее говорили, всѣ къ ней льнули, а не любили ее; ужъ очень она языкомъ ехидна была и нравомъ задорлива, супротивна: всякаго просмѣеть, прозубоскалить, все про всѣхъ знаетъ и на язычокъ свой подхватить, никому не поступится, а ужъ коли въ брань дѣло пойдетъ, лучше и не вступайся: безъ ножа зарѣжетъ, на всю жизнь просмѣеть, такую мѣтку положить, что такъ съ ней и останешься, и въ гробъ пойдешь. И какихъ-какихъ она людямъ прозвищъ не надавала; почитай всѣ въ деревнѣ, по ея милости, съ фамиліями сдѣлялись: Ивана, что у попа въ работникахъ былъ, Кутьей назвала; Василья, что шея длинная, Гусемъ сдѣлала, кого Маглавомъ, кого Сычемъ, кого Квашней; да такъ мѣтко, такъ складно, съ такой прибауткой, что поневолѣ подхватишь, и пойдеть челоувѣкъ съ новымъ именемъ вмѣсто крестоваго. И народъ въ отместку прозвалъ Татьяну, за веселость, за бойкость, за размашку, за языкъ ея длинный, неуступчивый, за голосъ звонкій за ростъ и дородство — прозвалъ Хай-дѣвкой. Такой бы дѣвкѣ самой по себѣ, да и по семьѣ ея богатой, давно бы замужемъ надо быть, да что-то мало сватѣвъ ѣхало: праву ли ея боялись женихи и ихъ отцы и матери, или то думали, что богатый мужикъ погнушается бѣдной родней и не отдасть дочку въ бѣдную семью, а въ чужой домъ идти, привязитесь, не всякому лестно богатыхъ же жениховъ, и во всемъ по плечу Татьянѣ и Дмитрію Петрову, было мало: какъ ни какъ, а Танюха третій годъ сидѣла въ дѣвкахъ. Правда, отецъ съ матерью и не торопились отдавать ее замужъ; одно дѣтище, да и нужды никакой и

знали; Татьяна сама дала замѣтить отцу, что пора ему подумать о выборѣ жениха. Среди всѣхъ мужиковъ и парней въ деревнѣ, надъ которыми она потѣшалась и зубы свои вострила, былъ одинъ, на котораго и она лишній разъ взглядывала. Мужика этого звали Илюхой.

Сынъ богатаго торговца-мужика, прогорѣвшаго отъ какого-то неудачнаго торговаго предпріятія, Илья половину жизни своей проводилъ въ Петербургѣ, занимаясь торговлей въ разность, по домамъ, всякой всячины, а больше всего, деревенскихъ холстовъ и полотентъ. Удалой, бойкій и расторопный отъ природы, Илья являлся въ деревню разухабистымъ краснорѣчивымъ-питерцомъ. Женили его, лишь только минуло ему 18 лѣтъ, на дѣвкѣ, которая пятью годами была старше его и не отличалась ни умомъ, ни ростомъ, ни дородствомъ. Въ деревнѣ всѣ знали, что онъ не любилъ ее. Молодой еще, хоть и женатый, не столько красивый, сколько соблазнительный для деревенскихъ красавицъ своей шляпой пуховою, плисовыми шароварами, жилетомъ расписнымъ и серебряной сережкой въ ухѣ, онъ затѣввалъ поголовно всѣхъ своихъ сверстниковъ и даже молодыхъ парней: и смѣлымъ взглядомъ, и дерзкой, насмѣшливой рѣчью, и всей своей повадкой городской. Слава про Илью ходила въ деревнѣ плохая: онъ и пьяница, онъ и мотъ, и картежникъ, и отъ жены гуляетъ, пожалуй и сплутуетъ безъ нужды; но на гулянкахъ, на пирушкѣхъ, или въ хороводѣ, между парней и дѣвочекъ, онъ былъ первый человекъ и игралъ почти такую же роль, какъ Татьяна. Разница была только въ томъ, что при веселости и удали характера, при бахвальствѣ и краснорѣчивѣ, Илья отличался какой-то доступностью, добродушіемъ: обругаетъ человека, позубоскалитъ надъ нимъ, но до сердца не обидитъ, не нахамится, не наломается надъ своимъ братомъ, да тутъ же и угоститъ наровить. Его всѣ любили. Дѣвки и бабы въ немъ души не слышали, и если бы не зазорно было, пожалуй, также бѣгали бы за нимъ стадами, какъ парни за Танюхой. Среди круга ходить съ Ильей каждая красная дѣвица считала не только за удовольствіе, но и за особенную честь, потому никто не умѣлъ такъ голову склонить, такъ шляпу надѣть, такой поклонъ отдать, такъ плечомъ повести и платочкомъ махнуть, никто не могъ ногами такого выверта сдѣлать, какъ Илюшка-Питерець. И вотъ, бывало, любованье на всю деревню и молодымъ, и старымъ, какъ среди круга стануть да пойдуть Илья съ Татьяной: одинъ сухой да жилистый, кажись, каждая косточка въ немъ вздраги-

ваетъ, каждый суставчикъ разговоръ ведетъ; другая—точно лебедь бѣлая плаваетъ.

Мудрено ли, что въ деревнѣ толки и разговоры пошли:

— Танюха въ кругу больше все съ Ильей стоитъ!

— Илюхѣ счастье: облапилъ Танюху, только вывернулась, да отмахнулась, зардѣлась, а не ругается, даже—ни-ни!..

— Илюха нынче въ Питерѣ грибомъ сушенымъ торговать будетъ: слышно съ Танюхой вмѣстѣ въ лѣсъ по грибы ходятъ, къ зимѣ, значить, запасаютъ: видѣли!..

Стали разные слухи и до матери Татьяниной доходить, слухи неясные, неопредѣленные, но для материнскаго чутья понятные.

Забѣжала къ ней какъ-то сосѣдка, баба старая, сварливая, надоѣдница.

— Матрена Поликарповна, одолжи, говорить, пудикъ мучки... Отдамъ, ось, съ нови...

— Знаемъ мы васъ, отдавальщицовъ,—отвѣчаетъ мать Татьяны, Матрена Поликарповна. — Взять-то вы всякій, а отдать-то никто.

— Одолжи, полно... Ось отдадимъ... Мой-отъ разбойникъ поѣхалъ, вѣдь, въ городъ съ деньгами, обѣщалъ куль привезти, да вотъ и съ деньгами-то пропалъ... а дома квашни растворить нечѣмъ.

— То-то вотъ и есть: меньше бы пьянствовали... У большака-то моего вонъ въ амбарѣ-то всѣ стѣны крестами вымѣлены, а сусѣки-то пусты... Весь хлѣбъ въ людяхъ; а отдачу-то вашу мы знаемъ: подожди, да помилуй, а сами въ кабакъ, да въ кабаць...

— Отстань-во, Поликарповна,—возражаетъ осердившаяся сосѣдка. — Кѣмъ вы сыты-то и самъ-дѣлѣ, какъ не нами? Какъ бы не было эвихъ-то пьяницъ, какъ мой разбойникъ, не было бы и у тебя пятистѣнной избы... Чей хлѣбъ-то ѣдите? все мірской... Дашь пудъ, а наровишь два приполону взять... Кабаць-отъ съ естоль не съѣсть, что вы, мироѣды...

— Ну, а коли мы мироѣды, такъ и ступай съ Богомъ: нѣтъ у насъ про тебя...

— Такъ не дашь?

— Поищи у другихъ, коли мы твоимъ сыты: намъ твоего не надо...

— Такъ не дашь?—пристаётъ сосѣдка, уже совсѣмъ готовая огрызнуться.

— Нѣту, нѣтъ... И давно тебѣ говорю: нечего тебѣ къ намъ и ходить: доука-то мнѣ твоя давно ужъ надоѣла... Отъ тебя

только и рѣчей, что дай да подай, а замѣсть спасибо-то одна твоя ругань... Ступай съ Богомъ...

— Такъ не дашь?

— Нѣту... Что пристаала: точно за своимъ добромъ. И большаку не велю тебѣ давать... Вотъ что... Ты сначала старье-то долги отдай... А то—мироѣды!.. И впрямь точно за своимъ пристала.. Мироѣды!.. Ступай, ступай... Тебя не кто кликнулъ: сама пришла... Нѣтъ про тебя ничего... Ступай...

— Да я уйду... Уйду да и не приду... Наплевать вамъ... А мотри, на повой звать будешь—и на повой не приду.

— Ну, Богъ милостивъ, стары ужъ мы съ тобой...

— Дочь, матъва, молодая: смотри, къ масляной-то, замѣсть блиновъ, кашу врестильную варить будешь...

— Что ты, злой духъ...

— Ничего, здорово живешь... Послѣ вспомнишь...

Сосѣдка быстро скрылась, хлопнувши за собой дверью.

Матрена Поликарповна задумалась: можетъ-та и со зла сбрехнула, а можетъ и шла съ тѣмъ, чтобы рассказать, что люди пронази, да о чемъ слухъ недобрый пошелъ. Сторонніе люди всегда прежде досмотрять, да спознаютъ: отецъ съ матерью всегда послѣ людей. Матрена Поликарповна знала эту практическую истину.

«Эка я», думала она, «дать бы ей пудъ-то муки, куда бы ужъ ни шло, да разспросить бы путемъ обо всемъ... Хоть бы узнала, что люди говорятъ: какъ и съ еѣмъ... Сама дѣвка не скажетъ!.. пожалуй, спрашивай... А послѣ, придетъ время, и плясья съ ней... Вотъ говорила отцу: пора дочку замужъ. Вотъ такъ и есть... Нѣтъ, надо ему связать: пускай скорѣй жениха ищетъ...»

Во время разговора съ сосѣдкой ни дочери, ни мужа, не было дома: они были въ полѣ; Матрена Поликарповна домовничала одна, и ей была полная свобода обсудить все дѣло и обдумать: что нужно предпринять въ виду недобрыхъ слуховъ. Она была женщина умная, толковая и съ характеромъ. Жизнь въ довольствѣ помѣшала развиваться въ ней сварливости и бранчивости, которыя составляютъ почти общее свойство деревенской бабы, вѣчной жертвы нужды, заботы и чрезмѣрныхъ трудовъ. Напротивъ, Матрена Поликарповна держала себя очень степенно, говорила всегда резонно и умѣренно, любила очень почѣтъ, и возмущалась только тогда, когда его ей не оказывали. Она была большая котница давать совѣты и чувствовала особенное расположение къ тѣмъ, кто ихъ просилъ у нея и выслушивалъ. Обо всякомъ

дѣлѣ любила она разсудить всесторонне и обстоятельно. Въ отношеніи къ мужу она была вѣрная, преданная жена, къ дочери добрая, благоразумная мать; но любила, чтобы все дѣлалось по ея волѣ и умѣла всегда настоять на своемъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что Дмитрій Петровъ, человѣкъ торговый, мало жившій дома, занятый и поглощенный исключительно одною заботою о стяжаніи, все домашнее хозяйство, весь распорядокъ въ домѣ, охотно предоставилъ въ распоряженіе жены, такъ что она собственно была главою въ домѣ. Помогая мужу въ торговлѣ, ѣзда съ нимъ по базарамъ, сталкиваясь со множествомъ разнаго народа, она умѣла различать людей, знала, какъ съ кѣмъ себя вести и о чемъ съ кѣмъ говорить. Въ себя и свой умъ она очень вѣрила, и имѣла при этомъ характеръ настойчивый: что обдумывала, на что рѣшалась — къ тому шла неуклонно и считала обязанностью поставить на своемъ.

«Надо разузнать, съ кѣмъ Танюха слюбилася, коли правду люди говорятъ!» думала она сама съ собою. «Если парень тихій, покладливый, можно и приязнить — въ домъ взять. Ну, а ужъ если шалыганъ какой, гуляка, да больно бойкій, пускай не прогнѣвается, ни въ жисть не отдамъ за такого: не въ чужой же домъ отдавать намъ дочку: она у насъ одна, какъ перстъ, другихъ дѣтей нѣтъ, ну, а и въ свой домъ взять экого — Богъ съ нимъ, намаешься! Да и Танюхѣ съ ея правомъ надо мужа смирнаго, поводливаго; а то на ея характеръ, да каковаго озорнаго взять — у нихъ поножовщина будетъ».

Разсудивши такимъ образомъ, Матрена Поликарповна тотчасъ же отправилась собирать справки. Не много ей нужно было употребить хитрости въ разговорѣ съ сосѣдками, чтобы навести ихъ на интересовавшій ее вопросъ и узнать всѣ подробности, извѣстныя деревнѣ о любовныхъ похожденияхъ дочки. Имя Ильи Питерца очень разстроило Матрену Поликарповну.

«Ну, дочка, выбрала же хвата», думала она про себя. «Что ни на есть первый плутъ и озорникъ на всю деревню... Да хоть бы ужъ съ холостымъ-то, а то, ну-ка, съ женатымъ... Эка срамница, экой озоръ-дѣвка... Что ты тутъ прикажешь дѣлать!»

Какъ только воротилась Татьяна съ поля, мать отозвала ее въ свѣтелку.

— Честь имѣемъ проздравить, дочка милая! — сказала она церемонно сжимая губы и слегка кланаясь.

— Съ чѣмъ, матушка, проздравляешь-то? — бойко спросила Татьяна.

— Какъ съ чѣмъ, матка? тебѣ лучше знать: съ женишкѣмъ хорошимъ...

Матрена Поликарповна въ упоръ смотрѣла дочери въ глаза.

— Аль кто засылалъ... Чтѣ больно рано: въ рабочую-то пору?—спросила Татьяна, нѣсколько смущенная взглядами матери, но стараясь сохранить обычную бойкость.

— Кто къ намъ станетъ засылать? Кому нужда? Всякій знаетъ, что у насъ дочка сама себѣ жениха хорошаго выбереть... Не станетъ ждать, чтобы отецъ съ матерью честнымъ порядкомъ выбрали, да благословили...

— Не вѣду, матушка, чтѣ ты говоришь... на счетъ чего и въ какую сторону...

— Какъ не вѣдать, дочка: добрые люди съ чего-нибудь да говорятъ и на женишка показываютъ, только отецъ-отъ съ матерью ничего не знаютъ...

— Ты слушай больше: добрые-то люди и ни вѣсть что ради на меня напелести...

— Такъ неправду люди говорятъ, что ты съ Илюшкой Кузьмичевымъ по грибы въ лѣсъ ходила?..

— Мало ли народу въ лѣсу ходить: не я одна, никому не закажешь...

— Такъ неправда, что Илюшка и около нашего овина ночью шлялся...

— Можетъ и шлялся, почему я знаю?.. Я не сторожу по ночамъ...

— Да ты сторожить-то не сторожишь, а больно рано нынче по утрамъ-то встаешь... Ни свѣтъ, ни заря тебя на гумнѣ видѣли...

— Такъ, можетъ, не заспалось... и встала... Не велика напасть: рано утромъ встала да на гумно вышла. Видно, это и раньше встала, коли меня видѣлъ.

— Да не въ томъ напасть, дѣвушка, что рано встаешь, а въ томъ, за какимъ дѣломъ идешь, да чтѣ добрые люди говорятъ...

— А пущай говорятъ, чтѣ хотятъ: всѣхъ не переслушаешь... Поговорили бы со мной: я бы ротъ-то замазала...

— Не замажешь, дочка, коли хвостъ не чистъ... И опять чтѣ говорятъ. Вонъ Коробиха-то приходила да на повой направилась... Такъ матери-то эти разговоры слушать не очень-то ласно. И опять то сказать, дочка: я тебѣ мать, а не потатчица... Ты хоть разговорку-то эту и бойко со мной ведешь, а я ужъ вижу по всему, что слухъ-то не даромъ про тебя про-

шелъ... Хоть ты у насъ одна, да и мать-то у тебя одна: такъ ты бы ужъ лучше матери-то повинилась, воли грѣхъ попуталъ... Мы тебѣ не злодѣи: лучше матери-то никто не поворуетъ...

У Татьяны вдругъ навернулись на глазахъ слезы. Она бросилась къ матери на шею.

— Матушка болѣзная, доняла ты меня... Кажись, ни слова бы не молвила, кабы стала ты меня бить да тиранить... А ужъ теперь винюсъ тебѣ... Приврой ты мой стыдъ... Округлите что ли съ кѣмъ-нибудь...

— Экая ты озорная дѣвка, безстыжая, Татьяна: хоть бы ты не съ женатымъ-то... Не нашла ты холостого-то, да получше... хоть бы не съ такимъ плутомъ, пропойцей, связалась-то... Нешто на ласы-то да балясы его польстилася, такъ, кажись, нечего: ты сама на нихъ мастерица... А онъ, поди, чай, на всѣхъ перекресткахъ похваляется, да бахвалится тобой, по всему свѣту хорошую на тебя помолвку пускаетъ... Въ немъ стыда-то да совѣсти немного: ему ротъ не замажешь... Знаю я его... Онъ и женѣ-то своей прямо скажетъ, что съ тобой гулялъ: небойсь, и жены не пожалѣетъ... Ему что? ему все равно... Ахъ ты, Танюха, Танюха!.. Экого сокола выбрала... Ну, какъ я отцу-то скажу про это?.. Вѣдь онъ не мать... Онъ спасибо не скажетъ... Подумала ли ты о своей головушкѣ?..

Татьяна, молча и отворотась въ сторону, слушала всю эту длинную рѣчь. При послѣднихъ словахъ она вдругъ повернулась къ матери: глаза ея, до сихъ поръ подернутые слезой, вдругъ высохли и загорѣлись сердитымъ огнемъ.

— А я вотъ что, матушка, о своей головѣ одумала... За что я Илюшку полюбила—про то я одна знаю... Пускай онъ плутъ, пускай пьяница, а нѣтъ мнѣ лучше его... Любовь мнѣ онъ... Ужъ воли не умѣла концы спрятать: воли прознали люди про нашу любовь... значить, такова моя судьба: надо съ милымъ дружкоймъ разставаться, за постылаго подъ вѣнецъ идти... Мужа съ живой женой не разведешь... Пришло вамъ мнѣ суженаго выбирать... свой стыдъ, а мой грѣхъ покрывать... Кого выберете, за того и пойду, супротивничать родителямъ дѣвкѣ нельзя... Да я за свой грѣхъ и не стану... Съ кѣмъ поставите подъ вѣнецъ, съ тѣмъ и стану... Мнѣ все едино... Согрѣшила, погуляла на свою дѣвичью волю; теперь ваша власть: выбирайте съ кѣмъ мнѣ жить коротать... А только вотъ что, матушка, молвлю я тебѣ, а ты батюшкѣ скажи: коли станете вы меня срамить, да попрекать, да тиранить, хорошаго не будетъ... Что ни на есть надъ собой

сдѣлаю... А вы лучше окрутите меня поскорѣй, съ кѣмъ хотите... Вотъ вамъ и весь мой свазъ...

Матрена Поликарповна недовольно покачала головой и вдругъ не нашлась даже что и возразить дочери.

— Не для ради тиранства, а для науки, поучить бы тебя надо, Татьяна, — сказала она, подумавши: больно уже ты озорна, да безстыжа стала... Да ужъ за поворство твое буду просить отца простить твой грѣхъ... Только смотри: ты ужъ хоть пообщайся мнѣ, что теперь-то не станешь бѣгать къ Илюшкѣ...

— Не стану!.. — рѣшительно отвѣтила Татьяна, отворотясь отъ матери.

— Хотъ бы ты поклонилась матери-то въ ноги, хотъ бы прощенья попросила за свой грѣхъ... Неужто у тебя нѣтъ ни стыда, ни совѣсти?

Татьяна встала и молча поклонилась матери въ ноги.

— Ужъ за поворство за твое и я тебя ругать не стану... Помни же, что общала!.. — проговорила Матрена Поликарповна, и вышла изъ свѣтелки. Она знала смѣлый и неуступчивый характеръ дочери; знала, что съ нею ссорой да бранью ничего не сдѣлаешь — и была довольна уже и тѣми вѣшними знаками покорности, которые почти выпросила у дочери.

Ночью у Матрены Поликарповны была секретная бесѣда съ мужемъ. Она все рассказала ему.

— Экой разбойникъ, экой мошенникъ! — гнѣвался Дмитрій Петровъ на Илью. — Весь родъ ихъ этакоею поганой. Вотъ и отецъ-то: какой капиталъ важный имѣлъ — много ли осталось?.. А Илюшка-то и остатки промтарить, совѣмъ, смотри, прогорить... къ конецъ... по міру пойдетъ!.. А Таньку надо постегать хорошенько... Вотъ что...

— Ну что ты стеганьемъ возьмешь... Она дѣвка характерная: съ ней бѣды только наживешь, — коли крѣпко за нее взяться... Да и что теперь: хошь стегай, хошь истирань всю, ужъ все одно — не поможешь...

— А ты чего же прежде-то смотрѣла!

— Э-эхъ, Дмитрій Петровичъ, развѣ за дѣвкой усмотришь... Наша Танька умная; а не то что за ней, за послѣдней душой, какова есть дура-дѣвка по деревнѣ, такъ и за той въ этомъ дѣлѣ не доглядишь: всякаго проведеть... Вѣдь не на привязи же ее, въ самъ дѣлѣ, али не за замкомъ держать.

— Знаю, ужъ ваша сестра, коли непутная которая, такъ ужъ ты ее ничѣмъ не отвадишь...

— Такъ вотъ то-то и есть... А ужъ и Танюхины годы такіе

пришли... Позасидѣлась она у насъ въ дѣвкахъ-то... Самн мы виноваты: давно бы пора ее замужъ выдать... Нечего бы сватовъ-то ждаты; а самимъ бы надо женишка ей поискать... Намъ же не въ люди ее отдавать, а надо къ себѣ въ домъ принять, такъ самимъ бы и поискать... Пускай хоть и не изъ богатой семьи, да чтобы паренекъ-отъ смиренный, чтобы и у тебя въ послушаны былъ... и съ нея чтобы не больно спрашивалъ...

— Да ужъ и мнѣ, признаться, одному-то трудненько приходится... Чего бы лучше, какъ бы подъ рукой-то свой человекъ былъ: и послать куда съ товаромъ, и все такое... и по дому присмотрѣть... И знамо, первое дѣло, чтобы смиренный былъ, да непьющій... У меня, правда, и на слуху есть парень-то, въ Мандурахъ, Сажины: очень одобряютъ, и грамотный, говорятъ... А намъ, въ нашему дѣлу, грамотный человекъ дорогого стоить: и прочитать что, и записать...

— Да ужъ это на что бы лучше... Такъ чего же, отецъ, думать-то... Вотъ бы и разузнать хорошенько... Семьи-то хорошей?.. На знати семья-то у тебя, отца-то знаешь, али нѣтъ? Парень-то каковъ изъ себя?..

— Никого не знаю, никого еще не видалъ... А такъ разговорка разъ была у меня съ Демьяномъ, знаешь, изъ Мандуровъ: пряжу я у него бралъ, такъ зашли въ трактиръ чаю напиться... Они сродни Демьяну-то, такъ онъ сказывалъ: семья, говорить, смиренная, а большая — нуждаются... А парень, говорить, чудесный, смиренный и начетчикъ... Въ церкви на крылосу поетъ и дома, говорить, какъ праздникъ, развернетъ, говорить, псалтырь и въ голось такъ и читаетъ...

— Ахъ, отецъ, такъ это чудесно... это бы надо парня-то посмотреть... Что же ты мнѣ ничего не сказалъ до сей поры?..

— Да и изъ ума вонъ совсѣмъ. Тутъ съ пряжей-то, да долго ее ѣздилъ собиралъ, и забылъ совсѣмъ, теперь вотъ только вспомнилъ.

— Такъ надо бы съѣздить, отецъ, разузнать, чтобы намъ къ осени-то, воли Богъ на сердце положить, да лады дать, — и свадьбу бы сыграть...

— Время-то больно теперь не такое: самая горячая работа подходитъ.

— Что дѣлать-то, отецъ... Ужъ согрѣшили, такъ надо какъ-нибудь хлопотать поскорѣе... Самому некогда, ну такъ хоть съѣзжу въ Мандуры-то, такъ ровно бы за какимъ дѣломъ, въ базарный день: разузнаю все... Что же, вѣдь не Богъ знаетъ что, хоть и двадцать-пять верстъ... съѣзжу! А мнѣ еще то и

мысли, что парень-то не здѣшній, а дальній: по теперешнему-то нашему горю все лучше, не на слуху... А здѣшніе-то, смотри-ка теперь: скоро всё въ голосъ закричатъ, чужому-то горю всякій радъ...

— Ладно, пожалуй, съѣзди... — проговорилъ, зѣвая Дмитрій Петровъ. — А надо бы эту Таѣнку постегать... хоть бы для памяти... Озорница экая...

— Ну, отецъ, ты этого и не затѣвай... только срамъ одинъ, лузе... Ужь произнеси на себѣ... Что дѣлать-то?..

Но Дмитрій Петровъ своимъ храпомъ далъ знать женѣ, что онь спитъ. Матрена Поликарповна, лежа около него, долго ворочалась и не могла уснуть, обдумывая предстоящую поѣздку въ Мандуры.

II.

Матрена Поликарповна принялась за розыски жениха и за ставство съ ретивостью, свойственною всёмъ замужнимъ крестьянскимъ женщинамъ. Для нихъ нѣтъ дѣла болѣе пріятнаго, болѣе интереснаго и увлекательнаго, какъ свадьба со всѣми ея подробностями: для Матрены Поликарповны это любезное дѣло сопровождалось еще особенной прелестью таинственности, хитрыхъ подходовъ, въ которыхъ она должна была прибѣгать, чтобы разузнать о будущемъ своемъ зятѣ и объ его семьѣ всю подноготную.

Мандуры—село небольшое, но съ еженедѣльнымъ базаромъ. Это дало Матренѣ Поликарповнѣ поводъ отправиться въ него въ одинъ изъ базарныхъ дней, подъ предлогомъ продать нѣсколько шерсти и скупить пряжи. Она очень хорошо знала, что дѣлается зимою, раннею весною и поздней осенью, а не въ настоящую рабочую пору, послѣ Петрова дня; но другого предлога для объясненія своей поѣздки придумать не могла, а надо же было какъ-нибудь сказать сосѣдкамъ на вопросъ: куда? да зачѣмъ ѣздишь? Матрена Поликарповна наравнѣ съ мужемъ занималась торговлей, когда позволяло домашнее хозяйство: скупала пряжу, продавала ее въ точку на холсты и полотна, которыя потомъ и продавала; значить, выѣзды ея изъ дому по торговому дѣлу не могли ни въ комъ возбудить особаго вниманія.

Въ Мандурахъ Матрена Поликарповна, какъ слѣдуетъ, выѣзжая на базаръ, заняла мѣсто съ своей телѣгой, отпрягла лошадей, привязала ее сзади, выложила наружу въ телѣгѣ для виду нѣсколько холстовъ, и сама сѣла возлѣ нихъ, не ожидая

покупателей и продавцовъ, но высматривая какого-нибудь знакомаго человѣка, съ которымъ можно бы было рѣчь повести о нужномъ дѣлѣ. Не долго ждала она; къ ней скоро подошелъ тотъ самый Демьянъ, о которомъ говорилъ въ ночной бесѣдѣ Дмитрій Петровъ. Его-то больше всего и хотѣлось повидать Матренѣ Поликарповнѣ, и она очень обрадовалась этой встрѣчѣ; но и виду не показала. Демьянъ человѣкъ знакомый и не всякой: хоть и не богатъ, а все маленькая копѣйка водится; маклачилъ онъ пряхей, скупалъ ее у бабъ по мелочи и потомъ перепродавалъ крупнымъ покупателямъ, въ числѣ которыхъ считался и Дмитрій Петровъ: это-то ихъ и познакомило.

— Матренѣ Поликарповнѣ! — сказалъ онъ подходя. — Какими такими судьбами?

— А вотъ новинишекъ осталось: заваялись... Около-то насъ всѣ ужъ накупились, такъ и надумалъ большакъ-то: съѣзди, чу, въ Мандуры — не продашь ли тамъ. Да и пряжи купишь, коли попадетъ: можетъ, у кого тоже заваялась отъ весны-то...

Демьянъ сейчасъ смекнулъ, что тетка Матрена не за тѣмъ прѣѣхала, ибо очень хорошо зналъ, что въ лѣтнюю пору ихняго товара ни купить, ни продать нельзя; но тоже и вида не показавъ, что не повѣрилъ Матренѣ.

— Ну, давай Богъ тебѣ купить и продать поскладнѣе да повыгоднѣе... Чай, ночуешь здѣсь: я бы тебѣ товарца-то поискать да показалъ...

— Нѣтъ, ночевать-то бы мнѣ неохота: время-то, знаешь какое; тоже работа въ полѣ, лошадь-то больно нужна дома...

— Эка, такъ тебѣ бы надо ее хоть на дворъ поставить по кормиться-то, а то что здѣсь на жарѣ да мухахъ стоитъ: какъ ѣда... Тоже дорога до васъ не ближняя, чай, пристала...

— Да у меня знати-то тутъ никого нѣтъ: не вѣду, куда поставить-то...

— Ко мнѣ бы, по знакомству, да только-что изба-то мнѣ въ отдаленности отсюда: на вскраю живу... Да постой-ка, у меня свать здѣсь есть: Сажины прозываются... Вотъ тутъ недалече и изба-то ихняя... Къ нему и поставимъ.

«Экой мужикъ умный», подумала про-себя Матрена, «счасъ дѣломъ смекнулъ, что надо: и видно, что торговый человекъ!» — Сажиныхъ-то ей и нужно было, для нихъ-то она и Мандуры ѣхала.

— Какіе это Сажины? — спросила она вслухъ. — Ничто я ихъ и не слыживала...

— Не сумлѣвайся, тетка Матрена, мужикъ степенный,

ботищій... Семья только его съѣла: хода не даетъ, да и самъ-то вдовъ, а то бы онъ, куда тѣ!—отъ людей бы не отсталъ... Вотъ сыновья-то стали подростать, такъ и онъ поправляться началъ: старшаго-то женилъ о запрошломъ годѣ, а второй ужъ тоже женихъ... Семень... Ахъ, какой пречудесный парень: такой смиренный, ровно дѣвка... И грамотный... Подижь ты вотъ, старикъ-отъ какой: даромъ, что экая семья, а сына грамотѣ обучилъ...

— Ахъ, почтенный, стало-быть, человѣкъ... умный!.. А матери-то нѣтъ?..

— То-то нѣтъ, вдовъ: года три ужъ побывшилась... Ну, а за вдовца при малыхъ дѣтвахъ кто поидеть, сама ты подумай: такъ безъ хозяйки цѣлый годъ и жилъ. Вотъ ужъ теперь сноху-то взялъ, такъ она и большничаетъ... Да что говорить: люди первый сортъ, вся семья... Не сумѣвайся, тетка Матрена... пристань, за постой ничего не возьмутъ — не бойся!.. Я говорю, хоть лошадь-то передохнетъ маленько въ тѣньѣ-то...

— Да я очень благодарна, только бы какъ... потому люди незнакомые...

— Говорю, не сумѣвайся: съ полнымъ удовольствіемъ! не взыщи только: тѣмъ богаты... Ты постой-ка тутъ, а я сбѣгаю только, узнаю: есть ли кто въ избѣ-то... Да коли котораго парня захвачу, такъ и приведу: онъ тебѣ и лошадь отведетъ...

— Покорно тебѣ благодарю за твою ласку и неоставленіе...

— Ну-ка, полно, Матрена Поликарповна: кажись, на знати люди... Дмитрій-то Петровъ почитай одинъ всю пряжу у меня собираетъ... Можетъ, когда и не оставитъ: и деньжонками ссудитъ подъ пряжу, особливо, какъ ежели Богъ дастъ...

Но Демьянъ спохватился и не докончилъ словъ, которыя были бы теперь еще очень преждевременны и неприличны.

— Такъ ты побожди, Матрена Поликарповна,—продолжалъ онъ.—Я минутой сбѣгаю, а ты тѣмъ часомъ на базарѣ-то погуляй: можетъ и товарцу поприсмотришь, али купецъ какой набѣжитъ... у тебя что купить...

Демьянъ ушелъ, а Матрена Поликарповна думала про себя: «ужъ, видно, такое это Божье произволеніе! Надо же такъ быть: какъ приѣхала, такъ и Демьяна встрѣтила... И парень-то грамотный, а Дмитрію Петровичу куда какъ хотѣлось грамотнаго-го зятя... Да ужъ и на что же лучше по нашему положенію: парень не балованный, смиренный, выросъ не въ богатствѣ, работничій да еще и грамотѣ знаетъ... Надо Господа благодарить, если дѣло сдѣлается... Вотъ только большака самого, да домъ

посмотрѣть... А тутъ и сватовъ посылать... Эхъ, Танюха, Танюха, еще Божіе милосердіе къ намъ грѣшнымъ велико: ну-ка, и изъ чужой стороны, ничего не знаетъ, и человекъ-отъ хорошій, смиренный...»

Среди такихъ размышленій Матрена Поликарповна замѣтила еще издали Демьяна, который шелъ по направленію къ ней въ сопровожденіи молодого парня. Тетка Матрена сейчасъ смекнула, что Демьянъ вель жениха, и стала внимательно всматриваться въ него.

— Хозяева милости просятъ, Матрена Поликарповна, — сказалъ Демьянъ, подходя. — Вотъ Сеня тебѣ лошадь-то запряжетъ и отведетъ на дворъ вмѣстѣ съ возомъ... На базарѣ-то, видно, ужъ нечего ждать: расходится... Да и базаришко-то былъ дрянной, народу-то совсѣмъ нѣтъ никого...

Семень поклонился Матренѣ Поликарповнѣ. Это былъ молодой парень, высокій, худощавый, смугловатый, съ длиннымъ блѣднымъ лицомъ, на которомъ торчала маленькая борода и какъ-то полусонно смотрѣли большіе черные, глубоко вдавшіе глаза. На первый взглядъ онъ казался недуренъ собою, но имѣлъ видъ какъ-будто запуганнаго и пришибеннаго; добродушно-глуповатая улыбка не сходила съ его красивыхъ губъ. Очевидно на показъ и второпяхъ онъ надѣлъ праздничный синій кафтанъ сверху грязной, обыденной рубахи. Семень, по своему внѣшнему виду, сразу понравился Матренѣ Поликарповнѣ. Она съ охотою согласилась, чтобы онъ запрегъ въ телѣгу ея лошадь и втихомолку наблюдала, какъ онъ это дѣлалъ. Расторопный дядя Демьянъ, помогавшій Семену, успѣлъ и въ этомъ отношеніи откомендовать его будущей тещѣ съ самой выгодной стороны: лошадь была мигомъ запряжена, и Семень съ возжами въ рукахъ уже сидѣлъ на передкѣ.

— Присядете, тѣтенька, али пѣшкомъ дойдете? — спрашивалъ онъ Матрену Поликарповну.

— Поѣзжайте, любезнннкій, шажкомъ, а мы съ дядей Демьяномъ за вами поидемъ. Ужъ оченно мнѣ совѣстно на вашей ласкѣ...

— Ничего, тѣтенька... Пожалуйте, милости просимъ.

Телѣга тронулась.

— Пречудесный парень! — говорилъ Демьянъ, мигая на Семена.

— Да, должно быть тихій...

— И-и... одно слово: красная дѣвка... А работникъ какой, для дома... Пословный парень...

Изба Семенова отца произвела на Матрену Поликарповну весьма неблагоприятное впечатлѣніе: она носила на себѣ всѣ признаки бѣдности, недостаточности и даже безхозяйственности владѣльцевъ. Крыша на дворѣ раскрыта, крыльцо гнилое, пошатнулось, разбитое окно заткнуто тряпицей—все это мозолило глаза богатой и заботливой хозяйки, какою была Матрена; но зато въ избѣ ее встрѣтила вся семья съ такимъ почтеніемъ, внимательностью и угоженіемъ, что дурное впечатлѣніе скоро изгладилось. «Что же дѣлать съ бѣдностью-то», думала Матрена, «она не все отъ человѣка, бываетъ и отъ Бога: не дастъ Богъ счастья, такъ ничего не подѣлаешь. А они люди добрые, простые, радѣльные такіе!.. Да, вѣдь, и не въ этой же избѣ жить Танюшкѣ: славу Богу, въ своей прожить».

Разговоръ шель все о вещахъ постороннихъ: объ урожаѣ, повинностяхъ, о попѣ, о торговлѣ, о семьѣ, изъ которой взята сноха, и только мимоходомъ коснулся лѣтъ Семена и его грамотности. Семень почти вовсе не принималъ участія въ разговорѣ, и на вопросы, прямо къ нему обращенные, отвѣчалъ коротко и скромно, что очень понравилось Матренѣ.

Послѣ двухчасового пребыванія, въ душѣ ея сложилось окончательное убѣжденіе, что Семень—суженый Татьяны. Прощаясь, она сдѣлала даже тонкій намекъ на это.

— Прощайте, Сидоръ Спиридоновичъ, — говорила она отцу Семена. — Покорнѣйше благодарю на привѣтѣ и ласкѣ вашей. Напередки не оставьте. Хоть и далеко живемъ, а всяко бываетъ... Гора съ горой не сходится, а промежь людей мало ли что бываетъ: и чужіе роднѣ родныхъ прилучаются... Къ намъ милости просимъ: Богъ дастъ, путь-дорога лежать будетъ въ нашу сторону... Просимъ милости: не оставьте...

Демьянъ и Семень провожали Матрену Поликарповну до самаго выгона, и она очень любезно распрощалась съ женихомъ.

— Ну, теперь смотри, скоро сватовъ пошлемъ, — сказалъ Демьянъ Семену, оставшись съ нимъ наединѣ. — Счастливъ ты, Семень: у Дмитрія-то Петрова деньжищъ этихъ лопатой не проворотишь... Да и дѣвка-то—король...

Семень ослабилъ.

— Что же не кланяешься, не благодарствуешь мнѣ?.. Али не чувствуешь?..

— Чего не чувствовать, дядюшка Демьянъ... Завсегда долженъ чувствовать...

— То-то же! Смотри, женишься, чтобы завсегда я былъ пер-

вымъ гостемъ... А когда нужда, на оборотъ и деньжонокъ дай... Крѣпонецъ Дмитрій-то Петровъ, а все ты замѣсть сына у него будешь: дочь-то одна... Все онъ долженъ тебя къ дѣлу своему приспособить, все деньги въ рукахъ будутъ... Вотъ ты завсегда дядю Демьяна и помни, что который все твое благополучіе могъ тебѣ предоставить...

— Буду помнить, дядюшка Демьянъ.

— То-то, смотри...

III.

Послѣ секретнаго разговора съ женою, Дмитрій Петровичъ, при встрѣчѣ съ дочерью, не вступая ни въ какія объясненія, ограничился только очень воротенькимъ внушеніемъ:

— Ты что выдумала, озорница, а?..—сказалъ онъ Татьянѣ.— Возжами бы тебя нужно за это... Ишь ты!.. Ты гляди у меня, чтобы и духа этого больше не было... Безстыжіе глаза!.. Кто тебя теперь возьметъ экую?.. Слышь, чтобы и званія и духа того не было около тебя... и близко не подпущай его къ себѣ... А то изобью...

Татьяна молча, насупившись и отворотясь, слушала отца и ждала, что онъ примется ее бить; но Дмитрій Петровъ ушелъ изъ избы, только крѣпко хлопнувъ дверью, и затѣмъ считалъ всѣ свои обязанности, какъ отца, исполненными. Онъ былъ человекъ неразговорчивый и безучастный ко всему, кромѣ прибытка. Самъ себѣ составивши состояніе, онъ только и думалъ, только и заботился, что о сохраненіи и увеличеніи его: стремленіе къ наживѣ поглотило всего его безраздѣльно. Живя ладно съ женою, имѣя только одну дочь, онъ никогда не обижалъ ихъ, не отказывалъ ни въ чемъ нужномъ, давалъ имъ полную свободу; но ни жена, ни дочь не видали никогда отъ него ни особенной заботы о себѣ, ни тѣмъ болѣе ласки. Онъ не былъ ни золъ, ни эгоистъ, но и не жилъ для семьи своей: на базарѣ, въ торговлѣ, за своимъ дѣломъ — вотъ гдѣ была его настоящая жизнь; здѣсь онъ былъ и веселъ, и разговорчивъ, и оживленъ; домой онъ приходилъ только ѣсть и спать.

Дочь ничего къ нему не чувствовала: ни любви, ни привязанности, но признавала за нимъ право взыскивать и наказывать, и всегда ждала отъ отца скорѣе брани и побоевъ, чѣмъ ласковаго слова, хотя не видала и не слышала ни того, ни другого. Какъ ни была смѣла и бойка Татьяна, но отца она побаивалась. Оставшись одна послѣ его угрозы, она задумалась.

«Вотъ, теперь всѣ узнали», думала она. «Прощай, мой Илюшенька-голубчикъ, прощай, удалая головушка. Не много мы погуляли съ тобой, своей волюшкой потѣшились; разведуть насъ теперь по угламъ: тебѣ съ женой постылой жить, меня окружать съ немилымъ мужемъ мыкаться... А и разбойникъ же этотъ Илюшка: ровно ворожкой какой приворожилъ меня. Вѣдь, не писанный же онъ, и знаю, что женить мужъ, а такъ бы я все на него и смотрѣла, такъ бы все его рѣчей и слушала... Ни стыдобушки, ни зазорушки мнѣ нѣтъ передъ нимъ... Ужь сказала, что не стану съ нимъ водиться, такъ не стану; а хотъ разоѣкъ еще одинъ да повидаю его, разбойника, хотъ въ глаза его плюну безстыжіе за то, до чего онъ меня, дѣвку, довель, что люди всѣ пальцами показываютъ, да на смѣхъ поднимаютъ; хотъ попрекну, что отъ живой жены за дѣвкой бѣгаетъ и концовъ хоронить не умѣетъ. Вотъ, пускай теперь, злодѣй, знаетъ, что пойду замужъ не по выбору, а за кого велеть... Ужь хотъ наплачусь, да и наругаюсь надъ нимъ, супостатомъ: не замай дѣвкина сердца, не привораживай, коли взять за себя нельзя... Ну-ка, и самъ-дѣлъ первая а дѣвка была на всю округу, какой бы парень самый наилучшій на меня не польстился, а онъ, разбойникъ, ну-ка, что со мной сдѣлалъ... И чѣмъ онъ, чѣмъ только къ себѣ привораживалъ?.. Куда у меня разумъ-то дѣлся, чѣмъ онъ языкъ-отъ мой рѣзвый припечаталъ, чтобы обрить, оборвать его, насмѣшника, чѣмъ онъ силу изъ меня вынялъ, чтобы не идти мнѣ, дѣвкѣ, къ нему, когда звалъ, чтобы руки ему обломать, когда обнялъ впервой... Нѣтъ, вѣдь, сами ноженьки бѣжали къ нему, сами рученьки держали его, самъ языкъ слова говорилъ ласковыя, небранчивыя, а сердечушко при немъ, разбойникѣ, то застынетъ совсѣмъ, то воспыхнетъ, ровно ни вѣсть радость какая вмѣстѣ съ нимъ прилетѣть... Погоди-жъ ты, супостатъ, живи-жъ ты теперь съ нелюбой женой, пускай она тебѣ твои космы чешеть, пускай она тебѣ сладкія рѣчи говоритъ, ей свои шутки шути, свои прибаутки рассказывай, съ ней и въ хоровахъ ходи, съ ней и пѣсни пой...»

Татьяна совсѣмъ притихла, сѣла за точку и почти никуда не выходила изъ дому. Настоящая причина отъѣзда матери въ Мандуры была ей неизвѣстна, но она, конечно, не вѣрила, что мать ѣдетъ туда ради торговли, и догадывалась, что дѣло идетъ объ ея сватовствѣ. Когда мать уѣхала, первою мыслью Татьяны было воспользоваться ея отсутствіемъ для послѣдняго свиданія съ Ильею. Матрена Поликарповна поѣхала съ ночи, чтобы къ утру поспѣть на базаръ, отецъ присматривать не станеть; слѣдовательно, от-

лучиться изъ дома было очень удобно. «Но какъ дать знать Ильѣ, какъ вызвать его изъ избы?—думала Татьяна, сидя ночью у раскрытаго окошка своей свѣтелки. На улицѣ было все тихо, только ржали лошади, пасшіяся на скошенныхъ гумнахъ, да перекликались изрѣдка пѣтухи. Вдругъ Татьяна услышала, что ее кто-то снизу, съ улицы, назвалъ по имени. Она высунулась изъ окна и въ тѣни, въ углу дома, съ трудомъ разсмотрѣла прижавшуюся фигуру человѣка, въ которомъ тотчасъ же узнала Илью.

— Экой злой духъ,—подумала Татьяна,—точно кто ему сказалъ. Вотъ мужикъ-отъ... Ровно ножъ вострый въ сердце...

— Выйдешь, аль нѣтъ?—прошепталъ тотъ же голосъ.

— Нишени... Сейчасъ...—также тихо отвѣчала Татьяна.

Босая, неслышнымъ шагомъ, несмотря на свое дородство, спускалась Татьяна съ крыльца, и еще не сошла съ послѣднихъ ступенекъ, какъ ее обхватили руки вывернувшагося изъ-за стѣны Ильи.

— Лапушка!—приговаривалъ онъ, снимая Татьяну съ крыльца и собираясь ее поцѣловать; но Татьяна съ силой вырвалась и оттолкнула его отъ себя.

— Что ты?—спросилъ удивленный Илья.

— Нишени... Иди сюда...—проговорила Татьяна, пробираясь около стѣны дома и двора.

Илья шелъ вслѣдъ за нею.

Когда они дошли такимъ образомъ до самаго укромнаго и скрытаго отъ чужихъ глазъ мѣста, между полѣнницами дровъ, стоявшихъ сзади двора, Татьяна остановилась. Илья бросился было къ ней съ ласками, но она опять сурово оттолкнула его.

— Да что ты, Танюха?—спросилъ опять вновь озадаченный Илья.—Со сна что-ли сердита?

— Не цѣловаться я съ тобой пришла, не миловаться: на то время прошло, другъ сердечный... Посчитаться я съ тобой хочу: зачѣмъ ты, чужой мужъ, меня, дѣвку, съ пути сбиль, зачѣмъ на-смѣхъ людямъ пустилъ? Зачѣмъ меня въ сухоту вогналъ?..

— Да что? Али что подѣлалось?

— Что подѣлалось — ты самъ давно знаешь... только объ этомъ рѣчей у насъ съ тобой не было. А вотъ, теперь время пришло и рѣчь о томъ завести... Всѣ люди про нашу любовь прознали: до матушки съ батюшкой довели... Была я дѣвка первая, стала черезъ тебя, разбойника, послѣдняя... Теперь мнѣ

женыха ищутъ: найдутъ, не спросятъ: любь ли? силкомъ отдадутъ дѣвку гулящую...

— А ты не ходи, коли не любь...

— Да любой-то мой чужезенинь мужь... Приворотникъ-то мой — злодѣй мой проклятый. За него что-ли я пойду? Ну-ка, молви, безстыжіе глаза!..

— Такъ, али ты впервой узнала, что я чужезенинь мужь... Кажись, не чужой деревни, въ одной живемъ... Не силкомъ бралъ, но любви сошлись...

— Я-то знала, да про любовь-то нашу люди не знали... Силкомъ-то меня взять мало кто возьметъ, да любовь-то моя съ чего ко мнѣ пристала? Вотъ ты что мнѣ молви: съ зелья-ли, съ приворота-ли, али съ обхода какого?

— Съ удали молодецкой, съ припѣвки моей, да съ присви-сту—вотъ съ чего, Танюша...

— А ты не замай, не трожь, тебѣ говорить. Не за тѣмъ пришла... Тебѣ ласы точить да бахвалиться, а мнѣ горе горевать да плакаться: такъ не такая я, парень, дѣвка... Коли не умѣлъ отъ людского глаза уберечься, коли далъ прознать людямъ про нашу пробывку полюбвную, про мой стыдъ, что съ мужикомъ женатымъ связалась, коли приходится мнѣ теперь замужъ идти за немилаго, такъ не тѣшиться же и тебѣ моей красотой... Былъ у тебя свѣтъ въ глазахъ, была Танюха, что ни на есть первая дѣвка, хоровадница, пѣсельница, а теперь нѣтъ про тебя ее, а есть про тебя одна жена немилая, плаксивая, слюнявая... Ступай къ ней, а здѣсь тебѣ нѣтъ череда... Слышалъ?..

— Такъ-то, Татьяна Дмитревна...—проговорилъ озадаченный, неождавшій такой выходки Илья.

— Такъ-то, Илья Кузьмичъ... Уходи, проваливай.... Поищи другой экой-то дѣвки: коли найдешь, приходи похвастаться... Коли угодила я своей рѣчью тебѣ подъ сердце, такъ мнѣ и лучше не надо... слаще мнѣ это меда... Счастливо оставаться!..

Татьяна пошла прочь отъ Ильи. Онъ нагналъ и схватилъ ее за руку.

— Не трожь, а то на всю деревню закричу: всѣхъ перебулгачу...—громко сказала Татьяна, вырывая свою руку.—Подъ къ женѣ: на что лучше своя, законная...—прибавила она со злобнымъ смѣхомъ, ускоряя шаги къ дому.

— Татьяна Дмитревна, да что-жь ты и самъ-дѣлѣ... Чтожь ты монхъ-то рѣчей не хочешь выслушать...—говорилъ Илья, слѣдуя за ней.

— Свои-то рѣчи ты женѣ побереги, да и мои перескажи:

вотъ, молъ, дѣвка какая, не разлучница, сама милаго друга прогнала отъ себя, къ женѣ спать послала...

Татьяна подходила къ крыльцу. Илья опять хотѣлъ остановить ее.

— Таня, лапушка, да постой...

— Миндали-то эти ты женѣ разводи, а мнѣ до тебя никакого дѣла нѣтъ... Проваливай... Отстань, надсадникъ ты мой окаянный... При послѣднихъ словахъ въ голосъ Татьяны слышались слезы, но она съ такой силой толкнула Илью, который было ее обнялъ, что тотъ едва устоялъ на ногахъ, и быстро, безъ всякой уже осторожности, взбѣжала на крыльцо, и захлопнула за собою сѣнную дверь.

Придя въ свѣтелку, она бросилась на лавку и на-взрыдъ заплакала.

Илья нѣсколько минутъ постоялъ около крыльца, почесался, выругался, и пошелъ домой.

IV.

Матрена Поликарповна подробно сообщила мужу о результатахъ своей поѣздки и своихъ наблюдений.

— Мнѣ очень пришлося по мысли паренекъ-то,—заключила она:—такой смиренный, поклончивый...

— А пуще всего грамотный: это-то вотъ мнѣ ужъ очень любо...—замѣтилъ Дмитрій Петровъ.

— Ну, и самъ-то старикъ ничего, человекъ разсудительный... Конечно, бѣдность у нихъ, недостатки, да, вѣдь, это какъ кого Богъ наградить... А по-моему, изъ бѣдной-то семьи намъ лучше еще взять: больше въ глаза будетъ смотрѣть, больше станеть слушаться: знаетъ, что все у тестя да у тещи въ рукахъ... И родня-то все ужъ больше будетъ съ почтеніемъ да съ угожденіемъ.

— Такъ что же, надо коли хлопотать...

— Надо, надо, Дмитрій Петровичъ: ни искать другого, ни думать нечего... Парень подходящий!.. нечего сказать!.. Вотъ, смотри, дядя Демьянъ, онъ мужикъ догадливый, онъ домекнулъ дѣломъ-то, смотри, гдѣ-нибудь да ужъ до тебя дотолкнется и рѣчь заведетъ насчетъ этого, такъ ты его больно-то и не отваживай, тянуть-то нечего, а такъ молви слово, что, молъ, у насъ въ дому двери для добрыхъ людей не заперты, завсегда милости про-

спя... Обо всякомъ, молъ, дѣлѣ говорить надо, помолвившись да подумавши...

Но Дмитрію Петровичу не пришлось искать и долго ждать вступчи съ дядей Демьяномъ. Въ первый же ближайшій праздникъ онъ самъ явился прямо въ домъ къ Дмитрію Петрову. Матрена, завидя его, тотчасъ же удалила изъ избы Татьяну, и послала разбудить и позвать спавшаго мужа.

— Вотъ, Матрена Поликарповна, не въ долгихъ и къ вамъ Богъ привелъ... Не осудите, — говорилъ, раскланиваясь, Демьянъ.

— Очень благодарна, милости просимъ. Дорогимъ гостямъ всегда рады... Али къ большаку насчетъ какихъ вашихъ дѣловъ?

— Да, то-есть, дѣльцо-то оно у меня, конечно... Наши торговни дѣла такія, что всегда объ нихъ разговоръ имѣть можно... Нѣтъ, тутъ я за долгишкомъ ѣздилъ вотъ въ Тропинское, да по сосѣдству и къ вамъ мимоѣдомъ... Гдѣ же Дмитрій-то Петровичъ?..

— Да онъ дома... Поди, чай, спать праздничнымъ дѣломъ на сѣновалѣ... Сейчасъ придетъ... Да чтой-то ты гдѣ сѣлъ, дядя Демьянъ, больно далеко... Садись поближе къ столу-то, честиѣе будетъ.

— Ужъ больно ты меня почѣстно примаешь, Матрена Поликарповна, больно высоко садись...—замѣтилъ лукаво Демьянъ, пересаживаясь къ столу подъ образами. — Господи благослови, кѣсто-то хорошо: вѣрнее бы мнѣ на немъ сидѣть, да съ той же честию уйти, съ коей пришелъ... Бываетъ тѣ не хорошо, Матрена Поликарповна, какъ гостя-то посадятъ высоко, а послѣ за рукавъ и выведутъ изъ избы-то...

— Это, вѣдь, Демьянъ... какъ васъ по батюшѣ-то?..

— Прохорычъ... — привставши и повлонившись отвѣтилъ тотъ.

— Это, Демьянъ Прохорычъ, отъ рѣчей бываетъ: какія кто рѣчи говорить... Коли рѣчи тѣ отъ гостя по мысли да по сердцу, такъ его не то что подъ Богомъ садятъ, а и угощеніе правятъ; а коли рѣчи не въ согласъ идутъ, такъ извѣстное дѣло: вьвалъ за рукавъ да и вывелъ...

— Это такъ, Матрена Поликарповна, вѣрно твое слово: коли я, бить, купецъ, и пришелъ къ тебѣ за товаромъ, а товаръ-то у тебя не продажный... ну, ты, стало-быть, мнѣ и отказъ предлагаешь: вотъ Богъ, а вотъ порогъ... Или хотъ онъ и продажный, да не по моей силѣ, и обидно тебѣ даже, что я съ немь-

той рожей язнулся и торговать-то его... Ну, стало-быть, тебѣ тоже рѣчей со мной тратить не приходится, а значить: за руку, да и вонь изъ избы... Это такъ вѣрно: тутъ и обижаться нечѣмъ, на все власть — воля Божія, Божіе положеніе... о томъ ему, Создателю, и молимся... Одинъ богатъ да умень... другой бываетъ и бѣденъ да счастливъ. Какъ кого Господь наградить... О томъ и я тебѣ благодарствую, Матрена Поликарповна, что ты насъ при нашей бѣдности и при нашемъ богачествѣ на большое мѣсто сажаешь... То-то и спрашиваю, крѣпко ли мнѣ будетъ сидѣть... Не обидѣть бы тебя... Такъ ли я говорю?..

— Счастье-то въ людяхъ, говорятъ, отъ ума живетъ, Демьянъ Прохорычъ: который человѣкъ и бѣдный, да наградить его Создатель разумомъ, онъ никогда никого не обидитъ, потому слова знаетъ умныя, и разговоръ такой поведетъ, что можетъ всякое дѣло себѣ на счастье поворотить... А у насъ съ мужемъ такой лады: умному человѣку завсегда большое мѣсто...

— На томъ покорнѣе благодаримъ, Матрена Поликарповна, что не обезсудила, первымъ рѣчамъ моимъ остуды не дала... а тамъ Богъ...

Въ это время въ избу вошелъ Дмитрій Петровичъ. Онъ былъ со сна, глаза красные, лицо потное, въ волосахъ торчало сѣно.

— А-а, Прохорычъ... Добро пожаловать...

Демьянъ церемонно раскланивался и уступалъ свое мѣсто хозяину.

— Садись-ка, садись... Что-же, хозяйка, самоварчикъ бы наставила. А я, братъ, соснулъ чудеснымъ манеромъ... на свѣженькомъ-то сѣнцѣ важно... Вотъ теперь чайку-то испить первый сортъ... Что-жъ, Поликарповна, наставь самоварчикъ-то для гостя...

Но Матрена даже не пошевелилась: ея лицо выражало не удовольствие. Дмитрій Петровичъ догадался, что еще разговоръ окончательнаго не было и что, слѣдовательно, угощать свата еще рано и неприлично.

— Ну что, какъ дѣла?—обратился онъ къ Демьяну.

— А что, Дмитрій Петровичъ, дѣла на свѣтъ всякія: и худыя, и хорошія... Кому какъ Богъ дастъ... Иной бьется-бьется а ничего не дается, а другому все въ руку...

— Знаю, все отъ Бога,—отвѣтилъ, зѣвая въ руку, Дмитрій Петровъ.—Надо больше Богу молиться; грѣшны мы, мало Богу то молимся...

— Иной и Богу-то молиться не умѣетъ... Хорошо какъ к...

въ грамоту ученъ, тому хорошо: развернулъ Божию книгу, да и читай... Его и Богъ скорѣй услышитъ...

— Это вѣрно...

— Вотъ у Сажиныхъ, ты, Матрена Поликарповна, видѣла, оба парня-то хороши, и старшій, и меньшей, и разумъ-то у нихъ ровный, а меньшей-то завсегда верхъ возьметъ, потому грамотный: въ церковь ли пришелъ—сейчасъ на крылось, руку приложить—сейчасъ бѣгутъ за Семеномъ, его и попъ знаетъ, и же такое. И пойдетъ человекъ въ люди. Правильно ли я говорю, Дмитрій Петровичъ? Матрена Поликарповна?

Но Дмитрій Петровичъ вмѣсто отвѣта только промывчалъ что-то и зѣвнулъ въ руку, а Матрена Петровна даже глазомъ не моргнула, точно ничего и не слыхала.

Прошло нѣсколько мгновеній совершеннаго молчанія. Демьянъ кашлянулъ.

— Вотъ ты гостилась у Сажиныхъ-то, Матрена Поликарповна: какъ тебѣ семья-то ихняя?..

— Ничего, они люди такіе ласковые, пріятные... Нужда, видно, только большая...

— Сама видѣла, какая семья-то?.. А ничего, они поправляются... Вотъ старикъ-отъ срубы присматриваетъ, другую избу хочетъ ставить: неровно, говорить, сына второго женю, такъ, чтобы было гдѣ жить съ женой; ему, говорить, и отдамъ, и самъ, говорить, съ нимъ буду жить, да помогать, а старшій пускай, говорить, живетъ въ отдѣлѣ... Что-же, вѣдь, это онъ правильно говорить, что надо ему меньшого сына на первыхъ порахъ поддерживать: ему помогать?

— Что же, дай Богъ добра всякому хорошему человеку!.. — уклончиво проговорила Матрена.

— Нѣтъ, я насчетъ того, что Семену-то, коли отецъ выстрѣитъ ему новую-то избу, да женить и самъ къ нему перейдетъ жить—и очень превосходно будетъ. Жена въ дому будетъ больная, отецъ насчетъ поля, а онъ самъ человекъ грамотный: ты его куда хошь поверни, онъ на всякую руку... и торговлей можетъ заняться...

Демьянъ примолкъ и опять ожидалъ каваго-либо замѣчанія.

— Конечно, всякій человекъ старается, чтобы какъ ему было лучше и вольготнѣе... — опять также уклончиво проговорила Матрена.

Затѣмъ опять наступило молчаніе. Демьянъ снова кашлянулъ.

— Ну, хозяйева,—сказалъ онъ наконецъ:—посадили вы меня

въ мѣсто, сдѣлали вы меня гостемъ, не обезсудьте теперь на моихъ рѣчахъ... Онъ привсталъ и поклонился.

— Говори: послушаемъ!—сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Коли будете говорить къ дѣлу, такъ и мы вамъ будемъ отвѣчать по дѣлу, а на бездѣльные рѣчи мы не отвѣтчимъ! — прибавила съ своей стороны Матрена Поликарповна съ гордымъ достоинствомъ и спокойствіемъ.

— По-моему бы моя рѣчь къ дѣлу и отъ чистаго сердца, а любя ли она вамъ будетъ, вы мнѣ по дѣлу и скажете, а въ обиду себѣ не полагайте. Сама ты видѣла, Матрена Поликарповна, парня Семена Сажина: каковъ онъ есть изъ себя человекъ и что въ него Богомъ положено, мнѣ говорить о томъ, стало-быть, нечего... Сама ты изволила молвить, что по уму человеку и счастье бываетъ... Надо дѣло говорить: о Семеновомъ счастьѣ и пришелъ я вамъ кланяться... Коли не противны вамъ мои слова, примите меня за свата: у васъ товаръ, у меня купецъ: не богатъ да тароватъ, не знатенъ да уменъ, не съ гордостью, а съ поклономъ да съ почестью... Не знаю во что положите: подъ Богомъ ли сидѣть да съ хозяевами въ согласіи хлѣбъ-соль водить, или поклонъ да и вонъ, отъ воротъ поворотъ, да и съ Богомъ домой?.. На чемъ порѣшите, то и говорите: мнѣ бьемъ челомъ съ поклономъ и съ прошенъемъ, а тамъ Божья воля да родительская...

Демьянъ вновь поклонился и замолчалъ. Матрена удерживалась отъ отвѣта, уступая эту честь и право большаку, хотя ей сильно хотѣлось говорить.

— Говори, жена: это ваше бабье дѣло... Ты мать!.. — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Мы купцомъ не брезгуемъ, хоть и товаръ у насъ не дешевый, не хаеный... Поклонъ вапъ и почтеніе за дѣну беремъ хоть купцы вы и не богатые. Не все богатство—и человекъ нуженъ; не все деньги — и послуга дорога, а больше того миръ да любовь и къ родителямъ почтеніе. Семенъ Сидоровичъ не зазорный женихъ: тихой онъ парень и смиренный, и при грамотѣ—этого отнять у него нельзя. А только то надо, сватушка, въ умѣ вамъ держать, что дочь-то у насъ одна, какъ свѣтъ въ глазахъ, какъ сердце въ утробѣ... Отдать ее въ люди, ровнъ свѣтъ изъ глазъ вынуть, этого и думать нечего: въ люди мы ее не отдадимъ. Не со свекромъ ей жить и со свекровью, а тамъ мы въ умѣ положили: пушай она намъ въ домъ сына приведетъ, чтобы намъ старикамъ смотрѣть да тѣшиться, да уму-разуму дѣтей учить и внучать качать, и изъ теплыхъ рубъ своимъ

дѣламъ, за ихъ любовь и почтеніе, что ни скопимъ — все похвалювать... Вотъ вы что, сватушка, должны въ предметѣ имѣть: коли къ тому рѣчь ваша шла, такъ и разговоръ у насъ будетъ, а коли къ чему другому, такъ сочти, что и рѣчей твоихъ не было, что и не слышали мы ихъ.

— Да, это говорить нечего: въ чужой домъ не отдамъ... — подхватилъ Дмитрій Петровичъ, которому многорѣчіе Демьяна и жены уже стали надоѣдать. Коли хочетъ приязниться, такъ вотъ пойдите съ женой: она парня хвалить... А это нечего пустое и говорить: избу выстроить, да отдѣлить сына... и самъ съ нимъ жить будетъ... Намъ это не подходящее... Пустое дѣло... Коли хочеть къ намъ въ домъ идти, сыномъ мнѣ быть, да слушаться, да съ женой ладно жить—это другой разговоръ...

— Обидненько будетъ, Дмитрій Петровичъ...

— Чего обидно... Одежи я имъ обоимъ нашью вволю, свадьбу сыграю на свой счетъ... ужъ свата ни до чего не доведу: весь мой изъяснь... Только бы было въ чемъ жениху подъ вѣнецъ встать, вотъ и вся его трата... Какая тутъ обида?.. Для него лучше не надо... за счастье долженъ считать... Такъ, что ли?.. Коли ладно, такъ давай по рукамъ бить, да пропой пить, а по-лѣ того чайку... У меня совсѣмъ въ горлѣ пересохло... Тутъ канитель-то тянуть нечего... Надо дѣло говорить?.. Ну?.. ставить, то ли, самоваръ-то?..

Дмитрій Петровичъ протянулъ къ Демьяну руку ладонью вверхъ. Матрена Поликарповна хмурилась и была не довольна какою грубымъ и быстрымъ поворотомъ дѣла: по ея мнѣнію, кузь велъ себя крайне неприлично, и безъ достоинства; по ея мнѣнію, обрядъ сватовства, такъ прекрасно начатый, былъ вполне испорченъ и нарушенъ торопливостью и рѣзкостью мужа. Но дѣланъ было нечего: Демьянъ перекрестился и ударилъ по рукѣ Дмитрія Петровича.

— Будь Божья воля. Поцѣлуемся, сватушка! — сказалъ онъ въ этотъ моментъ.

— Вы хоть бы помолились сначала... — сказала съ неудовольствіемъ Матрена Поликарповна.

— Что-жь, все одно: мы и теперь помолимся! — возразилъ Дмитрій Петровичъ, вставая и обращаясь къ образамъ.

— Господи благослови, — проговорилъ Демьянъ, также вставъ и крестясь: — подай Господи, на согласъ да любовь и на всякое благополучіе... Творецъ милостивый... Пресвятая Богородица... Матушка, неопалимая купина, не опали ты насъ грѣшниковъ... — продолжалъ онъ, размашисто крестясь и вздыхая.

— Ну, сватушка, свахонька... дай Господи! — обратился Демьянъ къ хозяйкамъ, кланаясь. — По началу бы и конецъ святой... Никто бы не перешелъ, не переѣхалъ... Тыфу, тыфу! — Демьянъ плюнулъ по сторонамъ.

— Дай Богъ... дай Богъ!.. — отвѣчала повеселѣвшая Матрена Поликарповна.

— Теперь, свахонька, съ вашего позволенія, можно и выпить, помолившись-то, чтобы дѣло напе крѣпче было...

— Давай, давай, жена, скорѣе... Есть ли дома водка-то?..

— Ну, какъ не быть... Сейчасъ подамъ...

— Какъ у тебя не быть въ дому, Дмитрій Петровичъ, — весело сказалъ Демьянъ: — чай, полная чаша всего...

— Да, братъ, благодаримъ Создателя... Слава Богу, живемъ по трудамъ по своимъ...

— Сватушка, пожалуйста-ка, — подчивала Матрена Поликарповна Демьяна.

— Съ васъ, свахонька...

— Ну, будьте здоровы. Всѣмъ бы намъ на радость, на союзъ да любовь.

— Дай Богъ!

Матрена Поликарповна пригубила, за ней Демьянъ и Дмитрій Петровичъ.

Хозяинъ велѣлъ полуштофъ оставить на столѣ, а Матренѣ Поликарповнѣ побѣжала ставить самоваръ. Такимъ образомъ судьба Татьяны была рѣшена.

Сваты долго еще сидѣли и долго толковали о всѣхъ будущихъ свадебныхъ порядкахъ; въ Ильинъ день назначили бытъ поглядѣнкамъ и запою, а самое вѣнчанье положили сдѣлать по слѣ Успенья, по окончаніи ярового жнитва.

V.

Тотчасъ, по отъѣздѣ Демьяна, Матрена Поликарповна объявила дочери о рѣшеніи ея участи; но та сама уже догадалась объ этомъ, видя веселое лицо матери, хлопоты ея около самовара и заботливое, щедрое угощеніе гостя.

— Ну, Танюшка, молись Богу, — говорила мать дочери, глядя на нее по головѣ: — Богъ тебѣ суженаго указалъ, да какой парень-степенный, смиренный, богомольный... Отецъ со сватомъ Демьяномъ сегодня по рукамъ ударили, а въ Ильинъ день поглядѣнки сдѣлать... Благодаримъ Его, батюшку нашего, Создателя милостиваго

Грамотный паренекъ - отъ, въ салтырь читаетъ и на крылосу поетъ...

— Какіе такіе?... Изъ нищей братіи что-ли, что стихи знаетъ да поетъ?...—злбно, язвительно, насмѣшливо спрашивала Татьяна.

— Вышь ты, какая дѣвка-то, Танюха, какое сердце-то въ тебѣ,—съ упрекомъ и огорченіемъ возражала Матрена.—Мать-то для тебя старалась, сама ѣздила, хлопотала, высматривала, да выспрашивала, а ты, чѣмъ бы спасибо сказать, какія слова-то говоришь?... Знаешь свою вину, такъ ужъ молчала бы, благодарил бы да кланялась матери-то, печальницѣ...

— Что же, матушка, я не супротивничаю... Знамо, ужъ теперь за кого хотите, за того и высуните: хоть за старца вонъ слѣшого, что въ оградѣ, около церкви, стихи поетъ — и за того должна идти да родителей благодарить... Такова ужъ моя судьба теперь: жалѣть меня нечего...

— Эко ты зелье, эко ты зелье, дѣвка... Развѣ таковы твои родители? Что, они тебя мучили да тиранили нешто?... Нѣтъ, какъ бы они тебя тиранили-то, не такая бы и ты была: была бы поше да попоклончивѣй... не посмѣла бы по ночамъ бѣгать, да за чужихъ мужьевъ вѣшаться... А правда, надо бы тебя, дѣвку, въ руки взять, надо бы въ чужой домъ отдать, чтобы ты со зекромъ, со свекровью да съ золовками пожила, да и мужа-то этого, чтобы эту прыть съ тебя сбиль... Вотъ бы ты и вспомнула родителей-то... А родители-то твои, чѣмъ бы тебя поучить да расказнить за твой грѣхъ, только о томъ и думаютъ и печалуютъ, какъ бы твою голову вѣнцомъ прикрыть отъ срама, да въ людского насмѣха... И не то, чтобы какъ, зря, замужь въ нихъ высунуть, а съ разсудкомъ да разсмотрѣніемъ парня-то выбирать, чтобы къ себѣ въ домъ взять, на все свое продовольствіе, чтобы жила дочка въ дому родительскомъ въ холѣ да въ покоѣ, да чтобы и отъ мужа-то въ обидѣ не была: такого и выбирать... Другая бы дѣвка у матери-то радѣльницы, за это, въ жалъ валялась да ноги цѣловала и слезьми обливала, а наша...

— Да ну, полно, матушка, не точи ты меня, не рѣжь безъ жалости... Ну гдѣ мнѣ слезъ взять, воли нѣту ихъ... И безъ того мое сердечушко все изныло, ровно червь его сосетъ... Не жалей ты меня... Раньше бы смотрѣть за дѣвкой да воли не давать... Можетъ и впрямъ лучше бы было, кабы допрежь вы меня не да уму учили... А ужъ теперь сама спохватилась дѣвка, поздно... Ахъ, не трожь ты меня, не замай, матушка... Сама

я все знаю, все чувствую... Скажи инѣ лучше: какіе такіе, за кого вы меня просватали?...

— Изъ Мандуровъ — Сажины... люди добрые, степенные... Свату Демьяну сродники... А онъ, Семень, парень пречудесный, смиренный... будетъ мужъ тебѣ поступчивый... а тебѣ такого и нужно... И изъ лица ничего...

— Мнѣ все едино: по мнѣ всякой ладенъ...

— Ну, дѣвка, тоже... съ тобой ладить-то... Какъ дать тебѣ какого мужа характернаго: чтó промежь васъ пойдетъ?... А ужъ такъ думаю, что ты надъ этимъ большухой будешь... Пушай ужъ... Они, правда, люди небогатые, да у насъ, слава Богу, своего довольно: есть чѣмъ и тебѣ прожить съ дѣтками... А будетъ у отца-то зять грамотный да послушный, будетъ ему помощникомъ, такъ и еще наживемъ...

— Вы бы только скорѣе меня окружили, что ли... проговорила Татьяна.

— А вотъ въ Ильинъ день смотрины будутъ, а послѣ Успенья, Богъ дастъ, и свадьбу сыграемъ... Ужъ скорѣй-то не справиться: въ людяхъ тоже работа идетъ, да, вѣдь, не на смѣхъ же людямъ и дѣло дѣлать, надо же и приданое тебѣ пошить... Больно-то крутить будетъ и передъ людьми зазорно: хуже говорить стануть, да смѣяться: что, молъ, ужъ такъ скоро понадо- билось...

Татьяна больше ничего не разспрашивала и не возражала матери: она слушала ее молча и безучастно. Послѣ извѣстнаго послѣдняго свиданія съ Ильею, она не видала его, не выходила на улицу и вслѣдствіи избѣгала встрѣчи не только съ нимъ, и даже съ кѣмъ-либо изъ деревенскихъ. Какіе подходы ни употреблялъ Илья, чтобы вызвать Татьяну на свиданіе—это ему удавалось; она крѣпко держалась даннаго самой себѣ и родителямъ слова. Но, сидя около окна избы или свѣтелки, Татьяна и рѣдко видала на улицѣ Илью и, спрятавшись за косякъ, что онъ ее не замѣтилъ, смотрѣла на него, любовалась втихомолку и мысленно приговаривала ласковыми словами, или съ какой-то особенной злобой посыдала ему вслѣдъ брань и проклятія. Татьяна сама себѣ не могла бы дать отчета: любить ли она его, или и ненавидитъ. То онъ ей казался такимъ другомъ сердечнымъ, котораго души бы своей не пожалѣла, то злодѣемъ заклятымъ который всю судьбу ея испортилъ, всю ея жизнь погубилъ...

Вечеромъ, подъ самый Ильинъ день, наканунѣ предст- пихъ смотрины, Татьяна сидѣла, пригорюнившись, у окна. матери, ни отца въ избѣ не было: Матрена Поликарповна х

потапа съ приготовленіями къ завтрашнему празднику, а Дмитрій Петровичъ сидѣлъ, въ ожиданіи ужина, на лавочкѣ за воротами. Вдругъ Татьяна слышала вдали гармонію и пѣсню, которую пѣлъ знакомый голосъ Ильи.

«Нѣтъ у него горюшка обо мнѣ, у океаннаго», думала Татьяна: «вѣдь, ужъ вся деревня знаетъ, чай, теперь и онъ знаетъ, что завтра женихъ прійдетъ, запой пить будутъ... А онъ пѣси горланить, да въ гармонію играетъ еще подъ праздникъ-то подъ какою: ему все ничего, все нипочемъ... Нѣтъ ни стыда въ глазахъ, ни страха, ни совѣсти, ни передъ людьми, ни передъ Богомъ...» Пѣсня и гармонія между тѣмъ приближалась къ дому Дмитрія Петровича.

«Батюшки, да онъ никакъ мимо насъ хочеть идти: что онъ это на зло да на смѣхъ мнѣ показать хочеть, что, дескать, мнѣ наплевать на тебя, и думать не хочу... Али, можетъ, нарочно: повѣстку мнѣ о себѣ дать хочеть... Что онъ поеть-то?» Татьяна стала прислушиваться. Илья пѣлъ:

Во слезахъ-то я ее упрасивалъ:

Красавица-забавница, ты хоть глазѣмъ взгляни!

— Нельзя, милой, глазкомъ взглянуть:

Покрытую къ вѣнцу везуть.

Красавица-забавница, ты хоть платкомъ махни!

— Нельзя, милой, платкомъ махнуть:

По праву руку женихъ сидитъ,

А по лѣвую—свахонька.

Красавица-забавница, ты мнѣ хоть голосъ дай!

— Нельзя, милой, открыться: во обрученъ я.

«Болѣзной мой, это онъ ко мнѣ прибираеть»... думала

Татьяна, и слезы подступили у нея къ глазамъ и давили ей

Между тѣмъ пѣсня кончилась, и голосъ Ильи замолкъ

Вотъ опасается же мимо насъ-то ходить да пѣть: то же

думало ему обо мнѣ, а не хочеть и передъ людьми срамить»..

предлагала любовно размышлять Татьяна. Но вдругъ Илья за-

пѣлъ другую пѣсню и съ нею подходилъ все ближе и ближе

къ дому Дмитрія Петрова. Татьяна сразу, по напѣву, по пер-

вымъ звукамъ, узнала эту знакомую пѣсенку и точно что воль-

ную ее въ сердце.

Какъ по первой по порошѣ
Шель Ваня хорошій,
Не путемъ шель не дорогой,
Чужимъ огородомъ.

Онъ чужою шелъ межою,
 Чужой бороздою.
 Подходилъ душа Ванюша
 Ко заднимъ воротамъ,
 Ко заднимъ воротамъ,
 Ко задней стѣнѣ.
 Припадалъ душа Ванюша
 За задней стѣною,
 Набиралъ душа Ванюша
 Кругъ бѣлаго снѣга,
 Онъ кидаетъ и бросаетъ
 Во заднюю стѣну,
 Во заднюю стѣну,
 Къ Машѣ на постелю...
 Душа Маша догадайся,
 Радость домекнися...

Татьяна съ замираніемъ сердца слушала эту, такъ много напоминавшую ей пѣсню: вся ея любовь къ Ильѣ, насильно спрятанная, придавленная, снова поднималась, душа ея рвалась къ нему. Татьяна разсмотрѣла въ сумеркахъ удалую фигуру Ильи, медленнымъ шагомъ проходившаго мимо ея оконъ и посматривавшаго на нихъ; она мысленно отвѣчала ему той же пѣснью:

Не порою, Ваня, ходишь,
 Не временемъ ходишь:
 У бабушки гости въ гостяхъ,
 У матушки гости,
 У мила брата ребята,
 У меня подруги...

Но вдругъ она услышала сердитый голосъ отца, тамъ внизу, на улицѣ, около воротъ:

— Чего, оголтѣлый, зѣваешь?.. Что башку-то вверху задралъ: чего на застрѣхахъ-то высматриваешь?.. воронъ, что ли считаешь?..

Илья остановился. Онъ былъ выпивши, и притворился, что не узналъ Дмитрія Петрова.

— Ты кто таковой?.. Тебѣ чего нужно?—спросилъ онъ преувеличенно пьянымъ голосомъ.

— Я тебѣ дамъ: чего нужно?.. На сходи тебя позвать да вздуть хорошенько, чтобы не дралъ горло по ночамъ, да по этой праздникъ... Вотъ чего нужно... Пьяница ты пропойна прокуратъ питерской!.. Ишь зѣваетъ на всю деревню... ночью! Люди спать, али Богу молятся наканунъ праздника, а онъ с гармоніей... глотку деретъ...

— Такъ что?... Я на свои гуляю... Завтра мой ангель

Ангелу златъ вѣнецъ, а мнѣ добраго здоровья... Ты что за челоуѣкъ?...

— Ну, у меня не прокурать: проваливай, пока цѣль... Я те продравлю, ось, на сходѣ, съ ангеломъ... Ишь ты: чѣмъ бы Богу молиться, да свѣчку ангелу-то поставить, а онъ въ кабакъ... Батка-то прогорѣлъ, а ты остатки всѣ изсоришь да промытаришь... Пошелъ, пошелъ прочь отъ моего дома...

— А, постой, стало-быть, это домъ чей же будетъ?.. Стой, сейчасъ смекну... Изба пятистѣнная, крыша тесовая... Стало-быть, Дмитрій Петрова выходитъ... Свой братъ, челоуѣкъ торговый... Наше съ квасомъ...

Илья нахально протянулъ къ нему руку. Дмитрій Петровичъ обидѣлся и вышелъ изъ себя: онъ искалъ глазами около себя чего-нибудь, чѣмъ бы можно было ударить, и если бы попалась палка или полѣно, онъ непременно пустилъ бы его въ Илью.

— Ты пошелъ, говорить... Дай часъ, постой... Я те усудоблю, голубчику...

— Что-жъ ты мнѣ можешь сдѣлать?.. Ничего ты не сдѣлаешь... Ня сходъ?.. Пойдемъ... Съ нашимъ удовольствіемъ... Я, братъ, самъ слова знаю...

Въ это время въ воротахъ показалась Матрена Поликарповна. Она высунулась-было въ окно кликнуть мужа ужинать, какъ услышала его перебранку съ вѣмъ-то, по голосу сейчасъ узнала Илью и бросилась за ворота, чтобы своимъ благоразуміемъ и гладнокровіемъ предупредить возможные неприятности, которыя ужъ вовсе были бы теперь не ко времени.

— Что ты это, Дмитрій Петровичъ, съ нимъ связался,—сказала она, беря мужа за рукавъ:—съ пьянымъ челоуѣкомъ... Видишь: онъ не помнитъ... Пойдемъ ужинать... А ты уходи, да ложись спать...—обратилась она къ Ильѣ.—Не хорошо, братецъ, не хорошо... Люди увидятъ—не похвалятъ: по чужимъ дворамъ ты ходишь, да шумишь... Вѣдь не къ твоей избѣ Дмитрій Петровичъ пришелъ, да ругаться съ тобой сталъ, а ты къ нашей, да еще и шумишь... Ступай съ Богомъ... Подемъ, Дмитрій Петровичъ!.. Онъ уйдетъ, да проспится: самому совѣстно будетъ.

— Я тебѣ, золото... Погоди, дай срокъ управиться... Я тебя усудоблю...—сердито бормоталъ Дмитрій Петровъ, уходя въ ворота за женою...

— Что-жъ, мы уйдемъ... Мы своихъ родителейъ завсегда дадимъ почитать, потому вы замѣстъ родителейъ мнѣ теперь сами...

Илья захохоталъ. И мужъ, и жена слышали эту послѣднюю его выходку, и Дмитрій Петровъ, перешагнувшій уже подворотню калитки, рванулся-было назадъ, чтобы отругнуться или даже ударить Илью, но Матрена Поликарповна успѣла захлопнуть калитку и задвинуть ее перекладомъ; а Илья съ хохотомъ пошелъ прочь, и, подыгрывая на гармоніи, затянулъ продолженіе той же пѣсни:

Пошелъ Ванюшка не веселъ,
Головку повѣсилъ,
Онъ головушку повѣсилъ
На праву сторону,
Правой рученькой подперся,
Слезьми заливался.
Онъ слезами заливался,
Платкомъ утирался.

Татьяна слышала всю перебранку отца съ Ильей и не могла бы дать отчета, что она въ это время чувствовала: и любовь, и досада, и страхъ, все какъ-то перепуталось, она была какъ въ чадѣ. Услыша, что калитка щелкнула и заперлась, она не то отъ страха, не то отъ какого-то невольнаго смущенія, не хотѣла встрѣтиться съ отцемъ и матерью, бросилась на печь и притворилась спящею...

— Дай только мнѣ ее окрутить... Не я буду, воли на сходѣ не вздуемъ его...—говорилъ, входя въ избу, сердитый, разгнѣванный Дмитрій Петровичъ.—Этакая семейка подлая... И батько-то его этакой же людоѣдъ былъ, покойникъ... Меня, ужъ меня, на тридцать рублей нагрѣлъ... Такъ и пропали... Погоди, молодецъ, дай срокъ... Кажись, трехъ ведеръ не пожалѣю, поставлю мірянамъ, а ужъ вздуемъ... Гдѣ Танюшка-то?.. Все это черезъ нее, подлячку, неприятности эти принимай... Гдѣ Танька-то?..

— Да не вѣду гдѣ!.. Въ свѣтелкѣ нечто...

— Али въ нему убѣжала опять?.. Пѣсню какую игралъ, подлый, все противъ нея: выходи, говорить, сердечко, съ задняго крылечка... Подлый... Смотри: ушла въ нему...

— Полно-ка, отецъ... Она все бросила... Я, вѣдь, тоже, ты думаешь, не смотрю, что ли... Нѣтъ, нѣтъ, я вѣдь ужъ ее знаю: не пойдетъ...

— Ну, да ты все знаешь... А ты посмотри лучше: гдѣ же она?..

Но Матрена Поликарповна сама встревожилась и шла-было уже искать Татьяну въ другой избѣ и въ свѣтелкѣ, какъ, проходя мимо печи, услышала усиленное дыханіе дочери, притворившейся спящею.

— Ну, да вонъ же она, на печкѣ: спать моя дѣвка, ничего не думаетъ...—проговорила успокоившаяся Матрена Поликарповна.— Нѣтъ, вѣдь я ее знаю: она хоть дѣвка характерная, а какъ что скажетъ, ни въ жисть не перемѣнитъ... Она ужъ мнѣ побоялась, что все бросила и не пойдетъ къ нему...

— Ну, да ладно, ты ей вѣрь больше...—говорилъ Дмитрій Петровичъ, крестясь на образа и приготавливаясь ужинать.—Экой окаянный, обидѣлъ какъ, даже доселева все нутро дрожить...

Дмитрій Петровичъ отрѣзалъ себѣ ломоть хлѣба во весь каравай и запустилъ пальцы въ солоницу.

— Иду, говорить, не путемъ дорогой—чужимъ огородомъ... Ишь ты, подлецы!—приговаривалъ Дмитрій Петровичъ, вруто соли ломоть хлѣба.

— Золотó, говорить, сердечко, выйди на крылечко... Шельма...

Дмитрій Петровичъ откусилъ кусокъ хлѣба.

— Право, шельма!—прибавилъ онъ, и усмѣхнулся.

— Что-жь, Таньку-то будешь будить ужинать-то, али нѣтъ?

— Да, знать, не хочеть,—отозвалась Матрена Поликарповна:—поѣла, чай, чего, да и спать... Танюха, а, Танюха, подь ужинать!..—говорила она, подойдя къ печкѣ и поталивая Татьяну въ плечи.

— Не хочу,—отвѣтила та какъ-бы сквозь сонъ, и перевернулась на другой бокъ.

— Пушай спать,—сказала Матрена, возвращаясь къ столу и усаживаясь около мужа.—И то сказать: не до ѣды ей теперь... Объ завтрашнемъ днѣ, чай, думаетъ, о своей судьбѣ...

— Тащи лапшу-то!..—приказывалъ Дмитрій Петровичъ.

Матрена Поликарповна застучала въ печкѣ ухватомъ, вытаскала горшокъ, вылила изъ него въ чашку, подала ее на столъ и мовь сѣла.

— А тебѣ бы, отецъ, и вниманья этого на него не брать...—говорила Матрена, отправляясь съ ложкою въ чашку за лапшой.—Пушай ходить, да дереть горло: что тебѣ...

— Да кабы я за воротами не сидѣлъ, да не противъ моего дома онъ шель, такъ я бы и не ввязался... Чортъ съ нимъ... А то, вѣдь, идетъ, да приостановится, да по окнамъ глазѣть... Таньку-то что ли онъ высматривалъ... да вызвать хотѣлъ... Ахъ ты, думаю: у насъ завтра поглядѣнки, запой будетъ, мы дѣло дѣлать, а онъ что строить... да и подь какой день-то, подь своего батюшку Илью... Ну, и хотѣлъ шугнуть... А онъ и поѣлъ во мнѣ...

— Ну, чего ты захотѣлъ отъ пьянаго. Еще хорошо, что

ушелъ отъ него со мной, а то у васъ что бы было... Ты знаешь его... Народъ бы услышалъ, онъ такой бы срамоты наговорилъ, что послѣ, пожалуй, и глаза не кажи передъ сватами-то... Слышалъ, онъ про родителейъ-то?.. Родители, говорить, вы мои...

— Да, вотъ какой!.. Еще, говорить, завтра мой ангелъ, а самъ о чемъ думаетъ... Разбойникъ мужикъ, пѣтый... Да ужъ постой, братъ, я подожду, а свое выворочу... Вось по осени сходъ будетъ... Не забуду, небось, подожди...

— Лучше брось... Ну его... Не шевели—меньше воняетъ... Брось...

— Нѣтъ, не брошу... Ихъ не учить нельзя.. Ему разъ спусти, онъ подумаетъ, что и... Дмитрій Петровъ ему не свой братъ... Я ему вось покажу... Онъ у меня пѣсни-то не экія запоетъ...

— Ну, да ужъ послѣ воли, только не теперь... Дай свадьбу справить... Теперь не шевели...

— Да я подожду времени... Ничего... А смѣяться ему не дамъ... Я еще и отъ отца его былъ доволенъ... Подождемъ..

— Ахъ, не троньте вы его, лучше не троньте. Лучше надомной чтó сдѣлайте, да его не троньте у меня, моего друга сердечнаго... Я вамъ все сдѣлаю, всякую покорность, только не замите вы его... А то хуже будетъ!—хотѣла вскрикнуть Татьяна, прислушивавшаяся къ разговору отца съ матерью, но только подумала, а связать не рѣшилась.

Ужинъ кончился, и отецъ съ матерью ушли спать, но Татьяна долго еще ворочилась съ боку на бокъ и не могла уснуть.

VI.

Въ Ильинъ день, послѣ обѣда, къ дому Дмитрія Петровича подъѣхали двѣ телѣги. Въ одной сидѣли знакомый дядя Демьянъ съ женою, а въ другой Семень съ отцомъ и невѣстой, женою старшаго брата. Какъ только телѣги эти остановились у Дмитриева дома, во всѣхъ сосѣднихъ домахъ изъ открытыхъ оконъ высунулись лица любопытныхъ, которыя вслѣдъ затѣмъ появились за воротами своихъ избъ и стали сходитьсь въ группы, въ которыхъ слышался одинъ и тотъ же разговоръ о томъ, что къ Дмитрію Петровичу сваты пріѣхали съ женихомъ. Въ этихъ группахъ, двигавшихся и стоявшихъ около дома Дмитрія, преобладалъ женскій полъ. Желаніе узнать, чтó дѣлается въ этомъ большомъ пятистѣнномъ домѣ съ тесовою крышею, было написано на всѣхъ лицахъ; глаза всѣхъ съ жаднымъ любопытствомъ

были устремлены на закрытыя окна дома, чрезъ которыя издали, впрочемъ, ничего не было видно, но приличіе не позволяло подойти въ самому дому, взлѣсть на завалину, или примоститься какимъ-нибудь путемъ и прильнуть лицомъ къ самымъ стекламъ, какъ это дѣлается, когда справляютъ самую свадьбу. Смотрины дѣло тайное, семейное, и на него сторонніе люди не допускаются; врываются развѣ только неугомонныя малые ребятишки, которыя нигде дорога не заказана и которыя, въ деревняхъ, проникаютъ первыми всюду, куда имъ вздумается, и вертятся подъ ногами старшихъ до тѣхъ поръ, пока не надоѣдятъ и не прогонять ихъ вонъ метлой, вѣвникомъ, ухватомъ, палкой, окрикомъ или угрозой, безъ всякой церемоніи: тогда они вмигъ разсѣются въ разныя стороны, какъ вспугнутыя мухи, но и опять, смотришь, собьются въ кучу. Только эти незваные зрители и могли разсказать любопытствующимъ, что дѣлается подъ тесовою крышею. Нельзя сказать, чтобы эта публика была невнимательна и не наблюдательна: крестьянскія дѣти съ очень раннихъ лѣтъ входятъ во всѣ интересы старшихъ и рано знакомятся съ подробностями жизненнаго обихода. Въ 10-12 лѣтъ дѣвчонки и ребятишки не только знаютъ всѣ пѣсни, которыя поютъ въ хоровахъ, но и всѣ почти приговоры и причитанья; они не только участвуютъ въ работахъ старшихъ, но составляютъ уже себѣ извѣстныя, опредѣленные представленія о людяхъ и ихъ отношеніяхъ между собою: поэтому понятно, съ какимъ интересомъ любопытствующія сосѣдки перехватывали высказывавшихъ изъ воротъ Дмитриева дома мальчишекъ и дѣвчонокъ и спрашивали: о женихѣ и невѣстѣ, о родителяхъ, о сватахъ и о всемъ, что въ домѣ дѣлается.

Эти посредники успѣли разсказать любопытнымъ, что женихъ черномазый да пучеглазый, а въ кафтанѣ синемъ и въ красной шапкѣ, и сапоги новыя, все въ землю смотреть да по сторонамъ, ровно нескладной какой, али чего боится; что тятка у него старикъ старый, и кафтанъ на немъ старый: знать, сына обшили, а на самого-то казны не сыстало: такъ въ старенькомъ и поѣхалъ; что матери у жениха нѣтъ, такъ замѣсто ея пріѣхала сноха, старшаго сына жена, молодая баба—ничего, такая сурьезная, молчить больше да ужимается, а не тѣльна, въ платкѣ въ красномъ и сарафанъ ситцевый, съ разводами; сваты—отецъ крестный съ женой, сваты ловкіе: взять, купецъ съ купчихой, видно не изъ бѣдныхъ, красной бабой, а жена толстая, толстая—все шитить. А по дѣлу, надо полагать—на лады пойдетъ: сапожаръ ставить, съѣстнымъ пахнетъ, знать, готовились...

Между тѣмъ, въ домѣ Дмитрія Петровича шло все своимъ, издревле установленнымъ складнымъ порядкомъ, зачѣмъ, точно сговорясь, единодушно наблюдали Матрена Поликарповна и дядя Демьянъ. Въ избѣ гостей встрѣтили хозяева, но безъ дочери, — чинно и чопорно, но съ большимъ радушіемъ и привѣтливостью.

Послѣ первыхъ привѣтствій и взаимнаго знакомства, сваты всѣ сѣли къ столу, на которомъ уже стояла водка и закуски, а Семень, по указанію Демьяна, помѣстился въ задній уголъ, въ уютѣ.

— Сватушки, свахоньки, пожалуйста-ка съ дорожки-то: выгушайте! — подчивала Матрена Поликарповна.

— Да ты бы самоварчикъ намъ... — замѣтилъ съ своей стороны Дмитрій Петровъ.

— Грѣтся, грѣтся... Вотъ водочки-то сначала... Тоже не близко мѣсто ѣхали... Пристали, чай...

— Сватушка, Сидоръ Масеичъ, пожалуй-ка... — поддерживалъ жену Дмитрій Петровъ.

— Съ дорожки-то, знамо... Ну, будьте же здоровы... Дай Богъ въ добрый часъ! — отвѣчалъ Сидоръ, выпивая рюмку..

— Сваты, Демьянъ Прохорычъ, пожалуй-ка... Заваю, чай, не клалъ?..

— Нѣту, сватушка, нашъ заказъ до первой рюмки... потому торговому человѣку нельзя: не стоить для своей души пьешь, сколь для товара да для человѣчка... Все бы въ радость да соглась дай же милосливой Создатель...

Свахоньки тоже не отказались и пригубили.

— А вотъ, Матрена Поликарповна, рѣчь-то твоя, — началъ Демьянъ, приступая къ дѣлу, — помнишь, молвила: гора съ горой не сходится, а съ человѣкомъ всяко бываетъ... Вотъ она умная-то рѣчь всегда къ дѣлу... Божіе-то произволеніе: и далеко живемъ отъ васъ, и горы, и овраги, и лѣса дремучіе, и рѣки текучія промежь насъ, а далъ Господь, и путь-дорожка къ вамъ легла намъ сватертью... Ёхали не пеняли, не жалобались: по своей доброй охотѣ, за хорошимъ дѣломъ, слава тебѣ Господи!..

— Какіе-такіе ты тутъ наговорилъ горы и овраги, лѣса и рѣки, — замѣтилъ Дмитрій Петровичъ: — отъ Мандуровъ-то до насъ хоть шаромъ покати, ни одного, важись, взлобика нѣтъ...

— Экой ты, Дмитрій Петровичъ, не все въ строку...

— Да и опять же это поговорка одна, — прибавила Матрена Поликарповна для внушенія своему безтолковому мужу, — что изъ сказки, что изъ пѣсни — слова не выкинешь, пословица...

говорится, то и это дѣло — все едино... А нашъ отвѣтъ на вашу рѣчь такой будетъ; коли ѣхали вы дальнимъ путемъ-дорогой, по Божьему произволенію, да по своей доброй охотѣ, сѣдови и кони притомилися, противъ нашего двора становилися, наши ворота передъ вами отворилися, хозяйева рады добрымъ людямъ, богоданнымъ гостямъ, милости просимъ съ устаточку нашего хлѣбаси кушать, убойнку рушать... А мы рады вашихъ рѣчей слушать: куда ваша путь-дорога лежитъ, за какимъ дѣломъ хорошимъ, какую Богъ думку вамъ на сердце положилъ...

— Вишь какъ развела... мастерица! — проговорилъ вполголоса Дмитрій Петровичъ, улыбаясь, поглаживая бороду и поталкивая локтемъ сидящаго рядомъ Семенова отца...

— Мастерица и есть... все бы слушалъ... — отозвался тотъ, трясъ головой,

— Семень-то твой хоть и грамотный, а этакъ, пожалуй, не разведеть...

— Нѣтъ, нѣтъ, нечего: не разведеть... Гдѣ ему... По сатири онъ это... а такъ нѣтъ... не сказать! Больно ужъ хорошо!..

— Купцы мы дальніе, люди торговые, — продолжалъ Демьянъ... Не мимо мы ѣхали, не проѣдомъ, а наркомъ къ вашему двору правили... Не кони наши притомилися, не середь пути они становилися: мы сами купчики-голубчики, молодые молодчики, сами къ вамъ ладили, за Божьимъ дѣломъ, за товаромъ хорошимъ. Вотъ нашъ купецъ молодець... Полюбите, пожалуйста... не обезсудьте, не ославьте, въ чести въ любви поставьте... Сеня, встань да кланяйся родителямъ: батюшкѣ и матушкѣ...

Семень всталъ и поклонился Дмитрію Петровичу и Матренѣ Поликарповнѣ.

— Кланяемся и мы вамъ, сватушка и свахонька, челомъ ~~бьёмъ~~: коли любъ нашъ купецъ молодець, не оставьте, пожалуйста, ~~приважите~~ товарца показать...

Демьянъ и всѣ прочіе родственники Семена встали и поклонились хозяевамъ.

— Знаемъ мы, — продолжалъ Демьянъ, — доведались доподлинно, что товаръ у васъ дорогой, не продажной, не купленный, ~~то~~ и цѣны ему нѣтъ, не по нашимъ достаткамъ, да, можетъ, ~~во~~ нашей любви-совѣсти... На томъ Богу молилися и вамъ, ~~родителямъ~~, кланяемся...

Матрена Поликарповна приготовлялась было что-то отвѣтить, слѣдуетъ по порядку, но Дмитрій Петровичъ опять помѣ-

Ну, что же, жена, выводы, — сказалъ онъ, чего каните-

литься-то? Пуцай посмотреть другъ на друга... Только я, свать, въ себѣ въ домъ привячу... На томъ лады...

— Знамо, знамо, сватушка... Ужъ на томъ положили...
Такъ видно Богу угодно... говорилъ Сидоръ Моисеевъ.

— То-то... А въ люди я не отдамъ...

— Знамо, знамо, сватушка...

— Ну такъ вотъ и ладно... Выводи же, жена...

Матрена Поликарповна, недовольная поведеніемъ мужа, пошла въ свѣтелку, гдѣ сидѣла Татьяна, давно уже одѣтая и готовая на показъ жениху. Мать осмотрѣла ее съ ногъ до головы, кое-что поправила и не забыла вколоть въ рубашку спереди и сзади, на груди и на спинѣ, противъ сердца, невѣсты, по двѣ иголки крестомъ, въ предосторожность отъ всякой порчи и привора, но она умышленно, ради сохраненія своего достоинства, медлила и не торопилась выводить дочь. — Пускай, дескать, не думаютъ, что ужъ такъ ждали, ждать какъ не знали, впередъ и одѣли и принарядили: какъ женихъ пріѣхалъ, такъ и вывели. На вотъ, моль, смотри: совсѣмъ готова, радехонька!.. Пуцай подождуть!.. Да и этотъ, Дмитрій Петровичъ, право, тошнехонько съ нимъ: ни порядку, ни разговору хорошенькаго... Ровно на базарѣ, и впрямь съ товаромъ... Пуцай, коли подождуть...

Такъ разсуждала сама съ собою Матрена, но Дмитрій Петровичъ, освобожденный отъ присутствія черезчуръ церемонной супруги, не сидѣлъ даромъ, въ скучливомъ ожиданіи. Онъ усиленно подчивалъ и сватовъ и себя, и наконецъ обратился къ будущему зятю.

— А ну-ка, Семенушка, дай-ка тебя спытаю, побалакаю съ тобой. Ну что въ грамату знаешь?..

— Обучень.

— А на крылосу умѣешь?

— Можно.

— Всякой праздникъ, сватушка... Завсегда на крылосу... — подхватилъ Сидоръ.

— Ну, а руку приложить?

— Это завсегда... Сколько угодно...

— Вотъ это ладно... А на-счетахъ?

— Ну, ужъ что ему на-счетахъ... И мы съ тобой, неграмотные люди, да на-счетахъ-то никому не уважимъ... — вмѣшался Демьянъ. — А ему ужъ это что... нипочемъ...

— Ну, а вотъ, примѣрно, свать Демьянъ мнѣ пражы прсдалъ съ-естолько пудовъ: я ему деньги долженъ отдать, а онъ

меня холстомъ забралъ по-естольку кусокъ... Чтобы все видно было... Можешь?...

Семень задумался.

— Чтобы, значить, на памяти было... безъ обмана...— появлять Дмитрій Петровичъ.

Вся родня Семена впилась въ него глазами, ожидая удовлетворительнаго отвѣта, но онъ, скосивши въ сторону глаза, сидѣлъ молча съ своей обычной добродушно-глуповатой улыбкой.

— Да ты это на-счетъ записи, что-ли, Дмитрій Петровичъ?— спросилъ догадливый Демьянъ.

— Ну, стало-быть...

— Такъ, что-же ты, Сеня... Насчетъ записи сватушка тебя спрашиваетъ?.. Можешь ли значить въ бумагу запись сдѣлать...

— Это можно...

— Для вѣрности... Насчетъ: не забыть...

— Можно все это...—самонадѣянно утверждалъ Семень, ободряемый внушительными взглядами Демьяна.

— Это первое дѣло... это пуще всего!.. А то въ нашей торговой части бываетъ такъ: отдалъ да и забылъ, бирокъ-то нарѣжь, да и спутаешься, навалаятъ уголь пражки-то, а спроси: не вѣду сколько... А въ записи сейчасъ взглянулъ—и видно...

— Ну, сватушка, у тебя, смотри, и безъ записи изъ ружь не вывернется... Съ твоей-то головой и безъ записи жить можно: все на памяти держишь...—польстилъ Демьянъ.

— Такъ-то такъ... На томъ стоимъ, а все, братецъ, лучше какъ оно въ грамотѣ-то написано, безъ сумлѣнія: сейчасъ взглянулъ—и видно.

— Да это что говорить!.. Грамата на что лучше! первая свѣтъ! подтвердили въ одинъ голосъ Демьянъ и Сидоръ.

— Ну, молодецъ,—продолжалъ Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ Семену.—Эво салтыря-то нѣтъ, а то бы я те почитать заставлялъ...

— Да онъ такъ знаетъ въ память...

— Ай?..

— Вѣрно...

— А ну-ка, катни... Смерть люблю отъ божественнаго... Ну-ка, Сеня...

Семень началъ на-распѣвъ:

— Бля-женъ мужъ, иже-не иде на со-вѣтъ нечестивыхъ и на-пу-ти грѣшныхъ не ста и-на сѣдалищи губителей не-сѣде... Но въ законъ...

— Ну, вотъ важно, Семень Сидорычъ... Ладно это... Сва-

тушка, выпейте... Любо мнѣ это... А стой, ну-ка, вотъ я неученый человѣкъ, а ты мнѣ вотъ что скажи: стоитъ градъ, въ онемъ градѣ многое воинство, всякому воину дано по кошку; единъ воинъ придетъ, градъ разбьетъ, имѣніе разберетъ; то имѣніе Богу въ честь, человѣку въ потребу?—Ну-ка-сь... Что такое значить?—а?...

— Что такое значить?—повторилъ озадаченный Демьянъ, и задумался.

Семень улыбался и хлопалъ глазами. Дмитрій Петровичъ самодовольно посмѣивался.

— А? что?... Ну-ка-сь, грамотѣй...—говорилъ торжествующій Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ Семену.—Что, не можешь?

— Никакъ не можно...—отвѣчалъ Семень.

— Вотъ какую штуку загнулъ... Ай, Дмитрій Петровичъ!..—льстиво говорилъ Демьянъ.

Дмитрій Петровичъ заливался довольнымъ смѣхомъ.

— Улей, божья пчелка: вотъ что значить.

— А-а...—протянулъ Демьянъ. Вотъ подишь ты...

— Воскъ, значить, Богу на свѣчку, а медовъ человѣку въ потребу... вотъ имѣніе-то какое!—пояснялъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ, такъ...—подтвердилъ Демьянъ...

— Что, братъ, вотъ те и грамотный!..—со смѣхомъ поддразнивалъ Семена Дмитрій Петровичъ.

Всѣ гости ухмылялись и одобрительно покачивали головами; но въ это время растворилась дверь избы и на порогѣ показалась Матрена въ сопровожденіи дочери, которую она вела за руку. У всѣхъ гостей лица мгновенно сдѣлались серьезными и сосредоточенными. Семень, все еще сидѣвшій въ кутѣ, робко приподнялъ глаза на свою невѣсту. Татьяна, проходя мимо его, хотя вскользь, но безъ малѣйшаго смущенія оглядѣла Семена, и когда глаза ихъ встрѣтились, не невѣста, а женихъ застыдился и потупился. Впрочемъ, помня наставленія и просьбы матери быть потише, да постепеннѣе со сватами, Татьяна, поставленная передъ сватами, отдала требуемый приличіями поклонъ и стала, опустя внизъ голову, точно и не вѣсть какая стыдливая и не-смѣлая дѣвица. Свахи пожирали ее глазами и вмигъ разсмотрѣли и ея высокую грудь, и круглыя плотныя плечи и руки, и все ея одѣяніе до малѣйшихъ подробностей.

— Вотъ моя Танюха-то кака!..—сказалъ самодовольно Дмитрій Петровичъ.

Демьянъ взялъ за руку Семена и подвелъ его къ Татьянѣ.

— Вотъ посмотритесь... Понравитесь ли другъ другу.

Татьяна стояла, не поднимая глазъ; Семень въ силахъ былъ приподнять свои только до шеи. Татьяны, какъ-бы боясь встрѣтиться съ ея взглядами. Оба стояли молча другъ передъ другомъ.

— Вишь, какъ застыдились оба, ровно голуби!—вмѣшалась жена Демьяна.—Вы дайте имъ, Матрена Поликарповна: пушай переговорать промежь собой одни, познакомятся.

— Что-жь, это дѣло законное, не нами уставлено,—отозвалась Матрена: —имъ жить, да вѣкъ коротать вмѣстѣ, пушай промежь собой и переговорку сдѣлають, безъ людей-то, знамо, имъ поваднѣе, смѣлѣе будетъ... Вотъ пойдемте, свахонька, отведемъ въ свѣтелку.

Свахи взяли за руки: одна дочь, другая жениха, привели ихъ въ отдѣльную холодную комнату подъ самой крышей, гдѣ жила лѣтомъ Татьяна, и оставили ихъ однихъ, а сами вышли и сѣли на приступкахъ лѣстницы, которая вела на этотъ чердачокъ.

Оставшись наединѣ, женихъ и невѣста долго сидѣли молча. Татьяна бойко было взглянула на Семена, оглядѣла его внимательно, и онъ показался ей недурень собою; но сидѣлъ около нея какъ-то сторбившись, неловко, и смотрѣлъ въ землю. Татьянѣ сдѣлалось вдругъ и грустно, и досадно на что-то, она невольно вспомнила объ Ильѣ, отодвинулась и отворотилась отъ Семена. Тотъ, когда замѣтилъ движеніе Татьяны и почувствовалъ, что она не смотритъ на него, сдѣлался смѣлѣе и поднялъ глаза на невѣсту. Онъ видѣлъ ея толстую косу, загорѣлую шею, румяную щеку, и припоминалъ наставленія Демьяна о томъ, что онъ долженъ говорить съ невѣстой на переговорѣхъ; но ожиданіе, что Татьяна вдругъ оборотится къ нему и взглянетъ на него по давшнему, мѣшало ему собраться съ мыслями: такъ ожег его и озадачилъ первый взглядъ невѣсты. Но Татьяна сидѣла неподвижно и не оборачивалась.

— «Что за напасть», думалъ про себя Семень, «никакъ не сообразись... Ровно впервой... Смирень, смиренъ, а тоже съ дѣлами-то игрывалъ же... А эта вотъ, подишь ты, ровно связала чѣпъ... Ну, да и дѣвка же—король: плечищи-то, коса-то какая червовая... да и сама-то бѣлая, румяная, плотная... Ахъ ты Боже мой милостивый... эка жара какая»!..

Семена даже въ жаръ и въ потъ винуло: онъ обтеръ лобъ рукавомъ поддевки и вздохнулъ. Потомъ, точно кто его толкнулъ съ мѣста: онъ быстро подошелъ къ Татьянѣ и обнялъ ее. Татьяна круто и сердито повернулась къ нему: и Семень проворно отдернулъ свою руку и пугливо опустилъ глаза въ землю.

— Ну, съ этимъ парнемъ можно управиться! — мелькнуло въ головѣ у Татьяны.

— Что же ты ничего не говоришь?—спросила она его.— Не мнѣ же, дѣвкѣ, тебя запрашивать.

Семень вскользь взглянулъ на Татьяну и ослабился.

— Ты ужь меня, Татьяна Дмитревна, не оставь... Полюби... А я ужь для тебя...

— Да ты-то будешь-ли меня любить-то?...

— Вотъ... кажись, по гробъ жизни... Ужь очень ты мнѣ... по мысли...

— А поди, женишься, такъ, чай, тоже драться полѣзешь... командровать захошь...

— Нѣтъ... я парень смиренный, пословный... Про меня кого хошь спроси... я... тише меня нѣтъ... вотъ что!..

— А, можетъ, водку пить почнешь... Либо родня твоя подбивать станеть: сважутъ, жена бойка, ты ее въ руки возьми... Стануть наѣзжать да мутить насъ...

— И никого не послушаю, ни въ жисть... Вотъ какъ... Да и родня у меня вся тихая: отецъ у меня смиренный, матери нѣтъ... Опять же я къ вамъ въ домъ иду... А вино это, извѣстно, когда въ праздникъ, безъ этаго нельзя... А только-что я и во хмѣлю тихой: за мной никакого художества нѣтъ... Нѣтъ, ты во мнѣ не сумлѣвайся, Татьяна Дмитревна... Я вотъ люблю: въ праздникъ когда, развернулъ салтырь, али часовникъ, да и читаю... потому я въ грамоту обучень...

Семень ободрился, вспомнилъ, что ему велѣлъ говорить Демянъ, и уже смотрѣлъ прямо на Татьяну.

— Да правду ли ты, парень, говоришь-то? Я, смотри, у отца-то да у матушки въ холѣ да въ нѣгѣ выросла, я дѣвка веселая, шумливая, да и характерная... Я и пѣсню спѣть, и въ посѣднѣ сбѣгать, и на языкъ не поддамся... Меня не замай...

— Такъ что?.. Ты только меня не оставь: полюби, а я для тебя что угодно...

— А ты, пожалуй, выдумашь: дома сиди, да избивать меня станешь...

— Полно... Я мужикъ не прижимистый: меня только не обидь, а я ни въ жизнь челоуѣка не обижу... Вотъ я какой... А не то, что тебя обидѣть... Ты, кажись, у меня... Вотъ на ладонку посажу, да дуть стану, ровно на сахарную...

— Такъ нечто я тебѣ больно полюбилась?..

— Ахъ, ужь не говори-тво... Я, кажись, экихъ дѣвокъ и не

привидывалъ... Сама-то жая, а глаза-то ровно стрѣлы... Даве какъ глянула, индо обожгла... Такъ даже сердце зашлось...

Семень опять потянулася-было обнять Татьяну, но та остановила его, но ласково.

— А ты погодь, не трожь... Не гоже... Ты лучше говори, Семень Сидоровичъ, всю правду, какъ передъ Богомъ: я, вѣдь, не захочу, такъ и не пойду... Я у родителей-то одна, меня нудить не стануть... Коли любя я тебѣ, да хошь ты меня жить за себя, какова я есть дѣвка, да побожись мнѣ божески, то будешь ты мнѣ мужъ не озорникъ, не срамникъ, не ругатель, такъ я пойду за тебя, а то ничего, чтѣ и сосватались, по ругамъ ударилась... Не захочу, такъ со мной и силой ничего не сдѣлають: я и въ церкви, передъ попомъ, отрекусь... Ну, такъ вотъ думай...

— Что мнѣ думать-то?... Дума-то моя вся теперь въ тебѣ... Богомъ тебѣ божусь, вотъ Создателемъ небеснымъ, сиди ты у меня на ладошкѣ, а я дуть буду... А не то, что озорничать, али ругаться съ тобой... Слышала ты это?.. Ну, вотъ какъ теперь мое сердце къ тебѣ легло... Душевная ты моя...

Въ это время дверь въ свѣтелку скрипнула. Сваха вошла въ все.

— Ну, переговорились-ли, познакомились-ли? — спросила жена Демьяна.

— Кажись теперь все узъ... кажись познакомились... — отвѣчалъ Семень, взглядывая на Татьяну.

— Переговорили... — отвѣтила Татьяна.

— Ну, такъ теперь пойдете въ избу къ большавамъ... Пускай они и спросятъ... — заявила Матрена.

Въизбу, въ избѣ, стоя опять рядомъ передъ лицомъ подгулявшихъ уже порядочно сватовъ, невѣста на вопросъ ихъ: по мысли-ли женихъ и идетъ ли она за него? отвѣтила: иду! а женихъ на вопросъ: беретъ ли невѣсту, отвѣтилъ: — беру!

Загѣвъ, всѣ помолились передъ образами, заставили поцѣловаться жениха съ невѣстой, перепцѣловались сами и, усадивши жениха и невѣсту на большое мѣсто, подъ образами, начали уже шумно, широко и весело производить настоящій запой.

Ребятишки тотчасъ же оповѣстили объ этомъ всю деревню.

VII.

Дошла вѣсть о Татьянинной помолвѣ и до Ильи. Нельзя сказать, чтобы это извѣстіе огорчило его: онъ не настолько любилъ Татьяну; но оно его разсердило. Досадно ему показалось, что его разлапушка, первая дѣвка во всей деревнѣ, уйдетъ изъ его рукъ, станетъ чужой ему бабой. Да и идетъ-то, говорятъ, своей охотой, не по принужденью. И не бѣжитъ Танюха къ нему втихомолку, не ищетъ его, не плачется передъ нимъ о своей горькой долѣ, а ровно и знать его не хочетъ, ровно она сама его прогнала, что надоѣлъ паренъ. И передъ друзьями-приятелями, хороходниками, съ которыми Илья кружился по кабакамъ, похвастать нечѣмъ, нечѣмъ покуражиться: они же стали надъ нимъ посмѣиваться; а дѣвки на гулянкахъ, вымѣщая за прежнее къ себѣ невниманье, и вовсе проходу не давали, ни въ какую разговорку съ нимъ не шли, только все къ Танюхѣ посылали. И тошно, и досадно на сердцѣ стало у Ильи; забралъ онъ въ голову, какъ ни какъ, разбить Танюхину свадьбу; или хоть бы повидаться съ ней, насмѣяться, жениха ея иссрамить и ее отъ себя прогнать, какъ постылую. Началъ Илья то-и-дѣло бродить около Дмитріевой избы, желая какъ-нибудь наединѣ встрѣтить Татьяну; но она видимо сама этого не хотѣла, сама отъ него отворачивалась: изъ окна увидитъ—спрячется; на улицѣ завидитъ—на другую сторону перебѣжитъ, или вовсе домой вернется. Не зналъ онъ того, что изъ-за окошного босяка Татьяна глазъ съ него не спускала, когда онъ проходилъ мимо, не зналъ и того, что, смотря вслѣдъ ему, она провожала его втихомолку про себя, сладкими рѣчами, сердечными приговорами. А Илья оттого еще больше подмывала и тоска, и досада. Собралъ онъ свѣдѣнія о женихѣ Татьяны, и съ какою-то радостью узналъ, что онъ и не больно боекъ, и бѣденъ; обидно показалось только то, что грамотенъ. Подсылалъ-было Илья къ Татьянѣ свою пріятельницу, старую солдатку вдову, чтобы повывѣдать, что Татьяна на сердцѣ и на умѣ, а если можно, то уговорить хоть единовою повидаться съ нимъ; но солдаткѣ не удалось и слово перемолвить съ Татьяной: Матрена Поливарповна зорко слѣдила за дочерью, смевнула, зачѣмъ солдатка пришла къ ней, и честию изъ дома спровадила, сказавши безъ церемоніи, что никакихъ гостей у нея въ дому только и есть угощенія, что и никъ да ухватъ. Илья рѣшился на смѣлую штуку; онъ рѣшился самъ пробраться ночью въ свѣтелку Татьяны.

Разъ, незадолго до Татьяниной свадьбы, поздними сумерками, пользуясь тѣмъ, что ворота Дмитриевой избы еще не были заперты, онъ проскользнулъ въ нихъ и притаялся на темномъ дворѣ, во мшеникѣ, у овецъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, слышалъ какъ Дмитрій Петровъ велѣлъ работнику запереть ворота и задать сѣна лошади, слышалъ смутно голоса Матрены и Татьяны въ избѣ, видѣлъ, какъ работникъ пронесъ охапку сѣна и положилъ въ телегу, около которой стояли лошади; потомъ вошелъ въ избу и крѣпко хлопнулъ за собою дверь. Затѣмъ голоса утихли, слышалось только ёрзанье горшковъ по полу печи и стукотня деревянной и глиняной посуды: Илья смекнулъ, что въ избѣ ужинали. На дворѣ стало совсѣмъ темно и тихо, только скрипѣли зубами коровы, пережевывая свою жвачку, да фыркали лошади, роясь въ сѣнѣ, отъ времени до времени трясая и качая головой, да овцы ни съ того, ни съ сего вдругъ вскачутъ на ноги и шаркнутся съ одной стороны хлѣва въ другую. Опять отворилась дверь изъ избы въ сѣни, и одинъ разъ, и другой, и третій, проскрипѣли половицы сѣней подъ чьими-то шагами, кто-то выходилъ раза два на крылечко, спускавшееся во дворъ, кто-то кракнулъ, кто-то вздохнулъ такъ тяжело, глубоко: не Татьяна ли ужъ это?... Опять слышались чьи-то отрывистые, глухія голоса—и все смолкло. Илья пождалъ еще съ полчаса—тишина стала кругомъ полная, даже лошади и коровы видно задремали и не шевелились. Илья вышелъ изъ своей засады на темный дворъ, и тогда только подумалъ о томъ, что онъ никогда не бывалъ въ домѣ Дмитрія Петровича и не знаетъ хорошенько его расположенія. Правда, крестьянскіе дома всѣ строятся на одинъ ладъ, да у Дмитрія-то Петровича домъ пятистѣнный о двухъ избахъ, да еще со свѣтелкой, и какъ у домовитаго хозяина, поди, чай, на каждомъ шагу чуланы, да пристройки разныя: того и смотри, заблудишься. Татьяна спитъ по всей вѣроятности одна, въ своей свѣтелкѣ, лѣстница въ свѣтелку чай изъ сѣней, да кто ее знаетъ, у которой стѣны... а пожалуй еще, кто-нибудь въ сѣняхъ-то и спитъ? Илья остановился въ раздумьи. Ужъ не уйти ли гусинею до грѣха, благо ворота близко: отодвинулъ запоръ—и на волѣ. А на что же приходилъ, выжидалъ, прятался? Въ другой разъ ужъ не попадешь: утромъ встанутъ, увидятъ ворота открыты; надо, кто-нибудь былъ да вышелъ—сторожиться станутъ. Да и какъ никакъ, ужъ коли пришелъ, надо съ Танюхой повидаться: пусть будь что будетъ: авось найду дорогу.

Придерживаясь той стѣны, около которой было крылечко, Илья потихоньку пробираться въ нему. Въ одномъ мѣстѣ рука

его задѣла за нашестъ, на которомъ сидѣли куры: нашестъ пошатнулся, куры перебулгачились, прѣснулись, закудахтали... Испуганные неожиданной тревогой, шарахнулись въ сторону лошади и потащили за собою телѣгу, въ которой были привязаны, вскочила на ноги и мыкнула корова, заметались по мшенинику, какъ уторѣлыя, овцы... Илья замеръ на мѣстѣ... Подождать, прислушался. На дворѣ мало по-малу все успокоилось; изъ избы не доносилось ни одного звука, кто-то только какъ будто повернулся на кровати съ одного бока на другой. Илья добрался до крыльца, поднялся по лѣстницѣ, тронулъ дверь—заперта щеколдой, которая, впрочемъ, легко открылась, и Илья перешагнулъ черезъ порогъ въ сѣни. Щеколда слегка стукнула, но въ избѣ никто не пошевелился, слышался только оттуда чей-то сонный храпъ. Илья пощупалъ около себя руками на-право и на-лѣво, и нащупалъ близъ себя дверь въ избу. Онъ сталъ соображать: если на-лѣво дверь въ избу, значитъ на-право холодная горница, надъ ней свѣтлица; въ сѣняхъ двѣ двери для выхода: одна на дворъ, другая противъ нея на уличное крыльцо. Хорошо бы отпереть эту другую дверь и пріотворить немножко, тогда будетъ виднѣе, гдѣ лѣстница наверхъ въ свѣтелку, да если и лыжи наострить придется, такъ черезъ то крыльцо скорѣе можно улизнуть, чѣмъ черезъ дворъ. Была не была, думалъ Илья, ототпруто крыльцо, и если чуть что—стрекну вонъ, а не услышать, такъ и ладно. Не размышляя долѣе, онъ прокрался черезъ сѣни къ противоположной сѣнѣ, ощупью отыскалъ дверь и крючекъ которымъ она была заперта. Едва дыша, Илья отомкнулъ крючекъ оказалось, что дверь открывалась наружу, и легко отворилась когда Илья потолкнулъ ее. Звѣздное небо глянуло черезъ дверь въ сѣни, ворвалась холодная струя ночного воздуха; Илья невольно вздрогнулъ и оглянулся; въ сѣняхъ на первый разъ показалось Ильѣ какъ будто еще темнѣе прежняго. Стоя неподвижно и держась за полуотворенную дверь, онъ сталъ прислушиваться: кругомъ все было тихо и неподвижно. Присталъ въглядываясь внутрь сѣней, онъ мало по-малу рассмотрѣлъ дверь въ избу, дверь въ горницу, въ чуланъ, лѣстницу, которая шла на чердакъ, а слѣдовательно и въ свѣтелку.

Долго стоялъ Илья, пока рѣшился двинуться въ этой лѣстницѣ, но полная тишина кругомъ успокоила его.

— Эге, да этакъ васъ и обокрасть спологора!—промелькну у него въ головѣ.—Богатъ, сторожекъ, а видно отъ ловкаго во не уберечься и тебѣ, Дмитрій Петровичъ!

— А, ну, какъ она въ горницѣ спитъ, а я въ свѣтелку

лѣзу? Гдѣ, чай, въ горницѣ, нѣтъ, теперь они въ свадьбѣ при- пасаются, горницу-то прибрали: тамъ, чай, панелетъ будетъ, мо- лодыхъ спать положить... Вишь ты, *молодая!*... Илью точно что кольнуло въ сердце при этой мысли, и лицо его скривилось въ злую улыбку.

— Вотъ что: заскрипитъ проклятая лѣстница, да и сапожи- щами, пожалуй, завозишься... Безъ сапоговъ бы легче.

Илья вышелъ на крыльцо, снялъ сапоги, сбросилъ ихъ съ крыльца въ траву и босой снова вошелъ въ сѣни, притворилъ, но не заперъ за собою дверь, и направился къ крутой лѣстницѣ, ко- торую высмотрѣлъ въ углу сѣней. Потихоньку, едва дыша, онъ поползъ по ней, приостанавливаясь на каждомъ приступѣ. Лѣстница дѣйствительно скрипѣла. Онъ уже взлѣзъ почти на самый верхъ лѣстницы и заносилъ ногу, чтобы ступить на помость, по кото- рому оставалось сдѣлать два-три шага до двери въ свѣтелку, какъ вдругъ эта дверь отворилась и чрезъ нее просунулась го- лова Татьяны.

— Кысь, кысь, высь... Машея, ты что ли тутъ шуршишь, подлая... Кысь, подь сюда...

— Нишни, это я, Таня...—прошепталъ Илья.

— Господи помилуй... Съ нами вкрестная сила... Аминь, аминь...—лепетала Татьяна, обезумѣвшая отъ неожиданности и страха. Вся дрожа, она скрылась въ свѣтелку и захлопнула за собою дверь.

— Танюша... Да не бойсь, это я самый... я... настоящій... живой...—шепталъ Илья, пріотворяя дверь въ свѣтелку.—Нишни, не кричи... Услышать...

— Ахъ, Илюшенька... Да какъ ты это... Да что ты это на- думалъ... Въ умѣ ли ты?... Экой ты, парень... Ну какъ услы- шимъ, или увидятъ...—бормотала Татьяна, у которой захватывало дыхаііе и отъ радости, и отъ страха. Вотъ не чаяла... Вотъ на- пугала...

— То-то, ты думала отъ меня ухоронишься... Заройся ты подъ землю—и тамъ, захочу, найду... Разѣ отъ экаго мужика супрачешься... Ниваки замки, запоры, передо мной не состоятъ...— бахвалился Илья.

— Милый ты, милый... Удалая головушка, забубенная... Нѣтъ тебя лучше на свѣтѣ...—Татьяна уже обнимала Илью, за- бавши всѣ свои намѣренія и обѣщанія. Что-то давило ей горло: она готова была зарыдать.

— То-то, милый... А сама замужь хочешь идти, меня въ

— Пушай его бѣжить, треклятый!—Потомъ стала уговаривать и успокаивать Дмитрія Петровича.

— Полно, отецъ, полно, будетъ, перестань.

— Да теперъ бейте, хоть душу вонъ выбейте!—говорила Татьяна, отпуская изъ рукъ работника и сверкая точно сумасшедшими глазами сквозь растрепанные волосы. Теперъ бейте меня, онъ ушелъ.

Матрена ухватила размахнувшуюся для новаго удара руку отца. Татьяна, съ истерическими всхлипываніями, опустилась и сѣла на полу тамъ, гдѣ стояла. Дмитрій Петровичъ пыхтѣлъ и не могъ слова выговорить. Работникъ, втихомолку ругаясь, трясъ головой и выбиралъ горстями выдранные изъ головы волосы.

— Тьфу, черти, сволочь, чтобъ вамъ тутъ...—пробормоталъ работникъ и, плюнувъ съ досадою, ушелъ въ избу.

— Ну, ну, Иванушка, помолчи: водочки вось поднесу... — говорила ему вслѣдъ Матрена Поливарповна. — Ахъ, батюшки мои, святые угодники, что надѣлалось-то,—продолжала она,—какъ тутъ быть, что дѣлать, что люди скажутъ, какъ узнаютъ, провѣдаютъ...

— Кажись, лучше бы ты сдохла, окаянная, чѣмъ экія дѣла творить...—проговорилъ наконецъ Дмитрій Петровъ, обращаясь къ дочери.

— Ну, ну, батюшка... Ну, Дмитрій Петровичъ!—успокаивала Матрена.—Брось ее, брось, безстыжую... Пойдемъ въ горницу... Пушай ее опаматуюся, что надѣлала... А мы подумаемъ...

— Чего тутъ думать-то... Да я ее, кажись, коли люди прознаютъ, да я ее...

— Полно, батюшка, никто не прознаетъ: сусѣдушки никто не слышали, а Ванюшкѣ-то вотъ я... двугривенничекъ да на рубашку... Свой человекъ, свой работничекъ, нашъ хлѣбъ ѣсть... небось, и духу не дастъ... То, батюшка, благодари Бога, что еще душегубства никакого не сдѣлалось: дубинкой-то да по головѣ—кавово бы пришлось... И то Божья милость: ты то думай...

— И ничего бы, и по дѣломъ, и отвѣта бы никакого не было, потому въ своемъ дому... Можетъ, онъ съ разбоемъ приходилъ.

— Вѣдь, и я-то думала, что воры... Слышу, по сѣнямъ кто-то шарить, по лѣстницѣ вверхъ полѣзъ... Слышу, шушукуются: такъ и обмерла. Вышла изъ горницы-то, смотрю, дверь на крыльцо отперта. Я дверь-то замкнула, да Ивана разбудила тихонько, да тебя... Какъ бы знать, что этотъ удача, такъ я бы никого и не подняла, сама бы его шутнула.

— А почему ты знаешь... Ты думаешь, онъ не уворовалъ бы что, коли бы подъ руку попалось... Да онъ первый воръ... Кто его знаетъ: можетъ онъ затѣмъ и шелъ, можетъ онъ насъ всѣхъ придушить хотѣлъ да ограбить... Кто его знаетъ... Этотъ пропонца на все пойдетъ...

— Да нѣтъ, батюшка, нѣтъ, не такой онъ парень... Не мѣли ты на него... Ко мнѣ онъ приходилъ, по любви по нашей... — проговорила Татьяна прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

— Молчи ты... Ротъ развѣваетъ еще... Ты такая же отпѣтая, что и онъ... Вы, можетъ, вмѣстѣ сговорились отца-то ограбить...

— Не таковская я...

— Молчи... Проглоти языкъ-отъ... Ты мнѣ теперь ровно какъ змѣя стала... Какъ бы у тебя только одна твоя пакость на умѣ была, такъ ты бы сама ушла къ нему, гдѣ-нибудь на овинѣ бы сошлись, али въ сараѣ: у васъ, у экихъ, мѣстовъ много... А ты къ себѣ въ домъ привела и двери ему отперла... Звучить, у васъ не то въ головѣ было... Нѣтъ, теперь ты мнѣ ворогъ стала, я теперь черезъ тебя долженъ сна, покою рѣшиться... Вотъ ты какая мнѣ дочь-то... Теперь тебѣ отъ меня: воровка! другого имени не будетъ... Вотъ ты что знай...

— Да ужъ, доченька, и я скажу: сухоты ты родителямъ много сдѣлала. Невѣста ты, обрученница, а любовниковъ къ себѣ въ свѣтлицу зазываешь... Ты ли мнѣ божбой божилась, что ни впередъ, ни послѣ знаться съ нимъ не будешь, грѣхъ свой вѣнцомъ прикрыть собираешься... Сама знаешь, дѣвка послѣ сговора ни въ церковь, ни на улицу не ходить... А ты, на-ка, къ себѣ въ свѣтлицу зазываешь... Не даромъ, вась, солдатка-то приходила къ намъ на дворъ: переводились, видно, черезъ нея...

— Ни съ кѣмъ я не переводилась и его не зазывала, самъ пришелъ, не въ чайку мнѣ... И приходилъ онъ не для воровства и разбою, а по мнѣ стосковался... Дверей я ему не отпирала: сами, видно, для любви его отворились... А и то сказать: во что хотите, въ то меня и почитайте—ваша кровь... Сами чуть чловѣка не окалѣчили, а не сунься я, такъ, можетъ, и убили бы...

Татьяна вдругъ поднялась на ноги, перестала плавать, но все дрожала.

— Эко зельце выкормили!.. Пошла вонъ, въ свѣтелку... — вышелъ только проговорить Дмитрій Петровичъ.

Матрена Поликарповна молча, печально, покачала головой.

— Ужъ доколотить бы тебѣ давеча и меня: ужъ одинъ бы

конецъ, а то что только волосья вытаскалъ, да синяковъ насажалъ...—говорила Татьяна.

Она тронула себѣ лицо и показала окровавленную руку.

— Смотрите-ка... хороша невѣста!.. Хорошо родительское благословеніе!.. — Она злобно, нехорошо, усмѣхнулась, и стала медленно подниматься по лѣстницѣ въ свою свѣтелку.

Дмитрія Петровича смутилъ видъ крови, но онъ не хотѣлъ показаться малодушнымъ.

— Не такъ бы еще тебя надо...—сказалъ онъ.—Я бы еще тебя не такъ поучилъ, кабы не мать заступилася: за нее Богу молись...

Татьяна молча ушла въ свѣтелку.

— Ахъ, грѣхи наши тяжкіе... согрѣшили передъ Господомъ Богомъ!..—говорила, вздыхая, Матрена Поликарповна...—Хоть бы ужъ вѣнцомъ-то Богъ привелъ прикрыть ее поскорѣе... Вся душенька переболѣла... Пойди, Петровичъ, ляжь... Я пойду къ ней, поговорю, посовѣщу: все равно не уснутъ... Такъ, ничто, вся пересмякла съ переполоха-то...

— У меня у самого въ голову стучить... А ужъ этотъ Илюшка отъ меня не уйдетъ—дай только свадьбу справить...

— Ну его, отецъ... только бы далъ Богъ отчураться отъ ворога.

— Да ничего, и сегодня я ловко его погладилъ. Небось, помнить будетъ, почешется!..

— Мнѣ бы только какъ люди-то не прознали... Да, важись, слава Богу, никто не слыхалъ... Эка дѣвка, эка дѣвка, нагрѣшница!.. И въ кого экая уродилась...

— Да, а ты вотъ: знаю ее да знаю, ужъ коли сказала, что не будетъ бѣгать, такъ не будетъ... А она вонъ что: къ себѣ стала водить...

— Ужъ и не придумаю какъ и въ толькѣ это взять. Ужъ теперь, важись, на часъ отпустить съ глазъ не стану... и спать съ ней буду...

Дмитрій Петровичъ улегся спать, а Матрена пошла къ дочери. Она нашла ее на постели, лицомъ къ стѣнѣ. Татьяна даже не пошевелилась при входѣ матери, и ни слова не отвѣтила на ея упреки и наставленія; не хотѣла даже рассказать, какъ попалъ къ ней Илья. Матрена Поликарповна напрасно истратила весь запасъ своего краснорѣчія и лукавой политики: она не добила отъ дочери ни признанія, ни раскаянія. Это упорство крайне ее огорчило и рассердило.

— Ну, дочка, отольются тебѣ мои слезы!—проговорила она въ заключеніе.

VIII.

Освободившись изъ рукъ Ивана и изъ-подъ палки Дмитрія Петровича, Илья стремглавъ слетѣлъ съ лѣстницы и въ первыя шаги, ничего не думая, радуясь только неожиданному спасенію, ударился бѣжать вдоль улицы къ своему дому. Кто-то, разбуженный шумомъ и крикомъ въ сосѣдней, съ домомъ Дмитрія, выбѣ, высунулся изъ окна и закричалъ вслѣдъ бѣгущему Ильѣ: держи его, держи!.. Этотъ окрикъ точно кнутомъ приударилъ Илью, и онъ бѣжалъ изъ всѣхъ силъ, безъ оглядки, до самаго своего дома.

Женѣ Ильи не въ диковину были его ночныя отлучки: не удивляясь бы она, еслибъ увидѣла его пьянымъ и буйнымъ; но и въ потьмахъ, отпирая ему дверь, она не могла не обратить вниманія на его тяжелое, прерывистое дыханіе, а когда вздула огня и взглянула на мужа, хриплымъ голосомъ потребовавшего воды, то невольно вскрикнула. Въ изорванной рубашкѣ, босой, расстрепанный, съ разбитымъ до крови лицомъ и синяками на лбу, Илья сидѣлъ на лавкѣ, мрачно поводя налитыми кровью глазами, какъ-бы прислушиваясь къ чему-то, и тяжело дышалъ.

— Чего закаркала!—сурово проговорилъ онъ, вырывая изъ рукъ жены воншъ съ водою.

— Илюшенька, да на тебѣ образа божьяго нѣтъ!—проговорила испуганно жена Ильи.—Весь избить, искалѣченъ.

— Ну, такъ что тебѣ?.. Твое, нечто, дѣло?..

— Ахъ, батюшки мои, такъ вѣдь жалко мнѣ, чай, тебя, болѣзнь мой... Може бы тебя убили... Мотри-ка, весь въ крови...

— Дура, чортъ... Кабы убили, такъ не пришелъ бы домой...

— Такъ мотри-ка, сердечный, вѣдь, головушка-то вся у тебя испробита, испроломана... Кто это тебя этакъ?.. Ну-ка ты, Илюшенька, а... болѣзнь мой...

Парасковья хогля-было разобрать волосы на головѣ мужа...

— Ну, убирайся въ чорту, отстань...

Илья съ досадою оттолкнулъ жену. Парасковья заплакала.

— Эво житье, Господа! не приберешь ты меня...

— Вотъ еще: завой... Нѣтъ ли водки?..

— Да, припасла я про тебя... Иной разъ и безъ варева съжу, не то что водку въ дому держать... Ты бы больше объ дому-то да объ женѣ думалъ, такъ и водка бы въ домѣ води-

лась... А ты только гуляешь, да пьянствуешь, да около дѣвогъ прокуратишь...

— Ну, молчи... Налей лучше въ рукомойникъ воды: я всплеснусь... Саднить больно голову-то... Охъ, ноженька... Пстой же вы, дьяволы...

Парасковья исполнила приказаніе мужа, но въ то время, какъ наливала воды и Илья мылъ себѣ лицо и голову, она ворчала:

— Чтѣ, али Таньку-то замужь отдають, такъ другую сталь заводить, да не въ пору попалъ: полѣномъ усудобили... По дѣломъ тебѣ... Больше бы около жены сидѣлъ, цѣлѣй бы былъ... Еще доживешь — что и до смерти убьютъ... Вонъ, и рубаху-то всю изорвали... Рубаха-то была хорошая: еще и ластовицы новыя только-что поставила... Всего-то изорвали, всего... Вонъ и сапоговъ-то нѣтъ... Гдѣ сапоги-то? али въ кабакъ заложилъ, а?.. Эка напасть, Господи!.. Вотъ житье-то!.. Али сняли дружки-пріатели? Избили да и сапоги сняли... сапоги-то какіе были... хорошіе, питерскіе... чай, больше трехъ рублей даль... Гдѣ сапоги-то? Скажи: заложилъ что-ли?

Илья только теперь вспомнилъ, что онъ снялъ и бросилъ сапоги у крыльца Дмитрія Петровича, и убѣжалъ безъ нихъ. Это обстоятельство его озадачило и заставило задуматься: въ самомъ дѣлѣ, и жалъ сапоговъ, если пропадутъ, да и какъ ихъ взять оттуда, гдѣ оставилъ? Самому идти теперь — пожалуй, опять попадешься въ руки, а оставить — завладѣетъ кто найдетъ... Жену послать за ними нужно! мелькнуло у него въ головѣ.

— Ты слушай-ка, Паранька, вотъ что: не закладывай я сапоговъ-то, я и въ кабакѣ не былъ... Они цѣлы... Вишь ты, какъ я бѣжалъ отъ нихъ...

— Отъ кого, болѣзненный?..

— Ну, отъ разбойниковъ-то...

— Да какіе такіе разбойники?.. Разѣ на тебя напали?..

— А то какъ же!.. Я въ это... въ Корцово ходилъ въ ребятамъ... такъ, побалакать на счетъ... когда въ Питеръ собираются...

— Ну...

— Ну, иду оттелева, а тамъ мѣсто грязно... я сапоги-то и снялъ, да въ рубахъ и несу; только вхожу въ вусты-то, они на меня и бросились, да и ну бить... съ вольями... Я-то одинъ, а ихъ-то много... ничего не подѣлаешь... Я бѣжать, они за мной, да такъ до самой деревни гнались... и въ деревню-то вбѣжали... Я присталъ, сапоги-то въ рубахъ, мѣшаютъ бѣжать-то, я и бросилъ ихъ наотмашъ, въ траву, кажись, мимо Митревой избы,

Петровича, бѣжалъ-то... Да, вѣрно такъ, что сунпротивъ его избы, хоть и впопыхахъ, а я запримѣтилъ... Тамъ, поди, они и теперь лежать...

— Такъ надо сходить съ фонаремъ, да поискать...

— Ну, чтó съ фонаремъ, людей только булгачить... А вотъ передъ свѣткомъ... какъ замерещится, такъ ты и сходи... пока народъ-то не проснулся... Еще до стада сходи, а то какъ разъ кто подхватить...

— Да, знамо надо до свѣта... Я схожу... Кто же это навалъ-то на тебя, болѣзненный?

— Да кто ихъ знаетъ: ночью-то не признаешь... Да ровно какъ чужіе кто, не съ нашей стороны... Одинъ черный, большой, другой страшный, рыжий, лохматый, ровно дьяволъ, а третій...

— Ахъ, не поминай ты его-то... его-то не поминай къ ночи... Господи Христе... свято мѣсто... во имя Отца... Что же ты не кричалъ-то, родимый?..

— Какъ не кричать—кричалъ... Да, вѣдь, всё спять: ночное дѣло... Охъ, батюшка, головонька смерть болить, и спи-нушка, и ноженьки: по ногѣ видно однова больно свиснулъ...

— Ахъ, ты, Создатель милосливый... Батюшка ты мой, какъ ты еще живъ остался... Ну-ка, чтó завелось у насъ... Никогда не бывало... А съ ножами они, Илюшенька...

— Гдѣ, чай, безъ ножевъ... съ ножами, чай...

— Ложись, болѣзный, да-ка я тебя поглажу... али маслицомъ помазать гдѣ?.. а?..

— Нѣтъ, вотъ бы что, Параня, промыслила бы ты гдѣ водки... Больно у меня нутро ноетъ: испужался, видно, я...

— Да какъ не испугаться: до кого ни доведись... Одинъ, да и въ рукахъ-то одни сапоги, а они вонъ ватагой, да съ ножами, да съ колыями... Умолила еще видно я, грѣшница, за тебя... Моиими, видно, молитвами, ужъ ничьими, Илюшенька, Господь тебя спасъ...

— Что же, Параня, водочки-то, промыслишь?.. Сходи, постучи, можетъ и дядя Акинфій отопретъ—дасть... Сбѣгай...

— Да ужъ молчи, поищу... Что бѣгать-то; у меня, кажись, припрятано про тебя съ косушку... Вотъ я поищу, постой...

— Да ужъ и поѣсть бы чего... хоть колобка нѣтъ ли съ молокомъ...

— Молчи ужъ, погодь... тотчасъ... Да лягъ, батюшка, прилягъ ты, полежи.

Парасковья живо достала откуда-то припрятанную бутылку, кринку молока и холодныхъ блиновъ—и начала угощать мужа.

— Вотъ бы ты, Илюшенька, побольше бы дома-то сидѣлъ, около жены-то, — приговаривала Парасковья, подсаживаясь къ Ильѣ, — все бы у тебя и дома было: и водочки, когда вздумалось, и все... И самъ-то бы цѣлъ былъ... А то, ну-ка, долго ли до грѣха... Вотъ ты меня не жалѣешь, не припускаешь къ себѣ, что не пригожа я, не молода, а обидѣлся бы коло меня, коло жены, приглядѣлся бы, и жена бы милѣй стала, и въ дому бы у насъ всего прибыло... Я, вѣдь, вонъ какая баба-то: ты меня не любишь, никогда, почитай, ласковымъ словомъ не найдешь, а только ладишь изругать, да толконуть, а я все къ тебѣ, все къ тебѣ... Ты у меня точно къ сердцу-то припечатанъ; пра, точно я къ тебѣ пришита... Да и пришита и есть, потому въ законѣ... И зла у меня супротивъ тебя нѣтъ: что ты ни дѣлай, а все мнѣ тебя жаль, все жаль... потому, думаю сама съ собой: сколько бы онъ отъ меня ни бѣгалъ, куда бы ни ушелъ, а все ко мнѣ придетъ, рано ли, коротко ли, а придетъ же ко мнѣ.

Илья, успѣвшій выпить всю поданную водку и нахлебаться молока, взглянулъ искоса на жену и нетерпѣливымъ движеніемъ освободилъ свое плечо отъ руки жены, которая въ изліяніи чувствъ обняла мужа.

Маленькая, съ широкимъ, рябоватымъ лицомъ, которое имѣло всегда какое-то неумное, плаксивое, хотя и доброе выраженіе, съ узенькими подслѣповатыми глазками, неопрятная, да еще растрепанная со сна, Парасковья показала мужу просто противную.

— Пусти-ка, я спать хочу... — проговорилъ Илья.

— Лягъ, болѣзненный, лягъ: отдохни!.. Чай, неетъ вездѣ?.. Гдѣ ляжешь-то? — на палатахъ, али въ сѣни пойдешь? Здѣсь-то, мотри, мухи не дадутъ спать: таковы злы стали, смерть!.. Хошь въ сѣняхъ я тебѣ шубу подстелю и сголовьецо кину?

— Да, знамо, въ сѣняхъ... Ну, что тутъ еще... Даено бы постелила, чѣмъ сидѣть-то, да бобы разводить... •

Илья всталъ сердитый, съ вряхтеньемъ и прихрамывая, пошелъ въ сѣни. Проходя подъ полатами, онъ стащилъ оттуда шубу.

— Гдѣ сголовье-то?

— Да тамъ, Илюшенька... Я тамъ лежала, тебя ждала, въ сѣняхъ... А обогнуться-то, тамъ халать лежить... Погодъ, я тебѣ все справлю, сѣнца принесу, помягше чтобы... и обогну тебя, — суетилась Парасковья.

— Не надо, отступись... — сердито проговорилъ Илья, укладываясь въ сѣняхъ на нары, замѣнявшіе кровать.

— Ты не забудь за сапогами-то сходить пораньше... О-ой...

— Али восточен-то ноютъ?.. Али головушка болить?.. Дай поглажу спинушку-то, може легче будетъ?—проговорила Парасковья, окутывая мужа кафтаномъ, поправляя ему изголовье и присаживаясь къ нему на постели.

— Да отвязись ты отъ меня, уйди... Вотъ пристала... Ступай въ избу...

Илья повернулся и легъ такъ, чтобы не оставить женѣ мѣста сидѣть возлѣ него.

Парасковья встала на ноги, но не ушла въ избу, а подперлась рукою подъ щеку и остановилась около постели мужа.

— Вотъ, муженекъ, батюшка... Спасибо, покорнѣйше благодарить... Я какъ бы все къ нему, все какъ бы угодить, да потрафить, а онъ... Полно, разбойники ли тебя были-то?.. Какіе такіе у насъ разбойники, откуда взялись?.. Не въ любезной ли каковъ въ Корцово-то шлялся, а корцовскіе ребята подстерегли, да отдули... Вотъ чай и всѣ разбойники тутъ... Ужъ догуляешься ты: убьютъ гдѣ до смерти, да въ оврагъ и кинутъ... Вспомынешь тогда и жену, да ужъ поздно будетъ... Вотъ жизнь-то моя каторжная; хуже каторги-то: встань—реви, и ложись—реви. Вотъ, говорятъ, у умнаго мужа—жена выхолена... Да какая я жена? Развѣ этапъ жены-то у мужей живутъ? Старики, вонъ, говорятъ: мужъ съ женой бранятся, а подъ одну шубу ложатся, а мой муженекъ жену и съ кровати долой... А-ахъ, жизнь, жизнь моя постылая...

«Да, вотъ какую Богъ жену далъ», думаль про себя Илья, «развѣ бы мнѣ такую жену надо?.. Вотъ бы мнѣ жена-то—Танюшка... Отъ нея, можетъ, и по чужимъ дворамъ не бѣгаль бы... А отъ этой слюнявой, отымалки, по неволѣ за тридевять земель забьжишь. И домъ-отъ свой немилъ, и сподаблывать ничего не хочется: не въ баркатѣ ли эту юю борявую водить, людямъ на смѣхъ... Вотъ Танюху, ту рядить можно, не въ вазоръ, хоть въ Питеръ веди, вездѣ потрафить...»

Парасковья долго еще прибирала разныя жалобныя и сердитыя слова, стоя надъ мужемъ, но не получая никакого отвѣта, ушла, наконецъ, въ избу. Дождавшись утренней зари, она отправилась на поиски сапоговъ.

IX.

Лѣтъ шесть назадъ, Парасковья вышла замужъ за Илью. Бракъ этотъ состоялся не поневолѣ, не по принужденію, но и не по желанію жениха и невѣсты. Ихъ сосватали и соединили родители, не освѣдомившись даже объ ихъ желаніи. Отецъ Ильи, у котораго торговня дѣла всю жизнь шли очень плохо и неудачно, надѣялся нѣсколько поправить ихъ, женивши сына на дочери богатаго мужика, какимъ слылъ отецъ Парасковьи. Ильѣ только-что минуло 18 лѣтъ, а Парасковья было уже около 25: она была невѣста засидѣвшаяся; очень разбираться въ женихахъ ей не приходилось, да Илья и не могъ не полюбитъ такую невѣстѣ. Отецъ Парасковьи охотно далъ согласіе отцу Ильи, а послѣднему и въ голову не приходило, что можно самому исвать себѣ суженую и не подчиняться въ этомъ случаѣ выбору отца. Ему сказали, что жена у него будетъ богатая, что хоть и не больно красива она, ну, да вѣдь, не съ рожей жить, а съ человекомъ, красота-то женская переходчива, а хуже того, какъ дома куска хлѣба нѣтъ. Илья по природѣ своей всегда былъ человекъ легкомысленный: онъ не подумалъ ни одной минуты о своей будущей жизни въ положеніи мужа, о томъ, что женитьба возложитъ на него новыя обязанности и заботы, что она свяжетъ его и лишитъ свободы. Онъ зналъ и видѣлъ, что въ деревняхъ въ его годы всѣ женятся: стало быть, и ему пора; у батьки дѣла плохи, а у него жена будетъ богатая, чего же лучше: значить, будетъ сытъ и одѣтъ, гуляй, ни о чемъ не думай. Парасковья послѣ свадьбы легко и скоро привязалась къ Ильѣ: она любила его какъ веселаго, красиваго парня, который отданъ ей въ мужа. Слывшій богатымъ, отецъ ея далъ за нею хорошее приданое, одеждой и вещами, но денегъ не далъ. Вещи и одежда какъ-то незамѣтно исчезали у Парасковьи въ домѣ свекра: она была баба добрая, послушная, и за маленькую ласку, за доброе слово, охотно отдавала все, что имѣла, то свекрови, то свекру по нуждѣ ихъ, а когда упрячилась, жалѣла, начинались ссоры и упреки за то, что богатый свать обманулъ и ничего не далъ за дочерью: прокормить ее нечѣмъ. Скоро родители Парасковьи замѣтили это и стали требовать, чтобы отецъ отдѣлилъ Илью; пошли семейныя перебранки, ссоры, переторжки, и кончилось дѣло тѣмъ, что родители Парасковьи должны были купить на свой счетъ срубы и дать дочери корову; тогда отецъ Ильи, съ своей стороны, поставилъ эти срубы, обрядилъ избу и

далъ Ильѣ старую лошаденку и пару овецъ. Ильа началъ жить хозяиномъ, сталъ ходить сначала съ отцомъ, а потомъ одинъ, самъ по себѣ, въ Петербургъ продавать полотна. Дѣло у него шло, по-мужицки, не дурно, но денегъ Ильа сколотить не могъ: жилъ въ Питерѣ въ свое удовольствіе, ѣлъ сладко, одѣвался нарядно, въ кабаки и трактиры дорогу зналъ твердо, и, воротившись на дѣло домой, прогуливалъ остальные деньги, норовя взять новаго товара побольше въ долгъ; заботу же о домѣ ограничивалъ онъ только тѣмъ, что заводилъ новую сбрую съ наборомъ на единственную лошадь, да украшалъ фольгою задокъ телѣги, да покупалъ расписную высокую дугу и привезъ женѣ одинъ разъ желтую шаль съ красной бахромой, а другой разъ башмаки, да и тѣ скоро какъ-то исчезли у Парасковьи. Она тоже вышла баба беззаботная, не хозяйка; чего было у ней много—она не жалѣла, не берегла; а какъ чувствовала нужду—начинала жадничать, прятать, скупиться и жаловаться. Работать она была не мастерица и не охотница; зато говорить могла цѣлый день, безъ умолку. Въ деревнѣ ее считали не умной бабой, пустой, сластолюбкой. Ильа относился къ женѣ совершенно равнодушно, не обращалъ на нее почти никакого вниманія; но подчасъ, когда она начинала упрекать его за безпутную жизнь, или принималась ласкаться къ нему, онъ чувствовалъ къ ней и отвращеніе, и злобу; впрочемъ, билъ онъ ее рѣдко, и то развѣ очень пьяный. Въ настоящее время дѣла Ильи были плохи: прошедшую зиму торговалъ онъ неудачно, старыхъ долговъ многимъ не заплатилъ, денегъ домой принесъ мало и вновь товара въ долгъ не обѣщали, да и вообще кредитъ Ильи сильно подрывался его разгульной жизнью; отецъ Парасковьи давно уже отказалъ Ильѣ во всякой помощи; поэтому Парасковья очень заботилась, какъ бы не пропали мужнины сапоги.

— И безъ того-то нужда кругомъ: скоро ѣсть нечего будетъ,—разсуждала она,—а тутъ еще рубашку всю исполосовали, сапоги и сапоги, пожалуй, пропадутъ.

Подойдя къ Дмитріевой избѣ, она не одинъ разъ прошла около нея и сосѣднихъ домовъ, съ той и другой стороны, но сапоговъ не находила: ихъ скрывала высокая крапива, росшая около самой стѣны дома, свяди крыльца, куда Парасковѣ никакъ не приходило въ голову заглянуть.

— А, право, онъ это такъ свазалъ только для отвода, дурака Парасковья—а поди, чай, въ кабаки заложилъ, да деньги-то пропилъ съ пріятелями, а послѣ его же и исколотили...

Да нѣтъ, ровно какъ терезвый приборъ. Али, можетъ, поймали гдѣ, да избилн и сапоги еще сняли...

Между тѣмъ на улицѣ стало совсѣмъ свѣтло, хоть солнышко еще и не всходило; кое-гдѣ начали поскрипывать ворота, замчали коровы, въ концѣ деревни хлопнулъ кнутъ пастуха, деревня стала жросыпаться.

Парасковья хотѣла было ужъ уходить домой съ пустыми руками, какъ вдругъ яркнй косой солнечный лучъ освѣтилъ стѣну дома Дмитрія Петровича, крыльцо и крапиву, растущую около него; черное голенище сапога ясно обрисовалось среди темной зелени крапивныхъ кустовъ. Парасковья даже вскрикнула отъ радости, и бросилась къ своей находкѣ. Въ то же время щелкнуло кольцо и отворилась калитка въ воротахъ сосѣдняго дома; въ ней показалась знакомая баба.

— Что ты, Параня, дѣлаешь?—оклинула баба.

— А вотъ Илюхины сапоги искала... Искала, искала, на силу, даль Богъ, нашла въ крапивѣ вонъ, коло крыльца...

И Парасковья поспѣшила разсказать ночное происшествіе съ Ильей, съ его, разумѣется, словъ. Разсказывая, она удивлялась, что слушательница не только не приходила въ ужасъ отъ существованія шайки разбойниковъ въ кустахъ между Барашкой и Корцовымъ, совершившихъ нападеніе на ея мужа, но даже по смѣивалась при этомъ разсказѣ.

— Да что ты, Анфея, зубы-то скалишь, али не вѣришь,—замѣтила Парасковья, обидѣвшись,—ты посмотрѣла бы какъ его и валѣчили: чуть живъ пришелъ, головушка испроломана, рученьки ноженьки всѣ перешибены...

— Полно-ка, Параня, не поближе ли гдѣ его повалѣчили-то не въ сусѣдскомъ ли дому тѣ разбойники водятся, не тамъ ли его угостили приворотнымъ-то зельемъ, чѣмъ ворота-то запираютъ отъ незваныхъ гостей. Не страшась ли надъ нимъ пословица повадилась кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить...

— Да что ты, Анфея, обиняки-то загибаешь: неужто онъ той паскудѣ, Митревой Танькѣ, забрался, да тамъ его избилн...

— Я, вѣдь, матка, не знаю... Я не сторожу его... Кажись б тебѣ складнѣе мужа-то сторожить, да призирать... Слышали ли вечеръ, ночью, большая свара у нихъ въ сѣняхъ была: били душили ли кого, ревомъ ревелъ человекъ. И мы-то перепугались, повскакали... Да скоро, ничто, все и затихло... Видѣ только, выскочилъ оттуда человекъ, ровно опалѣлый, скатился крыльца, да какъ прыснетъ бѣжать... Мой-то еще изъ о заеричалъ: держи его!.. А онъ еще пуще, только его и

дѣи. А кто таковъ—не знаю, може, вѣдь, и не твой... Мы хотѣли было бѣжать къ сусѣдамъ-то, думали воры, да видимъ дверь зашлюпули, въ сѣняхъ ровно дѣвка, али баба повыла, повыла, да и перестала... И огонь потушили... Ну, думаемъ, что же, дѣло свое, домашнее, караулъ не кричать, отъ людей запираются, виноватыхъ нѣтъ... Подумали, подумали и мы, что въ чужое дѣло лѣзь, да и пошли спать... А кто, матеа, билъ, кого били, кто пробѣжалъ—мы того не знаемъ... А били точно, и кричалъ человекъ, и пробѣгъ человекъ, и баба ревѣла, это точно... Да вот и сапоги же нашла подь самымъ, подь крыльцомъ.

— И они, они — больше и быть некому... И они его избили, они, разбойники. Это все отъ Таньки океанной, отъ нея засуха на меня идетъ...

— Да вонъ тебѣ, чего лучше, вонъ самъ на крылецъ вышелъ: переспроси его, онъ, чай, скажетъ!..—проговорила вполголоса Анфея, указывая Парасковью глазами на Дмитрія Петровича, который вышелъ, послѣ сна, на крыльцо, чтобы умыться жъ висѣшнаго тутъ же глинянаго умывальника.

Парасковья стремительно бросилась къ дому Дмитрія Петровича, а Анфея спряталась за калитку и съ злораднымъ, жаднымъ любопытствомъ стала ожидать развязки приготовленнаго злою себѣ зрѣлища.

Дмитрій Петровичъ не узналъ сразу Парасковью, которая, со своимъ видомъ, потрясая передъ собой сапогами, всходила на крыльцо. Онъ стоялъ въ недоумѣніи, смотря на нее.

— Чьи это, разбойникъ, сапоги-то? Сказывай!..—говорила Парасковья, подступая къ нему.—Какъ они попали къ тебѣ подь крыльцо? Кого ты вчера убилъ, изуродовалъ до смерти? Скажи.

Дмитрій Петровичъ совсѣмъ растерялся, не могъ ничего сказать и только пытался предъ Парасковьей, которая тѣмъ съ своимъ азартомъ наступала на него.

— Что молчишь, что бельма-то пучишь? Ты думалъ, такъ и проидеть? Нѣтъ, у меня свидѣтели есть, сусѣды-то твои, какъ ты его тиранилъ... Ты думаешь, что богаты, такъ и можешь человекъ убить... Нѣтъ, еще отвѣтишь, отвѣтишь... И ноги человекъ уродовать... Онъ, вонъ, у меня головы не оставилъ, весь кровью изошелъ; можетъ, ты его на-вѣкъ уродовалъ, а можетъ, и совсѣмъ не встанетъ.

— Жостой ты, сумасшедшая!—проговорилъ, наконецъ, Парасковья духомъ, Дмитрій Петровичъ.—Ты Илюшкина жена,

— Да-а, знаешь ты меня, нечего!.. Я мужнина жена, а не какая-нибудь, не потаскуха, какъ твоя дочь...

— Да что ты и самъ-дѣлѣ... Я тебя... я тебя спущу съ лѣстницы-то, какъ и мужа-то...

Дмитрій Петровичъ, наконецъ, совсѣмъ пришелъ въ себя отъ неожиданности, и разсердился.

— Я не на улицѣ его билъ, а въ своемъ дому, ночью; онъ въ мой домъ забрался, обворовать меня хотѣлъ, ограбить... Въ своемъ дому я всегда могу... хоть бы я его и до смерти убилъ, такъ въ ту же пору... Не лазай по ночамъ, по чужимъ дворамъ...

— Нѣтъ, не можешь... Онъ не воровать приходилъ, а въ твоей дѣвкѣ распутной... Онъ не виноватъ, мужикъ никогда не виноватъ... Не вери она хвостомъ, да не зазывай, такъ онъ бы не пошелъ... А то, воровать... Нѣтъ, мы воры-то никогда не бывали, хоть и не богаты... Ты бы вотъ распутницу-то свою билъ да училъ, а его не моги... тебѣ этой правы не дано, да, не дано... А ты вотъ мнѣ за безчестье, да за увѣчье заплати—вотъ что!..

— Отецъ, Дмитрій Петровичъ, да уйди хоть въ сѣни-то отъ нея... Мотри-ка, сусѣди собрались, слушаютъ. Стыдобушка!..— послышался изъ-за двери голосъ Матрены Поливаровны, пришедшей на шумъ.

Дмитрій Петровичъ метнулъ глазами въ сторону, увидѣвъ нѣсколько любопытныхъ насмѣшливыхъ мужскихъ и женскихъ лицъ, смотрѣвшихъ и слушавшихъ издали—и вскипѣлъ гнѣвомъ на Парасковью.

— Тебѣ за безчестье заплатить, тебѣ, съ твоимъ мужемъ, рабойникомъ,—заоралъ вдругъ Дмитрій Петровичъ.—А я вотъ какъ заплачу: я сходъ соберу, приговоръ сдѣлаемъ, чтобы его изъ общества вонъ, на поселеніе сослать, этакого вора, проходимца. Вотъ я ему какое безчестье заплачу! Да еще сначала выстаемъ, да въ темной посидить... Слышала...

— Нѣтъ еще, стой... Я сама судъ на тебя найду... Мнѣ то—великъ челоуѣкъ; еще какъ разсудить... А я твою дочку, скуду, потаскуху, на семи соборахъ проклянуду, на весь бѣлый свѣтъ изругаю... По всей деревнѣ голосить стану, до жениховъ родни дойду...

— Пошла-жь ты вонъ, пока цѣла, паршивая!..—закричалъ Дмитрій Петровичъ, намѣреваясь уйти въ сѣни.—Я съ вами поговорю...

— Такъ вотъ же тебѣ, старый чортъ!

Парасковья плюнула въ бороду Дмитрія Петровича, и вѣ

же мгновение, отъ сильнаго толчка съ его стороны, покатила въниз по лѣстницѣ и, лежа внизу на землѣ, долго голосила и не хотѣла подняться на ноги. Дверь съ крыльца въ сѣни захлопнулась за Дмитріемъ Петровичемъ, и была тотчасъ же заперта.

Сторонніе зрители, встрѣтившіе невольнымъ довольнымъ хотѣть плевкоу Парасковьи, тотчасъ же замолчали и разошлись въ разныя стороны, какъ только увидѣли ея паденіе съ лѣстницы: никто не хотѣлъ быть привлеченъ въ свидѣтели противъ богатаго мужа; но издали всѣ посматривали, что будетъ дальше съ Парасковьей.

Вдоволь наголосившись и не вида ни съ чьей стороны прямого сочувствія, она, наконецъ, встала, подобрала сапоги и пошла домой.

Х.

Никогда еще Дмитрій Петровичъ не чувствовалъ себя такъ оскорбленнымъ, какъ послѣ столкновения съ Парасковьей: онъ легче бы перенесъ всякую брань, ругательства и даже побои отъ любого мужика, чѣмъ этотъ плевкоу въ лицо отъ глупой бабы, жены Ильи, и тотъ смѣхъ постороннихъ зрителей, въ которомъ выражалось и злорадство, и неуваженіе къ его особѣ. Дмитрій Петровичъ съ досадою оттолкнулъ жену, которая, по своему обыкновению, начала было успокаивать мужа тихими, разсудительными рѣчами, не сталъ тратить времени даже на выговоры и внушенія дочери, но надѣлъ на-скоро кафтанъ, шапку и, вслухъ пославши всѣмъ своимъ недругамъ неопредѣленную угрозу, направился къ деревенскому старостѣ.

Нахмурившись и не смотря по сторонамъ, не отвѣчая даже на поклоны встрѣчныхъ, шелъ онъ по деревнѣ. Онъ боялся увидѣть на чьемъ-либо лицѣ насмѣшливую улыбку, или презрѣніе къ себѣ; не злой отъ природы человекъ, но избалованный поклонами и раболѣпствомъ бѣдняковъ, униженный въ собственныхъ своихъ глазахъ, онъ считалъ себя обязаннымъ отмстить обидчикамъ во что бы то ни стало. «А то хоть на сходѣ не показывайся, хоть въ міру не живи», разсуждалъ онъ самъ съ собою: «заплюють, на смѣху у всѣхъ будешь».

Онъ постучался въ окно старостиной избы. Изъ окна тотчасъ высунулась женская голова.

— Дома ли Левуха-то?—спросилъ Дмитрій Петровичъ.

— Дома, дома!..

Женская голова быстро скрылась, вмѣсто нея тотчасъ же высунулось красное, улыбающееся лицо староста, съ лысиной, съ окладистой рыжей бородой.

— Дмитрій Петровичъ!—почтительно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ произнесъ староста.

— Повыдь-ка сюда!—отрывисто и угрюмо проговорилъ Дмитрій Петровичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Дмитрій Петровичъ...—суегливо отвѣтилъ староста, и выскочилъ изъ избы какъ былъ, босой и безъ шапки. Еще издали онъ улыбался и кланялся богатому мужику. Дмитрій Петровичъ едва приподнялъ свою шапку.

— Подемъ-ка въ сторонку, отъ людей: дѣло есть...—проговорилъ онъ, не дождавшись даже привѣтствія Левухи.

Послѣдній тотчасъ же постарался принять серьезный, озабоченный, дѣловой видъ и хмурилъ свой безбровый лобъ.

— А что, Дмитрій Петровичъ... али что?..—спрашивалъ онъ, идя съ нимъ рядомъ и заглядывая ему въ лицо.

Дмитрій Петровичъ зашелъ въ переулочекъ за избу, и оглянувшись во всѣ стороны, убѣдившись, что сторонняго народа по близости нѣтъ, остановился. Левуха въ это время заботливо и безпокойно искалъ глазами по сторонамъ какой-нибудь палки, безъ которой, какъ безъ знака своего достоинства въ рукахъ, онъ никогда не исполнялъ своихъ обязанностей. Палка, къ счастью, попалась; староста торопливо вооружился ею и уже съ совершенно серьезнымъ, озабоченнымъ лицомъ всталъ передъ Дмитріемъ Петровичемъ; въ глазахъ и во всей фигурѣ его изображалась готовность бѣжать, дѣйствовать и распорядиться по первому слову богатаго мужика.

— Въ деревнѣ-то у насъ не больно ладно, Левуха, началъ Дмитрій Петровичъ.

— Али чтó повстрѣчалось... такое... Ты молви мнѣ, Дмитрій Петровичъ... Не сумлѣвайся... Я тотчасъ.

— Ко мнѣ сегодня, ночью, воры въ домъ залѣзали.

— Полно... Вотъ, братецъ ты мой... Къ тебѣ, въ домъ?.. воры?..

— Да... Да и воры-то не чужіе, а свои деревенскіе.

— Ай!?. Кто такіе?.. пымали, аль нѣтъ?..

— Одного было поймали, да вырвался: убѣгъ... А полично оставилъ: сапоги съ ногъ оставилъ...

— Такъ это сейчасъ можно обслѣдовать: чьи сапоги, тотъ значить и...

— Да ужъ знаемъ чьи...

— Кто же такой будетъ?

— Да кому больше быть: Илюшка Кузьминъ, одинъ онъ у насъ на всю деревню захула...

— Во-отъ, братецъ ты мой!.. Илюшка Кузьминъ!.. Ахъ, мошенникъ!.. Что же стануль-то?

— Да не удалось еще ничего: услышали скоро, схватили...

— Такъ, вѣдь, вырвался...

— Такъ что-жъ что вырвался? У меня свидѣтели есть: работникъ, жена... Я его еще палкой огрѣлъ, поди, чай, синяки есть... Опытъ же сказываю тебѣ: сапоги оставилъ; сегодня за сапогами-то его жена приходила—видѣли...

— Вотъ бра-ать... Илюшка! Поди-жъ ты. Ну, а еще-то его?..

— Тѣхъ не знаю, не видалъ: были ли, нѣтъ ли... А можетъ, и одинъ, вѣдь...

— Вотъ что дѣло-то... Какъ же теперь быть-то?.. Что дѣлать-то?.. Надо бѣжать, объявить... Сотскаго взять нечто?..

— Почто сотскаго: одни хлопоты. — Ты самъ староста, можешь распорядиться...

— Да, знамо... Такъ его надо взять, Илюшку-то... да въ городъ... Я сейчасъ побѣгу, Дмитрій Петровичъ.

— И въ городъ не нужно... А ты возьми его и посади въ темную, да собери сходъ... Сходъ и разсудить... Я свидѣтелевъ приведу... Неужто теперь обществу съ такимъ мараться? Приговоръ нужно составить, да на поселеніе его, мошенника... Что намъ, воровъ что-ли у себя разводить...

— Это подлинно что... А постегать, Дмитрій Петровичъ?..

— Постегать—это само собой, постегать нужно: пуцай не багуется... тоже безпокойство... А можетъ, онъ зарѣзать хотѣлъ, аи подпалить: кто его знаетъ? — Вѣдь кругомъ заперто было, опять же ночь, а онъ забрался, — сапоги снять, чтобы тише... Смело, съ умысломъ!—Кто его знаетъ, что у него на умѣ-то.

— Такъ-то такъ... это вѣрно!—Ишь ты по какимъ дѣламъ пошелъ!—Такъ надо бѣжать, Дмитрій Петровичъ...

— А ты вотъ что, Левуха... ты староста, значить, начальство... а я теперь въ обидѣ, долженъ тебя просить, такъ ты знай: что ты тамъ хлѣбъ у меня забиралъ, тамъ что другое прочее—это я все похерю, ровно не было, и напередъ не оставлю когда въ какой нуждѣ, только ты мнѣ его теперь посади... и женку его посади, потому она знала, за сапогами приходила, да и сразилась со мной: сусѣди слышали... Пуцай посидать; а тутъ сходъ сдѣлай, да со стариками-то впередъ перетолкуй, на счетъ приговора, что, молъ, Дмитрій Петровъ пяти ведеръ не пожалѣть...

Вотъ какъ... Да приходи ко мнѣ, вѣдь, на свадьбу, столоваться-то, милости просимъ... Что же, ты нашъ староста, начальство... Приходи... ничего!..

— Поворнѣйше благодаримъ, Дмитрій Петровичъ... Очечно тебѣ благодарствую... на твоей чести... Безпремѣнно это... А посадить посажу... Это я сейчасъ его посажу...

— Мотри, и съ женой... а то шумъ пойдетъ.

— Знамо съ женой... что имъ: дѣтей нѣтъ... Веселѣй сидѣть... А только вотъ что, Дмитрій Петровичъ, насчетъ начальства, если что: жалобиться будутъ, что я самосудомъ...

— Такъ, вѣдь, ты староста, чудной!—ты можешь на двое сутки завсегда: вѣдь, не зря, посадишь, а за качества... за разбой... Ну, а дольше продержишь, да придирка какая пойдетъ изъ-за этого, и опять же не бойся: все на себя принимаю.— Не сумлѣвайся, откуплю тебя, въ обиду не дамъ...

— Вотъ, поворнѣйше благодарю... Вотъ я только насчетъ этого, а то я по себѣ, я хошь три недѣли ихъ продержу... съ моимъ удовольствіемъ!—Пуцай сидать, ничего: меньше грѣшати...

Левуха даже засмѣялся веселымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Такъ я коли побѣгу, Дмитрій Петровичъ.

— Иди, иди, возьми десятскихъ человекъ трехъ, да и забрай ихъ. А запереть-то, запри ихъ въ какой ни есть пустой сарай, али амбарушку... А десятскимъ я четверть ставлю: вотъ и рубль возьми.

— Ладно, ладно... это хорошо, Дмитрій Петровичъ, это все справимъ въ лучшемъ видѣ... Не сумлѣвайся... Ишь ты что выдумалъ: по чужимъ влѣтямъ лавить... Такъ покудова прощенья просимъ, Дмитрій Петровичъ, я побѣгу... Обогнусь да и побѣгу... А опосля того, какъ посадимъ, я къ тебѣ забѣгу вѣсть подать...

— Да, забѣги...

— Какъ же, какъ же... Это непременно... Первымъ долгомъ... потому нельзя...

Дмитрій Петровичъ отправился домой, а Левъ, наскоро набросивъ на себя кафтанъ и замѣнивъ случайную палку, поднятую на дорогѣ, особеннымъ батожею, хранившимся у него въ избѣ на полкѣ, отправился исполнять свои обязанности.

Захвативши съ собою нѣсколько человекъ сподручныхъ крестьянъ, староста со строгимъ и внушительнымъ видомъ вошелъ въ домъ Ильи. Появленіемъ своимъ онъ помѣшалъ очень неприятной семейной сценѣ. Принеся домой сапоги, Парасковья осыпала мужа упреками за его безпутную жизнь, за ночныя походы, за открытійся обманъ. Илья хотѣлъ-было отдѣлаться сначала молчаніемъ

потомъ насмѣшками, но жена такъ приставала къ нему, что вывела наконецъ изъ терпѣнія: онъ только-что всталъ-было въ угрожающую позу, и поднялъ руку, чтобъ заставить жену замолчать, когда отворилась дверь и вошелъ староста съ своими слугнями.

При видѣ постороннихъ Парасковья бросилась на лавку и зажала, Илья опустилъ руки.

— Чтѣ вамъ надо?—спросилъ онъ полу-нахальнымъ, полу-смуценнымъ голосомъ.

— Что, парень, али не узналъ старосту-то?... начальство, чѣ, ваше...—внушительно отозвался Левъ.—Стало-быть, дѣло есть, боли пришелъ...

— Какое такое дѣло?..—нетвердо спросилъ Илья, садясь на лавку и желая сохранить наружное спокойствіе.

— А вотъ какое: взять тебя пришли, чтобы ты впередъ не лазилъ ночью по чужимъ влѣткамъ. Ты, видно, молодецъ, ночью-то на своемъ промыслѣ, а днемъ жену бить, что плохо помогаетъ.

— Это никого дѣло не касающее... Взять ты меня не можешь... Да и взять меня некуда, я весь тутъ, въ своемъ домѣ.

— Я-то не могу взять, староста?.. А вотъ я тебѣ покажу... Ребята, скрутите-ка его.

— Да за чтѣ?—вскричалъ Илья, вскочивши съ лавки.

— А за то: не ходи по чужимъ влѣткамъ съ подборниками, не ломай чужихъ замковъ да запоровъ... Вишь ты, рожа-то у тебя вся въ синякахъ, видно, что былъ въ передѣлкѣ: волеа-то во шкурѣ, братъ, видно... Сапоги-то гдѣ вчера оставилъ?.. Да что съ тобой разговаривать... тамъ все видно будетъ на сходѣ.— Выхите его, ребята.

Парасковья, которая перестала выть, и молча и испуганно слушала разговоръ старосты съ мужемъ, вдругъ бросилась къ Ильѣ и обняла его, какъ только увидѣла, что двое изъ мужиковъ схватили его за руки, а третій сталъ снимать висѣвшій на стѣнѣ кушакъ Илья.

— Не дамъ я его вязать, не дамъ...—кричала она.—Что вы, разбоемъ что ли пришли?—Не за чтѣ его братъ: не воровать онъ ходилъ, не ломалъ онъ замковъ: Виноватъ-ли, нѣтъ-ли передъ Богомъ, да передо мной, такъ не вамъ судить мужа съ женой... Вотъ что... Я сама старому-то хрычу въ бороду наплевала за его дочку паскуду... Она всему злу начальница, ее бы и брали... А мужикъ въ этомъ дѣлѣ никогда виноватъ не живетъ... Не дамъ я его, берите боли и меня.

— Да небось, небось: возьмемъ и тебя... Не повинемъ, небось. Вмѣстѣ воровать-то ходили, вмѣстѣ и сидѣть будете! Бери ее, Лшка...

— Да что ты, староста, въ самъ-дѣлѣ? Не разобравши дѣла, по однимъ наслухамъ—да и вязать... хорошѣ староста, хорошо начальство!.. Ну, коли ладно, бери, послѣ отвѣтишь... только вязать не дамся, я и такъ пойду... Пойдемъ, Парасковья.

— Полно, Илюшенька, не ходи... Чтой-то за напасть... Гдѣ такіе законы живутъ... За что насъ сажать...—заголосила Парасковья.

— Ну, староста умный, Левинъ Панкратичъ, пойдемъ, веди, сажай...—продолжалъ Илья, не обращая вниманія на причитанія жены.—А за избой-то кто будетъ смотрѣть? Смотри, чтѣ пропадетъ, съ тебя и отвѣтъ... Заварили вы кашу: кому-то расхлебывать придется. Пойдемъ, пойдемъ, Парасковья... У меня, можетъ, тутъ тысячи лежатъ въ дому, ворочусь, чтобы тутъ и были, а не найдутся, такъ и отвѣтишь братъ, всѣ отвѣтите... Домъ обезхозяить хотите: тутъ скотина не поена, не кормлена останется... Ладно, хорошо придумали... Ну, веди, куда идти-то?...

Льва эти слова Ильи озадачили: насколько въ немъ было усердія, настолько недоставало сообразительности.

— Какъ тутъ въ самомъ дѣлѣ быть: съажетъ послѣ, что все въ дому разворовали, да разграбили: поди, отвѣчай, судись съ нимъ!

Левъ стоялъ въ совершенномъ недоумѣніи, покраснѣлъ даже весь и поглядывалъ на понятыхъ, точно ожидая поддержки и совѣта. Это смущеніе старосты ободрило Илью и возвратило къ нему его самонадѣянность.

— То-то, староста, ты бы дома въ затылкѣ-то почесалъ, рассудилъ бы дѣломъ-то, да тогда бы и шелъ... Мы, братъ, тоже виды-то видали почище твоего...—бахвалился Илья, засмѣялся и сѣлъ на лавку.—Ну, что же не берешь? бери, сажай!..

— Такъ возьму же!—вдругъ вскричалъ обиженный староста.—Вотъ что, ребята, Параньку повинемъ здѣсь въ дому, а его возьмемъ... Не бойся, питерской пройда, не глупѣе тебя! Ребята, берите его...

— Нѣтъ, я одинъ не пойду...—вскричалъ Илья.

— И я не отстану, пойду: куда его, туда и меня!.. — пристала Парасковья.

— Мало чего ты захотѣла: ребята, бери его одного, а ее не пускай...

Началась борьба: двое мужиковъ тащили вонъ изъ избы

Илью, а двое отталкивали отъ него и сажали на лавку Парасковью, которая рвалась за мужемъ.

— Тащи его, не пушай ее... Толкай его въ двери, сажай ее на лавку... Тащи, держи!..—командоваль староста, суетясь и бѣгая по избѣ.

Илья бранился и грозилъ. Парасковья ревѣла и кричала что было мочи въ горлѣ.

— Вы повините ее, не держите, изъ дома-то только не выпускайте, покаместъ вотъ я его посажу, да ворочусь... Я тотчасъ...—распоряжался Левъ, поталкивая Илью въ спину.—Кое-къ Илью вытащили за ворота дома, на улицу. Онъ ругался и кричалъ.

— Ты, Илюшка, лучше не груби, не буянъ противъ начальства: иди смирно!—урезониваль его староста.—Что больно давеча прдыбачился, веди да веди, сажай... Вотъ и иди. Небось, посажу, потому мнѣ законъ данъ, я могу...

— Хоть кричи, не кричи: все одно, стацимъ,—поддержаль старосту одинъ изъ десятскихъ, вошедшій въ свою роль.

— А ты бы жилъ смирно, по чужимъ клѣткамъ не лазилъ, не вороваль бы—вотъ бы и сидѣлъ дома,—вторилъ ему другой.

— Да что я укравъ? кто видѣлъ? съ чѣмъ меня поймали?..—оправдывался Илья.

— Стало-быть, братецъ, не зря же...

— Веди, веди его! Что тутъ съ нимъ разговаривать. Ужѣ все видно будетъ...—командоваль староста.

— Ну, смотри, дядя Левинъ, не отвѣтитъ бы и тебѣ. Ты ютъ и староста, а ты этакъ дѣлать не должонъ: ты коли начальство, такъ ты разбери сначала дѣло... А сталъ я воръ, такъ меня суду судить, а не тебѣ... Вотъ что.

— Ладно; братъ: я свое дѣло знаю... Ты у меня въ деревнѣ безпокойство, сваруху дѣлаешь, ночью людей будоражишь, пьянствуешь, канительничаешь, вотъ я тебя на двои сутки подъ арестъ. А тамъ какъ мнѣ разсудить: то ужъ не мой отвѣтъ...

— Ну, ладно, я вѣдь знаю въ чью ты дудеу-то играешь. Ладно, я двои сутки просижу: это для насъ ничего, а отсижусь, такъ я еще съ вами со всѣми посчитаюсь... Увидите... Много ли Дмитрій-то Петровъ наобѣщаль: синенькую что-ли?

— Ребята, присвидѣтельствуйте: похваляется... Вотъ, слышали его похвальбу; я начальство, а онъ мнѣ пристрастну дѣлаеть, оговариваеть, грозить... Я это все послѣ... Погоди, братъ, ты, Илья, молодежь еще. Науки тебѣ мало было—вотъ что!..

— Ничего я не похваляюсь!—спохватился Илья.—Развѣ я, ребята, чтó говорилъ?

— Ну, да ладно, ладно... Тамъ все видно будетъ. Погоди, Вотъ веди-ка его, ребята, сюда, въ амбарушку.

Илью привели въ пустому старому амбару. Онъ опять сталъ упираться.

— Да тутъ крысы съѣдятъ...—говорилъ онъ.

— Ничего, цѣль будешь... Пихай его туда, пихай! Чтó тутъ съ нимъ прохлажаться-то! Затворяй двери... Вотъ такъ... Подержи двери-то: я замкну... Вотъ и чудесно! Сиди!.. Еще похваляться вздумалъ... Посиди-ка вотъ.... Похоровайтесь тамъ оволо пустыхъ-то сусѣвовъ: ты въ хоровахъ-то ходить охочь...

Левъ засмѣялся. Засмѣялись и понятые.

— Подемъ ребята... Теперь не уйдетъ. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ мѣста заключенія Ильи, Левъ оглядѣлся и молча, съ таинственнымъ видомъ, далъ два двугривенныхъ своимъ помощникамъ.

— Маловато: еще бы гривенникъ, такъ штофъ...—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Только далъ: по двугривенному на брата.

— Ну, да инъ ладно...

— Вы ступайте теперь, а я побѣгу. Десятники отправились въ кабакъ, а Левъ побѣжалъ къ Дмитрію Петровичу.

XI.

Дмитрій Петровичъ выслушалъ со вниманіемъ превращенный рассказъ старосты о только-что совершенномъ имъ подвигѣ, о сопротивленіи, оказанномъ Ильею, о борьбѣ и побѣдѣ надъ нимъ, о тѣхъ оскорбленіяхъ и обидахъ, которыя староста долженъ былъ принять и перенести отъ заключеннаго, о томъ затрудненіи, въ которое онъ былъ поставленъ плутомъ Илюшкой, страшавшимъ отвѣтственностью за цѣлость его имущества и о своей изворотливости, съ которою онъ вышелъ изъ этого затрудненія. Дмитрій Петровичъ остался очень доволенъ.

— Такъ заперъ-таки его, мошенника?—сказалъ онъ.

— Въ лучшемъ видѣ, Дмитрій Петровичъ, вотъ и ключъ у меня: небось, не уйдетъ...

— Пускай посидитъ... Ничего... Будетъ помнить...

— Это какъ есть: это на пользу... Я говорю: ты вотъ съ

дѣвками-то хороваются лють: попробуй-ка, похороводься съ крысами... Ха, ха... Право, такъ ему и молвить.

— Ну, а бабу-то не тронь, коли въ избѣ, только не вели нигуда выпускать: приставь челоуѣчка.

— Это можно, Дмитрій Петровичъ...

— Ну, а на-завтра сходи собирай, да перетолкуй тамъ со стариками-то. Ну, что портить деревню: держать въ обществѣ этого разбойника: онъ еще спалить... А лучше всего: милости просимъ, съ рукъ на руки, въ дальнія палестины; тамъ, братъ, найдутъ мѣсто... Слышь, Левъ Панератьичъ, ты я вижу челоуѣкъ дошлый, ты мнѣ это дѣло помоги, а я для тебя не то что давеча говорилъ—и опосля послужу чѣмъ угодно... потому очень ужъ онъ, этотъ Илюшка... вотъ онъ у меня гдѣ сидитъ!..

Дмитрій Петровичъ показавъ свою шею.

— Это все можно, Дмитрій Петровичъ... Наше общество этого не потерпитъ... Ты у насъ первый теперича челоуѣкъ: можно сказать, всякаго ссужаешь... а Илюшка что?.. что въ немъ обществу, какая корысть?.. Одна срамота... Только ты вотъ что: ты дай мнѣ сегодня на ведро: я обойду сейчасъ звать завтра на сходи-то, да нѣкоторыхъ, тамъ ужъ я знаю кого, кто погорластѣето, и велю ужъ къ кабаку сойтись, и потолкую, и попотчую: глотки-то размочу, они ужъ завтра нашу руку держать и станутъ.

— Возьми. Сказавъ, пяти ведеръ не пожалѣю, только бы на моемъ стало. Возьми на два...

— Да это не хуже: вотъ и десятниковъ надо побаловать... Тоже обижаются, не такъ чтобы довольны, потому старались: води-ка ты, сколь съ нимъ возни-то было.

— На, вотъ, постарайся только... —сказавъ Дмитрій Петровичъ, подавая деньги.—А я съѣзжу въ волость, съ писаремъ поговорю: лудай онъ тамъ законы подведетъ, и приговоръ пропишетъ, чтобы завтра только руки приложить, да и шабашъ...

— И пречудесно, Дмитрій Петровичъ. Дѣло-то и будетъ съ концомъ. И сейчасъ этого Илюшку отъ насъ въ волостную да и за замокъ: сиди тамъ, посиживай, жди отправки по владимірской честной дороженькѣ... Вотъ это дѣло, и мнѣ не гребется. Ну, поѣзжай, Дмитрій Петровичъ, а я побѣгу свое дѣло править.

— Иди, иди... Спасибо, Левуха, постарайся...

— Да ужъ... безъ сумлѣнія... Да, вѣдь, вотъ я какой челоуѣкъ-то, Дмитрій Петровичъ... Вѣдь, я мужикъ-отъ согласный... Ты какъ думаешь? меня только нужда-то одолѣла, а то бы, ва-

жись, по моему-то старанію да судобью, мнѣ не въ такомъ бы чину-то сидѣть... Ну, да и то сказать: кому какъ Богъ судилъ... Вось, не оставь въ чемъ, а ужъ я постараюсь... Такъ ты поѣзжай, а я побѣгу... Счастливо оставаться...

Дмитрій Петровичъ заложилъ лошадей въ телѣгу, надѣлъ синій кафтанъ и отправился въ сосѣднее село. Онъ подѣхалъ къ крытому тесомъ большому дому, съ крыльцомъ посерединѣ, на которомъ красовалась вывѣска съ надписью: «Волостное Правленіе». Изъ темныхъ широкихъ сѣней, въ которыя вело это крыльцо, Дмитрій Петровичъ вошелъ въ просторную, съ перегородкой, комнату. За этой перегородкой жилъ волостной писарь;—въ большомъ отдѣленіи комнаты было присутствіе волостного старшины и засѣданіе волостного суда. Въ настоящую минуту комната была пуста. Изъ дверей перегородки выглянуло испитое, темное лицо, съ висками, зачесанными впередъ, съ давно небритой синей бородой, съ воспаленными, черными, раскосыми глазами. Это выглядывалъ волостной писарь.

— Аполиту Егорычу! — сказалъ, дружелюбно кланяясь и протягивая руку, Дмитрій Петровичъ.

— А-а, благопріятель... Давно тебя не видно... Входи сюда... — проговорилъ хриплымъ голосомъ писарь, выставляя черезъ дверь, для пожатія, свою руку въ истертомъ засаленномъ рукавѣ халата. Входи сюда... По какимъ дѣламъ?..

— Собственно къ тебѣ, Аполитъ Егорычъ.

— Садись, гость будешь... — проговорилъ писарь, снова заглядывая черезъ дверь и затворяя ее.—По какимъ дѣламъ?.. Садись, да рассказывай, а я вотъ полежу: вчера у батюшки, отца дьякона, иманины справляли: голова страсть болить.

Писарь легъ на грязную скрипучую постель. Дмитрій Петровичъ оглядѣлся: въ комнаткѣ стоялъ единственный стулъ, но и на томъ лежали въ беспорядкѣ сюртукъ, жилетка и штаны писаря.

— Сложи ихъ вонъ на столъ, да и садись...

Дмитрій Петровичъ переложилъ, по указанію, одѣяніе писаря, и усѣлся.

— Ну, какія же дѣла?

— Да вотъ, Аполитъ Егорычъ, дѣло какое: мужичѣнка у насъ одинъ избаловался вовсе: къ дому прилежанія нѣтъ, все размоталъ, живетъ не по-божески, больше все на-счетъ пьянства... да ужъ и промышлять началъ: сегодня ночью я съ работникомъ изымалъ его у себя въ дому, въ сѣняхъ, около чулана...

— Взломалъ что ли?

— Нѣтъ еще, видно не успѣлъ: скоро услышали...

— Ну...

— Такъ вотъ общество наше желаетъ приговоръ сдѣлать: значить, удалить его, на поселеніе сослать... потому надоѣлъ очень, избаловался мужичёнка совсѣмъ... и пути въ немъ никакой и ждать нечего... Такъ вотъ я къ тебѣ по-счетъ закону, Аполитъ Егорычъ, и чтобы приговоръ намъ этотъ, все въ порядкѣ...

— Да который мужикъ-то?.. Семейный, али нѣтъ?

— Онъ женатъ, да дѣти-то не живутъ: и жена-то у него такъ, пустая баба, нестоющая...

— Какъ зовуть-то.

— Да зовуть Ильей Кузьминнымъ... И отецъ-то у него былъ непутный: весь измотался, умеръ, только долги одни остались, моихъ тридцать рублей за нимъ осталось...

— Это Кузьмы Лихачева сына?

— Да.

— Питерець?..

— Ходить.

— А-а!.. — многозначительно проговорилъ писарь и такъ ухмыльнулся, что Дмитрій Петровичъ невольно опустил глаза.

— Слыхалъ,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Ипполитъ Егорычъ, и даже оживился и сѣлъ на постель.—Такъ на поселеніе? «Знаеть... Слышалъ... Видно ужъ всѣ знаютъ и зубы скалять!» пролетѣло въ головѣ Дмитрія Петровича.

— Что же, все общество желаетъ?—переспрашивалъ писарь, продолжая ухмыляться и уставляя свои восемь глаза на Дмитрія Петровича.

— Вѣдь такой законъ есть, если общество, на примѣръ?.. Вѣдь, показано...

— Есть-то есть... только, братъ, это дѣло не таковское: не то, что захотѣлъ, да и сдѣлалъ... Тутъ и начальство можетъ вступить... Тутъ дѣло тонкое... потому дай волю вамъ, мірошдамъ, вы половину деревни упечёте... Такъ Илюшка питерець—вотъ что!.. Знаю я его: парень веселый... По кругу важно ходить, видалъ: да съ твоей дочкой и ходилъ-то... А ты, говорятъ, замужъ ее отдаешь...

— Да, поладились...

— Свадьба, чу, скоро... Вчера у отца дьякона разговорка была... Я такъ и думалъ, какъ тебя увидѣлъ, что вотъ, молъ, спасибо, на свадьбу хочеть звать...

— Да это само собой, Аполить Егорычъ, милости просимъ... Знамо, ужъ ты завсегда нашъ гость... дорогой, потому ты въ нашихъ дѣлахъ... и голова, и рука... Ужъ сказать про тебя, что голова... Прошу милости, Аполить Егорычъ, пожалуй, не оставь... постолуйся у насъ...

— Это, братъ, съ моимъ удовольствіемъ... У тебя дочка, Дмитрій Петровичъ—король... Ей надо жениха стоющаго... Издалека, чу, берешь-то... Что такъ?

— Да, подвернулся паренекъ-отъ подходящій, смиренный... ну, да и грамотный: вотъ больше изъ-за-чего...

— Такъ!.. Ну что же, давай Богъ!.. И невѣстѣ по мысли женихъ-то?..

— Такъ неужто ужъ... неволить бы не сталь... я, слава Богу, не отъ нужды отъ какой: она у меня одна...

— Въ домъ берешь?

— Въ домъ...

— Такъ...

Произошла маленькая пауза. Писарь какъ будто съ умысломъ отклонялъ разговоръ въ сторону и заводилъ рѣчь о томъ, о чемъ именно Дмитрію Петровичу и не хотѣлось бы съ нимъ бесѣдовать.

— Какъ же ты мнѣ на-счетъ дѣльца-то, Аполить Егорычъ?..

— На-счетъ Илюшки-то... Вишь ты, какой ты мужикъ, право, ну! и свадьбу хочеть сыграть, и человѣка на поселеніе—все за разъ... Расторопный ты мужикъ, Дмитрій Петровичъ, право: сейчасъ видно, что торговый человѣкъ.

— Да, вѣдь, такъ какъ обчество, Аполить Егорычъ... я вѣдь отъ всего обчества...

— Развѣ ужъ былъ сходъ-то?

— Сходъ завтра будетъ.

— Такъ ты почему же полагаешь, что обчество желаетъ его удалить?

— Да ужъ я такъ полагаю, что міръ на томъ станеть, потому, говорю тебѣ, избаловался мужичёнка, бѣды отъ него ждать, больше ничего...

— Слушай ты, Дмитрій Петровичъ, тебя на мякинѣ не проведешь, да и я, братъ, тоже съ разу-то ни въ огнѣ не сгорю ни на водѣ не потону; такъ надо говорить прямо: тебѣ что ли хочется упечь Илюшку?..

— Я одинъ, Аполить Егоровичъ, что же я могу... Это какъ обчество пожелаетъ...

— Да ты, братъ, со мной хвостомъ не верти: я, вѣдь, вашецъ

брата насквозь вижу, я, вѣдь, ужь около васъ бока себѣ обтеръ, такъ ты и говори со мной по душѣ. Теперь ты пришелъ ко мнѣ и думаешь самъ съ собой: скажу, молъ, что общество ужь порѣшило, только дескать, приговоръ написать, такъ онъ мнѣ за рубль, али за два сдѣлаетъ... А я вижу теперь, что упечь-то Илюшку хочется тебѣ одному, а не обществу, и дѣло-то выходить все въ моихъ рукахъ: захочу—сдѣлается по-моему, а не захочу, вотъ приду на-сходъ, расскажу законы—и останешься ты съ носомъ.

— Самъ говоришь, что есть такіе законы, что общество можетъ...

— Ну, такъ вотъ попробуй, сдѣлай безъ меня: пуцай общество приговоръ составить, а я Илюшкѣ, напротивъ того, прощенье напишу и дорогу покажу... И посмотримъ: чья возьметъ... Человѣка, братъ, на поселеніе сослать—это велико дѣло, ума на это много нужно...

— Такъ, вѣдь, Аполить Егорычъ, за умомъ-то я къ тебѣ и пришелъ: ты что же обижаешься-то?.. Вѣдь, у насъ дѣломъ-то и рѣчей съ тобой не было... Ты скажи мнѣ, только не обижай, чтобы по силамъ...

— А коли дѣломъ, такъ вотъ какъ: радужную... одно слово! Дмитрія Петровича даже въ жаръ бросило; онъ какъ будто остоленѣлъ даже на мгновеніе: такъ поразило его это неожиданное требованіе.

— Что ты, Аполить Егорычъ, перекрестись: вѣдь, это сто рублей, значить...

— И стдѣть, другъ любезный, стдѣть!.. Ты что затѣваешь? Ты человѣка погубить хочешь, отъ природнаго своего мѣста удалить, гдѣ онъ, можно сказать, жизнь свою всю получилъ отъ рожденія матери... и хочешь ты, чтобы этакое дѣло тебѣ за пустяки сдѣлали? Нѣтъ, братъ, шалишь... Ты вонъ пузо-то на-ѣлъ, такъ ты имѣй въ предметъ, что и другимъ пить-ѣсть хочется... Я, вѣдь, знаю: ты свой характеръ тѣшишь, обозлился на Илюшку и хочешь упечь... ну, такъ ужь и полатись...

— Да не то характеръ... А какъ же онъ залѣзъ ко мнѣ ночью, въ домъ, хотѣлъ меня обворовать, а можетъ и зарѣзалъ бы...

— Такъ это, братъ, дѣло доказать нужно: это теперь ты долженъ къ слѣдователю и въ судъ... А тамъ все разберутъ, до всего дойдутъ—это не общественное дѣло, общество этого дѣла судить не можетъ...

— Опять же, онъ пьянствуетъ, безпутничаетъ... недоимки за нимъ... и жена его, баба никауда негодная, даже мнѣ въ бо-

роду плюнула: у меня свидѣтели есть... Какъ же это? Развѣ ужъ такъ все на себѣ и переноси...

— Все, братъ, я это понимаю, Дмитрій Петровичъ, довольно я проникателенъ для этого... Знаю: и срамъ тебѣ, и неприятность, и разговоры, и люди пальцами показываютъ... и баба въ бороду плюетъ... и опять плюнетъ... Въ этомъ нѣтъ никакой деликатности, знаю я, да дѣло-то это твое, а не общественное, и удалитъ за это человѣка общество не можетъ... И безъ меня тебѣ этого не сдѣлать...

— Ну, Аполить Егоровичъ, будемъ говорить дѣломъ: истинно, обидѣлъ онъ меня до нутра, не могу снести... Ну, возьми четвертную... Не обижай... Впередъ, братъ, пригожусь, ей-Богу... Пойдемъ въ трактиръ, угощу, и на свадьбу ко мнѣ приходи... Вотъ я какъ... Ну, право слово, денегъ теперь мало, а денегъ нужно: то же свадьба... Я вотъ какъ съ тобой, по душѣ. Ну, пойдемъ въ трактиръ... А то, право, ну, не надо боли, и дѣло брошу... Пуцай, ужъ произнесу на себѣ... Вотъ слышалъ: истинно тебѣ говорю: не дамъ больше... И что ты, братецъ ты мой, нажимаешь, развѣ я тебѣ не служу всегда, развѣ ты отъ меня обиженъ живешь?... Завсегда, за всякъ часъ, какъ дѣло какое, развѣ ты отъ меня оставленъ бываешь?

— Эхма, да ну, только что ужъ голова болить... Чортъ съ тобой!... Давай деньги...

— Нѣту, Аполить Егорычъ: десять я тебѣ теперь, а остальные пятнадцать послѣ схода... Это какъ слѣдуетъ, только ты, смотри, все мнѣ въ точности, чтобы дѣло съ концомъ, безъ канители...

— Да ну, ладно... Давай что-ли, десять, да пойдемъ скорѣй... Голова, смерть, трещить...

Писарь получилъ деньги и живо одѣлся. Въ трактирѣ онъ далъ наставленія, чтѣ говорить на сходеѣ и какъ нужно поставить все дѣло.

ХІІ.

Въ деревнѣ Барашихѣ съ ранняго утра движеніе необычайное: мужики выходятъ изъ своихъ избъ съ озабоченными лицами и сосредоточенно идутъ по одному направленію; бабы изъ сосѣднихъ домовъ сходятся въ группы и торопливо между собою разговариваютъ, оживленно размахивая руками и указывая въ тѣ стороны, гдѣ живутъ Дмитрій Петровичъ и Илья, и гдѣ находится изба старосты. У всѣхъ на языкѣ одинъ разговоръ о предстоящемъ сходеѣ, на которомъ хотятъ Илюшеѣ конецъ поло-

ить. На улицѣ, передъ домою старосты, собираются мужики въ одну кучу, которая оживаетъ и становится шумливѣе по мѣрѣ увеличенія. Каждое новое лицо, подходя къ этой кучѣ, слегка приподнимаетъ шапку, не кланяясь никому исключительно, и становится сзади другихъ, запуская руки въ карманы кафтана или за поясъ, и заглядывая черезъ спины впереди стоящихъ въ средину кучки, въ которой суетливо вертится и что-то рассказываетъ староста.

Почти всѣ міряне собрались. Наконецъ, показался и Дмитрій Петровичъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ волостнымъ писаремъ. Завидя ихъ, староста побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Толпа разрознилась и притихла. Дмитрій Петровичъ, подойдя къ толпѣ мірянъ, почти-тельно, съ достоинствомъ поклонился во всѣ стороны; всѣ отвѣтили ему на поклонъ: большинство подобострастно, немногіе съ какими-то недовольнымъ, мрачнымъ выраженіемъ лица; первые стояли въ кучѣ, послѣдніе врознь. Дмитрій Петровичъ сейчасъ это замѣтилъ и подозрительно посмотрѣлъ на нѣкоторые изъ этихъ лицъ, а потомъ на старосту, и отошелъ въ сторону, къ писарю, который какъ пришелъ, такъ, ни слова не говоря и ни съ кѣмъ не кланяясь, сѣлъ на завалинку около старостиной избы. Левуха тоже вертѣлся возлѣ писаря и принимался было что-то шептать ему, но тотъ отъ него отворачивался, не отвѣчая, и отмахивался. Воцарилось молчаніе, прерываемое изрѣдка вряхтеньемъ и зѣвками.

— Что же, кажись, всѣ собрались: начинать надо,—проговорилъ староста, обращаясь отчасти къ писарю, отчасти къ Дмитрію Петровичу.

— А мнѣ-то что?—отвѣтилъ писарь:—ваше дѣло. Я здѣсь не при чемъ; меня позвали приговоръ прописать, коли міръ постановитъ, вотъ я и пришелъ... А чтѣ вы тамъ надумаете, это не мое дѣло... Вотъ законъ вамъ какой склавать—это могу: спрашивайте...

— Такъ вотъ что, господа міряне, началъ староста, выступая и размахивая обѣими руками такъ, какъ будто онъ плылъ...
Идите сюда, сходитесь, что-ли...

Кое-кто двинулся къ нему, иные только почесались и поправили шапки, встряхнувши плечами и головой, другіе переступали съ ноги на ногу.

— Вотъ, Дмитрій Петровичъ жалобу произносить... Экіе каіе, да подходите...

— Чего подходить-то: видно и такъ...—отозвался это-то изъ толпы.

Нѣкоторые изъ молодыхъ мужиковъ засмѣялись. Староста обидѣлся.

— Чего тутъ зубы-то скалить. Тутъ, братецъ мой, мѣръ, сходь: не шутки шутать...—сказалъ Левъ внушительно.—Говорять, подходите.

Многіе изъ мужиковъ исполнили желаніе старосты и сошлись въ кучу.

— Вотъ, Дмитрій Петровичъ жалобу произносить,—началъ опять Левуха.—Вотъ разсудите по-мірски, по-божески... Вся деревня наша обижена живеть, потому жить никакъ нельзя... невозможно стало... И начальство, хоть бы меня, старосту, управа никакая не беретъ... Ничего не подѣлаешь: того и жди бѣды...

— На что ужъ этого хуже,—поторопился отозваться одинъ изъ стоящихъ въ кучѣ мужиковъ съ измятыми, красными лицами, слѣдами вчерашней попойки.

— А ты постой, что больно, ничего не видя...—остановилъ его другой.

— Потому обидно: мы отъ Дмитрія Петровича—никогда не оставлены...—продолжалъ было тотъ же...

— Постой, братецъ, ты постой...—замѣтилъ староста:—что не въ путь-то... Вотъ Дмитрій Петровичъ, вамъ, господа міряне, свою жалобу произнесеть... а опосля того я опять... Говори, Дмитрій Петровичъ...

Староста отошелъ; на его мѣсто вышелъ Дмитрій Петровичъ.

— Быть, господа міряне, подь вчерашнее число, въ самую ночь, въ первый спѣнь, схватили мы съ работникомъ, вотъ, съ Иваномъ, и съ женой, въ самыхъ сѣняхъ возлѣ чулана... и пробой вытащень... ухватили Илюшку Кузьмина... Какъ началъ онъ отбиваться у насъ, отбился—и бѣжать... Ну, ночью поймалъ ли?.. А утромъ, какъ стадо сгонять, вижу, крадется изъ-подъ мово крыльца женка Илюшкина, Парасковья, и сапоги несетъ Илюшкины: значить, шель воровать да свялъ подь крыльцомъ, оставилъ для тишины, а убѣгъ—взять было некогда, такъ женка и пришла за ними... И сосѣди видѣли... Сталъ я совѣстить, а она скверномерзкими словами, и въ обиду всему моему роду стала говорить, чего никогда не было... и въ лицо мнѣ плюнула... Вотъ, господа міряне, на томъ прошу: не оставьте вы въ обидѣ... А и допрежь того этотъ Илюшка по ночамъ коло мово дома ходилъ и досматривалъ; еще подь самый Ильинъ день, ангель его, пьяный съ гармоникой тоже по деревнѣ ходилъ, вотъ и староста, Левинъ Панкратьевичъ, видѣлъ, и вы, чай, нѣкоторые видѣли... и тоже разными словами, противъ моего дома, мев

обносишь и даже до крови сердца меня обижаешь... Что же, господа міряне, неужто ужъ я ничего не стоющій у васъ чело-вѣкъ... развѣ я не стараюсь для всякаго? Кто мной обиженъ?.. И опять же, если намъ воровъ разводите на деревнѣ да пота-вать, такъ какая же наша жизнь будетъ...

— И опять же, не у одного тебя это было—Дмитрій Петро-вичъ,—вмѣшался староста:—этихъ шалостей нынче въ деревнѣ много развелось: вонъ у Окутиныхъ о запрошломъ годѣ каф-танъ пропалъ, нынче у Субботиныхъ полъ-ската волось, переды, отъ воротъ увезли, у Марѣи солдатеи, жалобилась, двухъ моло-дохъ не досчитывается... А гдѣ воры... неизвѣстно... А вотъ ужъ, значить, дѣло на виду: знать, чья музыка; около чулана пой-мали, и пробой вытащень... Опять же всякая за нимъ недоимка... Къ дому что ли радѣльщикъ? Сами знаете, какова его полоса-то... А въ Питерь-то ходилъ, такъ вому не долженъ... Одна забота: бабы да дѣвки... отъ своей-то законной жены... Такъ ли, гос-пода міряне...

— Такъ, такъ, Левинъ Панератьичъ, это ты вѣрно!—разда-лось нѣсколько голосовъ.

— Такъ что ты про бабъ-то, да еще дѣвогъ, староста, помя-нуть,—отозвался одинъ молодой мужикъ,—это статья не касаю-щая, это дѣло любовное... Кто молодежь не былъ...

— Истинно такъ, поддержаль другой: съ молодую, да не по-гулять... Дѣвки! эка невидаль! Вѣдь не жалуются, такъ чего тебѣ этого добра-то жалко...

Нѣсколько молодыхъ мужиковъ захохотало.

— Да вы, я васъ знаю,—прикрикнулъ на нихъ староста:—вы одной шайки-то съ Илюшвой; вамъ и дорога одна видно бу-детъ...

— Вамъ, знамо, стыда нѣтъ,—вступился Дмитрій Петровичъ,—а старому чело-вѣку, да это на знати живеть, зазорно бы-ваетъ... Спросите-ка стариковъ-то, у коихъ жены да дочери мо-лодня, а про нихъ по чужимъ деревнямъ славу пропускають...

— Да и не одно то,—продолжалъ староста:—не одно рас-путство, а и мошенничество, и пьянство, и воровство всякое — вотъ что на міру у насъ завелось... Вотъ что выжить нужно.

— Да ты постой-ка, Левинъ Панератьичъ,—вмѣшался мол-чавшій до сихъ поръ степенный мужикъ, зажиточный и давно враждующій съ Дмитріемъ Петровичемъ, котораго онъ особенно боялся на сходѣ.—Ты все воровство да воровство, да ты кого же съ полчинымъ-то поймаешь?

— Да ты слышала, али нѣтъ, Григорій Ивановичъ, что у чулана Илюшку-то поймали и пробой вытянуть...

— Опять же мы этого никто не видали...

— Свидѣтели есть,—мрачно проговорилъ Дмитрій Петровичъ, метнувши злобный взглядъ въ сторону, гдѣ стоялъ Григорій.

— Ну, мы ихъ еще не слышали, а свой работникъ... что велить хозяинъ, то онъ и покажетъ... Да хопса бы и свидѣтели были настоящіе, такъ ты къ чему, Левинъ Панкратычъ, сходи-то собралъ?...

— Какъ къ чему?.. мірское дѣло выходить: человекъ ба-луется; разберите, да взыскать нужно...

— Разобрать... Разобрать, такъ Илюшку сюда подай, послушаемъ, что онъ скажетъ... Вотъ, спроси-ка Аполита-то Егорыча: какъ же человека-то судить, коли его на лицо нѣтъ... Какъ полагаешь, Аполитъ Егорычъ, нужно намъ Илюшку на лицо взять...

— Это не мое дѣло, это мірское разсужденіе, какъ міръ положить...—уклончиво отвѣчалъ писарь.

— Нѣтъ, да по законамъ?

— Никакого на это закона нѣтъ, не положено...

— Да неужто вы, господа міряне, меня на одну доску съ пьяницей, воришкой поставите,—вскричалъ Дмитрій Петровичъ:—кто міру-то нужнѣе: я, или онъ, кто обществу больше служить: я, или онъ? Ужъ я вамъ истинно говорю, что поймалъ его, какъ онъ чуланъ у меня взламывалъ, а какъ жена его приходила за сапогами, такъ мало ли народа видѣло: вотъ Петруха видѣлъ, Андрей видѣлъ, тутъ стояли, какъ она ругалась со мной... Опять же, что вы его позовете, разъ онъ признается? будетъ только бахвалиться, да срамоту пущать на мою голову, — чего быть никогда не можетъ,—вотъ и все!..

— Да не надо его на сходи, на что его...—вскричалъ староста и подмигнулъ сторонникамъ.

— Не надо, не надо!—заревѣло большинство.

— Да хопъ бы спросить: какъ онъ въ сѣни-то попалъ, вѣдь, чай, заперты были!—настаивалъ Григорій Ивановъ.—Что орать-то: не надо!.. надо дѣломъ разобрать.

— Не надо, не надо!—закричало опять большинство.

— Дураки, черти,—разсердился Григорій Ивановичъ:—такъ какъ же вы его судить-то будете, какъ съ него взыскивать-то станете?

— А такъ и будемъ судить,—разгорячился Дмитрій Петровичъ,—что надо удалить его изъ общества, какъ безпутнаго... опаснаго человека... Онъ еще, пожалуй, деревню подпалить — вотъ

что!... Что съ него возьмешь... Ты что ли за него отвѣчать будешь?... Съ него что возьмешь?.. А онъ на то идетъ, отъ него только и жди... Вотъ, господа міряне, согласны ли на то, чтобы удалить Илюшку...

— Какъ вреднаго и опаснаго члена общества!—подсказалъ сзади писарь.—Законъ такой есть: общество можетъ.

— И слѣдуетъ удалить, потому, того смотри, подождеть,—подхватилъ староста...—Первое—пьянствуетъ, второе—распутствуетъ, закона не держитъ, воровать сталь... стало-быть, чего ждать—подождеть... Больше и ждать отъ него нечего... Согласны ли, господа міряне, удалить Илью Кузьмина изъ общества?

— Согласны! можно! Удаляй! Катай! Пиши приговоръ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Стойте, черти, что вы,—закричалъ Григорій Ивановичъ:—міру погубить человѣка не долго, міръ—большой человѣкъ, да стоить ли губить-то: вы то сначала подумайте. Мнѣ Илюшка—не свать, не братъ, не дѣтей мнѣ съ нимъ крестить, да надо и Бога помнить... Что вы, ровно оголтѣлые, обрадовались, что водки-то пообщали, а вы то думайте: Илюшка хоть гуляка парень, ну, и безшабашный, а онъ не воръ, никто его въ этомъ не удичалъ... А вы то думайте, что кто-нибудь да отперъ же ему двери-то въ сѣни къ Дмитрію Петрову, можетъ онъ жданный гость былъ, а отецъ засталъ, да вотъ съ сердцовъ сейчасъ и воровъ показывать... Пробой-то у чулана и самому не долго вытянуть...

— Вѣрно, вѣрно, Григорій Ивановичъ, молодець, вотъ молодець!—закричали двое-трое пріателей Ильи, молодые мужики.

— Что-жь, ты позорить меня хочешь на міру-то... Что же, у меня жена, али дочь что ли безпутныя...—кричалъ Дмитрій Петровичъ съ пѣной у рта.—Нѣтъ еще, поищи около себя. У меня жена старуха, а дочь—сговоренная, черезъ недѣлю свадьба будетъ... Что же это, господа міряне, что же вы даете меня обижать да срамить на всемъ сходѣ... Али кто не ѣлъ моего хлѣба, много ли въ деревнѣ народа, что не одолжался мной?.. И этотъ, Григорій-то, давно ли мной однимъ только и дышалъ, отъ меня же въ люди пошелъ, а вотъ теперъ и гордыбачить сталъ... Не сдѣлаете вы по-моему—не ходите ко мнѣ никто, ни за чѣмъ, а я для міра ничего не жалѣю, и не пожалѣю... А ты, Григорій, это припомни.

— Да что тутъ толковать, Дмитрій Петровичъ,—закричалъ староста,—что онъ міръ-то пьяницами весь обзываетъ, міръ его

и слушать не хочетъ, міръ порѣшилъ ужъ Илюшву: удалить да и шабашъ... Таъ ли, православные?..

— Такъ, таъ! удалить! что тутъ! — закричало большинство сходки.

— Пиши, Аполить Егорычъ, катый приговоръ, я столъ веду сюда вытащить, тебѣ не долго, ты разомъ.

Пока писарь писалъ приговоръ, вся толпа раздѣлилась пополамъ: большинство осталось около Дмитрія Петровича и лишь нѣсколько человекъ около Григорія Иваныча. Послѣдніе стояли въ сторонѣ и сговаривались, чтобы вовсе уйти со схода.

— Покорно васъ благодарю, господа міряне, за неоставленіе... Ужъ и я завсегда для васъ что угодно! — говорилъ Дмитрій Петровичъ своимъ сторонникамъ.

— Мы тобой, Дмитрій Петровичъ, довольны... Мы тебя не оставимъ, не оставь и насъ... Что-жъ, ничего: удалить, таъ удалить, будетъ: подурилъ, надо и совѣсть знать... хоть бы Илюшва... По вѣтямъ началъ лазить — чего ужъ ждать!.. — отвѣчали Дмитрію Петровичу.

Писарь кончилъ и сталъ читать вслухъ приговоръ. Вся толпа, и сторонники, и противники Дмитрія Петровича, тѣсно сомкнулись и окружили его. Тишина воцарилась мертвая, всѣ настожили уши. Въ приговорѣ писарь объяснялъ, что «Илья Кузьминъ, замѣченный и подозрѣваемый въ разныхъ художественныхъ и прелюбодѣйственныхъ, въ соблазну нашему, противъ нашихъ женъ и дѣвокъ, поступкахъ, нарушающихъ стройный составъ и спокойную бытность общества, равно изъ опасенія послѣдующихъ, могущихъ быть отъ него погибельныхъ для общества дѣйствій, а также небрежущій о собственномъ своемъ благополучіи, и даже хозяйствѣ, но всегда нарушающій спокойствіе общества пьянствомъ, распутствомъ и подозрѣніемъ въ воровствѣ, удаляется, какъ вредный и опасный членъ общества, и отдается въ распоряженіе правительства для поселенія въ мѣстахъ отъ него безопасныхъ».

Когда писарь кончилъ, вся толпа стояла тихо и какъ-будто струсила: всѣ молчали и точно боялись взглянуть другъ на друга.

— Ну, кому вѣрите подписаться, давайте руки! — сказалъ писарь. — Старшина, подавай печать... Кто у васъ подписываться то будетъ? Кто грамотный?..

— Да вотъ Яшка... Яковъ подпишется... Яша, подпиши... за весь, значить, міръ, за все общество... — говорилъ староста,

ивводи изъ толпы оборваннаго, пьяненькаго мужичёнка, приписавшагося къ обществу изъ бывшихъ дворовыхъ.

— Рука-то дрожить... Давно не писалъ...

— Ну, ничего, какъ умѣешь, — замѣтилъ писарь: — я всѣхъ домохозяевъ выпишу: пушай кресты поставять, а ты опосля по безграмотству и личной просьбѣ... Отбирай руки.

Яшка вытеръ полой кафтанишка носъ, снялъ шапку, взялъ ее подъ лѣвый локоть, а правую руку протянулъ впередъ. Дмитрій Петровичъ первый подаль ему свою руку. За нимъ стали подавать другіе крестьяне. Писарь въ это время записывалъ всѣхъ подходившихъ.

Вдругъ кто-то изъ стоящихъ сзади закричалъ:

— Мотри-ка, ребята, бабы, ничто, взбаламутились — бѣгутъ...

Всѣ оглянулись.

Впереди всѣхъ бѣжала Татьяна, слѣдомъ за ней, запыхавшись и не догоняя, гналась Матрена Поликарповна, вся красная, растерзанная. Около нихъ и за ними въ разсыпную бѣжали бабы, очевидно, только любопытствующія, постороннія зрительницы. Толпа мужиковъ заготовала при этомъ зрѣлищѣ. Дмитрій Петровичъ остолбенѣлъ отъ неожиданности и изумленія. По мѣрѣ того, какъ Татьяна приближалась къ мѣсту сходки, Матрена Поликарповна, что-то кричавшая и дѣлавшая отчаянные жесты, стала отставать отъ нея и, наконецъ, видя невозможность догнать дочь, вдругъ сѣла на землю, заголосила и закрыла лицо руками. Около нея осталась небольшая кучка женщинъ, прочія продолжали бѣжать за Татьяной. Она была уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ сходки, когда Дмитрій Петровичъ бросился къ ней на встрѣчу, выбѣгаясь схватить и остановить дочь, но она ловко уклонилась отъ его руки, и оставя отца за собою, запыхавшаяся, растерзанная, съ красными, но сухими глазами ворвалась прямо въ кружокъ мужиковъ и бросилась на колѣни. Слѣдовавшія за нею бабы остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи, не смѣшиваясь съ мужиками.

— Господа-миряне, погодите... — говорила Татьяна прерывающимся голосомъ, — къ вамъ я, къ вамъ... Матушка не пускала, вырвалась я, убѣжала... Сейчасъ солдатка сказала... Не губите, погодите... Я виновата, я согрѣшила... Онъ ни въ чемъ не виноватъ... Не воровать онъ приходилъ, Илюша... Илья Кузьмичъ...

Дмитрій Петровичъ протискался въ эту минуту сквозь толпу и, какъ безумный, схватилъ дочь за волосы.

— Молчи, дьяволь, убью... — кричалъ онъ, таская дочь за волосы.

— Бей меня, тирань... сколько хошь... Не воровать онъ приходилъ, господа-миряне... ой, батюшки!..

Нѣсколько мужиковъ, изъ сторонниковъ Ильи, схватили Дмитрія Петровича за руки и освободили Татьяну.

— Что ты, братецъ... Бей дома... Здѣсь сходъ, мірское дѣло... Міръ всему голова, міръ разсудить... — говорили Дмитрію Петровичу нѣкоторые изъ окружающихъ. — Опосля что хошь, твоя воля родительская... А здѣсь, вишь, она міру винится.

Дмитрій Петровичъ ругался, кричалъ, бѣсновался, его оттерли изъ круга: онъ, какъ одурѣлый, опустился на завалину.

— Говори, говори, Танюха, винись. Сказывай все... — слышалось кругомъ ея.

— Вся моя вина, господа-миряне, и я тутъ... Судите меня, накажите меня... Ну, виновата, согрѣшила, гуляла я съ нимъ... А зачѣмъ же клепать-то, что онъ воровалъ, — что изловили... Онъ ко мнѣ пришелъ, у меня въ свѣтлицѣ былъ... про любовь со мной говорилъ...

— А пробой-то у чулана кто же вытануль?..

— Не онъ, не онъ, господа-миряне... У него и въ рукахъ-то ничего не было... Какъ бы было что въ рукахъ, онъ борониться бы сталъ, когда били его, а ему и взяться нечѣмъ было... Убили бы до смерти, кабы я не вступилась... Черезъ меня онъ и изъ рукъ отъ нихъ ушелъ... Міръ честной, за что вы его хотите на поселеніе-то? За мой грѣхъ да человѣка хотите погубить... Вотъ я вся тутъ, раскажите меня, что хотите дѣлайте со мной, а не губите человѣка, не берите грѣха на душу...

— Вотъ орали, что орали зря-то?.. — вступилъ Григорій Ивановичъ. — Вотъ настояще какъ было-то, оно и видно... А вы изъ-за водки да изъ-за острасти рады человѣка погубить. Что за срамота и самъ-дѣлѣ... Что это за міръ такой? Какой это міръ, какой судъ? Сами дураки себя въ руки отдаютъ: дѣлай съ ними, что хошь... Одному вздумалось, водки поднесъ, самихъ себя рады въ кабалу отдать... Что Дмитрій Петровъ захотѣлъ, такъ и на вотъ, бери, на кого напалъ онъ, такъ ужъ тотъ и не человѣкъ сталъ, какъ собаку рады удавить... Дмитрій Петровъ... Что Дмитрій Петровъ?.. Не одинъ онъ у насъ въ общество-то... есть и другіе, прочіе... А вонъ онъ какія дѣла-то подводитъ: убилъ-было человѣка-то, да еще и на поселеніе упечь хочеть... Больно жирно будетъ...

— Да ты что? Да ты что!..—подскачилъ въ Григорію староста.

— Что я... Я ничего!.. А ты вотъ что?

— Я-то что?.. Я староста... начальство...

— А коли ты староста, такъ ты и будь староста у міра, а не у Дмитрія въ батракахъ; ты мірское дѣло и справляй, что тебѣ міръ укажетъ, ты міру и служи...

— Я міру и служу, небось... Я для міра и стараюсь... Вотъ какъ міръ укажетъ, такъ и будетъ... А ты что?.. Что, господа-міряне, кого слушать-то: его, али васъ? Что онъ глоту-то деретъ... Здѣсь, я думаю, сходи, а не кабакъ...

— Какой это сходи?.. Разѣ этакъ на міру-то дѣла дѣлаются,—возразилъ Григорій Иванычъ.—Спаввалъ цѣлую ночь народъ да пьяныхъ на сходи собралъ...

— Да ты... да ты... Госнода міряне, что онъ порочить... Да я тебя взять велю...

— Ваять? Нѣтъ еще, братъ, погодишь: я на сходи могу все говорить... Вонъ она, дѣвка-то, тутъ... что она говорить-то?.. Татьяна, говори опять: кто виновата...

— Я, я во всемъ виновата,—отвѣчала Татьяна, всклипывая.

— Къ тебѣ Илюшка приходилъ на ночь?..

— Да, да...

— По любви по вашей, а не для воровства?

— Нѣту, нѣтъ, и въ умѣ у него не было... ниволи... не таковский онъ...

— Ну, такъ что еще толковать-то... Постегать бы надо обонхъ—вотъ и весь судъ. Ну, да этой отъ отца будетъ впору, а токъ въ темной посидѣлъ... Такъ ли, ребята?

— Вѣрно, вѣрно, Григорій Иванычъ,—раздалось уже много гласовъ.

Бабы, стоявшія сначала вдали отъ схода, мало-по-малу вмѣшались въ толпу, и тронутыя словами Татьяны, уже успѣли шопотомъ и пинками въ бока мужей повліять на послѣднихъ въ пользу Ильи.

— Ну, вотъ, и вся недолга... И приговора никакого не нужно... Ну что, ребята, тутъ прохладжаться-то, и сходу конецъ: пойдемъ по домамъ, расходись...

Григорій Иванычъ двинулся, а за нимъ двинулось и большинство.

— Стой, не уходи, я не позволяю расходиться... я, староста,—горячился Левуха.

— Такъ ладно, стой одинъ, коли тебѣ охота... Вонъ бабъ

тебѣ оставимъ... вотъ тебѣ и сходъ будетъ! — посмѣялся одинъ озорникъ.

Поднялся хохоть.

— Бабій сходъ, важно!..

— Бабій староста!

— Вы руки давали... Нельзя уходить... — кричалъ староста.

— Пригладывай печать-то: бабы подпишуть!.. — слышались голоса изъ уходящей со схода толпы.

Разсвирѣпѣлый, вскочилъ Дмитрій Петровичъ и началъ ругать вслѣдъ Григорія Иваныча. Тотъ приостановился, сталъ отругиваться. Къ нему пристали другіе, къ Дмитрію Петровичу тоже. Начался шумъ, крикъ, доходило дѣло до толчковъ, должно было дойти до драки. Жены начали тащить за рукава и разводить мужей.

Писарь смотрѣлъ, смотрѣлъ, наконецъ плюнулъ и всталъ съ мѣста.

— Какой тутъ можетъ быть, къ чорту, у васъ приговоръ! — накинулся онъ на старосту. — Какой ты староста: ты дуракъ, вахлакъ! Тутъ команду нужно, а не то, что какое согласіе! Захотѣли приговоръ... Вотъ онъ, вотъ онъ!.. Ипполитъ Егорычъ съ сердцемъ разорвалъ заготовленный приговоръ и доскутки раскидалъ на воздухъ; искренне разстроенный, пошелъ онъ вонъ изъ деревни, прямо къ себѣ въ волостное правленіе.

Мужики съ ругательствами мало-по-малу расходились. Татьяну окружили бабы, подняли съ земли, взяли подъ руки и повели домой. Около старостиной избы остались только Дмитрій Петровъ да самъ староста. Послѣдній былъ совсѣмъ сконфуженъ, растерянь, не зналъ что дѣлать, потоптался за спиной Дмитрія Петровича, но не нашелся что сказать и потихоньку скрылся въ избу.

Къ Дмитрію Петровичу, стоявшему неподвижно на одномъ мѣстѣ съ одурѣлымъ, искаженнымъ отъ злости лицомъ, тяжело дышавшему и что-то отрывисто глухо произносившему, тихо, осторожно подошла плачущая Матрена Поликарповна, обняла его и проговорила:

— Пойдемъ, отецъ! что дѣлать-то, согрѣшили грѣшныя!..

Дмитрій Петровичъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на жену, точно вдругъ опустился весь, и молча, покорно, пошелъ вслѣдъ за женою. Староста успѣшилъ освободить Илью.

XIII.

Вся деревня взволновалась от поступка Татьяны; цѣлый день только и разговаривали, что объ этомъ: явиться дѣвкѣ самой, противъ воли родительской, на сходъ, передъ всѣмъ міромъ признаться въ своемъ грѣхѣ и стыдѣ, заставить сходъ отмѣнить уже состоявшееся почти рѣшеніе — это было такое неслыханное событіе, что очевидно должно было всколыхнуть обычную, неизмѣнную тихую жизнь крестьянскаго общества. Толкамъ и пересудамъ не было конца: удивлялись озорству Татьяны, ея безстыдству, жалѣли родителей, у которыхъ она видимо отбилась отъ рукъ, но нашлись и горячіе защитники ея, особенно среди молодого поколѣнія: въ этомъ лагерѣ оправдывали ея желаніемъ спасти ни въ чемъ неповиннаго человѣка, даже ставили ей ея выходку въ заслугу, расхваливали ея, ставили въ примѣръ другимъ. Женщины въ глубинѣ души были всѣ на сторонѣ Татьяны, но ради приличія осуждали ея, бранили за охальство и безстыдство. Словомъ, Татьяна сдѣлалась героиней дня. Зато въ домѣ Дмитрія Петровича стояла мертвая тишина: точно всѣ стыдились и прятались другъ отъ друга, не было слышно ни говора, ни движенія, всѣ смотрѣли точно придавленные какимъ тяжкимъ, непоправимымъ горемъ. Татьяна сидѣла молча и неподвижно въ своей свѣтелкѣ, даже не пошла обѣдать, и ее никто не позвалъ. Матрена Поликарповна сгорбилась, опустила и безпрестанно вздыхала; Дмитрій Петровичъ, обезкураженный, униженный на сходѣ, затахъ и, какъ человѣкъ, выбившійся изъ силъ въ бесплодной борьбѣ, апатично махнулъ на все рукой: у него не доставало духа даже на то, чтобы взыскать съ дочери свою обиду побоями, или даже бранью. «Отбилась отъ рукъ, такъ видно ничего не подѣлаешь: приходится отступить; больно характерна да и умна!» думалъ онъ про себя.

«Не видать, видно, мнѣ Таньку замужемъ, въ законѣ, какъ быть слѣдуетъ...» разсуждала также молча, сама про себя, Матрена Поликарповна. «Пропала дѣвка, опустила совсѣмъ: теперь и свадьба наша разстроится: хоть бѣдны, бѣдны, а тоже, пожалуй, заломается и Семенова родня, отъ экаго срама да зазора; да еще и Танька-то, кто ее знаетъ, жди того, упрется, не пойдетъ. Ужъ теперь ей все нипочемъ: на всемъ сходѣ, передъ всѣмъ міромъ... Ахъ, Господи милостивый, эка стыдобушка... Чѣмъ я передъ Тобой, Создателемъ, согрѣшила?..

Въ такомъ настроеніи прошелъ цѣлый день.

На слѣдующій день Дмитрій Петровичъ всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно ничего наканунѣ и не случилось, и принялся за свое обычное дѣло, но избѣгалъ встрѣчи и разговора съ кѣмъ-либо изъ односельцевъ; а когда, продолжавшая вздыхать и охать, съ печальнымъ, вытянутымъ лицомъ, заговорила было съ нимъ Матрена Поликарповна о вчерашнемъ и будущемъ, онъ только выругался и, пробурчавъ что-то сердито и отрывисто, вышелъ вонъ изъ избы и крѣпко хлопнулъ за собой дверью.

Матрена Поликарповна хотѣла-было наказать дочь упорнымъ молчаніемъ, но не выдержала, и пошла къ ней въ свѣтелку, гдѣ Татьяна и на другой день сидѣла безвыходно.

«Хоть посмотрѣть: чего бы надъ собой не подѣлала!» оправдалась сама передъ собой Матрена Поликарповна.

Татьяна не двинулась съ мѣста и даже глазъ не подняла, когда вошла мать. Та постояла около нея нѣсколько мгновений со сложенными руками, съ укоривной во взглядѣ и, печально покачивая головой, наконецъ заговорила.

— Что ты, Татьяна, о своей головѣ думаешь, о своей судьбѣ?..

— Что мнѣ думать-то...—неопредѣленно отвѣтила дочь.—Думать-то нечего...

— Какъ нечего?.. вѣдь ты, чай, сговореная, невѣста...

— Такъ что?

— Какъ что... Теперь, вѣдь, ты стала охальная... На всю деревню... какое на всю деревню!—на всю округу себя ославила дѣвкой загульной... Теперь отъ тебя и женихъ-то откажется.

— Дуракъ будетъ, коли откажется... Этотъ откажется, другого найдете... я за всякаго пойду...

— Да кто тебя возьметъ? Тебя никто не возьметъ экую...

— Кто-нибудь да возьметъ... Ну, а не возьмутъ, такъ и въ дѣвкахъ останусь: бѣда не велика...

— Какъ бѣда не велика... Вѣдь, ты... языкъ-отъ не ворочается молвить... Вѣдь ты тяжела ходишь: вѣдь этого не спрячешь...

— Такъ что? теперь все равно: всякій знаетъ, и прятаться нечего... Сами виноваты: я васъ просила, не троньте меня, не замайте его... Я изъ вашей воли не выходила, за кого велѣли, за того шла... Чего же вамъ еще?.. все бы вѣнцомъ и прикрыли, и люди бы ничего не знали, а и знали бы, такъ молчали... А на что же вы его-то бить да уродовать, да еще на поселеніи ссылать вздумали... Вѣдь не связалась бы я съ нимъ, кабы сердце мое не лежало къ нему, кабы не тануло меня... Я вѣдь, за правду, не гулящая какая, не продажная... Я сама свой грѣхъ

знаю и чувствую... На что же вамъ было замать-то меня... Теперь ужъ сами себя вините...

— Какъ же намъ винить-то себя, Татьяна, ты подумай-ка. Вѣдь мы родители твои: какъ же намъ было смотрѣть-то на все это?.. Не потакать жс, вѣдь, было намъ тебѣ... родителямъ твоимъ...

— Ну, такъ вотъ вы, родители, и сдѣлали какъ вамъ лучше надо... Вотъ и я вся тутъ: и взыскивайте съ меня, дѣлайте со мной, что знаете...

— Что ужъ теперь намъ, старикамъ, съ тобой дѣлать, коли ты отъ рукъ отбилась, сама на сходъ стала бѣгать... Ужъ мы теперь, что мы?.. Я и не придумаю... Ты ужъ то сдѣлала, чего и на свѣтѣ-то не слыхано и не видано... Какіе ужъ мы стали тебѣ родители теперь?.. И отца, и мать, всѣхъ ославила, всѣхъ на одного промѣняла... Теперь ужъ я не знаю какъ мнѣ на свѣтѣ Божій выглянуть, какъ на людей глядѣть, какой отвѣтъ сватамъ и жениху держать, какъ про все провѣдаютъ да прійдутъ, спрашивать будутъ... Вѣдь ко мнѣ прійдутъ-то, въ матери... Вѣдь, никто не знаетъ, что ты отъ отца-то и матери чурнешься и знать ихъ не хочешь...

Матрена Поликарповна ударилась въ слезы.

— Вотъ что, матушка: не муди ты ни себя, ни меня извѣстна... Коли прійдутъ сваты, али женихова родня, да будутъ про что спрашивать, да допрашивать, такъ и молви, какова я есть... Хотятъ берутъ, не хотятъ — съ Богомъ... этого ужъ не переженишь... Вѣдь мнѣ жить съ мужемъ-то, не тебѣ... Будетъ мужъ ладень, такъ и я не хуже другихъ бабъ буду... Не одна я, много нашей сестры вѣткихъ, а замужемъ живутъ и дѣтей выводятъ, и домъ соблюдаютъ не хуже людей... Вотъ что ты имъ скажи...

Матрена Поликарповна оставалась нѣсколько минутъ совершенно озадаченная и молчала.

— Такъ такъ имъ это и сказать? — спросила она наконецъ съ упрекомъ, покачивая головой.

— Такъ и скажи...

— И не стыднешься тебѣ будетъ на жениха, на сватовъ смотрѣть?..

— Что ужъ будетъ, а такъ и скажи... Все равно — не стыднешься...

— Ну, дочка, наказалъ меня Богъ за что-то... — проговорила Матрена Поликарповна съ тяжелымъ вздохомъ, и только руками развела.

Медленнымъ шагомъ, опустивши голову, вышла она изъ свѣтелки; но съ лѣстницы воротилась...

— Ъсть, чай, хочешь?—спросила она дочь.

— Какъ не хотѣть, хочу: и вчера цѣлый день не ѣмши.

— Такъ сходи въ избу: позавтракай.

— Приду, только ты скажи батюшкѣ, чтобы онъ не дрался у меня и то поясница болить...

Татьяна завтракала и обѣдала съ отцомъ, но за ѣдой никто другъ на друга не смотрѣлъ и не разговаривалъ. Дмитрій Петровичъ только хмурился и отдувался: онъ притворялся гнѣвнымъ.

XIV.

Матрена Поликарповна не ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ: незадолго до дня, назначеннаго для свадьбы, въ избу Дмитрія Петровича вошелъ Демьянъ Прохорычъ. При первомъ взглядѣ на него было видно, что онъ пришелъ не даромъ: обыкновенная, заискивающая улыбка исчезла съ его лица и замѣнилась напускной серьезностью и озабоченностію, вся его яркая и размахистая фигура смотрѣла необыкновенно важно и степенно. Всѣ сразу догадались, что Демьянъ Прохорычъ пришелъ для объясненій: Дмитрій Петровичъ, увидя его, нахмурился, врякнулъ, и какъ-то торопливо и смущенно пересѣлъ съ одной лавки на другую; Матрена Поликарповна церемонно вытянула лицо, приподняла брови, сложила въ трубочку губы и вытянулась во весь ростъ, изображая собою крѣпость посаженную, но готовую сопротивляться съ достоинствомъ.

Демьянъ Прохорычъ раскланялся и сѣлъ безъ приглашенія. Разговоръ не начинался.

— Здорово ли живете, сватушки? — проговорилъ онъ наконецъ, не вынося упорнаго взгляда Матрены Поликарповны и обращаясь больше въ Дмитрію Петровичу, который не смотрѣлъ на него.

— Ничего, слава Богу... что намъ дѣлается... — отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Ну, слава Богу лучше всего...

Разговоръ опять прервался на нѣсколько мгновений. Демьянъ Прохорычъ притворно кашлянулъ, какъ онъ дѣлалъ всегда въ затруднительномъ положеніи.

— А какъ вашъ, женишокъ богоданный, Семенъ Сидорычъ Сидоръ Моисеичъ, сватьюшка Катерина Ивановна, всѣ ли в

доброю здоровью? — спросила на этот раз Матрена Поликарповна.

— Всѣ слава Богу, покорнѣйше благодаримъ... Блганяться приказали...

— Покорно благодарствуйте...

— Только вотъ, Дмитрій Петровичъ, я насчетъ дѣловъ-то нашихъ...—рѣшился наконецъ Демьянъ.

— Насчетъ какихъ дѣловъ?..

— А вотъ на счетъ случаю-то... Этакое божеское попущеніе...

Демьянъ остановился, но ни Дмитрій Петровичъ, ни жена его не произнесли никакого звука; Матрена Поликарповна даже не пошевелилась и глазами не моргнула, только мужъ ея сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но остался на томъ же мѣстѣ.

— Очень ужъ огуль-то большой пошелъ, Дмитрій Петровичъ; оченно ужъ зазорно... и для жениха...

Дмитрій Петровичъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ, говори съ женой... я въ эти дѣла не путаюсь...

Надобно мнѣ... — сказалъ онъ съ сердцемъ, и вышелъ вонъ изъ избы.

— Вы это, Демьянъ Прохорычъ, къ чему рѣчь ведете? — спросила Матрена Поликарповна, по уходѣ мужа, подпирая рукой подбородокъ и смотря на свата искоса, въ полъ-оборота.

— Да вотъ, свах.... Матрена Поликарповна, насчетъ этой сказки... насчетъ Татьяны-то Дмитриевны... Мы не съ тѣмъ брали: жениху-то ужъ оченно обидно...

— Что же это вы къ чему?.. дѣло раздѣлывать что-ли хотите?.. Какъ вамъ угодно, мы не нуждаемся, не вяжемся за вами...

— Ужъ не знаю какъ, Матрена Поликарповна, какъ и сказать... а ужъ только-что такъ обидно, такъ обидно... Жениху-то тоже зазорно, сама посуди... Вѣдь, на всеъ сходѣ, при всеъ честности народѣ!.. И тоже, опять передъ самой свадьбой!.. Какъ бы ни было, ты сама рассуди...

— Такъ что же ты это, Демьянъ Прохорычъ, къ чему говоришь-то?.. И говоришь ты это матери безо всякой безъ осторожности... Материнское-то сердце, вѣдь, люто!.. Коли ты пріѣхалъ дѣло ломать, такъ нечего тебѣ матери этакія слова и говорить, что которыя все нутро ея переворачиваютъ... Опять же я тебѣ первая сказала: хоть у насъ дѣло и благословенное, да подъ денецъ еще не ставили, все можно передѣлать... Мы не вяжемся... Демьяну мы вамъ не сдѣлали, а себѣ развѣ только, подарковъ вамъ не примали, да поди, чай, и на подарки-то у насъ же денегъ-то займовали; такъ что же тебѣ и разговоръ этотъ

вести. Любо, такъ дѣлайте, берите съ тѣмъ, съ чѣмъ брали, а чего ужъ нѣтъ, того негдѣ взять... А матери говорить тебѣ этия слова прискорбныя не приходится... Опять же мы не изъ крайности, не изъ нужды изъ какой: не намъ отъ васъ чего глядѣть, а развѣ вамъ отъ насъ... Вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный...

— Да это, конечно, Матрена Поликарповна, коли ежели... Въ нашихъ мѣстахъ на это что смотрѣть: какая дѣвка Богу не грѣшна... а только что ужъ очень это огласка-то велика, зазоръ-то большой: на всемъ міру, вѣдь... Ты не обижайся, свахонька, я не къ тому... Конечно, на это нечего смотрѣть, и Сеня хоть бы, парень добрый, покладистый... опять же онъ въ моихъ рукахъ: чтó скажу, какъ наставлю, то и будетъ; я не къ тому, чтобы все дѣло такъ, точно его и не было послѣ всего нашего согласія, любви и благословенія... А такъ полагаю, свахонька, что надо же вамъ въ этихъ случаяхъ и свата поблагодарить, чтобы старался... и парня наставлялъ, натолеовалъ бы ему, что это случай не что-нибудь, со всякой случиться можетъ... а жилъ бы впростѣ, да въ любви, безъ грубости, безъ обиды... ежели Богъ благословитъ... Вотъ я въ чему только, а не то, чтобы противъ васъ чтó...

— Что же, мы вашимъ стараніемъ будемъ очень довольны, и какъ вы теперь къ намъ въ родню поступаете, коли ежели Богу угодно, то за всякъ часъ милости просимъ, не какъ чужіе...

— Такъ вотъ бы ты, Матрена Поликарповна, свату-то и поговорила, пуцай бы онъ чѣмъ побаловалъ меня, деньжёнковъ бы что ли ссудилъ, али товарецъ у меня съ рукъ снялъ да по гривенничку на пудъ супротивъ людей накиннулъ, вотъ я бы и чувствовалъ, и старался бы, все бы мнѣ привлекательнѣе было... А ужъ я Сеню-то обломаю, онъ парень покладистый, въ моихъ рукахъ, онъ меня слушаетъ... да и самъ онъ, правда-что, въ дѣвѣ-то сердце большое получилъ, очень желаетъ...

Матрена Поликарповна, не слѣша, обдумывала свой отвѣтъ, и по лицу ея видно было, что она не прочь была побаловать свата, желала только сохранить свое достоинство, но ей не пришлось отвѣчать: двери въ избу распахнулись и въ нихъ быстро, смѣло и рѣшительно вошла Татьяна, къ невыразимому удивленію и смущенію матери и Демьяна.

— Слышала я все, Демьянъ Прохорычъ, — прямо начала она, даже не поклонившись. — Ты жениха продать мнѣ хочешь, али за меня придачи просишь, такъ какова я ни есть, а я не

продажная, торговать тебѣ мной не придется... Ты свать, такъ ты скажи-ка отъ меня жениху-то моему богоданному, Семену Сидорычу, прямо, что допрежь того было, того не воротишь, а выйду я за него замужъ, того не будетъ... То была дѣвичья дурость, а буду бабой, буду женой настоящей, и дурость всю вонь изъ головы вывинну, дома, небось, не промотаю, въ обиду мужику не дамся, за то и въ худой рубашкѣ, али въ заплаткахъ его не пушу, а будетъ смиренъ да ласковъ, да не имѣть попремъ, такъ и лучше ему жены не будетъ... Вотъ ты ему скажи... Да и еще молви: коли стали вы мной обижаться, коли стала я дѣвка охальная, на весь народъ ославлена, такъ тогда я пойду за Семена, когда онъ самъ прѣдетъ съ отцомъ да просить меня будетъ, чтобы шла за него, и ты прѣзжай, свидѣтелемъ будешь. Прѣдете да попросите — пойду, а нѣтъ, такъ Богъ съ вами, и не надо, безъ васъ найду, а то и въ дѣвкахъ останусь, и дѣвки на свѣтѣ живутъ. Вотъ тебѣ мой сказъ, Демьянъ Прохорычъ, а торговаться ты изъ-за меня не моги и жениха я за деньги покупать не стану... такъ и знай, съ тѣмъ и домой поѣзжай. Ругай, не ругай меня, матушка, а что сказала, то и сдѣлаю... Въ моемъ грѣхѣ никто мнѣ не судья, а свать Демьянъ и подавно... На томъ прощай, Демьянъ Прохорычъ, такъ и Семену отъ меня скажи!..

Татьяна поклонилась и вышла. Матрена Поликарповна только руками всплеснула, а Демьянъ стоялъ съ такимъ лицомъ, точно его кто обухомъ по лбу ударилъ, стоялъ и глазами хлопалъ.

— Вотъ ты и дѣлай съ ней что хочешь!.. — проговорила наконецъ Матрена Поликарповна, сложила руки на колѣняхъ и безнадёжно опустила голову.

— А я тебѣ скажу, Матрена Поликарповна, — заговорилъ Демьянъ, приходя въ себя и встряхивая головой, — купецкая она дочь — вотъ что, не нашего ей сословія быть... Съ-эстолько ума, съ-эстолько — и не привидано!.. Всякаго мужика заговорить — вотъ дѣвка!.. Ну, видно тутъ надо ладить, какъ она велить: Сенькѣ счастье, за этакой бабой, что за печкой живи... Ну, Матрена Поликарповна, все равно, ты не оставишь меня... Я поѣду, дѣло все справлю, а завтра съ Сеней и съ Сидоромъ прѣдемъ... Ничего, пускай поклонится, этакой дѣвкѣ поклониться можно... А онъ не то что, онъ изъ-за нее на ножъ полѣзеть: смиренъ, смиренъ, а рассмотрѣлъ тоже, какова статья... Ну, прощай, Матрена Поликарповна, не тужи, эта дѣвка не пропадетъ... До свиданія. Завтра прѣдемъ.

Демьянъ Прохорычъ вышелъ, но идя по сѣнямъ и садясь въ

телѣгу онъ все трясъ головой и приговаривалъ: ну, дѣвка... Вотъ это дѣвка... Не даромъ хай-дѣвкой прозвали... Умна! вотъ умна!.. Ну-у... братецъ ты мой!.. да, это дѣвка!..

На слѣдующій день, къ великому изумленію и даже соблазну всей деревни, у избы Дмитрія Петровича остановилась телѣга, изъ которой вылѣзли женихъ Татьяны съ отцомъ и сватомъ Демьяномъ. Всѣ они вошли въ домъ и чрезъ нѣсколько часовъ вышли оттуда веселые и довольные. Мать и отецъ невѣсты ласково и привѣтливо провожали гостей, а Татьяна выглянула въ окно и дружелюбно, съ улыбкой, кивнула головой уѣзжающему женигу.

Затѣмъ, въ ближайшее воскресенье состоялась и свадьба Семена Сажина съ Татьяной Дмитріевной. Когда свадебный поѣздъ возвращался изъ села послѣ вѣнчанья, онъ долженъ былъ остановиться при вѣздѣ въ прогонъ между гумнами: путь былъ загороженъ двумя жердями. Пока дружка торговался съ толпой молодежи за выкупъ проѣзда, изъ нея отдѣлился Илья. Онъ подошелъ къ телѣгѣ, въ которой сидѣли новобрачные.

— Князь и княгиня новобрачные, — сказалъ онъ съ нахальной усмѣшкой: — съ законнымъ бракомъ.

Нѣкоторые изъ поѣзжанъ смутились отъ этой встрѣчи, смутилась и Татьяна. Семень смотрѣлъ на Илью, выпуча глаза.

— Что-жъ ты, Татьяна Дмитревна, не благодарствуешь за проздравленьи, на моемъ? — продолжалъ Илья тѣмъ же тономъ. — А я еще думалъ, ты меня на свадьбу позовешь... Чай, не чужой.

Татьяна собралась, наконецъ, съ духомъ.

— Поворно благодарствую тебѣ, Илья Кузьмичъ, — сказала она. — А на свадьбѣ у меня тебѣ дѣлать нечего, сродни ты намъ не приходишься, пиръ мы и безъ тебя спируемъ; да и тебѣ, чѣмъ о пирахъ-то думать, лучше бы лишній поклонъ Богу положить, что избавилъ онъ тебя отъ напасти, далъ на своей землѣ остаться.

— Вотъ ты какъ нонѣ, ровно какъ ничего и не было...

— Былое-то, Илья Кузьмичъ, бывшемъ поросло. Я теперь въ законѣ, да и ты женнинъ мужъ... Стыдно тебѣ...

Между тѣмъ, выкупъ былъ данъ, жерди разгородили и поѣздъ тронулся. Илья остался на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, Татьяна даже не оглянулась на него.

Молодежь съ хохотомъ и гамомъ окружила Илью. Онъ былъ видимо озадаченъ и сконфуженъ, но храбрился и не отставалъ отъ толпы, которая направилась къ кабаку пропивать выкупъ.

Прошли годы. Прошедшее забывалось, и въ отношеніи Татьяны Дмитревны никогда не ставилось ей въ вину. Семень оказался ей не подѣ парю: былъ недалеко, и лѣнивъ, и нерасторопенъ, а къ торговлѣ и совсѣмъ неспособенъ; началъ и хмѣлемъ записываться, но былъ смиренъ и пьяненькій распѣвалъ только священные пѣсни по октоиху. Татьяна забрала мужа въ руки и, говорить, даже поколачивала его, но хозяйкой и матерью была отличной, а послѣ смерти отца продолжала съ успѣхомъ его торговлю и даже нерѣдко являлась вмѣсто мужа на сельскіе слоды, гдѣ не уступала ни одному мужику ни въ разумѣ, ни въ разсудительности. Носились слухи, что и выйдя замужъ она продолжала гулять съ Ильей, но эти слухи ничѣмъ не подтвердились и скоро замолели, особенно когда Илья совсѣмъ сбился съ пути и спился съ кругу, а Татьяна продолжала работать, не бѣднѣла и держала весь домъ въ рукахъ. Всѣ старыя замашки въ ней остались: характерна и зубаста была по-прежнему, никому въ рѣчахъ не уступить, никому на ногу себѣ наступить не дастъ, пожалуй, и обидитъ, но въ добрый часъ въ бѣдѣ поможетъ, а въ веселый и насмѣшитъ, и пѣсню споетъ, и игру заведетъ на всю деревню.

— Хай-баба у насъ, Татьяна Дмитревна!—говорили про нее односельцы.

Алексѣй Потѣхинъ.



592570

7*

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846.

VIII *).

Первыя столкновенія сената съ другими властями Кракова. — Споръ съ академіей и обращеніе сената къ покровительствующимъ дворамъ. — Новый статутъ для краковской академіи. — Дальнѣйшія сношенія сената съ тремя дворами, по вопросу объ имущественныхъ правахъ академіи. — Краковскій агентъ фонъ-Блюменбергъ въ Вѣнѣ. — Конвенція между Австріей и Россіей, отъ 17-го іюня 1821 года и отъ 4-го марта 1825 года, относительно имущественныхъ претензій Галиціи, Кракова и царства польскаго. — Ходатайство сената предъ императоромъ Николаемъ I-мъ, отъ 13-го марта 1827 года. — Новая борьба партій въ Краковѣ. — Президентъ сената, гр. Станиславъ Водзвцкій и его приверженцы. — Столкновение ихъ съ сеймомъ 1827. — Отмѣна покровительствующими дворами всѣхъ постановленій этого сейма. — Вопросъ о «смѣшанныхъ подданныхъ». — Третья конвенція между Австріей и Россіей объ имущественныхъ претевзіяхъ, отъ 29-го апрѣля 1828 года. — Кураторъ краковской академіи графъ Залусскій. — Конференція въ Варшавѣ.

Рѣдко самыя лучшіе уставы, вышедшіе изъ-подъ пера многихъ лицъ, по введеніи ихъ въ общую жизнь, получаютъ въ ней полное примѣненіе и не уклоняются отъ первоначальнаго смысла своего; еще рѣже сбываются преувеличенныя надежды, которыя связываютъ обыкновенно съ уставами ихъ составители. Таки было и съ краковской конституціей. Сенатъ, въ руки котораго комиссары покровительствующихъ державъ передали уставы республики, вскорѣ по отъѣздѣ ихъ изъ вольнаго города, долженъ былъ почувствовать неловкость своего положенія относ-

*) См. выше: янв. 107; февр. 460 стр.

тельно законодательнаго собранія и полную неопредѣленность въ отношеніи къ университетскимъ властямъ. При первомъ столкновеніи между школьными привилегіями и общими гражданскими обязанностями, сенатъ и университетская іерархія должны были почувствовать это и обратиться за разъясненіемъ къ покровительствующимъ державамъ. Въ 1820 году, полиція арестовала двухъ учениковъ гимназіи, обвиняемыхъ въ воровствѣ. Ректоръ университета, имѣвшій, на основаніи органическаго статута, высшую власть надъ воспитанниками всѣхъ краковскихъ школъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выступить противъ главы правительства, съ которымъ онъ былъ въ личной враждѣ, и протестовалъ противъ нарушенія университетскихъ правъ. Ободренные своимъ начальникомъ, студенты собрались шумною толпою предъ мѣстомъ заключенія своихъ товарищей и, не добившись добровольнаго освобожденія плѣнниковъ, освободили ихъ собственною силою. Они не остановились на этомъ: возбужденные первымъ успѣхомъ, они напали ночью на домъ полицейскаго начальника и разбили его окна и мебель. Такое опасное для общественнаго спокойствія происшествіе пробудило наконецъ сенатъ изъ его летаргіи, и лишь тогда, пересмотрѣвъ статуты университета, сенатъ узналъ, къ своему удивленію, что не только университетъ, но ни одна изъ краковскихъ школъ не подлежатъ его юрисдикціи. Два года только прошло съ тѣхъ поръ, какъ органическіе уставы объявлены были дѣйствующими, а уже представлялась необходимость ввести въ нихъ коренное измѣненіе, чего можно было достигнуть путемъ законодательнымъ, то-есть посредствомъ соглашенія съ сеймомъ. Но сенатъ, ревнивый къ своей власти, считалъ опаснымъ подвергать такую реформу обсужденію народныхъ представителей; ибо еще при организаціонной комиссіи онъ старался избѣжать подтвержденія малѣйшихъ правъ своихъ сеймовыми постановленіями. Столкновение между сенатомъ и конституціонною властью университета сопровождалось такими обстоятельствами, что они казались сенаторамъ вполнѣ оправдывающими самую решительную мѣру, то-есть обращеніе не къ сейму, а къ посредничеству покровительствующихъ державъ. Послѣднія приняли роль посредниковъ между университетомъ и краковскимъ правительствомъ; но потомъ дальнѣйшая распря между этими двумя властями дала покровителямъ права верховныхъ судей. Сперва временнымъ распоряженіемъ дана была сенату нѣкоторая власть надъ университетомъ и связанными съ нимъ школами; а затѣмъ вышеупомянутое событіе сочтено было признакомъ опаснаго направленія, господствовавшаго во всѣхъ краковскихъ школахъ. Въ

немъ видѣли вліаніе демагогическихъ идей, приписываемыхъ тогда нѣмецкимъ университетамъ, и стремленій, произведшихъ извѣстныя событія въ Кадиксъ, Неаполѣ и Туринѣ, что и вызвало противъ нихъ заявленіе варшавскихъ конференцій и конгрессовъ въ Лайбахѣ (Люблинѣ) и Веронѣ. Въ 1822 году, правительство королевства польскаго издало указъ, положительно запрещающій польской молодежи обучаться за границей, и объявило, что никто не можетъ впредь занимать какую-либо должность въ королевствѣ, если учился не въ варшавскомъ университетѣ. Тому же примѣру послѣдовали Австрія и Пруссія, противъ жителямъ Галиціи и Познанскаго княжества учиться въ краковскихъ школахъ. Затѣмъ приступлено было къ преобразованію краковского университета въ томъ же духѣ, каковой усвоенъ былъ тогда правительствами германскаго союза. Въ 1826 году, краковскій университетъ получилъ новый статутъ; но независимость его отъ мѣстнаго правительства была удержана во всѣхъ отношеніяхъ, согласно тексту прежняго устава; зато, въ качествѣ высшей власти надъ нимъ поставленъ былъ кураторъ или попечитель, и этимъ званіемъ облеченъ былъ графъ Залусскій, генераль-адъютантъ русскаго императора. Столь непосредственныя отношенія къ одному изъ покровительствующихъ дворовъ освобождали его отъ отвѣтственности предъ остальными. Такимъ образомъ, по внѣшней зависимости краковскій университетъ приводился какъ-бы въ связь съ школами польскаго королевства, но указъ, запрещающій уроженцамъ послѣдняго обучаться въ Краковѣ, оставался въ силѣ. Таково было первое вмѣшательство покровительствующихъ дворовъ во внутреннюю жизнь Кракова, названное самимъ сенатомъ его. Однакожь, десять лѣтъ прошло послѣ введенія конституціи, прежде чѣмъ послѣдовало болѣе рѣшительное вмѣшательство покровительствующихъ дворовъ въ дѣло Кракова, жизнь котораго за это время не нарушаема была какими-либо особыми происшествіями, за исключеніемъ выпепомнутаго.

Одинъ только вопросъ объ имуществахъ краковского университета, какъ до подчиненія его особому попечителю, такъ и послѣ того, продолжалъ возбуждать различные запросы и объясненія со стороны краковского правительства и покровительствующихъ державъ. Еще незадолго до отъѣзда организаціонной комиссіи изъ Кракова, русскій комиссаръ Мѣнчинскій заявилъ, что императоръ Александръ готовъ возстановить ягеллонскій университетъ въ его правахъ на земли и капиталы, которыми онъ владѣлъ прежде въ областяхъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королев-

ства, если только дворы австрійскій и прусскій сдѣлаютъ то же самое. Такое заявленіе, хотя и условное, давало надежду университетской іерархіи на полученіе въ свои руки значительныхъ богатствъ. Оставалось только позаботиться объ исходатайствованіи подобныхъ же заявленій со стороны Австріи и Пруссіи, или, лучше сказать, одной Австріи; ибо относительно Пруссіи обнаружилось, что университетъ нивогда не требовалъ отъ нея болѣе 3333 червонцевъ, которые однакожь присуждены были Пруссіи конвенціей 26-го января 1797 года, т.е. задолго до подписанія вѣнскихъ договоровъ, а потому краковское правительство и считало себя въ правѣ отказать безвозвратно отъ такого требованія. Но что касается Австріи, то имущества, которыхъ требовали отъ нея, принадлежали къ двумъ категоріямъ: въ первой отнеслись суммы, которыя, находясь въ западной Галиціи, присоединенной въ 1809 году къ варшавскому герцогству, обращены были австрійскимъ правительствомъ на усиленіе общаго воспитательнаго фонда въ Галиціи (allgemeines Stiftungsfonds). Вторая категорія состояла изъ земель и капиталовъ, находившихся въ восточной Галиціи, не выходившихъ изъ-подъ австрійскаго владычества даже во время наполеоновскихъ войнъ, и едва ли подлежащихъ передачѣ. Возвращеніе всѣхъ этихъ имуществъ отъ Австріи было для краковскаго университета вопросомъ тѣмъ болѣе важнымъ, что при его удовлетворительномъ разрѣшеніи къ университету переходили и тѣ имущества, которыя находились въ польскомъ королевствѣ. Сенатъ рѣшился выслать въ Вѣну спеціальнаго агента для сей цѣли, фонъ-Блюменберга, давъ ему, 12-го октября 1819 года, обширную инструкцію и извѣстивъ о томъ князя Меттерниха. Блюменбергъ увѣдомилъ сенатъ, 20-го іюня 1820 года, что его нота, адресованная въ имперскую канцелярію, передана была на обсужденіе министерства и подлежащихъ властей; что послѣднія высказались не въ благопріятномъ для Кракова смыслѣ, но что все будетъ повергнуто на личное благоусмотрѣніе императора. Пока краковское правительство вело переговоры съ Вѣною, совершенно случайныя обстоятельства помогли требованіямъ краковскаго университета въ польскомъ королевствѣ, правительство котораго само признало его права. Въ 1823 году, въ польскомъ королевствѣ былъ обсужденъ новый ипотечный уставъ, и такъ какъ каждый владѣлецъ долженъ былъ представить и доказать свои права на имущества, то варшавское правительство поручило своимъ адвокатамъ навести необходимыя справки не только объ имущественныхъ правахъ польскаго королевства, но и о правахъ краков-

скаго правительства и краковскихъ общественныхъ учреждений. Для такой процедуры необходимы были извѣстные расходы, и варшавское правительство потребовало, 28-го марта 1824 года, чрезъ русскаго резидента, пребывавшаго въ Краковѣ, отъ сената республики 3000 злотыхъ въ счетъ этихъ издержекъ. Незадолго предъ симъ, именно 17-го (29) іюня 1821 года, Австріи и Россія заключили между собою конвенцію, седьмая статья которой постановляла, что всѣ претензіи, какія могутъ имѣть правительство, жители, церковныя и гражданскія учрежденія краковской республики къ австрійскому правительству, должны составлять предметъ особаго обсужденія. Въ исполненіе такого условія тѣ же самыя державы подписали потомъ въ Вѣнѣ, 4-го марта 1825 года, вторую конвенцію (прелиминарную), по третьей статьѣ которой Россія объявляла себя вполне удовлетворенною Австріей относительно претензій, унаслѣдованныхъ отъ правительства прежняго варшавскаго герцогства, и обязывалась съ своей стороны совершенно принять на себя всѣ претензіи Кракова къ Австріи и особенно претензіи краковскаго университета. Вторая статья той же конвенціи поручала заняться немедленно спеціальной комиссіи развитіемъ твердыхъ основаній для погашенія этихъ претензій. При заключеніи этихъ конвенцій ни краковское правительство, ни его спеціальнѣйшій агентъ не были приглашаемы для подачи мнѣній по сему предмету. Краковскій сенатъ узналъ о существованіи обѣихъ конвенцій только изъ ноты совѣтнѣйшаго австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, барона фонъ-Штурмера, который, 12-го сентября 1826 года, увѣдомилъ Блюменберга о заключеніи этихъ конвенцій. Штурмеръ объявлялъ, что для надлежащаго обсужденія претензій, заявленныхъ краковскимъ правительствомъ вообще и ягеллонскимъ университетомъ въ особенности, относительно имущества западной Галиціи, вошедшихъ въ общій воспитательный фондъ, необходимо было произвести многочисленныя справки и вычисленія по всѣмъ операціямъ, каковымъ подвергался этотъ фондъ со времени присоединенія Галиціи; что, согласно новымъ конвенціямъ, заключеннымъ отъ имени правительствъ австрійской имперіи и польскаго королевства, рѣшено опредѣлить взаимно секвестры, произведенные въ прежнія времена австрійскимъ правительствомъ въ имуществахъ, принадлежащихъ учреждениямъ нынѣшняго королевства, или, наоборотъ, произведенные въ имуществахъ нынѣшнихъ австрійскихъ учреждений правительствомъ варшавскаго герцогства; что всѣ эти имущества должны быть взаимно возвращены вмѣстѣ съ доходами съ нихъ за время, послѣдовавшее послѣ вѣнскихъ договоровъ.

А такъ какъ фонды краковскаго университета тѣсно смѣшаны съ общимъ воспитательнымъ фондомъ, то правительство польскаго королевства приняло на себя обязательство удовлетворить претензіи сего рода, представленныя Краковомъ, если краковская республика удовлетворитъ такимъ же претензіямъ австрійскихъ учреждений на фонды, находящіяся въ ея территоріи. Согласно съ симъ условіемъ австрійскіе и польско-русскіе комиссары занимаются разъясненіемъ всѣхъ вопросовъ по сему дѣлу, необычайная сложность котораго представляетъ множество затрудненій, но не можетъ служить серьезнымъ препятствіемъ въ исполненію воли обоихъ правительствъ. Министръ-секретарь польскаго королевства также увѣдомилъ, 29-го августа 1826 года, краковскій сенатъ, что всѣ его претензіи не могутъ быть ни разсмотрѣны, ни признаны прежде, чѣмъ конвенція 1825 года получитъ окончательное развитіе. Между тѣмъ, краковскій сенатъ уже представилъ свой проектъ ликвидаціи всѣхъ его претензій къ тремъ дворамъ и даже сообщилъ его центральной ликвидаціонной комиссіи, засѣдавшей въ Варшавѣ. Получивъ сообщеніе отъ Блюменберга, онъ послалъ благодарственный адресъ австрійскому императору, а своего агента просилъ разузнать, въ какомъ смыслѣ будетъ развита конвенція 1825 года. Затѣмъ, сенатъ ходатайствовалъ предъ императоромъ Николаемъ I-мъ объ официальном признаніи правъ университета, согласно заявленію его предшественника, и восстановленію его имуществъ въ польскомъ королевствѣ. Излагая весь ходъ дѣла, сенатъ особенно подробно останавливался на трудахъ варшавской ипотечной комиссіи, несомнѣнно признававшей имущественныя права ягеллонской академіи, и въ концѣ своей просьбы, подписанной 13-го марта 1827 года, говорилъ: «благovolите, государь, обратить вниманіе на то, что правительство вольнаго города Кракова, употребляя уже около половины своихъ доходовъ на народное просвѣщеніе, не въ состояніи жертвовать на него болѣе; а между тѣмъ и эти средства слишкомъ скромны, чтобы поднять образовательныя учрежденія сего края до высоты ихъ назначенія и дать имъ возможность соперничать съ другими университетами, которые развиваются быстро сообразно съ успѣхами наукъ и искусствъ въ наше время. Кромѣ того, новый порядокъ, введенный въ этотъ университетъ, согласно волѣ вашего императорскаго и королевскаго величества и вашихъ высокихъ союзниковъ, назначеніемъ главнаго куратора вызвалъ необходимость въ новыхъ расходахъ и въ новыхъ фондахъ, которые, если будутъ отнесены на дѣйствительные доходы страны, уменьшать ту часть ихъ, въ кото-

рой крайне нуждаются другія учрежденія, имѣющія не менѣе важное значеніе для общественнаго блага. Наконецъ, благодареніе, если получить такое краковскій университетъ, падеть отчасти на жителей польскаго королевства, которые получаютъ позволеніе посылать сюда своихъ дѣтей для высшаго образованія, и такимъ образомъ актъ великодушія вашего и справедливости къ сему учрежденію, которое польскіе короли, ваши предшественники, всегда удостоивали своего особеннаго покровительства, принесетъ благіе плоды одинаково для всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, для благосостоянія и процвѣтанія самаго университета, для тѣхъ, кто непосредственно находится подъ вашею высокою державой, а равно и для тѣхъ, кто имѣетъ честь состоять подъ нашимъ милостивымъ покровительствомъ». Въ то же самое время сенатъ послалъ просительныя письма къ австрійскому императору и прусскому королю, ходатайствуя предъ ними о посредничествѣ у русскаго императора въ пользу краковскаго университета.

Но въ это самое время, когда вопросъ объ удовлетвореніи финансовыхъ претензій краковской республики и ея университета обсуждался въ особой комиссіи, засѣдавшей въ Вѣнѣ, а краковское правительство обращалось ко всѣмъ покровительствующимъ державамъ съ специальнымъ ходатайствомъ о восстановленіи имущественныхъ правъ ягеллонскаго университета, въ жизни самого Кракова произошли важныя событія, вызванныя борьбою партій, и повлекли за собою новое вмѣшательство сосѣднихъ державъ, имѣвшее чисто политическій характеръ. И на этотъ разъ краковскій сенатъ самъ содѣйствовалъ вмѣшательству, чрезъ что и вопросъ о восстановленіи имущественныхъ правъ различныхъ учреждений краковской республики въ сосѣднихъ земляхъ подвергся новому колебанію.

Просуществовавъ первые три года, по заключеніи вѣнскихъ договоровъ, въ качествѣ вольнаго города съ правительствомъ, на половину назначеннымъ покровительствующими дворами, и подъ опекой организаціонной комиссіи, Краковъ съ концомъ 1818 года, когда члены комиссіи оставили его и замѣнены были постоянными резидентами, перешелъ къ обычному порядку жизни, установленному конституціей и органическими уставами. Три трехлѣтнія собранія народныхъ представителей выбирало болѣею частью тѣхъ же самыхъ чиновниковъ, судей и подлежащихъ его выбору сенаторовъ. Политическая жизнь отличалась затишьемъ: сенатъ привыкъ къ ежегоднымъ заявленіямъ одобренія своей дѣятельности. Но столкновеніе съ университетомъ, приглашеніе покровительствующихъ дворовъ къ вмѣшательству въ дѣла Краковъ

и плохо удававшіеся переговоры объ имущественныхъ правахъ республики, мало-по-малу увеличивали число недовольныхъ правительствомъ, т.-е. сенатомъ и его президентомъ, графомъ Водзицкимъ, имѣвшимъ въ немъ свою партію. Въ сенатѣ, Станиславъ Водзицкій сохранялъ за собою большинство, но между членами университета и лицами судебного вѣдомства онъ уже не пользовался расположеніемъ. Въ собраніи народныхъ представителей положеніе партій также измѣнилось: несмотря на повтореніе многихъ выборовъ въ депутаты въ теченіи девяти лѣтъ, составъ сейма все-таки измѣнился; съ одной стороны, на мѣсто ушедшихъ приверженцевъ сената поступали представители оппозиціонной партіи, съ другой—многіе изъ прежнихъ сторонниковъ Водзицкаго и его партіи перешли въ ряды ихъ противниковъ. Въ концѣ 1827 года, собраніе представителей должно было приступить къ избранію президента сената на слѣдующее трехлѣтіе. Противники Водзицкаго употребили всѣ свои усилія, чтобы заимѣнить его своимъ кандидатомъ, и, дѣйствительно, послѣдній былъ избранъ большинствомъ, хотя и самымъ незначительнымъ, всего на одинъ голосъ. Во всякой другой странѣ такой результатъ выборовъ былъ бы принятъ съ уваженіемъ, какое граждане должны имѣть къ конституціоннымъ постановленіямъ; но въ краковской республикѣ, олицетворявшей въ себѣ, по извѣстной уже намъ поговоркѣ, всю Польшу съ ея преданіями и правами, никто не считалъ себя обязаннымъ уважать законъ, если онъ не согласовался съ его личными интересами. Приверженцы прежняго президента, жившіе столько лѣтъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ представителями сосѣднихъ державъ и привыкшіе подъ ихъ защитою считать себя распорядителями судебъ Кракова, не могли примириться съ такимъ ничтожнымъ большинствомъ, какое оказалось на сторонѣ ихъ противниковъ, и считали себя вправѣ обратиться съ жалобами къ иностраннымъ резидентамъ. Самъ Водзицкій, котораго, въ 1818 году, прусскій комиссаръ фонъ-Рейбницъ приглашалъ быть примѣромъ гражданской доблести для своихъ преемниковъ, присоединился къ партіи, считавшей недостаточнымъ ясное указаніе конституціи о порядкѣ выборовъ. Еще въ самомъ засѣданіи, въ которомъ происходили выборы, сторонники Водзицкаго съ шумомъ покинули собраніе, отнявъ у него возможность продолжать свою дѣятельность при надлежащемъ числѣ членовъ, и затѣмъ протестовали противъ избранія новаго президента особымъ актомъ, переданнымъ въ руки представителямъ сосѣднихъ державъ. Послѣдніе приняли протестъ и препроводили къ своимъ дворамъ, съ просьбой о принатіи надлежащихъ

мѣръ къ восстановленію нарушеннаго порядка. Резидентами въ это время были: со стороны Россіи—Заржецкій, со стороны Австріи—баронъ фонъ-Эшнеръ, отъ Пруссіи—Дарэ. Они обратились къ сенату съ коллективной нотой, приглашая новоизбраннаго президента удержаться отъ вступленія въ должность до разъясненій, какія будутъ получены отъ покровительствующихъ дворовъ.

Между тѣмъ, приверженцы прежняго правительства старались подобрать въ свою пользу различныя доказательства, которыми бы подрывалась законность постановленій послѣдняго сейма. Они нашли опору для себя въ томъ обстоятельстве, что въ числѣ краковскихъ чиновниковъ, особенно между членами судебного вѣдомства, изъ коихъ нѣкоторые были депутатами въ собраніи представителей, принадлежали, по своему происхожденію, еще къ варшавскому герцогству, и, стало-быть, могли быть разсматриваемы до извѣстной степени, какъ смѣшанные подданные Кракова и польскаго королевства. Тѣмъ не менѣе сторонники Водзицкаго забывали, что эти люди служили въ Краковѣ большею частію со времени введенія его конституціи, удовлетворяли всѣмъ условіямъ, требовавшимся для избранія въ народные представители, и, наконецъ, служили краковской республикѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ при томъ самомъ правительствѣ, которое, признавая ихъ до тѣхъ поръ краковскими гражданами, по низверженіи своемъ стало думать о нихъ иначе. Только трое изъ сенаторовъ остались при прежнемъ мнѣніи о гражданскихъ правахъ этихъ лицъ. Сенатъ сообщилъ о своемъ открытіи резидентамъ покровительствующихъ державъ, зная, что въ случаѣ признанія незаконнымъ самаго состава послѣдняго сейма, должны быть признаны таковыми же и всѣ его постановленія. Резиденты сообщили разъясненія сената своимъ дворамъ, а 25-го февраля 1828 года имѣли уже возможность передать сенату, что покровительствующія державы объявляютъ не только избраніе новаго президента, но и всѣ постановленія послѣдняго собранія представителей незаконными и какъ-бы не существовавшими, и что старый порядокъ, сохранявшійся до открытія послѣдняго сейма, долженъ быть восстановленъ и поддержанъ до того времени, когда послѣдуютъ окончательныя распоряженія покровительствующихъ дворовъ, согласныя съ требованіями конституціи. Партія Водзицкаго, управлявшая Краковомъ столько лѣтъ, торжествовала; но вскорѣ она получила еще новое торжество, котораго не искала. 19-го марта того же года, графъ Водзицкій получилъ отъ резидентовъ сосѣднихъ державъ слѣдующую ноту: «уже въ прежніе годы, высокіе покровительствующіе дворы и само правитель-

ство сей республики признавали необходимость введенія различныхъ распоряженій, согласныхъ съ обстоятельствами и требовавшихся для утвержденія законнаго порядка въ этомъ государствѣ. Нынѣ совершившіяся событія указали самымъ положительнымъ образомъ на необходимость мѣръ рѣшительныхъ, чтобы утвердить въ республикѣ конституціонный порядокъ, на которомъ основывается все ея политическое существованіе. Покровительствующіе дворяне признали за благо, въ интересахъ самой страны, образовать комитетъ изъ вашего сіятельства, ихъ уполномоченныхъ и тѣхъ изъ господъ сенаторовъ, которые остались вѣрными конституціи, дабы опредѣлить наиболѣе приличныя средства для возстановленія правительства въ его законной силѣ. Согласно таковой волѣ высокихъ дворовъ, нижеподписавшіеся имѣютъ честь пригласить ваше сіятельство назначить тѣхъ изъ господъ сенаторовъ, которыхъ вы считаете способными къ участию въ этомъ дѣлѣ, и извѣстить о времени и мѣстѣ, гдѣ этотъ комитетъ, составъ котораго долженъ отвѣчать благу республики, откроетъ свои занятія, долженствующія привести въ исполненіе благодѣтельные виды трехъ высокихъ покровительствующихъ дворовъ». Мѣры, которыя составлены вышеуказаннымъ способомъ, комитетъ признавалъ необходимыми для возстановленія прежняго правительства въ Краковѣ, и состояли въ разсмотрѣніи всѣхъ постановленій и назначеній, какія утверждены были не только послѣднимъ сеймомъ, но и предшествовавшими ему, и въ отиѣнѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя комитетъ найдетъ несообразными съ благомъ республики. Такая полная побѣда партіи Водзицкаго произвела въ самомъ краковскомъ обществѣ сильную реакцію противъ послѣдняго сеймоваго большинства. Три сенатора, предсѣдатели обоихъ судовъ, нѣкоторые изъ совѣтниковъ и три профессора университета потеряли свои мѣста. Но сенатъ этимъ не удовлетворился. Въ числѣ его противниковъ были такіе чиновники, въ избраніи которыхъ комитетъ не нашелъ нарушенія какихъ-либо параграфовъ конституціи. А потому, по закрытіи комитета, уже возстановленный въ своихъ правахъ сенатъ возбудилъ вопросъ объ ихъ подданствѣ, ибо они владѣли землями, расположенными въ польскомъ королевствѣ. По смыслу вѣнскихъ договоровъ, смѣшанные собственники (то-есть, владѣвшіе имѣніями въ земляхъ двухъ или трехъ державъ) признавались подданными того государя, въ странѣ котораго имѣли постоянное мѣстожительство; такимъ образомъ, краковскіе чиновники, обратившіе на себя вниманіе сената, были исключительно подданными краковской республики, а для правительства польскаго королевства оставались лишь смѣшанными

собственниками. Такъ какъ комитетъ не находилъ возможнымъ издать какое-либо постановленіе противъ такихъ чиновниковъ, то сенатъ самъ просилъ русскаго резидента сообщить о томъ петербургскому двору. Отвѣтъ былъ данъ 31-го октября 1828 года. Заржецкій объявлялъ, что императоръ всероссійскій и король польскій считаетъ прежнихъ подданныхъ варшавскаго герцогства, поселившихся въ Краковъ, но владѣющихъ также имѣніями и въ польскомъ королевствѣ, смѣшанными подданными, а потому тѣ изъ нихъ, которые находятся на службѣ краковской республики, должны представить увольненіе отъ правительства польскаго королевства, а въ противномъ случаѣ должны быть удалены изъ службы. Сенатъ привелъ эту мѣру въ исполненіе, удаливъ, между прочимъ, сенатора Баргля, владѣвшаго имѣніями въ Польшѣ, и сообщилъ о томъ австрійскому и прусскому резидентамъ, Лоренцу и Дарэ. Но первый отъ 4-го февраля 1829 года, а второй отъ 20-го марта того же года, увѣдомили сенатъ, что ихъ государи не нашли дѣйствія сената согласными съ конституціей, что выраженіе: «смѣшанный подданный», вполне устраняется признаннымъ по вѣнскимъ договорамъ, которые обязательны и для Кракова, выраженіемъ: «смѣшанный собственникъ», а таковой долженъ считаться подданнымъ того государства, гдѣ постоянно живетъ; что императоръ австрійскій и король прусскій съ изумленіемъ узнали объ удаленіи сенатомъ изъ службы такихъ чиновниковъ, которыхъ онъ, по смыслу конституціи, не могъ ни назначать, ни увольнять; а такъ какъ подобныя дѣйствія имѣютъ значеніе не для одной только внутренней жизни краковской республики, но и касаются правъ покровительствующихъ державъ, то Австрія и Пруссія войдутъ въ переговоры по этому вопросу съ Россіей. Такъ кончилось первое столкновеніе сейма съ сенатомъ. Партія, державшая въ своихъ рукахъ исполнительную власть со времени объявленія Кракова вольнымъ городомъ, не только сохранила ее за собой и послѣ того, какъ сеймъ избралъ другого президента, но еще добилась отмены тѣхъ прежнихъ сеймовыхъ постановленій, которыя ей не нравились, и удалила изъ службы чиновниковъ, враждебно къ ней расположенныхъ и организовавшихъ оппозицію противъ нея. Такимъ образомъ, въ рукахъ той же партіи остались и переговоры объ удовлетвореніи сосѣдними державами имущественныхъ правъ краковской республики.

Въ промежутокъ времени, занятый вышеописанными событіями, Австрія и Россія подписали, 29-го апрѣля 1828 года, третью конвенцію объ удовлетвореніи взаимныхъ имущественныхъ пре-

тений, какъ окончательное развитіе основаній, утвержденныхъ preliminary конвенціею 1825 года. По седьмой статьѣ новой конвенціи, Австрія признавала претензіи краковскаго университета на доходы съ имущества, внесенныхъ въ ипотеки западной Галиціи и помѣщенныхъ изъ процентовъ въ публичные австрійскіе фонды, передавая удовлетвореніе этихъ претензій Россіи, при чемъ послѣдняя обязывалась исполнить это въ точности; пятою статей, всѣ обязательства Россіи относительно Австріи, считая въ томъ числѣ и претензіи краковскаго университета, опредѣлены были въ 3.195,608 флориновъ австрійской цѣнности и 750,694 флорина 42 крэйцера конвенціонной монеты, всего около пяти милліоновъ франковъ. Источники на покрытіе этихъ суммъ были опредѣлены въ шестой статьѣ. Въ дополнительномъ протоколѣ было присоединено къ тому, по особенному желанію австрійскаго императора, что правительство польскаго королевства представить отчетъ Австріи, какимъ способомъ удовлетворены были претензіи краковскаго университета. Австрійскій резидентъ, баронъ фонъ-Эшнеръ, сообщилъ краковскому сенату нотой, отъ 10-го іюля 1828 года, о содержаніи этой конвенціи. Сенатъ обратился къ правительству польскаго королевства съ просьбой объ уплатѣ накопившихся долговъ краковскому университету. Ему было отвѣчено, что Россія, принявъ на себя всѣ обязанности Австріи по краковскимъ претензіямъ, должна теперь опредѣлять размѣръ претензій ягеллонскаго университета, что потребуетъ значительныхъ работъ. Краковскій сенатъ просилъ сообщить ему общую таблицу всѣхъ денежныхъ расчетовъ Кракова съ Австріей. 14-го октября 1829 года, резидентъ Заржецкій отвѣчалъ, что правительство польскаго королевства не имѣетъ еще въ своихъ рукахъ подробной таблицы всѣхъ претензій. Краковскій сенатъ обратился къ австрійскому резиденту, прося у него искомой таблицы; но фонъ-Эшнеръ не могъ добиться ея изъ Вѣны. Между тѣмъ, правительство польскаго королевства окончило свои работы по преобразованію ипотеки, причемъ внесло въ нихъ краковскіе капиталы, какъ національную собственность королевства, еще до подписанія послѣдней конвенціи между Россіей и Австріей. Краковскій сенатъ апеллировалъ противъ таковой мѣры предъ варшавскимъ судомъ; но получилъ извѣщеніе отъ своихъ адвокатовъ, что судъ первой инстанціи отвергъ просьбу краковскаго сената, признавъ имущество ягеллонской академіи, находившееся въ земляхъ королевства, національною собственностію послѣднего. Тогда краковскій сенатъ обратился съ просьбою къ прусскому королю, подтверждавшему, въ качествѣ покровителя кра-

ковской республики, послѣднюю вѣнскую конвенцію, о посредничествѣ между нимъ и польскимъ правительствомъ, и отправилъ ноту къ графу Нессельроде, въ которой излагалъ всѣ основанія своихъ претензій. Не получая отвѣтовъ ни изъ Берлина, ни изъ Петербурга, сенатъ просилъ куратора краковскаго университета, графа Залусскаго, представить все дѣло прямо на личное усмотрѣнiе императора Николая. Кураторъ отвѣчалъ 14-го іюля 1829 изъ-подъ Варны, которая въ то время была осаждена русскими войсками, что просьба сената передана на разсмотрѣнiе нѣсколькихъ лицъ, приближенныхъ къ императору. Послѣдствіемъ такого разсмотрѣнiя было назначеніе особой конференціи въ Варшавѣ, подъ предсѣдательствомъ Новосильцева, для выслушанія объясненій краковскихъ депутатовъ: сенатора каюнина Лентовскаго и главнаго секретаря Мерошевскаго. Дѣло уже подвигалось мало по малу впередъ, какъ событія 1830 года остановили его. Въ польскомъ королевствѣ произошло возстаніе и образовавшійся въ Польшѣ патриотическій клубъ попытался вовлечь Краковъ въ общую революцію. Это поставило краковскую республику въ натянутыя отношенія къ Россіи.

IX.

Положеніе краковскаго сената въ концѣ 1830 года.—Воззваніе его отъ 3-го декабря о вооруженіи городской гвардіи.—Неудачное назначеніе начальника для этой гвардіи и замѣна его графомъ Іосифомъ Водзицкимъ.—Посылка Антонія Либровскаго въ Варшаву для переговоровъ съ тамошнимъ временнымъ правительствомъ.—Необходимость держаться нейтралитета.—Попытка пополнить ряды сенаторовъ новыми членами.—Советы по этому дѣлу со стороны резидентовъ покровительствующихъ державъ.—Пріѣздъ изъ Варшавы членовъ патриотическаго клуба, братьевъ Малиновскихъ.—Ихъ попытка привлечь Краковъ къ участію въ польской войнѣ, и неудача.—Допросъ ихъ у графа Іосифа Водзицкаго и отвѣздъ.—Участіе нѣкоторыхъ жителей Кракова въ польскихъ дѣлахъ.

Нивогда еще положеніе краковскаго сената не было столь комично, какъ въ концѣ 1830 года, при первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Россіи возстаніи. Очищенный въ 1828 году удаленіемъ четырехъ членовъ, сомнѣвающійся въ сочувствіи къ себѣ общества, членовъ университета и лицъ судебного вѣдомства, опасаясь отвѣтственности за дипломатическія неудачи послѣднихъ лѣтъ, краковскій сенатъ, связанный своимъ прошедшимъ, съ которыми не могъ порвать связи, не нанося ущерба господству вавшей въ немъ партіи, трепещущій предъ приближавшимися къ

нему событіями, и безсильный для открытой встрѣчи съ ними, не звалъ, что предпринять. Колеблясь между необходимостью сдѣлать что-либо такое, что отвѣчало бы обстоятельствамъ времени, и страхомъ скомпрометтировать себя предъ резидентами трехъ дворовъ какимъ-нибудь актомъ, который бы превышалъ предѣлы его власти, ставшіе для него обязательными съ 1828 года, сенатъ почувствовалъ наконецъ въ себѣ отвагу прибѣгнуть къ общественному мнѣнію, и воззваніемъ 3-го декабря пригласилъ обывателей къ вооруженію, подъ предлогомъ устройства городской гвардіи. Выѣстъ съ тѣмъ, онъ поспѣшилъ дать отчетъ въ такомъ распоряженіи предъ резидентами покровительствующихъ дворовъ, объясняя свой поступокъ «чрезвычайными обстоятельствами», и просилъ у нихъ совѣта, что далѣе въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ ему дѣлать. Жители Кракова, не особенно расположенные къ своему сенату, говорили, что онъ потерялъ голову и самъ не знаетъ за что схватиться, что дѣлать? Обыватели должны вооружиться! За чѣмъ? съ какою цѣлью? противъ кого? о томъ умалчивало сенатское воззваніе; вѣрнѣе всего, что и самъ сенатъ не зналъ. Политическіе противники сената догадывались, что оберегавшіе такъ тщательно свою власть графъ Станиславъ Водзицкій и его партія кинули приказъ о городской гвардіи для развлеченія краковскаго населенія, уже начинавшаго мечтать о болѣе высокой роли для себя; что сенатъ желалъ овладѣть первыми проявленіями общаго движенія и отвратить отъ себя вниманіе толпы, что для него было важнѣе всего; ибо въ это время опять истекало трехлѣтіе, съ концомъ котораго могли быть произведены, такъ или иначе, перемѣны въ его составѣ.

При звукѣ трубъ объявлены были обывателямъ Кракова: позволеніе вооружаться, устройство городской гвардіи и назначеніе гражданина Юсіфа Галлера начальникомъ этой новой силы. Галлеръ, разумѣется, считался сенатомъ въ числѣ гражданъ консервативнаго направленія, готовыхъ поддержать правительство въ трудныя минуты. Но сенатъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что господство его приближалось къ концу, что своимъ распоряженіемъ онъ вызвалъ ту силу, которая за три года предъ симъ могла его низвергнуть, силу общественнаго мнѣнія, и что даже способнѣйшіе между консервативными гражданами не чувствовали въ себѣ охоты становиться на сторону сената.

Первымъ поводомъ въ появленію оппозиціи было самое назначеніе новаго начальника гвардіи. При объявленіи о немъ на концѣ Братской улицы, послышался громкій протестъ со стороны юморника Соломонскаго; къ этому протесту примкнула толпа,

окружавшая трубача, и, поддерживая свое рѣшеніе дѣломъ, двинулась, подъ начальствомъ Соломонскаго, въ мѣсту сенатскихъ засѣданій, требуя отмены назначенія Галлера и постановленія вмѣсто него, графа Іосифа Водзицкаго. Несмотря на то, что требуемый народомъ кандидат былъ родственникъ президента сената, краковское правительство не знало, что ему предпринять. На его счастье, самъ Галлеръ, назначенный безъ его согласія, явился въ сенатъ и, поблагодаривъ за довѣріе къ себѣ, отказался отъ предложеннаго ему званія. Сенатъ, ссылаясь на то, что просителей было до 3,000, поспѣшилъ «удовлетворить желаніямъ почтенныхъ обывателей Кракова» и назначилъ начальникомъ гвардіи кандидата, выкрикнутаго народомъ.

Новый начальникъ занялся прежде всего устройствомъ гвардіи, распредѣливъ ее между шестью отдѣлами, изъ коихъ четыре были городскихъ, одинъ академическій и одинъ еврейскій. Начальникомъ академическаго отдѣла былъ профессоръ Сапальскій, а еврейскаго Розенфельдъ; главнымъ начальникомъ штаба гвардіи—Гилярій Мѣдцшевскій. Начальники отдѣловъ и штаба, вмѣстѣ съ общимъ начальникомъ всей гвардіи, составили изъ себя особый совѣтъ, издавшій статуть для городской гвардіи и распорядившійся устройствомъ всѣхъ дѣлъ, довѣренныхъ ему. Въ началѣ, впрочемъ, и самъ сенатъ не умѣлъ опредѣлить круга дѣйствія, предназначавшагося для гвардіи. Конечно, она должна была заботиться объ охраненіи общественнаго спокойствія, но противъ кого и въ какомъ смыслѣ надо было обезпечивать то — сенатъ умалчивалъ. Варшавскія происшествія поставили однакожь этотъ вопросъ прямо: какимъ образомъ краковская республика должна держать себя въ виду революціи, вспыхнувшей въ польскомъ королевствѣ? вотъ что надобно было рѣшить. Таеъ какъ разсуждать много не позволяла самая быстрота совершавшихся въ польскомъ королевствѣ событій, то совѣтъ краковской городской гвардіи постановилъ прямо снестись съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, предсѣдательствовавшимъ тогда въ административномъ совѣтѣ королевства. Въ Варшаву посланъ былъ Антоній Либровскій съ вопросомъ: каково желаніе властей королевства относительно поведенія краковской республики въ виду совершившихся событій? Либровскій прибылъ въ Варшаву, когда уже тамъ провозглашена была диктатура, созванъ сеймъ, а Чарторыйскій предсѣдательствовалъ не въ административномъ совѣтѣ, а въ нѣботораго рода временномъ правительствѣ. Такимъ образомъ, ему пришлось обратиться съ порученнымъ вопросомъ ко всѣмъ тремъ властямъ: и диктаторъ, и маршалъ сейма, и князь Чарторыйскій

отвѣчали одинаково, чтобы Краковъ держался въ виду польской революціи какъ только можно спокойнѣе; чтобы сохранялъ нейтралитетъ, признанный за нимъ вѣнскими договорами, чтобы противъ дѣла, предпринятаго въ польскомъ королевствѣ, не возбуждалъ неудовольствія въ Австріи и Пруссіи; чтобы, наконецъ, несвоевременнымъ возстаніемъ, совершенно ненужнымъ и бесполезнымъ для польскаго дѣла, не лишалъ его и тѣхъ малыхъ средствъ и политической опоры, какія представляла собою нейтральная краковская республика. Итакъ, всѣ революціонныя власти королевства считали главною задачею для Кракова сохраненіе спокойствія и тишины; но сохранить общественное спокойствіе въ Краковѣ было гораздо легче, чѣмъ потребовать того. Не говоря уже о томъ, что многіе жители Кракова сочувственно относились къ событіямъ, измѣнившимъ положеніе дѣлъ въ польскомъ королевствѣ, въ самомъ Краковѣ было немало поводовъ къ мѣстнымъ политическимъ волненіямъ. Съ 1828 года, краковскій сенатъ управлялъ республикой при поддержкѣ покровительствующихъ дворовъ и безъ всякой почти отвѣтственности предъ сеймомъ. Политическія преслѣдованія, совершённыя сенатомъ въ 1828 году, были еще въ памяти у всѣхъ жителей Кракова. Замѣшательствами въ сосѣднемъ королевствѣ могли воспользоваться недовольные сенатомъ для возстановленія удаленныхъ имъ сенаторовъ, судей и профессоровъ; наиболѣе опасною въ этомъ смыслѣ могла быть академическая молодежь. Съ этою цѣлью, начальникъ городской гвардіи поручилъ профессору Сапальскому сообщить управляемому имъ отдѣлу гвардіи о сношеніяхъ съ властями польскаго королевства и желаніяхъ, выраженныхъ послѣдними. Сапальскій переговорилъ съ академическимъ отдѣломъ гвардіи и донесъ графу Іосифу Водзицкому, что молодежь выразила полную готовность удовлетворить желанію властей польскаго королевства, и обязалась не только не давать малѣйшаго повода къ какимъ-либо политическимъ демонстраціямъ внутри города, но и оберегать, чтобы никто другой не покушался на такія демонстраціи; но къ этому Сапальскій прибавилъ, что часть молодежи ищетъ дозволенія удалиться изъ Кракова въ королевство; что, по его мнѣнію, такое желаніе надо удовлетворить, въ видахъ обезпеченія внутренняго спокойствія въ Краковѣ, и что имѣющихъ удалиться въ королевство надо снабдить одеждою и оружіемъ. Совѣтъ городской гвардіи призналъ пользу удаленія воинственной молодежи изъ Кракова, но отказался принимать участіе въ ея вооруженіи. Сапальскій позаботился объ этомъ частнымъ образомъ, и около 25-го декабря колонна академическихъ волонте-

ровъ могла уже выступить въ земли польскаго королевства. Такимъ образомъ, совѣтъ городской гвардіи дѣйствовалъ независимо отъ сената не только въ вопросѣ объ охраненіи внутренняго спокойствія въ краковской республикѣ, но даже и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Власть, вызванная сенатомъ въ жизни, мало по-малу понизила его значеніе. Что же дѣлалъ въ это время сенатъ?

Представивъ резидентамъ трехъ дворовъ донесеніе объ устройствѣ городской гвардіи, и оправдывая его чрезвычайными обстоятельствами времени, сенатъ, привышій съ 1828 года не начинать ничего безъ согласія резидентовъ, ждалъ отъ нихъ строгаго выговора, надѣясь однакожь, что они не потребуютъ распусценія гвардіи. Но, къ удивленію его, резиденты отвѣчали, что не только признаютъ полезною мѣру, принятую сенатомъ, но въ виду обстоятельствъ времени, требующихъ усиленной дѣятельности отъ правительства республики, полагаютъ, что удовлетворить такому требованію можно только пополненіемъ существующаго числа сенатскихъ членовъ, почему и считаютъ своею обязанностію заявить, что съ своей стороны не будутъ противиться тѣмъ мѣрамъ, какія сенатъ сочтетъ полезными въ этомъ отношеніи. Последнее заявленіе резидентовъ уже не только удивило сенатъ, но и повергло его въ страшное безпокойство: что разумѣли резиденты подъ увеличеніемъ состава сенаторовъ? Какимъ образомъ удовлетворить такому требованію? Кого сенатъ долженъ призвать въ свои ряды? Сенатъ не имѣлъ мужества прямо отвѣтить на эти вопросы. Правда, онъ подозрѣвалъ, что резиденты могли намекать на возстановленіе тѣхъ сенаторовъ, которые были удалены въ 1828 году съ ихъ разрѣшенія, но возвратитъ этихъ людей значило бы обвинить свою прошлую дѣятельность, произнести осужденіе надъ президентомъ сената и его приверженцами, имѣвшими большинство въ правительствѣ, нанести окончательное пораженіе послѣднему въ общественномъ мнѣніи и, кромѣ того, ввести раздвоеніе въ ряды главной власти въ республикѣ, усиленія которой домогались резиденты. Сенатъ, не желая прибѣгать къ возстановленію удаленныхъ имъ же самимъ сенаторовъ, рѣшился пригласить къ участию въ своихъ засѣданіяхъ такихъ людей, которые были сенаторами еще до 1828 года и оставилъ сенатъ согласно своей очереди. Но приглашенные отвѣчали, что, не будучи вновь выбраны сеймомъ, не могутъ занять сенаторскія кресла. Встрѣтивъ затрудненія и съ этой стороны, сенатъ обратился къ резидентамъ съ новымъ вопросомъ: какъ онъ долженъ понимать ихъ совѣтъ; ибо не можетъ воспользоваться имъ безъ

яснаго указанія со стороны господъ резидентовъ, что мнѣніе ихъ опирается на рѣшительной волѣ высокихъ дворовъ. Сенатъ соображалъ, что при обстоятельствахъ, созданныхъ польскою революціей, резиденты не имѣли времени получить какихъ-либо особыхъ инструкцій отъ своихъ дворовъ, а по собственному только рѣшенію не осмѣяются потребовать возстановленія сенаторовъ, удаленныхъ въ 1828 году. Но стратагема сената не удалась и отвѣтъ резидентовъ доказалъ ему, что они или имѣли общія полномочія отъ своихъ дворовъ дѣйствовать согласно съ обстоятельствами времени, или право поступать по своему усмотрѣнію, безъ предварительнаго сношенія съ дворами. Резиденты отвѣчали, что было бы желательно, «чтобы г. Бартъль вступилъ въ управленіе своего сенаторскаго званія, принадлежащаго ему пожизненно, тѣмъ болѣе, что два изъ трехъ высокихъ покровительствующихъ дворовъ и прежде высказались въ его пользу, и что русскій резидентъ, удерживая за собою обязанность охранять покровительственныя права своего августѣйшаго государя относительно польскихъ гражданъ, которые хотѣли бы занять какія-либо должности въ вольномъ городѣ, тѣмъ не менѣе признаеть за сенатомъ полную свободу поступать такимъ образомъ, какой онъ сочтетъ наиболѣе согласнымъ съ его интересами». Касательно остальныхъ свободныхъ мѣстъ въ сенатѣ резиденты высказывали такое мнѣніе: сенаторы, занимавшіе свои мѣста до 1828 года на основаніи сеймовыхъ выборовъ, могли бы быть призваны къ занятію ихъ до окончательнаго рѣшенія о томъ, какъ уже имѣющіе опытность въ дѣлахъ и пользующіеся общественнымъ довѣріемъ. Указанія на рѣшительную волю покровительствующихъ дворовъ въ нотѣ резидентовъ не было. Несмотря на то, сенату приходилось подчиниться предложенію резидентовъ. Чтобы отказать имъ, сенатъ долженъ былъ имѣть полную увѣренность, что встрѣтитъ поддержку въ общественномъ мнѣніи; но онъ зналъ, что послѣднее будетъ рѣшительно противъ него и за желаніе резидентовъ, которое имѣло въ виду отчасти загладить оскорбленіе, нанесенное сеймовымъ постановленіямъ 1827 года. Вотъ почему сенатъ, объявлявшій, что не можетъ воспользоваться совѣтомъ резидентовъ, если онъ не основанъ на рѣшительной волѣ покровительствующихъ дворовъ, призналъ теперь за лучшее воспользоваться имъ и возстановить сенаторовъ, удаленныхъ за два года предъ симъ. Это усилило оппозицію въ самомъ сенатѣ и окончательно убило старую партію въ общественномъ мнѣніи. Подъ бременемъ внутренняго разногласія, сенатъ окончательно потерялъ свою власть и вліяніе въ дѣлахъ республики. Его значеніе,

какъ высшей исполнительной власти, мало-по-малу перешло къ совѣту городской гвардіи.

При полномъ нравственномъ паденіи сената, заботъ и хлопотъ у совѣта городской гвардіи было не мало; но самыя трудныя вызваны были неожиданнымъ прибытіемъ изъ Варшавы членовъ патріотическаго клуба, братьевъ Малиновскихъ. 17-го декабря, къ начальнику штаба гвардіи Мѣцишевскому явились двѣнадцать вооруженныхъ повстанцевъ, предводимые молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 28, одѣтымъ въ богато-вышитый золотомъ, спереди и сзади, темно-зеленый мундиръ камеръ-юнкеровъ старопольскаго двора, имѣвшимъ на головѣ шапку съ плюмажемъ, на шеѣ пунцовую шаль, а за поясомъ два огромные пистолета съ пороховницей, съ боку палашь. Его товарищи вооружены были съ ногъ до головы. У хозяина не задолго предъ тѣмъ, при самомъ началѣ польской революціи, убитъ былъ въ Варшавѣ родной братъ, полковникъ, случайно находившійся подлѣ генерала Гауке. Появленіе неожиданныхъ гостей смутило начальника гвардейскаго штаба. «Панъ Мѣцишевскій?» спросилъ гость въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ. — Точно такъ, — былъ отвѣтъ. «Братъ полковника?» — Къ вашимъ услугамъ, братъ полковника, — отвѣчалъ, нѣсколько подумавши хозяинъ. Гость, поднявъ правой рукой пистолетъ, сказалъ: «Погибъ отъ моей руки, но это случилось по ошибкѣ; я приказалъ устроить ему великолѣпнѣйшее погребеніе». Это хвастовство не имѣло ничего общаго съ истинной: полковникъ Мѣцишевскій убитъ былъ не Малиновскимъ, и погребенъ онъ былъ просто, своею семьей. Братъ покойнаго спросилъ своего гостя, съ кѣмъ имѣетъ честь говорить, и узналъ, что то былъ Яковъ Малиновскій; затѣмъ гость объявилъ, что они пріѣхали изъ Варшавы въ качествѣ делегатовъ отъ патріотическаго общества съ порученіемъ къ краковской академической молодежи. Онъ хвастливо рассказывалъ Мѣцишевскому, какъ живя въ Парижѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, былъ свидѣтелемъ іюньской революціи и потомъ услышалъ о приготовленіяхъ къ польскому возстанію. «Не можешь, панъ, себѣ представить томъ энтузіазма, какимъ цѣлая Франція одушевлена къ нашему дѣлу Народъ, войско, правительство и король пылаютъ желаніемъ прійти къ намъ на помощь; что это желаніе не праздное толь слово, но и дѣло, о томъ мы, какъ очевидцы, можемъ вѣрнѣ свидѣтельствовать. Франція понимаетъ вполне, насколько она обязана Польшѣ, ибо наше теперешнее возстаніе укрѣпило іюньскую революцію, и за помощь, нами данную, она оплатитъ таковую же. Помощь эта уже рѣшена и все тамъ въ движеніи

чтобы успѣть во-время въ наши земли. Мы выѣхали изъ Парижа на другой день по полученіи извѣстія о варшавскомъ возстаніи, и на пути были свидѣтелями исполнскихъ приготовленій, предпринятыхъ Франціей для нашего дѣла. Генераль Эксельманъ во главѣ 60,000-го войска перешель Рейнъ подъ Майнцемъ, генераль Жераръ во главѣ 40,000 перешель Рейнъ подъ Базелемъ, не далѣе мѣсяца эти великія силы стануть на границахъ Польши и соединенные съ помощью, которая готовится для насъ въ цѣлой Германіи, не допустить ни малѣйшаго сомнѣнія въ результатѣ войны. И въ краѣ нашемъ также нашли мы все въ желанномъ положеніи: 100,000 боевого войска ожидаетъ только знака къ сраженію; въ банкѣ имѣемъ 200 милліоновъ въ наличности, которыхъ будетъ достаточно на первыя военныя потребности; цѣлый край вооружается такъ, что можно по истинѣ опасаться, не будемъ ли имѣть силъ болѣе, чѣмъ нужно для побѣды надъ непріателемъ. Въ такомъ положеніи дѣло ясное, что намъ не нужно силъ физическихъ, ибо ихъ имѣемъ уже довольно, а силъ нравственныхъ; такую силой должно быть единомысленное сочувствіе всѣхъ уголковъ земли нѣкогда польской къ дѣлу возстанія. Между тѣмъ, съ великимъ смущеніемъ замѣчаемъ какое-то равнодушіе къ тому въ Познани, Галиціи и Краковѣ. Еще что касается Познани и Галиціи, то такое поведеніе можно объяснить и оправдать зависимостью, въ какой находятся эти провинціи! Но Краковъ? Краковъ, вольный и независимый? Краковъ, имѣющій свое собственное правительство? Почему онъ до сихъ поръ не приступилъ къ революціи? По истинѣ, дѣло непонятное, необъяснимое! Варшавское патріотическое общество, главный и единственный органъ вождей возстанія въ день 29-го ноября, можно было заняться этимъ вопросомъ, когда получило извѣстіе изъ Кракова, что край этотъ не только не думаетъ провозгласить, что присоединяется къ возстанію, но еще, подъ предлогомъ помощи нашему дѣлу, помышляетъ объ удаленіи изъ своей территоріи именно такихъ людей, которые одни способны понять, какъ слѣдуетъ, духъ нашей революціи, которые только одни могутъ поддержать и распространить его, которые обязаны всюду управлять движеніемъ, приазненнымъ нашему возстанію. Я говорю о здѣшней академической молодежи! Эта молодежь имѣетъ намѣреніе оставить массою Краковъ, хочетъ спѣшить къ Варшавѣ, усилить ряды защитниковъ отечества! Мысль пагубная, ненужная и бесполезная! Молодежь, оставляя Краковъ, ослабитъ дѣло революціи въ немъ, а, прибывъ въ Варшаву, не усилитъ его въ королевствѣ. А потому, съ цѣлію предупрежденія выхода ака-

демической молодежи изъ Кракова, патриотическое общество поручило намъ прибыть сюда и содѣйствовать на мѣстѣ присоединенію Кракова къ возстанію. Академическая молодежь и здѣсь найдетъ обширное поле для своей дѣятельности, и здѣсь будетъ полезною польскому дѣлу. Въ Краковѣ также совершены были политическія оскорбленія; настало время отомстить за нихъ. Патриотическое общество надѣется, что краковская молодежь не обманетъ его надеждъ». Объявивъ Мѣцишевскому, что на него указано было въ Варшавѣ, какъ на человѣка, сочувствующаго польскому дѣлу, Яковъ Малиновскій прибавилъ, что онъ уже пригласилъ въ занимаемую Мѣцишевскимъ квартиру академическую молодежь къ засѣданію, которое назначено въ 9-мъ часу вечера; затѣмъ, просилъ проводить его къ князю Генриху Любомирскому. Мѣцишевскій изъявилъ свое согласіе на засѣданіе, желая самъ присутствовать во время сужденій молодежи о польскомъ возстаніи, и отправился съ Малиновскимъ къ Любомирскому.

Несмотря на то, что Любомирскій обѣдалъ въ то время, когда Малиновскій съ своими товарищами прибылъ къ нему, послѣдній настоялъ на томъ, чтобы князь принялъ ихъ немедленно. Любомирскому повторено было все то, что уже слышалъ Мѣцишевскій, и потомъ онъ получилъ приглашеніе стать во главѣ временнаго правительства, которое должно быть учреждено въ Краковѣ по желанію патриотическаго общества. Любомирскій отказывался отъ такой чести, какъ австрійскій подданный, и говорилъ, что надо выбрать для такого званія кого-либо изъ краковскихъ обывателей.

Между тѣмъ, Мѣцишевскій бѣгалъ по городу, разыскивая графа Юсифа Водзицкаго, чтобы сообщить ему о прибытіи Малиновскихъ и готовящемся засѣданіи академической молодежи; но, не найдя его нигдѣ, рѣшился обратиться къ сенатору Купценскому, который былъ тогда директоромъ краковской полиціи. Купценскій, выслушавъ разсказъ Мѣцишевскаго, долго думалъ, потомъ, надумавшись, обратился къ нему съ словами: «я имѣю просьбу къ вамъ, панъ Мѣцишевскій!» — Что панъ сенаторъ прикажетъ? — спросилъ тотъ. «Чтобъ вы никому не разсказывали, что были у меня и обо всемъ этомъ меня увѣдомили. Времена теперь трудныя! при наилучшемъ желаніи человѣкъ можетъ споткнуться! Трудно знать, чего слѣдуетъ держаться! ищите же Водзицкаго». Оставивъ Купценскаго, Мѣцишевскій нашелъ наконецъ начальника городской гвардіи, который, велѣвъ ему присутствовать при засѣданіи молодежи, послалъ, кромѣ того, на его квар-

тпру своихъ адъютантовъ: Александра Мѣрошевскаго и Яна Фрелиха.

Когда Мѣдцишевскій возвратился въ россійскую гостинницу, гдѣ онъ имѣлъ помѣщеніе, то уже нашель залу, наполненную молодежью. Вскорѣ явились туда же нотаріусъ Ярошевскій и одинъ изъ числа удаленныхъ въ 1828 году профессоровъ университета. Не заставили себя ждать и Малиновскіе. Яковъ въ томъ же камеръ-юнкерскомъ мундирѣ занялъ главное мѣсто и обратился съ рѣчью къ присутствовавшимъ. Въ ней повторялось слово въ слово все то, что Малиновскій проповѣдывалъ Мѣдцишевскому и Любомирскому. Только, касаясь мѣстныхъ причинъ, которыя должны были бы побудить краковскую молодежь къ поднятію революціоннаго знамени, Малиновскій упомянулъ о политическихъ преслѣдованіяхъ 1828 и 1829 годовъ, причеиъ указывалъ на присутствовавшего профессора, какъ на одну изъ жертвъ этихъ преслѣдованій, говоря: «возможно ли, чтобы при- мѣръ молодежи польскаго королевства не нашель въ здѣшнихъ студентахъ подражателей? Или же они утратили способность отпичать за оскорбленія, нанесенныя имъ самимъ и профессорамъ ихъ? Согласовалось ли бы это съ ихъ обязанностями и шляхетскимъ образомъ мыслей?» Въмѣсто ожидаемаго взрыва рукоплещаній, рѣчь Малиновскаго встрѣчена была глубокимъ молчаніемъ. Только одинъ изъ студентовъ отъ имени своихъ товарищей отвѣтилъ глашатаю варшавскаго патріотическаго клуба въ такихъ словахъ: «краковская молодежь умѣетъ цѣнить память о ней, куказательство какой представило патріотическое общество, пони- маетъ все значеніе сдѣланныхъ ей предложеній и беретъ ихъ въ разсужденіе; но такъ какъ прежнее ея поведеніе въ самомъ Кра- кови и намѣреніе ея удалиться въ королевство были слѣдствіемъ основательнаго убѣжденія въ своихъ обязанностяхъ, ибо удаленіе изъ Кракова отвѣчало какъ желаніямъ обывателей города, такъ и правительства въ королевствѣ; то, отступая отъ нихъ въ пользу юзанаго предложенія, цѣль коего совершенно иная, она должна бытъ увѣрена, что заявляющіе новое предложеніе дѣйствуютъ въ плу яснаго отъ кого-либо полномочія. А потому, прежде чѣмъ бытъ отвѣтъ на это предложеніе, краковская молодежь же- лаетъ, чтобы Малиновскіе представили письменныя доказательства, го они дѣйствительно высланы отъ варшавскаго патріотиче- ского общества, а также, что данныя имъ наставленія уполномо- чиваютъ ихъ выступить предъ краковскою молодежью имен- но съ такими, а не съ другими предложеніями». Въ гнѣвѣ шумленія, Малиновскій схватилъ пистолеть и требовалъ, чтобы

всей ночи за домомъ, гдѣ расположились неожиданные гости, а въ восьмомъ часу утра явиться къ нимъ и пригласить въ канцелярію гвардейскаго штаба.

Малиновскіе явились въ десятомъ часу въ канцелярію, причемъ Яковъ былъ одѣтъ уже не въ раззолоченномъ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, а въ сѣренькомъ пальто. Мѣцшевскій проводилъ ихъ въ залу присутствія, гдѣ находился графъ Юзафъ Водзицкій. Послѣдній, съ свойственною ему старо-польскою привѣтливостію, любезно встрѣтилъ Малиновскихъ и просилъ ихъ сѣсть; затѣмъ выразилъ свое сердечное сожалѣніе, что прибывшихъ, какъ слышно, для столь важныхъ дѣлъ въ Краковъ долженъ былъ пригласить къ себѣ, какъ начальника мѣстной гвардіи, отвѣтственный за все, что дѣлается на политическомъ горизонтѣ вольнаго города Кракова. «Я надѣялся», продолжалъ онъ, «что вы сами посѣтите меня перваго и сообщите мнѣ цѣли, съ какими прибыли; но дѣло не въ томъ: такъ или иначе, я имѣю однакожь счастье видѣть васъ у себя и разговаривать съ вами. Будьте же такъ милостивы, сообщите мнѣ, отъ кого и за чѣмъ присланы въ Краковъ?» Въ отвѣтъ на то Яковъ Малиновскій повторилъ все, что изложилъ уже прежде Мѣцшевскому, Любомирскому и академической молодежи: генералы Эксельманъ и Жераръ, походъ французовъ за Рейнъ, сочувствіе цѣлой Германіи, достаточное число войскъ и полная казна въ Варшавѣ снова вступили на сцену и были причинами, какъ увѣрялъ Малиновскій, по которымъ патріотическое общество рѣшилось остановить выходъ краковской молодежи изъ роднаго города, что и поручило имъ исполнить. Оставивъ на этотъ разъ въ сторонѣ вопросъ о политическихъ преслѣдованіяхъ, бывшихъ въ Краковѣ, и о наказаніи виновниковъ, ибо говорилъ съ двоюроднымъ братомъ президентъ сената, Малиновскій закончилъ свою рѣчь объявленіемъ, что при былъ съ товарищами, чтобы приготовить Краковъ къ соединенію съ возставшимъ польскимъ королевствомъ, ибо такова обязанность Кракова и таково желаніе варшавскаго патріотическаго общества, устроившаго всю революцію. Водзицкій отвѣчалъ на это: «я воплнѣ понимаю и цѣню вниманіе патріотическаго общества къ Кракову, и, несмотря на то, долженъ выразить сожалѣніе, что патріотическое общество дало такое порученіе, пребыи очевидно въ ложномъ убѣжденіи, что жители Кракова равнодушны къ дѣлу, совершившемуся въ королевствѣ, и даже не думаютъ о немъ. Но это совершенно несправедливо; я представляю вамъ подлинныя доказательства тому! Тотчасъ же по полученіи извѣстій о возстаніи въ Варшавѣ, какъ только была устроена горо

стая гвардія, которой я имѣю честь быть начальникомъ, возбужде-
 деть былъ вопросъ: какъ долженъ дѣйствовать Краковъ въ виду
 событій, совершившихся въ королевствѣ? И мы занялись его об-
 сужденіемъ, которое привело насъ къ убѣжденію, что невозможно
 придти къ какому-либо рѣшенію, не узнавъ предварительно: ка-
 кова въ этомъ отношеніи воля самого правительства польскаго
 королевства? На такой вопросъ, предложенный мною отъ имени
 Краковской республики революціоннымъ властямъ, я получилъ
 единогласные отвѣты отъ диктатора, отъ маршала сейма, а также
 отъ князя Чарторыйскаго и вообще отъ лицъ, стоящихъ во
 главѣ варшавскаго правительства. Содержаніе этихъ отвѣтовъ
 было таково: чтобы мы держались въ Краковѣ какъ можно спо-
 койнѣе; чтобы мы не нарушали нейтральности, признанной за
 нами договорами; однимъ словомъ, чтобы мы въ дѣла, происходя-
 щія въ королевствѣ, не вмѣшивались никакимъ дѣйствіемъ. Вотъ
 подлинныя отвѣты, о которыхъ я говорю; не угодно ли вамъ
 прочесть самимъ и рѣшить: заслужилъ ли Краковъ упрекъ въ
 равнодушіи, заключающійся въ порученіи, данномъ вамъ патріотическимъ
 обществомъ и не найдете ли вы вполнѣ справедливымъ его поведе-
 ніе при такихъ обстоятельствахъ?» Малиновскіе
 внимательно прочитали предложенныя имъ письма; оказалось, что
 ни не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія въ ихъ существованіи.
 «Теперь я спрашиваю васъ», продолжалъ графъ Водзицкій, «какъ
 истинныхъ и прямыхъ поляковъ: согласны ли приглашенія, кото-
 рыя вы только-что прочли и которыя имѣютъ подлинное значе-
 ніе, ибо идутъ отъ революціонныхъ властей королевства, съ пору-
 ченіемъ, какое вамъ дано отъ патріотическаго общества? Можете
 ли вы требовать, чтобы мы, исполняя желанія общества, шли
 навстрѣчу желаніямъ вашихъ настоящихъ властей? Наконецъ,
 можете ли мы согласиться на удержаніе молодежи отъ похода
 въ королевство, какъ вы требуете, когда этотъ походъ при ны-
 нѣшнемъ положеніи дѣлъ есть главное и единственное ручатель-
 ство, что требованія революціоннаго правительства въ королев-
 ствѣ отъ Кракова будутъ исполнены?» Малиновскіе должны были
 знать, что имъ неизвѣстны были истинныя намѣренія револю-
 ционныхъ властей относительно Кракова; что воля ихъ вполнѣ
 была и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; что поступать
 противъ нея значило бы учинять заговоръ; что, безъ всякаго со-
 мнѣнія, патріотическое общество, ознакомившись вполнѣ съ истин-
 нымъ положеніемъ дѣлъ, откажется отъ своихъ прежнихъ убѣж-
 деній; а потому и они поспѣшатъ представить патріотическому
 обществу свой отчетъ въ томъ же смыслѣ, миссію же свою относи-

тельно Кракова считаютъ оконченною. Графъ Водзицкій выразилъ полное удовольствіе по поводу такого заявленія со стороны Малиновскихъ, но старался объяснить имъ, что окончаніе ихъ миссіи надо доказать не однимъ словомъ, но и дѣломъ. «Прибытіе въ Краковъ депутатовъ варшавскаго патріотическаго общества, а тѣмъ болѣе цѣль этого прибытія», говорилъ графъ Водзицкій, «ужь навѣрное извѣстны всему Кракову. Кто знаетъ, какія и чьи желанія и надежды могутъ быть возбуждены подъ прикрытіемъ кружка академической молодежи? кто знаетъ, для какихъ цѣлей и кому можетъ послужить этотъ кружокъ фирмой? Изъ всего этого, по мнѣнію Водзицкаго, вытекала прямая обязанность для Малиновскихъ немедленно оставить Краковъ; такой жертвы для блага общаго дѣла ожидалъ Водзицкій, по его впечатленію, отъ ихъ благородства и патріотизма. Малиновскіе признавъ свою миссію оконченною, должны были допустить необходимость отъѣзда своего изъ Кракова. На вопросъ Водзицкаго, когда-жъ они думаютъ выѣхать? они отвѣчали, что они правятся завтра. «Завтра?» сказалъ Водзицкій: «а не будетъ поздно? Обратите вниманіе на то, что на нынѣшній день назначено новое засѣданіе академической молодежи. Хотя вчера молодежь эта и представила доказательства благоразумія и умѣренности; но кто поручится, что на новой сходкѣ она останется въ своемъ прежнемъ рѣшеніи? въ теченіи 24 часовъ многое можетъ измѣниться! Захотите ли вы, убѣдившись въ необходимости схранить у насъ спокойствіе, взять на себя отвѣтственность событія, которыя при всемъ своемъ желаніи не можете ни предупредить, ни остановить? Если же въ самомъ дѣлѣ хотите дать доказательство, что признаете планы польскаго правительства королевствѣ, и хотите поддержать мои заботы объ исполненіи этихъ плановъ; то я просилъ бы, чтобъ вы не откладывали своего отъѣзда до завтра». Малиновскіе, подумавъ немного, обновили, что готовы оставить Краковъ пополудни. Водзицкій возразилъ: что вамъ мѣшаетъ выѣхать тотчасъ же? Малиновскіе отвѣчали, что должны прежде отыскать извозчика. Водзицкій спросилъ: куда они думаютъ направиться изъ Кракова? Малиновскіе отвѣчали, что въ Калишъ. Водзицкій выразилъ сомнѣніе, что имъ удалось найти извозчика туда въ скоромъ времени; а потомъ совѣтовалъ взять экстра-почту, и прибавилъ, что, предвидя готовность принести жертву для спокойствія Кракова, онъ уже готовъ взять почтовую бричку, которая ожидаетъ внизу. Малиновскіе задумались, но, видя рѣшимость начальнаго гвардіи выпроводить ихъ изъ Кракова, если не добровольно,

насилъю, изъявили готовность выѣхать тотчасъ же, и только просили нѣсколько минутъ времени, чтобъ получить отъ одного изъ своихъ знакомыхъ денегъ, безъ коихъ не могутъ пуститься въ дорогу. Водзицкій, вынужъ изъ конторки 180 польскихъ злотыхъ, подалъ ихъ Малиновскимъ, говоря, что этой суммы достаточно будетъ до Калиша. Малиновскіе приняли подачку, но замѣтили, что они еще не ѣли. Водзицкій позвонилъ, и тотчасъ же внесены были водка и котлеты, словно нарочно приготовленные на сей случай. Хозяинъ попросилъ депутатовъ патриотическаго общества отвѣдать импровизованный, по его словамъ, завтракъ. Видя, что Водзицкій рѣшился не выпускать ихъ изъ дома иначе, какъ только въ почтовой бричкѣ, Малиновскіе принялись завтракать, а сослуживцы Водзицкаго выпили водки, желая имъ счастливаго пути. Уже садясь въ бричку, Малиновскіе просили позволенія заѣхать на ихъ временную квартиру, чтобы захватить амъ свое платье; Зглиницкій усѣлся на козлы брички, имѣя порученіе проводить незваныхъ гостей до границъ краковской еспублики. Вечеромъ того же дня онъ представилъ донесеніе, по Малиновскіе спокойно доведены были до Вильчевиць, пер-й станціи по дорогѣ въ королевство, и немедленно отправились туда далѣе.

Такъ окончилась поѣздка Малиновскихъ, предпринятая съ лью поднять революцію въ Краковѣ. Единственнымъ слѣд-немъ ея было возвращеніе въ составъ университетской корпо-ціи профессоровъ, удаленныхъ въ 1828 году, что исполнено о ректоромъ вскорѣ послѣ подачи ему петиціи отъ академиче-ой молодежи. Спокойствіе въ краковской республикѣ было со-ранено; только часть молодежи, именно та, о которой Мали-овскіе говорили, что единственно она способна возбудить и истространить революціонный кругъ въ окрестномъ населеніи, алжась въ королевство, гдѣ и принимала участіе во всѣхъ ѣдствіяхъ демократической партіи. Краковскія власти были въ торгѣ, что имъ удалось сохранить внутреннее спокойствіе рес-ублики; избѣгнувъ большого зла, они какъ-бы не понимали, участие въ польской революціи краковскихъ подданныхъ бро-тъ нѣкоторую тѣнь и на вольный городъ, хотя въ дѣйстви-ьности Краковъ и не приступалъ къ конфедераціи съ варшав-мъ революціоннымъ правительствомъ.

X.

Паденіе графа Станислава Водзницкаго и его партіи въ началѣ 1831 года.—Вступленіе русскаго отряда въ Краковъ въ сентябрѣ того же года.—Претестъ Австрій и удаленіе русскаго отряда.—Реорганизаціонная коммиссія баронъ фонъ-Пфлюгель, фонъ-Форкенбекъ и Л. Тенгоборскій.—Три мѣстные вспомогательные комитета.—Новая конституція и новые административные уставы въ Краковѣ.—Новые сенаторы и президентъ Велёгловскій.—Усиленіе власти сената; ослабленіе властей: законодательной и судебной.—Новое общинное устройство.—Постоянный бюджетъ.—Преобразование академій.—Борьба университетскихъ партій и перемѣны въ личномъ составѣ профессорско-дѣятельность профессора Шиндлера.—Состояніе разныхъ факультетовъ академій въ это время.—Преобразование управленія остальными учебными заведеніями въ Краковѣ и его округѣ.

Устранивъ возможность политическихъ волненій, партія, управлявшая дѣлами Кракова, не могла однакожь предупредить собственнаго паденія. Легкость, съ какою восстановлены были на своихъ каедряхъ профессора, удаленные въ 1828 году, соблазняла оппозиціонную партію къ дальнѣйшему шагу, побуждая ее воспользоваться благоприятною для мести минутою. 4 (16) января 1831 года, новое волненіе академической молодежи, руководимой противниками графа Станислава Водзницкаго, который собирался протестовать противъ послѣднихъ перемѣнъ въ университетѣ, принудило его отказаться отъ званія сенатскаго президента, которое онъ носилъ 15 лѣтъ, будучи назначенъ къ тому еще организаціонной коммиссіей и потомъ поддержанъ резидентами покровительствующихъ дворовъ. Но выборы новаго президента въ сенатѣ не было произведено, ибо сеймъ не созывался съ той минуты, какъ объявлены были уничтоженными постановленія, принятая въ сессіи 1827 года. Обязанности президента исполняли всѣ сенаторы, чередуясь между собой. Такое временное состояніе сената, съ одной стороны, не могло содѣйствовать упроченію его значенія, съ другой—давало по временамъ возможность партіи оппозиціонной держать въ своихъ рукахъ вѣнчаніе на дѣла и давать имъ то или другое направленіе. Въ родской гвардіи было также не мало лицъ, сочувствовавшихъ оппозиціи. Опасаясь прямого вмѣшательства въ революціонное движеніе, охватившее все польское королевство, краковскія власти нѣсколько однакожь не препятствовали частнымъ лицамъ принимать отдѣльное участіе въ возстаніи. Черезъ краковскую же территорию посылались изъ Галиціи въ польское королевство военные припасы, что заставило австрійское правительство содержать

теченіи возстанія гарнизонъ въ Подгорьѣ, считавшемся по вѣнскимъ договорамъ мѣстомъ нейтральнымъ въ военномъ отношеніи и назначеннымъ исключительно для свободной торговли. Наконецъ, по разбитіи польскихъ революціонныхъ войскъ русскими полководцами, генераль Рожинскій, переходя въ Галицію, перевелъ часть своего отряда на краковскую территорію, что и дало поводъ русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ генераловъ Красовскаго и Ридигера, занять Краковъ 15 (27) сентября 1831 года. Но Австрія, сильно опасавшаяся упроченія русскаго владычества въ Краковѣ и предполагавшая, что временное занятіе можетъ обратиться въ постоянное, потребовала довольно рѣшительно, на основаніи договоровъ 1815 года, очищенія краковской территоріи отъ русскихъ войскъ, въ чемъ и была поддержана Пруссіей. Петербургскій кабинетъ исполнилъ это требованіе 12 (24) ноября того же года. Очистивъ земли краковского округа, русскія войска оставили свои гарнизоны въ тѣхъ пограничныхъ съ республикой частяхъ польскаго королевства, которыя, по вѣнскимъ договорамъ, должны были оставаться свободными отъ военнаго поста, на извѣстномъ разстояніи отъ границы. Этимъ отступленіемъ отъ вѣнскихъ договоровъ Россія уравнивалась, съ своей стороны, подобное же занятіе австрійскими войсками Подгорья, обратившееся съ тѣхъ поръ въ постоянное. Краковское правительство не имѣло возможности требовать удавленія военныхъ отрядовъ двухъ сосѣднихъ державъ изъ означенныхъ мѣстностей; условіе это включено было въ договоръ между Россіей и Австріей и, слѣдовательно, могло быть уничтожено по обоюдному соглашенію, не только формальному, но и слуховому, вызванному необходимостью. Зато краковское правительство сочло себя въ правѣ потребовать денежнаго вознагражденія за содержаніе русскихъ войскъ въ теченіи двухмѣсячнаго пребыванія ихъ въ Краковѣ. Но 16 (28) мая 1832 года, русскій резидентъ Станиславъ Заржецкій далъ такой отвѣтъ сенату: «уполномоченъ объявить, что его величество, разсмотрѣвъ требованіе краковскаго правительства, нашель, что безпорядки, происходившіе въ этой республикѣ, и покровительственный образъ дѣйствій самого правительства относительно польскихъ революціонеровъ, были причиною занятія краковской территоріи русскими войсками, а потому справедливость требуетъ, чтобы и держки на это занятіе пали на ея счетъ». Вскорѣ и самое политическое устройство краковской республики подверглось существенному измѣненію. Поводомъ къ тому послужили какъ краковскія университетскія волненія, такъ и революціонныя смуты

1830 и 1831 годовъ. Мы видѣли, что еще въ 1828 году положеніе краковскаго правительства объявлено было временнымъ; чиновники на важнѣйшія должности назначались сенатомъ по соглашенію съ резидентами; ежегодное созваніе сеймовъ было прервано и обѣщанъ пересмотръ конституціи особою комиссіею.

Когда революціонное движеніе въ польскомъ королевствѣ было потушено, покровительствующіе двory прислали въ Краковъ своихъ чрезвычайныхъ и полномочныхъ комиссаровъ: австрійскій—барона фонъ-Пфлюгеля, прусскій—фонъ-Форкенбека и русскій—Л. Тенгоборскаго. Комиссары эти должны были, составивъ изъ себя такъ-называемую реорганизаціонную комиссію, учредить себѣ въ помощь три комитета изъ мѣстныхъ специалистовъ: первый комитетъ долженъ былъ заняться пересмотромъ конституціи и органическихъ статутовъ; второй—переустройствомъ судопроизводства; третій—составленіемъ новыхъ уставовъ для университета и всѣхъ краковскихъ школъ. Болѣе года продолжались занятія реорганизаціонной комиссіи и назначенныхъ ею комитетовъ.

Новая конституція вольнаго города Кракова, подписанная чрезвычайными комиссарами 18 (30) мая 1833 года, состояла изъ 29-ти статей, не считая подраздѣлений ихъ. Статьи о религіозныхъ правахъ составлены въ томъ же видѣ, какъ и въ конституціи 1815 года. Составъ сената, составъ избирателей, дѣленіе краковской территоріи на общины, составъ самаго сейма, порядокъ сеймовыхъ совѣщаній, учрежденіе правительственныхъ совѣтниковъ и судоустройство потерпѣли болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Строгий нейтралитетъ краковской территоріи былъ обусловленъ двумя обязанностями для краковскаго правительства: «1) всякое публичное дѣйствіе или происшествіе, всякій замыселъ, имѣющіе цѣлю измѣнить или нарушить общественный порядокъ, установленный въ государствахъ, находящихся подъ владычествомъ одного изъ трехъ покровительствующихъ государей, и всякое участіе въ подобнаго рода предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ, должны разсматриваться какъ нарушеніе строгого нейтралитета и будутъ, слѣдовательно, предупреждаемы, преслѣдуемы и наказываемы властями края, согласно съ существующими законами, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ еслибы участвовавшіе въ нихъ обвинялись въ политическомъ преступленіи противъ вольнаго города Кракова; 2) не могутъ быть даваемы въ городѣ Краковѣ, ни въ его территоріи убѣжище и покровительство бѣглецамъ и людямъ, преслѣдуемымъ законами, которые, принадлежа странѣ того или другого покровительству

шаго двора, удалились изъ оной; такия лица, по требованію о
 выдать ихъ, какое можетъ послѣдовать отъ надлежащихъ властей,
 должны быть арестуемы и немедленно препровождаемы подъ
 приличную стражею въ пограничныя мѣста, назначенныя на сей
 предметъ». Сохраняя за всѣми жителями краковской республики
 одинаковыя права предъ закономъ, безъ различія состоянія и вѣ-
 роисповѣданія, предоставляя всѣмъ имъ свободное право на вы-
 селеніе, новая конституція ограничивала нѣсколько право при-
 ятія иностранцевъ въ число краковскихъ гражданъ: только про-
 живъ въ теченіи пяти лѣтъ на краковской территоріи и отли-
 чаясь при этомъ безукоризненнымъ поведеніемъ, иностранный
 подданный могъ перейти въ число гражданъ краковской респуб-
 лики, а приобрѣта затѣмъ недвижимую собственность, могъ по-
 лучить и всѣ политическія права, связанныя съ этимъ званіемъ.
 Но подданные трехъ покровительствующихъ дворовъ, сколько бы
 лѣтъ они ни прожили въ Краковѣ, должны были представить
 перва актъ разрѣшенія отъ ихъ прежняго подданства, выдан-
 ный соответственными правительствами, и только по прошествіи
 пяти лѣтъ со времени засвидѣтельствованія сего акта, могли быть
 приняты въ число краковскихъ подданныхъ; но если ихъ пове-
 деніе было вполне удовлетворительно, то сенатъ могъ сократить
 въ этотъ пятилѣтній срокъ. Что касается сословныхъ отношеній,
 въ новую конституцію внесена была особая статья, опредѣ-
 ляющая взаимныя отношенія между земледѣльцами и землевла-
 дѣльцами. «Каждый крестьянинъ,—сказано было въ этой статьѣ,—
 можетъ свободно переносить свою личность и свою собственность,
 равно съ формами, опредѣленными закономъ. Отношенія земле-
 дѣльцевъ къ собственникамъ земли основаны на договорѣ сло-
 весномъ или письменномъ; и тотъ, и другой должны быть строго
 исполняемы. Относительно земель воздѣлываніе которыхъ ему
 предоставлено, земледѣлецъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ
 арендаторъ, вносящій свою арендную плату или деньгами, или про-
 изведеніями, или личными услугами. Какъ собственнику, такъ и
 арендатору дозволяется отказаться отъ словеснаго условія и замѣ-
 нить его новымъ договоромъ. За каждымъ земледѣльцемъ при-
 нимается неотъемлемая способность пользоваться всѣми политиче-
 скими правами, какъ дѣйствительными, такъ и пассивными, если
 только онъ обладаетъ качествами, требуемыми конституціей».

Составъ и права сената изложены были гораздо подробнѣе,
 какъ въ конституціи 1815 года, и притомъ, измѣнены такимъ
 образомъ: «правительство вольнаго города Кракова и его терри-
 торія заключается въ сенатѣ, состоящемъ изъ восьми членовъ,

называемых сенаторами, и одного президента. Сенат пользуется исполнительной властью во всей ее обширности. Всякая исполнительная и административная власть получает свое начало только от него. Право помилования от всякаго рода наказаний принадлежит отчасти сенату, отчасти его президенту, какъ главу правительства. Но изъ этого права навсегда исключены обвиненные по приговору высшаго суда (то-есть, надъ самими сенаторами и остальными чиновниками республики), равно какъ и подвергаемые простымъ полицейскимъ наказаніямъ, если послѣдніе не превышаютъ одного мѣсяца ареста или ста польскихъ злотыхъ пени. Если президентъ не пользуется правомъ помилования виновнаго,—судебный приговоръ вступаетъ въ силу, если же онъ дѣлаетъ употребленіе изъ этого права, то вопросъ, должно ли быть наказаніе совершенно отмѣнено или нѣтъ, или же должно быть уменьшено и въ какой степени, рѣшается въ сенатѣ по большинству голосовъ. Въ случаѣ болѣзни, отсутствія свыше мѣсяца или смерти президента, сенатъ пользуется правомъ помилования во всемъ его объемѣ. Семь сенаторовъ, равно какъ и президентъ, будутъ избираемы собраніемъ представителей, и одинъ сенаторъ будетъ назначаемъ капитуломъ изъ его членовъ. Президентъ, избранный собраніемъ представителей, не можетъ вступить въ должность прежде, чѣмъ три покровительствующіе двора объявятъ, что не имѣютъ съ своей стороны препятствій къ его избранію. Если въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня избранія тотъ или другой изъ высшихъ дворовъ не представятъ заявленія въ этомъ смыслѣ, то молчаніе ихъ будетъ считаться согласіемъ на избраніе. Если одинъ изъ трехъ дворовъ откажется признать новоизбраннаго президента, то созывается чрезвычайный сеймъ для вторичнаго избранія, но тогда согласіе двухъ покровительствующихъ дворовъ, выраженное молчаніемъ или прямымъ заявленіемъ, вполне достаточно для утвержденія новаго избраннаго, лишь бы этотъ выборъ не падалъ на отвергнутаго кандидата, такое согласіе не можетъ быть измѣняемо по прошествіи шестидесяти дней отъ вторичныхъ выборовъ. То же самое правило соблюдается и относительно послѣдующихъ выборовъ, если таковы окажутся нужными. Въ ожиданіи подтвержденія выбора президента, сенатъ избираетъ одного изъ своихъ членовъ для временнаго отправленія президентской должности. Достоинство президента сената или сенатора несовмѣстно со всякимъ другимъ означаемымъ званіемъ или должностью. Каждый гражданинъ въ томъ городѣ Кракова и его территоріи, удовлетворяющій всѣмъ условіямъ, требуемымъ конституціей, можетъ выступать канди-

томъ на званіе сенатора или президента сената передъ особою депутаціею сейма, обязаннаго утверждать избирательные листы. Рассмотрѣвъ гражданскія качества и права всѣхъ кандидатовъ, депутація составляетъ списокъ имъ и вручаетъ его президенту собранія представителей, который, въ свою очередь, передаетъ его сенату для пересмотра правъ предлагаемыхъ кандидатовъ. Сенатъ, имѣющій свою обязанность поддерживать неизмѣнность конституціи, имѣетъ право исключать кандидатовъ, которыхъ находятъ неудовлетворяющими всѣмъ необходимымъ требованіямъ; но, дѣлая это, онъ долженъ объяснить, въ чемъ исключаемый кандидатъ не удовлетворилъ требованіямъ закона. По окончаніи такого пересмотра, избирательный листъ отсылается президенту собранія народныхъ представителей, который, громко прочитавъ его, приглашаетъ представителей къ подачѣ голосовъ, которые могутъ быть подаваемы лишь въ пользу кандидатовъ, значащихся въ избирательномъ листѣ, утвержденномъ сенатомъ. Каждое избраніе совершается по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ утвердительныхъ и отрицательныхъ, голосъ президента собранія имѣетъ рѣшающее значеніе. Президентъ сената остается при исполненіи своихъ обязанностей въ теченіи шести мѣсяцевъ, но онъ можетъ быть избранъ и вновь, какъ и остальные членскіе сенаторы. Въ числѣ сенаторовъ двое должны быть постоянными и шесть временными. Сенаторъ капитула принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Временные сенаторы, назначаемые избраніемъ представителей, выходятъ поочереды чрезъ каждые три года, по старшинству ихъ назначенія, и такъ, чтобы каждый сенаторъ оставался въ своей должности въ теченіи шести мѣсяцевъ. Обыкновенныя законодательныя собранія избираютъ по очереди одинъ разъ двухъ временныхъ сенаторовъ и президента, а другой разъ трехъ сенаторовъ, независимо отъ избраній, которыя могутъ оказаться необходимыми, чтобы пополнить мѣста, освобождающіяся въ промежутокъ отъ одного собранія до другого. Сенаторъ, назначаемый капитуломъ, выходитъ изъ сената чрезъ шесть мѣсяцевъ, за исключеніемъ того случая, когда онъ будетъ переизбранъ. Въ случаѣ смерти президента или, если число сенаторовъ, избранныхъ представителями, уменьшится за смертію, или по какимъ другимъ причинамъ, до четырехъ—долженъ быть созванъ чрезвычайный сеймъ для избранія новаго президента или недостающихъ сенаторовъ, если только до созванія ближайшаго обыкновеннаго сейма остается болѣе шести мѣсяцевъ. Но, во всякомъ случаѣ, сенатъ избираетъ одного изъ своихъ членовъ на место умершаго президента до избранія новаго. Въ случаѣ, если

бы мѣсто сенатора, назначаемаго капитуломъ, освободилось ранѣе шести лѣтъ, то капитулъ немедленно приступаетъ къ новому избранію». Какъ президентъ сената, такъ и сенаторы, избранные чрезвычайными сеймами, признавались новою конституціею дѣствующими въ теченіи лишь того срока, какой оставалось дослужить лицамъ, которыхъ они замѣнили. Такой временной президентъ не нуждался въ подтвержденіи покровительствующихъ дворовъ, если срокъ предстоявшей ему службы не превышалъ двухъ лѣтъ.

Въ составѣ избирателей краковской республики новая конституція произвела значительныя измѣненія: съ одной стороны, подробнѣе очерчены были различные классы избирателей; съ другой—ясно указаны лица, ни въ какомъ случаѣ не могшія быть избирателями. Правомъ избранія могли пользоваться: прелаты, каноники, священники или замѣнявшіе ихъ капелланы, собственники земель, домовъ и всякой другой недвижимости, если они платили 50 польскихъ злотыхъ въ видѣ прямого налога; постоянные фермеры различныхъ усадебъ и угодій, какъ въ государственныхъ имуществахъ, такъ и въ принадлежавшихъ первоначально городу Кракову, а равно арендаторы оброчныхъ статей въ мѣстечкахъ и селеніяхъ; къ сему классу принадлежали земледѣльцы, имѣвшіе въ арендѣ мельницы или другую недвижимую собственность, за которую они платили не менѣе 400 польскихъ злотыхъ, и деревни, состоявшія болѣе чѣмъ изъ двадцати сельскихъ домовъ, хозяева которыхъ были постоянными фермерами, вносившими ежегодную опредѣленную аренду. Такія деревни имѣли право высылать одного избирателя отъ имени остальныхъ сельчанъ, если только между ними не было какого либо другого обывателя, и безъ того уже пользовавшагося избирательнымъ правомъ; фабриканты и заводчики и вообще крупные торговцы, состоявшіе членами купеческой корпораціи и производившіе дѣйствительную торговлю; ректоръ и профессора университета, какъ дѣйствующіе, такъ и получающіе пенсію равнымъ образомъ служащіе и уволенные съ пенсіею директоръ и профессора лицеевъ или гимназій. Не могли пользоваться избирательнымъ правомъ, даже еслибъ удовлетворяли другимъ требованіямъ закона: монахи всѣхъ орденовъ вообще; каждое лицо, находящееся въ частной службѣ на все время, пока въ ней остается; лица, исповѣдующія религію только терпимую, кромѣ еврей и всѣ не-христіане. Никто не могъ участвовать и подавать голосовъ въ избирательныхъ собраніяхъ, не будучи внесенъ въ списокъ избирателей. Епископская консисторія, униве-

ситетъ, начальники городскихъ и сельскихъ общинъ, должны были представлять списки всѣхъ гражданъ, имѣвшихъ избирательное право: сенатъ разсматривалъ ихъ и утверждалъ, разсматривалъ правильность дѣйствій избирательныхъ коллегій и признавалъ выборы народныхъ представителей или отвергалъ ихъ. Устройство общиннаго управленія конституція 1833 года опредѣляла такъ: какъ городскія, такъ и сельскія общины избирають своихъ мэровъ изъ числа тѣхъ кандидатовъ, списокъ которыхъ утверждёнъ сенатомъ и который долженъ заключать въ себѣ не менѣе трехъ лицъ на каждую общину. Обязанности мэровъ состояли въ томъ, чтобы исполнять предписанія правительства и быть мѣстною полиціей согласно съ данными имъ инструкціями. Мэры избирались на шесть лѣтъ, но могли быть опять избраны и на слѣдующій срокъ. Въ случаѣ болѣзни, отсутствія, отрѣшенія отъ должности или смерти мэра, сенатъ назначалъ кого-либо временно исправлять его должность до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ возможность возвратиться къ своимъ обязанностямъ, или пока не состоится новое избраніе. Чтобы быть избраннымъ въ мэры, необходимо было удовлетворить слѣдующимъ условіямъ: принадлежать къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, имѣть 24 года и окончить курсъ въ четырехъ классахъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Краковѣ или въ государствѣ одного изъ покровительствующихъ дворовъ. Уволены были отъ необходимости представлять доказательства объ удовлетвореніи послѣдняго условія всѣ тѣ, кто уже занималъ однажды должность мэра или чиновника высшаго ранга не только въ Краковѣ, но и въ государствахъ одного изъ покровительствующихъ дворовъ. Всѣ остальные чиновники или назначались сенатомъ, или избирались собраніемъ представителей: сенатъ назначалъ чиновниковъ на всѣ административныя мѣста и удалялъ ихъ изъ службы по своему усмотрѣнію. Чиновники, назначавшіеся собраніемъ представителей или избирательными коллегіями, могли быть отставлены сенатомъ, но не могли быть назначаемы по его волѣ. Удаленіе всякаго чиновника, назначеннаго сенатомъ, или сеймомъ, или общинами, не могло быть рѣшено иначе какъ по большинству голосовъ въ полномъ собраніи сената. Всѣхъ избирательныхъ коллегій предположено было для самого города три, а для его округа шесть, причемъ слѣдовало наблюдать, чтобы число избирателей въ каждой изъ нихъ было приблизительно одинаковое; въ случаѣ надобности, двѣ или многія общины могли быть соединяемы въ одну избирательную коллегію. Всѣ выборы созывались въ засѣданія распоряженіемъ сената, кото-

рый опредѣлялъ какъ продолжительность ихъ сессіи, такъ и предметъ ея дѣйствій; сенатъ же назначалъ предсѣдателей въ избирательныхъ коллегіяхъ.

Тогда какъ прежняя конституція разрѣшала созывать собраніе представителей ежегодно, конституція 1833 года ограничивала созывъ сейма трехлѣтнимъ срокомъ. Самое право созванія сейма предоставлено было сенату, временемъ открытія сеймовыхъ засѣданій назначенъ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца; продолжительность каждой сеймовой сессіи опредѣлена шестью недѣлями. Кромѣ избранія членовъ и президента сената, членовъ и президентовъ обоихъ судовъ, сеймъ имѣлъ право обсуждать всѣ проекты законовъ, опредѣлять бюджетъ на три года, разсматривать отчеты администраціи и назначать постоянную ревизіонную комиссію, обязанную въ трехлѣтній промежутокъ между двумя сеймами контролировать счета всѣхъ административныхъ учрежденій; право отдачи подъ судъ сенаторовъ и высшихъ чиновниковъ было оставлено за сеймомъ на прежнихъ основаніяхъ. Составъ собранія представителей опредѣлялся такимъ образомъ: каждая избирательная коллегія, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ общинъ, посылаетъ двухъ депутатовъ на сеймъ; двѣ изъ сельскихъ коллегій, имѣющихъ наибольшее число избирателей, посылаютъ трехъ депутатовъ. Такимъ образомъ, всѣхъ общинныхъ депутатовъ предполагалось двадцать. Кромѣ того, въ собраніе представителей посылались: два члена отъ сената, два отъ капитула, два доктора отъ университета, два правительственныхъ совѣтника изъ городскихъ округовъ и два изъ сельскихъ, чередуясь съ остальными чиновниками того же вѣдомства въ другихъ округахъ. Такимъ образомъ, всѣхъ членовъ сейма предполагалось 30; президентъ сейма избирался изъ числа сенатскихъ депутатовъ. Ни сенаторъ, ни членъ капитула или университета, ни чиновникъ административнаго или судебного вѣдомства, ни даже адвокатъ, не могъ быть избираемъ депутатомъ отъ общинъ. Закрытая подача голосовъ допускалась только при избраніи государственныхъ чиновниковъ, или при рѣшеніи вопроса объ отдачи ихъ подъ судъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ подача голосовъ предполагалась открытая. Всѣ законопроекты должны были разсматриваться въ сенатѣ прежде, чѣмъ поступить на обсужденіе сейма. Эти проекты могли быть представляемы сейму въ теченіи первыхъ двухъ недѣль сессіи; и бюджетъ, годичные отчеты и финансовыя законы слѣдовало представлять не позднѣе четырехъ дней по открытіи сеймовыхъ засѣданій. Сеймъ могъ или принимать, или отвергать законъ

проекты сената; но необходимыя, по его мнѣнію, измѣненія въ нихъ онъ долженъ былъ представлять на разсмотрѣніе сенату. Важнѣйшіе законы могли считаться принятыми сеймомъ лишь въ томъ случаѣ, если получали въ свою пользу пять-шестыхъ всѣхъ голосовъ (стало-быть, нужно было получить 25 голосовъ изъ 30); но если, затѣмъ, сенатъ двумя-третьими голосовъ признавалъ необходимость вновь предложить тотъ же законопроектъ будущему сейму, тогда для его принятія достаточно было простого большинства.

Что касается мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, суда первой инстанціи и суда апелляціоннаго, а также суда высшаго, и вообще независимаго положенія членовъ судебного вѣдомства, то въ этомъ отношеніи конституція 1833 года вполне согласовалась съ установившимся въ краковской республикѣ порядкомъ и съ кодексомъ французскаго судопроизводства. Чрезвычайные комиссары трехъ правительствъ вполне предоставили устройство судебного вѣдомства избраннымъ ими специалистами, заседавшимъ въ особомъ комитетѣ, и почти безъ измѣненій приняли предложенный этимъ комитетомъ проектъ. Между тѣмъ какъ при опредѣленіи отношеній между законодательною и исполнительною властями, какъ мы уже видѣли, конституція 1833 года значительно расширяла дѣятельность исполнительной власти и сокращала дѣятельность законодательную. Сенатъ получилъ высшій надзоръ за производствомъ и признаніемъ выборовъ. Особенно чувствительно было измѣненіе ежегодныхъ сеймовыхъ собраний на созываемыя однажды въ три года, такъ что и самый бюджетъ долженъ былъ утверждаться гадательно на трехлѣтній срокъ. Кроме того, реорганизаціонная коммиссія упрочила одно учрежденіе, почти независимое отъ мѣстныхъ властей и поставленное въ непосредственныя сношенія съ покровительствующими дворами чрезъ ихъ резидентовъ. Это была сельско-хозяйственная коммиссія, основанная еще первою организаціонною коммиссіею для приготовительныхъ работъ по вопросу объ улучшеніи быта сельскаго населенія. Эта коммиссія представила свои работы чрезвычайнымъ комиссарамъ въ 1833 году, предложивъ свою оцѣнку выкупныхъ платежей, которые должны были вносить крестьяне государственныхъ имуществъ взамѣнъ отчужденныхъ личныхъ работъ. Основываясь на этомъ представленіи, реорганизаціонная коммиссія декретомъ 16-го (28) сентября 1833 года опредѣлила навсегда имущественные доходы края ежегодною суммою въ 104,000 польскихъ злотыхъ; кроме того, обративъ вниманіе на прошедшее, она обременила статью расходовъ суммою, превы-

шавшею милліонъ, которая назначена была на вознагражденіе сельчанъ за то, что ими было выплачено съ 1815 года сверхъ исчисленнаго сельско-хозяйственною комиссіею. Наконецъ, реорганизаціонная комиссія ограничила возможность политическыя стачекъ, поставивъ преграды родственнымъ вліяніямъ и связямъ на общественныя дѣла. По § 22-му новой конституціи, не могли одновременно засѣдать ни въ сенатѣ, ни въ одномъ изъ судовъ, ни въ сеймѣ, въ качествѣ общинныхъ депутатовъ, отецъ и сынъ, братья, свояки, дядя и племянникъ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, тестъ и зять и двоюродные братья. Но депутаты отъ сената, капитула и университета, а равно правительственныя совѣтники могли присутствовать въ сеймѣ, несмотря на родство между собою или съ кѣмъ-либо изъ общинныхъ депутатовъ.

Что касается отношеній Кракова къ сосѣднимъ дворамъ, то покровительственное значеніе послѣднихъ возвышено было до значенія опеки. Они получили важное право не соглашаться съ выборомъ президента сената, считавшагося главою всего правительства, которое имѣло такое вліяніе на законодательство, администрацію и полицію. Кромѣ того, въ § 27-мъ новой конституціи было сказано: «въ случаѣ разногласій между сенатомъ и собраніемъ представителей, или между членами этихъ обоихъ учреждений, о пространствѣ ихъ власти или при толкованіи нѣкоторой конституціи, резиденты трехъ покровительствующихъ дворовъ, соединясь въ конференцію, должны разсмотрѣть вопросъ, по представленію одного изъ помянутыхъ учреждений, и представить свое рѣшеніе на утвержденіе высшихъ дворовъ». А въ послѣдней статьѣ конституціи сказано было, что покровительствующіе дворы сохраняютъ за собою право наблюдать за строгимъ примѣненіемъ конституціи.

Главною отличительною чертою новой конституціи, составленной барономъ Пфлюгелемъ, Форенбекомъ и Тенгоборскимъ, было стремленіе устранить, по возможности, навсегда соперничество между сенатомъ и сеймомъ. Для этой цѣли пришлось пожертвовать нѣкоторыми изъ правъ собранія народныхъ представителей и перенести ихъ на сенатъ. Чрезъ это политическое устройство краковской республики получало нѣсколько односторонній характеръ, не соответствующій ея титулу вольнаго и независимаго народа; но даже самыя строгіе критики работъ реорганизаціонной комиссіи должны были признать, что Кракову «наконецъ было дано хоть какое-нибудь правительство; нація, обреченная на не подвижность, могла пользоваться по крайней мѣрѣ нѣкотораго

рода порядкомъ и спокойствіемъ». Слѣдить за этимъ внутреннимъ порядкомъ должны были отнынѣ четыре заинтересованныя въ существованіи краковской республики стороны: собственный сенатъ Кракова, Австрія, Пруссія и Россія. Представителями этихъ трехъ державъ, по отъѣздѣ членовъ реорганизаціонной комиссіи, снова явились ихъ постоянные резиденты. Кто же могъ нарушить спокойствіе Краковской жизни? Сеймъ, не собиравшійся съ 1828 года, созываемый только разъ въ три года и ограниченный въ своей дѣятельности, не могъ быть опасенъ. Реорганизаціонная комиссія, видя необходимость созвать новый сеймъ въ 1833 году, что могъ сдѣлать только сенатъ, назначила въ мартѣ на мѣсто сенатскаго президента, остававшееся свободнымъ со времени удаленія графа Станислава Водзицкаго, бывшаго сенатора, кастеляна королевства польскаго, Каспера Велѣгловскаго, и удалила сенаторовъ, приглашенныхъ въ 1830 году. Новый сеймъ составился изъ лицъ, большинство которыхъ расположено было въ пользу принятія новой конституціи. Оставаясь другой источникъ внутреннихъ волненій въ Краковѣ—академическая молодежь, вполнѣ зависѣвшая отъ университетскаго правленія. Признано было необходимымъ написать новые статуты для университета и произвести коренное преобразование въ его устройствѣ. Дѣло это хотя и было окончено прежде созванія новаго сейма, но не было предложено на его утвержденіе. Университетскій вопросъ по прежнему стоялъ особнякомъ въ жизни краковской республики, и былъ разрѣшенъ мѣрами чрезвычайными, по указаніямъ трехъ-четырехъ профессоровъ. Какъ же былъ преобразованъ Ягеллонскій университетъ въ 1833 году?

Реорганизаціонная комиссія приступила къ преобразованію университета и другихъ краковскихъ училищъ тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Краковъ. Она учредила для этой цѣли особый комитетъ изъ слѣдующихъ лицъ: сенатора Феликса Гродзицкаго, предсѣдательствовавшаго въ комитетѣ, главнаго каноника краковскаго Ланцуцкаго и камергера русскаго двора Яна Мѣрошевскаго; изъ членовъ университета въ комитетъ приглашены были изъ богословскаго факультета каноникъ Янъ Шиндлеръ, изъ юридическаго деканъ Адамъ Крыжановскій, изъ медицинскаго Іосифъ Бродовичъ, отъ обонхъ отдѣловъ философскаго факультета директоръ обсерваторіи Максъ Вейсъ; изъ нихъ Шиндлеръ избранъ былъ секретаремъ комитета. Всѣ эти профессора были членами комитета не по избранію университетской корпораціи, а по приглашенію реорганизаціонной комиссіи. Даже

ректоръ университета не былъ включенъ въ составъ комитета. Такимъ образомъ, комитетъ составленъ былъ вопреки всѣмъ прежнимъ правиламъ, предписывавшимъ, что «Ягеллонскій университетъ не долженъ быть ни ревизуемъ, ни преобразуемъ никакою иною властью, какъ свѣтскою, такъ и духовною, кромѣ правительства, или уполномоченной отъ него особы, вмѣстѣ съ ректоромъ и избранными для сего изъ среды членовъ его лицами, или однимъ ректоромъ съ избранными на сей конецъ профессорами». Внутри самого комитета составились двѣ партіи. Гродзицкій, Мѣрошевскій, Ланцуцвій и Крыжановскій стояли за сохраненіе правъ и привилегій краковской академіи, полученныхъ ею въ теченіи вѣковъ, но не считали возможнымъ протестовать противъ заявленій остальныхъ членовъ. Шиндлеръ, Бродовичъ и Вейсъ, принадлежавшіе къ числу пришельцевъ въ Краковъ и державшіеся связями съ господствующей партіей, опирались на новаго президента сената, Каспера Велѣгловскаго, и стремились отмѣнить старинныя привилегіи академіи. Особенно дѣятельнымъ въ партіи, враждебной прежнему устройству университета, былъ Шиндлеръ. Онъ прибылъ въ Краковъ только за годъ передъ тѣмъ изъ Черновицъ, гдѣ былъ гимназическимъ законоучителемъ, и какъ докторъ правъ, при содѣйствіи бывшаго ректора Эстрейхера, безъ конкурса, ради предполагаемыхъ въ немъ глубокихъ познаній въ восточныхъ языкахъ, приглашенъ былъ на кафедру экзегетики священнаго писанія; затѣмъ, чрезъ нѣсколько недѣль, благодаря своей ловкости и угодливости, былъ назначенъ пробошемъ при церкви св. Николая, зависѣвшей отъ университета, противъ чего, однакожъ, протестовали профессора Павелъ Чайковскій, Іосифъ Козловскій, Іосифъ Якубовскій и Феликсъ Радванскій. Вейсъ и Бродовичъ также были недавними профессорами въ краковскомъ университетѣ. При ихъ содѣйствіи, Шиндлеръ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ новый уставъ университета, который былъ утвержденъ реорганизаціонною комиссіею 12 (24) августа 1833 года, а Велѣгловскимъ предложенъ сенату для исполненія.

Не столь рѣзки были перемены, введенныя въ самое управленіе университетомъ, сколько измѣненія въ личномъ составѣ профессорской корпораціи. Правда, университетъ былъ лишенъ права имѣть своего представителя въ сенатѣ; дана была новая обязательная программа преподаванія, причемъ кафедра польской литературы и кафедра польской исторіи были закрыты, хотя § 23 новой конституціи и предписывалъ, чтобы всѣ официальные акты краковской республики писались на польскомъ языкѣ; н

было также помину о денежныхъ и имущественныхъ претензіяхъ университета. Все управление университетскими дѣлами отдано въ руки ректора, отвѣтственнаго предъ кураторомъ и президентомъ сената. Но всѣ эти нововведенія не могли раздражить приверженцевъ стариннаго устройства Ягеллонской академіи до такой степени, какъ раздражили личныя нападенія на нѣкоторыхъ профессоровъ, направленные болѣею частью по указанію Шиндлера и его товарищей.

Въ богословскомъ факультетѣ произведены были слѣдующія перемѣны. Докторъ богословія, Матвій Козловскій, деканъ факультета съ 1818 года, профессоръ церковной исторіи, избранный профессорами деканомъ еще на годичный срокъ, установленный для сей должности новымъ уставомъ, не былъ утвержденъ въ этомъ званіи реорганизаціонною комиссіей, и на его мѣсто назначенъ Шиндлеръ. Затѣмъ, Козловскій лишенъ былъ самой кафедры и оставленъ при университетѣ лишь въ качествѣ сторонняго преподавателя, пока Шиндлеръ не принцетъ за границей другого кандидата, болѣе подходящаго къ требованіямъ новаго декана. Такая же участь постигла профессора пастырскаго богословія и церковнаго краснорѣчія, Николая Яновскаго. Ему дано было за заслуги университетскою конференціей званіе пробоша при церкви св. Флоріана; но реорганизаціонная комиссія зачла ему это мѣсто въ видѣ пенсіи. Онъ также оставленъ былъ временнымъ преподавателемъ впредъ до присканія другого кандидата. На юридическомъ факультетѣ, профессоръ гражданскаго и торговаго права, недавній членъ комитета, занимавшася составленіемъ университетскаго устава, Адамъ Крыжановскій точно также не признанъ былъ въ званіи декана, которое было предоставлено комиссіей профессору Феликсу Слотвинскому, присоединившемуся къ партіи Шиндлера. Кромѣ того, Крыжановскій замѣнялъ собою въ университетскомъ совѣтѣ князя Антонія Радзивилла, назначеннаго консерваторомъ Ягеллонской академіи со стороны прусскаго двора. По смерти Радзивилла университетъ, руководимый Шиндлеромъ и Вейсомъ, избралъ консерваторомъ І. В. Ансильона, министра иностранныхъ дѣлъ въ прусскомъ кабинетѣ; послѣ чего Шиндлеръ, поддерживаемый прусскимъ комиссаромъ Форкенбекомъ, успѣлъ устранить Крыжановскаго отъ званія наѣстника консерватора и передать это право Вейсу. Въ томъ же факультетѣ, оставляя тѣ же самыя предметы и даже увеличивъ число ихъ, реорганизаціонная комиссія уменьшила число кафедръ съ пяти на четыре. Вслѣдствіе такой перемѣны профес-

сорь римскаго права, Петръ Мартыновскій, переведень былъ съ университетской кафедрѣ въ предсѣдателя суда первой инстанціи, а докторъ правъ Фердинандъ Койсевичъ, служившій болѣе десяти лѣтъ при университетѣ и въ теченіи пяти лѣтъ бывшій профессоромъ политической экономіи, занявшій эту кафедрѣ путемъ обычнаго конкурса по рѣшенію совѣта, приглашенъ былъ подчиниться новому конкурсу на томъ основаніи, что его утвержденіе произошло въ эпоху временнаго управленія. Такъ какъ самъ Шиндлеръ, руководитель всѣхъ этихъ нововведеній, занялъ свою кафедрѣ безъ всякаго конкурса, то порицатели новаго университетскаго устава справедливо видѣли пристрастіе въ его неодинаковомъ примѣненіи къ различнымъ профессорамъ. Въ медицинскомъ факультетѣ, исправлявшій должность декана, профессоръ анатоміи, физиологіи и судебной медицины, Іосифъ Козловскій, долженъ былъ уступить званіе декана профессору Бродовичу, хотя голосъ профессоровъ и назначалъ на это мѣсто доктора медицины и хирургіи, профессора медицинскон полиціи, ветеринарныхъ наукъ и исторіи медицины, Юліана Савичевскаго, служившаго въ университетѣ съ 1819 года и утвержденного въ званіи ординарнаго профессора самимъ кураторомъ, графомъ Іосифомъ Залусскимъ. Но реорганизаціонная коммиссія ссылалась на то, что утвержденіе Савичевскаго внесено было въ университетскіе акты въ эпоху временнаго управленія учебными заведеніями Кракова, такъ-называемымъ главнымъ училищнымъ совѣтомъ, и не признавала за нимъ его званія. Такое толкованіе дѣйствій главнаго совѣта было вдвойнѣ несправедливо: съ одной стороны, уничтоженіе кураторства въ краковскомъ университетѣ и возстановленіе университетскаго сената и главнаго совѣта были произведены въ январѣ 1831 года съ согласія трехъ резидентовъ, а стало быть, и ихъ дѣйствія не могли считаться незаконными; съ другой стороны, если признавать ихъ дѣйствія таковыми, то слѣдовало бы удалить изъ профессорской корпораціи: въ богословскомъ факультетѣ Шиндлера и Яновскаго; въ юридическомъ— Антонія Матакевича и Петра Бартыновскаго; въ медицинскомъ— Іосифа Козловскаго, Іосифа Бродовича, Флоріана Савичевскаго, Карла Сочинскаго, Іосифа Якубовскаго и Людвигъ Берковскаго; въ философскомъ факультетѣ Франца Сапальскаго, Франца Шоповича, Феликса Радванскаго, Филиппа Вальтера, Людвигъ Зейшнера, Казтана Троянскаго, Германа Шугтъ и Михайла Вишневскаго, которые всѣ, подобно Юліану Савичевскому, приглашены были въ 1830 и 1831 годахъ на основаніи § 85 прежняго

устава, но удалены изъ службы не всѣ. Такимъ образомъ, введшіе новый университетскій уставъ въ жизнь еще разъ доказали, что руководились духомъ партіи: ибо профессоръ хирургіи и директоръ хирургической клиники Людвигъ Берковскій и профессоръ всеобщей исторіи Михаилъ Вишневскій, назначенные въ эпоху временнаго управленія, безъ конкурса и помимо своихъ факультетовъ, были признаны въ своихъ званіяхъ реорганизационною комиссіею. Между тѣмъ, новый деканъ факультета Бродовичъ, опасаясь въ будущемъ конкуренціи со стороны своего предѣстника, Юсифа Козловскаго, постарался, при содѣйствіи австрійскаго комиссара фонъ-Пфлюгеля и посредничествѣ заслуженнаго профессора Костецкаго, склонить Козловскаго посредствомъ разныхъ угрозъ въ подачѣ просьбы объ отставкѣ, за что и назначена была ему пенсія въ 3500 злотыхъ польскихъ. Но такъ какъ кандидатомъ на кафедру анатоміи, фізіологіи и судебной медицины не находилось, то Козловскому поручено было временно преподавать эти предметы. Объявленный конкурсъ не открылъ желающихъ занять эти кафедры, и тогда Бродовичъ вмѣстѣ съ Берковскимъ пригласили конкурировать только-что окончившихъ курсъ медиковъ: Козубовскаго и Эжелта, изъ коихъ первый былъ родственникъ Берковскаго и заранѣе подготовленъ къ отвѣтамъ, а Эжелтъ приглашенъ лишь для полноты конкурса и въ надеждѣ на будущія блага. На философскомъ факультетѣ, профессоръ физики Романъ Маркевичъ долженъ былъ уступить званіе декана Вейсу, который, будучи поддерживаемъ австрійскимъ комиссаромъ барономъ фонъ-Пфлюгелемъ, сталъ господствовать надъ факультетомъ. Какъ профессоръ, онъ получалъ 6000 злотыхъ польскихъ ежегоднаго содержанія и великолѣпное помѣщеніе въ астрономической обсерваторіи, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, лично получилъ 1000 въ прибавку и 500 злотыхъ на разъѣзды. Но будучи старъ лѣтами, онъ рѣдко бывалъ на лекціяхъ и притомъ читалъ такъ плохо, что имѣлъ только одного слушателя, и то получавшаго отъ него стипендію; это побудило его подѣлаться курсомъ высшей математики съ своимъ адъюнктомъ Стечковскимъ, который управлялъ за него обсерваторіей и читалъ по четыре часа въ недѣлю высшую математику; профессора низшей математики, Франца Шоповича, Вейсъ также принудилъ выйти въ отставку, а на его мѣсто перевелъ проф. Карла Губе. Съ тѣхъ поръ академическая молодежь перестала понимать польское преподаваніе низшей математики и латинское высшей. Первое по незнакомству профессора съ язы-

комъ, второе по собственному незнакомству съ схоластической латынью. Профессоръ зоологіи и ботаники, Алоизій Эстрейхеръ, бывшій ректоромъ въ то время, былъ лишень этого званія по проискамъ Шиндлера, коему нѣкогда покровительствовалъ, Вейса, бывшаго прежде съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и Бродовича, который нарочно съѣздилъ въ Вѣну, чтобы очернить его предъ княземъ Меттернихомъ; а въ ректоры назначень Карлъ Губе. Правда, Эстрейхера не жалѣли въ Краковѣ, ибо онъ, получивъ прибѣжище въ польскомъ городѣ, всегда посылалъ воздыханіе къ австрійскому министерству, не предвидя, какую оно ему участь готовить. Для другого австрійца и сторонника Бродовича, доктора Майера, также составлена была особая каеэдра изъ предметовъ, частью медицинскихъ, частью философскихъ. Профессоръ начертательной геометріи, Францъ Сапальскій, доставившій Вейсу каеэдру астрономіи, потерялъ свое мѣсто, ибо его каеэдра была закрыта по предложенію того же Вейса. Сапальскому назначена была пенсія въ 3000 злотыхъ, но онъ обратился съ просьбой къ народнымъ представителямъ, которые, помня его дѣятельность, какъ начальника одного изъ отдѣловъ городской гвардіи, возвысили его пенсію до 4000 злотыхъ. Такъ какъ каеэдра архитектуры была назначена къ перенесенію изъ университета въ имѣющую открыться техническую школу, то профессоръ ея, Феликсъ Радванскій, былъ уволенъ изъ службы, и только собраніе народныхъ представителей, обративъ вниманіе на его многочисленное семейство, назначило ему временное пособіе въ 2000 злотыхъ. Не признанъ былъ также профессоромъ химіи Филиппъ Вальтеръ, сынъ краковскаго обывателя, окончившій курсъ въ берлинскомъ университетѣ, посѣтившій въ теченіи двухъ лѣтъ Англію, Францію и Германію и имѣвшій рекомендаціи отъ Александра Гумбольдта; ибо каеэдра химіи, по новому уставу, соединена была съ каеэдрой фармаціи. Правда, профессоръ этой соединенной каеэдры Флоріанъ Савичевскій представлялъ Вейсу и Бродовичу необходимости сохранить каеэдру химіи въ пользу Вальтера, но его представленіе не было выслушано. Минералогію и геологію соединили съ зоологіей и ботаникой, единственно для того, чтобы удалить Людвигъ Зейшнера, и притомъ безъ всякаго вознагражденія; но когда послышались общія сѣтованія на то, его назначили адъюнктомъ при профессорѣ естественной исторіи, но Зейшнеръ самъ отказался отъ такой чести. У профессора и бібліотечнаго кара университета, извѣстнаго своими учеными трудами, Самуилъ Бандтве, хотѣли отнять пенсію въ 2000 злотыхъ; но за не-

заступился Форкенбекъ, и хотя весь Краковъ былъ на сторонѣ Бандтке, тѣмъ не менѣе членовъ университетскаго комитета осуждали за то, что они и самую справедливость обазываютъ лишь по протекціи. Старикъ Бандтке, огорченный всей этой исторіей, отказался отъ управленія библіотекой, и только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ это дѣло поручено было Іосифу Мучковскому, бывшему до тѣхъ поръ профессоромъ въ лицей св. Анны. Профессоръ польской литературы, Павелъ Чайковскій, уволенъ былъ отъ службы, но его предметъ раздѣлили между кафедами латинской словесности и всеобщей исторіи. Чайковскій приносилъ жалобу сейму на такое распоряженіе о польской кафедрѣ; сеймъ принялъ живое участіе въ этомъ вопросѣ, но пренія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и самое печатаніе ихъ было запрещено. Профессоръ греческой словесности, докторъ философіи Германъ Шугтъ, преподававшій вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскій языкъ, былъ уволенъ безъ всякой пенсіи, потому что греческій языкъ отнесли къ богословскому факультету, а преподаваніе англійскаго совсѣмъ закрыли. Съ профессоромъ философіи, Іосифомъ Янковскимъ, поступали безъ всякой церемоніи: то заставляли его подать въ отставку, ибо онъ, кромѣ того, занималъ мѣсто секретаря университетскаго совѣта, то снова возвращали ему кафедру. По новому уставу, ни одинъ профессоръ не могъ занимать еще другую должность; особенно строго запрещалось соединять званіе профессора съ обязанностями адвоката. Тѣмъ не менѣе Адаму Брыжановскому, Феликсу Слотвинскому, Іосифу Янковскому и Антонію Матаевичу разрѣшено было имѣть двѣ должности, между тѣмъ какъ остальнымъ профессорамъ то же самое запрещалось. Но такъ хотѣлось всемогущимъ правителямъ тогдашняго университета: Шиндлеру, Бродовичу и Вейсу. Столь же различно поступалъ университетскій комитетъ и съ преподавателями языковъ и искусствъ: лекторъ итальянскаго языка, Торе, уволенъ безъ всякаго вознагражденія, ибо самый предметъ его вычеркнуть изъ программы; учитель танцевъ, Куде, получилъ пенсію въ 600 злотыхъ, а учитель верховой ѣзды, Познанскій, переведенъ въ техническую школу съ обязательствомъ подчиниться конкурсу. Наконецъ, по прежнему уставу краковскій университетъ имѣлъ право приглашать особыхъ преподавателей по предметамъ, для которыхъ уже имѣлись профессора. Такіе преподаватели обыкновенно читали спеціальныя курсы и готовились къ профессорскому званію. Новый уставъ исключилъ изъ университетской корпораціи такихъ преподавателей, и два изъ нихъ: Янъ

Ржезинскій и Антоній Гельцель, изъ коихъ первый преподавалъ право наследственное, а второй исторію древнихъ польскихъ законодательствъ, лишены были преподаванія и надежды занять со временемъ профессорскія мѣста. Вообще, относительно замѣщенія свободныхъ кафедръ, Шиндлеръ, Вейсъ и Бродовичъ, изъ коихъ первые два имѣли связи съ иноземными университетами, а послѣдній вторилъ имъ ради личныхъ интересовъ, внесли въ новый университетскій уставъ (§ 47) такое правило: «какъ письменныя работы, представляемыя конкурентами, такъ и отзывы профессоровъ о каждомъ въ отдѣльности кандидатѣ должны быть пересылаемы въ заграничныя университеты для полученія мнѣній о достоинствахъ кандидатовъ, ищущихъ занять свободную кафедру». Само собою разумѣется, что не только ученое сословіе Кракова, но и простые обыватели его были въ негодованіи отъ такого предписанія: они считали эту статью унижительной для Ягеллонскаго университета, ибо въ какой землѣ можно было указать на университетъ, подчиненный контролю и суду чужеземныхъ университетовъ? По прежнему статуту (§ 22) и по статьѣ 38-й временнаго устройства, конкурсы въ краковскомъ университетѣ обыкновенно разрѣшались такимъ образомъ: при равенствѣ способностей и знаній оказывалось предпочтеніе туземцу предъ чужестранцемъ. По новому уставу, никто не могъ занять кафедру безъ конкурса, за исключеніемъ ординарныхъ профессоровъ того же факультета при университетахъ, находящихся въ земляхъ покровительствующихъ дворовъ. Это условіе давало поводъ думать, что главною цѣлью, которую преслѣдовали Шиндлеръ и Вейсъ, было наполненіе краковскаго университета нѣмецкими профессорами, ибо ужь, конечно, нельзя было ожидать наплыва русскихъ профессоровъ, въ которыхъ былъ недостатокъ и самой Россіи. Кромѣ того, Шиндлеръ съ товарищами достигъ чрезъ преобразование университета полного владычества надъ нимъ, ибо въ академическомъ сенатѣ засѣдали или они, или ихъ сторонники: ректоръ Карлъ Губе, деканы: Шиндлеръ, Слотвинскій, Бродовичъ и Вейсъ. Даже въ главномъ публичномъ совѣтѣ управлявшемъ учебными дѣлами краковской республики, заседали тѣ же лица: Шиндлеръ, какъ директоръ гимназій, Вейсъ какъ намѣстникъ прусскаго консерватора Ансильона, Бродовичъ намѣстникъ князя Меттерниха, Слотвинскій, намѣстникъ Залузкаго; только одинъ комиссаръ краковскаго правительства, Карлъ Губнеръ, не принадлежавшій къ университетской корпораціи стоялъ въ сторонѣ отъ борьбы партій. И дѣйствительно, съ то

времени, о которомъ мы говоримъ, начинается приливъ нѣмецкихъ профессоровъ въ краковскій университетъ, преимущественно изъ Австрій; польскій элементъ ослабляется и мало по-малу получаетъ второстепенное значеніе. Шиндлеръ, бывшій потомъ послѣднимъ президентомъ краковскаго сената, съ первой же поры своей дѣятельности явился ревностнымъ проповѣдникомъ австрійскаго вліянія въ Краковѣ, а университетскій уставъ 1833 года давалъ ему всѣ средства къ тому.

Преобразование коснулось и другихъ учебныхъ учреждений Кракова, находившихся до тѣхъ поръ въ связи съ Ягеллонскимъ университетомъ. Академія изящныхъ искусствъ, основанная при университетѣ въ 1818 году, была уничтожена реорганизаціонною комиссіею. Одинъ изъ ея профессоровъ, Войтъхъ Штадлеръ, назначенъ былъ профессоромъ вновь открытой технической школы. Онъ былъ извѣстенъ не только на родинѣ, но и за границей своими произведеніями, но такъ какъ принятъ былъ въ профессору при временномъ управленіи, то на него возложено было обязательство подчиниться конкурсу. Профессоры Янъ Бизанскій, Янъ Главацкій и Іосифъ Зонтагъ, трудившіеся при академіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ особыхъ бесплатныхъ преподавателей, но съ правомъ занять со временемъ катедры, были все уволены отъ службы, и только въ послѣдствіи Зонтагъ назначенъ былъ профессоромъ живописи. Съ катедрой гравированія и резьбы, которую предполагалось перенести въ техническую школу, произошелъ весьма гласный скандалъ. Конкурентами на катедру ея явились два художника: польскій—Татаркевичъ и нѣмецкій—Шимсеръ. Послѣднему поворовительствовали Шиндлеръ, Янъ и Бродовичъ. По работамъ обоихъ, выставленнымъ публично, несомнѣнное первенство принадлежало Татаркевичу. Оставшихъ подвергнуть ихъ педагогическому конкурсу. Ректоръ Карлъ Губе, бывшій тогда и директоромъ академіи изящныхъ искусствъ, стараясь всякими мѣрами уронить Татаркевича и даже рѣшился публично утверждать, что иностранные преподаватели должны быть предпочтительны туземнымъ. Несмотря на присутствіе комиссаровъ поворовительствующихъ дворовъ, онъ запретилъ Татаркевичу читать объяснительную лекцію о предметахъ, находившихся на выставкѣ. Публика встрѣтила такое распоряженіе сильнѣе вопотомъ. «Мы здѣсь не поляки», твердилъ Губе, «что намъ за васъ полякири?» Въ отвѣтъ на это изъ публики послышались упреки въ «этранжоманіи». Наконецъ, австрійскій комиссаръ баронъ фонъ-Пфлюгель, опасаясь скандала, остановилъ Губе

и пригласилъ Татаревича прочесть лекцію. Торжество Татаревича надъ его конкурентомъ было несомнѣнно. Тогда Шиндлеръ съ товарищами пустилъ въ ходъ мысль, что каеэдра гравированія не нужна для технической школы. Въ периодическихъ изданіяхъ началась полемика какъ по этому вопросу, такъ и о художественной выставкѣ, и Францъ Сапальскій поддерживалъ на этотъ разъ партію Шиндлера. Какъ бы то ни было, каеэдра гравированія уничтожена.

По старому уставу, при Ягеллонской академіи существовали два лицея, св. Анны и св. Варвары: первый преобразованъ былъ въ пятиклассную гимназію; второй оставленъ въ прежнемъ видѣ на одинъ годъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ его замѣнила техническая школа, устройство которой поручено сенату. Изъ профессоровъ же обоихъ лицеевъ составлена была одна корпорація, разумѣется уменьшенная, вслѣдствіе чего многіе изъ преподавателей были уволены или съ незначительною пенсіей, или безъ всякаго вознагражденія. Первой участи подверглись: профессоръ лицея св. Анны Людвигъ Косицкій, профессора того же лицея: Михаилъ Лущкевичъ, Антоній Гижинскій, Павелъ Флоркевичъ, и профессора лицея св. Варвары: Раймундъ Войцеховскій, Янъ Новинскій, Петръ Фіалковскій, Гавріиль Левернъ; всѣ они получили пенсію въ 1,200 злотыхъ; но Іосифъ Мучковскій, Янъ Главацкій и Петръ Марковъ не получили и того. Однакожъ сеймъ назначилъ Главацкому пенсію въ 1,000 злотыхъ; Мучковскій въ концѣ года перемѣщенъ былъ въ бібліотекари университета, а Марковъ учителемъ начальной школы при церкви св. Николая. Всѣ эти перемѣны въ составѣ преподавателей обоихъ лицеевъ произведены были съ утвержденія Шиндлера, который тогда носилъ званіе главнаго директора лицеевъ, и по указанію одного изъ его приверженцевъ, профессора въ лицей св. Варвары, Николая Тырховскаго, который уже давно добивался званія проректора. Получивъ теперь это званіе въ лицей св. Анны, онъ подобралъ себѣ лишь тѣхъ профессоровъ, на безмолвное послушаніе которыхъ могъ рассчитывать.

Начальныя, или такъ-называемыя приходскія школы, существовавшія какъ въ самомъ Краковѣ, такъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ округа, равнымъ образомъ пансіоны и монастырскія школы для дѣвицъ, не обратили на себя вниманія реорганизаціонной комиссіи и ея сотрудниковъ; окончательное устройство ихъ поручено было самому сенату, который, однакожъ, не имѣлъ времени заняться этимъ дѣломъ. До тѣхъ поръ онѣ за-

встѣли отъ университета, но съ 1833 года ими могъ заниматься главный училищный совѣтъ, гдѣ Шиндлеръ былъ всевластнымъ членомъ. Неудивительно, что и въ начальныхъ школахъ проведены были нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ.

Едвали какое-либо изъ другихъ учрежденій вольнаго города Бракова подверглось въ 1833 году такому разгрому, какъ университетъ и принадлежавшія къ нему школы. Университетъ потерялъ свои старинныя привилегіи; его ректоръ лишень былъ прежняго верховнаго значенія въ школьныхъ дѣлахъ; всѣ распоряженія перешли въ руки главнаго училищнаго совѣта, слабо подчиненнаго краковскому сенату. Наиболѣе же замѣтною для современниковъ стороною преобразованія было увольненіе, переименіе и даже преслѣдованіе нѣкоторыхъ преподавателей, что объясняется борьбою партій, которая привела къ торжеству нѣмецкаго элемента, преимущественно австрійскаго.

Нилъ Поповъ.



ПО БЕРЕГУ МОРЯ

Легенда.

Задумчивъ и скученъ гуляетъ Кануть
По берегу моря со свитой;
Тяжелыя мысли Канута гнетуть,
Видѣнья прошедшаго грозно встаютъ
Въ душѣ его, скорбью убитой.

Онъ властью другихъ превзошелъ королей,
Далѣко гремитъ его слава;
И много обширныхъ земель и морей
Имѣеть Кануть подъ рукою своей,—
Но многое добылъ неправо.

Онъ грозный властитель и храбрый боецъ,—
Его не пугаетъ измѣна,
Незыблемъ его королевскій вѣнецъ;
Но многою кровью свой мечъ-кладенецъ
Омылъ онъ, суровый сынъ Свена.

Тоска его сердце немолчно грызеть.
Могучій, онъ царствовалъ славно;
Но властью своей угнеталъ онъ народъ,
И кровь неповинныхъ къ Тому вошетъ,
Кого онъ позналъ лишь недавно.

Навѣкъ онъ отрекся отъ вѣры отцовъ,
 Язычника грозный наслѣдникъ,
 И нѣтъ въ немъ жестовости прежней слѣдовъ:
 Не тщетно завѣтъ благодатный Христовъ
 Ему возвѣстять проповѣдникъ!

Когда онъ крестился во имя Отца,
 И Сына, и Духа Святого, —
 Свершилося въ тайнѣ прозрѣнье слѣнца:
 Его озарило Судьи и Творца
 Святое, великое слово...

Гладь синяго моря тиха и свѣтла,
 Вечерней зарею алѣетъ;
 Но смутенъ властитель, въ душѣ его мгла,
 Ему королевская власть не мила,
 Былое надъ нимъ тяготѣетъ.

Придворные видятъ, что надо развлечь
 Упорную скуку владыки
 И бремя печали съ Канута совлечь;
 И вотъ начинаютъ хвалебную рѣчь:
 «Что грустенъ, король нашъ великій?

«Что значить ^{Овзвѣ}скучи и сумрачный видъ?
 Ты счастливъ, король величавый!
 Всѣ царств. земныя возьмешь ты на щить!
 Весь мѣръ золотыми лучами покрытъ
 Тебя озаряющей славы!

«И въ мирное время, и въ грозной борьбѣ
 Величье твое неизмѣнно,
 Ты сталъ повелителемъ самой судьбѣ.
 Весь сѣверъ подъ властью твоею. Тебѣ
 Нѣтъ равного въ цѣлой вселенной!»

Но въ льстивымъ рѣчамъ равнодушенъ Кануть,
 Утѣхи онъ въ нихъ не находитъ.
 Въ ногамъ его синія волны бѣгутъ
 И гнѣной морскою его обдають.
 Все ближе къ волнамъ онъ подходитъ.

«Глядите, глядите! — льстецы говорить, —
 Какъ волны морскія покорно
 Ложатся къ ногамъ повелителя въ рядъ.
 Глядите! и волны съ Канута хотятъ
 Смыть тѣнь его грусти упорной!

«Дивимся мы власти его и уму.
 Кто въ мѣрѣ таеъ силенъ и славенъ?
 Онъ въ жизни своей покорялся кому? —
 Но даже стихіи покорны ему...
 Онъ богъ, онъ Создателю равенъ!»

Тогда обратился властитель къ льстецамъ,
 И моливъ онъ грустно и строго:
 «Не Богу-ль я равенъ, по вашимъ словамъ? —
 Возможно-ль утихнуть шумящимъ волнамъ
 По волѣ могущаго Бога?»

Въ смущеніи свита стоитъ передъ нимъ.
 Придворные шепчуть тревожно:
 «Отвѣтить намъ должно; отвѣтомъ своимъ,
 Быть можетъ, мы грусть короля уладимъ». —
 И всѣ восклицаютъ: «возможно!

«И волны воздать тебѣ славу и честь
 Со страхомъ должны непритворнымъ!»
 Противна Кануту безстыдная лесть!
 И царское кресло на берегъ принести
 Велитъ онъ смущеннымъ придворнымъ.

На мѣстѣ, куда достигаетъ приливъ,
 Онъ кресло велитъ имъ поставить.
 Поставлено кресло. Онъ сѣлъ, молчаливъ.
 Льстецамъ онъ докажетъ, ихъ лесть посрамивъ,
 Что съ небомъ опасно лукавить.

И вотъ, обратившись къ шумящимъ волнамъ,
 Кануть говорить имъ: «я знаю,
 Что вы покоряетесь божьимъ словамъ.
 Смиритесь! Я двигаться далѣе вамъ
 На берегъ морской запрещаю!»

Сидит неподвижно могучій Кануть;
 Придворные жмутся въ тревогѣ,
 А волны морскія растутъ и растутъ,
 Одна за другою на берегъ ползутъ
 И лижутъ Канутовы ноги.

Холодныя брызги въ придворныхъ летать,
 Одежда ихъ гнѣной покрыта,
 Шумящія волны имъ смертью грозятъ...
 И прочь отъ Канута со страхомъ назадъ
 Бѣжить посрамленная свита!

Ихъ гонитъ суровый, ревущій прибой,
 Опасность льстецовъ испугала.
 Кануть поднялся, упираясь ногой,—
 И кресло его набѣжавшей волной
 Въ открытое море умчало.

Все громче реветъ и бушуетъ вода,
 И мечутся волны сердито—
 Нельзя уже съ ними бороться!—Тогда
 Король отступилъ—и подходитъ туда,
 Гдѣ въ страхѣ столпилася свита.

«Теперь вы скажите,—Кануть говорить,—
 Мнѣ, вѣрные слуги: великъ ли
 Король вашъ божественный?..» Свита молчитъ;
 Терзаетъ льстецовъ оповоренныхъ стыдъ,
 Они головами понизгли.

Страхъ близкой опалы уста заковалъ
 Имъ, гнѣвомъ владыки убитымъ.
 «Языкъ вашъ лгуавый меня приравнялъ
 Къ Тому, Кто мнѣ силу и власть даровалъ,—
 Сурово король говорить имъ.—

«Надъ нами святая небесъ благодать,
 Дано мнѣ Создателемъ много;
 Но знайте: движенъемъ стихій управлять
 И море въ границахъ его удержать—
 Во власти единаго Бога!»

И. СУРИКОВЪ.



ШЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon
par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et C^{ie}. 1875. Tomes I-VIII.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

„...Je serai philosophe quand il plaira
à Dieu, *probablement jamais*. Quand je
serai mort, je prie mes amis de faire
mettre sur ma tombe: *Studebat philo-*
sophiae.“

Correspond. t. I, p. 314

„...Il paraît aussi difficile d'admettre
mes idées que de les réfuter.“

Ibid. p. 333.

Появленіе перваго тома полной переписки Прудона отмѣча-
лось, въ концѣ 1874 года, какъ *событіе*. Такъ встрѣтили
изданіе не только французскіе журналы, но и всѣ почти сер-
ьезныя органы нѣмецкой, англійской, итальянской прессы, безъ
личія оттѣнковъ. И въ самомъ дѣлѣ, посреди безурядицы поли-
тической жизни во Франціи и пошлости обыденныхъ новостей
Парижа, переписка Прудона возстала во всей своей силѣ, искре-
нности и знаменательной суровости. Впечатлѣніе перваго тома
было тѣмъ несомнѣннѣе, что въ немъ любители *скандаловъ*
пикантныхъ разоблаченій не нашли нивагой пищи своему лю-

пытству. Этотъ первый томъ заключаетъ въ себѣ преддверіе въ ту эпоху, какъ имя Прудона сдѣлалось знаменемъ и авторитетомъ, и состоитъ изъ интимныхъ писемъ, въ высшей степени важныхъ для характеристики Прудона, какъ мыслителя, съ первыхъ шаговъ его авторской дѣятельности, но почти совершенно лишенныхъ интереса личнаго, анекдотическаго, въ смыслѣ портретовъ людей политическаго и литературнаго міра. Отзывъ всѣхъ лучшихъ журналовъ, возбѣдившихъ публикѣ появленіе переписки Прудона, былъ единодушный въ отношеніи достоинствъ самихъ писемъ, какъ произведеній слова, и ихъ поражающей и привлекательной цѣльности, убѣжденности, характерности. Человѣкъ явился въ нихъ не только совсѣмъ живой, но и на такой нравственной высотѣ, о которой забыли критики, публицисты и моралисты, принужденные копать въ кучахъ разлагающихся умовъ и характеровъ современнаго человѣчества. Прудонъ - человѣкъ уже не въ первый разъ является въ своихъ письмахъ. Въ 1872 году вышла о немъ посмертная книга Сентъ-Бѣва, которому содѣлана была переписка Прудона. Съ документами въ рукахъ, тонкій и скептической критикъ второй имперіи нарисовалъ портретъ Прудона, подкрѣпивъ его выдержками изъ самыхъ характерныхъ писемъ. Но въ этомъ опытѣ біографіи собраны далеко не всѣ документы. Хорошо было и то, что такой человѣкъ и писатель, какъ Сентъ-Бѣвъ, прожившій весь свой вѣкъ въ воздушнѣмъ литературнаго скептицизма и политическаго равнодушія — съ яркой симпатіей обработалъ переписку Прудона, а личность его призналъ высоко-нравственной, стоящей выше всякихъ пошлыхъ обвиненій и порицаній. Но въ изображеніи Сентъ-Бѣва Прудонъ вышелъ, въ личномъ своемъ характерѣ, смягченнымъ, слаженнымъ, съ какимъ-то отбѣномъ сладости, каковаго въ немъ, конечно, не было. Это замѣчено было не только въ лагерѣ людей, но и поръ страстно относящихся къ имени и дѣятельности Прудона, но и людьми, стоящими на почвѣ спокойнаго анализа, или гражданскими его теоріямъ. Для насъ важно однакожь то, что благодаря книгѣ Сентъ-Бѣва, впервые выяснилась немного собственная натура Прудона и сущность его преобразовательныхъ стремленій; предстала также передъ нами и вся интимная жизнь Прудона, его неустанная борьба съ нуждой и неудачей, его жизненный характеръ, всѣ признаки его типическаго склада, который этнографическія особенности и условія житейской жизни, пройденной Прудонемъ, вошли самыми главными элементами и дали этому складу такую своеобразную окраску.

Но по поводу книги Сентъ-Бѣва, о Прудонѣ говорено было у

нась ¹⁾ два года тому назадъ, и тогда уже была намѣчена его фizioномія, какъ мыслителя. Теперь еще легче будетъ завѣрить массу читателей, что Прудонъ не былъ никогда тѣмъ ужаснымъ «революціонеромъ» и «анархистомъ», какимъ его прославили въ свое время. Въ той же статьѣ было объяснено, что на Прудона опять не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ученаго и на социальнаго философа, т.-е. какъ на научный авторитетъ по «соціологіи». Но Прудонъ попрежнему продолжаетъ играть въ глазахъ массы роль ходячаго недоразумѣнія, олицетвореннаго *qui pro quo*. Имя его сохраняетъ до сихъ поръ извѣстную притягательную силу для тѣхъ, весьма юныхъ натуръ, которыя въ каждомъ «запрещенномъ плодѣ» ищутъ разгадки мировыхъ задачъ. Рѣзкая форма Прудоновыхъ критикъ сдѣлала то, что онъ попалъ, даже во Франціи, въ разрядъ сочинителей «запрещенныхъ», и съ такимъ ярлыкомъ очутился въ рядахъ радикальныхъ авторитетовъ, богъ-о-богъ съ именами и ученіями, противъ которыхъ онъ самъ всю жизнь свою ратовалъ и словомъ, и дѣломъ. Не только въ средѣ полуграмотныхъ любителей всего разрушительнаго, но и между людьми, имѣвшими не разъ случай познакомиться ближе съ сочиненіями Прудона—немало попадаетъ наивно убѣжденныхъ въ томъ, что Прудонъ—*коммунистъ*, и проповѣдывалъ, первѣе всего, самый *отчаянный коммунизмъ!*.. И такого недоразумѣнія не искоренить общими отзывами о Прудонѣ, какъ бы эти отзывы ни были вѣрны. Для извѣстнаго рода читающихъ «любителей свободомыслія» Прудонъ останется въ томъ винегретѣ именъ, которыя составляютъ «отцовъ церкви» этихъ читателей. За именемъ Прудона, въ такомъ реестрѣ именъ, пойдетъ Луи-Бланъ, за Луи-Бланомъ—Миль, за Миллемъ—Пьеръ Леру, за Пьеромъ-Леру-Бокль, за Боклемъ—Фурье, за Фурье, пожалуй, хоть Гербертъ Спенсеръ или Тиндаль и т. д. Это *сваливаніе въ одну кучу* различныхъ характернѣйшихъ авторитетовъ—одна изъ выдающихся чертъ нашего умственнаго развитія. Не даромъ же въ «Дымѣ», Турнева, Губаревъ привязываетъ начитанному и всзнающему дету составить ему записку о народныхъ банкахъ «и по салю, и по Шульце-Деличу». Выведется это только однимъ способомъ—спокойнымъ и обстоятельнымъ обслѣдованіемъ умнаго пути каждаго авторитета, такъ чтобы каждый моментъ развитія былъ какъ на ладони; а общее его мировоззрѣніе оцѣнено безъ всякой дальнѣйшей возможности какаго бы то ни было толкованія. Такой работы дожидается теперь и Прудонъ.

¹⁾ См. „В. Е.“ 1873, мартъ, стр. 419 и слѣд.

Для насъ особенно важно подобное возстановленіе правды. У насъ слишкомъ много накопилось всякихъ «пугаль» и опасныхъ «звукѣвъ», положительно тормозящихъ дѣло научно-философскаго и общественнаго развитія. Накопилось не мало и особаго рода сентиментальности, недозволяющей обращаться съ идеями и личностями, безъ всякаго страха скомпрометтировать себя, какъ либерально-мыслящаго человѣка, или писателя. Много въ этомъ виноваты конечно и внѣшнія невыгодныя условія; но далеко не они одни. Давно бы можно было, помимо обстоятельствъ «независящихъ», подвергать положительному анализу цѣлый рядъ ученыхъ и сводить ихъ къ тому или иному *мировоззрѣнію*.

Изъ словъ нашихъ читатель можетъ легко заключить — и не ошибется при этомъ, — что главная задача настоящихъ этюдовъ о Прудонѣ — прослѣдить, съ документами въ рукахъ, зарожденіе и назрѣваніе его идей, и показать, къ какой совокупности, къ какому *синтезу* пришли эти идеи въ тотъ моментъ жизни Прудона, когда онъ уже вполне сложился, какъ мыслитель. Мы стараемся выполнить эту задачу — именно на основаніи явившейся теперь полной переписки Прудона. Трудно не согласиться съ мнѣніемъ Сентъ-Бѣва, что письма Прудона — «его главное произведеніе». Книжки же его, если не коментарій писемъ, какъ выразился Сентъ-Бѣвъ, то систематическое изложеніе того, что уже занесено или предварительно, или въ то же время въ переписку. Всякую черту, всякій поворотъ мысленія, всякій выводъ, проявляющій само *мировоззрѣніе*, мы выберемъ изъ писемъ Прудона, и, не называя ничего читателю, поможемъ ему дойти собственнымъ умомъ до того, какъ слѣдуетъ, въ концѣ-концовъ, характеристика Прудона. Читатель убѣдится въ томъ, что всѣ слова, поступки, формулы, фразы въ человѣкѣ мыслящемъ, и въ томъ таковомъ искренномъ и честномъ, какъ Прудонъ — вытекаютъ изъ того синтеза, къ которому онъ придетъ въ рѣшительный, срединный періодъ своей жизни. У Прудона это и случилось тогда, когда *мировоззрѣніе* окончательно складывается, т. е. сорока годамъ. Разъ принявши эту точку зрѣнія — а не принять ее нельзя — нечего уже останавливаться на противорѣчійхъ, несогласіяхъ, парадоксахъ, открываемыхъ въ томъ, что Прудонъ дѣлалъ въ разное время. Противорѣчія и ложныя идеи всякаго рода объяснятся не тѣмъ однимъ, что Прудону *не хватало* того или иного элемента въ развитіи, а тѣмъ, что отличало его мыслительную работу; другими словами — *не отрицательными признаками*, а главнымъ образомъ *положительными* признаками. Не вѣстѣ съ *мировоззрѣніемъ*, какъ результатомъ, насъ бу-

детъ занимать и *бытовая* личность Прудона; мы не будемъ никогда терять изъ виду того, гдѣ и въ какой средѣ онъ родился, какъ учился, что испыталъ, куда стремился и чѣмъ кончилъ. Первенствующая наша цѣль: выдѣленіе изъ переписки Прудона его научно-мыслительныхъ принциповъ, должна быть достигнута изученіемъ его «идейной» переписки, но постоянно—на почвѣ бытовой и біографической. Такой только методъ и можетъ быть плодотворенъ. Недостаточно показать, что человекъ такъ, а не иначе думалъ; надо дознаться и *почему* онъ своей жизнью былъ приведенъ къ этому образу мысленія, почему пошелъ вправо или влѣво, а не двигался по прямому пути, и наоборотъ. Первая наша статья обниметъ собою, какъ разъ, такой періодъ жизни и дѣятельности Прудона, когда міровоззрѣніе его, въ главныхъ своихъ устояхъ, сложилось; почему въ этомъ первомъ этюдѣ и необходимо намъ идти крайне осмотрительно, не пропуская ни одной мысли, ни одного, если возможно, слова, знаменующаго собою путь, который велъ Прудона въ извѣстному синтезу.

Сентъ-Бѣвъ собралъ и комментировалъ переписку Прудона только до 1848 г., съ прибавкой нѣсколькихъ лишь позднѣйшихъ писемъ. Друзья Прудона, при дѣятельномъ участіи его дочери, собрали теперь все, что сохранилось изъ писемъ его, и въ теченіи первой половины текущаго года издадутъ *восемь томовъ*, in 8°. Предисловіе съ большой выпиской изъ характеристики писемъ, сдѣланной Сентъ-Бѣвомъ, и краткимъ очеркомъ жизни Прудона составлено однимъ изъ его пріятелей-душеприкащиковъ — Ланглуа. Первый томъ начинается *странными* числами писемъ съ 1837 г. и захватываетъ періодъ до 1842. Второй идетъ вплоть до 1850 г. Эти два тома, служащіе документальнымъ подтвержденіемъ нашей первой статьи—обнимаютъ собою самый важный для насъ періодъ; послѣ 1850 года пойдутъ уже *подробности*, а все главное созрѣло и высказано именно въ этотъ періодъ.

I.

Мнѣніе Сентъ-Бѣва въ его характеристикѣ писемъ Прудона известно и по русскимъ переводнымъ выпискамъ. Чѣмъ больше вчитываетесь въ эти письма, тѣмъ слова Сентъ-Бѣва дѣлаются все убѣдительнѣе и убѣдительнѣе. Мало того, что въ каждомъ своемъ письмѣ Прудонъ вѣренъ самому себѣ, въ высокой степени прямъ и искрененъ, обращается всегда къ своему корреспонденту, а не дѣлать въ потомство, и никогда не рисуется — форма писемъ, ихъ пошибъ, ихъ словесный и бытовой складъ — все это необыкновенно замѣчательно; главнымъ образомъ потому, что *такъ писалъ французъ*.

Чтобы согласиться съ нами, слѣдуетъ только вспомнить, какой умственный и эпистолярный типъ представляютъ собою вообще печатныя письма французовъ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ любителей скорыхъ афоризмовъ, которымъ ничего не стоить поголовно обвинять въ чемъ угодно ту или иную націю. Но вѣлья же не сказать, что историческія и воспитательныя вліянія дѣлаютъ всѣхъ почти пишущихъ французовъ наклонными къ известнаго рода умственнымъ слабостямъ и діалектическимъ общимъ мѣстамъ. Вотъ этихъ-то двухъ особенностей и не видать въ Прудонѣ-корреспондентѣ. Возьмите любое письмо его, особливо изъ тѣхъ, гдѣ онъ высказывается о чемъ-нибудь, касающемся его внутреннего «я» — точно будто вы читаете прекрасно сдѣланный переводъ съ письма англичанина, или *хорошаго* нѣмца, или русскаго, какиихъ создала новая эпоха нашего развитія. Кромѣ нѣкоторыхъ *формулъ* вѣжливости и письменнаго слога, ничего нѣтъ въ этихъ письмахъ *казенно-французскаго*, если намъ позволено такъ выразиться. И, несмотря на то, Прудонъ является въ нихъ истиннымъ французомъ, въ наилучшемъ смыслѣ, т.-е. любящимъ сыномъ своей родины, съ характерными бытовыми чертами своей мѣстности, съ горячими симпатіями не только ко всей странѣ, не только къ огромной семьѣ французскихъ рабочихъ; но и къ своему Безансону, къ землякамъ, товарищамъ, родственникамъ, друзьямъ. По нашему мнѣнію, въ Прудонѣ-то и проявились *настоящія* черты француза; а то, что сказывается обыкновенно въ письмахъ литературныхъ и другихъ знаменитостей — отрицательныя культурныя привычки, заслоняющія народный складъ характера и ума. Кто живаль, хоть немного, съ французскими крестьянами, особливо въ средней или сѣверной полосѣ Франціи, знаетъ, что въ нихъ преобладающія свойства — здравый смыслъ

(«le gros bon sens gaulois»), положительность, расчетъ, отсутствіе фразы и той традиціонной легкомысленности, которая припишена къ французамъ всѣми европейскими народами. Прочтите бальзаковскихъ «Paysans», даже крестьянскіе романы Жоржъ-Зандъ (въ бытовой ихъ половинѣ), и вы согласитесь, что приведенныя нами свойства дѣйствительно преобладаютъ въ народной французской массѣ. Въ новѣйшей литературѣ бытовья изображенія въ романахъ Эрмана-Шатриана подтверждаютъ то же самое. Вотъ, это-то ядро народнаго умственнаго и нравственнаго склада и проявляется во всѣхъ письмахъ Прудона. Оно-то и сохранилось въ немъ нетронутымъ; не выѣла его шеольная и академическая рутина; не поддалась она парижскому, централизованному вліянію, всей французской патриотической и литературной «казенщинѣ». Языкъ Прудона, колоритъ и направленіе его мыслей, его, такъ сказать, прирожденные вкусы, симпатіи, стремленія и антипатіи всего лучше показываютъ, какія силы хранятся въ массѣ французскаго народа и къ чему эта масса была бы способна, еслибъ политическое и академическое ея развитіе шло по другому пути. Врядъ ли какой романъ дастъ намъ такой полный типъ француза-простолюдина, какъ переписка Прудона. Нѣтъ въ ней ни одной черты напускной, навязанной условностью внѣшнихъ вліяній: все—и хорошее, и дурное, и широкое, и ограниченное, отзывается не только народно-французскимъ, но и *безансонскимъ*, мѣстно-бытовымъ грунтомъ—«sentant le cru et le terroir», слѣдуя французскимъ поговоркамъ.

Въ особенности, патриотизмъ Прудона поражаетъ своимъ здоровымъ отбѣнкомъ. Французы, играющіе роль въ политическомъ мірѣ, да и вообще желающіе разсуждать о дѣлахъ родины—только въ минуты всеобщаго погрома могутъ рѣзко осуждать поведеніе націи и говорить самими себѣ горькія истины. Да и то—такія филиппики похожи больше на крики уязвленнаго тщеславія, чѣмъ на доводы яснаго и строгаго самопознанія. Пройдетъ бѣда, или улягутся немного страсти—и опять всплываютъ поверхъ всего—задоръ, самообманъ, фанфаронство, невѣжественная увесость взглядовъ—неизбѣжные спутники «шовинизма». Ничего подобнаго не найдете вы въ письмахъ Прудона. Когда читаешь его мнѣнія о текущихъ французскихъ дѣлахъ, или отзвы о личностяхъ, идеяхъ, нравахъ изъ его парижской или провинціальной жизни, точно будто вы слышите рѣчь иностранца, неподкупеннаго никакимъ пристрастіемъ къ Франціи. Любовь Прудона къ отечеству выражается, всегда и вездѣ, голой правдой, часто слишкомъ ранними пророчествами гибели, и не останавливается ни предъ какою рѣз-

костью, когда онъ чѣмъ-нибудь глубоко возмущенъ. Но ошибутся сильно тѣ, кто его приметъ за космополита. Онъ былъ слишкомъ простолюдинъ, чтобы довольствоваться отвлеченной идеей общечеловѣчности. Несмотря на свои житейскія неудачи, Прудонъ былъ и слишкомъ хорошій дѣлецъ, чтобы расплываться въ стремленіяхъ «Weltsschmerz'a». Онъ не переставалъ желать: — сдѣлать что-нибудь крупное, оживляющее, коренное, прежде всего, для Франціи, для своего народа, для французскаго простолюдина, французскаго мужика. Затѣмъ, когда идея его получила бы осуществленіе у себя дома, онъ радъ былъ бы распространить ее и на весь культурный міръ. Въ немъ, болѣе чѣмъ въ обыкновенныхъ французскихъ пропагаторахъ, видимъ мы желаніе мѣняться идеями и результатами соціальной науки съ другими народами. Не зная новѣйшихъ языковъ (по-нѣмецки Прудонъ такъ и не выучился), онъ старался всячески знакомиться съ тѣмъ, что писалось и дѣлалось въ Англии и въ Германіи. Совершенно такъ, какъ нашъ Бѣлинскій, онъ заставлялъ пріятелей своихъ — излагать ему, устно и письменно, цѣлыя системы и теоріи, недоступныя ему въ оригиналѣ. И какъ провинціалъ, выработалъ онъ изъ себя серьезный и симпатичный типъ француза, не перестававшаго протестовать противъ всепоглощающаго значенія Парижа. Чистыхъ парижанъ немного найдется среди дѣятелей политическаго, научнаго и литературнаго міра. Сколько пріѣзжаетъ и пріѣзжало въ Парижъ провинціаловъ добиваться извѣстности или громкой славы, возможной только въ столицѣ. Каждый изъ нихъ сохраняетъ, болѣе или менѣе, свой бытовой оттѣнокъ въ говорѣ, нравахъ, привычкахъ; но умственный складъ, обыкновенно, пріобрѣтаетъ парижскій отпечатокъ. Не только иностранцу, но и французу трудно отличить одного писателя отъ другого, въ смыслѣ бытовой самостоятельности идей, стремленій и задачъ. А Прудонъ не переставалъ охранять свое провинціальное «я» отъ всѣхъ соблазновъ и заразы Парижа. Споры нѣтъ, въ его выходкахъ (уже извѣстныхъ и въ русскомъ переводѣ) противъ столицы Франціи есть не мало одностороннихъ выводовъ и сужденій; но основное чувство, диктовавшее ихъ — здоровое нравственное чувство; сильный умственный протестъ, неисторченный общественный инстинктъ слышатся во всемъ этомъ безперемонномъ ворчаньи. Такъ можетъ и чувствовать, и мыслить, и выражаться только тотъ, кто и выросъ, и сложился въ человѣка — вдали отъ увлеченій, причудъ, суевъ и деморализаціи Парижа. Прудонъ не былъ «федералистомъ», или «сепаратистомъ», какіе водятся теперь во Франціи, онъ не признавалъ необходимости отложенія отъ центра юга или во-

стока французской территоріи; но онъ постоянно стоялъ за интересы своего края и горячо желалъ, чтобы каждая этнографическая мѣстность имѣла свой центръ, и въ социальномъ, и въ интеллигентномъ отношеніи. Ему хотѣлось, чтобы его Безансонъ имѣлъ и дѣльную академію, и нѣсколько вліятельныхъ журналовъ, и свою книжную литературу. Малѣйшее проявленіе мѣстнаго прогресса было для него дороже всякихъ шумныхъ и эфемерныхъ диковинокъ Парижа, зарождающихся и умирающихъ на бульварѣ. Чувствуй и рассуждай такъ, какъ онъ, хоть одна треть французскихъ дѣятелей—Франція не принуждена была бы такъ часто и больно кусать себѣ локти. Можно безошибочно утверждать, что еслибъ Прудонъ дожилъ до іюля 1870 года, онъ всѣми силами—въ печати или на трибунѣ—воздерживалъ бы своихъ соотечественниковъ отъ войны съ нѣмцами, охлаждая ихъ порывы доводами здраваго ума и точныхъ цифровыхъ данныхъ...

Словомъ, въ Прудонѣ всѣ особенности личности и характера сложились и сохранились подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстнаго быта, не помѣшавъ ему выразить собою и всѣ почти лучшія свойства обще-французскаго народнаго типа...

Но не роковая ли это судьба всѣхъ подобныхъ людей—биться всю свою жизнь «какъ рыба объ ледъ» въ борьбѣ съ неудачей, быть мгрушкой нужды и обстоятельствъ, а еще чаще общественной неурядицы и анархіи?.. Извѣстно, какъ прожилъ Прудонъ на свѣтѣ. Его біографія встрѣчалась часто въ русской печати; мы ее не станемъ повторять здѣсь; намѣтимъ только главные моменты этой трудовой и нерадостной «карьеры». Сначала, дѣтство въ бѣднѣйшей семьѣ работника-бочара и швела, бывшая для Прудона-мальчика источникомъ нравственныхъ страданій и тѣлесной тяготы: ни сапогъ, ни шляпы не было у него, ни франка денегъ на покупку книгъ: онъ ихъ переписывалъ самъ. Учиться могъ онъ только до той минуты, когда нужно было идти на заработки. Типографскимъ наборщикомъ въ Безансонѣ—своемъ родномъ городѣ—а потомъ вочующимъ рабочимъ существуетъ онъ на скудный трудовой хлѣбъ. За работою продолжаетъ онъ учиться, и метранажемъ можетъ уже потягаться съ любымъ гуманистомъ по части не только классическихъ языковъ, но и еврейскаго, который онъ выучиваетъ набирая біблію. Только было завелъ онъ съ компаньономъ небольшую типографію, какъ послѣдній кончилъ самоубійствомъ и Прудонъ, вмѣсто барышей, долженъ былъ болѣе десяти лѣтъ убыточно возиться съ этой типографіей, давшей ему подъ конецъ десять слишкомъ тысячъ франковъ чистаго долга. Какъ

и чѣмъ онъ существуетъ въ этотъ періодъ? Трехлѣтней стипендіей, изъ которой двѣ-трети онъ отсылаетъ домой на уплату долговъ и поддержку близкихъ; потомъ частной службой судоприващика у людей богатыхъ и признательныхъ ему; но изъ этой многолѣтней службы онъ вышелъ такимъ же круглымъ бѣднякомъ, какимъ и вступилъ въ нее. Вотъ мы и дошли уже до эпохи, когда событія 1848 года выдвинули его впередъ. Но развѣ они дали ему солидное положеніе или матеріальную обеспеченность?!.. Какъ издатель журнала и какъ депутатъ, Прудонъ попадалъ изъ одной бѣды въ другую: запрещенія, процессы, тюрьма — вотъ обстановка его дѣятельности. Его разорили какъ журналиста и основателя банка; его выдали товарищи-депутаты, и даже женился онъ на бѣдной работницѣ, сидя взаперти!.. Только-что онъ вышелъ изъ тюрьмы, какъ начались новыя преслѣдованія, кончившіяся бѣгствомъ въ Бельгію, гдѣ онъ существовалъ усиленнымъ трудомъ литературнаго пролетарія. Даже въ Бельгіи долженъ онъ былъ убѣжать до истеченія срока своего изгнанія, а послѣдніе годы доканчивалъ въ безвѣстности политическаго памфлетиста, въ той же нуждѣ, съ четырьмя дѣтьми, безъ всякой прочной работы, съ совершеннымъ разстройствомъ организма, потрясеннаго, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, страшнымъ холернымъ случаемъ.

Вотъ какая мрачная и злосчастная *карьеря* наполняетъ собою промежутокъ въ пятьдесятъ-шесть лѣтъ, раздѣляющій эти два числа: 15-ое января 1809 г., день его рожденія, и 19-го января 1865 г. — день его мучительной смерти, на рукахъ жены, свояченицы и того друга, который издаетъ теперь, вмѣстѣ съ его дочерью — и переписку, и всѣ неизданныя посмертныя сочиненія.

Но стоить только прочесть хоть одинъ томъ писемъ этого неудачнаго искателя положенія (такимъ считалъ себя и Прудонъ, конечно, *по-своему*), чтобы убѣдиться въ могучемъ самообладаніи, съ какимъ онъ бился въ схваткѣ съ судьбой.

II.

Къ чему же сводилось умственное развитіе Прудона въ ту эпоху, съ которой начинается собраніе его писемъ, помѣченныхъ точными числами, т.-е. въ 1837 году? До этой эпохи, въ первомъ томѣ «Переписки», мы находимъ всего *пять* писемъ въ г. Мирану, совсѣмъ безъ означенія настоящаго года, но несомнѣнно изъ 30-хъ годовъ, раньше 1837-го года; и одно письмо

къ Вейссу, помѣченное 1836-мъ годомъ. Этотъ Вейссъ былъ членъ безансонской академіи, къ которой Прудонъ задумалъ обратиться для полученія стипендіи «Сюара». Его докладная записка и открываетъ собою въ «Перепискѣ» рядъ писемъ съ вполне точными числами. Она помѣчена 31-мъ мая 1837 года.

Прудону пошелъ въ 1837 году—*двадцать-восьмой* годъ. При его здоровой, крупной, рано сложившейся натурѣ, такой возрастъ вполне достаточенъ для выработки не только нравственнаго характера въ его видовыхъ чертахъ, но и главныхъ особенностей умственнаго склада.

Мы знаемъ, что онъ учился, какъ у насъ говорятъ: «на мѣдныхъ деньги». Наборщикъ, не могшій даже по бѣдности вѣнчить гимназическаго курса, принужденный ходить по разнымъ городамъ искать работы и изучать свое дѣло, долженъ былъ довольствоваться ролью самоучки. Книги, попадавшіяся ему въ руки, на всемъ протяженіи его юношескихъ и молодыхъ лѣтъ, въ званіи простаго наборщика и мастера-типографа — были, по преимуществу, книги *словесныя*. Этотъ фактъ (какъ читатель увидитъ самъ) направилъ мысль Прудона по такому пути, по которому онъ не пошелъ бы, еслибъ его подготовительное развитіе совершилось—съ другими книгами въ рукахъ. Прудонъ набиралъ и читалъ, почти исключительно, теологическія и филологическія сочиненія. Этотъ почти исключительный—не выборъ—а сортъ чтенія, навязанный ему его ремесломъ, долженъ былъ, въ свою очередь, питать его любовательность и мозговую энергію. Мы и знаемъ, дѣйствительно, что онъ—въ типографіи выучивается хорошо по-латыни и по-гречески; мало того, овладѣваетъ еврейскимъ языкомъ и начинаетъ серьезно интересоваться филологіей и научной лингвистикой. Его голова была такъ хорошо организована, что не могла ограничиться одной *формальной стороной* знанія; этой головѣ нужна была высшая работа: очистка, анализъ, сортировка, факты, отыскиваніе и установленіе законовъ. Будь у Прудона въ этотъ *зрѣдательный* періодъ его интеллигенціи другой матеріалъ, онъ и къ нему сталъ бы прилагать то же стремленіе: обобщить, найти законы, формулировать ихъ ясно и точно. Но мы ни въ чемъ не видимъ, ни въ перепискѣ, ни въ сочиненіяхъ Прудона, ни въ біографическихъ этюдахъ о немъ, чтобы онъ — юношей и молодымъ человекомъ — изучалъ *природу и ея законы*. Кромѣ теологическихъ и филологическихъ сочиненій — онъ поглощалъ все, что могъ найти для себя занимательнаго—по исторіи и *метафизикѣ*. Мы нарочно подчеркнули эту послѣднюю, чтобы сразу же указать на складъ

мышления, выработанный Прудонемъ. Слово «метафизика» покажется, быть можетъ, страннымъ въ его примѣненіи къ такому реальному и безпощадному критику. Мы его удержимъ, однакожъ, и постараемся показать, въ нашемъ анализѣ писемъ Прудона, что его «критика», при всей ея частичной правдѣ, мѣткости, глубинѣ и соответствіи съ законами движенія общества— все-таки держалась за такой мыслительный синтезъ, въ которомъ исходная точка была—метафизическая, а не строго-научная.

Что же видимъ мы, въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ порахъ синтетической дѣятельности Прудоновой головы? Онъ, безъ всякаго дѣтства, совершенно серьезно, и притомъ искренно и увѣренно, хочетъ, ни больше, ни меньше, какъ отыскать и установить законы образованія языковъ, съ однимъ своимъ запасомъ лингвистическихъ фактовъ. Онъ не задумывается надъ тѣмъ, что для выполненія его задачи необходимы обширныя знанія по антропологии. И это—въ немъ—не пустое легкомысліе, а простое незнакомство съ тѣмъ, съ чего слѣдовало бы ему начать. То же будетъ повторяться и впослѣдствіи. Мы увидимъ, какъ Прудонъ станетъ нагромождать свои системы знанія и мышленія, проявляя въ этой геркулесовой работѣ самыя могучія силы и находясь въ невѣдѣніи того, что уже сдѣлано, что уже добыто, на основаніи болѣе точнаго научно-философскаго метода. Говоря это, мы нисколько не ломаемъ копья за школьную процедуру умственнаго развитія, особливо во Франціи, гдѣ преобладаетъ и до сихъ поръ педанство и односторонность классицизма. Но можно и самому учиться, и не быть жертвой односторонней подготовки. Прудонъ ни мало не виноватъ въ томъ, что типографія вложила ему въ руки, на первыхъ порахъ его развитія, тѣ, а не инныя книги. Его голова способна была извлечь все лучшее изъ всякаго чтенія. Но односторонность этого чтенія взяла свое, а дальнѣйшая жизнь не позволила уже передѣлывать сызнова свой научный фундаментъ.

Такъ какъ насъ, главнымъ образомъ, интересуетъ общее міровоззрѣніе Прудона, то мы и не будемъ заниматься особенно его чисто-политическимъ развитіемъ. Эта сторона Прудонова «я» будетъ для насъ лишь отголоскомъ его общихъ идей. Въ письмахъ, предшествующихъ 1837 году, мы видимъ, что Прудонъ уже составилъ себѣ убѣжденіе въ своемъ политическомъ лозунгѣ. Онъ считаетъ себя республиканцемъ; но какимъ—на это отвѣчаютъ слѣдующія слова его, взятая изъ пятаго письма къ Мюрону, съ которымъ онъ переписывался усердно, по поводу из-

данія безансонскаго журнала «L'Impartial», причемъ Прудонъ отказывался дать этому журналу свою подпись.

«Я держусь своихъ принциповъ», пишетъ онъ, «я ими никогда не пожертвую, что бы ни случилось; я доволенъ своимъ положеніемъ ремесленника (artisan). Я откровенный и неизмѣнный республиканецъ, по убѣжденію и чувству; но правда и то, что мой республиканизмъ не совсѣмъ тотъ, который значится у сендовъ Робеспьера и поклонниковъ Марата. Ихъ дѣла — самое сильное ихъ осужденіе».

Такому республиканству, какъ мы знаемъ, Прудонъ остался вѣренъ всю свою жизнь, изъ чего мы и можемъ заключить, что политически онъ вполне укрѣпился въ главныхъ своихъ принципахъ еще молодымъ человѣкомъ, до его поѣздки въ Парижъ, по полученіи стипендіи Сюара. Онъ самъ комментируетъ этотъ политическій складъ свой въ первомъ письмѣ къ Мюирону, гдѣ мы читаемъ:

«По моимъ личнымъ вкусамъ, вполне чуждый политическимъ ссорамъ и преніямъ, я мало усвоилъ себѣ стиль и жаргонъ журналовъ, такъ какъ родъ моихъ занятій — совершенно далека отъ тѣхъ познаній, какія требуются отъ редактора; въ самомъ дѣлѣ, какой толкъ можете вы извлечь изъ человѣка, *который весь свой вѣкъ занимался лишь метафизикой, языками, теологіей?*»

Вотъ и само свидѣтельство, выданное себѣ Прудономъ. Читатель замѣтитъ при этомъ, что онъ употребляетъ слово: «метафизика» не въ ироническомъ, а въ положительномъ, дѣловомъ тонѣ. Она и не возбуждала никогда его критическихъ «перуновъ»; напротивъ, онъ сдумѣлъ, впоследствии, противопоставлять ее, какъ нѣчто твердое, научное, здоровое — «философіи», на которую смотрѣлъ, какъ разъ, взглядомъ современныхъ научныхъ мыслителей на метафизику.

Въ третьемъ письмѣ къ Мюирону, упомянувъ о выходѣ въ свѣтъ своего перваго научнаго труда: «Essai de grammaire générale», который онъ ему приноситъ въ даръ, Прудонъ такъ формулируетъ предполагаемое имъ значеніе этого «Опыта» и вообще своихъ трудовъ по языковѣданію:

«Въ настоящую минуту, я предаюсь довольно обширнымъ и очень важнымъ изысканіямъ по языкамъ. Если мой первый опытъ удастся, онъ поведетъ, ни больше, ни меньше, какъ къ грамматическому откровенію (révélation grammaticale), ибо коль скоро будутъ признаны принципы, необходимо будетъ продѣлать и всю серію выводовъ. Я надѣюсь пойти далеко на этомъ по-

притиъ, избранномъ мною, гдѣ, по моему мнѣнію, до сихъ поръ произведены однѣ лишь развѣдки».

Мы видимъ, стало-быть, что Прудонъ, объ эту пору, серьезно готовилъ себя въ научные лингвисты, и болѣе чѣмъ вѣроятно, безъ дальнѣйшихъ толчковъ личной судьбы онъ и остался бы на этомъ чисто-кабинетномъ поприщѣ. Изученіе языкованія преисполняло его до такой степени, что онъ не задумывается строить на немъ цѣлую научно-философскую гипотезу развитія человѣка. Съ обычной своей опредѣленностью и смѣлостью, онъ лишаетъ тому же Мюйрону на ту же тѣму:

«Изученіе языковъ докажетъ со временемъ, что всѣ статьи кодекса естественныхъ законовъ сводятся къ *семи*, какъ-бы представляющимъ собою семь чувствъ или способностей нравственной природы; докажетъ оно и то, что статей этихъ ни больше и ни меньше, и невозможно выдумать большаго ихъ числа; что этотъ законъ природы, состоящій изъ семи статей, расположенныхъ, какъ лютя Пана о семи дудкахъ, никогда не могъ быть открытъ человекомъ, *а преподанъ ему непосредственнымъ откровеніемъ!* Чтѣ бы сказали, еслибъ я сталъ вдругъ утверждать, что настанетъ минута, когда изученіе языка и физиологіи до такой степени приблизитъ насъ къ Богу, что мы будемъ и видѣть и осязать его (въ подлинникѣ «*pous croirons le voir et le toucher*»)? Материалисты, отрицающіе все, чтѣ не-причинная связь, механизмъ, равновѣсіе токовъ и вѣса; патеры, увѣренные въ томъ, что они одни обладаютъ знаніемъ Бога и человѣка, — весь этотъ народъ и разныя другія личности закричатъ: безуміе и скандалъ!»

Развѣ такой отрывокъ — не драгоценный документъ для исторіи развитія Прудона, *какъ мыслительнаго организма!* Въ немъ, какъ въ ячейкѣ, заключено ядро всѣхъ дальнѣйшихъ особенностей его мышленія. Случилось такъ, что Прудонъ, почувствовавъ потребность въ обобщеніи, имѣлъ въ рукахъ своихъ одинъ словесный, и притомъ ограниченный матеріалъ. Онъ, долго не думая, считаетъ его достаточнымъ для колоссальной гипотезы. Отчего же это такъ вышло? Оттого, что умъ Прудона съ ранней поры привыкъ доискиваться, во чтѣ бы то ни стало, какого-нибудь *первичнаго факта* и доказывать, что все, въ извѣстномъ мірѣ явленій, сводится къ нему. Въ письмѣ къ Мюйрону онъ кажется наивнымъ и даже смѣшнымъ. Позднѣе, когда масса его познаній увеличится, мы уже не найдемъ въ немъ такихъ наивностей; но его блестящая и здоровая критика не избавитъ его отъ чисто-метафизической замашки: открывать общіе законы путемъ апіорическимъ. И каждый разъ его гипотезы,

теоріи и системы, страдающія все тѣмъ же недугомъ, будутъ формулированы съ одинаковой искренностью и силой убѣжденія.

Увѣренные въ этихъ нравственныхъ качествахъ Прудона, мы поставимъ такой вопросъ: когда онъ добивался отъ безансонской академіи трехлѣтней стипендіи Сюара и въ докладной своей запискѣ высказалъ, подъ конецъ, ясно сформулированный имъ символъ вѣры — лгалъ онъ, или нѣтъ, морочилъ академиковъ, или, дѣйствительно, говорилъ имъ то, что вытекало изъ всего его предыдущаго развитія? Мы отвѣтимъ, безъ обиняковъ: нѣтъ, онъ не лгалъ, хотя и придавалъ, быть можетъ, своему «profession de foi» нѣкоторыя формы, болѣе подходившія къ идеямъ и вкусамъ академиковъ. Докладная записка, начинающая собою рядъ документовъ съ точными числами, только и важна для нашего этюда — концомъ своимъ, изложеніемъ тогдашняго Прудонова міросозерцанія. Остальное все въ этой «промеморіи» весьма интересно для біографіи Прудона по своимъ житейскимъ подробностямъ и по множеству проявленій ума и нравственнаго характера соискателя преміи. Эта сторона документа была уже показана русскимъ читателямъ — и мы на ней останавливаться не станемъ. Одну только житейскую фразу Прудона выпишемъ мы здѣсь, такъ какъ она показываетъ, до какой степени онъ и тогда считалъ литературное ремесло поденнаго журнализма жалкимъ и унижительнымъ: «быть можетъ», восклицалъ онъ, «голодъ заставилъ бы меня поступить на жалованье къ какому-нибудь журналисту. Вопреки всѣмъ лишеніямъ и видамъ нищеты, чрезъ которые я прошелъ — эта крайность была бы для меня самой ужасной». Но прибавимъ, что и тогдашнее положеніе рабочаго называетъ онъ, нѣсколько дальше, «необезпеченнымъ и мизерабельнымъ».

Мы приведемъ «исповѣданіе вѣры» Прудона цѣликомъ; все, являющееся у насъ въ курсивѣ, подчеркнуто было авторомъ въ оригиналѣ.

«Послѣ всего тревоженія моихъ идей», говоритъ онъ, «и долгаго нарожденія (partirution) моей души, я долженъ былъ (т.-е. логически и всецѣло приведенъ былъ — дополнимъ мы) кончить; я кончилъ тѣмъ, что создалъ себѣ полную систему, составленную изъ религіозныхъ и философскихъ вѣрованій, систему, которую я могу свести къ этой простой формулѣ:

«Существуетъ первобытная философія или религія, сверхъ человеческого происхожденія, испорченная во время, предшествующее всѣмъ историческимъ эпохамъ; богослуженія различныхъ народовъ все сохранили ея подлинныя и сходственные остатки. Большинство христіанскихъ догматовъ есть не что

иное, какъ суммарное выраженіе столькихъ же доказуемыхъ положеній, и можно, посредствомъ сравнительнаго изученія религиозныхъ системъ, посредствомъ внимательнаго анализа образованія языковъ, помимо всякаго другаго откровенія, доказать реальность истинъ, внушаемыхъ католической вѣрой, истинъ, необъяснимыхъ въ самихъ себѣ, но доступныхъ пониманію. Изъ этого принципа можетъ быть выведена, помощью цѣлой серіи строгихъ заключеній, традиціонная философія, совокупность которой составила точную науку».

«Таково краткое изложеніе (compendium) моего, милостивые государи, исповѣданія вѣры».

Быль ли, послѣ того, неумѣстенъ нашъ вопросъ: лгалъ, или искренно говорилъ Прудонъ, обращаясь къ безансонской академіи? Какъ бы кто ни старался объяснять фразеологію Прудона, очевидно, что онъ въ эту эпоху своего развитія былъ убѣжденный метафизикъ, въ самомъ яркомъ смыслѣ слова, наклонный, въ высшей степени, къ апіорическимъ выводамъ—и къ какимъ?—Къ такимъ, въ силу которыхъ онъ долженъ былъ обратиться спиной ко всему зданію точной науки, не той, какую онъ думалъ создать изъ своей фантастической «традиціонной философіи», а настоящей, единственной, неизмѣнной. Но вышло это вовсе не къ умшленному обскурантизму, а ко простому невѣдѣнію, по отсутствію научнаго образованія.

III.

Подъ 1837-мъ годомъ, кромѣ докладной записки въ безансонскую академію, значится всего одно письмо—къ пріятелю Прудона—Аккерману, отъ 4-го ноября. Этотъ Аккерманъ, вмѣстѣ съ другимъ французомъ, носящимъ также нѣмецкую фамилію—Бергманомъ, его главные корреспонденты по всѣмъ отвлеченнымъ вопросамъ. Онъ былъ ближе съ Бергманомъ, чѣмъ съ Аккерманомъ, и признавалъ за первымъ больше умственныхъ и даже нравственныхъ достоинствъ. Оба пріятеля Прудона были по занятіямъ своимъ—словесники: Аккерманъ болѣе въ легкомъ родѣ, но съ претензіями на разныя теоріи и нововведенія по языковеденію; Бергманъ—филологъ въ серьезномъ родѣ, занимавшій катедру въ стразбургскомъ университетѣ. У Прудона ни въ этотъ, ни въ дальнѣйшіе періоды и не было никакихъ друзей или интимныхъ пріятелей—не изъ словесно-метафизическаго міра, съ которыми бы онъ, изъ года въ годъ, переписывался.

Единственное письмо къ Аккерману, принадлежащее къ 1837 году, замѣчательно лишь изреченіемъ: «всякій великій писатель былъ силенъ на одномъ своемъ языкѣ», и восклицаніемъ, въ отвѣтъ на приглашеніе Аккермана — приняться за стихотворство: «*чтобъ я писалъ стихи!*» (курсивъ въ подлинникѣ). Хотите вы, чтобы я далъ себѣ пустить кровь, слѣгъ въ постель, принявъ рвотнаго или *итекауаны*? Лучше—все это, чѣмъ стихи!»

Слѣдующій—1838 годъ—богаче корреспонденціей. Въ немъ — два письма къ г. Переннэсу, члену безансонской академіи, три—къ Аккерману, два къ Югёне—фактору Прудоновой типографіи, и по одному—къ тремъ другимъ лицамъ, въ томъ числѣ къ доброму знакомому — Морису, съ которымъ Прудонъ долго будетъ переписываться и также долго оставаться его должникомъ. Въ первомъ письмѣ къ Переннэсу изъ Парижа, отъ 21-го февраля 1838 г., мы находимъ новое сообщеніе по поводу того вопроса: какимъ трудамъ предастся Прудонъ въ Парижѣ, если получить трехлѣтнюю стипендію Сюара? Не читая его собственнаго заявленія, мы могли-бы сами предрѣшить, что это будутъ—метафизика (какъ онъ ее разумѣлъ), филологія и, быть можетъ, философія исторіи, опять-таки какъ она ему была тогда доступна. Естественнаго не должно было входить въ программу его занятій, не потому, чтобы академія запрещала это, а потому, что онъ никогда къ нему не стремился и не воспиталъ своего ума на систематическомъ интересѣ къ изученію точныхъ законовъ, обнимающихъ математику и естествовѣдніе.

Онъ прямо и рѣзко объявляетъ академіи, въ лицѣ г. Переннэса, что не намѣренъ ходить на лекціи права, и продолжаетъ:

«Вся система нашихъ законовъ основана на принципахъ, не имѣющихъ въ себѣ ровно ничего философскаго; имъ противорѣчить, какъ естественный законъ, такъ и законъ откровенія, — таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Мнѣ не трудно было бы привести тому не мало примѣровъ и подтвердить это авторитетомъ двадцати писателей. Человѣческія условности (conventions), основанныя на побѣдѣ, рабствѣ, силѣ, привилегіи или варварствѣ — вотъ основа нашего права. Еще нѣсколько вѣковъ, и съ нашей юриспруденціей будетъ то же, что и со старой химіей при появленіи Лавуазьё, Пристлеевъ и Дэви: отъ нея ничего не останется, рѣшительно ничего; развѣ какія-нибудь развалины, которыя найдутъ себѣ настоящее мѣсто въ истинномъ правосудіи Бога и природы».

Здѣсь — изумительна смѣсь изъ научныхъ именъ по естествознанію (показывающихъ, что Прудонъ не былъ совершен-

во чуждъ знакомства съ его успѣхами) и какого-то *откровени-*
наго закона (*loi révélée*), о которомъ онъ говоритъ вполне серьез-
но. Изъ всего письма, представляющаго собою полнѣйшее «*pro-*
fession de foi», видно, что Прудонъ могъ заняться въ Парижѣ
чѣмъ ему угодно, и считать себя одинаково незнающимъ и по
юриспруденціи, и по другимъ специальностямъ. Онъ разбираетъ
эти специальности: право онъ отвергаетъ, про медицину говоритъ
также пренебрежительно, считая ее чистымъ эмпиризмомъ. Но о
точной наукѣ Пристлеевъ, Гей-Люсаковъ и Дэви онъ не упомина-
етъ ни однимъ словомъ—точно будто ея и не существовало въ
Парижѣ, преисполненномъ, и тогда и теперь, средствъ къ даро-
вому образованію по всѣмъ отраслямъ науки о природѣ. Ему
хочется пуститься въ философію вообще и въ примѣненіе ея къ
языковеденію.

Послушаемъ, какъ онъ разсуждаетъ, не забывая, что эти раз-
сужденія обращены къ непремѣнному секретарю академіи, удо-
стоившей его стипендіи:

«Ж. Ж. Руссо говоритъ гдѣ-то: «философія, не имѣющая ни
дна, ни береговъ, лишенная первичныхъ идей и основныхъ прин-
циповъ, есть не что иное, какъ море неувѣренностей и сомнѣній,
изъ которыхъ никогда не выпутается метафизикъ». Онъ прибав-
ляетъ, что самъ онъ бросился въ философію чувства, въ лоно
религіи, вслѣдствіе безсилія—достичь разумомъ познанія какого-
либо утѣшительнаго догмата. Но полно, правда-ли, что человѣ-
чeskій разумъ долженъ отчаяться въ самомъ себѣ, что онъ не
въ состояніи добыть ничего, кромѣ вѣры, что вѣрить, а не по-
нимать—его послѣднее усиліе.

«Что до меня, если мнѣ дозволено разсуждать по-человѣ-
чески о томъ, что мы называемъ *откровеніемъ*, я прозрѣваю въ
немъ основу всемірной философіи, притомъ совершенно практи-
ческой, догматы которой, въ ихъ самомъ научномъ выраженіи, въ
ихъ самой простой формѣ, пережили всѣ социальные перевороты,
всѣ порчи и униженія человѣчества; но причина ихъ, доказа-
тельности, выводы и связь—намъ не даются, потому что мы по-
терали наши метрическіе акты (*titres de notre naissance*), потому
что свидѣтельство о нашемъ крещеніи пропало, потому что—какъ
говоритъ Соломонъ: *non est priorum memoria*. Я твердо вѣрю
въ то, что мы еще при жизни можемъ приобрѣсти ту полноту
пониманія, которую св. Павелъ обѣщаль намъ, какъ одно изъ
условій небеснаго блаженства; не потому, что мы можемъ до-
стичь безконечнаго и вполне проникнуть въ него, что недоступ-
но нашей ограниченной и случайной (*contingent*) природѣ; я

разумѣю лишь то, что это познаніе, обѣщанное вѣрой своимъ избранникамъ въ будущей жизни и состоящее въ пониманіи *сущности* (сomment) и *причины* (rougnoi) религиозныхъ истинъ — мы можемъ его приобрести и въ этой жизни. Въ число этихъ догматовъ религіи, разумѣемыхъ мною и называемыхъ мною же *положеніями* забытой философіи, я ставлю: существованіе Бога, безсмертіе души, Троицу, первородный грѣхъ, возделѣніе, о которомъ говорить св. Іаковъ, и всѣ истины евангельской морали, на которыя въ настоящее время такъ нападаютъ потому только, что мы не понимаемъ ихъ и что одинъ нашъ разумъ недостаточенъ для ихъ защиты».

Мы, конечно, не станемъ входить въ разборъ такого отрывка. Но читатель самъ легко согласится съ тѣмъ, что въ метафизическихъ воззрѣніяхъ Прудона, выписанныхъ нами, слѣдуетъ признать развитіе того «исповѣданія вѣры», какимъ онъ закончилъ свою докладную записку безансонской академіи. Не трудно видѣть въ подобныхъ опытахъ мышленія полное незнакомство съ методами, которымъ точное знаніе обязано своимъ развитіемъ. Поэтому-то умъ Прудона и прилѣпился къ области quasi-точныхъ изслѣдованій, гдѣ можно было бы, съ большою легкостью, позволять себѣ всякія обобщенія. Онъ заявляетъ, секретарю академіи, что языкованіе, на философской подкладѣ (какъ онъ ее понималъ), займетъ его въ Парижѣ сильнѣе всего остального.

«Я осмѣлился», пишетъ онъ, «связать въ концѣ моего маленькаго *Трактата общей грамматики*: «такъ какъ слова — знаки идей, то исторія языка должна быть исторіей философіи, а происхожденіе языка, разъ объясненное, должно дать разумнѣе источники челоѣческихъ познаній». Развитію этого положенія будутъ посвящены первые лингвистическіе и философскіе труды, которымъ я въ состояніи буду предаться».

Вслѣдъ за тѣмъ идутъ уподобленія, объясняющія процессъ изысканій по языку и взятыхъ изъ области археологіи. Онъ уже предсказываетъ себѣ будущность новатора и творца этой философіи языковѣднія:

«Но вотъ является челоѣкъ и говоритъ: «я соберу всѣ развалины, я прилажу всѣ эти куски камня, я воссоздамъ заново храмъ, я расскажу вамъ, какія у него были пропорціи, я обнаружю имя божества, которому тамъ поклонялись, я раскрою сущность его таинствъ, я объясню, въ чемъ состояло ученіе посвященныхъ, я покажу связь между символами и ихъ философскимъ смысломъ». Развѣ челоѣкъ этотъ не пошелъ бы дальше дру-

гикъ? Вотъ это-то и остается сдѣлать въ *философіи* языка, и если я не добьюсь жатвы, по крайней мѣрѣ я первый проникну въ загородъ, дотолѣ запертую для всѣхъ интеллигенцій».

Намѣтивъ свою цѣль, Прудонъ сознаетъ, какъ она не легка; но онъ увѣряетъ, что года черезъ два представитъ безансонской академіи опытъ «Всемірной грамматики». А пока, онъ собираетъ писать сочиненіе на премію съ такимъ заглавіемъ: «Исслѣдованія объ откровеніи, или философія, служащая введеніемъ ко всемірной исторіи». Такими тѣмами онъ могъ задаваться и въ Безансонѣ; не стоило совсѣмъ переѣзжать въ Парижъ, который онъ «отдѣлываетъ» въ концѣ того же письма. Его нападки на извращенную столицу, при всей ихъ относительной правдѣ, показываютъ, что Прудонъ слишкомъ горячо отзывался на обыденныя явленія, на эфемерные продукты литературы и прессы, вмѣсто того, чтобы искать въ томъ же Вавилонѣ людей мысли и воли, средствъ къ всестороннему и дѣйствительно-научному развитію. И этихъ людей, и эти средства можно было тамъ найти въ 1838 году, какъ не трудно отыскать ихъ и теперь, когда Парижъ еще печальнѣе политически, чѣмъ при Луи-Филиппѣ, а «Figaro» продаетъ ежедневно *семьдесятъ и больше тысячъ экземпляровъ*. Симпатично у Прудона и въ преувеличенныхъ нападкахъ на Парижъ здоровое чувство провинціала, вѣрующаго въ возрожденіе Франціи путемъ децентрализаціи. Раса, откуда онъ самъ вышелъ, кажется ему всего болѣе способною на возрождающую роль. Онъ указываетъ на то, какъ она сохранилась въ теченіи тысячелѣтій въ своихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ, и съ дѣйствительнымъ одушевленіемъ восклицаетъ: «мнѣ кажется, во всемъ этомъ есть элементы, приготовленные для національнаго возрожденія!» Онъ призываетъ всѣхъ людей съ тою же вѣрою въ сердцѣ — работать надъ мѣстнымъ развитіемъ; академіи указываетъ онъ на ея высокій долгъ, и кончаетъ наивнымъ, но искреннимъ предсказаніемъ: «la Franche-Comté peut devenir l'arche du genre humain». Но мы увидимъ, что его Безансонъ, при всей своей провинціальной неспорченности, не натолкнулъ его на критику общественнаго строя—дѣло всей его жизни, что вызвало, какъ разъ, легкоиспуганный и измельчавшій Парижъ!..

Въ письмѣ къ Потье, отъ 9-го апрѣля 1838, фраза: «философія должна выдти изъ древности языка и *мифологіи*» — ясно показываетъ, что голова Прудона продолжаетъ быть занятой тѣми же обобщеніями фантастической философіи, или теологической метафизики. Аккерману онъ не развиваетъ своихъ положеній ни въ письмѣ, отъ 13-го іюня, ни въ письмѣ, отъ 20-го ав-

густа; а, отъ 16-го сентября, онъ говорить, что никому не отвер-
 ваетъ въ Парижѣ своихъ мыслей, такъ какъ все вокругъ него
 поражено или ханжествомъ, или практическимъ матеріализмомъ.
 Подъ этимъ «все» слѣдуетъ однако разумѣть очень ограниченный
 кругъ его знакомыхъ. А чтобы убѣдиться, до какой степени онъ
 былъ чуждъ тогда всякой солидарности съ серьезными представите-
 лями *точного знанія*—стоитъ только заглянуть въ письмо, отъ 9-го
 декабря 1838 г., къ тому же Переннэсу, гдѣ Прудонъ, упомянувъ
 объ ученомъ Мовэ, говорить: «весьма сильно сожалѣю о томъ,
 что его ремесло астронома такъ далеко отъ моихъ метафизиче-
 скихъ привычекъ». Но что же ему стоило сократить «свои ме-
 тафизическія привычки» и приблизить себя къ людямъ науки?
 Онъ бы и приблизился къ нимъ, еслибы не предварительная за-
 кваска, заставившая его смотрѣть на свою «метафизику», какъ
 на нѣчто разрѣшающее всѣ вопросы бытія и мышленія. Онъ го-
 ворить о своихъ «привычкахъ» безъ всякаго укора самому себѣ:
 совсѣмъ напротивъ! Передавая свой разговоръ съ Дрозомъ, стар-
 рымъ академикомъ, къ которому онъ попалъ подъ надзоръ и
 опеку, Прудонъ подсмѣивается надъ нимъ, хотя въ словахъ Дроза,
 что философія, выбранная Прудономъ специально, была, въ то
 время, во французскомъ университетскомъ мірѣ, не больше, какъ
 «исторія философіи»,—не было ничего глупаго. Возраженія Пру-
 дона своему «тѣтору»—дѣльны: по его мнѣнію, философія далеко
 еще не сказала послѣдняго слова; но болѣе, чѣмъ наивно, для че-
 ловѣка, мѣтившаго въ новаторы мышленія, находить Жюффруа—
 извѣстнаго эклектика — «единственнымъ философомъ въ Европѣ,
 достойнымъ этого имени». Эклектизмъ, да и вся университетская
 философія Франціи не только иностранными критиками, но и та-
 кими французами, какъ, напр., Тэнъ, достаточно разоблачена.
 Тэнъ, учившійся въ Нормальной школѣ, вопреки своей школьной
 дрессировкѣ, тотчасъ почти по выходѣ изъ заведенія подвергъ
 смѣлой и блестящей критикѣ всѣхъ этихъ безсодержательныхъ
 метафизиковъ, въ своихъ этюдахъ о «французскихъ философахъ
 XIX-го вѣка»—и этимъ онъ, конечно, обязанъ Парижу и духу,
 на которомъ воспиталась генерация, вышедшая съ нимъ вмѣстѣ
 изъ Нормальной школы. А Прудонъ, въ своемъ провинціальномъ
 недовѣрїи къ окружающему, выдавалъ патенты міровыхъ мысли-
 телей эклектикамъ, въ родѣ Жюффруа, и проглядѣлъ въ Парижѣ,
 куда прїѣхалъ набираться уму-разуму, какъ разъ то, что ему слѣ-
 довало воспринять всецѣло.

«Убѣждаюсь», говорить онъ въ томъ же письмѣ, «что въ
 Парижѣ надо отказываться отъ надежды встрѣчать людей, умъ ко-

тѣхъ способенъ былъ бы схватить и обнять какой бы то ни было научный синтезъ; французскій умъ вообще слишкомъ геометриченъ, слишкомъ наклоненъ къ дедукціи и не восходитъ также хорошо отъ фактовъ къ общимъ законамъ всего сущаго. Здѣсь нѣтъ недостатка въ ученыхъ, въ людяхъ съ дѣйствительнымъ достоинствомъ, достигшихъ этого развитостью и трудомъ; но способность, граничащая съ предвѣдніемъ, та, что создала Ньютоновъ и Декартовъ, способность, рождающая полную систему, метафизическое цѣлое — эта способность рѣдко встрѣчается въ нашемъ отечествѣ. Французъ изумителенъ въ анализѣ, въ совершенствованіи чего-либо; но у него нѣтъ внезапныхъ вдохновеній, дающихъ общіе взгляды и соображенія *a priori*...»

И въ видѣ заключительнаго аккорда, онъ рѣшаетъ:

«Я положилъ — отказаться отъ слушанія лекцій, на которыя я смотрю, какъ на совершенно ненужную національную роскошь. Когда-нибудь, если хотите, я васъ могу потѣшить глупостями, какими тамъ угощаютъ».

Читая выписку о неимѣніи въ Парижѣ ни одного ума, способнаго на научный синтезъ, можно только пожалѣть о томъ, что Прудонъ имѣлъ слишкомъ мало знакомыхъ, что онъ не читалъ того, въ чемъ именно нуждался. Не забудьте, что мы цитировали въ письмахъ, относящихся къ 1838 году. Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, не было тогда во Франціи ни одного синтетическаго ума?

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, сдѣлаемъ выдержку совсѣмъ изъ другого источника.

«Курсъ этотъ — пишеть въ своемъ предисловіи Огюсть Контъ въ концѣ 1829 г. — общій выводъ всѣхъ моихъ трудовъ, со времени моего выхода изъ политехнической школы, въ 1816 г., былъ открытъ впервые, въ апрѣлѣ 1826 г. Послѣ нѣсколькихъ лекцій, серьезная болѣзнь помѣшала мнѣ тогда продолжать дѣло, вызвавшее поощреніе со стороны многихъ первоклассныхъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ я могу назвать гг. Александра Гумбольдта, Блэнвиля и Пуансо — членовъ академіи наукъ, пожелавшихъ прослѣдить съ особеннымъ интересомъ изложеніе моихъ идей. Я читалъ сызнова этотъ курсъ прошлой зимой, начиная съ 4-го января 1829 г., передъ аудиторіей, въ которой пожелали присутствовать: г. Фурнье, безсѣнный секретарь академіи наукъ; гг. Блэнвиль, Пуансо, Навье, члены той же академіи; гг. профессора: Бруссэ, Эскироль, Бивѣ и др., которымъ я приношу здѣсь мою благодарность за то, какъ они приняли эту новую философскую попытку.

«Убѣдившись такими заявленіями сочувствія, что курсу моему можетъ быть придана ббльшая гласность, я счелъ нужнымъ из-

ложить его, текущей зимой, въ Королевскомъ Парижскомъ Академѣ, гдѣ онъ и открылся 9-го декабря...

«Чтобы покончить эту историческую замѣтку, не мѣшаешь сообщить, что нѣкоторые изъ основныхъ идей, вошедшихъ въ курсъ, были уже мной введены въ первую часть сочиненія, озаглавленнаго «Система положительной политики», отпечатаннаго въ маѣ 1822 г. въ 100 экземплярахъ, и въ большемъ количествѣ въ 1824 г. Эта первая часть не была еще какъ слѣдуетъ распространена, а только сообщена въ видѣ печатныхъ экземпляровъ очень многимъ европейскимъ ученымъ и философамъ. Она будетъ пущена окончательно во всеобщее обращеніе лишь вмѣстѣ со второй частью, которую я надѣюсь выпустить въ концѣ 1830 года...

«Между моей положительной философіей и тѣмъ, что англійскіе ученые понимаютъ, со временъ Ньютона, подъ именемъ естественной философїи, существуетъ большая аналогія. Но я не могъ выбрать ни это послѣднее названіе, ни терминъ — философія наукъ — который былъ бы нѣсколько точнѣе, потому что ни та, ни другая не касаются всѣхъ родовъ явленій, между тѣмъ какъ положительная философїя, подъ которой я разумѣю изученіе социальныхъ явленій, наравнѣ съ другими, обозначаетъ однообразный методъ мышленія, примѣнимый во всѣмъ предметамъ, на какихъ умъ человѣческій можетъ упражнять себя...»

Такъ говорилъ еще въ концѣ 20-хъ годовъ ученикъ политехнической школы, а потомъ скромный ея репетиторъ, открывшій полный курсъ *научнаго синтетическаго мышленія*, сперва въ 1826, а потомъ въ 1829 году, и къ нему въ качествѣ простыхъ слушателей являлись такіе ученые, какъ Гумбольдтъ, Блэнвилль, Эскироть. Положимъ, Прудонъ не могъ его слушать, не бывши въ эту эпоху въ Парижѣ; но онъ очень и очень могъ познакомиться съ его ученіемъ. Въ 1838 году въ продажѣ были уже три тома «Системы» Конта, гдѣ жаждавшій *синтеза* Прудонъ нашелъ бы строго-научныя основы положительнаго міровоззрѣнія, обнимающія уже все неорганическое царство. Узнали же и Конта и его ученіе такіе заграничные умы, какъ Бокль и Миль, усвоившіе себѣ всѣ существенныя части его *научной системы*. Мы увидимъ, что и Прудонъ познакомится съ «синтезомъ» своего соотечественника; но когда? Уже слишкомъ поздно; когда онъ самъ закончилъ циклъ своего философскаго развитія и формулировалъ его въ книгѣ, которую мы приведемъ въ связи съ ея перепиской. Тяжелая работа самоучки, со всѣми ея просмотрами и промахами, конечно, не отнимаетъ ничего ни у нравственныхаго

достоинства Прудона, ни даже у его умственного дарованія. Напротивъ, нельзя не изумляться его инициативѣ. Безъ должной опоры въ синтезѣ, подобномъ системѣ Конта, онъ приходитъ поздне, почти во всемъ главномъ, къ выводамъ, вполне отвѣчающимъ на запросы положительнаго мышленія. Но сколько даромъ потраченныхъ силъ, сказавшихся противорѣчіями и односторонностями, уже неисправимыми!

Чѣмъ же довольствовался Прудонъ, имѣя всю возможность усвоить себѣ методъ Конта? Въ концѣ все того же длиннаго письма онъ сообщаетъ:

«Я буду полегоньку готовиться къ степени кандидата филологіи; а пока я занимаюсь немного философіей (мы видѣли *какой*) и грамматикой; я перевожу изъ Исаяи и Андреселя, и примусь скоро за нѣмецкій и санскритскій языки».

По-нѣмецки онъ такъ и не выучился.

Въ письмѣ къ Морису, заключающемъ собою за 1838 годъ всѣ посланія интеллигентнаго характера, Прудонъ, прозрѣвая свою судьбу, какъ человекъ убѣжденій, восклицаетъ:

«Успѣвать въ жизни и сохранять нетронутыми мои идеи и мой характеръ — двѣ вещи, одна другой противорѣчащія; вы легко угадаете, какую изъ нихъ я принесу въ жертву».

Изъ-за его тогдашнихъ «идей» еще не стоило ничѣмъ почти жертвовать; но онъ на нихъ и не остановился, вопреки упорству своей натуры, о которой онъ говорить тутъ же:

«Вы знаете, что въ моихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ участвуетъ немного и упорство. Пусть такъ. Если во мнѣ есть какой толкъ, то благодаря лишь этому».

Деревенское упрямство, дѣйствительно, сидѣло въ его натурѣ; но голова, искавшая постоянно просвѣта и исхода, мѣшала вдаться въ какое-бы то ни было обскурантное, или черезчуръ личное «самодурство» мышленія. И явись у него *во-время* руководительный синтезъ, отпало-бы отъ него и то личное, что мы увидимъ въ каждомъ моментѣ развитія Прудона.

IV.

Слѣдующій, 1839 годъ, богатый числомъ писемъ—ихъ счѣтъ *тридцать*—содержитъ всего пять писемъ къ его интеллигентнымъ друзьямъ: четыре къ Аккерману и одно къ Бергману, относящіяся къ самому концу года. На долю Мориса, съ которымъ у Прудона полу-дѣловыя, полу-пріятельскія сношенія, при-

ходится восемь писемъ; всего больше ихъ (числомъ девять) къ фактору Югёна, всего меньше цѣнныхъ для нашей задачи. Два письма къ Переннэсу и три къ Поттэ, кромѣ письма къ гё-воему г. Брюнэ-де-ла-Ренудьеръ, исчерпываютъ списокъ писемъ къ частнымъ лицамъ. Кромѣ того, значится одно письмо, отъ 13-го іюля, къ безансонской академіи. Съ него-то мы и начнемъ, нарушая хронологическій порядокъ, такъ какъ въ немъ Прудонъ резюмируетъ, по прошествіи слишкомъ одного года, свои занятія въ Парижѣ на счетъ стипендіи Сюра.

«Вотъ уже восемь мѣсяцевъ какъ я, вернувшись изъ Безансона, работаю, смѣю сказать, со всею силою моей воли и свободой ума моего; но успѣхи мои еще слишкомъ незначительны, чтобы говорить о нихъ. Я предавался различнымъ упражненіямъ по филологіи, литературѣ и критикѣ; но не могу еще сказать сколько было въ нихъ дѣла, такъ какъ въ одномъ я былъ самъ—единственный судья, а въ остальномъ критика была слишкомъ общей, чтобы имѣть дѣйствительную знаменательность. Единственный хорошій результатъ моихъ трудовъ—это то, что я самъ распозналъ собственную слабость. *Я покинулъ множество мнѣній, которыхъ съ любовью держался, признавъ ихъ ложными; а тѣ, которыя я считалъ новыми и до сихъ поръ удерживаю, уже излагаются и развиваются другими;* что же до результатовъ, на какіе я надѣялся отъ нѣкоторыхъ моихъ трудовъ, я научился умѣрять свой энтузіазмъ и не слишкомъ увлекаться надеждами».

Выходитъ, стало-быть, что прошло какихъ-нибудь восемь или десять мѣсяцевъ, и Прудонъ, несмотря на свое упрямство, уже отказывается отъ идей и воззрѣній, разъ увидавши ихъ ложности или фантастичности, и не затрудняется заявить, что вещи, казавшіяся ему новыми и имъ однимъ выдуманнми, давнымъ-давно сказаны и даже повторяемы были другими.

«Я продолжаю медленно (читаемъ мы дальше въ томъ же письмѣ отчетъ), но безъ перерыва, изученіе греческаго и еврейскаго; я не пойду дальше этого въ лингвистикѣ: примѣръ достойнѣйшихъ людей заставляетъ меня предпочитать небольшое но хорошо сдѣланное. Я слишкомъ запоздалъ, чтобы надѣяться на блестящіе успѣхи въ лингвистикѣ, *въ тѣсномъ смыслѣ*, наука уже значительно подвинутой впередъ и способной, рано или поздно, занять мѣсто впереди, какъ естественная исторія человѣческой мысли. Поэтому-то, объясненіе древнихъ писателей есть для меня одинъ поводъ къ философскимъ и литературнымъ изслѣдованіямъ; но чтобы увѣрить васъ въ полезности такихъ ра

божь, позвольте мнѣ заявить вамъ, господа, что эта руда со-
всѣмъ еще не истощена и что мы до сихъ поръ заимствовали у
произведеній древнихъ одну лишь форму».

Изъ другихъ писемъ мы знаемъ, что Прудонъ, рѣшившись
работать неторопливо, безъ всякой формальной цѣли: добиться
степени, или отличія, долженъ былъ, вслѣдствіе долговъ, проба-
ваться всякими непроезжими работами, изъ-за куска
хлѣба. На эти работы онъ не смотрѣлъ, какъ на *свои* литера-
турныя произведенія, и въ письмѣ (отъ 13-го же іюля) къ г.
Брюне-де-ла-Ренудьеръ онъ говоритъ, что не напечаталъ еще ни
единой строки, ни въ одномъ журналѣ, за исключеніемъ жур-
нала «Instruction publique», куда онъ далъ одну статью «de
complaisance». Прудонъ сообщаетъ своему корреспонденту, во-
шедшему въ переговоры съ его типографіей въ Безансонѣ, что
факторъ Югѣнъ получилъ отъ него приказаніе взять работу по
самой дешевой цѣнѣ. И тутъ же онъ прибавляетъ нѣчто, ясно
показывающее, что въ Прудонѣ, *уже объ эту пору*, заговорило
чувство соціальной справедливости, нисколько не заглушенное его
странной метафизикой.

«Хорошія доктрины, милостивый государь, начинаются prin-
ципомъ, въ силу котораго всѣ на свѣтѣ должны жить, а правда
должна раздаваться даромъ тѣмъ, кто ее желаетъ распростра-
нить: *Quid gratis accipitis, gratis date*. Я повѣрю вашимъ ве-
лѣдушнымъ намѣреніямъ, когда вы перестанете не довѣрять
естному рабочему и торговаться изъ-за его ничтожнаго зара-
ботка. Я могъ-бы изложить вамъ здѣсь нѣкоторыя изъ моихъ
политическихъ мнѣній о правахъ автора и журналиста и
преимуществахъ (privilèges) рабочаго; оставляю ихъ для одного
изъ вашихъ первыхъ номеровъ, если вамъ угодно будетъ вос-
пользоваться моими станками и сотрудничествомъ моего пера.
Мнѣ кажется, что я *не принадлежу ни къ какому мнѣнію*; по-
тому мнѣ все равно, какой журналъ будетъ меня печатать,
только чтобы онъ не навязывалъ мнѣ своихъ взглядовъ и ма-
керы говорить».

Съ такой независимостью и шириной практическаго отноше-
нія къ партіямъ Прудонъ прожилъ весь свой вѣкъ, за самыми
самыми исключеніями. Но и въ 1839 г. Прудонъ напрасно го-
воритъ, что у него нѣтъ «мнѣній». Правда, онъ употребляетъ
то слово въ чисто политическомъ смыслѣ; но мы видѣли, что
раньше онъ объявилъ себя (хоть и по-своему) *убѣжден-*
ннмъ республиканцемъ.

Письма къ Аверману начинаются съ сентября. Въ первомъ

изъ нихъ, отъ 9-го, Прудонъ разсказываетъ о результатахъ конкурса по сочиненію на тему *Воскресенье*, предложенному безансонской академіей. Аккерманъ участвовалъ въ этомъ конкурсѣ вмѣстѣ съ Прудономъ, который медали не получилъ. Изъ письма Прудона мы видимъ, что и тѣму о воскресеніи онъ сумѣлъ обработать «съ смѣлыми, не своевременными положеніями, съ теоріями по политикѣ и спекулятивной философіи, системами равенства и т. д.», но *ортодоксальность* его мемуара была найдена академіей безупречною. Онъ формулируетъ такъ приговоръ академіи:

«Это показываетъ, что у монахъ судей совѣсть христіанина не могла не признать того, что благоразуміе чиновниковъ и членовъ корпораціи запрещали санкціонировать».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 15-го октября, онъ такъ себя характеризуетъ:

«Я, какъ и вы, ничего ни отъ кого не жду и вернусь, въ будущемъ году, въ свою лавочку, *вооруженный съ ногъ до головы противъ цивилизаціи; да и теперь уже я начинаю войну, которая кончится лишь съ моей смертію*».

Конечно, въ письмахъ къ академику Переннэсу онъ не считаетъ нужнымъ вдаваться *въ такія* признанія. Онъ сообщаетъ фактическія вещи изъ своей парижской трудовой жизни, признавая себя нравственно-обязаннымъ отдавать отчетъ той академіи, которая помогла ему субсидіей. Онъ совершенно свободно говоритъ о томъ, что на публичные курсы не ходитъ, такъ какъ прошлѣ время Вильмэновъ, Гизо и Ла-Ромигьеровъ, и еще разъ повторяетъ, что всѣ публичные курсы Парижа — по его мнѣнію — *національная роскошь*. Но кое въ кому онъ все-таки заглядывалъ и разбираетъ ихъ манеру ѣдко и остроумно. Вотъ образчики

«Эти господа, по большей части, открываютъ свои курсы какъ только можно позднѣе; лекціи ихъ—до крайности коротки; вдобавокъ они стараются говорить медленно и повторять фразы такъ что по прошествіи часа всѣ благодарны имъ за то, что они кончили. Признаю охотно всѣ преимущества импровизованной лекціи, прочтенной, какъ-бы безъ приготовленія, *ex abrupto*; и я всегда буду утверждать, что въ томъ случаѣ, когда природою отказала намъ въ этомъ дорогомъ дарѣ, лучше говорить по писаннымъ замѣткамъ, позволяя себѣ изрѣдка эспромты, какіе вызовутъ въ данную минуту предметъ или сама аудиторія».

Профессора философіи Даримона, читавшаго о Гассенди, Прудонъ описываетъ, какъ самаго бездарнаго лектора. Его сочиненіе онъ тоже читалъ: они многословны и напыщены; но все-такъ

порядочно написаны; на лекціи же этотъ Даримонъ выдавливаешь изъ себя каждое слово. Слушаютъ Прудонъ и Вашеръ до сихъ поръ здравствующаго въ качествѣ депутата. Онъ находитъ Вашеръ, болѣе талантливымъ, по дару слова, но считаетъ его взгляды по исторіи древней философіи слишкомъ поверхностными; въ особенности взглядъ Вашеръ на Сократа, котораго тотъ желаетъ очистить отъ обвиненія въ образованіи системъ, противорѣчившихъ одна другой. По мнѣнію Вашеръ, ни Аристиппъ — глава киренейской школы, ни Антисеенъ — глава школы цинической, не были вовсе прямыми учениками Сократа. Прудонъ замѣчаетъ на это: «дѣло просто сводится къ тому: можно ли доктрины Аристиппа и Антисеена вывести строгимъ путемъ изъ началъ, установленныхъ Сократомъ? Я думаю, что можно, и весь свѣтъ былъ того же мнѣнія, до толкованія г. Вашеръ». Возраженіе свое Прудонъ подтверждаетъ доводами, выраженными съ обычною ясностью, а по поводу философіи Сократа, откуда вышли противорѣчивыя системы, замѣчаетъ: «Такова была, во всѣ времена, злосчастная судьба доктринъ *juste-milieu*, въ которыхъ нѣтъ настоящаго критерія, принципа и точности; онѣ не смѣютъ идти ни вправо, ни влѣво, потому что видятъ вездѣ пропасти». Курсъ литературы Жерюзэза Прудонъ также критикуетъ, хотя и находитъ, что лекторъ ведетъ его лучше другихъ, потому что не надѣется на свои импровизаціи, а разъ въ недѣлю резюмируетъ ихъ по тетрадкѣ. Не согласенъ онъ и съ манерой Жерюзэза: повторять постоянно, что такіе писатели, какъ Ла-Брюйеръ, Мольеръ и Лафонтенъ — неподражаемы, и что они превзошли древнихъ, каждый въ своемъ родѣ. Прудонъ находитъ, что такія сопоставленія неразумны; каждая эпоха цивилизаціи могла дать только своихъ писателей. Поэтому, знаменитостей французской литературы и не слѣдуетъ, по его мнѣнію, ставить выше соответственныхъ римскихъ классиковъ; и тѣ, и другіе — равны по своему достоинству. Онъ это показываетъ на примѣрахъ древнихъ комиковъ: Аристофана, Плавта и Теренція; затѣмъ на Лафонтенъ, Эзопъ и Федръ. Вообще, все мѣсто письма написано съ дѣльностью и ловкостью скорѣе профессора, чѣмъ провинціала-студента, не имѣвшаго даже имени бакалавра. Прудонъ оговаривается: «потому», пишетъ онъ, «я распространился такъ объ этихъ трехъ профессорахъ, чтобы вы знали, почему я не хожу на ихъ лекціи, когда меня станутъ упрекать въ томъ, что я не посѣщалъ Сорбонны».

Всѣгда затѣмъ идетъ отчетъ и объ его чисто-философскихъ занятіяхъ. Это касается ближе его главнаго умственного интереса, поэтому мы и выпишемъ все мѣсто цѣликомъ:

«Около шести недѣль, какъ я знакомлюсь съ главными произведеніями нашихъ профессоровъ философіи. Я читалъ г. Жюффрау, г. Кузена, г. Даримона, г. Тюрó, г. Кардальяка и проч. Не могу вамъ выразить, до какой степени это чтеніе утомляетъ меня, какъ мнѣ дѣлаются противны и доктрины, и ихъ составители. Мнѣ достаточно было-бы и той уловки, той постоянной стачки, какую я вижу въ нихъ, чтобы всѣхъ ихъ возненавидѣть. Г. Кузенъ восхваляетъ г. Даримона и г. Жюффрау; г. Жюффрау беретъ подъ защиту г. Даримона и г. Кардальяка; г. Даримонъ и г. де-Кардальякъ, въ свою очередь—*cantant et recantant*; это—поучительная взаимность похвалъ и лести, но пожалуйста не ждите, чтобы они сказали, когда-нибудь, хоть одно слово про философа, стоящаго внѣ ихъ котеріи или съ идеями, идущими въ разрѣзъ съ ихъ доктринами; нѣтъ, добросовѣстность не доводитъ ихъ до такой самоотверженности. Все это дѣлаетъ меня еще придирчивѣе и злобнѣе, чѣмъ какимъ я пріѣхалъ сюда. Я видѣлся два раза съ г. Дрозомъ; я былъ разъ съ визитомъ у г. Жюффрау—на томъ я и покончилъ.

«Меня не тревожитъ никакое чувство преувеличенной независимости: тотъ, кто можетъ признаться во всемъ, что онъ думаетъ, что онъ желаетъ исполнить—самый свободный изъ людей. Могу повлаться, съ другой стороны, и въ томъ, что никто меньше меня не мучимъ жаждой богатства и славы, почему я больше всего и способенъ признать, что если когда-либо я добьюсь извѣстной совокупности литературныхъ и философскихъ знаній, этимъ вполнѣ буду обязанъ академіи. Меня смущаетъ мое назначеніе изъ-за боязни, что я не отвѣчу на ожиданія, возбужденныя мною, и что стипендія Сюара погибнетъ въ моихъ рукахъ. Г. Дрозъ уже призналъ это: я тяжелаго характера, хмураго нрава, недовѣрчивъ, сумраченъ и мизантропиченъ; изъ нашихъ разговоровъ выходитъ, что никакая карьера не доступна мнѣ. Я буду по истеченіи моей субсидіи почти такимъ же, какимъ я получилъ ее, т.-е. нѣсколько болѣе знающимъ, но безъ литературнаго значенія.

«Остается, стало-быть, разработка моего личнаго таланта если во мнѣ онъ найдется; но гдѣ доказательство того, что въ мнѣ настолько толку (*propre fonds*), чтобы хватило у меня силъ побороть всѣ препятствія? Немало, въ настоящее время, люди съ истиннымъ дарованіемъ, даже съ большимъ мыслительнымъ достоинствомъ. Но что бы съ ними случилось, еслибъ публичныя должности и огромныя общественныя связи не опредѣляли ихъ индивидуальности? Не подумайте, что одна моя неохота, однѣ

мои гѣнь создаютъ препятствія, что зло происходитъ отъ глупаго и тщеславнаго упрямства; нѣтъ, я чувствую, каждый день, каждую минуту, что уединеніе, уединенное мышленіе—единственный оживляющій элементъ моихъ способностей (мнѣ также необходимо удаляться отъ людей, какъ и жить въ полномъ забвеніи общественныхъ требованій и собственныхъ потребностей). Охотно сознаю все, что есть дурнаго въ такомъ расположеніи; но его дала природа. Иному необходимо постоянное возбужденіе большого города, свѣта, салоновъ; другой долженъ искать сосредоточенности и созерцанія въ одиночествѣ. Вольтеръ и Бомаршэ любили первый образъ жизни, Руссо и Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ (у Прудона стоитъ просто: «Saint-Pierre») сдѣлались тѣмъ, что они есть—благодаря второму. Съ приѣзда моего въ Парижъ, несмотря на мои старанія—произвести пустоту вокругъ себя, я чувствую, какъ уменьшаются сила и плодovitость моего ума; мой кругозоръ сужился; неспособный чувствовать себя хорошо въ моемъ настоящемъ положеніи, я хуже живу, чѣмъ всякій другой на моемъ мѣстѣ, и моя несостоятельность увеличивается еще опасеніями, какія доставляетъ мнѣ мое ремесло (намекъ на типографію). Присоедините ко всему этому непріятности, то-и-дѣло возникающія по убыточному дѣлу, съ которымъ я не могу раздѣлаться, и если вы захотите вывести изъ всего этого заключеніе—вы легко поймете, сколько ложнаго и щекотливаго въ моемъ положеніи».

Все, что тутъ говорить Прудонъ—правдиво и въ высокой степени искренно; но мы принуждены повторить еще разъ, что нигдѣ бы, кромѣ этого ненавистнаго ему Парижа, онъ не выбрался на свою настоящую дорогу публициста, критика и обличителя. Ему *казалось* только, что абсолютное уединеніе было ему нужно, а нужно-то ему было, гораздо сильнѣе, строго-научное направленіе мысли, чего онъ съ собой не привезъ и чего не достаточно искалъ въ Парижѣ. Былъ ли бы онъ «философъ», даже и при лучшей подготовкѣ—это еще вопросъ; но несомнѣнно, что въ уединеніи Руссо и Сенъ-Пьера онъ никогда бы не почувствовалъ въ себѣ своей специальной силы. Безъ его «метафизики», не только какъ онъ ее разумѣлъ въ 1839 г., но и такой, какою онъ намѣтилъ ее въ слѣдующій періодъ развитія, научное мышленіе пошло бы по своему пути, ничего не теряя; но безъ его «критики» социальныхъ явленій, назрѣвшей въ Парижѣ, а не въ пустынномъ уединеніи, многое не было бы такъ ярко и освяательно представлено коллективному сознанію развитаго человѣчества.

Во второмъ своемъ письмѣ въ Переннѣсу, отъ 16 декабря, Прудонъ дополняетъ картину своей умственной жизни за весь годъ.

«Дни мои», пишетъ онъ, «проходятъ между Ридомъ и Кантомъ; необходимо мнѣ остановить, на время, мои филологическія занятія, пока я не покончу изслѣдованій моихъ по этимъ двумъ личностямъ (personnages), которыя я, въ упоеніи своей гордыни, хочу разъ навсегда обработать за-ново (mettre pour jamais à la refogme). Такая мысль—невѣроятной дерзости, согласенъ съ этимъ; она способна вызвать презрѣніе и проклятія нашихъ философскихъ дѣлъ мастеровъ, до сихъ поръ только и пробавлявшихся Шотландіей да Германією. Но если я не ошибаюсь, чтó, конечно, очень возможно, я думаю, что не каждому дано такъ ошибаться какъ я, и что, въ концѣ-концовъ, я ускорю появленіе и доказательство истины.»

Говоря о книгѣ профессора философіи Тиссо, съ которымъ Прудонъ былъ также, хотъ и изрѣдка, въ перепискѣ, онъ хвалитъ его за то, что тотъ строго критикуетъ доктрину сень-симонистовъ и фурьеристовъ. Разобравъ потомъ какую-то академическую рѣчь, Прудонъ возвращается въ своему «я» и замѣчаетъ:

«Мои послѣднія занятія показали мнѣ, какъ я далекъ отъ всѣхъ философовъ, моралистовъ и юристовъ: теперь я сознаю все достоинство, все значеніе моихъ идей; я могу дать имъ ясное и вѣрное опредѣленіе, я могу показать причину всѣхъ неточностей, затемняющихъ политическія и законодательныя науки. и, не проникая въ мельчайшія подробности, я въ состояніи дополнить и замѣтить ложные или невыясненные принципы. Если только я не заблуждаюсь самымъ жалкимъ образомъ, мое первое произведеніе будетъ, быть можетъ, самымъ замѣчательнымъ событіемъ 1840 года, даже еслибъ случилась и революція, ибо общественные перевороты ничего не значатъ въ умственномъ движеніи.»

Чтó разумѣлъ онъ подъ этимъ «произведеніемъ»? Конечно, свой мемуаръ о *собственности*, который назрѣвалъ въ немъ, какъ-бы вопреки его метафизическимъ и словеснымъ занятіямъ. Для него, въ этотъ періодъ, выше всего былъ умственный интересъ, но натура социальнаго критика и чувствующаго простолудина дѣлала свое. Передъ нимъ уже носились роковые запросы общественной справедливости, но не въ видѣ политическихъ формулъ и лозунговъ, а въ формѣ болѣе радикальной. Въ концѣ того же письма къ Переннѣсу онъ съ особой рѣзкостью говоритъ объ антиправительственномъ движеніи. Тогдашніе либералы и революціонеры вызываютъ въ немъ приговоры строгаго судьи, для котораго ихъ торжество ничего бы не разрѣшило и ничего не исправило.

«Несомнѣнно», рѣшаетъ онъ, «что еслибъ они стали господами, иъ царство не продлилось бы двухъ недѣль, они бы сами разсыпались въ силу собственной неурядицы, но они бы успѣли дать публичнымъ дѣателямъ ужасный урокъ».

Слова эти дышать искренностью. Бергману, отъ 22 декабря, онъ пишетъ гораздо раздражительнѣе: «какъ видишь, хотятъ, чтобъ я былъ философъ, не позволяя мнѣ говорить ни о *Боги*, ни объ *общество*, ни о *религии*. Я могу заниматься наукой, не касаясь матеріаловъ». Все это—по поводу впечатлѣнія, произведеннаго на нѣкоторыхъ академиковъ и клерикаловъ его рѣчью о воскресеніи. Онъ уже началъ предчувствовать, что ему скоро придется съ ними схватиться, несмотря на свое тогдашнее стремление: создать какую-то *откровенную философію*.

Всѣ письма къ Югѣнѣ имѣютъ дѣловой и житейскій характеръ, почему мы на нихъ и не станемъ задерживать вниманіе читателя. Большая переписка съ Морисомъ также не важна для нашей задачи. Въ ней есть не мало, на восемь писемъ, бойкихъ и типичныхъ замѣчаній, касающихся Парижа и политики; но мы ничего не находимъ въ этихъ письмахъ такого, что проливало бы новый свѣтъ на мыслительное развитіе Прудона. Письмо отъ 12 апрѣля—особенно велико и чрезвычайно интересно въ смыслѣ политическихъ его сужденій. Мы видимъ въ немъ раннее торжество того смысла, которымъ отличалось поведеніе Прудона, какъ члена общества. Онъ не желаетъ даже тогда повторять обычныя прибаутки либераловъ. Всѣ кричатъ: «правительство само сочинило бунтъ»: онъ говоритъ: «нѣтъ, это не правда, возмущеніе подготовлялось, какъ слѣдуетъ». Въ перепискѣ же съ Морисомъ 1839 г. находимъ мы и знаменитую выходку Прудона, запрещающаго адресовать ему письма: «M. Proudhon, homme de lettres». Какъ бы ни провинились передъ его судомъ тогдашніе французскіе писатели, но все-таки странно и забавно видѣть фразу: *Homme de lettres est égal à chevalier d'industrie, sachez le bien*. Изъ всей этой полудѣловой, полужельетонной переписки съ двумя земляками за 1839 г. всего сильнѣе и знаменательнѣе для биографа слова Прудона въ письмѣ къ Югѣнѣ отъ 1-го іюня:

«Я—въ большой грусти: разумъ указываетъ мнѣ на неопровержимыя истины, а знаніе свѣта, приобретаемое мною каждый день, говоритъ мнѣ, что если я выскажу эти истины, я пожертвую своимъ благосостояніемъ. Нужды нѣтъ, впереди всего—правда; а тамъ—будь что будеть!»

Д — в в ъ.



ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ

Путевые очерки.

Окончаніе.

VI *).

Мертвые берега.—Плывущая саранча.—Мурія-Джіармо.—Джіармо.—Хивинская переправа.—Наводненіе и затопленные аулы.—Лодманъ Аралы.—Прогулка по ауламъ.—Женщины и дѣти.—Поражающая бѣдность.—Святой мушкетеръ.

Мертвые, совершенно безлюдные, открытые берега Аму тянулись съ обѣихъ сторонъ.

Рѣка стала шире. Мутно-желтыя воды катились какъ-то беззвучно:—ни всплеска у береговъ, ни пѣнистаго прибоя по окраинамъ отмелей.

И въ воздухѣ было удушливо, тихо. Мы плыли словно по какому-то мертвому царству.

Вдали, на самомъ горизонтѣ, виднѣлось что-то похожее на деревья;—тамъ, можетъ быть, и были люди, была жизнь, но это было очень далеко. Лучшіе наши бинокли не показывали намъ ничего опредѣленнаго...

Странное обстоятельство обратило наше вниманіе. Прежде всего мы замѣтили, что пѣна подъ бортами парохода, блестято-грязная, словно взбитое мыло, стала обрашиваться тѣмъ-то краснымъ, потомъ, вправо отъ судна, показались какія-то, плывущія по теченію, пятна ржаваго, желѣзистаго цвѣта. Пятна эти

*) См. выше: февр., 651 стр.

увеличивались, множились, дробились на одинокія точки... Вся рѣка покрылась ими,—и глуше зашлопотали лопасти парходныхъ колесъ, словно онѣ заворочались въ болѣе густой, плотной массѣ... Присмотрѣлись къ одинокимъ, болѣе близкимъ пятнамъ: вотъ ясно видны головки, лапки, цѣлыя насѣкомыя, то врозь, то сплотившіяся въ комен... Это все оказалась саранча,—пѣшая, о которой я уже говорилъ въ предыдущихъ главахъ. Вѣроятно, она переходила рѣку гдѣ-нибудь выше, и это плыли мимо насъ отхваченныя, унесенныя теченіемъ массы.

Ожила рѣка; показались концентрическіе, расходящіеся круги рибныхъ всплесковъ; громадные сазаны выскакивали чуть не до половины надъ поверхностью воды, сверкали на солнцѣ своею серебристою чешуею и жадно глотали обильную добычу; а добыча эта самая лакомая, ея много, ей нѣтъ ни числа, ни мѣры!

Сорокъ верстъ шли мы вверхъ по теченію,—и все время массы саранчи плыли намъ навстрѣчу непрерывными колоннами.

Вѣтво показался протокъ, довольно широкій, поросшій по берегамъ камышами, — это Мурія-Джіармо; широкая полоса водъ этого протока видна была верстъ на десять и скрывалась за поворотомъ. Вонъ еще новый протокъ, больше перваго,—это просто Джіармо; при устьѣ своемъ она образуетъ длинный, выдающійся мысъ, и на этомъ мысъ, пройдя совершенно безлюдными берегами около пятидесяти верстъ, мы снова увидѣли зимовки и аулы каракалпавовъ. Здѣсь кончается безлюдный промежутокъ Улькунъ-Дарьи и начинается болѣе населенная береговая полоса — «чимбайская волость».

По близости отъ этой косы находилась большая хивинская, караванная переправа. Громадные ваиқи, не меньше нашего парохода, стояли цѣпью вдоль берега. У того мѣста, гдѣ обрывалась, дойдя до воды, колесная дорога, построены были стожки изъ плетенаго камыша, на привязяхъ стояло нѣсколько осѣдланыхъ лошадей; двѣ фигуры въ черныхъ шапкахъ и яркихъ красныхъ халатахъ бродили по берегу, рисуясь на пескѣ яркими, такъ и бьющими въ глаза пятнами... Большой верблюдъ, вѣроятно, брошенный прошедшимъ караваномъ, лежалъ на пескѣ, совершенно распластавшись, вытянувъ свои длинныя, мозолистыя ноги... Нѣсколько конныхъ спѣшно гнали куда-то стадо овецъ, поднявшее цѣлыя облака густой пыли. Вѣтеръ крутилъ и несъ эту пылъ столбомъ, наискось переваливаясь черезъ рѣку.

Солнце жгло невыносимо, а самаго солнца почти не было видно: какой-то мутный, свѣтящій шаръ сквозилъ сквозь мгlistый туманъ. Знойный, раскаленный воздухъ дрожалъ и коле-

бался, сгущаясь на горизонтѣ и опоясывая его колеблющимися линіями миражныхъ озеръ... Тяжело дышать, работа валится изъ рукъ, всѣмъ организмомъ овладѣваетъ тоскливая апатія...

Часа черезъ четыре безостановочнаго движенія, пейзажъ сталъ нѣсколько измѣняться. Рѣка расширялась все болѣе и болѣе, камышъ гуще покрывалъ берега, впереди показались острова, поросшіе тоже густымъ камышомъ... Мы подходили къ началу громаднхъ озеръ Кара-куль и Сары-куль; Улькунъ-Дарья проходить черезъ оба эти озера.

Настоящее время—было время наибольшаго разлива, и надъ поверхностью воды, мѣстами, виднѣлись затопленные зимовья. Появились аулы, очутившіеся на островахъ; множество маленькихъ лодокъ сновали по всѣмъ направленіямъ, перевоза разобранныя кибитки на болѣе сухія мѣста; изъ-за бортовъ этихъ лодокъ виднѣлись головы козъ и барановъ, болѣе крупный скотъ перегонялся вплавь... Мимо насъ пронесло теченіемъ кибитку, смытую водою, пронесло еще какое-то тряпье и деревянные обломки... Вода поднялась болѣе, чѣмъ того ожидали, и многихъ жителей застала врасплохъ. И это бѣдствіе, какъ я узналъ послѣ, было приписано вредному вліянію русскихъ пришельцевъ — «осквернена земля друзьями шайтана, Аллахъ и лишилъ ее своего покровительства».

Пароходъ остановился и бросилъ якорь. Баржи отдали буксиры, и ихъ подрейфовало вѣтромъ прямо въ камышевыя заросли. Спустили шлюбку и послали ее въ аулъ—отыскать тамъ проводника, высланнаго намъ навстрѣчу начальникомъ Амударьинскаго отдѣла.

Мы видѣли, какъ наша шлюбка подошла къ берегу, какъ ее тотчасъ же окружила толпа каракалпаковъ... Долго шли переговоры, сопровождаемые жестами, довольно энергическими со стороны нашихъ матросовъ и самыми почтительными со стороны туземцевъ. Наконецъ, кончилось тѣмъ, что шлюбка вернулась безъ лоцмана:—его въ аулѣ не оказалось.

Совсѣмъ съ противоположной стороны, изъ-за камышей, показался кайкъ; онъ шелъ быстро, отталкиваясь на длинныхъ шестахъ; на его носу стоялъ высокій человекъ, въ неизбѣжной бараньей шапкѣ, и махалъ намъ платкомъ, повязаннымъ на длинной палкѣ; это и былъ настоящій лоцманъ, ожидавшій насъ въ другомъ мѣстѣ, и теперь выѣхавшій къ намъ предложить свои услуги.

Смуглый, почти черный атлетъ съ клинообразною бородою, довольно ловко взобрался по спущенному трапу, протолкался

свѣозъ толпу къ капитанскому мостику и бойко вбѣжалъ на гѣстницу.

По его движеніямъ видно было, что ему уже знакомы диковинные «шайтанъ-кайки», и онъ уже не разъ плавалъ на нихъ, указывая имъ дорогу. Теперь онъ уже четвертый разъ провожалъ нашъ пароходъ и поздоровался съ капитаномъ и ближайшими матросами, какъ со старыми знакомыми.

Мы могли продолжать путь дальше. Надо было только подтянуть наши баржи, отнесенныя вѣтромъ довольно далеко. Эта операція могла продолжаться около трехъ часовъ,—и мы воспользовались остановкою, чтобы сойти на берегъ и посмотрѣть аулы поближе, а если удастся, то проникнуть и во внутренности кибитокъ.

Первое, что поразило насъ, едва только мы ступили на землю, это множество опять той же пѣшей саранчи, ползавшей повсюду. Особенно много скопилось ея на тѣневыхъ сторонахъ канавокъ,—тутъ насѣкомые кишели въ нѣсколько слоевъ, облѣпивъ совершенно кусты колючаго джунгила и камышевые стебли. Такъ какъ по близости не было никакихъ посѣвовъ, то жители аула относились къ этому нашествію совершенно покойно и равнодушно.

Кибитки аула расположены были довольно беспорядочными группами; всѣ онѣ были маленькія, закопченныя до-нельзя, старыя... Мы подошли къ ближайшей изъ нихъ:—женщина, вся въ тряпкахъ, грязная и босоногая, выскочила изъ кибитки, захватила подъ мышку совершенно голаго ребенка, другого, постарше, прихватила за шиворотъ, бросилась отъ насъ бѣгомъ и спряталась въ сосѣдней канавѣ; оттуда она выглядывала на насъ, какъ зѣбрь изъ своей норы, готовый, при первомъ приближеніи охотнее, выскочить и бѣжать дальше.

Проходя мимо, мы заглянули въ ея жилище: страшная вонь отъ гнилой рыбы такъ и пахнула намъ въ лицо. Полная нищета царствовала въ этой кибиткѣ. Не было ни одного ковра, не было даже ни одного войлова, необходимой принадлежности кочевыхъ жилищъ. На голой землѣ валялось нѣсколько связокъ камыша, и тлѣли уголья подъ желѣзнымъ таганомъ. На волосной веревкѣ висѣло какое-то тряпье, изъ котораго дымомъ выгоняли вшившихъ тамъ паразитовъ... Зашли въ другую кибитку—то же самое;—въ третью—еще того хуже! И всюду стремительное, ни на что не удержимое бѣгство при нашемъ появленіи... Ни ласки, ни привѣствія, ни угрозы, ничто не могло остановить бѣгле-

цовъ; наконецъ, уже пригоршни серебряной мелочи удержали нѣсколько это бѣгство,—корысть одержала побѣду надъ страхомъ.

Жалко было смотрѣть на эти испытія, чахлая физиономія, съ отвислыми губами, съ цыготными деснами. Я не видавъ ни одного лица, сколько-нибудь дышащаго здоровьемъ, ни одного тѣла, не поражавшаго своею чрезмѣрною худобою.

Въ одну вибитку, относительно чище прочихъ на видъ, насъ не хотѣли-было пустить. Толпа мужчинъ, человекъ десять, загрозили входъ, съ видимою рѣшимостью отстоять его во что бы то ни стало отъ вторженія пришельцевъ. Спросили причину этого запрета — оказалось, что здѣсь живетъ мулла святой, видѣть котораго намъ не должно ни подъ какимъ предлогомъ. «Онъ и своимъ рѣдко показывается,—говорили защитники входа,—только развѣ въ святые дни, когда захочетъ почтить ауль особою благодатью... Не ходите! онъ прогнѣвается, а гнѣвъ его на насъ обрушится,—мы отвѣтимъ за то, что не удержали васъ и допустили осквернить его святость...» Дѣлать нечего, хотѣли-было идти дальше, да, къ счастью, самъ мулла оказался гораздо створчивѣе своихъ прихожанъ:—услыхавъ споръ у дверей своего жилища, онъ вышелъ. Мы увидѣли старика, сѣдого, сторбленнаго, слѣпного на одинъ глазъ. Поверхъ его бараньей шапки наворочено было что-то въ родѣ чалмы,—признавъ его сана; въ рукахъ у него была длинная палка и бумажный свертокъ съ выписками изъ корана.

На наше приглашеніе показать свое жилище, мулла отвѣчалъ полнымъ отказомъ, ссылаясь на то, что тамъ сидятъ женщины, а ихъ лицъ нельзя видѣть постороннимъ мужчинамъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ сталъ ему доказывать, что коранъ запрещаетъ показывать женщинамъ лица, но не запрещаетъ появляться имъ въ обществѣ подъ сѣткою, и что въ данномъ случаѣ имъ стоить только закрыться при нашемъ входѣ и предписаніе шаріата будетъ исполнено въ точности.

Офицеръ, знатокъ корана и шаріата, говорилъ недурно на туземномъ нарѣчьи—и у нихъ завязался довольно оживленный диспутъ.

Мулла однако былъ непреклоненъ, и мы собрались-было идти дальше, какъ одинъ матросъ нечаянно толкнулъ дверь, та распахнулась настежь, и въ великому нашему удивленію мы увидѣли тамъ не только что женщинъ, но даже ни одного живого существа, кромѣ козы, лежавшей на-привязи.

— Ну, пріятель, такихъ женъ шаріатъ не запрещаетъ показывать!—расхохотался офицеръ, спорившій съ муллою.

Этимъ эпизодомъ закончилась наша прогулка по аулу. Пароходъ далъ свистокъ, и мы поспѣшили на шлюбку.

Новый лодманъ занялъ свое мѣсто, около рулевого, и пароходъ, пыхтя и посвистывая, тронулся въ путь, ломая прибрежные камыши своими колесами.

VII.

Озеро Кара-куль, гигантскіе камыши, птицы и рыбы, плавучіе камыши, рыбаки и ихъ жилища. — Пароходъ-разрушитель. — Невозможность продолжать путь далѣе.

Мы вошли въ озеро Кара-куль. По мѣрѣ нашего входа въ озеро, берега все удалялись и удалялись, скрываясь за камышами. Мы плыли по цѣлому лабиринту гигантскихъ, чудовищныхъ камышей. Все озеро заросло ими; между этими ярко-зелеными стѣнами извиваются тысячи водныхъ протоковъ, глубокихъ, прозрачныхъ, переплетающихся между собою и извивающихся въ самыхъ неожиданныхъ извотахъ...

Глухой гулъ; словно въ дремучемъ лѣсу, стоитъ въ этихъ могучихъ заросляхъ, густая, темная зелень которыхъ пріятно ласкаетъ глазъ, утомленный однообразнымъ, пепельно-желтымъ цвѣтомъ сожженныхъ солнцемъ равнинъ.

Надъ поверхностью воды камышь достигалъ до двѣнадцати аршинъ высоты; бросили лотъ—онъ показалъ глубину отъ семи до восьми аршинъ и даже болѣе мѣстами... А камышь вѣдь этотъ растетъ на днѣ, надъ водою мы видимъ только верхнюю его половину!

Тысячи птицъ снуютъ и щебечутъ въ этихъ тѣнистыхъ чащахъ; тамъ-и-сямъ чернѣются ихъ качающіяся гнѣздышки... Тяжелые пеликаны съ шумомъ вылетаютъ изъ чащи и опускаются на открытыхъ мѣстахъ понырять и поплавать; граціозные лебеди несутся по низу, вытянувъ длинныя шеи, задѣвая крыльями за гибкія метелки... Голубой пчелоѣдъ, словно бирюзовая точка, дрожать и сверкаетъ въ воздухѣ, или же покачивается, усѣвшись на самомъ кончикѣ стебля, толщиной въ палецъ... Шумными тучами переносятся розовые скворцы, прилетавшіе съ берега сюда на охоту за мошками и комарами... Жизнь кипитъ надъ водою, кипитъ и въ водѣ: громадные сомы всплываютъ на самую поверхность и словно бревна неподвижно чернѣютъ въ прозрачной спокойной водѣ; цѣлыми стадами гуляетъ мелкая рыба, и только шумъ пароходныхъ колесъ да

звонкое щелканье буксирнаго каната тревожить все это населеніе и гонить его прочь, дальше отъ человѣка, въ самую глубь непроходимой чащи, куда никакіе «шайтанъ-камби» не доберутся.

Между этими неподвижными зарослями встрѣчаются и другія, плавучія. Корни камыша устарѣютъ и подгниютъ, вѣтеръ раскачаетъ ихъ и сорветъ такимъ образомъ цѣлый островъ, и вотъ плыветъ этотъ островъ, путаясь и цѣпляясь на каждомъ поворотѣ за другіе кусты, срывая ихъ въ свою очередь, загоразивая свободные проходы, затрудняя и безъ того трудное плаваніе по этимъ зеленымъ лабиринтамъ.

Мы замѣтили мѣстами снопы камыша, связанные въ пучки— это путеводныя вѣхи. Онѣ замѣтны издали, ихъ назначеніе указывать дорогу, однако нашъ лоцманъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія; да имъ и не слѣдуетъ особенно довѣряться: въ дружелюбія съ русскими здѣшніе каракалпаки часто срѣзываютъ настоящія, правдивыя вѣхи и вяжутъ новыя тамъ, куда пароходу заходить совсѣмъ не слѣдуетъ. Безъ опытнаго проводника можно забраться съ большимъ судномъ въ такую глушь, откуда ужъ назадъ не выберешься.

До ста верстъ въ ширину разливаются воды этого озера, сохраняя вездѣ почти одинаковую глубину. Профильтрованная камышами вода чиста и прозрачна, но на вкусъ отдаетъ нѣсколько сыръемъ и гнилью.

Воздухъ здѣсь прохладенъ, имъ легко дышется; и если только не эти мириады комаровъ, густымъ туманомъ волнующихъ надъ водою, то прогулка по этому оригинальному озеру была бы одна изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній путешествія въ Амударьинскую дельту.

Тутъ и люди гнѣздятся словно птицы, въ своихъ легкихъ временныхъ жилищахъ, весьма много общаго имѣющихъ птичьими гнѣздами. Рыбаки-каракалпаки забираются сюда на свои лѣтніе промыслы. Мы нѣсколько разъ встрѣчали ихъ камыши и проходили мимо ихъ пріютовъ. Послѣдніе устроиваются очень просто: камышъ срѣзаютъ на четверть аршина надъ поверхностью воды, и связавъ въ пучки срѣзанное, настилаютъ его прямо на оставшіеся комли, такимъ образомъ получается свайная постройка; только сваи эти каждая въ палецъ и немного болѣе толщиною, и гнутся какъ волосъ; но за то ихъ много, цѣлыя сплошная, густая щетка, и взаимная упругость ихъ сдерживаетъ довольно значительную тяжесть. Мы видѣли такіе помосты, въ которыхъ гнѣздились по три, по четыре человѣка. Рыбаки у

трились даже раскладывать огонь, насыпавъ предварительно слой песку или земли, привезенной изъ далека, съ твердынь береговъ, для этой именно цѣли. Надъ помостами, на легкихъ шестахъ, устраиваются навѣсы, все изъ того же камыша; тамъ-и-сямъ между чащами, въ свободныхъ проходахъ, виднѣются нехитрые рыболовные снаряды, и, увы! опять тѣ же преступныя крючья, заимствованныя, впрочемъ, у русскихъ, такъ какъ до сихъ поръ туземцы не знали другихъ способовъ ловли, какъ удочки, сачки и небольшіе бредни.

Къ нашему огорченію, а еще болѣе къ полному отчаянію самихъ рыбаковъ, парходныя колеса однимъ взмахомъ уничтожали всѣ попадающіеся на пути рыболовные снаряды, и надо было видѣть, съ какою торопливостью рыбаки садились въ свои лодки и спѣшили вслѣдъ за парходомъ подбирать плавающие остатки и отрепья.

Полуголыя, бронзовыя фигуры, для выигрыша времени, кидались иногда прямо въ воду, и, ловко плавая, подхватывали веревки, наматывали ихъ на шею, а то и просто брали въ зубы, съ пойманнымъ возвращались на свои плоты, а оттуда уже посылали намъ въ слѣдъ самыя злыя пожеланія.

Да какъ же имъ было и не сердиться... Столько вѣбвовъ — вражды ихъ и дѣды, отцы, и наконецъ они сами рыбачать здѣсь въ этихъ заросляхъ, совершенно покойно, а тутъ вотъ пришли какія-то громадныя огненные лодки, дымятъ, пыхтятъ, свистятъ на все озеро, распугиваютъ рыбу, и, въ концѣ-концовъ, безцеремонно разрушаютъ ихъ снасти!

До мѣста назначенія, т.-е. до русскаго лагеря, расположеннаго на самомъ берегу, у подножія небольшой горной группы — Кушкане-тау, оставалось не болѣе пяти верстъ. Мы ясно уже видѣли лиловый гребень этихъ горъ, поднимающійся надъ моремъ камышей, и рассчитывали добратъся туда еще за-свѣтло.

Расчеты наши не сбылись. Проходы между камышей становились все уже и уже, повороты круче и круче, мы забрались, наконецъ, въ такую тѣснину, что дальше идти было уже невозможно. «Самаркандъ» бросилъ якорь.

Рѣшено было переночевать здѣсь и завтра утромъ подняться на завозахъ баржи съ десантомъ въ берегу и начать вылазку.

Плаваніе наше окончилось.

VIII.

Бивуакъ у Кушкане-тау. — Лагерь безсрочно-отпускныхъ. — Полковникъ Ивановъ, начальникъ Аму-дарьинскаго отдѣла, левъ хивинскаго похода. — Удушья вая ночь, + 31° Реомюра.

Четырехвесельная шлюбка причалила въ плоскому, песчаному берегу, то-есть не въ самому берегу, а остановилась за мелко-водіемъ, не дотянувшись саженой двухъ до сухого мѣста. Мы были въ высокихъ сапогахъ, а потому маленькое неудобство высадки насъ не слишкомъ стѣсняло.

Вдоль берега, у самой почти воды, тянулся характерный, пестрый, оживленный бивуакъ. Мы высадились въ самомъ центрѣ его кипучей дѣятельности.

Здѣсь собрано было до шестисотъ человекъ солдатъ; не смотря на это, бивуакъ рѣшительно не имѣлъ ничего такого, что напоминало бы чисто-военный характеръ лагеря. Пестрота костюмовъ, отсутствіе правильности и порядка въ размѣщеніи шалаточекъ и кибитокъ, крайняя оживленность, чувство воли и свободы, такъ и сіявшее на каждомъ загорѣломъ, бронзовомъ лицѣ неволью поражали глазъ наблюдателя. Веселыя пѣсни хмѣлого разгула, знакомая, родная гармоника, говоръ и смѣхъ — такъ и били въ уши какимъ-то ярмарочнымъ гуломъ.

Это были все безсрочно-отпускные... Дождались они, наконецъ, возможности вырваться на волю, — ну, и радовались же они этой, давно жданной, желанной воли!..

Они стояли здѣсь уже вторую недѣлю, и какъ манныя бесной ждали прибытія парохода, который долженъ былъ перенести ихъ въ Казалинскъ, откуда они отправляются сухопутнымъ трактомъ, черезъ степи, всякъ на свою родину.

Все горе, всѣ заботы, всѣ лишенія тяжелой боевой жизни все забыто было разомъ, словно ничего не было вовсе. Впередъ роились только одни надежды, самыя розовыя, свѣтлыя, отрадные такія...

— Ужь какъ же, домой пришедши, дуть буду свою Анисъ — страсть! — говорить синяя рубаха на выпускъ другой рубахи красной, кумачевой, такъ и горящей на солнцѣ.

— За что, за что дуть?.. — освѣдомляется та.

— Ужь я знаю за что... тоже, чай, слышали про сина дѣла...

— Ежели я эти самыя триста рублей пушу по торгов...

части: питейный откромю, аль бо что другое...—сообщаетъ бакенбардистъ съ полосатою ленточкой на груди...

«Во пиру была—во бесѣдушкѣ»—

—покрываетъ все лихая, горластая пѣсня...

Каждое утро, на холмѣ, что спускался отлогимъ скатомъ въ рѣкѣ, несмотря на палящій зной, собиралась густая толпа, и не сходила такъ до вечера съ этой обсерваторіи... Это все они выжидали, не покажется ли пароходный дымъ, вдали за этими зелеными, камышевыми чащами, не покажется ли тоненькая черточка мачты и бѣлые паруса баржъ на буксирѣ.

Вотъ, увидѣли они и дымъ, и паруса, послѣ двухъ недѣльнаго, самаго томительнаго ожиданія; какъ же имъ теперь не ликовать, не радоваться; и найдется ли такая рука, безжалостная, что покусится подняться на это веселье и попробуетъ водворить здѣсь скучный, однообразный, казенный характеръ военнаго лагеря!

А тутъ же, посреди бивуака, стояла большая кошменная кибитка, и около нея торчалъ грозный значокъ начальника Амударьинскаго округа, полковника Иванова, выѣхавшаго тоже на встрѣчу парохода и членовъ нашей экспедиціи.

«Ничего, что же, онъ, до чего другого грозенъ, а нашему веселью не мѣшаетъ», думаютъ солдаты, а потому не очень-то стѣсняются ею присутствіемъ.

«Они достаточно поработались, лихо отслужили въ свое время, и никакой отдыхъ не искупить вполне того, что они вынесли» — думаетъ въ то же время онъ, и смотритъ пока севозъ пальцы.

Первымъ дѣломъ, по высадкѣ на берегъ, мы всѣ отправились къ Иванову, онъ насъ встрѣтилъ на порогѣ своей кибитки.

Это былъ еще молодой человекъ, высокаго роста, красивый блондинъ, съ окладистой, свѣтлою бородою. Эта борода дала ему названіе «сары-сакаль-тюра» (желтобородый начальникъ). И на берегъ, и на этомъ берегу туземцы не знаютъ другого имени; такъ и величаютъ они его и между собою, и за-глаза, и прямо въ глаза, даже при официальныхъ встрѣчахъ.

Ивановъ давно уже служить въ Средней Азій, — чуть ли не въ первой десятокъ лѣтъ; лучшаго знатока азіатскихъ нравовъ трудно было найти было. Необыкновенный тактъ, рѣшительность и энергія его слишкомъ хорошо известны туземцамъ, и, благодаря этой популярности, онъ съ своими двумя батальонами, заброшенный въ самую отдаленную глушь, отрѣзанный отъ ближайшаго подрѣз-

ленія чуть не полутора-мѣсячнымъ разстояніемъ, чувствуетъ себя совершенно какъ дома, несмотря ни на какое смутное состояніе края.

Я давно уже, еще въ прежнихъ своихъ поѣздахъ въ центральную Азію, зналъ этого человѣка, и зналъ его всегда покойнымъ, не теряющимъ ни на секунду, въ самыхъ критическихъ, неожиданныхъ положеніяхъ. Слѣдующій фактъ вполне характеризуетъ эту способность соображать и не теряться. Въ послѣднюю кампанію, Ивановъ, съ тремя казаками, переводчикомъ и нѣсколькими туземными джигитами, былъ окруженъ партией тюремень, человѣкъ въ двѣсти... Русскіе тотчасъ же спѣшились, сплотившись въ кучку и начали отстрѣливаться. У Иванова былъ револьверъ съ шестью зарядами; разстрѣлявъ пять изъ нихъ, онъ остановился и не выпустилъ шестого, какъ ни нападали на него непріятельскіе всадники. Онъ этотъ зарядъ готовилъ для чего-то особеннаго. Когда пришло подерѣвленіе и горсть русскихъ была спасена, его, израненнаго, привезли въ лагерь и между прочимъ спросили: для чего сберегъ онъ шестой выстрѣлъ?—Для себя,—покойно отвѣчалъ Ивановъ,—я присматривался, нѣтъ ли у тюремень арвановъ, и еслибъ только я почувствовалъ на себѣ прикосновеніе веревки, тюременамъ достался бы мой трупъ, а не живой плѣнникъ.

Вотъ, къ этому-то льву хивинскаго похода мы и отправились представиться, да встать и позавтракать.

Въ тотъ же день, кое-какъ, гдѣ тягою на завозахъ, гдѣ на шестахъ, протащились сквозь камыши наши баржи и стали въ вдалекѣ отъ берега. Началась оживленная разгрузка и нагрузка. На баржахъ пришли молодые солдаты на смѣну старымъ.

Безъ усталости, безъ понуканія, раздѣвшись до-нага, бредя по поясъ въ водѣ, работали солдаты... они работали для себя и потому не нуждались въ этомъ понуканіи. Тѣ, что въ другое время танулось бы нѣсколько сутокъ, окончено было въ одинъ день, и еще засвѣтло баржи могли бы отправиться въ обратное плаваніе.

Намъ приготовлены были кибитки для ночлега и верховые лошади для насъ и подъема нашего багажа. Рѣшено было завтра, съ разсвѣтомъ, идти къ городу Чимбаю, исходной точкѣ экспедиціи.

Ночь стояла жаркая, удушливая; несмотря на близость такой массы воды, отъ нея не вѣяло свѣжестью; раскаленные за день песчаные холмы Кушкване-тау испускали ночью столько лучистой теплоты, что термометръ не понижался ниже + 31° Реомюра

Все тѣло покрывалось испариной и ныло какъ разбитое; безъ сна, несмотря на усталость, мы даже не рѣшались ложиться въ постель и истребляли невѣроятное количество воды съ лимонною кислотой. Въ разсвѣту стало нѣсколько прохладнѣе, лошади были осѣдланы, и мы тронулись въ путь.

IX.

Отъ Кушкане-тау до Чимбая.—Горы Кушкане-тау.—Бѣлая сопка.—Низменная обработанная полоса.—Чигири.—Борьба жизни съ смертью.—Мертвые пески.—Змѣи.—Провалъ и каракалпаки.—Чимбайскіе старшины.

Солнце еще не взошло, когда нашъ маленькій кортежъ выступилъ изъ лагера, по чимбайской дорогѣ.

Съ нами ѣхалъ и начальникъ отряда «Сары-сакаль-тюра». Онъ ѣхалъ во главѣ кавальдады, на приземистой казачьей лошади; около него рысали и подпрыгивали нѣсколько офицеровъ изъ его штаба и неизбежное лицо—переводчикъ. Сзади насъ ѣхали десятка два конвойныхъ казаковъ и вели въчучныхъ лошадей, нагруженныхъ ковриками, чемоданчиками, походными чайниками и разными дорожными принадлежностями.

Хребетъ Кушкане-тау вырисовывался съ каждымъ шагомъ нашихъ лошадей. Въ эту сторону горы спускались почти отвѣсными обрывомъ, исполосованнымъ горизонтальными линиями. Ясно было видно, что поверхность водъ какого-то доисторическаго моря достигала почти вершины этого вряжа и, понижаясь мало по-малу, промыла эти параллельныя полосы.

Взошедшее солнце освѣтило этотъ обрывъ; рѣдкія обозначились на немъ темно-синія тѣни поперечныхъ трещинъ, засверкали серебристыя полосы, покрытыя осадочнымъ солонцеватымъ налетомъ, и особенно ярко выступили на немъ охристыя, темно-зеленыя пласты съ зеленоватыми металлическими прожилками.

Ближе къ намъ, на песчаныхъ покатоствахъ, точно искусственно устроенныя, разбросаны были, чрезвычайно оригинальныя на видъ, коническія сопки почти бѣлаго цвѣта. Бока этихъ сопокъ были такъ круты, что по нимъ невозможно было взобраться даже гнѣшему. Эти возвышенія чрезвычайно походили на гигантскія сахарныя головы, какъ своимъ цвѣтомъ, такъ и формами. За ними тянулась уже низменная равнина, виднѣясь, въ промежуткахъ между сопками, темно-синею, туманною полоскою.

Сначала дорога была неровная, съ безпрестанными подъемами и спусками, и мало по-малу всѣ эти неровности остались сзади.

Мы вступали въ культурную полосу, населенную каракалпаками-земледѣльцами «щенчи». Часамъ къ семи утра, мы въѣхали въ густую, мелкорослую чащу джунгилъ и джиды, перемѣшанные съ колючимъ терновникомъ и другими кустарниками мѣстныхъ видовъ.

Кое-гдѣ, по сторонамъ дороги, дымились кибитки каракалпаковъ и виднѣлись глинобитныя стѣны зимовокъ. Мѣстами кустарникъ былъ расчищенъ; тамъ зеленѣли небольшія четырехугольныя поля, обработанныя и засѣяныя хлопкомъ и джугарою. Словно серебряныя жилки, змѣнились переплетающіеся между собою арыки и пронзительно визжали «чигири», накачивая воду изъ глубины этихъ оросительныхъ канавъ на болѣе возвышенныя мѣста.

Чигири, — это водокачальный приборъ слѣдующаго незатѣливаго устройства: на простомъ горизонтальномъ приводѣ, въ видѣ шестерни, очень грубо сдѣланной, устанавливается вертикальное колесо, ободъ котораго увязанъ, совершенно одинаковой величины и формы, глиняными кувшинами съ широкимъ отверстіемъ. Эти сосуды укрѣплены всѣ по одному направленію, наискось къ ободу, въ сторону вращенія колеса; лошади или быки ворочаютъ приводъ, и колесо черпаетъ воду внизу, а поднимая наверхъ, вливаетъ ее въ подставленные желоба. Такимъ образомъ, высота подъема воды зависитъ отъ величины діаметра колеса, и нѣсколько чигирей, разстановленныхъ по известной системѣ, могутъ поднять воду на довольно значительную возвышенность.

Орошеніе чигирами есть единственный способъ, принятый каракалпаками; онъ гораздо проще и легче, чѣмъ эти знаменитыя заравшанскія плотины и шлюзы, требующіе ежегодно для своего поддержанія тысячи рабочихъ рукъ и затратъ значительныхъ капиталовъ.

Но зато тамъ побѣда, разъ одержанная человекомъ надъ природою, прочна, — здѣсь же полудикій хлѣбопашецъ ежедневно долженъ бороться съ могучимъ соперникомъ, и каждый часъ, упущенный имъ въ этой борьбѣ, ведетъ къ потерѣ всего приобрѣтеннаго.

Жгучее, палящее солнце, бездождное девяти-мѣсячное лѣтнее сосѣдство мертвыхъ, песчаныхъ пустынь, — всѣ эти страшныя враги обрушились на голову земледѣльца; противъ нихъ онъ противопоставляетъ только свои чигири съ водою — не хватило рукъ на день работы — значительная потеря; не хватило рукъ на болѣе время, — и солнце неумолимо выжигаетъ все посѣянное. Гдѣ

вода — тамъ жизнь, гдѣ ея нѣтъ — смерть. И жизнь и смерть граничатъ слишкомъ близко одна къ другой, чтобы хлѣбопашецъ могъ ослабить свое вниманіе въ этой непрерывной борьбѣ.

Въ прошедшемъ году много рабочихъ рукъ было отвлечено политическими событіями изъ этого края, и теперь мы видѣли полузасыпанные пескомъ, выжженные поля, на которыхъ едва сохранились слѣды прежней обработки. И это за одинъ годъ!

Проѣзжая впоследствии какъ разъ границею мертвыхъ песковъ и обработанной полосы, мы видѣли не разъ, какъ изъ-подъ песчаного слоя, въ нѣсколько аршинъ толщины, торчали сухіе остовы деревьевъ и поднимались полуразрушенные станы жилищъ, быть можетъ прежде окруженныхъ самою цвѣтущею растительностью.

Грустное, тяжелое впечатлѣніе на путешественника производить видъ этого кладбища затраченныхъ силъ, непосильныхъ трудовъ человѣка...

Поминутно приходилось переѣзжать намъ черезъ мостики, крайне шаткіе и подозрительные. Большинство всадниковъ предпочитало прыгать прямо черезъ арыки, чѣмъ довѣряться этимъ сооруженіямъ...

Солнце начинало припекать-таки изрядно. Дорога становилась все хуже и хуже, кустарники рѣже и чахлае, а впереди желѣли уже сплошные пески, черезъ полосу которыхъ намъ приходилось переѣзжать въ самый полдень.

Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ полосъ, одолѣвшихъ человѣческихія руки. Старики въ Чимбаѣ говорили, что они помнятъ еще то время, когда дорога отъ ихъ города къ горамъ Кушканезу была обрамлена непрерывными зелеными полями и садами.

— Ханъ и тюрмены отняли у насъ руки, — говорили они, — песокъ отнялъ землю. Навстрѣчу намъ, прямо въ лицо подулъ вѣтеръ, и насъ обдало удушливымъ жаромъ, точно изъ жерла затопленной печки...

— Воды набери въ бутылки, у кого есть, — слышался чей-то заботливый голосъ сзади.

— Перемахнемъ и такъ! Въ два часа на той сторонѣ будемъ, — отвѣчалъ другой, беззаботный.

Казакъ, въ темно-сѣрой рубахѣ, рванулса съ мѣста въ карьеръ, чуть не сбивъ съ ногъ при этомъ мою скромную, туземную лошадку; въ рукѣ у казака дымился горящій артиллерійскій фитиль. Это значило, что нашъ полковникъ вынулъ изъ портсигара календаръ. Лихіе, наметанные его конвойцы не дожидаются словесныхъ приказаній и смотрятъ въ оба...

Два туземца-джигита и одинъ казакъ тоже въ карьеръ по-неслись впередъ, обогнали насъ, мелькнули раза два въ чащѣ кустарника, показались еще разъ на вершинѣ небольшого курганчика — и скрылись, словно потонули въ этихъ желтыхъ пескахъ, разстилавшихся передъ нашими глазами.

Они были посланы на мѣсто привала, чтобы въ нашему прибытію приготовить чай, единственный, ничѣмъ незамѣнимый напитокъ, съ помощью котораго только и можно бороться съ этими сорока-градусными жарами.

Вотъ и песок!

Растительность исчезла; лошади повѣсили головы и попи тише... Стало душно и тяжело дышать... Стихнетъ на минуту легкій вѣтеръ, и неподвижный, раскаленный воздухъ давить васъ, словно накладываетъ на ваше тѣло свинцовыя латы; пахнетъ этотъ вѣтеръ, — еще того хуже выходитъ: онъ обжигаетъ вамъ лицо, обжигаетъ руки, шею, все, неприкрытое платьемъ... Кожа сохнетъ и трескается съ несносною болью, и обожженные солнцемъ, обвѣтренныя мѣста болятъ какъ отмороженныя... Двѣ, диаметрально противоположныя причины, приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

А вотъ и развлеченіе.

Одинъ изъ всадниковъ, ѣхавшій въ сторонѣ, вдругъ осадилъ лошадь и потянулъ изъ ноженъ свою кривую пашку... Вотъ онъ нагнулся, рубить что-то по землѣ, съ ожесточеніемъ, съ полною безпощадностью... Усталая лошадь косится, прядетъ ушами и храпѣтъ...

Изъ любопытства, я поспѣшилъ подъѣхать: большая змѣя, около полутора аршина длиною, вся сверкающая, словно металлическая, конвульсивно извертывается и бьется на песокъ; отрубленная голова ея еще моргаетъ глазами и шевелитъ раздвоеннымъ языкомъ. Это очень ядовитая, степная порода змѣй, весьма близко подходящая къ извѣстнымъ гадюкамъ или казолькамъ не-воросійскихъ степей, только крупнѣе. Укушеніе этой гадены почти всегда смертельно, особенно если запоздаетъ медицинская помощь.

Какъ бы ни усталъ путешественникъ, какъ бы ни былъ изнуренъ его конь, онъ все-таки, увидавъ этого ненавистнаго врага не воздержится отъ охоты на этого ядовитаго гада.

Такимъ образомъ, пока мы переходили песчаную полосу шириною не болѣе двадцати верстъ, было убито до шести змѣй что позволяетъ считать эту степь не совсѣмъ удобнымъ и приятнымъ уголкомъ для мирной жизни.

Кончатся несносные пески! да и пора! Кони наши совсѣмъ уже выбиваются изъ силъ, глаза путниковъ смотрятъ безжизненно и вла, разговоры стихли, всѣ молчатъ и упорно глядятъ впередъ, по одному и тому же направленію.

Тамъ слыбѣтъ вдали туманное пятнышко; это группа деревьевъ. Тамъ вода, тамъ тѣнь! Тамъ ждутъ насъ чайники съ горячимъ, ароматическимъ чаемъ...

Нагайки щелкаютъ усерднѣе, — усталые кони и не думаютъ прибавлять шагу, путешественники начинаютъ волноваться, — ихъ мучитъ жгучее нетерпѣніе... Разстояніе кажется длиннѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ... время тянется безконечно долго...

Одинъ только Ивановъ покойно идетъ на своемъ «мошталчѣ» въ изгнѣнныя позы на сѣдлѣ, не прибавляя, не убавляя шагу, въ мнѣніи выраженія на своемъ покойномъ лицѣ... Для этого всадника будто не существуетъ ни усталости, ни жары...

Опять казакъ съ фителемъ рванулся впередъ... а тѣмъ временемъ всѣ остальные пользуются минутною остановкою и наскоро передаютъ другъ другу бутылку съ послѣдними, живительными каплями...

Къ часу дня мы остановились на привалѣ, въ тѣни жидкого кустарника, на армыѣ Джакъ-казакъ, у небольшого каракалпакскаго аула, и съ наслажденіемъ растянулись на разостланныхъ пополахъ и буркахъ. Шагахъ въ двадцати стояло нѣсколько обѣдненныхъ, законченныхъ кибитокъ съ войлочными только крышами; бобовыя стѣны кибитокъ были обнесены просто «чяни» т. е. вязанными камышевыми загородами. Невдалекѣ находились и зимовки этого аула, четырех-угольный дворъ, обнесенный довольно высокою, глиняною стѣною, съ навѣсомъ вдоль тѣни, по внутренней ихъ сторонѣ... У самыхъ стѣнъ лѣпились нѣсколько абрикосовыхъ деревьевъ, отбрасывая жиденькую тѣнь; дальше виднѣлось десятка два чахлахъ тополей; корни этихъ деревьевъ, обмываемые арыкомъ, пускали многочисленныя отпрыски, между тѣмъ вершины ихъ уже сохли и виднѣлись оголенными вѣтвями... Два ишака и худая лошаденка со сбитою спиною ворочали неизбѣжный чигирь, визжавшій на всю окрестность. Дюжина куръ бродила между грядами, засаженными хлопкомъ, высокой тонконогіей жеребецъ, кровный тюркмень, выглядывавъ изъ-за камышевой загороди и неистово ржалъ, косясь на нашихъ смиренныхъ лошадокъ.

Это былъ первый каракалпакскій аулъ, по дорогѣ отъ Бушане-тау до Чимбая.

А вотъ рискнули подойти къ намъ и обитатели аула. Ихъ было человекъ восемь; только двое изъ нихъ были въ халатахъ, остальные въ однихъ въ длинныхъ рубахахъ изъ грубой бѣлой бумажной ткани; рубахи эти были не подпоясаны и обрисовывали худыя, костлявыя тѣла... Всѣ они были въ неизбѣжныхъ громадныхъ черныхъ шапкахъ; каждый несъ въ рукахъ какое-нибудь угощеніе для насъ, путешествующихъ...

Отъ этихъ фигуръ такъ и вѣяло библейскою древностью, особенно отъ двухъ изъ нихъ, съ стереотипными, высокими глиняными кувшинами на плечахъ.

Они принесли намъ «айракъ» — смѣсь козьяго молока съ водою, нѣсколько прокисшая, но довольно пріятная на вкусъ, еслибъ только все это было хотя немного опрятнѣе... Брюзгливому человеку лучше и не заглядывать въ нѣдра этихъ кувшиновъ, иначе онъ, умирая даже отъ жажды, не рѣшится хлѣбнуть айрака, не рѣшится даже поднести къ своимъ запекшимся губамъ бракъ этого кувшина...

Впрочемъ, всѣ присутствующіе оказались народомъ невзыскательнымъ, и, процѣдивъ айракъ черезъ носовые платки, пили его не безъ удовольствія.

Принесли намъ урюку (абрикосовъ), но онъ еще оказался совершенно зеленъ, и пробовать его было бы дѣломъ рискованнымъ; ко всему этому прибавилось еще блюдо лепешекъ изъ смѣси пшеничной муки съ джугарою... Все принесенное предложено было намъ, конечно, даромъ, «силлау»; но тѣмъ не менѣе принесшіе были увѣрены, что въ накладѣ не останутся, а потому, поставивъ все передъ нами, сами отошли неподалеку и сѣли въ рядъ, на корточкахъ, внимательно созерцая насъ и слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Спустя минутъ пять пріѣхали къ нашему оазису нѣсколько конныхъ, одѣтыхъ побогаче. Они слѣзли съ своихъ лошадей и почтительно согнувшись, начали приближаться къ полковнику.. Это, оказалось, пріѣхали съ *арзомъ*, т. е. просьбою о чемъ-то. Имъ объявлено было, что начальникъ «Сары-сакаль-тюра» будетъ ночевать въ Чимбаѣ и тамъ приметъ всѣ просьбы и жалобы, и которымъ выйдетъ и немедленное рѣшеніе. Пріѣхавшіе совершенно удовлетворились этимъ и съ привала вѣхали уже вмѣстѣ съ нами, увеличивъ нашу кавалькаду. Дорогою къ намъ строились еще новыя группы, такъ что передъ воротами Чимба нашъ кортежъ, по мѣстному жаргону, забиралъ подъ себя оченъ много дороги.

Отдохнувъ полчаса и напившись чаю, мы снова сѣли на лошади

дей и пустились въ путь, сравнительно болѣе пріятный, такъ какъ дорога пролетала теперь по мѣстамъ уже культурнымъ, и глазъ не утомлялся болѣе тяжелымъ однообразіемъ пустыни.

Солнце жгло, впрочемъ, также невыносимо и изъ-подъ ногъ лошадей поднималась ѣдкая, солонцеватая пыль.

Впереди показались густыя группы садовъ. Показался народъ, стоявшій пестрою толпою въ тѣни стараго расквистаго дерева. Между черными шапками виднѣлись двѣ-три чалмы—это были муллы, духовныя особы. У городской межи насъ ожидали почетныя лица города, выѣхавшіе навстрѣчу Иванову «съ хлѣбъ-солью».

Вопреки обыкновенію носить преимущественно темныя одежды, въ этой толпѣ было нѣсколько яркихъ, такъ и бьющихъ въ глаза костюмовъ... Это были жалованные халаты «*сарпаи*». По существующимъ правиламъ этикета, къ начальнику надо всегда являться въ томъ халатѣ, который имъ былъ пожалованъ...

Опять блюда съ варенымъ рисомъ, конфетами, урюкомъ и разною зеленью; опять неизбѣжныя лепешки и кувшины съ кумысомъ и айракомъ...

«Хлѣбъ-соль» была принята, т.-е. во всему милостиво прикоснулись пальцы начальника, и мы поѣхали дальше.

X.

Городъ Чимбай и его населеніе. — Базарная улица, городъ, зимовка, 40,000 жителей.—Кичейли.—Наша стоянка.—Ураганъ и тревога.

Пріятнымъ холодомъ повѣяло на насъ изъ-подъ тѣнистыхъ навѣсовъ чимбайскаго базара. Длинные жерди были перекинуты черезъ улицы, опираясь своими концами на савельныя крыши, и на эти жерди были настланы хворостъ и цыновки... Эта крытая галерея тянется черезъ весь базаръ, и отъ нея идутъ боковыя вѣтви, также защищенныя отъ солнца.

Сначала непривычный къ темнотѣ глазъ чуть-чуть различалъ во мракѣ очертанія предметовъ и движущіяся тамъ фигуры, но мало по-малу все яснѣе и яснѣе становилось кругомъ, глазъ привыкалъ скоро... Во всемъ измученномъ продолжительною дорогой организмъ чувствовалось пріятное ощущеніе сырого холода, точно мы очутились сразу въ какомъ-то погребѣ. Даже лошади замѣтно ободрились,—и гулко неслись подъ сводами толпы многочисленныхъ копытъ и довольное, веселое фырканіе чующихъ ночлежъ коней...

Яркій лучъ свѣта, прорвавшись сквозь щель навѣса, скользило по кроваво-красному куску мяса, висѣвшаго передъ дверью мясника, перебѣгало на свертки ремней и обрѣзки цвѣтной кожи у лавки шорника, задѣвалъ мимоходомъ заплѣснѣвѣлый бокъ шестиведернаго, колоссальнаго самовара и упирался прямо въ топкую, вонючую грязь никогда не просыхающей лужи, какъ разъ по срединѣ улицы... Тамъ освѣщалось веселое лицо мальчика въ островерхой шапочкѣ, непремѣнно красной; тамъ достигла почтенная, гладко обритая голова правовѣрнаго, снявшаго для прохлады свою тяжеловѣсную шапку... Наши бѣлые кители и рубахи, въѣзжая въ подобную полосу свѣта, освѣщались мгновенно, словно вспыхивали, — и также мгновенно исчезали, погружаясь снова въ область мрака и прохлады.

Кое-кто изъ жителей поспѣшно вскакивали на ноги при нашемъ проѣздѣ, и творили самые подобострастные, чуть не земные поклоны, другіе кланялись съ достоинствомъ, чуть-чуть нагибая голову и не вставая. Большинство же, не мѣняя своихъ спокойныхъ, полулежачихъ позъ, равнодушно провожало насъ глазами, не удостоивая своихъ побѣдителей даже обыкновеннымъ привѣтствіемъ.

Базарныя улицы были кривы и узки. Встрѣчные робко жались къ самымъ стѣнамъ, а то и просто заходили въ лавки, чтобы дать намъ дорогу... Базарный воздухъ, такъ пріятно поразившій насъ сначала своею прохладою, давалъ-таки себя чувствовать съ другой, менѣе привлекательной стороны; мѣстами мы просто вынуждены были затыкать пальцами носы и задерживать дыханіе, — такіе тамъ распространялись мѣстные ароматы, особенно въ тѣ минуты, когда ноги нашихъ лошадей тревожили покой вѣвковыхъ, покрытыхъ зеленою плѣсенью и ржавчиной, гниющихъ лужъ.

Выбрались мы, наконецъ, изъ-подъ базарнаго навѣса и поѣхали по открытымъ уже улицамъ, на другой конецъ города, гдѣ на площади бывшаго ханскаго сада стояла бивуакомъ казачья сотня и были поставлены кибитки для нашего помѣщенія.

Домовъ, т. е. сакель, въ Чимбаѣ очень немного. Весь городъ состоитъ изъ глинобитной ограды, охватывающей пространство окружностью версты полторы; только базарная часть этого пространства застроена.

Каракалпаки, кочуя лѣтомъ близъ своихъ полей, въ кибиткахъ, на зиму перебираются въ Чимбай, и въ этой оградѣ собираются всѣ вмѣстѣ, въ тѣсную кучу, доходя числомъ до сорока тысячъ кибитокъ.

Постоянное тревожное положеніе, боязнь набѣговъ и грабежей со стороны тюрменъ, своихъ черезчуръ воинственныхъ сосѣдей, выработали этотъ характерный образъ полуочевой, полусѣдой, городской жизни. Лѣтомъ каракалпаки считаютъ себя болѣе или менѣе обезпеченными отъ этихъ набѣговъ: широкая Аму съ своимъ безчисленными рукавами, протоками и болотистыми берегами защищаетъ ихъ отъ тюрменъ, но зимою, едва только кора льда покроетъ водныя поверхности и сплотитъ вязкій грунтъ болотъ, на мирныхъ поляхъ начинаютъ появляться разбойничьи партіи, перешедшія съ лѣваго берега, и несчастные земледѣльцы ищутъ себѣ спасенія, скучиваясь на зимовки въ ставкахъ своихъ тѣсныхъ, общественныхъ загоновъ, громко именуемыхъ городами. Такимъ образомъ основались—Чимбай, Нукусъ, и другіе осыдлые пункты оазиса праваго берега, перешедшаго по договору съ Хивою въ наше владѣніе.

Протокъ Кичейли, пересѣкая базарную, центральную улицу, отбѣгаетъ Чимбай и за нимъ уже, ниже по теченію, развѣтвляется на аръки полей, и тамъ расходуетъ весь безъ остатка, такъ что все плодородіе обработанныхъ пространствъ вокругъ этого пункта зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ количества водъ этого протока. Кичейли—это жизненная артерія Чимбая; онъ же и его главный путь сообщенія съ прочими пунктами, лежащими выше, и водами самой Аму-Дарьи.

Все населеніе Чимбая, отъ мала до велика, собралось и окружило нашъ лагерь — шутка ли въ самомъ дѣлѣ! Самъ начальникъ—Сыра-сакаль-тюра пріѣхалъ и съ нимъ самые диковинные, невиданные до сихъ поръ въ этихъ мѣстахъ люди, все кулли, ученые изъ Петербурга, «Акъ-падши-стакна», т.-е. города дара блага...

Но скоро судьба прервала этотъ спектакль, разогнала всѣхъ по своимъ салямъ и надѣлала намъ самимъ, «ученымъ мулламъ», не мало хлопотъ и безпокойства...

Еще подъѣзжая къ Чимбаю, мы замѣтили какую-то особенную, все усиливающуюся и усиливающуюся духоту въ воздухѣ. Весь горизонтъ на юго-западъ былъ задернутъ какъ будто туманомъ, и эта тяжелая, свинцовая полоса все росла и росла, мало-по-малу заволакивая все небо... скоро солнце потеряло свои лучи и сквозило въ этой мглѣ матовымъ, тусклымъ шаромъ. Тамъ же, на горизонтѣ, поднимались громадныя столбы пыли, волновались, кружились въ воздухѣ и снова падали... послышалось нѣсколько отдѣльныхъ громовыхъ перекатовъ, молніи не видно было, и въ воздухѣ стало еще душнѣе.

Первый порывъ вѣтра налетѣлъ совершенно неожиданно, словно этотъ порывъ изъ-подъ земли вырвался, словно онъ родился тутъ же на этомъ мѣстѣ, среди нашего лагеря... и съ острейшимъ потрясъею деревомъ, подъ которымъ стояла одна изъ нашихъ палатокъ.

Вслѣдъ за этимъ разомъ весь воздухъ наполнился мельчайшею пылью; въ сгустившемся мракѣ пронеслись, словно гигантскія птицы, какія-то бѣлыя тряпки—это сорвало нѣсколько казачьихъ палатокъ. Кибитки наши затряслись, наклонились; нѣсколько волосяныхъ аркановъ, натянувшись какъ струны, щелкнули. Мы высочили всѣ вонъ и, ухватившись за что ни попаало, начали удерживать на мѣстѣ свои временныя жилища.

Словно фантастическія тѣни видѣлись въ облакахъ пыли—то бѣгущіе куда-то человѣческія фигуры, то лошади, сорвавшіеся съ своихъ приволовъ, рыскающія по лагерю, съ развѣвающимися хвостами и гривами. Какая-то двуколесная арба сама собою прокатилась шагахъ въ четырехъ отъ меня, нырнула въ арывъ своими колесами, уперлась и стала.

Вѣтеръ то немного стихалъ, то усиливался снова. Громовые удары изрѣдка повторялись, глухіе, короткіе. Въ воздухѣ чувствовался запахъ сѣры; дышать было тяжело, сердце билось усиленно; и вообще всѣмъ организмомъ овладѣвало какое-то неприятное, нервное раздраженіе.

Изъ города несся тревожный гулъ, крики, дикое ржаніе лошадей, трескъ сорванныхъ навѣсовъ, потянуло гарью и чадомъ.

Часа полтора продолжался ураганъ; нашъ ученый метеорологъ, присѣвъ въ одной только рубашкѣ на корточки и уцѣпившись за веревку, охватывающую крышу кибитки, называлъ явленіе это только очень сильнымъ вѣтромъ, при насыщенномъ электричествомъ атмосферѣ. Затѣмъ все мало-по-малу стихло, и мы принялись приводить въ порядокъ наши пострадавшія жилища, смахивать пыль, верхковымъ слоемъ покрывавшую наши чемоданы и постели.

Къ вечеру воздухъ посвѣжѣлъ, наступила чудная, прохладная ночь, и мы сладко заснули послѣ дневной передыжки.

XI.

Протокъ Кичейли.—Подъ мостомъ.—Аму-дарьинскіе бурлаки-каикчи.—Берега Кичейли.—Ночлеги и часовые.—Ночные звуки.—Сплавка сѣна.—Тигры.—Куванъ-джарма и ея печальные берега.—Мириады комаровъ.—Аму.

Изъ Чимбая выѣхали мы на другой день, къ вечеру, когда уже спала дневная жара, время, обыкновенно избѣгаемое для путешествій.

Намъ прислали сказать, что разлившіяся воды Кичейли и другихъ протоковъ затопили проѣзжую дорогу, и продолжать путь верхомъ не было никакой возможности. Пришлось нанять небольшой «каикъ» — и тронуться въ путь уже инымъ способомъ, на лямкахъ, вверхъ по теченію Кичейли, до самаго Нукуса.

Обогнувъ Чимбай, какъ я уже говорилъ, Кичейли течетъ разбѣгаясь на безчисленное множество арыковъ; такимъ образомъ, воды этого протока расходуются на орошеніе полей и только самая малая часть ихъ всасывается сыпучими песками, прилегающими съ этой стороны къ самому морскому берегу. Въ Чимбайѣ еще живы кое-кто изъ стариковъ, помнящихъ, что ихъ протокъ доходитъ до самаго моря, являя собою, такимъ образомъ, одинъ изъ рукавовъ Аму. Выше Чимбая Кичейли расширяется до пятнадцати саженой между берегами, имѣетъ ровную, совершенно достаточную для грузовыхъ судовъ глубину, и затѣмъ, соединяясь съ водами «Куванъ-джармы», доходитъ до самой Аму, уже около Нукуса.

Здѣсь мнѣ пришлось въ первый разъ увидать аму-дарьинскихъ бурлаковъ, «каикчи», какъ ихъ здѣсь называютъ. Бурлачество—явленіе вымирающее у насъ на Волгѣ, здѣсь, на Аму, живетъ еще полною жизнью.

Полуголая фигуры, въ однѣхъ рубашкахъ, подобранныхъ къ возу, босоногіе, въ рваныхъ шапкахъ, совсѣмъ черныя отъ загара и грязи, сидѣли неподвижно, скорчившись на берегу и держа въ рукахъ лямочныя петли, терпѣливо ожидали, пока мы нагрузимся и устроимся въ своемъ каикѣ.

Два каравалпака, съ длинными шестами въ рукахъ, стали одинъ на кормѣ, другой на носу лодки, крикнули что-то по своему каикчамъ; тѣ, не спѣша, поднялись, потянулись, запряглись въ лямки, согнулись, словно въ землю кому-то собирались поклониться, и пошли.

Они шагали мѣрно, нога въ ногу, словно машины какія-то, а не живыя существа. Слѣдъ въ слѣдъ ступали они по узкой

дорожекъ, протоптанной ихъ же собственными ногами, по самому краю обрывистаго берега.

Лодка пошла довольно ходко, вскапывая подъ носомъ глинистую воду; каракалпаки на лодкѣ помогали ямочникамъ шестами, когда каякъ подходилъ близко къ берегу. Подошли къ мосту; онъ весь былъ занятъ любопытными чимбайцами. Здѣсь намъ всѣмъ пришлось лечь на самое дно лодки, наклонить палатку и убрать все торчащее, потому что мостъ былъ очень низокъ и лодка едва-едва протискалась сквозь его узкій и мрачный пролетъ.

Начало темнѣть. Мы уже довольно далеко отошли отъ Чимбая. Каякчи запагали лѣнливѣе, и наконецъ попросили у насъ позволенія отдохнуть и покурить кальянъ, что, вонечно, имъ и было позволено.

Справа и слѣва обѣ береговныя полосы были тщательно обработаны, чуть не на каждахъ десяти саженьяхъ виднѣлись входъ боковыхъ арыковъ, иные запруженные, иные открытые для притока воды на поля; народъ копался за своею работою; изъ массъ зелени выглядывали верхушки вѣбитовъ и сторожевыхъ палашей, и опять слышенъ былъ знакомый звукъ чигирей и лѣнливое похуваніе усталыхъ животныхъ.

Черезъ полчаса мы снова тронулись въ путь и остановились на ночлегъ только тогда, когда уже совершенно стемнѣло, отойдя отъ Чимбая не болѣе двѣнадцати верстъ по изгибамъ протока и половина того по прямому направленію. Идя съ подобною скоростью, мы рассчитывали попасть въ Нукусъ раньше чѣмъ въ двое сутокъ.

Лодочники наши подтянули каякъ вплотную къ самому берегу, воткнули свои шесты и весла въ землю и раскинули полога изъ бумажной бѣлой ткани—«мата». Отказывая себѣ во всякомъ жизненномъ комфортѣ, самый бѣдный каракалпакъ не можетъ обойтись безъ этой роскоши, иначе, въ этой странѣ комаровъ и мошекъ, онъ не будетъ знать ни минуты отдыха и покоя. Даже днемъ носятся въ воздухѣ мириады этихъ проклятыхъ насѣкомыхъ, а въ ночи весь воздухъ такъ наполняется ими, что и двухъ минутъ нельзя провести покойно, не отмахиваясь всѣми силами отъ этихъ несносныхъ кусаевъ, забивающихся вамъ въ носъ, въ ротъ, въ уши, забирающихся въ самыя незначительныя, сокровенныя прорѣхи вашего платья.

Ночлегъ безъ полога положительно немислимъ въ этой странѣ; разложенное курево, дыма и покрывая чадомъ весь bivуакъ, мало защищаетъ его отъ нападенія этихъ крылатыхъ легио-

новъ, и на смѣну гибнущимъ отъ дыма мириадамъ—летять другіе, свѣжіе и отравляютъ вамъ каждую минуту вашего отдыха.

Мы, оставшись на канкѣ, тоже растянули кисейные полога, укрѣпивъ ихъ на палкахъ, воткнутыхъ въ камышевыя обкладки лодочныхъ бортовъ.

Насъ, русскихъ, не считая туземцевъ-лодочниковъ, было не болѣе шести человѣкъ, считая и Иванова съ его переводчикомъ, оставшаго свой конвой въ Чимбаѣ. Спать всѣмъ разомъ, не обезпечивъ себя поставленнымъ на всякій случай часовымъ—было бы слишкомъ рисковано, тѣмъ болѣе, что еще въ Чимбаѣ мы были предупреждены о шайкахъ туркменъ, бродящихъ по близости въ камышевыхъ заросляхъ, у слиянія Кичейли съ Куванджармою. Положимъ, что шестерымъ превосходно вооруженнымъ европейцамъ нечего бояться полудикой шайки въ двадцать или тридцать человѣкъ, плохо вооруженныхъ, но для этого надо было встрѣтить опасность во-время предупрежденными, а не врасплохъ, съ просонокъ.

Мы раздѣлили ночь на смѣны; очередной усѣлся на бортъ лодки, вооружившись, кромѣ карабина, конскимъ хвостомъ на палкѣ—отмахивать комаровъ, а мы, свободные отъ стражи, полѣзли подъ пологи и заснули, убаюканные тихимъ плескомъ воды, скользящей по наружной сторонѣ лодки.

Около полуночи пришла моя очередь. Я вылѣзъ, осмотрѣлся: —ничего, темно, но не слишкомъ, видѣть можно; пожелавъ покойной ночи моему предшественнику, я занялъ его мѣсто, положилъ себѣ на колѣни берданку и неистово заработалъ хвостомъ, потому что разомъ очутился въ цѣломъ облагѣ комаровъ, звенящемъ на всѣ лады и сплошнымъ туманомъ застилавшемъ всю поверхность протока.

На берегу чуть-чуть искрились остатки костра, бѣлыми четырехугольными массами видѣлись полога каньчей, черными силуэтами торчали шести... Соловей щелкалъ и заливался трелью въ прибрежной джунглевой чащѣ. Высоко-высоко въ воздухѣ что-то посвистывало, перелетая черезъ рѣку; на ближайшихъ затопленных поляхъ квакали и бурлили лягушки, изрѣдка слышались на водѣ рыбы всплески, другіе звуки, непонятные такіе-то, незнакомые неслись въ ночномъ воздухѣ... холодная сырость пронизывала свозъ полотно рубашки, вызывая легкую дрожь и сонливую зѣвоту... А небо было такое прозрачное, глубокое, все сверкавшее звѣздами; млечный путь широкою свѣтлою полосой тянулся отъ одного края до другого. Особенно ярко и опредѣленно видѣнъ былъ хвостъ недавно появившейся кометы,

надѣлавшей такихъ тревогъ и сумятицы по всему низовому пространству.

Если у насъ, въ Петербургѣ, появленіе кометы волнуетъ иные умы и настраиваетъ ихъ на мистическій, пророческій ладъ, то что же должно надѣлать появленіе страшной, хвостатой звѣзды здѣсь, между дикарями, вся духовная сторона которыхъ зиждется на суевѣріи и боготвореніяхъ различныхъ явленій природы—но объ этомъ послѣ, до другого раза, а пока надо наблюдать свой пость, а то пожалуй... тс!..

Я взвель курки и сталъ прислушиваться... голоса... да, точно...

Тихо, какъ тѣнь, скользя по теченію, плыветъ громадный канкъ, снопы клевера, нагруженные на него цѣлымъ стогомъ, еще болѣе увеличиваютъ размѣры судна. Кажется, что будто цѣлая гора, темная, тяжелая, надвигается на васъ изъ мрака, готова раздавить васъ однимъ своимъ прикосновеніемъ... Вотъ этотъ канкъ поровнялся, прошелъ мимо. Тамъ все тихо, спятъ канечки, предоставивъ свое судно волѣ теченія; только подъ однимъ изъ пологовъ слышится тихій, монотонный говоръ... Прислушиваюсь, такъ: одинъ изъ лодочниковъ рассказываетъ другому какую-то безконечную сказку.....

«Однако, пора! созвѣздіе Большой Медвѣдицы запрокинулось почти къ самому горизонту; Сиріусъ блестящею, сверкающею точкою уже сквозитъ въ черныхъ заросляхъ, вотъ онъ уже надъ ними поднимается, дрожитъ на водѣ его серебристое отраженіе... скоро и разсвѣтъ. Моя смѣна прошла, иду будить товарища».

— Развѣ пора? недовольнымъ голосомъ мычить во снѣ нашъ метеорологъ.

— А!.. кто кого, какъ?! испуганно вскакиваетъ и озирается его сосѣдъ.

— Получилъ... Анну на шею получилъ, и годовое невзачетъ... отчетливо бредитъ молодой казачій сотникъ, видящій вѣроятно самое сладкое сновидѣніе.

Шайка шакаловъ подобралась къ самому берегу: послышались какія-то не то взвизгиванія, не то слезливыя всхлипыванія. Фу, какой отвратительный вой! эти проклятые горланы не дадутъ спать... Они всегда вотъ такъ, передъ разсвѣтомъ...

Громкій выстрѣлъ изъ карабина поднимаетъ на ноги весь бивуакъ; общая тревога... Всѣ внимательно присматриваются къ темной линіи противоположнаго берега; лодочники повыскачили изъ-подъ пологовъ и лезутъ въ лодку, подъ прикрытіе нашихъ ружей...

— Это я по шакаламъ... сконфуженно оправдывается часовый...

Поднялись мы съ разсвѣтомъ, еще до солнечнаго восхода, и къ полудни были уже на половинѣ перехода къ соединенію Кичейли съ Куванъ-джармою. Берега здѣсь были густо поросшіе деревьями джиды и все тѣмъ же джингиломъ, пріятная густая зелень котораго такъ гармонировала съ пепельно-сѣрою листовою джи и розовыми цвѣтовыми метелками...

Множество птицъ оживляло эти берега: фазаны безпрестанно вылетали изъ чащи, къ великой досадѣ яраго охотника, метеоролога, всегда опаздывающаго по нимъ выстрѣлить; красивые пчеловды тоже частенько проносились въ воздухѣ, оглашая его своимъ характеристическимъ крикомъ... Голубые зимородки, подвывая къверху свои длинные толстые носы, сидѣли по берегу, рисуясь на его желтомъ, глинистомъ фонѣ, словно бирюза въ оправѣ.

Иногда виднѣлись вдали пеликаны и вереницы лебедей, подвывшихся съ сосѣдняго озера. Но людей, оживлявшихъ-бы эту мѣстность, не было видно вовсе; все было мертво и носило характеръ полнаго запущенія; только изрѣдка виднѣлись сѣвось остатки полуразобранныхъ, сгорѣвшихъ зимовокъ, — нѣмые свидѣтели тяжелыхъ годинъ, пережитыхъ каракалпакскимъ наводомъ.

Протокъ Кичейли, на всемъ своемъ теченіи — съ небольшимъ по верстѣ, представляетъ превосходный водяной путь, благодаря своей глубинѣ, почти одинаковой на всемъ протяженіи протока. Самые промѣры дали намъ: наибольшую глубину 11 футъ, наименьшую $6\frac{1}{2}$, среднюю $8\frac{3}{4}$ ф. Еслибы протокъ этотъ былъ сколько шире, то по немъ могли бы проходить всѣ суда нашей царской флотиліи.

Доказательствомъ судоходной важности протока служило между прочимъ и то, что не проходило и получаса времени, какъ мы нѣдѣло встрѣчали канки, нагруженные хлѣбомъ, кормомъ и сѣномъ, самимъ светомъ и просто народомъ — пассажирскіе канки, идущіе къ Чимбаю и къ Нукусу. Вверхъ все это тянется, а мы — на лямвахъ, внизъ же спускается по теченію, на лямвахъ и веслахъ, со скоростью восьми верстъ въ часъ, — что составляетъ весьма значительную въ судоходствѣ скорость.

Иногда намъ попадались просто плоты изъ камыша, плывущіе по теченію, наблюдаемъ одного или двухъ человѣкъ; на подобныхъ плотахъ сплавался преимущественно клеверъ и строевой материалъ, кривой, тонкій, который у насъ и на дрова былъ бы за-

бракованъ, а здѣсь онъ—цѣнность, и цѣнность довольно значительная за неимѣніемъ другого, лучшаго.

Въ продолженіе этого дня мы раза четыре останавливались на отдыхъ,—только. Меня, знакомаго уже съ азіатскою выносливостью, положительно удивляла эта неутомимость нашихъ ямочниковъ, тѣмъ болѣе что бичевникъ былъ крайне неудобенъ и трудно проходимъ въ этихъ густыхъ, сплошныхъ чащахъ, по берегу легко подмывающемуся, отваливающемуся на нашихъ глазахъ цѣлыми пластами.

Какъчамъ вѣрно было быть къ ночи на Куванъ-джармъ и только тамъ стать на ночлегъ, и они выбивались изъ силъ, чтобы исполнить это приказаніе.

Нѣсколько разъ наши бурлаки принимались запѣвать, и ихъ кадансированный напѣвъ весьма близко подходилъ къ нашей поволжской «дубинушѣ».

Сходная работа, сходная жизнь родили и сходные звуки.

Торопливость нашихъ каякчей объяснялась еще однимъ обстоятельствомъ: они хотѣли до полуночи пройти сплошныя, визмечныя чащи, простирающіяся до самой Куванъ-джармы, и особенно густыя въ треугольничкѣ соединенія ея съ Кичейли. Эти чащи пользуются доброю славою: въ ихъ нѣдрахъ гнѣздится нѣсколько тигровыхъ семействъ, и бѣднякамъ, безоружнымъ каякчи, бы бы весьма плохо, еслибы одна изъ этихъ крупныхъ полосатыхъ кошекъ подошла къ берегу во время ихъ прохода.

Мы и то слышали уже раза два невдалекѣ какой-то весь подозрительный ревъ, заставлявшій каждый разъ каякчей прыгать въ воду, прямо съ кручи обрывистаго берега.

Было уже темно, и узнавать мѣстность стало трудно... И вотъ, показались признаки близости ночлега: каякъ нашъ рывомъ двинулся своимъ плоскимъ дномъ, и разъ даже чуть совсемъ не сталъ на мель,—это начались песчаные перекаты, образованные при сліяніи водъ двухъ протоковъ.

— Джакымъ, джакымъ (близко)! весело забормотали обдирившіеся каякчи.

Этотъ ночлегъ былъ проведенъ также покойно, какъ и предыдущій, и съ тѣми же предосторожностями. Мы опять выступили при солнечнаго восхода, какъ и вчера, съ тою только разницею, что вчера мы плыли по узкому Кичейли, сегодня-же вправо и влево разстилалась широкая Куванъ-джарма — хотя такая же мертвая, безлюдная, съ такими же берегами, заросшими непроходимыми

тащами джиды и джингила. Только ближе къ берегу, спускаясь къ самую воду, поднимались теперь стройные стебли тропическаго камыша съ широкими, ярко-зелеными листьями и розоватыми, цвѣтовыми султанами... Дикій терновникъ кое-гдѣ выставялъ свои колочія вѣтви... Въ заливчикахъ желѣли крупныя кувшинки, и словно серебряныя мелькали водяныя лиліи, съ своими широкими, распластавшимися по водѣ листьями... Раздолье дикарю, раздолье и рай для охотника, не дурно для разбойника и вора, которому есть гдѣ спрятаться; тяжело—для мирнаго хлѣбопашца, которому надо затратить много времени, положить много тяжелого труда, чтобы очистить и завоевать себѣ хотя бы клочокъ земли, годный для обработки.

На берегахъ Куванъ-джармы стали намъ, хотя очень рѣдко, попадаться небольшіе аулы, бѣдные, малочисленные... Чахлаи, измученныя коровы, съ жалобнымъ мычаніемъ бѣгали по берегу и бѣсновались, не находя себѣ спасенія отъ комаровъ; двѣ-три лошади, отъ ушей до ногъ зашитыя въ войлоки, по той же причинѣ уныло стояли, опустивъ головы... Кибитки были разстановлены кое-какъ, будто недоделанные, кругомъ не прибрано, лошадки не вытоптаны... Казалось, что все это только недавно, можетъ быть только вчера, пришло сюда и стало не надолго, волнѣ готовое уйти опять и спрятаться въ чащѣ, а оттуда въ пустыню, при первомъ тревожномъ крикѣ, при первомъ вырваннѣ съ того ненавистнаго берега...

Не скоро еще успокоится мирное каракалпакское населеніе, много еще нужно совершенно спокойныхъ и мирныхъ годовъ, чтобы забитый, запуганный народъ веселѣе и надежнѣе взглянуть на все окружающее...

Въ полудню мы стали подходить къ повороту Куванъ-джармы, съ слиянія ея съ Аму. Вдали виднѣлась уже мутно-желтая, темная полоса, волненіе на которой было замѣтно крупнѣе зыби, обиваемой вилемъ нашего канка.

— Аму! Аму! указывалъ туда старый каракалпакъ-лодочникъ, и даже шапку снялъ по какому-то вдохновенію.

— Аму! Аму! покрякивали съ берега лямочкии.

— Лагерь нашъ видѣтъ! — радостно произнесъ одинъ изъ пассажировъ.

Дѣйствительно, вдали, между кустовъ, на томъ берегу, за пологомъ рѣки виднѣлась чуть замѣтная бѣлая точка. Это была застава русскаго часового.

Въ два часа пополудни мы пришли къ Нукусу и причалили

къ берегу, заставленному почти сплошь бѣлыми солдатскими палатками и цвѣтными пологами.

ХІІ.

Лагерь Нукусъ. — Немножко политива по поводу лагеря. — Укрѣпленіе. — Юмуды съ арзомъ. — Наши маркитанты. — Въ дорогу.

Разгромивъ Хивинское ханство, повернувъ тамъ все вверхъ дномъ, русскіе ушли по своимъ домамъ, оставивъ на правомъ берегу Аму Иванова съ двумя батальонами пѣхоты.

Эта горсть, отрѣзанная громадными пустынями отъ ближайшаго подкрѣпленія, должна была поддерживать разъ заведенный порядокъ при самыхъ невыгодныхъ для того условіяхъ.

Хивинскій ханъ обязанъ платить контрибуцію. Денегъ у него лично нѣтъ; онъ самъ называетъ себя, въ своихъ письмахъ къ Иванову, байгущемъ—нищимъ, и это совершенная правда! Онъ былъ въ Хивѣ, тотъ видѣлъ самъ обыденную жизнь богатаго грознаго владыки, въ его пустомъ дворцѣ, лишенномъ даже самой необходимой азіатской мебели—ковровъ.

Большая часть его мирныхъ подданныхъ, платившихъ безропота и сопротивленія всякія подати, подчасъ непосильныя, отшла вмѣстѣ съ правымъ берегомъ и дельтою къ намъ; ханъ остались всѣ тюрменскіе роды, бывшіе до сихъ поръ только вассальными ханства. Тюрмены не знали другихъ податей, какъ натурою: они выставляли, по требованію хана, вооруженныя люди (нуверовъ) и платили извѣстную долю добычи своего грабежа.

Въ настоящемъ положеніи нуверовъ хану не нужно, ему воевать не съ кѣмъ; добычи отъ грабежа тоже взять не откуда грабить запрещаютъ *«проклятые пришельцы въ бѣлыхъ рубашкахъ»*, а деньги подай, возьми гдѣ хочешь... Эти деньги надо взять съ тюрменовъ, намѣнивъ форму податей, а тюрмены въ родъ вольный, знать не хотятъ никакихъ сборовъ и наотрѣзъ отказываютъ хану въ его требованіяхъ, смѣясь надъ его бессиленіемъ.

Изъ русскаго лагеря хану предписываютъ озаботиться платежемъ контрибуціонныхъ суммъ. Ханъ отвѣчаетъ: «денегъ нѣтъ ему пишутъ: — возьми съ тюрменъ; онъ отвѣчаетъ: «тюрмены не даютъ, берите сами...»

«Берите сами» значитъ надо переходить на тотъ берегъ идти въ вочевья и ставки тюрменъ, т.-е. объявлять имъ войну

Этого нельзя, не списавшись съ Петербургомъ, а переписка продолжается по полугоду,—время уходитъ.

Между тѣмъ, подобныя непосредственныя отношенія наши къ туркменамъ не могутъ никакимъ образомъ вести къ дружбѣ и миру... Отношенія эти натянуты до-нельзя, почти открыто враждебны. Мы должны, въ свою очередь, ежеминутно ожидать со стороны туркменъ набѣговъ на каракалпаковъ правой стороны, вашихъ новыхъ подданныхъ, мы должны закрыть ихъ, иначе можемъ ли мы требовать отъ нихъ полнаго подчиненія и довѣрія, когда туркмены будутъ грабить ихъ подъ нашимъ носомъ.

А какъ закрыть всю границу, —протяженіе болѣе 600 верстъ, — съ двумя батальонами?!

Не стану вдаваться въ подробности политическаго устройства новаго нашего края и его отношеній къ сосѣдямъ,—это не составляетъ предмета моихъ разсказовъ; ограничусь только общимъ очеркомъ тактики, принятой Ивановымъ.

Оборонительное положеніе, въ строгомъ смыслѣ этого слова, здѣсь немислимо, значитъ, надо наступательное.

Построены два сильныхъ пункта: Шураханъ—Петрово-Александровское укрѣпленіе, верстъ полтораста выше развѣтвленія Аму, на параллели съ самою Хивою, и укрѣпленіе Нукусъ, у самаго развѣтвленія, въ вершинѣ дельты.

Оба эти форта имѣютъ очень сильную, недоступную профиль, въ нихъ сложены запасы боевыхъ и продовольственныхъ матеріаловъ, и маленькаго гарнизона въ двѣ роты совершенно достаточно, чтобы всѣ попытки непріятеля атаковать ихъ были бы парализованы; съ остальными, свободными ротами Ивановъ выжидаетъ, въ полной готовности перебросить ихъ на лѣвый берегъ.

Доходятъ слухи, на примѣръ, что туркмены перешли въ такомъ-то пунктѣ и грабятъ каракалпаковъ; идти туда бесполезно, за вѣтромъ въ полѣ не угоняешься. Ивановъ внезапно появляется тамъ, гдѣ его совершенно не ожидали, въ самомъ центрѣ родовъ, высланныхъ разбойничьи партіи. Наносится страшный ударъ, ударъ, наводящій панику на всю окрестность; подъ вліяніемъ этой паники подписываются всевозможные договоры, идутъ на всевозможныя соглашенія, и снова успокоивается страна до новаго повода къ такому же быстрому, рѣшительному удару.

Туземцы говорятъ про Иванова:

«Этотъ «Сары-сакаль» —здѣшній тигръ. Онъ нападаетъ тамъ, гдѣ его не ждутъ; онъ бьетъ больно, и у него ничего не прощадеть безнаказанно. Съ миромъ иди въ его гнѣздо, онъ не тро-

нетъ и обласкаетъ, и дастъ подарки; съ войной не ходи, послѣ долго придется плавать.

«У него мало солдатъ, но эти солдаты не люди,—это дѣти шайтана, противъ которыхъ даже заклинанія недействительны.

«Сары-сакаль все знаетъ и все слышитъ, у него сто ушей и сто глазъ, его обмануть трудно».

Суевѣрные дивари добавляютъ:

«Отъ него пули отскакиваютъ и желѣзо тупится. Смотри на его бунчукъ (знамя) ¹⁾: онъ красный, а по бокамъ у него черныя полосы. Красное—это кровь наша; черное—это печаль и горе. Ты спокоенъ, пока этотъ бунчукъ спокоенъ; твоя гибель, когда этотъ бунчукъ разовьется по вѣтру. Иди къ нему съ миромъ, онъ покроетъ тебя какъ халатомъ, и тебѣ будетъ тепло; иди съ войной—онъ смететъ тебя съ лица земли и превратитъ въ пыль».

Этотъ говоръ и рѣчи, переведенные мною съ буквальной точностью, совершенно ясно характеризуютъ личность Иванова и его тактику... Добавлять къ этому что-либо было бы излишнимъ.

Казалось, что такое положеніе вещей должно было бы совершенно унять хищниковъ, которымъ не одна попытка не проходила безнаказанно, но...

Но, какъ вы въ одинъ годъ переработаете всю натуру турменъ—этихъ вольныхъ, кочевыхъ разбойниковъ, выработавшуюся въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ полной свободы, воли и безнаказанности?!

А къ этому добавьте подстреканія духовныхъ лицъ, вычитавшихъ въ своихъ книгахъ, что рано или поздно Аллахъ пошлетъ свою благодать вѣрнымъ сынамъ его и сотретъ въ прахъ гордыню «бѣлой рубахи». Последняя комета тоже не мало хлопотъ надѣлала; ее приняли какъ предвозвѣстницу той рѣшительной поры, когда мусульманинъ долженъ взяться за оружіе.

Только страхъ «волшебнаго бунчука» удержалъ ихъ отъ головного возстанія, отъ священной войны противъ нечестивыхъ. Хаззавать могъ вспыхнуть каждую минуту, но онъ не вспыхнулъ.

Вотъ тутъ и собирай контрибуцію!

Въ Нукусѣ дожидались Иванова туркмены-юмуды, пріѣхавшіе сюда съ просьбою (арзомъ) къ «Сары-сакуль-турѣ».

Это были два атлета съ горбоносими, совершенно кавказски-

¹⁾ Значекъ Иванова состоитъ изъ двухъ орденовскихъ лентъ: владимірской и георгіевской.

ми лицами, съ высокими, умными лбами и окладистыми бородами. Одного звали Ата-Мурадъ-ханъ, другого Иртыкъ-Мергенъ. На халатъ перваго блестяли двѣ русскія медали, полученные имъ за какую-то услугу сомнительнаго свойства, въ послѣднюю войну; впрочемъ, Ата-Мурадъ надѣвалъ эти украшения только тогда, когда прїѣзжалъ къ намъ; у себя же дома онъ тщательно скрывалъ ихъ отъ постороннихъ глазъ, боясь навлечь на себя ксе взгляды.

Тюркмены были вооружены шашками, ножами и длинными ружьями; они держали себя свободно и съ достоинствомъ, дружески протянули руки Иванову и вообще говорили съ нимъ какъ равный съ равнымъ...

Неподалеку стояли и ихъ кони, высокие, красивые жеребцы, покрытые попонами. Тюркмены прибыли въ лагерь незадолго до насъ, и успѣли уже отдохнуть и переодѣться попарадѣе.

Сущность ихъ просьбы ярко характеризовала отношенія тюркменъ къ хану. Ата-Мурадъ имѣлъ тяжбу изъ-за земли съ однимъ изъ приближенныхъ хана, а прїѣхалъ за рѣшеніемъ въ Иванову.

Понятно, что тотъ отказалъ ему въ просьбѣ, говоря, что оба плеча—подданные хана и живутъ на его землѣ, что всякое вмѣшательство русскаго начальника въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстно...

— Какой онъ намъ ханъ,—возражалъ тюркменъ,—знать мы это не хотимъ: наша сила была, мы ни у кого не спрашивали, ханъ во нашему дѣлалъ; а теперь ваша сила, вотъ мы и пришли къ вамъ кланяться.

— А теперь вы подданные хана, — отвѣчалъ Ивановъ, — идите къ нему. Знайте, что было, то прошло; привыкайте къ новому порядку, какъ умѣете; привыкнете, хорошо вамъ будетъ; жить — сами знаете, что плохо. Ступайте.

— Вотъ какъ нынче!—не то удивленно, не то себѣ на умѣ, — произнесъ Ата-Мурадъ, и тотчасъ же пережѣнилъ дѣловой разговоръ на обыденный, совершенно частный, остался завтракать и пить чай вмѣстѣ съ нами и уѣхалъ, повидимому, прїятелемъ; только садясь на лошадь, замѣтилъ:

— Все въ волѣ Аллаха, а мы этой воли напередъ знать не можемъ.

— А своимъ скажи, чтобы смирно сидѣли, а то въ гости прїѣду,—напутствовалъ его Ивановъ.

— Для такого гостя на угощеніе разоримся, а впрочемъ,

приходи: мы гостямъ рады,—улыбнулся Ата-Мурадъ и молодцовато поправился на своемъ покойномъ сѣдлѣ.

Такъ тюремны и уѣхали.

Пока укрѣпленіе Нукусъ строится, войска расположились лагеремъ по берегу Аму, занявъ полосу протяженіемъ болѣе версты. Солдатскіе бараки разбиты правильными рядами, съ улицами и переулками; вдоль этихъ улицъ прорыты канавы, въ которыхъ протекаетъ вода, накачиваемая цѣлою системой чигирей, устроенныхъ по берегу. Въ одномъ концѣ этого лагеря сгруппировался базаръ, гдѣ торгуютъ кое-кто изъ мѣстныхъ жителей, а больше наши маркитанты, слѣдующіе всегда за отрядами съ своимъ постояннымъ товаромъ: плохое вино, карты, табакъ и разныя жестянки по части гастрономіи. Но, увы! эти товары раскупаются мало... Сѣтуютъ маркитанты горько и вспоминаютъ старое доброе время... Теперь не то: солдаты пьютъ чай и почти забыли про водку, офицерство тоже записалось въ общество трезвости... Говорятъ маркитантамъ: «давайте намъ сувно, давайте бѣлье, давайте хорошей табакъ, давайте и вина, только хорошаго, хотя и немного»... «Нѣтъ, вздыхаютъ торгаши—что ужъ это за товаръ, что за торговля... То ли дѣло прежде, когда съ пьяныхъ глазъ всякую дрянъ пили и деньги большія платили; прошли красные дни для русскаго торговаго человѣка, хоть совсѣмъ бѣги изъ лагеря».

— Да и ступайте, васъ, моля, никто не держитъ,—говорятъ имъ въ отвѣтъ на ихъ жалобы...

Пришлось этимъ шаваламъ торговли поджать хвосты и—или подчиниться новымъ условіямъ, или же закрывать свои бесполезныя лавочки.

Здѣсь, въ Нукусъ, предполагено построить первую метеорологическую станцію и открыть постоянныя наблюденія. Нашъ метеорологъ остается здѣсь по этому случаю... Ивановъ уже принялъ мѣры, чтобы постройка шла быстро и можно было бы приступить къ дѣлу...

Дня три прожили мы всѣ въ Нукусъ, невыносимо страдая отъ комаровъ. Даже днемъ работать (писать и рисовать) приходилось подъ кисейнымъ пологомъ. Несчастныя лошади нашей кавалеріи томилась безъ сна, задыхались отъ дыму навозныхъ востровъ и видимо приходили въ истощеніе... Каждый солдатъ обзавелся пологомъ; всѣ часовые вооружились, кромѣ берданки, вѣтвями джунгила и холщевыми полотенцами; люди нервныя, раздражительныя, доходили до изступленія...

— Проклятое мѣсто! — вотъ фраза — ежеминутно поражавшая ухо.

Въ дорогу, дальше!

— А въ Шураханахъ благодать! тамъ, вѣрите ли, ни единого комарика! — говорили прибывшіе изъ этой страны благодати...

Скорѣе туда. Тамъ встаетъ предѣлъ и цѣль моей поѣздки.

ХІІІ.

Въ заросляхъ. — Бишпакъ-Нукусъ. — Мостъ. — Обѣздъ по случаю разлива воды. — Отдыхъ на Арыкъ-балыкъ. — Пески и арбы. — Ночлегъ. — Гора Чалпыкъ съ развалинами. — Медрессе Ходжи-Ніаза и его угрюмые обитатели. — Озеро Ходжейли. — Привалъ. — Шейхъ-джейлинскія горы. — Бій-базаръ и ханскій дворецъ. — Дмитрій ходжа и его сынъ. — Нѣчто о русскихъ плѣнныхъ по этому поводу.

Наканунѣ отъѣзда я послалъ своего джигита на тотъ берегъ, въ хивинскій городокъ Ходжейли, купить двухъ лошадей подѣ верхъ. Часовъ черезъ шесть слуга мой возвратился съ покупкою. Это были двѣ очень порядочныя лошадки, изъ которыхъ одна даже довольно породистая; обѣ онѣ стоили всего семьдесятъ рублей, съ попонами и головными уборами... не дорого!

Мы выѣхали передъ вечеромъ, часовъ въ шесть. Кавальеада состояла человекъ изъ двадцати казаковъ, одного офицера, и меня съ своимъ джигитомъ. Ивановъ обѣщаль догнать насъ на второмъ переходѣ.

Багажъ нашъ шелъ на двуколесныхъ, тюрменскихъ арбахъ, въ одну лошадь; большею частью нѣкоторыя изъ нихъ были и запряженныя быками, тоже по одному въ арбѣ... Эти привезенные, коренастые быки шли ходко, мало уступая лошадямъ въ скорости, зато значительно превосходя въ силѣ.

Узенькая дорога, вся изрытая колеями, выбитая, покрытая пыльнымъ слоемъ солонцеватой пыли, извивалась въ густыхъ чащахъ, кипившихъ комарами и мошками. Лошади фыркали и бѣсались, проходя этими чащами; всадники, завернувшись въ кисейные шарфы, связавши рукава, чтобы въ нихъ обшлага не провозвали эти несносныя насѣкомыя, ѣхали молча, угрюмо... Мы гнали лошадей, чтобы скорѣй пройти заросли и выбраться на болѣе открытое мѣсто, гдѣ комаровъ сравнительно меньше, есть, во крайней мѣрѣ, возможность легко дышать, освободившись отъ чиха и удушливыхъ вуалей.

Вѣтви желтѣютъ какіе-то высокіе станы; я свернулъ туда,

пробрался между двумя арыками и попалъ на обработанное поле, засѣянное хлопкомъ и джугарою... Съ большими усилиями, прыгая черезъ каналы и продираясь сквозь колючую чащу естественныхъ заборовъ, я добрался до этого зданія. Это и былъ вышка Нукусъ, верстахъ въ десяти отъ нашего укрѣпленія... Это былъ положительно довольно сильный, укрѣпленный фортъ, въ которомъ маленькому гарнизону очень удобно защищаться отъ нападенія вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля...

Въ тѣсномъ четырех-угольномъ пространствѣ, окруженномъ стѣнами, было скучено до двадцати кибитокъ, вплотную одна къ другой. Только пѣшіи могъ пробраться между этими кибитками. Всѣ онѣ были пусты—въ одной только мельнула бѣлая рубаха испуганной моимъ появленіемъ старухи. Все населеніе вышлага было на работѣ въ полѣ, и когда я выбрался оттуда, то сквозъ зеленъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ можно было замѣтить тамъ-и-сямъ копошащіяся полуголыя фигуры... Кто работалъ у чигирей, кто у шлюзовъ; женщины копались въ землѣ, дѣти сновали точно зайцы, прячась въ кусты и выглядывая оттуда любопытными глазѣнками. Была самая жгучая рабочая пора, и потому все, что только способно было работать, дома не сидѣло.

Вблизи русскаго лагеря каракалпаки не боялись появленія тюрмень и работали спокойно, надѣясь, что у нихъ не отнимутъ уже плодовъ ихъ тяжкихъ усилий, не вытопчутъ конями полей, за которыми столько возни, столько волоссальнаго труда, въ продолженіи не одного года, а цѣлыхъ десятилѣтій затраченнаго.

Поля хлопчатника смѣнялись рисовыми, тѣ въ свою очередь смѣнялись табачными плантаціями; тамъ-и-сямъ желтѣли поспѣвающія уже дыни на бавшахъ, и словно лѣсъ волновалась индійская вонопля и джугари, — это красивое, полезнѣйшее растеніе центральной Азіи.

Ни одного плуга, никакого приспособленія; все одна и та же копотливая ручная работа — киркою и битменемъ, — работа на крохотныхъ квадратныхъ участкахъ, тщательно размѣренныхъ, разобранныхъ чуть ли не по вершкамъ, наблюдаемыхъ такъ, какъ развѣ можетъ огородникъ наблюдать за своими парниками.

Что же дѣлать: борьба съ природою — борьба тяжелая; то, что разъ завоевано, бережется крѣпко, потому что, разъ потерявъ, земледѣлецъ не можетъ увѣренно рассчитывать, останется ли за нимъ второй разъ побѣда.

Я догналъ отрядъ и обозъ въ ту минуту, когда арбы переправлялись черезъ довольно широкій арыкъ по оригинальному

мосту. Этотъ мостъ имѣлъ видъ довольно крутой крыши на два ската: по одному скату поднимаются, по другому спускаются; гребень острый,—отъ спуска къ подъѣму перехода никакого,—разомъ. Все это держится на тонкихъ, но часто вбитыхъ сваяхъ; все сооруженіе дрожить и трещить, и вотъ-вотъ готово обрушиться въ арыкъ, со всѣмъ, что ему довѣрилось.

Казакъ не рѣшался ѣхать черезъ этотъ мостъ и предпочитали листый и топкій бродъ,—гдѣ лошади вязли по брюхо, но арбы не могли бы пройти бродомъ и должны были рисковать.

Арбы перетаскивались по одной; всѣ арбаки хлопотали около очередной арбы, и, переправивъ ее, принимались за слѣдующую.

На наше счастье—переправа обошлась совершенно благополучно, хотя заняла и не мало времени.

— Нѣтъ, вотъ съ орудіями мы недавно побились тутъ,—ну, и было же работы!—сообщилъ мнѣ казачій офицеръ при семъ удобномъ случаѣ.

Перейдя полосу обработанныхъ полей, мы опять очутились въ дикой чащѣ, опять окунулись въ этотъ туманъ жужжащій и жалащій... Дорога пошла подъ гору; мы спускались къ Арыкъ-балыку, протоку, разлившемуся въ сторону песковъ длиннымъ заливомъ. Теперь время разлива воды, и намъ пришлось объѣзжать этотъ заливъ, а въ другое время его переходятъ въ бродъ, на селеніе Назаръ-ханъ. Опять кончились заросли, пошли сыпучіе песчаные барканы. Арбы подвигались съ трудомъ, медленно; часто приходилось къ нимъ припрягать казачьихъ лошадей... Мы подвигались впередъ не болѣе двухъ верстъ въ часъ, и къ полуночи, совершенно выбившись изъ силъ, стали на отдыхъ,—добравшись-таки до крайней точки объѣзда.

Несмотря на полога, несмотря на разложенные огни,—это былъ тяжелый, печальный ночлеги, о которомъ даже вспоминать нѣтъ охоты.

Съ распухшими лицами, съ руками, покрытыми пузырями, мы съ разсвѣтомъ тронулись далѣе, выбираясь на открытое мѣсто, гдѣ паящій зной и раскаленная, каменистая почва показали намъ сравнительно раемъ.

Стали бивакомъ, сварили чай, напились и отправились далѣе.

Громаднымъ голубоватымъ конусомъ рисовалась передъ нами гора Чалпыкъ. По мѣрѣ приближенія, ея очертанія становились яснѣе,—она желтѣла на освѣщенныхъ сторонахъ, и на ея вершинѣ обозначались контуры полу-разрушенныхъ, размытыхъ

дождемъ, обвѣтрившихся стѣны старой крѣпости, происхождение которой древнѣе даже народныхъ легендъ здѣшняго края.

— Калмыки строили, — вотъ все, что мы могли узнать отъ ученѣйшихъ туземцевъ.

— А когда и зачѣмъ, добавляли они, — въ нашихъ книгахъ не сказано.

У подножья Чалпыка пріютилось медресе Ходжи-Ніаза; это было строеніе изъ жженого кирпича, съ фронтономъ въ буддійскомъ стилѣ и куполами въ видѣ полушарій. Оно было удалено отъ всякаго другого жилья, и здѣсь, на краю мертвой пустыни, разстилавшейся влѣво отъ дороги, оно было удобнымъ пріютомъ уединенія и созерцанія. Построенное, еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, однимъ муллою Ходжи-Ніазомъ, зданіе это уцѣлѣло въ тяжелые годы набѣговъ и беспорядковъ. Тюркмены ограничивались только тѣмъ, что обирали святыхъ отцовъ и ихъ учениковъ, — не трогая ихъ самихъ лично. Это медресе, по своему уставу и назначенію, соответствуетъ нашимъ монастырямъ... Удалившіеся отъ свѣта ходжи учатъ здѣсь корану приходящихъ и принимаютъ неофитовъ, желающихъ посвятить себя одинокой жизни...

Впрочемъ, по близости, рядомъ съ могилою самого Ходжи-Ніаза, стояла войлочная кибитка, гдѣ слышались женскіе голоса, стихнувшіе при моемъ приближеніи.

Когда я подъѣхалъ къ воротамъ медресе, тамъ, на каменныхъ ступеняхъ, сидѣли два совершенно сѣдые старика, — они даже не взглянули на меня, не оборотили головъ на топотъ моей лошади и на брязгъ оружія.

Я пожелалъ имъ благополучія и попросилъ воды; мнѣ говорили, что во дворѣ медресе есть родникъ съ превосходною холодной водою, а пить хотѣлось страшно...

На мою просьбу послѣдовало гробовое молчаніе — я повторилъ... то же молчаніе, та же неподвижность, словно это были не люди, а изваянія

— Да что вы съ ними толкуете, ужъ это народъ таковой — съ ними нешто можно честию, подъѣхалъ ко мнѣ казакъ... Походите, я сейчасъ распоряжусь; у насъ живо!

Онъ слѣзъ съ лошади, закинулъ на луку сѣдла поводья и хотѣлъ-было войти во дворъ. Эта рѣшительность вывела стариковъ изъ ихъ оцѣпенѣнія...

— Куда... постой! не ходи — я принесу самъ, — поднялся одинъ изъ нихъ...

Я началъ говорить муллѣ, что гостепримство первая добродѣтель, что накормить голоднаго, а тѣмъ болѣе напоить жажду-

шаго путешественника прямая обязанность всякаго хорошаго человека, что и у нихъ въ коранѣ объ этомъ сказано, а они плохо слѣдуютъ ему, если молчаніемъ отвѣчали на мою просьбу...

— Ты невѣрный, — ты врагъ нашъ — иди своею дорогою... — угрожающе отвѣчалъ старикъ. — Нашъ законъ говорить: не прикасайся къ туру...

— Ишь ты врешь какъ, — замѣтилъ казакъ, — а деньги брать можно... Надьсь господинъ полковникъ двадцать рублей имъ далъ, лебось взяла, даромъ что отъ невѣрнаго. Это по вашему можно?..

— На, пей! — подошелъ съ чашкою другой.

Это было сказано съ такою ненавистью, сопровождалось такими злыми взглядомъ изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ рѣсницъ, что я невольно подозрительно посмотрѣлъ на дно сосуда. Нѣтъ, вода чистая какъ стекло, всѣ узоры, всѣ трещины расписной чашки сквозятъ отчетливо... отхлебнулъ: — холодная, свѣжая такая, вкусная... Выпилъ чуть не всю чашку, бросилъ на ея дно немного жеребровой мелочи — и поѣхалъ прочь отъ этого угрюмаго, мрачнаго гнѣзда фанатизма и ненависти.

Вотъ они, враги, съ которыми намъ будетъ много возни, много борьбы, несравненно болѣе тяжелой, чѣмъ борьба со всѣми турецкими родами этого берега. Это врагъ внутренній, противъ котораго наши скорострѣльные пушки и берданки недействительны — тутъ нужны иныя силы, иное оружіе.

Вдали синѣетъ скалистый вряжъ Шейхъ-Джейлинскихъ горъ, кѣво — песчаные холмы, за ними пустыня, правѣ зеленая полоса му-дарьинскихъ береговъ, свѣтлая водная лента и, чуть-чуть заѣтная, волнистая линія противоположнаго берега. Оазисъ Ну-гуса и Назаръ-хана кончается, — мертвая мѣстность подходит плотно къ берегамъ Аму; ее надо переѣхать, чтобы попасть въ слѣдующій оазисъ — Бій-базаръ, Шабасъ-вали и Шурахана. словно зеркало, обрамленное зеленою рамой, видѣется впереди еро Шейхъ-Джейли, послѣдняя вода этого оазиса, мѣсто нашего гнѣзда.

Въ часъ времени мы добрались до него и расположились великимъ бивуакомъ. Прекрасная, отстоявшаяся вода, — купанье въ ней, — ароматическій чай, отсутствіе комаровъ, словно боящихся юго близкаго сосѣдства съ пустынею... Даже животныя ободрились и весело ржали. Лошадей разсѣдали и пустили на траву, предвзято предвзято, быковъ тоже выпрягли...

— А къ ночи опять налетятъ проклятыя! — замѣтилъ со вздохомъ казачій офицеръ, и отравилъ этимъ замѣчаніемъ все пріятное расположеніе духа.

На этомъ привалѣ насъ догналъ начальникъ аму-дарьинскаго отдѣла, сдѣлавшій верхомъ въ одинъ переходъ около семидесяти верстъ.

Лошади его конвоя были измучены; рѣшено было здѣсь почевать, а завтра, къ вечеру, поспѣть въ Бій базаръ. Туда былъ командированъ джигитъ, чтобы намъ выслали на встрѣчу смѣнныя арбы и заготовили въ городѣ помѣщеніе.

Къ полудню, слѣдующаго дня нашъ отрядъ переходилъ горное плато:—черная, словно покрытая углемъ, почва была лишена всякой жизни, всякой растительности; только громадныя ящерицы, въ аршинъ длиною, изрѣдка выглядывали изъ-за камней и неуклюже убирались прочь, заполняя въ віяющія трещины... бованья копыта лошадей звенѣли, словно шли по чему-то металлическому, арбы катились легко и мало отставали отъ всадниковъ...

Надъ нами раскинулось небо—сѣрое, мглистое, раскаленный воздухъ мутилъ его голубую безконечность, оно словно спустилось ниже, словно надавило на эти угрюмыя, угловатыя очертанія скалистыхъ выступовъ...

Мы оставили арбы и пошли почти рысью, хотѣлось поскорѣе пройти эту непривѣтливую мѣстность, производившую на насъ печатлѣніе могилы.

Вонъ, впереди, дорога оборвалась разомъ; ея продолженія вѣдно вовсе, тамъ начинается спускъ,—и снова передъ нашими глазами вазеленѣлъ безконечный горизонтъ, снова надъ головами раскинулось голубое небо.

У подножья горъ мы нашли арбы, дожидавшія насъ еще съ утра, и старшину бій-базарскаго, выѣхавшаго объявить, что помѣщеніе въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ готово.

Мѣстность стала очень похожа на ту, что была въ окрестностяхъ Чимбая. Опять сталъ появляться народъ, опять къ нашему кортежу прибавлялись все новыя и новыя конныя группы, и въ редъ закатомъ солнца мы вѣхали въ Бій-базаръ, въ сопровожденіи самаго многочисленнаго общества.

Кибитки для насъ были расположены въ саду бывшаго ханскаго дворца, подъ тѣнью развѣсистаго карагача, на берегу чтырех-угольнаго прудика, «хауза»; передъ кибитками разостлали красивыя хивинскіе ковры, и на нихъ стояло множество блюсъ варенымъ рисомъ, пловомъ, лепешками, дынями, недозрѣлымъ виноградомъ и опять съ тѣми же неизбѣжными кувшинами съ лимъ айраномъ.

Бій-базаръ уже имѣеть совершенно другой характеръ, чѣмъ города-зимовки каракалпаковъ; здѣсь преобладающее населеніе узбеки, и они придали своему городу фizioномію вообще городовъ Средней Азiи, съ полнымъ отсутствіемъ кочевого элемента. Тѣсно скученныя сакли, съ заменутыми дворами, обнесены стѣною съ зубцами, башнями и рвомъ, наполненнымъ падалью и всевозможными нечистотами. Узкія, кривыя улицы, безъ плана и всякаго разсчета, прорѣзываютъ городъ; въ центрѣ базаръ, по обыкновенію крытый—вотъ вамъ и все описаніе города. И это описаніе безразлично годится почти для всякаго азіатскаго города, съ самыми незначительными только измѣненіями.

Заго бывшій ханскій дворець невольно останавливалъ на себѣ вниманіе. Его высокій фронтонъ съ угловыми башенками, вырѣзными гребнями и узкими прорѣзами, выглядывалъ изъ-за деревьевъ окружающаго его сада. Правда, что все это было сбито изъ одноцѣтной глины, все одинаковаго желтовато-сѣраго цвѣта, но это не мѣшало общему впечатлѣнію... Темная арка вела во внутренніе дворы, гдѣ были помѣщенія для женъ, для прислуги, витрины сакли для самого владѣльца, но туда бы лучше не заглядывать. Все пусто, вездѣ груды конскаго навоза, вездѣ замоченныя черныя пятна отъ разложенныхъ огней... Бывшій дворець обратился въ караванъ-сарай, куда заѣзжаютъ съ лошадьми и арбами.

Понятное дѣло, что мы очень были довольны помѣщеніемъ своимъ на чистомъ воздухѣ, подѣ роскошными, вѣтвистыми деревьями, а не въ этомъ дворцѣ—караванъ-сарай.

Странная личность явилась къ намъ, раскланялась съ Ивановымъ, какъ съ старымъ знакомымъ, поздоровалась по-русски и, дожидаясь приглашенія, сѣла на коверъ и запустила въ блюдо въ виноградомъ свои руки.

Это былъ старикъ, съ влинообразною сѣдою бородкою, съ легка горбатымъ носомъ, въ парчевой тубетейкѣ на гладко обритой головѣ и въ шелковомъ зеленомъ халатѣ. По типу, по манерамъ, это былъ кровный узбекъ, но по-русски онъ говорилъ довольно хорошо, и видимо щеголялъ этимъ знаніемъ...

Это былъ Дмитрій-ходжа, о которомъ я еще прежде слышалъ довольно много интереснаго, теперь мнѣ его пришлось увидѣть лично.

Дѣтъ сорокъ-пять тому назадъ онъ былъ пойманъ туркменами въ то время, когда рыбачилъ съ своими товарищами у южныхъ берега Каспійскаго моря. Всѣхъ рыбаковъ, связанныхъ цѣпью привели въ Хиву и распродали здѣсь поштучно.

Дмитрій тогда еще былъ совсѣмъ молодымъ парнемъ, понравился одному изъ приближенныхъ хана и былъ купленъ имъ за двадцать тиль,—около пятидесяти рублей. Черезъ годъ онъ уже былъ фаворитомъ своего господина, а потомъ перешелъ и къ самому хану, отцу нынѣ царствующаго Сеидъ-Рахима. Ловкій плутъ сумѣлъ поддержать милость ханскую до тѣхъ поръ, пока у него не отросла борода, затѣмъ роль его нѣсколько измѣнилась; его уволили отъ должности, давъ свободу, для чего онъ принялъ мусульманство и сталъ хивинскимъ гражданиномъ. Зналъ до тонкости всѣ мышиныя норки ханскаго дворца, всѣ придворныя интриги, всѣ слабости хана и сильныхъ міра сего,—онъ сдѣлался ходатаемъ по дѣламъ и приобрѣлъ себѣ такую практику, что скоро сталъ богатымъ человекомъ. При вступленіи на престолъ нынѣшняго хана, Дмитрій-ходжа успѣшилъ представить ему сына своего, очень красиваго мальчика, лѣтъ четырнадцати, который и занялъ мѣсто, подобное тому, что занималъ когда-то его отецъ. Этимъ онъ еще болѣе закрѣпилъ свои отношенія ко двору,—но тутъ разыгрались послѣднія событія, и Дмитрій-ходжа рассчиталъ, что около хана теперь менѣе выгодно жить, чѣмъ около русскихъ. Онъ перебрался на нашу сторону и явился къ генералу Кауфману въ числѣ освобожденныхъ плѣнныхъ.

На предложеніе ѣхать обратно на родину, въ одинъ изъ поволжскихъ городовъ, онъ наотрѣзъ отказался, и понятно—чѣмъ ему дѣлать въ Россіи, давно имъ забытой, когда тутъ у него и семья, и состояніе, и связи?

Вообще, большинство русскихъ, прожившихъ въ плѣну болѣе пятнадцати лѣтъ, не желали возвращаться на родину... Можетъ быть, здѣсь говорили новыя привязанности, новыя привычки, а можетъ быть и боязнь презняго русскаго крѣпостнаго быта.

Сначала Ивановъ очень обласкалъ старика, но потомъ, удивившись, какой это плутъ и пройдоха, держалъ его въ сторонѣ, ни въ чемъ ему не вѣрилъ, хотя при встрѣчѣ здоровался по-пріятельски.

Дмитрій-ходжа однако понялъ, что здѣсь ему уже не играть той роли, что прежде, при ханѣ; онъ сильно приунылъ и повѣсилъ голову... Онъ даже и здѣсь пустилъ впередъ своего сына, но, потерпѣвъ фіаско, ограничился только тѣмъ, что всегда возилъ его съ собою и одѣвалъ въ яркіе красные халаты.

Старикъ сидѣлъ у насъ цѣлый вечеръ, читалъ намъ наизусть множество старообрядскихъ молитвъ, сохранившихся еще въ его памяти, рассказывалъ эпизоды изъ священнаго писанія,—все съ

тою дѣлю, чтобъ разувѣрить насъ въ томъ, что онъ «будто бы, какъ говорятъ злые люди, принялъ мусульманство»; наконецъ, его прогнали и онъ ушелъ, обѣщавъ завтра непременно явиться вновь и привести съ собою своего красавца-сына.

Уже было довольно поздно; свѣчи въ бумажныхъ фонаряхъ оплывали и тухли. Мы разбили, больше по привычкѣ, свои пологи и полѣзли въ нихъ спать до слѣдующаго утра, — до подъема снега въ дорогу.

XIV.

Шабасъ-вали. — Развалины старой крѣпости Минареть. — Отдыхъ въ ханскихъ садахъ. — Встрѣча на границѣ Шураханскаго района. — Слободка Петрово-Александровская. — Укрѣпленіе.

Оставивъ арбы идти самимъ собою, съ той скоростью, которая для нихъ возможна, мы выѣхали налегкѣ, рассчитывая въ полудню, къ самой жарѣ, дойти до Шабасъ-вали, отдохнуть тамъ, и съ вечернею прохладой тронуться въ путь, а къ ночи прибыть на мѣсто, въ Шураханъ.

Скучная, однообразная дорога тянулась передъ нами. Издали видѣлись, съ правой стороны больше, длинные ряды тополей и темныя группы карагачей. Обработанныя пространства встрѣчались рѣдко, мѣстами дорогу пересѣкали песчаные наносы; полуразрушенныя сакли и засыпанные, безводные арыки свидѣтельствовали о томъ, что было время, когда все это пространство цвѣло и зеленѣло, когда кипучая жизнь царствовала здѣсь, на этихъ пустыряхъ, отъ вида которыхъ въ настоящую минуту даже сердце тоскливо сжимается и пропадаетъ веселое состояніе духа.

Словно тонкая, свѣтлая черточка, видѣлось на горизонтѣ какое-то строеніе.

— Это Шабасъ-вали, минареть тамошній, — указавъ нагайкою Ивановъ: — до него верстъ двадцать, а видѣтъ какъ на ладони...

Часа черезъ три скорой ѣзды — мы подъѣзжали уже къ стѣнамъ города. То, что казалось намъ городомъ издали, оказалось громадными грудами развалившихся стѣнъ. Эти развалины замѣтно представляли обширное четырехугольное пространство, въ исходахъ угла котораго возвышалась высокая башня въ видѣ длиннаго, усѣченнаго конуса; снизу эта башня подмыта дождевою водою; одна сторона совсѣмъ обрушилась, до такой степени, что страшно даже глядѣть на нее: такъ и кажется, что вотъ-вотъ упадетъ этотъ колоссъ и засыплетъ дорогу своими обломками.

Узкія черныя окна, превратившіяся въ настоящее время въ

длинные трещины, зияли на гладкой поверхности стѣнъ, вершина, должно быть, была нарѣзана зубцами, но теперь осыпалась и торчитъ вверхъ остроковечнымъ обломкомъ...

Не дорожатъ туземцы нисколько этими развалинами, свидѣтелями сѣдой древности. Азіаты вообще безъ вниманія относятся къ памятникамъ старины, хотя бы съ этими памятниками соединены были религіозныя воспоминанія. Яркимъ примѣромъ этого небреженія служатъ Тимуровы постройки въ Самаркандѣ, оставленныя безъ всякаго присмотра и ремонта... Ходятъ смутныя преданія, что крѣпость Шабасъ-вали была построена еще аборигенами страны, до прихода мусульманскихъ завоевателей, значить, до Тамерлана; насколько эти преданія вѣрны, предоставляю судить и провѣрять археологамъ и историкамъ; я же, какъ скромный художникъ, только любовался этими оригинальными, угловатыми линиями желтыхъ развалинъ, такъ отчетливо рисующимися на темной синевѣ южнаго неба.

Городъ нынѣшній лежитъ влѣво отъ дороги, и совершенно теряется въ массахъ садовъ, его окружающихъ. Этотъ городъ совершенное повтореніе Бій-базара. Дорога не шла черезъ него, и я изъ любопытства, простительнаго туристу, свернулъ съ дороги и въѣхалъ въ темную арку его приземистыхъ воротъ.

Помѣсивъ вонючую грязь ногами моей лошади, заглянувъ въ ту и другую лавочку базара, купивъ кое-что изъ мѣстныхъ произведеній, я выбрался на свѣжій воздухъ и пріѣхалъ къ мѣсту привала, когда уже всѣ лежали въ растяжку на коврахъ, а лошадей нашихъ проваживали мѣстные джигиты.

Бивуаки были расположены въ саду Мотъ-Ніаза, одного изъ полководцевъ хана въ прошедшую войну. Самъ хозяинъ сохранилъ на него право собственности, и навѣдывается иногда сюда лѣтомъ, хотя бѣльшую часть года живетъ на лѣвомъ берегу, въ своемъ хивинскомъ домѣ.

Этотъ садъ былъ превосходно обработанъ и тщательно подерживался; на всемъ была видна заботливая, хозяйская рука, и эта масса яркой, разнокалиберной зелени, эти дорожки, тщательно укатанныя и посыпанныя пескомъ, эти арки, расчищенные, съ проточною водою, — прудъ посрединѣ — все производило на глазъ такое пріятное впечатлѣніе, что отдыхъ здѣсь былъ однимъ изъ комфортабельнѣйшихъ отдыховъ.

Выбрались мы отсюда, какъ и предполагали, вечеромъ — намъ оставалось всего часа четыре пути и мы рассчитывали прибыть въ Шураханъ еще засвѣтло; такъ бы оно и вышло если бы насъ не задержала на пути официальная встрѣча, под

готовленная начальникомъ Шураханскаго района, на его границѣ.

Пока тянулась вся эта церемонія, а потомъ питье чая съ европейскою уже обстановкою, времени прошло довольно-таки, — и уже было совершенно темно, когда мы переваливались черезъ послѣднюю песчаную косу, подходящую почти подъ самыя стѣны русскаго укрѣпленія...

— Посмотрите, — сказала кто-то рядомъ со мною: — вонъ тамъ, идите, это наше кладбище!...

Вѣдь, на вершинѣ одного изъ песчаныхъ бугровъ, чернѣли знакомые силуэты крестовъ — ихъ было-таки достаточно; за одинъ годъ даже слишкомъ...

— Рыть легко, песокъ мягкій, — глубоко рыть можно, — говорилъ мнѣ сосѣдь. — Оно точно, что носить далеко, пожалуй, съ версту будетъ...

Впереди вспыхивало зарево, мелькали огни... виднѣлась улица, по которой сновалъ народъ... Окна савель выходили на улицу и свѣтились издали правильными четырехугольниками, а на нихъ чернѣли крестообразныя перекладины рамъ... Русская рѣчь преобладала надъ азиатскимъ гомономъ — слышались даже женскіе голоса, и тоже русскіе — какой-то дѣтскій голосъ оралъ на всю улицу: ма-а-ма!..

Вотъ и первое русское поселеніе на Аму-Дарьѣ, зародышъ, быть можетъ, нашихъ будущихъ городовъ и селъ.

Нѣсколько семействъ женатыхъ солдатъ помѣстились здѣсь, подъ защитой крѣпостныхъ валовъ и русскихъ пушекъ; къ этимъ саклямъ пристроились маркитанты и кое-кто изъ туземцевъ, и основалась, такимъ образомъ, новая слободка, — названная Петрово-Александровскою.

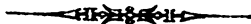
За нею виднѣлись темныя стѣны самого укрѣпленія, изъ-за стѣны выглядывали длинные ряды тополей, коньки барачныхъ крышъ, надъ воротами торчалъ силуэтъ часового.

— Кто ѣдетъ? стой, что отзвѣтъ? — неся оттуда обычный окликъ.

Мы сошли съ лошадей и вошли въ ворота уже пѣшкомъ... Въ воротахъ толпились офицеры, командиры отдѣльныхъ частей, съ рапортами...

Наше путешествіе по Аму окончилось; теперь предстоятъ новыя работы, новыя изслѣдованія. А тамъ, обратный путь, напрямикъ, безводными степями Кызылъ-кумъ.

Н. БЛАЗИНЪ.



ГРИБОЋДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

1816-ЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—ДЕКАБРЬ *).

Москва, 3-го января 1816 г. — Ты вздумала, милый другъ, наказать меня, и подражать моей молчаливости. Но пусть молчаніе будетъ лучше мщеніемъ съ твоей стороны, съ этимъ я мирюсь, лишь бы не болѣзнь или тревога о комъ-нибудь изъ близкихъ мѣшали тебѣ писать. Ты говорила мнѣ, что, несмотря на сильный насморкъ, ты отрывала балвонъ, чтобы посмотрѣть на персидскаго посланника. Боюсь, не захворала ли ты?

Шаховскія были у насъ съ визитомъ, и съ тѣхъ поръ я нигдѣ не могу ихъ поймать.

Ихъ домъ очень недурень, только не опшукатурень. Супругъ твой навѣрное сталъ бы надъ нимъ смѣяться, потому что одна часть стѣнъ деревянная, а другая изъ кирпича. Въ будущемъ году все приведутъ въ порядокъ, а пока можно и такъ пожить, комнаты теплы, воздухъ въ нихъ хорошъ, что за бѣда, если обоимъ невзрачны.

*) См. выше: 1874, авг. 572; сент. 115; окт. 542; дек. 687; 1875, янв. 219 стр.

Съ Рождества мы все ѣдимъ по гостямъ. Были на двухъ званныхъ обѣдахъ, на ужинѣ у Рябиной и у Оболенскихъ. Нынче приходится ѣхать на вечеръ, а въ четвертъ на балъ къ кн. Андрею Гагарину. Въ воскресенье будетъ балъ у Оболенскихъ, затѣмъ черезъ два дня опять балъ у князя Щербатова, у котораго «глаза на выкатъ».

Что же касается до Вяземскаго, онъ сталъ нѣжнѣйшимъ изъ супруговъ и примѣрнымъ отцомъ семейства, какими бываютъ лишь мужчины лѣтъ сорока.

Прощай, вотъ третье письмо доканчиваю нынче. Остается отправить еще одно.

17-го января.—Княжны Шаховскія и я не знаемъ рѣшительно, чему приписать твое молчаніе. Еслибъ одна я не получала отъ тебя извѣстій, то могла бы подумать, что ты мстишь мнѣ за то, что я недѣли двѣ не писала. Но такъ какъ и кн. Полина лишена твоихъ писемъ, то вѣрно болѣзнь мѣшаетъ тебѣ взяться за перо или нездоровье кого-нибудь изъ семьи. Сестра писала мнѣ, что у васъ вслѣдствіе дурной погоды появилась лихорадка и насморкъ. Уже не захворала ли ты, чего Боже упаси!

Наконецъ-то дождались мы ясныхъ дней. Морозить, солнце такъ и сияетъ, всѣ повеселѣли. Туманы нагоняли на насъ тоску. Слава Богу, что здѣсь отъ дурной погоды не появлялось никакой болѣзни.

Шаховскіе наконецъ объявили о замужствѣ дочери. Всѣмъ разослали увѣдомленія объ этомъ третьяго дня. Теперь начнутся обычныя поздравленія. Мнѣ до сихъ поръ не удалось видѣть жениха, хотя я нѣсколько разъ была у Шаховскихъ. Все попадала въ такіе часы, когда его тамъ не было. Княжна Мари очень весела и вѣжета вполнѣ довольна своей судьбой, что важнѣе всего. Не зная г-на Голынскаго, я уже чувствую къ нему расположеніе потому только, что онъ нравится своей невѣстѣ. Меня всегда бѣсятъ разсужденія лицъ постороннихъ по поводу чьего-либо замужства. Когда партія подходящая и женятся съ согласія всей семьи и по собственному желанію, о чемъ тутъ толковать, остается пожелать счастья сосватаннымъ—вотъ и все. Молоды они или стары, богаты или бѣдны, красивы или уродливы—кому какое дѣло, а между тѣмъ объ этомъ-то люди и толкуютъ. Вотъ что меня сердить, я начинаю спорить и утверждать, что такого рода болтовня смѣшна и вовсе не похвальна. Такъ судять изъ зависти или отъ бездѣлья.

Ни разу не приходилось мнѣ слышать, чтобъ всѣ одобрили

хоть одну свадьбу. Пока женихъ и невѣста не обвѣнчаются, объ нихъ жалѣють, находятъ, что они другъ другу не пара, между тѣмъ какъ сами сосватанные на седьмомъ небѣ отъ радости. Такого рода сожалѣнія совершенно излишни. Впрочемъ, это продолжается лишь до свадьбы; какъ только кончится церемонія, всѣ по неволѣ соглашаются съ тѣмъ, что молодые рождены одинъ для другого, потому что всякому соперничеству настаетъ конецъ.

Балы идутъ своимъ чередомъ, но ихъ меньше чѣмъ въ прошломъ году—два-три въ недѣлю, и то достаточно. По крайней мѣрѣ, нивого танцы не уморятъ нынѣшней зимой. Въ прошлый зимній сезонъ умерли двѣ молодыя дѣвушки, а третья—княжна Александрина Шаховская утратила свое здорѣе. Здѣсь нѣсколько лицъ въ траурѣ, что отчасти препятствуетъ увеселеніямъ. Князь Щербатовъ, который назначилъ у себя пріемный день разъ въ недѣлю, ужасно страдаетъ отъ подагры, такъ что ему не до баловъ.

Я не говорила съ тобой объ изгнаніи іезуитовъ, потому что нельзя упомянуть мимоходомъ о такомъ событіи, а если пуститься рассуждать объ этомъ предметѣ, пожалуй, напишешь цѣлые томы. Одно можно сказать, что всѣ разумные люди должны быть благодарны государю за то, что онъ удалилъ этихъ господъ. Не менѣе обрадовалъ меня указъ касательно дуэлей; еслибъ выше онъ пораньше, Бибиковой не пришлось бы оплакивать сына. Остается пожелать, чтобъ безъ всякаго снисхожденія при первомъ случаѣ, когда поступать противъ этого закона, виновныхъ кто бы они ни были, подвергли строгому наказанію.

31-го января.—До сихъ поръ не могу отдохнуть послѣ двухъ утомительныхъ вечеровъ. Мы плясали какъ угорѣлые у гр. Толстаго въ четвергъ, а въ пятницу у Вяземскихъ танцы продолжались до 6 ч. утра. Балъ былъ преудачный; давно я такъ не веселилась и не была такъ въ духѣ, какъ въ этотъ вечеръ. Ты скоро увидишь нашего милаго князя. Онъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ и пробудетъ тамъ до первой недѣли поста. Пожалуйста, не задерживайте его. Это наше сокровище самое драгоценное, мы всѣ его ревнуемъ. Онъ надѣется встрѣтиться съ тобой тотчасъ по пріѣздѣ у Грибоѣдовыхъ. Если увидишь его передай ему отъ меня тысячу привѣтствій. Я люблю его всею душой.

Въ жизнь свою я много слыхала о магнетизмѣ. Это вещь очень интересная, но, признаюсь, я не желала бы, чтобъ свѣдѣнія эти распространялись въ толгѣ; это можетъ повести къ страш

нмъ злоупотребленіямъ, которыхъ послѣдствія трудно предвидѣть. Вообще не люблю я, когда стараются проникать въ тайны природы, въ особенности міра духовнаго. Я убѣждена, что есть люди, способные глубоко вникнуть въ тайны природы, но мнѣ кажется, что посредствомъ изученія міра физическаго не дойдешь до пониманія вопросовъ, относящихся къ міру духовному, которыхъ большинству людей не въ состояніи постичь. Не довѣряю я, признаюсь, тому, что выступаетъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. Конечно, рѣшительнаго приговора я не позволю себѣ произнести надъ тѣмъ, что выше моего пониманія. Но такъ какъ въ зрѣломъ возрастѣ нельзя не имѣть своего мнѣнія о всемъ, что видишь и слышишь, я передаю тебѣ мой личный взглядъ, который ты желаешь знать.

Брату дѣйствительно помогло леченіе. Зато изъ послѣдняго письма его мы узнали, что у него появился новый недугъ, которымъ онъ прежде никогда не страдалъ; болѣзнь эта крайне неприятна въ его годы. Подагра мучаетъ его вотъ уже нѣсколько дней. Согласись, что не весело съ ней возиться въ 27 лѣтъ.

7-го февраля. — Вчера не получила отъ тебя письма, милый другъ, но увѣрена, что ты мнѣ писала. Въ почтовомъ объявленіи значится, что есть письма на мое имя. Какой-нибудь несчастный почтальонъ таскаетъ его въ своей сумкѣ по всему городу. Чувствуя приближеніе масляницы, господа почтальоны усердно приносятъ жертвы Бахусу, нѣтъ съ ними ладу да и только; если пожаловаться — затѣнешь длинную исторію. Лучше потерплю, нынче вечеромъ или завтра утромъ навѣрное будетъ у меня письмо.

Мы рискуемъ усерднѣе прежняго. Скоро постъ, вотъ всѣ и спѣшатъ воспользоваться послѣдними днями масляницы. Каждый день бываетъ балъ, иногда два, три въ одинъ вечеръ. Конечно, я не на всѣ ѣзжу, но въ два дня разъ мнѣ приходится плясать шесть или семь часовъ безъ отдыха. Четвергъ былъ для насъ тяжелый денекъ. По случаю именинъ матушки у насъ были гости съ 11 часовъ утра до 8 вечера; затѣмъ пришлось одѣваться на балъ въ Шаховскимъ, который они давали въ честь молодыхъ.

Въ субботу былъ прелестный балъ у князя съ «глазами на выкатѣ». Мы оставались до 5 часовъ утра. Физически я не страдаю отъ бессонныхъ ночей, зато мои нравственные силы слабѣютъ. У меня голова становится тяжела, днями я бываю совершенно какъ одурѣлая.

Впрочемъ, не далеко до поста. Мысли освѣжата и слѣды масляницы исчезнутъ.

Ты и не подозрѣваешь, что въ сердцѣ моемъ загорѣлась новая страсть, предметъ ея—Ипполитъ, не сынъ героя, какъ угадываетъ Расинъ, а графа Льва. Онъ перенялъ у отца его манеры, выраженія, шутить какъ онъ, словомъ, по-моему, это милѣйшій изъ нашихъ молодыхъ людей. Я видаю его почти каждый день. Онъ большой пріятель Николинки. Какъ видишь, это можетъ привести къ романтическому эпизоду.

Я расположена дурачиться и потому лучше закончу письмо, чтобъ не болтать лишняго вздора. Отсюда вижу, какъ ты начинаешь вооружаться противъ моихъ выходокъ. Не тревожься попусту. Я еще не совсѣмъ обезумѣла по милости баловъ и черезчуръ не заговариваюсь. Повѣрь, что письма мои глупѣе моей головы.

28-го февраля. — Вотъ двѣ недѣли, какъ я тебѣ не писала, дружокъ. Во все это время я получала о тебѣ извѣстія только черезъ сестру. Она мнѣ говорила, что видѣлась съ тобой и шла тебя совершенно здоровой. Теперь буду ожидать твоего письма. Сама я не писала прошлый четвергъ потому, что у насъ была прелестная масляница, а затѣмъ мы кинулись въ благочестіе.

Послѣ шума вдругъ настала полнѣйшая тишина,—такой переходъ произвелъ ужасный сумбуръ въ моихъ мысляхъ.

Нынче отправляюсь обѣдать къ Вѣрѣ Виземской, одна нога у меня въ туфлѣ, а другая въ башмакѣ. Съ такой прелестной обувью я никуда не могу показаться. Если палецъ не заживетъ, мнѣ придется сидѣть дома, когда сюда пріѣдетъ великая герцогиня. Итакъ, маленькое несчастіе избавить меня отъ расходовъ. По-моему, это важнѣе, чѣмъ удовольствіе присутствовать на праздникахъ, которые будутъ давать въ честь герцога и герцогини Виртембергскихъ.

Мы присмирѣли постомъ. По вечерамъ собирается у насъ человѣкъ десять, которые почти ежедневно встрѣчаются другъ съ другомъ, и время проходитъ тихо и безмятежно.

6-го марта.—Нынче все утро у насъ была такая суматоха, что я едва не пропустила почты. 3 часа, я еще не одѣта, а ужъ съѣхались гости къ обѣду. Въмѣсто того, чтобъ заниматься туалетомъ, я предпочитаю побесѣдовать съ тобой. Какъ я рада, дружокъ, что ты совершенно поправилась. Хорошо, что ты не забываешь своего намѣренія самой выкормить дѣтей. Если обязанность кормилицы заставитъ тебя отказаться отъ нѣкоторыхъ удо-

вольствій въ настоящее время, зато ты готовишь себѣ много радостей въ будущемъ. Велико ли горе не попасть на какой-нибудь балъ; вечеръ пройдетъ, и ты перестанешь жалѣть, что просидѣла дома, пока другіе плясали.

Я твердо убѣждена, что лишь исполненіе долга доставляетъ намъ истинное счастье, когда же, напротивъ, хоть на шагъ отступимъ мы отъ истиннаго пути—тотчасъ бываемъ наказаны за дурной воступокъ.

На прошлой недѣлѣ была я у Шаховскихъ. Почти два часа просидѣла съ глазу на глазъ съ Полиной. Матери ея и сестеръ дома не было. Бняжна была очень весела. Сестра писала имъ въ дороги. Боюсь, что извѣстія, которыя получаютъ они отъ Мари, когда она пріѣдетъ на мѣсто, будутъ не особенно пріятнаго свойства. Будемъ надѣяться, что дурные слухи не что иное, какъ глупа.

Я очень весело провожу время. Вѣра вздумала приготовить шуу сюрпризъ къ его возвращенію. Она мнѣ рассказала, что вздумала, и просила меня помочь ей исполнить свое намѣреніе. Я посоветовалась съ мамѣ, которая, узнавъ, что въ проектѣ Вѣры примутъ участіе лица намъ близкія, позволила и мнѣ къ нимъ присоединиться. Я объявила Вѣрѣ, что голосъ мой къ ея дугамъ, хотя онъ сильно ослабъ вслѣдствіе постной пищи. Она вербовала и г-жу Бартекову, которая тоже будетъ пѣть. Фортепьянныя пьесы исполнять: сама Вѣра и m-me Каверина, которая мнѣ мило играетъ. Потомъ разыграютъ маленькую комедію—арсь, сочиненіе Пушкина; я пропою только куплетъ въ концѣ пьесы.

Мы три раза въ недѣлю собираемся для репетицій, и намъ кажется превесело. Мы исполняемъ прекрасную музыку, на мнѣ лежитъ обязанность—я *maestro di capelle*—и могу тебя увѣрить, оркестръ мой дѣлаетъ мнѣ честь. Теперь мнѣ часто приходится видѣть г-жу Бартекову. Знаешь ли, вѣдь она преоригинальная особа, за ней интересно наблюдать. Она не принадлежитъ собственно ни къ какой категоріи, но держитъ себя не такъ, какъ другія.

Однимъ словомъ, скажу тебѣ, что наше препровожденіе времени весьма пріятное. Гораздо лучше посмѣяться, когда кто-нибудь возьметъ фальшивую ноту, нежели усѣсться вокругъ стола гостинной и злословить.

Прощай, мой другъ, меня два раза приходили звать къ обѣду. Прощай 4 часа.

13-го марта.—Я рада, что ты находишься въ цвѣтущемъ здоровьи, но недовольна тѣмъ, что ты отбиваешь у насъ друзей. Объявляю тебѣ, что Вяземскаго мы ни за что не уступимъ. Если онъ и обѣщался тебѣ снова прѣѣхать въ Петербургъ, то увѣрю тебя, что это было сдѣлано изъ любезности и по сердечной добротѣ, чтобъ не огорчить васъ отказомъ. Вы въ самомъ дѣлѣ престранные. Зачѣмъ, напримѣръ, прислали вы къ намъ обратно г-жу К. съ дочерью; мы ихъ бы охотно уступили вамъ. Въ чему отнимаете вы тѣхъ, кому и здѣсь хорошо. Берите Пушкина, онъ претошный, только Вяземскій да Алексѣй Михайловичъ обладаютъ способностью его подзадоривать; безъ нихъ онъ никуда не годится. Я замѣтила въ васъ манію отбивать чужое добро.

Г-жа Мачіорлетта прѣѣхала три дня тому назадъ. Послѣ завтра она дастъ первый концертъ. Составляется съладчина съ цѣлю пригласить ее пѣть въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ. Если она согласится на предложеніе, то мнѣ придется слышать ее очень часто.

Наши репетиціи у Вѣры Вяземской идутъ очень удачно; теперь намъ мѣшаетъ г-жа К. и потому я объявила, что достану точно репетировать еще разъ и тѣмъ ограничиться.

Говорятъ, что половина петербургскихъ жителей перебирается за-границу? Вѣроятно уѣзжаютъ подъ предлогомъ слабаго здоровья? Обыкновенно всегда сваливаютъ на здоровье въ этихъ случаяхъ.

27-го марта.—Такъ и думала, что нездоровье помѣшало тебѣ писать. Мнѣ пріятно держать въ рукахъ твое письмо, какъ доказательство того, что ты поправилась. Одна изъ фразъ твоихъ мнѣ не по вкусу. Неужели ты была бы способна послѣдовать примѣру сумасшедшихъ, которые ѣдутъ въ чужіе края прожить свое состояніе и подавать иностранцамъ дурное мнѣніе русскихъ? Вслѣдствіе чего являются у тебя подобныя фантазіи. Еслибъ я спросила тебя о достоинствахъ лицъ, которыхъ примѣру ты не прочь послѣдовать, то поставила бы тебя въ затрудненіе; ты не могла бы назвать ни одного лица, которое стоило бы того, чтобъ ты ему подражала во всѣхъ отношеніяхъ. Исключаю тѣхъ, это дѣйствительно болеть, такихъ немного. у насъ и здѣсь есть нѣкоторые особы, намѣревающіяся ѣхать за границу, какъ-то: обѣ графини Кутайсовы, г-жа Шепелева, родственная Баташова, которая совсѣмъ умираетъ, и еще двѣ-три дамы. Изъ здоровыхъ одинъ кн. А. Г. поговариваетъ, и то весы

вероятно, что недурно бы покинуть родину. Признайся, мне не лестно сойтись во мѣнѣяхъ съ такимъ господиномъ.

Помнишь, что сказала тебѣ г. Джонсъ однажды на ужинѣ у гр. Разумовскаго; ты восторгалась путешествіями, причѣмъ ты замѣтила, что изъ пяти тысячъ путешествующихъ женщинъ можно встрѣтить одну порядочную. Какъ сейчасъ вижу тебя мѣста за огромнымъ столомъ: Джонсъ стоялъ позади насъ, шарпалую любезничая съ тобой, что однако не мѣшало ему тебѣ противорѣчить. Я вполне согласна съ его мнѣніемъ. Сдѣлавъ одолженіе, откажись отъ странствованій по бѣлому свѣту; ты когда объ нихъ мечтала, этого я не могла тебѣ простить, когда ты была моложе, а теперѣ подавно не извиню, потому что ты мать семейства.

Ваземскій вернулся нынче въ ночь. Какъ ни говори, а намъ его больше не видать. Если ты меня разсердишь, я возьму у него жены одно или два изъ его писемъ; онѣ тебѣ докажутъ, какого онъ мнѣнія о Петербургѣ. Мы ждали его въ субботу, и потому вчера намѣревались праздновать его возвращеніе. Теперь празднуемъ сюрпризъ до четверга, потому что всѣ эти дни будутъ заняты публичными концертами, и музыканты, которые намъ нужны, будутъ заняты. Если удастся наша затѣя, я подробно опишу тебѣ весь праздникъ. По случаю репетицій пришлось сблизиться съ г-жою Бартеновой; вчера она у насъ ужинала первый разъ. Она сказала себя очень скромно, что съ ней рѣдко случается.

3-го апрѣля. — Меня ужасно утомила обѣдня, продолжавшаяся два часа. По возвращеніи домой я еще вдобавокъ написала два длинныхъ письма. Сегодня отъ меня не жди ничего путнаго, не могу собраться съ мыслями.

Ваземскій передалъ мнѣ твою посылку. Нынче получила я письмо, въ которомъ ты мнѣ обещаешь прислать шляпку. Благодарю тебя за память обо мнѣ. На пасхѣ обновлю всѣ твои подарки. Ты желаешь знать, какъ сошелъ праздникъ, который мы готовили для кн. Петра. Съ удовольствіемъ опишу тебѣ этотъ вечеръ, потому что онъ вышелъ весьма удаченъ. Хотя сама я участвовала въ концертѣ, а не могу не похвалить его. Только куплетъ испортилъ немножко эффектъ комедіи, исполненной Рейнхартъ, Пушкинымъ и кн. Щербатовымъ. Я знала, что злополучный куплетъ, какъ свои пять пальцевъ, на всѣхъ паникахъ пѣла его, не ошибаясь, и никакъ не ожидала, чтобы онъ могъ ускользнуть изъ моей памяти. Когда пришла моя очередь пропѣть его князю, я до того растерялась, выйдя на сцену

и очутившись передъ публикой, состоявшей изъ 50 человекъ, что вся задрожала. Еслибъ не Вѣра, я непременно упала бы къ ногамъ Вяземскаго. Вотъ была бы трогательная картина! Сама не знаю, что я пѣла. Вотъ эта неудача немного подгадила вечеръ, вообще же онъ былъ очень хорошъ. Вяземскій былъ крайне тронуть тѣмъ, что мы занимались имъ во время его отсутствія. Теперь онъ съ своей стороны хочетъ насъ позабавить. На пасхѣ готовить намъ балъ, а нѣсколько дней спустя любительскій спектакль. Въ настоящее время всѣ здѣшніе кавалеры возстали противъ него и всѣхъ насъ. Закидали насъ камнями. Они повявъ не могутъ, отчего мы такъ угрождаемъ одному лицу, между тѣмъ какъ, по ихъ словамъ, всѣ они расположены, подобно Вяземскому, броситься передъ нами на колѣни.

На нынѣшней недѣлѣ я раза два видѣлась съ Шаховскимъ. Полина была очень больна. Она послала ко мнѣ лакея, чтобъ увѣдомить меня о своей болѣзни, но онъ, должно быть, счелъ лучшимъ исполнить ея приказаніе, такъ что я узнала объ этомъ отъ нея самой, когда, выздоровѣвъ, она явилась ко мнѣ.

Бѣдная Александрина Шаховская, я полагаю, не доживетъ до пасхи, судя по теперешнему ея положенію. Настало время тяжелое для чахоточныхъ. Скоро ледъ тронется; дня черезъ два три пройдетъ Москва-рѣка. Погода чудесная. Вчера послѣ сильнаго дождя исчезли остатки снѣга.

Въ настоящее время здѣсь находится одна изъ вашихъ дамъ католичекъ, княгиня Куракина. Приѣхавъ сюда недѣлю тому назадъ, она тотчасъ поскакала въ костелъ и начала приставать къ есендзу, упрашивая его ѣхать къ ней въ деревню. Онъ съ трудомъ отъ нея отдѣлался. Всѣ, кто ее видѣлъ, увѣряютъ, что она вовсе не помѣшана, какъ намъ говорили. Прощай, моя дорогая, обнимаю тебя второпяхъ.

10-го апрѣля. — Пишу нынче, только чтобъ поздравить тебя съ праздникомъ, мой безцѣнный другъ. У меня такъ мало свободнаго времени; я полагала, что не успѣю даже похристосоваться съ тобой и пожелать тебѣ всякаго благополучія. Мнѣ очень не весело, хотя въ такой великій праздникъ слѣдовало бы веселиться и быть спокойной духомъ. Съ недѣлю я все воюю съ мертвыми да съ умирающими. Гусятниковъ окончилъ свое земное странствованіе. Онъ умеръ въ прошлый понедѣльникъ вечеромъ. Его нельзя было не цѣнить; мы знали всѣ его качества, онъ къ намъ искренно былъ привязанъ. Даже за нѣсколько часовъ до кончины выказалъ намъ свое расположеніе; вспомнивъ,

что я бываю именинница 1-го апрѣля, онъ просилъ меня поздравить. Не могу тебѣ выразить, какъ тронуло меня такое вниманіе со стороны умирающаго человѣка. О немъ жалѣютъ всѣ, кто его знаетъ и цѣнилъ. Теперь у меня постоянно на глазахъ кн. Шаховская, которая еще жива по какому-то чуду. Она не можетъ долго жить. Нынче или завтра у меня убудетъ еще одна знакомая. Вотъ почему, несмотря на шумъ и кутерьму, въ которой я вращаюсь, у меня грустно на душѣ. Вся эта недѣля будетъ изобиловать удовольствіями. Прогулки будутъ прекрасныя, потому что стоитъ роскошная погода. Однако, вѣрно дороги очень люды, потому-что почта двумя днями опаздываетъ. Писемъ еще не приносили. Не получала я и шляпы, о которой ты мнѣ писала. Прощай. Матушка меня торопитъ, сейчасъ сяду въ карету и поѣду поздравлять нѣсколькихъ почтенныхъ родственниковъ, которые предупредили насъ своимъ поздравленіемъ.

24-ю апрѣля.—Въ прошлый понедѣльникъ я никому не писала, моя милая, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что долго проспала, утомившись послѣ бала у кн. Андрея Гагарина, и такимъ образомъ у меня пропало все утро; во-вторыхъ, потому, что мнѣ пришли сказать, что кн. Александринѣ ночью было очень дурно, думали, что она отходить. Это извѣстіе до того меня встревожило, что я не въ состояніи была ни за что приняться. Два дня мы находились въ постоянномъ страхѣ за нее. Наконецъ, въ среду ей стало полегче; но нельзя было слишкомъ надеяться на выздоровленіе; все-таки перемѣна къ лучшему насъ успокоила, такъ что я даже рѣшилась провести вечеръ у друзей Шаховскихъ, на Пречистенкѣ. Не надолго успокоились мы: обѣдной больной вдругъ началась агонія и она скончалась въ четвергъ, въ 5 часовъ пополудни. Кончина ея была также спокойна, какъ чиста была ея жизнь.

Всѣ объ ней жалѣютъ. Хотя я тоже оплакиваю ее, и быть можетъ искреннѣе многихъ, но признаюсь, что къ сожалѣнію о ней примѣшивается эгоизмъ. Мнѣ жаль, что я лишилась той, которую любила; я дорожила ея обществомъ; ея правила, умъ, словомъ—все мнѣ въ нею нравилось. Было въ ней что-то невыразимо привлекательное для меня. Много пріятныхъ часовъ провела я съ нею нынѣшнюю зиму; воспоминаніе о ней долго не выгладится изъ моей памяти. Теперь я буду ощущать пустоту. Слѣдовательно, мои сожалѣнія эгоистичны, потому что о покойницѣ нечего жалѣть; жизнь ея была такъ безупречна, страдала

она много и умирала съ такой поборностью, что въ той жизни ее ждетъ награда, которой удостоиваются праведники.

Съ четверга я постоянно бываю съ Шаховскими; очень приятно, что имъ доставляетъ утѣшеніе быть съ людьми, къ которымъ покойная княжна чувствовала расположеніе. Такимъ образомъ, я часто вижу съ Вѣрой и ея мужемъ. Кн. Петръ шалкалъ всѣ эти дни, быть можетъ больше, чѣмъ нѣкоторые изъ насъ. У него золотое сердце; очень похвально, что онъ не старается скрывать своей чувствительности, подобно другимъ мужчинамъ, которые считаютъ стыдомъ, если у нихъ выкатится хоть одна слезинка.

Нынче получила письмо твое отъ 17-го числа. Мой милый кузень Г... выдумываетъ разныя неправдоподобныя причины для поѣздки своей. Повѣрь, еслибъ онъ не набѣдоурился, какъ 20-лѣтній мальчишка и тѣмъ не повредилъ своей служебной карьерѣ, еслибъ супруга его во время его разъѣздовъ не сбилась бы съ прямого пути; словомъ, еслибъ не случилось многое, въ чемъ онъ самъ виноватъ, то онъ не относился бы враждебно ко всему, что видитъ и слышитъ, сидѣлъ бы себѣ спойно на мѣстѣ; дѣтей воспитывалъ бы въ Россіи, изъ нихъ вышли бы хорошіе патріоты, а теперь они вернутся похожими на нѣмцевъ, французевъ, итальянцевъ, но вовсе не на русскихъ. По-моему, правительству слѣдовало бы запретить воспитывать дѣтей въ чужихъ краяхъ, это приноситъ вредъ государству; не я одна такъ думаю, такого же мнѣнія люди поумнѣ меня. Тѣ, кто воспитывается въ Петербургѣ, выходятъ не вполнѣ русскими, а за предѣлами Россіи и подавно перестаютъ быть русскими. Двоюродный братецъ мой и не думаетъ, что его глупыя бредни служатъ доказательствомъ того, что самъ онъ былъ дурно воспитанъ. Я хорошо помню, какъ онъ выросъ въ Армянскомъ переулкѣ, въ центрѣ Москвы, и воспитанъ былъ своимъ отцомъ и матерью, съ которыми жилъ до 22-хъ лѣтъ. Въ ту пору покойная мать его была очень дружна съ моей матушкой; вотъ почему я такъ хорошо помню это время.

1-го мая. — Съ послѣдней почтой не получила отъ тебя письма, милый другъ. Быть можетъ, ты наказываешь меня за то, что я не писала на прошлой недѣлѣ, и сестра по-твоему поступила со мной. Впрочемъ, ты мать семейства, сама кормишь ребенка, у тебя пропасть хлопотъ, на тебя претендовать нельзя. Я — другое дѣло, у меня почти вовсе нѣтъ заботъ.

Я немного прихворнула, нѣсколько дней сидѣла дома, а

теперь опять въѣзжаю по прежнему. Ужинала у г-жи Апраксиной въ большомъ обществѣ, между прочимъ тутъ было все семейство кн. Голицыной, жены кн. Бориса. Кстати скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ княгиня пріѣхала сюда съ своей дочерью Куракиной, всѣ здѣшніе священники держатся на-сторбѣ. Архіерей Августинъ пожелалъ ее видѣть, чтобъ съ ней побесѣдовать. Съ той поры, какъ дамы эти вернулись, отыскиваютъ священника, который бы ихъ вразумилъ. Къ несчастію, княгиня не умѣетъ говорить по-русски, а священники наши плохо говорятъ по-французски. По этой же причинѣ Августинъ не добился желаемого свиданія. Кн. Куракина хорошо говоритъ по-латыни, бесѣда могла бы происходить на этомъ языкѣ; но не знаю, почему не состоялась конференція у ея сіятельства съ его преосвященствомъ, который до того вооруженъ противъ католицизма, что онъ ему чудится всюду, и онъ ужасно возстаетъ противъ маніи переходить въ католичество. Проповѣдь его поучительна для всѣхъ вообще; но она имѣла непріятныя послѣдствія для семейства покойной кн. Шаховской. Родные ея вздумали украсить цвѣтами церковь и самый гробъ княжны; цвѣты мѣняли каждыя сутки, пока тѣло стояло въ церкви. У насъ не принято употреблять цвѣты на похоронахъ, впрочемъ, иногда ими украшаютъ гробъ. Архіерей не присутствовалъ на похоронахъ, потому что княжна не желала, чтобъ ее торжественно хоронили.

Нашлись длинныя язычки, которые передали преосвященному, что церковь и гробъ убраны были цвѣтами. Онъ былъ жестоко недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, созвалъ всѣхъ священниковъ, участвовавшихъ въ погребальной церемоніи, сдѣлалъ имъ строгій выговоръ и грозилъ, что пожалуется на нихъ сверху. Не знаю, жаловался онъ или нѣтъ, только Шаховскихъ очень встревожила эта исторія, тѣмъ болѣе, что имъ и въ голову не приходитъ обратиться въ католицизмъ, также какъ и съѣтъ намъ. Всѣ вообще не сочувствуютъ этому модному заблужденію; до сихъ поръ оно проявлялось лишь въ Петербургѣ, но внушаетъ такой страхъ, что не смѣешь заговорить даже о французскомъ молитвенникѣ, а то на васъ сейчасъ начнутъ козтись.

Мнѣ очень жаль, что случилась такая непріятность на похоронахъ особы, про которую никто и никогда ничего дурного не говорилъ, пока она жила. Вообще, мнѣ бываетъ тяжело слышать, когда упоминаютъ въ пустой гостинной болтовнѣ имена лицъ усопшихъ, которыя предстали уже передъ судомъ Всевыш-

ного. Итакъ, исторія эта меня очень взволновала, волей-неволей мнѣ приходилось выслушивать разныя глупыя сужденія.

Хоть я искренно предана покойной княжнѣ, но во всей этой исторіи я не причемъ. Говорю тебѣ про это, чтобъ ты за меня не тревожилась. Я не была на похоронахъ.

8-го мая. — Съ 26-го апрѣля у насъ просто лѣтняя погода; первые дни еще не было такъ душно, а съ 1-го мая до сегодняшняго дня термометръ поднимается до 20° и 22°; вчера вечеромъ была маленькая грѣза, освѣжившая воздухъ. Съ недѣлю всюду появилась зелень. Гулянье 1-го мая было очень удачное. Экипажей собралось до 4-хъ тысячъ. Многія лица устроили себѣ палаты и долго оставались на воздухѣ, потому что вечеръ былъ прекрасный.

По обыкновенію, всѣ начинаютъ развѣзжаться. Если сестрѣ придется на лѣто остаться въ Петербургѣ, ей бы не мѣшало нанять дачу; въ лѣтнее время городъ невыносимъ. Мы всѣ желаемъ, чтобъ она избавилась отъ необходимости сидѣть въ Петербургѣ; сама она и зять мой не мирятся съ такою перспективой.

Я очень досаую на твое рѣшеніе провести лѣто на болотѣ. Слышали мы, что вы запаслись квартирой. Мы тоже наняли прекрасный домъ на зиму; такъ какъ нечего долѣ скрывать, что братъ женится, объ этомъ давно всѣ узнали, матушка рѣшилась нанять домъ вн. Трубецкой, боясь, чтобъ его не отбили у насъ. Мы нуждаемся въ двухъ квартирахъ: одна для насъ, другая для брата и его будущей жены. Представь, что мы нашли за семь тысячъ руб. въ годъ большой домъ, прекрасно меблированный, съ люстрами, канделябрами, шкафами, шифоньерками; есть даже бронзовые столовые часы. Я съ удовольствіемъ думаю о хоршемъ помѣщеніи, теперь у насъ предранняя квартира.

Какъ и всегда, лѣтомъ Москва пустѣетъ, изъ знакомыхъ дамъ всего двѣ-три еще въ городѣ, да и тѣ скоро уѣдутъ. 28-го числа мы сами простимся съ Москвой. Сперва отправимся къ Апраксиной въ имѣніе. Къ 30-му у нея готовится большое празднество. Будетъ спектакль, навѣрное удачный, потому что хорошия выборы актеровъ. Изъ дамъ играть будутъ: Вѣра Вяземская, г-жа Пушкина, г-жа Гедеонова (рожденная Шишкина), кн. Туркистанова и сама Апраксина. Мужскія роли исполнять оба Пушкина, Вяземскій, г. Мемонъ и т. д. Всѣ эти лица пріѣдутъ погостить въ Льгово на нѣсколько дней, такъ что мы очутимся посреди довольно большого и весьма пріятнаго общества

1-го июня уѣдемъ въ Высокое, гдѣ будемъ ожидать брата съ его семействомъ. Съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда увижу маленькаго «аббата». Люблю безъ ума этого ребенка, заранѣе придумываю, чѣмъ бы его позабавить. Кажется, по свѣтскимъ понятіямъ, я со дня на день становлюсь надутѣе и разочарованнѣе. Пока я рассказываю тебѣ объ увеселеніяхъ, у меня въ головѣ вертится мысль: какъ бы поскорѣе отъ нихъ избавиться и замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь полезнымъ. Мнѣ весьма легко отказаться почти отъ всего, что прежде меня занимало. Я постоянно думаю, какая пустота проглядываетъ во всемъ, что дѣлается и говорится вокругъ меня. Ты и не подозрѣваешь, до какой степени я разочарована. Однако это истинная правда; еще нѣсколько времени—и я совершенно измѣнюсь.

Исполить, вернувшись изъ-за-границы два дня тому назадъ, говорилъ мнѣ, что у васъ рассказываютъ разныя басни о похоронахъ нашей милой княжны Александрины. Сдѣлай милость, вѣрь только тому, что я тебѣ передаю. Неправда, что гробъ несли дамы. Мужчины несли его отъ дома до церкви, ни одна женщина до него не дотрогивалась. Боже ты мой, посреди какихъ людей живемъ мы! Никого въ покоѣ не оставляютъ, даже и мертвыхъ!

Августина можно упрекнуть только за поспѣшный допросъ; прочемъ, это его дѣло, а не наше. Трудно не впасть въ крайность; по-моему, чрезмѣрная строгость лучше излишней снисходительности. Главное, чтобъ ко всѣмъ безъ исключенія одинаково былъ онъ строгъ.

21-го мая.—Вотъ кошелекъ, который прошу тебя передать супругу. Желаю, чтобъ онъ былъ ему по вкусу. Нынче утромъ получила письмо, въ которомъ ты говоришь мнѣ, какую важную роль исполнялъ мужъ твой на свадьбѣ кузины. Меня это несколько не удивляетъ; напротивъ, я нахожу, что у него лицо достаточно серьезное и торжественное, какъ нельзя болѣе подходящее къ такой роли. Ты, кажется, съ этимъ не согласна?

Правда, что Николинъка женится на очень богатой особѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ матушка должна была измѣнить свои привычки. Она любитъ, чтобъ съ ней жили вмѣстѣ тѣ изъ дѣтей, которые находятся въ одномъ съ ней городѣ; такъ и будетъ. Братъ желалъ, чтобъ его назначили адъютантомъ Торшова для того, чтобъ не двигаться изъ Москвы. Невѣста его прелестное маленькое существо. Мы знаемъ ее съ восьмилѣт-

няго возраста. Ея семья очень рада, что ей не придется держать особеннаго хозяйства, такъ какъ она еще очень молода.

Мы слышали отъ Тормазова, что государь будетъ сюда въ августъ, но не извѣстно, пріѣдетъ ли весь дворъ; подавно не вѣдаемъ, проведетъ ли его величество здѣсь всю зиму. Если государь точно пріѣдетъ въ августъ, мы его не увидимъ, потому что въ эту пору будемъ въ деревнѣ. Слѣдовательно, мнѣ не придется исполнять свою должность фрейлины, объ этомъ я не жалѣю. Черезъ недѣлю, какъ я тебѣ говорила, мы поѣдемъ въ Апраксиной. На этихъ дняхъ жду Мари Сумарокову. Досадно, что она такъ долго пробыла въ Петербургѣ; мнѣ придется провести съ нею всего три или четыре дня, если не удастся затащить ее въ Высокое.

Прощай, мой другъ. Внизу князь Трубецкой ждетъ моего пакета.

Высокое, 31-го июня.—Вотъ я и снова въ Высокомъ, милый другъ. Прежде чѣмъ попасть сюда, я провела три утомительныхъ дня у Апраксиной. Тамъ было много гостей, много шума, длинный спектакль, большой балъ, словомъ—всего вдоволь. Я въ восторгъ пришла, очутившись въ нашемъ тихомъ убѣжищѣ, послѣ шума и кутерьмы. Мы здѣсь пока встроимъ: матушка, Мишель и я. Въ среду пріѣдетъ братъ съ семьей, тогда насъ будетъ вдвое больше. Николинъка намѣренъ являться сюда на время; съ одной стороны служба, а съ другой—любовь мѣшаютъ ему поселиться съ нами на все лѣто. У насъ роскошная погода. Только на жару и можно пожаловаться. Впрочемъ, въ деревнѣ всегда найдешь прохладный уголокъ. Я радѣхонька, что выбралась изъ душной Москвы, гдѣ мы постоянно пеклись на солнцѣ въ своей бесѣдѣ, да и шумъ экипажей ни днемъ, ни ночью не давалъ намъ покоя; та часть города, гдѣ мы жили, очень оживлена.

Домъ, въ который мы переберемся по возвращеніи изъ деревни, нѣкогда принадлежалъ князю Хованскому. Онъ находится въ переулкѣ, напротивъ манежа Апраксина; прежде въ немъ былъ театръ, и однажды г-жа Бролио ввдумала попробовать свое искусство и явилась на сценѣ. Быть можетъ, ты присутствовалъ на этомъ спектаклѣ, котораго зрители до сихъ поръ не могутъ забыть. Я всячески стараюсь указать тебѣ, куда мы переселяемся. Всѣ мы въ восторгъ отъ новой квартиры. Она дѣлится на двѣ половины, соединенныя тремя залами, которыя будутъ служить общими пріемными. Хозяйка дома, вн. Трубецкая, какъ я слышала, отправилась въ деревню передъ поѣздкой въ Петербургъ,

потому ты получишь мою посылку позднеѣ, чѣмъ я предполагала.

Мари Сумарокова, съ которой я въ городѣ провела три дня, уѣхала въ Кіевъ на все лѣто. Кн. Ѳеодоръ Голицынъ пріѣхалъ въ Лыгово во время послѣдней репетиціи маленькаго дивертиссмета, сочиненнаго Вяземскимъ въ честь Апраксиной. Толстый князь присталъ, чтобы ему дали роль. Вяземскій для него нарочно написалъ лишній куплетъ. Я должна была пѣть и танцевать на сценѣ, но по случаю мигрени пропустила всѣ репетиціи и въ день спектакля находилась въ числѣ зрителей. Вѣра Вяземская танцевала русскую. Пушкинъ вмѣсто меня служилъ ей vis-à-vis. У Вяземскихъ въ имѣніи, въ Петровъ день, въ именины князя, будетъ большое празднество. Мы не поѣдемъ, они живутъ отъ насъ слишкомъ далеко.

Хорошенько устроившись, я принялась за занятія. Усердно вышиваю синелью ширмочку Ниволинъѣ въ свадьбѣ. Прощай.

18-го іюня.—Мари Сумарокова, будучи въ Петербургѣ, читала письмо г-на Христіанъ къ Мятлевымъ, и рассказывала мнѣ объ его содержаніи. Повидимому, у васъ Христіанъ пользуется большимъ довѣріемъ, чѣмъ его петербургскіе корреспонденты—цѣльс. Кн. Туркистанова и г-жа Нуазевиль усердно съ нимъ переписываются. Обѣ дамы пишутъ ему не только по почтѣ, но и съ каждой окаязіей. Тотчасъ по полученіи писемъ, «король Христіанъ» какъ мы его называемъ, кладетъ ихъ въ карманъ, потомъ садится въ карету и ѣздитъ по всему городу, вездѣ рассказывая новости, о которыхъ ему пишутъ.

Однажды, на балѣ, онъ поймалъ меня около камина и цѣлыхъ полчаса заставилъ слушать свою болтовню, пока не рассказывалъ мнѣ всего, что узналъ въ этотъ день. Онъ забавно выражается и, какъ любезный французъ, рассказываетъ мастерски. Всѣхъ смѣшитъ, но никто не вѣритъ тому, что онъ говоритъ. Если кто-нибудь, сообщая новость, прибавляетъ, что узналъ ее отъ Христіана, значитъ—извѣстіе ложное. Ему сообщаютъ выдумки въ Петербурга, а онъ отсюда пишетъ чепуху. Москва не уступитъ Петербургу въ разнаго рода сплетняхъ. Здѣсь толковали всю зиму объ исторіи Сергѣя Голицына; потомъ объ іезуитахъ, затѣмъ о смерти г-жи Грушецкой; а ваши щеголихи рассказывали вздоръ о похоронахъ Шаховской. Немало болтали у насъ о сожженномъ пальцѣ кн. Куравиной ¹⁾, о переселеніи за-

¹⁾ Настроенная іезуитами, она, изъ религіознаго фанатизма, сожгла себѣ палецъ и языкъ, желая быть мученицей.

границу половины петербургскихъ жителей и, наконецъ, о женьицѣ В. Васѣ, надо признаться, не щадили; чтобы отплатить намъ, вы жадно ухватились за единственное значительное происшествіе—за похороны Шаховской. Кто-нибудь могъ сказать и видѣть глупой насмѣшкой, что дѣлали репетицію похоронъ; но какъ можно повторять такую нелѣпость и вѣрить подобному вздору!

20-го іюня.—Вожусь съ головной болью, потому что три дня гуляла безъ толку. Николинъка пріѣхалъ сюда изъ Москвы съ Ипполитомъ и Матвѣемъ Віельгорскимъ. Эти господа страстные охотники до прогулокъ; узнавъ, что у насъ есть гдѣ погулять они цѣлые дни бродили по окрестностямъ. Мнѣ, какъ хозяйкѣ пришлось знакомить ихъ съ красотами нашей мѣстности. Мы цѣлые дни гуляли, возвращаясь домой только къ чаю, да къ обѣду. Гости наши уѣхали въ восторгѣ отъ Высового, и общались вернута сюда черезъ двѣ недѣли, а я въ это время успѣю отдохнуть.

Очень рада, что угодила твоему мужу. Скажи ему, что когда этотъ кошелекъ износится, я сдѣлаю ему другой.

Ты не поняла меня. Вовсе не потому не хочу я ѣхать въ Петербургъ, что боюсь тамъ соскучиться. Я скуки не знаю. Если въ Тамбовѣ и Саратовѣ ужилась, такъ могу ли бояться соскучиться у васъ. Въ Петербургѣ у меня много знакомыхъ; но мнѣ хорошо живется въ Москвѣ, развѣ если съ ума сойду, тогда стану искать другого образа жизни. Кромѣ того, признаюсь тебѣ, что, по-моему, у насъ судятъ болѣе здраво; нѣтъ той утонченности въ обычаяхъ, которая встрѣчается у васъ, положимъ, болѣе простоты въ мысляхъ; мы гораздо скромнѣе, не имѣемъ разнаго рода претензій и легче подчиняемся правиламъ, которыми держались наши дѣды и отцы—по-моему, это способъ дѣлать меньше глупостей.

Я замѣчала, что люди уѣзжали отсюда разумными и от васъ перенимали много пустого; не считая себя тверже другихъ боюсь поддаться дурному вліянію и лишиться той доли разума которую и здѣсь-то сохраняю съ большимъ трудомъ. Я переживаю тотъ возрастъ, когда полезное приносятъ въ жертву пріятному. Къ тому же у меня здѣсь есть все, что я желаю. Вотъ почему я не хочу переѣзжать въ Петербургъ; если принудятъ обстоятельства, тогда только поѣду поневолѣ. Я держусь того правила, что лучшее—врагъ хорошаго.

Меня не интересуется служба фрейлины, я даже не думаю о томъ, что когда-нибудь придется же мнѣ исполнять эту должность.

8-го июля.—Ты мнѣ дѣлаешь тѣ же упреки, которые слышу я и отъ Мари Сумаровой, милый другъ. Она тоже воображаетъ, что я ее упрекаю за все, что мнѣ не нравится у васъ. Винавата я развѣ, что всѣ, кто имѣетъ несчастье покинуть очаровательный Петербургъ, какъ будто для того, чтобы утѣшить себя и сохранить важность, которую, по ихъ мнѣнію, имѣютъ всѣ, кто живетъ на берегахъ Невы, къ каждому слову прибавить: «у насъ, въ Петербургѣ». Я ради шутки повторяю эту глупую поговорку. Тебя и Мари я немного поддразниваю, а чужимъ не высказываю своего мнѣнія о Петербургѣ, чтобы не походить на петербургскихъ жителей, ругающихъ Москву. Чтобы вознаградить себя за выслушивание неприятныхъ сужденій о Москвѣ, я откровенно говорю о Петербургѣ съ тѣми, съ кѣмъ не стѣсняюсь. Ты, конечно, шутишь, говоря, что я могу и тебя разлюбить, какъ жительницу чухонскаго города. Не любя мѣстности, я бываю привязана ко многимъ изъ лицъ, въ ней живущихъ. Давно не жалуя я Петербурга, а между тѣмъ въ немъ поселились многія изъ близкихъ мнѣ лицъ. Что касается моей антипатіи, которую ты хочешь искоренить, и находишь преувеличенной—мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо, позволительно питать ее. Во всю мою жизнь городъ этотъ былъ для меня источникомъ горестей, касавшихся меня или близкихъ мнѣ людей. Хоть бы теперь, развѣ я не тревожусь за сестру? Она тоже не долюбляетъ Петербурга, хотя тебѣ этого не высказываетъ, по той же причинѣ, по которой я скрываю свое мнѣніе отъ постороннихъ. Пожалуйста, не выболтай ей, что я тебѣ сказала. Она мнѣ этого никогда не проститъ. Если удастся ей оттуда выбраться, повѣрь, что она долго къ вамъ не вернется. Сержъ больше всѣхъ насъ восторгался Петербургомъ, тамъ онъ и женился; всѣ привычки его жены стали ему дороги. Меня не мало удивило, когда онъ заплѣлъ иную пѣсню; почему вкусъ его измѣнился—мнѣ неизвѣстно; только теперь онъ мечтаетъ купить домъ въ Москвѣ и выбрать мѣсто для постройки усадьбы въ Высокомъ.

19-го июля.—Благодарю за описаніе праздника, даннаго въ честь твоего супруга, дружокъ. Ты не ошиблась: меня, точно, заинтересовало твое письмо; объ одномъ жалѣю, что меня съ нами не было. Я находилась подъ впечатлѣніемъ пріятнаго извѣстія, когда принесли твое посланіе. Новость меня лично не касается, но обрадовала меня, потому что я люблю, когда поступаютъ прямо, честно, безъ заднихъ мыслей. Олсуфьевъ жется на ш-ле Кавериной. Это дѣлаетъ честь ему и его семьѣ,

потому что въ нашъ вѣкъ часто приходится слышать, какъ иной богачъ объявляетъ безъ зазрѣнія совѣсти, что такая-то особа нравится ему, но что она для него недостаточно богата. А у нея зачастую состоянія не меньше, чѣмъ у него самого. Со временемъ у Олсуфьева будетъ хорошее состояніе; онъ получитъ наслѣдство отъ разныхъ тѣтушекъ и дядюшекъ, которые въ настоящее время совершенно здоровы; ему придется долго ждать. Все-таки богачемъ онъ никогда не будетъ. Приѣхавъ въ Москву, онъ встрѣтилъ молодую особу, прелестную во всѣхъ отношеніяхъ, но у которой нѣтъ ни гроша. Она ему понравилась. Мать его довольна его выборомъ, и не мѣшаетъ ему жениться. Въ наше время такъ рѣдко приходится встрѣчать людей, которые бы не ставили богатства выше всего, что поступокъ Олсуфьева порадуетъ каждаго безкорыстнаго человѣка. М-лле Каверина очень хороша, умна, прекрасно себя держитъ, вообще премилая особа. Положеніе ея было незавидное; ей и двумъ младшимъ сестрамъ ея помогать богатый зять, мужъ ихъ старшей сестры. Всѣ ея интересовались, но никому въ голову не приходило, чтобы ей удалось сдѣлать такую прекрасную партію. Я увѣрена, что они счастливо заживутъ. Мы навѣрное часто будемъ видаться. Олсуфьевъ находится въ числѣ нашихъ московскихъ знакомыхъ, а съ Машей я познакомилась еще въ Тамбовѣ. Семейство ея въ ту пору было въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ; мы имѣли случай оказать имъ кое-какія услуги, за что они намъ благодарны по-сю пору. Въ Москвѣ они живутъ въ другомъ кругу; теперь, въ удовольствію моему, Маша будетъ къ намъ ѣздить.

26-го іюля. — Начну съ того, что поздравлю тебя со днемъ рожденія, мой милый другъ. Нынче, если не ошибаюсь, тебѣ исполнилось 26 лѣтъ. Приложу все мое стараніе, чтобы удался экранъ, который будетъ украшать твою новую гостинную.

Не въ насмѣшку ли сравниваешь ты меня съ г-жой де-Жанлисъ, которая отличалась легкостью слога. Такая похвала походитъ на сарказмъ. Къ тому же, г-жу Жанлисъ, Сталя и другихъ я терпѣть не могу и вовсе не желаю на нихъ походить. Большая часть ихъ сочиненій лишены здраваго смысла, а притомъ можно ихъ упрекнуть за то, что онѣ поступали не согласно съ правилами, которыя высказываютъ въ своихъ твореніяхъ. Насъ, какъ ихъ современницъ, не можетъ не поражать такое противорѣчіе въ ихъ словахъ и поступкахъ; отъ этого блекнетъ слава, которой онѣ всю жизнь добивались. Сдѣлай милость, не уподобляй меня ни которой изъ нихъ.

Я и не знала, что м-лле Полиньякъ давно замужемъ. Мнѣ говорили, что сватовство разстроилось; очень рада, что отецъ г-на Собакина опровергъ невыгодные толки. За что́ это ты упреждаешь отца м-лле Грибоудовой? Онъ всегда слытъ за самаго нѣжнаго изъ отцовъ. Развѣ не нравится тебѣ, что онъ везетъ дочь въ Бѣлоруссію, но, кажется, вѣдь она всегда сопровождала его въ поѣздахъ въ имѣніе. Мнѣ помнится, что она изъ Москвы ѣздила съ нимъ въ деревню; не велика бѣда, что онъ на нѣсколько мѣсяцевъ оторветъ отъ столичныхъ удовольствій свою любимую дочь. Мачиха, кажется, никогда съ ними не ѣздитъ. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, а ты однако на это упазываешь, сравнивая г-на Собакина съ г. Грибоудовымъ.

7-го августа. — Я дней десять не писала тебѣ по случаю сильной головной боли, милый другъ. Когда у меня начинается болѣть голова, я ложусь въ постель и не двигаюсь по нѣсколькимъ часамъ; если вздумаю встать, боль до того усиливается, что я падаю почти безъ чувствъ. Это послѣдствіе нашей эмиграціи 12-го года; съ тѣхъ поръ вожусь я съ этимъ недугомъ.

Вчера былъ деревенскій праздникъ. Пѣсни и крики пьяныхъ раздавались во дворѣ, въ саду, въ полѣ и въ лѣсу. Шумъ былъ беспорядочный.

Нашъ уѣздъ переполошился. Государь проѣдетъ, и великій князь Николай Павловичъ. Всѣ власти суетятся. Только и толковъ: тутъ всю дорогу поправить, тамъ мостъ навести, здѣсь ровъ засыпать. Мы избавились отъ столичной суеты, зато пришлось намъ сморѣть, какъ мечутся во всѣ стороны исправники, засѣдатели и . . . Мы хоть выиграемъ въ томъ отношеніи, что всюду дороги идутъ исправлены.

Пока въ Москвѣ будутъ веселиться, мы намѣрены отправиться въ богомолье. 15-е и 16-е число мы пробудемъ въ монастырѣ, въ 60-ти верстахъ отсюда. Близъ обители есть церковь, въ которой находится образъ Спасителя, особенно чтимый во всемъ окрестіи. Еслибъ удалось мнѣ уговорить все наше общество съѣздить въ Ростовъ! Мнѣ давно хочется побывать въ ростовскомъ монастырѣ. Врядъ ли согласятся ѣхать такъ далеко: дѣтей съ собой тащить неудобно, дома оставить ихъ тоже нельзя. Прощай, мой добрый другъ.

16-го августа. — Надѣюсь, что у тебя прошла лихорадка, милый другъ. Если обстоятельства не задержатъ въ Москвѣ г-жу Вицiero, мнѣ не удастся съ ней увидѣться. Признаюсь тебѣ, что

я бы очень желала ее встрѣтить. Ни намъ, ни г-жѣ Виллеро не придется ѣхать къ Апраксинымъ въ имѣнье: онѣ будутъ въ Москвѣ во все время пребыванія государя. Какъ видишь, почти нѣтъ надежды, чтобъ встрѣтилась я съ твоей кузиной; мы такъ много слышали другъ о другѣ, странно, что намъ не удастся познакомиться; кромѣ меня, она знаетъ всѣхъ членовъ нашей семьи.

Я нисколько не жалѣю, что отказалась отъ праздниковъ и удовольствій и просила мамà не двигаться отсюда. Мнѣ грустно, я не въ духѣ, у меня есть горе, о которомъ не могу говорить въ письмѣ. Оно меня лично не касается, но сильно тревожитъ.

Мы до сихъ поръ не знаемъ, что происходитъ въ Москвѣ со времени прибытія государя. Завтра или послѣзавтра придетъ къ намъ Небольсина и расскажетъ, что дѣлается на берегахъ Москвы-рѣки. Если случится что-нибудь интересное, ты навѣрное узнаешь объ этомъ помимо меня. У насъ здѣсь тихо и мирно. Не знаю, могу ли сказать, какъ говорится въ комедіи о женщинахъ: оставшись дома, связала лишнюю пару чулокъ, и меньше нагрѣшила; одно вѣрно, здѣсь я больше занимаюсь и меньше трачу денегъ.

Объ исторіи г-жи Путятиной я не слыхала; одно могу сказать: въ скандалахъ у васъ недостатка нѣтъ. Зато фруктовъ у васъ мало, а у насъ такое изобиліе, что мы просто объѣдаемся. Матвѣй Вельгорскій расскажетъ тебѣ, сколько мы вишенъ истребили. Прощай, весело мнѣ или грустно, но я всегда одинаково люблю тебя.

26-го августа. — Мы благоденствуемъ въ Высокомъ, милыя другъ. Долетаютъ до насъ и московскіе слухи. Тамъ даютъ праздники за праздникомъ. Намъ прислали визитныя карточки гр. Орловой и приглашительные билеты на балъ, который графиня давала для государя 23-го числа. Балъ стоилъ ей, говорятъ 50 тысячъ, и навѣрное былъ великолѣпенъ. Дворянство давало балъ великолѣпенъ. Дворянство давало балъ въ собраніи 18-го числа. Нынче балъ отъ купечества. Послѣзавтра будетъ балъ у вн. Юсупова, а 30-го, въ заключеніе, у Тормазова будетъ роскошный праздникъ. Его Величество посѣщаетъ окрестности Москвы былъ у Троицы, въ Воскресенскомъ, въ Коломенскомъ, въ Царьцнѣ; въ Сухановѣ изволилъ обѣдать у вн. Волконской, и Островѣ кушала чай у гр. Орловой, въ Архангельскомъ обѣдалъ у Юсупова. Вотъ пока все, что имѣю сообщить тебѣ. Кое-какія подробности передамъ въ другой разъ; если ты и вовсе не узнаешь ихъ, бѣда не велика. У насъ царствуетъ тишина, которая

должно быть, нарушится 7-го сентября по случаю рожденія матушки. Къ тому времени государь уѣдетъ, всѣ праздники кончатся, и всѣ наши кавалеры явятся сюда. Кстати о кавалерахъ: знаешь ли ты, что Матвѣй Вильгорскій вернется въ большомъ свѣтѣ въ Москвѣ. Онъ вездѣ бываетъ, со всѣми знакомъ, сестра просто не узнаетъ его. Мѣсяць тому назадъ ему слѣдовало отправиться въ пензенское имѣніе, а онъ себѣ гуляетъ, пляшетъ, любезничаетъ, щеголяетъ и не сидитъ на мѣстѣ. Я полагаю, что въ Петербургъ онъ не вернется ранѣе октября; такимъ образомъ, онъ проведетъ въ отпуску вмѣсто одного мѣсяца цѣлыхъ четыре. Даша ждетъ его съ нетерпѣніемъ; ей любопытно видѣть его свѣтлымъ человѣкомъ.

Въ началѣ сентября къ намъ будетъ Апраксина, затѣмъ мы вѣроятно отправимся въ Льгово, а оттуда въ Москву; 17-го именинныи м-ше Апраксиной, если г-жа Виллеро будетъ въ Москвѣ въ это время, то навѣрное прійдетъ къ Апраксинымъ. Тогда мы познакоимся. Все это воздушныя замки. 30-го, говорятъ, будутъ раздаваться награды: купцамъ — медали, а высшимъ властямъ чины и ордена. Прощай, я расположена болтать и мнѣ приходится такія нелѣпыя мысли, что ихъ на бумагѣ излагать не слѣдуетъ. Итакъ, до будущаго раза. Обнимаю тебя.

2-го сентября. — Кончены праздники, государь уѣхалъ. По письму твоему вижу, что ты недовольна мной за то, что я оказалась ѣхать веселиться въ Москву. Но какова будетъ твоя досада, когда ты узнаешь, что государь спрашивалъ: гдѣ г-жа Волкова и отчего ея нигдѣ не видно? А я все-таки не жалѣю, что не присутствовала на всѣхъ празднествахъ; знаю я по опыту, что послѣ этихъ удовольствій ничего не остается. Сидя въ Высочкомъ, я представляю себѣ, какъ люди суетятся, чтобъ удалось имъ увидать государя, какъ добиваются дамы чести протанцовать съ нимъ полонезъ; я была свидѣтельницей всѣхъ этихъ тревожныхъ шестъ-дѣтъ тому назадъ. Вчера пріѣхали Николинъка, Инволтъ и Матвѣй. Они мнѣ подробно разсказали, что происходило въ Москвѣ. Праздники отличались блескомъ. На балѣ въ собраніи было 1500 человѣкъ, на купеческомъ балѣ болѣе 3000, у гр. Орловой 200 человѣкъ; она не желала, чтобъ собралось болѣе гостей, потому что они въ домѣ ея не могли бы помѣститься, и потому пригласила только самое изысканное общество. У Торизова было 500 человѣкъ. Его праздникъ вышелъ очень удаченъ, но бѣдному старику пришлось истратить 10 тысячъ; я думаю, онъ объ этомъ горюетъ. Какъ видишь, все это повтореніе

тѣхъ праздниковъ, на которыхъ мы съ тобой присутствовали въ 1809 и 1810 годахъ. То же изобиліе брильянтовъ, то же великолѣпіе, разница лишь во временахъ года; теперь, по случаю лѣта, устроена была прогулка по дворцовому саду, который былъ роскошно иллюминированъ, благодаря искусству г-на Поливанова, получившаго въ награду за хлопоты анненскую ленту. Такую же ленту получилъ старый кн. Долгорукій, которому лѣтъ за 70; онъ совершенно глухъ. Въ свою жизнь ровно никакихъ услугъ своимъ соотечественникамъ не оказывалъ. Это пріятель твоего дяди, Одоевскаго; вѣроятно ты о немъ слыхала. Еще многія лица получили ленты. Кажется, всѣхъ наградили. Андрей Гагаринъ сдѣланъ камергеромъ. Государь удостоилъ своимъ вниманіемъ его жену; всѣхъ жителей Москвы его величество приглашалъ переселиться въ Петербургъ, а самъ, какъ говорятъ, изъявилъ намѣреніе весь будущій годъ пробыть у насъ. Еслибы всѣ москвичи переехали въ Петербургъ, то государь, возвратясь къ намъ, нашелъ бы городъ опустѣвшимъ, а у васъ рисковали бы умереть съ голоду, потому что отъ чрезмѣрнаго наплыва народонаселенія все бы вздорожало.

Вѣру Вяземскую замѣтилъ государь на двухъ послѣднихъ балахъ и оказалъ ей вниманіе; впрочемъ, со всѣми дамами во обще его величество изволилъ быть любезенъ и, кажется, со всѣми танцевалъ. Вотъ тебѣ и всѣ новости. Теперь изъ Москвы уѣзжаютъ, какъ въ маѣ мѣсяцѣ, спѣшать поправить свои финансы, нѣсколько разстроенные лишними тратами; а мы этимъ временемъ воспользуемся, чтобъ хорошенько устроиться на новой квартирѣ.

Государь изволилъ обѣдать у г-жи Апраксиной въ ея загородномъ домѣ, около заставы. Я говорю: у Апраксиной, потому что мужъ ея не въ милости; государь съ нимъ не говоритъ.

Чтобъ тебя посмѣшить, расскажу тебѣ, что на балѣ у гр. Орловой Милорадовичъ танцевалъ мазурку съ гр. Мамоновой до сихъ поръ никто безъ смѣху вспомнить не можетъ объ этой парочкѣ. Милорадовичъ настоящій шутъ, а дама его похожа на канатную плясунью. Прощай, обнимаю тебя.

9-го сентября. — «Будемъ надѣяться, что правда восторжествуетъ, а клеветниковъ накажутъ», говоришь ты, дружокъ. Видно, что ты о дѣлахъ понятія не имѣешь, иначе ты бы вотъ что сказалъ: по всей вѣроятности, надѣлаютъ вучу несправедливостей, клеветники, какъ всѣ негодяи, окажутся правѣе и будутъ бла-

денствовать. Вотъ что мнѣ и другимъ приходилось видѣть въ теченіи года, пока тянется дѣло Рахманова.

Всѣмъ министрамъ извѣстно, что когда зять мой завѣдывалъ провіантской частью, то сберегъ казнѣ болѣе трехъ милліоновъ. Встрѣчая зятя, министры каждый разъ вспоминаютъ объ этомъ; о чемъ же имъ и говорить, вѣдь зять представилъ имъ всѣ бумаги. И что же — мелкій чиновникъ затратилъ эти три милліона сто семьдесятъ тысячъ, не думая своимъ имуществомъ уплатить долгъ мнѣ и не представляя счетовъ моему зятю, чтобъ оттянуть время, а между тѣмъ подалъ доносъ на Рахманова, исписавъ чуть не пѣную стопу. Будь зять мой Картушъ, и тогда бы ему не надѣлать всего, о чемъ говорится въ доносѣ, который однако былъ принятъ. Доносчика сперва призвали, а затѣмъ зятя, отъ котораго во всю зиму не потребовали ни одной бумаги. Константиновъ, чтобъ выиграть время, подалъ до тридцати доносовъ, изъ которыхъ одинъ другому противорѣчить; вслѣдствіе двухъ послѣднихъ произошло событіе, о которомъ сейчасъ расскажу тебѣ. Мать Рахманова 23 года тому назадъ отъездалась отъ свѣта, лишившись мужа, который пользовался общимъ уваженіемъ и умеръ на службѣ. Она посвятила себя дѣтямъ и дожила до 54 лѣтъ безупречно; словомъ, это достойнѣйшая женщина. Много испытаній выпало на ея долю, но она всегда оставалась непоколебимою. И вотъ, къ этой-то женщинѣ отправили Константинова, во главѣ гусарскаго эскадрона, — сдѣлать обыскъ, на томъ основаніи, что она будто бы принимала контрабанду на нѣсколько милліоновъ, высылаемую ей сыномъ. Она была на богомольѣ въ ста верстахъ, въ имѣніи оставался племянникъ и старшій дядя; они-то и были свидѣтелями разныхъ безчинствъ. Выламывали двери, зажимки, шарили въ ящикахъ, созывали прислугу, начали обѣщать награду, если выдастъ хозяйку. Судили людямъ деньги, свободу; ни одинъ не поддакъ на заманчивыя обѣщанія. Тогда ихъ посадили въ тюрьму и въ теченіи нѣсколькихъ дней у г-жи Рахмановой не было иной прислуги, кромѣ женщинъ и двухъ мальчиковъ лѣтъ 13—14. Между тѣмъ хозяйка вернулась, ей сдѣлали письменный запросъ, крайне безтолковый; не найдя ничего, придумали сказать, что она, подъ предлогомъ богомолья, ѣздила, чтобъ скрыть вещи, которыхъ искали. Такъ и сказано было въ ресевіи. Мѣсяць танулась эта процедура; удивляюсь, какъ жива осталась г-жа Рахманова! Представь, что старыя тряпки, остатки приданнаго, брошенныя сестрой въ деревнѣ, сочтены были за контрабанду. Словомъ, всего и не перескажешь. Кажется, ты не можешь удивляться, что братъ оставляетъ службу. Рахмановъ не

хуже братьевъ исполнялъ долгъ службы, а матушка такъ же безупречна, какъ г-жа Рахманова, однако это не спасло ихъ отъ гоненія.

Николиньку произвели въ капитаны наканунѣ дня Александра Невскаго, все-таки онъ намѣревается выдти въ отставку. Боясь, что просьбы не примутъ; теперь пропасть военныхъ хлопотъ объ отставкѣ. Какъ Богу угодно, такъ и будетъ.

Вслѣдствіе исторіи, случившейся съ г-жой Рахмановой, усилилась во мнѣ ненависть къ Петербургу. Къ тому, что я передала тебѣ, слѣдуетъ прибавить разныя подробности, отъ которыхъ у насъ волосы дыбомъ становятся; мы не постигаемъ такихъ вещей: чтобъ понять ихъ, надо родиться, созрѣть въ Петербургѣ и свыкнуться съ тѣми правилами, которыя господствуютъ въ атмосферѣ, пропитанной эгоизмомъ, лицемеріемъ, вѣроломствомъ и низостью—вотъ идолы, которымъ у васъ поклоняются.

Забыла отвѣтить на твой вопросъ о кн. Го—нѣ и м-ле Козловой. Этихъ лицъ въ обществѣ не знаютъ, и потому разговоръ о нихъ я слышала мимоходомъ. Кн. Го—нѣ женатъ былъ на одной изъ своихъ горничныхъ, имѣлъ отъ нея дѣтей, потомъ она ему надоѣла, онъ влюбился въ м-ле Козлову и женился на ней тайкомъ. Не знаю, какъ удалось ему уговорить ее молчать про ихъ замужство, дѣло въ томъ, что она умерла въ родахъ. Братъ ея, знавшій вѣроятно про эту свадьбу, всѣмъ объявилъ о ней, между прочимъ и дядѣ, г-ну Хомутову, у котораго въ домѣ жила м-ле Козлова. Вотъ все, что я знаю объ этомъ дѣлѣ; не вѣдаю, какъ оно кончилось для Го—на, который былъ въ отсутствіи, когда жена его умерла.

Надо объявить тебѣ, по обыкновенію, о новой свадьбѣ. Знаешь ты князя Федора Николаевича Голицына, сопуна и порядочнаго гримасника? Старшій сынъ его похожъ на него, какъ двѣ капли воды, да еще вдобавокъ вѣчно возится съ флюсомъ. Вотъ, этотъ-то господинъ женится на м-ле Бахметевой, внучкѣ старухи Нарышкиной, которую мы называемъ Еленой Николаевной. Молодая дѣвушка некрасива, но прекрасно поетъ, отличная музыкантша, хорошо воспитана и имѣетъ порядочное состояніе. Всѣ свадьбы, въ томъ числѣ и Николинькина, будутъ въ ноябрѣ. Тебя удивляетъ, что Николай женится, мнѣ и самой не вѣрится. Ему всего 21 годъ, онъ еще такъ молодъ; впрочемъ, судя по его характеру и вкусамъ, изъ него долженъ выдти прекрасный мужъ и отецъ семейства. Онъ настоящее сокровище, жена его навѣрное будетъ счастлива, насколько возможно счастлива на землѣ.

Зимой я часто видала г-жу Муханову, разъ мы вдвоемъ чай пили у родственницы ея, кн. Туркистановой, которая часто у насъ бываетъ. Г-жа Муханова желала слышать, какъ я пою, и просила кн. Туркистанову доставить ей случай меня послушать. Княгиня пригласила насъ обѣихъ въ себѣ, и мы очень приятно провели вечеръ. Мы не разъ встрѣчались и у г-жи Корсаковой, которая вынесла много горя нынѣшней зимой. Муханова отказалась отъ свѣта, живеть для семьи, водится съ близкими и съ лицами, которымъ ея присутствіе можетъ быть полезно въ какомъ-либо отношеніи. Теперь, когда встрѣчу ее, заговорю о тебѣ. Есть въ Москвѣ еще одна особа въ родѣ Мухановой, и съ которой она очень дружна. Это нѣкто г-жа Боборыкина, рожденная Мячкова, кузина покойной княжны Шаховской и воспитанная ея матерью. Она въ одинъ годъ лишилась мужа, двухъ дочерей и состоянія. У нея остался только сыночекъ шести-лѣтній; ей помогаетъ князь Шаховской, потому что ей нечѣмъ жить. Въ прошломъ году сыну ея досталось наслѣдство; до сихъ поръ онъ еще не получалъ его (завязалась тяжба), но въ будущемъ надо надѣяться, что дѣла ихъ поправятся.

Принтересная особа г-жа Боборыкина; она очень умна, прекрасно воспитана и обладаетъ столькими качествами, что ее можно назвать рѣдкой женщиной. Прощай, милый другъ. Вотъ такъ посланіе! Въ четвергъ опять напишу съ Серѣжей.

13-го сентября.—Тебѣ не отгадать, которая изъ дамъ имѣла болѣе успѣха на послѣднихъ праздникахъ. Представь, это г-жа Бролио (Broglio). Она некрасива, ведетъ себя прескверно, рѣчи ея похожи на богохульство. Вообрази, что она удостоилась чести танцовать съ его величествомъ! Въ первомъ полонезѣ государь прошелся съ гр. Каменской, во второмъ съ кн. Лопухиной матерью, а потомъ, взявъ лорнетъ, поглядѣлъ на всѣхъ дамъ, отыскалъ г-жу Бролио и съ ней началъ третій полонезъ. Съ Апраксиными и Пушкиными его величество послѣ изволилъ танцовать по разу, а съ г-жой Бролио нѣсколько разъ. Потомъ государь танцовалъ съ кн. Волконской, рожденной Высотской, молодой вертлявой бабенкой, набѣленной и разруганной, которая идетъ по стопамъ г-жи Бролио. Мы ее встрѣчаемъ только на публичныхъ балахъ да на улицѣ. Досадно, что обращаютъ на себя вниманіе особы, имѣвшія съ дюжину скандальныхъ исторій.

Надпись на транспарантѣ у гр. Орловой всѣхъ поразила, на утро подъ ней увидали написанную мѣломъ молитву, изъ которой она была взята; вѣрно какой-нибудь проказникъ ночью на-

чертилъ ее, воспользовавшись темнотою, и присоединилъ собственныя ѣдкія разсужденія.

Тормазовъ не очень-то доволенъ пожалованіемъ въ графы. Онъ говорилъ брату моему, что, будучи хорошимъ дворяниномъ, предпочелъ бы денежную награду титулу. Въ фрейлины никого не назначили. Удивляюсь, какъ въ Петербургѣ, гдѣ знаютъ къ кому расположенъ государь, могли предположить, что его величество благоволитъ къ Апраксинымъ. Мужа онъ терпѣть не можетъ, что выказалъ очень ясно въ послѣдній прїездъ. Г-жѣ Апраксиной его величество привезъ письмо отъ матери, дней десять держалъ его у себя, потомъ изволилъ спросить у г-жи Апраксиной, когда ему привезти ей письмо. Она отвѣчала, что когда угодно будетъ его величеству; государь сказалъ, что завтра прїѣдетъ къ ней обѣдать въ ея имѣніе. (Она купила имѣніе Барятинскаго, около Петровскаго). Только Тормазовъ и Юсуповъ были приглашены на обѣдъ. На слѣдующій день г-жа Апраксина отправилась благодарить его величество за посѣщеніе; но государь велѣлъ ей сказать, что ему некогда. Апраксина обожаетъ своего мужа и ей очень горько видѣть, что онъ не въ милости у государя. Къ Вяземскому его величество тоже не былъ благосклоненъ, а женѣ его оказалъ вниманіе на двухъ послѣднихъ балахъ. Этимъ его величество изволилъ доказать, что ошибочно предполагаютъ, будто мужъ и жена составляютъ одно существо. Вяземскому повредили стихи, которыя онъ написалъ нѣкогда. Государь его не можетъ простить, а министры ужасно противъ него озлоблены за то, что онъ задѣлъ ихъ за живое. За обѣдомъ у Юсупова его величество говорилъ со всѣми, а кн. Петръ не сказалъ ни слова, какъ-будто его тутъ и не было. Мнѣ жаль Вяземскаго, онъ огорченъ; впрочемъ, вотъ еще причина, по которой онъ насъ не покинетъ для Петербурга.

Теперь ты можешь убѣдиться, что шифръ не заставитъ меня отправиться въ Петербургъ, если я ради его не съѣздила въ Москву изъ Высоваго. Врядъ ли осуществится твоя надежда на замужство, которое можетъ заставить меня переѣхать къ вамъ.

Кто же назначенъ въ Пензу на мѣсто Голицына? Я еще объ этомъ не слыхала; по тону твоему заключаю, что мнѣ не понравится назначеніе. Ты не знаешь, гдѣ г-жа Виллеро, пожалуйста, я встрѣчусь съ ней въ Москвѣ. Что будетъ, то будетъ. Не мало крови испортила я себѣ по милости этой семьи; лучше по меньше ея интересоваться.

Послѣднее извѣстіе отъ Рахмановыхъ насъ порадовало. Лица дѣлавшія обыскъ, наконецъ, уѣхали отъ нихъ. Пришлось-такъ

нѣ совнаться, что они ничего не отыскали. Знаешь ли, что исторія эта напоминаетъ царствованіе Анны Іоанновны и время Бирона. И съ кѣмъ же поступили такимъ образомъ? Со вдовой генералъ-лейтенанта! Право, въ нашъ вѣкъ гораздо лучше быть купцомъ или какимъ-нибудь парфюмеромъ.

Великій князь Николай Павловичъ со всѣми обходился очень ласково. Прощай, милый другъ.

15-го сентября. — Только-что успѣла я дочитать послѣдній томъ «Шотландскихъ вождей», когда принесли твое письмо. Ты спрашиваешь, какого я мнѣнія о величайшемъ изъ героевъ, о бессмертномъ Валласѣ? Я ожидала этого вопроса. Матвѣй, увидавъ этотъ романъ у меня на столѣ, рассказалъ мнѣ, что ты отъ него въ восторгѣ. Характеръ, которымъ ты восхищаешься, точно идеальный, но отъ этого-то онъ и неестественъ; въ дѣйствительности ты его не встрѣтишь. Вообще романисты, желая расположить читателей въ пользу своего героя, изображаютъ его какимъ-то совершеннымъ существомъ, котораго нельзя назвать человекомъ, потому что въ немъ соединяются всевозможныя качества. Таковъ Валласъ, Малекъ-Адель (г-жа Котенъ) и другіе. Такія сочиненія похожи на волшебныя сказки: въ нихъ все невѣроятно и неправдоподобно; я скорѣе отдамъ предпочтеніе Eugène de Rothe, лорду Сеймуру и другимъ лицамъ въ ихъ родѣ, нежели такімъ безстрашнымъ и безупречнымъ рыцарямъ, которые для меня слишкомъ совершенны. Знаю, что ты начнешь мнѣ проповѣдать. Но, видишь ли, этимъ можно восхищаться въ пятнадцать лѣтъ, когда всѣ люди кажутся ангелами, а свѣтъ — землѣ; но, проживъ между людьми, приобретаешь опытность, видишь вещи въ надлежащемъ свѣтѣ поневолѣ. Что десять лѣтъ тому назадъ считала я возможнымъ, на то смотрю теперь не иначе, какъ на восьмое чудо.

Вотъ какъ сузу я о твоёмъ пріятелѣ Валласѣ; будь онъ и такъ фантастиченъ, то сдѣлался бы и моимъ другомъ.

Извини, пожалуйста, что я раскритиковала талію кухни твоей, Кендерской. До сихъ поръ я считала ее горбатой, да и весь годъ того же мнѣнія. Теперь ты меня вполне разувѣрила. Г-на Карсакова очень хвалить. Я увѣрена, что кухня твоя будетъ и такъ вполне счастлива и даже, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе, подтвержу твое предположеніе, будто бы дѣти у нихъ непременно выйдутъ великаны.

Теперь мы остались одни, все наше общество разѣхалось. Мы сами недѣли черезъ двѣ вернемся въ городъ. Погода стоитъ

прекрасная. Вечера становятся длиннѣе, я провожу ихъ съ «мими дѣтьми», какъ ты называешь племянниковъ. Желала бы я, чтобы они были моими, тогда бы не пришлось намъ расставаться, а теперь намъ грозитъ разлука. Я такъ привыкла видѣть ихъ каждую минуту. Они меня очень любятъ, въ особенности дѣвочка. Прощай, моя дорогая.

Москва, 21-го сентября.—Вчера вечеромъ познакомилась я съ г-жой Виллеро совершенно неожиданно. Я до того растерялась при этой встрѣчѣ, что съ четверть часа не могла собраться съ духомъ. Приѣхавъ въ Москву, я рѣшительно не знала, гдѣ твоя кузина, или нѣтъ. Не будучи съ ней знакома, я не смѣла про нее спрашивать, боясь, чтобы мои вопросы не показались странными. Въ прошлую пятницу въ Воскресенскомъ, въ гостиницѣ, я прочла на стѣнѣ фамилію г-жи Храповицкой, тутъ же было означено 10-е сентября. Я подумала, что, быть можетъ, она и кузина твоя еще въ Москвѣ. Въ первые дни по приѣздѣ сюда я о нихъ не слыхала. Наконецъ, въ понедѣльникъ, г-жа Рябинина съ кузиной своей Боборыкиной приѣхали къ намъ вечеромъ съ обѣда отъ Скюдери, который женатъ на Храповицкой, близкой родственницѣ генерала. Вдругъ г-жа Рябинина спросила меня, знакома ли я съ Храповицкой, причемъ стала ее расхваливать. Я воспользовалась случаемъ и узнала отъ нея, что г-жа Храповицкая приѣхала сюда вмѣстѣ съ г-жой Виллеро, что онѣ тамъ обѣдали у Скюдери и нынче уѣзжаютъ изъ Москвы. Рябинина сожалѣла, что онѣ должны ѣхать, говоря, что желала бы пригласить ихъ къ себѣ. Вчера вечеромъ я отправилась къ Виллеро своей и застала ее разряженной; она куда-то собиралась съ своимъ ремонтнымъ визитомъ. Я просила ее изъ-за меня не откладывать визита, сказавъ, что пойду пить чай по сосѣдству къ Рябининѣ. Вѣра сперва поняла, что я приглашена къ Рябининѣ и вздумала сама къ ней заѣхать, чтобы подольше побыть со мной. Въ моментъ узнавъ, что я не звана въ гости, она непремѣнно хотѣла везти меня къ себѣ обратно; споря, мы добрались до приѣзда Рябининѣ. Она объявила намъ, что ждетъ къ себѣ г-жу Скюдери съ г-жой Храповицкой; едва успѣла она сказать это, какъ в гостиную вошли три дамы. Я догадалась, что третья навѣрно г-жа Виллеро. Сердце у меня забилось, руки похолодѣли и дрожали, кровь кинулась въ голову, я едва не ушла изъ комнаты; наконецъ рѣшилась сѣсть въ сторонѣ, около г-жи Скюдери и начала съ ней разговаривать. Я такъ старалась скрыть смущеніе, что, кажется, пересолила и была чересчуръ развязна

Вдругъ г-жа Рябинина обращается ко мнѣ и просить приблизиться къ столу, около котораго онѣ расположились; мнѣ пришлось бы сѣсть чуть не на колѣни къ г-жѣ Виллеро, которая, услышавъ мою фамилію, обернулась; въ эту минуту я желала бы провалиться сквозь землю. Вѣра, видя мое смущеніе и не понимая въ чемъ дѣло, громко расхохоталась по обыкновенію; я еще больше растерялась. Ни за что въ мірѣ не согласилась бы я снова вывести такую пытку. Я полчашки чаю пролила себѣ на платье, между тѣмъ г-жа Виллеро, обратясь къ Вѣрѣ, спросила, узнаетъ ли она ее, перекинулась съ ней нѣсколькими фразами, и, обернувшись ко мнѣ, сказала, что, будучи кузиной особы, которую я люблю, она сама мнѣ отрекомендуется, и еще что-то прибавила. Я ничего не слыхала и не видала; въ эту минуту въ комнатѣ стихло, мнѣ показалось, что на лицѣ моемъ могутъ прочесть всю мою исторію. Я приподнялась, сказала что-то, вѣроятно глупость, причемъ видѣ у меня должно быть былъ презабавный. Навѣрное кузина твоя расскажетъ тебѣ объ этой встрѣчѣ, узнай пожалуйста, не потеряла ли я въ ея мнѣніи; это было бы неудивительно, мнѣ самой пришла эта мысль. Затѣмъ, у меня рѣчи волнлись цѣлымъ потокомъ, какъ будто бы я была въ бреду. Я хотѣла удалиться, но г-жа Виллеро удержала меня, и я сидѣла какъ прикованная, пока дамы не поднялись, собираясь уѣхать. Я первая простилась и кинулась въ карету, гдѣ нашла мою спящую дѣвчу. Изъ всего разговора съ г-жой Виллеро, у меня только одно осталось въ памяти: я горячо отстаивала Москву; если могла вчера защищать ее противъ г-жи Виллеро, то нѣтъ сомнѣнія, то въ 12-мъ году я бы храбро отстояла ее противъ французовъ. Впрочемъ, кузина твоя увѣрила меня, что критикуютъ только наши улицы; въ этомъ я съ ней согласна; надо сознаться, что онѣ точно и узки, и грязны; впрочемъ, вѣдь таковы онѣ во всѣхъ большихъ старинныхъ городахъ, хоть, напр., въ Парижѣ, который не вчера выстроенъ, какъ ваша столица. Зато Кремль очень понравился г-жѣ Виллеро, и точно онъ чудо какъ хорошъ; хотя мнѣ онъ давно знакомъ, но вчера, гуляя, я пришла въ такой восторгъ, что Матвій Біельгорскій думалъ, что я съ ума спятила. По улицамъ съ трудомъ можно пройти, вездѣ строятъ; сначала строили деревянные дома, а теперь все каменные. Въ три съ половиною мѣсяца прибавилось столько новыхъ зданій, что ихъ не перечесть.

Кузина твоя остается здѣсь еще на двѣ недѣли; желала бы увидать ее и загладить мою вчерашнюю неловкость. Мнѣ Виллеро очень понравилась, я съ удовольствіемъ слушала

ее: она такъ славно говорить, и безъ всякихъ претензій. Общались прїѣхать сюда вмѣстѣ съ тобой на будущее лѣто. Тогда ты будешь ободрять меня, милый другъ.

Въ городѣ довольно пусто, однако у насъ каждый день собираются гости. Вяземскіе остаются здѣсь на зиму, поѣздки свои отложили до марта. Я убѣждена, что они не двинутся отсюда, если Карамзинъ, или кто-нибудь изъ друзей князя Петра не хлопочетъ ему мѣста. Князь милъ по обыкновенію, а Вѣра какъ-то необычайно расходилась, чего съ ней не бывало, все хохочетъ; вчера даже вывела меня изъ терпѣнія.

Давно не имѣла отъ тебя извѣстій. Г-жа Виллеро говоритъ мнѣ, что ты занята переѣздой на новую квартиру; мы тоже перебираемся, но такъ какъ хлопоты не на мнѣ лежатъ, я успѣваю писать тебѣ чуть не цѣлыя тетради. Квартира наша великолепная. Прощай, моя милая.

Матвѣй Віельгорскій все еще здѣсь; ему очень нравится Москва.

24-го сентября. — Кто это сообщаетъ вамъ ложныя извѣстія о нашихъ князьяхъ? Вяземскій положительно остается въ Москвѣ, а Гагаринъ такъ не жалуется Петербурга, что поселится тамъ, только ежели получитъ иманное повелѣніе. Теперь онъ ѣдетъ туда на двѣ недѣли, говорить, что по денежнымъ дѣламъ, а вовсе не потому. Ему хочется посворѣе обновить парадный придворный мундиръ. Здѣсь ему придется ждать этого удовольствія до 12-го декабря, а въ Петербургѣ онъ нарядится въ свой мундиръ 14-го октября (въ этотъ день весь дворъ будетъ въ парадной формѣ), а затѣмъ вернется сюда. Онъ надѣется получить мѣсто за границей, когда г. Капо д'Истріа отправится на свой постъ въ Швейцарію, чего, пожалуй, вовсе не случится. Теперь онъ накупилъ книгъ, и въ 30 лѣтъ хочетъ начать учиться, чтобы подготовиться къ занятію должности. Хоть книги и куплены, за ученье онъ не принимается, да и никогда не приметъ мѣста ему не получить. Онъ собирается давать балы нынѣшней зимой. Продаетъ домъ, чтобы уплатить долги и объявляетъ, что намѣревается нанять домъ князя Салтыкова, на Мясницкой, гдѣ огромныя залы, въ которыхъ онъ будетъ давать праздники. Я почти каждый день вижу этихъ господъ, слѣдовательно, ты можешь положиться на мои слова.

Еслибы ты знала, какъ меня допрашивала Вѣра, чтобы узнать причину моего смущенія въ тотъ вечеръ. Она полагаетъ, что растерялась при видѣ двухъ незнакомыхъ лицъ, но это се

удивляетъ, потому что прежде она не замѣчала во мнѣ застѣнчивости. Я кое-какъ отвѣтила на ея разспросы, напирая въ особенности на ея смѣхъ, что будто бы онъ-то и смутилъ меня. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи мужа, и онъ пожурилъ ее за то, что она безъ толку смѣется. Послѣ кн. Петръ началъ мнѣ дѣлать вопросы, когда я сидѣла съ нимъ вдвоемъ въ уголѣ, въ гостиной; онъ дружески расположенъ ко мнѣ, знаетъ меня лучше, нежели Вѣра, только въ одномъ ошибается — считать меня ледяной или каменной, и не разъ говорилъ мнѣ, что иногда не встрѣчалъ такой невозмутимой особы. Такого мнѣнія былъ онъ обо мнѣ до сихъ поръ, равно какъ и другія лица; я этого и не старалась разувѣрять. Кн. Петръ часто повторялъ мнѣ, что я нестерпима и что мужчины должны отъ меня бѣжать какъ отъ чумы. Его удивило мое волненіе при встрѣчѣ съ Виллеро, и онъ закидалъ меня вопросами объ ея связяхъ, о роднцахъ; я съ трудомъ отдѣлалась отъ него, повидимому не усиливъ его подозрѣній. Наконецъ дамы эти уѣхали, по всей вѣроятности, инъче утрѣмъ. Теперь мнѣ не представится случая возбудить все-либо любопытство.

2-го октября. — Меня тоже нисколько не удивило, что французской графинѣ оказана была высочайшая милость. Шестъ лѣтъ тому назадъ государь удостоилъ ее своимъ вниманіемъ. За нѣсколько дней до послѣдняго торжества графини, у насъ собралось общество; меня спрашивали, почему не стремлюсь я въ Москву; я, смѣясь, отвѣчала, что напередъ знаю, что тамъ будетъ происходить, потому не стоить двигаться съ мѣста. Слѣдовательно, я предсказала триумфъ графини, но не ожидала, чтобы ей нея сдѣлали такъ много. Представъ себѣ, что 30-го августа собудили въ 5 часовъ утра членовъ совѣта, назначеннаго два дня тому назадъ для разсмотрѣнія просьбы милой графини, и имъ только было пересмотрѣть бумаги и назначить ей денежную сумму въ вознагражденіе за понесенныя ею потери. Ассигновали 20 тысячъ, которыя тотчасъ были ей отсчитаны. Однако, графиня вовсе не довольна и кричитъ, что ей слѣдовало получить гораздо больше.

Вамъ сочинили, будто бы наши дамы выпросили милостей въ время полонезовъ. Даже кн. Волконской не удалось ничего спросить для мужа. Дядя ея мужа, кн. Петръ Волконскій, занятъ только своими выгодами и нисколько не позаботился о племянницѣ, хотя государь и говорилъ ему, чтобы онъ обратилъ вниманіе на его дѣло. Всѣ другія дамы только и разговаривали

о погодѣ, и ни одна ни о чемъ не просила. Не всѣмъ дается счастье, какъ графинѣ, особенно, какъ подумаешь, что особа эта оказывала покровительство шпионамъ иностранныхъ державъ, въ лицѣ Ролли.

Не удивительно, что В. пишетъ, будто скоро отправится въ Петербургъ; когда она говоритъ съ жителями Петербурга, то увѣряетъ ихъ, что ей до смерти хочется тамъ поселиться, а намъ она поетъ совсѣмъ не то. Такимъ образомъ, разъ она попалъ въ щекотливое положеніе. Любезничая съ дѣвцами Апраксинными, она имъ сказала, что переѣдетъ въ Петербургъ; мать ихъ, узнавъ, что мужъ ея нанялъ здѣсь домъ на всю зиму, спросила ее, почему онъ измѣнилъ свое намѣреніе; В. смутилась и, зная слабость Апраксиной къ Москвѣ, отвѣчала, что это по ея винѣ, что она, какъ москвичка, боится показаться въ Петербургѣ, не имѣя понятія о тамошнихъ обычаяхъ. Апраксину раздосадовала такая изворотливость и она строго замѣтила ей, что находить страннымъ такое объясненіе, которое можетъ дать оригинальное понятіе петербургскимъ жителямъ о московскихъ обычаяхъ. Не зная, что на это сказать, В. пошла къ барышнямъ и передала имъ этотъ разговоръ въ крайне смѣшномъ видѣ. У нея прекрасное сердце, но воспитана она дурно; ею восторгаются нѣкоторые молодые люди, отъ этого она еще больше гордится вздоромъ. Въ первое время замужства она болѣе за собой наблюдала, въ ней не было самоувѣренности; въ тому же, мужъ охотнѣе навливалъ ее чаще, нежели теперь. Прошлую зиму покойная Шаховская давала ей добрые совѣты, а теперь она предоставлена самой себѣ и часто болтаетъ чепуху. Мужъ ея чуть не сломалъ себѣ шею, возвращаясь изъ деревни. Спускаясь съ горы, лошади понесли, волясь получила сильный толчокъ, онъ упалъ на дорогу, экипажъ пролетѣлъ такъ близко, что колеса едва не раздробили ему головы.

Мнѣ очень хочется прочесть творенія гр. Діаны, приними ихъ мнѣ, пожалуйста. Я совершенно здорова; начались приготовления къ свадьбѣ Николинки, возимся съ купцами, только и слышишь разговоры про шали, мебель и т. д. Матвѣй все еще здѣсь, его очень полюбили въ Москвѣ: не удивительно, онъ такъ добръ, привѣтливъ, всегда занятъ другими, о себѣ забываетъ. Мнѣ понятно твое желаніе имѣть его зятемъ. Хорошо было бы, еслибы онъ не женился; пока вырастетъ Настя. Еслибы всѣ мужчины на него походили, тогда можно бы было ими интересоваться, а то, право, не стоить обращать на нихъ вниманіе. Прощай.

9-ю октября.—Тебя удивляет, что я растерялась въ присутствіи г-жи Виллеро; до сихъ поръ ты воображала, что я не способна конфузиться. Странное имѣешь ты понятіе о моей особѣ, да и не ты одна, многіе такъ обо мнѣ думаютъ. Я всегда невидѣла жеманство и съ ранней молодости старалась избѣгать итязки. Когда мнѣ предстояло пѣть въ обществѣ, я за сутки передъ этимъ заболѣвала; у меня дѣлалась лихорадка въ ту минуту, когда мнѣ слѣдовало начинать; но, явившись передъ публикой во главѣ оркестра, я начинала пѣть, и хорошо или дурно, но допѣвала до конца, безъ остановокъ, находя глупнымъ утомлять слушателей своими жалобами, когда, по собственной волѣ или по приказанію, рѣшилась пѣть. Я замѣтила, что въ свѣтѣ колебаніе принимаютъ за аффектацію, и въ самомъ дѣлѣ, часто притворно конфузятся. Я всегда боялась прослыть фальшивой и натынутой; пусть лучше говорятъ, что я все дѣлаю не умѣючи, что глупа я, неловка, лишь бы не считали меня ломалкой и притворщицей; вотъ и стала я добиваться, чтобы лицо мое не мѣнялось; только иногда появляются у меня красныя пятна на щекахъ, на шен и на груди отъ волненія; ихъ скрыть я не могу. Я чрезчуръ распространяюсь, но дѣлаю это съ цѣлью убѣдить тебя, что я вовсе не такая храбрая, какъ ты воображаешь.

Въ пятницу брата помолвили. Гости не даютъ намъ духу перевести. Приходится дѣлать разныя приготовленія къ свадьбѣ. Мамѣ предстоитъ веселая зима. У Апраксиныхъ будутъ танцевать разъ въ недѣлю. Графиня Растопчина вернулась отъ васъ весьма другимъ человекомъ; мы ее просто не узнаемъ. Прежде она вѣчно носила огромный чепецъ, точно прабабушка, а теперь показывается съ непокрытой головой; правда, на ней парикъ, и прическа ее очень оригинальна; въ былое время она считала грѣхомъ ходить безъ чепчика. Съ полчаса мы съ ней разговаривали; вообрази, она только и толкуетъ о балахъ, да о выездахъ. Объявила, что часто будетъ у насъ ужинать и намѣрена посѣщать собраніе; въ заключеніе, пригласила насъ въ себѣ танцевать по понедѣльникамъ. Кузена моего, Волкова, просила представить ей всю здѣшнюю молодежь, а также и прѣзжихъ молодыхъ людей. Дочери ее недурны. Старшая красива, но вѣроятно не умна, потому что поминутно смѣется безъ всякаго толка. Въ тому же она жеманится по-петербургски, говорить сквозь зубы. Младшая очень мила, удивительно похожа на отца, у нея такое выраженіе лица, держать себя съ достоинствомъ, но

безъ всякихъ ужимокъ, словомъ, въ ней есть что-то привлекательное.

У меня снова начались головныя боли. Нѣсколько дней сразу погода стояла чудесная, я гуляла въ одномъ платьѣ. Нынче, подъ эгидой Вяземской и Гагариной, отправляюсь въ театръ смотрѣть «Водовоза» (Херубини). Гагарина вела себя съ такимъ тактомъ во время пребыванія государя въ Москвѣ, что заслужила общее одобреніе. Парадный мундиръ ея супруга еще не успѣетъ къ 14-му октября, потому онъ отложилъ поѣздку. 12-го декабря и 13-го января онъ здѣсь пощеголяетъ въ своемъ камергерскомъ мундирѣ. Другая чета Гагариныхъ тоже здѣсь поселилась.

Прощай, милый другъ; г-жа Виллеро разсказывала мнѣ, что ты слишкомъ балуешь сына твоего. Это не хорошо, зачѣмъ ты съ нимъ обращаешься не такъ, какъ съ дочерьми. Почти всегда родителямъ приходится сожалѣть, что избаловали ребенка.

23-го октября. — Нисколько не удивительно, что князю Голицынымъ достались шифры. Въ нашъ вѣкъ ни въ чемъ не слѣдуетъ отчаиваться, ни на что не расчитывать, ничему не удивляться, и ждать всего, какъ дурного, такъ и хорошаго. Въ одну минуту васъ возвысятъ и окажутъ вамъ всевозможныя почести, потомъ вдругъ совершенно уничтожатъ. Неожиданная милость не должна насъ ослѣплять. Не слѣдуетъ сожалѣть о потерѣ благополучія, которое мы Богъ вѣсть чѣмъ заслужили, а потому и шились его, тоже неизвѣстно по какой причинѣ. Вотъ какъ суку я о всемъ, что мнѣ приходится слышать или видѣть собственными глазами. Для себя лично я ничего не желаю; есть вещи, которыя имѣютъ цѣну лишь при извѣстныхъ иллюзіяхъ; когда исчезаютъ иллюзіи, земныя блага становятся лишними. Я не сожалѣю о потерѣ чего-либо; положеніе мое почти не измѣнялось съ тѣхъ поръ какъ живу я на свѣтѣ; но желала бы, чтобъ близкіе мнѣ люди испытавшіе, какъ ненадежно земное счастье, по-моему относились бы къ перемѣнѣ обстоятельствъ; наше время какъ нельзя болѣе оправдываетъ пословицу: *сегодня панъ, а завтра пропалъ*. Никто не виновенъ въ томъ, что намъ приходится быть свидѣтелями фактовъ, одинъ другому противорѣчащихъ.

Скажу тебѣ, дружокъ, что я провела очень невеселую недѣлю. Мама хворала, теперь ей легче. Погода такая гадала, что я удивляюсь, какъ всё не простужаются. Я вчера прозябла; мы съ братьями возили Матвѣя Вильгорскаго въ церковь, что при Шереметевской больницѣ. Это одна изъ самыхъ красивыхъ церквей, пѣвчіе въ ней чудесныя, богатая утварь, все въ порядкѣ

священникъ прекрасно служить. Матвѣй вышелъ оттуда въ восторгѣ. Въ воскресенье мы показывали ему Голицынскую больницу, которую тоже стоить посмотреть.

Благодарю, что предупредила меня о прїѣздѣ живописца. Я полагаю, что ему найдется работы не мало; послѣ 12-го года хорошіе живописцы стали рѣдкостью. Я усердно буду его рекомендовать и не стану вѣрить его рассказамъ; такимъ образомъ исполню твои желанія.

Нынче г-жа Лобкова говорила мнѣ, что замужство Бетси Полиньякъ вышло незавидное. Есть люди, которымъ не везетъ да и только. Подумаешь, три года добивались этой свадьбы, а теперь черезъ три мѣсяца пришлось сожалѣть, что желаніе исполнилось. А—на тоже неудачно пристроила дочь свою, Эмилию; она слабого здоровья и навѣрно не долго проживетъ; мужъ ея такое чудовище, какихъ мало въ счастію рода человѣческаго. У матушекъ страсть выдавать замужъ дочерей, хорошо ли, худо ли—лишь бы только пристронуть, а дочери всячески стараются надѣть носкорѣ чепчикъ, чтобъ зачастую дорого имъ обходится. Если у жениха есть чѣмъ жить и не простолюдинъ онъ, то имъ не пребрегаютъ и считаютъ невозможнымъ отказать ему. Надо пристроиться—толкуютъ, и такъ хорошо пристраниваются, что становятся счастливѣйшими изъ смертныхъ, только чтобъ не остаться дѣвой до 50 лѣтъ. Это одна изъ нашихъ слабостей, которая не свидетельствуетъ о нашемъ разумѣ; однако, прекрасный полъ не можетъ отъ нея избавиться, хотя безпрестанно видитъ несчастныя супружества.

Пора мнѣ проститься съ тобой. Передай мои привѣтствія сурругу.

Г-жа Виллеро расхвалила меня сестрѣ, за что я ей очень благодарна, только, кажется, я вовсе не заслужила лестныхъ отзывовъ. Она хвалитъ меня по сердечной добротѣ, за это большое ей спасибо.

30-го октября.—Ты полагаешь, что городскіе толки напрогнать мнѣ замужство, а я, напротивъ, того мнѣнія, что мнѣ суждено доказать несправедливость пословицы: *гласъ Божій, гласъ народный*. Съ тѣхъ поръ, какъ перестала я учиться, меня сваживать каждую зиму, однако я до сихъ поръ m-lle Волкова. Теперь я даже понять не могу, о какомъ женихѣ тебѣ говорили, рѣчь объ Ипполитѣ или Матвѣѣ; не знаю, котораго выбрать. За то ты не захочешь, чтобъ я вышла, а еслибъ вздумала я выйти Матвѣя Вельгорскаго, то меня здѣсь разорвали бы на

кочки изъ ревности. Такой участи я не страшусь, положимъ, но дѣло въ томъ, что я не желаю отбивать жениха у твоей Насты. Эти господа единственные кавалеры, которыхъ я видаю; не понимаю, о комъ же еще идетъ рѣчь? Навѣрное тебѣ объявятъ, что я вышла замужъ; заранѣе прошу тебя не вѣрить такому вѣвѣстію. Губернаторъ у насъ вдовецъ, ему лѣтъ 40 или 50, вѣрнѣе что пятьдесятъ. Князь Долгорузій, увѣшанный орденами, съ важной осанкой, какъ говорятъ, очень желаетъ жениться вторично; его недавно представили мамѣ, и онъ съ ней нѣсколько разъ игралъ въ вистъ. Завтра онъ будетъ у насъ ужинать. Недѣлю черезъ три навѣрное стану говорить, что я его невѣста, и тебѣ объ этомъ дадутъ знать; а я - то буду хохотать надъ этой выдумкой!

Напрасно не вѣрится тебѣ, что я совершенно спокойна душою; благодарю Бога, что стала я разумна. Если и выйду замужъ, такъ не иначе какъ за 60-ти-лѣтняго старика, такого же разочарованнаго, какъ и я. Во всей Москвѣ только и есть одинъ подходящий мнѣ женихъ — это Тормазовъ, еслибъ онъ сдѣлалъ предложеніе, дѣло бы уладилось. Мнѣ нуженъ не мужъ, а отецъ такъ что, выйдя замужъ, я осталась бы въ теперешнемъ положеніи съ той только разницей, что теперь я во всемъ совѣтуюсь съ мамѣ, а тогда стала бы обращаться за совѣтомъ къ ней да еще къ мужу. Чтобъ быть подъ пару старику, я готова отказаться отъ танцевъ, даже отъ музыки, выбросить корсетъ за окошко (что сдѣлаю очень охотно, потому что ненавижу его) и нарядиться какъ 50-ти-лѣтняя старуха. Я вовсе не шучу; еслибъ нашелся подходящий старецъ, я бы весьма серьезно отнеслась къ этому дѣлу а пока пляшу какъ угорѣлая. У Апраксиныхъ будутъ балы и воскресеньямъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, т.-е. до самаго отъѣзда ихъ въ Петербургъ. Сегодня начинаются вечера у гр. Раствоchinой; посмотримъ, каковы будутъ ея праздники. Она пригласила къ себѣ весь городъ. Зима будетъ преоживленная, какъ-то ожидается она на здоровѣе наше.

13-го ноября. — Мы отпраздновали свадьбу. Къ сожалѣнію для семьи Оболенскихъ вчерашній день ознаменовался печальнымъ происшествіемъ. Г. Дохтуровъ, женатый на сестрѣ князя (отца), присутствовалъ на свадьбѣ, потомъ на другой день ужиналъ у насъ и наконецъ вчера былъ на званомъ обѣдѣ у Оболенскихъ, съ мамѣ игралъ въ карты, потомъ, вернувшись домой, внезапно умеръ въ 11 часовъ, пока всѣ мы были на балѣ у Апраксиной. Нынче, проснувшись, узнала я печальное извѣщеніе.

оно меня такъ поразило, что не могу собраться съ мыслями. Представь, что Дохтуровъ нанялъ домъ, и одинъ, безъ семьи, прѣѣхалъ сюда двѣ недѣли тому назадъ, чтобъ устроить квартиру, ожидая прѣѣзда жены къ свадьбѣ; плохая дорога задержала ее въ деревнѣ, и она не могла явиться сюда къ назначенному сроку; но отъ нея получили извѣстія и ждутъ ее нынче. Вообрази, о какъ горѣ предстоитъ ей узнать! Даже насъ ошеломило грустное происшествіе; каково же уныніе въ семьѣ Оболенскихъ! Николинъ весь день разъѣзжаетъ, былъ у Тормазова, чтобъ подготовить его къ грустному извѣстію; покойный былъ съ нимъ въ дружбѣ. Генераль самъ хвораешь; на людей его лѣтъ извѣстіе о чей-либо смерти дѣлаетъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ на насъ, которые имѣемъ глупость воображать, что молодость даетъ намъ право рассчитывать на долгую жизнь. Николинъ приходится хлопотать о похоронахъ; покойный былъ военнымъ и имѣлъ довольно важный чинъ. Не весело новобрачному заниматься такимъ грустнымъ дѣломъ.

Теперь передамъ тебѣ пріятныя извѣстія. Всю прошлую недѣлю мы дѣлали приготовленія къ свадьбѣ, самую свадьбу очень радно и весело отпраздновали. Благодаря Тормазову, архіерей разрѣшилъ Николинъ вѣнчаться въ домовой генераль-губернаторской церкви; такимъ образомъ мы избавились отъ зѣваекъ; но на свадьбѣ у Олсуфьева набралось много народа. Онъ вѣнчался въ одинъ день съ братомъ.

Нынче я не поѣду въ гр. Ростопчиной, но я была у нея на двухъ первыхъ вечерахъ. Чтб тамъ опять насочиняли тебѣ про вечера? Правда, что въ половинѣ 9-го съѣзжаются всѣ гости, что же тутъ удивительнаго? Графиня больная женщина, ей трудно долго сидѣть, не уморить же ей себя для нашего удовольствія. Мы пляшемъ до часу. Танцуемъ вальсъ, мазурку, котиконъ, словомъ, что вздумаемъ; оркестръ плоховать, всего четыре музыканта, къ концу вечера они до того устаютъ, что едва слышно играютъ. Графиня не хочетъ увеличить оркестра, боясь, чтобъ ея танцевальные вечера, какъ она ихъ называетъ, не стали входить на базы. Младшая дочь ея очаровательна. Еслибъ мнѣ пришлось чаще ее видѣть, я была бы отъ нея безъ ума. Старшая лицомъ красива, но ужасно манерничаетъ.

Москва съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оживляется, такъ баловъ не перечесть. Говорятъ, что у васъ очень скромно проводятъ время. Апраксины боятся сослужиться, имъ не хочется уѣзжать; братъ ихъ, потихоньку отъ матери и въ особенности отъ бабушки, хлопоталъ, чтобъ продлили его отпускъ. Жаль,

что у него страсть въ шарадахъ: каждую среду онъ доучаетъ намъ своими тошными шарадами. Крѣпко обнимаю тебя.

20-го ноября. — Охотно отказываюсь отъ стараго женна, чтобъ тебѣ угодить, дружокъ; но позволь же мнѣ отвергнуть і твоихъ Адонисовъ во цвѣтѣ лѣтъ. Ихъ отцовъ и дядей я предпочитаю, хотя по-твоему они противны и несносны. Если у нихъ и есть странности, неровность въ характерѣ, что за бѣда; насъ приучаютъ съ дѣтства подчиняться, уважать и оказывать почтеніе людямъ пожилымъ, слѣдовательно, это у насъ обратилось въ привычку.

Если ты общаешь поселиться въ Москвѣ, я попробую ухаживать за губернаторомъ, но напередъ знаю, что это ни къ чему не поведетъ. Безжалостный князь вовсе не обращаетъ на мени вниманія. Разъ онъ замѣтилъ мнѣ, что я похудѣла, тѣмъ и кончился разговоръ; не знаю даже, идетъ ли мнѣ худоба по его мнѣнію. Я давно слышала о замужствѣ кузины твоей, Грибоѣдовой, вотъ одна обуза и свалится у тебя съ плечъ.

Вчера плясала у Апраксиной, въ пятницу она будетъ праздновать свои именины. Ея вечера очень хороши, она умѣетъ выбирать общество.

4-го декабря. — Прими мое искреннее поздравленіе съ именинами, милый другъ. Я нынче совсѣмъ сонная, вчера мы долго плясали, да сегодня опять собираемся на балъ. Давно не было у насъ такой веселой зимы. Противъ обыкновенія, балы и вечера начались съ октября. Матушки наши ужасно ворчатъ, стараются увѣрить насъ, что глупо и непростительно проводить время танцахъ, а мы доказываемъ имъ, что цѣлыя сутки сидѣть картами нисколько не разумнѣе. Однако насъ зачастую лишитъ одной или двухъ кадрили, а мы не можемъ за это отмазаться. Карточная игра легче устраивается, чѣмъ балъ. Въ четвергъ Голицыныхъ танцовали до 6 ч. утра, вотъ маменьки-то и ходились, моя увезла меня домой въ 3 часа. Нынче у Голицыныхъ надѣюсь встрѣтить Зотовыхъ. Ипполитъ былъ у нихъ и говорить, что графиня собирается на балъ; она догадалась, разсказываетъ онъ, что меня поразитъ ея наречіе. Она и прежде-то была не изъ красивыхъ. Представь, ни одна изъ нихъ мой чуть не умеръ на прошлой недѣлѣ; создавшаго здѣшнихъ эскулаповъ, они его спасли. Значитъ, мнѣ неужели дежда попасть въ графини.

Кажется, бѣдный старикъ очень утомился во вре

вали государя; нынче осенью онъ во второй разъ опасно заболѣлъ.

Кузень твой, Нарышкинъ, вертится на всѣхъ балахъ. Онъ столько же похожъ на женатаго человѣка, какъ я на колокольню Ивана Великаго. Онъ смотритъ такимъ молокососомъ. Жена его нигдѣ не показывается.

11-го декабря.—Проспала до половины 3-го послѣ вчерашняго бала, и прозѣвала почту. Вспомнивъ, что кн. Федоръ ѣдетъ въ Петербургъ нынче въ ночь, я принялась писать, хотя чувствую ужасную лѣнь; но боюсь, чтобъ ты не вообразила, что я иду за твое молчаніе, и слѣшу разуверитъ тебя. Я ненавижу ищенье вообще. Сестра перепутала всѣ послышки, потому и не получала ты моего подарка. Если будетъ продолжаться такая отчаянная пляска, намъ придется дѣлать духовныя завѣщанія. На этой недѣлѣ намъ предстоитъ нѣсколько баловъ, вѣдь это ужасно! У Аправсиныхъ въ воскресенье прощальный вечеръ, онѣ 22-го уѣзжаютъ. Мать и дочери въ отчаяніи, но дѣлать нечего. Бабушка рѣшила, что нужно ѣхать, и ея волѣ не смѣють противиться. Дѣвицы просили матушку мою уговорить ихъ мать остаться хоть до 5-го или 6-го января. Аправсина отвѣчала со слезами на глазахъ, что ей вовсе не хочется ѣхать, да надо повиноваться матушкѣ.

Мы очень тревожимся о Матвѣѣ Вильгертскомъ: онъ устранилъ свои дѣла въ пензенскомъ имѣніи и не воображаетъ, что мать его Иосифъ при смерти. Судя по послѣднимъ письмамъ, онъ, должно быть, умеръ. Матвѣѣ, намѣреваясь не долго пробыть въ деревнѣ, просилъ меня пересылать ему письма, которыя получены въ первыя двѣ недѣли по его отъѣздѣ, потому что они должны будутъ въ дорогѣ. Пока онъ ничего не знаетъ о своей матери. Даша проситъ меня осторожно передать ему извѣстіе о смерти брата. Онъ писалъ, что хочетъ пробыть въ деревнѣ до конца года; если выѣдетъ раньше, то получить письмо, въ которомъ говорю ему о братѣ; тяжело намъ будетъ огорчить его своимъ извѣстіемъ, когда онъ сюда вернется. Я ужасно люблю Матвѣю очень близокъ къ совершенству. Я питаю къ нему особенное почтеніе; этихъ чувствъ не внушали мнѣ другія лица. Матвѣю въ свѣтѣ больше толкуютъ, чѣмъ о немъ. Знаю, что онъ считаетъ его какъ матушку, съ той разницей, что филозофически привычѣй и въ качествѣ дочери, а Матвѣѣ въ видѣ сына потому, что я сознаю его превосходство. Матвѣю будетъ завидно его для м-ле Насти. Онъ будетъ завиди

жемъ. Еслибъ ты знала, какъ мнѣ не хочется ѣхать на вечеръ къ вдовѣ Авраама. Прощай.

25-го декабря.—Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, мнѣ дорогая. Позволь пожелать тебѣ и твоей семьѣ всего хорошаго. Очень рада, что тебѣ доставили мою посылку. Не знаю, въ чѣмъ обвиняетъ меня сестра, навѣрное ея горничныя, развертывая пакеты, сдернули адресъ.

Тормазовъ выздоровѣлъ, только очень похудѣлъ. 12-го у него бала не было, потому что въ этотъ день все дворянство даетъ праздникъ съ тѣхъ поръ, какъ государь сдѣлался членомъ собранія. Въ прошломъ году, не знаю почему, иначе было, только теперь у Тормазова вечеръ будетъ 19-го. Я заранѣе радуюсь празднику; ни у одного генераль-губернатора такъ не удавались вечера, какъ у Тормазова.

Не понимаю, что сдѣлалось съ Олсуфьевой: теперь сестра и Малышева гораздо красивѣе ея, а прежде Олсуфьева была лучше сестры. Знаю, что наши Лунины отправились въ Петербургъ съ цѣлю всѣхъ поразить своимъ превосходствомъ. Намъ онѣ оставили своего дядюшку, отца Корины, несноснаго старика, который до смерти надоѣлъ намъ, каждый день является. Онъ сообщилъ намъ, что вдовствующая императрица очень благосклонно приняла его племянницъ и племянника; первымъ дала денегъ, говорить онъ, а послѣдному обѣщала мѣсто. Пожалуй, все это выдумки. Не очень-то вѣрю я этимъ разсказамъ; хорошо было бы, еслибъ дядюшка присоединился къ племянникамъ и оставилъ бы насъ въ покоѣ. Прежде я, живя въ одномъ городѣ, не встрѣчалъ этой семьи, у нихъ совсѣмъ иной кругъ знакомства.

У насъ продолжаютъ отчаянно плясать, шесть баловъ было на прошлой недѣлѣ; я была только на четырехъ, потому жива и здорова, а тѣ, которыя посѣтили всѣ балы, захворали. У Вяземскаго мы просто задыхались отъ жары. На первыхъ дняхъ праздниковъ мы немного отдохнули, теперь снова начнутся танцы. Получила я письмо отъ Даши: она очень огорчена смертью брата.

М. СВИСТУНОВА.

дуръ

Она

нихъ

здѣшнихъ

дежда по.

Къ

ПРОСТУПОКЪ АББАТА МУРЭ

РОМАНЪ.

Соч. Эмиля Золя.

КНИГА ТРЕТЬЯ

и послѣдняя *).

I.

Прочитавъ «*Pater*», аббатъ Мурэ склонился на минуту у
стола и затѣмъ перешелъ на другую сторону, гдѣ лежали
ослабленныя. Сойдя потомъ со ступеньки, онъ осѣнилъ крестнымъ
знаменіемъ колоссальнаго Фортюна и Розалію; они стояли ря-
домъ на колѣняхъ у амвона.

— *Ego conjungo vos in matrimonium, in nomine Patris, et
Filii, et Spiritus sancti.*

— *Amen*,—отвѣчалъ Венсанъ, помогавшій служить мессу,
любопытствомъ косясь на своего старшаго брата.

Фортюна и Розалія наклонили головы, слегка взволнованные,
и толкнули другъ друга локтемъ, становясь на колѣни,
цѣлью разсмѣшить другъ друга. Тѣмъ временемъ Венсанъ
забралъ за блюдо и кропиломъ. Фортюна положилъ на блюдо
золотое, серебрянное, совсѣмъ гладкое кольцо. Патерь благосло-
вилъ кольцо, окропивъ водою въ формѣ креста, и отдалъ его

* См. книж.: янв. 253; февр. 694 стр.

Фортюна, а тотъ надѣлъ его на палець Розалии; никакое мило не могло отмыть зеленыхъ пятенъ, оставленныхъ травами на ея рукахъ.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti,*—снова возгласилъ аббатъ Муръ, давая имъ послѣднее благословеніе.

— *Amen,*—отвѣчалъ Венсанъ.

Дѣло происходило рано поутру. Солнце еще не проникло черезъ большія окна церкви. На дворѣ, въ вѣткахъ рябины, листья которой точно выпибала стекла, слышалось шумное пробужденіе воробьевъ. Тѣза, еще не успѣвшая убрать церковь, сметала пылъ съ престоловъ, приподнималась на своей здоровой ногѣ, чтобы вытереть Распятіе, выстраивала скамьи, стараясь какъ можно меньше шумѣть, клала поклоны, крестилась, ударяла себя въ грудь, слушая мессу, но не оставалась при этомъ ни минуты безъ дѣла. При бракосочетаніи присутствовала одна лишь тетка Бромъ, стоявшая у каедры, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ супруговъ; она молилась съ напускной набожностью, не вставала съ колѣнъ, шептала молитвы такъ громко, что церковь казалась полна жуаніемъ мухъ. А на другомъ концѣ, возлѣ исповѣдальни, Катрина держала на рукахъ спеленованнаго младенца; ребенокъ плакалъ, и ей пришлось повернуться спиной къ алтарю и покачать ребенка, забавляя веревкой отъ колокола, висѣвшей у нея подъ самымъ носомъ.

— *Dominus vobiscum,*—произнесъ патеръ, оборачиваясь и протирая руки.

— *Et cum Spiritu tuo,*—отвѣчалъ Венсанъ.

Въ эту минуту вошли три взрослыя дѣвушки. Онѣ подивлялись другъ друга, стараясь разглядѣть, что происходило въ церкви; однако не смѣли слишкомъ зализать впередъ. То были три пріятельницы Розалии; идя работать въ поле, онѣ забѣжали на нѣсколько минутъ въ церковь, любопытствуя услышать, патеръ скажетъ новобрачнымъ. У пояса у нихъ висѣли большія ножницы. Въ концѣ-концовъ онѣ уерылись за купелью, толкаясь и заграждая смѣхъ ладонью.

— Нечего сказать, проговорила вполголоса рыжая, зрѣлая, высокая дѣвушка, съ волосами и кожей мѣднаго цвѣта:—при выданьи давки не будетъ!

— Что-жь, дядя Бамбуссъ правъ,—прошептала Лиза, маленькая чернушка, съ огненными глазами:—когда у человѣка есть виноградники, онъ долженъ за ними ходить... Такъ какъ г. Венсанъ непременно захотѣлъ повѣнчать Розалию, то можетъ вѣнчать безъ родныхъ.

Третья дѣвушка, Бобѣ, широкоплечая, захихикала.

— Ну, за всѣхъ отличается тетка Брошнѣ,—проговорила она.

— Она богомолка за всю семью... Гмъ! слышите, какъ она храпитъ! Она выгадала себѣ цѣлый рабочий день. Будьте покойны, ужъ она знаетъ, что дѣлаетъ!

— Это она играетъ на органѣ,—подтвердила рыжая.

И всѣ три расхохотались. Тѣза издали пригрозила имъ вѣнкомъ. Передъ престоломъ аббата Мурэ причащался. Когда онъ перешелъ на ту сторону, гдѣ лежали Посланія, и Венсанъ налилъ ему на большой и указательный палецъ вино и воду очищенія, Лиза прошептала:

— Сейчасъ кончится. Онъ теперь станетъ поучать ихъ.

— А этакимъ манеромъ,—замѣтила рыжая,—Фортюнэ поспѣеть отправиться въ поле, да и Розалія не потеряетъ рабочего дня. Удобно однако вѣнчаться поутру.... Какое у него глупое лицо, у верзилы Фортюнэ.

— Еще бы!—пробормотала Бобѣ:—ему, небось, надоѣло стоять такъ долго на колѣняхъ. Ужъ навѣрное этого съ нимъ не было съ самаго перваго причащенія.

Но тутъ ихъ развлекъ ребенокъ, котораго нянчила Катерина. Онъ тянулся за веревкой колокола и весь посинѣлъ отъ злости, крича такъ, что страшно было за него, чтобъ онъ не задушился.

— Эге! да и малютка тутъ,—замѣтила рыжая.

Ребенокъ кричалъ еще громче и вертѣлся какъ угорѣлый.

— Положи его на животикъ, сунь ему соску,—подсказывала Бобѣ Катеринѣ.

Та подняла голову съ нахальствомъ десятилѣтняго пострѣ-
лка, и засмѣялась.

— Мнѣ вовсе не весело нянчиться съ нимъ,—отвѣчала она, держа ребенка. — Замолчишь-ли ты, поросенокъ!... Сестра сдала мнѣ на руки.

— Еще бы,—ядовито возразила Бобѣ:—не могла же она под-
нять его г-ну кюре!

Тутъ рыжая чуть-было не упала навзничъ отъ хохота. Она склонилась къ стѣнѣ, подперевъ кулаками бока и смѣясь изо мочи. Лиза набросилась на нее и щипала ее до синяковъ. Бобѣ же смѣялась, какъ всѣ горбуны, сквозь зубы, и смѣхъ ея былъ похожъ на визжаніе пилы.

— Не будь ребенка,—продолжала она,—г. кюре остался бы бобахъ... Дядя Бамбуссъ рѣшилъ выдать Розалію за сына Лор-
на, изъ прихода Фигьеръ.

— Да, — замѣтила рыжая, сквозь смѣхъ, — знаете ли, что дѣлалъ дядя Бамбуссъ? Онъ бросалъ комья земли въ спину Розалии.

— А ребенокъ-то вышелъ все-таки здоровенный, — пробормотала Лиза. — Комья пошли ему въ прокъ.

И тутъ онѣ снова расхохотались, какъ дуры. Но вдругъ явилась Тѣза, неистово хромая. Она тащила метлу. Дѣвушки испугались, отступили назадъ и присмирѣли.

— Негодницы! — заикалась Тѣза. — Вы сюда таскаетесь, чтобы болтать всякій вздоръ!... И тебѣ не стыдно, рыжая, твое мѣсто вонъ тамъ, на колѣняхъ передъ алтаремъ, возлѣ Розалии... Если вы только шелохнетесь, я вышвырну васъ вонъ изъ церкви.

Мѣдныя щеки рыжей слегка покраснѣли, а Бобѣ, хихикая, уставилась на ея талію.

— А ты — продолжала Тѣза, обращаясь къ Катеринѣ, — оставь въ покоѣ ребенка! Ты его щиплешь, чтобы заставить кричать... Не спорь... Давай мнѣ его сюда.

Она взяла ребенка, съ минуту покачала его и положила на стулъ, гдѣ онъ мирно заснулъ. Въ церкви воцарилась печалью тишина, нарушаемая лишь криками воробьевъ на рябинѣ. У престола Венсанъ снесъ требникъ направо, аббатъ Мурѣ сѣлкъ антминисъ и положилъ его въ футляръ. Онъ молился съ такимъ сосредоточеннымъ благоговѣніемъ, что его не могли смутить ни плачь ребенка, ни смѣхъ дѣвушекъ. Онъ, казалось, ничего не слышалъ и весь углубился въ молитву, которую вознесилъ небу за чегу, союзъ которой только-что благословилъ. Въ это утро небо было сѣрое, одѣтое горячимъ туманомъ, заставлявшимъ солнце. Въ разбитыя стекла проходилъ бурый свѣтъ, предвѣщавшій грозу. Въ глубинѣ церкви сохшіеся филени встрады трещали, а травы, росшія на крыльцѣ и достигшія гигантскихъ размѣровъ, пропускали изъ-подъ входной двери дикныя, перерѣвшіе стебли, населенные маленькими темными кузнечиками. Часы въ деревянномъ футлярѣ кашлянули, точно зѣтѣмъ, чтобы прочистить себѣ голосъ, и медленно пробили половину седьмого.

— *He, missa est,* — произнесъ патеръ, поворачиваясь къ церкви.

— *Deo gratias,* — отвѣчалъ Венсанъ.

Послѣ того, приложившись къ алтарю, аббатъ Мурѣ снова обернулся, произнося подъ наклоненными головами новобрачныхъ послѣднюю молитву:

— *Deus Abraham, Deus Isaac, et Deus Jacob, vobiscum sit*

Голосъ его терялся въ монотонной кротости.

— Сейчасъ онъ начнетъ ихъ поучать,—шепнула Бобэ своимъ двумъ пріятельницамъ.

— Какой онъ блѣдный,—замѣтила Лиза.—Онъ не то, что г. Каффенъ: у того его толстая фигура всегда какъ будто смѣялась... Моя маленькая сестра Роза говорила мнѣ, что ничего не смѣетъ пересказывать ему на духу!

— Нужды нѣтъ,—прошептала рыжая,—онъ не дурень собой. Богѣзнь его немного состарила, но это къ нему идетъ. Глаза у него стали больше, и возлѣ рта обозначились двѣ черты; онъ теперь больше похожъ на мужчину... До горячки, онъ былъ совсѣмъ дѣвушка...

— Мнѣ кажется, что у него есть какое-то горе,—проговорила Бобэ.—Его словно грызетъ что-то. Лицо у него совсѣмъ безжизненное, а глаза горятъ, да!—вы не замѣтили, какъ онъ медленно опускаетъ рѣсницы, точно затѣмъ, чтобы спрятать глаза.

Тѣза замахала щѣткой.

— Шшш!—зашипѣла она изо всей мочи, такъ что показались, будто порывъ вѣтра ворвался въ церковь.

Аббатъ Мурэ собрался съ мыслями. Онъ началъ чуть не шопотомъ:

— Любезный братъ и любезная сестра, вы соединены во Христѣ. Бракъ есть эмблема священнаго союза Христа съ церковью. Это союзъ, котораго ничто не можетъ расторгнуть, и Господь желаетъ, чтобы оно было вѣчнымъ для того, чтобы человѣкъ не разлучалъ того, что Господь соединилъ. Вы теперь одна плоть. Сдѣлавъ васъ костью отъ костей вашихъ, Господь учитъ васъ, что вашъ долгъ идти рука объ руку по тѣмъ путямъ, какѣ онъ уготовалъ во благодати своей. И вы должны любить другъ друга изъ любви къ Богу. Малѣйшая ссора между вами была бы прегрѣшеніемъ противъ Творца, создавшаго васъ изъ одной плоти. Будьте же навѣки соединены на подобіе церкви, съ которою Христосъ обручился, искупивъ всѣхъ насъ своимъ тѣломъ и кровью...

Верзила Фортюнэ и Розалія, съ любопытствомъ поднимая носъ, слушали.

— Что онъ говорить?—спросила Лиза, плохо слышавшая.

— Да то же, что и всегда говорить въ этихъ случаяхъ, отвѣчала рыжая.—Онъ за словомъ въ карманъ не лазитъ, какъ и всѣ кюрэ.

Между тѣмъ, аббатъ Мурэ продолжалъ говорить, устремивъ неопредѣленный взглядъ поверхъ головъ сунруговъ. Мало по-

малу голосъ его смягчался, онъ началъ съ чувствомъ прозносить слова, которыя нѣкогда выучилъ наизусть въ руководствѣ, предназначенномъ для молодыхъ пасторовъ. Онъ чуть-чуть повернулся къ Розалии и поучалъ ее, присоединяя собственныя слова, когда память ему измѣняла:

— Любезная сестра, повинуйся своему мужу, какъ церковь повинуется Христу. Помните, что вы должны все оставить и послѣдовать за нимъ вѣрной слугою. Вы оставите отца своего и матеря и прилѣпитесь къ мужу своему, вы будете его слушаться въ послушанія въ Богу. И иго ваше будетъ итогомъ любви и мира. Будьте его миромъ, его счастиемъ, благоуханіемъ его добрыхъ дѣлъ, его опорой въ минуты унынія. Пусть онъ находитъ васъ постоянно около себя, точно благодать. Пусть ему стбитъ только протянуть руку, чтобы взять вашу. И такимъ образомъ вы пойдете рука объ руку и не съберетесь съ пути, и найдете счастье въ исполненіи божескихъ законовъ. О! моя милая сестра, моя милая дочь, смиреніе ваше принесетъ сладкіе плоды. Оно насадитъ семейныя добродѣтели, радости очага, благополучіе набожныхъ семей. Имѣйте относительно вашего мужа нѣжность Рахили, мудрость Ревекки, долгую вѣрность Сарры. Скажите себѣ, что непорочная жизнь надѣляетъ всѣми благами. Просите у Бога каждое утро силы жить какъ подобаетъ женщиנѣ, уважающей свои обязанности; вѣдь наказаніе будетъ жестокое: вы утратите любовь. О! какъ тяжело жить безъ любви, оторвать плоть отъ плоти своей, не принадлежать болѣе тому, кто составляетъ часть васъ самихъ, изнывать вдали отъ того, что любилъ! Вы протянете руки, а онъ отвернется отъ васъ. Вы станете искать радости, и найдете только стыдъ въ глубинѣ своего сердца. Слышите ли, дочь моя, въ васъ, въ вашей поворотности, въ вашей чистотѣ и любви Господь положилъ силу брака...

Въ эту минуту послышался дѣтскій смѣхъ на другомъ концѣ церкви. Ребенокъ только-что проснулся на стулѣ, куда его положила Тѣза. Но онъ больше не злился; онъ смѣялся самъ съ собой, онъ выбился изъ пеленокъ и просунулъ наружу двѣ маленькія розовыхъ ножки, которыми болтали въ воздухѣ. И маленькія ножки смѣшили его.

Розалия, которой надоѣли поученія пастера, живо повернула голову и улыбнулась ребенку. Но когда увидѣла, что онъ завозился на стулѣ, то испугалась и бросила угрожающій взглядъ на Катерину.

— Гляди сколько хочешь,—проворчала та.—Я его больше не возьму на руки... чтобы онъ опять разорался? И залѣзла подъ

эстраду наблюдать за кучей муравьевъ, копошившихся въ трещинѣ плиты.

— М-г Каффенъ такъ не распространялся,—сказала рыжая:— когда онъ обвинчалъ Миетту, то только похлопалъ по щекамъ, наказывая ей хорошо вести себя.

— Любезный братъ,— продолжалъ аббатъ Мурэ, повернувшись къ верзилѣ Фортюнэ—самъ Богъ надбляетъ васъ сегодня вродутой; потому что Онъ не захотѣлъ, чтобы человекъ жилъ одинокимъ. Но если Онъ повелѣваетъ ей быть вашей слугой, то отъ васъ требуетъ, чтобы вы были господиномъ вроткимъ и любящимъ. Вы будете любить ее, потому что она плоть отъ плоти вашей и кость отъ костей вашихъ. Вы будете оберегать ее, потому что Господь далъ вамъ сильныя руки лишь затѣмъ, чтобы вы охраняли ее ими въ часы опасности. Помните, что она поручена вамъ, что на ея сторонѣ подчиненіе и слабость, злоупотреблять которыми вы не можете безъ грѣха, и что со временемъ вамъ придется отвѣтить за любовь, которую она вамъ приноситъ. О, мой любезный братъ, какую счастливую гордость должны вы ощущать! Отнынѣ вы не будете больше пребывать въ эгоизмѣ одичества. Всякій часъ будетъ приносить вамъ свою сладкую обязанность. Лучше любви ничего нѣтъ, кромѣ какъ оберегать тѣхъ, кого любите. Сердце ваше расширится, силы ваши удесятерятся. О! какъ сладко быть опорой, охранять любовь, видѣть ребенка, отдающагося вамъ, говоря: «бери меня, дѣлай со мной, что хочешь, я вѣрю въ твою честность!» И вы погубите свою душу, если когда-нибудь оставите ее! Это было бы самой низкой измѣной, и Господь не оставитъ ее безъ наказанія. Какъ только она отдалась вамъ, она ваша навѣки. Носите ее лучше на рукахъ, опускайте на землю лишь тогда, когда она на ней въ безопасности. Оставьте все для ней; она одна должна существовать для васъ, любезный братъ...

Голосъ аббата Мурэ, сильно дрожавшій, перешелъ тутъ въ какой-то неясный шопотъ. Онъ совсѣмъ опустилъ глаза, лицо его поблѣднѣло какъ полотно, а въ голосѣ слышалось такое грустное волненіе, что Фортюнэ вдругъ расплакался, самъ не понимая отчего.

— Онъ еще не вполне оправился,— замѣтила Лиза. — Наврасно онъ утомляетъ себя... Смотрите-ка! Фортюнэ плачетъ!

— Мужчины чувствительнѣе, чѣмъ женщины,— пробормотала Бобо.— Розалія то-и-знай вертится.

— Онъ красноречиво говорилъ, нечего сказать,— рѣшила рыжая.—

Эти кюрэ всегда придумаютъ такія вещи, о которыхъ никто и не думалъ.

— Ш-ш-ш!—закричала Тѣза, готовившаяся тушить свѣчи.

Но аббатъ Мурэ все еще шепталъ, стараясь прискать заключительныя слова:

— Вотъ почему, любезный братъ и любезная сестра, вы должны жить въ католической вѣрѣ, которая одна можетъ обезпечить спокойствіе вашего очага. Семья ваши, конечно, учили васъ любить Бога, молиться Ему утромъ и вечеромъ, и рассчитывать только на дары Его милосердія...

Онъ не кончилъ. И, повернувшись, взявъ чашу съ престола и ушелъ въ ризницу, съ опущенной головой, предшествуемый Венсаномъ...

— Вотъ бездушная тварь!—проговорила Розалія, обращаясь къ сестрѣ и бросивъ своего мужа, чтобы взять ребенка на руки.

Ребенокъ смѣялся. Она поцѣловала его, поправила пеленки и пригрозила кулакомъ Катеринѣ:

— Упади онъ только, я бы тебя отхлопала по щекамъ.

Верзила Фортюнэ подошелъ, рассказываясь. Три дѣвушки вступили впередъ, закусывая губы.

— Вишь, какъ важничаетъ,—прошептала Бобэ на ухо двумъ остальнымъ.

Онѣ засмѣялись. Верзила Фортюнэ, остановившійся передъ ними, засмѣялся еще громче. Онъ уцѣпнулъ рыжую и выслушалъ «дурака» отъ Лизы. Онъ былъ солидный малый, подсмѣивавшійся надъ добрыми людьми. Кюрэ надоѣлъ ему.

— Эй! матушка! — позвалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ.

Но старуха Брошэ побиралась у дверей ризницы. Она стояла тамъ смиренная, худая, согнувшись въ три погибели передъ Тѣзой, которая совала яйца въ карманы ея передника. Фортюнэ ни мало не устыдился. Онъ подмигнулъ глазомъ, говоря:

— Матушка-то у меня себѣ на умѣ!.. Ну, что-жь! Вѣдь г-ну кюрэ желательно, чтобы прихожане ходили въ церковь.

Тѣмъ временемъ Розалія успокоилась. Передъ уходомъ она спросила у Фортюнэ: попросилъ ли онъ г. кюрэ придти вечеромъ благословить ихъ комнату, согласно мѣстному обычаю. Тогда Фортюнэ побѣжалъ въ ризницу, зашагавъ по церкви, точно по полю. И вернулся, крича, что г. кюрэ придетъ. Тѣза, скандализованная шумомъ, который поднимали эти люди, считавшіе себя какъ-бы на дворѣ, слегка прихлопывала въ ладоши, выталкивая ихъ за дверь.

— Кончено,—говорила она,—убирайтесь, ступайте работать.

И выпроводила ихъ всѣхъ, какъ вдругъ увидѣла Катерину, къ которой присоединился Венсанъ. Оба внимательно наклонялись надъ муравьиной кучей. Катерина длинной соломинкой расквашивала кучу, а муравьи въ смятеніи бѣгали по плитамъ. Венсанъ говорилъ, что нужно раскопать до середины, чтобы найти царицу.

— Ахъ! разбойники!—закричала Тѣза.—Что вы это дѣлаете? Оставьте въ покоѣ этихъ животныхъ? Это муравьиная куча м-ше Дезирѣ. Вотъ она вамъ задасть, коли васъ увидитъ.

II.

Аббатъ Муръ, въ сутанѣ, съ непокрытой головой, вернулся въ церковь и опустился на колѣни передъ престоломъ. При сѣрватомъ свѣтѣ, падавшемъ изъ оконъ, тонзура выдѣлялась на его волосахъ широкимъ пятномъ, а легкая дрожь, пробѣгавшая по его плечамъ; показывала, что ему холодно. Онъ горячо молился, сложивъ руки, и такъ углубился въ свои мольбы, что не слышалъ тяжелыхъ шаговъ Тѣзы, вертѣвшейся вокругъ него, но не смѣвшей его окликнуть. Ей, повидимому, тяжело было видѣть его такимъ убитымъ. Одну минуту ей показалось, что рыданіе потрясло его плечи; она подумала, что онъ плачетъ. Тогда она обоняла за престолъ, чтобы наблюдать за нимъ. Со времени его возвращенія, она не рѣшалась больше оставлять его одного въ церкви, потому что однажды вечеромъ нашла его безъ памяти на полу, съ стиснутыми зубами, ледянными щеками, какъ у мертвеца.

— Пожалуйте сюда, барышня, — сказала она Дезирѣ, просунувшей голову въ дверь ризницы.—Онъ опять хочетъ, видно, разстроить свое здоровье... Вы знаете, что онъ слушается только васъ.

Дезирѣ улыбалась.

— Пора завтракать, — проговорила она.—Я очень голодна.

И подошла къ патеру на цыпочкахъ, охватила его шею руками и поцѣловала его.

— Здравствуй, братъ, — сказала она.—Ты, должно быть, хочешь уморить меня съ голода сегодня?

Онъ подыжалъ къ ней такое измученное лицо, что она снова поцѣловала его въ обѣ щеки; онъ изнывалъ въ тоскѣ. Но узнавъ ее и попытался тихонько отстранить. Она опять завладѣла его рукой и не выпускала ее, и едва дозволила ему перекреститься.

— Я голодна, пойдѣмъ. Ты тоже голоденъ.

Теза накрыла завтракъ въ глубинѣ маленькаго сада, подь двумя большими тутовыми деревьями, и ихъ раскидистыя вѣтви образовали зеленый шатеръ. Солнце, осиливъ наконѣцъ утренній туманъ, грѣло грядки съ овощами, а тутовое дерево бросало тѣнь на хромой столъ, на которомъ стояли двѣ чашки молока и лежали большіе ломти хлѣба.

— Видишь, какъ мило, — сказала Дезирэ, радуясь, что будутъ завтракать подь открытымъ небомъ.

И принялась ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Но видя, что Теза стоитъ передь ними:

— А ты что-жъ не завтракаешь? — спросила она.

— Сейчасъ, — отвѣчала старая служанка. — Мой супъ разогрѣвается.

И, помолчавъ немного, восхищенная аппетитомъ большого ребенка, обратилась къ патеру:

— Ну, развѣ не весело глядѣть на нее... Неужели она не придастъ вамъ аппетита, г. кюрэ? — Принудьте себя покушать.

Аббатъ Мурэ улыбался, глядя на сестру.

— О, она очень здорова, — прошептала онъ. — Она съ каждымъ днемъ полнѣетъ.

— А все потому, что ѣмъ! — закричала она. — И ты растолстѣлъ бы, кабы ѣлъ... Ты, значить, опять нездоровъ? Ты какой-то печальный... Я не хочу, чтобы ты опять заболѣвалъ, — слышишь? Я такъ скучала, когда тебя увезли изъ дому поправляться.

— Она права, — вмѣшалась Теза. — У васъ нѣтъ здраваго смысла, г. кюрэ. Развѣ можно жить двумя-тремя крошками въ день, точно птица. У васъ крови совсѣмъ не прибываетъ, оттого вы такой блѣдный... Неужто вамъ не стыдно, что вы худы какъ щепка, когда мы, простыя женщины, такъ жирны? Люди будутъ думать, что мы однѣ сѣдаемъ всѣ кушанья, а вамъ ничего не даемъ.

И обѣ, цвѣтуція здоровьемъ, принялись дружески журить его. У него были очень большіе, очень ясные глаза, которые какъ будто ни на что не глядѣли. Онъ все улыбался.

— Я не боленъ, — отвѣчалъ онъ. — Я выпилъ почти все свое молоко.

Онъ отпилъ два глотка, не притрогиваясь къ хлѣбу.

— Животныя, — проговорила Дезирэ задумчиво, — бываютъ здоровѣе людей.

— Однако, это очень лестно для насъ съ вами, что вы придумали! — вскричала Теза, смѣясь.

Но милая двадцатилѣтняя простушка и въ мысляхъ не имѣла уголотъ кого-нибудь.

— Конечно,—продолжала она.—У куръ никогда не болитъ голова, не такъ ли? А кроликовъ можно откармливать сколько душѣ угодно! Ну, а ужъ про моего поросенка ты не скажешь, чтобы онъ когда-нибудь случалъ.

И, обращаясь къ брату съ довольнымъ видомъ, она заключила:

— Я назвала его Матѣ, потому что онъ похожъ на того мальчика, что приносить намъ письма; онъ сталъ такой толстый... Съ твоей стороны не любезно постоянно отезываться поглядѣть на него. Надняхъ ты позволишь мнѣ показать его тебѣ, скажи?

Но, ласкаясь къ нему, она забрала его хлѣбъ и принялась его ѣсть съ аппетитомъ. Она кончила одинъ ломоть и уже принялась за второй, какъ вдругъ Тѣза замѣтила это.

— Этотъ хлѣбъ не для васъ!—завричала она.—Вы у него отнимаете куски изо рта!

— Оставьте,—кратко произнесъ аббатъ Мурэ,—я все равно не стану ѣсть его... Кушай, кушай на здоровье, моя душа.

Дезирэ сконфузилась и чуть не заплакала. Но минуту спустя расмѣялась и докончила ломоть. Она продолжала:

— Моя корова тоже такъ не груститъ, какъ ты... Тебя не было здѣсь, когда дядя Паскаль подарилъ ее мнѣ и взялъ съ меня слово, что я буду умница. Ахъ, если бы ты видѣлъ какъ она была довольна, когда я въ первый разъ ее поцѣловала.

Она насторожила уши. Со скотнаго двора доносилось пѣніе кукушки, слышался шумъ, хлопанье крыльевъ, хрюканье, рѣзкіе звуки, точно животными овладѣлъ паническій страхъ.

— Ахъ! ты не знаешь,—возразила она, вдругъ захлопавъ въ ладоши,—она, должно быть, тельная...

Тѣза пожимала плечами, глядя на патера, съ недовольнымъ видомъ.

— Шли бы лучше, барышня, угомонить своихъ куръ... Онѣ васъ тамъ дерутся.

Но Дезирэ хотѣла докончить свой рассказъ.

— Скажи? какъ ты думаешь, у ней будетъ теленокъ?

Аббатъ Мурэ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

Онъ опустилъ глаза передъ ясными взорами молодой дѣвушки.

— Да бѣгите же!—завричала Тѣза.—Онѣ побѣдятъ другъ друга.

На скотномъ дворѣ ссора разыгралась не на шутку, и она началась бѣжать туда, когда патерь вернулъ ее, говоря:

— А молоко-то, моя душа?—ты не допила молока.

И подаль ей молоко, къ которому онъ едва притронулся.

Она вернулась, выпила молоко безъ зазрѣнія совѣсти, не взирая на сердитые взгляды Тѣзы. Потомъ умчалась на свѣтлый дождь, гдѣ слышно было, какъ возобновляла спокойствіе. Она должно быть, усѣлась среди своихъ животныхъ и тихонько напѣвала, словно убаюкивала ихъ.

III.

— А теперъ мой супъ слишкомъ горячъ,—ворчала Тѣза, возвращаясь изъ кухни съ деревянной миской, гдѣ торчала стоймя деревянная ложка.

И, ставъ передъ аббатомъ Мурѣ, принялась осторожно ѣзъ кончикомъ ложки. Она надѣялась развеселить его, вывести изъ тягостнаго молчанія, въ какое онъ былъ погруженъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Парадѣ, онъ постоянно увѣрялъ, что здоровъ, никогда не жаловался, сталъ еще кротче. Часа даже онъ улыбался такъ нѣжно, что, по мнѣнію жителей Арто, болѣзнь увеличила его святость. Но по временамъ на него нахаживалъ мучительный столбнякъ: онъ какъ будто терзался невыразимой тоской, и изво всѣхъ силъ старался скрывать ее и не выдать ни однимъ вздохомъ. То была нѣмая агонія, во время которой онъ, должно быть, переживалъ мучительнѣйшую борьбу и тягость ея можно было угадать лишь по каплямъ пота, струившагося по его измученному лицу. Тѣза въ эти минуты не покидала его ни на одинъ моментъ, оглушала потовомъ словъ, пока наконецъ, мало-по-малу, къ нему не возвращалось обычное красное выраженіе. Въ это утро служанка предчувствовала, что готовится припадокъ болѣе тяжкій, чѣмъ всѣ остальные. И принялась болтать безъ умолку, остерегаясь ложки, которая жгла ей губы.

— Право, нужно жить въ медвѣжьемъ углу, чтобы увидѣть такія вещи. Ну, развѣ въ честныхъ деревняхъ женятся ни свѣтъ ни заря? Ужъ одно это доказываетъ, какая дрянь всѣ эти Арто. Въ Нормандіи я видѣла свадьбы, на которыхъ веселился, безъ вало, весь околотокъ. Пировали дня три сряду. И кюрѣ тутъ и пировалъ, и мѣръ, и даже пожарные были на свадьбѣ одной моей кузины. И ужъ какъ веселились-то... Но видано ли, что кюрѣ поднимали вѣнчать людей въ такой часъ, когда еще куры-то не просыпались! На вашемъ мѣстѣ, г. кюрѣ, я бы оти

заясь. Вы не выспались, вы, чего добраго, простудились въ деревнѣ. И это васъ разстроило. Прибавьте, что пріятнѣе было бы убѣгать животныхъ, чѣмъ эту Розалію съ ея негодникомъ... Неправдо вы не скажете мнѣ, гдѣ у васъ болитъ. Я бы заварила вамъ чего-нибудь тѣпленьяго... Г. кюрэ, отвѣчайте же!

Онъ слабо проговорилъ, что чувствуетъ себя хорошо, и что ему нужно только немного воздуха. И прислонился къ одному въ тутовыхъ деревьяхъ; дыханіе у него спиралось, онъ почти теряетъ сознание.

— Хорошо, хорошо!—упрямитесь сколько душѣ вашей угодно, — снова начала Теза.—Вѣнчайте людей, когда силы еще не вполне вернулись къ вамъ и ваше здоровье отъ того страдаетъ. Я была въ этомъ увѣрена, я это говорила вчера... И вотъ также, еслибы вы слушались меня, то не оставались бы здѣсь, такъ какъ запахъ свѣтнаго двора васъ беспокоитъ. Да, и нечего сказать, отсюда несетъ страшной вонью въ эту минуту. Ужъ не знаю, въ чемъ тамъ еще роется m-lle Дезирэ. Она-то распѣваетъ себя; и это ни по чемъ, только толстѣетъ... Ахъ! я хотѣла вамъ сказать... Послушайте, г. кюрэ, будьте благоразумны. Позвольте мнѣ отвести васъ въ вашу комнату. Вы приляжете, отдохнете немножко... Нетъ, не хотите! Ну, тѣмъ хуже для васъ, если вы страдаете. Нельзя скрывать боль внутри себя до того, что она душитъ животъ.

И съ сердцовъ проглотила полную ложку супа, рискуя обжечь горло. Она хлопала ложкой по мискѣ, ворчала и разговаривала сама съ собой.

— Ну, видали ли кто такого человѣка? Онъ скорѣе лопнетъ, чѣмъ промолвить слово... Ну, да пусть себя молчитъ. Я кое-что знаю, а объ остальномъ догадаться не трудно. Да, да, пусть поспитъ. Оно и лучше.

Теза ревновала. Доктору Паскалю пришлось съ боя увезти въ нея больного, когда онъ счелъ молодого патера погибшимъ. Ему пришлось объяснять ей, что колокольный звонъ усиливаетъ лихорадку, что картины святости, которыми была полна его комната, производили въ немъ галлюцинаціи; что, словомъ, ему необходимо было полное забвеніе, новая среда, гдѣ бы онъ возродился къ новой жизни. Она качала головой, тоскуя, что ни «дорогое дитя» не найдетъ лучшей сидѣлки, чѣмъ она. Какъ кончила тѣмъ, что согласилась, даже примирилась съ тѣмъ, что его увезутъ въ Парадѹ, хотя и протестовала противъ рѣшенія доктора, окончательно сбывавшаго ее съ толку. Въ ней жила непримиримая вражда къ Парадѹ. Ей въ осо-

бенности досаждало молчаніе аббата Мурэ о времени, которое онъ тамъ прожилъ. Часто она тщетно ломала голову, какъ бы заставить его говорить. Въ это утро, разозлившись, что видитъ его блѣднымъ и молча страдающимъ, она замахала ложкой, какъ палкой, крича:

— Надо вернуться туда, г. бюре, если вамъ было тамъ такъ хорошо... Тамъ есть одна особа, которая, конечно, умѣетъ лучше ухаживать за вами, чѣмъ я.

Она въ первый еще разъ рѣшалась на прямой намѣкъ. Ударъ былъ такъ жестокъ, что у патера вырвался легкій крикъ въ ту минуту, какъ онъ поднялъ свое страдальческое лицо. Добрая душа Тѣзы разжалобилась.

— Во всемъ этомъ виноватъ вангъ дядюшка Паскаль. И вѣдь мало ли я его урезонивала. Но эти ученые ужъ если заберутъ себѣ что въ голову, такъ ихъ не переубѣдишь. Иные нарочью уморять васъ, чтобы поглядѣть, что дѣлается въ вашей утробѣ.. Я такъ на это сердилась, что не хотѣла никому объ этомъ говорить. Да-съ, сударь, по моей милости никто не зналъ, гдѣ вы находитесь, до того мнѣ это казалось ужаснымъ. Когда аббатъ Гюйо изъ Сентъ-Этропа, служившій здѣсь обѣдню по воскресеньямъ, во время вашего отсутствія, спрашивалъ меня, я ему вралъ всякій вздоръ, божилась, что вы въ Швейцаріи... А сама я не знаю, гдѣ она, эта Швейцарія... Конечно, я не хочу огорчать васъ, но нѣтъ сомнѣнія, что вы оттуда привезли свою болѣзнь. Диковинно выздоровѣли вы, честное слово. Лучше было бы оставить васъ со мной; ужъ я-то бы не вскружила вамъ голову.

Аббатъ Мурэ снова поникъ головой и не перебивалъ ея. Она сѣла на землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стараясь поймать его взглядъ. Она снова начала материнскимъ тономъ радоваться снисходительности, съ какою онъ ее слушалъ.

— Вы никогда не хотѣли выслушать исторіи аббата Каффена. Какъ только я раскрываю ротъ, вы заставляете меня молчать... Ну-съ, такъ вотъ, у аббата Каффена въ нашемъ краѣ вышли неприятели. А онъ былъ очень святой человекъ и съ золотымъ сердцемъ. Но, видите ли, онъ былъ большой нѣженка, любилъ все изящное. И вотъ, за нимъ вздумала ухаживать одна дѣвица, дочь мельника, которую родители отдали въ пансіонъ. Ну-съ, случилось въ одно прекрасное утро то, что должно было случиться, понимаете?.. И вотъ, когда въ околоткѣ провѣдали объ этомъ, то разсвирѣпѣли противъ аббата. Его подстерегали, чтобы убить камнями. Онъ спасся въ Руанъ и побѣжалъ каяться въ архіепископу. И вотъ, его прислали сюда. Бѣдняга былъ сли-

комъ наказанъ, живя въ этой труппѣ... Позднѣе я разубавала про дѣвицу. Она вышла замужь за торговца скотомъ, и очень счастлива.

Теза, въ восхищеніи, что ей удалось выложить свою исторію, приняла за поощреніе неподвижность аббата. Она подвинулась ближе и продолжала:

— Какой былъ добрякъ аббатъ Каффенъ! Онъ не важничалъ передо мной и часто говорилъ мнѣ о своемъ грѣхѣ. Онъ не помѣшалъ ему войти въ царствіе небесное, ручаюсь вамъ! Онъ можетъ спокойно почивать вотъ тамъ, подъ травой, потому что никому не дѣлалъ зла... Я не понимаю, почему такъ востать противъ патера, если онъ согрѣшитъ. Это такъ естественно! Конечно, это не хорошо; эта мерзость должна прогнѣвать Бога. Но все же это лучше, чѣмъ воровство. Покаешься, и дѣло въ шляпѣ!.. Не правда ли, г. кюрэ, кто искренно раскается, тотъ все же спасется, несмотря на грѣхъ?

Аббатъ Мурэ медленно выпрямился. Сверхчеловѣческими усиліями онъ подавилъ тоску. Все еще блѣдный, онъ проговорилъ твердымъ голосомъ:

— Не надо никогда грѣшить, никогда! никогда!

— Ахъ, знаете, — закричала старая служанка, — вы слишкомъ строгі, сударь! Гордость тоже нехорошее дѣло!.. На вашемъ мѣстѣ я бы не боролась такъ съ горемъ. Надо выболтать горе. Чему разрывать сердце на части, нужно мало-по-малу привыкнуть къ разлугѣ, вотъ! Мало-по-малу оно и пройдетъ... А вы часто того избѣгаете даже произносить имя людей. Вы запрещаете говорить о нихъ, точно они умерли. Со времени вашего обращенія я не смѣла сообщать вамъ никакихъ вѣстей. Ну, теперь я буду говорить, я расскажу, что узнаю, потому что молчаніе терзаетъ вамъ душу!

Онъ строго глядѣлъ на нее, поднося палецъ, чтобы заставить молчать.

— Да, да, — продолжала она, — до меня частенько доходятъ вѣсти, и я вамъ буду сообщать ихъ... Во-первыхъ, та особа не счастлива, чѣмъ вы.

— Молчите! — произнесъ аббатъ Мурэ, находя силы встать, и удалиться.

Теза тоже встала, преградивъ ему дорогу своей тучной особой. Она сердилась и кричала:

— Ну, вотъ вы ужъ и бѣжите!.. Но нѣтъ, вы меня выслушайте. Вы знаете, что я не очень-то долюбиваю нѣкоторыхъ. Если я говорю съ вами о нихъ, то для вашего же блага...

Увѣряють, будто я ревнива. Ну, а я вотъ все мечтаю, какъ бы свести васъ туда. Вы были бы со мной и не боялись бы сдѣлать что-нибудь худое...

Онъ отстранилъ ее рукой, съ спокойнымъ лицомъ, говоря:

— Я ничего не хочу, ничего не знаю... Намъ предстоитъ назавтра большая обѣдня. Надо приготовить престолъ.

Потомъ, уходя, прибавилъ съ улыбкой:

— Не тревожьтесь, моя добрая Тѣза: я сильнѣе, чѣмъ вы думаете, и вылечусь самъ.

И удалился, съ спокойнымъ видомъ, высоко держа голову и совладавъ съ собой. Сутана его слегка задѣвала бордюры тимиана; Тѣза, оставшаяся на томъ же мѣстѣ, подняла свою деревянную миску и ложку, ворча и пожимая плечами:

— Храбрится, туда же воображаетъ, что иначе построитъ, чѣмъ другіе люди, потому что куря... Правду говоря, этого вы скоро пройдешъ. Я знавала такихъ, которыхъ, бывало, не такъ трудно раздражить. И онъ способенъ раздавить свое сердце, какъ другіе давятъ блохъ. Это Господь надѣляетъ его такою силой...

Она возвращалась въ кухню, когда увидѣла аббата Мурэ передъ калиткой скотнаго двора. Дезирэ остановила его и дала ему взвѣсить каплуна, котораго уже давно откармливали. Онъ смѣялся, увѣрялъ, что каплуны очень тяжелы, и это очень радовало большого ребенка.

IV.

Аббатъ Мурэ проводилъ цѣлые дни въ приходскомъ домѣ. Онъ избѣгалъ тѣхъ длинныхъ прогулокъ, какія совершалъ до своей болѣзни. Сожженная почва Арто, томленіе этой долины, гдѣ росли только виноградная лоза, тревожили его. Раза два Тѣза, совѣтовавшая ему подышать свѣжимъ воздухомъ, прогоняла его гулять, и онъ пробовалъ пройтись вдоль дороги, но не пошелъ дальше деревни, и вернулся, смущенный воздухомъ, солнцемъ, вольнымъ горизонтомъ. Только вечеромъ, когда наступала ночная прохлада, онъ рѣшался пройтись нѣсколько разъ взадъ и впередъ передъ церковью, на площадкѣ, доходившей до владѣнща. После обѣды, чтобы занять себя, охваченный дѣятельнымъ духомъ, и не находя ему пищи, онъ наклеивалъ бумагу на мѣсто разбитыхъ стеколъ въ окнахъ церкви. И въ теченіи цѣлой недѣли онъ стоялъ иногда по нѣсколько часовъ сряду на лѣсенкѣ, стараясь какъ мож-

штукатурить вырывать и наложить бумагу. Тёза держала лѣсенку. Дезира кричала, что не нужно заклеивать всѣхъ рамъ, а то вдобавимъ нельзя будетъ влетать; чтобы она не плакала, патеръ оставилъ незаключеннымъ два-три отверстія въ каждой оконной рамѣ. Затѣмъ, кончивъ это, онъ задумалъ украсить церковь, не обращая ни къ плотникамъ, ни къ каменщикамъ, ни къ малярамъ. Онъ самъ хотѣлъ все сдѣлать. Этотъ ручной трудъ, — говорилъ онъ, забавляетъ его, поддерживаетъ его силы. Дядя Паскаль вскій разъ, какъ заѣзжалъ въ приходскій домъ, поощрялъ его, говоря, что такое упражненіе полезнѣе всякихъ лекарствъ въ мѣрѣ. Такимъ образомъ, аббатъ Мурэ залилъ всѣ дыры въ стѣнѣ известкой, молоткомъ сволотилъ престолы, разводилъ краски, чтобы окрасить кафедру и исповѣдальню. То было событіемъ въ домѣ околоткѣ. О немъ толковали за два льѣ въ окружности. Фестивале приходили глазѣть на работу г. кюрэ, заложивъ за спину руки. Онъ же, въ фартукѣ, погруженный въ это трудное дѣло, имѣлъ предлогъ не выходить изъ дома. Онъ цѣлые дни проводилъ среди штукатурки, болѣе спокойный, почти улыбаясь, бывая о вольномъ воздухѣ, деревьяхъ, солнцѣ, тепломъ вѣтерѣ, раздавшимъ его.

— Г-нъ кюрэ воленъ поступать какъ ему заблагоразсудится, пусть бы это ни копейки не стоило общинѣ, — говорилъ дядя Паскаль, смѣясь и заходя каждый вечеръ, чтобы осмотрѣть, насколько подвинулась работа.

Аббатъ Мурэ истратилъ на нее всѣ свои семинарскія сбереженія. Впрочемъ, его работа вызвала бы улыбку у болѣе избалованныхъ людей. Работа каменщика скоро опротивѣла ему. Онъ ограничился тѣмъ, что заново оштукатурилъ стѣны на вышину человѣческаго роста. Тёза растворяла известку. Когда она текла на то, что нужно бы исправить и приходскій домъ, а — говорила она, — постоянно боясь, что потолокъ обрушится на голову; онъ объяснилъ ей, что не сумѣетъ этого сдѣлать и что призвать работника. Это вызвало настоящую ссору между ними... Она кричала, что неблагоуразумно украшать церковь, гдѣ не спитъ, тогда какъ рядомъ есть комнаты, гдѣ навѣрное найдутъ мертвыми въ одно прекрасное утро, задавленными потолкомъ.

— И ужъ я, право, кончу тѣмъ, что переберусь ночевать позади престола. Мнѣ такъ страшно по ночамъ.

Но когда известь вся вышла, она перестала толковать о приходскомъ домѣ. Къ тому же живопись, которую разводилъ г. кюрэ, поразила ее въ восторгъ. Это было самымъ пріятнымъ дѣломъ.

Аббатъ сдѣлалъ новыя панели тамъ, гдѣ онѣ отстали, и намазалъ по нимъ ярко-желтой краской. Когда все стало желтымъ: исповѣдальня, каеэдра, эстрада, и даже футляръ часовъ, онъ рѣшился выкрасить подъ мраморъ главный престолъ, чтобы подновить его. Главный алтарь, выкрашенный въ бѣлый, желтый и синий цвѣта, сталъ великолѣпенъ. Люди, не бывавшіе у обѣдни лѣтъ пятьдесятъ, приходили толпами, чтобы поглядѣть на него.

Теперь краска уже высохла. Аббату Мурѣ оставалось только обвести панели темнымъ ободкомъ. Поэтому, тотчасъ послѣ обѣдни онъ принялся за дѣло, желая, чтобы все было кончено къ завтрашнему дню, когда должна была служить большая обѣдня о чемъ онъ напоминалъ Тѣзѣ. Послѣдняя уже ждала его, чтобы убрать престолъ. Она даже выставила серебряные подсвѣчники, крестъ, фарфоровыя вазы съ искусственными розами, нарядную пелену, обшитую кружевами. Но аббатъ такъ замѣшкался ободками, что наступили уже сумерки, когда онъ кончилъ самъ послѣдній...

— Такъ будетъ ужъ слишкомъ красиво, — проговорилъ внезапно грубый голосъ, изъ сѣраго сумрака, наполнявшаго церковь.

Тѣза, ставшая на колѣни, чтобы лучше слѣдить за кистью, которою аббатъ водилъ вдоль линейки, вздрогнула отъ испуга.

— Ахъ, это братъ Арканжіа, — сказала она, повернувшись къ нему: — вы, значить, прошли черезъ ризницу?.. Мнѣ показалося, что голосъ выходитъ изъ-подъ плитъ.

Аббатъ Мурѣ продолжалъ работать, кивнувъ монаху головой. Тотъ постоялъ съ минуту молча, сложивъ свои большія, грубыя руки на животѣ и, пожимая плечами при видѣ старанія, какъ аббатъ приглядывалъ къ тому, чтобы ободки были совсѣмъ ровныя, повторилъ:

— Такъ будетъ ужъ слишкомъ красиво.

Тѣза, глядѣвшая съ восхищеніемъ, вторично вздрогнула.

— Ну, — закричала она: — я совсѣмъ забыла, что вы тутъ. Хоть бы кашлянули прежде, чѣмъ заговорить. У васъ голосъ точно у мертвеца.

Она привстала и перекатилась съ одного мѣста на другое, чтобы лучше разглядѣть.

— Почему слишкомъ красиво? Для Бога нѣтъ ничего слишкомъ красиваго, — возразила она. — Еслибы у г. кюрэ было много лота, онъ бы разукрасилъ престолъ золотомъ.

Патеръ кончилъ, и она послѣшила перемѣнить пелену, боясь не размазать ободковъ. Потомъ разставила въ симметричный крестъ, подсвѣчники и вазы. Аббатъ Мурѣ прислонился, рядомъ

братомъ Арканжіа, къ деревянной рѣшеткѣ, раздѣлявшей хоры отъ средней части церкви. Они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Оба глядѣли на серебряный крестъ, который выдѣлялся еще свѣтлымъ пятномъ среди сгущавшихся сумерекъ. Тѣза, кончивъ, подошла къ нимъ торжествующая.

— Ну, развѣ не мило,—проговорила она:—увидите, что завтра соѣжится народъ къ обѣднѣ. Эти язычники посѣщаютъ домъ Божій, когда считаютъ его богатымъ... Теперь, г. кюрэ, вѣдо также отдѣлать престолъ Мадонны.

— Пропанція деньги,—ворчалъ братъ Арканжіа.

Но Тѣза разсердилась, и такъ какъ аббатъ Мурэ продолжалъ молчать, то она увела обоихъ къ престолу Мадонны, толкая ихъ, дергая за сутаны.

— Да поглядите же,—кричала она:—онъ колетъ глаза теперь, когда главный престолъ заново отдѣланъ. Нельзя даже сказать, вырощенъ ли онъ. Сколько я ни тру его по утрамъ, дерево остается закопченнымъ, оно черно, безобразно... Вы не знаете, что будутъ говорить, г. кюрэ? Скажутъ, что вы не любите Мадонны, вотъ и все.

— Ну, такъ что-жь?—спросилъ братъ Арканжіа.

Тѣза совсѣмъ задышалась.

— Какъ что?—пробормотала она,—да вѣдь это грѣхъ... Престолъ сталъ точно одна изъ гѣхъ могилъ на кладбищѣ, которую всѣ забросили. Не будь меня, пауки заткали бы его паутиной, плѣсень покрыла бы его. Время отъ времени, когда напру букетъ, я подношу его Мадоннѣ... Прежде всѣ цвѣты нашего сада были для нея...

Она поднялась по ступенькамъ къ престолу и взяла два забытыхъ, забытыхъ букета.

— Видите, совсѣмъ какъ на кладбищѣ,—прибавила она, росая букеты подъ ноги аббату Мурэ.

Тотъ поднялъ ихъ, не отвѣчая ни слова. Ночь совсѣмъ сгущалась. Братъ Арканжіа запутался между скамейками и чуть не упалъ. Онъ ругался, бормоталъ псевзвныя рѣчи, среди которыхъ безпрестанно возвращались имена Іисуса и Маріи. Когда Тѣза, ходившая за лампой, вернулась въ церковь, она спросила вѣра:

— Значить, я могу отнести горшки и вѣсти на чердакъ?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я кончилъ.—Современемъ увидимъ.

Она пошла впереди ихъ, унося все, и молчала, потому что вѣла наговорить много лишняго. И такъ какъ аббатъ Мурэ

продолжалъ держать засохшіе букеты въ рукѣ, братъ Арканжіа прокричалъ ему, проходя мимо скотнаго двора:

— Бросьте же это.

Аббатъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, съ опущенной головой, затѣмъ бросилъ цѣпты въ яму, черезъ калитку.

V.

Братъ Арканжіа, отобѣдавъ, сидѣлъ верхомъ на стулѣ и глядѣлъ, какъ обѣдалъ патеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній вернулся въ Арто, онъ являлся почти каждый вечеръ засѣдать въ приходскомъ домѣ. Никогда еще онъ такъ назойливо не заглядывалъ о себѣ. Толстые башмаки его топали по полу, голосъ гремѣлъ, кулаки хлопали по столу въ то время, какъ онъ разсказывалъ, какъ сѣкъ поутру дѣвчоповъ, и резюмировалъ свою моруль въ формулахъ, жѣстныхъ какъ палочные удары. Потомъ соскучась, затѣялъ играть въ карты съ Тѣзой. Они безъ конца сражались въ «пьяницы», потому что Тѣза никакой другой игры не могла выучить. Аббатъ Мурэ, улыбавшійся при первыхъ ходахъ, сдѣланныхъ съ азартомъ, мало-по-малу впадалъ въ глубокую задумчивость; и въ теченіи долгихъ часовъ сидѣлъ, забывшись подъ подозрительными взглядами, бросаемыми на него братомъ Арканжіа.

Въ этотъ вечеръ Тѣза была такъ сердита, что поговаривала о томъ, чтобы идти спать, какъ только сняли со стола. Но она никакъ хотѣла играть. Онъ изо всей мочи принялся хлопать по плечамъ и насильно посадилъ, такъ что стулъ затрещалъ. Дезирэ, ненавидѣвшая его, исчезла послѣ десерта, который почти каждый вечеръ уходила доѣдать въ свою комнату.

— Я хочу красную колоду, — объявила Тѣза.

И битва завязалась. Тѣза сначала отняла нѣсколько крупныхъ картъ у монаха. Затѣмъ два туза упали на столъ.

— Споръ! — закричала она съ страшнымъ волненіемъ, вытащила девятку, что привело ее въ отчаяніе; но такъ какъ у монаха оказалась всего семерка, то она потащила карты и сѣбѣ съ торжествомъ. Черезъ полчаса у ней опять остались два туза, такъ что шансы сравнялись. А еще черезъ четверть часа она опять лишилась одного туза. Валеты, дамы, короли носились взадъ и впередъ, точно происходила настоящая рѣзня.

— Какова партія? — сказалъ братъ Арканжіа, поворачиваясь къ аббату Мурэ.

Но, увидѣвъ, что тотъ совсѣмъ углубился въ свои мысли и на губахъ его играетъ безсознательная улыбка, громко заоралъ:

— Эге, г. кюрэ, вы на насъ, значить, не глядѣли? Это совсѣмъ невѣжливо... Мы играемъ только для васъ. Мы стараемся васъ позабавить... Ну, взгляните на нашу игру. Это будетъ лучше, чѣмъ предаваться мечтаніямъ. Гдѣ это вы изволили сейчасъ обрѣтаться.

Патеръ вздрогнулъ. Онъ не отвѣчалъ, и постарался слѣдить за игрой, опустивъ глаза. Партія продолжалась съ ожесточеніемъ. Тѣза выиграла туза, затѣмъ опять проиграла. Въ иные вечера они спорили изъ-за тузовъ въ теченіи часовъ четырехъ къ ряду, и зачастую уходили даже спать, разъяренные, не кончивъ партіи.

— Ахъ, встать!—вдругъ закричала Тѣза, страшно боявшаяся проиграть, — г. кюрэ долженъ идти сегодня вечеромъ изъ дома. Онъ общалъ верзилѣ Фортюнэ и Розаліи придти освятить ихъ комнату по обычаю... Скорѣе, г. кюрэ, братъ пойдетъ съ вами.

Аббатъ Мурэ уже всталъ и сталъ искать шляпу. Но братъ Арканжіа сердился, не выпуская картъ.

— Оставьте! стобить ли освящать этотъ свиной хлѣвъ! Вотъ еще обычай, который вамъ слѣдуетъ вывести изъ употребленія. Патеру нечего совать свой носъ къ новобрачнымъ... Оставайтесь. Кончимъ партію. Это будетъ лучше.

Тѣза съ большой тревогой глядѣла на брата Арканжіа.

— Ну, вотъ еще! я остаюсь, — закричалъ этотъ послѣдній. — Идти было бы слишкомъ глупо!

Но аббатъ Мурэ не успѣлъ отворить двери, какъ онъ всталъ, чтобы послѣдовать за нимъ, бросая карты, и тотчасъ же вернулся, связавъ Тѣзѣ:

— Я долженъ былъ выиграть... Оставьте карты, какъ опѣсть. Мы будемъ продолжать партію завтра.

— Ну, вотъ еще! я уже смѣшала карты, — отвѣчала старая служанка, поторопившаяся смѣшать колоду. — Ужъ не воображаете ли вы, что я положу подъ стекло ваши карты! Да я могла и выиграть; у меня еще оставался одинъ тузъ.

Братъ Арканжіа въ нѣсколько шаговъ нагналъ аббата Мурэ, спускавшагося по узкой тропинкѣ, которая вела въ Арто. Онъ поставилъ себѣ за трудъ слѣдить за нимъ и окружалъ его еже-часнымъ шпионствомъ, всюду сопровождалъ его; отряжалъ за нимъ мальчишку изъ своей школы, когда не могъ самъ взять на себя этотъ трудъ. Онъ говорилъ съ своимъ страшнымъ смѣхомъ,

что онъ «божій жандармъ». И въ самомъ дѣлѣ, патеръ казался преступникомъ, засаженымъ въ черную тѣнь сутаны монаха, преступникомъ, которому не довѣряютъ, котораго считаютъ настолько слабымъ, что онъ непременно вернется къ грѣху, коль скоро отъ него на минуту отведутъ глаза. Монахъ отличался безпощадностью ревнивой старой дѣвы; онъ былъ такимъ усерднымъ тюремщикомъ, что считалъ своей обязанностью закрывать уголки неба, видѣвшіеся въ слуховыя окна. Братъ Арканжіа вѣчно торчалъ передъ носомъ у аббата, заслонялъ отъ него солнце, не пропускалъ аромата цвѣтовъ и такъ старательно замуровывалъ темницу, что ничто изъ вишняго міра въ нее не проникало. Онъ сторожилъ малѣйшую слабость аббата, узнавалъ по его свѣтлому взгляду нѣжныя мысли и топталъ ихъ суровымъ словомъ, безжалостно, точно сорныя травы. Молчаніе, улыбка, блѣдность лица, дрожь членовъ,—все ему принадлежало въ этомъ грѣшникѣ, котораго онъ поставилъ себѣ задачей спасти. Онъ избѣгалъ говорить ясно объ его проступкѣ. Но уже одно присутствіе его заключало въ себѣ упрекъ. Онъ произносилъ инныя слова такъ рѣзко, точно хлесталъ его бичомъ. Какъ тѣ обманутые мужья, которые мстятъ женамъ кровавыми намеками, отводя душу жестокостью, онъ не говорилъ прямо о Парадѣ; онъ довольствовался тѣмъ, что въ минуты кризиса однимъ словомъ пригибалъ къ землѣ неповорную плоть, которую Господь посылалъ ему для наказанія. Онъ тоже былъ обманутъ этимъ патеромъ, осверженнымъ грѣхомъ, измѣнившимъ своей клятвѣ.

Было около десяти часовъ. Селеніе спало. Но на другомъ концѣ его, возлѣ мельницы, слышенъ былъ шумъ въ одной лачугѣ, съ ярко освѣщенными окнами. Дядя Бамбуссъ предоставилъ дочери и зятю одинъ уголокъ дома, занявъ самъ лучшія комнаты. Тамъ осушали прощальные стаканы, въ ожиданіи бюрѣ.

— Они пьяны,—ворчалъ братъ Арканжіа.—Слышите, какъ они ревуть.

Аббатъ Мурѣ не отвѣчалъ. Ночь была великолѣпная; луна проливала голубоватый свѣтъ, измѣнявшій вдали долину въ спящее озеро. Аббатъ замедлялъ шаги, наслаждаясь этимъ кроткимъ свѣтомъ; порою даже онъ останавливался передъ нѣкоторыми пространствами, залитыми свѣтомъ, съ приятной дрожью, возбуждаемой близостью свѣжей воды. Монахъ продолжалъ шагать, жура его, торопя.

— Идите же... Въ это время нездорово бѣгать по полямъ. Вамъ лучше было бы лежать въ постелѣ.

Но вдругъ, при входѣ въ селеніе, Арканжіа остановился посреди

дороги. Онъ глядѣлъ на гору, гдѣ бѣлая линія дороги терялась въ черныхъ пятнахъ маленькихъ сосновыхъ роощъ. Онъ зарычалъ какъ собака, чуящая опасность.

— Кто это спускается тамъ, въ такой поздній часъ?—пробормоталъ онъ.

Патеръ, ничего не слыша и не видя, хотѣлъ въ свою очередь заставить его ускорить шагъ.

— Пойдите, вотъ онъ,—живо проговорилъ братъ Арканжіа.

— Онъ сейчасъ обогнулъ перекрестокъ. Видите, луна его освѣщаетъ. Вы хорошо его видите теперь... Высокій такой, съ палкой.

Затѣмъ, помолчавъ съ минуту, зарычалъ свирѣпымъ голосомъ, задыхаясь отъ злобы:

— Это онъ, негодай!.. Я чувствовалъ, что это онъ!

Вновь прибывшее лицо спустилось съ горы, и аббатъ Мурэ узналъ Жанберната. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, старикъ такъ сильно топалъ ногами, что его толстые башмаки, подбитые гвоздями, извлекали искры изъ кремней, разсыпанныхъ по дорогѣ. Онъ шелъ, прямой какъ дубъ, не опираясь даже на палку, которую несъ на плечѣ, точно ружье.

— Ахъ проклятый! — бормоталъ монахъ, призванный къ мѣсту въ выжидательной позѣ.—Дьяволъ бросаетъ ему подъ ноги адскіе уголья.

Патеръ, крайне смущенный, потерялъ надежду убѣдить своего спутника слѣдовать за нимъ, повернулся къ нему спиной, чтобы идти дальше, и надѣясь избѣжать Жанберната, укрылся поскорѣй въ домъ Бамбусса. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ услышалъ насмѣшливый голосъ старика почти у себя за спиной:

— Эй! кюрэ, подождите меня. Бойтесь вы меня, что-ли?

Аббатъ Мурэ остановился; онъ подошелъ и продолжалъ:

— Да-съ! въ вашихъ сутанахъ не очень-то раскочешься по дорогамъ. Къ тому же, какъ ни темно ночью, а васъ издали можно признать... Я еще былъ на горѣ, какъ подумалъ: «эге! да это маленький кюрэ идетъ тамъ». О! глаза у меня еще зоркіе... Что-жъ вы больше не приходите къ намъ въ гости?

— У меня было такъ много дѣла,—прошепталъ патеръ, сильно поблѣднѣвъ.

— Такъ, такъ, всякій воленъ поступать, какъ хочетъ. Если я вамъ говорю объ этомъ, то затѣмъ, чтобы вы знали, что я не сержусь на васъ за то, что вы — кюрэ. Мы даже, пожалуй, и о Богѣ говорить не будемъ... Малютка думаетъ, что

это я мѣшаю вашему приходу. И ей отвѣчалъ: «твой кюрэ глупъ!» И я такъ думаю. Развѣ я васъ съѣмъ; когда вы были большы, я даже не ходилъ къ вамъ наверхъ. Свобода—первое дѣло.

Онъ говорилъ все это своимъ равнодушнымъ тономъ, прикидываясь, что даже не замѣчаетъ присутствія брата Арканжіа. Но тотъ зарычалъ еще громче, и Жанбернатъ продолжалъ:

— Эгэ! кюрэ! вы тащите съ собой своего борова?

— Подожди, разбойникъ!—заревѣлъ монахъ, сжимая кулаки.

Жанбернатъ, замахнувшись палкой, сдѣлалъ видъ, что только теперь узналъ его.

— Долой лапы! — закричалъ онъ. — Ага! Это ты, сумасбродъ! Какъ это я не призналъ тебя по запаху, который ты распространяешь... Намъ надо свести кое-какіе счеты. Я по-влялся придти обрѣзать тебѣ уши среди класса. Это позабавитъ мальчишекъ, которыхъ ты отравляешь.

Монахъ отступилъ передъ палкой. Грудь его стѣснялась отъ бѣшенства. Онъ заикался, не находилъ словъ.

— И папушу на тебя жапдармовъ, убійца! Ты плевалъ на церковь, я это видѣлъ! Ты моришь людей уже тѣмъ, что проходишь мимо ихъ дверей. Въ Сентъ-Эгропѣ ты произвелъ выкидышъ у одной, заставляя ее пожевать облатку, украденную тобой изъ церкви. Въ Беажѣ ты вырывалъ изъ могилъ дѣтей, и уносилъ на спинѣ для своихъ чародѣйствъ... Всѣ это знаютъ, мерзавецъ! — Ты язва врая. Тотъ, кто задушилъ бы тебя, заслужилъ бы царствіе небесное.

Старикъ слушалъ, ослабляясь и помахивая палкой. Подъ потокомъ ругательныхъ словъ монаха, онъ повторялъ вполголоса:

— Ну, ну, облегчай душу, змѣя!—Сейчасъ я перебью тебѣ ребра.

Аббатъ Мурэ хотѣлъ вмѣшаться. Но братъ Арканжіа оттолкнулъ его,—крича:

— Вы съ нимъ за-одно!—Вѣдь онъ заставлялъ васъ поирать ногами распятіе,—попробуйте отрицать это!

И слова обращаясь къ Жанбернату, онъ закричалъ:

— Ахъ, сатана! — то-то ты потѣшался, когда забралъ въ свои руки патера!—Небо да разразитъ тѣхъ, кто помогалъ тебѣ въ твоёмъ святотатствѣ... Что ты дѣлалъ ночью, когда онъ спалъ? Ты приходилъ смачивать ему слюной тонзуру, чтобы она поскорѣе заросла. Ты дулъ ему на щеки и на подбородокъ, чтобы борода скорѣе выросла. Ты натиралъ ему тѣло твоими вра-

жескими зельями... И вотъ, такимъ-то способомъ ты обратилъ его въ вѣвря, — сатана!

— Онъ пелѣпъ, — сказалъ Жанбернатъ, кладя палку на плечо. — Онъ мнѣ надоѣлъ.

Монахъ, ободренный, подставилъ ему оба кулака подъ самый носъ.

— А твоя дрянь, дѣвчонка! — кричалъ онъ. — Это ты свелъ ее съ патеромъ!

Но тутъ онъ съ визгомъ отскочилъ назадъ. Палеа старика со всего размаху ударила въ его спину. Онъ отступилъ еще дальше и, поднявъ изъ груды каменьева крупный камень, бросилъ его въ голову Жанбернату. Онъ раскрылъ бы ему голову, еслибъ тотъ не наклонился. Жанбернатъ въ свою очередь подбѣжалъ къ другой грудѣ каменьева, спрятался за нее и захватилъ пригоршню каменьева. И тутъ битва завязалась. Камни сыпались градомъ съ обѣихъ сторонъ. Луна свѣтила очень ярко, и тѣни борцовъ рѣзко выдѣлялись.

— Да, ты свелъ ее съ нимъ, — повторялъ монахъ, совсемъ обезумѣвшій. — И ты ожидаешь какого-нибудь чудища отъ этого союза. Ты ежедневно колдуешь надъ своей мерзавкой, чтобы она родила антихриста. Ты ждешь антихриста, — бандить!... Вотъ тебѣ, пускай этотъ камень вышибетъ тебѣ глаза.

— А этотъ пускай зажметъ тебѣ глотку, болващ! — отвѣчалъ Жанбернатъ, къ которому вернулось его спокойствіе. — Какъ онъ глупъ, — это животное съ его исторіями!... Неужто мнѣ придется разбить тебѣ голову, чтобы идти дальше. Ужъ не катехизисъ ли свелъ тебя съ ума.

— Катехизисъ! хочешь знать катехизисъ, который преподаютъ такимъ отверженцамъ, какъ ты? Да, я паучу тебя креститься... Вотъ это тебѣ во имя Бога-Отца, вотъ это во имя Сына, а вотъ это во имя Св... Ага! — ты еще на ногахъ! — постой, постой! — Аминь!

И пустилъ пригоршней маленькихъ камешковъ, точно картечью. Жанбернатъ, задѣтый за плечо, выпустилъ камень, который держалъ, и спокойно подошелъ къ нему, въ то время, какъ братъ Арканжіа захватилъ изъ груды двѣ новыхъ пригоршни, бормоча:

— Я сокрушу тебя. Такъ угодно Богу. Господь руководитъ мною.

— Замолчишь ли ты! — проговорилъ старикъ, хватая его за воротъ.

Тогда борьба завязалась въ пыли дороги, посеребренной лу-

ной. Монахъ, видя, что онъ слабѣйшій, старался укусить Жанберната. Высохшіе члены послѣдняго были точно связка веревкъ, которыя такъ вѣрно сжимали его, что онъ чувствовалъ, какъ ихъ узлы входили ему въ тѣло. Старикъ, сдавивъ его подъ себя, съ насмѣшкой проговорилъ:

— Мнѣ хочется сломать тебѣ руку... Я сокрушу тебя.... Теперь я обрѣжу тебѣ уши. Ты мнѣ слишкомъ надоѣлъ.

И онъ спокойно вынулъ ножъ изъ кармана. Аббатъ Мурэ, неоднократно пытавшійся разнять борцовъ, вмѣшался теперь такъ энергично, что Жанбернатъ согласился отложить операцію до другого раза.

— Вы неправы, кюрэ, — бормоталъ онъ. — Этому молодцу необходимо пустить кровь. Но, впрочемъ, если это вамъ непріятно, то я подожду. Онъ, вѣдь, навѣрное попадетъ мнѣ въ какомъ-нибудь завоулѣ.

Монахъ зарычалъ, но Жанбернатъ пригрозилъ ему:

— Не смѣй шевелиться, а не то я сейчасъ отрѣжу тебѣ уши.

— Но вы сидите у него на груди. Сойдите, ему нельзя дышать.

— Нѣтъ, нѣтъ; иначе онъ опять примется за свои глупости. Я выпущу его послѣ.... Такъ вотъ что, кюрэ, я вамъ собирался сказать, когда этотъ свотина помѣшалъ мнѣ, что вы будете желаннымъ гостемъ. Малютка, знаете, хозяйка. Я также не мѣшаю ей, какъ и моему салату. Все это растеть... Одни только дураки, какъ этотъ болванъ, видятъ тутъ что-то худое... Гдѣ ты увидѣлъ тутъ зло мошенникъ! — это ты самъ выдумалъ зло, — сатана!

И снова принялся трясти монаха.

— Позвольте ему встать, — умолялъ аббатъ Мурэ.

— Сейчасъ... Малютка не совсѣмъ здорова съ нѣкоторыхъ поръ. Я-то ничего не замѣчалъ. Но она сама мнѣ сказала. Такъ вотъ, я иду за вашимъ дядей Паскалемъ, въ Плассанъ. Ночью покойно, никого не встрѣчаешь... Да, да, малютка не совсѣмъ здорова.

Патеръ не нашелъ слова въ отвѣтъ. Онъ шатался, опустивъ голову.

— Она съ такой охотой ухаживала за вами! — продолжалъ старикъ, куря свою трубку, — я слышалъ, какъ она смѣялась. Этого съ меня было достаточно. Дѣвушки, вѣдь это точно бяррышникъ: когда онѣ приносятъ цвѣты, онѣ дѣлаютъ все, что могутъ... Словомъ, приходите, если не противно. Быть можетъ, это развлечетъ малютку. Спокойной ночи, кюрэ.

Онъ медленно приподнялся, сжимая кулаки монаха, изъ опасенія какой-нибудь новой попытки съ его стороны. И удалился, не оборачивая головы, своей твердой поступью. Монахъ молча подползъ къ грудѣ камней. Онъ подождаль, чтобы старикъ ушелъ на нѣкоторое разстоянiе. Затѣмъ, обѣими руками снова бѣшено принялся швырять камни. Но камни откатывались въ пыль. Жанбернатъ не удостоивалъ больше сердиться и уходилъ, прямой къ дереву, въ свѣтлую ночь.

— Проклятый! самъ сатана помогаетъ ему,—бормоталъ братъ Арканжіа, швыряя послѣдній камень.—Старикъ, котораго, казалося бы, можно убить щелчкомъ! Онъ закаленъ на адскомъ огнѣ. Я чувствовалъ его когти.

Въ безсильной злобѣ онъ топталъ разбросанные камни. Потомъ вдругъ напустился на аббата Мурэ.

— Это ваша вина!—кричалъ онъ.—Вамъ слѣдовало мнѣ помочь, и вдвоемъ мы бы задушили его.

На другомъ концѣ селенія шумъ все усиливался въ домѣ Бамбуса. Можно было явственно различить стукъ стакановъ о столъ. Патеръ пошелъ впередъ, не говоря ни слова и не поднимая головы, направляясь къ яркому свѣту, выходящему изъ оконъ. Монахъ слѣдовалъ за нимъ, мрачный; сутана его была вся въ пыли, одна щека разсѣчена камнемъ. Помолчавъ съ минутой, онъ снова заговорилъ своимъ грубымъ голосомъ:

— Вы пойдете?

Аббатъ Мурэ не отвѣтилъ, и онъ продолжалъ:

— Берегитесь! вы опять близки къ грѣху... Достаточно было пройти этому человѣку, чтобы ваша плоть заговорила. Я видѣлъ, что вы поблѣднѣли, какъ дѣвушка... Берегитесь, слышите ли? На этотъ разъ Богъ не проститъ. Вы совсѣмъ пропадете...

Тутъ патеръ приподнял наконецъ лицо. Онъ плакалъ, и крупныя слезы тихо катились по его щекамъ. Онъ сказалъ съ горестной кротостью:

— Зачѣмъ вы говорите со мной такъ?.. Я всегда у васъ на глазахъ, вамъ извѣстна моя ежечасная борьба. Не сомнѣвайтесь во мнѣ, дайте мнѣ справиться съ собой.

Эти простые слова, орошенные молчаливыми слезами и произнесенныя въ ночной тиши, носили характеръ такой возвышенной горести, что самъ братъ Арканжіа, несмотря на свою грубость, почувствовалъ себя смущеннымъ. Онъ не прибавилъ больше ни слова, отряхнулъ сутану и вытеръ окровавленную щеку. Когда они подошли къ дому Бамбуса, онъ отказался войти и сѣлъ въ

нѣсколькихъ шагахъ на опрокинутой телѣжкѣ, дожидаясь съ терпѣніемъ собаки.

— Вотъ г. кюрэ! — закричали всѣ Бамбуссы и всѣ Броше, сидѣвшіе за столомъ.

И стаканы снова наполнились. Аббатъ Мурэ былъ вынужденъ также принять стаканъ. Никакого свадебнаго пира не было. Только вечеромъ, послѣ обѣда, на столъ поставили бочку въ пятьдесятъ литровъ съ виномъ, и собирались опорожнить ее, прежде чѣмъ лечь спать. Ихъ было десять человѣкъ, и дядя Бамбуссъ одною рукой нагибалъ боченокъ, изъ котораго текла уже тоненькая красная струйка. Розалія, очень веселая, мочила въ рюмкѣ подбородокъ своего ребенка, а верзила Фортюнэ выкидывалъ разные штуки, поднималъ зубами стулья. Всѣ перешли въ столовую. Обычай требовалъ, чтобы кюрэ выпилъ поднесенное ему вино. Это и называлось благословить спальную. Это приносило счастье, предохраняло отъ супружескихъ раздоровъ. Во времена г. Каффена все шло очень весело, потому что старый патеръ любилъ пошутить; онъ даже славился тѣмъ, что залпомъ выпивалъ стаканъ, не оставляя ни единой капельки на днѣ. Женщины въ Арто увѣряли, что каждая капелька, оставленная на днѣ, отнимала годъ супружескаго счастья. Съ аббатомъ Мурэ шутили не такъ громко. Онъ однако выпилъ вино залпомъ, что повидимому очень польстило дядѣ Бамбуссу. Старуха Броше съ недовольнымъ видомъ покосилась на дно рюмки, гдѣ осталась капелька вина. Передъ постелью одинъ изъ дядевъ отпускалъ довольно безцеремонныя шуточки, смѣшившія Розалію, которую верзила Фортюнэ повалилъ на матрацъ въ видѣ ласки. Нашутившись довольно, всѣ вернулись въ залу. Тамъ оставались только Венсанъ и Катерина. Венсанъ взлѣзъ на стулъ и поклонилъ громадную бочку обѣими руками надъ открытымъ ртомъ Катерины.

— Благодаримъ, г. кюрэ, — закричалъ Бамбуссъ, проводя патера. — Ну, вотъ они и повѣщаны; вы должны быть довольны. Ахъ! плуты! ужъ не думаете ли вы, что они теперь станутъ читать *Pater* и *Ave!*.. Спокойной ночи, г. кюрэ, спокойнаго сна.

Братъ Арканжіа медленно слѣзъ съ телѣжки, на которой сидѣлъ.

— Чтобы дьяволъ посыпалъ ихъ кожу горящимъ угольемъ, и чтобы всѣ они поколѣли! — бормоталъ онъ.

И больше не раскрывалъ рта, проводилъ аббата Мурэ до приходскаго дома, дожидаясь, чтобы тотъ заперъ дверь, прежде чѣмъ уйти, и нѣсколько разъ оглядывался, желая удостовѣриться, что онъ не вышелъ снова изъ дома. Патеръ, войдя въ свою

комнату, бросился не раздвываясь на кровать, заткнулъ руками уши, и уткнулъ лицо въ подушки, чтобы ничего не слышать и ничего не видѣть. Онъ заснулъ мертвымъ сномъ.

VI.

На другой день было воскресенье. Воздвиженіе приходилось въ праздничный день, и аббатъ Мурэ захотѣлъ отпраздновать его съ небывалымъ торжествомъ. Онъ провинся особой набожностью къ кресту и замѣнилъ въ своей комнатѣ статуэтку Безгрѣшнаго Зачатія большимъ Распятіемъ изъ чернаго дерева, передъ которымъ простаивалъ долгіе часы на молитвѣ. Прославлять крестъ стало единственной цѣлью его жизни, придававшей ему силу страдать и бороться.

На разсвѣтѣ, онъ опустился на колѣни передъ Распятіемъ. И благодать сошла на него, обильная, какъ роса. Ему не приходилось дѣлать никакихъ усилій; стѣбло только преклонить колѣни, чтобы принять ее въ сердце, пропитнуться ею до мозга костей. Наканунѣ онъ терзался, но она не осѣнила его. Въ это утро на него вдругъ снизошелъ полный миръ, безусловная вѣра. Онъ позабылъ о своихъ мукахъ. Все его существо какъ бы облеклось броней, и такой непроницаемой, что миръ не могъ пробить ее. Онъ могъ вспоминать о своемъ проступкѣ съ спокойнымъ пренебреженіемъ человѣка, сознающаго, что небо его союзникъ. Когда онъ сошелъ внизъ, то у него былъ такой свѣтлый и побѣдоносный видъ, что изумленная Тѣза побѣжала за Деврэ, чтобы онъ поздоровался съ нею. Обѣ принялись хлопать въ ладоши, крича, что онѣ не видѣли у него такого здороваго лица уже мѣсяцевъ шесть.

Въ церкви, за мессою, патеръ окончательно примирился съ Богомъ. Давно уже не подходилъ онъ къ алтарю съ такимъ умилениемъ. Ему приходилось сдерживать себя, чтобы не разрыдаться, припавъ губами къ пеленѣ. Месса была торжественная. Дядя Розалин, полевой сторожъ, пѣлъ басомъ, и раскаты его голоса наполняли своды, точно звуками органа. Венсанъ, облаченный въ слишкомъ для него широкій стихарь, принадлежавшій аббату Каффену, размахивалъ стариннымъ серебрянымъ кадиломъ; его очень забавлялъ стукъ цѣпочекъ; онъ старался закидывать кадило какъ можно выше, чтобы добыть побольше дыма, и оглядывался: не кашляетъ ли кто изъ прихожанъ отъ дыма. Церковь была почти полна. Всѣмъ захотѣлось поглядѣть на живопись гос-

подина кюрэ. Крестьянки смѣялись, потому что въ церкви хорошо пахло, а мужчины, въ глубинѣ церкви, стоя подъ трибуной, качали головами при каждой низкой нотѣ пѣвчаго. Въ окно яркое десятичасовое солнце, умѣряемое бумагой, которой были заклеены рамы, входило, выводя веселые узоры на старыхъ, заново оштукатуренныхъ стѣнахъ, на которыхъ тѣни отъ женскихъ чепцовъ колыхались точно большія бабочки. А букеты искусственныхъ цвѣтовъ, поставленные на ступенькахъ алтаря, походили какъ бы на только-что сорванные живые цвѣты. Когда патерь обернулся, чтобы благословить присутствующихъ, умиленіе его возрасло при видѣ церкви такой чистой, такой оживленной, наполненной музыкой, ладаномъ и свѣтомъ.

Послѣ проскомидіи шопотъ пробѣжалъ между крестьянами.

Венсанъ, съ любопытствомъ поднявшій голову, чуть было не выронилъ весь уголь изъ кадила на ризу патера. И когда тотъ строго поглядѣлъ на него, онъ пробормоталъ въ видѣ извиненія:

— Сейчасъ вошелъ дядя, г. кюрэ.

Въ глубинѣ церкви, возлѣ одной изъ тонкихъ деревянныхъ колонокъ, поддерживавшихъ трибуны, глаза аббата Мурэ встрѣтились съ глазами доктора Паскаля. На добромъ лицѣ этого послѣдняго не было его обычнаго, насмѣшливаго выраженія. Онъ снялъ шляпу, серьезный, сердитый, слѣдя за мессой съ видимымъ нетерпѣніемъ. Зрѣлище патера у престола, его благоговѣйная сдержанность, медленные жесты, совершенная ясность его лица какъ будто сильнѣе раздражили его. Онъ не дождался конца мессы, вышелъ и подошелъ къ кабриолету и лошади, которую привязалъ къ одной изъ стаянъ приходскаго дома.

— Ну! этотъ молодецъ, должно быть, никогда не кончитъ окуриваться ладаномъ? — спросилъ онъ у Тѣзы, вышедшей изъ ризницы.

— Месса кончилась, — отвѣчала она. — Войдите въ гостиную... Г. кюрэ раздѣвается. Онъ знаетъ, что вы здѣсь.

— Еще бы! если только онъ не ослѣпъ, — пробормоталъ докторъ, слѣдуя за нею въ холодный покой, съ жесткой мебелью, который она торжественно величала гостиной.

Онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Комната съ ея сѣрой скукой удвоила его худое расположеніе духа. Гуляя, онъ хлопалъ тростью по истертой соломѣ стульевъ, издававшей рѣзкій звукъ, точно камень. Потомъ, утомясь, остановился передъ каминомъ, гдѣ св. Іосифъ, отвратительно намалеванный, замѣнялъ часы.

— Наконецъ-то! — произнесъ онъ, услыжавъ стукъ двери.

И, идя на встрѣчу аббату,—замѣтилъ:

— Знаешь ли, ты заставилъ меня простоять половину мессы. Этого со мной давно не бывало... Но я хотѣлъ непременно поглядѣться съ тобой, прежде чѣмъ вернуться въ Плассанъ. Мнѣ надо съ тобою переговорить...

Онъ не кончилъ, и съ любопытствомъ поглядѣлъ на патера. Воцарилось молчаніе.

— Ты-то кажется здоровъ?—произнесъ онъ наконецъ измѣнившимся голосомъ.

— Да, мнѣ гораздо лучше,—отвѣчалъ аббатъ Мурэ, улыбаясь.—Я не ждалъ васъ раньше четверга. Вы обыкновенно не бываете по воскресеньямъ... Вы имѣете что-нибудь мнѣ сообщить?

Но дядя Паскаль не сразу отвѣчалъ. Онъ продолжалъ глядѣть на аббата. Этотъ послѣдній былъ еще весь пропитанъ воздухомъ церкви; онъ принесъ въ волосахъ запахъ ладана; въ глазахъ его еще свѣтились радость и миръ. Дядя покачалъ головой.

— Я прямо изъ Парадѹ,—рѣзко проговорилъ онъ,—Жанбернатъ приходилъ за мной сегодня ночью... Я видѣлъ Альбину. Она меня беспокоитъ. Съ ней нужно обращаться очень бережно.

Говоря это, онъ продолжалъ изучать лицо патера. Тотъ даже не опустилъ глазъ.

— Какъ бы то ни было,—прибавилъ докторъ Паскаль еще рѣзче,—а вѣдь она ухаживала за тобой. Безъ нея, мой милый, ты былъ бы въ настоящую минуту въ одной изъ келій Тюльетъ, съ смиренной курткой на плечахъ... Ну, вотъ, я общалъ ей, что увижусь съ тобой. Ты поѣдешь со мной. Она хочетъ проститься съ тобой, потому что уѣзжаетъ.

— Я не могу видѣть той, о которой вы говорите,—кротко сказалъ аббатъ Мурэ.

И такъ какъ докторъ разсердился и ударилъ тростью по дивану:

— Я—патеръ, отъ меня можно ждать только молитвъ,—добавилъ онъ просто, но очень твердо.

— Ахъ! ты правъ! — закричалъ дядя Паскаль, падая въ кресло.—А я—старый дуракъ, и только. Да! я плакалъ какъ ребенокъ, когда ѣхалъ сюда... Вотъ что значитъ прожить весь вѣкъ съ книгами. Дѣлаешь чудесные опыты, но поступаешь, какъ безчестный человѣкъ... Развѣ я подозрѣвалъ, что все это такъ плохо кончится.

И снова зашагалъ въ отчаяніи.

— Да, да, я долженъ былъ это предвидѣть. Это логично. А съ тобой оно вышло безсовѣстно. Ты не такой человѣкъ, какъ

другіе... Но, слушай, увѣряю тебя, что ты былъ погибшій человекъ. Она одна могла спасти тебя отъ безумія. Ну, словомъ, ты понимаешь, мнѣ печего объяснять тебѣ, что съ тобой было... Но я не горжусь моимъ леченіемъ, нѣтъ, потому что бѣдная дѣвушка теперь умираетъ!

Аббатъ Мурэ стоялъ спокойный, съ свѣтлымъ ореоломъ мученика, котораго ничто земное не можетъ настичь.

— Богъ смилуется надъ нею, — проговорилъ онъ.

— Богъ! Богъ! — проговорилъ глухо докторъ.

Потомъ прибавилъ громче:

— Я все такъ умно рассчиталъ. Вотъ что всего досаднѣе! О! дуракъ! дуракъ!.. Ты бы поправлялся въ теченіи мѣсяца. Тѣнь деревьевъ, свѣжее дыханіе дѣвушки, вся эта новизна благотворно вліяли на тебя. Съ другой стороны, съ нея соскочила бы ея дикость, ты ее перевоспитывалъ, мы бы вдвоемъ образовали изъ нея дѣвицу, которую потомъ выдали бы замужъ. Все шло какъ по маслу... Но могъ ли я предвидѣть, что этотъ старый философъ Жанбернатъ не разстанется съ своимъ салатомъ ни на минуту! Правда, что и я не тронулся изъ моей лабораторіи. У меня были начаты работы... И это моя вина! Я безчестный человекъ!

Онъ задыхался и хотѣлъ уйти, повсюду искалъ шляпы, а шляпа была у него на головѣ.

— Прощай, — бормоталъ онъ, — я уѣзжаю... Итакъ, ты не поѣдешь со мной? Послушай, сдѣлай это для меня; ты видишь, какъ я страдаю. Клянусь тебѣ, что затѣмъ она уѣдетъ. Пожалуйста... Кабриолетъ меня дожидается. Черезъ часъ ты вернешься. Поѣдемъ, прошу тебя.

Патеръ сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ неопредѣленныхъ жестовъ, которые докторъ замѣтилъ у него за мессой.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ, — не могу.

И, провожая дядю, прибавилъ:

— Скажите ей, чтобы она обратилась къ Богу... Богъ услышитъ ее, какъ услышалъ меня. Другого спасенія нѣтъ.

Докторъ поглядѣлъ ему въ лицо и сильно пожалъ плечами.

— Прощай, — повторилъ онъ. — Ты здоровъ, и я тебѣ больше не нуженъ.

Но пока онъ отвязывалъ лошадь, Дезирэ, услышавшая его голосъ, примчалась бѣгомъ. Она обожала дядю. Когда она была моложе, онъ слушалъ ея болтовню по цѣлымъ часамъ, не утомляясь. И теперь еще онъ баловалъ ее, интересовался ея скотнымъ дворомъ, охотно проводилъ цѣлыя утра съ нею, посреди

ея курь и утокъ, улыбаясь ей своими пропитательными глазами ученаго. Онъ звалъ ее «дурочка» съ ласковымъ восхищеніемъ. Онъ, повидимому, ставилъ ее гораздо выше другихъ дѣвушекъ, поэтому она бросилась ему на шею съ порывомъ пѣжности. Она кричала:

— Ты остаешься? ты будешь съ нами завтракать?

Онъ поцѣловалъ ее, отказываясь отъ завтрака, освобождаясь отъ ея объятій съ недовольнымъ лицомъ.

Она звонко смѣялась и снова повисла у него на шеѣ.

— Напрасно,—отвѣчала она.—У меня совсѣмъ свѣжія яйца. Я сторожила курь. Онъ спесилъ четырнадцать сегодня утромъ... И мы бы зажарили цыпленка, того, что клюетъ остальныхъ. Ты гдѣ былъ тутъ въ четвергъ, когда онъ выдевалъ глазъ большому вострому пѣтуху.

Дядя не развеселялся. Онъ сердился на узелъ въ поводьяхъ, котораго никакъ не могъ развязать. Тогда она принялась прыгать вокругъ него, хлопая руками, напѣвая тоненькимъ голоскомъ:

— Да, да, ты останешься... Мы его съѣдимъ, мы его съѣдимъ!

И досада дяди не могла не разсѣяться. Онъ поднялъ голову, избулся: она была такъ здорова, такъ оживлена, такъ исрена. Веселость ея была откровенна и безпечна, какъ солнечный лучъ, золотившій ея непокрытый затылокъ.

— Дурочка!—пробормоталъ онъ въ восторгѣ.

Затѣмъ докторъ взялъ ее за руки, а она продолжала прыгать.

— Послушай, только не сегодня. У меня на рукахъ бѣдная мѣнная дѣвушка. Но я приѣду въ другой день.

— Когда? въ четвергъ?—наставала она.—Ты знаешь, корова вѣдь тельная. Ей что-то не по себѣ въ послѣдніе два дня... И вѣдь докторъ, ты, можешь быть, дашь ей какое-нибудь лекарство.

Аббатъ Мурэ, стоявшій возлѣ, спокойный, не могъ не забиться. Докторъ весело сѣлъ въ кабриолетъ, говоря:

— Такъ, такъ, я буду лечить корову... Подойди, дурочка, я бы поцѣлую. Ты воплощенное здоровье. Ты лучше всѣхъ людей. Еслибы всѣ люди были какъ моя дурочка, на землѣ было бы совсѣмъ хорошо.

Онъ прицѣлнулъ языкомъ, подгоняя лошадь, и продолжалъ вѣрить самъ съ собою, въ то время какъ кабриолетъ спускался въ горы:

— Да, намъ надо бы животныхъ, пусть бы всѣ были животными!

Всѣ были бы красивы, веселы, сильны. Ахъ! вотъ идеаль!.. Эта дѣвушка счастлива, какъ ея корова; судьба ея устроена. А ея братъ несчастливъ въ своей сутанѣ, и судьба его не завидна. Немножко больше крови, немножко больше нервовъ—и бѣда!.. жизнь испорчена!.. Типичные Ругоны и типичные Маквары, эти дѣти! Финалъ семьи—окончательное разложеніе: мальчикъ нервный и болѣзненный какъ женщина; дѣвушка—идіотка, сильная и здоровая какъ молодой дубокъ... Что-жъ это такое,—вдругъ спохватился онъ—ужъ не ночевать ли на улицѣ собирается заставить меня эта бестія!

Онъ подогналъ лошадь, и рысью въѣхалъ на гору, которая вела въ Парадѹ.

VII.

Воскресенье было хлопотливымъ днемъ для патера. Онъ служилъ вечерню обыкновенно передъ пустыми скамейками, такъ какъ даже старуха Брошѣ не доводила набожность до того, чтобы являться въ церковь послѣ обѣда. Затѣмъ, въ пять часовъ братъ Арканжіа приводилъ своихъ мальчишекъ въ школу, чтобы въ юрѣ проэкзаменовалъ ихъ изъ катехизиса. Этотъ экзаменъ продолжался иногда очень долго. Когда дѣти оказывались слишкомъ буйными, призывалась Тѣза, которая стращала ихъ метлой.

Въ это воскресенье, около четырехъ часовъ Дезира осталась одна въ приходскомъ домѣ. Ей стало скучно и она пошла срывать травы для кроликовъ на кладбищѣ, гдѣ росли великолѣпныя маки, и кролики ихъ обожали.

— О, какіе чудные подорожники!—пробормотала она, отскывая на колѣни передъ плитой аббата Каффена, въ восторгѣ отъ своей находки.

Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, въ трещинахъ плиты разстигались великолѣпные подорожники. Она набрала ихъ полный передникъ, какъ вдругъ слышала странный шумъ. Трескъ вѣтокъ, скатывающихся камней долетали изъ оврага, прилегавшаго къ одной сторонѣ кладбища, на днѣ котораго текла Масель, рѣчка сбѣгавшая съ высотъ Парадѹ. Обрывъ былъ такъ крутъ, что Дезира подумала, что эта какая-нибудь задиравшая собака или коза. Она живо подбѣжала къ краю обрыва. И, наклонившись, оторопѣла, увидѣвъ среди кустовъ ежевики дѣвушку, карабкавшуюся съ необыкновеннымъ проворствомъ по самымъ выступамъ утѣсовъ.

— Возьмите мою руку,—закричала она ей.— Вы рискуете сломать себѣ шею.

Дѣвушка, видя, что ее замѣтили, вздрогнула отъ испуга и какъ будто приготовилась спуститься обратно въ оврагъ, рискуя сломать себѣ шею. Но, поглядѣвъ вверхъ, успокоилась и даже рѣшилась ущипнуть за протанутую ей руку.

— О! я васъ узнаю,—начала Дезирѣ, довольная, выпуская изъ рукъ передникъ, чтобы охватить ее за талию съ свойственной ей дѣтской лаской.—Вы подарили мнѣ дроздовъ. Они окопали, бѣдные крошки. Я очень горевала... Пойдите, я знаю какъ васъ зовутъ, я слыхала ваше имя. Тѣза часто его повторяетъ, когда Сержа нѣтъ дома. Она мнѣ запретила произносить это имя... Пойдите, я сейчасъ припомню.

И ломала голову съ серьезнымъ лицомъ. Потомъ вдругъ припомнила и повеселѣла, какъ будто прислушиваясь къ музыкальному звуку этого имени.

— Альбина! Альбина!.. Какъ это мило. Я сначала думала, что вы синица, потому что у меня была синица, которую звали въ этомъ родѣ, хорошенько не припомню.

Альбина не улыбалась. Она была блѣдна какъ полотно, и лирическое пламя горѣло въ ея глазахъ. Нѣсколько капель крови вышло изъ ея рукъ. Переведя духъ, она торопливо проговорила:

— Нѣтъ, оставьте. Вы запачкаете свой платокъ, вытирая мои руки. Это ничего, нѣсколько царапинъ... Я не хотѣла идти дорогой, потому что меня увидѣли бы. Я предпочла слѣдовать рѣкой... Сержъ здѣсь?

Это имя, выговоренное такъ фамиллярно и съ подавленной страстью въ голосѣ, нѣсколько не удивило Дезирѣ. Она отвѣтила, что Сержъ тутъ, въ церкви, спрашиваетъ дѣтей катехизисъ.

— Не говорите громко,—произнесла она, прикладывая палецъ къ губамъ.—Сержъ запрещаетъ мнѣ говорить громко, когда спрашиваетъ катехизисъ. А не то насъ придутъ бранить... Пойдите въ конюшню, хотите? Намъ будетъ тамъ покойно; мы можемъ тамъ разговаривать.

— Я хочу видѣть Сержа,—сказала просто Альбина.

Большое дитя заговорило еще тише. Она исподлобья подглядывала на церковь, бормоча:

— Да, да... Сержъ будетъ очень изумленъ. Пойдемте со мной. Мы спрячемся и притаимся. Ахъ! какъ это весело!

Она подобрала связку травы, выпавшую изъ ея передника. Оставивъ кладбище, вернулась въ приходскій домъ, приказавъ Альбинѣ прятаться за ея спиной. Въ то время, какъ онѣ шли по скотному двору, онѣ увидѣли Тѣзу. Она проходила въ ризницѣ, но ихъ будто не замѣтила.

— Ш-ш-ш!—повторяла Дезирэ въ восторгѣ, когда онѣ забилась въ уголь конюшни.—Теперь никто насъ не найдетъ... Здѣсь есть солома... Протанитесь же.

Альбина должна была сѣсть на кучу соломы.

— А Сержъ?—спросила она съ настойчивостью челоуѣкъ, которымъ владѣла *idée fixe*.

— Слушайте; отсюда слышенъ его голосъ... Когда онѣ хлопнетъ въ ладоши, класъ кончится, дѣти уйдутъ... Слушайте, онъ имъ рассказываетъ исторію.

Дѣйствительно, голосъ аббата Мурэ доносился въ дверь ризницы, которую Тѣза, должно быть, оставила открытой. Альбине вздрогнула. Она встала, чтобы бѣжать на этотъ любимый голосъ ласковые звуки котораго были ей такъ знакомы, какъ вдругъ голосъ точно улетѣлъ, заглушенный дверью, которую затворили. Тогда она снова сѣла и стала ждать, сжавъ руки и вся погруженная мыслію, горѣвшей въ глубинѣ ея свѣтлыхъ глазъ. Дезирэ, лежавшая у ея ногъ, глядѣла на нее съ наивнымъ восхищеніемъ.

— О, вы прекрасны,—шептала она.—Вы похожи на одну статую, стоящую въ комнатѣ Сержа. Она была такая же бѣлая какъ вы. Длинные буки вились у нея по плечамъ. Она показывала на красное сердце, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я вижу какъ бьется и ваше... Вы меня не слушаете, вы печальны. Вы играемъ, хотите?

Но вдругъ закричала сквозъ зубы, сдерживая голосъ:

— Плутовки! онѣ выдадутъ насъ.

Она не выпустила травы изъ передника, и животныя браво ея приступомъ. Прибѣжала толпа куръ, кудахтавъ, вложивъ зеленыя травинки, свѣшивавшіяся изъ ея передника. Коза плутовски протолкнула голову подъ ея руку и щипала широкіе листья. Самая маленькая, привязанная къ стѣнѣ, дергала веревку, вытягивала морду и обдавала ее своимъ горячимъ дыханіемъ.

— Ахъ, воровки!—повторяла Дезирэ.—Вѣдь это для воровки!.. Оставьте меня въ покоѣ. Ну, пошла прочь, а не то тебя отхлопаю, и тебя также... Негодныя! онѣ готовы съжечь мои руки.

Она била козу по мордѣ, прогоняла куръ ударомъ въ спину, хлопала изо всей мочи кулакомъ корову по мордѣ. Но животныя отряхивались и снова возвращались, прозорливѣе чѣмъ прежде, прыгали на нее, тѣснились къ ней, рвали ея передникъ. И въ сущности она была этому рада, несмотря на свой гнѣвъ.

Она подмигивала глазами, шепча на ухо Альбинѣ, точно животныя могли ее слышать:

— Какія они забавныя, мои души! Подождите, вы увидите, какъ они ѣдятъ.

Альбина глядѣла съ своимъ серьезнымъ видомъ.

— Ну, будьте пайныи,—начала Дезирэ.—Вамъ всѣмъ достанется. Но каждой поочереди... И прежде всѣхъ большой Лизѣ. Гмъ! ты очень любишь подорожникъ!

Большая Лиза, то-есть корова, медленно зажевала пригоршню жирныхъ листьевъ, выросшихъ на могилѣ аббата Каффена. Небольшая струйка слюны висѣла на ея мордѣ. Большіе темные глаза ея свѣтились кротою жадностью.

— Теперь твоя очередь,—продолжала Дезирэ, обращаясь къ козѣ.—О! я знаю, что ты хочешь маку, и съ цвѣтами, не правда ли?.. Вотъ, нѣ, какіе красивые. Я ихъ сорвала въ лѣвомъ углу, гдѣ похоронили кого-то въ прошломъ году.

И говоря это, она подавала козѣ букетъ кровавыхъ цвѣтовъ, и та принялась ихъ грызть. Когда у Дезирэ въ рукахъ остались одни стебли, она сунула ихъ козѣ въ зубы. Сзади разъяренные бурн рвали ея юбки. Она бросила имъ дикаго цикорія и одувачивовъ, которыхъ нарвала вокругъ старыхъ плитъ, вытягивавшихся вдоль церковной стѣны. Куры съ такою жадностью накиннулись на одувачики, и такъ зашумѣли крыльями, что остальные животныя скотнаго двора сбѣжались. Большой пѣтухъ Александръ появился первый. Онъ клюнулъ одувачикъ и раскололъ его на двое, не глотая его. Онъ звалъ куръ, отставшихъ отъ другихъ, и отступалъ, приглашая ихъ ѣсть. И вотъ, подошла бѣлая курица, за ней черная, затѣмъ цѣлая вереница куръ, толкавшихъ другъ друга, всакивавшихъ одна на другую. За курами явились голуби, утки, гуси, наконецъ индѣйки. Дезирэ хотала надъ этимъ наплывомъ живыхъ волнъ, повторяя:

— Всякій разъ, что я приношу травы съ кладбища, повторяется та же исторія. Они готовы изгрызть другъ друга, чтобы поѣсть ее... Должно быть, она очень вкусна.

И она отбивалась отъ нихъ, приподнимая послѣдніе стебли травы, чтобы спасти ее отъ этихъ прожорливыхъ клювовъ, протягивавшихся къ ней, повторяя, что нужно оставить эту траву для кроликовъ, что она разсердится, посадить ихъ всѣхъ на хлѣбъ и на воду. Но начинала сдаваться. Гуси дергали за уголки ея средника такъ сильно, что она едва удерживалась на ногахъ. Два голубя сѣли къ ней на голову. Куры подпрыгивали до самихъ ея плечъ. Въ нихъ разыгралась кровожадность животныхъ,

чующихъ близость мяса, жирныхъ подорожниковъ, кровавыхъ маковъ, одуванчиковъ, полныхъ сомовъ, разжирѣвшихъ на счетъ мертвецовъ. Ей было слишкомъ смѣшно, и она боялась, что ее сейчасъ свалитъ съ ногъ, и она выпустила изъ рукъ послѣдніе двѣ охапки, какъ вдругъ сердитое ворчаніе произвело панику вокругъ нея.

— Это ты, мой толстякъ, — проговорила она, обрадованная. — Съѣшь ихъ, освободи меня.

Вбѣжала свинья. То уже не былъ больше маленькій поросенокъ, розовый, какъ только-что выкрашенная игрушка, съ хвостикомъ, похожимъ на веревочку, но толстый боровъ, годный къ убою, круглый, какъ брюхо пѣвчаго, покрытый грубой щетиной, сочившейся жиромъ. Брюхо у него было янтарнаго цвѣта, потому что онъ валялся въ навозѣ. Выпятивъ рыло, онъ катился, точно на колесахъ и бросился въ кучу животныхъ, а это позволило Дезирѣ убѣжать и отнести кроликамъ тѣ нѣсколько травянокъ, которыя она такъ мужественно отстаивала. Когда она вернулась, спокойствіе было восстановлено. Гуси мягко раскачивали своими длинными шеями, одурѣлые, блаженные; утки и индюки уходили вдоль стѣнъ, осторожно ковыляя, точно калѣки; куры шопотомъ кудахтали, подбирая незамѣтныя зернышки на плотной землѣ конюшни, между тѣмъ какъ свинья, коза и большая корова мигали рѣсницами, точно ихъ клонилъ сонъ. На дворѣ нагряпывалъ крупный дождь.

— Ну, вотъ и дождь пошелъ, — сказала Дезирѣ, усаживаясь на солому и пожимаясь. — Вы хорошо сдѣлаете, оставшись здѣсь, мои милашки, если только не хотите быть вымоченными.

Она повернулась къ Альбинѣ, прибавивъ:

— Гм!.. не правда ли, что онѣ большія сони? Онѣ просятъ только за тѣмъ, чтобы ѣсть!

Альбина молчала. Смѣхъ этой красивой дѣвушки, возившейся съ животными, нагналъ на нее еще пущую тоску. Столько веселья, здоровья, жизни приводили ее въ отчаяніе. Она прижимала лихорадочныя руки къ наболѣвшей отъ разлуки груди.

— А Сержъ? — переспросила она все тѣмъ же голосомъ, рѣзкимъ и упрямымъ.

— Ш-ш! — отвѣчала Дезирѣ: — я сейчасъ слышала его голосъ, онъ еще не кончилъ... Мы страшно шумѣли сію минуту; должно быть, Тѣза оглохла сегодня вечеромъ... Будемъ теперь сидѣть смирно. Такъ приятно слышать, какъ падаетъ дождь.

Дождь пронивалъ сквозь раскрытую дверь и обливалъ но-

рогъ. Встрепоженныя куры, попытавшись-было выдти изъ ко-
юшны, отступили въ самую глубину ея; всѣ животныя искали
тамъ убѣжища вокругъ платя обѣихъ дѣвушекъ, за исключеніемъ
трехъ утокъ, которыя спокойно ушли разгуливать подъ дождемъ.
Въ соломѣ было очень тепло. Дезирѣ притянула двѣ большихъ
охапки и развалилась на нихъ, какъ на подушкахъ. Ей было
очень ловко и пріятно.

— Какъ это чудесно,—шептала она.—Лягьте, какъ я. Мнѣ
такъ мягко и ловко, и солома щекочетъ меня, когда объ нее
потрешься, точно мыши бѣгаютъ подъ платьемъ.

И она каталась по соломѣ, хохотала, хлопала направо и
налѣво, словно защищаясь отъ мышей.

— Катаетесь ли вы въ соломѣ у себя дома? Я ничего не
знаю пріятнѣе... А вотъ тоже иногда я щечочу себѣ пятки. Это
тоже очень смѣшно... Скажите, а вы чтó дѣлаете, чтобы не
скучать?

Но большой рыжій пѣтухъ, важно выступавшій, видя, что
она лежитъ, вскочилъ къ ней на грудь.

— Убирайся, Александръ!—закричала она.—Вотъ дуракъ!
Я не могу лечь, чтобы онъ не вскочилъ на меня... Мнѣ тя-
жело, ты меня царапаешь своими когтями, слышишь?.. Ну, по-
жалуй, оставайся, только будь умница, не дерь меня за волосы,
слышишь?

И больше не обращала на него вниманія. Пѣтухъ смиренно
стоялъ у ней на груди и какъ будто глядѣлъ своимъ огненнымъ
глазомъ въ ея подбородокъ. Другія животныя подошли къ ней.

— Ахъ! какъ славно, я сейчасъ и устану, какъ поваляюсь
на соломѣ. Солома нагоняетъ сонъ, не правда ли?.. Сержъ этого
не любитъ. Да и вы, можетъ быть, также. Но чтó же вы лю-
бите?.. Скажите-ка, мнѣ хочется знать.

Она тихонько засыпала. Съ минуту лежала съ широко-рас-
крытыми глазами, точно придумывала, какія могутъ быть еще
удовольствія, ей незнакомныя. Потомъ опустила глаза, съ сповой-
ной улыбкой, съ довольнымъ видомъ. Она какъ будто задремала,
но вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, снова раскрыла глаза,
проговоривъ:

— Борова должна отелиться... Вотъ чтó весело-то, такъ ве-
село. Это меня повабавитъ больше всего остального...

И крѣпко заснула. Животныя покрывали ее. Она совсѣмъ
забрала подъ волной ихъ живыхъ перьевъ. Куры сидѣли у нея
за ногахъ, гуси грѣли своимъ пухомъ ей бока. Слѣва пріютился
баранъ, справа коза просунула свою бородатую голову ей подъ

мышку. Голуби забились за плечи, въ открытыя руки. Она спала, вся раскраснѣвшись, ласкаемая дыханіемъ коровы, пригрѣтая большимъ рожимъ пѣтухомъ.

Дождь на дворѣ полилъ сильнѣе. Лучь солнца, пробившійся сквозь уголокъ облака, золотилъ водяныя брызги. Альбина сидѣла неподвижно, глядя, какъ спала Дезирэ на соломѣ. Ей было завидно глядѣть на эти сильныя руки, на эту могучую грудь, на это чисто животное развитіе, дѣлавшее изъ этой жирной дѣвочки спокойную сестру большой бѣло-рыжей коровы. Дождь почти совсѣмъ пересталъ. Три домашнія кошки, одна за другой, пробирались вдоль стѣны, употребляя невѣроятныя усилія, чтобы не замочиться. Онѣ заглянули въ конюшню, прямо подошли къ спавшей Дезирэ, и помѣстились подлѣ нея. Муму, большой черный котъ, свернулся клубкомъ у одной изъ ея щекъ и тихонько лизалъ ей подбородокъ.

— А Сержъ?—машинально пробормотала Альбина.

Въ чемъ скрывалось препятствіе? Кто мѣшалъ ей быть такою же счастливой на лонѣ природы? Почему она не любила и почему ее не любили открыто, свободно, какъ растутъ деревья? Она не знала, она сознавала себя покинутой, навѣки убитой. И въ ней жило упорное желаніе, потребность вернуть свое счастье, снова завладѣть имъ и не выпускать болѣе изъ своихъ рукъ. Дверь ризницы отворилась; послышался легкій стукъ въ ладоши, и за нимъ послѣдовалъ шумъ толпы дѣтей, стучавшихъ своими деревянными башмаками о плиты; урокъ катехизиса былъ конченъ. Она тихонько вышла изъ конюшни, гдѣ дождалась больше часу. Пробираясь вдоль корридора, который велъ въ ризницу, она увидѣла спину Тѣзы, вошедшей въ кухню, не поворачивая головы. Она толкнула дверь, придерживая ее рукой, чтобы она закрылась безъ шума, и очутилась въ церкви.

VIII.

Сначала она никого не увидѣла. На дворѣ опять шелъ дождь, мелкій, неотвязный дождь. Церковь показалась ей совсѣмъ сѣрой; она обошла главный престолъ и подошла къ каедрѣ. Посреди стояли однѣ лавки, сдвинутыя съ мѣста шалунами, учившимися катехизису. Маятникъ часовъ глухо стучалъ въ этой пустотѣ. Тогда она пошла постучаться въ исповѣдальню, но, проходя мимо придѣла *des Morts*, увидѣла аббата Мурэ, распростертаго передъ Распятіемъ. Онъ не шевелился, думая вѣроятно, что то Тѣза при-

брасать свамейки позади него. Альбина положила ему руку на плечо.

— Сержъ,—произнесла она,—я пришла за тобой.

Патеръ подвѣлъ голову и вздрогнулъ, поблѣднѣвъ какъ смерть. Онъ не всталъ съ колѣнъ и перекрестился; губы его еще бормотали молитву.

— Я ждала тебя,—продолжала она.—Каждое утро, каждый вечеръ я глядѣла, не идешь ли ты. Я считала дни, потомъ бросила считать. Съ тѣхъ поръ прошли цѣлыя недѣли... Потомъ я узнала, что ты не придешь, и сама пришла. Я говорила себѣ: я уведу его... Дай мнѣ твою руку, пойдемъ.

И она протанула руки, какъ-бы желая помочь ему встать. Онъ же снова перекрестился, и продолжалъ молиться, сдержавъ первый трепеть нервовъ. Въ благодати, оснѣнявшей его съ утра, онъ терпалъ сверхъ-естественныя силы.

— Здѣсь вамъ не мѣсто,—проговорилъ онъ важно.—Удалитесь. Вы усиливаете свои страданія.

— Я больше не страдаю,—отвѣчала она съ улыбкой.—Я чувствую себя лучше, я здорова, потому что вижу тебя... Я прикидывалась больною, чтобы тебя прислали ко мнѣ. Теперь я могу въ этомъ признаться. Я тоже вотъ обѣщала уѣхать, повидавшись съ тобой; надѣюсь, что ты не повѣрилъ тому, что я сдержу это обѣщаніе. Какъ бы да не такъ! скорѣе я унесла бы тебя на своихъ плечахъ... Другіе не знаютъ этого, но ты вѣдь хорошо знаешь, что я не могу жить безъ тебя.

Она развеселилась, подошла, ласкаясь, какъ свободный ребенокъ, не замѣчая холодной строгости патера. Нетерпѣніе брало ее, она весело захопала въ ладоши, крича:

— Скорѣе, рѣшайся, Сержъ... Мы только теряемъ время! Чего тутъ долго думать. Я уведу тебя, кажется, проще этого быть ничего не можетъ... Если ты не желаешь, чтобы насъ видѣли, мы пойдемъ по теченію Маскля; дорога не очень удобна, но вѣдь я же пришла по ней; мы будемъ помогать другъ другу... Ты вѣдь знаешь дорогу, неправда ли? Мы перейдемъ черезъ кладбище, спустимся къ руслу рѣки и спокойно пойдемъ вдоль нея до самаго сада. И какъ тамъ хорошо, внизу! никого нѣтъ, только одна ежевика, да хорошенькіе круглые камни. Русло почти высохло. Когда я шла сюда, то думала: «когда онъ сейчасъ пойдетъ со мной, мы будемъ идти тихо, тихо, обнявъ другъ друга»... Идемъ, скорѣе, я жду тебя, Сержъ.

Патеръ какъ будто не слышалъ ее. Онъ снова сталъ на колѣна и молилъ небо ниспослать ему мужество святыхъ. Прежде

чѣмъ возобновить рѣшительную борьбу, онъ вооружался мечомъ вѣры. Одну минуту онъ побоялся оказаться малодушнымъ; ему требовалось геройство мучениковъ, чтобы оставаться на колѣняхъ, когда каждое слово Альбины призывало его; сердце его рвалось къ ней, вся кровь кипѣла въ немъ; ему хотѣлось сжать ее въ объятіяхъ, поцѣловать ея волосы. Своимъ дыханіемъ она пробудила воспоминанія объ ихъ былой нѣжности, о большомъ садѣ, о прогулкахъ подъ деревьями, о блаженствѣ ихъ союза. Но благодать освѣжила его точно росой. Пытка длилась всего минуту, и вырвала у него сердце, опорожнила кровь изъ его жилъ и не оставила въ немъ ничего человѣческаго; онъ былъ вещью Бога.

Альбина снова дотронулась до его плеча. Она тревожилась и мало-по-малу раздражалась.

— Почему ты не отвѣчаешь? Ты не можешь отказать мнѣ, ты пойдешь со мной... Подумай, что я умру, если ты откажешься. Но нѣтъ, это невозможно. Вспомни, мы были вдвоемъ, мы никогда не должны были покидать другъ друга. И ты двадцать разъ повторялъ мнѣ, что ты мой. Ты говорилъ мнѣ: возьми меня всего, возьми мое тѣло, возьми мою душу, возьми мою жизнь... Вѣдь не приснилось же мнѣ все это. Ты весь принадлежишь мнѣ. Руки твои — мои, я ихъ сжимала въ своихъ въ теченіи долгихъ часовъ. И твое лицо, губы, глаза, твой лобъ — все это принадлежитъ мнѣ... Слышишь, Сержъ?

Она выпрямилась передъ нимъ, точно царица, вытянувъ руки, и повторила болѣе громкимъ голосомъ:

— Слышишь, Сержъ? Ты принадлежишь мнѣ!

Тутъ аббатъ Мурѣ медленно приподнялся съ колѣнъ. Онъ прислонился къ престолу, говоря:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, я принадлежу Богу.

Онъ былъ спокоенъ. Лицо его походило на каменное изваяніе святого, несмущаемое ничѣмъ земнымъ. Сутана его падала прямыми складками, точно черный саванъ, и нисколько не обрисовывала его тѣла. Альбина отступила при видѣ мрачнаго преемствія своей любви. Она не видѣла больше у него ни бороды, ни кудрей. Теперь, посреди его обстриженныхъ волосъ, она видѣла блѣдное пятно, тонзуру, тревожившую ее точно неизвѣстнымъ болѣзнь, точно какая-то рана, изгладившая въ немъ память о былыхъ счастливыхъ дняхъ. Она не узнавала ни его теплыхъ рукъ, ласкавшихъ ее, ни гибкой шеи, нагнбавшейся, чтобы лучше рассмотреть ее, ни рѣзвыхъ ногъ, уносившихъ ее бѣгомъ подъ деревья. Куда дѣвался юноша съ здоровыми мускулами, съ открытымъ воротомъ, сквозь который виднѣлся пухъ, покрывавшій

его грудь? Въ настоящую минуту онъ казался безплотнымъ, волосы его были обрѣзаны, вся его мужественность скрадывалась въ этомъ женскомъ платьѣ, лишившемъ его пола.

— О! прошептала она, ты меня пугаешь... Развѣ ты воображилъ, что я умерла, что надѣлъ по мнѣ трауръ? Сними это черное одѣяніе, надѣнь блузу. Ты засучишь рукава, и мы станемъ опять ловить раковъ... Твои руки были такъ же бѣлы, какъ и мои.

Она сдѣлала движеніе, точно хотѣла сорвать съ него суктану. Но онъ оттолкнулъ ее жестомъ, не прикасаясь къ ней. Онъ глядѣлъ на нее, укрѣпляясь противъ соблазна, не спуская съ нея глазъ. Ему показалось, что она выросла, пополнила, похорошѣла. То была уже не дѣвочка, украшавшая себя букетами изъ дикихъ цвѣтовъ, оглашавшая воздухъ цыганскимъ смѣхомъ; не влюбленная дѣвушка, одѣтая въ бѣлыя юбки, съ гибкой таліей и медлительной походкой. Теперь она превратилась въ женщину. И патеръ съ горькой радостью вызывалъ на борьбу ласку ея красныхъ губъ, смѣхъ ея глазъ, призывъ ея груди, страсть, какою дышало каждое ея движеніе. Онъ доводилъ смѣлость до того, что оглядывалъ уголки глазъ, уголки рта, узкіе носки, гладкіе какъ атласъ, янтарный затылокъ, шелковистый какъ бархатъ. Никогда, даже въ объятіяхъ Альбины, не испытывалъ онъ такого блаженства, какъ теперь, когда пыталъ себя тѣмъ, что глядѣлъ въ лицо страсти, отъ которой отказывался. Потомъ, вдругъ убоился поддаться какому-нибудь новому соблазну плоти, опустилъ глаза и проговорилъ съ кротостью:

— Я не могу выслушать васъ здѣсь. Выйдемъ, если вы непременно хотите усилить наши страданія... Наше присутствіе здѣсь срамъ. Мы здѣсь въ домѣ Бога.

— Кто такой Богъ?—закричала Альбина, разъяренная, снова превращаясь въ своевольную дикарку.—Я его не знаю, твоего Бога, и не хочу его знать, если онъ отнимаетъ тебя у меня. Мой дядя, Жанбернатъ, говорить, должно быть, правду, что твой Богъ есть вымыселъ злыхъ людей, средство пугать людей и заставлять ихъ плавать... Ты лжешь, ты меня не любишь, твоего Бога не существуетъ.

— Вы въ Его домѣ,—повторилъ аббатъ Мурэ съ силой.—Вы богохульствуете, однимъ дуновеніемъ Онъ можетъ обратить васъ въ прахъ.

Она высокомерно засмѣялась, и подняла руки, вызывая небо на борьбу.

— Значить,—произнесла она,—ты предпочитаешь своего Бога

мнѣ! Ты думаешь, что онъ сильнѣе меня... Ты воображаешь, что онъ больше любитъ тебя, чѣмъ я... Послушай! ты ребенокъ! Оставь эти глупости. Мы вмѣстѣ вернемся въ садъ и будемъ любить другъ друга, будемъ счастливы и свободны. Вотъ жизнь!

На этотъ разъ ей удалось схватить его станъ рукой. Она потащила его. Но онъ вырвался, весь задрожавъ отъ ея привошенія, и подбѣжалъ къ алтарю, забывшись и говоря ей «ты», какъ въ былое время.

— Уйди,—лепеталъ онъ.—Если ты меня еще любишь, уйди... О, Боже! прости мнѣ, что я осверняю твой домъ! Если бы я вышелъ съ ней за дверь, то, быть можетъ, послѣдовалъ за ней. Но въ твоёмъ домѣ я силенъ. Дозволь мнѣ остаться здѣсь, чтобы оборонять тебя!

Альбина помолчала съ минуту. Затѣмъ, успокоившимся голосомъ произнесла:

— Хорошо, останемся здѣсь... Я хочу переговорить съ тобой. Ты не можешь быть злымъ. Ты меня поймешь. Ты не отпустишь меня одну... Нѣтъ, не отнѣживайся. Я не стану больше дотрогиваться до тебя, если это тебѣ неприятно. Ты видишь, я очень спокойна. Мы тихонько побесѣдуемъ, какъ бесѣдовали, когда намъ случалось заблудиться, и мы не очень торопились найти дорогу.

Она улыбнулась и продолжала:

— Я ничего не знаю. Дядя Жанбернатъ запрещалъ мнѣ входить въ церковь. Онъ мнѣ говорилъ: дура, у тебя есть садъ, къ чему тебѣ задыхаться въ лачугѣ, гдѣ душно?.. Я выросла счастливая. Я глядѣла на гнѣзда, никогда не трогая яицъ. Я даже не срывала цвѣтовъ, изъ боязни причинить имъ боль. Ты знаешь, что я никогда не мучила ни одного насѣкомаго... Такъ за что же Богъ будетъ сердиться на меня?

— Надо познать Его, молиться Ему, ежедневно воздавать Ему хвалу,—отвѣчалъ патерьъ.

— Это доставило бы тебѣ удовольствіе, неправда-ли?—отвѣчала она. — Ты простилъ бы меня, любилъ бы меня?.. Ну, хорошо! твои желанія для меня законъ. Говори мнѣ о Богѣ, я увѣрую въ него и буду ему поклоняться. Каждое твое слово будетъ истиной и я буду выслушивать ее на волѣняхъ. Развѣ у меня когда-нибудь бывала иная воля, чѣмъ твоя?.. Мы возобновимъ наши длинныя прогулки, ты будешь наставлять меня, сдѣлаешь изъ меня все, что тебѣ угодно. О! согласишься, молю тебя!

Аббатъ Мурэ показалъ на свою сутану.

— Не могу,—отвѣчалъ онъ просто.—Я патерьъ.

— Патерь!—повторила она, переставъ улыбаться.—Да, дядя утверждаетъ, что у патеровъ нѣтъ ни жены, ни сестры, ни матери. Значить, это правда? Зачѣмъ же ты приходилъ ко мнѣ? Вѣдь ты избралъ меня своей сестрой, своей женой. Ты, значить, лгалъ?

Онъ поднялъ свое блѣдное лицо, по которому струился то-склиивый потъ.

— Я согрѣшилъ,—пролепеталъ онъ.

— Я,—продолжала она,—когда увидѣла, что ты свободенъ, подумала, что ты больше не патерь... Я подумала, что это конечно, что ты навсегда останешься со мной, будешь жить для меня одной... А теперь, что же ты хочешь, чтобы я дѣлала, когда ты унесъ съ собой всю мою жизнь!

— То же, что дѣлаю я,—отвѣчалъ онъ.—Преклони колѣна, умири на колѣняхъ и не вставай, пока Богъ не проститъ.

— Ты, значить, негодяй?—произнесла она съ новымъ приливомъ гнѣва и съ дрожащими отъ презрѣнія губами.

Онъ зашатался, но промолчалъ. Страшная боль сжимала ему горло; но онъ не поддавался ей. Онъ прямо держалъ голову и почти улыбался своими дрожащими губами. Альбина съ минуту пристально глядѣла на него. Потомъ съ новой вспышкой закричала:

— Отвѣчай же, обвиняй меня; скажи, что я соблазнила тебя. Это будетъ вѣрхомъ всего... Да, я позволяю тебѣ обвинять меня. Прибей меня, я предпочла бы удары твоей мертвой неподвижности. Развѣ у тебя нѣтъ сердца? Развѣ ты не слыхалъ, что я назвала тебя негодяемъ? Да! ты негодяй, ты не долженъ былъ любить меня, если не можешь быть мужчиной... Не стѣсняетъ ли тебя твое черное одѣяніе? Сорви его. Когда его не будетъ на твоихъ плечахъ, ты, можетъ быть, вспомнишь все...

Патерь медленно повторилъ тѣ же самыя свои слова:

— Я согрѣшилъ, для меня нѣтъ извиненія. Я раскаяваюсь въ своемъ проступкѣ, не надѣясь на прощенье. Еслибы я сорвалъ свое одѣяніе, то сорвалъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ и свое тѣло, потому что я весь предался Богу, душой и тѣломъ. Я патерь.

— А я! а я!—закричала въ послѣдній разъ Альбина.

Онъ не опустилъ головы.

— Пусть ваши страданія зачтутся мнѣ въ преступленіе! Пусть я вѣчно буду наказанъ за то, что долженъ покинуть васъ. Пусть будетъ справедливо... Не взирая на свою недостойность, я каждый вечеръ молюсь за васъ.

Она пожала плечами съ уныніемъ. Гнѣвъ ея растаялъ. Ею овладѣла чуть не жалость.

— Ты сумасшедшій,—пробормотала она.—Оставь свои молитвы при себѣ. Ты мнѣ нуженъ, а не твои молитвы... Никогда ты не поймешь меня. Мнѣ нужно было связать тебѣ такъ много! А ты все сердись меня своими дикими исторіями... Послушай, будемъ благоразумны оба. Подождемъ, пока оба успокоимся. Мы еще поговоримъ... Невозможно, чтобы ты такъ отпустилъ меня. Ты такой холодный, точно мертвый, потому что находишься здѣсь... Не будемъ больше говорить. Подождемъ.

Она умоляла и сдѣлала нѣсколько шаговъ, оглядывая маленькую церковь. Дождь продолжалъ барабанить въ стекла. Холодный свѣтъ, пропитанный сыростью, казалось, увлажнялъ стѣны. Со двора не долетало никакого шума, кромѣ однообразнаго шума дождя. Воробьи, должно быть, забились подъ крышу; рябина протгивала свои вѣтки, орошенные дождевой пылью. Пять часов пробило, затѣмъ безмолвіе воцарилось еще глуше, еще безнадежнѣе, еще безотвѣтнѣе. Едва высохшая размалевка придавала главному алтарю и панелямъ печальную опрятность, напоминавшую монастырскую церковь, куда солнце никогда не проникаетъ. Горестная агонія наполняла средину церкви, забрызганную кровью, текшую съ распятія, а вдоль стѣны четырнадцать изображеній страстей Господнихъ развертывали свою ужасную драму. Тут жизнь агонизировала, на этихъ престолахъ, походившихъ на могилы, среди обнаженности этого могильнаго склепа. Все говорило объ убіеніи, мракѣ, страхѣ, подавленности, ничтожествѣ. Слабый запахъ ладана носился точно послѣднее дыханіе какой-нибудь покойницы, ревниво задушаемое подъ плитами.

— Ахъ!—проговорила наконецъ Альбина,—какъ было хорошо на солнцѣ, помнишь!.. Однажды утромъ, это было по лѣвую сторону цвѣтника, мы шли вдоль стѣны высокихъ розановъ. Я помню цвѣтъ травы, она была почти голубая, съ зеленымъ отливомъ. Когда мы дошли до конца стѣны, то вернулись назадъ, такъ сладко было на солнцѣ! И въ это утро все наше гуляніе ограничилось этимъ: двадцать шаговъ впередъ, двадцать шаговъ назадъ; то былъ счастливый уголокъ, откуда не хотѣлось уходить. Пчелы жужжали. Одна синица ни за что не хотѣла разлучиться съ нами и все прыгала съ вѣтки на вѣтку; вереницы животныхъ шли вокругъ насъ по своимъ дѣламъ. Ты шепталъ: жизнь прекрасна! Жизнь—это травы, деревья, воды, небо, солнце, которое золотило наши волосы...

Она задумалась и потомъ продолжала:

— Жизнь была садъ, Парадъ! Какъ онъ намъ казался великъ! Мы никакъ не могли исходить его въ конецъ. Зеленъ застилала весь горизонтъ, раскидывалась на просторѣ съ шумомъ волнъ. И какая лазурь разстилалась у насъ надъ головами! Мы могли расти, летать, носиться, какъ облако, не встрѣчая препятствій. Воздухъ принадлежалъ намъ...

Она умоляла и показала жестомъ на сдавленные стѣны церкви.

— А здѣсь ты точно во рву. Ты не могъ бы раскинуть руку, не ободравъ ихъ о камень. Сводъ давитъ тебя, скрываетъ отъ тебя небо, лишаетъ солнца. Церковь такъ мала, что твои члены застываютъ въ ней, точно ты лежишь живой подъ землей.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ патеръ. — Церковь велика какъ міръ. Богъ помѣщается въ ней.

Новымъ жестомъ она указала на Распятіе, на страсти Господни.

— И ты живешь среди смерти. Травы, деревья, воды, солнце, небо—все умираетъ вокругъ тебя.

— Нѣтъ, все оживаетъ, все очищается, все возносится къ источнику свѣта.

Онъ выпрямился съ пламенемъ въ глазахъ, и отошелъ отъ алтара, отнынѣ неуязвимый, охваченный такой вѣрой, что презиралъ опасности соблазна. Онъ взялъ Альбину за руку, говоря ей «ты», какъ сестрѣ, и подвелъ ее къ горестнымъ изображеніямъ шествія на Голгоуу.

— Гляди, — сказалъ онъ, — вотъ что выстрадалъ мой Богъ... Христа били розгами. Ты видишь, плечи его обнажены, тѣло истерзано, кровь течетъ до самаго пояса... Христа увѣнчиваютъ терніями. Капли крови струятся изъ его пробитаго чела. Большой рубецъ исполосовалъ его високъ... Христа оскорбляютъ воины. Палачи набросили ему въ насмѣшку ключокъ пурпура вокругъ шеи и плюютъ ему въ лицо, бьютъ по щекамъ, ударами молотка жимаютъ терновый вѣнецъ въ голову... О! благословенно страданіе! Я хочу страдать какъ Христосъ. По какому праву стану я жаловаться на свои ребяческія страданія, въ виду этой божественной агоніи? Твое сердце вздыхаетъ, ты сожалѣешь о мимолетныхъ наслажденіяхъ, ты оплачиваешь свои жалкіе дни. Но что все это! Вотъ здѣсь Христосъ умираетъ за тебя!

Альбина отворачивала голову, чтобы не видѣть картинъ, грубо размазанныхъ, на которыхъ красные рубцы пересекали кожу Христа, цвѣта охры. Ключекъ пурпуровой мантии на его шее казался содранной кожей.

— Къ чему страдать, къ чему умирать! — повторяла она. — О, Сержъ! еслибы ты помнилъ о томъ, что было!.. Ты мнѣ говорилъ въ тотъ день, что усталъ. А я знала, что ты лжешь, потому что было не жарко, и мы ходили всего какихъ-нибудь четверть часа. Но тебѣ хотѣлось състь, чтобы обнять меня. На опушкѣ фруктоваго сада росла вишня, у ручья, мимо которой ты не могъ проходить, не испытывая желанія поцѣловать мои руки... Мы плакали надъ увядшими цвѣтами. Однажды, когда ты нашелъ мертваго жаворонка въ травѣ, ты весь поблѣнѣлъ и прижалъ меня къ груди, какъ-бы затѣмъ, чтобы заштити отъ смерти.

Патеръ подвелъ ее къ другимъ картинамъ.

— Молчи!—кричалъ онъ:—гляди, слушай еще! Надо, чтобы ты поверглась во прахъ отъ горести и состраданія... Вотъ Христосъ изнемогаетъ подъ тяжестью креста. Выходъ на Голгоуе тгостень. Онъ упалъ на колѣни и ободралъ ихъ о камни дороги. Крестъ такъ тяжелъ, что давить его. Онъ даже не вытираетъ пота съ лица, и снова приподнимается и продолжаетъ свой путь... Христосъ снова упалъ подъ крестомъ. Онъ шатается на каждомъ шагу. На этотъ разъ онъ упалъ на бокъ, и такъ сильно, что лежитъ нѣсколько минутъ бездыханный. Истерзанныя руки выпустили крестъ. Избитыя ноги оставляютъ позади себя кровавыя слѣды. Страшная тяжесть давить его плечи, потому что онъ не сеть грѣхи міра... Боже мой! я не хочу иного пути, чтобы придти къ тебѣ, какъ Голгоуе! Я буду нести свой крестъ безъ одинаго вдоха ропота. То путь къ вѣчному блаженству.

Альбина поглядѣла на статую Христа въ голубой туникѣ, распростертаго подъ крестомъ чудовищной величины. Потомъ, съ разсѣянными взорами, прошептала:

— О! милыя тропинки луговныя!.. Ты, значить, ничего большаго не помнишь, Сержъ? Ты позабылъ о тропинкахъ, поросших шелковой травой, которая тянется черезъ луга, среди большихъ озеръ зелени... Въ то утро, о которомъ я тебѣ говорю, мы вышли погулять всего на одинъ часокъ. Но вмѣсто того, все шли впередъ; уже звѣзды зажглись надъ нашими головами, а мы все шли. Этотъ безконечный коверъ, тонкій какъ шелкъ, былъ такъ пріятенъ. Ноги наши не натывались ни на камни, ни на песокъ. Мы шли точно по зеленому морю, и его зеленая вода убаюкивала насъ. И мы хорошо знали, куда насъ вели эти нѣжныя тропинки, нигуда не приводившія. Онѣ вели насъ къ любви, къ увѣренности въ своемъ счастіи... Мы вернулись нѣсколько не утомленные.

Руками, дрожащими отъ волненія, аббатъ Мурэ указывалъ на послѣднія картины. Онъ лепеталъ:

— И Христа привязали къ кресту. Ударами молота вбивали гвозди въ его руки. Однимъ гвоздемъ пробили насквозь его ноги. Онъ же въ то время, какъ плоть его истязуется, улыбается, поднимая глаза къ небу... Христосъ виситъ между двумя разбойниками. Подъ тяжестью его тѣла, раны его расширяются. Съ его лица, съ его тѣла струится кровавый потъ. Разбойники оскорбляютъ его, прохожіе насмѣхаются надъ нимъ, воины дѣлаютъ ризы его. И мракъ сгущается, солнце прячется... Христосъ умираетъ на крестѣ. Онъ испускаетъ громкій вопль, и испускаетъ духъ. Какая страшная смерть! Завѣса храма разодралась на-двое, отъ верху до низу; земля содрогнулась, камни растрескались, гробы раскрылись. Проклятіе на вселенную, распявшаю Христа! Пусть я умру вмѣстѣ съ нимъ на крестѣ, пусть я улечу на небо, пусть я буду избавленъ отъ сверны грѣха!

Онъ упалъ на колѣни и рыдалъ, устремивъ глаза на три креста, возвышавшіеся на Голгоѣ. Альбина встала передъ образами, чтобы закрыть ихъ отъ него.

— Разъ вечеромъ, — говорила она, — въ долгіе сумерки, я положила голову на твои колѣни... Мы были въ лѣсу, въ концѣ большой аллеи изъ каштановъ, и заходящее солнце золотило ее волшебнымъ лучомъ. Ахъ! какое нѣжное то было разставанье! Солнце замѣшалось у нашихъ ногъ съ доброй улыбкой друга, говорившаго намъ: до свиданія! Небо медленно блѣднѣло. Я, вѣясь, рассказывала тебѣ, что оно снимаетъ свое голубое платье и сейчасъ надѣнетъ черное, съ золотыми цвѣтами, чтобы ѣхать на вечеръ. Ты же дожидался сумерекъ съ нетерпѣніемъ, чтобы остаться наединѣ со мной, безъ солнца, стѣснявшаго насъ. Тогда я, видя, что день не проходитъ такъ скоро, какъ тебѣ этого хотѣлось, притворилась, что заснула. Теперь я могу признаться тебѣ, я не спала въ то время, какъ ты поцѣловалъ мои глаза. Я наслаждалась твоими поцѣлуями. Да и деревья такъ же спали, какъ и я... Ночью, помнишь, цвѣты сильнѣе пахли.

И такъ какъ онъ все еще оставался на колѣняхъ, съ лицомъ, облитымъ слезами, она схватила его за руки, подняла съ полу, крича со страстью:

— О! еслибы ты зналъ, ты бы велѣлъ мнѣ унести себя, ты обхватилъ бы руками мою шею, чтобы я не могла уйти безъ тебя... Вчера я захотѣла снова увидѣть садъ. Онъ сталъ еще ближе, еще глубже, еще непроницаемѣе. Я нашла въ немъ новые ароматы, такіе сладкіе, что расплакалась. Розы распра-

пивали меня о тебѣ; снѣгири дивились тому, что я одна. Весь садъ вздыхать... О! пойдѣмъ со мной, никогда трава не разстлалась шелковистѣе. Я отиѣтила цвѣткомъ уголокъ, куда хочу отвести тебя. Внутри одного куста есть небольшая зеленая ложбинка. Оттуда слышно, какъ садъ живетъ съ своими деревьями, водами, небомъ... О! пойдѣмъ, мы будемъ любить другъ друга, любя природу.

Но онъ оттолкнулъ ее. Онъ вернулся къ большому Распятію изъ раскрашеннаго картона, величиною съ десятилѣтняго ребенка, агонія котораго изображена была съ ужасающей правдой. Гвозди были сдѣланы подъ желѣзо, раны зіяли.

— Христось, умершій за насъ! — закричалъ онъ, — вразуми ее, дай ей понять наше ничтожество! Скажи ей, что мы прахъ, грязь, отверженіе! Ахъ! дозволи мнѣ покрыть тѣло власницей, прижаться къ Твоимъ ногамъ и остаться неподвижнымъ, пока смерть не приберетъ меня, земля перестанетъ существовать, солнце погаснетъ. Я ничего не буду видѣть, ничего не буду слышать, ничего не буду чувствовать. Ничто изъ этого презрѣннаго міра не помѣшаетъ мнѣ молиться Тебѣ.

Онъ приходилъ все въ бблшій и бблшій экстазъ. И направился къ Альбинѣ съ поднятыми руками:

— Ты права, здѣсь царить смерть, и я хочу только смерти, смерти, освобождающей отъ всякихъ сквернъ... Слышишь! Я огрекаюсь отъ жизни, плюю на нее. Твои цвѣты смердятъ, твое солнце ослѣпляетъ, твоя трава заражаетъ проказой того, кто на ней полегитъ, твой садъ — зловонная яма, гдѣ разлагаются трупы вещества. Земля пропитана скверной. Ты лжешь, когда говоришь о любви, о свѣтѣ, о блаженной жизни въ твоемъ зеленомъ дворцѣ. У тебя царствуетъ мракъ. Твои деревья расточаютъ ядъ, превращающій человѣка въ звѣря; твои чащи полны змѣинаго яда, твои рѣкы катятъ заразу подъ своими голубыми водами. Еслибы я сорвала съ твоей природы ея солнечный покровъ, ты бы увидала, что она отвратительна какъ Мегера, съ провалившимися, какъ у скелета, боками, вся избѣденная пороками... И даже еслибы ты говорила правду, еслибы руки твои были полны наслажденій, еслибы ты могла унести меня на ложе изъ розъ, гдѣ бы навѣяла на меня райскіе сны, то я еще отчаяннѣе стала бы вырываться изъ твоихъ объятій. Между нами идетъ борьба, вѣвовая, непримиримая. Ты видишь, церковь очень мала; она бѣдна, она некрасива; у ней сосновая исповѣдальня и каедрa, купель изъ гипса; престолы сколочены изъ четырехъ досокъ, и я самъ ихъ заново раскрасилъ. Но что за дѣло! Она обширнѣе твоего сада, обшир

нѣ долины, всей земли. Она—могучая крѣпость, которую ничто не сокрушить. Вѣтры, солнце, лѣса, моря, все живущее, можетъ бороться противъ нея, а она останется неприкосновенной и даже не пошатнется. Да! пусть тернія растутъ, пусть они потрясаютъ стѣны своими колючими руками, и пусть тучи насѣваемыхъ вы-ползаютъ изъ трещинъ почвы и грызутъ стѣны; церковь, хотя бы превратилась въ развалину, никогда не будетъ снесена этимъ разливомъ жизни. Она—непреодолимая смерть... И хочешь ли знать, что будетъ со временемъ? Маленькая церковь станетъ таковой колоссальной, будетъ бросать такую громадную тѣнь, что вся твоя природа провалится. Ахъ! когда бы скорѣе наступила всеобщая смерть, и небо разверзлось, чтобы принять наши души подъ гнущими обломками вселенной!..

Онъ кричалъ, съ силой толкалъ Альбину къ двери. Она же, блѣдная какъ смерть, отступала шагъ за шагомъ. Когда онъ умолкъ, потому что голосъ измѣнилъ ему, она серьезно проговорила:

— Итакъ, рѣшено, ты прогоняешь меня?.. И однако, я твоя жена. Ты меня ею сдѣлалъ. Богъ, допустивъ это, не можетъ называть насъ такъ жестоко.

Она стояла на порогѣ. И прибавила:

— Слушай, каждый день, на закатѣ солнца, я прихожу на стѣну сада, на то мѣсто, гдѣ обрушилась стѣна... Я жду тебя. И ушла. Дверь ризницы глухо захлопнулась съ подавленнымъ вздохомъ.

IX.

Церковь осталась безмолвной и сосредоточенной. Только дождь, стучась, заставлялъ содрогаться ея своды. Среди тишины гнѣвъ сердца улегся и уступилъ мѣсто умиленію. И съ лицомъ, омоченнымъ слезами, съ рыданіями, потрясавшими его плечи, онъ опустился на колѣни передъ Распятіемъ. Горячая молитва благодарности вырвалась у него изъ груди.

— О, благодарю Тебя, Создатель, за помощь, ниспосланную мнѣ. Безъ Твоего заступничества я бы снова послѣдовалъ голосу дьявола и вернулся бы къ грѣху. Твоя благодать осѣнила меня своей броней; Твоя благодать была моимъ оружіемъ, внутренней стѣной, которая не допустила меня ослабѣть. О! Господи! Ты былъ со мною; Ты говорилъ во мнѣ, потому что я не чувствовалъ въ себѣ человеческого малодушія, а нашелъ силы порвать всѣ узлы моего сердца, я бы однимъ дуновеніемъ смелъ Твоихъ враговъ.

И вотъ мое окровавленное сердце: оно больше никому не принадлежитъ, оно Твое. Ради Тебя я вырвалъ его у міра. Но не думай, Господи, что я горжусь этой побѣдой. Я знаю, что я ничто безъ Тебя. Я повергаюсь передъ Тобой во прахъ...

Онъ усѣлся на ступенькѣ алтаря, не находя больше словъ. Благодать наполняла сердце его невыразимымъ восторгомъ. Онъ углублялся въ самого себя, искалъ Христа внутри себя, въ святилицѣ любви, куда ежечасно готовился принять его. И Христосъ былъ съ нимъ, онъ сознавалъ Его присутствіе по необыкновенно сладкому чувству, овладѣвшему имъ. И вотъ, онъ началъ съ Христомъ одну изъ тѣхъ внутреннихъ бесѣдъ, во время которыхъ уносился съ земли, бесѣдуя съ Богомъ. Онъ размышлялъ о словахъ «*Подражанія Христу*»: «великое искусство умѣть бесѣдовать съ Христомъ, и великое умѣнье знать, какъ удержатъ Его при себѣ».

На этотъ разъ патеръ захотѣлъ какъ можно долѣе удержатъ Его. Шестъ часовъ пробило въ безмолвной церкви, а онъ все еще прислушивался къ Его голосу среди безмолвія тварей. Аббат Мурэ во всемъ сознавался Христу, какъ Богу, снизошедшему къ нему и который все можетъ выслушать. Онъ сознавался, что во еще любить Альбину и дивился, какъ могъ онъ обидѣть ее, прогнать совершенно хладнокровно; это поражало его, и онъ улыбался ясной улыбкой, точно присутствовалъ при геройскомъ поступкѣ, совершенномъ кѣмъ другимъ. И Христосъ отвѣчалъ ему, что это не должно удивлять его, что величайшіе изъ святыхъ были зачастую безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Бога. Тутъ аббатъ выразилъ сомнѣніе: не было ли малодушіемъ съ его стороны искать убѣжища у подножія алтаря, у самыхъ Страстей Господнихъ? Не было ли малодушіемъ съ его стороны не смѣть бороться одному. Но Христосъ оказывался снисходительнымъ, Онъ объяснялъ, что слабость человѣческая составляетъ постоянную работу Бога, что Онъ предпочитаетъ страждущія души, и садится у изголовья какъ другъ. Было ли грѣхомъ любить Альбину? Нѣтъ! если эта любовь возвысится надъ плотью, если она при совокупитъ новую надежду къ упованію на жизнь вѣчную. За тѣмъ, какъ слѣдовало ее любить? Не говоря ни слова, не приближаясь къ ней: пусть эта чистая нѣжность изливается какъ ароматъ, пріятный небу. Тутъ Христосъ снисходительно улыбнулся и патеръ мало-по-малу осмѣлился изобразить красоту Альбины. У нея были бѣловурные волосы, какъ у ангеловъ. Она была съ большими, кроткими глазами, точно у святыхъ, увѣнчанныхъ ореоломъ. Христосъ молчалъ, но продолжалъ улыбаться. Она очен

выросла. Она походила теперь на царицу, съ своей круглой таліей, роскошными плечами. Ахъ! какъ бы ему хотѣлось обнять ее хоть разъ. Улыбка Христа блѣднѣла, какъ лучъ солнца, на краю горизонта. Теперь аббатъ Мурэ говорилъ уже одинъ. Право, онъ поступилъ слишкомъ жестоко. Зачѣмъ онъ прогналъ Альбину, не сказавъ ей ни одного нѣжнаго слова, если небо позволяло любить?

— Я люблю ее, я люблю ее!—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ, наполнившимъ церковь.

Она видѣлась ему; она протягивала ему руки, она была такъ очаровательна, что онъ готовъ былъ нарушить всѣ свои клятвы. Онъ обнималъ, цѣловалъ ее, безъ всякаго уваженія къ церкви. Теперь онъ передъ ней бросался на колѣни, вымаливалъ ея прощенія за свои гробости. Онъ объяснялъ, что въ иные часы въ немъ говорить голосъ, который ему не принадлежитъ. Развѣ самъ онъ рѣшился бы обидѣть ее! Въ немъ говорилъ посторонній голосъ. То не могъ быть онъ; онъ вѣдь не могъ безъ трепета прикоснуться къ единому изъ ея волосъ. И онъ прогналъ ее! какъ пуста была церковь! Куда бѣжать ему, чтобы настичъ ее, вернуть ее; утереть ея слезы своими поцѣлуями. Дождь лилъ сильнѣе. Дороги должны были превратиться въ море грязи. И онъ представлялъ себѣ какъ дождь мочить ее, какъ она спотыкается вдоль овраговъ; какъ промокшія одежды обвисли и прилипли къ ея тѣлу. Нѣтъ, нѣтъ, то былъ не онъ; то былъ другой ревнивый голосъ, пожелавшій смерти его любви.

— О, Иисусъ!—закричалъ онъ отчаянно, сжался, возврати ее мнѣ.

Но Иисусъ не отвѣчалъ. Тогда аббатъ Мурэ какъ бы внезапно пробудился и страшно поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что не сумѣлъ удержать при себѣ Иисуса; что оставался безъ друга, безъ озоря противъ зла. И вмѣсто того внутренняго свѣта, какимъ онъ былъ передъ тѣмъ озаренъ, онъ находилъ внутри себя одинъ мракъ. Христосъ, удаляясь отъ него, унесъ благодать. Аббатъ Мурэ, такой сильный съ утра, благодаря помощи свыше, теперь чувствовалъ себя слабымъ, какъ ребенокъ. И какое жестокое паденіе, какая страшная горечь! Геройски бороться, оставаться неуязвимымъ, побѣдоноснымъ въ то время, какъ соблазнъ воплощался передъ нимъ въ живомъ образѣ съ круглой таліей, роскошными плечами; и постыдно пасть, когда соблазнъ удался, оставя за собой только аромать бѣлокурыхъ волосъ. Теперь, вооруженная однимъ воспоминаніями, Альбина вернулась всемогущей и завладѣла его церковью!

— Иисусъ! Иисусъ!—закричалъ въ послѣдній разъ патеръ:— вернись, поддержи меня!

Иисусъ оставался глухъ. Одну минуту аббать Мурэ умолялъ небо, воздѣвъ руки съ отчаяннымъ порывомъ. Но потомъ руки его упали въ безсиліи. Въ небѣ царствовало безмолвіе, хорошо знакомое богомольнымъ людямъ. И вотъ, онъ снова присѣлъ на ступеньку алтаря, раздавленный, съ измученнымъ лицомъ, прижимая локти къ бокамъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы умалить свою плоть. Онъ съеживался подъ укушеніемъ соблазна.

— Боже мой! ты покидаешь меня, —прошепталъ онъ.— Да будетъ воля Твоя!

Онъ не произнесъ больше ни слова, тяжело дыша, точно травленный звѣрь. Со времени своего грѣха, онъ бывалъ такимъ образомъ въ рукахъ благодати. Она оставалась глуха къ самымъ страстнымъ мольбамъ; и вдругъ нисходила неожиданно, когда онъ всего меньше надѣялся на нее. Въ первые разы онъ бунтовался, точно обманутый любовникъ, требовалъ немедленнаго возвращенія этой утѣшительницы, чей поцѣлуй дѣлалъ его такимъ сильнымъ. Потомъ, послѣ безплодныхъ воплей гнѣва, понялъ, что уничтоженіе менѣе истерзаетъ его, что одно терпѣніе можетъ помочь ему перенести одиночество. Въ теченіи долгихъ часовъ онъ уничтожался въ ожиданіи облегченія, которое не приходило. Напрасно онъ поручалъ себя Богу, низвергался передъ нимъ, повторялъ до пресыщенія самыя дѣйствительныя молитвы—онъ не чувствовалъ Бога: плоть не повиновалась ему, молитвы замирали на губахъ. Онъ переживалъ медленную агонію соблазна, когда орудія вѣры одно за другимъ выпадали изъ его ослабѣвшихъ рукъ, когда онъ становился игрушкой страстей, когда онъ съ ужасомъ присутствовалъ при собственномъ позорѣ, не имѣя мужества шевельнуть мизинцомъ, чтобы прогнать грѣхъ. Такова была его настоящая жизнь. Онъ освоился со всѣми ступнями грѣха. Ни одинъ день не проходилъ безъ того, чтобы онъ не подвергался соблазну. Грѣхъ принималъ тысячу формъ, входилъ черезъ глаза, уши, схватывалъ его лицомъ къ лицу за горло, предательски подрадывался изъ-за спины, терзалъ его до мовга костей. Грѣхъ непрерывно торчалъ передъ нимъ; Альбина, сіяющая какъ солнце, озаряла зелень Парадѹ. Онъ переставалъ видѣть ее лишь въ тѣ рѣдкія минуты, когда благодать удостоивала закрывать ему глаза своими свѣжими ласками. И онъ скривалъ свой недугъ, какъ постыдную болѣзнь. Онъ замыкался въ унылое молчаніе, и домашніе не знали, какъ заставить его прервать его;

приходскій домъ соверцалъ его мученичество и покорность, а Тѣза выходила изъ себя и за его спиной грозила небу кулакомъ.

На этотъ разъ онъ былъ одинъ, и могъ страдать безъ стыда. Недугъ охватилъ его съ такой силой, что онъ не могъ тронуться со ступеньки алтаря, на которой упалъ. Онъ продолжалъ тяжело дышать, сожигаемый тѣсной, не находя ни одной слезы. И онъ думалъ о своей мирной, былой жизни. Ахъ! какое споконіе, какое довѣріе жило въ немъ, когда онъ прибылъ въ Арто! Спасти душу свою ему казалось такъ легко, что онъ точно шествовалъ по прекрасной дорогѣ. Въ то время онъ смѣялся, когда говорили о соблазнѣ. Онъ жилъ среди грѣха, не зная его, не боясь, съ увѣренностью, что не поддастся ему. Онъ былъ безуворизненнымъ патеромъ, такимъ цѣломудреннымъ, такимъ невиннымъ передъ Богомъ, что Богъ велъ его за руку, какъ маленькаго ребенка. Теперь невинность покинула его. Богъ посѣщалъ его поутру и тотчасъ же покидалъ. Соблазнъ становился его удѣломъ на землѣ. Съ годами, съ грѣхомъ онъ вступалъ въ вѣчную борьбу. Значило ли это то, что Господь больше любилъ его въ настоящее время? Всѣ великіе святые оставляли клочки своего тѣла на иглахъ тернистаго пути. Онъ старался найти утѣшеніе въ этомъ вѣрованіи. При каждомъ воплѣ своей плоти, при каждомъ стоѣ сердца, онъ обѣщалъ себѣ необычныя награды. Никогда онъ не устанетъ принимать удары неба. Онъ доходилъ до того, что начиналъ презирать свое бывшее споконіе, свою набожность, ничего ему не стоившую. Онъ ухитрился отыскивать наслажденіе въ страданіи, зарываться въ него, засыпать въ немъ. Но въ то время, какъ онъ благословлялъ Бога, зубы его стучали отъ ужаса, голосъ возмущенной крови кричалъ ему, что все это ложь, что единственная желанная радость — упасть въ объятія Альбины, позади цвѣтущей изгороди въ Парадѣ.

Между тѣмъ онъ оставилъ Мадонну для Христа, принося въ жертву свое сердце, чтобы побѣдить свою плоть, мечтая вдохнуть мужественность въ свою вѣру. Мадонна слишкомъ смущала его. И онъ припоминалъ грубости брата Арканжіа, его отказъ поклоняться Мадоннѣ, недовѣрчивый взглядъ, которымъ онъ, казалось, слѣдилъ за нимъ. Онъ отчаявался возвыситься до этой грубости и просто покинулъ Мадонну, спряталъ ея изображенія, забывалъ ея престолъ. Но она всегда жила въ его сердцѣ, какъ любовь, въ которой не признаются. Грѣхъ святотатственно, что повергало его въ ужасъ, пользовался ею, чтобы смущать его. Когда онъ признавалъ ее въ минуты умиленія, всегда являлась Альбина въ бѣломъ вуалѣ, съ голубымъ шарфомъ, повязаннымъ у талии, съ золотыми

розами на голыхъ ножкахъ. Тогда сверхчеловѣческимъ усиленіемъ онъ изгонялъ женщину изъ религіи, онъ искалъ убѣжища въ Христѣ, но и его кротость по временамъ смущала его. Ему надобенъ былъ ревнивый Богъ, суровый, беспощадный библейскій Богъ, окруженный громами и являющійся лишь за тѣмъ, чтобы поварать трепещущій міръ. Не было больше ни святыхъ, ни ангеловъ, ни Мадонны; былъ только одинъ Богъ, всемогущій властитель, требовавшій, чтобы всѣ молитвы, всѣ помысленія, всякое дыханіе отдавалось ему одному. Страдать, умереть—эти слова беспрестанно раздавались въ его ушахъ, какъ вѣнецъ человѣческой мудрости; онъ ублаживалъ себя горестью, принимая всѣ отреченія, муки, всякую борьбу, въ надеждѣ на блаженную смерть, которая замѣнитъ ему тлѣнныя блага благами вѣчными.

Но, помимо воли вспоминалъ объ Альбинѣ, и помимо его воли сердце билось въ его груди. Глаза его, когда онъ закрывалъ ихъ, отчетливо воспроизводили въ огненныхъ чертахъ вѣжныя очертанія Альбины. Съ каждымъ усиленіемъ прогнать это видѣніе, оно становилось все лучезарнѣе; оно манило его, и отчаянное хрипѣніе вырывалось изъ груди патера. Богъ значить совсѣмъ покидалъ его, если для него не было больше убѣжища? И несмотря на все напряженіе воли, грѣхъ все возобновлялся, выяснялся съ беспощадной ясностью. Ему представлялись всѣ травинки, приставшія къ платью Альбины; онъ видѣлъ въ ея волосахъ зацѣпившійся репейникъ, о который однажды укололъ себя губы. Ему припоминался даже немного рѣзкій запахъ раздавленныхъ стеблей травы; ему слышались отдаленные звуки, правильный крикъ какой-то птицы, глубокое безмолвіе, затѣмъ вздохъ, проносившійся надъ деревьями. Зачѣмъ небо не убило его громомъ тутъ же на мѣстѣ? Онъ меньше бы страдалъ. Онъ наслаждался своей скверной съ сладострастіемъ отверженнаго. Ярость овладѣвала имъ, когда онъ прислушивался къ океаннымъ словамъ, провознесеннымъ имъ у ногъ Альбины. Они до сихъ поръ звучали въ его ушахъ и обвиняли его передъ Господомъ. Итакъ, онъ призналъ женщину своей госпожей. Онъ отдавался ей какъ рабъ, цѣлуя ей ноги, мечтая быть водой, которую она пила хлѣбомъ, который она ѣла. Теперь онъ понималъ, что не можетъ больше отречься отъ нея. Богъ отдавалъ его женщиנѣ; и онъ станетъ бить ее; онъ перебьетъ ей руки и ноги, чтобы она отпустила его. Онъ скажетъ ей, что солгалъ, богохульствовалъ. Она была рабой, нечистой тварью. Церкви слѣдовало бы отказать ей въ душѣ. Онъ отнынѣ будетъ изгонять ее изъ своего сосѣдства, какъ звѣра погибели; онъ не позволитъ ей быть даже

его служанкой, потому что она отравить ему хлѣбъ и воду. Братъ Арканжіа правъ: слѣдуетъ убить женщину. Тутъ онъ сдѣлалъ усиліе и поднялъ кулаки на Альбину. Но кулаки раскрылись, руки съ нѣжной лаской погладили ея плечи, между тѣмъ какъ уста, изрыгавшія брань, прижимались къ распущеннымъ волосамъ, лепеча слова обожанія.

Аббатъ Мурэ раскрылъ глаза. Жгучій призракъ Альбины исчезъ. Онъ ощутилъ мгновенное, неожиданное облегченіе. Онъ могъ заплакать. Тихія слезы освѣжили его щеки, и онъ продолжительно вздохнулъ, не смѣя еще шевелиться изъ боязни, что соблазнъ снова вдѣпится ему въ волоса. Онъ все еще слышалъ за собою дикій ревъ; къ тому же такъ сладко было перестать страдать, что онъ забылся, наслаждаясь этимъ благосостояніемъ. На дворѣ дождь прошелъ. Солнце закатывалось въ большомъ красномъ заревѣ, которое какъ будто навѣсило къ окнамъ занавѣсы изъ розоваго атласа. Церковь теперь была теплая и вся жила этимъ послѣднимъ дыханіемъ солнца. Патеръ смутно благодарилъ Бога за отдыхъ, который Онъ соблагородилъ ему даровать. Широкій лучъ, золотая пыль пересѣкла церковь и загля въ глубинѣ ея часы, каедрю, главный престолъ. Быть можетъ, то благодать снова возвращалась къ нему этимъ свѣтлымъ путемъ, шедшимъ съ горизонта, съ самаго неба? Онъ заинтересовался атомами, летавшими вдоль луча съ изумительной скоростью, точно толпа озабоченныхъ вѣстниковъ, сообщавшихъ безпрерывно извѣстія съ солнца на землю. Тысячи зажженныхъ свѣчей не могли бы наполнить церковь такимъ блескомъ. Позади главнаго престола разстилались золотыя скатерти; на ступеняхъ текли потоки драгоцѣнностей, подсвѣчники изливали снопы свѣта, въ кадмахъ горѣли драгоцѣнные камни, священные сосуды блистали какъ кометы. И вездѣ струился дождь яркихъ цвѣтовъ, среди прозрачныхъ кружевъ, букеты, гирлянды изъ розъ, и изъ ихъ раскрывшихся чашечекъ сыпались звѣзды. Никогда онъ и не мечталъ о такомъ богатствѣ для своей бѣдной церкви. Онъ улыбался, онъ мечталъ удержать всѣ эти великолѣпія, и распорядиться ими по-своему. Онъ бы предпочелъ, чтобы золотыя скатерти прибиты были выше; ему казалось также, что вазы слишкомъ небрежно поставлены, онъ находилъ также, что цвѣты и букеты надо расположить иначе. Но какое восхищеніе, вся эта роскошь! Онъ служилъ въ церкви, залитой золотомъ. Епископы, принцы, женщины въ королевскихъ мантияхъ, набожная толпа, цѣловавшая землю, приходили въ церковь, располагались лагеремъ въ долинѣ, ждали по цѣлымъ недѣлямъ у

дверей, чтобы имѣть возможность побывать въ церкви. У него гдѣловали ноги, потому что и онѣ были золотыя и творили чудеса. Въ золотой груди его билось золотое сердце съ такимъ музыкальнымъ звукомъ, что онѣ были слышны толпѣ. Тутъ имъ овладѣло чувство безмѣрной гордости. Онѣ были идоломъ. Лучъ солнца поднимался все выше, главный алтарь пылалъ, папѣ убождался, что благодать вернулась, такъ какъ онѣ испытываетъ такое внутреннее довольство. Дикій ревъ за его спиной превратился въ ласковый шопотъ. Онѣ чувствовалъ на затылкѣ мягкую, какъ-бы бархатную лапу, точно какая-то гигантская кошка гладила его.

И онѣ продолжалъ мечтать. Никогда не представлялись ему вещи въ болѣе блистательномъ свѣтѣ. Все ему казалось теперь легко, потому что онѣ чувствовалъ себя такимъ сильнымъ. Альбина ждетъ его, — онѣ пойдетъ къ ней; это вполне естественно. Сегодня утромъ онѣ обвинчалъ же этого Фортьюна съ Розалией. Церковь не воспрещала брака. Онѣ видѣлъ еще и теперь, какъ они улыбались, толкая другъ друга локтемъ подъ руками, ихъ благословлявшими. Затѣмъ, вечеромъ ему показывали ихъ брачное ложе. Каждое слово, которое онѣ говорилъ имъ, раздавалось теперь въ его ухахъ. Онѣ говорилъ верзилѣ Фортьюну, что Богъ посылаетъ ему подругу, потому что не желаетъ, чтобы человекъ былъ одинокимъ. Онѣ говорилъ Розалии, что она должна прилѣпиться къ мужу, никогда не покидать его, быть его покорной служанкой; но онѣ говорилъ то же самое и для себя, и для Альбины. Развѣ она не была его подругой, его покорной служанкой, той, которую Богъ посылаетъ ему, чтобы жизнь его не увяла въ одиночествѣ? Къ тому же, они были связаны. Альбина была права, когда желала, чтобы онѣ принадлежалъ ей одной, какъ и она принадлежала ему; ему казалось теперь удивительнымъ, какъ это онѣ не понялъ этого сразу и не ушелъ съ ней, какъ долгъ повелѣвалъ ему. Но дѣло рѣшено; онѣ пойдетъ къ ней завтра. Въ какихъ-нибудь полчаса онѣ дойдетъ до нея. Онѣ пройдетъ по деревнѣ и потомъ пойдетъ по горѣ; это гораздо ближе. Онѣ все теперь можетъ, онѣ господинъ, никто ничего не скажетъ. Если на него будутъ глядѣть, онѣ однимъ жестомъ заставитъ всѣхъ опустить глаза. Потомъ онѣ заживетъ съ Альбиной. Онѣ станетъ звать ее женой и будетъ очень счастливъ. Золото поднималось все выше; катилось у него между пальцами; онѣ купался въ золотѣ и уносилъ священныя вазы для хозяйства, велъ роскошную жизнь, рассчитывался съ прислугой кусочками чаши, которую безъ труда ломалъ въ рукахъ.

Вмѣсто украшеній, онъ дарилъ женѣ золотыя сердца, золотыя кресты, висѣвшіе на шеѣ у Мадонны и святыхъ. Сама церковь, если онъ надстроитъ еще этажъ, можетъ служить имъ дворцомъ. Богъ не прогнѣвается, потому что позволяетъ любить. Впрочемъ, что ему до Бога? Развѣ онъ самъ не былъ богомъ съ золотыми ногами, которыя цѣловала толпа, и творилъ чудеса.

Аббатъ Мурэ всталъ; онъ повторилъ жестъ Жанберната, жестъ отрицанія, которымъ тотъ обводилъ весь горизонтъ.

— Нѣтъ ничего, ничего, ничего!—произнесъ онъ.—Богъ не существуетъ.

Сильный трепеть какъ-бы пробѣжалъ по череву. Патеръ, испуганный, поблѣднѣлъ какъ смерть, и прислушивался. Кто это говорилъ? Кто богохульствовалъ? Внезапно бархатная лапка, гладившая его по затылку, стала свирѣпой; ногти ея срывали съ него кожу; кровь его снова пролилась. Но онъ все еще держался на ногахъ, борясь съ припадкомъ. Онъ боролся съ торжествующимъ грѣхомъ. Развѣ онъ не зналъ всѣхъ его хитростей? Развѣ онъ не зналъ, что онъ зачастую приближается съ бархатной лапкой, чтобы засунуть ее точно ножъ въ свою жертву? И злость его усиливалась при мысли, что онъ, какъ ребенокъ, попался въ западню! Вотъ, теперь онъ отрицаетъ Бога; то роковой путь: грѣхъ убивать вѣру. Затѣмъ рушился догматъ. Сомнѣнія плоти, требовавшей своей скверны, было достаточно, чтобы сместь все небо. Божескій законъ раздражалъ, таинства вызывали улыбку. Тутъ обступали другіе соблазны: золото, могущество, вольная жизнь, неотразимое желаніе наслажденія. Ну, да! Онъ проклятъ: ничто не стѣсняетъ его больше; грѣхъ можетъ громко предъявлять ему свои права. Приятно перестать бороться. Чудища, сію минуту бродившія вокругъ него, теперь дрались въ его утробѣ. Онъ отдавался имъ съ ужасающей радостью. Онъ бунтовался и снималъ кулаки на церковь. Нѣтъ! онъ больше не вѣритъ въ божественность Христа, онъ не вѣритъ болѣе въ святую Троицу. Онъ вѣритъ только въ самого себя, въ свои мускулы, въ потребности своего организма. Онъ хочетъ жить. Онъ хочетъ быть мужчиной. Ахъ! какъ сладко бѣгать на волѣ, быть сильнымъ, не зная надъ собой ревниваго господина, убивать своихъ враговъ камнями, уносить въ объятіяхъ проходящихъ дѣвушекъ! Онъ воскреснетъ изъ могилы, куда его запрятали жестокия руки. Онъ пробудитъ свое мужество, спящее въ немъ. И пусть онъ умретъ отъ стыда, если мужество въ немъ совсѣмъ убито!

Патеръ стоялъ, осаждаемый галлюцинаціями. Ему повазалось, что при этомъ новомъ богохульствѣ церковь пошатнулась. Луть

солнца, озарявшій главный престолъ, помераснѣлъ, и опалилъ панели настоящимъ пожаромъ. Красные языки поднялись выше, лизнули потолокъ и потухли въ кровавомъ заревѣ. Церковь вдругъ потемнѣла. Казалось, что огонь солнечнаго заката пробилъ крышу, разломалъ стѣны, открылъ со всѣхъ сторонъ вѣяющія бреши для нападеній извнѣ. Темный остовъ ея качался въ ожиданіи какаго-то страшнаго нападенія. Ночь быстро наступала.

Тутъ издали до патера донеслись ропотъ, шумъ, поднимающійся изъ долины Артѣ. Въ былое время онъ не понималъ пылкой рѣчи этой сожженной почвы, гдѣ искривлялись однѣ узловатя виноградныя лозы, чахлая миндальныя деревья, старыя оливы вытягивали свои искалѣченные члены. Онъ проходилъ среди всей этой страсти съ ясностью человѣка неопытнаго; но теперь, наученный плотью, онъ улавливалъ каждый вздохъ листьевъ, сжимавшихся подъ солнцемъ. И вотъ, сначала на дальнемъ горизонтѣ холмы, еще теплые отъ солнечнаго заката, содрогнулись съ глухимъ топотомъ арміи въ походѣ. Затѣмъ, разбросанныя скалы, всѣ камни долины также встали, катясь, рыча, точно ихъ толкала впередъ какая-то роковая сила. За ними пространства красной почвы, рѣдкія поля, отвоеванныя ударами заступа, потекли и забушевали, точно рѣчки, катя въ своихъ волнахъ сѣмена, зачатые корней, черенки растений. И вскорѣ все пришло въ движеніе: виноградныя лозы распозались какъ большія насѣкомыя; тощѣ хлѣба, высохшія травы выстраивались точно батальоны, вооруженные высокими копьями; деревья забѣгали, расправляя свои члены, точно борцы, приготовляющіеся къ единоборству; упавшіе листья зашевелились, пыль дорожная поднялась столбомъ. Полчище, силы котораго росли съ каждой минутой и которое надвигалось какъ буря жизни, съ огненнымъ пламенемъ, все унося передъ собой въ вихрѣ колоссальнаго совоушленія. И вотъ, вдругъ началось нападеніе. Съ края горизонта всѣ поля, холмы, камни, земли, деревья, набросились на церковь. Церковь подъ этимъ первымъ напоромъ затрещала. Стѣны раскололись, черепицы разлетѣлись. Но большое Распятіе, хотя и раскачиваемое, не упало.

Наступилъ перерывъ. На дворѣ голоса шумѣли еще ожесточеннѣе. Теперь патерь различалъ голоса людскіе. То самое селеніе Артѣ, эта горсть ублюдковъ, выросшихъ на скалѣ, съ упорствомъ сорныхъ травъ, въ свою очередь насылало вѣтеръ, кишившій живыми существами.

Артѣ насаждали цѣлый лѣсъ людей, и стволы его загромождали все пространство. Въ настоящую минуту они дошли до самой

церкви, пробили ея дверь, грозили занять всю церковь разрастающимися вѣтвями своей расы. Повади ихъ, въ чащѣ кустарниковъ, мчались звѣри, быки, старавшіеся пробить стѣны своими рогами; стада ослось, козь, овецъ, набѣгали на рушившуюся церковь, точно живыя волны; тучи мокриць и сверчковъ набрасывались на фундаментъ, точили его своими зубами, какъ пилой. А съ другой стороны тѣснился скотный дворъ Дезира, навозъ котораго издавалъ удушливыя испаренія; большой пѣтухъ Александръ трубилъ къ атакаѣ на своей трубѣ, курицы вырывали камни ударами клюва, кролики рыли норы подъ самыми престолами; борось, разжирѣвшій до того, что не могъ двинуться съ мѣста, рычалъ, дожидая, чтобы священныя украшенія обратились въ пепель, и онъ могъ бы повалиться въ немъ. Пронесся ужасающій ропоть, былъ данъ вторичный приступъ. Селеніе, животныя, весь этотъ разливъ жизни поглотилъ на одну минуту церковь. Самки въ свалеѣ производили непрерывно новыхъ борцовъ. На этотъ разъ у церкви обрушился уголъ стѣны; потолокъ подался, рамы оконъ были высажены, дымъ сумерекъ, все чернѣе и чернѣе, входилъ черезъ бреши, страшно вѣзвшія. Распятіе едва держалось на одномъ гвоздѣ.

Обрушившаяся стѣна встрѣчена была общимъ ликованіемъ. Но церковь все еще стояла, несмотря на нанесенныя ей удары. Она упрямо держалась, суровая, нѣмая, мрачная, цѣпляясь за каменныя камни своего фундамента. Казалось, что этой развалинѣ, для того, чтобы не упасть, достаточно было самаго тонкаго столбика, поддерживавшаго какимъ-то чудомъ равновѣсія пробитую крышу. Тогда аббатъ Мурэ увидѣлъ, что вѣрпкия растенія, которыя росли на скалахъ, принялись за дѣло, тѣ страшныя, одеревѣлыя растенія, узловатыя, точно змѣи. Лишай, цвѣта ржавчины, похожіе на воспаленную проказу, съѣли сначала известку. Затѣмъ тимьянъ запустилъ свои корни между кирпичей, точно желѣзные клинья. Лавенды просовывали свои длинныя крючковагые пальцы подъ каждую распатанную связку и медленнымъ, но непрерывнымъ движеніемъ распатывали ее еще дальше. Можжевелникъ, розмаринъ, колючій остролистъ разрастались все гуще и гуще. И самыя травы, тѣ травы, высохшія былинки которыхъ просовывались изъ-подъ большой двери, выпрямились какъ стальныя пилы, пробили входныя двери и, пробравшись въ церковь, приподнимали плиты своими мощными щипцами. То было побѣдоносное возстаніе, взбунтовавшаяся природа строила баррикады изъ опрокинутыхъ престоловъ, разрушала церковь, которая въ теченіи долгихъ вѣковъ бросала слишкомъ большую тѣнь. По-

томъ вдругъ наступилъ конецъ. Рябина, высокія вѣтви которой доходили уже до самаго свода черезъ разбитыя стекла, ворвалась и наводняла своей зеленью всю церковь. Она высилась посреди церкви и росла непомѣрно. Стволъ ея сталъ такимъ волосальнымъ, что церковь треснула, какъ узкій поясъ. Вѣтви раскидались во всѣ стороны и каждая уносила кусокъ стѣны, обломокъ крыши. И вотъ, дерево-гигантъ доходить уже до самыхъ звѣздъ; лѣсъ его вѣтвей состоитъ изъ человѣческихъ членовъ, ногъ, рукъ, торсовъ; женскіе волосы развѣваются; мужскія головы пробиваютъ кору. Совсѣмъ наверху группы влюбленныхъ наполняли воздухъ музыкой своихъ наслажденій. Послѣдній порывъ урагана, налетѣвшаго на церковь, смылъ каеэдру и исповѣдальню, рассыпавшіяся въ порошокъ... Дерево жизни проблю небо и теперь переросло звѣзды.

X.

Аббатъ Мурэ неистово захопалъ въ ладоши при этомъ зрѣлищѣ, какъ отверженный. Церковь была побѣждена. У Бога не было больше дома. Богъ не будетъ больше стѣснять его. Онъ могъ идти къ Альбинѣ, такъ какъ она восторжествовала. И какъ онъ смѣялся надъ самимъ собою: онъ всего часъ тому назадъ увѣрялъ, что церковь покроетъ своею тѣнью всю землю. Земля отмстила за себя и поглотила церковь. Безумный смѣхъ, которымъ онъ залился, внезапно пробудилъ его отъ галлюцинаціи. Одурѣвшій, онъ глядѣлъ на церковь, медленно утопавшую въ сумракъ; въ окнахъ виднѣлись уголки неба, усѣянные звѣздами. Онъ протянулъ руки, желая ощупать стѣны, какъ вдругъ изъ коридора, ведшаго въ ризницу, его оклинула голосъ Дезирѣ.

— Сержъ! здѣсь ты?.. Откликнись же! Я ищу тебя цѣлымъ полчаса.

Она вошла. Она держала лампу въ рукѣ. И тутъ пaterъ увидѣлъ, что церковь цѣла. Онъ не могъ опомниться и оставался въ ужасномъ сомнѣніи между неодолимой церковью, востановившей изъ собственнаго пепла, и всемогущей Альбиной, порождающей жизнь однимъ своимъ дыханіемъ. Но Дезирѣ подошла съ своей обычной, звонкой веселостью.

— Ты вотъ гдѣ! Ты здѣсь! — кричала она. — Ты, значитъ, играешь въ прятки. Я звала тебя разъ десять изъ всей ночи... Я думала, ты вышелъ.

Она оглядывала темные уголки съ любопытствомъ. Подошла

даже въ исповѣдальнѣ, на цыпочкахъ, точно собираясь накрыть тамъ кого-то, кто спрятался, но вернулась, разочарованная, говоря:

— Значить, ты здѣсь одинъ? Ты можешь быть спать? Чѣмъ ты можешь забавляться одинъ, и въ такихъ потемкахъ?.. Ну, иди скорѣе, мы садимся за столъ.

Онъ провелъ лихорадочными руками по лицу, чтобы сгладить мысли, которыя, конечно, всякій могъ прочитать. И машинально хотѣлъ застегнуть свою сутану: ему казалось, что она въ постыдномъ безпорядкѣ. Потомъ послѣдовалъ за сестрой, съ строгимъ лицомъ, безъ дрожи, призывая на помощь всю волю духовнаго лица, скрывающаго терзанія своего тѣла подъ важной осанкой, подобающей его сану. Демирэ даже не замѣтила его смущенія. Она просто сказала, входя въ столовую:

— Я хорошо поспала. А ты много говорилъ и весь поблѣднѣлъ.

Вечеромъ, послѣ обѣда, братъ Арванжіа пришелъ играть въ карты съ Тѣзой. Въ этотъ вечеръ онъ казался необычайно веселъ. Когда монахъ бывалъ веселъ, онъ ударялъ кулаками по бокамъ Тѣзы, которая оплачивала ему звонкими пощечинами. Оба смѣялись раскатистымъ смѣхомъ, отъ котораго дрожали стѣны. Кромѣ того, онъ придумывалъ необычныя шутки: разбивалъ носомъ тарелки, держалъ пари, что высадить спиной дверь столовой, высыпалъ весь свой табакъ изъ табакерки въ кофе старшей служанки, или же приносилъ пригоршню камней и засовывалъ ихъ ей за пазуху. Эти взрывы сангвинической веселости прорывались по поводу какихъ-нибудь пустяковъ, среди его обычнаго раздраженія; зачастую обстоятельство, никого не смѣшившее, возбуждало въ немъ настоящій припадокъ шумной веселости: онъ топалъ ногами, вертѣлся какъ волчокъ, хватаясь за бока.

— Итакъ, вы не хотите мнѣ сказать, почему вы такъ веселы?—спросила Тѣза.

Онъ не отвѣчалъ. Сѣлъ верхомъ на стулъ и скакалъ галопомъ вокругъ стола.

— Да, да! прикидывайтесь дуракомъ,—продолжала она.— Боже мой, какъ вы глупы! Если Господь Богъ васъ видитъ, то долженъ быть доволенъ вами!

Монахъ повалился на полъ, опрокинулся на спину, заболтавъ ногами въ воздухъ. Не поднимаясь, онъ важно проговорилъ:

— Онъ меня видитъ, Онъ доволенъ мною. Онъ хочетъ, чтобы я былъ веселъ... Когда Онъ удостоиваетъ послать мнѣ

развлеченіе, то звонить въ моемъ тѣлѣ. Тогда я катаюсь, и это смѣшить весь рай.

Онъ проползъ на спинѣ до самой стѣны, затѣмъ, выпрямившись во весь ростъ, задралъ ноги какъ можно выше. Сутана, обвиснувъ, обнаружила его черные панталоны, заштопанные на колѣняхъ обрывками зеленого сукна.

Онъ говорилъ:

— Господинъ бюрэ, поглядите, какъ я забавляюсь. Бьюсь объ закладъ, что вы не умѣете такъ веселиться... Да ну-же, посмѣйтесь немного. Лучше валяться на спинѣ, чѣмъ мечтать о какой-нибудь негодяйкѣ. Вы меня понимаете, не такъ ли? На минуту покорчишь дурака, почешешься, поразгонишь блохъ. Это успокоиваетъ. Я когда чешусь, то представляю себѣ, что я Божья собака, и потому-то и говорю, что весь рай смотреть въ окошки и смѣется, на меня гляючи... Вы тоже можете посмѣяться, г. бюрэ. Вотъ это въ честь святыхъ, а вотъ это въ вашу честь. Смотрите, вотъ я кувырваюсь въ честь св. Іосифа, а теперь въ честь св. Іоанна, а теперь въ честь св. Михаила, а вотъ въ честь св. Марка, а вотъ въ честь св. Матвѣя...

И продолжалъ пересчитывать цѣлый рядъ именъ, идя колесомъ, вокругъ комнаты. Аббатъ Мурэ молчалъ, опершись локтями въ столъ; но, наконецъ, улыбнулся. Обыкновенно веселость монаха его тревожила. Тотъ въ это время проходилъ мимо Тезы, и она ударила его ногой.

— Ну,—проговорила она:—будемъ ли мы играть, наконецъ?

Братъ Арканжіа отвѣчалъ рычаніемъ. Онъ сталъ на четвереньки и прямо пошелъ на Тезу, прикидываясь волкомъ.

— Оставьте меня,—завричала она:—вамъ, кажется, гѣзеть въ голову мерзость!

— Мнѣ!—пробормоталъ монахъ, совсѣмъ сраженный этимъ замѣчаніемъ, такъ что не въ силахъ былъ подняться съ мѣста.

Когда, наконецъ, ему удалось подняться на ноги, онъ отдувался въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, потирая себѣ бока. Взрывы смѣха продолжали еще раскачивать его тѣло, точно мѣхъ, который опоражниваютъ. Наконецъ, онъ проговорилъ серьезнымъ голосомъ:

— Будемъ играть... Если я смѣюсь, то это мое дѣло. Вамъ незачѣмъ знать, почему я смѣюсь, Теза.

И партія началась. Она была ожесточенная. Монахъ побивалъ карты ударами кулака. Когда онъ кричалъ: споръ!—стезла звенѣли. Выигрывала Теза. У нея уже давно были на рукавъ три туза, она сторожила четвертый съ сверкающими глазами.

Между тѣмъ, братъ Арканжіа предавался другимъ шуткамъ. Онъ поднималъ столъ, рискуя разбить лампу, нахально плутовалъ, для смѣха, какъ объяснялъ потомъ. Наконецъ, зашѣлъ громовымъ голосомъ каноны; когда его веселость доходила до своего апогея, онъ всегда затягивалъ какой-нибудь канонъ, и пѣлъ по цѣлымъ часамъ. Тѣза, хорошо знавшая его привычки, наклонилась и закричала ему, среди рева, которымъ онъ наполнялъ столовую:

— Замолчите, это невыносимо!.. Вы слышите веселы сегодня вечеромъ.

Тогда онъ затянулъ новый канонъ. Аббатъ Мурэ усѣлся у окна. Онъ, повидимому, не видѣлъ и не слышалъ ничего, что творилось вокругъ него. За обѣдомъ онъ ѣлъ какъ обыкновенно, и даже ухитрился отвѣчать на вѣчные разспросы Деzirэ. Теперь онъ ушелъ въ самого себя, напрягая всѣ силы, изнемогалъ въ борьбѣ, не перестававшей раздражать его. У него не хватало даже духу встать и пойти въ свою комнату. Къ тому же, онъ боялся, что если повернется къ лампѣ, то всѣ увидятъ его блѣдность, слезы, которыхъ онъ не могъ долѣе удерживать. Онъ прислонилъ лобъ къ стеклу и глядѣлъ въ ночной мракъ, мало-по-малу засыпая и цѣпенѣя, точно подъ давленіемъ кошмара.

Братъ Арканжіа, все еще напѣвавшій, подмигнулъ глазомъ, указывая движеніемъ плеча на заснувшаго патера.

— Чтѣ?—спросила Тѣза.

Монахъ повторилъ свое движеніе.

— Ну чтѣ въ томъ, если вы вывихнете себѣ шею!—сказала лужанка.—Говорите, и я васъ пойму... Глядите, вотъ король блочно! я беру вашу даму.

Онъ положилъ на минуту карты, перегнулся черезъ столъ и прошепталъ ей въ лицо:

— Негодяйка приходила.

— Знаю,—отвѣчала она.—Я видѣла, какъ она пришла съ врышней на скотный дворъ.

Онъ свирѣпо поглядѣлъ на нее, выставляя кулаки.

— Вы ее видѣли, и позволили ей войти! Слѣдовало меня позвать, мы бы повѣсили ее за ноги на гвоздь въ вашей кухнѣ.

Но она разсердилась, хотя и сдержала голосъ, чтобы не раздражать аббата Мурэ:

— Вотъ еще!—пролепетала она:—ужъ вы тоже придумаете, чего сказать! Попробуйте-ка придти вѣшать кого-нибудь въ мою кухню!.. Конечно, я ее видѣла. И даже повернулась спиной, когда она пошла въ церковь къ г. вюрэ, послѣ урока катехисиса. Развѣ это мое дѣло? Развѣ у меня не варились бобы въ

это время?.. Я терпѣть ее не могу, эту дѣвчонку. Но если от нея зависить здоровье г. бюрѣ... она можетъ приходить во всякій часъ, въ какой вздумаетъ.

— Если вы сдѣлаете это, Тѣза,—проговорилъ монахъ съ холодной яростью,—я васъ задушю.

Она засмѣялась и въ свою очередь заговорила съ нимъ на «ты».

— Не говори пустяковъ, голубчикъ!.. Вѣдь ты знаешь, что женщины для тебя запретный плодъ, какъ «*Pater*» для ослѣп. Попробуй-ка задушить меня, увидишь, что я съ тобой сдѣлаю.. Будь-ка умницей, кончимъ партію. Вотъ, гляди, еще король.

Но монахъ, держа карту въ рукѣ, продолжалъ ворчать:

— Она, должно быть, пришла по какой-нибудь дорогѣ, вѣстной одному дьяволу, что я ее проглядѣлъ сегодня. Я, вѣдь, всѣ дни простаиваю на сторожѣ, близъ Параду. Еслибы я засталъ ихъ вдвоемъ, то далъ бы ей отвѣдать суковатой пали, которую нарочно для нея срѣзалъ... Теперь я буду сторожить и церковь.

Онъ сталъ играть; Тѣза отняла у него еще валета; но тут монахъ опрокинулся на стулъ, снова раздражаясь громкимъ смѣхомъ. Онъ не могъ сердиться по настоящему въ этотъ вечеръ и бормоталъ:

— Нужды нѣтъ, хоть она и видѣла его, а это не помѣшало ей шлепнуться въ грязь... Я расскажу, Тѣза, какъ было дѣло. Вы знаете, дождь шелъ, я стоялъ у дверей школы, когда завидѣлъ какъ она выходила изъ церкви. Она шла, выпрямившись во весь ростъ, съ спѣсивымъ видомъ, несмотря на ливень. Какъ вдругъ дойдя до дороги, растянулась во весь ростъ, должно быть по тому, что было скользко. Охъ! какъ я хохоталъ. Я захопалъ въ ладоши... Когда она встала, у нея изъ одной руки сочилась кровь. Это мнѣ дало запасъ веселья на цѣлыхъ двѣ недѣли. Не могу представить себѣ ее на землѣ, не почувствовавъ охоты смѣяться.

Тутъ, надувъ щеки и вполнѣ отдавшись игрѣ, онъ затянулъ *de Profundis*. Партія окончилась среди его жалобнаго рева, который минутами онъ усиливалъ какъ бы затѣмъ, чтобы лучше наслаждаться имъ. Онъ проигралъ, но это ни мало не раздосадовало его. Когда Тѣза выпроводила его за дверь, разбудивъ аббата Мурѣ, они слышали, какъ онъ удалялся во мракъ ночи, повторяя послѣдніе слова псалма: *Et ipse redimet Israël ex omnibus iniquitatibus ejus*,—необыкновенно радостнымъ тономъ.

XI.

Аббатъ Мурэ спалъ какъ убитый. Проснувшись поздне обыкновеннаго, онъ увидѣлъ, что лицо его и руки омочены слезами: онъ плакалъ всю ночь, во снѣ. Онъ не служилъ мессы въ это утро. Несмотря на долгій отдыхъ, его вчерашняя усталость возрасла до того, что онъ оставался до полудня въ своей комнатѣ, сидя на стулѣ, у кровати. Столбнякъ, овладѣвшій имъ, отнималъ даже у него ощущеніе страданія. Онъ ощущалъ только большую пустоту внутри себя; ему стало легче, хотя онъ и чувствовалъ себя разбитымъ и переломаннымъ. Чтеніе требника стѣило ему страшныхъ трудовъ; латынь казалась ему варварскимъ языкомъ, и онъ не умѣлъ даже прочесть по складамъ. И вотъ, отбросивъ книгу, онъ проводилъ цѣлыя часы, глядя на поля въ открытое окно, не имѣя даже силы подойти и опереться на подоконникъ. Вдали видѣлась бѣлая стѣна Парадѹ, узенькая блѣдная черточка, извивавшаяся по верхушкамъ холмовъ среди темныхъ пятенъ, образуемыхъ маленькими сосновыми рощами. Нагѣво, позади одной изъ такихъ рощъ, находилась брешь; онъ не видѣлъ, но зналъ, что она тамъ. Наванунѣ, онъ бы не постылся поднять глазъ на этотъ страшный горизонтъ, но въ настоящую минуту разсѣянню слѣдилъ за очертаніями стѣны. И это даже не ускоряло біенія его сердца. Соблазнъ, какъ-бы пренебрегая его измученнымъ тѣломъ, не смущалъ больше его измощенную плоть. Но, утративъ способность къ борьбѣ, онъ готовъ былъ сдѣлать то, отъ чего съ такимъ жаромъ отказывался наванунѣ не вслѣдствіе страсти, вполне покиннувшей его, но вслѣдствіе какаго-то одуренія.

Одну минуту онъ поймалъ себя на томъ, что говорить громко. Такъ какъ брешь не задѣлана, то онъ пойдетъ къ Альбинѣ на закатѣ солнца. Ему было немного скучно отъ этого рѣшенія, но казалось, что иначе поступить нельзя. Она его ждетъ, она его жена. Когда онъ захотѣлъ припомнить ея лицо, то оно представлялось ему какимъ-то блѣднымъ, неяснымъ. Тутъ онъ задумался о томъ, какъ они будутъ жить вмѣстѣ. Имъ нельзя будетъ остаться въ этомъ краю: придется бѣжать тайкомъ. Потому, когда они укроются гдѣ-нибудь, имъ необходимо будетъ много денегъ, чтобы быть счастливыми. Разъ двадцать принимался онъ составлять планъ побѣга и устройства ихъ жизни счастливыхъ влюбленныхъ, но ничего не могъ придумать. Теперь, когда жеманіе не одуряло его, практическія трудности положенія приво-

дили его въ ужасъ, ставили его, безсильнаго, лицомъ къ лицу съ сложной задачей, первое слово которой было для него неизвѣстно. Гдѣ они возьмутъ лошадей, чтобы бѣжать? Если они пойдутъ пѣшкомъ, то не за арестуютъ ли ихъ, какъ бродягъ? Къ тому же, сумѣетъ ли онъ найти какое-нибудь занятіе, которое бы обезпечило существованіе его жены? Его не учили ничему такому. Онъ не зналъ жизни; перебирая въ своей памяти, онъ находилъ лишь обрывки молитвъ, подробности обрядовъ, страницы изъ «*Instruction théologique*» Бувье, заученныя наизусть въ семинаріи. Его страшно затрудняли даже пустыя вещи. Онъ вдругъ спросилъ себя: осмѣлится ли онъ вести жену подъ руку по улицѣ. Разумѣется, не сумѣетъ идти подъ руку съ женщиной. Онъ будетъ такъ неловокъ, что всѣ стануть оглядываться; угадають въ немъ патера, начнутъ оскорблять Альбину. Тщето старался бы онъ отдѣлаться отъ своего сана, онъ всюду носилъ бы съ собою его блѣдный призракъ, запахъ ладана. А вдругъ у него будутъ дѣти? Эта неожиданная мысль заставила его вздрогнуть. Онъ почувствовалъ странное отвращеніе. Ему казалось, что онъ не будетъ ихъ любить. Однако ихъ у него двое: маленький мальчикъ и маленькая дѣвочка. Но онъ отстранялъ ихъ отъ себя: ему непріятно было, когда ихъ руки дотрогивались до него, ему чужды были радости другихъ отцовъ. Онъ не могъ привыкнуть къ этой плоти отъ плоти своей: она ему вѣчно напоминала объ его грѣхѣ. Въ особенности маленькая дѣвочка смущала его своими большими глазами, въ глубинѣ которыхъ уже сверкала женственная нѣжность. Но нѣтъ, у него не будетъ дѣтей, онъ избавить себя отъ ужаса, внушаемаго ему самою мыслью о томъ, что плоть его будетъ воспроизводиться и жить вѣчно. Тутъ надежда на свое безсиліе показалась ему отрадной. Конечно, всѣ его мужественныя силы ушли вмѣстѣ съ его долгимъ отрочествомъ. Эта мысль рѣшила его сомнѣнія. Вечеромъ онъ бѣжитъ съ Альбиной.

Однако, вечеромъ аббатъ Мурэ почувствовалъ себя слишкомъ усталымъ. На другой день онъ нашелъ новый предлогъ: онъ не могъ оставить сестры на попеченіе Тѣзы; надо написать письмо, чтобы ее отвезли къ дядѣ Паскалю. Въ теченіи трехъ дней онъ собирался написать это письмо; листовъ бумаги, перо и чернила лежали готовыми на столѣ, въ его комнатѣ. И вдругъ, на третій день ушелъ, не написавъ письма, такъ, разомъ, схватилъ свою шляпу и ушелъ въ Параду, по глупости, отправляясь словно на барщину, отъ которой не зналъ какъ отдѣлаться. Образъ Альбины сталъ еще блѣднѣе; онъ ее не видѣлъ, онъ повиновался

прежнимъ желаніямъ, умершимъ въ немъ въ настоящую минуту, но рефлексивно руководившимъ имъ среди страшной пустоты, наполнявшей все его существо.

По дорогѣ, онъ не принималъ никакихъ предосторожностей, чтобы его не видѣли. Остановился на краю селенія поговорить съ Розаліей; она объявила ему, что у ея ребенка конвульсія, причеиъ обычная улыбка, кривившая ей уголки рта, не покидала ее. Потомъ сталъ подниматься въ гору, по направленію къ бреши. По привычкѣ онъ унесъ свой молитвенникъ. Такъ какъ дорога была длинна, онъ отъ скуки раскрылъ книгу и принялся читать положенныя молитвы. Когда онъ положилъ книгу подъ мышку, то совсѣмъ забылъ про Параду. Онъ все шелъ куда глаза глядятъ, думая о новой ризѣ, которую намѣревался купить въ замѣнъ золотой, рѣшительно отказывавшейся служить. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ откладывать монеты въ двадцать су и рассчитывалъ, что черезъ семь мѣсяцевъ у него накопится достаточно денегъ на ризу. Онъ былъ уже на вершинѣ горы, когда пѣсня крестьянина, долетавшая до него издали, напомнила ему псаломъ, который онъ нѣкогда пѣвалъ въ семинаріи. Онъ сталъ припоминать первые стихи этого псалма, и никакъ не могъ припомнить. Недостатокъ памяти немного сердилъ его. Поэтому, когда онъ наконецъ припомнилъ, то съ удовольствіемъ затянулъ вполголоса слова, мало-по-малу всплывавшія въ памяти. То былъ канонъ Маріи. Онъ улыбнулся. Въ лицо ему точно повѣяло свѣжимъ дыханіемъ его молодости. Какъ онъ былъ счастливъ въ тѣ времена! Конечно, онъ могъ быть счастливъ и въ будущемъ; онъ оставался все тѣмъ же ребенкомъ и не желалъ иныхъ благъ, какъ душевнаго мира, мѣста въ церкви, продавленнаго его колѣнами, уединенной жизни, развлекаемой дѣтскими забавами. Онъ мало-по-малу возвышалъ голосъ и пѣлъ канонъ тоненькимъ, какъ флейта, голосомъ, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою брешь.

Одну минуту онъ казался удивленнымъ. Потомъ пересталъ улыбаться, и проговорилъ просто:

— Альбина вѣрно меня ждетъ. Солнце уже садится.

Но въ то время, какъ онъ раздвигалъ каменья, чтобы пройти, его встревожило чье-то шумное дыханіе. Онъ чуть не наступилъ на лицо брата Арканжіа, разметавшагося по землѣ и крѣпко спавшаго. Сонъ застигъ его, конечно, въ то время, какъ онъ стерегъ входъ въ Параду. Онъ лежалъ поперекъ бреши въ безобразной позѣ. Правая рука его, закинута за голову, не выпустила суковатой палки, и онъ все еще какъ-будто размахивалъ ею, точно огненнымъ мечомъ. Онъ храпѣлъ, выставивъ свое во-

ричное лицо на солнцѣ. Туча большихъ мухъ вкружилась надъ его раскрытымъ ротомъ.

Аббатъ Мурѣ поглядѣлъ на него съ минуту. Онъ завидовалъ этому сну святого, валяющагося въ мыли. Онъ хотѣлъ прогнать мухъ; но онѣ упорно возвращались къ сизымъ губамъ монаха, который ихъ даже не чувствовалъ. Тогда аббатъ перешагнулъ черезъ его длинное тѣло. Онъ вступилъ въ Параду.

ХИ.

За стѣной, въ нѣсколькихъ шагахъ, Альбина сидѣла на зеленой лужайкѣ. Она встала, завидя Сержа.

— Вотъ и ты!—закричала она, вся задрожавъ.

— Да!—отвѣчалъ онъ, спокойно.—Я пришелъ.

Она бросилась ему на шею, но не поцѣловала его. Она почувствовала на своей голой рукѣ холодъ жемчуга, которыми были унизаны его брызжи, и оглядѣла его съ новой тревогой, повторяя:

— Что съ тобой? Ты не цѣлуешь моихъ щекъ, какъ въ бывшее время... Будь спокоенъ, если ты опять заболѣлъ, я снова вылечу тебя. Теперь, когда ты пришелъ сюда, наше счастье вернется. Грусти больше не существуетъ... Ты видишь, я улыбаюсь. Смѣйся, Сержъ.

И видя, что онъ по прежнему серьезенъ, продолжала:

— Конечно, и я тоже горевала. Я еще вся блѣдная, неправда ли? Вотъ уже цѣлую недѣлю я живу здѣсь на травѣ, гдѣ ты нашелъ меня. Я думала только объ одномъ: какъ ты войдешь въ брешь. При всякомъ шумѣ я вскакивала и бѣжала тебѣ на встрѣчу. А ты все не шелъ, и то шумѣли листья, разносимыя вѣтромъ... Но я знала, что ты придешь. Я бы прождала тебя цѣлые годы.

Потомъ спросила:

— Ты меня еще любишь?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я еще люблю тебя.

Они остановились другъ передъ другомъ, немного смущенные. Молчаніе воцарилось. Сержъ, спокойный, не старался прервать его. Альбина раза два раскрывала ротъ, но снова закрывала его, дивясь тому, что ей наворачивались на языкъ только горькія слова. Она чувствовала, что слезы омочили ей глаза. Что такое творится въ ней, что она не чувствуетъ себя счастливой, когда любовь ея вернулась?

— Слушай, — проговорила она, наконецъ, — здѣсь не надо оставаться. Тебя леденить эта брешь... Вернемся къ себѣ. Дай мнѣ руку.

И они углубились въ Парадѣ. Наступала осень, деревья были какія-то озабоченныя и съ пожелтѣвшими листьями, осыпавшимися одно за другимъ. На тропинкахъ уже лежалъ слой мертвой зелени, пропитанной сыростью, гдѣ шаги точно заглушали вздохи. Надъ лужайками носился дымокъ, одѣвавшій даль трауромъ. И весь садъ молчалъ, испуская лишь меланхолическіе вздохи, проносившіеся подобно трепету.

Сержъ дрожалъ въ аллеѣ высокихъ деревьевъ, куда они свернули. Онъ провзнесъ вполголоса:

— Какъ здѣсь холодно!

— Тебѣ холодно, — грустно прошептала Альбина. — Моя рука тебя больше не грѣетъ. Хочешь, я прикрою тебя краемъ платья?.. Мы оживимъ всю свою былую нѣжность.

Она свела его въ цвѣтнникъ. Роща изъ розановъ еще благоухала, но горькимъ ароматомъ, и листья, выросшіе непомѣрно, покрывали землю какъ-бы стоячимъ болотомъ. Но Сержъ выказалъ такую неохоту идти въ эту чащу, что они остались на опушкѣ, издали посматривая на аллею, гдѣ гуляли весною. Она помнила всѣ закоулки, указывала ему пальцемъ на гротъ, гдѣ спала мраморная женщина, на распущенные волосы жимолости и ломоносовъ, на поля съ фіалками, на фонтанъ, извергавшій красную гвоздику, на большую лѣстницу, залитую потоками желтой гвоздики, на полуобрушенную колоннаду, съ павильономъ изъ бѣлыхъ лилій въ центрѣ. Вонъ, тамъ они оба родились на солнцѣ. И она пересказывала ему малѣйшія подробности этого перваго дня: какъ они шли, какъ хорошо пахнулъ воздухъ въ тѣни. Онъ какъ-будто слушалъ; потомъ, вдругъ какой-нибудь вопросъ его доказывалъ, что онъ не понималъ того, что она ему говорила. Легкая дрожь, отъ которой онъ блѣднѣлъ, не покидала его.

Она отвела его въ плодовый садъ, куда однако имъ не удалось попасть. Рѣвка наполнялась, но Сержу и въ голову не приходило посадить Альбину къ себѣ на плечи, чтобы перенести въ три прыжка на другой берегъ. А между тѣмъ, на другомъ берегу аблони и грушевыя деревья были покрыты плодами; виноградная лоза склонялась подъ тяжестью золотыхъ вистей. Какъ они нѣкогда рѣзвились въ прожорливой тѣни этихъ почтенныхъ деревьевъ! Они были тогда дѣтьми. Альбина улыбалась, вспоминая, какъ выставлялись ея ноги, когда вѣтки подламывались подъ ней. Онъ путался. Помнилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, о сливахъ,

которыя они тутъ ѣли? Сержъ отрицательно качалъ головой. Онъ казался уже усталымъ. Плодовый садъ съ его зеленой чащей, его путаницей мшистыхъ стволовъ, тревожилъ его, казался ему сырмь погребомъ, населеннымъ крапивою и змѣями.

Она повела его на луга. Тамъ ему пришлось сдѣлать нѣсколько шаговъ по травѣ. Она доходила ему теперь до плечъ. И онъ умолялъ Альбину не ходить далѣе. Она шла впереди и не останавливалась; потомъ, видя, что онъ страдаетъ, остановилась возлѣ него, мало-по-малу дѣлаясь сумрачной и принимаясь дрожать, какъ и онъ. Однако, попробовала заговорить. Жестомъ указала ему на ручьи, ряды ивъ, пространства, залитыя травой, простирившіяся до горизонта. Все это принадлежало имъ нѣкогда. Они проводили тутъ цѣлые дни. Тогда они желали, чтобы трава была выше, и они могли бы затеряться въ ея выбучей волнѣ, и быть совсѣмъ наединѣ, точно жаворонки, разгуливающіе въ хлѣбномъ полѣ. Почему же сегодня онъ дрожитъ, едва нога его потонетъ въ травѣ?

Она отвела его въ лѣсъ. Деревья еще сильнѣе напугали Сержа. Его поражалъ ихъ строгій видъ. Здѣсь, среди этихъ стволовъ, среди этихъ обнаженныхъ чащъ, куда свѣтъ свободно проникалъ, прошедшее болѣе чѣмъ когда-нибудь казалось схороненнымъ навѣки. Первые дожди смыли слѣды ихъ шаговъ на пескѣ аллеи; вѣтры унесли все, что оставалось отъ нихъ на низкихъ вѣткахъ кустовъ. Теперь Альбина молчала; горло ея сжимала грусть. Но она протестовала взглядомъ. Она отыскивала на пескѣ слѣды ихъ прогулокъ. У каждаго куста воспоминанія вызывали теплую краску у нея въ лицѣ. И умоляющими взорами она старалась пробудить воспоминанія Сержа. Вдоль этой тропинки они молча шли взволнованные, не смѣя признаться, что любятъ другъ друга. На этой прогалинкѣ, они засидѣлись однажды вечеромъ очень поздно, заглядѣвши на звѣзды, лившіяся на нихъ точно капли тепла. Далѣе, подъ этимъ дубомъ, они впервые поцѣловались. Дубъ сохранялъ еще аромать этого поцѣлуя. Сами мхи какъ будто говорили о немъ. Неправда, будто лѣсъ сталъ нѣмъ и пустъ. Сержъ отворачивалъ голову, избѣгалъ взоровъ Альбины, надѣждавшихъ ему.

Она провела его въ большимъ скаламъ. Быть можетъ, тамъ онъ перестанетъ дрожать, съ убитымъ лицомъ, приводившимъ ее въ отчаяніе. Одиѣ только большія скалы были въ этотъ часъ еще совсѣмъ теплыя отъ горячихъ лучей заходящаго солнца. Но какъ только они вступили на утесы, Сержъ сталъ жестоко спотыкаться. Онъ не въ силахъ былъ идти далѣе, спотынулся и упалъ. Аль-

бина сверхчеловѣческимъ усиленіемъ приподняла его и пронесла на рукахъ. Но онъ опять свалился съ ногъ и остался лежать посреди дороги. Передъ нимъ, подъ нимъ разстидался громадный Парадѹ.

— Ты солгалъ, — закричала Альбина: — ты меня больше не любишь!

И плакала, стоя подлѣ него, чувствуя, что бессильна унести его выше. Она пока еще не сердилась и только оплакивала умершую любовь. Онъ же былъ подавленъ.

— Садъ умеръ, мнѣ все холодно, — бормоталъ онъ.

Но она взяла его за голову и жестомъ указала на Парадѹ.

— Да погляди же!.. Ахъ! умерли твои глаза, уши, руки, ноги, все твое тѣло, — вотъ что умерло. Ты прошелъ мимо всѣхъ нашихъ радостей, не видя ихъ, не слыша. Ты только спотыкался и упалъ здѣсь отъ усталости и скуки... Ты меня больше не любишь.

Онъ тихо протестовалъ. Тогда она впервые выказала раздраженіе.

— Молчи! развѣ садъ когда-нибудь умираетъ! Онъ заснетъ на зиму, но проснется въ маѣ и возвратитъ намъ то, что мы ему довѣрили: нашу любовь, наши ласки; поцѣлуи наши опять расцвѣтутъ въ цвѣтникахъ, клятвы обновятся вмѣстѣ съ травой и деревьями... Еслибы ты видѣлъ, еслибы ты слышалъ; садъ любить еще ярѣче въ осеннюю пору, когда засыпаешь... Ты меня больше не любишь и ничего не понимаешь.

Онъ же, поднявъ глаза на нее, умолялъ ее не сердиться. Лицо его какъ будто похудѣло и поблѣднѣло отъ дѣтскаго страха. Громкое слово заставляло его вздрагивать. Наконецъ, онъ упростилъ ее присѣсть на минутку возлѣ него, посреди дороги. Они спокойно поговорять, объяснятся. И оба, глядя на Парадѹ и даже не сжавъ другъ другу кончики пальцевъ, заговорили о своей любви.

— Я люблю тебя, я люблю тебя, — повторялъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ. — Еслибы я не любилъ тебя, я бы не пришелъ... Правда, я усталъ. Не знаю отчего. Я надѣялся, что опять найду здѣсь то тепло, о которомъ и вспоминать-то было приятно. А мнѣ все холодно; садъ кажется мнѣ чернымъ; я ничего не узнаю въ немъ. Но это не моя вина. Я стараюсь быть какъ ты, я желалъ бы угодить тебѣ.

— Ты меня больше не любишь, — повторила Альбина.

— Нѣтъ, я люблю тебя. Я очень страдалъ въ тотъ день, когда прогналъ тебя... О! я любилъ тебя съ такимъ безуміемъ,

видишь ли, что задушилъ бы тебя въ объятіяхъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ты стояла передо мной, терзая меня своими тонкими пальцами. Когда я закрывалъ глаза, ты зажигалась точно солнце, ты охватывала меня своимъ пламенемъ... И вотъ, тогда я всѣмъ пренебрегъ и пришелъ.

Онъ въ раздумьи умолкъ на минуту; потомъ продолжалъ:

— И вотъ, теперь руки мои точно сломаны. Еслибы я захотѣлъ прижать тебя къ груди, я не сумѣлъ бы удержать въ рукахъ, выпустилъ бы тебя изъ нихъ... Подожди, пока дрожь пройдетъ у меня. Ты мнѣ дашь свои руки, и я ихъ поцѣлую. Будь добра, не гляди на меня раздраженными глазами. Помоги мнѣ согрѣть мое сердце.

Въ голосѣ его звучала такая искренняя грусть, такое очевидное желаніе возобновить ихъ нѣжную жизнь, что Альбина была тронута. Мгновенно она стала очень кротка, и принялась заботливо распрашивать его:

— Гдѣ у тебя болитъ? Чтѣ съ тобой?

— Не знаю. Мнѣ кажется, что вся кровь уходитъ изъ моихъ жилъ... Сейчасъ, идя сюда, мнѣ казалось, что мнѣ на плечи накинута ледяной покровъ, прилипшій къ моему тѣлу и съ голови до ногъ обратившій меня въ камень... Я уже чувствовалъ этотъ покровъ на своихъ плечахъ раньше... когда, не помню.

Но она перебила его дружескимъ смѣхомъ.

— Ты ребенокъ, ты простудился, вотъ и все... Послушай, надѣюсь, что это не я пугаю тебя? Зимой мы не останемся въ этомъ саду, какъ два дикаря. Мы поѣдемъ, куда ты хочешь, въ какой-нибудь большой городъ. Мы будемъ любить другъ друга среди людей, такъ же спокойно, какъ и среди деревьевъ. И ты увидишь, что я способна не на то только, чтобы лазить по деревьямъ и ходить по цѣлымъ часамъ безъ усталки... Когда я была маленькая, я носила вышитыя юбки, ажурные чулки, оборотки, манжетки. Тебѣ ниго объ этомъ не рассказывалъ?

Онъ не слушалъ ее, потомъ вдругъ крикнулъ:

— Ахъ! вспомнилъ!

И когда она стала распрашивать его, онъ не захотѣлъ отвѣтить. Онъ припомнилъ ощущеніе, испытанное имъ въ семинарской церкви. Вотъ тотъ оледенѣлый покровъ, отъ котораго у него дѣлалось каменное тѣло. И тутъ его духовное прошлое не отразимо завладѣло имъ. Смутныя воспоминанія, пробудившіяся въ немъ во время пути, когда онъ шелъ въ Парадѣ, заговорили въ немъ съ властительной силой. Въ то время какъ Альбина продолжала говорить ему о счастливой жизни, которую они пове-

дутъ вдвоемъ, онъ слышалъ лишь звуки колокольчика, возвѣщавшаго о совершеніи таинства, видѣлъ взмахи кадилъ надъ коленопреклоненной толпой.

— Ну вотъ, говорила она, для тебя я опять надѣну вышитыя юбки... Я хочу, чтобы ты былъ веселъ. Мы придумаемъ, что можетъ тебя развлечь; быть можетъ, ты сильнѣе полюбишь меня, когда увидишь меня нарядной, расчесанной, какъ даму; гребень у меня не будетъ больше торчать криво, волосы не будутъ растрепаны по плечамъ. Я не стану больше засучивать рукавовъ до локтей, буду застегивать платье, чтобы не видно было плечъ. И я еще не разучилась кланяться; я умѣю ходить съ достоинствомъ. Будь спокоенъ, тебѣ не стыдно будетъ пройти съ мной по улицамъ подъ руку.

— Входила ли ты когда-нибудь въ церковь, когда была маленькой?—спросилъ онъ вполголоса, высказывая вслухъ, помимо воли, думы, мѣшавшія ему слушать то, что она говорила.—Я не могу проходить мимо церкви, чтобы не зайти въ нее. Какъ скоро дверь затворялась за мной, мнѣ казалось, что я въ самомъ раю, что ангельскіе голоса нашептываютъ мнѣ на ухо святаго исторіи, что дыханіе святаго ласкаетъ все мое тѣло... И мнѣ хотѣлось всегда жить тамъ, замереть въ этомъ блаженствѣ.

Она пристально поглядѣла на него взглядомъ, гдѣ мелькнулъ огонь раздраженія, но сдержала себя:

— Я буду такой, какой тебѣ будетъ угодно. Я играла на фортепіано въ былое время; я была образованная барышня, въ которой развивали различныя таланты... Я вернусь въ школу, снова займусь музыкой, если ты пожелаешь прослушать какую-нибудь арію. Стоить тебѣ назвать ее, и я по цѣлымъ мѣсяцамъ буду разучивать ее, чтобы сыграть тебѣ ее вечеромъ, у насъ въ домѣ, въ уютной комнатѣ, съ опущенными занавѣсами. И ты наградишь меня поцѣлуемъ... Хочешь поцѣловать меня въ губы, чтобы пробудить свою любовь.

— Да, да!—бормоталъ онъ, отвѣчая на собственныя мысли:— мои главныя удовольствія заключались въ томъ, чтобы зажигать свѣчи, готовить сосуды, носить треники съ сложенными руками. Позднѣе я почувствовалъ медленное приближеніе Бога и думалъ, что умру отъ любви... У меня нѣтъ другихъ воспоминаній. Я ничего не знаю. Когда я поднимаю руку, то затѣмъ, чтобы благословить. Когда протягиваю губы, то чтобы приложиться къ алтарю. Если я стану искуать своего сердца, я не найду его; я отдаю его Богу, и Онъ взялъ его.

Она совсѣмъ поблѣднѣла, и глаза ея засверкали, но продолжала дрожащимъ голосомъ:

— И я не хочу, чтобы дочь моя разставалась со мной. Ты можешь, если пожелаешь, помѣстить мальчика въ коллегію. Но дѣвочка останется со мной. Я сама стану учить ее. О! я припомню, я найму учителей, если забыла читать... Мы будемъ жить съ нашими малютками, ты будешь счастливъ, неправда ли? Отвѣчай, скажи мнѣ, что тебѣ будетъ тепло, что ты будешь улыбаться, что ты ни о чемъ не станешь жалѣть?

— Я часто думалъ о каменныхъ святыхъ, которыхъ окуриваютъ ладаномъ въ ихъ нишѣ въ теченіи многихъ столѣтій,—сказалъ онъ шепотомъ.—Съ теченіемъ времени, они должны насѣвозъ прокуриться ладаномъ... Вотъ и я—какъ одинъ изъ этихъ святыхъ. Я весь прокурень ладаномъ, и въ этомъ заключается тайна ясности моего духа, спокойной смерти моей плоти, мира, которымъ я наслаждаюсь оттого, что не живу... Ахъ! пусть ничто не выводитъ меня изъ моей неподвижности! Я останусь холоднымъ, застывшимъ, съ неумирающей улыбкой на гранитныхъ губахъ, безсильный сойти къ людямъ. Вотъ мое единственное желаніе!

Она встала, раздраженная, грозная. Она принялась трестя его, крича:

— Что ты говоришь? о чемъ это мечтаешь вслухъ?.. Развѣ я не твоя жена? развѣ ты пришелъ не затѣмъ, чтобы быть моимъ мужемъ?

Онъ задрожалъ еще сильнѣе, и отступилъ назадъ.

— Нѣтъ, оставь меня, мнѣ страшно,—бормоталъ онъ.

— А наша общая жизнь, наше счастье, наши дѣти?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ страшно.

Потомъ испустилъ послѣдній, жалобный крикъ:

— Не могу! не могу!

Тогда съ минутою она стояла молча, глядя на несчастнаго, дрожавшаго у ея ногъ. Пламя горѣло въ ея глазахъ. Она раскрыла руки какъ-бы затѣмъ, чтобы взять его и прижать къ себѣ, но какъ будто одумалась, взяла его только за руку и приподняла съ мѣста.

— Пойдемъ,—сказала она.

И она привела его подъ гигантское дерево, на то самое мѣсто, гдѣ они были тамъ счастливы. Тамъ царилъ та же блаженная тѣнь. Дерево было такое же ласковое, могучее. А вдали Парадю, не взирая на первый осенній трепегъ, все еще шепталъ про любовь.

— Слышишь, слышишь?—лепетала Альбина на ухо Сержу, котораго усадила у подошвы дерева.

Сержъ плакалъ.

— Ты видишь, что Парадѣ не умеръ. Онъ совѣтуетъ намъ любить другъ друга. Онъ хочетъ, чтобы мы были мужемъ и женой... О! вспомни! Обними меня. Будемъ любить другъ друга.

Сержъ плакалъ.

Она не промолвила больше ни слова. Она сама обняла его. Губы ея прикоснулись къ этому трупу, чтобы оживить его; руки старались согрѣть его, вырвать у него признакъ жизни. Но Сержъ продолжалъ плакать.

Помолчавъ съ минуту, Альбина заговорила. Она выпрямилась, презрительная и рѣшительная.

— Ступай вонъ!—проговорила она шопотомъ.

Сержъ съ усиленіемъ приподнялся. Онъ поднялъ свой тревникъ, вставшійся на травѣ, и пошелъ.

— Ступай вонъ!—повторяла Альбина, идя за нимъ слѣдомъ и возвышая голосъ.

Она гнала его такимъ образомъ до самой брешки мимо серьезныхъ деревьевъ, теперь молчавшихъ. И такъ какъ тамъ Сержъ остановился, опустивъ голову, она рѣзко прокричала ему:

— Ступай вонъ! ступай вонъ!

Потомъ медленно вернулась въ Парадѣ, не оборачивая головы. Ночь наступила, садъ превратился въ большой темный гробъ.

XXIII.

Братъ Арманжіа проснулся и, стоя у брешки, хлопалъ палкой по камнямъ, неистово ругаясь.

Но когда увидѣлъ, что Альбина прогоняетъ патера, то на минуту смолкъ отъ удивленія. Потомъ застучалъ сильнѣе, разражаясь страшнымъ хохотомъ.

— Прощай, негодяйка! Добраго пути! Вернись къ своимъ волеямъ... Ага! святой пришелся тебѣ не по праву. Тебѣ надо не такихъ людей. Не хочешь ли мою палку? Вотъ тебѣ достойный мужъ.

И со всего размаха бросилъ палку вслѣдъ Альбинѣ, исчезающей во мракѣ. Потомъ, поглядѣвъ на аббата Муръ, зарычалъ:

— Я знаю, что вы тамъ. Камни были разбросаны... Слушайте, г. кюрэ, проступокъ вашъ сдѣлалъ меня старшимъ надъ

вами. Богъ возвѣщаетъ вамъ моими устами, что въ аду самыя страшныя муки уготованы для патеровъ, ублажающихъ свою плоть. Если онъ удостоитъ отпустить вамъ вашъ грѣхъ, то будетъ слишкомъ добръ, нарушивъ свою справедливость.

Медленными шагами оба направились въ Арт6. Патеръ не раскрывалъ рта. Мало-по-малу онъ поднялъ голову и пересталъ дрожать. Когда онъ увидѣлъ вдали, на лиловатомъ небѣ, черную полосу «пустынника» съ краснымъ пятномъ церковныхъ черепицъ, то слабо улыбнулся. Въ его свѣтлыя глаза появилось выраженіе большого спокойствія.

Между тѣмъ монахъ время отъ времени ударялъ камнемъ о камни, и вдругъ, обращаясь къ спутнику, произнесъ:

— Теперь кончено... Небо меня усыпило. Я почувствовалъ, что вѣки мои отяжелѣли, точно невидимыя руки закрывали ихъ... Слушайте, я понимаю. Небо хотѣло показать вамъ ничтожество вашей скверны. Я, когда былъ въ вашихъ лѣтахъ,—былъ точно бѣсноватый: демонъ грызъ мое тѣло. А потомъ онъ вдругъ соскучился и ушелъ. У меня нѣтъ больше тѣла. Но это мнѣ все равно, и даже такъ лучше, я показываю кулакъ всѣмъ проходящимъ мимо меня канальямъ.

Аркажія плюнулъ въ дорожную пыль, съ видомъ глубокаго отвращенія. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ продолжалъ:

— Я знаю, что вы придете. Давно уже я подстерегалъ васъ... Я подглядывалъ въ садъ, черезъ отверстіе въ стѣнѣ; мнѣ бы хотѣлось срубить деревья. Часто я бросалъ камни. Когда мнѣ удавалось сломать вѣтку, я былъ доволенъ... Скажите, развѣ это такъ необычайно—то, что вы тамъ испытывали?

Онъ остановилъ аббата Мурѣ посреди дороги, глядя на него глазами, сверкавшими страшной ревностью. Радости, которыя онъ чувалъ въ Парадѣ, терзали его. Цѣлыя недѣли онъ оставался на порогѣ, издали предвкушая запретныя наслажденія. Теперь онъ желалъ по крайней мѣрѣ знать подробности грѣха, не грѣша самъ.

— Расскажите мнѣ,—нѣсколько разъ повторялъ онъ.

Но аббатъ былъ нѣмъ, и онъ снова зашагалъ впередъ, подсмѣиваясь, бормоча двусмысленныя слова. И повышая голосъ:

— Видите ли, когда патеръ дѣлаетъ то, что вы сдѣлали, онъ скандализируетъ всѣхъ духовныхъ лицъ... Я самъ не чувствовалъ себя больше цѣломудреннымъ возлѣ васъ. Вы всѣмъ заражали собою... Въ настоящую минуту вы обраумились. О! вамъ нечего исповѣдываться. Мнѣ знакомъ этотъ ударъ дубиной.

Небо сломило ваше тѣло, какъ у другихъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

Онъ торжествовалъ, хлопалъ въ ладоши. Аббать не слушалъ его, потерянный въ мечтаніяхъ. Улыбка его обозначалась явственнѣе.

Когда они дошли до приходскаго дома, братъ Арканжіа все еще говорилъ. Онъ повторялъ:

— Было бы несправедливо, еслибы Богъ васъ простилъ... Я вѣдь не грѣшилъ, не такъ ли? Какой же прокъ былъ бы въ томъ, что я не грѣшилъ, если васъ награждать наравнѣ со мной? Въ такомъ случаѣ, я бы пожалѣлъ, зачѣмъ не поступилъ такъ, какъ вы. Да, я бы объ этомъ пожалѣлъ...

Онъ подумалъ съ минуту, потомъ прибавилъ съ сердцемъ:

— Нѣтъ, это гадость, это мерзость, я ни о чемъ не сожалею... Слышите ли, Богъ не можетъ простить васъ.

И ушелъ. Аббать Мурэ не вступилъ въ приходскій домъ. Онъ обошелъ его и проскользнулъ въ церковь. Она была вся сбѣра, какъ и въ тотъ страшный дождливый вечеръ, когда соблазнъ такъ жестоко истерзалъ его... Но теперь церковь оставалась бѣдной и благочестивой; волото не сверкало, тревожныя вѣянія съ полей не доносились до нея. Въ ней царствовало торжественное молчаніе. Ее какъ-будто наполняло одно дуновеніе милосердія.

Опустившись на колѣни передъ большимъ распятіемъ изъ раскрашеннаго картона, плача слезами, которыя радостно катились по его щекамъ, патеръ лепеталъ:

— Боже мой, неправда, что ты безжалостенъ. Я уже чувствую, что Ты мнѣ простилъ. Я чувствую это по той благодати, которая вотъ уже нѣсколько часовъ по каплѣ нисходитъ на меня, принося мнѣ медленнымъ и вѣрнымъ путемъ спасеніе... Боже мой! въ ту самую минуту, какъ я покидалъ Тебя, Ты всего заботливѣе охранялъ меня. Ты скрывался отъ меня, чтобы вѣрнѣе спасти меня отъ грѣха. Ты дозволилъ моей плоти заявить себя, чтобы я могъ разбиться объ ея безсиліе... И теперь, я вижу, что я отмѣченъ Твоей печатью, той страшной, но сладостной печатью, которая изъвлекаетъ человѣка изъ среды людей, которая не вглаживается, и рано или поздно всплываетъ даже на преступныхъ членахъ. Ты меня сломилъ въ грѣхѣ и въ соблазнѣ. Ты меня опалилъ своимъ пламенемъ. Ты пожелалъ, чтобы внутри меня были однѣ развалины, чтобы съ увѣренностью спускаться туда. Я пустой домъ, въ которомъ Ты можешь обитать... Буди ны Твое благословенно, Господи!

Онъ распростерся въ пыли и лепеталъ молитву. Церковь

восторжествовала. Она возвышалась надъ головой патера съ своими престолами, своей исповѣдальней, своей кафедрой, своими крестами, своими образами. Міръ больше не существовалъ. Соблазнъ угасъ, точно пожаръ, отнынѣ ненужный для очищенія его плоти. На него нисходилъ сверхчеловѣческой покой. Онъ испустилъ послѣдній крикъ.

— Помимо жизни, помимо творенія, помимо всего живого, я принадлежу Тебѣ, Господи, Тебѣ единому, навѣки!

XIV.

Въ этотъ часъ Альбина въ Парадѣ все еще бродила, влача нѣмую тоску раненаго животнаго. Она больше не плакала. Лицо у нея было блѣдно, безъ единой кровинки, и пересѣчено глубокой морщиной на лбу. За чтó терпѣла она эту злую муку? Въ чемъ провинилась она, что садъ вдругъ пересталъ выполнять то, чтó сулилъ ей съ самаго дѣтства. И она вопрошала его, шла впередъ, не видя аллея, гдѣ тѣнь стучалась мало-по-малу. А между тѣмъ она всегда слушалась деревьевъ. Она не помнила, чтобы когда-нибудь сломала цвѣтокъ. Она оставалась любимой дочерью растеній, повинувась имъ съ довѣріемъ къ тому счастью, которое они ей сулили... Итакъ, если она не находитъ въ чемъ упрекнуть себя, то, значитъ, садъ обманулъ ее, мучилъ ее ни за что, ни про что.

Она остановилась, поглядѣла вокругъ себя. Большія темныя массы зелени хранили благоговѣнное молчаніе. Тропинки, гдѣ высились темныя стѣны, казались черными, непроходимыми чащами; зеленыя сватерти, вдали, усыпляли вѣтры, ихъ задѣвашіе. И она съ отчаяніемъ протягивала руки, у нея вырвался вопль протеста. Неужели таковъ конецъ! Она хотѣла еще жить; смерть не была такъ близка. Но ея голосъ затерялся среди нѣмыхъ деревьевъ. Парадѣ не отвѣчалъ на ея жалобы. Три раза она обращалась къ нему, но никакого объясненія не дали ей высокія вѣтки, ни одинъ листокъ не пожалѣлъ о ней. Когда она пошла дальше, она сознала, что ее застигла суровая зима. Теперь она больше не вопрошала землю съ негодованіемъ и протестомъ; ей слышался тихій голосъ, раздававшійся у самой земли, прощальный голосъ растеній, желавшихъ другъ другу счастливой смерти. Упиваться солнцемъ въ теченіи всего лѣта, прожить въ цвѣту, испуская непрерывный аромат, потомъ уйти при первомъ же страданіи, съ надеждой вырасти гдѣ-нибудь въ другомъ

мѣстѣ, развѣ это недостаточно долгая жизнь? Не хорошо прожитая жизнь, и упорство жить дольше могло только испортить ее. Ахъ! какъ сладко, должно быть, умереть, видѣть передъ собою ночь безъ конца, и вѣчно думать о краткомъ прожитомъ днѣ и его мимолетныхъ радостяхъ!

Она снова остановилась, но больше не протестовала и прислушивалась къ благоговѣйному молчанію Парадѣ. Ей казалось теперь, что она его понимаетъ. Конечно, садъ готовилъ ей смерть, какъ высшее благо. Онъ къ смерти велъ ее такимъ сладкимъ путемъ. Послѣ любви оставалась только смерть. И никогда садъ не любилъ ее больше; она была неблагодарна, когда обвиняла его; она оставалась его любимой дочерью. Молчаливая листва, тропинки, залитыя мракомъ, лужайки, гдѣ спалъ вѣтерокъ, молчали, какъ-бы приглашая и ее насладиться молчаніемъ. Они желали забрать ее съ собою, мечтали унести ее, завернутую въ ихъ пожелтѣлыя листья, съ замершими глазами, какъ вода источниковъ, съ членами, подобными оголеннымъ вѣткамъ, съ кровью недвижной, какъ и растительный сокъ. Она проживетъ ихъ жизнью до самаго конца, до самой ихъ смерти. Быть можетъ, они уже рѣшили, что на будущій годъ она будетъ розовымъ кустомъ въ цвѣтникѣ или ивой на лугахъ, или молодой березой въ лѣсу. Вотъ великій законъ жизни: она умереть.

Тогда, въ послѣдній разъ, она пустилась бѣжать по саду, въ поискахъ за смертью. Какая пахучая трава нуждалась въ ея волосахъ, чтобы усилить ароматъ своихъ листьевъ? Какой цвѣтокъ просилъ въ даръ ея атласную кожу, непорочную бѣлизну ея рукъ, нѣжную ткань ея шеи? Какому больному вусту могла она предложить свою молодую кровь? Она желала бы быть полевой травой, прозябавшимъ на краю аллеи, убитая тамъ, чтобы изъ нея выросла трава, роскошная, жирная, кишачная птицами въ маѣ, страстно лобзаемая солнцемъ. Но Парадѣ оставался долго еще нѣмымъ и не рѣшался довѣрить ей, въ какомъ прощальномъ поцѣлуѣ онъ унесетъ ее. Она обѣжала весь садъ. Ночь совсѣмъ наступила, и ей казалось, что она мало по-малу вращается въ землю. Она вскарабкалась на большія скалы, спрашивая ихъ: не на ихъ ли страшныхъ зубцахъ ей суждено умереть? Она прошла по лѣсу, выжидая, что какой-нибудь дубъ спадетъ и схоронитъ ее въ величїи своего паденїя. Она прошла вдоль рѣчекъ, наклоняясь на каждомъ шагѣ, заглядывая, не приготовлено ли для нея ложе среди кувшинчиковъ. Нигдѣ смерть не звала ее, не протягивала ей своихъ холодныхъ рукъ. Однако она не ошибалась. Парадѣ долженъ научить ее умереть, какъ

научилъ любить. Она принялась снова бродить по кустамъ. И вдругъ, въ тотъ моментъ, какъ входила въ цвѣтникъ, услышала какъ смерть зоветъ ее. Она побѣжала и засмѣялась радостнымъ смѣхомъ. Она должна умереть съ цвѣтами.

Сначала она побѣжала въ рощу изъ розъ. Тамъ, при послѣднемъ сіяніи сумерокъ, принялась опустошать кусты. Она сорвала всѣ розы, томившіяся въ ожиданіи зимы; она обрывала ихъ, не заботясь о шипахъ, обѣими руками, и такъ стѣшила, что ломала вѣтки, она, дорожившая прежде малѣйшей былинкой. Но развѣ цвѣты не должны также умереть вмѣстѣ съ ней? Скоро она набрала большую охапку розъ, подъ тяжестью которой стбалась. Она наломала еще вѣтвей, и выходя изъ рощи въ венецъ опустошила ее, даже унесла упавшіе лепестки. Потомъ бросилась въ павильонъ и свалила свое бремя на полъ комнаты съ голубымъ потолокомъ, и снова бѣгомъ пустилась въ цвѣтникъ.

Теперь она набросилась на фіалки. Она связывала ихъ въ громадныя букеты, которые прижимала къ груди; вырывала цѣлыя кусты въ цвѣту. Потомъ стала собирать гвоздику, связывая въ гигантскіе снопы бѣлую гвоздику, напоминавшую крыни съ молокомъ, и гигантскую красную гвоздику, походившую на ведро съ кровью. Потомъ набрала левкоевъ, *belles-de-nuit*, геліотроповъ, лилій. Она обрывала стебли цвѣтущихъ левкоевъ, безъ пощады въ ихъ атласнымъ рюшамъ. Она опустошала цѣлыя корзины съ *belles-de-nuit*, скашивала цѣлыя поля геліотроповъ. И когда снова заготовила большую вязанку цвѣтовъ, то отнесла ее въ павильонъ и навалила возлѣ розъ на полу груды фіалокъ, гвоздики, левкоевъ, *belles-de-nuit*, геліотроповъ, лилій, потомъ, не переводя духъ, снова побѣжала съ новымъ рвеніемъ.

На этотъ разъ она бросилась въ тотъ меланхолическій уголокъ сада, который какъ-бы служилъ кладбищемъ цвѣтникамъ; жаркая осень выростила тамъ вторичную жатву весеннихъ цвѣтовъ, и она особенно набросилась на гряды съ туберозами, глицинтами. Далѣе, она опустошила поле съ ноготками, а поверхъ всего этого положила маку, и бѣгомъ вернулась въ комнату съ голубымъ потолокомъ, наблюдая, чтобы вѣтеръ не похитилъ у нея ни одного лепестка, и тамъ раскрыла руки: груды цвѣтовъ снова обрушились на полъ. Потомъ сбѣжала въ садъ.

Что ей теперь дѣлать? Она опустошила весь цвѣтникъ. Но не могла же она вернуться съ пустыми руками. И набросилась на травы, на пахучія растенія; набрала полный подолъ Melissa, мяты, желѣзняка. Сорвала также два громадныя куста укропа и перебила ихъ черезъ плечо. Будь возможно, она унесла бы

съ собой всю зеленую мураву цвѣтница. Потомъ на порогъ павильона обернулась и бросила послѣдній взглядъ на Параду. Было совсѣмъ темно: ночь наступила и набросила на него свой черный покровъ. Войдя въ комнату, Альбина сунула душистыя растенія въ уголь.

Вскорѣ большая комната была убрана. Она поставила зажженную лампу на столикъ, и разобрала цвѣты, сваленные въ кучу на полъ: она связывала сначала большія вязанки, которыя разбѣжала по угламъ. Сначала, позади лампы, на столикѣ, поставила лиліи, потомъ посыпала гвоздикой, левоемъ старый диванъ; цвѣтная матерія его была уже усѣяна красными букетами, полинявшими въ послѣднія сто лѣтъ; и матерія исчезла подъ живыми цвѣтами. Тутъ она выстроила всѣ четыре кресла передъ альковомъ: наполнила первый ноготками, второй макомъ, третій *belles-de-nuit*, четвертый геліотропомъ; у заваленныхъ цвѣтами кресель чуть виднѣлись лишь уголки ручекъ. Наконецъ, подумала и о кровати. Она придвинула къ изголовью маленькій столикъ и навалила на него громадную грудку фіалокъ. Потомъ насыпала гіацинтовъ и туберозъ. Постель превратилась въ цвѣточный коверъ. Оставались еще розы. Она набросала ихъ наудачу по всей комнатѣ. И даже не глядѣла, куда они падали: столъ, диванъ, кресла покрылись цвѣтами; одинъ уголокъ постели былъ заваленъ ими. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ розы сыпались дождемъ. И такъ какъ груды цвѣтовъ все еще были велики, она наконецъ стала плести гирлянды и развѣшивать ихъ по стѣнамъ. Гипсовые амуръ, рѣзвившіеся надъ альковомъ, были увѣнчаны розовыми гирляндами вокругъ шеи, рукъ, бедръ. Голубой потолокъ, овальные медальоны, съ бантами тѣлеснаго цвѣта, эротическія картины, съѣденныя временемъ, покрылись покровомъ изъ розъ, драпировались розами. Большая комната была убрана. Теперь она могла умереть въ ней вмѣстѣ съ цвѣтами.

Альбина постояла съ минуту, глядя вокругъ себя. Она размышляла, она искала, тутъ ли смерть; подобравъ пахучія растенія, мелиссу, мяту, желѣзнякъ, укропъ, она связала изъ нихъ жгуты и помощью ихъ законопатила малѣйшія отверстія, малѣйшія дырочки въ окнахъ и двери. Затѣмъ задернула занавѣсы бѣлаго казенкора, спитыя толстыми нитками. И нѣмая, безъ единого вздоха, жгла на кровать, на одръ смерти изъ гіацинтовъ и туберозъ.

Тутъ она простилась съ жизнью въ послѣдній разъ. Съ широко раскрытыми глазами она улыбалась комнатѣ. Какъ она любила въ этой комнатѣ! Какой счастливой смертью она умирала

въ ней! Въ этотъ часъ ничѣмъ нескромнымъ не вѣяло отъ гипсовыхъ амуровъ, ничего смущающаго не исходило отъ картинъ. Только съ голубого потолка проливался удушливый запахъ цвѣтовъ. И ей казалось, что то былъ ароматъ былой любви, который нѣкогда обдавалъ ее здѣсь, — ароматъ, усилившійся настолько, что сталъ удушающимъ. Не было ли то дыханіе дамы, умершей здѣсь сто лѣтъ тому назадъ! Она въ свою очередь наслаждалась этимъ дыханіемъ. Не шевелясь, сложивъ руки на груди, она продолжала улыбаться, вдыхая въ себя ароматы, наполнявшіе шумомъ ея отяжелѣвшую голову. Они наигрывали странную мелодію, медленно усыплявшую ее. Сначала то была веселая, дѣтская прелюдія; руки ея, свивавшія въ жгуты пахучія растенія, сильно пахли раздавленной травой и пересказывали о паловыхъ прогулкахъ среди одичалыхъ красотъ Парадю. Вдругъ звучала церковная музыка; маленькія, пахучія нотки вылетали изъ фіалокъ, лежавшихъ на столѣ, возлѣ изголовья, и эти серебристые звуки, подъ мѣрный аккомпаниментъ лилій, воспѣвалъ первые восторги ея любви, первое признаніе, первый поцѣлуйъ подъ высокими деревьями. Но она задыхалась сильнѣе; страсть пробивалась съ яркими красками гвоздики, съ ея перцовымъ запахомъ; мѣдный голосъ гвоздики на минуту заглушалъ всѣ остальные. Но вдругъ музыка смолкла; Альбинѣ стало легче дышать; она ощутила чудесное спокойствіе; ее убаюкивала нѣжная гамма левкоевъ, замиравшая, исчезающая въ очаровательномъ гимнѣ геіотроповъ, дыханіе которыхъ, отзывавшееся ванилью, говорило о приближеніи свадебнаго поѣзда. *Belles-de-nuit* примѣшивалъ по временамъ свой скромный триллеръ. Затѣмъ наступило молчаніе. Розы сдѣлали свое вступленіе. Съ потолка понеслись голоса, отдаленный хоръ, все болѣе и болѣе приближавшійся. Все слилось въ общую гармонію, и она прислушивалась къ ней сначала съ легкимъ трепетомъ. Хоръ усилился; вскорѣ ея оглушили могучіе голоса, гремѣвшіе вокругъ нея. Свадебный поѣздъ приближался, фанфары розъ возвѣщали грозный моментъ. Альбинѣ сильнѣе прижала руки къ груди, изнемогающая, умирающая, задыхалась. Она раскрыла губы, ища поцѣлуя, который долженъ былъ задушить ее, когда гіацинты и туберозы закурились и обдавали ее послѣднимъ вздохомъ, такимъ глубокимъ, что онъ открылъ хоръ розъ. Все ложе содрогнулось отъ страсти. Цвѣты увядавшія, всѣ разомъ и необыкновенно сильно запахли торжественнымъ, какъ дыханіе умирающаго, ароматомъ. Альбина умерла съ послѣднимъ вздохомъ цвѣтовъ.

XV.

На другой день, въ три часа пополудни, Тёза и братъ Арканжіа, разговаривавшіе на порогѣ приходскаго дома, увидѣли кабриолетъ доктора Паскаля, мчавшійся какъ вихрь по деревнѣ. Сильные удары бича расточались изъ-подъ спущеннаго верха.

— Куда это онъ такъ несется, — бормотала старая служанка, — онъ сломаеть себѣ шею.

Кабриолетъ подѣхалъ къ подошвѣ холма, на которомъ была выстроена церковь. Вдругъ лошадь поднялась на дыбы и остановилась, а голова доктора показалась изъ-подъ верха, вся сѣдая и всклокоченная.

— Сержъ дома? — закричалъ онъ яростнымъ голосомъ.

Тёза подошла къ косогору.

— Г. кюрэ въ своей комнатѣ, — отвѣчала она. — Онъ читаетъ требникъ... Вамъ нужно сообщить ему что-нибудь? Угодно, я кликну его?

Дядя Паскаль, съ разстроеннымъ лицомъ, сдѣлалъ свирѣпый жестъ правой рукою, державшею бичъ. Онъ проговорилъ, совсѣмъ высунувшись изъ кабриолета, и рискуя вывалиться изъ него:

— А! онъ читаетъ требникъ!.. Нѣтъ, не зовите его. Я его душу, впрочемъ, это бесполезно... Мнѣ надо сообщить ему, что Альбина умерла, слышите! Передайте ему отъ меня, что она умерла!

И исчезъ, ударивъ лошадь такъ сильно бичомъ, что она закусилла удила и понесла. Но не проѣхалъ и двадцати шаговъ, какъ снова остановился, и высунувъ голову, прокричалъ:

— Передайте ему также отъ меня, что она была беременна! Это ему доставитъ удовольствіе.

Кабриолетъ покатился дальше, а Тёза просто задохнулась. Братъ Арканжіа ослаблялся, устремляя на нее глаза, гдѣ сверкала жестокая радость. Она толкнула его и чуть не свалила съ крыльца.

— Убирайтесь, — заикалась она, разсердясь въ свою очередь и срывая на немъ злобу. — Я кончу тѣмъ, что возненавижу васъ!.. Возможно ли радоваться смерти людей! Я сама не любила эту дѣвушку. Но когда умираетъ человекъ въ ея годы, то тутъ ничего нѣтъ веселаго... Убирайтесь! слушайте, перестаньте смѣяться, а не то я швырну вамъ въ лицо ножницами!

Около часу пополудни крестьянинъ прибылъ въ Плассанъ продавать овощи и сообщилъ доктору Паскалю о смерти Альбины и о томъ, что Жанбернатъ его зоветъ. Теперь доктору

стало нѣсколько легче, послѣ того, какъ онъ излилъ свое сердце. Онъ нарочно своротилъ съ дороги, чтобы доставить себѣ удовольствіе. Онъ упрекалъ себя въ смерти Альбины какъ въ преступленіи. Во всю дорогу онъ не переставалъ осыпать себя бранью, безпрестанно утирая глаза, потому что слезы мѣшали ему править лошадыю. Ему приходило желаніе перекувыркнуть кабріолеть и сломать себѣ руку или ногу. Когда онъ выѣхалъ на дорогу, огибавшую безконечную стѣну Парадѣ, у него являлась надежда, что, быть можетъ, Альбина только въ обморокѣ. Крестьянинъ сообщилъ ему, что она отравилась цвѣтами. Ахъ, еслибы ему удалось поспѣть въ-время и спасти ее! И онъ во всей мочи билъ лошадь.

День былъ прекрасный. Какъ и въ теплые майскіе дни, павильонъ предсталъ передъ нимъ, весь залитый солнцемъ. Но на плющѣ, обвивавшемъ его до самой крыши, видѣлись желтые листья, и мухи не жужжали вокругъ гвоздикъ, выросшихъ въ трещинахъ. Онъ привязалъ лошадь и толкнулъ калитку, которая вела въ садикъ. Тамъ царило все то же безмолвіе, среди котораго Жанбернатъ, бывало, курилъ свою трубку. Только старика не было на скамейкѣ, передъ солодомъ.

— Жанбернатъ! — позвалъ докторъ.

Никто не отвѣчалъ. Тогда, войдя въ сѣни, онъ увидѣлъ то, чего еще никогда не видалъ. Въ глубинѣ корридора была открыта дверь, выходившая въ Парадѣ; громадный садъ, озаренный блѣдными лучами солнца, стоялъ въ печальной осенней красѣ, увѣнчанный пожелтѣлыми листьями. Онъ переступилъ за порогъ двери и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по мокрой травѣ.

— Ахъ, это вы, докторъ! — произнесъ спокойный голосъ Жанберната.

Старикъ заступомъ рылъ яму подъ тутовымъ деревомъ. Онъ выпрямился во весь свой высокій ростъ, слышавъ шаги. Потомъ снова принялся за дѣло, однимъ взмахомъ приподнявъ громадную глыбу жирной земли.

— Что это вы дѣлаете? — спросилъ докторъ Паскаль.

Жанбернатъ снова выпрямился и вытеръ рукавомъ куртки потъ со лба.

— Я рою яму, — отвѣчалъ онъ просто. — Она всегда любила садъ. Ей здѣсь будетъ пріятно спать.

Докторъ почувствовалъ, какъ у него сдавило въ горлѣ отъ волненія. Онъ постоялъ съ минуту у могилы, не говоря ни слова и глядя, какъ Жанбернатъ ретиво рылъ землю.

— Гдѣ она? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Наверху, въ своей комнатѣ. Я оставилъ ее на кровати. Я хотѣлъ, чтобы вы послушали сердце, прежде чѣмъ положить ее въ могилу... Я слушалъ, но не замѣтилъ бѣнія.

Докторъ взошелъ наверхъ. Комната осталась какъ была, только окно было открыто. Цвѣты, увядшіе, пахли сѣномъ. Альбина, бѣдная какъ полотно, приложивъ руки въ сердце, съ улыбкой спала на своемъ одрѣ изъ гіацинтовъ и туберозъ. И она была счастлива, и умерла несомнѣнно. Стоя передъ кроватью, онъ долго глядѣлъ на нее пристальнымъ взоромъ ученаго, пытающагося воскресить мертваго. Затѣмъ не хотѣлъ даже пошевелить ее сложенными руками; онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, въ то мѣсто, гдѣ материнство уже провело легкую тѣнь. Внизу, въ саду, заступъ Жанберната продолжалъ издавать глухой и мѣрный стукъ.

Но спустя какихъ-нибудь четверть часа старикъ пришелъ также. Онъ кончилъ свое дѣло, и нашелъ доктора сидящимъ у постели и погруженнымъ въ такую глубокую думу, что онъ не чувствовалъ, какъ крупныя слезы катились у него по щекамъ. Оба обмѣнялись только взглядомъ.

Потомъ, помолчавъ нѣкоторое время, Жанбернатъ медленно проговорилъ, обводя рукою горизонтъ:

— Да, я былъ правъ, на землѣ нѣтъ ничего, ничего, ничего!.. Все это одинъ фарсъ.

Онъ всталъ и началъ подбирать розы, упавшія съ кровати, и бросалъ ихъ на платье Альбины.

— Цвѣты живутъ одинъ день, — сказалъ онъ, — а сорныя растенія, какъ я, на примѣръ, переживаютъ камни... Теперь конецъ, я могу окопѣвать. У меня отняли послѣдній лучъ солнца. Все во одинъ фарсъ.

И также присѣлъ. Онъ не плакалъ. У него было неподвижное отчаяніе автомата, въ которомъ сломалась пружина. Машинно онъ протянулъ руку и взялъ открытую книгу на маленькомъ столикѣ, покрытомъ фіалками. То былъ одинъ изъ старыхъ юліантовъ, валявшихся на чердакѣ, разрознанный томъ Гольбаха, который онъ читалъ съ утра, сторожа тѣло Альбины. Такъ какъ докторъ продолжалъ молчать, подавленный горемъ, онъ перевертывалъ страницы. Но вдругъ ему въ голову пришла мысль.

— Еслибы вы помогли мнѣ, — сказалъ онъ доктору, — мы бы вдвоемъ спустили ее въ могилу, и похоронили ее со всѣми ея цвѣтами.

Но тотъ содрогнулся. Онъ объяснилъ старику, что не позволено хоронить у себя покойниковъ.

— Какъ не позволено! — закричалъ старикъ. — Ну, вотъ! такъ

я самъ себѣ это позволю!.. Развѣ она не моя? Развѣ вы думаете, что я позволю патерамъ опятъ ее у меня? Пусть попробуютъ, если желаютъ отвѣдать ружейныхъ пуль.

Онъ всталъ и съ азартомъ размахивалъ книгою. Докторъ Паскаль тоже всталъ, схватилъ его за руки и, сжимая ихъ, умолялъ успокоиться. Долгое время онъ говорилъ все, что ему приходило на умъ; онъ винилъ себя, у него вырывались признанія, онъ смутно намекалъ о тѣхъ, кто убилъ Альбину.

— Слушайте,—сказалъ онъ, наконецъ, она больше не ваша, надобно ее отдать имъ.

Но Жанбернатъ качалъ головою, отказывая жестомъ. Однако, казалось, поколебался.

— Они отняли ее у васъ, отдайте ее имъ, — повторялъ въ послѣдній разъ докторъ Паскаль. — Предоставьте имъ дѣлать съ ея тѣломъ, что имъ вздумается.

Старикъ пересталъ отвѣчиваться. Онъ пробормоталъ:

— Хорошо. Пусть они берутъ ее, и пусть она переломаетъ имъ руки! Я желалъ бы, чтобы она вышла изъ земли, и они умерли отъ страха... Къ тому же, у меня есть тамъ одно дѣльце. Я пойду туда завтра... Прощайте, докторъ. Яма останется для меня.

И когда докторъ ушелъ, Жанбернатъ снова усѣлся у изголовья покойницы, и важно продолжалъ чтеніе своей книги.

XVI.

Въ это утро, на скотномъ дворѣ приходскаго дома царствовала большая суматоха. Мясникъ деревни Артб закололъ Матьб, борова, подъ навѣсомъ. Дезирэ, въ восторгѣ, держала ноги Матьб въ то время, какъ изъ него выпускали кровь, и цѣловала въ спину, чтобы ему было не такъ больно, увѣряя его, что надо же его убить теперь, когда онъ такъ разжирѣлъ. Никто, какъ она, не умѣлъ отрѣзать головы у гуся однимъ ударомъ топора, или проколоть горло курицы ножницами. Любовь ея къ животнымъ уживалась съ этими убійствами.

— Это необходимо,—говорила она:—это расчищаетъ мѣсто для подрастающихъ дѣтенышей. И была очень весела.

— Сударыня, — ворчала поминутно Тѣза:—вы захвораете. Ну, есть ли смыслъ приходить въ такой азартъ оттого, что колютъ свинью. Вы такъ красны, какъ будто бы танцовали цѣлый вечеръ.

Но Дезирѣ хлопала въ ладоши, вертѣлась, прыгала. У Тѣзы же ноги подкашивались, какъ она говорила. Съ шести часовъ утра она катала свое громадное тѣло изъ кухни на скотный дворъ. Она должна была дѣлать колбасу, и взбивала кровь въ большихъ двухъ глиняныхъ чашкахъ, а дѣвшихъ на солнцѣ; она боялась, что никогда не кончить, потому что барышня безпрестанно отрывала ее въ-за пустяковъ. Надо сказать, что въ тотъ самый часъ, какъ мясникъ выпускалъ кровь изъ Матѣ, Дезирѣ пережила сильное волненіе, войдя въ конюшню: Лиза, корова, готовилась произвести на свѣтъ теленка. Тутъ съ радости Дезирѣ окончательно потеряла голову.

— Одинъ уходитъ, другой приходитъ!—вскакивала она, прыгая на одной ножкѣ.—Да иди же, погляди, Тѣза.

Было одиннадцать часовъ. Минутами жалобное пѣніе доносилось изъ церкви. Слышенъ былъ смутный шумъ печальныхъ голосовъ, бормотаніе молитвы, прерываемое латинскими фразами, прознесенными громко.

— Да иди же,—повторяла Дезирѣ въ двадцатый разъ.

— Мнѣ надо идти звонить,—бормотала старая служанка:—я никогда не кончу... Что вамъ еще угодно, барышня?

Но Тѣза не дождалась отвѣта и бросилась въ толпу куръ, жадно пившихъ кровь въ чашкахъ. Въ бѣшенствѣ она разогнала ихъ ударами ноги. Потомъ прикрыла чашки, говоря:

— Вотъ, вмѣсто того, чтобы безпрестанно отрывать меня отъ дѣла, вы бы лучше сдѣлали, еслибы присмотрѣли за этими негодяйками... Если вы предоставите имъ волю, то останетесь безъ колбасы, слышите!

Дезирѣ смѣялась. Велика важность, если куры напьются немного крови! онѣ жирѣютъ отъ этого. Потомъ захотѣла увести Тѣзу къ коровѣ. Та отбивалась.

— Я должна идти звонить... Похороны сейчасъ двинутся изъ церкви. Слышите?

Въ эту минуту въ церкви голоса раздались громче и съ мрачнымъ оттѣнкомъ. Послышался совершенно явственно шумъ шаговъ.

— Нѣтъ, погляди,—настаивала Дезирѣ, толкая ее къ конюшнѣ.—Скажи, что мнѣ дѣлать?

Корова, растянувшись на соломѣ, повернула голову и поглядѣла на нихъ своими большими глазами. И Дезирѣ увѣряла, что ей навѣрное чего-нибудь хочется. Можетъ быть, можно ей помочь и она будетъ меньше страдать. Тѣза пожимала плечами. Развѣ животныя не знаютъ сами какъ имъ быть. Не надо ихъ

мучить, вотъ и все. Она опять направилась къ ризницѣ, когда, проходя мимо навѣса, снова закричала, показывая кулакъ:

— Глядите, глядите! Ахъ! негодяйя!

Подъ навѣсомъ Матьё дожидался, чтобы его начали коптить, растянувшись на спинѣ, ногами вверхъ. Рана на его шеѣ былъ еще совсѣмъ свѣжая, и изъ нея сочились капельки крови, и маленькая бѣленькая курочка, съ очень деликатнымъ видомъ, подбирала одну капельку за другой.

— Экая бѣда! она лакомится!—замѣтила спокойно Дезирэ.

И, нагнувшись, похлопала по брюху свинью, приговаривая:

— Что-жь, мой толстякъ, ты вѣдь часто крадь у нихъ похлебку, и онѣ, по праву, могутъ темерь поклевать у тебя шею.

Тѣза поспѣшно сняла фартукъ и обернула имъ шею Матьё: затѣмъ, заторопившись, побѣжала въ церковь. Большая дверь заскрипѣла на своихъ ржавыхъ петляхъ, цѣнне раздалось на открытомъ воздухѣ, подъ спокойными лучами солнца. И вдругъ послышались мѣрные удары колокола. Дезирэ, сидѣвшая на корточкахъ передъ свиньей и продолжавшая хлопать ее по брюху, подняла голову и прислушалась, не переставая улыбаться. Потомъ, видя, что она одна, встала и, оглядѣвшись исподтишка вокругъ себя, проскользнула въ конюшню и захлопнула за собой дверь. Она шла помогать коровѣ.

Маленькая валилка, отдѣлявшая кладбище, которую захотѣли раскрыть настежь, чтобы пронести гробъ, чуть не сорвалась съ петель. Въ пустырь солнце спало на сухихъ травахъ. Погребальная процессія тронулась, подъ напѣвъ „*Miserere*“.

Наступило молчаніе.

— *Requiem aeternam dona ei, Domine*,— началъ торжественно голосъ аббата Мура.

— *Et lux perpetua luceat ei*,— закончилъ братъ Арваній нараспѣвъ.

Впереди шелъ Венсанъ въ орафѣ, неся крестъ,—большой мѣдный крестъ, съ котораго позолота почти совсѣмъ сошла; онъ держалъ его обѣими руками, высоко надъ головой. Затѣмъ шествовалъ аббатъ Мурэ, блѣдный, въ черной ризѣ; онъ держалъ голову прямо; губы его не дрожали, когда онъ пѣлъ, а глаза были устремлены вдаль. Зажженная свѣча въ его рукѣ едва была замѣтна при яркомъ свѣтѣ дня. А въ двухъ шагахъ отъ него, четыре крестьянина несли гробъ Альбины, поставленный на носилкахъ, выкрашенныхъ въ черный цвѣтъ: гробъ, плохо прикрытый слишкомъ короткимъ покровомъ, былъ сколоченъ изъ

сновныхъ досокъ; сверхъ покрыва посыпаны были цвѣты, охапавшихъ розъ, гиацинтовъ и туберозъ, снятыхъ съ постели полейницы.

— Осторожнѣе!—закричалъ братъ Арканжіа крестьянамъ, гда эти послѣдніе черезчуръ наклонили носилки, протискивая ихъ въ калитку.—Вы все свалите на землю.

И придержалъ гробъ своей огромной рукой. Онъ несъ крѣпильницу, за неизбѣнимъ второго причетника, и замѣнялъ также вѣчаго, полевого сторожа, которому нельзя было придти.

— Проходите и вы,—закричалъ онъ, обернувшись.

То была другая погребальная процессія: малютка Розалія ереть въ конвульсіяхъ. Его провожали мать, отецъ, старуха Броше, Катерина и двѣ взрослые дѣвушки, рыжая и Лиза. Онѣ послѣднія несли гробъ малютки.

Вдругъ голоса умолкли. Наступило молчаніе. Колоколь все юнчалъ, не торопясь, похороннымъ звономъ. Процессія прошла черезъ все кладбище, направляясь въ уголокъ, образуемый церковью и стѣной свѣтнаго двора. Она спугнула цѣлую тучу саинчи; ящерицы живо попрятались въ норки. Удушающая тепота неслась изъ этого уголка съ жирной землей. Трескъ смятой процессіей травы походилъ на заглушенные рыданія.

— Станьте тутъ,—сказалъ монахъ, преграждая путь двумъ рослымъ дѣвушкамъ, державшимъ малютку.—Ждите своей очереди. Вамъ незачѣмъ соваться намъ подъ ноги.

И дѣвушки поставили гробикъ на землю. Розалія, Катерина и старуха Броше остановились посреди кладбища, между тѣмъ какъ Катерина исподтишка пошла вслѣдъ за братомъ Арканжіа. Могила Альбины была вырыта рядомъ съ могилой аббата Кафана; бѣлая плита надъ этой послѣдней казалась на солнцѣ живннкой серебряными блестками. Разверстая могила, вырытая годны утромъ, зияла среди большихъ кустовъ маргаритовъ; на краю ея, маргаритки, полу-вырванныя, наклоняли свои головки; а дно упало махъ, окрашивая своими красными лепестками землю. Когда аббатъ Мурэ подошелъ, рыхлая земля осыпалась отъ его ногами. Онъ долженъ былъ отступить, чтобы не свалиться въ могилу.

— *Ego sum...*—возгласилъ онъ звучнымъ голосомъ, покрывшимъ звонъ колокола.

Во время пѣнія присутствующіе машинально заглядывали въ дно могилы, еще пустой. Венсанъ, востынувшій крестъ у пошвы могилы, напротивъ патера, толкалъ ногой маленькіе комки глины и глядѣлъ, какъ они скатывались; это смѣшило Катерину,

выглядывавшую изъ-за его спины. Крестьяне поставили гробъ на траву. Они расправляли руки въ то время, какъ братъ Арканжъ приготавливалъ кропильницу.

— Сюда, Воріо! — позвалъ Фортюнэ.

Большая черная собака, обнюхивавшая гробъ, отошла неохотно.

— Къ чему привели эту собаку? — спросила Розалія.

— Да она сама пришла за нами, — отвѣчала Лиза, слегка улыбаясь.

Весь этотъ людъ разговаривалъ вполголоса, вокругъ гробовъ малютки. Отецъ съ матерью минутами забывали о немъ, потому умоляли, когда онъ бросался имъ въ глаза.

— А дядя Бамбуссъ, неужто не захотѣлъ придти? — спросила рыжая.

Старуха Брошэ подняла глаза къ небу.

— Онъ вчера грозился все переломать, когда малютка умеръ, — пробормотала она. — Нѣтъ, онъ недобрый человекъ, говорю это правъ, Розалія... Вѣдь онъ чуть-чуть не задушилъ меня, крича, что его обокрали, что онъ отдалъ бы цѣлое хлѣбное поле, чтобы малютка умеръ за три дня до свадьбы.

— Кто могъ это знать, — проговорилъ съ лукавымъ видомъ верзила Фортюнэ.

— Пускай себѣ старый сердится! — прибавила Розалія. — Мы все-таки теперь женаты.

Они улыбались надъ гробомъ малютки съ масляными глазами. Лиза и рыжая толкнули другъ друга локтемъ.

Всѣ вдругъ стали серьезны. Фортюнэ взялъ комъ земли, чтобы прогнать Воріо, бродившаго теперь среди старыхъ плитъ.

— Ахъ! вотъ и конецъ, — прошептала рыжая.

Передъ могилой, аббатъ Мурэ оканчивалъ *De profundis*. Потомъ подошелъ къ гробу медленными шагами, выпрямился и взглянулъ на него, причемъ рѣсницы его не дрогнули. Онъ казался выше; выраженіе спокойствія совсѣмъ измѣнило его лицо. Онъ наклонился, поднялъ горсть земли и рассыпалъ его по гробу въ формѣ креста. Онъ говорилъ такимъ звучнымъ голосомъ, что и одно слово не пропало:

— *Revertitur in terram suam unde erat, et spiritus rediit ad Deum, qui dedit illum.*

Дрожь пробѣжала между присутствующими. Лиза задумалась и промолвила съ скучнымъ лицомъ:

— Однако это не весело, въ особенности когда подумаешь, что всѣ мы тамъ будемъ.

Братъ Арканжіа протянулъ кропильницу патеру. Тотъ нѣ-
сколько разъ махнулъ ею надъ гробомъ, приговаривая:

— *Requiescat in pace.*

— *Amen,*—отвѣчали хоромъ Венсанъ и монахъ, одинъ та-
кимъ тоненькимъ голоскомъ, а другой такимъ басомъ, что Ка-
ерина зажала себѣ ротъ руками, чтобы не прыснуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не весело, — продолжала Лиза. — И на
я похоронахъ никого нѣтъ! Безъ насъ владбище было бы пусто.

— Говорять, она самоубійца, — замѣтила старуха Брошэ.

— Да, я знаю, — перебила рыжая. — Монахъ не хотѣлъ,
чтобы ее хоронили съ христіанами. Но г. кюрэ сказала, что
вѣчность существуетъ для всѣхъ. Я была тутъ... А что, нашъ
философъ могъ бы сюда придти.

Но Розалія заставила ихъ умолкнуть, проговоривъ:

— Ну! гляди, вотъ и философъ.

Жанбернатъ вошелъ на кладбище. Онъ прямо подошелъ къ
грушѣ, стоявшей еще возлѣ могилы. Онъ шелъ своей бодрой
поступью безъ шума. Подойдя ближе, съ минуту постоялъ по-
зади брата Арканжіа, впиваясь глазами въ его затылокъ. По-
томъ, въ то время какъ аббатъ Мурэ кончалъ молитвы, спо-
койно вынулъ изъ кармана ножъ, раскрылъ его и однимъ уда-
ромъ отсѣкъ правое ухо монаху.

Никто не успѣлъ вмѣшаться. Монахъ завылъ.

— Лѣвое отсѣку въ другой разъ, — промолвилъ спойкойно
Жанбернатъ, бросая ухо въ могилу.

И ушелъ. Зрители были такъ поражены, что даже не погна-
лись за нимъ. Братъ Арканжіа упалъ на кучу рыхлой земли,
вынутой изъ могилы. Онъ прижалъ платокъ къ ранѣ. Одинъ изъ
четырехъ могильщиковъ хотѣлъ его увести, но онъ жестомъ от-
казался, и остался съ мрачнымъ лицомъ, желая видѣть, какъ опу-
стятъ Альбину въ могилу.

— Теперь пришла наша очередь, — промолвила Розалія съ
легкимъ вздохомъ.

Между тѣмъ аббатъ Мурэ замѣшкался у могилы, глядя, какъ
носильщики привязывали веревки къ гробу Альбины, чтобы спу-
стить его ровнѣе. Колоколь все звонилъ, но должно быть Теза
устала, потому что удары раздавались неровно, точно сердились
на продолжительность церемоніи. Солнце пекло сильнѣе, тѣнь отъ
«Пустынника» медленно двигалась по травѣ могилъ. Когда аббатъ
Мурэ отошелъ, чтобы не мѣшать, глаза его остановились на мо-
гилѣ, на могильной плитѣ аббата Каффена, патера, любившаго
на своемъ вѣку и мирно спавшаго подъ дикими цвѣтами.

Вдругъ, въ то время, какъ гробъ опускался, поддерживаемый веревками, узлы которыхъ заставляли его скрипеть, страшный шумъ поднялся на светломъ дворѣ, за стѣною. Коза блеяла, утки, гуси, индѣйки щелкали клювомъ, хлопали крыльями. Куры будахтали. Рыжій пѣтухъ Александръ звонко трубилъ. Слышно было даже, какъ прыгали кролики, ударяясь о стѣны своихъ вѣтокъ, и всю эту шумную жизнь маленькаго царства животныхъ покрывала звучный хохотъ. Послышался шелестъ платья. Деаирэ, растрепанная, съ рукавами, засученными по локоть, съ краснымъ, торжествующимъ лицомъ появилась, опираясь руками на парапетъ стѣны. Она, должно быть, взлѣзла на кучу навоза.

— Сержъ! Сержъ! — повзала она.

Въ эту минуту гробъ Альбины опустился на дно могилы. Веревки вытащили. Одинъ изъ крестьянъ бросилъ первую горсть земли.

— Сержъ! Сержъ! — закричала Деаирэ громче, хлопая въ ладоши: — корова телилась.

А. Э.

РЕФОРМА

КРЕДИТНОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

I.

Вопросъ объ упроченіи нашей кредитной денежной системы весьма важенъ уже потому, что онъ находится въ тѣсной связи съ двумя другими вопросами: о неотверженныхъ долгахъ казначейства по сериямъ 4⁰/₆-нымъ металлическимъ билетамъ, и о неблагопріятномъ вліяніи ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій на положеніе государственнаго банка. Серіи и 4⁰/₆ металлическихъ билеты усложняютъ всю задачу денежной реформы, затрудняя практическое осуществленіе ея разрѣшеніе. Неблагопріятное вліяніе ликвидаціи на государственный банкъ лишаетъ его способности играть необходимую дѣятельную и полезную роль при проведеніи реформы.

Внимательное изученіе обоихъ указываемыхъ вопросовъ приводитъ, однако, къ тому убѣжденію, что они касаются препятствій и затрудненій, гораздо менѣе сильныхъ, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ.

Изъ всѣхъ обязанностей, которыя были возложены кредитною реформою 1860 года на государственный банкъ, наиболѣе простою была та, которая коснулась ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Въ такомъ совершенно естественномъ ея видѣ она разсматривалась дѣятелями, которые работали надъ реформою 1860 года. Они тогда весьма отчетливо сознавали, что ликвидація можетъ получить ложное направленіе. Поэтому въ уставъ государственнаго банка внесенъ былъ особый параграфъ (15) слѣдующаго содержанія: „государственное казначейство обеспечиваетъ банку всѣми средствами, въ распоряженіи правительства находящимися, выполненіе платежей по билетамъ на банкноты, внесенные въ бывшія кредитныя установленія, и по госу-

дарственнымъ 5⁰/_е банковымъ билетамъ, такъ, чтобъ платежи си ни въ какомъ случаѣ не обращались ни на капиталы, доверенныя банку частными лицами, ни на собственные его капиталы". А для того, чтобы это предписаніе не оставалось мертвою буквою, въ уставъ внесенъ былъ еще параграфъ (16): „на сей конецъ, для облегченія исполненія возлагаемыхъ на государственный банкъ обязанностей относительно уплаты по востребованію вкладовъ, розданныхъ в ссуды частнымъ заемщикамъ подъ залогъ недвижимаго имущества и государственному казначейству, банкъ получаетъ срочные билеты государственной комиссіи погашенія долговъ или билеты государственнаго казначейства, *впредь до уплаты капиталовъ розданныхъ в ссуды*". Въ § 20 снова предусматривалась возможность „недостаточности" средствъ банка для платежей по ликвидациі, и поэтому снова повторялось, что казначейство обязано явиться своевременно на помощь банку.

Но то, что ясно сознавали, пока работа шла въ комиссіяхъ, забыто было, когда отъ словъ перешли къ дѣлу.

Уже въ 1860 году ликвидациія имѣла дефицитъ въ 4.191,000 р.; въ 1861 году дефицитъ увеличился еще на 58.445,000, въ 1862 году еще на 58.838,000 р., и въ 1863 году—на 26.325,000 р.; всего за 3½ года дефицитъ выросъ до 147.799,000 руб. ¹⁾ (Средства для покрытія этого дефицита были взяты изъ „капиталовъ, доверенныхъ государственному банку частными лицами", то-есть изъ таковаго источника, на который „платежи ликвидациі *никоимъ образомъ* не должны были обращаться".

Въ слѣдующіе за тѣмъ два года замѣчена была ошибка и была лана попытка уменьшить дефицитъ ликвидациі старыхъ кредитныхъ установленій. Главнымъ образомъ на счетъ суммъ отъ 1-го выигранаго займа дефицитъ банка по ликвидациі въ 1864 и 1865 годахъ сокращенъ былъ на 91 милл., и къ 1 январю 1866 года онъ составлялъ уже только около 57 милл. рублей. Но къ 1 январю 1870 года дефицитъ ликвидациі опять уже возросъ почти до 128 милл.

¹⁾ Цифры эти разсчитаны по таблицѣ LXXXV нашей «Статистики русскихъ финансовъ», ч. I, Спб. 1872 г. стр. 298—299: при этомъ мы (согласно измѣненіямъ, внесеннымъ въ таблицу) раздѣлили суммы государственнаго займа въ 1873 году между категориями «коммерческихъ» и «ликвидационныхъ» и для 1872 годовъ изъ первой категоріи во вторую суммы, показанныя въ означенной таблицѣ подъ статьями 12, 13, 17—20 и 22. Наши цифры не вполне точны, такъ какъ мы считали всѣ проценты вкладчиковъ за ликвидационныя суммы; но зато более точно выдѣлили по неизмѣннѣмъ особымъ цифрѣ о нихъ за прошлые годы) всецѣло суммы коммерческихъ суммъ.

на увеличеніи заключалась: въ новомъ увеличеніи расходовъ ликвидаціи въ 1866 году; сверхъ того на счетъ средствъ ликвидаціи уменьшены были совершенно посторонніе и не касавшіеся ликвидаціи долги казначейства банку. Казначейство взяло на себя долгъ и ресурсъ ликвидаціи, представлявшійся 4⁰/₀-ными металлическими билетами, потребовавъ взамѣнъ, чтобъ на столько же уменьшенъ былъ долгъ казначейства банку за затраты банка, служившія отчасти для покрытія *нужныхъ* дефицитовъ, отчасти для другихъ цѣлей. Въ половинѣ прошлаго года дефицитъ ликвидаціи снова опустился до 110 милл. руб., нынѣ составляетъ около 115 милл. рублей.

Мало того, что государственному банку не было дано достаточно средствъ, чтобы онъ могъ произвести ликвидацію на основаніяхъ, которыя для нея были единственно рациональныя, и одни лишь обезпечивали ей успѣхъ и нормальный характеръ;—ликвидація отчасти была же *взмѣнена* въ самомъ существѣ своемъ. Учрежденіе, которое ликвидируетъ, *совершенно прекращаетъ* свои дѣла; а это, только другими словами, значитъ, что оно *не начинаетъ новыхъ* дѣлъ. Но ликвидація старыхъ кредитныхъ установленій получила иной смыслъ. Первоначально рассчитывали, какъ на весьма важный источникъ средствъ ликвидаціи, на платежи помѣщиковъ по ихъ долгамъ заемъ банку, сохраннымъ казнамъ и приказамъ. Но долги эти оказывались весьма важнымъ элементомъ выкупной операціи. Они должны были отъ помѣщиковъ перейти на крестьянъ. Переходъ долговъ въ эту очередь велъ новую отсрочку ихъ на 49 лѣтъ. Отсрочка же повела за собою уменьшеніе ежегодныхъ доходовъ ликвидаціи, замедлила скорость погашенія долговъ старымъ кредитнымъ установле-

ніемъ. Для дефицита ликвидаціи большое значеніе имѣетъ цифра „процентныхъ бумагъ, поступившихъ въ платежи по долгосрочнымъ ссудамъ изъ старыхъ кредитныхъ установленій, *уничтоженныхъ или подлежащихъ уничтоженію*“. Извѣстно, что долги старымъ кредитнымъ установленіямъ могутъ быть погашаемы нѣкоторыми процентными бумагами: 5⁰/₀ билетами, выкупными свидѣтельствами, 5¹/₂⁰/₀ рентою, казенными листами городскихъ кредитныхъ обществъ и общества взаимнаго поземельнаго кредита. Эта привилегія оказалась очень ценною для ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Большая стоимость бумагъ, поступающихъ въ платежи стоитъ ниже паріи; принижается же онѣ по нарицательной цѣнѣ. Слѣдовательно, привилегія дается ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій дорого, подая ей убытку въ размѣрѣ разности между нарицательною и биржевою цѣнами бумагъ. Хорошо, что въ настоящее время биржевыя курсы 5⁰/₀ билетовъ и выкупныхъ свидѣтельствъ не далеко уклоня-

ются отъ ихъ нарицательной цѣны; но вѣдь это не всегда такъ было. Понятно, что чѣмъ ниже были биржевыя цѣны выкупныхъ свидѣтельствъ, 5% билетовъ и облигацій городскихъ кредитныхъ обществъ, тѣмъ выгоднѣе было ими погашать долги: легко себѣ представить, какой убытокъ должна была вынести ликвидация.

Еще характеристичнѣе другая особенность того же погашенія ссудъ бумагами. Бумаги эти составляютъ довольно значительную долю доходовъ ликвидаци старыхъ кредитныхъ установленій, вообщемъ небогатой доходами. И вотъ эти-то небогатые доходы рѣшено было еще болѣе урѣзать. Определено было, что бумаги, поступившія въ платежи, не будутъ реализуемы, а въ весьма значительной суммѣ долговъ (5% билеты, выкупныя свидѣтельства, рента) будутъ уничтожены и поставлены въ счетъ долга, погашаемаго крестьянскими выкупными платежами. Такихъ уничтоженныхъ бумагъ въ началѣ 1875 года считалось около 52 милл. р. Это значитъ, что ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій была принуждена примириться фактомъ, что ея доходы возрастуть не на весь размѣръ 52 милл. руб. отъ бумагъ поступившихъ въ платежи по ссудамъ, а только на проценты по бумагамъ, составившимъ около 7 милл. руб. А такъ и ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій все таки нуждалась въ средствахъ, то понятно, что, отказываясь отъ собственныхъ ресурсовъ (то-есть отъ 45 милл.), она должна была лечь тяжелымъ бременемъ на посторонніе (коммерческіе) ресурсы государства и банка.

Какъ важно значеніе указанныхъ обстоятельствъ для дефицита ликвидаци старыхъ кредитныхъ установленій, показываетъ простой расчетъ. Еслибъ правительство въ 1867 году не погасило своихъ бюджетныхъ долговъ государственному банку на 30 милл. изъ средствъ ликвидаци старыхъ кредитныхъ установленій; еслибы, дагдѣ въ 1869 году, 12 милл. 4% билетовъ не были уничтожены опять въ счетъ средствъ ликвидаци старыхъ кредитныхъ установленій; если наконецъ, ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій имѣла свободномъ видѣ 52 милл., поступившихъ къ ней процентными бумагами,—ея дефицитъ былъ бы теперь меньше на 83—87 милл. А когда весь дефицитъ составляетъ около 110 или 115 милл., то сумма въ 83—87 милл. для него имѣетъ довольно крупное значеніе. Еслибъ къ интересамъ ликвидаци отнеслись съ болѣе вниманіемъ, ея дефицитъ теперь составлялъ бы только около 25 милл. рублей.

Весьма значительная доля вкладовъ, которые были вытребованы обратно изъ ликвидируемыхъ кредитныхъ учреждений, на первыя годы снова возвращалась въ государственный банкъ. Сверхъ тѣхъ

оченно, и другіе свободные капиталы приливали къ государственному банку. Такимъ образомъ, въ 1860—64 годахъ, въ то время, когда вклады упраздненныхъ кредитныхъ установленій потеряли свыше 28 милл. руб., въ государственномъ банкѣ сосредоточилось новыхъ вкладовъ свыше 160½ милл. руб. Вотъ эти-то „новые вклады“ служили государственному банку источникомъ, изъ котораго онъ бралъ едоставшія средства для покрытія дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Съ 1866 года „новые вклады“ тоже стали уменьшаться, и въ 1866—74 годахъ потеряли около 60 милл. Въ настоящее время, даже вмѣстѣ съ невостребованными процентами вкладчиковъ, ихъ уже не хватаетъ на покрытіе дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій.

Самая большая часть новыхъ вкладовъ отличается тѣмъ же качествомъ, которое свойственно было вкладамъ старыхъ кредитныхъ установленій: они, какъ безсрочные, могутъ быть во всякое данное время обратно востребованы у государственнаго банка. Известно, какъ несостоятельность старыхъ кредитныхъ установленій вызвала къ тѣмъ, что *безсрочные* вклады ими были употреблены на *домогочныя* ссуды. Реформа 1860 года своею главнѣйшею цѣлью имѣла равенствіе соотвѣтствія между качествомъ ссудъ и качествомъ средствъ, для нихъ употребленныхъ. Для этого безсрочные вклады едположено было превратить въ 5% и 4% долгосрочныя облигаціи. Но эту рациональную мысль не довели до конца. И вотъ попу въ настоящее время государственный банкъ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ находились старыя кредитныя установленія. Разница, если она и существуетъ, не качественная, а количественная.

Очевидно, что въ указанномъ нами отношеніи реформа государственнаго банка была нужна уже въ первые годы его существованія. Но откладывалась съ года на годъ, и съ этимъ откладываніемъ почти свѣклись. Поэтому теперь очень часто думаютъ, что если большія бѣды не было до сихъ поръ отъ откладыванія реформы, то бѣды будутъ и отъ дальнѣйшихъ отсрочекъ ея.

Но подобный взглядъ совершенно невѣренъ. Нельзя утверждать, что бы большія бѣды до сихъ поръ не было оттого, что преобразование откладывалось. Она была, но къ ней легко относились.

Болѣзненное состояніе государственнаго банка, насколько оно было ненормальнымъ ходомъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, разъ установившись, могутъ потомъ продержаться долгое время, не измѣняясь. Еслибы состояніе ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій не ухудшалось, и еслибы болѣзнь оставалась въ одной и той же

стадіи, не измѣняясь, тогда бездѣйствіе еще могло бы быть оправданно. Но на дѣлѣ условія совсѣмъ не таковы. На дѣлѣ обстановка болѣзни непрерывно ухудшается. И если леченіе болѣзни въ половинѣ шестидесятихъ годовъ было просто и могло обойтись недорого, то съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе исчезаетъ почва, на которой простое и наименѣе дорогое леченіе единственно только и возможно.

Мы уже сказали выше, что вклады государственнаго банка уходятъ изъ него. Съ 1-го января 1865 года, ихъ всего (старыхъ и новыхъ) ушло около 110 милл. рублей. И это неудивительно. По операціи вкладовъ съ государственнымъ банкомъ конкурируютъ все остальные наши кредитныя установленія: акціонерныя и городскія общественныя банки и даже общества взаимнаго кредита. Всѣ эти конкуренты государственнаго банка лучше, чѣмъ онъ, оплачиваютъ вклады и выдаютъ за нихъ болѣе удобные документы (на предъявленіе). Неудивительно, поэтому, что вклады изъ государственнаго банка перешли и продолжаютъ переходить къ другимъ нашимъ банкамъ. Неудивительно будетъ, если въ послѣдующія десять лѣтъ уйдетъ изъ банка еще 110 милл., и у банка ихъ совсѣмъ не останется.

Мы этимъ желаемъ сказать, что ресурсъ, изъ котораго до сихъ поръ покрывался дефицитъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій, истощается, и *волею-неволею приходится подумать объ иномъ ресурсѣ.*

Но современное состояніе государственнаго банка дѣлаетъ совершенно возможнымъ повтореніе мѣръ 1859—60 годовъ: удаленіе вкладовъ можетъ быть оказано препятствіе *консолидированіемъ*. Тогда избѣгается необходимость обращаться къ публикѣ за новыми средствами. Конечно, чтобы консолидировать вклады, нужно ихъ имѣть; а если ихъ дадутъ уходить, то консолидировать ничего не остается. Но пока у государственнаго банка еще есть около 125 милл. руб. старыхъ и новыхъ вкладовъ (съ процентами на нихъ), путь, представляемый консолидаціею вкладовъ, еще открытъ для государственнаго банка. Одну изъ важнѣйшихъ идей реформы 1860 года мы еще можно довести до конца. Но если этого не сдѣлать сейчасъ, тогда придется волею-неволею подумать о новомъ ресурсѣ при существующихъ условіяхъ. Затрудненіе изъ незначительнаго станетъ крупнымъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вклады не удаляются окончательно изъ государственнаго банка, они превращаются въ процентныя текущіе счета. Такъ или иначе, вклады конвертируются *во всякомъ случаѣ*. Но, благодаря бездѣйствію, вклады, вмѣсто того, чтобы превращаться въ долгосрочныя облигаціи и привести ликвидацію старыхъ кредитныхъ

нхъ установленій въ нормальное состояніе, превращаются въ чуждыя книжки, и этимъ подводятъ пороховую мину подъ ликвидацию. Текущіе счета не такъ легко консолидируются, какъ вклады. Имя отъ ликвидации старыхъ кредитныхъ установленій дефицитъ, скрытый изъ текущихъ счетовъ, государственный банкъ становится въ положеніе, когда онъ, при востребованіяхъ съ текущихъ счетовъ, долженъ покрывать означенный дефицитъ новыми выпусками кредитныхъ билетовъ, или долженъ себя объявить несостоятельнымъ банкомъ.

Очевидно въ такомъ случаѣ, какое важное значеніе имѣетъ своевременная консолидація вкладовъ, еще остающихся теперь въ государственномъ банкѣ. Время для такой консолидаціи теперь у порога, и сегодня-завтра можетъ сказать свое „последнее прости“. Поэтому-то реформа уже больше не можетъ и не должна быть откладываемая.

Въ четыре года, 1870—1873, проценты, уплаченные банкомъ по займамъ (старымъ и новымъ), составляли 5 1/8 милл., 4 9/10 милл., 4 милл., 3 1/2 милл. рублей. По мѣрѣ уменьшенія вкладовъ, уменьшились и уплачиваемые за нихъ проценты. А эти проценты составить видимый источникъ, весьма важный для того, чтобъ дѣлать этому очевиднымъ, какъ расходъ на консолидацію вкладовъ не веетъ за собою новаго расхода и не требуетъ отъ казначейства никакихъ новыхъ жертвъ. Въ тѣхъ средствахъ, которыя государственный банкъ уплачиваетъ за вклады, и въ прибыляхъ ликвидационныхъ, весьма чистельныхъ, онъ имѣетъ источникъ, который съ излишкомъ можетъ покрывать всѣ расходы по консолидированію дефицита ликвидационныхъ кредитныхъ установленій. Если первая часть источника недостаточна, то чистыя прибыли банка по операціямъ ликвидационнымъ авдо болѣе чѣмъ достаточны, чтобъ дополнить недостающія суммы¹⁾. Изъ этихъ прибылей банкъ могъ по настоящее время обратить запасъ свыше 30 милл. рублей. Сверхъ того, ликвидационные авды теперь начинаютъ поступать въ увеличенныхъ размѣрахъ и раньше (съ приближеніемъ выкупной операціи къ концу). Поэтому убытки не могутъ теперь постигать ликвидацию старыхъ кредитныхъ установленій, и банкъ изъ ея собственныхъ средствъ вполнѣ можетъ покрывать платежи по консолидированію ея дефицита, то-есть вкладовъ.

Такимъ образомъ, затрудненіе, представляемое для денежной реформы ликвидациею старыхъ кредитныхъ установленій, далеко не

¹⁾ Прибыли ликвидационныя составляли: въ 1871 году 2 1/2 милл., въ 1872 году 16 1/2 милл., въ 1873 году 10 1/2 милл., а въ 1874 году свыше 8 милл. рублей.

имѣеть той важности, какую ему обыкновенно приписываютъ. При всемъ неоспоримомъ значеніи его, оно устраняется простымъ и естественнымъ путемъ продолженія уже начатаго въ 1860 году.

II.

Весьма характерно, что § 1 устава государственнаго банка, опредѣляющій основныя задачи его, не упоминаетъ вовсе о ликвидаціи. Въ § 1 говорится: „государственный банкъ учреждается для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежной кредитной системы“. Ликвидация, очевидно, считалась даже не стоящею тогда, чтобы о ней упомянуто было рядомъ съ другими двумя главными задачами. Но сила взяла свое, и во все время существованія государственнаго банка, почти три-четверти его средствъ шли на ликвидацію старыхъ кредитныхъ установленій...

Для „оживленія торговыхъ оборотовъ“ банкъ получилъ сначала 15, а потомъ еще восемь милл. рублей отъ правительства. Понятно, что особеннаго „оживленія“ банкъ не могъ этими средствами назвать въ „торговыхъ оборотахъ“. Въ торгово-промышленомъ отношеніи банкъ волею-неволею принужденъ былъ очень долго играть совершенно второстепенную и сравнительно незначительную роль. Благодаря процентнымъ текущимъ счетамъ, онъ могъ быть полезнымъ болѣе чѣмъ на 23 милліона его собственныхъ капиталовъ. Развитие нашей банковской системы впоследствии явилось важнымъ толчкомъ, который банкъ получилъ извнѣ. Государственный банкъ былъ взятъ какъ-бы на буксиръ всѣми остальными нашими банками. Естественный ходъ дѣлъ сообщилъ ему значеніе центральнаго кредитнаго учрежденія. Подобный банковый центръ (*банкъ банковъ*, какъ говорятъ въ Англіи) у насъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ образоваться. А при новизнѣ остальныхъ банковъ неудивительно, что роль „центра“ выпала на долю имѣвшагося готовымъ государственнымъ банкомъ, уже знакомаго публикѣ и пользовавшагося ея довѣріемъ, какъ всякое государственное установленіе. Сюда еще прибавлялось весьма важное обстоятельство, что отъ государственнаго банка только и можно было ожидать, на случай оскудѣнія текущихъ счетовъ, воспособленія кредитными билетами. Государственный банкъ сталъ центромъ переучета. И только поэтому онъ теперь имѣеть неоспоримо серьезное значеніе для „оживленія торговыхъ оборотовъ“.

Существуетъ-ли потребность, чтобы значеніе государственнаго банка для торговли и промышленности возросло? Сколько намъ

вѣстно, вопросъ такъ прямо ставится въ нашей финансовой литературѣ очень рѣдко. Но тѣмъ не менѣе очень часто слышатся жалобы, что банкъ не выполняетъ своего *главнаго* назначенія—служить торгово-промышленнымъ нуждамъ. Но говорить о пересозданіи государственнаго банка съ цѣлью сдѣлать его способнымъ выполнять это *главное* назначеніе, другими словами, значить—признавать, что существующихъ у насъ банковъ недостаточно для всѣхъ потребностей: нуженъ еще одинъ и притомъ крупный банкъ, какой только и можетъ быть сдѣланъ изъ государственнаго банка,—иначе игра не тола бы свѣчь.

Года три тому назадъ, въ разгаръ періода „учредительствъ“, всѣй, не задумываясь, отвѣчалъ бы утвердительно на поставленный нами вопросъ. Но теперь найдутся весьма многіе, которые сильно усомнятся, дѣйствительно-ли сверхъ имѣющихся у насъ многообразныхъ банковъ намъ нуженъ еще одинъ, да притомъ крупный, рассчитанный на большія операціи. Многіе усомнятся даже въ томъ, найдеть-ли себѣ преобразованный банкъ достаточно обширное поле для большихъ операцій?

Мы должны, однако, замѣтить, что менѣе всего у насъ, въ Россіи, установилось сколько-нибудь ясное представленіе о томъ, что можно считать „большими“ операціями для банка? Лѣтъ пять-шесть тому назадъ никто не могъ предвидѣть, чтобъ для однихъ только цѣонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита возможенъ былъ таіи просторъ, который дозволилъ бы имъ по учету и ссудамъ выдать публикѣ 829.972,000 рублей. Въ 1873 году, на процентные текущіе счета и вклады въ государственный банкъ поступило 1.083²/₃ млн. рублей; но это не помѣшало, чтобы и въ одни только названные частные банки по тѣмъ же статьямъ тогда-же поступило 1.670 млн. рублей.

Банковое дѣло у насъ еще слишкомъ ново, и свободные выходы на здоровыхъ потребностей въ кредитъ у насъ еще слишкомъ недавно открылись, чтобы было возможно уже теперь утверждать, будто и прошли все поле, для насъ имѣвшееся, и что далѣе намъ идти куда.

Но существуютъ болѣе вѣскіе доводы въ пользу мнѣнія, что еще 1860 года, объ образованіи изъ государственнаго банка крупнаго сильнаго кредитнаго учрежденія, имѣеть важное значеніе для нашей торгово-промышленной жизни. Подобное учрежденіе можетъ и должно имѣть свою цѣль: *устраненіе тѣхъ затрудненій, безъ которыхъ немалымъ переходъ отъ безцѣпленныхъ кредитныхъ знаковъ къ полномочнымъ*. Оно можетъ и должно *перевести* наше кредитное денежное обращеніе съ его теперешней болѣзненной почвы на здоровую.

Весьма существенный порокъ теперешней системы нашихъ кредитныхъ установлений заключается въ томъ, что для нея совершенно недоступенъ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ сосредоточивать въ банкахъ свободныя экономическія средства. Мы говоримъ о выпускѣ безпроцентныхъ кредитныхъ знаковъ. Государственный банкъ имѣеть, если не право, то возможность этого выпуска. Но возможность эту онъ имѣеть не какъ банкъ, а какъ чисто-административное учрежденіе, какъ „экспедиція кредитныхъ билетовъ“, продолжаящія существовать подъ новымъ именемъ. Въ качествѣ таковой „экспедиціи“, банкъ теперь выпускаетъ кредитные билеты въ случаяхъ, когда это нужно или для административныхъ мѣропріятій, въ родѣ „усиленія разнѣннаго фонда“, или для „укрѣпленія кассы“. Въ качествѣ кредитнаго установленія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, банкъ производилъ бы свои выпуски лишь тогда, еслибы онъ ихъ производилъ для *торгово-промышленныхъ цѣлей*. Но для этихъ цѣлей государственный банкъ считаютъ неспособнымъ производить правильную операцію выпуска безпроцентныхъ знаковъ. Кредитныхъ знаковъ для *цѣлей казначейства* выпущено уже такъ много, что не остается простора для торгово-промышленныхъ выпусковъ.

Въ настоящее время государственный банкъ имѣеть въ обращеніи около 800 милл. рублей кредитныхъ билетовъ. Всѣ эти 800 милл. представляютъ займы, сдѣланные казначействомъ для собственныхъ нуждъ. Ихъ можно разсматривать, какъ ссуду, которую казначейство получило изъ банка. Изъ этой 800-милліонной ссуды около 234 милл. казначейство обратно уплатило банку звонкими деньгами, хранящимися въ разнѣнномъ фондѣ. Остальные 566 милл. рублей банку остается еще обратно получить отъ казначейства.

Очевидно, что неуплата 566 милл. рублей главнымъ образомъ препятствуетъ государственному банку пользоваться выпускною операціею для торгово-промышленныхъ нуждъ. *Еслибы всѣ 566 милліоновъ, или ихъ часть, могли возвратиться отъ казначейства въ банку, то банкъ въ свою очередь могъ бы имъ сообщить дальнѣйшее движеніе отъ себя къ тѣмъ пунктамъ торгово-промышленнаго міра, которые въ нихъ сильнѣе нуждаются и которые изъ могутъ сдѣлать наиболее производительными.* Дѣйствительно ли нужны означенныя 566 милл. торговому міру, или они ему (не нужны и представлять „излишніе“ кредитные билеты, тогда отчетливо выяснилось бы *срѣдъ самой торговли, которой она свободно проявляетъ, добываясь учета и ссудъ.* Если означенная сумма торговому міру дѣйствительно нужна, банкъ въ состояніи былъ бы на весь ея размѣръ расширить свои производительныя и доходныя операціи. Понятно, что тогда въ полезности банка не могло-бы существовать никакого сомнѣнія. Она

свидѣтельствовалась бы громадною массою суммъ, которыя онъ роздалъ въ кредитъ торговлѣ и промышленности. Она, сверхъ того, свидѣтельствовалась бы высокими прибылями, которыя банкъ могъ бы получать, производя большія операціи.

Если правы тѣ, которые утверждаютъ, будто-бы у насъ теперь обращается недостаточная сумма кредитныхъ билетовъ, то тогда и это выяснилось-бы отчетливо и ясно, а не гадательно и гипотетически. Спросъ на учетъ и ссуды для производительной предпримчивости имѣлъ бы полную свободу проявиться и на большую сумму, чѣмъ 566 милл. Тогда производительность и доходность банка могли бы возвыситься въ еще большей степени.

Очевидно, такимъ образомъ, что вопросъ о производительности и доходности банка, какъ здороваго кредитнаго учрежденія, по отношенію къ выпуску кредитныхъ знаковъ, непосредственно зависитъ отъ того, можетъ ли онъ пользоваться операціею выпуска, какъ средствомъ и основаніемъ своей производительности и доходности. Но эта возможность, въ свою очередь, зависитъ отъ состоянія долга казначейства по кредитнымъ билетамъ.

Такимъ образомъ, тѣ двѣ задачи, которыя уставъ государственнаго банка на него возлагаетъ, какъ особыя и будто-бы другъ отъ друга независимыя, на самомъ дѣлѣ находятся въ тѣснѣйшей зависимости другъ отъ друга.

„Упроченіе нашей денежной кредитной системы“ въ переводѣ на простой языкъ означаетъ обратную уплату казначействомъ его безпроцентнаго долга за кредитные билеты. Тогда банку откроется свободный просторъ „для оживленія торговыхъ оборотовъ“ тѣми же кредитными билетами.

III.

Обратная уплата казначействомъ его безпроцентнаго долга за кредитные билеты должна имѣть двоякую цѣль. Во 1-хъ, она должна вести этотъ долгъ въ его нормальные предѣлы, и, во 2-хъ, она должна удалить ту ненормальную почву, которая теперь находится подъ самою наибольшею долею кредитныхъ билетовъ и которая теперь кредитъ всей ихъ массѣ. Опытъ доказываетъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ безпроцентный долгъ казначейства составляетъ безвредный финансовый ресурсъ для правительства и не мѣшаетъ равнодѣльности кредитныхъ знаковъ со звонкими деньгами. Тотъ же опытъ доказываетъ, что масса кредитныхъ знаковъ, которые могутъ безъ вреда обращаться въ странѣ, совсѣмъ не должна непременно ограничиваться тою ихъ суммою, которая можетъ быть выпущена при умѣ-

ренномъ пользованіи финансовыми ресурсами казначейства. Во всякой странѣ могутъ обращаться двѣ массы безпроцентныхъ знаковъ, безъ вреда для ихъ цѣнности: одна можетъ представлять безпроцентный кредитъ правительства въ предѣлахъ его нормальнаго состоянія; другая же можетъ представлять кредитъ торговли и промышленности, конечно тоже лишь въ предѣлахъ его нормальнаго состоянія.

На этихъ двухъ указаніяхъ опыта основывается кредитная денежная система въ странахъ, въ которыхъ она вполнѣ здорова. Слѣдовательно, если мы до сихъ поръ не въ состояніи были выработать ничего лучшаго, намъ остается лишь обратиться къ тѣмъ же указаніямъ опыта.

Какъ представители капиталовъ, занимаемыхъ съ обязательствомъ обратно уплатить ихъ немедленно по востребованію, безпроцентные кредитные знаки могутъ имѣть своею почвою только *крайнекратчайшій изъ возможныхъ* долговъ, т.-е. такой, который можетъ быть уплаченъ съ наибольшею скоростью. Но въ такіе долги въ очень большихъ размѣрахъ можетъ входить лишь та частная производительная предпримчивость, которая скоро заканчиваетъ и возобновляетъ всѣ свои обороты. Поэтому только обязательства свободной торговле-промышленной предпримчивости, которой наискорѣйшая производительность выше сомнѣній, могутъ служить безукоризненною почвою и для самой значительной массы кредитныхъ билетовъ. На этой почвѣ совершенно обезпечена равноцѣнность билетовъ съ золотомъ и серебромъ, и безпроцентные знаки *сами создаютъ себѣ размѣнность*.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако, и правительство въ состояніи входить въ долги, рассчитывая на возможность ихъ исполненія съ такою же скоростью, съ какою это дѣлаетъ свободная предпримчивость. Во всякое данное время правительство имѣетъ большіе доходы, и эти-то доходы оно имѣетъ полнѣйшую возможность забрать (антиципировать) путемъ кредитныхъ билетовъ. Ибо платежи, которые оно обязывается *произвести* по этимъ билетамъ, покрываются и обезпечиваются платежами, которые оно должно *получить* по податямъ и инымъ доходамъ. Но эти подати и иные доходы правительства не безграничны. *Сумма ихъ не можетъ быть рассчитана на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ на какой рассчитываетъ свои доходы частная предпримчивость, когда она обязывается уплатить свои долги съ наибольшею скоростью.* У насъ полагаютъ, что при 4-мѣсячномъ срокѣ скорость погашенія обязательства уже достаточно велика, чтобы дозволить нерискованное пользованіе безсрочными средствами изъ вкладовъ на текущіе счета. Слѣдовательно, и правительство можетъ принять четырехмѣсячные свои доходы нормою, для опре-

дѣленія предѣловъ, въ которыхъ оно можетъ забирать свои доходы путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ. Эти четырехмѣсячные доходы составляютъ для нашего казначейства среднимъ числомъ около 180 милл. рублей. Допустимъ даже уменьшеніе этой суммы на 50 милл. Слѣдовательно, 130 милл. рублей составляютъ предѣлъ той суммы, на которую правительство имѣетъ такое же право пользоваться средствами отъ текущихъ счетовъ и безпроцентныхъ знаменій или кредитныхъ билетовъ, какое имѣетъ частная предпринимчивость, наиболѣе скоропроизводительная. Безпроцентность кредита, которую правительство въ этомъ случаѣ можетъ пользоваться у народнаго хозяйства, не основывается на какой-нибудь привилегіи. Такая безпроцентность фактически непрерывно встрѣчается въ торговомъ быту, когда два торговыхъ дома стоятъ другъ у друга на взаимномъ текущемъ счетѣ равными суммами.

За вычетомъ изъ 566 милл., представляющихъ часть безпроцентнаго долга, которую правительство до сихъ поръ не въ состояніи уплатить ¹⁾, вышепоказанныхъ 130 милл., оставалось бы 436 милл., представляющихъ максимумъ той части бумажно-денежнаго долга, которую главнымъ образомъ можно было бы разсматривать, какъ обусловливающую болѣзненное состояніе нашего кредитнаго обращенія, еслибы... у насъ не существовало серій и 4% металлическихъ билетовъ.

Обоимъ этимъ видамъ нашего государственнаго долга присвоено свое качество, которое дѣлаетъ ихъ важнымъ препятствіемъ для проченія нашего кредитнаго денежнаго обращенія. Серіямъ присвоено качество служить для платежей казначейству, а 4% металлические билеты могутъ служить для платежей государственному банку.

Другими словами, это значить, что серіями правительство отрѣзало себѣ путь къ возможности, въ вышеуказанныхъ предѣлахъ, пользоваться кредитными билетами, какъ нормальнымъ финансовымъ ресурсомъ. За вычетомъ изъ всей суммы серій (216 милл.) той ихъ части, которая находится въ кассахъ казначейства (около 25—30 милл. руб.), остается около 190 милл., т.-е. сумма, недалеко отстоящая отъ предполагаемой нами наибольшей цифры обезпеченія кредитныхъ билетовъ податными поступлениями (180 милл. руб.). Въ этихъ предѣлахъ, въ которыхъ правительство могло бы, безъ вреда для цѣнности кредитныхъ билетовъ (и слѣдовательно для успѣха денежной реформы), пользоваться частью выпуска билетовъ, въ этихъ предѣлахъ оно теперь пользуется серіями. Ясно, въ такомъ случаѣ, что указываемое обстоятельство ставитъ правительству дилемму. Казначейство теперь пользуется *и тѣмъ, и другимъ* ресурсомъ. А между

¹⁾ На уплату остальныхъ 284 милл. средства имѣются въ разнѣнномъ фондѣ.

тѣмъ, безъ вреда для себя и для народнаго хозяйства, оно можетъ и должно пользоваться *только однимъ изъ нихъ*. Слѣдовательно, *отъ одного или другого изъ нихъ оно должно отказаться*.—4% металлических билеты препятствуютъ прочности денежнаго обращенія, потому что предприимчивость ими можетъ покрывать свои долги госуд. банку, а не только кредитными билетами. Итакъ, 4% металлических билеты на сумму имъ равную (50½ милл. руб.) всегда освобождаютъ кредитные билеты изъ зависимости отъ банка, насколько такая зависимость устанавливается учетно-ссудными операциями госуд. банка. Въ трудную пору, когда каждый десятокъ милл. рублей кредитныхъ билетовъ можетъ оказаться имѣющимъ весьма вѣское значеніе для успѣха предпринимаемыхъ мѣръ, этотъ успѣхъ можетъ сильно парализоваться 4% металлическими билетами. Они могутъ быть употреблены тогда на уплату долговъ банку по учету и ссудамъ; а выданные кредитные билеты могутъ служить основаніемъ для увеличенія спроса на драгоцѣнные металлы. При возобновеніи разнѣна 4% металл. билеты въ спокойное время и не будутъ гнѣшаты; но въ періоды тугости денежнаго рынка они представляютъ весьма значительный спросъ на драгоцѣнный металлъ. Спросъ этотъ окажется тройнѣ тѣтостнымъ: во-первыхъ, потому, что онъ будетъ проявляться въ періоды, когда и безъ того денежный рынокъ будетъ разстроены; во-вторыхъ, потому, что онъ будетъ направленъ въ центръ и самое чувствительное мѣсто денежнаго рынка, въ государственный банкъ; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что банкъ принужденъ будетъ прибѣгать къ мѣрамъ самозащиты въ видѣ назначенія очень высокихъ процентовъ по учету и ссудамъ, которые для торгово-промышленнаго міра будутъ крайне и невыносимо-тяжелы.—Въ виду указываемаго значенія серій и 4% металлических билетовъ, очевидно, что реформа денежнаго обращенія существеннымъ своимъ условіемъ предполагаетъ мѣры, направленныя противъ препятствій, представляемыхъ пригодностью серій и 4% металлических билетовъ, служащихъ способами для платежей.

Что касается серій, то если, *или онѣ, или соотвѣтственная имъ сумма кредитныхъ билетовъ только и могутъ оставаться въ обращеніи* то врядъ ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ вопросѣ, что чему должно очистить мѣсто. Оставить серіи въ обращеніи, значить остаться при бумагѣ, стоящей казначейству ежегодно 4½% и, *сверхъ того*, войти еще въ особый расходъ въ 10—12 милл. рублей ежегодныхъ платежей по консолидаціи равной суммы кредитныхъ билетовъ. Напротивъ, оставить въ обращеніи кредитные билеты значить сберечь изъ ежегоднаго расхода, требуемаго консолидаціею кредитныхъ билетовъ, *четыре-пятихъ* частей его, и только одну его пятую долю

употребить на консолидацію серій. Рѣшившись на консолидацію серій въ $5\frac{1}{2}\%$ рентѣ, правительство увеличиваетъ свои ежегодные платежи только на $2\frac{1}{2}$ милл. рублей ¹⁾.

4% металлическихъ билеты стоятъ теперь правительству 3 милл. металлическихъ рублей, или, считая 13% -ный лажъ, 3.390,000 руб. Эта сумма ихъ составляетъ около $50\frac{1}{2}$ милл. Уже теперь эта незначительная сумма обходится правительству дороже, чѣмъ стоила бы $4\frac{1}{2}\%$ бумажная рента; а эта ея, сравнительно болѣе дорогая, стоимость еще болѣе возрастетъ по мѣрѣ того, какъ погашеніе еще болѣе ее сократитъ. Во всякомъ случаѣ, выкупъ ея или замѣна бумагою, лишенною денежныхъ качествъ, дорого не обойдется. Небольшимъ же расходомъ въ этомъ случаѣ народное хозяйство спасается отъ положенія, которое способно очень вредно вліять на колебаніе нашего дисконта.

Отверженіе долга по серіямъ въ 216 милл. и по 4% металлическимъ билетамъ въ $50\frac{1}{2}$ милл., всего же массы неотверженныхъ долговъ въ $266\frac{1}{2}$ милл. рублей, можетъ потребовать новаго ежегоднаго расхода никакъ не больше 3 милл. рублей. Мы не станемъ утверждать, что лишеніе этой массы долговъ имѣющихъ у нихъ денежныхъ свойствъ (или свойствъ замѣнять деньги) совершенно равносильно изъятію изъ обращенія *такой же* массы кредитныхъ билетовъ. Но если мы даже признаемъ, что отверженіе серій и 4% металлическихъ билетовъ на $266\frac{1}{2}$ милл. равносильно отверженію массы кредитныхъ билетовъ *только на одну треть* этой суммы, то одна треть уже составляетъ около 90 милл. рублей. Консолидація же 90 милл. руб., даже при расчетѣ лишь на $5\frac{1}{2}\%$ -ный расходъ, обойдется почти въ 5 милл. рублей, или на $1\frac{1}{2}$ милл. дороже, чѣмъ конвертированіе серій и 4% металлическихъ билетовъ.

IV.

Дефицитъ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, серій 4% металлическихъ билеты, вмѣстѣ составляютъ около 380 милл. руб., или 40% всѣхъ нашихъ неотверженныхъ долговъ ²⁾. На самомъ дѣлѣ, однако, регулированіе означенныхъ 380 милл. имѣетъ

¹⁾ Серіи теперь стоятъ ежегодно 9.331,200 р., а превращенныя въ $5\frac{1}{2}\%$ ренты тутъ стоятъ ежегодно 11.880,000 или больше на 2.548,800 р.

²⁾ Всю сумму мы считаемъ въ 947 $\frac{1}{2}$ миллионѣвъ рублей, а именно: безпроцентный въ за кредитные билеты 566 милл., серіи 216 милл., дефицитъ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій 115 милл. и 4% металлические билеты 50 $\frac{1}{2}$ миллионѣвъ рублей.

гораздо ббльшее значеніе; ибо денежныя свойства этой сумми не зають и отьрываютъ возможность обезпечить податными поступлениями казначейства полноцбнное обращеніе суммы кредитныхъ билетовъ по меньшей мбрб въ 130 милл. руб. ¹⁾. Эту сумму въ 130 милл. рублей мы можемъ, какъ выше объяснено, вычесть изъ 566 милл. остающейся части нашихъ неотверженныхъ долговъ, представляющей открытй вопросъ. Тогда выясненныя выше мбры преобразованія, и всей ихъ необременительности для казначейства, оставляють нерешенною часть вопроса, выражающуюся лишь въ 436 милл. руб. или 46% всей суммы нашихъ неотверженныхъ долговъ. Напротивъ по 54% ихъ правительство освобождается отъ неудобствъ, съ которыми они связаны, при увеличеніи ежегодныхъ расходовъ лишь на 3 милл. рублей.

Переходимъ къ остающейся, послбдней нербшенной части вопроса. Реформа денежной системы, основанной на неразбвныхъ бумажныхъ знакахъ, всегда связана съ возникновеніемъ цблага ряда притестовъ, исходящихъ отъ представителей такихъ интересовъ, которые яко-бы необходимо должны во всякомъ случай страдать отъ реформы. Эти интересы однако далеко не однородны.

Во всбхъ отношеніяхъ совершенно законный интересъ, несомбнно представляютъ тб, которые боятся, чтобы реформа не произвела недостатка въ орудіяхъ обращенія. Незаконный интересъ, напротивъ представляютъ тб, которые въ многообилію бумажныхъ знаковъ видятъ носятся какъ въ мутной водб, въ которой и имъ удастся ничто-либо выудить.

Очевидно, что оба указываемые интереса ничего общаго не имють. Несомбнно, поэтому, что законные интересы вдвойнб выиграютъ, еслибъ оказалось, что возможны пути, одновременно и устраняющіе ихъ опасенія, и преграждающіе дорогу незаконнымъ интересамъ. Такіе пути, однако, несомбнно существуютъ.

Мы видбли, что изъ суммы 800 милл. кредитныхъ билетовъ, насъ нынб обращающихся, только часть, въ 436 милл. рублей, въ строгомъ смыслб можетъ быть разсматриваема, какъ причина разрушеннаго состоянія нашего денежнаго обращенія.

Для покрытія этихъ 436 милл. кредитныхъ билетовъ правительство должно: или изъ-за-границы получить 436 милл. рублей за

¹⁾ Къ 1-му января 1853 года у насъ находилось въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 311½ милл. при размбнномъ фондб въ 146¾ милл., изъ которыхъ на двугодичные металлы приходилось 123¾ милл., а на цбнныя бумаги 23 милл. руб. Следовательно, безпроцентный долгъ составлялъ 164½ милл. руб., а если не считать цбнныхъ бумагъ размбннаго фонда—187¾ милл. рублей.

ими деньгами, или выпустить на 436 милл. долгосрочныхъ обязательствъ внутренняго государственнаго долга.

Представить себѣ, что правительство въ состояніи добыть за-границею 436 милл. рублей звонкихъ денегъ—дѣло, предполагающее волю сильную фантазію и соотвѣтственно слабое знакомство съ перешними условіями предложенія драгоцѣнныхъ металловъ. Такой *свободной* суммы драгоцѣнныхъ металловъ въ настоящее время за-границею нигдѣ совсѣмъ и не существуетъ. Банкиры же даютъ и гутъ давать металлъ лишь на короткое время, чтобы послѣ займа о взять обратно, какъ это всегда и бываетъ. При господствующей въ настоящее время „борьбѣ за золото“, общающей затянутае на долго, металлъ, заимствованный за-границею для Россіи, тавался бы у насъ только короткое время. Замяна металломъ 436 милл. кредитныхъ билетовъ оставила бы насъ въ скоромъ времени безъ звонкихъ и безъ бумажныхъ денегъ. Сверхъ того, должно казать на сравнительно первобытный характеръ, который пришло бы наше денежное обращеніе, даже еслибы металлъ и можно было добыть за границею. При наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ и имѣли бы такъ-называемое чисто-металлическое обращеніе (a pure metallic currency), какого въ настоящее время ни одна сколько-нидь образованная страна не имѣетъ. Неудобство „чисто-металлической“ циркуляціи то, что при ней денежное обращеніе превращается въ открытое море, волны котораго, вызываемыя приливомъ отливомъ драгоцѣнныхъ металловъ подѣ вліяніемъ баланса внѣшней торговли, безпрепятственно и болѣзненно вліяютъ на спокойное ченіе дѣлъ въ странѣ. Между тѣмъ, заграничный опытъ знаетъ се механизмъ, которымъ колебанія денежнаго обращенія, вызываемыя именно приливами и отливами металла подѣ вліяніями баланса внѣшней торговли, сильно умѣряются и парализуются. Этотъ механизмъ представляетъ *смѣшанное денежное обращеніе* (a mixed currency), состоящее изъ звонкихъ денегъ и равноцѣнныхъ имъ бумажныхъ банкнотъ и руководимое кредитнымъ учрежденіемъ, достаточно сильнымъ, чтобы его мѣры немедленно сказывались на составѣ и объемѣ денежнаго обращенія.

Это возраженіе показываетъ, что гипотеза замѣны 436 милл. кредитныхъ билетовъ такою же суммою звонкихъ денегъ, даже еслибы на была осуществима, связана уже съ чисто экономической точки зрѣнія съ неудобствами, которыя возможно и необходимо избѣгать. Обратимся, поэтому, ко второй гипотезѣ,—замѣнѣ 436 милл. кредитныхъ билетовъ долгосрочными облигаціями внутренняго займа, и посмотримъ, не даетъ ли она возможность избѣгнуть указываемыхъ неудобствъ?

Какъ извѣстно, возвращеніе тѣхъ, которые опасаются, что реформа породитъ недостатокъ въ деньгахъ, не единственное, вызванное и у насъ неразмѣнными знаками. Если одни боятся, что извлеченіе изъ оборота 436 милл. окажется очень опасною и вредною мѣрою, то очень легко могутъ оказаться другіе, которые будутъ полагать, что у насъ находится въ обращеніи „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ еще болѣе, чѣмъ на 436 милл. рублей. Какое же изъ этихъ двухъ возвращеній вѣрнѣе?

Мы здѣсь противопоставляли другъ другу эти два возвращенія потому, что вторая гипотеза наша не только даетъ возможность устранить неудобства, связанныя съ первою гипотезою, но, сверхъ того, даетъ прочную почву для рѣшенія спорнаго вопроса объ „излишнихъ“ кредитныхъ билетахъ.

Представимъ себѣ, что правительство имѣетъ возможность, выпускомъ долгосрочныхъ облигацій, консолидировать часть безпроцентнаго долга и сосредоточить въ своихъ рукахъ сумму кредитныхъ билетовъ въ 436 милліоновъ рублей. Еслибы правительство уничтожило эти билеты, вышеупомянутые законные интересы вправдѣ были бы самымъ энергическимъ образомъ протестовать противъ уничтоженія. Чтобы не возбуждать протеста мы, поэтому, предполагаемъ, что 436 милл. руб. кредитными билетами, изъятые изъ обращенія, по которымъ безпроцентный долгъ казначейства консолидированъ въ выпущенныхъ для этого новыхъ процентныхъ бумагахъ, *кредуются государственному банку въ его кассу.*

То-есть, занявъ, съ помощью выпуска консолидированныхъ облигацій на 436 милл. руб., такую же сумму кредитныхъ билетовъ, казначейство погашаетъ свой безпроцентный долгъ за кредитные билеты означенными облигаціями. Затѣмъ, кредитные билеты остаются свободнымъ орудіемъ обращенія, неимѣющимъ никакого отношенія къ нуждамъ казначейства. Находясь въ распоряженіи казначейства, кредитные билеты могутъ быть переданы государственному банку. Государственный же банкъ, въ свою очередь, можетъ опять ихъ выпустить: но не для нуждъ казначейства, а для нуждъ торговли и промышленности, для развитія своихъ коммерческихъ операцій, для увеличенія своего портфеля. Этимъ-то портфелемъ кредитные билеты будутъ обеспечены, когда они снова появятся въ обращеніи.

Если 436 милл. кредитныхъ билетовъ, изъятыхъ изъ обращенія, дѣйствительно нужны торгово-промышленному міру, ничто не помѣшаетъ ему также точно продолжать свой спросъ на нихъ, какъ онъ его проявлялъ до настоящихъ поръ. Кредитные билеты будутъ разобраны у государственнаго банка по учету и ссудамъ, и никакой переизбытокъ въ количественной сторонѣ денежнаго обращенія не произойдетъ.

Но весьма существенная перемена произойдетъ въ качествѣ и обезпеченіи кредитныхъ билетовъ. Это обезпеченіе будетъ представляться не „достоинствомъ имперіи“, а солидностію кліентовъ государственнаго банка. Билеты будутъ представлять капиталъ, не казначейству переданный, имъ уничтоженный и не могущій быть возстановленнымъ; капиталъ, находящійся въ рукахъ производительныхъ и напряженно-озабоченныхъ необходимою возстановить его къ сроку. О прочности почвы подъ кредитными билетами будетъ стараться не личная личность министра государственныхъ финансовъ, а масса личностей—клиентовъ государственнаго банка, изъ которыхъ каждый—министръ своихъ собственныхъ финансовъ. Всякій же частный словѣкъ хорошо знаетъ, что для цвѣтущаго состоянія собственныхъ финансовъ прежде всего его кредитъ долженъ быть безупречнымъ, для этого нужно аккуратно расплачиваться и производительно обращаться со своими ресурсами.

Такимъ путемъ наше денежное обращеніе, ни на волосъ не измѣняясь въ своемъ количественномъ объемѣ, претерпѣваетъ радикальнѣйшую перемену въ своемъ *качественномъ составѣ*. Кредитныхъ билетовъ столько же, но *не тѣхъ же*, что прежде. У насъ будутъ находиться въ обращеніи такіе же кредитные знаки, какіе бращаются въ Англіи, Германіи, Франціи.

Имѣя въ своихъ рукахъ значительный торгово-промышленный ортфель, государственный банкъ не можетъ уже тогда подвергнуться упреку, что онъ недостаточно дѣйствуетъ „для оживленія торговыхъ оборотовъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря величинѣ своего портфеля, государственный банкъ въ состояніи являться тѣмъ сильнымъ кредитнымъ преденіемъ, которое, слѣдуя примѣру и политикѣ банковъ Англіи, Франціи и Пруссіи, достаточно властно, чтобы бороться съ вредными паяніями неблагоприятнаго баланса внѣшней торговли на денежное обращеніе. Подобно указаннымъ заграничнымъ банкамъ, и государственный банкъ будетъ въ состояніи противодѣйствовать неблагоприятности баланса и непосредственно вліять на его качества, содѣйствуя его превращенію изъ неблагоприятнаго въ благоприятный.

Но это же самое, другими словами, значитъ, что 234 милл. руб. юнकाго металла, которые теперь спятъ мертвымъ сномъ въ неразвѣнномъ фондѣ, будутъ пробуждены къ жизни и тоже подвергнутся радикальной переменѣ въ своихъ качествахъ.

Каждый разъ, когда отъ государственнаго банка начнутъ требовать по кредитнымъ билетамъ драгоценныхъ металловъ для отправки за-границу, государственный банкъ въ состояніи будетъ противодѣйствовать такимъ требованіямъ, если они внушаютъ серьез-

ныя опасенія за размѣнный фондъ. Требования размѣна по кредитнымъ билетамъ будутъ свидѣтельствовать, или что часть этихъ билетовъ временно стала излишнею и что, слѣдовательно, на извѣстную часть операціи государственнаго банка должны сократиться; или и что деньги у насъ цѣнятся слишкомъ низко сравнительно съ иностранными странами, и что цѣна ихъ должна возвыситься. Но временныя сокращеніе операцій и возвышеніе цѣны денегъ будетъ совершенно въ власти государственнаго банка. Сжимая свои обороты или возвышая дисконтъ, государственный банкъ въ силахъ будетъ усиливать спросъ на кредитные билеты и ослаблять стремленіе металла уходить изъ страны за границу. Такимъ образомъ, государственный банкъ будетъ въ силахъ вести дѣятельную и успѣшную борьбу съ размѣномъ всякій разъ когда онъ проявитъ стремленіе служить для вывоза изъ страны драгихъ цѣнныхъ металловъ, то-есть въ томъ единственномъ случаѣ, когда онъ для страны вреденъ.

Само собою очевидно, что если правы тѣ, которые всегда утверждаютъ, что намъ безусловно нужны всѣ кредитные билеты, нынѣ обращающіеся, то государственный банкъ сдѣлаетъ съ ними выгоды операціи и въ смыслѣ прибылей. Предполагая, что онъ съ своими клиентами возьметъ не больше, чѣмъ сколько государство уплачиваетъ по своимъ долгамъ (въ чему нашъ торговый міръ еще не приученъ), *денежная реформа сама покроетъ свои расходы* и отъ казначейства никакихъ жертвъ не потребуетъ.

До сихъ поръ мы исходили изъ предположенія, согласнаго съ сужденіями тѣхъ, которые опасаются, чтобъ денежная реформа не произвела замѣшательства при удовлетвореніи потребности въ орудіяхъ обращенія, поэтому, вмѣстѣ съ ними признавали, что наши условія дѣйствительно порождаютъ потребность во всей той массѣ кредитныхъ билетовъ, которая нынѣ обращается. Наше изложеніе показало, что если бы это сужденіе было справедливо, тогда денежная реформа была бы во всѣхъ отношеніяхъ задачею очень легкою для разрѣшенія. Она даже отъ казначейства потребовала бы жертвъ лишь для самой незначительной части своей, для консолидаціи серій и 4% металл. билетовъ. И торговому міру, и казначейству тогда не на что было жаловаться.

Но какъ бы глубоко ни были убѣждены въ истинности мнѣнія изъ котораго мы до сихъ поръ исходили, тѣ, которые его придерживаются, всеже это мнѣніе—не единственное, существующее о предметѣ, котораго оно касается. Кромѣ этого мнѣнія, существуетъ еще другое, прямо противоположное, по которому у насъ теперь извѣстна масса обращающихся кредитныхъ билетовъ дѣйствительнымъ потре-

остямъ не соответствуетъ, — по которому у насъ обращаются и *эмисіе* кредитные билеты.

Если это вѣрно, то значить извлеченные изъ обращенія 436 милл. кредитныхъ билетовъ, переданные государственному банку для оживленія оборотовъ, окажутся предложеніемъ, которому никакой спросъ не соответствуетъ. Конечно, если мы говоримъ: „никакой“ спросъ, о мы этимъ хотимъ сказать: никакой *солидный* спросъ; ибо несолиднаго спроса и вообще рукъ, готовыхъ протянуться туда, гдѣ положены деньги, всегда и повсюду достаточно. Но само собою разумеется, что никто не станетъ доказывать, будто-бы поползновенія несолидныхъ рукъ должны быть уважаемы. Менѣе же всего, конечно, представители солидной торговли и промышленности пожелаютъ вѣстись заступниками тѣхъ, которымъ они же сами изъ собственного имущества ничего не довѣрили бы.

Но солиднаго спроса можетъ все-таки оказаться меньше, чѣмъ на 436 милл. руб. Насколько именно, докажетъ непосредственный казенный опытъ въ той цифрѣ кредитныхъ билетовъ, которая не найдетъ себѣ помѣщенія въ портфель госуд. банка. Тогда опытъ, а не гаданія и чей бы то ни было произволь опредѣлять, сколько у насъ обращается „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ.

Предположимъ одинъ изъ наихудшихъ случаевъ, что опытъ укажетъ на цифру 300 милліоновъ, какъ выражающую количество излишнихъ кредитныхъ билетовъ, нынѣ у насъ обращающихся.

Тогда 136 милл., на которые госуд. банкъ въ состояніи будетъ свзять свои коммерческія операціи, своими прибылями сами будутъ жрывать всѣ расходы казначейства по уменьшенію безпроцентнаго долга казначейства на ихъ сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится, что въ 436 милл., на уплату которыхъ казначейству нужны средства, не вся сумма должна быть признана во всѣхъ отношеніяхъ порочною и вызывающею болѣзненность нашего денежнаго обращенія, а только 80 милл.

Мы получимъ тогда всѣ основанія утверждать, что изъ капиталовъ, которые правительство получило для крымской войны путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ, сумма въ 300 милл. до сихъ поръ нашимъ народнымъ хозяйствомъ *еще не возстановлена*. Возстановлена она еще должна быть, *постепенно и медленно*. А между тѣмъ владельцы обращающихся теперъ 300 милл. кредитныхъ билетовъ имѣютъ въ нихъ право *сразу* потребовать *весь капиталъ въ его цѣлостности*. Очевидно, что правительство въ этомъ случаѣ въ кредитныхъ билетахъ выпустило документы на такое обязательство, котораго не только оно само не можетъ выполнить изъ государственныхъ ресурсовъ, но котораго не можетъ выполнить все народное

хозяйство, изъ всей совокупности имѣющихся у него ресурсов. Очевидно также, что нормальныя отношенія будутъ восстановлены тогда, когда правительство обяжется только къ тому, на что способно народное хозяйство, и на что, поэтому, и оно само способно. Если народное хозяйство только медленно и постепенно можетъ восстановить уничтоженные войною и еще не восстановленные 300 милл., то и предъ владѣльцами массы кредитныхъ билетовъ на эту сумму правительство можетъ лишь обязаться—выплатить имъ капиталъ въ 300 милл. *медленно и постепенно*; другими словами, правительство должно замѣнить кредитные билеты, дающіе несущественное право требовать сразу всё 300 милл., долгосрочными обязательствами, дающими право требовать части этой суммы по мѣрѣ ихъ дѣйствительнаго возникновенія.

Долгосрочный заемъ въ 300 милл. введетъ казначейство въ новый ежегодный расходъ въ $16\frac{1}{2}$ —18 милл. ¹⁾. Эти $16\frac{1}{2}$ —18 милл. для народнаго хозяйства во всей ихъ цѣлости не будутъ непреодолимой затратою. Извлекая изъ обращенія 300 милл. излишніе кредитныхъ билетовъ, правительство не лишитъ народное хозяйство капитала, имѣющагося въ наличности и реально существующаго: вѣдь само народное хозяйство, не поглотивъ кредитныхъ билетовъ и сдѣлавъ первый шагъ къ признанію ихъ „излишними“, этимъ само и объявляетъ, что реального капитала, соответствующаго „излишнимъ“ билетамъ, совсѣмъ не существуетъ. Если, поэтому, правительство беретъ займомъ излишніе кредитные билеты, оно беретъ не капиталъ а долговой документъ, несоответствующій дѣйствительнымъ условіямъ жизни. Оно беретъ только бумагу, *внѣшнимъ образомъ похожую* на деньги, но никакъ не дѣйствительныя деньги. Дѣйствительно же правительство беретъ у народнаго хозяйства только ежегодныя $16\frac{1}{2}$ —18 милл., потребныя на платежи по займу. Но эти $16\frac{1}{2}$ —18 милл. правительство вѣдь употребляетъ на платежи процентовъ по долгу. Она следовательно, *возвращаетъ ихъ обратно тому же народному хозяйству, у котораго оно ихъ взяло.*

Но, скажутъ, правительство $16\frac{1}{2}$ —18 милл. беретъ у *всѣхъ*, а возвращаетъ ихъ только *нѣкоторымъ*; правительство, однако, не у *всѣхъ* вѣдь взяло кредитными билетами тѣ 300 милл., которые оно уничтожило войною. Оттого именно, что правительство не у *всѣхъ* а только у *нѣкоторыхъ* взяло эти 300 милл., оно должно ихъ вернуть только *нѣкоторымъ*, а не *всѣмъ*. Этого мало. При замѣнѣ „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ облигаціями долгосрочнаго займа правительство у *всѣхъ* должно будетъ брать и *нѣкоторымъ* возвра-

¹⁾ Смотри по тому, потребуетъ-ли консолидація $5\frac{1}{2}$ %-наго или 6%-наго расхода.

щать только $16\frac{1}{2}$ —18 милл.; если уже эта сумма способна возбуждать недовольство, то какое недовольство должно было бы возникнуть, еслибы анализ теперешних наших отношений выяснил, что нынѣ из-за излишних кредитных билетов „всѣм“ приходится терять, а „нѣкоторымъ“ выигрывать не 18 милл. ежегодно, а въ четыре раза больше по меньшей мѣрѣ? А внимательный анализ дѣйствительно выясняетъ этотъ результатъ, да еще указываетъ на него, какъ на *наимизшую* потерю „всѣхъ“ для „нѣкоторыхъ“. Известно, что при обмѣнѣ нынѣшнихъ нашихъ кредитныхъ билетовъ на иностранные переводные векселя первые теряютъ около 15% своей цѣны. Но обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на иностранные переводные векселя представляетъ потребность, постоянно требующую себѣ удовлетворенія. Все равно, благопріятенъ ли балансъ нашей внѣшней торговли, или неблагопріятенъ, мы должны оплачивать иностранными векселями привозимые къ намъ товары, самый ихъ привозъ на иностранныхъ судахъ и желѣзныхъ дорогахъ, покупаемыя нами за границею цѣнныя бумаги, проценты по нашимъ внѣшнимъ долгамъ и расходы путешествующихъ за границею. Всего на все можно принять, что намъ ежегодно нужно по меньшей мѣрѣ около 500 милліоновъ руб. иностранныхъ векселей. Необходимость ежегодно покупать на 500 милліоновъ руб. иностранныхъ векселей сопряжена для владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ съ ежегодною потерей въ 75 милл. рублей. Конечно, то, что теряютъ владѣльцы кредитныхъ билетовъ, выигрываютъ владѣльцы иностранныхъ векселей. Но терять въ этомъ случаѣ должны всѣ: всѣхъ постигаетъ или можетъ постигнуть расходъ на платежи по займамъ, на хлопокъ, желѣзо, чай, цѣнныя бумаги, заграничныя путешествія и т. д.; выигрывать же приходится только нѣкоторымъ, торгующимъ иностранными векселями. Слѣдовательно, отношенія—тѣ же, какія будутъ при превращеніи „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ въ долгосрочныя облигаціи; различіе только то, что нынѣ „всѣ“ должны для „нѣкоторыхъ“ терять по наименьшей мѣрѣ 75 милл., а при превращеніи „всѣ“ должны терять для „нѣкоторыхъ“ по наибольшей мѣрѣ только $16\frac{1}{2}$ —18 милл. рублей.

Предыдущее изложеніе приводитъ насъ въ слѣдующимъ выводамъ. Во-первыхъ: *если серіи и 4% металлическіе билеты будутъ лишены своихъ денежныахъ качествъ, то открывається просторъ для полномѣрно обращенія такой суммы кредитныхъ билетовъ, которыхъ консолідація торговлю и промышленность стѣснила бы, а казначейство сберегала бы излишнимъ ежегоднымъ расходомъ, значительно превышающимъ расходъ на реформу серіи и 4% металлическихъ билетовъ.* Во-вторыхъ: *изъ остающихся кредитныхъ билетовъ часть, которая*

дѣйствительно удовлетворяет настоятельнымъ потребностямъ и со дѣйствуетъ производительности, сама даетъ средства и не требуетъ отъ казначейства никакихъ жертвъ для ея преобразованія и замѣны новыми кредитными билетами. Въ-третьихъ: извлеченіемъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ „излишнихъ“ не берутся у страны ни капиталы, ни деньги, а берется только документъ, не соответствующій дѣйствительнымъ отношеніямъ жизни, для его замѣны документомъ, дѣйствительности соответствующимъ.

Мы имѣемъ теперь приблизительное представленіе о томъ, по какимъ признакамъ можно судить, близко-ли или далеко время, когда наша финансовая администрація въ силахъ будетъ озаботиться „упроченіемъ“ кредитнаго денежнаго обращенія. Наибольшая его отдаленность опредѣляется цифрою 19½—21 милл. рублей, необходимымъ казначейству: 3 милл. для серій съ 4% металлическими билетами и 16½—18 милл. при предположеніи 300 милл. излишнихъ кредитныхъ билетовъ для устраненія этой суммы. Съ устраненіемъ этой суммы въ нашемъ обращеніи останутся 500 милл. кредитныхъ билетовъ; изъ нихъ 234 милл. (т.-е. 46⅔%) будутъ обезпечены драгоценными металлами, 136 милл. (или 27⅓%) будутъ обезпечены торговымъ портфелемъ государственнаго банка, а 130 милл. (или 26%) будутъ обезпечены значительно превышающею ихъ суммою четырехмѣсячныхъ поступленій казначейства или ихъ потребностью для оборотовъ по доходамъ и расходамъ казначейства ¹⁾. Конечно, если наши условія позволяютъ государственному банку имѣть, при помощи кредитныхъ билетовъ, торговый портфель не только на 136 милл., а болѣе, — то соответственно уменьшится сумма въ 18½—21 милл., потребная для „упроченія денежной кредитной системы“. Каждые 50 милл. рублей, на которые портфель государственнаго банка въ состояніи будетъ возрасти, уменьшать ежегодный расходъ казначейства на 2½—3 милл. рублей; ибо такіе 50 милл. будутъ переходить изъ разряда билетовъ, подлежащихъ консолидаціи и уничтоженію, въ разрядъ билетовъ, подлежащихъ консолидаціи, но не уничтоженію, а обратному выпуску для производительной предпримчивости. Предполагая, слѣдовательно, что портфель государ-

¹⁾ Для совершеннаго устраненія всѣхъ опасеній, которыя еще могли бы возбуждать оставляемые 130 милл. безпроцентнаго долга казначейства, целесообразно было бы укрѣпить развѣнный фондъ запасомъ процентныхъ бумагъ (напр. 5½% ренты), примѣрно на 30 милл., съ тѣмъ, чтобы эти бумаги подлежали временной реализаціи въ періоды, когда требованія развѣна усилвались бы. Банкъ Англіи не стѣсняется даже закладывать часть своего запаса цѣнныхъ бумагъ, когда у другихъ банковъ или вообще на открытомъ рынкѣ имѣется достаточно свободныхъ средствъ, чтобы держать всѣ банки стояль ниже, чѣмъ въ самомъ банкѣ.

твеннаго банка могъ бы достигнуть не только 136 милл., но и 136 милл., весь расходъ казначейства по денежной реформѣ съ $8\frac{1}{2}$ —21 милл. понижается до 14 или 15 миллионѣвъ.

Такимъ образомъ, государственный банкъ можетъ имѣть для задачи „упроченія“ нашего денежнаго обращенія не одно только разъясненное выше значеніе оберегателя интересовъ народнаго хозяйства. Онъ не менѣе важное значеніе можетъ получить для интересовъ государственнаго хозяйства. Онъ можетъ принять на себя весьма значительную часть расходовъ, съ которыми сопряжена будетъ задача „упроченія“. Вся масса кредитныхъ билетовъ, по которой только безпроцентный долгъ казначейства подлежитъ консолидаціи, но которая сама не подлежитъ уничтоженію, — которая можетъ быть выпущена обратно для доходнаго ея помѣщенія въ рукахъ производительной предпримчивости, — создаетъ источникъ прибыли для государственнаго банка. А этотъ источникъ съ избыткомъ покрываетъ расходы консолидаціи билетовъ, не уничтожаемыхъ, а лишь переводимыхъ съ болѣзненной почвы на здоровую. Казначейство же отъ этого расхода избавляется, а его собственные источники остаются свободными и открытыми для другихъ потребностей. Смотря по массѣ кредитныхъ билетовъ, которые въ состояніи будутъ найти себѣ помѣщеніе въ портфель государственнаго банка, государственный банкъ въ свою очередь въ состояніи будетъ сберечь казначейству ежегодно до 14 милл. рублей. Безъ содѣйствія же государственнаго банка наименѣйшій ежегодный расходъ казначейства, чтобъ возвратиться въ состоянію до крымской войны, состоялъ бы: на консолидацію и уничтоженіе 400 милл. кредитныхъ билетовъ 22—24 милл., на консолидацію 159 милл. серій и 50 милл. 4% металлическихъ билетовъ еще $2\frac{1}{2}$ милл., всего около $24\frac{1}{2}$ — $26\frac{1}{2}$ милл., то-есть на $4\frac{1}{2}$ — $5\frac{1}{2}$ милл. болѣе, чѣмъ при наименьшей экономіи отъ содѣйствія государственнаго банка. При этомъ въ обращеніи оставалось бы на 166 милл. кредитныхъ билетовъ, не обеспеченныхъ металломъ, и на 57 милл. серій. Напротивъ, государственный банкъ даетъ въ наилучшемъ случаѣ экономію въ $4\frac{4}{5}$ — $5\frac{4}{5}$ милл., а въ наилучшемъ даже до 14 милл. руб., оставляя въ обращеніи только на 130 милл. непокрытыхъ металломъ кредитныхъ билетовъ, и совсѣмъ не оставляя серій въ обращеніи.

V.

Затрудненія, съ которыми сопряжено упроченіе нашего кредитнаго денежнаго обращенія, представляются очень разнородными съ различныхъ точекъ зрѣнія. Для насъ теперь важна та точка зрѣнія, которая проводитъ строгую грань между затрудненіями по розсланію путей для реформы и затрудненіями, когда пути выяснены и возникаетъ вопросъ о непосредственномъ пользованіи ими.

Почему въ послѣднемъ случаѣ тоже являются затрудненія,—читатель легко усмотритъ изъ слѣдующаго. Допустимъ даже, что реформа, насколько она касается дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій, серій и 4% металлическихъ билетовъ, требуя отъ казначейства всего 3 милл., и не возбудитъ совсѣмъ затрудненій. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ правительству не приходится требовать отъ страны ни денегъ, ни капиталовъ, а для 3 милл. изысканіе источника не представитъ большихъ затрудненій. Приступая къ реформѣ, непосредственно касающейся кредитныхъ билетовъ, казначейство могло бы дѣйствовать, не опасаясь серьезныхъ препятствій, лишь въ случаѣ, еслибъ первые кредитные билеты,—съ которыхъ должна была бы начаться консолидація безпроцентнаго долга и которые для этого извлекаются изъ обращенія,—были билеты, *которые торговль и промышленности нужны*. Тогда выпускъ новыхъ консолидированныхъ облигацій и погашеніе безпроцентнаго долга могли бы произойти путемъ простого оборота по счетамъ государственнаго банка. Выпускъ вызвалъ бы лишь переходъ обязательствъ со счета казначейства на счетъ частныхъ лицъ—кліентовъ государственнаго банка. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ самаго же начала казначейство было бы избавлено отъ необходимости изъ собственныхъ средствъ расходоваться на долгосрочныя облигаціи, которыя замѣнили бы его безсрочное обязательство по кредитнымъ билетамъ: эти средства казначейство имѣло изъ процентовъ, получаемыхъ банкомъ отъ торговаго міра, успѣвшившаго поглотить „нужные“ кредитные билеты.

На дѣлѣ, однако, первые кредитные билеты, которые всего скорѣе оставляютъ обращеніе, будутъ „излишніе“. Выразится это въ томъ, что если правительство рѣшится, на примѣръ, на заемъ 100 милл. рублей кредитными билетами и ихъ передастъ въ кассу государственнаго банка для развитія его операций, то государственному банку именно этими 100 милліонами удастся сдѣлать, можетъ быть, весьма немного.

Именно реформа денежнаго обращенія выяснитъ дѣйствіе такой причины, вліянія которой теперь нельзя распознавать, хотя о ея

существованіи не разъ уже было говорено въ литературѣ. Въ послѣднее десятилѣтіе у насъ получили значительную силу рядъ обстоятельствъ, сильно вліяющихъ на возможность экономіи въ употребленіи кредитныхъ билетовъ. Съ помощью чековъ только на государственный банкъ и на остальные банки (считаемъ лишь процентные текущіе счета) въ 1873 году произведено платежей почти на 3 миллиарда рублей (2,970 милліоновъ: въ томъ числѣ чрезъ государственный банкъ 1,041 милліонъ, чрезъ акціонерные банки 1,451 милліонъ, и чрезъ общества взаимнаго кредита и городскіе общественные банки около 450 милл. руб). Конечно, изъ этихъ 3 миллиардовъ самая значительная доля все-таки повела за собою выплату кредитныхъ билетовъ *предъявителямъ* чековъ. Но тѣ, которые *выдали* чеки, все-таки расплатились на 3 миллиарда, не употребивъ непосредственно для этого кредитные билеты. Безъ чековъ же и такое непосредственное употребленіе билетовъ уже съ перваго же шага 3-миллиарднаго платежа было бы безусловно необходимо. Очевидно, слѣдовательно, что экономія, порождаемая чеками, въ употребленіи кредитныхъ билетовъ весьма значительна. Менѣе значительна, но тѣмъ не менѣе очень важна экономія, которая въ платежныхъ операціяхъ между казначействомъ и публикою вызвана единствомъ правительственныхъ кассъ. Ассигновка для полученія платежа въ казначействѣ не замѣняетъ выдачи кредитнаго билета. Но сосредоточеніе всѣхъ выдачъ ускоряетъ обращеніе денегъ, доставляя возможность производить большую сумму платежей данною или меньшею массою кредитныхъ билетовъ. Развитіе желѣзно-дорожной и телеграфной сѣтей и возможность имѣть „переводы“ не только у государственнаго банка, но и у всѣхъ остальныхъ банковъ, тоже важныя условія для экономіи при употребленіи кредитныхъ билетовъ. Всѣ эти условія *возможности* экономіи у насъ, однако, до сихъ поръ оставались скрытыми. Ихъ подавляла неспособность нашего денежнаго обращенія сокращаться. Но какъ только наше денежное обращеніе, благодаря реформѣ, пріобрѣтетъ гибкость и упругость, всѣ упомянутыя условія экономіи выступятъ наружу. Они скажутся, можетъ быть, даже съ исключительною силою, какъ всякая причина, которой стремленіямъ долго не было дано свободаго выхода.

Очень можетъ быть, что если правительство извлечетъ изъ обращенія даже на 200 милл. кредитныхъ билетовъ, это не помѣшаетъ разнаго рода банковымъ вкладамъ (срочнымъ, безсрочнымъ и на текущіе счета) прогрессивно возрастать и давать банкамъ довольно много средствъ на расширеніе операцій. Наростаніе вкладовъ до *такихъ* значительныхъ размѣровъ возможно, — какъ это доказываетъ опытъ Англій и нашъ собственный періода до крымской войны, —

хотя бы обращеніе безпроцентныхъ знаковъ и не было значительное. Вклады весьма сильно конкурируютъ съ безпроцентными знаками въ ихъ значеніи для учета и ссудъ.

Мы думаемъ однако, что если государственный банкъ для покрытія дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій консолидируетъ имѣющіеся у него нынѣ вклады, то врядъ-ли онъ будетъ въ состояніи опять накопить ихъ значительную массу. Теперь они прогрессивно уменьшаются и уходятъ къ частнымъ банкамъ, представляющимъ для нихъ болѣе выгодныя условія. Высокіе процентные текущіе счета государственнаго банка тоже отчасти вызываются тѣмъ, что онъ теперь принужденъ платить за нихъ проценты, чтобъ имѣть хоть какія-нибудь средства для коммерческихъ операцій. Извѣстно, что въ Англіи, гдѣ отношенія разбираемаго рода наиболѣе прочно развѣлись и установились, совсѣмъ не главный (центральный) банкъ имѣетъ наибольшую массу вкладовъ отъ публики.

Существуетъ также нѣкоторое основаніе думать, что наростаніе вкладовъ и процентныхъ текущихъ счетовъ, какъ въ государственномъ, такъ и въ частныхъ банкахъ нашихъ, въ послѣдніе годы шло очень скоро подъ вліяніемъ причинъ исключительныхъ. Новизна большей части банковъ была главною между этими причинами. Если банки, которые позже учредились, отчасти отбивали нѣкоторую часть вкладовъ у банковъ, ранѣе отерывшихся, то, сверхъ того, они отыскивали и новыя вклады. Но отыскиваніе очень скоро достигало своего предѣла. Это видно изъ важнаго значенія, которое для нашихъ банковъ приобрѣлъ переучетъ въ государственномъ банкѣ. Но и выпуски, которые государственный банкъ производилъ „для усиленія развѣнаго фонда“, тоже играли не послѣднюю роль въ наростаніи вкладовъ на процентные текущіе счета. Подобные выпуски, производимые безъ всякаго соображенія съ потребностью дѣлового міра, способны порождать „вклады на текущіе счета“ даже въ нѣсколько разъ большіе, чѣмъ были выпуски.

Можно поэтому думать, что если государственный банкъ консолидируетъ свои вклады, понизитъ или совсѣмъ устранилъ проценты на свои текущіе счета, совсѣмъ приостановитъ приѣмъ срочныхъ и безсрочныхъ вкладовъ, и наконецъ получитъ интересъ и возможность заботиться о томъ, чтобъ его оборотная касса дѣйствительно представляла „кассу кассъ“ всѣхъ остальныхъ банковъ, — то врядъ ли изъ текущихъ счетовъ у него будетъ достаточно средствъ на значительное расширеніе своихъ операцій. Отъ государственнаго банка можно требовать, чтобъ онъ основалъ свою дѣятельность на такихъ началахъ, которыя раздѣлили бы между нимъ и всѣми остальными банками источники оборотныхъ средствъ: чтобъ частные банки имѣли

для себя влады, а государственный банкъ — средства отъ выпуска кредитныхъ билетовъ.

Во всякомъ случаѣ было бы одинаково односторонне питать слишкомъ сангвиническія надежды на то, что государственный банкъ съ самаго уже начала въ состояніи будетъ расширить свои операціи всѣми извлеченными изъ обращенія кредитными билетами, или совершенно отвергать всякую возможность подобнаго расширенія. Чтобы избѣгнуть односторонности, намъ кажется, необходимо исходить изъ того, что государственный банкъ не въ состояніи будетъ расширить свои операціи *всѣми* кредитными билетами, съ которыхъ начнется ихъ консолидація, но что онъ въ состояніи будетъ это сдѣлать съ одною какою-либо ихъ частью: болѣе-ли или менѣе значительно — показать можетъ одинъ только опытъ. Финансовое же управленіе должно быть готово встрѣтить всякій случай, слѣдовательно и наихудшій. А такой наихудшій случай и встрѣтится, если опытъ укажетъ на цифру 300 милл., какъ представляющую „лишніе“ кредитные билеты. Конечно, если опытъ выяснитъ меньшую цифру, то — тѣмъ лучше для финансоваго управленія: заготовленные средства у него останутся свободными. Очевидно въ такомъ случаѣ, что непосредственно къ реформѣ кредитныхъ билетовъ финансовое управленіе будетъ способно приступать лишь въ той мѣрѣ, въ какой у него будутъ образовываться средства, необходимыя на „наихудшій“ случай.

Будемъ исходить изъ того, что каждая сотня милл. рублей кредитныхъ билетовъ потребуеъ въ наихудшемъ случаѣ отъ казначейства жертвы въ 6 милл. Предположимъ далѣе, что въ данный годъ, когда финансовое управленіе рѣшается приступить къ реформѣ, оно на всякій случай для реформы имѣетъ только 3 милл. Тогда заемъ производится только на 50 милл. и таковыя передаются государственному банку. Удастся банку найти занятіе этимъ 50 милл. или ихъ части—тѣмъ лучше для казначейства; не удастся банку сдѣлать что-нибудь съ кредитными билетами—значитъ они были излишніе и расходъ уменьшенія безпроцентнаго долга на ихъ сумму покрывается заготовленными 3 милл.

Скоро ли или не скоро у казначейства наберется еще 3 милл., вопросъ для насъ совершенно несущественный. *Когда* казначейству удастся найти новые 3 милл., тогда оно повторяетъ первый шагъ.

Подобные выпуски новыхъ облигацій, съ напередъ заготовленными наихудшій случай средствами, финансовое управленіе будетъ повторять до тѣхъ поръ, пока оно извлечетъ изъ обращенія всѣ серіи в 4%, металлическіе билеты и сократитъ безпроцентный долгъ за

кредитные билеты до суммы 130 милл. Когда оно достигнетъ этихъ результатовъ, его трудъ будетъ оконченъ и „упроченіе кредитнаго денежнаго обращенія“ будетъ достигнуто. Въ наихудшемъ случаѣ, то-есть если казначейство принуждено будетъ примириться съ увеличеніемъ его ежегодныхъ расходовъ на 21 милл. рублей, нашъ отверженный долгъ сокращается на 817 милл. рублей, а по отношенію къ этой суммѣ 21 милл. составляютъ $2\frac{1}{2}\%$.

Конечно, такой результатъ не достигается въ одинъ годъ. Но результаты, касающіеся реформъ денежнаго обращенія, и не должны достигаться скоро. Всякій *скорый* переходъ отъ обезцѣненной валюты къ полноцѣнной означаетъ разореніе цѣлой массы совершенно законныхъ интересовъ. И еслибъ у финансоваго управленія даже сразу оказался источникъ всѣхъ 21 милл. рублей, оно все-таки не всѣ сразу должно было бы немедленно обратить на реформу. Реформа должна производиться осторожно и постепенно, чтобъ законные интересы, которые внѣшними для нихъ вліяніями *принужден* были приспособиться къ обезцѣненному денежному обращенію, имѣли достаточно времени для приготовленія себя къ новому порядку.

Всего вѣроятнѣе, что каждый разъ, когда будетъ извлечена какая-нибудь сумма кредитныхъ билетовъ, часть ихъ найдетъ себѣ производительное занятіе и обратно возвратится въ обращеніе, дѣлая незамѣтнымъ исчезновеніе бѣльшей суммы. А такое обратное возвращеніе части извлеченныхъ кредитныхъ билетовъ, увеличивая прибыли государственнаго банка, увеличитъ и средства казначейства для дальнѣйшихъ шаговъ реформы. Съ каждымъ шагомъ своимъ реформа будетъ себя поддерживать: и съ точки зрѣнія чисто-финансовой—облегченіемъ казначейства, и съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ, поддерживая ихъ въ ихъ приготовленіяхъ къ новому порядку.

Скажется ли каждый шагъ реформы уже съ самаго начала цѣнності кредитныхъ билетовъ, или не скажется, это для производящихъ реформу должно быть совершенно безразлично. Реформа должна предприниматься и дѣлаться не для того, чтобъ показывать фокусъ. Весьма вѣроятно, что если станетъ извѣстнымъ рѣшительное намѣреніе правительства изыскивать средства для реформы и намѣреніе станетъ очевиднымъ изъ опыта, то это не останется безъ вліянія на цѣнность кредитныхъ билетовъ уже съ самаго начала. Но подобнымъ скорымъ вліяніемъ особенно дорожить и не нужно. Чѣмъ оно будетъ постепеннѣе возникать и развиваться, тѣмъ лучше и для правительства и для народнаго хозяйства.

VI.

Все вышеизложенное очевидно указывает на то, что государственному банку предстоит значительная роль, а никакъ не исчезновеніе съ дѣлью замѣны его частнымъ крупнымъ кредитнымъ учрежденіемъ.

Задачи, которыхъ рѣшеніе предстояло нашему финансовому управленію въ 1860 году, до сихъ поръ въ самой значительной мѣрѣ остаются открытыми. Въ 1860 году, для рѣшенія означенныхъ задачъ считали необходимымъ учредить государственный банкъ. Очевидно, что если государственное кредитное установленіе было предложено частному, то это было сдѣлано не безъ основаній, которыя безъ труда можно понять. Но эти основанія и по настоящее время остаются въ полной силѣ.

Ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій, ликвидация безпроцентнаго долга за кредитные билеты и организація кредитно-денежнаго обращенія на началахъ, которыя всемірнымъ опытомъ и наукою признаются единственно обеспечивающими силу и здоровье денежной системы, — эти три задачи необходимо предполагаютъ банковныя услуги. Система децентрализованныхъ банковъ, имѣющихъ право выпускать безпроцентныя бумаги, какъ извѣстно, на европейской почвѣ оказывается неспособною къ развитію въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Теоретически она, несомнѣнно, единственно правильная. Но практически она выражаетъ неиспробованную идею, идею, съ которою дѣйствительная жизнь борется производить эксперименты въ большихъ размѣрахъ. Если Англія, Франція, Пруссія борются децентрализованныхъ банковъ съ правомъ выпуска, если Шотландія и Швейцарія свидѣтельствуютъ, что при децентрализациі выпуски неспособны достигать большихъ размѣровъ и приносить соотвѣтственную пользу, — то врядъ-ли было бы благоразумно, чтобъ мы, въ Россіи, съ сравнительно слабѣйшими силами и средствами, рѣшились на то, на что не рѣшаются болѣе богатая страна.

А если децентрализованная система банковъ съ правомъ выпуска вытѣсняется изъ разсмотрѣнія, то остается вопросъ, заслуживаетъ-ли монополичный акціонерный банкъ преимущества предъ государственнымъ, или наоборотъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ данныя нашей исторіи существенно отличны отъ данныхъ, которыми обыкновенно располагаютъ наука и практика за-границею. Ни одна страна въ мѣрѣ никогда не обладала такою развитою государственною банковною системою, какою мы обладали и обладаемъ. Никакое правительство не занималось банко-

выми операціями, столь разнородными и столь обширными, какими занималось наше правительство. Вотъ почему рѣшеніе выше поставленнаго вопроса у насъ имѣеть не такой видъ, какъ за-границей. Тамъ вопросъ о монопольномъ банкѣ зависитъ отъ рѣшенія вопроса о пользѣ или вредѣ свободы выпуска безпроцентныхъ знаковъ. Если этотъ вредъ разъ признается, то за-границей волею-неволею придется мириться съ монопольнымъ банкомъ. У насъ же по рѣшенію вопроса о пользѣ или вредѣ выпуска въ смыслѣ вреда возникаетъ новая дилемма: слѣдовать ли намъ по старому пути государственнаго кредитнаго учрежденія или мы должны ступить на новый путь?

Несомнѣнно, что наши государственныя кредитныя установленія, безсознательно или по финансовою необходимости, до сихъ поръ дѣйствовали въ противность важнѣйшимъ началамъ банковской состоятельности. Но это, конечно, совсѣмъ не доказываетъ, что они всегда и впредь должны будутъ такъ дѣйствовать. Опытъ Австріи убѣждаетъ, что и монополичный акціонерный банкъ, если ему приходится дѣйствовать рядомъ съ правительствомъ, которое не можетъ обойтись безъ банковыхъ ресурсовъ, также точно долженъ дѣйствовать въ противность всѣмъ началамъ банковской состоятельности. И врядъ ли можетъ быть споръ о томъ, что еслибъ государственный банкъ въ 1860 году былъ снабженъ надлежащими средствами, то (въ особенности въ послѣднія 6—7 лѣтъ) его образъ дѣйствій могъ бы ничѣмъ не отличаться отъ образа дѣйствій наилучшихъ изъ монопольныхъ банковъ.

При нынѣшнихъ средствахъ нашего финансоваго управленія и при нынѣшнемъ характерѣ взаимныхъ отношеній между государственнымъ банкомъ и государственнымъ казначействомъ, банку не остается только мѣръ, которыя привели бы въ свободное состояніе иммобилизованныя и неудобно-реализуемыя активы, или которыя активы совсѣмъ сократили бы и устранили.

До 1860 года мы совсѣмъ не имѣли нѣкакого понятія о частной предпримчивости, о качествахъ и объемѣ ея инициативы, — вообще объ ея способностяхъ, силахъ и средствахъ. Но послѣднія лѣтъ дали намъ объ этомъ предметѣ довольно опредѣленное представленіе. Было бы, конечно, односторонне и ошибочно не ставить высоко плоды, которые частная, единичная и собирательная, предпримчивость дала, получивъ свободу. Но не менѣе было бы односторонне и ошибочно, еслибъ мы, теряя подъ собою почву весьма убѣдительныхъ указаній реальной жизни, стали утверждать, что наше единственное спасеніе—въ инициативѣ частной предпримчивости. Эта инициатива не всегда бываетъ плодотворною: она нерѣдко зарывается за предѣлы солиднаго дѣла, она нерѣдко совсѣмъ засыпаетъ и

вообще, совѣтъ не свободна отъ недостатковъ, за которые упрекать экономическую инициативу правительствъ. Инициатива свободной предприимчивости сама за себя говорить, когда она движется на почвѣ свободного-же соперничества; но, подпираемая привилегіей и монополією, она у насъ грозитъ слишкомъ новыми опасностями, чтобъ можно было рассчитывать на сочувствіе къ ней значительнѣйшей доли публики.

Сверхъ того у насъ противъ монопольнаго банка съ правомъ выпуска безпроцентныхъ бумагъ говорятъ и чисто-финансовыя доводы. Большой банкъ съ привилегированнымъ правомъ выпуска безпроцентныхъ знаковъ—весьма доходная статья. На доходы таковаго банка можетъ быть осуществлена значительная доля нашей денежной реформы.

Конечно, и частная компанія не задаромъ будетъ надѣяться получить привилегію выпуска. Но, очевидно, что сколько бы она ни заплатила за привилегію, она во всякомъ случаѣ дастъ только часть того, что привилегія сама можетъ дать. Но такъ какъ эта привилегія уже теперь находится у правительства, то правительство отдавало бы цѣлое за часть того же цѣлага.

Не трудно опредѣлить тѣ наименьшія требованія, которыя правительство должно было бы предъявить частной компаніи, передавая ей монополію выпуска. Эти требованія, однако, оказываются столь великими, что никакая компанія не въ состояніи будетъ ихъ удовлетворить, оставаясь на почвѣ солиднаго веденія будущаго нашего главнаго кредитнаго установленія.

Государственный банкъ можетъ сберечь казначейству ежегодный расходъ отъ 8 до 14 милл. рублей, смотря по тому, придется ли,—при уменьшеніи безпроцентнаго долга за кредитные билеты на 436 милл. руб.,—совершенно изъять изъ обращенія сумму кредитныхъ билетовъ на 300 милл. или только на 200 милл. То-есть, обладаніе государственнымъ банкомъ избавляетъ казначейство отъ тягосты взыскивать источники, изъ которыхъ покрыто было бы уменьшеніе безпроцентнаго долга на сумму отъ 136 до 236 милл. рублей. Иско, что отъ частной компаніи правительство по меньшей мѣрѣ въ правѣ требовать, за передачу ей монополіи выпуска, принятія на себя расходовъ по уменьшенію безпроцентнаго долга за кредитные билеты на ту же сумму 136—236 милл. рублей. Считая среднюю между этими двумя цифрами сумму, казначейство вправѣ требовать отъ частной компаніи капитала по меньшей мѣрѣ въ 186 милл. рублей, при томъ съ тѣмъ, чтобъ на 130 милл. кредитные билеты для него оставались бы въ обращеніи. Казначейству тогда изъ собственныхъ средствъ предстояло бы позаботиться о покрытіи расходовъ по уменьшенію безпроцентнаго долга еще на 250 милл.,

то-есть объ источникѣ для ежегоднаго расхода въ $13\frac{3}{4}$ —15 милл. рублей для кредитныхъ билетовъ и еще 3 милл. для ссѣдъ и 4% металлическихъ билетовъ, всего для $16\frac{3}{4}$ —18 милл. Эти 18 милл. составляютъ среднюю цифру между наименьшимъ (15 м.) и наибольшимъ (21 м.) размѣрами расхода, требуемаго упроченіемъ нашей кредитной денежной системы. Отъ передачи государственнаго банка акціонерной компаніи, слѣдовательно, или правительству, или компаніи рискуютъ потерей въ три милліона. Если портфель будущаго нашего эмиссіоннаго банка въ состояніи будетъ дать помещеніе бѣльшей массѣ кредитныхъ билетовъ, чѣмъ въ 186 милл. тогда потеряетъ правительство. Въ противномъ случаѣ въ потерѣ окажется компаніа. Но этого мало. Не говоря даже о вѣроятности, чтобъ кака-нибудь компаніа согласилась передать казначейству за государственныя банкы капиталъ въ 186 милл. рублей, сдѣлка съ точки зрѣнія банковской политики врядъ ли была бы благоразумною. Она опредѣляла бы слишкомъ значительный минимумъ, ниже котораго не можетъ опуститься масса билетовъ. Но необходимо имѣть въ виду, что при немъ частная компаніа еще только сводитъ концы съ концами и едва покрываетъ свои расходы. А ей еще нужна прибыль. Для этой прибыли компаніа необходимо позаботиться о расширеніи своихъ операцій за предѣлы 186 милл. рублей. Чтобъ получить хоть 8% чистой прибыли на свой капиталъ, компаніа должна расширить свой портфель до возможности находить въ немъ помещеніе для массы кредитныхъ билетовъ, по меньшей мѣрѣ, въ 248 милл. рублей, то-есть сверхъ 186 милл. еще для 62 милл.

Передача государственнаго банка частной компаніи, не представляя для правительства выгодъ, въ то же время сильно угрожала бы солидности главнаго нашего кредитнаго установленія, отъ котораго должны зависѣть въ весьма значительной мѣрѣ судьбы нашей торговли. Подобное учрежденіе всего менѣе должно быть рассчитано на то, чтобъ давать высокія прибыли. Цѣлямъ же хозяйственной политики оно всего лучше можетъ служить только въ рукахъ правительства. Частная компаніа уже съ самаго начала пригнуждена будетъ сильнымъ прыжкомъ расширить свои операціи до очень значительныхъ размѣровъ. Портфель 248 милл. ей нуженъ уже для сравнительно незначительной прибыли въ 8%. Понятно, что компаніа должна будетъ скорѣе погнаться за еще бѣльшими операціями, если ей 8% будетъ мало. А между тѣмъ мы видѣли, что, оставаясь въ рукахъ правительства, государственныя банкы для начала могутъ удовольствоваться портфелемъ и въ 186 милл. только. Правда, при этой цифрѣ расходы казначейства возрастаютъ на 3 милліона (вмѣсто 18 милл., они будутъ 21 милл.).

Но, во-первыхъ, этими 3 милл. покупается постепенность и осторожность развитія. Во-вторыхъ, увеличеніе расходовъ на 3 милліона будетъ только временное: съ постепеннымъ развитіемъ операцій государственнаго банка, когда его портфель безъ всякихъ прыжковъ и медленно наростетъ до 186 милл., исчезнетъ добавочный расходъ въ 3 милл., и весь ежегодный расходъ установится на уровнѣ 18 милл. Если же потомъ окажется возможность совершенно безопаснаго дальнѣйшаго развитія операцій государственнаго банка даже до суммы 248 милл., тогда весь ежегодный расходъ казначейства по упроченію нашей денежной системы (то-есть по консолидаціи суммы неотвержденныхъ долговъ въ 817 милл.) понизится до 14¹/₄ милл. рублей.

Чѣмъ больше существуетъ видовъ на возможность благополучнаго развитія преобразованнаго государственнаго банка (а безъ такихъ видовъ частная компанія, конечно, не пожелаетъ его приобрести), тѣмъ больше теряетъ казначейство, передавая государственный банкъ въ частныя руки. Если существуютъ основанія признавать возможность такого развитія нашей торговли и промышленности, при которомъ онѣ въ состояніи будутъ со временемъ доставить солидное производительное помѣщеніе для массы кредитныхъ билетовъ въ 248 милл.,—если возможно развитіе, которое въ состояніи понизитъ расходы казначейства по уменьшенію суммы нашихъ неотвержденныхъ долговъ въ 817 милл., при помощи ежегоднаго расхода казначейства лишь въ 14¹/₄ милл. (составляющаго 1³/₄% всей консолидированной суммы),—тогда весьма незначительнымъ и постепеннымъ увеличеніемъ этого, сравнительно небольшого, расхода казначейство въ состояніи будетъ консолидировать даже тотъ остатокъ безпроцентнаго долга за кредитные билеты въ 130 милл., который мы до сихъ поръ оставляли. Тогда у насъ неотвержденныхъ долговъ совсѣмъ не будетъ, кредитное обращеніе будетъ опираться на одни только торгово-промышленныя силы страны, а у казначейства совершенно освободится ресурсъ, представляемый краткосрочнымъ государственнымъ кредитомъ.

И. КЛУФМАНЪ.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1875.

Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ нынѣшнихъ росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсметныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избіеніе адвокатовъ г. Марковымъ, по избіеніи литераторовъ г-мъ Катковымъ и Леонтьевымъ.

Обсужденіе ежегодной государственной росписи и, по поводу ея общаго положенія финансовъ есть, безспорно, одна изъ важнѣйшихъ обязанностей не только законодательныхъ собраній, но и печати. И дѣйствительно, наши бюджеты ежегодно подвергаются старательному, добросовѣстному разсмотрѣнію, какъ въ высшемъ учрежденіи непосредственно къ тому призванномъ, такъ и со стороны журналистовъ.

Не будемъ напоминать здѣсь о заслугахъ по составленію и исполненію росписей со стороны тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которымъ принадлежала честь преобразованія бюджета и введенія болѣе правильной государственной отчетности. Но весьма важное участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало и членамъ государственнаго сѣта, гдѣ предположенія министерства финансовъ и заключенія государственнаго контроля по росписямъ всегда подвергались тщательному разсмотрѣнію, а нерѣдко и существеннымъ измѣненіямъ, гдѣ обсужденіе бюджета, какъ говорятъ, всегда вызывало оживленныя пренія. Но пренія нашего высшаго государственнаго учрежденія не гласны, а потому мы не имѣемъ права назвать тѣхъ изъ его членовъ, которые постоянно относились къ этому дѣлу съ особеннымъ участіемъ. Впрочемъ, заслугамъ одного изъ нихъ, а именно бывшаго председателя департамента экономіи по улучшенію росписей и установленію болѣе правильной государственномъ хозяйствѣ вообще, дано было гласное лестное удостовѣреніе, когда состояніе здоровья принудило его отказаться отъ этого поста, безъ прекращенія однако

дѣятельнаго участія въ предварительномъ обсужденіи и самыхъ преніяхъ о бюджетѣ.

Что касается нашей печати, то она никогда не уклонялась отъ обязанности разъяснять публикѣ измѣненія, происходившія въ росписяхъ, и высказывать свои взгляды какъ на общее положеніе финансовъ, такъ и на подробности финансоваго хозяйства. Она не отказалась отъ пользованія одною изъ немногихъ своихъ привилегій: иносительнымъ просторомъ въ обсужденіи русскихъ финансовъ и дѣйствій финансоваго управленія. Несмотря на первостепенную государственную важность ввѣренныхъ ему интересовъ, наше финансовое управленіе не считало необходимымъ сдѣлать ихъ обсужденіе недопустимымъ для печати. Напротивъ, введя само гласность въ это дѣло, обнародованіемъ бюджета, оно, повидимому, признавало, что гласность полезна для кредита государства, а не вредна. Поэтому, какъ и важны для благосостоянія государства и успѣшной дѣятельности правительства основы финансоваго положенія, финансовой системы и кредита, министерство финансовъ никогда не поднимало вопроса „колебаніи основъ“ и „возбужденіи недовѣрія“ къ введенной или вводимой системѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что государство въ болѣе мѣрѣ заинтересовано въ прочности своего кредита, чѣмъ, напримѣръ, въ точности такой или иной учебной программы въ нѣкоторыхъ школахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что, по убѣжденію министерства финансовъ,—насколько оно удостовѣрено фактически его отношеніемъ къ печати,—основы нисколько не укрѣпляются вынужденнымъ молчаніемъ печати. Изъ финансовой науки и практики оно знало, что обязательный курсъ кредитнаго рубля не только препятствуетъ успѣху дѣйствительной его цѣнности, но и не можетъ поддержать ея цѣнности. Быть можетъ, потому оно полагало, что и какому-либо официальному мнѣнію, существующему въ данное время, опасно придавать обязательный курсъ, который не можетъ ни укрѣпить, ни поддержать его цѣнности.

И надо замѣтить, что если есть политическій предметъ, къ которому печать наша могла стать въ отношеніе нормальное, здоровое, то это именно—наши финансы. Отношеніе это—искреннее, безпристрастное, спокойное. Тѣмъ, кто не довѣряетъ свободѣ печати, и даже которые недостатки, особенно свойственные нашей русской прессѣ, приписываетъ ей „распущенности“, не мѣшало бы остановить свое вниманіе на указанномъ нами фактѣ и взвѣсить его истинное значеніе. Опасно было бы думать, что финансы—такой предметъ, который своимъ свойствомъ своимъ обуславливаетъ безпристрастное и спокойное обсужденіе. Вопросы финансовые находятся въ тѣсной связи съ другими политическими вопросами, нисколько не имѣютъ особаго

свойства успокаивать умы, а по важности своей, конечно, даже превосходятъ такіе вопросы, какъ, на примѣръ, о томъ, насколько удачны экзамены въ гимназіяхъ, или о томъ, кто будетъ завѣдывать медико-хирургической академіею. Казалось бы, что скорѣе второстепенные и спеціальныя вопросы, въ родѣ послѣдне-указанныхъ, по свойству своему должны благопріятствовать спокойному обсужденію, чѣмъ вопросъ о томъ, какъ государство употребляетъ деньги, собираемыя съ народа, какъ справедливѣе распредѣлить тягости между сословіями и въ какой мѣрѣ дѣйствія финансоваго управленія соотвѣтствуютъ общему благосостоянію, въ которомъ каждый лично и непосредственно заинтересованъ. Стало бытъ, если отношеніе русской печати къ дѣйствіямъ финансовой администраціи болѣе спокойно, безпристрастно, однимъ словомъ, нормально, то это должно прямо зависѣть отъ факта, что отношеніе самого министерства финансовъ къ печати болѣе спокойно, безпристрастно, нормально. Въ числѣ нашихъ министерствъ нѣтъ положительно ни одного, котораго вся совокупность дѣйствій, всѣ важнѣйшія заявленія и мѣры подвергались бы столь общей и столь искренней критикѣ въ печати, какъ то ежегодно бываетъ по отношенію къ министерству финансовъ. На взглядъ иностранца, совершенно незнакомаго съ нашими обстоятельствами, могло бы показаться, что каждый изъ прочихъ министровъ у насъ популярнѣе министра финансовъ, о дѣйствіяхъ котораго никто не молчитъ, а стало бытъ, никто съ ними всѣмъ не соглашается безусловно. Но русское общество понимаетъ это дѣло иначе, да и иностранцы знаютъ достаточно, чтобы не думать, что у насъ молчаніе есть знакъ согласія. Печать неоднократно и весьма сильно доказывала у насъ необходимость важныхъ реформъ въ финансовомъ управленіи и хозяйствѣ, причемъ нерѣдко высказывала даже опасенія весьма серьезнаго свойства. При этомъ проявлялось иногда рѣдкое единогласіе, усматривалась даже такая рѣдкость, какъ нѣчто похожее въ самомъ дѣлѣ на русское общественное мнѣніе. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ министерства финансовъ случалось сходиться прежнимъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ и „Русскому Міру“, „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и „Голосу“ и „Вѣстнику Европы“. Просторъ сужденій обусловилъ ихъ искренность, а искренность устраняла всякія преувеличенія. Отъ откровенной критики не только не произошло никакого „колебанія основъ“, но, наоборотъ, мы смѣло можемъ сказать, что нѣкоторыя, весьма важныя потребности государственнаго хозяйства, именно при помощи единогласныхъ заявленій печати должны были уясниться самому министерству финансовъ. Такова, на первомъ планѣ, необходимость преобразованія податной системы, не въ видѣ отдѣльныхъ мѣръ отъ

исключительно способъ взиманія того или другого изъ существующихъ налоговъ, но въ видѣ одновременнаго пересмотра системы податнаго обложенія. Финансовое управленіе не обижалось раздѣрами критики, не думало, что высказываемыя опасенія осуществляются вслѣдствіе того, что они высказаны, и устранились бы навсегда, еслибы о нихъ говорилось только внѣ печати. Оно не вторгалось само въ область печати съ завоевательными цѣлями, не держало себѣ официальныхъ печатныхъ органовъ насчетъ бюджета, не заводило себѣ неофициальныхъ адвокатовъ въ печати посредствомъ привилегій или посредствомъ официозныхъ корреспонденцій за границу, или посредствомъ запретительныхъ мѣръ, или посредствомъ уничтоженія нежелательныхъ органовъ, для замѣны ихъ пріятными. Вся эта страпня для созданія искусственнаго общественнаго мнѣнія была ему чужда, (вотъ истинное мнѣніе общества отнеслось къ нему въ печати съ лучшимъ свидѣтельствомъ довѣрія—съ искренностью и безпристрастіемъ.

Намъ придется и на этотъ разъ, при разсмотрѣніи государственной росписи на 1875 годъ и отчета контроля за 1873 годъ высказать нѣсколько замѣчаній, не вполне согласныхъ съ тѣмъ утѣшительнымъ впечатлѣніемъ, какое производитъ присутствіе въ бюджетѣ тѣхъ милліоннаго избытка доходовъ предъ расходами. Въ этихъ замѣчаніяхъ не будетъ, конечно, ничего новаго для министерства финансовъ и по всей вѣроятности ничего такого, что не было бы указано и въ преніяхъ государственнаго совѣта при разсмотрѣніи росписи. Но цѣль и самое назначеніе политической печати въ томъ состоитъ, чтобы все образованное русское общество участвовало въ обсужденіи важнѣйшихъ своихъ интересовъ. При этомъ мы сочли справедливымъ хотя однажды оговориться, что въ разсмотрѣніи дѣйствительнаго финансоваго управленія и обсужденіи финансовыхъ интересовъ государства мы пользуемся относительнымъ просторомъ, и потому не заключаемъ кто-нибудь изъ того, что мы часто молчимъ о другихъ отрасляхъ государственной жизни, только потому, что не имѣемъ будто бы о нихъ ничего не сказать.

Балансъ росписи на 1875 годъ сводится на цифрѣ 559.361,193 руб.; она представляетъ, съ одной стороны, итогъ всѣхъ доходовъ, а другой — итогъ всѣхъ расходовъ. Какъ въ доходахъ, такъ и въ расходахъ являются равныя цифры оборотныхъ расходовъ и поступлений — 18.864,204 р., и временныхъ расходовъ на желѣзнодорожныя и портовые сооружения, расходовъ, которымъ соответствуетъ равное вычитаніе изъ специальныхъ ресурсовъ. Затѣмъ, въ итогъ расходовъ входятъ двѣ особыя цифры: сумма въ 4 милл. р., назначаемая

на случай недобора въ окладныхъ сборахъ, и цифра 3.255,783 рубля остающаяся въ итогѣ расходовъ свободною, представляющая разность между предполагаемой совокупностью доходовъ и предвидимою совокупностью потребностей, однимъ словомъ—изображающая собой ожидаемое превышеніе въ доходахъ предъ расходами. Такимъ образомъ, обыкновенныхъ, то-есть дѣйствительныхъ доходовъ государства предположено на 532.306,209 рублей, и обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ на 525.050,426 рублей. Этими двумя цифрами въ бюджетѣ прошлагоднемъ соотвѣтствовали: 514.367,915 р. и 507.200,095 р. Итакъ, въ росписи на 1875 г., по сравненію съ росписью 1874 года обыкновенные доходы возвышены на сумму 17.938,294 р., и на сумму почти равную же, а именно на 17.850,331 р., увеличены обыкновенные расходы. Нельзя, впрочемъ, сказать, что при этомъ просто прибавлено къ доходамъ и расходамъ 1874 г. примѣрно по 18 мил. рублей, и что затѣмъ балансъ остается тотъ же; нельзя,—потому что въ самомъ составѣ росписи 1875 года находятся нѣкоторыя существенныя измѣненія противъ предшествующей росписи. Но предполагаемый конечный результатъ въ обѣихъ росписяхъ дѣйствительно одинаковъ: предвидится превышеніе въ доходахъ предъ расходами на 1874 г. предвидѣлся избытокъ доходовъ 3.167,820 р., на 1875 годъ предположенъ избытокъ доходовъ 3.255,783 рубля. Дѣйствительный результатъ по исполненію прошлагодной росписи еще неизвѣстенъ, неизвѣстно, оправдалось ли ожиданіе избытка доходовъ. Но окончательный результатъ по исполненіи росписи 1873 года извѣстенъ изъ отчета государственнаго контроля; роспись 1875 г. обнародована была 10-го января, а объяснительная записка къ контрольному отчету за 1873 годъ—22-го января нынѣшняго года. И вотъ, изъ контрольнаго отчета видно, что для оплаты всѣхъ относившихся къ росписи 1873 года обыкновенныхъ расходовъ недоставало обыкновенныхъ средствъ государственнаго казначейства на сумму 1.198,014,44 коп.

Хотя въ бюджетѣ на 1875 годъ нѣтъ ссылки на этотъ результатъ отчета за 1873 годъ, и по прежнему высказываются весьма благіе пріятныя ожиданія на будущее, однако дефицитъ 1873 г., повидимому не остался безъ вліянія на составленіе новыхъ бюджетныхъ предположеній: они составлены на этотъ разъ съ особенной осторожностью. Намъ приходилось уже не разъ говорить, въ чемъ состоитъ эта „осторожность“ при установленіи бюджетнаго баланса. Хотя при опредѣленіи суммы ожидаемаго по каждой отрасли дохода и говорится, что она исчисляется по дѣйствительному поступленію, но въ общемъ выводъ оказывается странный фактъ, что въ бюджетѣ каждаго года вся сумма доходовъ растетъ ровно настолько, насколько

возрасла сумма смѣтныхъ расходовъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ производительныя силы Россіи состоятъ на службѣ и готовы всегда возрасти ровно настолько, сколько министерство уже обязалось израсходовать, но не на болѣе. Затѣмъ, въ дѣйствительности оказывается, что доходовъ поступаетъ милліоновъ на 30 болѣе, чѣмъ предвидѣно было бюджетомъ, и фактъ этотъ—переставшій удивлять всѣхъ, какъ слишкомъ часто повторяющійся сюрпризъ—представляется тѣмъ болѣе благоприятнымъ, что въ дѣйствительности и сумма израсходованныхъ денегъ возрасла въ томъ же размѣрѣ, потому что министерство финансовъ было вынуждено отпустить милліоновъ на 30 болѣе, чѣмъ обязалось смѣтами, отпустить ихъ по сверхсмѣтнымъ требованіямъ. Мы потому всегда останавливаемся на этой выдающейся чертѣ нашихъ бюджетовъ, что въ ней отражается главнѣйшая особенность финансоваго хозяйства Россіи. Министерство финансовъ, оставая свои бюджеты на 25—30 милл. ниже, чѣмъ бы слѣдовало, обуждается дѣйствительно осторожностью, но оно остерегается при томъ не собственной ошибки въ предвидѣніяхъ, а просто—*перетрепаній* со стороны другихъ вѣдомствъ. По наружности, оно заботится о полной точности бюджетныхъ предположеній: даже на случай недобора въ податяхъ оно полагаетъ какіе-нибудь 4 милл. р. а самомъ же дѣлѣ, оно очень хорошо знаетъ, что цифра недобора въ податяхъ ничтожна въ сравненіи съ цифрой перебора сверхсмѣтными требованіями на 30 милл. р., и соотвѣтственно этой послѣдней въ году въ годъ повторяющейся цифры уменьшаетъ сумму ожидаемаго поступленія доходовъ. Такимъ образомъ, бюджетные балансы представляютъ не строгую, опредѣленную по соображеніямъ министерства финансовъ, схему, въ которой должно дѣйствительно держаться годовое хозяйство, но какъ бы расчетъ, сдѣланный съ цѣлью указать другимъ вѣдомствамъ необходимость всевозможной экономіи въ неизбѣжныхъ сверхсмѣтныхъ требованіяхъ. И дѣйствительно, доводы, прилагаемые къ бюджету, всегда сводятся, въ своемъ заключеніи, къ необходимости всемѣрнаго уменьшенія сверхсмѣтныхъ требованій. Изъ этого видно, что министерство финансовъ безсилно ратничать годовое расходованіе строгими предѣлами смѣты.

Задача ограничивать сверхсмѣтныя требованія серьезнымъ обсужденіемъ, въ какой мѣрѣ каждое изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ необходимо и неотложно, падаетъ у насъ на государственный совѣтъ, которымъ сверхсмѣтныя ассигнованія разрѣшаются. Контрольный отчетъ за 1873 г. высказываетъ прямо, что „чрезмѣрность сверхсмѣтныхъ требованій грозила нарушить и часто въ дѣйствительности нарушала равновѣсіе государственной росписи, и лишала первоначальныя смѣтныя исчисленія надлежащаго значенія“. При такомъ

условіи, бюджеты наши представляют не болѣе, какъ примѣрную необязательную программу для расходования, между тѣмъ какъ он должны были бы представлять нѣчто неизбежное. Для того, чтоб роспись получила серьезное значеніе, слѣдовало бы, чтобы она опредѣляла въ самомъ дѣлѣ обязательные предѣлы расходования, сообразно съ ожидаемыми доходами государства. Еслибы могло быть ручательствомъ, что въ самомъ дѣлѣ будетъ исполнено „всемѣрное ограниченіе сверхъсметныхъ ассигнованій“, что всякія требованія сверхъ сметы, исключеніемъ дѣйствительно чрезвычайныхъ случаевъ настоятельной, непредвидимой нужды, будутъ отстраняемы; въ такомъ случаѣ балансъ росписи можно было бы составлять совсѣмъ напротивъ противъ того, какъ онъ выводится нынѣ. Не сумма доходовъ согласовалась бы съ показываемой цифрою расходовъ, но, напротивъ, сумма расходовъ опредѣлялась бы сообразно дѣйствительной ожидаемой цифрѣ доходовъ, и опредѣлялась бы неизбежно, безусловно при помощи откровеннаго отведенія въ ней впередъ опредѣленныхъ ассигнованій на случай чрезвычайныхъ, сверхсметныхъ потребностей. Мы не предположимъ ничего въ самомъ дѣлѣ неисполнимаго, допустивъ, что сумма ежегодныхъ сверхсметныхъ ассигнованій могла бы быть, даже и безъ всякаго преобразования учреждений, просто и силу твердой рѣшимости, сокращена на половину. За насъ примѣръ 1867 года, когда подъ влияніемъ убѣжденій, которыхъ достойнымъ представителемъ былъ покойный Татариновъ, сумма дѣйствительно произведенныхъ расходовъ сократилась вдругъ на $7\frac{3}{4}$ милл. рубль въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ, и когда дефицитъ въ контрольномъ отчетамъ, благодаря не только возрастанію доходовъ но и экономіи въ сверхсметныхъ требованіяхъ, въ одинъ годъ упалъ съ $50\frac{1}{2}$ милл. рублей до $1\frac{3}{4}$ милл. р. Этотъ краснорѣчивый примѣръ не долженъ быть забываемъ, и онъ даетъ намъ право вѣрить въ возможность повторенія подобнаго усилія. Еслибы на него рѣшились, то первоначальнымъ исчисленіямъ росписи можно было бы тотчасъ придать то значеніе, котораго — по словамъ контрольнаго отчета за 1873 годъ — они нерѣдко бываютъ лишены. Для этого слѣдовало бы обратиться къ противоположному, сравнительно съ нынѣшнимъ, приему въ составленіи бюджетнаго баланса, придавъ ему не примѣрный, но дѣйствительный, строго-обязательный смыслъ. Допустимъ, что въ виду дефицита 1873 года, нельзя было бы повысить нынѣшнее исчисленіе доходовъ на около 30 милл. рублей, такъ какъ послѣдній контрольный отчетъ предостерегаетъ противъ „высказаній о чрезмѣрной упругости финансовыхъ средствъ страны“, другими словами, выражаетъ неуверенность въ томъ, что возрастаніе доходовъ будетъ въ послѣдующіе годы продолжаться въ прежнихъ

размѣрахъ. Но милліоновъ 20, казалось бы, смѣло можно прибавить къ нынѣшнему бюджетному исчисленію доходовъ. Возьмемъ цифру дѣйствительно поступившихъ въ 1873 году обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ—538 милл. р.; присоединимъ къ нимъ 17 милл. р. изъ государственнаго земскаго сбора (за разными убавками), нынѣ впервые вносимые въ роспись; затѣмъ, имѣя въ виду, что въ бюджетахъ послѣдняго пятилѣтія на каждый годъ допускалось увеличеніе суммы доходовъ въ размѣрахъ отъ 13 до 24³/₄ милл. рублей, примемъ это годовое возрастаніе доходовъ хотя въ меньшемъ размѣрѣ—11 милл. р., т.-е. 22 милл. за два года 1873—1875. Правда, въ росписи на 1875 годъ подобнаго возрастанія совсѣмъ не предложено; даже сумма около 23 милл. рублей, представляемая включеніемъ въ роспись государственнаго земскаго сбора, и та присоединена къ суммѣ бюджетныхъ доходовъ 1874 г. не полностью въ росписи 1875 г., а только въ размѣрѣ 17 слишкомъ милл. р., за разными убавками. Но вѣдь это только результатъ той „осторожности“, которую мы отлагаемъ теперь въ сторону, такъ какъ она направлена къ заготовленію средствъ внѣ бюджета для расходовъ сверхъ смѣты. Итакъ, изъ приведенныхъ выше реальныхъ цифръ у насъ составилась бы совершенно вѣроятная (скорѣе меньшій, чѣмъ можно ожидать) итогъ обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ на 1875 годъ въ 577 милл. рублей, вмѣсто тѣхъ 551 милл. р., которые предвидитъ нынѣшняя роспись. Расчетъ этотъ можетъ быть подтвержденъ еще тѣмъ соображеніемъ, что оказывающееся въ немъ повышеніе суммы доходовъ на 26 милл., противъ принятаго въ бюджетѣ, близко представляетъ то превышеніе дѣйствительнаго поступленія передъ исчисленіемъ росписи, какое показано въ отчетѣ по дѣйствительному исполненію росписи 1873 года (25.958,580). Приѣмъ при составленіи росписей у министерства финансовъ остался прежній, и мы вправѣ предполагать, что доходовъ и въ 1875 году поступитъ на 26 милл. болѣе, чѣмъ имъ исчислено, а это и подтверждаетъ предположенную нами выше цифру обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ на 1875 годъ въ 577 милл. рублей. И мы допускаемъ осторожность въ исчисленіяхъ, только уже осторожность не въ виду стремленій прочихъ ведомствъ къ перетребованію противъ смѣты, а осторожность для безошибочности нашихъ исчисленій, въ виду сомнѣній контроля въ „презирной упругости финансовыхъ средствъ страны“. Мы допускаемъ, что доходы могутъ возрасти уже въ нѣсколько меньшемъ противъ прежняго размѣрѣ, и принимаемъ возрастаніе доходовъ за годы 1874—1875 не по 13 милл., но уже только по 11 милл. р. въ годъ—и все-таки получаемъ цифру 577 милл. р. обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ 1875 года; принимать, что она окажется ниже,

нѣтъ рѣшительно никакого основанія. Это значило бы уже нагѣренно понижать ее въ виду какихъ-нибудь искусственныхъ бюджетныхъ цѣлей.

Перейдемъ теперь къ предусмотрѣннѣмъ расходамъ. Цифра обыкновенныхъ и оборотныхъ расходовъ на 1875 годъ опредѣлена росписью въ 548 милл.; этой цифры мы измѣнить не можемъ, такъ какъ она опредѣлена по размѣрамъ признанныхъ отдѣльными смѣтами потребностей. Но мы знаемъ также, что могутъ представиться настоятельными нужды, непредвидѣнныя смѣтами; мало того, мы примемъ во вниманіе, что цифра сверхсмѣтныхъ расходовъ за 1873 годъ представляла уже нѣкоторое уменьшеніе противъ предшествовавшихъ лѣтъ: она была за 1873 годъ въ 26.367,822 р., между тѣмъ какъ въ 1872 году она составляла 34.488,164 р., въ 1871 году—35.698,066 р., въ 1870 г.—35.801,426 р., въ 1869 г.—37.181,880 р. Въ виду такого относительно-благопріятнаго результата 1873 года, мы должны принять, что уже дѣлалось усиліе къ ограниченію сверхсмѣтныхъ требованій, и потому предполагаемое нами уменьшеніе ихъ вдвое, при помощи энергическаго усилія, исчислимъ не по суммѣ сверхсмѣтныхъ ассигнованій 1873 года, но противъ наибольшей суммы ихъ, соответствовавшей 1869 году. Сочтемъ, что цифра ихъ въ 1869 году требованія сокращенія на-половину, т.-е. примѣрно на 18½ милл., что въ теченіи трехъ послѣдующихъ годовъ осуществлено уменьшеніе на около 11 милл. р. (26 м. 1873 года въ сравненіи съ 37 м. 1869 г.); затѣмъ предстоитъ въ 1875 году осуществить уменьшеніе еще на остальные 7½ милл. р., что очень возможно, такъ какъ съ 1872 на 1873 годъ оказалось же возможнымъ уменьшить въ одинъ годъ сверхсмѣтныя ассигнованія почти на 8 милл. р. Такимъ образомъ, мы допустимъ для 1875 года вѣроятность сверхсмѣтныхъ расходовъ на 26 милл. р. 7 мил. рублей, т.-е. на 19 милл. р., и внесемъ эту цифру въ наше бюджетное исчисленіе. Въ соединеніи съ итогомъ обыкновенныхъ и оборотныхъ расходовъ, предположенныхъ росписью въ 548 милл. р., цифра 19 милл. даетъ 567 милл. рублей. Временные расходы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ имъ соответствуетъ совершенно зависящій отъ усмотрѣнія размѣръ ассигнованія изъ чрезвычайныхъ ресурсовъ желѣзнодорожнаго фонда. Мы предполагаемъ, стало быть, обыкновенныхъ, оборотныхъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ на 567 милл. рублей, а обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ предвидимъ на 577 миллионъ рублей. Оказывается излишка въ доходахъ на 10 милл. рублей, которые могли бы быть употреблены на пониженіе податей. Хотя наши цифры совсѣмъ иныя, чѣмъ цифры росписи, но нашъ балансъ совершенно совпадаетъ

съ ея балансомъ: къ 3 милл. превышенія въ доходахъ, предполагаемаго росписью, прибавьте предполагаемое нами уменьшеніе на 7 милл. сверхсѣтныхъ расходовъ, и вотъ получится 10 милл. р. превышенія, которое мы предполагаемъ. Это совпаденіе баланса между цифрами, выведенными совершенно инымъ способомъ, заставляетъ насъ предполагать, что само министерство финансовъ составило свой балансъ изъ цифръ гораздо меньшихъ, чѣмъ наши—въ виду такихъ цифръ, которыя похожи на наши; однимъ словомъ, министерство финансовъ само имѣетъ въ виду, для собственнаго своего соображенія, бюджетный расчетъ, котораго цифры недалеки отъ нашихъ. Въ росписи оно показываетъ другія, меньшія цифры, вѣроятно для того, чтобы не поощрять разныя вѣдомства къ расточительности. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что сверхсѣтныя ассигнованія всегда бываютъ и что для покрытія ихъ найдутся средства, потому что доходовъ должно поступить болѣе, чѣмъ сколько показано по росписи. А такъ какъ подобное ожиданіе основывается на совершенно-неопредѣленныхъ соображеніяхъ, то оно и можетъ скорѣе способствовать увеличенію сверхсѣтныхъ требованій, чѣмъ его уменьшенію. Гораздо лучше было бы, по нашему мнѣнію, точно согласовать роспись съ дѣйствительностью, и затѣмъ уже сдѣлать роспись безусловно-обязательною при помощи опредѣленнаго въ ней максимума сверхсѣтныхъ расходовъ. Въ сдѣланномъ нами расчетѣ, несмотря на 10 милл. избытка доходовъ, отчислено на удовлетвореніе сверхсѣтныхъ потребностей 19 милліоновъ рублей. Неужели же, при правильномъ хозяйствѣ и строгой разборчивости въ разрѣшеніи ассигнованій на непредвидѣнныя нужды, цифра эта не была бы слишкомъ достаточна? Но для того, чтобы изъ нея не выдти, а наоборотъ, еще сколько возможно понизить ее при исполненіи, слѣдовало бы уже, конечно, разрѣшать сверхсѣтныя кредиты только на въ самомъ дѣлѣ настоятельныя нужды, а не на прихоти скорѣйшаго осуществленія какой-нибудь административной мысли, какъ то зачастую бываетъ. Лучшею гарантіею строгости въ разборѣ такихъ требованій и было бы опредѣленіе для нихъ общаго максимума; высшее учрежденіе, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе сверхсѣтныхъ кредитовъ, знало бы, что за истощеніемъ этого максимума не осталось бы уже ни одного сколько-нибудь вѣроятнаго милліона рублей на могущія внезапно возникнуть непредвидѣнныя нужды, такъ какъ на баснословное возрастаніе доходовъ внѣ росписи, такъ сказать, поверхъ росписи, нечего бы уже было рассчитывать; оно уже было бы все утвено въ самой росписи. Это соображеніе несомнѣнно побуждало бы во возможности „оттягивать“ истощеніе годового фонда на чрезвычайныя нужды, и результатомъ такого полезнаго „оттягиванія“ и

оказалось бы, что и къ заключенію смѣтнаго періода въ этомъ фондѣ уцѣлѣлъ бы какой-нибудь милліонъ, оставленный на всякій случай про запасъ.

Само собою разумѣется однако, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и 14—20 милліоновъ рублей сверхсмѣтныхъ расходовъ на 525 милл. расходовъ предвидѣнныхъ (не считая оборотныхъ) все еще слишкомъ много; эта цифра еще не можетъ быть признана нормальною и должна быть сокращаема въ послѣдующіе годы и мѣрѣ возможности. Если возьмемъ счетъ сверхсмѣтныхъ расходовъ въ отчетѣ контроля за 1873 годъ, то найдемъ, что только малая часть ихъ имѣютъ характеръ дѣйствительно вызванныхъ исключительными обстоятельствами, а именно всего 7.051,508 р. изъ всего итога 26.367,083. Допустимъ, что къ приведеннымъ семи милліонамъ могутъ рационально быть причислены еще до 800 т. р. на пособія выданныя вслѣдствіе неурожая, пожаровъ и т. п., и 720,426 р., полученныхъ особымъ назначеніемъ по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Но вѣдь все это составляетъ не больше 8½ милл. р. На что же потребовались остальные 18 милліоновъ? Главную часть ихъ (10.858,261 р.) составила прибавка къ такимъ расходамъ, которые по смѣтамъ исчисляются въ приблизительномъ размѣрѣ, и тѣмъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и „другихъ обстоятельствъ“, оказались недостаточными. Итакъ, здѣсь проявляется просто недостатокъ предвидѣнія при составленіи смѣты, ошибка, быть можетъ, не всегда невольная, такъ какъ составители смѣты думаютъ, что лучше для сокращенія общаго итога уменьшать смѣты на потребности продовольствія, чѣмъ жертвовать какими-нибудь другими расходами, вовсе исключая ихъ изъ смѣты; вѣдь на прибавку къ продовольствію всегда дадутъ сверхсмѣтныя средства, такъ какъ нельзя же прекратить продовольствія или хотя бы дѣйствіе контрактовъ на его поставку. Далѣе, на новыя постройки и „другія операціи“ потребовалось сверхсмѣтно болѣе 2 милл. рублей; между тѣмъ, никакихъ построекъ, непредвидѣнныхъ смѣтами, производить не слѣдуетъ, кромѣ такихъ случаевъ, которые входятъ въ категорію совершенно исключительныхъ. Остальная часть сверхсмѣтныхъ ассигнованій, около 16 милл. рублей, разрѣшена была въ 1873 году на слѣдующія потребности: на платежи по государственнымъ займамъ, выдачу содержанія чиновникамъ, оставленнымъ за штатомъ, содержаніе вновь открытыхъ правительственныхъ учреждений и увеличеніе штатовъ существовавшихъ учреждений, производство добавочнаго жалованья, награды, пособія и ссуды чиновникамъ, награды войскамъ. Ясно, что почти всѣ такія потребности не могли представлять соединенныхъ условій непредвидимости и неотложности. Самъ контроль

замѣчаетъ, что сверхсѣтныя расходы на содержаніе вновь открываемыхъ учреждений и увеличеніе штатовъ не должны бы были допускаться, такъ какъ ихъ легко или предвидѣть въ свое время, или отсрочивать. Относительно такихъ же ассигнованій на прибавку къ расходамъ, исчисленнымъ приблизительно на постройки, контроль указываетъ въ сравнительномъ пониженіи ихъ цифры за 1873 годъ признаетъ болѣе точнаго опредѣленія по сѣтамъ. Вотъ почему, говоря выше о возможности сокращенія суммы сверхсѣтныхъ расходовъ на-половину, мы должны были признать, что такого сокращенія нельзя сдѣлать въ теченіи одного года: въ томъ-то и дѣло, что самыя сѣты составляются не такъ точно, какъ бы слѣдовало и именно потому, что есть основательная надежда на добавочныя ассигнованія, сверхъ сѣтъ, если и не въ неограниченномъ, то во всякомъ случаѣ въ неопредѣленномъ размѣрѣ. Сверхсѣтныя суммы, которыя были вытребованы въ 1873 году специально вслѣдствіе неточности сѣтъ по только-что указаннымъ статьямъ, составляли однѣ до 13 милл. въ сложности. Это и представляетъ ровно половину всей цифры сверхсѣтныхъ ассигнованій 1873 года. Стало бытъ, для того, чтобы сократить эту сумму до половины, было бы достаточно со всевозможной точностью опредѣлять сѣты, уменьшая общіе итоги исключеніемъ дѣльныхъ потребностей, которыя не особенно настоятельны, а не произвольнымъ пониженіемъ суммъ по такимъ потребностямъ, которыя неизбѣжны и которыя, вслѣдствіе подобнаго приѣма, вызываютъ сверхсѣтныя надбавки, не могущія подлежать отказу. Но такая переработка отдѣльныхъ сѣтъ не можетъ быть произведена въ теченіи одного года, потому что она не можетъ явиться результатомъ одного предписанія: ее могла бы вызвать только практика въ дѣятельности того высшаго учрежденія, которое, разрѣшая сверхсѣтныя отпуска, могло бы съ настойчивостью отклонять всѣ требованія, допускающія отсрочку, а случаи недостатка сѣтныхъ суммъ по такимъ потребностямъ, которыя исчисляются въ приблизительномъ размѣрѣ—ставить каждый разъ на видъ подлежащимъ вѣдомствамъ. Только такая настойчивая практика могла бы внушить отдѣльнымъ вѣдомствамъ убѣжденіе, что сѣты слѣдуетъ составлять со всевозможнымъ приближеніемъ къ дѣйствительнымъ ожиданіямъ, и что рассчитывать на сверхсѣтныя отпуска невыгодно. Мы думаемъ, что для установленія подобной практики много помогло бы включеніе въ бюджетъ суммы на сверхсѣтныя (чрезвычайныя) расходы въ видѣ максимума, не подлежащаго превышенію ни въ какомъ случаѣ. Тогда государственный совѣтъ, имѣя въ своемъ распоряженіи только опредѣленную сумму для покрытія всѣхъ добавочныхъ ассигнованій въ теченіи года, естественно побуждался бы охра-

нять максимумъ, чтобы изъ него не выдти. Совсѣмъ иначе представляется дѣло теперь, когда никакого максимума не опредѣлено, и хотя и принято за правило уменьшать сверхсметныя ассигнованія, но для покрытія ихъ представляется источникъ совершенно неопредѣленный, какъ бы официально не существующій: ежегодное превышеніе дѣйствительнаго поступленія доходовъ противъ бюджетнаго исчисленія ихъ суммы. Въ самыхъ преніяхъ, происходящихъ въ нашемъ высшемъ учрежденіи при обсужденіи сверхсметныхъ требованій, можно ссылаться только на цифры и данныя официально-существующія; нельзя же ссылаться на гадательный избытокъ поступленій и требовать охраненія его отъ сверхсметныхъ перетребованій. Да наконецъ, повторяемъ, размѣръ его (до 26 милл. р.) все-таки слишкомъ великъ, чтобы можно было допускать сверхсметныя потребности до этой цифры. Она непременно должна подлежать ежегодному сокращенію и обратиться чрезъ нѣсколько лѣтъ—при соблюденіи правильности и отсутствіи чрезвычайныхъ событій—въ половину нынѣшняго своего размѣра, что—какъ показано—можетъ быть осуществлено уже посредствомъ одного болѣе точнаго составленія сметы.

Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что въ нашей финансовой практикѣ къ уменьшенію сверхсметныхъ расходовъ употреблены иные приемы, указывающіе на совершенно иной путь. Осуществленіе надежды по уменьшенію сверхсметныхъ ассигнованій ожидается отъ установленныхъ въ 1873 году правилъ о нормальныхъ сметкахъ военнаго и морского министерствъ, правилъ, по которымъ кредиты этихъ вѣдомствъ безусловно возвышены на пятилѣтіе 1874—1878 годовъ, но съ тѣмъ, чтобы эти министерства не имѣли уже права испрашивать сверхсметныхъ ассигнованій. Въ силу этихъ правилъ, въ бюджетѣ на 1875 г. военному министерству ассигнуется на чрезвычайные расходы и въ запасной фондъ около 15 милл. р., а морскому министерству около 700 т. рублей. Это есть нѣчто въ родѣ страховой преміи, которую платитъ государственное казначейство военнымъ вѣдомствамъ съ тѣмъ, чтобы охранить себя отъ ихъ сверхсметныхъ требованій. Подъ влияніемъ такого страхованія, не будетъ ничего удивительнаго, но и ничего особенно утѣшительнаго, если общая сумма сверхсметныхъ ассигнованій изъ государственнаго казначейства, начиная съ слѣдующаго же контрольнаго отчета, и уменьшится. Такое сокращеніе будетъ совершенно призрачное и къ контрольному итогу сверхсметныхъ требованій за 1875 г. придется прибавить 15 милл. рублей, чтобы получить реальную его цифру. Можно было бы, пожалуй, совершенно устранить всѣ сверхсметныя ассигнованія, предоставивъ подобныя же прибавки, въ видѣ страховых пре-

цій, и всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ. Напримѣръ, министерство финансовъ, которое въ 1873 году потребовало противъ смѣты, на собственные свои надобности, 2.310,130 р., могло бы застраховать отъ амого себя государственное казначейство, прибавивъ эту сумму къ вонимъ смѣтамъ, начиная съ 1876 года. То же самое могли бы сдѣлать и другія вѣдомства. Тогда, въ концѣ-концовъ, получился бы слѣдующій результатъ: сверхсмѣтныхъ ассигнованій по наружности овсе бы не было, и въ бюджетѣ пришлось бы показывать весь доходъ, ожидаемый въ дѣйствительности, для избѣжанія 26-ти-милліоннаго дефицита въ бюджетномъ балансѣ. Но въ дѣйствительности кся сумма „непредвидѣнныхъ“, штатами неопредѣленныхъ, расходовъ стала бы прежняя, только разрѣшеніе ихъ въ значительной мѣрѣ ускользнуло бы изъ рукъ государственнаго совѣта, ставъ въ болъшую, чѣмъ нынѣ, зависимость отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ вѣдомствъ. Правда, государственный совѣтъ все-таки могъ бы сокращать смѣты, доводимыя вѣдомствами до указанной предѣльной цифры, и отъ него зависѣло бы разрѣшать или не разрѣшать передвиженіе кредитовъ между параграфами отдѣльныхъ смѣтъ. Но сокращать смѣты, въ которыхъ являлся бы по каждому вѣдомству запасный фондъ, не такъ легко, какъ устранять требованія сверхсмѣтныхъ расходовъ, когда такія требованія являются въ своемъ натуральномъ видѣ, представляя собою все то, что не могло быть внесено въ смѣты за неимѣніемъ на то штатнаго опредѣленія или вообще законнаго основанія. Вотъ почему этотъ путь къ сокращенію итога сверхсмѣтныхъ ассигнованій представляется намъ въ значительной степени призрачнымъ. Во всякомъ случаѣ, было бы гораздо рациональнѣе и удобнѣе не ослаблять, но усиливать дѣйствительный контроль государственнаго совѣта надъ всѣми расходами, не истекающими изъ законныхъ штатовъ и не обусловленными смѣтными правилами. Такое желательное усиленіе контроля со стороны высшаго законодательнаго учрежденія могло бы быть достигнуто, еслибы сверхсмѣтныя ассигнованія не проникали въ смѣты подъ видомъ запасныхъ фондовъ или непредвидимыхъ расходовъ, были оставлены въ своемъ ясномъ, опредѣленномъ значеніи, и еслибы въ распоряженіе государственнаго совѣта предоставлена была бы нормальная сумма, въ видѣ безусловнаго максимума, на покрытіе всѣхъ, дѣйствительно непредвидимыхъ и неотложныхъ расходовъ года. Затѣмъ, какъ уже сказано, этотъ максимумъ можно было бы постепенно и ежегодно понижать по мѣрѣ болъе точнаго, болъе отеровеннаго составленія смѣтъ, на законномъ основаніи, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ довести этотъ максимумъ примѣрно до половины итога сверхсмѣтныхъ рас-

ходовъ 1873 года, то-есть до 13 милл. рублей, что возможно предполагать уже на основаніи данныхъ контрольнаго отчета за этотъ годъ.

Говоря о бюджетномъ хозяйствѣ, мы оставляемъ на этотъ разъ въ сторонѣ вопросы, относящіеся къ общему положенію финансовой системы: объ обнаружившемся за послѣдніе отчетные годы ослабленіи въ возрастаніи доходовъ, о бумажно-денежномъ обращеніи и о необходимости преобразованія податной системы съ цѣлью облегченія прямыхъ податей. Объ этихъ вопросахъ уже упоминалось въ предшествующемъ „Внутреннемъ обзорѣн“. Не касаясь теперь дѣятельности податной комиссіи, обратимся къ другой правительственной комиссіи, дѣятельно работающей въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, надъ проектомъ положенія о наймѣ рабочихъ и прислуги. Въ комиссіи этой, какъ извѣстно, участвуютъ, кромѣ правительственныхъ членовъ, и представители земствъ. Комиссія эта уже обсудила общія положенія проекта. По общему обычаю всѣхъ нашихъ проектовъ, проектъ устава о наймѣ страдаетъ излишкомъ полноты. Какъ во всѣхъ нашихъ уставахъ, въ него сочли нужнымъ ввести повтореніе всѣхъ положеній общаго законодательства относительно права вступленія въ договоры, какъ будто недостаточно согласовать каждый уставъ съ общимъ законодательствомъ, но еще необходимо включать въ общія положенія законовъ въ отдѣльные уставы; сверхъ того, также по обычаю, въ проектъ устава о наймѣ включены постановленія обязательныя или представляющія альтернативу, упоминаніе о которой казалось бы излишне. Такъ, напр., для чего устанавливать, что договоръ по найму можетъ быть заключаемъ письменно или словесно, съ однимъ или съ нѣсколькими лицами, на опредѣленный срокъ или безъ опредѣленія срока, на всѣ работы, относящіяся къ извѣстному виду найма или только на нѣкоторыя? Для чего нужны такія опредѣленія, или еще такія, которыми устанавливается, что заключать договоры могутъ только лица, имѣющія право заключать договоры? Недостаетъ еще, чтобы въ уставѣ о наймѣ „постановлялось“, что наниматься могутъ лица, жительствующія въ той же мѣстности или приходящія, или же пріѣзжающія изъ другихъ мѣстностей, безъ различія, прибываютъ ли они пѣшкомъ или на лошадяхъ, или же на желѣзныхъ дорогахъ, лишь бы по закону имъ принадлежало право пребыванія въ мѣстности найма и т. п. Спеціальныи уставъ долженъ быть согласованъ съ общимъ законодательствомъ, но содержать въ себѣ долженъ только такія постановленія, которыхъ въ общихъ законахъ нѣтъ, такъ какъ онъ долженъ служить только дополненіемъ

къ общимъ законамъ. Въ числѣ общихъ положеній о наймѣ только весьма немногія вызываются именно особенностями вступленія въ договоры по найму. Таковы постановленія, соотвѣтствующія вопросамъ: о защитѣ правъ малолѣтнихъ, о рабочихъ книжкахъ и ихъ отношеніи къ паспортамъ. Надо отдать комиссіи справедливость въ томъ, что большинствомъ ея членовъ обнаружено стремленіе къ челоуѣчности и къ охраненію интересовъ не однихъ нанимателей, но и рабочихъ. Такъ, большинство высказалось за запрещеніе найма на работы дѣтей моложе 12-ти лѣтъ, за исключеніемъ для нѣкоторыхъ видовъ полевыхъ работъ; установило, что договоръ по найму вообще не можетъ простирается на срокъ свыше 5-ти лѣтъ, а для лицъ, недостигшихъ совершеннолѣтія и нанимающихся безъ согласія родителей или опекуновъ, на срокъ долѣе 1-го года, и высказалось противъ той статьи проекта, которою воспрещался наемъ рабочихъ безъ видовъ, замѣнивъ его однимъ запрещеніемъ жительства у нанимателей лицамъ, видовъ неимѣющимъ,—что, сказать мимоходомъ, представляетъ опять излишнее опредѣленіе, такъ какъ паспортныя правила существуютъ отдѣльно отъ устава о наймѣ. Важнѣйшимъ результатомъ преній комиссіи собственно по этому вопросу было замечаніе министра государственныхъ имуществъ, что онъ доведетъ до свѣдѣнія государственнаго совѣта мнѣніе комиссіи о бесполезности паспорта при рабочей книжкѣ, что можетъ послужить матеріаломъ при преобразованіи паспортной системы. Можно бы пожелать, чтобы ограниченіе срока договоровъ по найму однимъ годомъ было установлено не только для несовершеннолѣтнихъ, вступающихъ въ договоры безъ согласія родителей, но и для несовершеннолѣтнихъ, вступающихъ въ договоры съ согласія родителей, и въ особенности для малолѣтнихъ, за которыхъ сами родители заключаютъ подобныя договоры. Тиранія ремесленныхъ мастеровъ надъ дѣтьми есть нѣчто крайне-возмутительное, и необходимо облегчить родителямъ возможность избавлять своихъ дѣтей отъ кабалы, предоставивъ, сверхъ того, мировымъ судьямъ немедленно прекращать силу договоровъ до срока, въ случаѣ желанія родителей принять дѣтей къ себѣ, если доказанъ фактъ дурного обращенія съ ними мастеровъ и подмастерьевъ. Что касается признанной большинствомъ комиссіи обязательности рабочихъ книжекъ, то мы не можемъ присоединиться къ мнѣнію большинства. Рабочія книжки во всякомъ случаѣ вводятъ въ договоръ о наймѣ неравенство условій между договаривающимися сторонами. Можетъ быть полезно, чтобы хорошій работникъ имѣлъ возможность рекомендовать себя хорошими аттестаціями, но нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы безъ представленія рабочей

книжки работникъ не имѣлъ права наниматься, а также, чтобы наниматель не имѣлъ права взять челоуѣка безъ рабочей книжки. С какой цѣлью нужно насиловать волю самого нанимателя, не говорю уже о существенныхъ интересахъ нанимающихся.

Отъ работниковъ, занимающихся ручнымъ трудомъ, перейдемъ къ работникамъ иного рода, которые также вступаютъ въ своего рода обязательства по найму, а именно къ ученымъ юристамъ, которые принимаютъ на себя, за вознагражденіе, служить повѣренными частнымъ лицамъ предъ судомъ, вести ихъ судебныя дѣла.

Одну изъ курьёзнѣйшихъ вещей, какія появлялись въ нашей печати за послѣднее время, представила по этому поводу напечатанная въ „Голосѣ“ въ прошломъ мѣсяцѣ статья г. Евгенія Маркова, подъ заглавіемъ: „Софисты XIX вѣка“. Она появилась какъ разъ вслѣдъ за тою статьею „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ всѣ русскіе литераторы, пишущіе, конечно не въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и не въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ ихъ отпрысками въ Петербургѣ, названы были „мошенниками пера“ и „разбойниками печати“. Не знаемъ, что думалъ г. Марковъ о такомъ отзывѣ, посылая свою статью не къ г. Каткову и его сателлитамъ; но вѣрно одно, что онъ самъ распорядился съ русскими адвокатами по рецепту, составленному г-мъ Катковымъ для русскихъ литераторовъ, и даже можетъ сказать, пошелъ далѣе своего образца и достигъ нѣкоторой оригинальности. Съ точки зрѣнія фельетонной можно бы поблагодарить г. Маркова за то, что въ наше время, когда все сглаживается, когда замѣчается такъ мало оригинальности во всѣхъ проявленіяхъ жизни, онъ рѣшился выступить оригиналомъ, моралистомъ и философомъ въ родѣ г. Каткова или того „метафизика“, который для того, чтобы выльзть изъ ямы, требовалъ усовершенствованнаго орудія, презирая „вервие простое“. Въ самомъ дѣлѣ, г. Марковъ весьма оригиналенъ, но оригиналенъ только по своимъ приемамъ, а не по цѣли. Цѣль его, напротивъ, весьма обыденная, даже... vulgar (замѣнимъ русское слово англійскимъ, по примѣру Пушкина). У насъ встрѣчаются еще во множествѣ люди, которые съ сочувственнымъ сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда при „заглазномъ судѣ и канцелярской тайнѣ“, они „тайкомъ приносили 25 рублей“, и обращались къ ходатаямъ съ просьбою: „возьмите, голубчикъ, пятеричокъ; устройте мнѣ всю эту штуку“. Господствовала взятка, но въ обыкновенныхъ дѣлахъ взятка была небольшая, и судъ обходился дешевле, чѣмъ теперь при нотаріатѣ и адвокатурѣ, когда требуются сотни рублей, хотя въ нихъ и дается

росписки, и все дѣло представляетъ уже не взятку, но „добровольный и совершенно открытый договоръ“. Такихъ воздыхателей неприятно поражаетъ въ новомъ судѣ даже внѣшняя обстановка адвокатовъ: чистое бѣлье, „фражъ модной вырѣзки“, „золотой pinse-pez“, карета, даже „молодая, красивая жена“, которая ѣздитъ на „очень красивыхъ и очень дорогихъ лошадяхъ“. Какъ ни прикидываются добродушными простачками подобные воздыхатели о 25-ти-рублевой и „пятирѣчковой юстиціи“: „мы-де народъ простой, незнакомый съ интрижными изворотами права, привыкли всѣ дѣла вести на чистоту и вещи называть ихъ собственными именами“—но добродушіе не исключаетъ въ нихъ злобы. Простачками они прикидываются только для того, чтобы имъ извинили крупную брань, которая и свидѣлствуетъ только о томъ, сколько злобы таилось у нихъ подъ личиною добродушія. Нужно быть, въ самомъ дѣлѣ, задѣтымъ новыми порядками за живое, чтобы въ цѣлое учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ бросить такой бранью, какою разразился авторъ, и какая можетъ возбудить зависть въ самомъ г-нѣ Катковѣ, который не зналъ до сихъ поръ соперниковъ въ „взящной“ литературѣ этого сорта: „Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправдѣ“, „длиническое прелюбодѣяніе мысли“, „наемничество мысли“, „адвокатура вноситъ раслѣбніе въ міръ нравственный“, это „язва 70-хъ годовъ“; адвокаты, это—„камелии права“, тѣ же наемные bravi. Считаю недостаточными столь элегантно выраженія, взятая изъ вилетъ, авторъ погулялъ еще около тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно услышать бранныя слова чисто русскія, національныя, и преподнесъ нашимъ присяжнымъ повѣреннымъ еще букетъ изъ цвѣтовъ народнаго краснорѣчія: „брехачи, брехунцы, проваты, двукаты, трехпрокаты“.

Съ какой цѣлью это дѣлается? Г. Евгений Марковъ объявляетъ самъ, что „вовсе не проповѣдуетъ уничтоженія адвокатуры“, онъ признаетъ, что „она можетъ быть даже полезна и нужна въ извѣстныхъ (?) случаяхъ“, и сознаетъ, что „адвокатура не есть сила, исключительно властвующая въ области суда“, что „судъ, прокуроръ, присяжные — всѣ эти силы обуздываютъ адвокатуру и нерѣдко совершенно уничтожаютъ ея вліяніе“. Даже говоря о „вредѣ“ адвокатуры, авторъ, по его увѣренію, „не столько разумѣетъ осуществившійся вредъ, сколько стремленіе къ вреду“. Спрашивается, какую же цѣль имѣетъ вышеприведенный акаемистъ? Г. Марковъ оговаривается, что „не только не имѣетъ ничего противъ новаго суда, но даже положительно принадлежитъ къ числу его всегдашнихъ сторонниковъ“. Итакъ, авторъ объявляетъ себя сторонникомъ новаго суда, сознаетъ, что судъ не подвластенъ же исключительно адвокатамъ, не требуетъ

уничтоженія адвокатуры, признаеть за нею даже нѣкоторую пользу, а между тѣмъ излиываетъ на нее цѣлый потокъ книжной и военнаго брани. При этомъ, по его увѣренію, цѣль его только та, чтобы „размежеваться“ съ адвокатами, этими продажными Фринами, „очистить свой станъ отъ ряженныхъ“, съ тѣмъ, „чтобы имъ было нѣма, а намъ—наше“. Но кто же таковой это „мы“, и каково это собирательное „наше имя“, котораго авторъ лишаетъ адвокатовъ? Есть ли это имя строгихъ безсребренниковъ, аскетовъ истины и свободы, презирающихъ всякую корысть за то, что она корысть, всякую службу по найму за то, что она служба, требующая жертвы личной воли, а нерѣдко и увѣженій? Но въ такомъ случаѣ, почему же обличительный вопль новаго Іереми, раздавшійся въ стѣнахъ преданной рабскимъ утѣхамъ и ворысти Ниневіи, направленъ именно противъ современныхъ адвокатовъ? Можно ли сказать, что среди всѣхъ окружающихъ насъ условий, среди приниженія и любостязанія, виднѣйшими представителями золь являются адвокаты, хотя бы только тѣ недостойные адвокаты, отъ которыхъ сами собратьи ихъ отворачиваются съ презрѣніемъ?

Не говоря о дѣятеляхъ на разныхъ поприщахъ эсплуатаціи и любостязанія, прикрывающихся народною пользою и иногда живого либеральностью, развѣ въ средѣ самихъ нашихъ „внижниковъ и фарисеевъ“ недостойные адвокаты являются, въ самомъ дѣлѣ, крупнѣйшими и вреднѣйшими представителями зла? Пророкамъ общественной нравственности и простора человѣческой личности, очевидно, предстояло бы въ наше время „очистить станъ“ отъ весьма многого, болѣе вреднаго, чѣмъ худшій сортъ адвокатуры, „размежевываться“ со многими категоріями дѣателей прежде, чѣмъ перейти даже къ тѣмъ адвокатамъ, отъ которыхъ желательно было бы „отмежеваться“. Почему же г. Марковъ началъ именно съ адвокатовъ, сведя ихъ всѣхъ вмѣстѣ подъ свой бичъ, и на нихъ окончивъ свое бичеваніе общественныхъ золь? Ясно, что побуждался онъ къ тому не „строгой моралью“, но чѣмъ-либо инымъ, и что то собирательное „имя“, тотъ „станъ“, которыхъ онъ явился представителемъ, сами представляютъ нѣчто болѣе конкретное, чѣмъ сферу абсолютнаго исканія истины и нравственности. А такъ какъ авторъ лишилъ насъ права приписывать ему какую-либо практическую цѣль, объявивъ, что не желаетъ уничтоженія адвокатуры и даже принадлежитъ къ сторонникамъ новаго суда, то мы не можемъ видѣть въ его статьѣ ничего, кромѣ невольнаго вздоха о временахъ минувшихъ, объ былыхъ временахъ 25-ти и пятаеричковой диспенсаціи правосудія. Собирательное „наше имя“ и „нашъ станъ“ г. Маркова, повидимому,—имя и станъ

„невольныхъ воздыхателей“. Они сторонники новаго суда, они не проповѣдуютъ уничтоженія независимаго сословія присяжныхъ повѣренныхъ, но... ахъ!.. какъ скоро и удобно обдѣльвались дѣла въ то время, когда можно было „пронести тайкомъ“ кредитныя бумажки въ храмъ Ѳемиды! Правда, и въ то время богиня не довольствовалась цвѣтами, но требовала тучныхъ быковъ и тонкорунныхъ овецъ; и въ то время существовали адвокаты-ходатаи, и наживали себѣ большія состоянія такими дѣлами, за которыя имъ, наконецъ, воспрещался иногда вѣздъ въ столицы. Но, во-первыхъ, это не происходило такъ на виду у всѣхъ, стало быть, тутъ не было соблазна; а во-вторыхъ, прежніе адвокаты не пользовались „наукой, религіею, моралю какъ декораціями“, не профанировали „чистыхъ плодовъ, созрѣвшихъ въ великихъ умахъ и глубокихъ сердцахъ“, ни „словъ евангелія, ни насмѣшки Вольтера“, чтобы дѣйствовать ими какъ доводами на судъ, въ видѣ „перемѣнчивыхъ декорацій“. Нѣтъ, тѣ, прежніе адвокаты-ходатаи не совершали всей этой дезекраціи, они въ ней не нуждались: ихъ доводы были болѣе вѣскаго свойства, ихъ привошенія Ѳемидѣ были болѣе достойны великолѣпія ея храма; они были безмолвны, но ихъ молчаніе было въ самомъ дѣлѣ золотое, и въ сравненіи съ нимъ никакое профанируемое слово науки или морали не только серебра, но ничего не стобить. Это все—одни цвѣты краснорѣчія, и многіе теперь являясь у подножія богини въ роли Калхаса, невольно сожальютъ и издѣваются: *trop de fleurs*, „скоропечатная фабрика доводовъ“, говорятъ они. Да, дѣйствительно скоропечатная: доводы прежнихъ адвокатовъ могли печататься только въ особой экспедиціи заготовленія.

Авторъ весьма любезно допускаетъ, что нынѣшняя адвокатура не есть сила исключительно-властвующая въ области суда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по его словамъ, сущность нынѣшней адвокатской дѣятельности состоитъ въ томъ, что „адвокатура помогаетъ богатому притѣснять бѣднаго“. Это послѣднее положеніе г. Марковъ, конечно, понимаетъ въ такомъ смыслѣ, что богатый можетъ поручить свое дѣло адвокату болѣе извѣстному, болѣе талантливому, чѣмъ адвокатъ средней руки, къ какому можетъ обратиться бѣдный, во всякомъ случаѣ болѣе опытному, чѣмъ самъ бѣдный истецъ, еслибы онъ долженъ былъ обойтись совсѣмъ безъ адвоката и вестъ дѣло самъ. Мы оставимъ теперь въ сторонѣ факты, что извѣстнѣйшіе талантливѣйшіе адвокаты являются защитниками неимущихъ подсудимыхъ даромъ, по назначенію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по собственному желанію. Обратимся къ сферѣ судопроизводства гражданского, въ которомъ гораздо больше проявляется указанное неравен-

ство, чѣмъ въ области уголовной, хотя г. Марковъ преимущественно останавливается на послѣдней. Но и въ области гражданскихъ исковыхъ дѣлъ, во-первыхъ, совершенно невѣрно ставить общимъ правиломъ, что большинство даровитѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ берутся за дѣла вопіющія, если только за веденіе ихъ обѣщано высокое вознагражденіе. Допустимъ даже, что любой изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ откажется вести дѣло бѣдняка, какъ бы справедливо оно ни было, какъ врачъ, за которымъ бѣгаетъ весь городъ, не станетъ дѣлать визиты за рубль. Но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что виднѣйшіе представители новой адвокатуры за высокое вознагражденіе пойдутъ помогать богатому ограбить бѣднаго. Это—неправда. Но сущность вопроса и состоитъ не въ этомъ. Сущность вопроса, котораго по наружности глубокомысленно, а въ дѣйствительности весьма легко коснулся авторъ, заключается въ томъ, что у богатаго и у бѣднаго въ социальной борьбѣ вообще силы не равны. На это неравенство можно взирать съ различныхъ точекъ зрѣнія, смотря потому, какая система общественнаго быта считается нами идеальной: системъ конкуренціи, или система регламентаціи. Но одно отношеніе къ дѣлу будетъ уже вполне нераціональное, именно то, которое состоитъ въ произвольномъ клейменіи безнравственностью одной категоріи дѣтелей въ нынѣшнихъ условіяхъ общественнаго быта, безъ всякаго соображенія о томъ, какова ихъ реальная, то-есть относительная цѣнность, по сравненію съ тѣмъ, что было до нихъ и что могло бы быть безъ нихъ. Допустимъ, что признанной адвокатуры не существуетъ, что по закону каждый самъ ведетъ свое дѣло. Ясно, что человѣкъ безграмотный, не имѣющій понятія о законахъ и срокахъ, можетъ и тогда проиграть справедливѣйшее дѣло; что бѣдный, который не имѣетъ средствъ ѣхать, можетъ быть за нѣсколько сотъ верстъ, къ суду, гдѣ рѣшается его дѣло, находится въ неравныхъ условіяхъ съ человѣкомъ богатымъ, который располагаетъ средствами и временемъ, можетъ ознакомиться съ законами и безъ помощи адвоката. Такого неравенства при нынѣшнемъ общественномъ строѣ устранить нельзя, и было бы странно распространяться о немъ. Въ дѣйствительности, люди, незнающіе законовъ, и тѣмъ болѣе безграмотные или безтолковые, правдолюбивые, неспособны вести сами своихъ дѣлъ въ судѣ. Поэтому всегда были и будутъ повѣренные и ходатаи, официальные или неофициальные, и само собою разумѣется, что, кромѣ исключительныхъ случаевъ, богатые имѣли и будутъ имѣть лучшихъ повѣренныхъ, чѣмъ бѣдные, какъ первые имѣютъ лучшую пищу и лучшихъ врачей. Этотъ элементъ неравенства, повторяемъ, неустранимъ. Стало быть, все, что можетъ быть сдѣлано при нынѣшнихъ условіяхъ,

это—дать сословію повѣренныхъ такую организацію, чтобы въ нихъ была хоть одна изъ гарантій ббльшей добросовѣстности—просвѣщеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить судъ такимъ образомъ, чтобы борьба между повѣренными той и другой стороны происходила гласно, на глазахъ у общества, чтобы общество могло видѣть, за какія дѣла берется такой-то адвокатъ, и какими аргументами онъ одерживаетъ побѣду. При этомъ дѣло суда открывать, на чьей сторонѣ болѣе правды. Нельзя цѣнить общественныхъ дѣятелей исключительно съ точки зрѣнія идеальной; надо принимать въ соображеніе условія времени и пространства. Совсѣмъ иначе происходило дѣло въ то время, когда у насъ былъ старый судъ и присяжныхъ повѣренныхъ не было. Тогда, именно тогда, адвокаты-ходатаи, не подлежашіе никакому образовательному цензу, никакому контролю со стороны товарищей и общества, дѣйствительно властвовали въ судѣ. Именно тогда судьи были въ ихъ рукахъ; не только вѣскостью доводовъ, предъявлявшихся на квартирѣ, но даже страхомъ отставки держали прежніе ходатаи судей и слѣдователей въ своихъ рукахъ; именно тогда-то ходатаи и являлись дѣйствительно орудіемъ богатыхъ для притѣсненія бѣдныхъ, потому что самые суды были орудіемъ этого орудія. Неужели эти ходатаи добраго-старога времени милы г-ну Маркову за то, что они ходили въ грязномъ бѣльѣ?

Но оставимъ возраженія автору „по существу“; сказаннаго слишкомъ достаточно для восстановленія истиннаго отношенія между фактами дѣйствительности; такимъ восстановленіемъ, впрочемъ, пренебрегать у насъ пока нельзя, такъ какъ мы еще не вышли изъ того періода, въ которомъ появляются разные „быстрые разумомъ“ Ньютоны, открывающіе новые законы тяготѣнія, и Колумбы, открывающіе новыя Америки, специально ad usum Россіи, какъ будто Россія составляетъ особую планету. Намѣреніе г. Евгенія Маркова мы должны были опредѣлить такъ: „невольное воздыханіе“. Въ этомъ намѣреніи и актѣ ничего оригинальнаго нѣтъ; такихъ воздыхателей у насъ еще достаточно число. Но зато крайне оригинальны приемы, съ которыми авторъ совершилъ это облегчительное дѣйствіе. Для того, чтобы „передернуть“ адвокатовъ всласть, г. Евгенийъ Марковъ притащилъ и Вольтера, и Декарта, и Конта, и Бентама, и Бэкона, даже ватиканскій соборъ 1870 года. Вся эта эрудиція, съ сдѣланными изъ нея мелкими выводами—parturiunt montes—представляетъ весьма оригинальное смѣшеніе глубокомыслия съ наивностью. Но и въ этихъ приемахъ собственныя основныя положенія автора далеко не оригинальны. Они заключаются въ томъ, что адвокатъ не есть защитникъ правды, потому что во всякомъ дѣлѣ есть два адвоката;

стало быть, одинъ изъ нихъ, навѣрное, неправъ, и если одинъ хочетъ спасти невиннаго отъ каторги, то другой старается сослать на каторгу невиннаго. Но эти основныя положенія г. Евгений Марковъ напрасно прикрываетъ изложеніемъ цѣлой философской системы оны, очевидно, вычиталъ ихъ не у Конта или Бэкона, а просто у Альфонса Карра, у котораго они выражены почти буквально такъ, какъ ихъ выражаетъ нашъ авторъ. Согласитесь, что обличать „софистовъ XIX вѣка“ на основаніи положеній, вычитанныхъ у писателя, который всѣми признанъ именно остроумнѣйшимъ софистомъ XIX вѣка, въ извѣстномъ смыслѣ весьма оригинально. Оригиналенъ пріемъ, хотя оригинальность эта и граничитъ съ позаимствованіемъ литературной собственности.

Какимъ образомъ г. Марковъ, именно г. Марковъ, навѣстный нашимъ читателямъ какъ авторъ „Всесловной вѣлости“, могъ дойти до воздыханій о старыхъ порядкахъ,—этотъ вопросъ онъ разрѣшилъ самъ въ упомянутой статьѣ, говоря о нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ: „до сихъ поръ крестьяне и дворовые обыкновенно вспоминаютъ своихъ бывшихъ господъ съ чувствомъ какой-то родственности, хотя они ничуть не забыли тягостей и неправдъ прошлаго“. Почему же послѣ этого и г-ну Маркову не испытывать чувства какой-то родственности къ прежнимъ подьячимъ, и въ тоже время помнить изъ неправды и „ничего не имѣть противъ новаго суда“?



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1875.

Депеша англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны.— Два парламентскихъ собранія.— Слухи объ удаленіи германскаго канцлера.— Статистика политической репрессіи Германіи.— Сессія французскаго собранія.— Конституціонные законы.— Соглашеніе центровъ.— Установленіе республики.

Англійская политика за послѣднее время представила, сверхъ открытія парламентской сессіи, еще три факта, обратившихъ на себя общее вниманіе. Первый изъ нихъ относился къ политикѣ внѣшней: это была депеша, отъ 20-го января, графа Дэрби къ лорду Августу Локтусу, послу въ Петербургѣ, съ объявленіемъ отказа со стороны Англійи принимать участіе въ дальнѣйшихъ переговорахъ или конференціяхъ по вопросу объ опредѣленіи законовъ войны. Этотъ иностранный документъ служитъ отвѣтомъ на циркулярную ноту нашего министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 26 (14) сентября 1874 г. къ представителямъ Россіи за-границею, съ приглашеніемъ правительствъ, участвовавшихъ въ брусельской конференціи, прислать вновь уполномоченныхъ для дальнѣйшаго обсужденія того же дѣла, причемъ указывался удобнымъ мѣстомъ для вторичной конференціи Петербургъ. Британскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ своей депешѣ подвергнулъ подробному разбору протоколъ брусельской конференціи, съ цѣлью доказать, что результаты, ею достигнутые, были почти исключительно отрицательнаго свойства; что они обнаруживаютъ трудность точнѣйшаго опредѣленія международныхъ обычаевъ при веденіи войны, вновь уяснили невозможность придать тѣмъ постановленіямъ, какія могли быть приняты большинствомъ членовъ конференціи, сколько-нибудь обязательный характеръ; наконецъ, и въ особенности, выказали невозможность соглашенія по существеннѣйшимъ пунктамъ между интересами завоевателей и подвергающихся вторженію. Заключеніе этой депешы состоитъ въ томъ, что старательное разсмотрѣніе всего дѣла убѣдило правительство ея величе-

ства въ томъ, что оно обязано отвергнуть, отъ имени Великобританіи и ея союзниковъ, въ будущія войны, всякій проектъ, который бы клонился къ измѣненію тѣхъ принциповъ международнаго права, которыми руководилась Англія, и въ особенности—отказать въ своемъ участіи всякому соглашенію, которое вело бы къ облегченію наступательныхъ войнъ и затрудненію патриотической обороны народа, подвергнувшагося нападенію“. Депеша эта была сообщена циркулярно также посланникамъ Англіи при всѣхъ другихъ дворахъ, имѣвшихъ представителей на брюссельской конференціи.

Когда въ политическомъ мірѣ узнали о такомъ безусловномъ отказѣ Англіи участвовать далѣе въ дѣлѣ, предпринятомъ русскимъ правительствомъ, то первымъ предположеніемъ было, что второстепенныя государства поспѣшатъ воспользоваться заявленіемъ сентъ-джекского кабинета, чтобы также отказаться отъ участія въ дальнѣйшихъ переговорахъ. Но до сихъ поръ этого не случилось, и хотя отказ Англіи, во всякомъ случаѣ, представляетъ обстоятельство неблагоприятное, нѣтъ основанія считать соглашеніе невозможнымъ и хотя бы невѣроятнымъ.

Наше правительство, съ своей стороны, продолжаетъ дѣло съ похвальной настойчивостью. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было помѣщено, по поводу обнародованной англійскимъ правительствомъ перениски, объясненіе о совершенно безкорыстной и безпристрастной мысли, побудившей нашъ кабинетъ выступить съ вопросомъ объ уменьшеніи бѣдствій войны. Объясненіе „Правительственнаго Вѣстника“ указывало еще разъ—согласно съ хладнокровными заявленіями русскаго уполномоченнаго на конференціи и непосредственно нашего министерства иностранныхъ дѣлъ,—что осуществленіе этой мысли ни въ какой мѣрѣ не составляетъ интереса спеціально русскаго. Это до тавой степени очевидно, что самая необходимость повторенія подобныхъ разъясненій заставляеть подозрѣвать, не произошло ли во всемъ этомъ дѣлѣ какого-нибудь недоразумѣнія, не изъ свойства самой инициативы, справедливо принятой на себя въ немъ нашимъ правительствомъ, но изъ какихъ-либо постороннихъ условий, которыми инициатива эта сопровождалась? Хотя ходъ дѣла съ тѣхъ поръ, когда оно вступило на поле обще-европейскихъ переговоровъ, намъ достаточно извѣстенъ, но самое начало его извѣстно гораздо менѣе. Какимъ образомъ сходный проектъ, обсуждавшійся обществомъ улучшенія участи военнопленныхъ, подалъ поводъ къ составленію того проекта, который былъ предложенъ, въ видѣ программы, брюссельской конференціи со стороны нашего правительства, и кто именно участвовалъ въ составленіи статей этого послѣдняго проекта: были ли онѣ исключительно составлены въ и-

цель министерствъ иностранныхъ дѣлъ и былъ ли онъ сообщаемъ, предварительно, на соображеніе какого-либо иностраннаго правительства или нѣтъ? Вотъ что нужно было бы знать, для того, чтобы объяснить себѣ возможность недоразумѣнія. Въ свое время въ газетахъ упоминалось, что германское правительство въ самомъ началѣ отнеслось весьма сдержанно къ предложеніямъ нашего кабинета и сдѣлало даже будто бы нѣкоторыя оговорки въ такомъ смыслѣ, что предполагаемое соглашеніе ни въ какомъ случаѣ не должно было бы понижаться къ уменьшенію силы дѣйствія армій и къ ограниченію простора распоряженій главнокомандующихъ. Но, допустивъ, что подобныя возраженія или оговорки были сдѣланы берлинскимъ кабинетомъ, спрашивается, когда они были заявлены—тогда ли, когда готовый уже проектъ былъ разосланъ для свѣдѣнія всѣхъ кабинетовъ, или же тогда, когда о немъ было извѣстно только берлинскому кабинету; иными словами—послужили ли эти оговорки берлинскаго кабинета къ измѣненію первоначальныхъ предположеній или нѣтъ, не были ли онѣ приняты во вниманіе при самомъ составленіи русскаго проекта, въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ окончательно.

Этотъ вопросъ, по наружности не измѣняющій свойства дѣла, въ действительности весьма важенъ для разъясненія того характера, который могутъ придавать русскому проекту прочія правительства, ромѣ германскаго. Если никакого предварительнаго мнѣнія со стороны Германіи испрошено не было, а стало быть, проектъ и не былъ измѣненъ сообразно съ замѣчаніями со стороны берлинскаго кабинета, въ такомъ случаѣ никакое возникшее впоследствии недоразумѣніе не можетъ имѣть серьезнаго значенія. Искренность Россіи, отступивъ съ ея стороны какихъ-либо заднихъ мыслей облегчить посредствомъ подобнаго проекта завоевательную войну или уменьшить способы защиты небольшимъ государствамъ, не могутъ подлежать серьезному сомнѣнію. Въ такомъ случаѣ, основное возраженіе графа Эрба представляетъ не болѣе, какъ полемическій приемъ, и можно ждать, что въ концѣ-концовъ общее соглашеніе все-таки состоится, или бы и безъ участія Англіи. Тѣ опредѣленія проекта, которыя касаются народныхъ ополченій для борьбы противъ вторженія, могутъ подлежать пересмотру, при дальнѣйшемъ обсужденіи, наравнѣ съ прочими частями проекта, если только предположимъ со всѣхъ сторонъ искреннее сочувствіе къ высокой цѣли, указанной нашимъ правительствомъ.

Нѣсколько иначе представляется вопросъ о вѣроятномъ результатѣ въ обратномъ случаѣ, то-есть въ томъ предположеніи, что прочіе кабинеты могли усмотрѣть, хотя и несправедливо, въ проектѣ, предложенномъ Россіею—плоды его отдѣльнаго соглашенія съ Герма-

нѣю; въ такомъ случаѣ въ статьяхъ, которыя направлены къ тому чтобы регулировать право созыва народныхъ ополченій извѣстными довольно строгими условіями, прочіе кабинеты и въ особенности правительства небольшихъ государствъ могли усмотрѣть условія внесенныя въ проектъ Германією, которой интересъ заключался въ томъ, чтобы разъяснить на будущее время, что отряды волонтеровъ, подобные французскимъ franc-tireurs, должны быть лишены правъ признанной воюющей силы и подлежать всей строгости военныхъ каръ. Въ такомъ случаѣ, можно было бы объяснить себѣ дѣйствующей въ некоторой степени возможность такого недоразумѣнія, которое, совершенно несправедливо искажая истинное намѣреніе Россіи, тѣмъ не менѣе было бы достаточно сильно, чтобы повредить окончательному исходу переговоровъ. Въ этомъ случаѣ, неуспѣхъ дѣла зависѣлъ бы не отъ существованія въ дѣйствительности какихъ-либо эгоистическихъ цѣлей или специальныхъ интересовъ со стороны Россіи въ этомъ вопросѣ, но просто отъ того способа, которымъ оно первоначально было поставлено. Подтвержденіемъ, что таковъ именно и былъ смыслъ возникшаго недоразумѣнія — которое нынѣ высказывается въ депешѣ графа Дэрби и вызываетъ необходимость объясненій относительно полного отсутствія особыхъ цѣлей со стороны Россіи — мы находимъ въ самыхъ преніяхъ, происходившихъ на брусельской конференціи. Главнымъ защитникомъ тѣхъ статей проекта которыя ограничивали права народныхъ ополченій, явился именно германскій уполномоченный, генераль Фойгтсъ-Редъ, а главными противниками ихъ были именно представители второстепенныхъ государствъ — Испаніи, Швейцаріи, Нидерландовъ, Швеціи. Что касалось французскаго уполномоченнаго, то онъ согласился признать эти статьи только послѣ того, какъ изъ нихъ было исключено положеніе, что ополченія или волонтеры, не удовлетворяющіе указаннымъ условіямъ, будутъ лишены правъ воюющей силы и должны подлежать военному суду.

Если бы проявившееся недоразумѣніе было именно таково, какъ нами предположено, въ такомъ случаѣ, для успѣха дальнѣйшихъ переговоровъ по вопросу объ опредѣленіи законовъ и обычаевъ войны лучше всего было бы совершенно устранить проектъ, заглаженный брусельской конференціи, ограничиться ея окончательными, всѣми неопредѣленными постановленіями, и новой конференціи предоставить назначеніе особой редакціонной коммиссіи изъ своей среды, для составленія проекта, котораго никому нельзя уже было бы приписывать въ частности. Затѣмъ, заслуга по возбужденію и направленію этого важнаго дѣла челолюбія все-таки осталась бы за русскимъ правительствомъ, и можно было бы надѣяться, что великодуш-

ия, общая всѣмъ образованнымъ націямъ цѣль его была бы достигнута. Но во всякомъ случаѣ, и даже при неуспѣхѣ соглашенія, всѣ и предложеніе о немъ заняли бы почетное мѣсто въ исторіи русской дипломатіи.

Другіе два предмета, обратившіе на себя въ послѣднее время особенное вниманіе въ Англіи, относились въ области внутреннихъ дѣлъ, и именно къ сферѣ избирательной. На недавнихъ выборахъ, въ Типперари, въ Ирландіи, былъ избранъ членомъ палаты общинъ Джонъ Мичель, одинъ изъ предводителей того, что называется ирландскимъ мятежомъ 1848 года. На самомъ дѣлѣ, мятежь этотъ граничился революционными воззваніями, приготовленіемъ оружія и боями съ цѣлью возстанія, которое однако было предупреждено вергическими мѣрами парламента и правительства. Что касается Джона Мичеля, который, вмѣстѣ съ О'Бриномъ и Мигеромъ, былъ осужденъ этого мятежа, то дѣйствія его заключались въ томъ, что въ ѣздѣ въ Парижъ, просить помощи для возстанія въ Ирландіи тогдашняго, республиканскаго правительства Франціи, а потомъ, получивъ отказъ, возвратился въ Ирландію. Въ своей газетѣ „United Irishman“ обнародовалъ призывъ къ оружію и занялся устройствомъ революціонныхъ клубовъ. Газета Мичеля была немедленно приостановлена, а самъ онъ преданъ суду и приговоренъ къ ссылке на 14 мѣсяцевъ, какъ измѣнникъ. Получивъ впоследствии „отпускной билетъ“ (ticket of leave), выдаваемый исправляющимся преступникамъ для работъ, онъ уѣхалъ въ Америку, а годъ тому назадъ возвратился въ Ирландію и проживалъ тамъ, не подвергаясь преслѣдованію судебныхъ властей.

Избраніе его въ Типперари поставило правительство въ затруднительное положеніе: появленіе уголовнаго преступника (felon) въ парламентѣ составляло нарушеніе и оскорбленіе закона, но между тѣмъ появился онъ въ парламентѣ только вслѣдствіе допущеннаго правительствомъ бездѣйствія судебной власти. Первый министръ поставилъ однако предложеніе объ исключеніи Мичеля изъ парламента на томъ основаніи, что онъ — уголовный преступникъ, который не былъ срока своего наказанія и не былъ помилованъ короною. Изъ всѣхъ членовъ партіи home-rule, находящихся въ палатѣ общинъ, далеко не всѣ безусловно поддерживали Мичеля, такъ какъ home-rule вовсе не требуетъ отдѣленія Ирландіи отъ Великобританіи. Только три члена: О'Клери, Мартинъ и Ронэйнъ объявили, что сочли бы за честь наименованіе felon, если бы оно относилось къ нимъ при тѣхъ условіяхъ, какъ оно было приложено къ Мичелю; другіе, между прочимъ, Полентъ объявилъ, что лично не сочувствуютъ образу дѣйствій Мичеля. Но всѣ они противились требованію Дизраэли,

требуя, впрочемъ, съ своей стороны только отсрочки рѣшенія другого дня. За отсрочку высказались также новый предводитель либеральной партіи маркизъ Гартингтонъ и вліятельные ея члены Форстеръ и Лоу. Но предложеніе Дизраэли было тѣмъ же не принято, большинствомъ 269 голосовъ противъ 102. Впрочемъ, Мичель, по всей вѣроятности, будетъ избранъ вторично, и правительству было бы благоразумнѣе издать своевременно королевскій декретъ о помилованіи его, чтобы выдти изъ этого затрудненія. Что касается опасности присутствія Мичеля въ парламентъ, то и самъ Мичель о ней никому не приходитъ въ Англіи.

Другое избраніе, надѣлавшее шума, было выборъ въ Сток-на-Трентъ доктора Кинили, адвоката-самозванца Ортона въ извѣстномъ тичборнскомъ процессѣ, занимавшемъ Англію въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣло Ортона велось спекулянтами, и онъ, уличенный въ фальшивой присягѣ, былъ присужденъ къ заключенію, а главный адвокатъ его, Кинили, за предосудительные происки при веденіи дѣла и крайне-неумѣренные личныя нападки въ своихъ рѣчахъ былъ впоследствии исключенъ изъ сословія адвокатовъ. Зато онъ сталъ редактировать газету „Englishman“, въ которой, продолжая щипать дѣло мнимаго Тичборна, какъ дѣло бѣдняка, ограбленнаго богатыми родственниками при помощи юстиціи, преданной богатымъ классамъ, онъ изливалъ потоки демагогическаго краснорѣчія на политическую систему господства богатыхъ классовъ, которые, раздѣляясь на двѣ партіи, имѣющія значеніе сторонъ для общей доброты, взимаемой съ народа, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ эксплуатировали Великобританію на пользу нѣсколькихъ фамилій, которымъ принадлежатъ и виги, и тори. Приведенная характеристика, разумѣется, принадлежитъ не намъ, но редактору „Englishman'a“. Избиратели Стока-на-Трентъ въ большинствѣ рабочіе, и избрали его въ парламентъ именно въ такомъ смыслѣ, то-есть съ цѣлью протеста противъ преобладанія богатыхъ классовъ. Онъ обѣщалъ имъ, что изгнать громомъ всѣхъ тѣхъ humbugs (обманщиковъ), которые засѣдаютъ въ парламентѣ подъ разными наименованіями, но въ дѣйствительности подвергся самъ при появленіи въ палатѣ большому „шуму“. Дѣло въ томъ, что никто изъ членовъ ея, за исключеніемъ чудака Уэлли, служащаго предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и зелье и слывущаго въ палатѣ „доукою“ (a bore), никто не захотѣлъ сопровождать Кинили при приближеніи его къ столу спикера для принесенія присяги. Обычай требуетъ, чтобы заявляющій права на званіе члена (the claimant) явился въ сопровожденіи двухъ ея членовъ, удостоверяющихъ тождество его личности. Кинили, явившись одинъ, съ зонтикомъ подъ рукою, дерзнулъ-было возражать спикеру,

который спрашивалъ, почему имъ не соблюденъ обычай, дерзнуть мѣяться на отсутствіе прямого закона, за что и былъ призванъ къ рядку. Несмотря на великодушное предложеніе знаменитаго Брай-быть вторымъ поручителемъ новаго члена, палата, посреди об-го смѣха, приняла предложеніе Дизраэли, формально освободивъ иници отъ исполненія обычая, который строго соблюдается уже теченіи двухсотъ лѣтъ. Скандаль этотъ, имѣющій въ Англіи го-до болѣе значенія, чѣмъ онъ могъ бы имѣть гдѣ-либо въ иной ранѣ, повидимому, еще не укротилъ Кинили, такъ какъ онъ уже звилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать правительству запросъ по од-й части тичборнскаго процесса.

У канцлера германской имперіи, князя Бисмарка, почти вошло . обычай постоянно заболѣвать въ началѣ года. Какъ только под-нется впередъ январь, здоровье канцлера начинаетъ внушать рѣзныя опасенія врачамъ. Такъ случилось и нынѣ, и по всей шенцкой печати прошелъ скорбный гласъ о возможности удаленія смарка отъ непосредственнаго руководства политикой. На этотъ въ почти никто внѣ Германіи не хотѣлъ вѣрить въ разстройство ровья Бисмарка. Нельзя не согласиться, что разстройство это селъ нѣсколько разъ совпадало съ гласными и негласными кри-ами въ его политическомъ положеніи, а потому неудивительно, о внѣ Германіи привыкли видѣть въ немъ нѣкоторый „страта-къ“, какъ, впрочемъ, почти во всемъ, что относится къ Бисмарку. здѣсь можно вспомнить басню о фальшивой тревогѣ появленіемъ ка. Нѣсколько разъ о немъ кричали даромъ, но наконецъ, когда кто не хотѣлъ въ него вѣрить, онъ пришелъ въ самое дѣлѣ. итѣ ничего невѣроятнаго въ томъ, что здоровье Бисмарка въ са-мъ дѣлѣ разстраивается усиленіемъ работы во время сессіи. Онъ радаетъ бессонницей, встаетъ поздно, и потому работа его заты-рается по необходимости на часъ ночи. По разсказу нѣмецкихъ вѣтъ, у него вновь проявились симптомы нервнаго разстройства, и или на этотъ разъ объявили, что хотя онъ можетъ прожить еще ситокъ лѣтъ, если удалится на покой, но если будетъ работать и швергаться неизбѣжными столкновеніямъ по прежнему, то ему не-ля общать болѣе трехъ лѣтъ жизни. Въ виду такого приговора, смаркъ, по слухамъ, просилъ императора уволить его отъ замя-н, но императоръ отказалъ ему, взывая къ его чувству долга и казавъ будто бы ему на свой собственный примѣръ: Вильгельмъ I марше Бисмарка 18 годами, и нерѣдко бываетъ боленъ, но тѣмъ-е менѣе продолжаетъ усердно заниматься дѣлами. Насколько вѣрно-е это, конечно, мы знать не можемъ. Но подѣ влияніемъ такихъ слу-ковъ, пошли разсужденія о томъ, что будетъ, если Бисмаркъ удалится

отъ занятій. За исключеніемъ католической и радикальной прессы, въ германская печать не хотѣла допустить и мысли, что дѣла имперіи могли бы выдти изъ-подъ вліянія ея основателя. Замѣчательно однако, что важнѣйшіе національно-либеральные органы, которые чужды связи съ берлинскимъ Pressbureau, наименѣе отрицали возможность удаленія Бисмарка отъ дѣятельныхъ занятій. Они отъ вались объ этомъ вопросѣ съ порядочной дозой сентиментальности и вмѣстѣ таинственности. Итальянская газета „Opinione“, разсматривая этотъ вопросъ, замѣтила, что такой великій человѣкъ, какъ Бисмаркъ, долженъ „умереть на бреши“, подобно тому, какъ умеръ Кавуръ, не дождавшись завершения итальянскаго единства. Но такъ говорятъ чужіе почитатели Бисмарка, свои же, германскіе почитатели его, находятъ это слишкомъ жестокимъ. „Кельнская газета“ входя въ положеніе обожаемаго министра, признавала, что послѣ всего, что онъ сдѣлалъ, онъ имѣетъ право на отдохновеніе, что Германія обязана подумать и объ его здоровьѣ. Однако же произнесъ такое мнѣніе, что пусть Бисмаркъ выйдетъ въ отставку и наслаждается сельской жизнью, „Кельнская“ и другія національно-либеральныя газеты не рѣшились. Онъ облакались таинственностью, придумывая разныя другія комбинаціи. Такъ, названный сейчасъ органъ указывалъ двѣ, довольно невѣроятныя, впрочемъ, комбинаціи такого рода, чтобы Бисмаркъ, освобожденный отъ обязательной работы все-таки продолжалъ блюсти интересы поставленной имъ политикой. Онъ могъ бы удалиться отъ дѣлъ, но сохранить званіе канцлера, съ нимъ и право высшаго контроля, для котораго личный авторитетъ его давалъ бы ему всѣ средства. Но трудно представить себѣ какимъ образомъ самый авторитетный человѣкъ въ странѣ могъ направлять ея судьбу, находясь вдали отъ текущихъ дѣлъ, не чиня донесеній посланниковъ, не присутствуя при сужденіяхъ министровъ и не пользуясь личными докладами у императора. Другая комбинація такова, что Бисмаркъ, выйдя въ отставку, явился бы депутатомъ въ германскомъ сеймѣ и возвышалъ бы въ немъ свой уже самостоятельный голосъ для борьбы съ католицизмомъ. Берлинскій корреспондентъ „Кельнской газеты“, который высказывалъ такое предположеніе, видѣлъ въ осуществленіи его торжество парламентаризма и усиленіе его въ Германіи, что только „непоколебимый монархическій образъ мыслей“ Бисмарка-депутата ручался бы за благонадежность подобнаго порядка. Но это, очевидно, уже только плодъ воображенія официозныхъ почитателей великаго канцлера. Если уже продолжать заниматься дѣлами и направлять судьбу Германіи, то гораздо согласнѣе съ характеромъ Бисмарка дѣлать это

въ качествѣ имперскаго канцлера, дѣйствующаго всеильными императорскими распоряженіями, чѣмъ дѣйствовать посредствомъ *Majestätsbeschlüsse*, за которыми онъ никогда не признавалъ творческую силу.

Легко было бы допустить, повторяемъ, что всѣ разсужденія по этому поводу были вызваны дѣйствительно разстроеннымъ состояніемъ ррвья Бисмарка, еслибы сами національно-либеральные органы упоминали при этомъ мимоходомъ о нѣкоторыхъ странныхъ случаяхъ. Тамъ, былъ слухъ, что жизни Бисмарка постоянно угрожаетъ столько излишекъ работы, сколько покушеніе новыхъ фанатиковъ родѣ Кульмана, и „Кёльнская газета“ объ этомъ слухѣ упоминала, отрицая впрочемъ, чтобы обстоятельство это могло побудить канцлера удалиться отъ дѣлъ. По ея мнѣнію, мѣсть клерикаловъ направлена не столько на канцлера, сколько на человѣка, и Бисмаркъ отставка подвергался бы еще болѣе личной опасности, чѣмъ канцлеръ, котораго охраняютъ всѣ орудія администраціи. Такимъ образомъ, по мнѣнію газеты, еслибы личное опасеніе могло имѣть какое-либо значеніе для Бисмарка, то оно должно было бы скорѣе будить его оставаться на службѣ, чѣмъ возвратиться въ положеніе стнаго человѣка. Но и безъ этого, слишкомъ хитраго разсужденія, трудно допустить, чтобы страхъ имѣлъ какое-либо вліяніе на Бисмарка. Его можно заподозрить въ чемъ угодно, но не въ робости, опасеніи за свою жизнь. Гораздо серьезнѣе можетъ быть другое обстоятельство, о которомъ также упоминали при этомъ случаѣ національно-либеральные органы. „Національная газета“ прямо говоритъ о какихъ-то *Reibungen*, неприятныхъ Бисмарку, придумавъ для нихъ новое слово *Frictionen* (политическій словарь Германіи безостанно пополняется). Само собою разумѣется, что подъ этимъ званіемъ разумѣются нѣкоторыя придворныя вліянія. Но никакія *Frictionen* не могутъ быть достаточно сильны, чтобы низложить Бисмарка при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Все, что могутъ сдѣлать противъ него придворныя вліянія, это—удержать императора въ согласіи на какой-нибудь новый проектъ закона, направленный противъ католиковъ. Стало быть, или вѣсть о *Frictionen* пущена впередъ такъ, наобумъ, по старой памяти, или если Бисмаркъ въ какой-нибудь дѣлѣ встрѣтилъ бы какія-либо затрудненія, то это означало бы, что онъ приготовилъ какую-нибудь новую мѣру противъ католическаго духовенства. Во всякомъ случаѣ, надо замѣтить, что телеграфическое агентство, пользующееся оффиціозными источниками, недавно сообщило извѣстіе о предстоящей перемѣнѣ въ положеніи Бисмарка въ такой формѣ, что хотя слухъ объ отставкѣ Бисмарка не основанъ на фактахъ, которые бы обуславливали непосредственное его

осуществленіе, но имѣть то серьезное основаніе, что разстроенное здоровье князя можетъ потребовать нѣкотораго облегченія его отъ лежащаго на немъ бремени обязанностей. „Національная газета“ сообщила, что Бисмаркъ остается въ должности, но что состоялось императорское повелѣніе въ такомъ смыслѣ, что каждая предполагаемая отдѣльными министрами мѣра будетъ, до составленія проекта закона, обсуждаться въ совѣтѣ министровъ въ своихъ основаніяхъ, которыя затѣмъ, по предварительномъ утвержденіи ихъ императоромъ, и будутъ обязательны для составленія проекта закона. „Такимъ образомъ“, по мнѣнію „Національной газеты“, „были бы устранены тѣ тренія (Frictionen), на которыя жалуется имперскій канцлеръ“. Все это довольно непонятно. Достаточно замѣтить, что если Бисмаркъ жалуется на Frictionen, то, значить, и на этотъ разъ разстройство его здоровья зависитъ преимущественно отъ нихъ, а не отъ какихъ-либо естественныхъ причинъ, и даже не главнымъ образомъ отъ излишняго бремени труда.

Между тѣмъ, дѣла въ Германіи идутъ по прежнему, и усиленіе парламентаризма и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ политическихъ гарантій для общества, повидимому, еще надолго, можно ожидать развѣ только въ такомъ невѣроятномъ случаѣ, еслибы самъ Бисмаркъ обмѣнялъ свое положеніе могущественнѣйшаго изъ всѣхъ европейскихъ министровъ на роль предводителя оппозиціи въ имперскомъ сеймѣ. Мы находимъ въ „Pall Mall Gazette“ интересный обзоръ одного списка, печатаемаго помѣсячно въ радикальной „Frankfurter Zeitung“ (редакторъ Зоннеманъ), которой мы, къ сожалѣнію, почитать не можемъ. Оставляя на отвѣтственности англійской газетѣ точность этого обзора изъ списка, который печатаетъ „Frankfurter Zeitung“, подъ ироническимъ заглавіемъ Deutscher Kulturkampf Kalender ¹⁾, мы считаемъ нелишнимъ привести эту статью. „Обзоръ упомянутаго календаря за январь мѣсяцъ“, говоритъ англійская газета, „даетъ поучительные результаты о томъ размѣрѣ свободы слова и дѣйствія, какой новая имперія признала полезнымъ предоставить своимъ подданнымъ. Какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе многочисленны случаи преслѣдованія противъ духовныхъ лицъ. Въ спискѣ мы находимъ 60 духовныхъ особъ, которые въ теченіи одного мѣсяца подверглись штрафамъ, заключенію или изгнанію за проступки противъ новыхъ законовъ; въ числѣ ихъ находились 5 епископовъ и нѣсколько протестантскихъ пасторовъ. Проступки, совершенныя католическими священниками, какъ оказывается, состояли главнымъ

¹⁾ Известно, что національные либералы называютъ мѣры противъ католическаго духовенства „борьбой за германскую культуру“.

образомъ въ отправленіи ими ихъ духовныхъ обязанностей несогласно съ майскими законами. За ними, по численности, слѣдуютъ преслѣдованія, направленныя противъ частныхъ лицъ. Въ этой категоріи 42 лица подверглись успѣшному ¹⁾ преслѣдованію со стороны правительства; между ними было нѣсколько римскихъ католиковъ—за оказаніе слишкомъ большого религіознаго усердія; но гораздо большее число—за слишкомъ откровенное заявленіе своихъ политическихъ мнѣній (многіе изъ нихъ подведены подъ наименованіе социальныхъ демократовъ). На журналистовъ было направлено 27 преслѣдованій, изъ которыхъ каждое повело къ наложенію штрафа или исключенію. Газета, на которую наиболее тяжело, повидимому, легла неблагоклонность правительства, была „Вестфальскій Меркурій“; ея редакторы въ продолженіе послѣднихъ 18-ти мѣсяцевъ были приговариваемы къ наказаніямъ, составившимъ въ сложности заключеніе на срокъ 2 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. Сверхъ приведенныхъ мѣръ, въ теченіи января, 12 общественныхъ собраній были закрыты полиціею, причемъ въ нѣсколькихъ случаяхъ ораторы были арестованы; 9 учителей или профессоровъ были уволены отъ должности и 7 домашнихъ обысковъ было произведено у лицъ, заподозрѣнныхъ въ нарушеніи новыхъ законовъ. Достоинно примѣчанія, что г. Уленбрайхъ, въ Обергаузенѣ, былъ уволенъ за отказъ допустить въ свою школу ортретъ князя Бисмарка, который хотѣли повѣсить подъ портретомъ императора. Судя по календарю, на князя Бисмарка падаетъ вѣтственность въ 12-ти преслѣдованіяхъ, въ теченіи января, которыя или обращены властями на лица, позволившія себѣ слишкомъ свободную критику его дѣйствій, между тѣмъ, какъ къ лицу императора могутъ быть отнесены всего 8 преслѣдованій, возбужденныхъ по такому же поводу; въ числѣ этихъ послѣднихъ одно было направлено а нѣкоего триничника въ Дармштадтѣ за неуважительный отзывъ о главѣ государства. Приведенныя цифры представляютъ только преслѣдованія, по которымъ дѣйствительно состоялись наказанія; въ календарѣ франкфуртской газеты приведены еще статистическія свѣдѣнія и тѣхъ преслѣдованій, которыя были устранены оправданіемъ. Наказанія, къ которымъ приговариваютъ суды, вообще говоря, особенно строги, но списокъ общаго числа преслѣдованій, доходящаго до 150-ти, съ пенями, составившими въ сложности около 100 фунтовъ (около 2,500 р.) и заключеніемъ на разные сроки, представляющіе въ совокупности до 12-ти лѣтъ—не упоминая уже о другихъ карательныхъ мѣрахъ—представляетъ достаточно дѣятельный мѣсяцъ для государственной прокуратуры“

¹⁾ Т.-е. признанному судомъ, конечно.

Мы привели съ точностью обзоръ, какъ онъ помѣщенъ въ „Pall-mall“, и не можемъ не прибавить, что если онъ вѣренъ, то картина, имъ представляемая, неутѣшительна въ высшей степени. Какъ бы политическіе кружки въ Германіи ни были заинтересованы вопросомъ объ удержаніи князя Бисмарка въ должности, едва ли можно сомнѣваться, что германское общество было бы наиболѣе заинтересовано въ отбѣнѣ подобной системы управленія. Изъ всѣхъ странъ Европы, гдѣ нарушенія законовъ, имѣющихъ политическое значеніе, преслѣдуются судомъ, ни одно, конечно, не можетъ представить ничего похожаго на такую статистику политической уголовщины за одинъ мѣсяць. Но даже и во Франціи, которой значительная часть еще находится въ осадномъ положеніи, и военной власти предоставлено въ многихъ случаяхъ дѣйствовать безъ суда (противъ общественныхъ собраній и газетъ), едва ли можно насчитать не только 150, то-есть по пяти въ день, но и половиннаго числа преслѣдованій изъ политическихъ поводовъ. И все-таки, случаи подобныхъ врательныхъ мѣръ во Франціи признаются слишкомъ частыми; они объясняются именно пріостановленіемъ дѣйствія законовъ осаднымъ положеніемъ. Но что же сказать о тѣхъ законахъ, которыхъ совершенно правильное примѣненіе ведетъ къ положенію, образованному въ приведенной выше картинѣ? Что сказать о тѣхъ національно-либеральныхъ органахъ общественнаго мнѣнія, которые считаютъ такое положеніе совершенно естественнымъ, желательнымъ, постоянно вызываютъ къ еще болѣе строгости, на защиту того, что ими называется „интересами германской культуры?“ Такая „культура“, которая не могла бы быть безопасной безъ подобныхъ средствъ, заслуживала бы защиты...

Во Франціи провозглашена республика—таково общее впечатленіе, произведенное въ Европѣ принятіемъ національнымъ собраніемъ законовъ о сенатѣ и о правительственной власти, состоявшимся въ истекшемъ мѣсяцѣ. Для того, чтобы придти къ выводу относительно истиннаго значенія переменъ, происшедшей въ политическомъ внутреннемъ положеніи во Франціи, надо сдѣлать обзоръ сессіи съ начала года. Она возобновилась 5-го января; 6-го января прочтено было посланіе президента республики, которое вновь высказывало ея рѣшимость маршала твердо исполнять возложенное на него порученіе, такъ и необходимость дополнить власть, ему ввѣренную, органическими учрежденіями. Итакъ, септеннатъ, учрежденный монархическими собственными вслѣдствіе временныхъ, какъ они полагали, затрудненій къ восстановленію монархіи, въ видѣ переходнаго правленія всегда готоваго сойти со сцены, когда законному королю будетъ угодно на нее выступить, сталъ самъ видѣть въ себѣ нѣчто иное,

именно—порядокъ, во всякомъ случаѣ не подлежащій смѣнѣ въ продолженіи семи лѣтъ, съ 20-го ноября 1873 года. Требуя дополненія себя органическими учрежденіями, септеннатъ, какъ учрежденіе по внѣшности все-таки республиканское, склонялся, стало быть, на дѣлѣ къ упроченію республики. Легитимисты и бонапартисты не могли быть довольны этимъ, но большинство, создавшее септеннатъ, большинство, послушное герцогу Брольи, уже начало разлагаться. Орлеанисты, составляющіе правый центръ, видя успѣхи бонапартизма на выборахъ, стали сознавать, что главная опасность грозитъ именно со стороны имперіи, такъ какъ ея шансы на окончательный успѣхъ продолжали возрастать тѣмъ болѣе, чѣмъ яснѣе высказывалось по ossimus прежняго большинства, настоящее безсиліе, которое неизбѣжно должно было повести къ распущенію нынѣшняго собранія. Поэтому орлеанисты перемѣнили тактику и стали возлагать свои надежды на образованіе сената, посредствомъ котораго они думаютъ держать важное вліяніе на дѣла въ рукахъ достаточныхъ классовъ, въ которыхъ сосредоточивается вся сила орлеанизма. Желаніе осуществить сенатъ повело ихъ къ согласію „окружить септеннатъ органическими учрежденіями“, хотя бы и съ республиканской внѣшностью. А республиканцы, какъ они ни ненавидятъ сенатъ, предпочли жертвовать своими антипатіями къ такому учрежденію, въ известной мѣрѣ даже своими принципами, лишь бы только добиться, при помощи орлеанистовъ, учрежденій независимыхъ отъ „личнаго вѣтенната“, то-есть на дѣлѣ учрежденій, утверждающихъ республику. Но, что какъ бы ни былъ первоначально формулированъ септеннатъ, но если учрежденіе его дополнено такими законами, которые предѣляютъ способъ перехода властей изъ однихъ рукъ въ другія, уже не можетъ быть рѣчи о септеннатѣ, какъ о „личномъ“ фактѣ; вѣтеннатъ уже утопаетъ въ республикѣ.

Посланіе президента возбудило неудовольствіе правой стороны, разнеслись слухи о возможности соглашеній между маршаломъ Мак-Магономъ и членами лѣваго центра. Національное собраніе постановило, что оно приступитъ къ обсужденію учредительныхъ законовъ послѣ закона о кадрахъ арміи, и что сперва будетъ обсуждаться законъ о способѣ перехода правительственной власти, а уже потомъ законъ о сенатѣ. Вслѣдствіе того министерство, которое требовало предпочтенія закону о сенатѣ, подало въ отставку, но осталось до времени образованія новаго кабинета. Между тѣмъ переговоры о составленіи новаго кабинета, разумѣется, не могли привести ни къ чему до окончанія самаго обсужденія учредительныхъ законовъ, такъ какъ только результатъ ихъ обсужденія могъ обнаруживать, существуетъ ли еще прежнее большинство, или оно оконча-

тельно уступило мѣсто какой-нибудь новой комбинаціи. Послѣ ршенія вопроса о кадрахъ арміи, собраніе приступило, 21-го января къ первому чтенію закона о факторахъ власти, выработаннаго комиссіею тридцати и объясненнаго докладчикомъ ея, Вантавономъ. Первая статья проекта Вантавона опредѣляла, что законодательная власть принадлежитъ во Франціи двумъ палатамъ: одной выбранной другою—сенату, котораго образованіе должно быть опредѣлено особымъ закономъ. Первые дни преній, посвященныхъ учредительнымъ законамъ, были гораздо замѣчательнѣе, чѣмъ послѣдующія. Пока не установилось соглашенія внѣ палаты, пренія оставались безплодными, но были блестящи. Когда же впоследствии установилось наконецъ соглашеніе между правымъ центромъ и всѣми группами лѣвой стороны, тогда дѣло стало быстро подвигаться къ результату, но пренія были ничтожны: собраніе или новое большинство его просто обрѣтлось въ машину для вотированія. Въ первыхъ засѣданіяхъ 21-25 января замѣчательны были рѣчи легитимистовъ Карайона, Люсьена Брѣна, и республиканцевъ Жюля Фавра и Жюля Симона. Карайонъ хотѣлъ подтвердить пользу возстановленія монархіи той же депешей Бисмарка къ Арниму, въ которой высказывалось, что Франція при монархіи нашла бы союзны, которыхъ лишена при республикѣ, и что поэтому, не дѣло германской дипломатіи содѣйствовать возстановленію во Франціи монархіи. Но страшный шумъ, вызванный негодоміемъ по поводу ссылки на мнѣніе врага, воспрепятствовалъ оратору исполнить его намѣреніе. Люсьенъ Брѣнъ изложилъ съ большою ясностью, какъ понимаютъ септеннать легитимисты: по его мнѣнію Франція имѣетъ законнаго короля въ особѣ графа Шамбора и не слѣдника престола въ лицѣ графа Парижскаго; стало быть, излишне заниматься учрежденіями, а слѣдуетъ ограничиться обсужденіемъ закона о печати и другихъ подобныхъ законахъ, которые облечь въ маршала достаточной властью для охраненія порядка. Ж. Фавръ произнесъ сильную діатрибу противъ монархіи, напоминая, что она была реставрирована во Франціи иностранными штыками. Наконецъ Ж. Симонъ въ весьма убѣдительной рѣчи доказывалъ, что если собраніе отклонитъ отъ себя созданіе учреждений, то оно тѣмъ самымъ подпишетъ свой приговоръ, такъ какъ распущеніе его обратится въ необходимость. Большинствомъ 557 голосовъ противъ 188 рѣшено было, 22-го января, допустить второе чтеніе проекта Вантавона, а въ засѣданіи 25-го января, большинствомъ 512 голосовъ противъ 188, постановлено было перейти ко второму чтенію закона о сенатѣ. Въ засѣданіи 29-го числа собраніе однако отвергло, 341 голосами противъ 335, поправку Лабулэ, о внесеніи въ первую статью проекта Вантавона упоминанія о „французской республикѣ“. Это

неуспѣхъ былъ приписанъ отчасти рѣчи Луи Блана, который, несмотря на начавшіеся уже переговоры о соглашеніи нѣкоторыхъ членовъ праваго центра, всего лѣваго центра и всѣхъ фракцій лѣвой стороны, возсталъ 28-го числа противъ системы двухъ палатъ съ точки зрѣнія теоретическихъ принциповъ.

Знаменемъ, вокругъ котораго состоялось соглашеніе лѣваго центра и нѣкоторыхъ членовъ праваго—съ лѣвою стороною, послужила поправка Валлона къ 3-й статьѣ закона о факторахъ власти. Этой поправкой власть президента республики опредѣлялась согласно съ конституціей 1848 года, и ему предоставлялось право распушенія національнаго собранія, съ согласія сената. Республиканское значеніе поправки Валлона особенно уяснилось вслѣдствіе внесенія другой поправки, поправки Бертó, которою власть распушенія собранія предоставлялась маршалу Макъ-Магону даже безъ согласія сената, но именно только маршалу Макъ-Магону, а не какому-либо другому президенту исполнительной власти. Поправка Бертó являлась какъ-бы подтвержденіемъ „личнаго септенната“. Въ виду ея, поправка Валлона означала именно соглашеніе всѣхъ либеральныхъ партій на почвѣ фактической республики; эта поправка, соединяя учрежденіе сената съ упроченіемъ республики, въ видѣ допущенія, что у Макъ-Магона могутъ быть преемники, такіе же президенты республики, представляла настоящій контрактъ части орлеанистовъ съ лѣвою стороною: признайте республику, а мы вамъ дадимъ сенатъ, и примемъ такой сенатъ, какового вы сами желаете. Первымъ результатомъ установившагося соглашенія было принятіе въ засѣданіи 30-го января, 353 голосами противъ 352, предложеннаго тѣмъ же Валлономъ дополненія къ первой статьѣ проекта Вантавона, такого дополненія, въ которомъ глава государства былъ намѣренно названъ „президентомъ республики“. Это провозглашеніе республики большинствомъ одного „голоса“ послужило тѣмъ же для насмѣшекъ монархистскихъ органовъ, но оно было серьезно въ томъ смыслѣ, что удостовѣряло фактъ состоявшагося соглашенія. Затѣмъ, 1-го февраля Валлонъ развилъ свою поправку, относившуюся къ праву президента республики распускать національное собраніе, а 2-го февраля былъ поставленъ вопросъ о первенствѣ обсужденія между поправками Бертó и Валлона. Большинствомъ 354 голосовъ противъ 346, собраніе дало первенство поправкѣ Валлона. Мы упомянули впередъ о поправкѣ или контръ-проектѣ Валлона относительно сената потому, что именно этотъ контръ-проектъ обусловилъ то соглашеніе, которое, въ виду заключенія этого „контракта“, выразилось еще ранѣе его обсужденія въ собраніи, а именно уже при вотированіи дополнительной статьи Валлона къ закону о факто-

рахъ власти. Показавъ, чѣмъ обусловилося соглашеніе, состоявшее именно по поводу закона о сенатѣ, мы должны теперь дать болѣе точное понятіе о законѣ, о факторахъ власти, какъ онъ состоялся, и уже затѣмъ обратимся вновь къ закону о сенатѣ. Собраніемъ была принята первая статья проекта Вантавона (т.-е. комиссіей тридцати) объ организаціи властей, которая постановляла: 1) „маршалъ Макъ-Магонъ, президентъ республики, продолжаетъ отправлять (exerce) съ этимъ титуломъ исполнительную власть, которая возложена на него закономъ 20-го ноября 1873 г.; 2) онъ подлежитъ отвѣтственности только въ случаѣ государственной измѣны; министры отвѣтственны солидарно передъ палатами за общую политику правительства и отдѣльно за личныя свои дѣйствія; 3) законодательная власть отправляется двумя собраніями: палатою депутатовъ и сенатомъ; палата депутатовъ избирается всенароднымъ голосованіемъ въ условіяхъ, опредѣленныхъ избирательнымъ закономъ; образованіе сената опредѣляется особымъ закономъ“ (это послѣднее постановленіе нѣсколько отступало отъ редакціи проекта Вантавона; оно было принято въ приведенной формѣ, предложенной Марселемъ Барстои). Послѣ принятія 3-го параграфа, въ засѣданіи 29-го января, прочтенъ была дополнительная статья Валлона къ принятой уже 1-й статьѣ закона; предложеніе Валлона состояло въ слѣдующемъ: „президентъ республики избирается по большинству голосовъ сенатомъ и палатою депутатовъ, соединенныхъ въ національное собраніе; онъ назначается на семь лѣтъ, онъ можетъ быть избираемъ вновь (est rééligible). Въ засѣданіи 30-го января, это предложеніе Валлона было принято, какъ уже сказано выше, большинствомъ 353-хъ голосовъ противъ 352-хъ, и такимъ образомъ личный септеннатъ былъ превращенъ въ республику перевѣсомъ одного голоса. Затѣмъ, въ засѣданіи 2-го февраля была принята большинствомъ 449 голосовъ противъ 249 поправка Валлона къ дальнѣйшему (4-му) параграфу закона объ организаціи властей, предоставляющая президенту республики право распускать палату депутатовъ съ согласія сената. Какъ уже сказано выше, эта поправка Валлона была принята послѣ устраненія поправки Берто, которая предоставляла право распушенія не президенту республики, но лично маршалу Макъ-Магону, хотя и безъ согласія сената. Такимъ образомъ, этотъ рѣшительный шагъ въ смыслѣ установленія республики былъ сдѣланъ перевѣсомъ уже не одного голоса, но ровно 200 голосовъ. Такой неожиданный результатъ объясняется тѣмъ, что вождь всего праваго центра, герцогъ Брольи, видя, послѣ рѣшенія 30-го января, что лѣвая сторона одерживаетъ верхъ при помощи умѣренныхъ членовъ праваго центра (группы Валлона-Лаверня), склонившихся на сторону республики, подъ вліяніемъ страха,

внушаемаго бонапартизмомъ,—самъ перешелъ на сторону предложеній Валлона со всѣмъ своимъ войскомъ, дабы участвовать въ новомъ большинствѣ и дать маршалу возможность, при составленіи новаго кабинета, обратиться къ нему же или по меньшей мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ его друзей, такъ чтобы новый кабинетъ не былъ составленъ исключительно изъ людей лѣваго центра и группы Валлона-Лаверья. При дальнѣйшемъ обсужденіи закона объ организаціи властей неожиданно одержало верхъ прежнее большинство, принявъ предложеніе Равинеля, постановляющее, что палаты и правительство будутъ имѣть пребываніе въ Версалѣ.

Къ обсужденію о сенатѣ во второмъ чтеніи собраніе обратилось въ засѣданіи 11-го февраля. Докладчикомъ проекта коммисіи о сенатѣ былъ Лефевръ-Понталисъ. Проектъ предлагалъ образованіе сената изъ: 1) членовъ по праву, 2) членовъ, назначаемыхъ президентомъ республики, и 3) членовъ, избираемыхъ департаментами и колоніями; всего сенаторовъ должно быть не болѣе 300. На это Паскаль Дюпрá предложилъ слѣдующую поправку: „сенатъ образуется избраніемъ; избиратели его тѣ же, которые избираютъ палату депутатовъ“. Поправка Дюпрá была принята большинствомъ 332 противъ 310 голосовъ; но это былъ только сюрпризъ, состоявшійся при помощи бонапартистовъ, которые желали бы избранія сенаторовъ всеобщимъ избирательствомъ. Въ засѣданіи 12-го февраля, въ собраніе явился генералъ Сиссэ съ новымъ посланіемъ президента республики; въ этомъ посланіи маршалъ предостерегалъ собраніе, что послѣднимъ рѣшеніемъ „оно уклонилось отъ консервативныхъ принциповъ“. Собраніе въ томъ же засѣданіи, большинствомъ 368 голосовъ противъ 345, отвергло переходъ къ третьему чтенію проекта закона о сенатѣ, то-есть отвергло весь этотъ проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ принятъ по отдѣльнымъ статьямъ и съ поправкою Дюпрá. Тогда Бриссонъ потребовалъ, чтобы собраніе разошлось, и предложилъ немедленное обсужденіе распущенія его; Гамбетта упрекалъ правительство за оказанное давленіе на собраніе и поддерживалъ распущеніе. Собраніе отвергло его неотлагательность большинствомъ 407 голосовъ противъ 266-ти. Казалось, вся поддержка на соглашеніе снова потеряна, и потеряна благодаря ловкой тактикѣ Брольи, который внушилъ маршалу его посланіе. Но умѣренные члены лѣвой стороны рѣшились сдѣлать послѣднее усиліе къ поддержанію соглашенія: они рѣшились, во что бы то ни стало, жертвуя своими принципами, отвергая всякія поправки, во избѣжаніе новыхъ сюрпризовъ со стороны Брольи,—поддерживать контръ-проектъ о сенатѣ, составленный Валлономъ же, авторомъ успѣшно прошедшихъ прежде поправокъ къ закону объ образованіи властей. По этому контръ-проекту двѣ-третьи членовъ

сената, т.-е. примѣрно по 2 на каждый департаментъ, должны избираться особымъ избирательнымъ сословіемъ, состоящимъ изъ членовъ генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ, делегатовъ отъ муниципальных совѣтовъ (по одному отъ каждого муниципалитета); остальная же треть членовъ сената должна быть назначена нынѣшнимъ собраніемъ—и эта треть сенаторовъ, имъ назначенныхъ—должна быть безсмѣнна. Нѣтъ нужды объяснять, какъ нераціонально и даже прямо недобросовѣстно было такое желаніе большинства заручиться безсмѣннымъ званіемъ, благодаря единственно неограниченности нынѣшнихъ правъ собранія. Но такой именно сенатъ нуженъ орлеанистамъ для ихъ цѣлей, а республиканцы рѣшились поддерживать проектъ Валлона, лишь бы только состоялась окончательно республиканская конституція. Собраніе 22-го февраля признало неотлагательность обсужденія закона о сенатѣ; вслѣдствіе чего окончательное его принятіе могло состояться однимъ чтеніемъ. Благодаря дисциплинѣ, выказанной союзомъ лѣвой стороны съ правымъ центромъ въ пользу проекта Валлона, всѣ поправки къ нему были отвергнуты, и въ засѣданіи 24-го февраля онъ былъ окончательно принятъ большинствомъ 448 голосовъ противъ 241. Республика была вновь утверждена въ тотъ самый день, когда 27 лѣтъ тому назадъ она была провозглашена во Франціи во второй разъ. Тогда она изгнала орлеанскій домъ; теперь она установилась при помощи орлеанистовъ, въ числѣ которыхъ, за проектъ Валлона, подалъ голосъ даже принцъ Жуанвильскій. Затѣмъ, подлежалъ третьему чтенію законъ объ организаціи государственныхъ властей. Онъ былъ принятъ въ засѣданіи 25-го февраля, послѣ чего собраніе отсрочило свои засѣданія до 1-го марта. Такимъ образомъ, республика установлена, но съ тѣмъ, что въ составѣ установившаго ее большинства находится партія, которая будетъ пытаться ниспровергнуть ее въ пользу орлеанистской комбинаціи, при содѣйствіи сената. Для составленія новаго кабинета президентъ республики обратился—было къ президенту собранія, Бюффе, но вслѣдствіе отказа его намъ еще въ предстоящую минуту неизвѣстно, кто будетъ главою новаго кабинета.

НОВЫЙ АКАДЕМИКЪ.

Пріемъ А. Дюма-сына во французской академіи.

Письмо изъ Париза ¹⁾.

Великимъ событіемъ литературнаго міра за послѣдній мѣсяць былъ пріемъ Александра Дюма-сына во французской академіи.

Дюма занимаетъ въ нашей литературѣ видное мѣсто, значеніе котораго, по случайному стеченію обстоятельствъ, оказывается преувеличеннымъ. Въ особенности за предѣлами Франціи на него смотрятъ, какъ на представителя современнаго французскаго гения, и именно того въ этомъ гениѣ, что въ немъ есть смѣлаго и лучшаго. Тутъ вышло весьма понятное, впрочемъ, недоразумѣніе. Дюма не художникъ; я хочу сказать, что онъ не заботится объ изяществѣ слога; съ другой стороны, талантъ его—талантъ чисто буржуазный: онъ держится на одномъ уровнѣ развитія съ толпою читателей и зрителей; наконецъ—и это главнымъ образомъ объясняетъ его чрезвычайный успѣхъ—у него ровно настолько смѣлости, чтобы казаться очень смѣлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не очень скандализировать публику. Онъ держится золотой середины даже и тогда, когда съ виду кажется, что онъ блещетъ оригинальностью; вотъ его великій секретъ. Казаться оригинальнымъ, не будучи таковымъ—да это настоящее торжество!

Слова мои, разумѣется, требуютъ поясненія. Я сказалъ, что Дюма не художникъ. У него дѣйствительно вы не найдете ни удачнаго выбора словъ, ни мѣткихъ выраженій, ни яркой образности, которая бы вызывала внезапно въ умѣ какое-нибудь лицо или какой-нибудь пейзажъ. Онъ пишетъ тяжелымъ слогомъ и употребляетъ

¹⁾ Во изъясненіе недоразумѣнія, какое постигло „Письма изъ Англіи“, помѣщенные у насъ въ январской книгѣ, слѣдующія сдѣлать замѣтку. „Письма изъ Англіи“ начали дурнымъ отзывомъ о „нашихъ“ романахъ; одинъ изъ рецензентовъ, по этому поводу, принялъ нашихъ русскихъ романистовъ подъ свою защиту, упустивъ изъ виду, что въ письмахъ изъ Англіи могло говорить только объ англійскихъ романахъ. Настоящее письмо изъ Париза писано также иностранцемъ, французомъ, а потому встрѣчающіяся у него въ текстѣ: „мы“, „наши“ не должны никого вводить въ заблужденіе. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права сообщать читателямъ имени автора этихъ новыхъ писемъ; но можемъ сказать, что онъ имѣетъ большое право на авторитетъ въ современной французской литературѣ. — *Ред.*

самыя неудачныя обороты рѣчи. Его фразы длинны, вялы и многословны, испещрены „которыми“, и расплываются въ неидущихъ къ дѣлу вводныхъ предложеніяхъ. Нѣтъ ничего досаднѣе, какъ слышать, что его называютъ „великимъ писателемъ“. Напротивъ того, писатель-то и грѣшитъ въ немъ. Онъ пустилъ пыль въ глаза критикамъ нашей мелкой прессы рѣзкимъ и докторальнымъ тономъ, господствующимъ во всемъ, что онъ написалъ. Онъ пустилъ въ ходъ „слова“, парадоксальныя фразы, надъ которыми люди ахали. Этого было достаточно; никому не пришло въ голову взять любую страницу изъ его произведеній и изучить ее съ точки зрѣнія характера его слога.

Я прибавилъ также, что у него буржуазный талантъ, и что его мнимая смѣлость простирается ровно настолько, чтобы собирать толпу, не вызывая внимательства полицейскихъ. Во Франціи достаточно возвѣстить, что вотъ-моль готовится нѣчто чрезвычайное, и люди тотчасъ вообразятъ, что видѣли все то, что имъ наобѣщали, и уходятъ довольные. Я знаю одного романиста, который привлекаетъ покупателей тѣмъ, что распускаетъ слухъ, будто его послѣднее сочиненіе содержитъ весьма рискованныя картины. Послѣднія, конечно, отсутствуютъ, но книга тѣмъ не менѣе расходится въ двадцати изданіяхъ. Конечно, Дюма не прибѣгаетъ къ такимъ продѣлкамъ. Не составила легенда о смѣлости, съ какою, будто бы, онъ анатомируетъ человѣчскій трупъ. Вы понимаете, что это соблазняетъ любопытныхъ, и они предовольны, когда, прочитавъ какое-нибудь изъ его произведеній, находятъ въ немъ однѣ крайне нравственныя сентенціи. Вся смѣлость ограничивается немногими рѣзкими и трескучими выраженіями, поражающими среди тяжеловѣсной рѣчи. Прибавьте къ этому обычай разрѣшать общественныя вопросы посредствомъ громкихъ словъ и сценическихъ эффектовъ. Дюма и не подозреваетъ, что истинная смѣлость въ литературѣ заключается въ томъ, чтобы брать природу человѣческую такъ, какъ она есть, терпѣливо изучать ее и не стремиться втиснуть ее въ узкія рамки утопіи. Онъ же, точно первосвященникъ комментируетъ библію, рассуждаетъ о женщинѣ словно о какой-то машинѣ, гдѣ произвольно можно мѣнять механизмъ. И вотъ онъ рубитъ съ плеча, пророчествуетъ, приправляетъ природу самымъ диковиннымъ философскимъ соусомъ, какой только можно себѣ представить. Его: „Убей ее!“ воспроизражаемо. Написавъ страницъ тридцать мистической галиматіи о прелюбодѣйной женѣ, онъ кричитъ обманутому мужу: „Убей ее!“ Онъ весь высказался въ этомъ воплѣ, столь хитро подготовленномъ и столь фальшивомъ, столь несправедливомъ, столь недостойномъ истиннаго доктора социальныхъ наукъ, какъ бы выразился Бальзакъ.

Романистъ и драматургъ не убиваетъ женщинъ, даже самыхъ преступныхъ. Онъ ихъ изучаетъ.

Вся бѣда наша въ томъ, что у насъ нѣтъ въ настоящую минуту критики. Сентъ-Бёвъ былъ послѣднимъ авторитетнымъ судьей, создававшимъ и развѣнчивавшимъ знаменитостей. Многие суются рассуждать о литературѣ—надо же журналамъ матеріалъ для набора. Но появляющіяся статьи не что иное, какъ разбавленная водою книжныя объявленія. Это объясняетъ громадныя размѣры, какіе приняла слава Дюма. Конечно, многие улыбаются за его спиной, пожимая плечами. Я знаю салоны, гдѣ съ нимъ не церемонятся. Тѣмъ не менѣе, онъ пользуется такою извѣстностью, что его собратья никакъ не осмѣливаются нападать на него, боясь быть обвиненными въ зависти. Дѣло дошло до того, что одинъ издатель, собираясь выпустить новое изданіе „*Manon Lescaut*“, попросилъ предисловія у Дюма и вздумалъ помѣстить его портретъ во главѣ сочиненія аббата Прево. Теперь толкуютъ объ его предисловіи къ „*Imitation de Jésus-Christ*“. Не помѣстятъ ли и тутъ его портретъ?

Ужъ, конечно, я погрѣшилъ бы противъ патриотизма, еслибы не попросилъ иностранцевъ отнестись съ бѣльшимъ вниманіемъ къ цѣлой группѣ писателей, производящихъ гораздо меньше шума, чѣмъ Дюма. Я говорю о натуральной школѣ, ведущей свое начало съ Балзака; къ ней принадлежатъ Флоберъ и де-Гонкуръ. Я упомяну только о нихъ, какъ о старѣйшихъ этой группы. Въ сочиненіяхъ этихъ романистовъ слѣдуетъ искать современнаго французскаго гения, съ его страстью къ анализу, его стремленіемъ къ истинѣ, его заботою о стилѣ. Мнѣ говорятъ, что въ Россіи Дюма превознесень до небесъ, а между тѣмъ тамъ почти не знаютъ „*Madame de Bovary*“ Флобера и „*Germinie Lacerteux*“ де-Гонкура. По правдѣ сказать, это обидно для француза. Выходитъ, что иностранцы знакомы съ нашей современной литературой лишь съ ея слабой стороны. У насъ есть оригинальные писатели, истинно смѣлые и заслуживающіе тѣхъ похвалъ, которыя такъ щедро расточаются Дюма. Но дѣло въ томъ, что публики ими не восхищаются. Они слишкомъ рѣзки; слишкомъ беспощадно разсѣкаютъ человѣческій трупъ. И я понимаю, что иностранцы не знаютъ ихъ, потому что должны очень рѣдко встрѣчать ихъ имена въ бульварныхъ газетахъ, поклоняющихся кумирамъ дня...

И все-таки вступленіе Дюма-сына въ академію было счастливымъ событіемъ. Какое бы мѣсто ни занималъ онъ въ литературѣ, онъ тѣмъ не менѣе современный талантъ, новаторъ въ глазахъ большинства. Натуральная школа, новое направленіе, явившееся послѣ романтизма, приняли вмѣстѣ съ нимъ въ храмъ традиціи. Съ этой точки зрѣ-

ніа, публичное торжество его приѣма представляло живѣйшій интересъ.

Много обстоятельствъ еще усиливали этотъ интересъ. Отецъ Дюма, старшій Дюма, не былъ членомъ академіи, куда онъ, однако, не разъ порывался постучаться. Но онъ могъ знать заранѣе, что его забравуютъ, потому что онъ велъ слишкомъ безпорядочную жизнь. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, большимъ искателемъ приключеній, вѣчно въ долгу какъ въ шелку; растрчивалъ на невозможныя предпріятія миллионы, зарабатываемые имъ, работалъ и наслаждался съ широкой улыбкой удовлетвореннаго великана. Вотъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, одаренъ былъ необузданнымъ гениемъ, силой воображенія, подобной которой не выказывалъ ни одинъ писатель, ни въ какой литературѣ. Онъ остался колоссомъ изъ золота и бронзы на глиняныхъ ногахъ. Понятно, что его аллуріи вода, сорвавшаяся съ привязи, приводили въ ужасъ мирныхъ старцевъ, дремлющихъ въ креслахъ, отвѣденныхъ для „безсмертныхъ“. Напротивъ того, Дюма-сынъ долженъ былъ имъ понравиться. Онъ столько же холоденъ и расчетливъ, сколько отецъ его пылокъ и расточителенъ. Онъ держитъ свой талантъ подъ замкомъ въ кубышкѣ, и года въ два-три вынимаетъ оттуда нѣсколько страницъ и пускаетъ ихъ въ обращеніе, послѣ преварительныхъ и весьма сложныхъ банковыхъ операцій. Съ другой стороны, онъ не кутилъ напропалую въ лучшіе годы своей жизни; женился, нажилъ состояніе, аккуратно ложится спать въ десять часовъ вечера; собираетъ артистическія рѣдкости и картины, на которыхъ я подозреваю, дѣлаетъ аферы. Поэтому, ему стоило только постучаться въ академію—и его приняли съ распростертыми объятіями. Эта послѣдняя воспользовалась также, быть можетъ, случаемъ, почти память старшаго Дюма. Принимая сына, она впускала имя отца. Какъ бы то ни было, любопытство было сильно возбуждено, потому что всѣ ждали, что Дюма-сынъ громко заявитъ о правѣ названіе академика знаменитаго повойника.

Надо сказать, если я уже заговорилъ о диковинности выбора академіи, что она часто бываетъ въ большомъ затрудненіи. Эта корпорація, вмѣщающая въ себѣ свѣтскихъ людей, прелатовъ, профессоровъ, ораторовъ и даже нѣсколькихъ писателей, живетъ традиціями. Она не можетъ, не подписавъ себѣ смертнаго приговора, открыть свои двери всѣмъ гениальнымъ людямъ. Этимъ объясняется то, что она не допустила въ свое лоно Мольера, Бальзака, Мишле. Это объясняетъ также, почему Викторъ Гюго, будучи академикомъ, не ползалъ своего носа въ академію въ теченіи двадцати-пяти лѣтъ. Элементъ чисто литературный терпитъ въ ней въ самыхъ умѣренныхъ дозахъ, такъ чтобы онъ никакъ не могъ взять перевѣсъ и

оказаться большинствомъ. Выборы въ академію зачастую бываютъ политическіе. Въ послѣднее время тамъ властвовалъ Гизо. Онъ утѣшался такимъ образомъ въ утратѣ власти и могъ ласкать себя мыслью, что все же управляетъ цѣлымъ міромъ. Совсѣмъ тѣмъ, время отъ времени необходимо впустить и писателя. Театръ, романъ, поэзія должны имѣть своихъ представителей. И вотъ, именно тогда, когда одно изъ рѣдкихъ креселъ, отведенныхъ литературѣ, пустѣетъ, начинаются затрудненія академіи. Гдѣ найти литератора съ достаточно сильнымъ талантомъ, чтобы оправдать оказываемую ему честь, но не слишкомъ безпкойнаго для своихъ собратьевъ. Много порядочности и нѣкоторая доза дюжинности — вотъ идеаль! Но порою бываютъ имена, устранить которыя нѣтъ возможности. Таково имя Дюма. Разъ приходилось выбирать драматическаго писателя, невозможно было его обойти. Тѣмъ болѣе, что, повторяю, онъ далеко не такъ страшенъ, какъ то кажется. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ ударился въ мистицизмъ и ведетъ себя хорошимъ католикомъ. Академія могла, слѣдовательно, на этотъ разъ угодить публикѣ и выказать яко бы мужество, хорошо зная, между тѣмъ, что впускаетъ вовсе не волка въ овчарню.

Дюма прежде всего знатокъ сцены. Миѣ не нравится его языкъ, его искусственный характеръ, его эффектныя тирады, за которыми постоянно чувствуешь автора, выглядывающаго изъ-за спины дѣйствующихъ лицъ. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что онъ остается въ настоящую минуту единственнымъ драматургомъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Викторіенъ Сарду только забавникъ. Эмиль Ожье и Октавъ Фелье мало пишутъ. Дебюты Дюма на театрѣ общали даже больше, чѣмъ онъ сдержалъ. Въ своихъ первыхъ пьесахъ онъ еще не былъ тѣмъ грознымъ проповѣдникомъ, какимъ сдѣлался впоследствии. Страсть его исправлять родъ людской проявилась въ *Demi-Monde*. Со времени этой комедіи зло усилилось; мысль, что на немъ лежитъ миссія, обратилась у него въ манію. Его, конечно, очень бы обидѣли, еслибы сказали, что женщины настоящаго столѣтія не обязаны до нѣкоторой степени ему своей добродѣтели. Иллюминать совсѣмъ поглотилъ драматурга. Часто я сожалѣлъ объ этомъ пагубномъ направленіи въ такомъ практическомъ умѣ, потому что, повторяю, у него много искусства и много ловкости; онъ вполнѣ понимаетъ сцену, а это совершенно особая способность, которая не дается однимъ навыкомъ. Иныя изъ его пьесъ удивительны по своей специчности. Онъ пользуется всякимъ эффектомъ, но не съ узкостью пониманія Скриба, а съ простотой и весьма замѣчательною изобрѣтательностью средствъ. Я видалъ его противниковъ, выходившихъ изъ театра въ восторгѣ послѣ перваго представленія. Размышленіе при-

ходило позже. Непосредственнымъ же впечатлѣніемъ было искреннее восхищеніе этимъ даровитымъ человѣкомъ, заставляющимъ вѣрить, благодаря оптическому обману, производимому сценой, въ самыя невѣроятныя положенія и лица, и исторгающимъ крикъ удивленія у цѣлой залы. Такое чудо совершилось, на примѣръ, на первомъ представленіи *Monsieur Alphonse*. Пьеса произвела фуроръ; въ корридорахъ публика обнималась отъ волненія. На слѣдующіе дни со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія; ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не оказалось вѣроятнымъ; пьеса рассыпалась прахомъ.

Итакъ, академія приняла въ свое лоно въ лицѣ Дюма драматурга, и приняла по всей справедливости. Событіе, какъ я уже выразился, возбудило большое любопытство во всей образованной публикѣ. Поэтому, въ четвергъ, 11-го февраля, у дверей академіи образовался хвостъ уже съ одиннадцати часовъ утра. Въ послѣднюю недѣлю входные билеты продавались на вѣсь золота. Я знаю, что одно лицо заплатило за свой двѣсти франковъ. Обыкновенно приемы происходятъ семейнымъ образомъ, среди публики особаго сорта, составленной изъ старичковъ и старушекъ, связанныхъ съ академическимъ міромъ болѣе или менѣе отдаленными узами родства. На этотъ разъ весь beau-monde Парижа былъ тутъ: принцесса Матильда, орлеанскіе принцы, генералы, министры. М-лле Круазетъ, актриса *Comédie-Française*, произвела необыкновенную сенсацію, появившись въ прелестной бѣлой шляпкѣ; солиднымъ сводамъ дворца Мазарини не часто достается видѣть такихъ хорошенькихъ особъ. Публика, прибывшая въ полдень, должна была ждать до часу. Въ трибунахъ была такая давка, что одной дамѣ сдѣлалось дурно. Ничего не можетъ быть любопытнѣе этой узкой залы, куда пристава ухитряются напихать вдвое больше народа, чѣмъ сколько она можетъ вмѣстить: они приносятъ скамьи, табуреты, складныя стулья; они размѣщаютъ дамъ повсюду, между скамейками, въ проходахъ, у самаго бюро. Вскорѣ нѣтъ ни одного закоулка свободнаго; видишь компактную массу головъ; нельзя пошевелить рукой, нельзя вытащить платка изъ кармана, и если скучно, то можешь спать съ увѣренностью, что не упадешь.

Наконецъ, ровно въ часъ появляются академики. Сначала выступаетъ бюрб: гг. д'Оссонвиль, Патенъ и Руссъ; затѣмъ входитъ новобранецъ, Дюма, въ сопровожденіи своихъ двухъ крестныхъ отцовъ: гг. Камилла Дусэ и Легуве. Эти шесть лицъ одѣты въ академическій мундиръ изъ темно-зеленаго сукна, вышитаго широкой гирляндой дубовыхъ листьевъ изъ свѣтло-зеленаго шелка. Костюмъ невѣжень; всякій субъ-префектъ наряднѣе въ своемъ раззолоченномъ мундирѣ. Затѣмъ, позади этихъ господъ появляется толпа академи-

ковъ въ сюртукахъ, пальто и пр. У однихъ обмотаны фуляры вокругъ шеи; другіе совсѣмъ ушли въ громадные кашне. И вообще никакого парада: самый безцеремонный *sans-façon* ученыхъ, пренебрегающихъ пустыми заботами кокетства. Прибавьте, что большинство этихъ господъ не имѣетъ въ наружности ровно ничего торжественнаго: есть между ними жирные, есть тощіе; видишь лица, сморщенные какъ сухой грибокъ, и круглыя фізіономіи, точно бочки; почти всѣ плѣшвы, за исключеніемъ немногихъ, щеголяющихъ длинными кудрями мечтательныхъ поэтовъ. Поэтому, въ залѣ раздается шопотъ удивленія, когда они толпятся у двери, точно стадо барановъ, толкается и бѣгутъ на свои мѣста среди невыразимой сумятицы. Есть лица оригинальныя: маленькій старикъ весь скрюченный, съ лицомъ чернымъ, какъ у пряничной куклы; высочій старикъ, точно сколоченный топоромъ, вызываетъ сдержанную улыбку у дамъ. Наконецъ, эти господа усѣлись; самые забкіе вынули изъ кармановъ шелковые колпаки и прикрыли ими свои голые черепа; смѣльчаки ограничились тѣмъ, что подняли воротникъ своего пальто, потому что въ залѣ свѣжо, не взирая на толпу народа. И засѣданіе открылось.

Дюма стоитъ направо отъ бюро, между своими двумя крестными отцами. Листки его рѣчи лежатъ передъ нимъ на традиціонномъ попитрѣ. Онъ очень блѣденъ. Нѣтъ ничего мучительнѣе этой торжественной минуты, когда не привыкъ говорить въ публикѣ. Однако онъ рѣшается, и начинаетъ нѣсколько глухимъ голосомъ, упорно уставивъ глаза въ бумагу. Онъ читаетъ безъ единого жеста, безъ единой остановки, безпрестанно передергивая плечами. Мало-по-малу голосъ его становится тверже, но вся поза остается неуклюжей и втянутой. Правда и то, что дамы не спускаютъ съ него глазъ, молоденькія дѣвушки не отводятъ биноклей отъ его лица. Я побожусь, что онъ дорого бы далъ, чтобы его рѣчь была прочитана *in-De Круазетъ*, нѣжно улыбающейся, на него глядячи.

Подробный разборъ рѣчи Дюма завлекъ бы меня слишкомъ далеко. Вспомните, что этого рода рѣчи говорятся въ теченіи часа. Поэтому, я буду по возможности кратокъ. Во-первыхъ, всѣ очень удивились тому, что Дюма посвятилъ памяти отца лишь первыя строчки своей рѣчи; всѣ ожидали, какъ праздника, самаго подробнаго разбора. Затѣмъ, всѣ подивились и тому, что новый академикъ рѣшился заговорить на академическомъ языкѣ, не позволяя себѣ ни одной изъ тѣхъ энергическихъ аксіомъ, которыми прославился. Онъ очень разсудительно похвалилъ Лебрёна, „безсмертнаго“ покойника, которому онъ наследуетъ. Правду сказать, панегирикъ этому поэту, позабытому еще при жизни, былъ довольно неблагодарнымъ дѣломъ. Лебрёнъ, авторъ „Маріи Стюартъ“, заимствованной имъ у Шиллера,

былъ несомнѣнно честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но литература понесла въ немъ не такую не вознаградимую утрату, чтобы надо было ее долго оплакивать. Къ тому же, публикѣ не было равно никакого дѣла до Лебрѣна. Она пришла не затѣмъ, чтобы ей говорить о такомъ поэтѣ, чьи стихи были незнакомы четыремъ-пятьмъ изъ присутствующихъ. Поэтому, пока рѣчь шла о покойникѣ, публики качала головами и дремала. Всѣ сторожили живого. Смѣхъ и апплодисменты приберегались главнымъ образомъ для вводныхъ эпизодовъ въ его рѣчи.

Я упомяну о двухъ изъ этихъ вводныхъ эпизодовъ. Дюма заговорилъ не безъ натяжки о *Cid*'ѣ и ссорѣ, возникшей по поводу этой трагедіи между Ришлье и Корнелемъ. Исторія повѣствуетъ, что великій министръ былъ очень плохимъ поэтомъ, и что блестящіи успѣхъ *Cid*'а возбудилъ въ немъ такую жестокую зависть, что онъ поручилъ академіи довазать публикѣ нелѣпность ея апплодисментовъ. То было одно изъ тѣхъ грязныхъ побужденій, которыя природа допускаетъ закрадываться въ самыя возвышенныя души. Но Дюма измѣняетъ все это съ той потребностью исказить природу, которая непрерывно его мучитъ. Люди не кажутся ему достаточно хорошими, такими, каковы они суть; онъ желаетъ передѣлать ихъ на свой ладъ. По его мнѣнію, Ришлье не могъ руководиться низкой завистью. Если онъ преслѣдовалъ трагедію Корнеля, то изъ патріотизма; онъ не желалъ, чтобы поэтъ воспѣвалъ на сценѣ испанскаго героя въ то самое время, когда Франція враждовала съ Испаніей. Онъ опасался, кромѣ того, чтобы рыцарскія восклицанія Родрига у ногъ Шимена не послужили худымъ примѣромъ для французскаго дворянства. И, исходя изъ этого, строить цѣлую теорію и успокоивается не раньше, какъ навязавъ Ришлье свои собственныя мысли и свой собственный языкъ. Тутъ можно прослѣдить его обычную манеру: завладѣвъ какимъ-либо лицомъ, онъ начинаетъ съ того, что отнимаетъ отъ него все человѣческое: мнимыя слабости, которыя лишь отгѣняютъ высшія качества; затѣмъ, когда создастъ желанную куклу, онъ надѣляетъ ее утопическими мечтами своего собственного воображенія.

Другой вводный эпизодъ интереснѣе. Уже впередъ было извѣстно, что Дюма будетъ говорить о современномъ театрѣ, и всѣхъ интересовало то, что онъ скажетъ объ этой области, гдѣ онъ царь. Онъ не скрывалъ отъ своихъ друзей, что разчитываетъ воспользоваться случаемъ, чтобы защититься отъ упрека въ безнравственности, которымъ долго преслѣдовали его пьесы. Но вся его защита ограничилась требованіемъ для драматическаго писателя полной свободы: общество безпрестанно возобновляется; поле наблюденія для драматурга безконечно. Каждый годъ новыя лица могутъ быть выведены

на сцену. И онъ справедливо прибавилъ, что публика гораздо строже, чѣмъ самыя чопорныя критики; что никогда публика не потерпитъ непристойности. Она держитъ самую строгую цензуру, которой должны подчиняться величайшіе писатели. Затѣмъ, отвѣчая на обвиненіе, что нельзя возить молодыхъ дѣвушекъ на нѣкоторыя изъ современныхъ пьесъ, онъ сказалъ совершенно основательно: „Я слишкомъ уважаю молодыхъ дѣвушекъ, чтобы приглашать ихъ слушать все, что я могу сказать; но тоже слишкомъ уважаю свое искусство, чтобы ограничивать его тѣми границами, въ которыхъ оно имъ доступно“.

Вся эта часть рѣчи Дюма безспорно лучшая. Чувствуешь, что онъ у себя дома. Конечно, и тутъ слышится эхо знаменитыхъ предисловій, которыя онъ предпосылаетъ своимъ пьесамъ. Мысль о женщинѣ не покидаетъ его. Женщина вмѣстѣ и царица, и раба, необходима и бесполезна, опасна и нужна. Онъ убиваетъ ее ударами каблука, и помѣщаетъ въ рай блаженства. У насъ, во Франціи, существуетъ другой примѣръ писателя, вѣчно преслѣдуемаго мыслью о женщинѣ. Я говорю о Мишлѣ, кончившаго тѣмъ, что онъ сдѣлалъ изъ женщины чувствѣнный рычагъ, на которомъ вертится міръ. Дюма не такъ чувствителенъ; Мишлѣ преклонялъ колѣна съ рыданіями; а Дюма выступаетъ законодателемъ, исповѣдникомъ, наставникомъ душъ. Рассказываютъ, что ежедневно къ нему пріѣзжаютъ тайкомъ женщины совѣщаться, открывать ему свое сердце, каются въ своихъ прегрѣшеніяхъ, просятъ утѣшеній и совѣтовъ. Въ гостинныхъ зачастую видишь его растянувшимся въ креслѣ и окруженнымъ тройнымъ рядомъ прелестныхъ духовныхъ дочерей, вмѣстѣ съ нимъ судящихъ и рьящихъ о любви. Какъ надо любить? Какъ надо выпроваживать изъ дверь надоѣвшаго любовника? Какой самый вѣрный путь обратиться на путь истинный невѣрнаго мужа? Къ тому же, все это дѣлается во имя строжайшей морали. Это—первосвященникъ, врачующій больныя сердца. Такимъ образомъ, Дюма занимаетъ огромное мѣсто въ нашей эпохѣ, онъ—Сенъ-Венсенъ-де-Поль несчастныхъ любовницъ.

Въ цѣломъ его рѣчь встрѣтила довольно лестный пріемъ. Но вѣло въ томъ, что ожидали лучшаго. Я слышалъ, какъ двѣ дамы ѣздили, что нѣкоторыя мѣста его рѣчи плохо написаны; это сужденіе меня очень удивило. Разсчитывали на какую-то блестящую импровизацію, на нѣчто такое, что составитъ эпоху въ лѣтописяхъ академіи. Когда Дюма усѣлся, радуясь, что свалилъ бремя съ плечъ, онъ показалось, что маленькія, обтянутыя перчатками, ручки m-lle Круазетъ тщетно старались возбудить новый взрывъ апплодисментовъ; ничего не воспослѣдовало.

Въ теченіи пяти минутъ, большая сумятица царствовала въ залѣ. Затѣмъ у бюро г. Д'Оссонвиль принялся читать въ свою очередь. То былъ отвѣтъ новобранцу. Г. Д'Оссонвиль—бывшій дипломатъ, и академія приняла его въ качествѣ историка. Онъ дѣйствительно написалъ нѣсколько сочиненій, и изъ нихъ два главнѣйшія: *l'Histoire de la politique extérieure du gouvernement français de 1830 à 1848*, и *l'Histoire de la réunion de la Lorraine à la France*. Очень высокаго роста, очень сильный, атлетомъ выносящій свои шестьдесятъ-шесть лѣтъ, онъ одинъ изъ тѣхъ либеральныхъ дворянъ, которые въ наше время перенесли въ область политики и литературы ту воинственность, какую прежде выказывали на полѣ брани. Это весьма приятный свѣтскій господинъ, сохранившій традицію изящной рѣчи и вѣжливыхъ манеръ нашихъ отцовъ. Поэтому, контрастъ съ Дюма былъ поразительный. Два міра сошлись лицомъ къ лицу: старая Франція—съ ея тонкой ироніей, изящной и благодушной рѣчью, ея высокоумной фамильярностью, и современная Франція—съ ея рѣзкимъ образомъ дѣйствій, съ ея лихорадочной рѣчью, ея пытливостью, ничего не щадащей. Съ первыхъ словъ, произнесенныхъ г-мъ Д'Оссонвиль всѣ почувствовали, какая пропасть отдѣляетъ его отъ Дюма. Онъ спокойно сидѣлъ у бюро, рассуждая какъ въ салонѣ и какъ бы бросая публикѣ скромнымъ и любезнымъ движеніемъ руки свои фразы. Онъ улыбался, опровергивался назадъ, велъ дружескую бесѣду. Когда готовился высказать какую-нибудь колкость, то это угадывалось по его лицу, внезапно принимавшему лукавое выраженіе. Никогда ораторъ не былъ болѣе въ своей тарелкѣ. Забудьте при этомъ, что д'Оссонвиль страдаетъ сильной глухотой; но этого не было замѣтно, потому что онъ какъ будто прислушивался къ собственнымъ словамъ и останавливался въ тѣ моменты, когда ему апплодировали.

Вотъ когда зрѣлище стало необыкновенно любопытнымъ. Академики, слушавшіе Дюма, надувъ губы, точно они не довѣряли этому пришельцу,—вдругъ повеселѣли. Вѣдь теперь заговорилъ одинъ изъ ихъ братіи: они признавали это по его тоненькому голосу; они наслаждались каждымъ его словомъ, какъ чопорные люди, снова отившіеся въ семьѣ. Сама публика, очарованная любезнымъ тономъ г. д'Оссонвила, внимала ему съ улыбкой. И дѣйствительно, ораторъ былъ очень занимателенъ. Отвѣтъ г-ну Дюма, сдержанный по формѣ, заключалъ самую ѣдкую критику. Ну, развѣ это не забавно? Дюма осыпанъ почестями, Дюма не можетъ слова сказать, чтобы цѣлый легионъ почитателей не пришелъ въ неистовый восторгъ. Дюма желаетъ попасть въ академики, и академія принимаетъ его съ распростертыми объятіями. И вотъ, вдругъ, въ торжественный день его приема, когда весь интеллигентный Парижъ собрался поглядѣть, какъ его

будуть увѣнчивать лаврами безсмертія, ему прямо въ лицо высказываютъ самое строгое сужденіе, какое только кто-либо осмѣливался произнести объ его талантѣ. Да, у г-на д'Оссонвиля хватило на это мужества. Онъ высказалъ истинны, которыхъ не осмѣлился бы произнести ни одинъ изъ нашихъ журналистовъ. Эта академія, осмѣиваемая и возбуждающая насмѣшку, это собраніе инвалидовъ, вызывающее игривое настроеніе ума во всѣхъ дебютантахъ, выказала смѣлость, достойную всяческой похвалы; конечно, я не чувствую къ ней слѣпой вѣжности: она дряхла, она очень мало оказываетъ услугъ литературѣ; но я долженъ признаться, что испыталъ живѣйшую радость, найдя, что она моложе всѣхъ насъ.

Можно ли представить что-либо тоньше ироніи г. д'Оссонвиля, разсматривающаго, вслѣдъ за Дюма, вопросъ о безнравственности въ литературѣ. Дюма оправдывался слегка отъ упрека, будто онъ безнравственный писатель; онъ даже какъ будто желалъ дать понять, что его геній одинъ отвѣтственъ за смѣлости, пугающія дюжинныхъ людей. На самомъ дѣлѣ онъ не прочь былъ сохранить вокругъ чела лабый ореолъ адскаго сіянія. И вотъ, г. д'Оссонвиль говоритъ ему звонкимъ ласковымъ голосомъ: „Вы? безнравственны? Полноте! Вы съ полнымъ правомъ отвергаете этотъ упрекъ. На мой взглядъ вы очень нравственны, слишкомъ нравственны“. Академія находитъ Дюма слишкомъ нравственнымъ, развѣ это не прелестно? Но стоить привести слова самого д'Оссонвиля. „Ваши приемы такъ ловки, что вы умѣете примирить самыя противоположныя вещи. Ваши произведенія будутъ всегда наслажденіемъ для изящныхъ умовъ. Но только подражатели пятася неизбежно, и вотъ я боюсь, какъ бы кто изъ нихъ не скалъ мнѣ, какъ въ сатирѣ Буало: „любите ли вы мораль? ее теперь суду пихаютъ“. Я ничего не имѣю противъ морали, я даже соглаея принимать ее въ большихъ дозахъ, но желаю, чтобы мнѣ подюсили своевременно, и рассчитываю, что вы, милостивый государь, въ случаѣ надобности, за-одно со мной осудите безтолковыхъ людей, которые, подъ предлогомъ новаторства, вздумаютъ перенести проповѣдь въ театръ“. Нельзя откровеннѣе высказать правду человѣку. Кѣ слова тутъ попадаютъ въ дѣль. Замѣйте, что безтолковый новаторъ, переносащій проповѣдь въ театръ, не кто иной, какъ самъ Дюма. Намѣкъ на послѣднія его пьесы, въ особенности на *La Femme e Claude*—ясенъ. Итакъ, Дюма пришлось выслушать себѣ приговоръ; еликій драматургъ, дерзость котораго возбуждаетъ пріятный третъ въ буржуазіи, преисполненъ морали! И это святая истина, и акъ нельзя лучше характеризуетъ талантъ этого писателя. Онъ составитель проповѣдей, мнимый наблюдатель, и топить въ невообрази-

мой путаницѣ философскихъ бредней тѣ немногія истины, на которыя ему случается набрести.

Есть два рода наблюдателей: одни наблюдаютъ какъ ученые, другіе—какъ медики. Первые любятъ истину; они изучаютъ человѣка во всѣхъ его даже безобразіяхъ потому, что находятъ человѣческой организмъ крайне интереснымъ; ихъ привлекаетъ опытъ; анализъ для нихъ высшее наслажденіе. Вторые—напротивъ того, оквачены страстью лечить; если они обратятъ вниманіе на какую-нибудь любопытную нравственную болѣзнь, то лишь затѣмъ, чтобы немедленно придумать противъ нея лекарство. Въ своей торопливости они удѣлятся за первый попавшійся діагнозъ и запутываются въ тезисахъ всякаго сорта, сыплютъ рецептами, забывая о пациентѣ изъ любви къ медицинѣ. Бальзакъ былъ однимъ изъ первыхъ, Дюма принадлежитъ ко вторымъ.

Конечно, г. д'Оссонвиль не упрекалъ Дюма въ томъ, что онъ старается морализировать массу въ театрѣ. Но онъ очень мѣтко опредѣлилъ роль драматическаго писателя съ точки зрѣнія его вліянія на нравы. „Я не считаю, сказалъ онъ, что театръ есть школа для народнаго обученія, или непригоднѣйшее мѣсто для развитія нѣкоторыхъ положеній, какъ бы ни были они нравственны, или же для проведенія иныхъ реформъ, какъ бы ни были онѣ полезны. Риску показаться вамъ слишкомъ неприхотливымъ, я ограничиваюсь тѣмъ, что требую отъ драматическаго писателя,—предоставляя ему, впрочемъ, совершенную свободу дѣйствія,—чтобы при выходѣ изъ театра зрители и зрительницы были лучше настроены душевно, чѣмъ при входѣ. Вотъ и вся мораль, какой я отъ него требую“. Конечно, это очень широкій взглядъ, и никто не ожидалъ столько литературнаго либерализма отъ академика.

Я приведу еще отвѣтъ на фразу Дюма о молодыхъ дѣвушкахъ, которымъ онъ воспрещаетъ входъ въ театръ, дабы имѣть возможность свободно трактовать тамъ о всякихъ предметахъ. Г. д'Оссонвиль не настолько чопорень. „Что до меня касается, то я не стану отсовѣтывать отцамъ семействъ возить своихъ дочерей на представленіе пьесъ Мольера, хотя онѣ и рискуютъ услышать нѣсколько безцеремонныя словечки, нынѣ изгнанныя современною чопорностью нашего языка. Я знавалъ, напротивъ того, матерей, которыя бы охотно увели своихъ дочерей изъ церкви, чтобы предохранить ихъ отъ иныхъ поученій, высказываемыхъ съ кафедръ. Какъ ни невинны и святы дорогія существа, составляющія радость и честь нашего очага, но нѣтъ нужды воспитывать ихъ въ тепличной атмосферѣ“. Это неподражаемо. Итакъ, мы видимъ теперь, что академія посылаетъ молодыхъ дѣвушекъ въ театръ, тогда какъ Дюма, самъ грозный Дюма

не желаетъ допустить ихъ туда. И замѣтите фразу: „поученія, высказываемыя съ каедръ?“ Досталось и католичеству на орѣхи.

Рѣчь г. д'Оссонвила текла, плавная, остроумная, насмѣшливая, опровергая одно за другимъ положенія Дюма. Это неумолимая критика, которую ничто не обезоруживаетъ. Надо было слышать, какъ солидный историкъ, старинный дипломатъ Луи-Филиппа, подсмѣивается надъ авторомъ *La Dame aux camélias* по случаю его слабости къ женскому полу. Напомнивъ объ его первыхъ пьесахъ, гдѣ женщины обращались на путь истинный, усыпанный цвѣтами, онъ прибавляетъ: „кажется, что вы не долго вѣровали, что снисходительность есть наилучшее средство съ успѣхомъ довести до конца крестовый походъ, предпринятый вами противъ нарушенія супружеской вѣрности. Можно подумать, что въ настоящее время мы слышимъ негодующаго законодателя, оскорбленнаго тѣмъ, что не обращаютъ вниманія на его поученія, и рѣшающагося подкрѣпить ихъ, въ случаѣ нужды, самыми строгими наказаніями... Всѣ средства для васъ хороши, чтобы карать невѣрныхъ женъ. Пусть онѣ отыгнѣ опасаются хорошенькихъ ножей съ ручкой изъ нефрита, которые валяются на письменныхъ столахъ, или пистолетовъ, которые ихъ мужья взяли пагубную привычку носить въ карманахъ, а также и ружей, новой конструкціи, забываемыхъ на дворѣ; пусть онѣ дрожать при мысли о тѣхъ усовершенствованныхъ пушкахъ, которыми вы имъ издали грозите и которыя современемъ будутъ служить орудіемъ всеобщей казни. Конечно, смѣлы будутъ тѣ, которыя не отступать передъ такимъ грознымъ орудіемъ нравственности“. Зала встрѣчала каждую изъ этихъ фразъ взрывомъ хохота; намѣки на развязку *Affaire Clémenceau* и *La Femme de Claude*, улавливаемые всѣми, увеселяли самихъ академиковъ.

Г. д'Оссонвилъ не преминулъ высказать свое мнѣніе о странной легендѣ, рассказанной Дюма по поводу Сида. Диковинная щепетильность Ришлье, осуждающаго Родрига за то, что онъ испанецъ, вызвала въ немъ улыбку, какъ не совсѣмъ удачная выдержка драматическаго автора. Исторія отнюдь не подтверждаетъ этой новой редакціи ссоры, оставшейся знаменитой. Между прочимъ, онъ забавно воскликнулъ: «что вамъ сдѣлала Шимена Корнеля?» Десятью строками выше онъ обвинялъ Дюма въ томъ, что онъ не въ состояніи оставаться хладнокровнымъ съ женщинами. Онъ какъ будто желалъ ему дать понять, что ему извѣстна его роль дамскаго утѣшителя. Онъ намекаетъ ему, что онъ черезчуръ много занимается ими, что онѣ кружатъ ему голову, что онѣ постоянно держатъ его въ состояніи возбужденія, нѣжнаго или гнѣвнаго, лишающаго его яснаго пониманія вещей. Все это очень справедливо и выражено съ

такимъ тактомъ, что нельзя разсердиться. Онъ кончаетъ слѣдующими словами: «возвышенная любовь порождаетъ возвышенныя чувства. Вотъ почему не будьте слишкомъ строги къ Шименамъ, если паче чаянія, встрѣтите таковыхъ на своемъ пути. Вы не только доставили бы намъ живѣйшее удовольствіе, но и оказали бы большую услугу, еслибы дали намъ случай рукоплескать на сценѣ личностямъ, которыя бы хотя немного ихъ напоминали. Это усиліе достойно вашего таланта». Такимъ образомъ, урокъ патриотизма, который Дюма хотѣлъ дать Корнелю, обращенъ былъ въ чисто литературный урокъ, данный ему самому.

Успѣхъ г. д'Оссонвиля былъ полный. Его собраты академики не пропускали ни одного замѣчанія, не подчеркнувъ его. Я читалъ на улыбающихся лицахъ „безсмертныхъ“, разбитыхъ старостью, все удовольствіе, какое имъ доставляла эта остроумная бесѣда. Иные раскрывали беззубые рты, смѣявшіеся точно заржавленный шпатель. У другихъ изъ-подъ густыхъ бровей сверкали невыразимымъ лукавствомъ маленькіе глазки. Публика, въ особенности дамы, рукоплескала г. д'Оссонвилю, какъ рукоплескали Дюма, но только громче.

И порою всѣ глаза обращались на послѣдняго, чтобы видѣть, какое у него выраженіе. Онъ чувствовалъ на себѣ эти любопытныя взоры, слѣдившіе за малѣйшими измѣненіями его фізіономіи, и мужественно переносилъ ѣдкія эпіграммы, дождемъ сыпавшіяся на него. Онъ ухитрился даже улыбаться, когда вся зала смѣялась. Словомъ, онъ велъ себя очень храбро. Но я полагаю, однако, что онъ долженъ былъ почувствовать большое облегченіе, когда г. д'Оссонвиль положилъ на бюро послѣдніе листы своей рѣчи.

Затѣмъ публика начала расходиться среди невыразимой суматохи. Академики ушли, какъ и пришли, черезъ боковую дверь, толкаясь точно стадо, толпящееся у входа въ хлѣвъ. Рѣшительно, академическій Олимпъ не имѣетъ въ себѣ ровно ничего внушительнаго; что касается толпы, то она расходилась съ добрую четверть часа. На набережной, напротивъ моста *des Arts*, образовались группы любопытныхъ, ожидавшихъ выхода значительныхъ лицъ. Публика раскланивалась съ герцогомъ Омальскимъ. Академики уходили попарно, съ видомъ добрыхъ буржуа, съ радостью возвращающихся во-свои. Дюма проѣхалъ въ каретѣ, съ своими двумя крестными отцами, Легуве и Камилемъ Дусэ: всѣмъ троимъ, казалось, было очень весело въ ихъ зеленыхъ мундирахъ; прошелъ часъ, а зѣваки все еще толпились, даромъ что двери академіи были уже давно закрыты.

Я же, съ головой, отуманенной трехчасовымъ чтеніемъ рѣчей, съ разбитыми боками отъ сосѣдства толстой барыни, которая все время полу-лежала на мнѣ, тихо пошелъ вдоль набережной. Я не зналъ бо-

дѣ прелестной прогулки. Набережная широка, воздухъ на ней свѣжій, широкіе тротуары почти пусты, и можно быть увѣреннымъ, что въ будни васъ тамъ не затолкаютъ. Надъ головой раскидывается небо съ одного края горизонта до другого. Внизу течетъ Сена, вся зеленая, и живетъ рѣчной жизнью съ плотами для прачекъ, прикрѣпленными у берега, съ барвами, которыя поднимаются на буксирѣ, гонками плавучаго лѣса, спускающимися внизъ по теченію: люди, стоя на нихъ, управляютъ ими съ помощью длинныхъ шестовъ. Это самый оживленный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый пустынный кварталъ Парижа. Я знавалъ поэтовъ, которые сочиляли на его широкихъ тротуарахъ поэмы въ три тысячи стиховъ!

Я размышлялъ обо всемъ, что слышалъ. Убийственная, право, вещь въ литературѣ—правда. У писателей нѣтъ увѣренности математиковъ. Когда говорятъ: „дважды два—четыре“, то совершенно всѣ увѣрены въ истинности этого, и могутъ спать спокойно. Но въ литературѣ есть всегда мѣсто сомнѣнію. Школы возникаютъ одна возлѣ другой, и бросаютъ другъ другу въ лицо свои системы. Классики, романтики, реалисты кричатъ, что талантъ, правда, слогъ на ихъ сторонѣ; и бываютъ минуты, когда голова идетъ кругомъ. Въ сущности, единственнымъ вѣрнымъ основаніемъ можетъ служить одна природа; можно, не опасаясь опибиться, взять ее за общее мѣрило. Сравнить произведеніе съ жизнью, изслѣдовать, вѣрно ли оно передаетъ дѣйствительность—вотъ первый и легкій приемъ, устанавливающий общую исходную точку для всѣхъ произведеній. Но этого очевидно недостаточно; какъ разъ дойдешь до того, что станешь требовать фотографій, и самымъ прекраснымъ произведеніемъ сочтешь наиболѣе точное, что не всегда бываетъ справедливо. Надо, слѣдовательно, ввести человѣческій элементъ, который сразу расширяетъ задачу и дѣлаетъ рѣшенія столь же разнообразными, столь же безчисленными, сколь разнообразны умы людей. Я охотно выскажу слѣдующее опредѣленіе литературнаго произведенія: „литературное произведеніе есть уголокъ природы, усмотрѣнный сквозь темпераментъ“ (*une oeuvre est un coin de la nature vu à travers un tempérament*). Конечно, при этомъ все-таки далеко до математической точности, но приобретается орудіе для критики, могущее оказать большія услуги, не давая заблудиться въ предвзятыхъ фантазіяхъ.

Я зачастую прибѣгалъ къ этому орудію. Управлять имъ легко. Имѣя передъ собой какое-нибудь произведеніе, достаточно сначала рѣшить, насколько оно реально; затѣмъ, не произнеся еще своего сужденія, перейти къ изученію темперамента, который могъ вызвать въ произведеніи отклоненія отъ истины, замѣчаемая въ немъ. Зачастую эти отклоненія придаютъ произведенію удивительную прелесть.

Большая или меньшая точность не важна. Надо лишь, чтобы зрѣлище писателя въ борьбѣ съ природой носило возвышенный характеръ; интенсивность, съ какою она рисуется ему, мощь, съ какою онъ формируетъ ее, чтобы умѣстить въ начертанныя имъ рамки, словомъ, печать, — какою онъ оставляетъ на всемъ, до чего ни притрагивается, — вотъ въ чемъ заключается человѣческое творчество, истинная печать генія. Во Франціи у насъ есть великій поэтъ, Викторъ Гюго, который вмѣстѣ съ тѣмъ самый искаженный и самый широкій умъ, какой только существуетъ. Онъ наноситъ такіе жестокіе удары кулакомъ природѣ, что она выходитъ изъ его рукъ колоссальной и горбатой, но одушевленной удивительною, лихорадочной жизнью. Нашъ знаменитый живописецъ Делакруа точно также видѣлъ природу окрашенною главнымъ образомъ тремя цвѣтами: краснымъ, зеленымъ, желтымъ, придававшими его картинамъ лъстивый и чрезвычайный блескъ. Я хочу пояснить этими примѣрами, что одиъ реализмъ меня не соблазняетъ, что я въ особенности интересуюсь человѣческимъ творчествомъ, тѣмъ, что человѣкъ прибавляетъ къ природѣ, чтобы заново воспроизвести ее по законамъ личныхъ впечатлѣній. И даже это самое разнообразіе толкованій и придаетъ неувыдающую прелесть произведеніямъ воображенія. Литературныя творенія создаются изъ вѣка въ вѣкъ, и вѣчно новы, и цвѣтутъ тѣмъ роскошнѣе, чѣмъ глубже преобразовываются общества.

Если приложить къ произведеніямъ Дюма ту формулу: „литературное произведеніе есть уголокъ природы, усмотрѣнный съвозъ темпераментъ“, то прежде всего замѣтишь, что дѣйствительность занимаетъ въ нихъ далеко не столь обширное мѣсто, какъ это можно было бы подумать на первый взглядъ. Конечно, сюжеты ихъ современны, лица всѣ принадлежать къ современной средѣ. Но они дѣйствуютъ въ очень узкой рамкѣ, и авторъ не разстается съ известнымъ міромъ и известными типами. Онъ постоянно воспроизводитъ одиъ и тѣ же картины. Тщетно стали бы вы искать въ его комедіяхъ живыхъ, оригинальныхъ, художественныхъ типовъ. Единственное лицо этого рода, какое онъ пытался вывести, это m-me Гишаръ въ *Monsieur Alphonse*, вызывавшая такой гомерическій хохотъ и публикѣ на первомъ представленіи. Словомъ, онъ не изслѣдуетъ съ любознательностью человѣческую природу, изучая ее сегодня въ какой-нибудь графинѣ, завтра въ какомъ-нибудь ремесленникѣ, на слѣдующій день въ какомъ-нибудь подозрительномъ кварталѣ въ средѣ публичныхъ женщинъ или воровъ. Все, что имъ написано, могло происходить въ одномъ и томъ же салонѣ, съ одними и тѣми же креслами, вытянутыми вдоль стѣны, и тѣми же часами на каминѣ. Я, впрочемъ, не упрекаю его за эту простоту, за это однообразіе

рамокъ; болѣе великіе, чѣмъ онъ, писатели вмѣщали мастерскія произведенія въ такія же узкія рамки. Достаточно было бы, еслибы онъ надѣлялъ своихъ дѣйствующихъ лицъ формой и красками живыхъ людей. Но, вотъ, тутъ-то и обнаруживается его безсиліе быть реальнымъ. Не только его область ограничена, смутна, неопредѣленна, витаетъ на рубежѣ всѣхъ міровъ, но еще и существа, выводимыя имъ на сцену, живутъ чисто искусственной жизнью. Нѣтъ ничего живого въ этихъ личностяхъ. Женщины его всѣ или безусловно хороши, или безусловно дурны, и отличаются угловатостью силлогизмовъ. Мужья его доводятъ или самопожертвованіе до глупости, или ищенье до безумія. Дѣти его говорятъ языкомъ взрослыхъ; второстепенныя лица проходятъ по сценѣ точно простыя, необходимыя машины. Никогда не проявится у него увлеченіе, жаръ. Зритель окунается съ головой въ разсужденія. Всѣ эти лица просто на-просто аргументы, долженствующіе поддерживать общую идею, и не уклоняющіеся ни на шагъ отъ пути, по которому имъ предписано шествовать. Позади нихъ постоянно сознаешь его присутствіе. Дюма не дремлетъ, и держитъ своихъ лицъ за веревочки, какъ маріонетокъ. Онъ двигаетъ ихъ руками, ногами, головой; онъ до такой степени отождествляется съ ними, что всѣ они говорятъ его языкомъ, его тономъ и непрерывно воспроизводятъ направленіе его ума. Дюма изображаетъ намъ не уголокъ обыкновенной природы; онъ изображаетъ намъ философскій карнавалъ, въ которомъ мы видимъ, какъ прыгаютъ двадцать, тридцать, пятьдесятъ маленькихъ Дюма, перераженныхъ въ мужчинъ, женщинъ, дѣтей въ парикахъ всѣхъ возрастовъ и сословій.

Перехожу ко второму критическому приему. Не бѣда, если писатель измѣняетъ дѣйствительность, отмѣчаетъ ее своей творческой фантазіей, если онъ даетъ ее намъ пропитанной его личнымъ гениемъ. Въ этомъ отношеніи у Дюма насъ ожидаетъ новое разочарованіе. Говоря о произведеніяхъ Мольера, называютъ: Тартюфа, Альцеста, Агнесу. Говоря о герояхъ Бальзака, называютъ: Гюльб, Грандѣ, Горіо, m-me Марнефъ. Бомарше далъ Фигаро, а аббатъ Превб—Манону. Всѣ эти писатели создавали людей, жившихъ индивидуальной жизнью, и существованіе ихъ ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣнія. Они подбирали грязь съ большихъ дорогъ; они творили существа по своему образу и подобию, и вдохнули въ нихъ душу живую. Этого было достаточно, чтобы оживить матерію. Вотъ, объ этой-то печати генія я и говорю, объ этомъ человѣческомъ элементѣ, который мощные таланты придаютъ своимъ произведеніямъ и такимъ образомъ дѣлаютъ ихъ реальными. Но пусть мнѣ назовутъ какое-нибудь дѣйствующее лицо въ произведеніяхъ Дюма, при чемъ имени въ па-

мяти всталъ бы живой образъ. Имена этихъ лицъ даже не приходятъ на память. Одна „дама съ камеліями“ сохранилась, да и то надо поломать голову, чтобы припомнить, что ее звали: Маргарита Готье. Такимъ образомъ, всё созданія этого драматическаго писателя не что иное, какъ сѣрая фреска, съ полинялыми лицами; ни одна физономія не выдѣляется на общемъ фонѣ. Подумаешь, что это какая-то процессія мертворожденныхъ, однообразныхъ тѣней, едва замѣтныхъ подъ прямыми складками ихъ однообразныхъ одѣяній. Когда говорятъ о *Demi-Monde*, *chef-d'oeuvre'* Дюма, то называютъ еще баронессу д'Анжъ, но не потому, чтобы она была очень рельефно изображена авторомъ, а потому, что она олицетворялась актрисами, игра которыхъ каждому памятна. Но никакихъ другихъ лицъ не называютъ; мужчины въ особенности исчезаютъ въ туманѣ. Самые имена ихъ кажутся сбивчивыми и ничего не говорятъ. То же самое можно сказать о всѣхъ другихъ комедіяхъ: ни одна не дала настоящего типа, живого имени, за которымъ бы скрывалось живое лицо. Это знаменательно и доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что Дюма не художникъ, но резонеръ. Его отецъ, старшій Дюма, — хотя нынѣ и считаютъ, что онъ уступалъ сыну по слогу и литературной концепціи, — владѣлъ, напротивъ, творческой фантазіей, создавшей д'Артаньяновъ, Бюридановъ, Монте-Кристо, этихъ колоссовъ воображенія, поступъ и лица которыхъ признаешь на улицѣ. Онъ же, сынъ его, не что иное, какъ мозгъ, отуманенный философскимъ дымомъ. Въ томъ маленькомъ, истинно реальномъ уголку, гдѣ онъ вращается, онъ не оживляетъ и не одушевляетъ того, до чего касается.

Я боюсь однако, не слишкомъ ли я строгъ, желая быть только справедливымъ; я нѣсколько разъ потому провѣрялъ свое сужденіе, употребилъ даже новый критическій приѣмъ, и все это съ тою цѣлью, чтобы лучше доказать себѣ, что я судилъ о Дюма безпристрастно. Я, именно, упрекаю его въ томъ, что онъ всегда ограничивается разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ социальныхъ вопросовъ, напр., прелюбодѣяніемъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Зачѣмъ онъ отказался отъ изученія великой человѣческой драмы; онъ интересуется лишь половой распрей между мужчиной и женщиной, да и это бы еще не бѣда, еслибы онъ относился къ ней какъ изслѣдователь, но онъ вноситъ и въ нее вѣчную озабоченность моралиста, и она-то чаще всего искажаетъ его наблюденія. Онъ не поступаетъ такъ, какъ Мольеръ, изображавшій и пороки, и смѣшныя стороны людей, не заботясь о нравоученіи, но заботясь лишь о томъ, чтобы изобразить правдиво. Дюма ни въ грошъ не ставитъ правду, или во всякомъ случаѣ выставляетъ намъ въ первомъ дѣйствіи порочныхъ или слабыхъ людей лишь затѣмъ, чтобы прочесть имъ нравоученіе и обратить на путь истинный при развязкѣ. Опасность, угрожающая

нашему театру, велика. Дюма царить въ немъ безусловно въ настоящую минуту, и подражатели не замедлятъ явиться, какъ замѣтилъ г. д'Оссонвиль. Тогда у насъ создается драматическая литература непохѣрно скучная, хотя и преисполненная добрыхъ намѣреній. Современное орудіе, анализъ, превратится въ кропило. Обязательную женитбу послѣднаго акта замѣнить расправа съ героями комедіи, и добродѣтельные изъ нихъ будутъ награждены, а порочные низвергнуты въ адскіе котлы. Чтобы избѣжать этого нестерпимаго рода необходимо вернуться къ первобытнымъ источникамъ, къ изученію природы такой, какова она есть, къ человѣческой драмѣ, къ оригинальному изображенію обширной вселенной. Мольеръ! вотъ великій предокъ, долженствующій насъ спасти отъ проповѣдей Дюма...

И вотъ, медленно шагая по улицамъ, осаждаемый всѣми этими мыслями, я дошелъ до моста Инвалидовъ... Нѣтъ, повторилъ я себѣ еще разъ, я не былъ слишкомъ строгъ! Сомнѣніе, проснувшееся-было на минуту въ моемъ умѣ, то литературное сомнѣніе, глухая работа котораго въ инныя минуты совершенно отуманиваетъ голову и лишаетъ способности разсуждать, мало-по-малу разсѣялось, уступивъ мѣсто бѣльшей ясности представленія. Предо мною предсталъ Дюма внѣ всякаго академическаго торжества, безъ зеленаго мундира, безъ „безсмертія“; онъ не ораторствовалъ предъ улыбающейся толпой. У него не было блѣднаго чела торжествующаго триумфатора, задышающагося отъ волненія...

И онъ всегда былъ именно такимъ, какъ я его теперь себѣ представляю: весьма большой талантъ,—это несомнѣнно, но значеніе его все-таки преувеличенно: оно занимаетъ втрое больше мѣста, нежели сколько можетъ покрыть собою. Говоря о немъ такъ, я былъ только справедливъ. Я повернулъ домой по набережной, и успокоился совсѣмъ. Въ воздухѣ было очень тепло; сумерки сгущались надъ землею, а въ небѣ еще было ясно; внизу, по самой срединѣ Сены, огромная баржа, чрезъ мѣру нагруженная каменнымъ углемъ, тяжело дремала, покоясь на чернѣющей зыби рѣки...

Э.

Парижъ.—10/22 февраля, 1875.



ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 20-го января 1875 г.

1) Выдано 300 руб. семейству писателя, находящемуся въ крайне бѣдственномъ положеніи, и 50 руб.—престарѣлой дочери покойнаго писателя.

2) За силою § 5 устава, отклонено ходатайство одного лица.

3) Выслано 150 руб. стипендіату Е. П. Ковалевскаго.

4) Изъявлена благодарность Общества А. Б., доставившему, чрезъ редакцію „Вѣстника Европы“, гонорара 50 рублей, и бывшей редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за ея пожертвованія.

Отчетъ казначея за январь.

Къ 1-му января въ кассѣ было: 58,426 руб. 47 коп.; поступило: 1,195 р., а именно: взносы 48 членовъ 935 р.; единовременно 50 р.; пожаловано государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и государынею великою княгиней Александрю Иосифовною 100 руб.; процентныя деньги отъ бывшей редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 100 руб.; изъ библиотеки чиновниковъ туркестанской контрольной палаты 10 р. Израсходовано 1,070 р., въ томъ числѣ: на пенсіи пяти лицамъ 470 р.; на единовременныя пособія 350 руб., на стипендіи 250 руб.—Къ 1-му февраля въ кассѣ 5,855 р. 47 коп.

Въ бывшемъ 2-го февраля 1875 г. годовомъ собраніи избраны: предсѣдателемъ Общества Викторъ Павловичъ Гаевскій (Литейная, д. Пеля), помощникомъ предсѣдателя Николай Алексѣевичъ Некрасовъ (Литейная, д. Краевскаго), секретаремъ Петръ Александровичъ Ефремовъ (Лиговка, 25), казначеемъ Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ (Ивановская, д. Матушевича) и членами комитета: Андрей Александровичъ Краевскій, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ и Николай Степановичъ Таганцевъ.

Въ то же собраніе выбраны въ члены Общества: Л. И. Буйн-стровъ, Эм. А. Капнисть, А. Н. Якоби, Г. В. Бардовскій, Н. А. Трахимовскій, В. А. Бильбасовъ, Т. Д. Андреевъ, К. О. Островидовъ, Н. В. Альбертини, Н. С. Кутейниковъ и П. А. Капнисть.

М. Стасюлевичъ.

КУДЕЯРЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Г о с т и.

Начинался разсвѣтъ ноябрьскаго дня. Въ домѣ священника Никольской церкви, въ Китай-городѣ, горѣли огни. Въ просторной свѣтлицѣ съ маленькими четверугольными оконцами происходили приготовленія къ выѣзду знатнаго господина. Двое слугъ вытащили большой сундукъ изъ угла, образуемаго муравьиною печью и раздѣленнаго на два яруса для всякой поклажи, и доставали изъ сундука разные наряды. Господинъ обулся въ лаковые сапоги съ серебряными узорами, отороченные бобромъ, надѣлъ зеленые суконные штаны, входившіе въ сапоги, бѣлый шпунтъ изъ турецкой габы, а сверху бархатный темнокрасный казакій кобенякъ съ отложнымъ бобровымъ воротникомъ и горюстаевою обшивкой. Эта одежда была короче тогдашняго великорусскаго кафтана, съ одною только грушевидною пуговицею, и подпоясывалась поясомъ, до того униженнымъ золотыми бляхами, что нельзя было распознать матеріи, изъ которой онъ былъ сдѣланъ. За поясомъ заложенъ былъ кинжалъ съ круглою рукояткою, украшенною однимъ большимъ изумрудомъ; на лѣвомъ боку

у господина была турецкая кривая сабля, въ серебряныхъ ножнахъ и съ бирюзкою на рукоятѣ; а на груди висѣла золотая дѣль съ медальономъ, на которомъ изображалось восходящее солнце. Одѣвшись, господинъ выслалъ слугъ, досталъ изъ шкатулки одѣланную перламутромъ пергаменную книжку и сталъ читать молитвы, обратившись къ образу, передъ которымъ горѣли три восковыя свѣчи. Между тѣмъ разсвѣло.

Въ свѣтлицу вошелъ священникъ съ крестомъ и святою водою.

— Потѣснили мы тебя, отче, — сказала господинъ. — Не стуй на насъ: не наше хотѣніе, а царская воля. Но я передъ тобою за гостьбу твою въ винѣ не буду.

— Честнѣйшій господине княже, — сказалъ священникъ, благословивъ крестомъ господина и окропивши святою водою, — коли-бы государь-царь жаловалъ насъ такими стояльцами, то намъ на томъ государю бить челомъ со хвалою, а не скорбѣть о тѣсныхъ. Такихъ, какъ ты, на свѣтѣ немного, зане кровь свою не разъ проливалъ за все христіанство и страшень сталъ агарянамъ, яко Геденъ и Самсонъ. Боже тебя благослови! А я, грѣшный богомолецъ твой, буду молить Бога и Пречистую Его Матерь, чтобъ царь-государь послѣдовалъ благому совѣту твоему, еже въбранъ съ нечестивыми измаильтаны.

— Все въ руцѣ божіей, — сказалъ господинъ. — Человѣкъ хочетъ тако и инако, а какъ Богъ скажетъ: стой, не движися! — то всѣ человѣческія затѣи прахомъ пойдуть. Молчи да дыши.

Вошелъ царскій приставъ, поклонился князю въ поясъ и связалъ

— Князь Димитрій Ивановичъ! Государь-царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси пожаловалъ тебя, велѣлъ быть у себя и прислалъ за тобою свою царскую лошадь.

Князь всунулъ приставу въ руку нѣсколько червонцевъ.

Вошли слуги, доложили, что все готово, и накинули на господина соболью шубу, крытую зеленою камкою. Господинъ надѣлъ высокую черную баранью шапку съ золотымъ перомъ и вышелъ, провожаемый благословеніями и пожеланіями священника.

Этотъ господинъ былъ знаменитый богатырь XVI-го вѣка — князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, староста черкасскій и каневскій, предводитель дѣпровскихъ казаковъ и первый виновникъ ихъ славы. Медальонъ на груди носилъ гербъ его княжескаго рода. Князь былъ лѣтъ сорока-пяти, средняго роста, съ большимъ выпуклымъ лбомъ, носившимъ печать ума и благородства, и съ окладистою русою бородкою. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилось простодушіе и доброта вмѣстѣ съ чѣмъ-то могучимъ и грознымъ; несмотря на лѣта, его лицо сіяло здоровьемъ

и свѣжестью; во всѣхъ чертахъ и движеніяхъ его виднѣлись слѣды внутренней вѣрности, сильной воли и многолѣтняго опыта.

Выйдя на крыльцо, онъ увидѣлъ толпу своихъ казаковъ; атаманы были въ красныхъ, а простые казаки въ черныхъ киреяхъ и широкихъ шараварахъ, запущенныхъ въ высокіе черные сапоги. Одни сидѣли уже на коняхъ, и одинъ за другимъ выѣзжали за ворота, другіе держали за поводья лошадей, готовясь вскочить на нихъ.

У крыльца стоялъ сѣрый съ черными яблоками жеребецъ: на немъ было красное сафьянное сѣдло съ позолоченною лукою, лежавшее на черномъ съ красными узорами чепракѣ, изъ-подъ котораго выглядывали концы желтой попоны съ бахромой. Подъ мордою у лошади висѣла цѣлая вуча ремешковъ, расширившихся князу и усѣянныхъ золотыми бляшками, а на ногахъ выше копытъ были бубенчики, издававшіе звукъ при всякомъ движеніи лошади. Вишневецкій вскочилъ на жеребца и выѣхалъ изъ воротъ; приставъ ѣхалъ съ нимъ рядомъ; впереди и сзади ѣхали казаки. Путь ихъ лежалъ мимо гостиннаго ряда, по Красной Площади, загроможденной въ то время множествомъ лавочекъ, шалашей, скамей съ разными съѣстными припасами. Народъ, любившій глазѣть на пріѣзжихъ, съ любопытствомъ бѣжалъ за Вишневецкимъ, и въ толпѣ слышались голоса: «вотъ молодець! какъ такому бусурмана не побить! И народъ-то у него какой рослый, богатырскій!»

Вишневецкій выѣхалъ въ фроловскія ворота Кремля, на которыхъ въ то самое время раздалось два удара боевыхъ часовъ, означавшихъ тогда два часа по тогдашнему счету ночныхъ и дневныхъ часовъ, и въ ту же минуту повторилось два удара на другихъ кремлевскихъ башняхъ, на которыхъ были устроены часы: на Никольской, Водяной (къ Москвѣ-рѣкѣ) и Ризоположенской (выходившей на Неглинную). Тридцать пицальниковъ, стоявшихъ на караулѣ, разступились и подняли свои пицали вверхъ. Вишневецкій проѣхалъ между боярскими домами, мимо Вознесенскаго монастыря и мимо церкви Николы Гостунскаго, прямо къ собору, и остановился у золоченной рѣшетки царскаго двора. Приставъ соскочилъ съ лошади; за нимъ сошелъ князь и всѣ казаки. По приказанію пристава, князь отвязалъ свою саблю, отдалъ ее казаку, взялъ съ собою четырехъ атамановъ и одного казака, несшаго ящикъ, и пошелъ пѣшкомъ вслѣдъ за приставомъ по благовѣщенской лѣстницѣ. На крыльцѣ, ради почета, была ему первая встрѣча, въ сѣняхъ другая. Вишневецкій вошелъ въ переднюю палату.

Царь Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ углу подъ образомъ, одѣтый въ голубой, расшитый серебряными и золотыми травами кафтанъ, въ собольей шапочкѣ съ жемчужною опояскою, въ рукахъ держалъ посохъ. Это былъ сухощавый человѣкъ, съ клинообразною бородкою, съ узкимъ лбомъ, и съ чрезвычайно живыми, бѣгающими глазами, въ которыхъ трудно было уловить что-нибудь, кромѣ постоянного безпокойства и нерѣшительности. Близъ него стоялъ думный дьякъ Иванъ Висковатый, высокій, тонкій, съ длинною шею и съ задумчивымъ выраженіемъ глазъ.

Вишневецкій, сдѣлавъ отъ двери три шага впередъ, поклонился царю, привоснувшись пальцами до земли.

Приставъ сказалъ:

— Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій пріѣхалъ просить твоей царской милости, чтобъ ты, великій государь, пожаловалъ, изволилъ бы принять его въ холопство на вѣрную свою государскую службу.

Дьякъ Висковатый отъ имени царя далъ отвѣтъ, что царь похваляетъ князя Дмитрія Ивановича, велитъ спросить о здоровьи и жалуется къ своей царской рукѣ.

Вишневецкій, подошедши ближе, преклонилъ колѣно и поцѣловалъ лежавшую на колѣняхъ царя царскую руку, а потомъ отошелъ, устремивши глаза на государя.

Приставъ заявилъ, что князь Дмитрій проситъ пожаловать его—велѣтъ поднести царю въ даръ турецкую саблю рѣдкой работы. Казакъ поставилъ ящикъ на столѣ и открылъ его. Тамъ лежала сабля съ рукояткою, осыпанною рубинами, бирюзой и изумрудами.

— Богъ тебѣ въ помощь, князь Дмитрій Ивановичъ!—сказалъ царь Иванъ:—коли пожелалъ своею охотою служить намъ и прямить, то мы тебя будемъ жаловать, и служба твоя отъ насъ забвена не будетъ. Ну, а сдалъ ты Червасы и Каневъ брату нашему, королю Жигимонту-Августу, какъ мы тебѣ велѣли, для того, что мы теперь съ братомъ нашимъ королемъ не въ розрѣзѣ?

— Все учинилъ такъ, какъ отъ тебя, государя, приказано—сказалъ Вишневецкій:— а нынѣ пожалуй насъ, холопей твоихъ: вели слово вымолвить.

— Говори,—сказалъ царь:— послушасмъ, коли хорошее скажешь.

Вишневецкій сказалъ:

— Казаки городовъ Червась и Канева и всѣ тамошніе тубольцы, прирожденные русскіе люди истинныя восточныя вѣри, тебѣ, великому государю, прямиать и желаютъ поступить подъ

твою высокую державную руку навѣкъ неотступно. Вся земля кievская съ Украиною и съ землею волынскою и галицею—твоя государева избѣчная отчина отъ равноапостольнаго князя Владимира; но половиною ея уже давно завладѣли поляки, а другою думаютъ теперь завладѣть отъ Литвы. И намъ бы не быть подъ латинскимъ государемъ; а пригоже намъ быть подъ своими прирожденными правовѣрными государями.

Во время этой рѣчи Иванъ Васильевичъ безпрестанно поворачивался, вертѣлъ свой посохъ, какъ человекъ, который не въ силахъ сдержатъ своихъ ощущеній, и показывалъ, что разомъ слышитъ что-то пріятное и непріятное. По окончаніи рѣчи онъ сказавъ что-то Висковатому, а Висковатый произнесъ громко:

— Князь Димитрій Ивановичъ, ты поговоришь съ царскими боярами, которыхъ тебѣ вышлетъ государь на разговоръ.

— Слышали мы,—сказавъ царь,—что ты, князь Димитрій, бился съ невѣрными за благочестивую вѣру, и мы тебя за то похваляемъ, чаючи, что и впередъ по нашему повелѣнію будешь противъ нашихъ недруговъ биться; а за твое радѣніе, что пришелъ къ намъ, жалуемъ тебѣ въ вотчину городъ Бѣлевъ съ нашими волостями и доходами, и твоихъ атамановъ и казаковъ, что пришли съ тобой, велимъ испомѣститъ помѣстьями.

Всѣ поклонились.

Приставъ далъ знакъ, и Вишневецкій вышелъ со своими атаманами.

Князя провели черезъ сѣни и крыльцо въ таеъ-называемую Малую Избу, противъ дверей Благовѣщенскаго собора. Тамъ, у входа Вишневецкій увидѣлъ давно знакомаго ему дьяка Ржевскаго, бывшаго его товарища въ недавнихъ битвахъ съ татарами. Они поцѣловались какъ давніе пріатели. Въ Избѣ посрединѣ стоялъ столъ, за которымъ сидѣло трое сановниковъ. При входѣ князя они встали изъ-за стола и подошли къ нему. То были: князь Андрей Михайловичъ Курбскій, Алексѣй Адашевъ и братъ его Данило.

Алексѣй Адашевъ былъ человекъ лѣтъ тридцати-пяти, съ овальнымъ длиннымъ лицомъ, съ бѣлокуроыми, плотно стриженными волосами и съ небольшою клинообразною бородею. Чрезвычайное благодушіе свѣтилось въ кроткихъ голубыхъ глазахъ его. Онъ постоянно держалъ рѣсницы опущенными внизъ, а когда взглядывалъ на того, съ кѣмъ велъ разговоръ, то, казалось, видѣлъ насквозь, что у другого на умѣ. Въ Москвѣ говорили, что Адашевъ самъ никогда не скажетъ неправды, и передъ Адашевымъ другому трудно было солгать: слова не скажетъ,

только взглянуть и пристыдить. Онъ былъ одѣтъ въ черный суконный кафтанъ безъ всякихъ украшеній, а на ожерельѣ его рубахи не видно было ни золота, ни жемчуга, какъ бывало тогда у знатныхъ людей, только виднѣлись краснаго шелка узоры, вышитые его женою. Братъ его, Данило, былъ одѣтъ пощеголеватѣе. Въ его кругломъ румяномъ лицѣ свѣтилось столько же добродушія, сколько живости и удалства. Наружность Андрея Михайловича Курбскаго показывала иного человѣка, чѣмъ оба Адашевы: его высокій ростъ, открытый большой лобъ, гордый и вмѣстѣ привѣтливый взоръ, величественная поступь—обнаруживали въ немъ человѣка, хорошо помнившаго свой родъ и своихъ предковъ, человѣка, для котораго не было ничего тяжелѣе, какъ сгибать шею передъ кѣмъ бы то ни было.

— Богъ благословить приходъ твой!—сказалъ Алексѣй Адашевъ Вишневецкому.

— Радуюсь, и радость наша не отнимется отъ насъ, — сказалъ Курбскій:—понеже узрѣхомъ посреди себя не яко гостя и чужеземца, а яко единовемца и товарища родоименитаго, доблестнаго воителя, его же слава прошла не только по нашимъ россійскимъ предѣламъ, но достигла отдаленныхъ странъ, германскихъ, римскихъ, гишпанскихъ, на него же возлагаютъ упование сыны христіанскіе.

— Нашъ, нашъ князь Димитрій Ивановичъ, — говорилъ Данило Адашевъ:—пришелъ къ намъ, не пожалѣешь. Здѣсь у тебя будутъ други вѣрные. Вотъ, какъ я пріѣзжалъ къ тебѣ отъ царя-государя, тогда мы вели бесѣду и говорили: какъ бы ты былъ нашъ! Теперь стало такъ. Теперь праздникъ у насъ на всю Русь!

Всѣ обнимали и цѣловали Вишневецкаго. Вишневецкій представлялъ своихъ четырехъ атамановъ, назвавши ихъ по именамъ, потомъ сѣлъ съ боярами за столомъ; атаманы сѣли поодаль на скамьяхъ. Курбскій началъ:

— Государь-царь выслалъ насъ на разговоръ. А намъ прежде тебя бы послушать, да изъ твоихъ устъ узнать о славныхъ подвигахъ твоихъ.

— Какіе подвиги! — сказала Вишневецкій. — Коли-бъ и вправду что было сдѣлано, то надобно все Богу приписать. А мнѣ про себя сказать хорошаго нечего. Развѣ своей неудачей хвалиться.

— Что же, — сказала Данило:—апостоль Павелъ хвалился немощами, а твои немощи и неудачи славнѣе иныхъ побѣдъ.

— Кто не слышалъ, — сказалъ Курбскій, — какъ ты отбивался отъ многочисленныхъ крымскихъ ордъ на Хортицѣ!

— А все-таки покинулъ Хортицу, — прервалъ Вишневецкій, — оттого, что великій государь не прислалъ помощи впору, а тутъ король пишетъ: сведи казаковъ съ острововъ. Вотъ, Двѣпръ опять въ рукахъ у поганныхъ. Но дѣло поправится, если на то воля царская будетъ. Въ Крыму уже два года хлѣбъ не родился; во всей ордѣ траву выжгло; лошади пали; на скотъ падежъ и на людей моръ. Теперь бы и ударить на поганныхъ. Достался бы его царскому величеству весь Крымъ со всею степью; освободились бы христіанскіе люди въ Крыму, а ихъ еще не мало: станемъ мотчать (медлить)—ино поганые дѣтей ихъ побасурманяютъ, и души христіанскія пропадутъ. Государь-царь во мнѣ паче мѣры милостивъ: подарилъ мнѣ Бѣлевъ съ волостями; но я не за своею корыстью пріѣхалъ; у меня своихъ волостей довольно: всѣ готовъ отдать за избавленіе братій своихъ, христіанъ, отъ поганныхъ. Пріѣхалъ я того ради, чтобы съ своими казаками, вмѣстѣ съ вами, противъ невѣрныхъ биться, и царскому величеству крымскій юртъ покорить, а ему, великому государю, вся наша Украина готова челомъ ударить въ вѣчное подданство.

— Князь Димитрій Ивановичъ, — возразилъ Адашевъ, — для того, чтобы намъ Богъ помогъ завоевать крымскій юртъ, невозможно учинять задоръ съ королемъ, а надобно быть съ нимъ въ мирѣ и союзѣ противъ бусурманъ.

— Довольно, — сказалъ Курбскій, — дуrowали дѣды наши, бились промежъ собою, да бусурманъ нанимали одни противъ другихъ: Москва на Литву, Литва на Москву. Теперь надобно Москвѣ съ Литвою и Польшею въ дружбѣ жить и на поганныхъ вмѣстѣ итти.

— Оно бы такъ, бояре, — сказалъ Вишневецкій, — только у насъ король Жигимонтъ-Августъ—одно имя ему что король, и тѣломъ и умомъ слабъ. Всѣмъ у него заправляютъ ляхи, а ляхи нашей русской землѣ добра не мыслятъ, да въ союзѣ съ ними быть одна бѣда. Къ войнѣ не годятся: имъ бы только объѣдаться, да опиваться, да на мягкихъ постеляхъ валяться. Вотъ то ихъ дѣло! Къ тому же, они люди непостоянные, и въ словѣ не стоятъ: войдутъ съ вами въ союзъ, а потомъ и сами на войну не пойдутъ, и казаковъ не пустятъ.

— О турецкомъ царѣ надобно подумать, — сказалъ Адашевъ: — крымскій царь голдовникъ турецкаго, и турецкій за него встанетъ. Дѣло-то не легкое. Надобно заручиться крѣпкимъ союзомъ съ окрестными государствами.

— Турецкая сила, — сказалъ Вишневецкій, — страшна угорскому королю и польскому, а московскому государству сдѣлать

большого зла она не можетъ. Мы Крымъ завоюемъ, и насъ турки изъ Крыма не выбьютъ, рать свою посылать въ степь побоятся; а кабы на то дерзнули, такъ не достанутъ въ степи корму ни себѣ, ни лошадямъ, и всѣ пропадутъ отъ безлошадья и безхлѣбья. Турскій хвалится, что онъ непобѣдимъ; а отчего? Христіане нивакъ не смолвятся между собою стать всѣмъ разомъ противъ невѣрныхъ. Одно царство воюетъ и не совладеетъ съ туркомъ, а всѣ другія думаютъ: силенъ турокъ, и каждый боится помогать тому, на кого бусурманъ пойдетъ.

— Объ томъ, чтобъ смолвиться всѣмъ на турка, рѣчь идетъ многія лѣта; еще и до нашихъ отцевъ и дѣдовъ про то говорили во всѣхъ царствахъ, да до сихъ поръ Богъ не благословляетъ,—сказалъ Алексѣй Адашевъ.

— И до тѣхъ поръ то дѣло не станется,—сказалъ Вишневецкій,—пока одно какое-нибудь христіанское царство безъ помощи иныхъ турка не побьетъ. Вотъ, какъ мы Крымъ отнимемъ, всѣ тогда скажутъ: бусурманъ не такъ могучъ, какъ мы думали. Тотчасъ венецкая Рѣчь-Посполитая пошлетъ свои каторги на Бѣломорье, и цезарь пристанетъ, и мултаны и волохи поднимутся, и перскій царь пойдетъ на турка для того, что онъ ему старинный ворогъ; а вы знаете, какъ недругу въ чемъ неудача станется, такъ всѣ, что прежде его боялись, кинутся на него. Вотъ только съ ливонскими нѣмцами надобно вамъ замряться, оттого что черезъ то творится ровнь въ христіанствѣ, а бусурмане тѣшатся.

— Ливонскіе нѣмцы согрублили нашему государю,—сказалъ Адашевъ,—и нашъ государь на нихъ за то послалъ свои рати, и многіе города намъ поворились. Пусть бьютъ челомъ нашему государю, а то вотъ они мира съ нами не хотятъ, мейстеръ идетъ на наши города.

— Слухъ есть,—сказалъ Вишневецкій:—быть можетъ, недруги вымышляютъ, будто московскіе люди въ Ливонской землѣ поступали не по-христіански, людей мирныхъ убивали, женъ безчестили, младенцевъ живота лишали; а въ нѣмецкомъ языкѣ книжки такія надрукованы, гдѣ описывается, какъ московскіе люди нѣмецкихъ людей мучать, и приложены рисунки тому, и то московскому государству не въ честь.

— Мало чего не пишутъ,—возразилъ Алексѣй Адашевъ.

— И мало чего на войнѣ не приключается,—добавилъ Данило Адашевъ:—коли дѣлалось такое, такъ отъ татаръ, а не отъ нашихъ.

— Прошлаго года,—сказалъ Курбскій,—я самъ побилъ ихъ

многажды и начальныхъ людей ихъ плѣнить, и не токмо не велѣлъ никого мучить, а приказалъ кормить и одѣвать и начальныхъ людей къ столу звалъ. А которые тамъ простые люди, чухна и лотыгола, тѣ нѣмцевъ не любятъ сами, и у нашего государя въ подданствѣ быть хотятъ, и мы, воеводы, нашему государю даемъ совѣтъ, чтобъ тамошнихъ обывателей ласкать и льготы имъ давать, а не то, чтобы жестокостью отгонять ихъ отъ себя. Нынѣ же, ради общаго христіанскаго дѣла, войны съ невѣрными, мы будемъ царю подавать совѣтъ замирился съ ливонскими нѣмцами, лишь бы только они побии челомъ о мирѣ. А ты, князь Димитрій Ивановичъ, какъ думаешь, намъ идти на Крымъ и въ кое время?

— Прежде всего,—сказалъ Вишневецкій,—надобно поставить городокъ на Пслѣ и подѣлать суда и струги, а съ весны послать судовую рать по Днѣпру на море, до Козлова, а иная судовая рать пошла бы по Дону, на другой крымскій берегъ, къ Кафѣ. А разомъ послать на Крымъ черкесскихъ князей, что царскому величеству послушны. А затѣмъ надобно однолично, чтобъ царь-государь изволилъ самъ выступить съ главною ратью, такъ, какъ онъ ходилъ подъ Казань, а то для того, что какъ самъ царь пойдетъ, то за нимъ всѣ смѣло пойдутъ; и наши казаки, услыша про царское шествіе, всѣ пойдутъ своими головами.

— А какъ много у васъ казаковъ будетъ, и какова ихъ сила?—спросилъ Алексѣй Адашевъ.

— И каково ихъ дородство?—спросилъ Курбскій.

— У насъ,—сказалъ Вишневецкій,—пословица есть: гдѣ кракъ, т.е. по вашему вустъ, тамъ казакъ, а гдѣ байракъ, тамъ сто казаковъ. А какова у нихъ сила бываетъ, я вамъ тотчасъ покажу.

Онъ обернулся въ четыремъ атаманамъ и сказалъ одному изъ нихъ что-то шопотомъ.

Вышелъ атаманъ, широкоплечій, высокій, смуглый, съ черною бородою, съ густыми нависшими бровями, съ выдавшимися скулами и мрачнымъ, невыносимо унылымъ выраженіемъ глазъ. Онъ схватилъ одною рукою тяжелое кресло, на которомъ сидѣлъ Алексѣй Адашевъ, вмѣстѣ съ нимъ, высоко приподнял его и бережно поставилъ на полъ.

— Это,—сказалъ Вишневецкій,—онъ изъ почести вознесъ боярина; а вотъ, коли крымскаго хана съ его трона такъ подниметь, такъ ужъ не поставитъ на землю, а кинетъ, чтобъ расшибся въ дребезги. А хотите видѣть ихъ дородство воинское, такъ выведите ихъ въ поле и велите стрѣлять въ цѣль: коли

одинъ промахнется, такъ велите меня самого застрѣлить... А какъ пойдетъ государь съ ратною силою на Крымъ, то велѣтъ посопнымъ людямъ ваши возить запасы за государемъ и городки ставить, и въ тѣхъ городкахъ оставлять ратныхъ людей съ запасами, чтобы отъ города до города путь былъ чистъ; а государю идти на Перекопъ. Вотъ, мы съ трехъ сторонъ ударимъ на крымскій юртъ, и христіане, что въ Крыму живутъ, подымутся на бусурманъ.

— Ладно, право, ладно говоришь ты, князь Дмитрій Ивановичъ,—сказалъ Данило Адашевъ:—отъ радости духъ замираетъ; слушаючи тебя, такъ и хочется въ поле на бусурманъ.

— Твоими бы устами, да намъ медъ пить,—сказалъ Курбскій.—Вотъ только кабы всѣ такъ думали, какъ мы, а то около государя есть сопротивники нашимъ замышленіямъ.

— Мы передадимъ твое слово великому государю,—сказалъ Алексѣй Адашевъ, — а какъ ему Господь Богъ на душу положить, такъ и будетъ.

— А что это за Самсонъ такой, — спросилъ Курбскій по окончаніи переговоровъ о дѣлѣ:—откуда ты его досталъ?

— Кто онъ такой,—отвѣтилъ Вишневецкій,—про то ни онъ, ни я не вѣдаемъ. Чаемъ только, что по отцу, по матери, онъ вашъ прирожденный московскій человѣкъ.

— Какъ не вѣдаете?—спросили бояре.

Вишневецкій сказалъ:

— Будетъ назадъ тому годовъ болѣе двадцати, ходили наши казаки на татаръ и разорили татарскій аулъ, взяли одного раненаго татарина въ плѣнъ, а на его дворѣ былъ этотъ молодецъ, еще малъ, лѣтъ такъ сказать десяти, либо одиннадцати. Татаринъ показалъ на него и говорилъ: этотъ хлопецъ вашей вѣры былъ, мы взяли его ребенкомъ въ Московской землѣ и обрѣзали, а онъ былъ вашъ, у насъ есть крестъ съ него снять. Больше мы ничего не могли допроситься отъ татарина, онъ сталъ кончаться и умеръ, мы отъ его татарки взяли золотой крестъ.

— А парень по-русски умѣетъ?—спросилъ Данило Адашевъ.

— Выучился межъ нами,—сказалъ Вишневецкій,—а какъ взяли, такъ ничего не зналъ.

— Атаманъ, — сказалъ Курбскій, — покажи намъ свой крестъ.

Атаманъ снялъ съ шеи золотой крестъ и подаль его.

— О, здѣсь и надпись есть,—сказалъ Курбскій,—и началъ разбирать: *благос... род... вѣрно родителей... слово... а другой буквы не разберу, не то люди, не то мыслети: сыну перески...*

глаголь... рцы... еще что-то... Посмотри ты, Алексѣй Ивановичъ.

— Не разберу,—сказаль Алексѣй Адашевъ, посмотрѣвъ на надпись.

— Палки какія-то,—сказаль Данило Адашевъ,—ты, дьякъ, не прочтешь ли?—продолжалъ онъ, обратившись къ Ржевскому.

Ржевскій сталъ пристально разсматривать крестъ, поглядывая также на атамана, который стоялъ съ видимымъ равнодушiемъ, вперивши глаза въ пустое пространство.

— Надъ глаголемъ что-то есть,—сказаль Ржевскій,—а что такое—Богъ его знаетъ... Край стерся, а за глаголемъ еще слово какое-то было, да отъ него осталась только палка.

— Да,—сказаль Вишневецкiй,—и у насъ не прочли—казаки не знали, какъ ему имя дать, не то Григорiй, не то Георгiй, не то Гаврила; не знали, крестить ли его въ другой разъ или нѣтъ, и отослали его къ кiевскому митрополиту. И митрополитъ разбиралъ на крестѣ надпись, и не разобралъ, а крестить его въ другой разъ не велѣлъ, для того, что онъ хотъ и былъ обрѣзанъ, да поневолѣ. Митрополитъ прочиталь надъ нимъ молитву и далъ ему имя Георгiй. Тогда взялъ его къ себѣ казакъ Тишенко, и онъ по немъ сталъ зваться Тишенко-жъ, а другое прозвище дали ему Кудеяръ, по тому аулу, гдѣ его нашли казаки; и сталъ онъ казакъ изъ казаковъ, силенъ, видите сами, каково, а на невѣрныхъ люте зѣло, и къ церкви божiей прилеженъ.

— А ты,—спросилъ Курбскiй Кудеяра,—живучи у татаръ, зналъ, что ты русскiй человекъ?

— Мало зналъ,—отвѣтилъ Кудеяръ.—Они со мной много не говорили, держали черно, какъ невольника.

Вишневецкiй сказалъ:

— Казакъ Тишенко женилъ его на своей дочери; и пожили они въ большой любви между собой, только недолго, года четыре: набѣжали татары, а Кудеяръ былъ въ походѣ; татары у него молодую жену увели. Всѣ казаки собирались выкупить жену его изъ плѣна, да узнали, что ее кто-то купилъ въ Кафѣ на рынкѣ, и теперь неизвѣстно, гдѣ она.

— Вотъ несчастiе! вотъ горе!—говорили бояре.

Вишневецкiй продолжалъ:

— Долго онъ томился, и повлялся отомстить бусурманамъ. Ужъ не разъ онъ давалъ себя знать имъ. На войнѣ совсѣмъ себя не жалѣеть, и одинъ Богъ его спасаетъ; никогда не приведетъ въ полонъ татарина, а кого поймаешь, сейчасъ бьетъ безъ

милости. Иногда ужъ и я его журю за большую лютость; мало того, что бѣгетъ, еще мучить, кого поймаешь.

— Какъ мнѣ не бить ихъ, собачьихъ сыновъ,—сказалъ Кудеяръ, — когда они, быть можетъ, у меня отца и мать убили, меня самого побусурманили и съ женой разлучили!

— Бѣдный! бѣдный! — сказалъ Курбскій; — ну, а силицей тебя надѣлилъ Богъ. Быть можетъ, какъ мы государю скажемъ, онъ пожелаетъ призвать тебя передъ свои очи.

— Воля государская будетъ,—отвѣтилъ Кудеяръ.

— А давно у тебя жену полонили?—спросилъ Данило Адашевъ.

— Шестой годъ, бояре,—сказалъ Кудеяръ.

— Божьи судьбы неисповѣдимы, — можетъ и обратишь, — сказалъ Данило.

— Гдѣ сыскать ее,—отвѣтилъ Кудеяръ:—бѣлый свѣтъ великъ. Объ этомъ я не думаю, одна у меня мысль: бусурмановъ бить.

— И христіанству служить,—добавилъ Алексѣй Адашевъ,—всякими путями, какъ Богъ уважаетъ.

Бояре разошлись. Курбскій пригласилъ Вишневецкаго на пиръ и пожелалъ, чтобы съ нимъ пріѣхалъ Кудеяръ.

Въ гостяхъ у Курбскаго были сподвижники казанскаго ваятія, всѣ, какъ ховаяинъ, желавшіе войны съ Крымомъ. Кудеяръ показывалъ передъ гостями свою необычайную силу, но отвѣчалъ на разпросы гостей короткими словами и поражалъ всѣхъ своею молчаливостью и угрюмостью.

— Молодецъ онъ! молодецъ! — говорили развеселившіеся у Курбскаго бояре,—но что онъ такъ въ землю смотритъ?

— Горе у него великое,—говорили другіе.

Курбскій, подвыпивши, съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ, рисовалъ передъ слушателями грядущее торжество покоренія Крыма. Данило Адашевъ съ живостью представлялъ передъ гостями, какъ онъ будетъ ваять татарскихъ мурзъ, какъ государь въѣдетъ на бѣломъ конѣ въ Баячисарай, подобно тому, какъ въѣхалъ въ Казань; какъ русскіе станутъ обращать мечети въ божьи храмы... Алексѣя Адашева не было. Онъ никогда не являлся на пиры, и пріятели его, зная это, не сердились на него. Всѣ привыкли съ Адашевнымъ говорить только о дѣлѣ. Обязанный принимать каждый день просьбы, подаваемые на имя царя, онъ говорилъ, что каждая минута, проведенная имъ праздно, есть грѣхъ, потому что черезъ то могутъ терпѣть невинно-обязанные и нуждающіеся. Никто не видалъ этого человѣка смѣющимся, и зато никто, имѣвшій поводъ плавать, не уходилъ отъ него безъ утѣшенія: ему было не до пировъ.

II.

Ю р о д и в ы й.

Война съ Крымомъ составляла тогда живѣйшій вопросъ московской политики. Послѣ счастливаго покоренія Казани, послѣ легкаго, затѣмъ, покоренія Астрахани, на очереди стоялъ Крымъ; Москва разорила уже два хищническихъ гнѣзда, свитыхъ изъ обломковъ Батыевой державы; оставалось разорить третье, самое опасное. Дѣло было трудное, зато отъ успѣха можно было ожидать больше пользы, чѣмъ отъ прежнихъ побѣдъ. Много скоплялось препятствій для исполненія великаго предпріятія, но главное препятствіе было то, что въ совѣтѣ около царя не стало уже прежняго единоумія, прежней рѣшимости, прежняго воодушевленія.

Десяти лѣтъ не прошло съ той поры, какъ вся Русь со своимъ царемъ шла на Казань; тогда всѣхъ мужей думы и рати соединялъ священникъ Сильвестръ. Теперь многое стало измѣняться.

Хотя отецъ Сильвестръ все еще не переставалъ дѣйствовать на царя Ивана Васильевича спасительнымъ страхомъ, хотя все еще казался царю человѣкомъ, облеченнымъ силою свыше, но чувство зависимости уже давно тяготило царское сердце. Съ молокомъ кормилицы всосалъ Иванъ Васильевичъ мысль, что онъ рожденъ поступать такъ, какъ ему захочется, а не такъ, какъ другіе присовѣтуютъ; на дѣлѣ же выходило, что онъ дѣлалъ все такъ, какъ другіе ему подсказывали, и главное, какъ захочетъ попъ Сильвестръ. Не вдругъ, а мало-по-малу, какъ капля за каплей пробиваетъ камень, сознаніе своего самодержавія освобождало Ивана Васильевича отъ гнета, давившаго его, словно домовой соннаго человѣка. Въ описываемую нами пору, царь Иванъ боялся Сильвестра, но не терпѣлъ его. Сильвестръ не лаялъ со многими такимъ, что было сначала съ нимъ заодно. Царица Анастасія, горячо и нѣжно любившая своего супруга, не влюбилась Сильвестра: она видѣла и понимала, какъ Сильвестръ, словно дурачка, держалъ царя въ рукахъ страхомъ посылаемыхъ ему свыше откровеній; притомъ же, Сильвестръ разграбилъ нервную и болѣзненную царицу тѣмъ, что въ качествѣ духовника государя хотѣлъ подчинить его супружескую жизнь правиламъ своего «Домостроя». Братья царицы, Захарыны, воз-

ненавидѣли Сильвестра послѣ того, какъ во время опасной болѣзни, постигшей царя Ивана, Сильвестръ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, помышлялъ на случай царской смерти о такомъ порядкѣ правленія, который бы оградилъ Русь отъ власти Захарьинныхъ, при малолѣтствѣ наслѣдника престола. Изъ двухъ братьевъ царицы, Никита, хотя и не любилъ Сильвестра, но самъ по себѣ будучи человѣкомъ честнымъ, воздерживался отъ всякихъ козней противъ него; зато другой, Григорій, злой и коварный, не останавливался ни передъ какими мѣрами, готовъ былъ на всякую черную клевету, на всякія козни. Онъ напечаталъ царю, что Сильвестръ мирволилъ честолюбивымъ затѣямъ царскаго двоюроднаго брата, Владимира Андреевича, будто бы добивавшагося престола въ ущербъ правамъ Ивановыхъ дѣтей. Пользуясь набожностью сестры, Григорій Захарьинъ безпрестанно подбивалъ ее таскать съ собой царя по монастырямъ, чего не хотѣлъ Сильвестръ, вообще не любившій тогдашнихъ монаховъ-тунеядцевъ; Григорій свелъ царя Ивана съ инокомъ Григоріемъ Топорковымъ, бывшимъ ростовскимъ епископомъ, который въ тайной бесѣдѣ съ царемъ пристыдилъ его и далъ ему пріятный для него совѣтъ: никого не слушаться и дѣлать такъ, какъ ему вздумается.

Козни Григорія и наговоры любимой жены хотя настроили царя Ивана враждебно къ Сильвестру, но все еще не могли побудить царя къ рѣшительному разрыву съ своимъ духовникомъ. Иванъ любилъ жену, но насколько бываютъ способны къ любви такія эгоистическія натуры. Иванъ колебался то туда, то сюда. Вотъ, подъ вліяніемъ жены и ея братьевъ, онъ возгорался злобою противъ Сильвестра, а Сильвестръ напомнилъ царю, что мужъ есть глава жены, и даже еще замѣтитъ, какъ бы такъ, вообще, не относя свое замѣчаніе къ царю, что плохо поступаетъ тотъ мужъ, который во всемъ слушается своенравной жены; тогда Иванъ проникнется своимъ достоинствомъ супруга, начнетъ сердиться на жену; но жена разольется въ слезахъ, и царь помирится съ нею, а потомъ ей въ угоду опять покажетъ злобу къ Сильвестру; вслѣдъ затѣмъ, по привычкѣ вѣрить въ чудодѣйственную силу Сильвестра, самъ испугается своей смѣлости и старается примириться съ Сильвестромъ. Сильвестръ уважаетъ царю на что-нибудь такое, что удобно объяснить знакомъ божьей воли; Сильвестръ что-нибудь кстати предскажетъ, и предсказаніе сбудется; Сильвестръ озадачитъ царя какимъ-нибудь текстомъ, какимъ-нибудь примѣромъ изъ священной и византійской исторіи, такъ что царь не можетъ противъ того ничего отвѣчать и склоняется предъ

мудростію духовника. Можно сказать, что всѣ возни противъ Сильвестра долго бы не могли подорвать его могущества, еслибы Сильвестръ, какъ прежде, находилъ себѣ опору въ боярахъ. Но уже нѣкоторые бояре, прежде во всемъ слушавшіе Сильвестра, стали, подобно царю, тяготиться нравственною зависимостью отъ попа, самолюбіе ихъ уязвлялось, и вотъ, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, принимать безпрекословно его совѣты, замѣчали они Сильвестру, что люди мірскіе болѣе его, попа, смыслятъ въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ. Рокowymъ событіемъ для Сильвестра была представившаяся тогда необходимость выбора между Крымомъ и Ливоніей. Отецъ Сильвестръ совѣтовалъ царю не трогать ливонскихъ нѣмцевъ, жить вообще въ мирѣ съ христіанскими странами, и, напротивъ, стараться подвигнуть ихъ вмѣстѣ съ Россіей на бусурманъ, а между тѣмъ самому идти на Крымъ и собственноручно водрузить крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ св. Владимиръ принялъ крещеніе. Въ царской думѣ не всѣ раздѣляли такое мнѣніе: одни были за войну съ Крымомъ, другіе соблазнялись легкимъ, какъ имъ казалось, завоеваніемъ Ливоніи и прибрѣтеніемъ моря. Самъ Алексѣй Адашевъ поколебался-было и не сталъ отклонять царя отъ войны съ нѣмцами; царь прельщался надеждою овладѣть сильными германскими градами, о которыхъ имѣлъ смутное представленіе, смѣшивая Колывань (Рель) съ Нюрнбергомъ, Ригу съ Регенсбургомъ. Духовные саяюники охотно благословляли царя на брань съ еретиками латинами и люторами главнымъ образомъ оттого, что знали, какъ то неприятно Сильвестру, а они не любили Сильвестра за то, что онъ, будучи не болѣе какъ пошъ, былъ сильнѣе архіереевъ, не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ. Царица Анастасія не удерживала царя отъ войны съ Ливоніей оттого, что никто не требовалъ, чтобы царь самъ шелъ въ походъ на нѣмцевъ, а крымской войны царица очень боялась; она знала, что царя Ивана повлекутъ въ Крымъ, какъ повлекли подъ Каванъ. Ливонская война открылась. Священникъ-временщикъ съ амаго своего приближенія къ царю не привыкъ еще, чтобы дѣлалось что-нибудь противное его желанію; онъ сильно досадовалъ, что выходилъ изъ себя, особенно тогда злодѣянія, совершенныя татарами Шигъ-Алея въ Ливоніи, давали ему благовидный поводъ опять противъ напущенія бусурманъ на христіанское жителство; онъ называлъ Ливонію обѣдной вдовицей, угрожалъ за нее Россіи нѣвомъ божіимъ, предсказывалъ неудачи... но что же? какъ бы му въ обличеніе, вмѣсто неудачъ, успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ! Сильвестръ опускался.

Крымское дѣло, за которое онъ такъ стоялъ, ограничившись неважнымъ по своимъ послѣдствіямъ походомъ дьяка Ржевскаго и Данила Адашева, почти совсѣмъ оставлялось. Теперь пріѣздъ князя Вишневецкаго поднималъ его снова. Смѣлый и рѣчистый князь Дмитрій Ивановичъ обладалъ большимъ даромъ влечь къ себѣ любовь и увлекать другихъ за собою; на ирѣ, данномъ Курбскимъ, многіе изъ бояръ воодушевились уже мыслью о войнѣ.

Вслѣдъ затѣмъ у царя Ивана Васильевича собралась боярская дума. Люди, отличившіеся при взятіи Казани, князья: Серебряный, Горбатый, Воротынскіе, Миеулинскій, Щенатевъ, Темкинъ, вслѣдъ за Алексѣемъ Адашевымъ и Курбскимъ, сильно поддерживали тогда войну съ Крымомъ. Но противъ нихъ возсталъ князь Петръ Шуйскій, гордый своими успѣхами въ Ливоніи. Онъ сталъ доказывать, что неблагоприятно оставлять вначатое завоеваніе страны и вдаваться въ новую войну, которая непременно втянетъ московское государство въ войну съ Турціей. Шуйскій говорилъ такъ хладнокровно, такъ разсудительно, что нѣкоторыхъ поколебалъ, а другихъ заставилъ призадуматься. Большинство однако все-таки было не на его сторонѣ; но царь присталъ къ нему: у Ивана постоянно торчала въ головѣ гвоздемъ мысль, что онъ самодержавенъ, и потому многіе должны дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ, а не такъ, какъ многимъ хочется; видя, что въ думѣ большинство за войну съ Крымомъ, Иванъ рачу былъ, что нашелся противникъ этого мнѣнія, и присталъ къ нему. Кромѣ того, Ивану Васильевичу не хотѣлось, по трусости, самому идти на войну: вѣдь и въ Казань онъ ходилъ по неволѣ. Порѣшили обдумать и обождать. Между тѣмъ пришло извѣстіе изъ Крыма, что ханъ Девлетъ-Гирей отправляетъ въ Москву посольство просить у царя мира и дружбы, и отпускаетъ захваченныхъ во время набѣговъ московскихъ плѣнниковъ. И желавшіе войны съ Крымомъ, и нежелавшіе войны выводили изъ этого благоприятныя заключенія. Желавшіе говорили, что это посольство хана означаетъ его безсиліе, боязнь передъ русскимъ оружіемъ, и потому слѣдуетъ поскорѣе начать съ нимъ войну. Нежелавшіе войны говорили: «вотъ и хорошо, значить, можно и безъ войны примирить хана, постановить съ нимъ хорошій миръ, корыстный для московской державы». Такимъ образомъ, вопросъ о войнѣ оставался нерѣшеннымъ. Сторонники войны съ Крымомъ были сильно огорчены, но не теряли надежды и приискивали средства и мѣры повернуть дѣло на свой ладъ. Никто изъ бояръ не же-

лазь такъ войны съ Крымомъ, какъ князь Курбскій; послѣ неудачи въ думѣ сталъ тайно совѣтоваться съ Сильвестромъ и придумывать мѣры, какъ бы расположить царя къ войнѣ съ татарами.

Царь Иванъ любилъ развлекаться чѣмъ-нибудь чуднымъ, необыкновеннымъ, таинственнымъ. Блаженные, юродивые, предсказатели, тайновидцы занимали его и находили къ нему доступъ. Въ Москвѣ не переводились этого рода люди; одни исчезали, другіе появлялись. Тогда въ Москвѣ обращалъ всеобщее вниманіе, недавно появившійся блаженный, сухощавый старикъ, высокаго роста, съ длинными и бѣлыми волосами, съ большою продолговатою бородою, въ черномъ длинномъ одѣяніи изъ грубой шерсти, на подобіе рубахи, въ остроконечной шапкѣ, съ палкою наравнѣ съ его головою, и всегда босой. Никто не видалъ у него котомки за плечами; не было у него постоянного пріюта въ Москвѣ; иногда онъ ночевалъ гдѣ-нибудь въ теплой избѣ христіянина, а иногда на улицѣ подлѣ церкви. Никто не зналъ, откуда онъ и кто онъ; и разныя догадки и слухи распространялись о немъ по Москвѣ. Нѣкоторые замѣчали въ его выговорѣ, какъ будто что-то не русское: одни говорили—онъ изъ Рима, другіе—изъ Ефеса, третьи—изъ Эіопіи, четвертые—изъ царства индійскаго; иные увѣряли, что онъ русскій изъ странъ поморскихъ, двадцать лѣтъ сидѣлъ на болотѣ, питался быльемъ и кореньемъ, а нѣкоторые дѣлали догадки, что онъ человѣкъ знатнаго рода, обрешій себя на нищету царствія ради Христова. Онъ, говорили о немъ, вишь, что дѣлается за сто верстъ, угадываетъ мысль человѣческую, предсказываетъ будущее; но когда съ нимъ пытались заговаривать, то онъ отвѣчалъ обыкновенно такъ, что трудно было понять истинный смыслъ его рѣчи. Этотъ блаженный былъ вхожъ къ Сильвестру, несмотря на то, что Сильвестръ не долюбивалъ людей такого рода. Блаженный, приходя къ Сильвестру, не вродствовалъ передъ нимъ, но всегда говорилъ что-нибудь разумное; а когда Сильвестръ спросилъ его: кто онъ таковъ?—блаженный, вмѣсто отвѣта на такой вопросъ, просилъ Сильвестра никогда уже болѣе не спрашивать объ этомъ. Блаженный удивлялъ Сильвестра короткими намеками на разные предметы, касавшіеся тогдашней политики, земскаго и церковнаго строенія; ничто, казалось, не было ему чуждо; все его занимало. Когда прибылъ Шиншевецкій и представлялся царю, блаженный пришелъ къ Сильвестру и съ большимъ сочувствіемъ говорилъ о войнѣ съ татарскими. Сильвестръ рассказалъ ему, что слышалъ отъ дру-

гихъ о Вишневецкомъ, объ его казакахъ, и заговорилъ объ аманѣ-силачѣ съ таинственнымъ крестомъ.

Блаженный слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и на его лицѣ мгновенно показалось и исчезло какъ-бы выраженіе испуга, такъ что Сильвестръ спросилъ его:

— Ужь не догадываешься ли ты, чей родомъ такой этотъ невѣдомый московскій человѣкъ?

— Нѣтъ, — задумчиво сказалъ блаженный; — мало ли чего можетъ быть похожего, да еслибъ... Миръ христіанству! Миръ христіанству!

Сильвестръ, однако, видѣлъ, что блаженный чего-то смутился, и хотѣлъ-было допросить его, но блаженный сказалъ:

— Подобааетъ православной рати идти на освобожденіе многихъ тысячъ крещеныхъ братій — и тотъ, что съ золотымъ крестомъ, пусть идетъ, и тотъ, что съ мѣднымъ. Духовное рожденіе паче тѣлеснаго!

Когда походъ въ Крымъ не рѣшенъ былъ въ думѣ, блаженный пришелъ къ Сильвестру, который сообщилъ ему объ этомъ, и прибавилъ:

— Тебѣ бы говорить всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы единомышленно ополчились за крестъ святой, и самого царя благочестиваго подвигать бы тебѣ на брань.

Послѣ того блаженный сталъ являться у Архангельскаго собора и кричать изо всѣхъ силъ: «Ночь проходить, заря занята, роса падаетъ, млеко съ неба полетится». Царь увидалъ его и велѣлъ позвать къ себѣ во дворецъ.

Вошедши къ государю, блаженный упалъ на землю, протянувши руки впередъ, а потомъ вскочилъ и закричалъ во все горло:

— Царь, иди бусурманъ бить.

— Садись, божій человѣкъ, — сказалъ царь, проникнутый страхомъ отъ такой неожиданной выходки.

Блаженный сѣлъ на полу. Царь приказалъ подать ему вина и сластей. Блаженный вскочилъ, взялъ кубокъ, поднесъ къ губамъ и началъ лить мимо рта по бородѣ; потомъ, какъ будто поперхнувшись виномъ, поставилъ кубокъ и, кланяясь въ землю, говорилъ:

— Прости, царь-государь, не вели казнить, смилуйся, пожалуй! Не умѣю вина пить! Дуракъ я неотесанный, мужичина деревенскій!

Потомъ блаженный взялъ съ блюда нѣсколько сухихъ варс-

ныхъ плодовъ, быстро спряталъ ихъ за пазуху, улыбнулся и сказалъ:

— Ребятишкамъ отдамъ.

— Какимъ ребятишкамъ?—спросилъ царь.

— Тѣмъ, что будутъ воеводствовать въ Крыму, когда выростутъ.

— Какъ! въ Крыму?

— Да, въ Крыму, когда Крымъ завоюютъ.

— Кто его завоюетъ?

— Русь.

— Когда?

— Когда Богъ дастъ.

— Не я?

— Какъ пойдешь на войну, такъ ты завоюешь, а какъ не пойдешь, такъ не ты, а другіе послѣ тебя завоюютъ, а тебѣ будетъ срамъ и великое досажденіе отъ невѣрныхъ.

— Какое досажденіе?

— Побьютъ тебя не въ пору, и Москву сожгутъ, какъ уже жигали при твоихъ отцахъ.

— А развѣ мнѣ будетъ побѣда, когда теперъ пойду на войну?

— Побѣдишь.

— Отчего ты это знаешь?

— Въ Лукоморьи сказали.

— Въ какомъ Лукоморьи?

— Все расскажу, коли хочешь, только тебѣ одному.

— Говори.

— Говорить?

— Говори.

— А ты не прибеешь? Дай царское слово, что не прибеешь.

— Съ чего я стану божьяго человѣка бить!

— То-то, не прибеи, а то больно будетъ, я передъ Богомъ ожалуюсь.

— Говори, не бойся.

— Ну, такъ слушай. Далеко, далеко за Пермью великой, есть горы каменные, высокія; а за тѣми каменными горами есть югорская рана, и живутъ тамъ люди малорослые, называются югра; страна холодная, а въ ней звѣрья много и рыбы, а за югорскою страню течетъ рѣка Обь, а за тою рѣкою, за Обью, протянулась верстъ, считай, на тысячу степь сибирская; на той степи ничего не роется, и земля замерзаетъ лѣтомъ не болѣе развѣ какъ на два

пальца; за тою степью будетъ море ледяное; никогда то море не таетъ, а будетъ того моря версть на тысячу, али больше; никто до того моря не доходить, а не то чтобы перейти его. А коли-бъ какой человѣкъ по божьей волѣ перешелъ то море ледяное, ино тотъ человѣкъ увидалъ бы чудеса невиданныя, недомыслимыя, чего и во снѣ никому не привидится и человѣку на умъ взяти не можетъ. Пришелъ бы тотъ человѣкъ къ берегу высокому, а взойти на тотъ берегъ высокой некоторыми дѣлы невозможно: круто зѣло, развѣ сила божія человѣка туда подниметь. А какъ подняла бы сила божія того человѣка на гору, ино увидалъ бы онъ за горою страну свѣтлую, теплую, зеленую; а какъ сошелъ бы, примѣромъ говорю, человѣкъ тотъ съ горы, и была бы передъ нимъ рѣка: вода въ ней чистая и прозорчистая. Сталъ бы тотъ человѣкъ и думалъ: куда Ты это, Господи, занесъ меня? А тутъ съ другой стороны рѣки дерево клонится, клонится, и легло поперекъ рѣки. Тотъ человѣкъ сотворилъ бы крестное знаменіе и пошелъ бы съ вѣтви на вѣтвь по тому дереву, и перешелъ бы рѣку, и сталъ бы ступать ногами по травѣ, мягкой аби шелкъ: солнце свѣтитъ и не палитъ, а на деревьяхъ висятъ плоды, какихъ на землѣ нѣтъ, и пташки на вѣтвяхъ покоятъ зѣло сладкими гласы и въ аерѣ благоуханіе неизреченное. И вотъ, противъ того человѣка идетъ навстрѣчу нѣкій старецъ, бѣловласъ, зѣло благообразенъ, и ослабляется и говоритъ: буди здравъ, человѣче божій, пришедшій съмо, не по своему хотѣнію, а по божьему велѣнію; идемъ въ нашу обитель. Человѣкъ тотъ и пошелъ за старцемъ, и видитъ: церковь стоитъ, верхи у ней золоты, а кругомъ церкви дровеса, а подъ тѣми дровесами сидятъ единовадесять старцы въ одеждахъ бѣлыхъ, аки снѣгъ; а тотъ, что прихожаго человѣка привелъ, двѣнадцатый, и говоритъ старецъ онъ тому прихожему человѣку: се обитель наша, келій у насъ нѣтъ, для того что незачѣмъ: въ сей странѣ не бываетъ ни дождя, ни снѣга, ни зноя, ни стужи, ни бури; нѣтъ здѣсь ни звѣря лютаго, ни гада ядовитаго, ни комаровъ, ни мухъ, ни птицъ; не бываетъ на насъ ни скорбей, ни болѣваней, и смерти еще никто не вкусилъ отъ насъ. Церковь сія, идѣже приносится безкровная жертва, построена не нами, а ангелами невидимыми. Тогда тѣ старцы встали и сказали прихожему человѣку: пойдемъ вмѣстѣ съ нами въ храмъ божій помолиться. И вошелъ прихожій человѣкъ въ церковь, и видитъ: иконостасъ весь отъ золота, а престолъ отъ каменія самоцвѣтнаго; одинъ старецъ облеченъ въ ризы бѣлыя, паче сребра блестящія, а прочіе клярошанами стали; и

какъ начали они службу Господню, и показалось прихожему челоуѣку, что онъ какъ бы на небѣ, паде на землю челомъ, самъ плачетъ, а на душѣ ему легко и радостно. А послѣ службы всѣ вышли и сѣли за трапезу подъ древесами, и прихожаго челоуѣка съ собой посадили; и бѣли хлѣбъ бѣлый, мягкій, и плоды и вино шили, а то вино таково, что только капля въ уста ввидеть, то по тѣлу разливается неизреченное веселіе. И говорятъ старцы: мы хлѣба не сѣмъ и не печемъ, дерево у насъ таково есть, что хлѣбъ родить, и вина мы не дѣлаемъ: само течетъ изъ ягодъ виноградныхъ. А окончивъ трапезу всѣ встали и воспѣли, и тогда старецъ тотъ, что священнодѣйствовалъ, такъ говорилъ прихожему челоуѣку:

«Бысть нѣкогда царство греческое, царство надъ царствами, а въ немъ царствующій градъ Константинъ, Царьградъ наречеса, занеже надъ всѣми градами земными царь бѣ. Тако пребысть, донѣже, наущеніемъ богомерзкаго папы Формоза, отпаде ветхій Римъ отъ благочестія и съ нимъ вкупѣ страны западныя во тьму ерестчества уклонишася, точію въ гречествїи странѣ благочестіе не изыскаше; но дѣйствомъ дьявольскимъ мнози отъ православныхъ христїанъ совратишася съ пути истинна, впадоша въ блудъ, въ чревоуничиство, враждованіе, волшвеніе, чародѣянїе и во вся тяжкая, и Господь во гнѣвѣ своемъ посла на нихъ агарянъ нечестивыхъ и предаде грады и веси ихъ на расхищеніе, и мнози христїане мечемъ посѣчены быша, и мнози храмы святые и обители честныя обращены быша въ ропаты (капища) скверныя, и по всей земли начаша нечестивые агаряне мучити инови честные, нудяще ихъ отрещися равноангельскаго иноческаго житїя, повелѣвающе имъ мяса ясти и блудъ творити. Въ оное время жиша во единомъ же мѣстѣ дванадесять старецъ, отцы пустыннии, пребывающе выну въ молитвѣ, и тїи волею божіею внезапно восхищены бѣша и во мгновеніе ока пренесены въ страну сію, идѣже нынѣ ны зриши. Принесеннымъ намъ бывшимъ явися намъ ангелъ божіи, рече: «здѣ пребудете выну молящеся и живуше непорочно, дондеже свершится исполненіе временъ и смилуется Господь надъ людьми своими и освободитъ ихъ рукою крѣпкою и мышцею высокою отъ неволи бусурманскїа. Вѣдомо буди вамъ, яко по мнозѣхъ лѣтѣхъ воздвигнется держава греческая и паки возсіяетъ вѣра благочестивая въ Царьградѣ и во иныхъ градѣхъ страны тѣя, и тогда паки пренесены будете въ первое мѣсто и тамо скончаете земное житїе свое и отыдете въ покой вѣчный, тѣлеса же ваша пребудутъ во свидѣтельство родомъ грядущимъ.»

Донѣлеже сіе сбудется, живуще здѣ не узрите никого же отъ міра, отъ него же взяти бысте, и не услышите гласа его; егда же приблизится время исполненія завѣта Господня, тогда волею божіею придетъ къ вамъ сѣмо мужъ нѣкій, восхищенъ отъ міра, и тому повѣдайте сія, яко приблизися часъ торжества всего христіанства и паденія невѣрія агарянскаго».

— Посемъ, помолчавши мало, старецъ сказалъ прихожему человѣку: «возвратися въ страну російскую и повѣдай сія имущимъ любовь и ревность божію, наипаче же благочестивому царю, единому подъ солнцемъ сущему. Блаженъ иже имать вѣру словесамъ твоимъ, а иже не имать вѣры и явится предъ нимъ тощъ глаголь твой, того постигнетъ нѣчто отъ язвъ, уготованныхъ невѣрнымъ въ день воздаянія по дѣломъ ихъ. Аще кто не убится и идетъ на брань съ невѣрными, тому отпустятся грѣхи, и не точію ему, но и роду его даже до четвертаго колѣна, а иже убится и не идетъ на брань, той посрамленъ будетъ предъ ангелы въ день судный». Послѣ сихъ словъ одинъ старецъ увелъ прихожаго человѣка къ рѣкѣ; древо наклонилось, и прихожіи человѣкъ прошелъ по немъ на онъ-поль рѣки, и абіе восхищенъ бысть на воздухъ и принесенъ въ страну свою.

Царь слушалъ блаженнаго съ жадностью, но тутъ закралась ему мысль: не хитритъ ли этотъ блаженный, не подученъ ли онъ сторонниками войны съ Крымомъ, хотя въ то же время кара, обѣщанная въ разсказѣ блаженнаго за невѣріе, смущала его. Помолчавъ немного, царь сказалъ:

— Что же этотъ прихожіи человѣкъ, былъ онъ русскій родомъ, что-ли? а коли русскій, то какъ онъ говорилъ со старцами? они вѣдь греки, и по-русски не разумѣютъ.

— А развѣ русскій не можетъ научиться по-гречески? — отвѣтилъ блаженный; а колибъ не научился, развѣ Богъ не можетъ отверзти ему разумъ, такъ что, не знаючи греческой рѣчи, все пойметъ? Апостолы не учились языкамъ, а когда сошелъ на нихъ Духъ Святъ, то и заговорили на всѣхъ языкахъ.

— Правда,—сказалъ царь. Потомъ, помолчавъ немного, спросилъ:

— Этотъ человѣкъ, что восхищенъ былъ къ старцамъ,—ты?

— Я ли, не я ли,—отвѣчалъ блаженный,—не все ли тебѣ равно? Писаніе глаголетъ: имѣющіе уши слышати да слышатъ.

Царь опять замолчалъ, а лицо его все болѣе и болѣе принимало суровый видъ. Наконецъ, взглядываясь въ лицо своего собесѣдника, царь спросилъ:

— Кто ты таковъ?—Какъ тебя зовутъ?—Откуда ты?

Блаженный вскочилъ, замахалъ руками и закричалъ:

— Ай! ай!—Я говорилъ, что приѣдешь, вотъ же и приѣдешь!

— Я тебя бить не стану,—сказалъ царь,— я только тебя спрашиваю, кто ты таковъ?

— Мужикъ,—отвѣчалъ блаженный.

— Какъ тебя зовутъ?—Откуда ты?

— Меня зовутъ: грѣшный человѣкъ, а родомъ я по тѣлу отъ Адама, а по душѣ отъ Бога.

— Ты не ковыляй, а отвѣчай толкомъ,—сказалъ царь.—Что ты?—не знаешь развѣ, куда зашелъ, кто тебя спрашиваетъ?

— Знаю, знаю, — сказалъ блаженный:—ты государь, и можешь со мною сдѣлать все, что захочешь. Вели положить меня на землю да поливать горячимъ виномъ, какъ ты это дѣлалъ съ псковичами. Помнишь... Когда упалъ большой колоколъ въ знаменіе грядущей тебѣ вары — а скоро послѣ того пожаръ... мятежъ... И ты самъ чуть не пропалъ отъ народнаго мятежа.

Воспоминаніе объ ужасныхъ событіяхъ покорило царя. Онъ задрожалъ, побагровѣлъ, волосы на головѣ его наѣжились; онъ сжалъ кулаки, какъ будто собираясь уничтожить дерзваго загадочнаго человѣка, а тотъ смотрѣлъ на грознаго владыку съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто хотѣлъ сказать ему: «не бѣсись, царь, ты со мной ничего не можешь сдѣлать».

— Ступай вонъ съ глазъ моихъ,—крикнулъ наконецъ царь.

Блаженный поклонился и произнесъ:

— Аще кто не любитъ Господа Иисуса Христа, да будетъ проклятъ! маранъ-аеа!

Сказавши это, онъ повернулся и добавилъ:

— И епископство его приметъ инъ.

— Стой,—закричалъ царь.

Блаженный остановился и спойно смотрѣлъ въ глаза озлобленному царю.

Царь сказалъ:

— Кому ты это изрекаешь проклятіе?—Чье епископство ты предлагаешь кому-то иному?

— Это тому, кто не любитъ Господа нашего Иисуса Христа,—отвѣтилъ блаженный.

— Ты думаешь обо мнѣ, что я не люблю его, — сказалъ царь.

— Царь-государь,—сказалъ блаженный: — ты увѣрилъ меня царскимъ словомъ, что не приѣдешь меня. Дуракъ мужикъ тебѣ

несь безлѣпницу. Ты вѣдь всѣхъ людей умнѣе, для того, что ты царь. Не слушай дурака, прощай.

И блаженный быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, проносясь:

— Что дурака умному слушать! — Дуракъ дурацкое говорить; а вотъ какъ умному придется потерять голову, такъ и дурацкія рѣчи вспомнить.

Послѣднія слова блаженнаго звучали въ ухахъ царскихъ ровнымъ предсказаніемъ чего-то страшнаго. Противорѣчивыя думы волновали царскую голову. То казалось Ивану, что этотъ блаженный подученъ Сильвестромъ, то царь боялся остановиться на этомъ подозрѣніи. Наконецъ, царю блеснула мысль призвать къ себѣ Сильвестра и допытаться: не подослалъ ли протопопъ къ нему этого блаженнаго?

Передъ царемъ предсталъ сухощавый человѣкъ, лѣтъ за пятьдесятъ, большого роста, съ длинной сѣдовой бородой, въ черной суконной ряскѣ, въ маленькой шапочкѣ. Въ его глазахъ было что-то доброе и вмѣстѣ суровое, что-то испытующее и вмѣстѣ насмѣшливое; всѣ черты лица его какъ-бы говорили: а васъ вижу насквозь; куда вамъ до меня?

— Отче, — сказалъ царь, — у насъ въ думѣ идутъ все рѣчи разныя, несогласныя. Одни говорятъ—надобно воевать съ крымскими татарами, а другіе говорятъ—не надобно, чтобы не остановить войны съ нѣмцами. Какъ, отче, даешь ли ты мнѣ благословіе на войну съ Крымомъ?

— То дѣло твое и боярское, — отвѣтилъ Сильвестръ. — Нашъ голосъ что есть, аще отъ себе, а не свыше глаголемъ? Сильные міра сего не внимаютъ намъ, и то добръ: поплъ знай свой алтарь, да свой потребникъ, бояринъ же знай совѣтъ и ратное дѣло; посадскій человѣкъ—свой товаръ и лавку, а уѣздный—свое поле да соху. Всякъ твори, къ чему призванъ. Ты же призванъ свыше властвовать надъ государствомъ, творить правду и отъ сопостатъ защищать христіанское жительство. Есть у тебѣ совѣтники и слуги, съ ними думай; имъ то дѣло за обычай.

— Я вѣрую мудрости твоей, отче, — сказалъ царь. — Ты многая давалъ мнѣ мудрые совѣты, и теперь хочу спросить тебя.

— Мудрость человѣческая буйство есть передъ Богомъ, — сказалъ Сильвестръ. — Паки реку: аще отъ себе глаголемъ, не вѣрѣ намъ, аще не отъ себе, а отъ Бога—повинуйся словесамъ нашимъ, занеже повинуешься Богу, а не намъ. Испытай, царю, своимъ царскимъ разумомъ: аще отъ Бога, или отъ себе глаго-

лемъ. Ты, царь-государь, разсердился на меня за то, что я тебѣ говорилъ: не начинать бы тебѣ войны съ нѣмцами, а идти тебѣ войною на бусурманъ. И по дѣломъ бы то мнѣ негодному попишеѣ, еслибы я отъ своего ума говорилъ, только то было говорено не отъ себя, а свыше. Такъ, государь.

— Война съ ливонскими нѣмцами идетъ счастливо, — сказалъ царь. — Наши войска побиваютъ сопостать. Вся ливонская страна скоро наша будетъ; Богъ видимо благословляетъ насъ.

— Конецъ дѣлу вѣнецъ, государь-царь, — сказалъ Сильвестръ. Бываетъ, что Богъ попускаетъ совершаться неправому дѣлу, а потомъ за него караетъ, паки реку тебѣ не отъ себя, но отъ Бога. Правая брань бываетъ тогда, когда обороняютъ святую церковь и жительство христіанское отъ нашествія сопостать; а нѣмцы на російскую державу не находили, ты, государь, сталъ истязать у нихъ неудобоемлемую дань, и понеже невозможно заплатить имъ тое дани, ты послалъ разорять ихъ, да еще кого послать! — татаръ невѣрныхъ... Аще бы я сказалъ, что сіе благо есть, солгалъ бы Духу Святому. Ты на меня осердился; во всемъ твоя воля.

— Пріѣхалъ изъ Литвы князь Вишневецкій, зоветъ на крымскихъ татаръ, — сказалъ царь. — Идти намъ на татаръ?

— Всяко дѣло во благовременіи конецъ благій приемень, — отвѣтилъ Сильвестръ. — Аще же неблагоприятно начинается, трудно и нужно творится. Не имамъ повелѣній свыше, а своимъ худоумнымъ разумомъ что могу сказать? Совѣтуйся съ боярами, людьми думными и ратными.

— Ко мнѣ, — сказалъ Иванъ, вглядываясь пристально въ глаза Сильвестру, — приходилъ какой-то блаженный, и чудныя дѣла говорилъ о нѣкоей дивной странѣ, гдѣ живутъ дванадцать старцевъ, и тѣ старцы якобы предвѣщаютъ конецъ бусурманства и велеть идти войной на бусурманъ.

— Бываютъ, государь, — сказалъ Сильвестръ, — видѣнія истинныя, бываютъ и ложныя, якоже и Нивонъ Черныя-Горы пишетъ въ своей книгѣ; а я тебѣ, государь, ту книгу давалъ чести. Сему подобаетъ внимати со разсмотрѣніемъ.

Иванъ Васильевичъ отпустилъ Сильвестра ласково, ничего отъ него не допытавшись, и остался еще въ большемъ недоумѣніи, чѣмъ прежде. Между тѣмъ у Сильвестра былъ соперникъ, гудовскій архимандритъ Левкій. Онъ не имѣлъ и десятой доли того обаянія, какимъ обладалъ Сильвестръ, зато отличался качествами, которыми привлекалъ къ себѣ царя. Слушая Сильвестра,

царь сознавалъ, что Сильвестръ скажетъ такъ умно, какъ ему самому не выдумать; царь чувствовалъ, что Сильвестръ умнѣе его, и царь ненавидѣлъ Сильвестра. Левкія, напротивъ, царь считалъ глупѣе себя и всегда встрѣчалъ отъ него одобреніе и оправданіе того, что ему хотѣлось; за то царь любилъ его. И по наружности Левкій составлялъ противоположность Сильвестру: маленькаго роста, сутуловатый, съ глазами, выразившими подобострастіе, онъ постоянно держался передъ царемъ съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ человѣкъ боится проронить слово изъ рѣчей своего собесѣдника. Когда царь обращался къ Левкію какъ-бы за совѣтомъ, Левкій не задумывался, выступалъ со своимъ совѣтомъ смѣло, рѣшительно, какъ будто противъ царя, но говорилъ именно то, что царю было пріятно. Царь Иванъ Васильевичъ любилъ тѣшиться надъ архимандритомъ; архимандритъ поддавался этому и самъ веселилъ царя.

Царь позвалъ Левкія.

— Пьянъ, архимандритъ, — сказалъ Иванъ Васильевичъ. — Не проспался? Ей, рыло-то! Преподобное рыло! Опухло съ перепоя!

— Испиваю, государь, — сказалъ Левкій, — писано бо есть, въ беззаконіяхъ зачатъ есмь.

— А зачѣмъ же писано: не упивайтесь виномъ. Въ немъ же... знаешь, что въ немъ?

— Нѣкая ковыка недоумѣнная, государь; а другое мѣсто говорить: воды не пій, но вина...

— Вина? остановился? а? боишься договорить? Написано: «вина мало»... а ты дуешь какими ковшами?

— По чину, государь, и по тѣлесной нуждѣ желудка ради и частыхъ недуговъ. А что написано: вина мало пей, — ино лошади ведро воды не много выпить, а кабы человѣкъ выпилъ ведро разомъ? А вотъ, въ писаніи говорится: мытари и любодѣйци варяють (идуть впереди) вы въ царствіи небеснѣмъ, а оно значитъ: мытари были когда-то, а теперь мытарей нѣтъ, а есть монахи бражники, пьяницы, вмѣсто мытарей: они-то прямо въ рай пойдуть. А отчего? они неповинны, аки младенцы. Аще что и согрѣшать, не вмѣнить имъ Богъ грѣха, сами бо не вѣдаютъ, что творять. Говорять же: невозможно прожити безъ грѣха, а коли грѣшить, такъ лучше пьяному, чѣмъ тверѣзому. И еще писано, государь: се колъ добро и колъ красно, еже жити братіи вкупѣ! А коли братія сойдется вкупѣ, ништо обойдется безъ вина?

— Хорошо, — сказалъ царь, — выпей же, воли такъ.

— Левка всегда пить готовъ, — сказалъ архимандритъ, — а

коли государь-царь велить, то какъ же Левкѣ царскаго указа не исполнять?

Принесли чашу вина. Левкій разгладилъ бороду, посмотрѣлъ на чашу умильно, произнесъ: «ахъ ты чаша, чаша моря соловецкаго», и разомъ выхлебнулъ всю чашу.

— Хочешь еще?—спросилъ царь.

— Сволько велить царь, столько и буду пить; только коли на ногахъ не устою, да свалюсь, не наложи гнѣва. Пьяный не владыка себѣ самому.

— А если,—сказалъ царь,—государь велить тебѣ пить въ такой день, что въ святцахъ не показано разрѣшеніе вина и елея, тогда что?

— Нѣсть разрѣшенія, кромѣ царскаго повелѣнія. Царевъ указъ все равно, что божій. Исполнять его велить самъ Богъ,—тогда въ отвѣтъ передъ Богомъ уже не я; аще же царскаго указа не послушаю, то всегда въ винѣ буду, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ царемъ.

— Мудро сказано,—сказалъ царь,—а если царь скажетъ: Левка, не пей николи, и даже въ полиелей, тогда что?

— Тогда Левка упадетъ царю въ ноги...

И съ этими словами Левкій упалъ къ ногамъ государя и продолжалъ:

— И скажетъ: царь-государь, вели лучше Левкѣ голову снять, оттого, что Левкѣ лучше живу не быть, чѣмъ не пить.

— Не бойся, Левка, царь пить не закажетъ, а скорѣе укажетъ. Ну, Левушка, скажи мнѣ лучше вотъ что: проявился тутъ блаженный, ходитъ да кричитъ, знамо блажить; я его звалъ къ себѣ... кто онъ таковъ?

— Не знаю, государь, о томъ вели спросить отца протопопа Сильвестра.

— Отчего Сильвестра, а не тебя? — сказалъ царь, намурившись.

— Я не звалъ его и не приходилъ онъ ко мнѣ, а видѣлъ какъ онъ изъ Сильвестрова двора выходилъ.

Зловѣщая мысль вновь посѣтила голову царя: Сильвестръ ни-го не сказалъ о блаженномъ, когда царь его спрашивалъ, а блаженный бываетъ у Сильвестра.

— Дивныя вещи онъ рассказываетъ,—сказалъ царь, и перемъ вкратцѣ Левкію то, что слышалъ отъ блаженнаго.

— Это значить,—сказалъ Левкій,—чтобы царь на войну звалъ... Да, знать, есть такіе, что желаютъ, чтобы ты на войну

самъ ходить... Нѣтъ, царь-государь, не ходи, у тебя есть воеводы, слуги твои; ихъ, своихъ холопей, посылай, а тебѣ свое здоровье беречи надобно. Князь Курбскій, князь Серебряный не воротятся съ войны — потеря не велика: много ихъ, князей, на Руси, а ты, государь, у насъ одинъ, всему государству голова и оборона. А вотъ этихъ блаженныхъ взять бы въ розыскъ, да поднять раза два на дыбу, такъ заговорили бы они правду-матку, а то они народъ только мутать! Вишь, что затѣялъ! Старцевъ какихъ-то выдумалъ! Задалъ бы я ему старцевъ! Вспомни, царь-государь, какъ по Москвѣ ходилъ юродивый да пророчилъ: Москва сгорить, а Москва и впрямь загорѣлась, а потомъ народное смятеніе стало... все то недруги твои учинили кознями своими! Нѣтъ, царь-государь, не слушайся вражьихъ совѣтовъ, не ходи на войну. Кто знаетъ, что у нихъ на думѣ.

Левкіева рѣчь пришлась по сердцу государя, который мучился подозрѣніемъ, что его, какъ дурня, хотять провести и заставить дѣлать то, чего онъ не хочетъ. Царь призвалъ къ себѣ Аванасія Вяземскаго, молодого любимца, котораго онъ уже тогда приблизилъ къ себѣ.

— Аeonька, — сказалъ царь, — блаженный какой-то проявился въ народѣ, про войну пророчить; узнай, что онъ тамъ такое говорить, а коли услышишь что-нибудь про насъ, тотчасъ вели схватить его... Нечего ему въ зубы смотрѣть, что онъ блаженный.

Вяземскій искалъ блаженнаго, спрашивалъ, ѣздилъ нѣсколько дней по Москвѣ — и слѣдъ простылъ этого блаженнаго: словно въ воду канулъ; только и узналъ Вяземскій, что вечеромъ того самаго дня, какъ онъ былъ у царя, видѣли его у Подкопая; онъ кланялся народу во всѣ стороны и говорилъ: «Прощайте, люди добрые! Увидите меня развѣ не въ добрый часъ, когда врагъ бусурманъ подѣ Москву подойдет!» И потомъ уже никто не видалъ его.

III.

Ц а р и ц а.

Въ царицыннхъ покоехъ, вокругъ большого, продолговатаго стола, покрытаго зеленою съ красными цвѣтами скатертью, стояли двѣ мастерицы и старая боярыня, надзиравшая надъ женскими работами. Поодаль отъ нихъ, у двери, стоялъ мужчина лѣтъ за тридцать, съ задумчивымъ лицомъ, и постоянно опускалъ глаза въ землю, какъ того требовала вѣжливость изъ уваженія къ мѣсту, въ которомъ онъ находился. Одежда на немъ была полумонашеская, черная, длинная; только голова была открыта. На столѣ лежалъ рисунокъ, изображающій положеніе Христа во гробъ. Женщины, стоявшія у стола, находились видимо въ тревожномъ ожиданіи и поглядывали безпрестанно на маленькую дверь, ведущую во внутреннія комнаты царицы Анастасіи. Никто не смѣлъ заводить разговора. Наконецъ, дверь отворилась, вошла царица, женщина блѣдная, сухощавая; ея черты, нѣкогда красивыя, сильно искажены были преждевременными морщинами, въ ея глазахъ отражались грусть и озлобленіе. Она была одѣта въ голубомъ атласномъ лѣтникѣ съ серебряными узорами; на головѣ у ней была бобровая шапочка съ верхомъ, унизаннымъ жемчугомъ. За нею шли двѣ дѣвицы въ красныхъ лѣтникахъ, съ распущенными волосами. Ихъ боязливый взглядъ показывалъ, что онѣ находятся въ строгой дисциплинѣ. Подошедши къ столу, царица молча разглядывала рисунокъ.

— Вотъ, матушка государыня-царица, — сказала старая боярыня, — иконописецъ изъ Новгорода написалъ плащаницы образецъ, буде твоей царской милости угодно будетъ.

Иконописецъ поклонился до земли; царица взглянула на него, потомъ посмотрѣла на рисунокъ и сказала боярынѣ тихо:

— Выдать ему три рубля, пусть идетъ.

Боярыня сдѣлала знакъ иконописцу, а тотъ, понявши, поклонился и вышелъ.

— Первый художъ, — сказала боярыня, — матушка государыня-царица, и книженъ вельми, у отца Сильвестра на воспитаніи выросъ, когда еще отецъ Сильвестръ былъ въ Новгородѣ; и далъ ему Богъ дарованіе иконописное; живетъ, государыня, въ Новгородѣ.

— Такъ онъ новгородскій?—сказала царица,—да еще у Сильвестра выросъ? Не хочу! Не дѣлать плащаницы по его образцу! И впередъ чтобы мнѣ изъ Новагорода не приводить ни на что мастеровъ, а паче изъ попа Сильвестра дѣтенышей. Слышишь? Чтобъ не было того. Нешто изъ иныхъ городовъ отыскать не можно? Нешто въ Москвѣ вѣтъ достойныхъ? Что это все изъ Новагорода, да изъ Новагорода? Новгородъ всему указъ сталъ, и Богу-то по-новгородски заставляють молиться. Москва Новгороду глава и всѣмъ городамъ: такъ и въ книгахъ написано. А нешто въ Новѣгородѣ благодати больше: ростовскіе чудотворцы посвяще-то новгородскихъ святыхъ. Не чета Ростову Новгородъ,—не то что Москвѣ! Да ты что, новгородка, что ли?

— Матушка-государыня,—сказала боярыня,—вѣдомо тебѣ, что я прирожденная московка, стараго московскаго рода.

— Такъ сыщи инога иконописца,—сказала царица,—чтобъ не изъ Новагорода, а паче, чтобъ не изъ Сильвестровыхъ дѣтенышей. Попъ набираетъ себѣ на улицѣ Богъ знаетъ кого, да въ люди выводитъ... а за его милостивцами никому хлѣба достать нельзя. И въ попы своихъ ставить, и въ подъячіе ставить, да еще иконы пишутъ все его люди. Сыщи инога.

— Буди твоя воля, государыня-царица,—сказала боярыня.

Въ это время вошли въ комнату двое братьевъ царицы, Григорій и Никита, единственные мужчины, имѣвшіе право во всякое время входить въ покои царицы.

Анастасія продолжала:

— А три рубля? Такъ имъ и пропадать, по твоей винѣ! Коли бы ты сказала, что изъ Новагорода, я бы не велѣла и показывать мнѣ его образину съ его образцомъ.

— Матушка-государыня,—сказала боярыня,—не гнѣвись. Я верну эти три рубля, коли они напрасно потрачены чрезъ мою вину.

— Было бы на нищую братію раздать!—говорила царица. Смотри-ко, три рубля ни за што взялъ! И такъ деретъ за свою дрянную работишку ни на что не похоже, а иные бѣдные чуть съ голоду не помирають. Имъ надобно помогать, а не даромъ деньги бросать сильвестровцамъ; разжирѣлъ вельми попина, пусть бы изъ своихъ животовъ раздавалъ своимъ.

— Матушка-государыня,—говорила боярыня,—не изволь гнѣваться. Я верну три рубля.

— Я съ тебя трехъ рублей не возьму назадъ,—сказала царица,—отдай ихъ половину въ Троицъ, а половину на нищую

братію раздай, коли твое усердіе будетъ. А то, право, тремя рублями сколько нищихъ-то одѣлить можно, а они въ одну ненасытную утробу новгородскую ушли... Боже, Боже! прости наше согрѣшеніе! Ну, гляди, достань много иконописца московскаго, либо ростовскаго, либо ярославскаго, только не новгородскаго и не изъ Сильвестрова гнѣзда. Ступай же себѣ.

Боярыня и мастерицы поклонились и ушли. Царица обратилась къ дѣвицамъ.

— Вы что выпучили-то буркалы! Охъ, смиренницы, какъ только съ глазъ моихъ, такъ у васъ зубоскальство и смѣхъ неподобный. А! ты—ты—что глядишь тамъ! Вотъ теперь при мнѣ чуть не засмѣешься! А ты, пучеглазая! Говори: смѣялась она у меня за спиною? Покроешь ее?.. мнѣ не скажешь?

— Я не видала, государыня!

— Врешь! видѣла! Ну, если не видала и увидишь—скажешь мнѣ?

— Скажу, государыня-царица.

— Лжешь! не скажешь! гдѣ у васъ вѣрность? Какая у васъ вѣрность! А какъ повернусь, да увижу... ты думаешь тебѣ меньше будетъ кары, чѣмъ ей? Обѣихъ одинаково накажу. Идите себѣ отъ меня.

Дѣвицы ушли.

— Куда ни повернись, — говорила царица братьямъ, — отъ Сильвестра не уйдешь. Хотѣла плащаницу вышить по обѣщанію, по душѣ моего Мити-царевича въ Горицы: что-жъ? Говорю: найдите иконописца, чтобы мнѣ образецъ написалъ. А онѣ нашли изъ Новгорода, да еще изъ Сильвестровыхъ дѣтенышей. Погъ со своей попадѣей собирали разную сволочь мальчишекъ и дѣвчонокъ, воспитывали, да въ люди выводили. А это чинилось не къ угоду Богу, а для того, чтобы во всемъ царствѣ своими людьми всѣ углы испомѣстить. Видите — вездѣ у нихъ свои люди. И мнѣ ихнаго привели изъ новгородскихъ.

— Знаю, — сказала Григорій, — это изъ тѣхъ, что писали Господа Саваоа, чѣмъ Висковатый соблазнился. Вотъ, и тебѣ пришли изъ ихней норы крысу. Хотятъ царя-государя съ толку сбить, чтобы онъ въ походъ пошелъ на Крымскую землю. Подослали къ нему какого-то кородиваго, пророчилъ о паденіи турецкаго царства. Спасибо, отецъ Леввій царя-государя вразумилъ. Не поддается. А тутъ, видишь, пріѣхалъ изъ Литовской стороны Вышневецкій князь, подбивать царя на войну, да еще какое-то чудо привезъ съ собою—силача какого-то, Илью Муромца... Хотятъ царя отуманить.

— Горе мое, горе!—сказала царица:—охъ, ужъ и какъ-то мнѣ на сердцѣ грустнымъ-грустно. Чуетъ мое сердце что-то недоброе. Охъ, братцы родимые! Спасите меня, люблю я своего Иванушку болѣ всего на свѣтѣ; быть можетъ, оно и грѣхъ такъ любить, для того, что Бога любить надобно болѣ всего, а коли человѣка больно подюбишь, такъ и противъ Бога согрѣшишь. Только, что же мнѣ дѣлать? Точить мое сердце червь невидимый! Разлучники мои лютые хотятъ меня съ Иваномъ разлучить, со свѣта меня рады согнать, чтобъ самимъ владѣть и царемъ и царствомъ. Чего-то я не пострадала? Не забыть мнѣ во-вѣкъ, какъ Иванушка былъ боленъ, при концѣ живота лежалъ, а онъ около него... думали, какъ бы дѣтей нашихъ наслѣдства лишить, Владимира Андреевича царемъ наставить... Мать его, змѣя лютая!.. низко мнѣ кланяется, а у самой въ умѣ лихо... Господь спасъ царя: и денно и ночно съ той поры благодарю его пресвятую волю. Только не дремлетъ адъ. Сильвестръ пошъ, врагъ лукавый, у меня дѣтей вѣдовствомъ отнять... а теперь хотятъ лиходѣи царя на лютую войну тащить, какъ тащили подъ Казань, загнѣмъ хотятъ тащить, чтобъ живота лишить! Охъ, чуетъ мое сердце бѣду: не долго мнѣ горевать на бѣломъ свѣтѣ, не жлица я на этомъ свѣтѣ. Охъ, охъ!

Братъ ея Никита сказалъ:

— Не гнѣви Бога, сестра, малодушествомъ. Не любишь ты Сильвестра, и я его не люблю, да и какъ намъ его любить?— и онъ насъ не любитъ. Ему бы хотѣлось, чтобъ насъ близъ царя не было, а только бы онъ съ своими совѣтниками при царѣ остался. Паче мѣры властолюбіе его. А чтобъ онъ вѣдовствомъ дѣтей у тебя отнять, того говорить не подобаетъ. Божье то дѣло, а не человѣческое. Не достоинъ наговаривать на человѣка лишнихъ словъ, хоть бы онъ и ворогъ и лиходѣй былъ тебѣ!

— Какъ же онъ не вѣдунъ!—сказалъ Григорій.—Какъ же онъ такъ обошелъ царя-государя? Или впрямь онъ прозорливъ и богоугоденъ мужъ, что ли? Который годъ ужъ мы съ нимъ боремся! Вотъ, разсердится государь, сдастся, приходитъ конецъ Сильвестровскому царствію: анъ нѣтъ! Смотри, опять сталъ въ приближеніи, и опять царь его слушаетъ. Какъ не вѣдунъ онъ, проклятый!...

Въ это время послышались шаги: Захарыны узнали походку царя.

Вошелъ царь Иванъ Васильевичъ, повачиваясь съ боку на бокъ и улыбаясь; одной рукой онъ поглаживалъ свою бороду, а другой—опирался на посохъ съ золотымъ набалдашникомъ.

— Ха, ха ха!—сказалъ царь:—шурья! Слышите, какъ меня одурить хотѣли. Перво подослали какого-то юродиваго, и тотъ говорилъ мнѣ какія-то чудныя рѣчи о видѣнїяхъ, чтобъ меня подбить на войну съ Крымомъ; я велѣлъ того юродиваго изловить на преступномъ словѣ, а онъ пропалъ, какъ въ воду впалъ! Теперь за другое взялись. Хотятъ для нашей царской потѣхи показывать какого-то силача, что одинъ медвѣдя руками ломаетъ, привезъ его съ собой Вишневецкїй. Думаютъ, что я, глядя на то, ихъ поученїямъ поддамся. Нѣтъ, голубчики мои! не на того попали. Я-таки потѣху посмотрю, а чтобъ въ Крымъ идти войною, да еще самому, по ихъ хотѣнїю, того не будетъ. Ты, Настенька, о томъ не думай и сердца своего не томи! Я на Крымъ не пойду, ихъ желанїя не сотворю. А будутъ они творить у меня то, что я захочу, оттого, что я самодержецъ; отъ Бога дана мнѣ власть свыше, и что захочу, то и буду дѣлать, а они мнѣ повиноваться должны.

— О, государь,—сказалъ Григорїй,—какъ мы всѣ рады твоему мудрому слову. Не только мы, всѣ православные христіане, сущїе подъ твоею высокою рукою, только о томъ Бога молятъ, чтобъ все дѣлалось по твоему великому разуму, а не по совѣту юарскому, паче же не по совѣту поповскому.

— Попъ Сильвестръ мнѣ не совѣтникъ,—сказалъ царь:—аша воля была такова, чтобъ попъ Сильвестръ былъ близко мнѣ, а не захотимъ, такъ попъ Сильвестръ завтра въ Соловки ѡйдетъ. Что такое попъ? не только попъ—митрополита не заочу держать, и митрополитъ вонъ пойдетъ.

— Истинно и мудро слово твое!—сказалъ Григорїй.

— Милый мой, Иванушка! — сказала царица, обнимая съ ѣзностью голову супруга.—Ты не поѣдешъ на войну, ты со мной станешься!

IV.

Царская потѣха.

Первый зимній снѣгъ—желанный, нетерпѣливо-ожиданный со дня на день гость; первый санный путь—праздникъ на Руси. Такъ и теперь; такъ и встарь бывало. Работы пойдутъ дружнѣе, забавы затѣйливѣе, юность станетъ отважнѣе, дѣтство рѣзвѣе, старость приободрится. А для охотниковъ... вотъ веселье-то! Царь Иванъ Васильевичъ не пошелъ по слѣдамъ своихъ древнихъ предковъ, князей, которые, бывало, ѣзжали другъ къ другу а сотни верстъ поглумиться въ лѣсахъ и поляхъ надъ звѣремъ прыскачимъ и птицею летучею, и свои старыя ссоры и усобицы заканчивали на мировую ловами. Царь Иванъ Васильевичъ слѣшкомъ берегъ свою царственную особу и удалялся отъ малѣйшей возможности встрѣтиться съ чѣмъ-нибудь опаснымъ. Трусъ онъ былъ большой, хотя ему ничего такъ не хотѣлось, какъ слѣдовать отважнымъ и храбрымъ. Поѣдетъ онъ на охоту развѣ за зайцами, да и то если ему мимоходомъ не проговорятся, что тамъ гдѣ ему придется расправляться съ зайцемъ, встрѣтитъ онъ медвѣдя, волка, рыси. Не любилъ онъ самъ быть въ лѣсахъ на охотѣ, какъ не любилъ ходить на войну; но этотъ царь, какъ заводилъ войны и посылалъ своихъ полководцевъ, такъ и на охоту, хоть самъ трудиться не хотѣлъ, но посылалъ своихъ дворянскихъ крестьянъ ловить для себя звѣря. То было и подручье тогдашнимъ людямъ: вездѣ были охотники; да безъ нихъ звѣрь бы заѣдалъ цѣлыя села; не ради забавы, а по крайней необходимости выходили посадскіе и уѣздные люди большими силами воевать со звѣрьми въ лѣсъ, со всякаго рода оружіемъ начиная отъ простой дубины до хитраго ружья, тогда еще составлявшаго рѣдкость въ крестьянскомъ быту, гдѣ лучше умѣло обращаться съ прадедовскими луками и стрѣлами. За толпою юнцовъ псаря вели собакъ, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы находить звѣринный слѣдъ и выгнать звѣря; тенежные несли огромныя тенета, а концы—заступы, чтобы вырывать или куда заманивали или загоняли неосторожного звѣря, покрывши ямы тонкими жердочками, притрушенными сухими листьями или снѣгомъ. Веселая была пора, когда наступали такіе походы. Молодцы идутъ, пѣсни поютъ, приплясываютъ, балагурятъ, играючи гудками, волынками, сумрами и дакрами потѣшаютъ рабочіе

подъ, а когда случится—собаки выгонять волка, лису, медвѣдя, и растерянный звѣрь запутается въ тенета или попадетъ въ яму, тутъ сколько смѣху, шуму, гаму, веселья! Старались, разумѣется, для царя ловить молодыхъ медвѣдей и волковъ—со старыми сладить было трудно—надѣвали на нихъ цѣпи, привязывали подъ шею палки и отправляли въ подмосковныя села. По царскому указу, тамъ содержали и растили ихъ, давая кормъ немалый, и берегли для государевой потѣхи; а когда вздумается государю—привѣдетъ онъ въ село, прикажетъ выпустить медвѣдя или волка, и пустить на нихъ собакъ, либо же заставить людей своихъ драться со звѣрьми; кто одолѣетъ—тому царское жалованье бываетъ; кого медвѣдь поранитъ, тому на лечбу дается; а случалось, что медвѣдь и до смерти задеретъ молодца, тогда его въ синодиль запишутъ, по разнымъ монастырямъ на поминаніе пошлютъ.

Теперь, ради перваго свѣга, изволилъ царь-государь ѣхать въ село Тайнинское, тѣшиться вмѣстѣ съ своими ближними боярами. Съ вечера отправили туда царскую стражню; до свѣта мѣжи корован и пироги, потрошили разную рыбу, готовя ее на различныя кушанья въ царскому столу. У царя готовилась тогда потѣха необычная; царю наговорили о необыкновенной силѣ прѣхавшаго съ Вишневецкимъ казака Кудьяра, донесли ему и объ его странномъ происхожденіи, но ни самъ Кудьяръ, ни другой никто не знаетъ, кто этотъ казакъ, а видно, что русскаго рода. Царю охотно было посмотреть на него; Вишневецкому желалось указать его московскому государю, но самъ Кудьяръ не обнаруживалъ ни радости, ни боязни показаться передъ царемъ.

Царь отслушалъ обѣдню. Вереница саней наполнила Кремль. Бояре ведутъ великаго государя подъ руки; онъ одѣтъ въ соболю шубу, нагольную, съ узорами, искусно сдѣланными по восточному образцу, на кофтаной вожѣ; на головѣ у царя остроюлочная шапка. Огромныя развалистыя сани раздѣлены на два отдѣленія; на заднемъ, возвышенномъ, садится царь-государь, сбоку его крещеный царь казанскій, впереди, ниже его, садятся все близкиихъ бояре. Сани запряжены четырьмя лошадьми, не идомъ, но гуськомъ; на каждой лошади сидитъ возница верьюмъ; у передняго возницы бичъ длиннѣе его самого. По бокамъ саней ѣдутъ околышныи. За царемъ слѣдуютъ бояре, думные и ближніе люди, щеголяя богатствомъ мѣховъ на своихъ пубахъ съ большими отложными воротниками, да околышками напокъ съ золотными серебряными швами, затѣйливостью матерій и покрывшахъ шубъ, узорами своихъ санныхъ ковровъ и по-

родистостью своихъ лошадей. Бяязъ Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, приглашенный царемъ на царскую потѣху, ѣхалъ въ однихъ саняхъ съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ: во всю дорогу они толковали между собой о томъ, какъ бы имъ склонить царя послать на крымскаго хана великую рать и самому предводительствовать ею.

Вотъ пріѣхали. Бояре ведутъ государя подъ руки по лѣстницѣ деревяннаго дворца въ селѣ Тайнинскомъ; пройдя большіе теплыя сѣни, царь входитъ въ столовую избу. Тамъ уже наврыты столы браными сватертами, на столахъ поставлены тарелки, положены ножи, ложки, большія ковриги хлѣба, къ столамъ придвинуты скамьи съ камбовыми полавочниками, а для царя поставленъ особо маленькій столикъ, обложенный перламутровыми кубочками; передъ столикомъ кресло съ позолоченными ручками, а надъ кресломъ рядъ образовъ въ басменныхъ окладахъ. Царь помолился образамъ, прошелъ черезъ столовую избу въ другую комнату; тамъ топилась печь; и здѣсь царь прежде всего помоллся, а потомъ сѣлъ у печи; бояре стояли около него; прошле нѣсколько минутъ; посидѣли у горячей печи, царь всталъ, взявъ свой посохъ, который на время сидѣнья у печи отдавалъ околничему, прошелъ въ третью комнату, гдѣ была его царская постель, потомъ—въ четвертую, назначенную для ближнихъ людей, которые должны спать при царѣ, когда онъ изволить ночевать въ Тайнинскомъ. Изъ этой четвертой комнаты, составлявшей уголъ съ предыдущей, была дверь на рундукъ подъ навѣсомъ; выходилъ этотъ рундукъ на широкій внутренній дворъ, гдѣ происходили бои со звѣрьми для царской утѣхи. На рундукъ стояло одно только кресло для государя.

Иванъ Васильевичъ былъ тогда не въ веселомъ расположеніи духа. Все слышанное и замѣченное имъ недавно легло ему на сердце; онъ чувствовалъ, что вокругъ него что-то замшляется, подозрѣвалъ, что его хотятъ обойти, думаютъ заставить его дѣлать то, чего бы онъ и не хотѣлъ, а чего хотятъ другіе; царь злился. Ему въ голову приходило, что и самую настоящую потѣхою заговорщики хотятъ воспользоваться, чтобъ подмануть его на войну съ Крымомъ. Не пришла еще пора Ивану Васильевичу освободиться отъ той застѣнчивости, которою сопровождалась его врожденная трусость, не пришла еще пора перейти этой трусости къ беззастѣнчивой борьбѣ съ воображаемыми опасностями. Еще пока все ограничивалось только выходами свенравія.

— Алексѣй!—сказалъ царь Адашеву, сѣвши на креслѣ, по-

ставленномъ на рундукѣ. — Хотимъ идти въ походъ съ великою ратью на войну.

— Богъ тебя благословить, — сказалъ Адашевъ, нѣсколько изумленный такою неожиданностью. — Мы всѣ идемъ съ тобою, и будемъ биться противъ враговъ креста святого до послѣдней капли своей крови, не щадя головъ своихъ. А куда ты думаешь? Противъ татаръ?

— Нѣтъ, противъ ливонскихъ нѣмцевъ. Вы мои добрые, мои вѣрные бояре, такъ мужественно бились съ нѣмцы, что ужъ мнѣ никоими дѣлами не хочется покидать ливонской земли, не подделываши ее всю подъ нашу державу. А бусурманъ крымскій не страшень; онъ шлетъ намъ свое посольство и уже отпустилъ нашъ русскій полонъ. Мы возьмемъ миръ съ крымскимъ ханомъ на всей волѣ нашей, а сами пойдѣмъ на нѣмцы. Вотъ и бояре нынѣ въ думѣ тоже говорили, чтобъ идти намъ войною на ливонскихъ нѣмцевъ. И новоприѣзжій князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій пусть со своими казавами идетъ съ нами заодно на ливонскихъ нѣмцевъ! Они нашимъ жалованьемъ помилованы.

— Твоя воля, государь, — сказалъ Адашевъ, — мы еще не знаемъ, съ чѣмъ приѣдетъ ханскій посланецъ; а ханъ хотъ и скажетъ, что онъ отпуститъ полонъ весь, тому вѣрить не можно, бусурманъ солжетъ христіанину. Нѣмцы, государь, побѣждены злою твоего царскаго величества; если теперь ихъ пожаловать, дать имъ миръ, такъ они отдадутъ намъ и Юрьевъ, и Ругодивъ, и прочіе города, взятые нашими ратьми.

— А если мы ихъ не помилуемъ, — сказалъ лукаво засмѣявшись царь, — такъ они намъ отдадутъ и Болыванъ, и Ригу, и поштай всѣ германскіе грады завоюемъ. Ну, а что на это скажетъ вотъ князь Курбскій?

Князь Курбскій, стоявшій все время у двери, выступилъ и сказалъ:

— Нашъ совѣтъ, великій государь, тебѣ вѣдомъ, понеже мы вѣрили его предъ тобою въ думѣ, а воли твоя такова воля, тоби я предъ тобою паки сказалъ его, то я скажу и теперь только то, что въ думѣ говорилъ: не ходи, государь, на нѣмцевъ, возьми съ ними миръ на всей нашей волѣ, а самъ иди со всею своею ратью на крымскаго бусурмана, ради защищенія своей державы и цѣлости жительства христіанскаго.

— А другіе бояре да не то говорили, — сказалъ царь, — а зачѣмъ будетъ такъ, какъ вашъ государь изволитъ, какъ ему Богъ на сердце положить. На него надѣюсь, его велѣнію покоряюсь,

а не князей, не бояръ совѣтамъ. Господь со мною и никто же на мя. Гдѣ князь Вишневецкій?

Вишневецкаго подозвали. Царь сказалъ:

— Показывай, показывай, князь Дмитрій, своего Голаза. Только у меня такіе лютые два медвѣдя; никто съ ними не держалъ биться. Если кто изъ нихъ да сниметъ черепъ съ твоего Голаза, ты на насъ за то не пеняй.

— Такого медвѣдя нѣтъ, котораго бы не поборолъ мой Кудеяръ,—сказалъ Вишневецкій.

— Ого-го! хвастливо сказано,—возразилъ царь,—а у насъ говорится, что похвальное слово гнило бываетъ.

Ударили въ бубны. Изъ нижняго жилия дворца вышелъ Кудеяръ, одѣтый въ черное суконное короткое платье, въ большихъ сапогахъ со шпорами. У него въ рукахъ не было никакого оружія, только за краснымъ поясомъ заткнутъ былъ большой ножъ, на половину высунутый изъ ноженъ. Кудеяръ поклонился въ ту сторону, гдѣ былъ царь, надѣлъ шапку и сталъ бокомъ въ рундуку, приложилъ подбородокъ къ шеѣ, выставилъ правую ногу впередъ, заложилъ лѣвую руку назадъ и держалъ правую наотмахъ, какъ-бы готовясь отразить нападеніе врага. Его мрачные глаза были устремлены на двери амбаровъ.

— Эка плечища-то, плечища,—замѣтилъ царь,—а пальцы, пальцы!.. А брови какія яростныя! Да это просто какое-то чудое лѣсное, страхъ водяной!

Всѣ бояре стояли около царя съ напряженнымъ вниманіемъ. Вдругъ растворилась одна изъ амбарныхъ дверей — оттуда вышелъ медвѣдь... дверь за нимъ быстро затворилась. Медвѣдь вступилъ на майданъ (такъ называли тогда таковой дворъ), увидѣлъ стоящаго Кудеяра... казакъ глядѣлъ на него грозно и сурово... медвѣдь заревѣлъ, поднялъ переднія лапы и на заднихъ шелъ прямо на Кудеяра... Кудеяръ выдернулъ ножъ. Медвѣдь заревѣлъ сильнѣе и замахнулся своею лапою—одна секунда—медвѣдь снесъ бы черепъ со смѣльчака; всѣ ахнули... Но Кудеяр ловко уклонился головою отъ взмаха медвѣжьей лапы и въ то же мгновеніе воспользовался положеніемъ медвѣдя, выставившаго противъ соперника грудь, ударилъ его ножомъ въ сердце, и самъ отошелъ прочь.

Раздался послѣдній ревъ издыхающаго медвѣдя. Кудеяр глядѣлъ на мертваго, уже безсильнаго врага. На рундукѣ всѣ были до того поражены этимъ неожиданнымъ исходомъ битвы, что не смѣли выразить ни одобренія, ни изумленія.

Царь прервалъ молчаніе.

— Есть,—сказалъ онъ,—медвѣдь еще поболѣе и подюжѣе этого. Похочеть ли онъ съ нимъ биться?

— Съ кѣмъ повелишь, государь,—сказалъ Вишневецкій,—съ тѣмъ онъ и будетъ биться!

Вишневецкій передалъ царское желаніе Кудеарю.

Кудеарь поклонился царю молча; подошелъ къ мертвому медвѣдю, вынулъ изъ сердца ножъ, обтеръ объ шерсть того же медвѣдя и снова сталъ въ прежней постати ожидать новаго врага.

Не долго пришлось ему ждать. Медвѣдь громаднаго роста показался изъ другой амбарной двери...

Увидя мертваго товарища, медвѣдь въ испугѣ отскочилъ назадъ, оглянулся кругомъ, остановилъ глаза на Кудеарѣ. Новый врагъ не ревѣлъ, какъ прежній, а только свирѣпо смотрѣлъ на человѣка. Прошла минута. Царь сдѣлалъ такое замѣчаніе:

— Медвѣдь, видно, смекнулъ, что прежній оттого пропалъ, что на человѣка самъ пошелъ; этотъ дожидается человѣка къ себѣ: поди-ко ты самъ ко мнѣ, а не я къ тебѣ!

Но медвѣдь сдѣлалъ движеніе и тихо началъ обходить своего врага; медвѣдь отворачивалъ голову въ противоположную сторону, какъ будто хитрилъ съ нимъ, какъ будто показывалъ видъ, что не обращаетъ на него вниманія, какъ будто затѣвалъ броситься на него неожиданно; но медвѣдь не вровель казака; Кудеарь быстро, какъ кошка, сдѣлалъ прыжокъ, и вмигъ очутился верхомъ на медвѣдѣ, обѣими руками схватилъ его за горло и сталъ давить изо всей силы. Медвѣдь захрипѣлъ и подогнулъ ноги. Кудеарь не переставалъ давить его, пока въ медвѣжьемъ тѣлѣ не перестали болѣе показываться предсмертныя судороги. Тогда Кудеарь всталъ съ медвѣдя, снялъ шапку и поклонился царю.

— Молодецъ! молодецъ!—сказалъ царь.—Вотъ настоящій богатырь, Илья Муромецъ!..

По царскому приказанію, переданному чрезъ Вишневецкаго, Кудеарь взошелъ на рундукъ и молча ожидалъ царскихъ приказаній. Всѣ разглядывали его съ любопытствомъ.

Царь приказалъ поднести богатырю серебряный ковшъ съ медомъ.

Кудеарь смутился. Степной казакъ не зналъ, какъ ему обращаться передъ такимъ властелиномъ, говорить ли, молчать ли; онъ поглядѣлъ на Вишневецкаго, потомъ поклонился царю молча, выпилъ медъ и отдалъ ковшъ стряпчему. Царь сказалъ:

— Этотъ ковшъ тебѣ за твою потѣшную службу.

Кудеарь снова молча поклонился.

— Связывали намъ, ты самъ не знаешь, кто ты таковъ, съ измалку былъ у бусурманъ, а самъ роду русскаго, христіанскаго. Покази-ко мнѣ крестъ, что у тебя на шеѣ.

Кудеяръ молча снялъ съ себя крестъ и подалъ царю.

Пристально разглядывалъ царь крестъ, вдумывался, не догадается ли, и потомъ отдалъ его Кудеяру.

— Кто тебя знаетъ, кто ты таковъ, а сдается: не простому роду. Велю кликнуть кличъ по всему царству, чтобы отозвались тѣ, у кого пропали дѣти въ оно время, что приходилось по твоимъ лѣтамъ, годовъ за тридцать или того болѣе. А пока Богъ тебѣ не откроетъ твоего рода, будешь ты нашъ, и мы тебя пожалуемъ. Отвести ему помѣстье въ Бѣлевскомъ уѣздѣ пятьсотъ четей и въ дву потому-жъ, да лѣсу, да сѣнокосу, какъ пристойно, и поверстать его въ дворяне. Пусть нашу царскую службу несутъ. Я его пошлю на ливонскихъ нѣмцевъ. Пусть ихъ волятъ и давить какъ медвѣдей.

— Великій государь, — сказалъ Вишневецкій, — мой Кудеяръ въ большомъ долгу.

— Передъ кѣмъ? — спросилъ царь. — Я его выкуплю отъ правежа.

— Онъ въ долгу передъ бусурманами. Когда онъ былъ со мною въ походѣ, татары набѣжали на хуторъ его подъ Черкасами и увели жену у него. Такъ и пропала безъ вѣсти! Онъ поклялся мстить бусурманамъ.

— Для такого молодца у насъ сыщется невѣста получше прежней его жены, — сказалъ царь. — Надобно другую взять, а прежнюю забыть. Попалась въ плѣнъ къ бусурманамъ — все равно, что умерла. Хочешь, молодецъ, жениться?

— Я законъ уже принялъ, — сказалъ Кудеяръ.

— Развѣ надѣешься, что прежняя жена къ тебѣ вернется? Нѣтъ, молодецъ, тщета твое упованіе! Чай съ горя умерла, вели лучше записать ее въ поминаніе... А красавица была твоя жена?

— Для меня лучше не нужно было, царь-государь, — сказалъ Кудеяръ.

— Жаль, жаль, — продолжалъ царь, — а все-таки, коли ее достать нельзя, надоть иную брать.

— Нѣтъ, царь-государь, не хочу, — сказалъ Кудеяръ, — когда такъ угодно Богу, останусь безъ жены. Позволь, царь-государь, бусурманъ бить, имъ за жену мстить.

— Ого! — сказалъ царь, — ты хочешь на бусурманъ идти, жену свою отыскивать! Ты, можетъ быть, хотѣлъ, чтобы и мы пошли съ тобою ради твоей жены. Ха! ха! ха! Если бы мы пошли и

весь Крымъ завоевали, и тогда наврядъ ли бы твою жену тамъ нашли; если она жива, такъ ужъ навѣрно запродана въ какое-нибудь бусурманское государство, что подальше Египта. Ну, ступай, ступай! мы тебя не удерживаемъ. Ступай воевать съ бусурманомъ, отыскивай свою жену и приходи вмѣстѣ съ нею ко мнѣ, только я съ тобой не пойду... нѣтъ!

При этомъ царь окинулъ взглядомъ своихъ бояръ, и продолжалъ:

— Ну, а вотъ если ты найдешь свою жену и придешь ко мнѣ вмѣстѣ съ нею, тогда я со всею ратью пойду на бусурмана и Крымъ завоюю. Теперь иди себѣ покаймѣсь.

Кудеарь во все продолженіе рѣчи царя смотрѣлъ чрезвычайно мрачно, съ видимымъ озлобленіемъ: издѣвки царя задѣвали его по сердцу.

— Ну, покажи теперь стрѣльцовъ своихъ, князь Дмитрій Ивановичь,—сказалъ царь Вишневецкому, когда Кудеарь ушелъ.

По приказанію Вишневецкаго, казакъ прибилъ къ столбу, стоявшему на майданѣ, большую доску, въ видѣ полки, на эту полку положили рядомъ нѣсколько яицъ. Вышло десять казаковъ съ ружьями и каждый стрѣлялъ другъ за другомъ, попадая въ яйца пулями. Царь хвалилъ ихъ.

Потомъ принесли ленту холста, растянули ее отъ столба до тѣхъ досокъ, которыми были задѣланы промежутки между амбарами, и приволотили гвоздиками; вся эта лента была усѣяна крестиками, начерченными углемъ. Вошло нѣсколько другихъ казаковъ, и одинъ за другимъ стрѣляли изъ лука, оставляя въ холстѣ завязшія стрѣлы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были намѣчены крестики.

Царь становился все веселѣе отъ этихъ развлеченій.

— Теперь,—сказалъ онъ,—пусть Кудеарь приберетъ дворъ мой, сниметъ доски съ проходовъ и столбъ вынетъ.

Вишневецкій передалъ приказаніе Кудеару. Силачъ прежде всего вытащилъ прочь мертвыхъ медвѣдей, потомъ почти безъ усилія снялъ доски, вынесъ ихъ и сложилъ въ кучу у одного амбара, а вслѣдъ затѣмъ, подошедши къ столбу, глубоко врытому въ мерзлую землю, началъ двигать его; столбъ мало по-малу началъ качаться. Кудеарь принагнулся, понатужился, вырвалъ столбъ изъ земли, не давъ ему упасть на землю, подставилъ свое плечо, понесъ и спустилъ у стѣнны амбара.

— Эка силаща, а!—сказалъ царь:—ну, вотъ что ты мнѣ скажи, князь Дмитрій Ивановичь: я знаю, ты человекъ богобоязливый и добрый. Поручишься ты мнѣ, что тутъ нѣтъ чего-ни-

будь нечистаго, что этотъ твой Кудеяръ получилъ такую силу отъ Бога, а не отъ лукаваго, не чрезъ волшебство и вѣдовство?

— Царь-государь, — сказалъ Вишневецкій, — мнѣ самому приходила такая думка, но нѣтъ... мой Кудеяръ ничему такому не причастенъ; благочестивъ и въ церковь ходитъ почаству, и постится, и на исповѣдь ходитъ поновляться, не то, что разъ въ годъ, и почаще, раза по два и по три.

— Ну, то-то, — сказалъ царь, — а то вѣдь и мы съ нимъ въ погибель ввергнемъ души наши, коли станемъ тѣшиться бѣсовскимъ дѣйствомъ.

Царь съ рундука вошелъ во дворецъ, прошелъ въ дальнія сѣни, гдѣ уже были приготовлены столы для царскихъ жильцовъ и для казаковъ, и прошелъ на другой рундукъ, выходявшій на широкой дворъ прямо противъ воротъ, откуда былъ главный вѣздъ. По царскому приказанію привели собаекъ, выпустили изъ заперти лисицу и пустили въ поле; собаки бросились за лисицею. Царь тѣшился, глядя, какъ лисица, со свойственною ей хитростью, увертывалась отъ собаекъ, обманывала ихъ, метаясь въ разные стороны, ускользая отъ роковыхъ зубовъ въ то время, когда собака готова была уже схватить ее за хвостъ, — все было напрасно — далеко, далеко погнали собаки смышленаго звѣря, за собаками поскакали псари; царь уже не могъ видѣть ничего, но съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда принесутъ ему вѣсть о томъ, чѣмъ кончилась война съ лисицей. Наконецъ, псари вернулись и привезли трупъ истерзанной собачьими зубами лисицы.

По окончаніи всѣхъ потѣхъ пошли обѣдать. Обѣдъ былъ постный, рыбный. Царь, сидя за своимъ особымъ столикомъ, посылалъ подачки Вишневецкому и его атаманамъ, обѣдавшимъ съ царскими жильцами въ сѣняхъ; царь обращался къ Вишневецкому съ ласковымъ словомъ: «князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій! Пріѣхалъ ты изъ литовской державы къ намъ на службу своею доброю волею со своими храбрыми атаманы и казаки. Мы, государь, тебѣ рады и въ милость нашу приедемъ тебя и твоихъ атамановъ и казаковъ. Ышь нашу хлѣбъ-соль, пей медъ, вино, подерѣпляйся и веселись съ нами».

Когда налили бѣлаго меду, всѣ выходили изъ-за стола и здравствовали государя. Вишневецкій, проговоривши царскій титулъ, съ жаромъ громко произнесъ:

— Дай, Боже милосердый, тебѣ единому подъ солнцемъ истинныя восточныя вѣры нашей государю, надъ всѣми твоими врагами побѣду и одоленіе, наипаче же да затмится отъ сіянія креста святого луна мусульманская, да поворятся нечестивые ага-

рине скипетру царствія твоего и да водрузится стягъ московскій на стѣнахъ Бакчисарая, яко же на стѣнахъ Казани и Астрахани уже водрузился съ помощію божіею. О, великій царю! да прославишься паче всѣхъ твоихъ предковъ, да возвеличится держава твоя надъ всѣми державами міра сего, да благоденствуютъ многочисленныя народы подъ мудрою властію твоею. Буди благословенна Богомъ держава царствія твоего, аминь!

Ободренные примѣромъ Вишневецкаго, желавшіе войны съ Крымомъ бояре также произносили желанія побѣды надъ бусурманами. Царскій пиръ самъ собою принималъ видъ приготовленія къ предстоящей брани съ Крымомъ. Царь, упоенный величаніями и похвалами своей мудрости, могуществу и силѣ, самъ поддавался этой мысли.

Между тѣмъ, въ сѣняхъ, за нѣсколькими столами, обѣдали атаманы и казаки, перемѣшанные съ жильцами. Кудеарь былъ съ ними и очень мало ѣлъ и пилъ. Онъ былъ по своему обычаю угрюмъ; всѣхъ онъ отталкивалъ отъ себя своимъ видомъ, на всѣхъ наводилъ неволью тоску своимъ присутствіемъ. Собесѣдники пытались вступить съ нимъ въ разговоръ, но не могли добиться отъ него ничего, кромѣ отрывистыхъ рѣченій, въ особенности же не терпѣлъ онъ, когда съ нимъ заводили разговоры о немъ самомъ, объ его судьбѣ, объ его женѣ и даже объ его силѣ. Всякій, попытавшись спросить его, въ другой разъ не имѣлъ охоты вступать съ нимъ въ какую бы то ни было бесѣду. Трое жильцовъ, сидѣвшіе отъ него вдали, вели между собою тихо такой разговоръ:

— Этотъ силачъ,—сказалъ одинъ,—ужь не знаетъ ли съ нечистою силою? А!

— Да,—замѣтилъ другой,—какъ онъ на тебя поглянегъ, такъ ажно страхъ тебя разбираетъ. Давай ты мнѣ рубль, скажи: переночуй съ нимъ одинъ на одинъ, право—не возьму!

— Наврядъ ли онъ знаетъ съ нечистымъ,—замѣтилъ третій,—на немъ крестъ есть. А кто съ нечистымъ знаетъ, то перво крестъ съ себя сниметъ. Намедни я видалъ, онъ въ церкви былъ, крестится, только не совсѣмъ такъ, какъ мы; ну, да это они всѣ такъ крестятся, литовскіе люди; у насъ, видишь, послѣдніе два пальца вмѣстѣ слагаются съ большимъ, а два перста прямо, а у нихъ такъ два эти, что у насъ прямо, сложены съ большимъ. А вѣра-то, кажись, все едина греческая.

— А головы-то зачѣмъ они брѣютъ, и клокъ оставляютъ?—сказалъ первый.

— Это у нихъ чубъ называется; я спрашивалъ, говорятъ:

это-де, значить, вольность казацкая, видѣли бы всѣ, что онъ казакъ, человѣкъ вольный.

— Ну, это онъ вольный у себя тамъ, на Украинѣ, въ Черкасахъ, а у насъ, коли къ намъ пришелъ, такъ вольнымъ ему называться не годится, для того, что какъ сталъ служить нашему великому государю, такъ уже учинился холопъ, а не вольный человѣкъ. Придется волю-то дома оставить, а сюда не возить. Товаръ заповѣдной,—такъ замѣтилъ первый.

— Да и крестъ полагать на себя,—сказалъ второй,—подобало бы имъ такъ же, какъ мы полагаемъ, а не по ихъ обычаямъ, для того, что какъ ты назвался съ нами единой вѣры, такъ ужъ ничѣмъ не рознишься. А то... кто вѣсть: какова сила въ той розни. Что это за крестъ таковъ? Правъ ли сей крестъ? И отъ Бога ли? Онъ говорить, все-де то равно, все едино: ну, да это онъ про себя говорить, а вѣстно, что никто про себя дурна слова не скажетъ. Подлинно бы про то намъ узнать: крестится ли онъ, а можетъ быть совсѣмъ не крестится, а отрещивается. Вотъ что! А! Старые люди сказывали, что въ литовской землѣ всякія вѣдательства и чары бывають; у нихъ и пули заговаривать умѣють, кто куда цѣлить, туда и попадетъ безотмѣнно, а все то не безъ нечистой силы. Есть у нихъ къ тому бабы чаровницы, что умѣють привораживать и отвораживать; сдѣлають такъ, что вотъ человѣкъ одного любить, а другого ненавидитъ. Вотъ и гляди, какъ этакіе-то къ намъ наѣдутъ, да чарами приворожатъ къ себѣ въ любовь нашего государя, чтобъ любилъ ихъ паче насъ, а насъ, прирожденныхъ московскихъ людей, отворожатъ отъ государя, и станеть царь-государь къ нимъ зѣло милостивъ, а насъ учнетъ держать въ немилости. Вотъ ты говоришь: въ церковь онъ ходитъ, крестится; крестится-то крестится, а какъ крестится? А что, коли въ самомъ дѣлѣ отрещивается, такъ это только обманъ, лукаваго вымыслы, чтобъ въ церковь ходить его слугамъ было невоспретно, выдумалъ онъ, значить, не крестъ, а отрестъ; что оно намъ кажется только будто крестъ, а оно не есть крестъ, и все то, чтобъ насъ обмануть и слугъ своихъ возвеличить, насъ же вѣрныхъ христіанъ умалить и уничтожить? Коли вправду эти приходцы прямые христіане истинной нашей вѣры, то велѣтъ бы имъ креститься такъ, какъ мы крестимся; а не похотятъ, ино знатно, что у нихъ на умѣ лукавое, и люди они недобрые, и выгнать бы ихъ изъ нашего государства, чтобъ они въ немъ своимъ вѣдательствомъ какой смуты и дурна не учинили.

— Про все, что ты изволишь говорить,—замѣтилъ третій,—подобаетъ разсудить не намъ, простцамъ, а духовнаго чина лю-

дямъ: а то какъ станемъ про такія дѣла говорить, то грѣха наберемъ; а коли не уйдемся, такъ насъ и предъ освященный соборъ потянутъ за суетныя мудрованія, какъ было съ Матюхою Башкиннымъ и его единомышленники, да съ дьякомъ Висковатовымъ. Нашъ преосвященный митрополитъ Макарій говорилъ: «коли ты ноги, такъ не думай быть головою».

— А ты думаешь,—сказалъ второй,—духовнаго чина люди того-жъ не говорятъ, что я? Вонъ, чудовскій архимандритъ какой умница, а книженъ какъ! Супротивъ него есть ли на всемъ московскомъ государствѣ таковъ книжникъ! А онъ говорилъ, многіе отъ него слышали: отъ сихъ пришельцевъ ничего добраго не чаать. Лъстецы они и обманщики, христіанами привидуются, а неправые они христіане... вѣдуны они проклятые; думаютъ обойти и очаровать насъ своимъ вѣдовствомъ и черновнижествомъ. Да еще что прибавлялъ: на бусурманъ царя нашего они подущаютъ, а сами съ бусурманы въ тайной дружбѣ, нарочно насъ хотятъ поспорить съ бусурманомъ, чтобъ измѣнить намъ же и тому же бусурману предать. А этотъ силачъ, Кудеаръ что-ли—зовуть его... такъ онъ не казакъ, а татаринъ, нарочно съ казаками живетъ подъ видомъ будто казакъ, а тайно служитъ онъ крымскому хану, и здѣсь затѣмъ, чтобъ вывѣдывать и хану переносить, а сила у него тѣлесная отъ лукаваго: онъ ему за такую силу душою поклонился!

По окончаніи обѣда царь приказалъ, въ видѣ особой милости, позвать казацкихъ атамановъ и изъ собственныхъ рукъ давалъ имъ бѣлаго меда. Когда подошелъ къ нему Кудеаръ, царь сказалъ:

— Ну, смотри, молодецъ, иди и побей бусурмана, найди и огними у него свою жену и явись вмѣстѣ съ нею предо мною; тогда я, какъ сказалъ, пойду и самъ со всею ратью на Крымъ. Въ томъ мое царское слово. Только вотъ что: ну, коли ты найдешь свою жену, а у ней будетъ ребенокъ—не отъ ея воли, а по неволѣ—отъ бусурмана, что тогда? И ребенка бусурманскаго возьмешь себѣ за чадо? А!

Кудеаръ молчалъ, глядѣлъ какъ-то особенно злобно и кусалъ себѣ губы.

— Что, молодецъ, не знаешь что сказать? Да, оно мудрено... Придется чужое, да еще бусурманское дитя за свое кровное принять и съ нимъ вѣкъ нянчиться. Кажись, тяжеленько будетъ. А не то—ребенку весимъ баши... Такъ мать-то что скажетъ?

Иванъ, не дожидаясь отвѣта отъ хранившаго тупое молчаніе Кудеара, повернулся къ своимъ боярамъ и сказалъ:

— Вотъ оно... силенъ, а глушь! руками медвѣдей давить,

столбы изъ земли вырываетъ, а головой того разсудить не можетъ: коли уже такое несчастіе случилось, что жена попала въ бусурманамъ — и то все едино, что жена умерла; чего тамъ о ней тужить и помышлять?.. гдѣ ее найдешь? а хоть бы и нашелъ, такъ она не годилась бы. Нѣтъ, этого разсудить не хватаетъ мозгу.

Царь, смѣясь, ушелъ въ свои комнаты.

Скоро послѣ того, уже при наступленіи вечера, царь двинулся опять въ Москву. За нимъ поѣхали и бояре. Вишневецкій ѣхалъ, по прежнему, съ Курбскимъ въ однихъ саняхъ, и два князя вели между собою такой разговоръ:

— Князь Андрей Михайловичъ! Сдается, мы не дойдемъ до того, за чѣмъ я къ вамъ пріѣхалъ. Царь видимо не хочетъ воевать съ бусурманами. Царь хочетъ посылать меня съ казаками на ливонскихъ нѣмцевъ...

— Князь Димитрій Ивановичъ, — сказалъ Курбскій, — истинно тебѣ скажу: тяжело становится жить. Государь добрыхъ совѣтовъ мало слушаетъ, а скоро, не дай Богъ, и совсѣмъ перестанетъ слушать, а вдаетъ слухъ свой рѣчамъ сивофантовъ, шептателей, которые, ради гнуснаго своего прибытка и чтобъ имъ быть въ приближеніи у царя, будутъ подущать его на всякое худо, и возставятъ противъ совѣтныхъ и ратныхъ честныхъ мужей, и будетъ на насъ гоненіе веліе и царству российскому ущербъ и разореніе. А всему злу начало — царица и ея братья глупоумные. Царица не терпитъ отца Сильвестра за то, что отецъ Сильвестръ царя добру учитъ, къ дѣлу приводитъ, отъ бездѣлья и сладострастія празднаго отводитъ и отъ шатанія по монастыряхъ и отъ времяпровожденія съ шутами, да съ ханжами, да съ волхвами и волхвицами — съ бабами глупыми... Братья царицы завистью ко всѣмъ намъ дышутъ; они люди худородные, и досадно то имъ, хотятъ всѣхъ насъ добродородныхъ людей отъ царя отдалить, чтобъ имъ самимъ всѣмъ государствомъ править.

— Коли такое, не дай Боже, у васъ станется, — сказалъ Вишневецкій, — такъ я тебѣ скажу по дружбѣ, князь Андрей Михайловичъ, я у васъ не жилецъ. Я ради добраго дѣла, для службы христіанству къ вамъ пріѣхалъ, а буде не придется, такъ это значить, какъ у насъ говорится: коли мое не въ ладъ, такъ я съ своимъ и назадъ.

— Охъ, — вздохнувши, сказалъ Курбскій, — и я тебѣ одному по дружбѣ скажу, князь Димитрій Ивановичъ, я хоть и пророжденный московскій человекъ, а злу потворщикъ не буду, и придется мнѣ, какъ у васъ говорится: свѣтъ за очами идти.

V.

Брымскій полонъ.

За Московоу-рѣкою былъ тогда большой дворъ, назывался въ «крымскій»; внутри его, на правой сторонѣ, построены были здѣ извъ однарусныхъ, подъ одну высокую крышу изъ драни, представлявшій видъ какъ бы одной предлинной избы. Прямо противъ воротъ была большая изба въ три яруса, отличавшаяся вычурностью постройки, сравнительно большими окнами и узкими околомъ оконъ; лѣвая сторона двора была застроена множествомъ сараевъ, клѣтей, навѣсовъ, загородекъ, расположенныхъ въ такомъ безпорядкѣ, что, казалось, можно было запутаться и цѣлый день искать выхода. Таковъ способъ построекъ представлялъ превосходный материалъ для пожаровъ, которые нерѣдко и пощали крымскій дворъ, но послѣ пожаровъ постройка велась режнимъ способомъ. Крымскій дворъ былъ пристанищемъ прѣзжавшихъ въ Москву посланниковъ и гонцовъ крымскаго хана, изъ нихъ-то и была назначена большая изба съ украшеніями. Въ этотъ дворъ приставали и татарскіе купцы, посѣщавшіе Москву съ восточными товарами. Въ этотъ дворъ по временамъ ригоняли и освобожденныхъ русскихъ плѣнниковъ, и держали ихъ день-другой, пока ихъ не разбирали и не развозили, куда приходилось. Въ тѣ времена плѣнниковъ выкупали или размѣивали обыкновенно въ пограничныхъ городахъ, откуда освобожденные разѣзжались по мѣстамъ жительства, но тѣхъ, которые были безродны, или выкупались насчетъ царской казны, или почему-нибудь оказывались нужными для разспросовъ, призывали въ Москву и помѣщали на крымскомъ дворѣ. Въ это время туда являлись и русскіе полоненники съ ханскими поанниками и гонцами, привезенные въ обмѣнъ на татарскихъ урѣ, по заключенному заранѣ условію, или же отпускаемые въ знакъ любезности къ русскому государю со стороны крымскаго: послѣдняго рода явленіе произошло въ описываемое время. Ханъ Дивлетъ-Гирей, испуганный успѣшными дѣйствіями Вишневецкаго и Данила Адашева въ прошломъ году, услышавши, что вишневецкій поджигаетъ Москву противъ Крыма, разсудилъ, что, при тогдашнихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ Крыма, благоазумно будетъ показать Мосевѣ охоту мириться, и прислалъ арать-мурзу посланникомъ въ Москву, извѣщавъ, что въ знакъ

дружбы и братства отпускаетъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ послѣдніе годы. Большая часть была отпущена на границѣ, а толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ прибыла въ Москву съ Карачь-мурзою и помѣстилась на крымскомъ дворѣ. При всей обширности этого двора, помѣщеніе оказалось для нихъ до того тѣснымъ, что бѣдняки, которымъ не достало мѣста въ избахъ, ночевали въ холодныхъ сараяхъ, влѣтахъ, несмотря на то, что уже наступала зима... Но чего не терпѣлъ и чего не могъ вытерпѣть многострадальный русскій народъ! Впрочемъ плѣнникамъ пришлось тамъ быть недолго. На другой же день послѣ прибытія Карачь-мурзы и крымскій дворъ, и весь обокъ токъ наполнился санями бояръ, думныхъ людей, дворянъ, гостей архимандритовъ, игуменовъ и множествомъ людей всякаго чина. Тамъ пріѣзжали и приходили отыскивать своихъ родныхъ и близкихъ, другіе для подачи милостыни и для пріема къ себѣ несчастныхъ, изъ состраданія или изъ видовъ. Поднялся шумъ, начались восклицанія, рыданія, причитанія, благодаренія, объятія, лобызанія. Тамъ мать обливала слезами голову возвращеннаго сына, тамъ дѣти вѣспались на шею отцу, котораго сразу не узнавали, не выдавши нѣсколько лѣтъ, тамъ цѣловались братья съ братомъ, племянники съ дядею; для многихъ наступилъ день такой незамѣнимо-радостный, часъ такого счастья, за который и жалко казалось перетерпѣть много горькихъ годовъ. Бѣдствіе теряетъ свою жгучую силу, когда прекращается, и человѣкъ чувствуетъ, что одолженъ ему минутою величайшаго блаженства и землѣ—минутою прекращенія страданій. Но были тутъ и такіе братья, дяди, племянники, которые только наружно изъявляли радость, а внутренно досадовали: то были такіе, которымъ и хотѣлось отдавать возвращеннымъ родственникамъ ихъ наслѣдія, они считали ихъ погибшими, и вдругъ неожиданно родные оживаютъ... Что дѣлать? Ихъ цѣлуютъ, обнимаютъ, а въ душѣ думаютъ, лучше было бы, коли бы дьяволъ тебя взялъ. Иной господинъ приходилъ на крымскій дворъ какъ будто изъ благочестія, а на самомъ дѣлѣ изъ корысти: высматривалъ, нѣтъ ли какого бѣдняка, которому негдѣ дѣться и, нашедши такого, распрашивалъ его съ участіемъ, давалъ ему полтину, потомъ опять распрашивалъ, вздыхалъ вмѣстѣ съ нимъ объ его горѣ и сиротствѣ и, какъ-бы соболевнуя, говорилъ ему: бѣдный ты, бѣдный! одинокъ сиротинишка! Что тебѣ слоняться-то по бѣлу-свѣту? Охъ, охъ! Людей добрыхъ на свѣтѣ мало стало, всякъ норовитъ, какъ бы себѣ добро было, а ближнему своему зла ищетъ, оскудѣло милосердіе; видишь во мнѣ, у меня тебѣ и уголь теплый бу-

деть, и сытъ и одѣтъ будешь, и работы большой тебѣ не будетъ. Поддается сиротинушка на приманчивыя рѣчи, и поведетъ добросердечный сиротинушку къ дьяку въ холопій приказъ писать кабалу, дастъ ему рублей пять, а пообщаетъ вдвое, и возьметъ бѣдняка въ рабство на всю жизнь его, придется бѣдняку промѣнять кукушку на ястреба: освободился изъ татарской неволи, а попалъ въ русскую. Монастырскія власти пріѣзжали на крымскій дворъ вербовать полоненниковъ къ себѣ въ монастыри; тоже—дадутъ сиротѣ милостыню, изрекутъ ему мудрыя словеса о суетѣ міра, о томъ, какъ хорошо будетъ на томъ свѣтѣ тому, кто отречется отъ міра и пойдетъ въ монастырь въ чаяніи равноангельскаго житія, а потомъ потянутъ сироту къ себѣ, и освобожденный изъ татарской неволи сдѣлается рабомъ всечестной обители, осужденнымъ трудиться въ потѣ лица, въ скорби, въ тѣснотѣ, въ нищетѣ, чая царствія небеснаго и выноса на хребтѣ своемъ, вмѣсто татарской плети, жезлъ игуменскій. Знатные бояре ѣздили на крымскій дворъ подавать милостыню, потому что такъ велось; того, кто этого не сдѣлаетъ, назовутъ скупцомъ, немилостивымъ, злымъ;.. но были и такіе, которые не ради мірской молвы или корысти, отъ чистаго сердца тратили большія деньги на плѣнниковъ, надѣясь, что Господь вознаградитъ имъ потраченное послѣ ихъ смерти сторицею. Бояринъ Иванъ Шереметевъ на всю Русь славился тѣмъ, что выкупалъ плѣнныхъ; и теперь обдѣлялъ онъ щедро плѣнниковъ на крымскомъ дворѣ; не уступалъ ему Алексѣй Адашевъ, который отказывалъ себѣ во всякой роскоши и, оставляя на свои потребности только необходимое, всѣ свои огромные доходы тратилъ на дѣла милосердія. Славилась тогда въ Москвѣ вдова Магдалина, родомъ полька, принявшая восточное благочестіе, мать взрослыхъ сыновей, женщина богатая и тароватая; много давала она на нищую братію, а на выкупъ и на пропитаніе плѣнныхъ паче всего. Теперь этимъ добродушнымъ людямъ платить за выкупъ не приходилось; зато они брали на свое попеченіе многими десятками плѣнныхъ съ тѣмъ, чтобы здоровыхъ устроить и дать возможность зарабатывать трудомъ себѣ хлѣбъ насущный, а старыхъ и больныхъ покоить на своемъ иждивеніи. Пріѣхалъ тогда съ другими и князь Андрей Михайловичъ Курбскій, но если онъ и развязывалъ свою мошну на милостыню, то гораздо болѣе говорилъ, шумѣлъ, поучалъ всѣхъ, и съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ безпрестанно свертывалъ на любимую мысль о необходимости вести войну съ бусурманомъ и поворотить Крымъ

россійской державѣ. Приѣхалъ Сильвестръ съ сыномъ, раздавалъ милостыню, разспрашивалъ одного, другого и взялъ на свое попеченіе человекъ двадцать, сказавши имъ: «у меня кабальныхъ нѣтъ, и васъ я въ кабалу не возьму; поживете у меня, пока я найду вамъ пристанище и работу, а тамъ съ Богомъ—трудитесь, пока хватитъ силы и здоровья. Въ законѣ Господнемъ сказано: не трудивыйся да не ястъ».

Приѣхалъ вмѣстѣ съ Даниломъ Адашевымъ, своимъ браннымъ сотоварищемъ, и князь Димитрій Вишневецкій; и онъ хотѣлъ не отставать отъ другихъ въ своемъ новомъ отечествѣ и положить часть своего достоянія на благотивное дѣло.

Полоненники одинъ за другимъ уѣзжали и уходили съ ермееваго двора, число ихъ все умалилось, рѣдѣло и, наконецъ, осталось ихъ не болѣе двухъ десятковъ... Между ними была женщина, одѣтая въ тулупъ, повязанная какою-то грязною тряпкою; она сидѣла на колодѣ подъ окномъ избы, то поглядывая вокругъ съ тревожнымъ взглядомъ, то опуская глаза съ выраженіемъ безнадежности. Возлѣ нея стоялъ ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ, круглолицый, смуглый, въ овчинномъ тулупчикѣ и въ бараньей шапочкѣ, и жевалъ кусокъ чернаго хлѣба. Женщина была еще молода, статно сложена, но горе привело по ея худощавому лицу рановременныя морщины, такъ что, взглянувши на нее, всякъ невольно назвалъ бы ее молодою старухой. Ея черныя большіе глаза носили слѣды бывшей живости и страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ выражали столько грусти и терпѣнія, что нельзя было взглянуть въ эти глаза безъ состраданія и вмѣстѣ безъ уваженія: въ нихъ свѣтилось много благороднаго, прямодушнаго, честнаго. Увидя Вишневецкаго, женщина невольно вздрогнула: ее поразилъ нарядъ этого князя, отличный отъ наряда московскихъ бояръ; женщина увидала что-то для себя знакомое, родное; она встала и подошла къ одному изъ посѣтителей; ребенокъ неотвязчиво шелъ за нею со своимъ кускомъ.

Она спросила: кто этотъ господинъ.

Ей сказали, что это Вишневецкій.

— Князь Димитрій Ивановичъ!—воскликнула женщина, — и поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ, неровными шагами подошла къ Вишневецкому и упала къ ногамъ его.

— Отецъ нашъ, кормитель нашъ..., — сказала женщина, — самъ Богъ тебя принесъ, голубчикъ... спаси меня... я твоя, я не здѣшная, я не москвичка, я изъ Черкасъ, твоя подданная...

— Какъ же ты попала сюда, въ московскій полонъ? — спрашивалъ Вишневецкій.

— Виновата, милостивый князь, прости меня бѣдную... обманомъ сюда зашла я; стали въ Крыму собирать московскій полкъ, чтобъ отправлять въ Москву... я назвалась москвоею. Меня продали уже другому хозяину, а тотъ не зналъ, что я изъ Украйны и отпустилъ меня; еслибъ зналъ, не выпустилъ бы. Думала: на страхъ божій пойду, можетъ быть кто-нибудь въ кабалу возьметъ, хоть въ чужой сторонѣ буду жить, все же въ христіанской, не въ бусурманской, а можетъ быть, думала, попадется и такая христіанская душа, что въ мой родной край отпустить. И пошла. А вотъ, на мое счастье, тебя, господина нашего, Богъ принесъ сюда. Возьми меня, Христа ради, отправь въ мой край.

— Когда ты изъ Черкасъ, я возьму тебя,—сказалъ Вишневецкій:—ты вдова, что ли?

— Не вдовою взята была въ неволю, теперь не знаю, вдова или замужня... Меня татары схватили на хуторѣ, а мужъ былъ у тебя на службѣ. Мой мужъ Юрій Кудеарь, чѣдъ атаманъ Тишенко въ пріймы взялъ за сына, а я дочь Тишенкова.

— Твой ангель хранитель съ тобою! — сказалъ Вишневецкій.—Ты увидишь своего мужа, увидишь сегодня, онъ здѣсь, въ Москвѣ, со мною, тоскуеть о тебѣ!

Женщина вскрикнула, всплеснула руками; болѣзненное чувство, смѣсь радости и вмѣстѣ ужаса захватило ея дыханіе. Не знала она, что съ нею, что дѣлать ей: хотѣлось ей поскорѣе лѣгъ къ мужу и въ то же время провалиться севозъ землю отъ стыда; не знала она: благодарить ли судьбу или клясть ее...

— А этотъ ребенокъ—твой?—значительно спросилъ Вишневецкій.

— Мой, милостивецъ, мой, да не моего мужа... Я не хотѣла; меня били, мучили, я не поддавалась; меня продали въ другія руки: и тамъ тоже... насильно, Богъ свидѣтель, насильно... Я была невольница, на работѣ, въ кандалахъ.

— Вѣрю,—сказалъ Вишневецкій: — однако, я тебѣ скажу: Кудеарь твой крутъ; я его знаю, тебя онъ простить, да и какъ не простить? Ты невинна; коли-бъ винна была, не убѣжала бы изъ Крыма; но ребенка чужого, да еще бусурманскаго, наврядъ онъ приметъ за родного сына. Зачѣмъ ты взяла его съ собою? Оставила бы его тамъ.

— Мнѣ его отдасть хозяинъ. Ступай, говорить, съ нимъ, намъ не нужно его; у него своихъ женъ шесть, и отъ каждой жены ребята... Самъ знаешь, милостивый князь, я мать; оно

хоть и бусурманское, а все-жъ мое; родила, мушк прини́мала, кормила, ночи не спала.

— Не знаю,—сказаль Вишневецкій:—Кудеяръ не возьметъ его. Неладно.

Вишневецкій, отошедши, разсказаль Адашеву и Курбскому о случившемся. Узналь и Сильвестръ. Протопопъ подошелъ къ Вишневецкому, съ которымъ заговориль въ первый разъ, и сказаль:

— Неисповѣдимы пути божіи, чудны дѣла его. Вижу персть божій! Князь Димитрій Ивановичъ, и вы бояре, не говорите мужу этой женщины о ней, пока я не скажу царю; отдайте ее на попеченіе мнѣ.

— Возьми, честнѣйшій отче, твори, какъ Богъ тебѣ на сердце положить,—сказаль Вишневецкій.

— Твое дитя не крещено?—спросиль Сильвестръ женщину.

— Нѣтъ, отче, бусурманское.

— Я крещу его. Оно будетъ наше. Я буду увѣщевать твоего мужа, а не захочетъ взять ребенка, не бойся; я возьму его на свое воспитаніе; выростетъ, человекъ изъ него будетъ!

Въ это время женщина, случайно повернувши голову, вперила глаза вдаль и, не слушая болѣе словъ Сильвестра, съ крикомъ бросилась бѣжать. Сильвестръ, бояре, Вишневецкій обратили за нею свои взоры, и увидѣли Кудеяра.

Узнавши, что его князь поѣхаль на крымскій дворъ давать милость полоненникамъ, Кудеяръ вздумаль отправиться туда же, чтобъ положить и свою долю въ добромъ дѣлѣ. Жена увидала его, узнала, забыла все, бросилась къ нему.

— Юрко! мой Юрко!—кричала она.

— Настя!—вскрикнуль Кудеяръ.

Оба сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Ребенокъ побѣжалъ вслѣдъ за матерью, и вида, что мать цѣлуетъ и обнимаетъ казака, сталъ, усмѣхаясь, дергать его за полы.

— А что это?—спросиль Кудеяръ, опомнившись отъ перваго восторга и не успѣвши еще спросить у жены, какъ она попалъ въ Москву и гдѣ была.

— Юрко! Юрко! — простонала Настя: — Богъ свидѣтель, я невинна, я не хотѣла, насильно... Вотъ тебѣ крестъ...

— Бусурманское? Ты была у кого-нибудь въ гаремѣ?

— Нѣтъ, я была невольница, на работѣ, въ кандалахъ, меня изнасиловали...

— Вѣрю, вѣрю... Такъ оно и есть. Ты, Настя, всегда была

и будешь добрая, вѣрная жена. Пойдемъ со мною. Пойдемъ. И его бери съ собою. Пойдемъ.

Онъ взялъ ее за руку и пошелъ изъ крымскаго двора; ребенокъ, видимо обрадованный, самъ не понимая чѣмъ, бѣжалъ за матерью.

Князь Вишневецкій, смотря на происходившее и слышавши рѣчи Кудеяра, обратился къ боярамъ и сказалъ:

— Никакъ я того не ждалъ, бояре, чтобъ мой Кудеаръ былъ такой добрый; я думалъ, онъ крутъ, это совсѣмъ не онъ... Да не задумалъ ли онъ чего? Пойду, узнаю.

— А я,—сказалъ Сильвестръ:—сейчасъ ѣду прямо къ царю. Надѣюсь и уповаю; съ божіею помощью теперь дѣло пойдетъ на ладъ. Война съ бусурманомъ будетъ, и самъ царь пойдетъ съ ратью, возвратятся времена казанскія, возсіяетъ слава россійской державы, здравіе и благосостояніе христіанскаго народа... Господи! благословенъ еси, благословенъ еси!

VI.

Ребенокъ.

Вышедши съ женою и ребенкомъ изъ крымскаго двора, Кудеяръ сѣлъ въ извожичьи наемныя сани, приказалъ ѣхать за Серпуховскія ворота. Жена ласкалась къ нему, цѣловала его; Кудеяръ отвѣчалъ ей поцѣлуями, но прежняя суровость, оставившая его только на мгновеніе первой встрѣчи, возвратилась къ нему. Взоръ его, по обыкновенію, сталъ мраченъ, угрюмъ. Кудеяръ ничего не говорилъ, и на вопросы жены не сталъ отвѣчать, сказавши разъ: послѣ поговоримъ, все я тебѣ расскажу про себя, а ты мнѣ все свое горе повѣдаешь. Жена не смѣла спросить: куда онъ везетъ ее; предчувствіе чего-то ужаснаго стало томить ее. Проѣхали ворота. Кудеяръ велѣлъ поворотить влѣво, къ Данилову монастырю, около котораго росъ тогда большой лѣсъ. Приблизившись къ лѣсу, Кудеяръ приказалъ извожичу остановиться, заплатилъ ему деньги и отпустилъ, а самъ, взявши жену за руку, шель по молодому вязкому снѣгу въ лѣсъ. Мать вела ребенка за руку.

Вошли въ лѣсъ. Кудеяръ увидѣлъ вдали два пня, и указавши на нихъ, сказалъ:

— Вонъ тамъ садимъ, Настя, поговоримъ.

Жена, молча, повиновалась. Они сѣли. Ребенокъ, начинавшій дрожать отъ стужи, сталъ глядѣть жалобно и морщиться, собираясь плакать.

— Настя,—сказалъ Кудеяръ:—ты ни въ чемъ не виновата, ты была въ неволѣ... Теперь все прошло, я тебя приму женою, такъ какъ я принялъ тебя отъ покойнаго, царство ему небесное, Якова Тишенко. Но это бусурманское отродіе опоганило твою утробу; я не могу назвать его своимъ ребенкомъ, не могу любить его... Сама подумай, можно ли это? Этого человѣкъ не съестъ! Ты, мать, тебѣ жалко его! Да, Настя, жалко тебѣ его, а мнѣ тебя изъ-за него жалко, и дѣлать нечего. Выбирай теперь, что хочешь; кто тебѣ милѣй, кого тебѣ больше жаль? Меня или твоего сына, что его тебѣ враги нацѣпили насильно? Если я тебѣ милѣе, такъ я зарѣжу ребенка, и живи со мною, по презнему, какъ жена, и во всю жизнь я не помяну тебѣ объ немъ, и никому не позволю уворить тебя; а если ребенка жалче, такъ вѣчная намъ съ тобою разлука: я тебѣ худа не сдѣлаю, ни твоему ребенку; дамъ тебѣ денегъ и отправлю въ Черкасскъ, тамъ

нашъ хуторъ — онъ твой, отъ отца твоего тебѣ достался, живи тамъ, рости ребенка, а меня не знай во-вѣки. Уже я не твой и ты не моя, и не услышишь обо мнѣ, и я о тебѣ слышать не хочу. Что-нибудь одно: выбирай!

— Юрій, Юрій, да какъ же мнѣ разлучиться съ тобою, — вскричала жена: — когда пять лѣтъ я о тебѣ плакала день и ночь, о тебѣ только и думала; не чаяла я, бѣдная, такого счастья, Богъ неожиданно послалъ его, какъ же я отрекусь отъ такого счастья?.. Мнѣ теперь разлучиться съ тобою, все равно, что въ татарскую неволю опять идти!

— Такъ попрощайся съ сыномъ, — сказалъ Кудярь: — я его зарѣжу!

— Юрій, Богъ съ тобой! Христосъ съ тобой! Юрій! За что же? Чѣмъ оно виновно?

— Коли жаль дитяти, ступай съ нимъ, — сказалъ Кудярь: — и меня ужъ никогда не увидишь.

— Юрій, — кричала Настя: — не прогоняй меня, помилуй свою Настю. Я не то что женою, невольницею твоею буду... Юрій, можетъ быть я не годна по прежнему быть тебѣ женою: позволь же у тебя, мое сердце, жить въ неволѣ; женись, возьми другую, а меня ей работницею возьми. Юрій, Юрій, только бы мнѣ возлѣ тебя быть недалеко, только бы на тебя глядѣть — Боже, я не видѣла тебя пять лѣтъ, уже болѣе того... да... не помню, горе память отшибло, Юрій, еслибъ ты зналъ, что перетерпѣла твоя бѣдная Настя... Ты добрый, Юрій, ты бы заплакалъ, когда бы увидѣлъ, какъ били, какъ мучили твою Настю. Теперь я тебя увидала, тебя, мое сердце, а ты меня прогоняешь... Юрій, Юрій, сжался, смилуйся!

Настя пала къ его ногамъ, ухватилась за ноги его, разливаясь слезами. Ребенокъ, и безъ того уже плававшій отъ холода, слыша плачь матери, оралъ во все горло и безсознательно цѣплялся за ноги казака.

— Настя, — сказалъ Кудярь: — не плачь, не рыдай, не глоси! Ничего не поможетъ: коли хочешь со мною жить по прежнему, дай мнѣ зарѣзать ребенка.

— За что же его рѣзать, Юрій! Юрій! Оно тебѣ ничего не сдѣлало... Оно маленькое, оно крошечка, не жаль развѣ тебѣ... Посмотри, какъ оно плачетъ; верношько ты мое, бѣдное, кланяйся, проси, проси милости, скажи: смилуйся, я жить хочу, не убивай меня, я тебѣ ничего не сдѣлала... Юрій, ради Христа, не убивай его... Юрій, пожалѣй его, пожалѣй свою Настю! Я ему мать, я буду плавать, тосковать по немъ.

— Поплачешь, перестанешь, забудешь...,—сказалъ Юрій,—а можетъ быть Богъ благословить, дастъ намъ своего ребенка, ты будешь его ласкать, и я съ тобою: я буду любить его. А на этого я не могу глядѣть. Оно бусурманское, оно насильное... да что говорить! Я ужъ тебѣ сказалъ; перемѣны не будетъ: либо зарѣжу ребенка, либо ступай съ нимъ отъ меня навѣки — либо то, либо другое.

— Зачѣмъ его убивать, Юрій? Его возьмутъ добрые люди. Вотъ тамъ, на дворѣ, куда насъ пригнали, священникъ, какой добрый, говорил со мною, обѣщалъ взять ребенка, крестить его: пусть возьметъ, пусть задастъ его такъ, чтобы мы объ немъ не знали. Ты его никогда не увидишь, никогда не услышишь про него; я сама не буду узнавать, гдѣ онъ, что съ нимъ творится. Не все ли равно, что онъ живъ, что онъ умеръ, ты его не увидишь, и я присягну тебѣ въ церкви, на святомъ крестѣ, не то, чтобы увидеть его—думать объ немъ не буду. Только не рѣжь его, не губи души невинной.

— Какая душа у него, бусурманскаго, некрещенаго; что жалѣть его, туда и дорога!

— Его окрестать. Юрій, не грѣши, не бери на душу грѣха тяжкаго. Нѣтъ, Юрій, это не хорошо, это Богу противно... Юрій, ты добрый, ты опомнишься, ты самъ жалѣть будешь, что погубилъ его... Ей-Богу, Юрій, будешь самъ жалѣть. Это теперь ты сторяча такъ говоришь. Послушайся меня... Нѣтъ, меня не слушайся, я простая, глупая баба. Посовѣтуйся съ умными людьми, спроси священника божія, что онъ тебѣ скажетъ? Велить ли рѣзать ребенка! Спроси, спроси! Коли скажетъ: убей его — тогда убивай, а онъ скажетъ: не бей, Юрій, пожалѣй душу свою. Подожди, я прошу тебя, спроси прежде священника.

— Что мнѣ у поповъ спрашивать?—сказалъ Юрій.—Мало чего попь скажетъ: онъ велить мнѣ взять его за сына! Такъ какъ же мнѣ братъ, коли сердце отворачивается, когда я смотрѣть на него не могу? И люди будутъ срамить меня, глумиться станутъ. Вонъ—скажутъ — Кудеяръ, татарчука нянчить! Нѣтъ, нѣтъ, я такого срама не вынесъ бы. А отдать въ чужіе люди! Коли ты будешь знать, что онъ живъ, все-таки думка твоя объ немъ будетъ, за нимъ убиваться станешь, все-таки сама себя скажешь: что-то мой сыночекъ? А тамъ какъ-нибудь узнаешь, захочешь повидать. Я не хочу этого.

— Ей-Богу, нѣтъ, вотъ тебѣ крестъ, Юрій: никогда, во всю жизнь не захочу, не увижу, забуду...

— Выростеть, узнаеть, придетъ въ тебѣ, во мнѣ, тогда хуже будетъ, коли я его большого зарѣжу. А онъ еще можетъ быть хорошимъ человѣкомъ станеть, у меня все-таки закипитъ кровь: какъ его увижу, такъ и зарѣжу; тогда хуже грѣха наберусь, крещенаго, да еще можетъ быть добраго человѣка загублю. Теперь же пока онъ поганый, что онъ? Неврещеный, такъ себѣ: все равно, что звѣрь! Нѣтъ, Настя, я на то не соглашаюсь, чтобъ его отдавать въ чужіе люди. Сказано, не переменяю: либо дай ребенка зарѣзать, либо ступай съ нимъ отъ меня навѣки.

— Боже, Боже мой! Зачѣмъ ты меня, Господи, выволилъ изъ тяжкой неволи. Лучше было бы мнѣ умереть въ бусурманской землѣ въ вандалахъ.

— Чего на Бога роптать?—сказалъ Кудьярь. — Коли тебѣ такъ жалъ ребенка, значить, ты любишь это бусурманское отродье больше, чѣмъ меня. Господь съ тобой, я не врагъ тебѣ и не мститель. Ступай съ нимъ въ хуторъ, живи себѣ съ нимъ, а захочешь замужъ пойти за иного — и то въ твоей волѣ, я буду просить, чтобъ владыка тебѣ далъ разрѣшеніе. А я... я пойду на бусурманъ. Можетъ быть, Богъ дастъ положить душу за вѣру христіанскую. Я тебѣ найму подводу, казаковъ дамъ проводить тебя, выпрошу черезъ князя у царя проѣзжую запись, чтобъ тебя нигдѣ не задержали. Пойдемъ тотчасъ. Твой ребенокъ будетъ тогда живъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, мой единственный, мое солнце, мое счастье, мое сердце! Я отъ тебя не уйду. Я съ тобой буду. Не прогоняй меня!

— Такъ дай зарѣзать ребенка.

— Юрій! Юрій! смилуйся...

Настя упала на землю и голосила; ребенокъ ревелъ.

— Говори скорѣе,—сказалъ Кудьярь,—последнее слово говори: ѣдешь отъ меня съ ребенкомъ, или остаешься со мною?

— Остаюсь, остаюсь съ тобой, безъ тебя я жить не хочу,—кричала Настя.

— Дай зарѣзать ребенка.

— Возьми, — сказала Настя, потомъ вскрикнула и припала къ пню головою.

— Вотъ жена, вотъ владъ,—сказалъ Юрій:—о, моя дорогая! Ну, есть ли на свѣтѣ такая другая женщина!

Онъ поцѣловалъ жену въ голову, потомъ взялъ ребенка за руку и хотѣлъ вести.

Ребенокъ, какъ будто чувствуя инстинктивно, что ему будетъ что-то худое, заревелъ сильнѣе и сталъ упираться. Настя

быстро подняла голову, увидала, что Кудеяръ уводитъ ребенка отъ нея, бросилась къ нему, схватила за руку и кричала:

— Юрій, Юрій, смилуйся, Христа ради!

— Опять!—сказалъ Кудеяръ:— то даешь, то не даешь ребенка. Возьми же его себѣ и поѣзжай отъ меня. Идемъ теперь, идемъ въ городъ. И сегодня ты увидеши съ ребенкомъ въ Украйну.

Онъ пошелъ по направленію изъ лѣсу къ городу. Настя стояла. Ребенокъ подбѣжалъ къ ней, какъ будто ища спасенія. Кудеяръ, прошедши нѣсколько сажень, оглянулся.

— Иди за мной,—громко сказалъ онъ,—иди, говорю тебѣ, скорѣе иди. Сказано тебѣ—не будетъ перемѣны. Иди. Нанимаю подводку; ты поѣдешь въ Украйну сегодня. Иди.

Онъ ускорялъ шаги. Настя пошла за нимъ. Ребенокъ бѣжалъ за матерью.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскрикнула Настя...—нѣтъ, Юрій, никогда, я твоя, не покину тебя, не разлучусь съ тобою. Ты мой... не прогоняй меня. Возьми его... дѣлай съ нимъ что хочешь. Боже мой! Боже мой!

— Отдаешь ребенка?

— Отдаю.

Кудеяръ подбѣжалъ къ ребенку, схватилъ его на руки и побѣжалъ въ лѣсъ.

Настя стояла какъ ввонпая, задомъ къ лѣсу, куда Кудеяръ унесъ дитя; она глядѣла въ небо, читала молитву... Вдругъ до ушей ея достигъ пронзительный крикъ ребенка. У Настя подкосились ноги, задрожало сердце, по тѣлу пробѣжалъ холодъ, все въ ней оцѣпенѣло; въ глазахъ стало темно. Настя упала безъ чувствъ.

Кудеяръ, перерѣзавши ребенку горло, сталъ приглядываться, куда бы схоронить его и, замѣтивши между деревьями углубленіе, досталъ саблю, расчистилъ снѣгъ и началъ копать землю. Земля оказалась едва замерзшею. При своей необычайной силѣ, Кудеяръ скоро выкопалъ яму аршина въ полтора, положилъ туда трупъ ребенка, зарылъ въ землю, набросалъ хворосту и присыпалъ снѣгомъ. Окончивши свое дѣло, быстро пошелъ онъ къ женѣ.

Очнувшись отъ перваго ужаса, бѣдная Настя сидѣла на снѣгу въ какомъ-то забытѣ. Кудеяръ взялъ ее за руку, приподнялъ и сказалъ:

— Все повончено. Пойдемъ, сердце мое, въ городъ.

Настя ни слова не промолвила и пошла, опираясь на его плечо.

VII.

Казацкій батько.

Кудеарь съ женою стоялъ предъ Вишневецкимъ, въ той горницѣ у священника Нивольской церкви, откуда выѣзжалъ князь первый разъ къ царю. Настя была одѣта уже не въ прежній взорванный тулупъ; на ней былъ красный камковый лѣтникъ съ частыми серебряными пуговками, на головѣ мѣховая шапочка. Сверху навинута была шубка, покрытая вишневымъ англійскимъ сукномъ. Кудеарь, по возвращеніи въ городъ, тотчасъ же отправился на англійскій дворъ и одѣлъ жену, насколько хватило у него денегъ, сожалея, что въ Москвѣ не могъ одѣть ее въ такой нарядъ, въ какомъ, по обычаю своего края, ходила она въ Украйнѣ. Ея шею украшало красное коралловое ожерелье и нѣсколько крестовъ.

— Злодѣй, звѣръ лютой, а не человѣкъ!—говорилъ Вишневецкій:—какъ твоя злодѣйская рука подвинулась на безвиннаго младенца. Иродъ проклятый! Волчица или медвѣдица тебя, видно, родила, а не женщина. Ну, не хотѣлъ брать его за сына, отдай бы добрымъ людямъ: не все же на бѣломъ свѣтѣ такіе кровопійцы, какъ ты. Что же, думаешь, что я тебя держать стану. Мнѣ не нужно дѣтоубійць, иродовъ. Былъ бы ты лютой и немилостивъ съ врагами, то честь, хвала и слава войсковому человѣку. Но убивать ребенка... беззащитнаго, что ничѣмъ отъ тебя не обороняется, только слезами и крикомъ. Злодѣй, злодѣй, исчадіе дьявола. Прочь отъ меня. Я тебя знать не хочу: ты не атаманъ и не казакъ, нищи себѣ пріюта у другихъ. Да ты думаешь, это тебѣ пройдетъ? Узнаетъ царь, думаешь, помилуется тебя? У него въ землѣ не вольно чинить убійствъ, а то еще надъ невинными младенцами. Тебя повѣсятъ, злодѣя, и по дѣломъ.

Кудеарь молчалъ, по обычаю, глядя на князя угрюмо. Но Настя упала къ ногамъ князя.

— Князь Димитрій Ивановичъ, голубчикъ, смилуйся, не гнѣвайся, не губи его! Прости ему. Меня казни, а не его. Я виновата. Онъ, голубчикъ, добрый, мнѣ далъ на выборъ: захочу, поѣду въ Черкасы съ ребенкомъ и тогда онъ ничего не станетъ ребенку дѣлать, только ужъ съ нимъ будетъ мнѣ вѣчная разлука; а захочу съ нимъ жить по прежнему—чтобъ отдала ему

ребенка зарѣзать. А мнѣ легче было ребенка смерти предать, чѣмъ съ нимъ въ разлуку быть, то было бы мнѣ горше татарской неволи, и я отдала ему ребенка своими руками. Онъ не насильно убилъ его; я виноватѣе Юрія.

— Зачѣмъ вы не отдали ребенка въ чужія руки? Отецъ Сильвестръ сказалъ тебѣ, глупая баба, что онъ возьметъ его, крестилъ бы его, воспиталъ, и вамъ онъ ничѣмъ бы не шкoдилъ. Зачѣмъ же вы, злодѣи, его убили?

— Жена слезно просила меня, чтобъ я такъ сдѣлалъ—отдать бы ребенка въ чужія руки, да я на это не поддался,—сказалъ Кудеяръ.

— Что-жь, тебѣ крови дѣтской захотѣлось, жидъ ты проклятый!

— Не хотѣлъ, чтобъ оставалось на свѣтѣ такое, что опoнoило непорочную утробу моей честной жены,—сказалъ Кудеяръ.—Когда она моя жена,—пусть не будетъ съ нею такого, на что мнѣ глянуть стыдно. Князь, ты гнѣваешься, а еслибы тебѣ пришлось быть на моемъ мѣстѣ, то и самъ бы также учинилъ. Было бы живо это бусурманское отродье, хоть бы оно на врагъ свѣта было, была бы нескончаемая мука и для меня, и для жены. Все-таки, нѣтъ-нѣтъ и подумала бы о немъ, пожалѣла бы, видѣть захотѣла бы; а хоть бы и того не было, такъ я бы все думалъ про нее, что она хочетъ видѣть его, любить его, и сердился бы я на нее понапрасну; теперь же, какъ его на свѣтѣ нѣтъ, и стыда на ней не осталось, что противъ ея воли былъ на нее положенъ, и моя Настя какова прежде была, такова и теперь. Воленъ ты, князь, надо мною, только не правъ и жестоко будешь, воли меня изъ-за этого прогонишь, своего вѣрнаго слугу. А что ты, князь, сказалъ про царя, такъ ты слышалъ, какъ онъ, будучи въ Тайнинскомъ, самъ, будто напередъ видѣлъ, что со мной станется, спрашивалъ меня: что я буду дѣлать, коли найду жену, а жена будетъ съ чужимъ ребенкомъ, да самъ же по-татарски и прибавилъ: весимъ башка. Видишь, князь, царь самъ уразумѣлъ, что нельзя будетъ инако учинить. Одинъ конецъ, чтобъ не оставалось слѣда и памяти неволи и стыда.

— Батюшка, голубчикъ,—говорила Настя,—не гнѣвайся на моего Юрка. Прости его: онъ тебѣ вѣрный слуга, каковаго не сыщешь другого.

— И такъ много ему милости,—сказалъ Вишневецкій,—что я не велѣлъ казачеству судить его, а то съ него непременно голову бы сняли за дѣтское убийство. Пусть идетъ отъ меня. Я говорю—продовъ намъ, казакамъ, не надобно!

— Батюшка, прости!—кланяясь въ землю, повторяла Настя.

— Баба!—сказалъ Вишневецкій.—Я не изъ такихъ, что посердится, посердится, да и раскиснетъ отъ бабьихъ слезъ. У меня, что разъ сказано, тому такъ быть. Вы не пропадете. Царь принялъ твоего мужа въ служилые, помѣстье далъ. Ну, и живите себѣ! а въ казакахъ ему не быть.

Въ это время дверь отворилась. Вошелъ царскій приставъ и сказалъ:

— Царь-государь изволилъ приказать привести къ нему предъ его ясныя очи Юрія Кудеяра съ женою, что въ полонѣ объявился.

— Вотъ они!—сказалъ Вишневецкій.

VIII.

Царская милость.

Въ то время, какъ Кудеяръ съ крымскаго двора увелъ жену свою и ребенка за-городъ, Сильвестръ съ того же крымскаго двора отправился къ царю и велѣлъ доложить, что пришелъ сообщить очень важное дѣло. Царь тогда только-что проснулся отъ послѣобѣденнаго сна. Онъ приказалъ позвать протопопа.

— Великій государь, — сказалъ Сильвестръ, — благородію твоему угодно было призывать меня, грѣшнаго, и спрашивать о крымской войнѣ. Тогда я сказалъ тебѣ, государю, таково слово: не имамъ указанія свыше, а отъ себе говорить мнѣ о такихъ дѣлахъ не пригоже, о томъ-де бояре и думные люди вѣдаютъ; нынѣ же, царю, явился указаніе божіе, и азъ прихожу объявить о немъ твоему величеству.

— Что? — сказалъ Иванъ, поблѣднѣвши и ожидая чего-то необыкновеннаго, сверхъестественнаго.

— Воистину указаніе божіе, царю, — продолжалъ Сильвестръ. — Я ѣздилъ, великій государь, на крымскій дворъ, для подачи милостыни бѣднымъ полоненникамъ, и узналъ тамъ, что между тѣми полоненниками объявилась жена пріѣзжаго съ княземъ Вишневецкимъ, атамана Юрія Кудеяра, а ты, великій государь, будучи въ Тайнинскомъ селѣ, на своей государевой потѣхѣ, изволилъ тому Юрію сказать: коли-де онъ найдетъ свою полоненную жену и съ нею вмѣстѣ придетъ въ твоему царскому величеству, въ тѣ поры ты, великій государь, самъ изволишь идти съ ратью своею на войну, на крымскаго хана. Не персть ли божій, царь-государь, не указаніе ли свыше? Изволь самъ разсудить своимъ премудрымъ разумомъ. Не чудо ли сіе, не знаменіе ли?

Иванъ Васильевичъ перекрестился.

Въ эту минуту ударили въ колоколъ. То былъ благовѣстъ въ вечернѣ.

— Слышишь, благочестивый царь, — сказалъ Сильвестръ, — слышишь гласъ церкви во утвержденіе словесъ моихъ.

Звонъ повторился.

— Внимай, о, царю, — говорилъ Сильвестръ торжественнымъ тономъ, — въ семь звукѣ слышится слово: аминь! Внимай, царь!

Звонъ еще повторился.

Царю, подъ обаяніемъ рѣчей Сильвестра, въ самомъ дѣлѣ слышался «аминь» въ звонѣ колокола.

— Отче, отче! — сказалъ пораженный и взволнованный ванъ, — воистину божій мужъ еси! Прости меня грѣшнаго, Хри-а ради! Усомнился въ тебѣ, прости! Помоли Бога о мнѣ, да вѣннать мнѣ въ тягость сего прегрѣшенія! Идемъ къ вернѣ. Вижду персть божій и разумѣю!

Весь вечеръ былъ царь Иванъ встревоженъ и не пошелъ въ царѣ, а повалъ къ себѣ снова Сильвестра и слушалъ его поученія.

На другой день представлялся царю посланникъ Девлетъ-Гирей. Онъ привезъ царю подарки, проговорилъ рѣчь отъ имени сего повелителя, увѣрялъ въ его добромъ расположеніи и пролъ учинить вѣчный миръ. Царь молчалъ. Думный дьякъ Виско-тый сказалъ ему въ рѣчи, что отъ крымскихъ людей чинилось ксійскаго царствія державѣ немалое разореніе многіе годы, имскіе люди приходили на государевы украинскіе города вой-ю многаяжды и людей московскаго государства всякаго чина одили въ плѣнъ многія тысячи, и отъ крымскаго хана его рскому величеству были въ томъ дѣлѣ большія неисправления; то теперь свѣтлѣйшій ханъ Девлетъ-Гирей желаетъ учинить чный миръ, и то дѣло великое, и скоро, не подумавши, совер-тъ то дѣло не мочно, а великій государь пролитія крови не щетъ, и миръ учинить съ крымскимъ ханомъ радъ, только было то прочно и нерушимо. — Съ тѣмъ отпущенъ былъ изъ палаты мский посланникъ, понявшій, что Москва станеть водить его придется ему цѣлые мѣсяцы жить на крымскомъ дворѣ, подъ дворомъ пристава, будто въ неволѣ, и дожидаться пока позовуть въ отвѣтную избу; а какъ позовутъ, потолкують, поспорятъ ничѣмъ не рѣшать, и до другого раза отложить, а черезъ мѣ-ць снова позовутъ, и тоже ни на чемъ не рѣшать, и отложить, такъ будетъ много разъ чиниться. На то Москва.

Царь въ этотъ день вечеромъ ходилъ къ царицѣ, но не го-рилъ ей ничего о дѣлахъ, былъ съ нею какъ-то холоденъ, а грѣтившись съ братьями ея, даже не взглянулъ на нихъ, и они язли, что подулъ какой-то противный для нихъ вѣтеръ.

Свыкаясь съ мыслью о неизбѣжности войны съ Крымомъ, рь повалъ къ себѣ Адашевыхъ, Курбскаго, Серебрянаго и угихъ сторонниковъ войны, и сталъ совѣтоваться съ ними. Всѣ довались этой перемѣнѣ, всѣ стали ожидать, что наступаютъ овъ славныя времена казанскія.

Тутъ узналъ царь, что Кудеяръ убилъ ребенка своей жены, велѣлъ привести къ себѣ Кудеяра съ женой.

Ихъ привезли въ саняхъ и провели въ царскіе покои съ постельнаго крыльца. Съ царемъ были Адашевъ и Курбскій.

Мужъ и жена поклонились царю до земли.

— Ты убилъ ребенка. Правда ли это?—спросилъ съ перваго раза царь.

— Правда, царь-государь,—сказалъ Кудеяръ.

— А знаешь ли ты, что въ моемъ царствѣ за убивство вѣнчать смертію?

— Я поступилъ по твоему мудрому совѣту, или паче твоему велѣнію,—сказалъ Кудеяръ:—изволилъ ты, великій государь, будучи въ Тайнинскомъ, спросить меня: что будетъ тогда когда я найду свою жену съ чужимъ ребенкомъ отъ бусурманъ. Я не зналъ, государь, что и отвѣчать тебѣ, для того, что у меня умъ помутился отъ такого вопроса, а ты, государь, самъ изволилъ сказать: тогда весимъ башка! И когда я нашелъ жену свою съ чужимъ ребенкомъ, уразумѣлъ, что тебѣ, великому и мудрому государю, дана отъ Бога благодать предсказать то, что вперёдъ будетъ, и я учинилъ такъ, какъ ты, государь, самъ изволилъ сказать. Я давалъ женѣ на волю: хочеть—останется ребенокъ жить, зато со мною ей вѣчная разлука, а хочеть она со мною жить, ребенка зарѣжу. Она такъ любитъ меня, что лучше ей пошлое ребенка на смерть отдать, а со мною жить. Я убилъ сурманское отродіе затѣмъ, чтобъ жену мою отъ насильнаго стыда очистить и отъ оскверненія бусурманскаго.

— А ты, баба,—спросилъ царь у Насти,—что мнѣ сказать. Насильно у тебя онъ отнялъ ребенка и убилъ, либо ты сама на то согласилась?

— Мужъ,—сказала Настя,—давалъ мнѣ на всю волю: и въ свою сторону съ ребенкомъ и денегъ хотѣлъ дать, а я согласилась, потому что не хотѣла быть въ вѣчной разлуки съ мужемъ. Я сама отдала ему ребенка.

— Стало быть, вы оба виновны!—сказалъ царь.

— Нѣтъ, государь, я виновна,—сказала Настя.—Я приняла къ себѣ чужого ребенка. Только Богъ видитъ, царь-государь, то было по крайней неволѣ, по насилію.

— Стало быть,—сказалъ царь,—казнить слѣдуетъ тебя; только мужъ твой говоритъ правду, я сказалъ ему таково слово: весимъ башка! Онъ учинилъ по моему слову. Я втоды не думалъ, что такъ случилось, чтобъ онъ свою жену нашелъ, и Богъ устроилъ такъ, какъ человекъ и не думаетъ. Значить, на то воля Божья, и виновнѣе васъ обоихъ выходитъ—я, государь вашъ, что таково слово изрекъ. А царское слово. непремѣнно бываетъ.

для того казни вамъ обонимъ не будетъ никакой. Живите въ любви и совѣтѣ, дѣтей наживите, добру научите, а отъ насъ милость видѣть будете по вся дни до конца живота вашего. Пожаловали мы тебя, Юрій, помѣстемъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, жалуемъ еще вамъ два сорока соболей, да сто рублевъ денегъ на постройку.

Мужъ и жена поклонились.

— Теперь, — продолжалъ царь, — поѣзжайте въ свое помѣстье, да устройте хозяйство. По веснѣ, Богъ дастъ, мы съ тобой, Кудеарь, пойдемъ на бусурманъ; только такъ, какъ ты одинъ и у тебя нѣтъ ни братьевъ, ни племянниковъ, ни сыновей подрослыхъ, какъ мы тебя болѣ въ походы высылать не станемъ, для того, чтобъ отъ частыхъ и долгихъ отлучекъ твое помѣстье не пришло въ упадокъ. Одинъ походъ съ нами сдѣлаешь, и будешь жить у тебя въ помѣстьѣ. Что, баба: рада, небось, что мы у тебя мужа брата не станемъ.

Мужъ и жена поклонились до земли.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

Съ радостнымъ сердцемъ вышелъ Кудеарь отъ царя, облаченный его милостью, но его томилъ гнѣвъ Вишневецкаго; онъ привыкъ считать князя своимъ отцомъ; ему хотѣлось во что бы то ни стало получить его прощенье.

Кудеарь отправился къ князю. Вишневецкаго не было дома; Кудеарь сталъ у воротъ, намѣреваясь дожидаться, когда онъ будетъ возвращаться. Князь ѣхалъ въ саняхъ вмѣстѣ съ Даниломъ дашевымъ къ себѣ и, проѣзжая мимо стоявшаго у воротнаго холба Кудеара, не показалъ вида, что замѣтилъ его. Кудеарь вошелъ за нимъ на крыльцо, просилъ казака, чтобъ онъ доложилъ объ немъ князю.

Казакъ пошелъ къ князю и чрезъ нѣсколько минутъ, вернувшись, сказалъ Кудеарю:

— Приказалъ тебѣ князь Дмитрій Ивановичъ къ нему не идти никогда, ты уже болѣе не казакъ; ни князь, ни казацкая юмада не хотятъ, чтобъ ты былъ казакѣмъ. Ты принять въ гужбу его царскаго величества и пожалованъ дворяниномъ; теперь ты человекъ не казацкій, а московскій, и коли тебѣ какое тѣ дѣло, ступай въ разрядъ, а до казацкаго войска тебѣ дѣла никакого нѣтъ.

Прежде столько лѣтъ Кудеарю всегда былъ доступъ къ князю, и въ среди ночи приходилъ, а теперь князь ни видѣть его не чаетъ, ни говорить съ нимъ. Нечего дѣлать!

Кудеарь сталъ справлять за собою пожалованное помѣстье. И зная московскихъ порядковъ, онъ обратился къ дьяку Виско-

втому, котораго доброе лицо ему понравилось: тотъ научилъ его, какъ поступить, и самъ обѣщаль похлопотать о немъ въ помѣстномъ приказѣ. Зная, что государь къ Кудеяру особенно милостивъ, въ приказѣ не стали волочить его дѣла, какъ обычно дѣлалось, назначили ему самое лучшее изъ отдаточныхъ помѣстьевъ, дали послушную запись крестьянамъ и указъ намѣстнику бѣлевскому объ отдачѣ Кудеяру его помѣстья.

Сталъ Кудеяръ собираться, накупилъ всякаго добра для будщаго своего дома: образцовъ, скринь, полотенецъ, холста, сузна, ножей, ложекъ, чаровъ, братинъ, поясовъ, сѣдла, узды, упряжъ, купилъ сани и двѣ пары лошадей, взялъ въ кабалу людей; набивались къ нему пришедшіе съ татарскимъ полономъ полоненики, но онъ не взялъ ихъ, такъ какъ они могли узнать его жену. Взялъ онъ вольноотпущеннаго пожилого отца съ сыномъ и невѣсткою и съ племянникомъ, и дали они на себя запись служить до живота своего.

Собираясь уѣзжать, Кудеяръ рѣшился еще разъ попытаться умилостивить Вишневецкаго. Не смѣя болѣе идти къ нему самъ, онъ обратился къ Данилу Адашеву, надѣясь на дружбу его съ княземъ. Данило, со всѣми ласковымъ и открытымъ, принялъ его съ участіемъ, обѣщаль сколько у него силъ станеть уговорить князя, по крайней мѣрѣ, хотъ простить вину Кудеяра. Данило назначилъ ему на другой день придти къ себѣ узнать отвѣтъ князя.

Кудеяръ пришелъ къ Данилу въ назначенное время.

— Ничего ты не подблаещь съ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ,—сказалъ Данило;—сдается какой добродушный и милостивый, а крутъ и неподатливъ человекъ. Издавна, говорить такъ ведется въ казачествѣ, что за всякое убивство, учиненное не въ бою, положена смертная казнь: такъ оно было, такъ оно будетъ до тѣхъ поръ, пока казачество на свѣтѣ стоять будетъ. Много того, что я его живого на свѣтъ выпустилъ, и то стало оттого, что Кудеяръ ужъ не нашъ, царемъ въ дворяне поверстанъ; коли же мнѣ его оставить въ казацкой громадѣ, или хотъ съ нимъ ласково обходиться, тогда у насъ въ казачествѣ ладъ не будетъ, всякій другого убьетъ, да скажетъ: прости меня, вѣдъ простилъ же Кудеяра... Ты, говорить князь, меня о немъ не проси, да не токмо, что не проси, имени его никогда не упоминай. Не хочу я его видѣть, не хочу объ немъ и слышать, что онъ есть ли на свѣтѣ, или нѣтъ его.

Ничего не оставалось Кудеяру.

Онъ уѣхалъ съ женою и съ купленными холопями въ свое помѣстье.

IX.

Помѣщикъ.

Пріѣхалъ Кудеарь прямо въ Бѣлевъ, явился къ намѣстнику съ указомъ и послушною грамотою, поднесъ ему двѣ пары соболей въ поминки. Намѣстникъ по помѣстнымъ книгамъ отыскалъ его помѣстье и отправилъ туда вмѣстѣ съ Кудеаромъ сына боярскаго, чтобы объявить крестьянамъ о послушаніи.

Въ селѣ, которое было отдано Кудеару, находилось тридцать пять жилыхъ крестьянскихъ дворовъ, да дворовъ пятнадцать пустыхъ, откуда вышли крестьяне въ Юрьевъ день и куда чаяли прибытія другихъ на мѣсто убылыхъ. Помѣстье осталось безъ владѣльца послѣ бездѣтнаго помѣщика, котораго вдова получила изъ него свою прожиточную часть вмѣстѣ съ дворомъ своего мужа; поэтому Кудеару приходилось строить себѣ дворъ вновь; за неимѣніемъ двора помѣстился онъ въ крестьянской избѣ. Сознавали крестьянъ, прочитали послушную грамоту: въ ней сказывалось, чтобъ они служили своему помѣщику, дѣлали всякое дѣло, какое онъ положитъ, и платили оброкъ, какимъ онъ ихъ изоброчитъ. Въ знавъ царской милости дозволялось новому помѣщику курить вино, варить пиво и медъ для себя, а не на продажу. Кудеарь объявилъ, что крестьянамъ къ праздникамъ, свадьбамъ и крестинамъ дозволить онъ брать со двора своего напитки и самимъ варить брагу, будетъ ихъ миловать и жаловать, а они бы не лѣнились работать и во всемъ ему были покорны. Крестьяне поглядывали на него сыскоса. Одно то, что онъ былъ новый помѣщикъ, какой-бы въ немъ ни пріѣхалъ — все равно; на новаго они бы смотрѣли звѣремъ, а Кудеарь съ перваго взгляда не представлялъ ничего привлекательнаго. Его нависшія брови, постоянно суровый взглядъ, толстыя губы, какъ-будто не умѣющія смѣяться, грубыя черты лица, громкій голосъ, — все показывало въ немъ человѣка не легкаго; ихъ поражалъ даже выговоръ Кудеара и его жены; крестьяне смекнули, что эти господа откуда-то издалева, не изъ ихъ края, а стало быть и порядки у нихъ будутъ не такіе. «Помѣщикъ нашъ повоинный, — говорили они, — царство ему небесное, нашъ былъ, а эти что-то не такъ!»

Кудеарь принялся за работу, погналъ крестьянъ рубить лѣсъ, пилить бревна; началась стройка. Самъ помѣщикъ взялся за то-

поръ, и какъ принялся рубить, какъ стали отъ его ударовъ падать столѣтнія деревья, то крестьяне и рты разинули. «Да этотъ, братцы,—говорили они,—за насъ десятерыхъ сдѣлаетъ дѣла, эка силища-то! Оно что-то не простое, право! Какъ можетъ простой человѣкъ такую силу имѣть!» Крестьяне готовы были порѣшить, что ихъ новый помѣщикъ вѣдунъ и знается съ дьяволомъ, еслибъ въ первый же воскресный день онъ не поѣхалъ въ церковь, отстоявшую отъ его сельца за десять верстъ, и не повторилъ бы того же въ слѣдующее воскресенье. Не позволялъ онъ крестьянамъ съ собой ни шутки, ни балагурства; ничего не скажетъ онъ крестьянину, кромѣ того, что касалось до работы или дѣла, и скажетъ всегда немного; рано какъ встаетъ и рано всѣхъ поднимаетъ; отдыху на работѣ почти не даетъ и самъ не отдыхаетъ, зато болѣе трехъ дней въ недѣлѣ не пошлетъ никого на работу, и въ праздникъ не пошлетъ и самъ ни за что не принимается. Такое обращеніе и такой образъ жизни внушало крестьянамъ и уваженіе и страхъ, и они невольно во всемъ повиновались, не смѣли даже хитрить и отлынивать по своему обыкновенію. Жена Кудеяра также была безпрестанно въ трудѣ, заставляла бабъ мыть бѣлье, варить яству, пряхать, шить, и сама за всѣмъ смотрѣла. Скоро поспѣлъ для помѣщика домикъ о трехъ покояхъ: одинъ съ большою печью для поварни, другой—чистая свѣтлица съ печью изъ вахлей муравленныхъ, нарочно купленныхъ въ Москвѣ хозяиномъ и доставленныхъ на мѣсто, а третій для хозяина и хозяйки. На домѣ надстроенъ былъ свѣтленькій теремокъ объ одной комнатѣ. Домъ былъ крытъ березой, внутри дома были поставлены лавки домашней работы: то была и вся мебель дома помѣщика. Обрза, привезенные изъ Москвы, да небольшое металлическое зеркало, купленное у англичанъ, составляли все убранство; на полкахъ разставлена была необходимая домашняя посуда: была она оловянная; только три серебряныя чарочки и ковшъ — подарокъ царя — были единственною роскошью; по стѣнамъ въ свѣтлицѣ развѣсилъ Кудеяръ свое оружіе и панцырь съ шлемомъ; въ другой комнатѣ стояла постель, состоявшая всего на все изъ мѣшка съ соломой, вмѣсто перины, и изъ четырехъ подушекъ. Большая скриня, въ которой уложено было платье его и жены, стояла въ углу, блистая новою оковкою и огромнымъ висячимъ замкомъ. Кудеяръ и жена его очень жалѣли, что не могли побѣлить стѣнъ своей новой избы, по обычаю ихъ родного края, на это не было мастерицъ да и мѣлу не находилось въ околотѣ. Для людей построена была людская небольшая изба; кромѣ нея былъ построенъ амбаръ, конюшня

и скотской загонъ. Хозяинъ предположилъ еще выстроить пивоварню, но отложилъ до будущаго времени. Дворъ огородили плетнемъ. Когда все было готово, позвали священника съ причтомъ, отслужили молебень съ водоосвещеніемъ, наварили браги, меду, накупили вина, зарѣзали барановъ; всѣмъ крестьянамъ былъ обѣдъ и попойка; справили новоселье.

О Благовѣщеніи была въ Бѣлевѣ ярмарка. Кудеяръ поѣхалъ покупать рабочей скотъ, плуги, бороны, колеса, и узналъ, что князь Вишневецкій находится въ городѣ, данномъ ему для управленія, кромѣ служилаго сословія; его тянуло къ воеводѣ, и онъ рѣшился еще разъ попытаться возвратитъ къ себѣ его милость. Онъ обратился къ бывшему своему товарищу, казацкому атаману, и просилъ поговорить о немъ князю. Атаманъ исполнилъ его просьбу и передалъ Кудеяру вотъ что:

— Нахмурился и разсердился на меня князь, когда я вздумалъ заговорить о тебѣ. Въ Бѣлевѣ есть намѣстникъ, сказалъ онъ; тотъ воевода вѣдаетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всѣхъ царскихъ служилыхъ людей, а мнѣ государь пожаловалъ вѣдать только свои дворцовыя волости да помѣстья, которыми поверстаны мои казаки. Пусть помѣщикъ идетъ къ своему воеводѣ, коли есть ему какое дѣло, а ко мнѣ имъ дѣла нѣтъ, и мнѣ до нихъ... А о Кудеярѣ чтобы мнѣ нието не смѣлъ никогда сказать ни слова.

Скрѣпя сердце, Кудеяръ отправился въ свое помѣстье, рѣшившись въ душѣ уже никогда не обращаться къ упрямому князю.

Наступила весна. Кончался санный путь. Помѣщикъ распредѣлилъ свои поля и угодья—одну часть назначилъ подъ засѣвъ помѣщичьяго хлѣба; крестьяне обязаны были его посѣять, убрать, свозить и смолотить; другая часть роздана была крестьянамъ за ихъ работу, а третья сдавалась имъ въ оброкъ, который тогда брался болѣе естественными произведеніями: хлѣбомъ, крупю, сыромъ, яйцами, баранами, курами, утками, гусями, пряжею, холстомъ; деньги составляли рѣдкость. Въмѣстѣ съ пахатною землею также распредѣлены были сѣнокосы и лѣса.

Начинались весеннія полевыя работы, но Кудеяру уже не приходилось видѣть ихъ продолженія и окончанія; онъ предоставлялъ надзоръ надъ ними женѣ, а самъ со дня на день ожидалъ, какъ его позовутъ въ походъ. Казаки, недавно еще не желавшіи ничего, кромѣ битвы съ врагами, стали за короткое время свыкаться съ прелестью мирной жизни; онъ чувствовалъ, что ему не хотѣлось идти въ походъ, что гораздо лучше было бы ему оставаться въ своемъ новомъ затишьѣ съ любимой женой, воз-

вращенной ему послѣ такихъ невзгодъ. Мало, слишкомъ мало казалось ему нѣсколько мѣсяцевъ жизни съ нею, но Кудеяръ отгонялъ отъ себя это чувство, стыдился его, считая его недостойнымъ война, и болѣе всего старался не показывать женѣ того, что у него шевелилось на душѣ, тѣмъ болѣе, что самъ царь общалъ ему не высылать его болѣе одного раза въ походъ. Между тѣмъ ему невольно тѣснилась въ голову неотвязчивая дума: а что если поѣду въ походъ, да не вернусь сюда, не увижу моея Настя, опять будетъ мнѣ съ нею разлука, можетъ быть убьютъ меня на войнѣ: то-то, бѣдная, будетъ горевать! Онъ старался избавиться отъ этой думы, возлагалъ упованіе на Бога: «не можетъ быть, — говорилъ онъ самъ про себя, — чтобы Господь еще повергъ насъ новымъ мукамъ, довольно мы вынесли; вѣдь Онъ же, Милосердый, воротилъ мнѣ мою Настю, когда я и не думалъ и не ожидалъ!» Такъ волновалась душа богатырская, а когда Настя призадумывалась и начинала ему говорить о какихъ-нибудь опасеніяхъ на счетъ будущаго, онъ сурово говорилъ: «ну, баба! стыдно тебѣ. Развѣ можно женѣ ратнаго челоуѣка думать объ этомъ».

Наконецъ, въ одинъ вечеръ, когда Кудеяръ, послѣ дневныхъ работъ, собирался съ Настею ужинать, прискакалъ верхомъ на его новый дворъ гонецъ отъ воеводы, бѣлевскій пушкарь, съ приказаніемъ ѣхать безъ мотчанья въ городъ, собравшись въ походъ съ двумя людьми, конно.

Покормилъ Кудеяръ вѣстника разлуки съ Настею и сталъ тотчасъ собираться. Утромъ осѣдлано и навьючено было двое верховыхъ лошадей: одна для кабальнаго молодца, другая должна была идти вмѣстѣ съ нимъ. Тутъ былъ и мѣшокъ съ бѣльемъ и платьемъ, и мѣшокъ съ съѣстнымъ: сухарями, крупю, сушеною рыбою и проч., и ящикъ для пороху, пуль и вооруженія. Самъ Кудеяръ сѣлъ на породистаго татарскаго коня, съ которымъ прибылъ въ Москву изъ Украйны. Запрягли, кромѣ того, возъ, и Настя поѣхала провожать своего Юрка.

Воевода далъ имъ помѣщеніе въ осадной избѣ въ городѣ и извѣстилъ, что по царскому указу велѣно ему собрать настѣхъ помѣщиковъ бѣлевскаго уѣзда, дворянъ, дѣтей боярскихъ и новокрещеновъ, и отправить въ полезъ къ Данилѣ Адашеву на рѣку Пселъ, а головою поставить надъ ними его, Юрія Кудеяра. «Вотъ, — говорилъ съ уваженіемъ воевода, — какъ государь-царь тебя, Юрія, жалуетъ: въ грамотѣ изъ разряда написано посылать такихъ, у которыхъ есть дѣти, братья и племянники, а у которыхъ нѣтъ, и тѣхъ не высылать покаместъ, чтобы отъ долгой отлучки ихъ хозяйству убытку и разоренія не было, oprичъ од-

ного Юрія Кудеяра, а его, Юрка, призвавъ къ себѣ, сказать, что быть ему въ походѣ на сей разъ до осени, а какъ воротится осенью и его вдругорядъ не высылать». Кудеяръ видѣлъ, что царь помнить его, и радовался. Настѣ также было отраднo, что по крайней мѣрѣ ей остается надежда скоро увидѣть своего Юрка, хотя тяжелая мысль тѣснилась ей въ душу, что и до осени мало ли чего можетъ случиться.

Одинъ за другимъ съѣзжались помѣщики. Воевода записывалъ приѣзжавшихъ и отдавалъ подъ начальство Кудеяру; потомъ, когда наступило восьмое число мая, крайній срокъ, указанный въ грамотѣ изъ разряда, воевода приказалъ своему подъячому отмѣтить въ спискѣ всѣхъ нѣтей, т.-е. неприбывшихъ, чтобы послать о нихъ особый списокъ въ разрядъ, и объявилъ, что на другой день, въ праздникъ чудотворца Николая, надобно выступать въ походъ.

Рано утромъ всѣ собрались въ церковь, и послѣ обѣдни протопопъ служилъ молебень въ напутствіе и кропилъ св. водою знамена и ратныхъ людей. Поднялись вопли, причитанія женщинъ и дѣтей. Настя не была между ними; она тихо сидѣла въ избѣ; когда же при звукѣ трубъ, ударѣ бубенъ и звонѣ колоколовъ, стали ратные люди выѣзжать, Кудеяръ бросился въ избу, прижалъ къ груди свою Настю крѣпко, вырвался изъ ея объятій, вскочилъ на коня и поскакалъ догонять выѣхавшихъ впередъ подначальныхъ ему помѣщиковъ.

Воротилась Настя въ свое помѣстье. Грустно стало въ ея одинокомъ новомъ домикѣ; слезы безпрестанно и неотвязчиво лѣзли ей въ глаза, но она старалась вообразить себѣ, какъ ея ненаглядный Юрко приѣдетъ къ ней осенью, какъ она выбѣжитъ встрѣчать его, какая будетъ для нея радость, а между тѣмъ мимо ея воли какъ будто кто-то шепталъ ей зловѣщимъ голосомъ: будешь ждать его всю осень, будешь ждать и зиму, будешь ждать и другое лѣто, и осень, и зиму, и далѣе будешь ждать, ждать, ждать...

X.

П о х о д ъ.

На устьѣ рѣки Псѣла давно уже идетъ кипучая работа. Множество народа снуеть туда и сюда съ топорами, тѣсами, буравами, заступами, молотами, клещами; тешутъ бревна, пилать доски, сколачиваютъ гвоздями, долбятъ огромные стволы многовѣбовыхъ дубовъ, строятъ суда всякой величины—и байдаги, и струги, и однодеревки, и завозни. По берегу, на большое пространство, раскинуты шатры, шалаши, навѣсы; стоятъ возы, дровни; ржутъ лошади, режутъ волю, кричатъ овцы, возы, гуси. Харченники въ шалашахъ продаютъ съѣстное, пылаютъ костры съ таганами и котлами, безпрестанно прибываютъ и верхомъ, и по рѣкѣ, и пѣшкомъ ратные люди, везутъ на волахъ возы, туго набитые сухарями, крупкою, сушеною рыбою, вяленымъ мясомъ, лукомъ, горохомъ; расширяется подвижной городъ, увеличивается его многолюдство.

Вотъ и Кудеяръ прибылъ съ своими бѣлевцами, расположился въ станѣ, разбилъ шатеръ, свернутый у него на вьючвой лошади, и отправился къ Данилу Адашеву.

— Здравствуй, здравствуй, силать, — сказалъ Данило: — какъ поживалъ на своемъ новосельѣ? Что, не бойсь, хорошо было на повоѣ? Ха, ха, ха! Не хотѣлось, можетъ быть, разставаться съ теплымъ угломъ да съ женою? О, зима, зима! Баловница да насъ, ратныхъ людей; какъ весной-то приходится расправлять свои крылышки, такъ и тянетъ въ гнѣздо, а какъ разгуляешься, такъ и любо на широкомъ раздолѣ. Ну, братъ, видишь, какъ Богъ-то устроилъ? По нашему-таки вышло. А все черезъ тебя: ты—орудіе божіе! Не будь тебя—почитай не бывать бы этому походу. А теперь идетъ дѣло не на жарты. Вишневецкій поплылъ по Дону, а намъ плыть по Днѣпру, а самъ государь съ сильной ратью на Перекопъ, ударимъ на проклятыхъ съ трехъ сторонъ разомъ, руками окаянныхъ похватаетъ, придетъ конецъ царству крымскому, придетъ... Отклинутся проклятымъ слезы и мѣки христіанскія. Нѣтъ, нѣтъ пощады кровопійцамъ, бей ихъ, руби ихъ, коли, жги, весь Крымъ выжгемъ, поплѣнимъ, разоримъ, что не пей крови христіанской, не разорятъ жительства нашего, не соси насъ! Довольно; пришелъ часъ возмездія божія! Ну, а я на тебя зѣло надѣюсь. Перво, что тебя одарилъ Богъ

что на свѣтѣ такой не сыщешь; а въ другое, что ты по-татарски гораздъ и всѣ ихъ норовы знаешь.

— Радъ послужить царю-государю по христіанству,—сказалъ Будеарь:—только бы Господь Богъ благословилъ.

— Конечно, конечно, никто какъ Богъ! А я, братъ, всего болѣе теперь о томъ думаю и пекусь, чтобъ у насъ харчей было приготовлено вдоволь. Это всему голова. Когда въ жилой странѣ война идетъ, ратные люди поживляются отъ трудовъ бѣднаго поселянина той страны, грабятъ его, поѣдаютъ то, что онъ для себя приготовить, а мы поплывемъ черезъ страну пустую, безлюдную, и въ Крыму тоже. Ну, да въ Крыму говорятъ теперь и недородъ, и падежъ на скотъ былъ, почитай и тамъ недостатокъ терпѣть придется. Для того же я велѣлъ навозить сюда столько, чтобъ намъ по крайней мѣрѣ на полгода стало. За то въ Крыму насъ христіане ждутъ не дождутся, Бога молятъ всѣ, чтобы скорѣе поступить подъ державу царя православнаго. У меня теперь есть грехъ — родился въ Крыму и знаетъ всѣ тамошніе обычаи; говорить, что его единовѣрцы всѣ поднимутся на татаръ и станутъ бить ихъ. А вотъ онъ... золотой человѣкъ, Богъ намъ далъ его, Аѳанасій Елисеевичъ! Вотъ тотъ силачъ, Юрій Кудеарь, что я про него тебѣ говорилъ; ты знаешь по-татарски, и онъ съ молоду у поганыхъ въ полонѣ былъ и также знаетъ по-татарски. Вотъ вы у меня дорогіе люди!

Аѳанасій Елисеевичъ, осклабясь, подошелъ къ Будеарю и сталъ съ нимъ цѣловаться. Стали они разговаривать. Аѳанасій Елисеевичъ рассказывалъ, что онъ родился въ Крыму, на берегу моря, воспитывался въ христіанской вѣрѣ, велъ торговлю въ Кафѣ, потомъ пріѣхалъ въ Украину и поселился въ христіанской землѣ, въ Кіевѣ, хотѣлъ постричься въ иноки въ печерской лаврѣ, да услышалъ, что царь православный собирается идти на невѣрныхъ, и пріѣхалъ въ Москву для того, чтобъ служить, сколько можетъ, христіанскому дѣлу.

Ополченіе двинулось. Часть его плыла на судахъ, часть шла по берегу конницею, тамъ были большею частью и кони тѣхъ, которые прибыли въ станъ со своими людьми. За конницею ѣхали возы, запряженные волами. Плывшіе останавливались на берегу и на островахъ для отдыха, раскладывали огни, варили себѣ кашу изъ ячныхъ и гречневыхъ крупъ, и щербу или уху изъ рыбы. Плаваніе шло благополучно до пороговъ, но тутъ пришлось промѣшкать дней десять; небольшіе струи и однодеревки съ смѣльчавами проскакивали посреди камней, и то въ иныхъ порогахъ черезъ Ненасытицу никто не поплылъ; если и находи-

лись смѣльчаки, то Данило не пустилъ ихъ. Большіе байдаки на каждомъ порогѣ вытаскивали, тащили руками и спускали опять въ рѣку до новаго порога; часть судовъ перевезена была на возахъ. Проплывши пороги, ратники остановились на Хортицѣ; Кудеяръ съ грустью смотрѣлъ на остатки укрѣпленія, въ которомъ еще недавно защищался онъ съ неустрашимымъ Вишневецкимъ противъ крымскаго хана; жалко ему стало, что уже не увидитъ онъ своего батьки, что батько самъ оттолкнулъ отъ себя сына. Здѣсь пловцы простояли три дня, давши время прибыть конницѣ, которая за остановками, по поводу кормленія лошадей въ степи, нѣсколько пріотстала. Ратные люди казались бодры и веселы, шутили, шумѣли, распѣвали пѣсни.

Окончивши свой отдыхъ, русскіе поплыли внизъ посреди безчисленныхъ острововъ и плавней, гдѣ встрѣчали себѣ союзниковъ: то были рыболовы, отправлявшіеся изъ Украины за рыбою, и отчасти бѣглецы, промѣнявшіе службу панамъ или старостамъ на вольную жизнь въ днѣпровскихъ лѣсахъ и камышахъ, извѣстные тогда подъ именемъ «дугарей»; они составляли зародышъ будущей Запорожской Сѣчи, образовавшейся нѣсколько лѣтъ спустя. Ихъ встрѣчали на разныхъ островахъ; жили они въ куреняхъ или шалахахъ, по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, на островѣ Томаповкѣ, гдѣ потомъ возникла первая Сѣчь. Было ихъ тогда уже до сотни. Эти молодцы пристали къ ополченію. Но они же принесли Данилу нерадостную вѣсть, что турки укрѣпились въ Исламъ-Керменѣ, на днѣпровскомъ лиманѣ, установили пушки, ждуть русскихъ и хотятъ палить въ русскія суда.

Проплывши зеленое царство плавней и уже приближаясь къ той полосѣ, гдѣ Днѣпръ течетъ между песчаными берегами, Данило остановился на одномъ островѣ и собралъ на совѣтъ головъ и начальныхъ людей.

— Первое,—говорилъ онъ:—гдѣ оставить лошадей, а другое—какъ намъ плыть мимо Исламъ-Керменя?

О лошадяхъ постановили остановиться станомъ здѣсь, около Днѣпра, и отправить сильную станицу въ поле узнать, гдѣ теперь царь, чтобъ дать ему знать о себѣ и въ случаѣ нужды примкнуть къ его силамъ. Слухи объ Исламъ-Керменѣ заставили призадуматься. Тутъ Кудеяръ далъ таковой совѣтъ:

— Намъ не годится плыть, не узнавши неприятельской силы. Надобно прежде извѣдать, что у нихъ есть. Если позволимъ, бояринъ, я поплыву къ нимъ и узнаю; я говорить съ ними сумѣю; пожалуй, коли велишь, я прикинуся перебѣжчикомъ, можетъ и

удастся поддѣлаться къ нимъ и заколотить пушеи; я знаю, эти бусурманы плохо умѣютъ съ пушеами управляться.

— Вотъ мудрый совѣтъ,—сказалъ Аѳанасій Елисеевичъ:—ничего не можетъ быть мудрѣ этого. Ступай, братъ, учини намъ всѣмъ пользу и себѣ великую славу, и я съ тобой пойду.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пушу я ни тебя, Юрій, ни тебя, Аѳанасій Елисеевичъ,—сказалъ Данило:—вы оба мнѣ дороги. Положимъ, что мы черезъ то и проплывемъ благополучно, да бусурманы васъ побьютъ; вы не успѣете уйти отъ нихъ. Ни за что не пушу. А вотъ что. И ты, Юрій, и ты, Аѳанасій, хорошо знаете ихній языкъ и ихніе обычаи; вы поплывите впередъ, какъ будто въ послахъ, и присмотритесь, какъ тамъ у нихъ. Можетъ быть, оно и не такъ страшно, и мы успѣемъ прорваться въ море.

Рѣшили, что Кудеарь поплыветъ впередъ посланникомъ отъ предводителя царской рати, вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Елисеевымъ; имъ придали одного новокрещенаго изъ касимовскихъ татаръ, испомѣщеннаго такъ же, какъ и Кудеарь, въ бѣлевскомъ уѣздѣ. Кудеарю очень не хотѣлось плыть вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Елисеевичемъ; этотъ человекъ показался Кудеарю что-то подозрительнымъ, хотя онъ выдавалъ себя за грека, но по выговору и ухваткамъ напоминалъ собою сыновъ Израиля, которыхъ Данило Адашевъ не зналъ, но къ которымъ Кудеарь присмотрѣлся въ Украинѣ.

Когда трое составлявшихъ посольство подплыли къ Исламъ-Бермену, Кудеарь, осматривая мѣстность, сказалъ:

— Боялись напрасно, Днѣпръ такъ широкъ, что коли будемъ плыть возлѣ противнаго берега, такъ почитай до насъ не долетятъ ихъ арматныя пули.

— Особенно, когда они и стрѣлятъ-то небольшіе искусники,—прибавилъ новокрещенецъ.

— Не воротится ли намъ, да сказать воеводѣ, какъ бы худо этимъ не сдѣлали мы себѣ, только имъ дадимъ о себѣ знать; чай, они насъ не ждутъ, такъ мы проплывемъ себѣ ночью.

— То правда,—сказалъ Кудеарь.

— А нѣтъ,—сказалъ Аѳанасій,—какъ же можно не исполнить того, что воевода приказалъ? Да притомъ мы всего здѣсь не видимъ, а вотъ, какъ насъ впускать въ крѣпость, такъ мы и узнаемъ, какъ въ срединѣ у нихъ, все смеемъ и доложимъ воеводѣ подлинно.

Подплыли къ крѣпости. Аѳанасій Елисеевичъ затрубилъ въ рожокъ, а Кудеарь выставилъ на концѣ своей сабли шапку.

Въ воротахъ крѣпости приподняли щитокъ, открылось отвер-

стіе. Вышло двое турокъ. Аѳанасій Елисеевичъ первый вскочилъ на берегъ и закричалъ по-турецки:

— Посольство отъ воеводы его царскаго величества.

— Иди сюда одинъ, — отвѣчали ему, — а прочіе пусть остаются въ челнахъ.

— Не я голова; вотъ голова, — сказалъ Аѳанасій: — онъ пусть войдетъ со мною! Такъ надо!

— Идите, только безъ оружія: не воевать пришли.

Кудеяръ и Аѳанасій повиновались, оставили въ челнѣ свое оружіе. Ихъ пропустили въ ворота и тотчасъ отпустили щитою.

Ихъ привели въ деревянное зданіе, гдѣ жилъ санджакчей, начальствовавшій крѣпостью.

Положивъ руку на грудь по восточному обычаю, Кудеяръ почтительно поклонился и произнесъ рѣчь, въ которой излагалъ неправды крымскаго хана, извѣщалъ отъ имени воеводы, что онъ по царскому повелѣнію идетъ съ войскомъ наказать хана и принудить его отпустить русскихъ плѣнниковъ и установить прочный миръ, чтобъ впередъ не было болѣе обиды и разоренія російской державѣ; увѣрялъ, что съ турками Россія не воюетъ, царь находится съ турецкимъ падишахомъ въ любви и дружбѣ, и просилъ пропустить русское войско въ море.

— Это не можетъ статься, — сказалъ санджакчей: — московскій царь хочетъ завоевать Крымъ, какъ онъ уже завоевалъ Казань и Астрахань, мусульманскія царства; намъ вѣдомо, что въ Москвѣ чинилось и что затѣяно, не вы одни идете на Крымъ: Вишневецкій посланъ на Донъ, а самъ царь со своими великими силами хочетъ идти на Перекопъ. Нельзя допустить, чтобы мы сложи руки сидѣли да смотрѣли, какъ Москва будетъ покорять и поработать нашихъ правобѣрныхъ мусульманъ. Мы всѣ должны защищать нашу вѣру. Притомъ, ханъ крымскій подручникъ и слуга нашего могущественнѣйшаго, непобѣдимѣйшаго государя; довольно того, что прошлый годъ мы спустили вамъ. Нѣтъ, мнѣ приказано беречь проходы и не пускать на море никого, а если пойдете силою, то буду биться съ вами.

— Этотъ человекъ, — сказалъ Аѳанасій Елисеевичъ, — не посланникъ, а лазутчикъ; онъ вызывался прикинуться перекресткомъ и заволотить у васъ пушки. Воевода не согласился, пожалѣвши его, чтобъ онъ не пропалъ, пожалѣлъ оттого, что у него необычная сила, а велѣлъ ему плыть, какъ бы посланникомъ, на самомъ же дѣлѣ для высмотровъ.

Кудеяръ бросилъ свирѣпый взглядъ на товарища и сказалъ:

— Онъ лжетъ какъ пёсъ. Я прибылъ къ вамъ посланникомъ отъ воеводы, а не лазутчикомъ.

— Нѣтъ, онъ не лжетъ,—сказалъ санджакчей,—этотъ человекъ нарочно подосланъ нами къ вамъ въ Москву, чтобъ провѣдать, что у васъ затѣвается и дѣлается; онъ намъ прямиль, онъ нашъ вѣрный слуга и мы ему во всемъ вѣримъ. Ты не воротись къ воеводѣ, мы тебя здѣсь задержимъ.

— Вы не можете меня задерживать, — сказалъ Кудеарь,— это нечестно, противно народнымъ правамъ. Я посланникъ, по слову не сѣкутъ, не рубятъ. Я пріѣхалъ за отвѣтомъ, какой отвѣтъ вы мнѣ дадите, такой я и отнесу воеводѣ.

— Нѣтъ, ты ничего не отнесешь воеводѣ, — сказалъ санджакчей.—Я тебя отсюда не выпущу.

— Ты не смѣешь этого дѣлать. Я не военноплѣнный, нашъ государь не въ войнѣ съ вашимъ, нашъ государь будетъ жаловаться вашему, и тебѣ будетъ за меня наказаніе.

— Нашъ государь, — сказалъ санджакчей,—велитъ хватать лазутчиковъ, и вашъ то же дѣлаетъ. Вотъ мы къ вамъ подослали этого еврея, который прикинулся у васъ не знаю кѣмъ; еслибы вы узнали, что онъ лазутчикъ, вы бы его не выпустили. Такъ у насъ ведется. Ты будешь задержанъ.

Кудеарь вспыхнулъ и крикнулъ:

— Я не лазутчикъ, я посоль, эта змѣя лжетъ,—и съ этими словами онъ схватилъ за затылокъ Аванасія Елисеевича и нагнулъ его къ землѣ. Аванасій Елисеевичъ лишился чувствъ.

Испуганный санджакчей бросился въ заднюю дверь и началъ кричать. Весь гарнизонъ всполошился. Турки съ яростными криками бѣжали къ дому. Кудеарь выскочилъ изъ дома, сгоряча сталъ отбиваться кулаками, но толпа, стоявшая сзади, бросилась на него; ему на шею накинули арканъ... онъ сталъ задыхаться и упалъ навзничъ; тогда человекъ тридцать набросилось на него, и стали надѣвать на него цѣпи.

— Мало одной, разорветъ, — говорилъ санджакчей, — еще одну.

Принесли еще цѣпи и стали ею обвязывать Кудеара.

— Мало двухъ цѣпей. Третью.

Принесли третью цѣпи и надѣли на Кудеара.

— Кандалы ему на ноги потажелѣ!

Кудеара отвели въ нижній ярусъ деревянной башни и заперли.

Тогда одинъ турокъ вышелъ за ворота.

— Ты по-турецки знаешь, либо по-татарски? — спросилъ онъ оставшагося въ челнѣ.

— Знаю по-татарски, — сказалъ новокрещенецъ.

Турокъ приказалъ передать воеводѣ, что посланцы его задержаны, потому что они лазутчики, а затѣмъ, если воевода пойдетъ на море, то изъ крѣпости будутъ стрѣлять и не пропустить его.

Съ этимъ отвѣтомъ поплылъ вверхъ по Днѣпру новокрещенецъ.

На другой день отправлялась галера въ Кафу. Бывели олованнаго Кудеяра, посадили въ темное дно галеры — санджакчей написалъ донесеніе вафинскому папѣ, что отправляетъ пойманнаго московскаго лазутчика, который во время его поимки дрался и ушибъ до смерти еврея, указавшаго на него.

Мнимый Аѳанасій Елисеевичъ не вынесъ руки Кудеяра.

Данило Адашевъ, получивши извѣстіе о задержаніи своихъ пословъ, не подозрѣвалъ, что Аѳанасій Елисеевичъ погубилъ своего товарища, и жалѣлъ о немъ столько же, сколько о Кудеярѣ. Онъ рѣшился идти впередъ и не только пытаться проплыть мимо Исламъ-Кермена въ море, но взять самую турецкую крѣпость и освободить посланцевъ, задержанныхъ вопреки всякимъ народнымъ правамъ.

Вдругъ неожиданно является изъ Сѣвска станица, а съ нею московскій сеунчъ съ царскимъ указомъ. Въ этомъ указѣ извѣщался Данило, что великій государь его царское величество изволилъ постановить съ крымскимъ ханомъ замиреніе, а ему, Данилу, велѣно не ходить далѣе, не зачинать съ татарами и турками никакихъ задоровъ и воротиться въ города, распустить полкъ, а самому ѣхать въ Москву.

Можно вообразить себѣ досаду Данила Адашева, получившаго такое внезапное и никакъ нежданное приказаніе; давняя была мысль о покореніи Крыма, столько лѣтъ онъ объ этомъ только и говорилъ, столько трудовъ изъ-за этого перенесъ, все не удавалось — теперь вотъ, казалось, пошло дѣло впередъ, и вдругъ, какъ бурю, все поломалось, попортилось...

Однако жалѣи, не жалѣи, а надобно было исполнять царскій указъ. Данило хотѣлъ по крайней-мѣрѣ освободить задержанныхъ въ турецкой крѣпости и отправилъ станицу человекъ въ десять, уже не по Днѣпру водою, а полемъ на коняхъ. Новокрещенецъ опять былъ посланъ головою въ этой станицѣ. Данило извѣщалъ турецкаго коменданта, что его царское величество съ крымскимъ ханомъ постановилъ замиреніе, послышавъ

нъ рать возвращается назадъ, а потому воевода просилъ отпуть къ нему отправленныхъ для переговоровъ посланцевъ.

Санджакчей, получивши такую грамоту, пригласилъ новокрепена въ крѣпость, принялъ его дружелюбно и тотчасъ предложилъ ему лакомство. Прочихъ станичниковъ въ крѣпость не пустили, но угощали за воротами. Санджакчей послалъ Данилу дашеву въ подарокъ сахару и цареградскихъ плодовъ, и сказалъ:

— Дай Богъ вамъ по добру, по здорову вернуться домой, съ нами по сосѣдству жить всегда въ любви и дружбѣ; а чтобъ дать вамъ вашихъ посланцевъ, того я никакъ не могу сдѣлать, и того, что они не посланцы были, а лазутчики, да еще одинъ, насъ будучи, ушибъ до смерти человѣка. За это мы его skoли и отправили на галерахъ въ Турцію. Пусть бояринъ не рогнѣвается: ни въ какой землѣ не отпускають убійцъ, а казнятъ, а человѣкъ его, что сказался посломъ, учинилъ убійство, и отому мы его не отпускаемъ.

Въ такомъ смыслѣ посланъ былъ отвѣтъ Данилу. Нечего мо дѣлать ему. Не вести же войны изъ-за Кудеяра, когда црь не приказалъ чинить задоровъ и велѣлъ ворочаться.

XI.

Иноземный докторъ.

Душевное и тѣлесное здоровье царицы Анастаси день от дня становилось хуже. Вѣчная досада, злость, тоска сушили ее. Ея хворому воображенію повсюду представлялись возни враговъ, и къ числу этихъ враговъ прибавился теперь Кудеяръ, котораго она никогда не видала въ глаза, но котораго ненавидѣла за то, что случай, происшедшій съ нимъ, расположилъ царя къ войнѣ съ Крымомъ и сблизилъ опять съ Сильвестромъ и боярами. Сначала царь долго скрывалъ отъ Анастаси свое намѣреніе, но братья узнали и сообщили сестрѣ. Царица стала передъ царемъ ахать и корить его. Царь, увидавъ, что царица все знаетъ, сперва хмурился, сердился, потомъ сталъ уговаривать, чтобъ она успокоилась, доказывалъ, что во всемъ видна воля божія, указывающая путь русской державѣ; что теперь уже ему нельзя не ходить на походы, увѣрялъ, что пойдетъ на короткое время, что иначе будетъ передъ Богомъ грѣхъ, а передъ людьми стыдно. На Анастасью ничего не дѣйствовало, тѣмъ болѣе, что братья, особенно Григорій, возбуждали ее. Царицу мучила не столько боязнь и здоровье мужа, сколько ревность къ тѣмъ, которыхъ царь приближалъ къ себѣ и слушалъ совѣтовъ. Она становилась невнимательно плаксива, царь сталъ рѣже ходить къ ней, потому что каждый разъ ворочался отъ нея съ тоскою; царь для развлечения сталъ ѣздить въ подмосковныя села, забавлялся тамъ травленіемъ, учреждалъ попойки, окружилъ себя новыми любимцами и пріятельниками. Въ числѣ ихъ Вяземскій и Басмановъ занимали первое мѣсто, и незамѣтно овладѣвали царемъ; онъ не занимался съ ними никакими дѣлами, не говорилъ о дѣлахъ; они только старались забавлять царя, доставали ему скомороховъ и шутовъ, потѣшали разными дурачествами. Анастасія между тѣмъ все болѣе и болѣе хирѣла, а братья кричали, что ее испортили вѣдомствомъ. Царь, глядя на ея болѣзненность, то сердился и не обращалъ на нее вниманія, то умилялся и проводилъ съ нею цѣлыя дни, между тѣмъ не бросалъ своего крымскаго предпріятія, хотя не занимался никакими приготовленіями къ походу, оставивъ все на волю бояръ. Последніе были этому рады и надѣялись, что дѣло пойдетъ лучше, если царь не будетъ въ него мѣшаться и станетъ слушаться другихъ. Имъ нуженъ былъ въ самомъ по-

годъ царь только для того, чтобы его присутствіемъ придавать предпріятію болѣе силы и значенія. Вишневецкій былъ отправленъ на Донъ, Данило Адашевъ на Псѣль, служилымъ людямъ елѣно было собираться къ веснѣ въ Тулу; съ Ливоніей начались мирные переговоры; бояре стали дѣйствовать согласно, преращались мелкія дразги; великое дѣло воодушевляло ихъ такъ же, какъ во время казанскаго похода; Сильвестръ дѣятельно поддерживалъ ихъ, не давалъ задремать ихъ порыву, безпрестанно посылалъ то того, то другого, оживлялъ своими бесѣдами, весь преисполнился дѣлу, несмотря на то, что въ это время постигло его семейное горе: умерла жена, съ которою онъ жилъ болѣе тридцати лѣтъ дружно, душа въ душу.

Приближался часъ, когда царю надобно было отправляться въ походъ. Тутъ враги Сильвестра и его сторонниковъ нашли явную возможность повернуть царя въ иную сторону.

Назадъ тому годъ, пріѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ англійскими гостями, докторъ Бомелій, изъ Везера, жившій прежде въ Англіи и занимавшійся, кромѣ медицины, астрологіей, химіей, кабалистикой и всякимъ ученымъ вздоромъ. Человѣкъ былъ ловкій; пріѣхавши въ Россію, началъ тотчасъ учиться русски, и скоро успѣлъ до того, что все понималъ и самъ говорилъ бѣгло, хотя неправильно. Врачъ былъ тогда рѣдкостью. Бомелій умѣлъ пустить пылъ въ глаза, представлялся всезнайкою; царь взялъ его къ себѣ. Когда царицѣ стало хуже, царь предложилъ ей призвать врача. Сначала царица противъ этого отбилась, какъ говорится, и руками и ногами; благочестивое чувство ея отвращалось отъ врачевства: «надобно надѣяться на Бога, не на врачей», говорила она, но потомъ согласилась, именно такъ, какъ узнала, что ненавистный ей Сильвестръ былъ противъ этого врача. Воспитанный въ преданіяхъ благочестивой старости, Сильвестръ вообще не очень довѣрялъ врачевству, постоянно говорилъ, что если Богъ не поможетъ, то врачъ ничего не сдѣлаетъ, и приводилъ примѣры, когда люди, одержанные тяжелыми узами, освобождались отъ нихъ божіею милостью; но Сильвестръ не называлъ всякое врачевство дьявольскимъ вѣдовствомъ, такъ говорили тогда многіе, и посоветовалъ бы самъ прибѣгнуть знающему челоуѣку: отъ какой болѣзни принять внутрь какою-нибудь траву, либо чѣмъ-нибудь помазать наружную язву; Бомелій докторъ Бомелія сильно не взлюбилъ Сильвестръ. Промышленный нѣмецъ пытался поддѣлаться къ нему и приходилъ говорить съ нимъ о вѣрѣ, изъявляя готовность убѣдиться въ истинности православной вѣры и принять ее. Сильвестръ такъ

умѣлъ угадывать людей, что сразу раскусилъ Бомелія, и, когда царь совѣтовался съ Сильвестромъ: не грѣхъ ли позвать къ царицѣ иноземнаго доктора? — Сильвестръ не только вооружился противъ этого, но убѣждалъ царя прогнать отъ себя этого нѣмца и возложить на Бога упованіе о здравіи супруги. Зато отецъ Левкій, съ которымъ царь также заговорилъ о Бомеліи, расквитался до небесъ и доказывалъ царю, что лечебная наука дается отъ Бога, какъ милость божія къ человѣку; и кто не совѣтуетъ обращаться къ врачу, тотъ, значитъ, здоровья не желаетъ царицѣ.

Царица, узнавши отъ братьевъ, что Сильвестръ ненавидитъ Бомелія, а Левкій совѣтуетъ царю положиться на него, сама стала просить царя привести къ ней врача, о которомъ царь говорилъ ей прежде.

Царь пришелъ къ ней съ Бомеліемъ.

Это былъ маленькій человѣчекъ съ большою лысою головою, длиннымъ носомъ, прищуроватыми, небольшими глазами, никогда не смотрѣвшими прямо, всегда съ низкопоклоннымъ видомъ и съ тонкимъ, почти женскимъ голосомъ.

Нѣмецъ, по царскому приказанію, подошелъ на цыпочкахъ къ сидѣвшей въ креслахъ царицѣ, внимательно смотрѣлъ на ея лицо, пощупалъ пульсъ, потомъ приложилъ палецъ себѣ во рту, потомъ развелъ руками и знаменательно пожалъ плечами.

Царь тревожно ждалъ, что скажетъ иноземный мудрецъ.

— Государь, — сказалъ Бомелій, — Господь Богъ можетъ и могать ея маестетъ государынѣ-царицѣ. Недобрый человѣкъ — государь.

— Что? что? — отрава!

— Нѣтъ, великій государь — отрава нѣтъ! А злой человѣкъ сдѣлалъ тоже... какъ это называется?

— Порча, волшебство?

— Да, государь.

Анастасія блѣднѣла, теряла сознаніе.

— Нѣмецъ, — закричалъ государь, — ты испугалъ ее.

— Государыня-царица, — сказалъ Бомелій, — не бойся, Господь Богъ милосердъ! съ божіей помощью хорошо будетъ. Помочь еще можно, только надобно дурной человѣкъ прочь — далеко....

— Пойдемъ, нѣмецъ, ты мнѣ тамъ скажешь, — сказалъ царь.

— Государыня-царица, — продолжалъ нѣмецъ, — ничего! твоё величество будетъ здоровъ и покоенъ; а такъ сдѣлаю, что все будетъ какъ лучше.

Царь вышелъ съ Бомелиемъ.

— Говори, нѣмецъ, всю правду мнѣ говори,—сказалъ царь.

— Государь-царь,—сказалъ нѣмецъ, — есть въ чужіе края наукъ; у Россіи наукъ нѣтъ, а въ нашихъ краяхъ есть наукъ, и черезъ эта наукъ я могу узнать, што гдѣ есть и што будетъ напередъ. Я по звѣздамъ небеснымъ умѣй читать, и твоя судьба скажу. У -васъ въ Россіи говорить народъ, што это вѣдовство отъ діавола. Нѣтъ, государь, не вѣрь такой рѣчь; наукъ не отъ діавола, а отъ Бога. Какъ можетъ быть, чтобъ наукъ былъ отъ діавола? Я много учился всякихъ наукъ, я учился богословіе, вѣруй въ Троица единосущна и въ Господь нашъ Езусъ Христусъ, и какъ же можно, штобъ наукъ былъ Богу противна.

— А если ты учился богословіи,—сказалъ царь,—то какъ же ты, нѣмецъ, не дошелъ до того, что наша греческая восточная вѣра есть сущая христіанская, и зачѣмъ остаешься въ своей лютерской ереси и Господа нашего зовешь Езусъ Христусъ?

— На все потребно время, великій государь, я много шпигаль святин отци,—сказалъ Бомелій,—и видѣлъ изъ ихъ книга, што въ римска вѣра неправильна и наша вѣра евангелическа не совсѣмъ правильна, и хотѣлъ узнать вѣра греческа, только въ наши земля вѣра греческа нѣтъ, я нарощна пріѣхалъ у твое царства, державный царь, штобъ научиться какъ есть греческа вѣра, и теперь, какъ я узналъ, какой въ православна вѣра есть большой сила, такъ я имѣй желаніе принять греческа вѣра, креститься истиннымъ крещеніемъ.

— Вотъ это хорошо, нѣмецъ, — у меня въ моемъ царствѣ для иноземцевъ принужденія въ вѣрѣ нѣтъ; самъ видишь, жить у меня и англійскіе и галанскіе люди безобидно, и ты, коли хочешь, можешь оставаться въ своей вѣрѣ; а когда есть вое желаніе быть съ нами въ единовѣрїи, такъ тѣмъ лучше.

— Только, велика государь, не паложь гнѣвъ на мене, што скажу: духовна чинъ не хочеть наукъ знать, и не думать, штобъ истинная вѣра далеко пошоль... Я приходилъ къ твой пропощъ Сильвестръ, думалъ онъ ошнѣ учоній шеловѣкъ, о, фуй, нѣтъ! Я его сталъ спрашивать, думалъ научиться отъ его, а онъ со мной и говорить не хочеть, ничего самъ не знаетъ, а какой гордый, оттого што въ твоей милости, думаетъ, што онъ умнѣе и вашнѣе всѣхъ людей въ твоємъ царствѣ. Вотъ будовскій архимандритъ—ахъ, какой эта мудра, умна шеловѣкъ! Ми этотъ шеловѣкъ учился! а то не хорошо, велика государь, што въ твоємъ царствѣ шволь нѣтъ, наукъ нѣтъ.

— Знаю,—сказалъ царь,—что это не хорошо; да ты думаешь,

съ нашимъ народомъ что-нибудь сдѣлаешь? Ты думаешь, наши люди таковы, какъ ваши? Не такъ они Богомъ созданы, чтобъ имъ чему учиться.

— Отчего-жь, великій государь, твое царское величество русскаго рода, а такой шеловѣкъ, и такъ все знаетъ!...

— Я развѣ русскій,—сказалъ царь,—мои предки изъ нѣмецъ пришли, а роду были славнаго кесаря Августа римскаго, отъ брата его Пруса, и поселились у Балтійскаго моря на рѣкѣ Русь, и оттого Русь прозвалась.

— А,—сказалъ Бомелій,—твой велика родъ! велика родъ! Въ цѣлой Европѣ нѣтъ такой славной старинный родъ, какъ твой, государь. Такъ тебѣ непремѣнно надобно овладѣть Ливоніей, Балтійскимъ моремъ, тамъ рода твоего, отчина твоя.

— Да, этотъ край—наша извѣчная отчина, и оттого мы добиваемся, чтобъ онъ былъ подъ нашимъ скипетромъ.

— Да,—сказалъ Бомелій,—Богъ тебѣ помогаетъ, великій государь, ты побѣждаешь враговъ иноземныхъ; а кабы только ты могъ побѣдить враговъ внутреннихъ. Они опасны. Отъ домашнихъ врагъ не можна уберечься. А у тебя много враговъ около тебя, государь, ошивъ много. Они хотятъ, чтобы ты самодержавный не былъ, чтобъ по ихъ совѣтъ все дѣлялъ, ты такой мудра царь, ты одинъ можешь управлять народъ свой; ты умнѣйшій отъ нихъ всѣхъ, ты храбрый... Богъ свидѣтель, нѣтъ такой другой государь не только въ Европѣ и на цѣлой свѣтѣ, какъ ты,—а твое несчастье, што у тебе слуги коварна, изменникъ, лиходѣй... твой бояра... О!... они тебѣ добра не хочеть, себѣ власть возьметъ хочеть. Да этого не будетъ. Великъ государь! Я доложу твоему величеству, што умѣй по звѣздамъ узнавать и што будетъ напередъ, все узнай, есть у мене такой книгъ. О! эта книгъ надобно двадцать лѣтъ читай, да еще другихъ сто книгъ прочитай, только тогда можна понимать, што въ этой книгѣ написано. Я по этой книгѣ будетъ все узнай...

Царь отпустилъ Бомелія, а черезъ день опять позвалъ его.

— Я много, много знай,—сказалъ Бомелій:—твой первая тайна врагъ—протопопъ Сильвестръ; ты его, государь, далеко... онъ недобра шеловѣкъ, онъ не любитъ твой царицъ, онъ называетъ ее Езавель. У! Государь! Какъ это можна! Весь Москва знай про это. Эта протопопъ бѣсовска сила имѣй, онъ вѣдунъ... онъ тебя, великаго государя, опуталь. Это мнѣ книгъ сказалъ, и бояре твой—лиходѣй съ нимъ одно. Они тебе хотятъ вести на крымскій ханъ. Нѣтъ, государь, не ходи. Я по звѣздамъ смотрѣлъ; великое несчастье будетъ, твой царицъ будетъ умирай

безъ тебя, какъ ты въ походъ пойду, и твой царска благородна дѣти изведу. Много ихъ такихъ, што хочеть царствовать. — А есть одинъ... о это, это ошень апасна!

— Это кто?—спрашивалъ нетерпѣливо царь.

— Я тебе назвать его не можетъ,—сказалъ Бомелій.—Я еще самъ не знаю, кто онъ, толко вишу это есть такой, твой сами апасна врагъ!

Умъ помутился у царя отъ этихъ словъ. Не рѣшаясь сразу ни на что, царь сказалъ:

— Смотри, нѣмецъ, никому-никому не говори объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, государь; я всегда буду тебѣ узнавай, какъ только што ты задумаи дѣлать, сей часъ позови мене, вели по-смотрѣть въ книга и по звѣздамъ; я все тебѣ сказай, можетъ быть такой планетъ приду, когда можна пошелъ воевай на крымска ханъ: тогда Богъ тебе благослови! А теперь Боже тебе сохрани, твой царицъ на свѣтъ не будетъ.

Вслѣдъ затѣмъ отецъ Левкій открыто наступилъ на государя и явно сталъ говорить предъ царемъ, что Сильвестръ вѣдунъ, околдовалъ царя и мыслить ему зло.

Явился еще монахъ, Михаилъ Сукинъ, и доносилъ, что Сильвестръ называлъ царицу Анастасію Іезавелью.

Съ своей стороны новые любимцы, съ которыми царь ѣздилъ въ подмосковныя села забавляться, стали увѣрять его, что Сильвестръ вѣдунъ; говорили, что онъ смѣется надъ царемъ, хвастаетъ, что онъ держитъ царя въ рукахъ, и что захочеть, то изъ него сдѣлаеть.

Настроенный съ разныхъ сторонъ, а болѣе всего напуганный предсказаніями Бомелія о смерти, долженствующей постигнуть Анастасію отъ тайныхъ враговъ, если онъ пойдетъ въ походъ, царь наконецъ рѣшился сдѣлать надъ собой усиліе.

Бояре собирались въ походъ и торопили царя. Выѣздъ его былъ назначенъ; до выѣзда оставалось три дня.

Царь Иванъ Васильевичъ созвалъ бояръ и думныхъ людей въ свою столовую палату. Глаза его сверкали какимъ-то болѣзненнымъ огнемъ; походка его была неровная. Онъ сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ:

— Бояре и думные люди, объявляю вамъ мою царскую волю! Намъ не угодно идти въ походъ на крымскаго царя; призовите ханскаго посла, котораго мы задерживаемъ, и объявите ему отпускъ; скажите, что мы хотимъ постановить съ крымскимъ ханомъ вѣчный миръ и жить съ нимъ въ дружбѣ, а затѣмъ отправимъ въ Бакчисарай нашего посла для договора. Сейчасъ

послать гонцовъ къ Вишневецкому на Донъ и къ Данилу Адашеву на Днѣпръ съ указомъ, чтобъ они воротились и никакихъ задоровъ съ крымскими людьми не чинили; всѣмъ служилымъ людямъ, что собраны подъ Тулою, сказать нашу царскую волю, чтобъ они расходились по домамъ до нашего царскаго указа.

Князь Курбскій хотѣлъ вести рѣчь, но только-что сказалъ великій государь!.. какъ царь прервалъ его:

— Бояре и думные люди! Говорите тогда, когда мы васъ спрашиваемъ и вашего совѣта требуемъ; нынѣ же, мы, государь самодержавный, вашего совѣта не спрашиваемъ, и говорить вамъ ни о чемъ непригоже.

Онъ съ гнѣвомъ, быстро ушелъ изъ столовой избы.

Услышавъ обо всемъ Сильвестръ, узналъ, что у царя въ приближеніи Бомелій, что враги Сильвестра подстроили этого иноземца напугать царя звѣздословными предсказаніями; узналъ, что Сукинъ подалъ на Сильвестра извѣтъ, а Левкій открыто говорить царю, что онъ вѣдунъ; повялъ Сильвестръ, что господство его минулось и рѣшился проститься съ царемъ навсегда. Онъ послалъ къ царю просить допустить его, но получилъ отвѣтъ, что царь его видѣть не хочетъ.

Тогда Сильвестръ отправился къ митрополиту Макарію и сказалъ:

— Пресвященный отче Макарій! Богу угодно было позвать къ себѣ мою жену, того ради, яко вдовымъ попамъ не подобаеъ священнодѣйствовать, я пожелалъ удалиться отъ міра, благослови принять иноческій образъ.

Макарій зналъ Сильвестра издавна, еще съ Новгорода, и самъ, сдѣлавшись митрополитомъ изъ новгородскаго архіепископа, пригласилъ его въ Москву. Возвышеніе Сильвестра не совсѣмъ было по сердцу Макарію:—смотри-ка,—говорилъ онъ своимъ приближеннымъ,—каковъ! Какъ подъѣхалъ къ царю! Попъ, а сильнѣ насъ, митрополита и всего освященнаго собора, что скажетъ, такъ царь и дѣлаеъ.

Не любилъ Макарій Сильвестра, но только хмурился, досадовалъ на него, а зла ему не дѣлалъ; Макарій былъ самолюбивъ, но не злобенъ—Сильвестръ съ своей стороны всегда относился къ Макарію чрезвычайно почтительно, хотя случалось, что говорилъ царю противное тому, чего хотѣлъ Макарій. Макарію было очень пріятно, что Сильвестръ наконецъ уходитъ. Макарій благословилъ его, напутствовалъ самымъ дружелюбнымъ образомъ; Сильвестръ попрощался съ сыномъ и уѣхалъ въ одинъ бѣлозерскихъ монастырей.

Когда Данило Адашевъ по царскому приказанію воротился въ Москву, Сильвестра уже тамъ не было. Бояре повѣсили головы, не смѣли замкнуться о крымской войнѣ, а нѣкоторые изъ тѣхъ, которые недавно еще доказывали ея несообразность, восхваляли мудрость царя, лучше всѣхъ понимающаго, что слѣдуетъ дѣлать.

Данило явился съ донесеніемъ къ царю. Иванъ Васильевичъ принялъ его сурово. Его разсказъ о задержаніи Кудеяра турками не произвелъ на царя никакого потрясенія; царь по этому поводу не сдѣлалъ никакого замѣчанія.

Вишневецкій, получивши приказаніе прекратить военныя дѣйствія, воротился въ свой Бѣлевъ и отправилъ къ Сигизмунду-Августу письмо, просилъ прощенія за выѣздъ, изъявлялъ готовность служить своему природному государю и во всемъ повиноваться его волѣ. Сигизмундъ-Августъ прислалъ ему ласковый отвѣтъ и пригласилъ воротиться. Вишневецкій собралъ своихъ казаковъ.

— Плюемте, братцы,—сказалъ онъ,—на эту глупую Москву и пойдемте въ свою Украину. Нѣтъ на свѣтѣ земли лучше нашей вольной Украины. Пришелъ я сюда съ вами ради того, чтобъ подвинуть московскаго царя съ его ратью на бусурмана; не удастся намъ это, такъ нечего намъ тутъ дѣлать. Царскихъ милостей и помѣстьевъ намъ не нужно, есть у насъ земли и всякаго добра довольно.

— Правда, батько,—сказали казаки,—чортъ съ нею, съ этою Москвою; и дѣтямъ и внукамъ закажемъ ходить сюда, развѣ когда войною пойдемъ на москвитина.

И собрались они, и уѣхали всѣ изъ Бѣлева. Донесъ царю Бѣлевскій воевода. Царь сказалъ:

— Пришелъ какъ пѣсъ и ушелъ какъ пѣсъ. Туда ему и дорога!

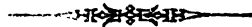
Царица Анастасія и ея братья добились наконецъ своего. Царь не пошелъ въ походъ, ненаглядный Иванушка остался неразлучно со своею агницею, какъ онъ называлъ жену въ минуты вѣжности. Ненавистнаго Сильвестра уже не было. Но здоровье Анастасіи не поправлялось, а становилось все хуже. Она ѣздила вмѣстѣ съ царемъ къ Сергію, къ Пафнутію, и въ другія святыя мѣста; и никто уже безъ Сильвестра не посмѣлъ представлять царю, что ему слѣдуетъ вникать въ дѣла, а не ѣздить по монастырямъ. Но молитвы, какъ видно, не помогали здоровью царицы. Она обильно раздавала милостыню; каждый праздникъ ея боярыни обдѣляли толпу попрошаевъ; со всей россійской державы

приходили къ ней старицы за милостынею; дружелюбно допускала она ихъ къ себѣ и толковала о душеспасительномъ дѣлѣ— и всѣ хвалили ея милосердіе, говорили, что она истинная мать страдающихъ, и только бѣднаго Кудеяра некому было искупить изъ неволи.

Не помогла царицѣ и милостыня, не помогло ей и то, что во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ молился духовный чинъ объ ея здравіи. Царица скончалась.

Царь разрывался отъ горя, но чрезъ двѣ недѣли предался разгулу и разврату ради утѣшенія; въ его головѣ засѣла твердо увѣренность, что Анастасія была жертвою порчи и отравы по наущенію Сильвестра. Бомелій, чтобы выгородить себя, старался поддерживать въ немъ ту увѣренность, представлялъ царю, что чары, которыми давно уже испортили царицу, были такъ сильны и такъ успѣли подорвать ея здоровье, что его ингоги и безуми ничего уже не могли тутъ подѣлать, и выводилъ изъ этого, что если воротить мертвую изъ гроба невозможно, то царь долженъ, по крайней мѣрѣ, беречь себя и своихъ дѣтей отъ лютыхъ враговъ, окружающихъ его престолъ. Бомелій принялъ православіе, ходилъ въ церковь, билъ поклоны и наружно держалъ посты, позволяя себѣ подсмѣиваться надъ ними въ бесѣдѣ съ иноземцами на языкѣ, котораго русскіе не понимали.

Н. Костомаровъ.



В. Г. БЪЛИНСКІЙ

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ.

VIII *).

ВРЕМЯ ПОЛНАГО РАЗВИТІЯ ХАРАКТЕРА И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ БѢЛИНСКАГО. —
Его личныя отношенія, 1842 - 44.

Внутреннее развитіе человѣка трудно распредѣляется на періоды, между которыми можно было бы полагать рѣзкія грани; подобные періоды трудно указывать и въ настоящей біографіи, — потому что хотя она и представляетъ, въ сравнительно короткое время, чрезвычайно непохожія настроенія, но они смѣняются одно другимъ съ постепенностью, съ колебаніями, минутными возвратами прежняго, и можно указывать только болѣе рѣзкіе пункты, какихъ достигало то или другое настроеніе. — Въ этомъ общемъ смыслѣ полное развитіе и личнаго характера и дѣятельности БѢлинскаго можно полагать съ той поры (конецъ 1842 и начало 1843 г.), когда онъ окончательно освободился отъ прежняго романтизма въ отвлеченныхъ представленіяхъ и въ пониманіи дѣйствительности, когда въ его взглядахъ начинаетъ явно господствовать критическое отношеніе къ дѣйствительности, историческая и общественная точка зрѣнія. Это была пора мужества, — слишкомъ кратковременная, но тѣмъ не менѣе богатая результатами.

Съ этого же времени начинается и наибольшая сила его вліянія. Имя БѢлинскаго, почти не упоминавшееся въ жур-

*) См. выше: 1874, мартъ 205; апр., 602; июнь, 573; окт., 469; ноябрь, 68; дек. 491; 1875, февр. 591 стр.

налѣ, было уже извѣстно далеко за предѣлами литературнаго міра, въ массѣ читателей, которые не нуждались въ подписи имени, чтобы угадывать автора. Есть анекдоты, которые весьма характеристично указываютъ эту извѣстность Бѣлинскаго ¹⁾. Его дѣятельность была образовательной силой, дѣйствіе которой несомнѣнно отразилось на умственномъ содержаніи его сверстниковъ и возростающаго поколѣнія.

Мы не станемъ преувеличивать размѣровъ этого вліянія, и, напротивъ, напомнимъ, что, во-первыхъ, — въ значительной степени заслугу его раздѣляютъ другіе люди этого круга, отчасти поддерживавшіе самого Бѣлинскаго или своими знаніями, или своимъ, не менѣе горячимъ энтузіазмомъ къ дѣлу общественнаго развитія; во-вторыхъ, что параллельно съ дѣятельностью Бѣлинскаго и его круга въ литературѣ и обществѣ возникали съ разныхъ сторонъ новыя нравственныя требованія, такъ что дѣятельность Бѣлинскаго уже находила иногда или подготовленную почву, или поддержку, являющуюся внѣ ея, съ другой стороны. Такъ, возникали идеи объ обращеніи къ народу, вниманіе къ его быту — возникали, внѣ этого круга, и въ литературномъ мірѣ, какъ, напр., у славянофиловъ, и даже (конечно въ очень немногихъ примѣрахъ) въ образованнѣйшей части бюрократіи; такъ, внѣ этого круга оказывались сходныя вліянія европейской литературы и т. п. Но все это не изглаживаетъ той особенной яркой полосы, какую провела въ развитіи нашего общества дѣятельность Бѣлинскаго. Обширная популярность его имени въ тѣ годы, ожесточенная ненависть однихъ и горячее уваженіе другихъ, успѣхъ журнала, въ которомъ онъ работалъ и который въ это время сталъ лучшимъ и наиболѣе распространеннымъ изъ тогдашнихъ изданій, всѣ эти внѣшніе факты достаточно указываютъ на сильное впечатлѣніе, произведенное дѣятельностью Бѣлинскаго. Мы найдемъ подтвержденіе этого и въ фактахъ внутреннихъ: вглядываясь въ тѣ черты, какими отличались прогрессивные взгляды у людей «сороковыхъ годовъ», можно узнать слѣды вліянія Бѣлинскаго — въ той наклонности относиться критически къ существовавшей дѣйствительности, въ томъ особенномъ вкусѣ къ гуманнѣйшимъ вліяніямъ поэтической литературы, въ томъ недовѣрїи къ славянофильской идеализаціи народности, — которыя именно были цѣлью литературной проповѣди Бѣлинскаго. Историческое пониманіе литературы, господствовавшее до недавняго времени, было установлено Бѣлинскимъ.

¹⁾ Воспом. Панаева, „Совр.“ 1860, кн. 1, стр. 358—359.

Писатели, которыми онъ восхищался, были именно писатели, которымъ принадлежить коренное значеніе въ нашей литературѣ, — какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, — которыхъ всѣхъ ему приходилось защищать и объяснять. Литературная школа, явившаяся послѣ Гоголя и обыкновенно изображаемая какъ его результатъ, несомнѣнно была въ тоже время и результатомъ внушеній и толкованій Бѣлинскаго. Мы не сомнѣваемся, что Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ, Гончаровъ, Достоевскій — живые свидѣтели этого, и признають, что содержаніе Бѣлинскаго, тѣмъ или другимъ образомъ, прошло черезъ ихъ поэтическое развитіе и было однимъ изъ вдохновеній ихъ литературной дѣятельности, вѣроятно еще не совсѣмъ заслоненнымъ позднѣйшими событіями ихъ личной и общественной исторіи.

Тотъ обильный матеріалъ писемъ, гдѣ до сихъ поръ мы находили главнѣйшій биографическій источникъ въ собственныхъ разсказахъ и признаніяхъ Бѣлинскаго, заканчивается на половинѣ 1843 года. За конецъ 1843 и потомъ за два слѣдующіе года мы имѣемъ всего нѣсколько писемъ къ друзьямъ, и это отсутствіе писемъ объясняется не одной неполнотой нашего матеріала, въ которомъ, конечно, многого недостаетъ, — но и тѣмъ, что Бѣлинскій, какъ дальше увидимъ, дѣйствительно прервалъ тогда свою плодovitую переписку. Новый, очень изобильный рядъ писемъ, начинается опять уже съ 1846 года.

Первыя письма 1843 года проникнуты тѣмъ же мрачнымъ расположеніемъ духа, о которомъ говорено въ концѣ предыдущей главы. Бѣлинскій было надѣялся отдохнуть отъ своей работы и отъ своей скуки въ деревнѣ у старинныхъ друзей, куда его очень радушно приглашали, но надежда, долго питаемая, не осуществилась. Рядъ своихъ печальныхъ размышленій онъ пишетъ къ Боткину отъ 6-го февраля:

„Я много-много виноватъ передъ тобой ¹⁾, милый мой Боткинъ. Причина этому — страшное, сухое отчаяніе, парализировавшее во мнѣ всякую дѣятельность, кромѣ журнальной, всякое чувство, кромѣ чувства невыносимой пытки. Причинъ этой причины много; но главная — невозможность ѣхать ²⁾... Мысль объ этой невозможности... я вслѣдскіи отгонялъ, словно преступникъ о своемъ преступленіи, и она, въ самомъ дѣлѣ, не преслѣдовала меня безпрестанно, но когда я забывался, вдругъ прожигала меня насквозь, какъ струя молнии,

¹⁾ Т.-е. молчаніемъ на его письма.

²⁾ Въ деревню, къ друзьямъ.

какъ мученіе совѣсти. Подобнымъ же образомъ, хотя въ стыду моему и не такъ сильно, терзало и терзаетъ еще меня *внезапное воспоминаніе* о смерти Кольцова. Вѣсть о ней я принялъ сначала сухо и холодно, но потомъ она обошла меня таки очень не дешево. Работа журнальная мнѣ опостылѣла до болѣзненности, и я со страхомъ и ужасомъ начинаю сознать, что меня не надолго хватитъ...

Изъ слѣдующихъ строкъ объясняется, почему опостылѣла Бѣлинскому журнальная работа:

„Писать ничего и не о чемъ со дня на день становится невозможно и невозможно. Объ искусствѣ ври что хочешь, а о дѣлѣ т.-е. о нравахъ и нравственности — хоть и не трать труда и времени. Изъ статьи моей въ 1 № „О. З.“ вырѣзанъ цѣлый листъ печатный ¹⁾—все лучшее, а я эту статью очень дорожилъ, ибо она проста и по идеѣ и по изложенію. Изъ статьи о Державинѣ (№ 2) не вычеркнуто ни одного слова, а я совсѣмъ не дорожилъ ею. Теперь долженъ приниматься за 2-ю ст. о Д. (Державинѣ), подъ влияніемъ вдохновительной и поощрительной мысли, что ее всю изрѣжутъ и исковеркають. Все это и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткой“...

А между тѣмъ онъ долженъ былъ говорить и говорить о ней—«ради хлѣба насущнаго». Работа идетъ странно; — часто или обыкновенно онъ пропуститъ время, потому что мысли полны другимъ, наконецъ, редакція начинаетъ требовать статьи:—«глядь ужъ и 15-е число на дворѣ, — Кр. рычить, у меня въ головѣ ни поль-мысли, не знаю, какъ начну, что скажу; беру перо»—и статья будетъ готова—«какъ, я самъ не знаю, но будетъ готова». «Это—привычка и необходимость—два великіе рычага дѣятельности человѣческой»,—такъ онъ самъ хотеть объяснить процессъ и быстроту своей работы. Но должно прибавить и другое объясненіе. По свойству самыхъ работъ, которыя въ это время нисколько не уступали прежнимъ по одушевленію и превышали ихъ серьезностью, въ которыхъ не видно никакого слѣда чего-нибудь тяжелаго или вынужденнаго, — ясно, что не одна привычка и необходимость внушали ихъ, что необходимость давала только поводъ, внѣшнее начало работы, но какъ скоро эта работа начиналась, Бѣлинскій весь уходилъ въ нее и работалъ быстро, съ увлеченіемъ, забывая и себя и все окружающее. Это былъ импровизаторъ, преобразавшійся въ минуту вдохновенія, — хотя бы оно вызывалось «привычкой и необходимостью».

«Надобно было взглянуть на Бѣлинскаго въ тѣ минуты, когда

¹⁾ Это была статья: „Русская литература въ 1842 году“, въ Сочин. VII. стр. 5—55.

онъ писалъ что-нибудь, въ чемъ принималъ живое, горячее участіе,—разсказываетъ Панаевъ...—Лицо и глаза его горѣли, перо съ необыкновенною быстротою бѣгало по бумагѣ, онъ тяжело дышалъ и безпрестанно отбрасывалъ въ сторону исписанный полулистъ. Онъ обыкновенно писалъ только на одной сторонѣ полулиста, чтобы не останавливаться въ ожиданіи, покуда просохнутъ чернила...

«Сколько разъ заставлялъ я его въ такія минуты и смотрѣлъ на него незамѣчаемый имъ; если же онъ оборачивался и взглядывалъ на меня, прежде нежели я уходилъ, онъ безъ церемоніи говорилъ мнѣ:

— «Извините меня, Панаевъ... Видите, я занятъ.

«Онъ откладывалъ на минуту перо и прикладывалъ руку къ головѣ. Я какъ теперь вижу его въ этомъ положеніи»...

Панаевъ разсказываетъ дальше, какъ утомляли физически Бѣлинскаго эти работы и какъ тяготила его, наконецъ, необходимость писать о пустякахъ и невозможность говорить о томъ, что бѣлалось его настоящимъ, глубокимъ интересомъ, — о чемъ мы ейчасъ читали слова самого Бѣлинскаго.

«Одинъ разъ, — говоритъ Панаевъ, — я засталъ Бѣлинскаго одящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою.

— «Что это съ вами?»—спросилъ я его.

— «Рука отекала отъ писанья... Я часовъ восемь сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, то отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ нѣ присылаютъ... и какія еще книги — посмотрите: азбуки, рамматики, сонники, гадальныя книжонки! И я долженъ неремѣнно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ нихъ книжонкѣ!...

«Онъ остановился на минуту, тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— «Да, и еслибы знали вы, какое вообще мученіе повторять зады, твердить одно и то же — все о Лермонтовѣ, Гоголѣ Пушкинѣ, не смѣть выходить изъ опредѣленныхъ рамокъ — все искусство да искусство! Ну, какой я литературный критикъ! — рожденъ памфлетистомъ, — и не смѣть пиенуть о томъ, что кипѣло въ душѣ, отчего сердце болитъ!»¹⁾

Въ это время Бѣлинскій пристрастился къ картамъ — конечно,

¹⁾ Воспом., тамъ же, стр. 362—363.

не ради карты: игралъ онъ плохо, всего чаще проигрывался, но карты доставляли ему средство забывать на время обо всемъ, что его угнетало и мучило. Онъ продолжаетъ разсказъ о своей работѣ и своемъ отдыхѣ:

„... Отработался, и два-три дня у меня болитъ рука—видъ бумаги и пера наводитъ на меня тоску и апатію, дую себѣ въ преферансъ (подлый и филистерскій вистъ я уже презираю—это прогрессъ), ставлю ремизы страшныя, ибо и игру знаю плохо и горчусь, какъ сумасшедшій — на мѣлокъ я долженъ рублей около 300, а переплатилъ мѣсяца въ два (какъ началъ играть въ преф.) рублей 150—благородная, братецъ, игра преферансъ! Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя въ преф. ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ: ты поменьше, что есть“...

Бѣлинскій уже указывалъ, «что есть», и дальше опять говоритъ о своихъ душевныхъ тревогахъ, и серьезно, и съ горькою шуткой. Мысль о деревенскихъ друзьяхъ, въ которыхъ ему такъ хотѣлось тогда отправиться, давала ему отраду на мгновеніе, но потомъ имъ опять овладѣвала тоска:

„... Надеждъ на жизнь никакихъ, ибо фантазія уже не тѣшитъ, а дѣйствительность глубоко понята. Какъ тутъ — будь безпристрастенъ — прочесть что-нибудь для себя? А, Боже мой, сколько бы надо прочесть-то! Но полно тѣшить себя завтраками—я ничего не прочту. Я—Прометей въ каррикатурѣ: „О. З.“ — моя скала, Кр.— мой коршунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ, и только—

Печаль минувшихъ дней

Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.

Мнѣ стыдно вспомнить, что нѣкогда я думалъ видѣть на голокъ моей терновой вѣнокъ страданія, тогда какъ на ней былъ просто шутовской колпакъ съ бубенчиками. Какое страданіе, если стихотворцы Красова и —е— были фактомъ жизни и занимали меня какъ вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стиховъ (и только перечитываю Лерм., все болѣе и болѣе погружаясь въ бездонный океанъ его поэзіи), и когда случится пробѣжать ст. Фета или Огарева, я говорю: „оно хорошо, но какъ же не стыдно тратить времени и чернилъ на такіе вздоры?“

„Къ довершенію всѣхъ этихъ пріятностей, у меня лежитъ на столѣ прекрасное стихотвореніе г. Оже, котораго послѣдняя рѣчь есть 830 рублей ассигн.; да другихъ долговъ и долгишекъ, не считаящихъ отсрочки, есть сотъ до семи... Это просто оргія отчаянія, и я иногда смѣюсь надъ своимъ положеніемъ“...

Подписка на журналъ шла лучше, чѣмъ въ предыдущемъ году, но все-таки подписчиковъ было меньше, чѣмъ у «Библ. для Читенія». «Пиши для російской публики! Гоголя сочиненія

дуть тихо: честь и слава бараньему стаду, для котораго и Буларинъ съ братією все еще высокіе гени!»—«Многое бы хотѣлось сказать тебѣ,—говорить дальше ВѢлинскій,—да что—ты и мѣ знаешь все».

Кончивъ съ своими личными вопросами, ВѢлинскій говоритъ въ своемъ длинномъ письмѣ о литературныхъ и другихъ новостяхъ ихъ круга. Онъ получилъ новыя извѣстія или слухи о философскомъ другѣ: «говорятъ, онъ *принужденъ* былъ изъ Д. ¹⁾ уѣхать въ Базель—это глубоко меня огорчило». Последняя переписка между ними оживила въ ВѢлинскомъ прежнюю дружбу онъ снова очень цѣнитъ философскаго друга ²⁾.

Обращаясь къ литературнымъ новостямъ, ВѢлинскій восхищается статьей «Дилеттантизмъ въ наукѣ» ³⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ юрещается противъ ея автора. Для объясненія слѣдующей циты, надо припомнить, что этотъ авторъ незадолго передъ тѣмъ кончилъ свои переезды по Россіи, поселился въ Москвѣ, и мѣ, между прочимъ, встрѣтился съ славянофилами и сблизился с ними. Самъ онъ вовсе не былъ наклоненъ къ настоящему славянофильству, съ его разными атрибутами, особенно мистическими, но сблизился съ нѣкоторыми изъ славянофиловъ потому, что видѣлъ въ нихъ (т.-е. не въ «Москвитянинѣ», а въ собственныхъ славянофилахъ) живое умственное явленіе, которымъ заинтересовался какъ новымъ фактомъ общественной жизни.

В славянофильскомъ кругу онъ находилъ противорѣчіе своему собственному взгляду, но противорѣчіе было защищено съ умомъ, силой, талантомъ, которые возбуждали его самого, давали ему его собственной мысли и остроумію. Онъ любилъ встрѣяться и спорить съ славянофилами о тѣхъ существенныхъ вопросахъ, гдѣ славянофилы радикально расходились съ «западнѣ» кружкомъ. Онъ находилъ здѣсь и глубокое, фанатическое мѣненіе (напр., особенно у Петра Кирѣевскаго), энергіи во-аго всегда отдавалъ справедливость. Наконецъ, въ славянофильскомъ взглядѣ онъ видѣлъ и долю вѣрнаго,—чего недоста-о взгляду «западному», и что нѣсколько позднѣ вошло въ собственный образъ мыслей—въ видѣ немного социалистически ашеннаго представленія объ общинѣ.

Это сближеніе съ славянофильствомъ чрезвычайно не нрави-ь ВѢлинскому. Онъ не былъ такъ впечатлителенъ, какъ его

) Дрездена.

) Около того же времени, въ 1843 году, запрещенъ былъ упомянутый прежде аль „Deutsche Jahrbücher“, перенесенный незадолго передъ тѣмъ въ Дрезденъ.

) Статья первая, въ „От. Зап.“ 1843; кн. 1, науки, стр. 31—42.

другъ, не былъ такъ податливъ на мирныя отношенія съ людьми, которые были отъявленными врагами его взгляда, не былъ расположенъ къ уступкамъ изъ своего взгляда, добытаго цѣной того труда и внутренней борьбы. Сближеніе Г. съ славянофилами показалось Бѣлинскому если не шагомъ назадъ, то фальшивымъ шагомъ,—и одно время онъ чуть не считалъ своего друга готовымъ перейти въ славянофильство. Должно прибавить еще, что Бѣлинскій, который очень мало способенъ былъ на діалектическія отвлеченныя пренія, потому что свелъ бы ихъ точно на прямыя и рѣзкіе факты (гдѣ споръ былъ бы бесполезенъ почти невозможенъ по крайности протѣиворѣчія мнѣній),—Бѣлинскій въ это время еще не думалъ раздѣлять славянофильства отъ «Москвитянина».

Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ нѣсколько случаевъ подобнаго несогласія Бѣлинскаго съ московскими друзьями, особенно съ Г. но онъ уже теперь возстаетъ противъ всякаго примиренія съ славянофилами.

Слѣдующая цитата не лишена крайне энергическихъ вырженій, которыхъ не считаемъ удобнымъ приводить; но читатель увидитъ однако, какъ далеко шла антипатія Бѣлинскаго.

„Скажи Г.,—пишетъ Бѣлинскій въ томъ же письмѣ 6-го февраля,—что его „Дил. въ н.“—статья до нельзя прекрасная—я и упивался и безпрестанно повторялъ: вотъ какъ надо писать для журнала. Это не порывъ и не преувеличеніе—я уже не увлекаюсь умѣю давать вѣсь моимъ хвалебнымъ словамъ. Повторяю, статья чертовски хороша; но письмо его ко мнѣ меня опечалило ¹⁾—отъ него пахиваетъ умѣренностію и благоразуміемъ житейскимъ, т. е. началомъ паденія и гніенія (я требую отъ тебя, чтобы ты далъ съ твоими руками это мое письмо). Онъ толкуетъ, что г. X.—удивительный человѣкъ, что онъ, правда, лежитъ по уши въ грязи, но—видишь ты—и страдаетъ отъ этого. А въ чемъ выражается это страданіе въ болтовнѣ, въ семинарскихъ диспутахъ pro и contra. Я знаю, что г. X.—человѣкъ неглупый, много читалъ и вообще образованъ, но онъ не надулъ бы меня своею діалектикою, а заставилъ бы вслушаться эти стихи В. (Barbier), взятые Лерм. эпиграфомъ къ своимъ стихотв. „Не вѣрь себѣ“:

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

X.—это изящный, образованный, умный И. А. Хлестаковъ, человѣкъ безъ убѣжденія—человѣкъ безъ царя въ головѣ“...

¹⁾ Это письмо намъ неизвѣстно, и едвали сохранилось; но о чемъ между прочимъ тамъ говорилось, видно изъ слѣдующаго: говорилось о славянофильствѣ, и примирительномъ смыслѣ.

Бѣлинскому чрезвычайно понравилась статья Боткина о нѣмецкой литературѣ въ 1-й кн. «Отеч. Записокъ» 1843, та самая, гдѣ Боткинъ, какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, изображалъ положеніе философскихъ партій въ Германіи, склоняясь на сторону молодого гегелианства. Бѣлинскому нравилась и статья Боткина о томъ же предметѣ во 2-й книгѣ «Отеч. Записокъ», гдѣ между прочимъ изложено было по новымъ изслѣдованіямъ развитіе мѣна о Прометей, который очень интересовалъ Бѣлинскаго. Но онъ совѣтуетъ Боткину «бросить Рѣтшера», о которомъ также говорится въ этой статьѣ, по поводу выходившихъ тогда «Abhandlungen zur Philosophie der Kunst». Бѣлинскій уже прежде сильно разочаровывался въ Рѣтшерѣ, теперь—разочаровался совсѣмъ. «Это, братъ, пѣшека,—говоритъ онъ теперь:—его умъ—пріобрѣтенный изъ книгъ. Вагнеровская натурашка такъ и пробивается сквозь его натянутую ученость. На Руси онъ былъ бы Шевыревымъ». Боткинъ писалъ ему, что въ немъ развивается антипатія къ нѣмцамъ: Бѣлинскій этимъ до крайности доволенъ—«не могу говорить объ этомъ, ибо это отвращеніе во мнѣ дошло до болѣзненности».

Такъ переставились теперь прежнія сочувствія и антипатіи. Какъ прежде высокое понятіе о «нѣмцахъ» основывалось на томъ, что нѣмцы считались націей «абсолютной», что основанная ими философія была абсолютной философіей и пр., такъ теперь отвращеніе къ нѣмцамъ было отвращеніемъ къ старому философскому резонерству, не знавшему жизни, но заявлявшему амья высокоумѣрныя притязанія рѣшать ея вопросы, резонерству, бывавшему разумной ту «дѣйствительность», которая теперь на каждомъ шагѣ поражала своими вопіющими противорѣчіями съ разумностью ¹⁾. Поэтому, рядомъ съ отвращеніемъ къ «нѣмцамъ»

¹⁾ Эта игра въ «абсолютность» нѣмецкой философіи не была новинкою однихъ русскихъ гегелианцевъ. Авторъ статей о „Дилет. въ наукѣ“ говоритъ о формалистахъ науки, которыхъ такъ много было въ гегелевской школѣ, именно въ ея правой сторонѣ: „Неизлѣчимо-отчаянное положеніе ихъ состоитъ въ ихъ чрезвычайномъ довольствѣ (тѣмъ, что уже есть въ гегелианской книгѣ); они со всѣмъ примирились; ихъ взглядъ выражаетъ спокойствіе, немного стеклянное, но невозмущаемое внутри; имъ осталось почивать и наслаждаться, прочее все сдѣлано или сдѣлается имо собою. Имъ удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, сказано и человечество достигло абсолютной формѣ бытія—что доказано ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тою естественною эпохѣ—но какъ ея результатъ, т. е. по совершеніи въ бытіи. Для нихъ нѣкое доказательство неопровержимо, фактами ихъ не смущающа—они пренебрегаютъ имъ“ (какъ „случайностью“). Авторъ прибавляетъ: „Это не выдумка, а сказано въ аѳероферовой „Исторіи философіи (Die Idee und Geschichte der Philosophie, von

выросло, какъ мы видѣли, увлеченіе ненавистными прежде французами, которые теперь возбуждали къ себѣ сочувствіе своимъ стремленіемъ къ освобожденію жизни отъ устарѣлыхъ формъ, къ отрицанію этихъ формъ не только теоретическому, но и практическому...

Незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ Берлина К.—въ. Бѣлинскій еще раньше зналъ, что онъ сталъ ревностнымъ партизаномъ новаго шеллингизма; Бѣлинскому было понятно значеніе новой шеллинговой философіи, и онъ, съ своей тогдашней точкѣ зрѣнія, не могъ ей сочувствовать... Въ письмахъ этого времени мы видѣли, съ какой страстностью и нетерпимостью Бѣлинскій высказывалъ и защищалъ свои новые взгляды, и понятно поэтому, что прежніе друзья не только не могли сойтись теперь, но что встрѣча ихъ могла быть только непріязненная. Такова она дѣйствительно и была: разногласіе мнѣній, столкновеніе характеровъ обнаружилось съ перваго раза. Въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій говоритъ о прежнемъ другѣ крайне враждебно...

Опускаемъ еще нѣсколько подробностей того мрачнаго востроенія, какое выражено и въ началѣ этого письма. Въ концѣ письма Бѣлинскій посылаетъ поклоны московскимъ друзьямъ, и прибавляетъ, между прочимъ: «вѣрнѣе пожми руку Г. и скажи ему, что я хоть и побранился съ нимъ, но люблю его тѣмъ же менѣе»...

Въ нашемъ матеріалѣ есть два письма (отъ 23-го февраля и 8-го марта), писанныя Бѣлинскимъ къ своимъ деревенскимъ друзьямъ, къ которымъ онъ такъ стремился. Оба письма, полупуштивыя, полусерьезныя, исполнены самой теплой привязанности къ семейному кругу, въ которомъ онъ не разъ видѣлъ къ себѣ много сочувствія. Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ рассказываетъ о своихъ дѣлахъ и своемъ настроеніи съ тѣми подробностями, которыя знакомы намъ изъ предыдущаго письма къ Боткину. Изъ втораго письма (8 марта) приводимъ нѣсколько цитатъ. Въ началѣ Бѣлинскій говоритъ о томъ, какъ тяжела была ему невозможность увидѣться съ деревенскими друзьями:

„... Невозможность увидѣться съ вами стоила мнѣ сильной нравственной горячки. Васъ не должно это ни удивлять, ни казаться вамъ загадкою... Страстность составляетъ преобладающій элементъ моей прекрасной души. Эта страстность—источникъ мукъ и радости“

Bayernhofer. Leipzig 1838, послѣдняя глава)“. См. „Отеч. Зап.“ 1843, кн. 12, стр. 68—69.

Бѣлинскій, читая это, долженъ былъ ясно вспомнить свою собственную философію 1839—40 года.

монхъ; а такъ какъ, притомъ, судьба отказала мнѣ слишкомъ во многомъ, то я и не умѣю отдаваться вполнину тому немногому, въ чемъ не отказала она мнѣ. Для меня и дружба къ мужчинѣ есть страсть, и я бывалъ ревнивъ въ этой страсти... Я самъ недавно только созналъ въ себѣ эту сторону и въ ней увидѣлъ причину многихъ моихъ глупостей, дѣлого стовившихъ мнѣ. Нѣтъ несчастіе людей, подобныхъ мнѣ, пока они не найдутъ, въ религиозныхъ убѣжденіяхъ, прочной точки опоры для своей жизни... Такіе люди—вѣчные мучители самихъ себя и всегда въ тягость особенно тѣмъ, кого они больше другихъ любятъ, и кто бы больше другихъ былъ расположенъ принимать въ нихъ участіа. Во мнѣ всегда была глубокая жажда, мучительный голодъ умственной дѣятельности, и есть способность къ ней, но не было для нея ни пищи, ни почвы, ни сферы. Страстные души, въ такомъ положеніи, дѣлаются добычею собственной фантазіи и силятся создать для себя дѣйствительность внѣ дѣйствительности. Чувство дѣлается альфой и омегой жизни...”

Онъ вспоминаетъ о Донъ-Кихотѣ. Это—личность благородная, но которой дѣятельность растетъ на почвѣ фантазіи, а не дѣйствительности. Даже священная потребность любви къ женщинѣ имѣетъ пошлое осуществленіе, если корень ея не вросъ глубоко въ почву дѣйствительности:—

„Въ нашей общественности особенно часты примѣры разочарованнаго, охладѣвшаго чувства, которое, перегорѣвъ въ самомъ себѣ, вдругъ потухаетъ безъ причины: этому причастны даже высокія и глубокія натуры—ссылаюсь на Пушкина. Гдѣ, въ чемъ причина этого явленія?—въ общественности, въ которой все человѣческое является безъ всякой связи съ дѣйствительностію, которая дика, грязна, бессмысленна, но на сторонѣ которой еще долго будетъ право силы. Обращаюсь къ себѣ, какъ представителю страстныхъ душъ. Дайте такому человѣку сферу свойственной его способностямъ дѣятельности,—и онъ переродится...; но эта сфера... да, вы понимаете, что ея негдѣ взять. Этой сферы и теперь для меня нѣтъ и никогда, никогда не будетъ ея для меня; но уже и то было великимъ шагомъ для меня, что я созналъ и понялъ это... Сердце человѣка, особенно пожираемаго огненною жаждою разумной дѣятельности безъ удовлетворенія, даже безъ надежды на удовлетвореніе этой мучительной жажды,—сердце такого человѣка всегда, болѣе или менѣе подвержено произволу случайности—ибо пустота, вольная или невольная, можетъ родить другую пустоту,—и я меньше, чѣмъ кто другой, могу ручаться въ будущемъ за свою изрѣдку довольно сильную, но чаще расплывающуюся натуру; но я за одно уже смѣю могу ручаться—это за то, что еслибы Богъ снова излилъ на меня чашу гнѣва своего и, какъ египетскою язвою, вновь поразилъ меня этомъ тоскою безъ выхода, этимъ стремленіемъ безъ цѣли, этимъ горемъ безъ причины, этимъ страданіемъ, презрительнымъ и унижительнымъ даже въ собственныхъ глазахъ,—я уже не могъ бы выставлять наружу гной душевныхъ ранъ и нашель бы силу навсегда бѣжать отъ тѣхъ, кто могъ бы оскорбить или встревожить мой по-

зомъ... Само собою разумѣется, что Бѣлинскій тотчасъ былъ поставленъ въ извѣстность о новыхъ интересахъ своего друга, которые потомъ нѣсколько разъ и подробно обсуждаются въ ихъ перепискѣ...

Бѣлинскій очень тревожился, получилъ ли Боткинъ большое письмо его, въ которому приложено было письмо заграничнаго друга. «Еслибы ты получилъ его, ты могъ бы, и не видѣвшись со мною, вложить персты свои въ раны мои, впрочемъ и безъ того извѣстныя тебѣ хорошо. Главное свершено то, что письмо это написано отъ души, и притомъ для тебя много интереснаго было бы въ письмѣ Б., и оно теперь погибло для обонхъ насъ»... Впослѣдствіи объяснилось, что письмо это не пропало и было получено Боткинымъ ¹⁾.

Навонецъ, замѣтимъ отзывъ объ одной статьѣ «Отеч. Записокъ». «Статья «романтики» неудовлетворительна въ цѣломъ—чувствуется, что не все сказано; но выраженіе, языкъ, слогъ—просто до отчаянія доводить—зависть возбуждаетъ и писаль охоту отбиваетъ». Бѣлинскій разумѣетъ здѣсь вторую статью о «Дилеттантизмѣ въ наукѣ», имѣвшую частное заглавіе «Дилеттанты-романтики» ²⁾.

Длинное письмо отъ 31-го марта наполнено бесѣдой о литературныхъ предметахъ, и новостями изъ дружескаго круга.

„То, что ты забылъ увѣдомить меня о полученіи письма моего, съ приложеннымъ къ нему письмомъ Б., можно простить только сумасшедшему или влюбленному; но какъ ты, слава Аллаху, и то в другое вмѣстѣ—то я и не сержусь на тебя“...

Упомянутая новая «исторія» его друга шла несовсѣмъ удовлетворительно, и Бѣлинскій предвидитъ, что если она будетъ и продолжаться также, то не обѣщаетъ хорошаго конца; но все-таки онъ завидуетъ Боткину, или его чувству, — «ибо питать какое бы то ни было чувство, какой бы то ни былъ интересъ все же лучше, чѣмъ въ тоскѣ, апатіи, съ холоднымъ отчаяніемъ, убивать время на преферансъ, ставить ремизы, проигрывать послѣднія деньжонки, бѣситься, дойти до мальчишескаго малодушія, сдѣлаться притчею во языцѣхъ».

Къ его тяжелому расположенію духа присоединилось теперь еще то, что въ послѣднее время ему начинаетъ больше и больше измѣнять здоровье. Оно и всегда было плохо, но теперь все

¹⁾ Здѣсь разумѣется, вѣроятно, приведенное выше письмо Бѣлинскаго отъ 6-го февраля. Письма заграничнаго друга не было въ нашемъ матеріалѣ.

²⁾ „Отеч. Зап.“ 1843, кн. 3, науки, стр. 27—40.

чаще повторяются жалобы на здоровье; онъ началъ лечиться— «страхъ физическихъ мученій заставляетъ искать средствъ помощи, и я лечусь гидропатією— прѣю въ паровой ваннѣ, а потомъ леденью въ холодной, а тамъ востенью подъ дождемъ и душею». Дальше онъ замѣчаетъ, что его гидропатъ находилъ у него біеніе сердца—предоставляемъ специалистамъ судить, насколько при біеніи сердца полезно было «леденѣть и востенѣть».

Журнальныя дѣла его также шли плохо:—

„Статья моя о Держ. страшно искажена ¹⁾, но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Чортъ возьми всѣ наши статьи, да и всѣхъ насъ съ ними...“

Въ такое отчаяніе приводили Бѣлинскаго цензурныя крушенія его статей.

Ему очень нравится новая статья Боткина о нѣмецкой литературѣ. «Славная статья! Она понравилась мнѣ больше всѣхъ прежнихъ твоихъ статей, можетъ быть потому, что ея содержаніе ближе къ сердцу моему». Это была статья въ 4-й книгѣ «Отеч. Зап.», посвященная разбору «Парижскихъ писемъ» Гудкова. Въ книгѣ этой Гудковъ хотѣлъ дать изображеніе политической жизни, общественности, нравовъ Парижа, очерки французской литературы. Статья Боткина, написанная дѣйствительно хорошо и съ знаніемъ дѣла, относилась очень строго къ мелочной точкѣ зрѣнія Гудкова и къ его непониманію французской жизни. Бѣлинскій очень доволенъ разборомъ, высказывавшимъ точку зрѣнія на французскія отношенія, какая вообще принималась теперь кружкомъ; ему хотѣлось, чтобы такимъ же образомъ досталось и ненавистному для него Рѣтшеру.

„Не было человѣка пишущаго,—говоритъ онъ,—который бы такъ глубоко оскорбилъ меня своею пошлостію, какъ этотъ нѣмецкій Шевревъ... Рѣтшеръ въ отношеніи къ Гегелю есть тотъ человѣкъ въ „Разъѣздѣ“ Гоголя, который, подцѣпивъ у другого словечко „общественныя раны“, повторяетъ его, не понимая его значенія. Хорошо былъ Гудковъ у G. S. (Гудковъ между прочимъ описывалъ свое свиданіе съ Ж. Зандѣ)—вотъ семинаристъ-то..!“

Онъ потомъ еще разъ возвращается къ статьѣ Боткина:—

„Все перечитываю статью твою—прелесть! Будь литература на Руси выраженіемъ общества, а слѣд. и потребностію его, будь хоть сколько-нибудь человѣческая цензура, ты... выучился бы писать скоро и бѣгло, и написалъ бы горы. Безъ этого—голодь, одинъ голодь

¹⁾ Говорится, конечно, о 2-й статьѣ въ 8-й книгѣ „Отеч. Записокъ“. О подобной же судьбѣ первой статьи упоминалось выше.

научить писать скоро и много. Ты довольно обезпеченъ, чтобъ не бояться голода, и потому считаешь себя неспособнымъ къ скоро- и много-писанію. Къ несчастію, судьба слишкомъ развила во мнѣ эту несчастную способность“...

Французская литература все больше и больше интересуется Бѣлинскаго: здѣсь онъ находитъ всего больше сочувственнаго по тѣмъ вопросамъ, которые получили для него господствующее значеніе,—по вопросамъ общественной жизни и нравственности. Мы упоминали объ его энтузіазмѣ къ Ж. Занду; почти равный восторгъ возбуждали въ немъ нѣкоторые писатели социальной школы.

„Сейчасъ кончилъ 1-ю часть исторіи Louis Blanc ¹⁾,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ.—Превосходное твореніе! Для меня оно было откровеніемъ... Личность Луи-Блана возбудила во мнѣ благоговѣйную любовь. Какое безпристрастіе, благородство, достоинство, сколько поэзии въ мысляхъ, какой языкъ!..“

Впослѣдствіи, Луи-Бланъ гораздо меньше понравился, даже во многомъ очень не понравился Бѣлинскому, когда онъ прочелъ нѣкоторыя мнѣнія Луи-Блана въ его исторіи революціи...

Бѣлинскій посылалъ Боткину появившуюся тогда пародію «Братьевъ Разбойниковъ» Пушкина; ему хотѣлось, чтобы эта пародія распространилась въ Москвѣ, по полемическимъ соображеніямъ... Вражда къ «Москвитянину» была неизмѣнна, и на Бѣлинскаго произвелъ непріятное впечатлѣніе слухъ, что Грановскій согласился дать свою статью въ этотъ журналъ.

„Слышалъ я, что Грановскій далъ... (въ «Москвитянинѣ») статью: можетъ быть, онъ (Гр.) и хорошо сдѣлалъ, только я этого не понимаю; впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей, и у насъ въ Петербургѣ многіе литераторы не гнушаются печататься въ «Пчелѣ» и «Маякѣ»:—почему же московскимъ гнушаться печататься въ «Москвитянинѣ»: вѣдь «Москв.» немногимъ чѣмъ хуже ²⁾ «Пчелы» и «Маяка»...

Грановскій дѣйствительно далъ въ «Москвитянинѣ» свою статью ³⁾, уступая настойчивымъ желаніямъ редакціи; окруженный натянутыми отношеніями въ университетѣ, онъ только не хотѣлъ своимъ отказомъ давать лишнихъ поводовъ въ непріязни. Но Бѣлинскій, какъ видимъ, судилъ объ этомъ иначе: Грановскому слѣдовало «гнушаться» участіемъ въ этомъ журналѣ. Бѣлинскій долго не забылъ этого случая, который казался ему непростительной неразборчивостью, холодностью къ дѣлу своей стороны.

¹⁾ Histoire des Dix Ans.

²⁾ Въ подлинникѣ болѣе сильное выраженіе.

³⁾ «Начало прусскаго государства», см. въ Сочин. т. II, стр. 255 и слѣд.

Между Грановскимъ и БѢлинскимъ вообще не было того тѣснаго единства, какое было у БѢлинскаго съ другими людьми этого круга. Оба очень уважали одинъ другого, БѢлинскій положительно привязанъ былъ къ Грановскому (его имя постоянно вспоминается въ письмахъ къ Боткину, при воспоминаніи о московскихъ друзьяхъ), но ихъ много раздѣляли и разные пути развитія и разница характеровъ. Въ прежнее, московское, время Грановскій не сочувствовалъ тогдашнимъ мнѣніямъ БѢлинскаго, видѣлъ ихъ несостоятельность, но вмѣстѣ отдавалъ справедливость побужденіямъ БѢлинскаго, и вѣроятно предвидя, что это—временное заблужденіе, не вступалъ въ прямые споры, чтобы избѣгать бесплоднаго раздраженія¹⁾. Но БѢлинскій и въ первое время очень любилъ Грановскаго, который пріѣхалъ въ Москву другомъ Станкевича и самъ по себѣ привлекательно подѣйствовалъ на БѢлинскаго качествами характера и богатствомъ своего умственного содержанія. Ихъ полное сближеніе началось позднѣе, когда съ измѣнившимися взглядами БѢлинскаго они стояли уже на одной точкѣ зрѣнія. Какъ желалъ БѢлинскій этого сближенія и какъ огорчала и досадна ему была предполагаемая имъ холодность Грановскаго, можно видѣть изъ его словъ въ письмѣ къ Боткину (не приведенныхъ нами прежде), отъ 1 марта 1841:

„Что Грановскій? — спрашиваетъ опъ, не получая отвѣтовъ на свои постоянные запросы о немъ.—Кстати: увѣдомъ меня, что онъ—сердится на меня за что, или просто не любитъ? Я о немъ и разспрашиваю, и пишу, и поклоны посылаю; а отъ него себѣ не вижу ни отвѣта, ни привѣта. Скажи всю правду—я въ обморокъ не упаду..., хотя—говорю искренно—люблю и уважаю этого человѣка, и дорожу его о себѣ мнѣніемъ“...

Но и послѣ сходство мнѣній не покрывало различія характеровъ, и рѣзкія увлеченія БѢлинскаго, иногда угловато выраженные, не уживались съ мягкой и скорѣе примирительной природой Грановскаго. Упомянутое разногласіе было не единственное: вскорѣ представился другой подобный случай, въ сношеніяхъ съ тѣми же славянофилами,—гдѣ Грановскому пришлось убѣдиться, что БѢлинскій былъ правъ, что уступчивость не устранила неприязни, которая, напротивъ, разгорѣлась въ открытую вражду...

Въ концѣ 1842 или началѣ 1843 года БѢлинскій познакомился съ И. С. Тургеневымъ, и вскорѣ очень къ нему привязался: къ ближайшему кругу друзей прибавлялось новое лицо, вносив-

¹⁾ См. объ этомъ вѣрныя замѣчанія въ „Литер. Воспом.“ Панаева, „Соврем.“ 1861, кн. 10, стр. 453—454. Ср. біографію Грановскаго, г. Станкевича.

шее новыя оригинальныя черты въ его интересы и содержаніе. Приводимъ изъ переписки отзывы Бѣлинскаго объ этомъ первомъ знакомствѣ его съ г. Тургеневымъ, отзывы, сочувственность которыхъ вѣроятно не дастъ повода обвинить насъ въ нарушеніи скромности.

Въ нашемъ матеріалѣ въ первый разъ упоминается о «недавнемъ» знакомствѣ съ Тургеневымъ въ февралѣ 1843, когда Бѣлинскій писалъ объ этомъ къ одному изъ своихъ молодыхъ друзей. Ихъ познакомилъ нѣкто Зинъ—въ, котораго Бѣлинскій зналъ раньше и очень цѣнилъ. Вскорѣ, это было уже короткое знакомство, и въ письмѣ къ Боткину, отъ 31 марта, Бѣлинскій нѣсколько разъ возвращается къ новому другу, очевидно его заинтересовавшему:

„Т—въ очень хорошій человѣкъ, и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, и жолчь, и юморъ, онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія... Т. немного нѣмецъ, въ томъ смыслѣ, какъ и Б.... Что за натура—З.! Мы всѣ—дрань передъ нимъ“...

«Воспроизведеніе Москвы» должно относиться къ нѣкоторымъ московскимъ литературнымъ кружкамъ, которые г. Тургеневъ уже тогда зналъ. «Нѣмецъ» онъ былъ вѣроятно потому, что еще не такъ давно вернулся изъ Берлина, гдѣ также былъ адептомъ нѣмецкой философіи, и Бѣлинскій, какъ увидимъ далѣе, съ жаднымъ любопытствомъ выспрашивалъ его о послѣднихъ мнѣніяхъ нѣмецкой философіи, по нѣкоторымъ вопросамъ, уже издавна мучительно его одолѣвавшимъ...

Бѣлинскому пріятно было встрѣтить въ Тургеневѣ самостоятельный взглядъ на вещи и людей, который въ основныхъ предметахъ былъ сходенъ съ его мнѣніями, но въ подробностяхъ и особенно въ сужденіяхъ о людяхъ иногда очень противорѣчилъ его собственному взгляду, но тѣмъ больше интересовалъ его. Бѣлинскій самъ объясняетъ это:

„Я нѣсколько сблизился съ Т—вымъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же письма. Это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,—и отраднo встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, спшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Т. много юмору. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что разъ въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: да что вамъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носить на бекрени! Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужде-

нѣхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера и неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно падокъ "...

Между прочимъ, БѢлинскій съ удовольствіемъ услышалъ отъ Тургенева согласное съ своимъ мнѣніемъ о Рѣтшерѣ, котораго онъ давно возненавидѣлъ и о которомъ спорилъ теперь съ Боткинымъ. Ему казались очень вѣрными и замѣчанія Тургенева о характерахъ нѣкоторыхъ близкихъ ему людей, — замѣчанія, которыя однако не приходили въ голову ему самому. Вѣроятно, подъ нѣкоторымъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ было то, что БѢлинскій рассказываетъ о себѣ:

„Вообще я теперь больше всего думаю о характерахъ и значеніи близкихъ и знакомыхъ мнѣ людей. Эта наука мнѣ не далась: у меня, коли кто бывало прослезится отъ пакостныхъ стишонковъ ...ва, тотъ уже и глубокая натура. Теперь я потерялъ даже смыслъ слова „глубокая натура“ — такъ затаскалъ я его. Смѣшно вспомнить, какъ, прѣхавъ въ Пб., я думалъ въ одномъ NN найти все, что оставилъ въ Москвѣ, и дивился глубокости его натуры. Это просто добрая благородная натура, совершенно невинная въ какой бы то ни было силѣ или глубокости“, и проч.

Впрочемъ, БѢлинскій самъ приходилъ потомъ къ этимъ болѣе правильнымъ заключеніямъ. Вообще, склонность преувеличивать достоинства друзей была, какъ онъ самъ однажды говоритъ, всегдашней чертой его характера; это не было одно простодушіе человѣка, не знающаго людей, но здѣсь была и болѣе глубокая и сочувственная основа, — слѣдъ его обычнаго идеализма, желаніе видѣть лучшія стороны человѣческой природы; нерѣдко оно бывало простодушно, но свидѣтельствовало объ искренней прямотѣ его собственнаго характера. Въ письмахъ его, особенно съ 1842 года, встрѣчаются замѣчанія о близкихъ ему людяхъ, уже свободныя отъ идеалистическихъ преувеличеній, большею частію очень меткія, и въ минуту раздраженія очень злыя; но это болѣе трогое вниманіе не скрывало отъ него лучшія стороны характеровъ и не мѣшало ему продолжать любить бывшія «глубокія натуры» и т. п.

Слѣдующее письмо, отъ 17-го апрѣля, было отвѣтомъ на письмо Боткина, который говорилъ БѢлинскому о своей «истинѣ» и обращался къ нему съ самыми теплыми словами. БѢлинскаго тронуло это письмо.

„Спасибо тебѣ, добрый мой Б., — пишетъ онъ, — за письмо твое. Оно доставило мнѣ какое-то грустное упоеніе счастья. Оно было такъ неожиданно, и притомъ — быть понятнымъ въ своемъ глубочайшемъ

страданіи, о которомъ смѣшно было бы и толковать тѣмъ, которые сами не видятъ его, — это лучшее и священнѣйшее, что только можетъ дать дружба. Только ты нѣсколько преувеличилъ дѣло, а потому немного и устыдилъ меня. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что чужое счастье глубоко и страдательно потрясаетъ меня; но это только при первомъ извѣстіи о немъ. Потомъ я уже смотрю на него, какъ на что-то такое, что въ порядкѣ вещей, интересуюсь имъ, люблю его. Теперь мнѣ малѣйшая подробность твоей исторіи интересна, и займетъ меня живо и пріятно. И потому—пиши, пиши и пиши“...

Затѣмъ, довольно длинное разсужденіе посвящается «исторіи», въ которой были для Бѣлинскаго, да кажется и для самого Боткина, неясные пункты... Бѣлинскій хочетъ помочь ему разрѣшить ихъ, говорить о любви романтической и любви дѣйствительной, ихъ коренномъ различіи, о различіи любви и склонности, и совѣтуетъ своему другу взглянуть въ свое чувство, и если оно серьезно, то понять, что «счастье такъ возможно, такъ близко»...

О себѣ самомъ онъ опять сообщаетъ невеселыя извѣстія:

„Журналъ губить меня. Здоровье мое съ каждымъ днемъ ремизится, и въ душу вкрадывается грустное предчувствіе, что я скоро останусь безъ шести въ сюряхъ, т.-е. отправлюсь туда, куда страхъ какъ не хочется идти. Жизнь ничего мнѣ не дала, но люблю жизнь... Вода сначала только помогла мнѣ немного, а потомъ сдѣлалось мнѣ хуже. Лучше всѣхъ лекарствъ и водъ, на меня подѣйствовалъ бы отдыхъ и удовольствіе. Вотъ почему мнѣ нужно пріѣхать въ Москву, къ тебѣ, мѣсяца на два съ половиною или больше. Я смотрю на эту поѣздку какъ на мѣру спасенія отъ вѣрной смерти, или неизбѣжной жестокой болѣзни, отъ которой надо будетъ медленно зачахнуть. Если зимняя поѣздка въ Москву, продолжавшаяся съ прѣездомъ взадъ и впередъ какихъ-нибудь три недѣли, оживила меня и физически и нравственно, то какъ же долженъ я поправиться, проведя лѣто вдали отъ чухонскихъ болотъ, безъ труда и заботы, съ тобою вмѣстѣ? О, да я воскресъ бы!..

„...Боже мой, неужели и о такомъ счастіи я не долженъ смѣть мечтать“.

Еще раньше писалъ онъ, что безденежье навело его на мысль—«подняться на аферы», именно издать одну популярную книжку. Ему долженъ былъ помочь Н—въ: «Н—въ на это золотой человекъ». Теперь Бѣлинскій опять надѣялся (хотя плохо), что съ помощью Н—ва достанетъ себѣ денегъ или отъ книгопродавцевъ, на подрядъ работы, или займы. Но изъ слѣдующаго письма, отъ 30-го апрѣля, оказывалось, что планъ этотъ не удался, денегъ не было.

Оставалась одна надежда—на московскихъ друзей. Они сами это поняли, и въ маѣ шло дѣло о присылкѣ денегъ. Отъ 10—

11-го мая БѢЛИНСКІЙ опять пишетъ длинное письмо, посвященное «исторіи» и предполагаемой поѣздкѣ въ Москву. Боткинъ относительно «исторіи» былъ въ большой нерѣшимости, такъ что и БѢЛИНСКІЙ боялся высказывать съ своей стороны чего-нибудь положительнаго:... «ты самъ поймешь, какъ мудрено и страшно рѣшиться мнѣ моимъ мнѣніемъ склонить вѣсы твоего рѣшенія на ту или другую сторону». О себѣ самомъ онъ говоритъ: «я болѣнъ и крѣпко болѣнъ; душа моя угнетена трудомъ, заботою и тоскою — мнѣ нуженъ отдыхъ, свобода, бездѣйствіе, удовольствіе (котораго я не помню съ послѣдней поѣздки моей въ Москву)». На другой день онъ пишетъ о томъ же: «мысль, что я ѣду въ Москву (на пути онъ хотѣлъ заѣхать и къ деревенскимъ друзьямъ), носится въ моей головѣ какъ пріятный сонъ. Я только тогда увѣрюсь въ ея дѣйствительности, когда петербургская застава исчезнетъ изъ виду, и, какъ узникъ, почувавшій свободу, глубоко, вольно и радостно дохну я свѣжимъ воздухомъ полей».

Слѣдующее письмо, отъ 24-го мая, адресовано къ обоимъ друзьямъ, которые помогли БѢЛИНСКОМУ осуществить желанную поѣздку.

„Спасибо вамъ, добрые друзья мои, В. и Г.! Вы сдѣлали по истинѣ доброе дѣло, одолживъ меня. Никогда пріятельская услуга не бывала такъ кстати. Я нашолъ доктора, который далъ мнѣ большое облегченіе—это извѣстный тебѣ, В., Завадскій. Онъ посадилъ меня на великую діету—и я теперь дышу свободно, я теперь почти здоровъ, въ сравненіи съ обыкновеннымъ моимъ состояніемъ. Но всего этого недостаточно. Преферансъ, нужда въ деньгахъ, скука и журнальная поденщина обратили бы въ ничто благодѣтельные слѣдствія діеты и леченія. Мнѣ нужно воздуха, свободы, отдыха, *far niente*,— и я буду все это имѣть. Я теперь почти счастливъ. Душа плаваетъ въ эмпирахъ ¹⁾. Иду по улицѣ—и каждому встрѣчному, знакомому и незнакомому, такъ и хочется сказать: а я ѣду въ Москву!“...

Но ему нужно было еще устроить разныя дѣла въ Петербургѣ, взять мѣсто въ дилижансѣ, и онъ могъ выѣхать только 2-го іюня.

Съ этимъ письмомъ прерывается тотъ біографическій матеріалъ, какой мы имѣли до сихъ поръ въ перепискѣ БѢЛИНСКАГО съ друзьями, особенно съ Боткинымъ. Въ промежуткѣ съ этого времени до начала 1846 года, намъ извѣстно всего три-четыре письма къ друзьямъ; кромѣ того, къ сентябрю и октябрю 1843 года относится рядъ писемъ, которыя касаются чисто личныхъ

¹⁾ Гоголевская фраза.

отношеній, предшествовавшихъ женитьбѣ Бѣлинскаго, и которыя не войдутъ въ наше изложеніе.

Мы уже говорили, что этотъ перерывъ не есть одна случайная неполнота нашего собранія. Переписка Бѣлинскаго съ этого времени дѣйствительно сократилась. Лѣто 1843 года онъ прожилъ въ Москвѣ; въ началѣ осени ближайшій другъ его, Боткинъ, былъ въ Петербургѣ, гдѣ закончилась его послѣдняя «исторія», и откуда онъ уѣхалъ вслѣдъ затѣмъ на нѣсколько лѣтъ за границу. Въ теченіи этихъ лѣтъ они едва помѣнялись нѣсколькими письмами. За отъѣздомъ Боткина у Бѣлинскаго не оставалось другого человѣка, которому бы онъ могъ повѣрять подробности своей внѣшней и внутренней жизни; да онъ теперь объ этомъ и не думалъ. Въ ноябрѣ 1843 года Бѣлинскій женился.

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ годамъ жизни Бѣлинскаго, мы соберемъ воспоминанія его друзей, относящіяся къ этому времени и остановимся, во-первыхъ, на воспоминаніяхъ г. Тургенева ¹⁾.

И. С. Тургеневъ, познакомился съ Бѣлинскимъ въ зиму 1842—1843 года ²⁾. Г. Тургеневъ зналъ имя Бѣлинскаго еще во времена «Телескопа»; самъ онъ былъ тогда большой романтикъ, и первое сильное впечатлѣніе Бѣлинскій произвелъ на него разборомъ стихотвореній Бенедиктова — г. Тургеневъ былъ очень возмущенъ этимъ разборомъ, потому что восхищался Бенедиктовымъ; но прошло нѣсколько времени, и онъ уже пересталъ читать Бенедиктова. Съ тѣхъ поръ Бѣлинскій заинтересовалъ его: онъ много слышалъ о Бѣлинскомъ (между прочимъ, долженъ былъ слышать еще отъ Станкевича, котораго зналъ за-границей въ послѣдній годъ его жизни) и очень желалъ съ нимъ познакомиться, хотя его и приводили въ недоумѣніе нѣкоторыя статьи, писанныя Бѣлинскимъ около 1840 года, т.-е. извѣстныя статьи консервативно-идеалистическаго направленія.

«Я увидѣлъ, — рассказываетъ г. Тургеневъ, — человѣка не большаго роста, сутуловаго, съ неправильнымъ, но замѣчательнымъ и оригинальнымъ лицомъ, съ нависшими на лобъ бѣлыми волосами и съ тѣмъ суровымъ и безповойнымъ выраже-

¹⁾ «Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ (письма къ Н. А. Основскому)», въ «Моск. Вѣстникѣ» 1860, № 3, стр. 40—42; «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», «Вѣст. Евр.» 1869, апрѣль. Послѣднія перепечатаны въ «Сочиненіяхъ», изд. 1869, т. I, стр. XLV—LXVIII (съ небольшимъ «прибавленіемъ»); но статья «Моск. Вѣстника» забыта въ этомъ изданіи.

²⁾ Читатель увидитъ, что многія подробности разсказа вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ письмахъ Бѣлинскаго; но слѣдуетъ исправить нѣкоторыя хронологическія неточности, напр. о началѣ знакомства, о женитьбѣ Бѣлинскаго.

нѣмъ, которое такъ часто встрѣчается у застѣнчивыхъ и одинокихъ людей; онъ заговорилъ и закашлялъ въ одно и тоже время, попросилъ насъ сѣсть и самъ торопливо сѣлъ на диванѣ, бѣгая глазами по полу и перебирая табакерку въ маленькихъ и красивыхъ ручкахъ. Одѣтъ онъ былъ въ старый, но опрятный байковый сюртукъ, и въ комнатѣ его замѣчались слѣды любви къ чистотѣ и порядку».

Разговоръ начался, Бѣлинскій говорилъ много, но безучастно и о вещахъ индифферентныхъ, но мало по малу онъ оживился, поднялъ глаза и все лицо его преобразилось. «Прежнее суровое, почти болѣзненное выраженіе замѣнилось другимъ: открытымъ, оживленнымъ и свѣтлымъ; привлекательная улыбка заиграла на его губахъ и засвѣтилась золотыми искорками въ его голубыхъ глазахъ, красоту которыхъ я только тогда и замѣтилъ». Бѣлинскій самъ навелъ разговоръ на упомянутыя выше статьи своего прежняго направленія и съ безжалостной, — г. Тургеневу казалось, даже преувеличенной, — рѣзкостью осудилъ ихъ, черта, съ которой мы уже встрѣчались. Бѣлинскій тяготился воспоминаемъ объ этихъ статьяхъ; онъ считалъ ихъ не только заблужденіемъ, но вреднымъ заблужденіемъ, и спѣшилъ устранить память о нихъ при встрѣчѣ съ новыми людьми, которые могли не вѣдать всей перемѣны, происшедшей съ тѣхъ поръ въ его взглядахъ. По поводу этого «безжалостнаго» осужденія прежней ошибки, Тургеневъ указываетъ, по личнымъ впечатлѣніямъ, то свойство Бѣлинскаго, которое мы постоянно видѣли во всей его біографіи. Бѣлинскій не вѣдалъ той ложной и мелкой щепетильности эгоистическихъ натуръ, которыя не въ силахъ сознаться въ томъ, что онѣ ошиблись, потому что имъ собственная непогрѣшимость и трогая послѣдовательность поступковъ, часто основанная на отгнѣтствіи или бѣдности убѣжденій, дороже самой истины. Бѣлинскій былъ самолюбивъ, но себялюбивъ, но эгоизма въ немъ и гдѣ не было; собственно себя онъ ставилъ ни во что: онъ, можно сказать, простодушно забывалъ о себѣ передъ тѣмъ, что ризнавалъ за истину; онъ былъ живой человекъ, — шелъ, падалъ, поднимался и опять шелъ впередъ какъ живой человекъ. Лишь прибавить, что падалъ онъ только на пути умственнаго развитія: другихъ паденій онъ не испытывалъ и испытать не могъ, потому что нравственная чистота этого — какъ выражались его ютивники (гдѣ они теперь!) — «динива» была по истинѣ изумительна и трогательна; знали о ней только близкіе его друзья, которымъ была доступна внутренность храма».

По разсказу г. Тургенева, въ рѣчахъ Бѣлинскаго не было

блеска; онъ охотно повторялъ однѣ и тѣ же шутки (что бываетъ и въ его письмахъ), смѣялся мало-мальски острому слову, своему и чужому; въ его словахъ не бывало никакихъ цѣтовъ и искусственныхъ эффектовъ; — но «когда онъ былъ въ ударѣ и умѣлъ сдерживать свои нервы... не было возможно представить человека болѣе краснорѣчиваго, въ лучшемъ, въ русскомъ смыслѣ этого слова... Это было неудержимое вліяніе нетерпѣливаго и порывистаго, но свѣтлаго и здраваго ума, согрѣтаго всѣмъ жаромъ чистаго и страстнаго сердца и руководимаго тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ правды и красоты, котораго почти ничѣмъ не замѣнишь».

Въ теченіи зимы, рассказываетъ г. Тургеневъ, онъ видѣлся съ Бѣлинскимъ нѣсколько разъ; на Святой онъ уѣхалъ въ деревню и по возвращеніи опять встрѣтился съ Бѣлинскимъ уже лѣтомъ на дачѣ въ Лѣсномъ¹⁾. Тутъ они сошлись окончательно и видались почти каждый день. «Въ то время, — рассказываетъ г. Тургеневъ, — (публика объ этомъ давно забыла — я по крайней мѣрѣ лъщу себя этой надеждой), я напечаталъ небольшой рассказъ въ стихахъ, который, въ силу нѣкоторыхъ, едва замѣтныхъ крупицъ чего-то похожаго на дарованіе, заслужилъ одобреніе Бѣлинскаго, всегда готоваго протянуть руку начинающему и привѣтствовать все, что хотя немного обѣщало быть полезнымъ приращеніемъ тому, что Бѣлинскій любилъ самой страстной любовью — русской словесности. Онъ даже напечаталъ статью объ этомъ рассказѣ въ «Отеч. Запискахъ», — статью, которую я и могу вспомнить не краснѣя; за то въ весьма непродолжительномъ времени надежды Бѣлинскаго на мою литературную будущность значительно охладѣли, и онъ сталъ считать меня способнымъ на одну лишь критическую и этнографическую дѣятельность». Рассказъ, о которомъ говоритъ здѣсь г. Тургеневъ, назывался «Параша» и изданъ былъ весной 1843 года отдѣльной книжкой. Бѣлинскій упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ Бакуну отъ 10 — 11 мая такими словами: «читалъ ли ты «Парашу»? — Это превосходное поэтическое созданіе. Ты вѣрно узналъ автора?» Удовольствіе Бѣлинскаго отъ «поэтическаго созданія» выразилось большою библиографическою статью въ майскомъ книжкѣ «Отеч. Зап.» 1843 г.²⁾

Мы видѣли, что уже въ первое время Бѣлинскій очень заинтересовался г. Тургеневымъ; между ними велись продолжитель-

¹⁾ Рѣчь идетъ вѣроятно уже о лѣтѣ 1844 года (ср. „В. Евр.“, стр. 700), вѣроятно лѣтомъ 1843 г. Бѣлинскій прожилъ въ Москвѣ.

²⁾ Соч., т. VII, стр. 258—277.

ныя бесѣды, — «въ теченіи которыхъ мы съ БѢлинскимъ касались всѣхъ возможныхъ предметовъ, преимущественно однако философскихъ и литературныхъ».

БѢлинскій занималъ тогда одну изъ тѣхъ извѣстныхъ «дачь», сложенныхъ изъ барочныхъ досокъ и оклеенныхъ грубыми обоями, съ жалкимъ «общимъ» садикомъ, не дававшимъ никакой гѣни, дачъ, какихъ и теперь много въ окрестностяхъ Петербурга. Удобствъ не было никакихъ. «Но лѣто стояло чудесное, — рассказываетъ г. Тургеневъ, — и мы съ БѢлинскимъ много гуляли по сосновымъ рошицамъ, окружающимъ Лѣсной Институтъ; захъ ихъ былъ полезенъ его уже тогда разстроенной груди. Мы жили на сухой и мягкой, усѣянный тонкими иглами мохъ, и уть-то происходили между нами долгіе разговоры»... «Сопной, — рассказываетъ г. Тургеневъ, — онъ говорилъ особенно хотню потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіи двухъ семестровъ занимался гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самыя свѣжіе, послѣдніе выводы. Мы же вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы гда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія»...

«БѢлинскій разспрашивалъ меня, — говоритъ г. Тургеневъ, — ушалъ, возражалъ, развивалъ свои мысли — и все это онъ дѣлалъ съ какой-то алчной жадностью, съ какимъ-то стремительнымъ домогательствомъ истины. Трудно было иногда слѣдить за имъ; человѣку хотѣлось — по человѣчеству — отдохнуть, но онъ зналъ отдыха, — и ты по неволѣ отвѣчалъ и спорилъ — и лья было пенять на это нетерпѣніе: оно вытекало изъ самыхъ дръ взволнованной души. Страстная по преимуществу натура линскаго высказывалась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи, въ самомъ его молчаніи; умъ его постоянно и неутомимо боталъ; — но теперь, когда я вспоминаю о нашихъ разговорахъ, на болѣе всего поражаетъ тотъ глубокій здравый смыслъ, то, у самому не совсѣмъ ясное, но тѣмъ болѣе сильное сознание его призванія, сознание, которое, при всѣхъ его безоглядочныхъ порывахъ, не позволяло ему отклоняться отъ единственно 1) въ то время дѣятельности: литературно-критической, обширнѣйшемъ смыслѣ слова»...

1) Точнѣе было-бы сказать: единственно-возможной.

Изъ содержанія своихъ тогдашнихъ бесѣдъ съ Бѣлинскимъ, г. Тургеневъ приводитъ одинъ примѣръ, очень характеристичный. «Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философскіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Боже-ству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п.... Ему мучили сомнѣнія.... именно мучили, лишали его сна, пищи, и отступно грызли, жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и ношно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые задавалъ себѣ... Искренность его дѣйствовала на меня; его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два-три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое... я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла, и мужа и меня, хотъ немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, на меня минала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко.— «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, а вы хотѣли ѣсть!».. Сознаюсь, что написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если, при воспоминаніи объ *этой* правдивости, об *этой* небоязни смѣшного, улыбка можетъ придти на уста, и развѣ улыбка умиленія и удивленія».

Мы имѣемъ здѣсь живой, наглядный образчикъ того увлеченія, съ какимъ Бѣлинскій отдавался волновавшимъ его вопросамъ. Это была неизмѣнная черта характера, присутствіе которой читатель видѣлъ въ страстныхъ тирадахъ, какими исполнены письма Бѣлинскаго. Припомнимъ, что въ этихъ письмахъ явилась и тревожившій его вопросъ о безсмертіи души...

Приводимъ изъ тѣхъ же воспоминаній еще одну черту мнѣ Бѣлинскаго изъ этого періода, когда отвлеченное искусство имѣло исключительное господство въ его литературной теоріи. Передъ нимъ вставляли требованія жизни, стремленіе къ общественному благу, какъ основная, достойная цѣль для мыслящаго честнаго человѣка и — писателя. Слѣдующій эпизодъ, кажется вѣрно передаетъ и самую манеру рѣчи Бѣлинскаго.

«Бѣлинскій, какъ извѣстно, не былъ ¹⁾ поклонникомъ при-

*) Т.-е. въ эти годы.

цпа: искусство для искусства;—да оно и не могло быть иначе по всему складу его образа мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на — отсутствующаго, разумѣется — Пушкина, за его два стиха въ «Поэтъ и Чернь»:

Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пишу въ немъ себѣ варшвы!

— «И конечно, — твердилъ БѢлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ: — конечно дороже. — Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пишу варю — и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, — будь онъ распефидіасовскій Аполлонъ, — мое право, моя обязанность накормить своихъ — и себя, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и виршеплѣтамъ!»

Г. Тургеневъ дѣлаетъ потомъ оговорку, что БѢлинскій былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ одаренъ здравымъ смысломъ, чтобы цѣнить и высоко ставить искусство, — но приведенныя слова передавали однако существенный элементъ его взгляда на искусство, и комическая вѣщность этихъ словъ, если она была, нисколько не уменьшаетъ ихъ серьезнаго смысла.

Обращаемся къ другимъ воспоминаніямъ о БѢлинскомъ за это время. Они идутъ изъ того ближайшаго кружка, который сталъ собираться около БѢлинскаго съ первой поры его жизни въ Петербургѣ, и если не всегда замѣнялъ для него нѣкоторыхъ отсутствующихъ друзей, то все-таки здѣсь БѢлинскій чувствовалъ себя дома, въ горячо любящей его средѣ. Этотъ ближайшій кружокъ былъ многочисленъ; мы называли уже нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ друзей БѢлинскаго, какъ Панаевъ, Я—въ, Кульчицкій, В. Анненковъ; упоминали о первой дружеской связи съ Г., который вскорѣ выѣхалъ въ Новгородъ и съ которымъ послѣ БѢлинскій видался уже въ Москвѣ; около того же времени БѢлинскій сблизился съ г. Некрасовымъ, Тургеневымъ; въ этомъ кружкѣ завязалъ дружескія отношенія Боткинъ, въ свои нерѣдкіе пріѣзды въ Петербургъ, и одинъ изъ старѣйшихъ московскихъ друзей, К—ръ, прожившій тогда года два въ Петербургѣ (1843—345). Около 1842—1843 г. возобновилъ съ БѢлинскимъ свое старое знакомство К. Д. Кавелинъ. Переѣхавъ въ это время въ Петербургъ, онъ поселился на одной квартирѣ съ Кульчицкимъ и Н.—мъ. БѢлинскій, въ то время особенно тяготившійся своимъ одиночествомъ, любилъ бывать въ этомъ молодомъ кружкѣ, куда собира-

лись и другіе его пріятели. Здѣсь онъ, между прочимъ, предавался и картежной игрѣ, страсть къ которой, по словамъ самого Бѣлинскаго, приводила въ изумленіе его друзей и которая естественно объяснялась его тревожнымъ внутреннимъ состояніемъ, заставлявшимъ искать внѣшняго развлеченія.

К. Д. Кавелинъ сообщилъ намъ свои воспоминанія объ этомъ кружкѣ и этомъ времени, и читатель безъ сомнѣнія съ любопытствомъ прочтетъ отрывки изъ его разсказа, какъ свидѣтельство очевидца и какъ изображеніе такихъ сторонъ личности и моральнаго вліянія Бѣлинскаго, которыхъ не могли представить намъ съ такою живостью другіе источники настоящей біографіи.

Время (около года), проведенное въ Петербургѣ въ средѣ этого кружка, авторъ этого разсказа причисляетъ къ лучшимъ, счастливейшимъ воспоминаніямъ своей жизни,—и этимъ онъ считаетъ себя обязаннымъ кружку, и въ особенности главѣ его—Бѣлинскому.

«Онъ имѣлъ на меня и на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе. Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обаянія таланта,—нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали, не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ имъ все свое бытіе. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, беспощадность къ самому себѣ, при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ господствовалъ въ кружкѣ неограниченно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ неправъ, увлекался страстью далеко за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его (кромя русской литературы и ея исторіи) бывали недостаточны; мы видѣли, что Бѣлинскій часто поступалъ какъ ребенокъ, какъ ребенокъ и признавалъ, малодушествовалъ и увлекался... Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной, благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности, безъ пятна, личности, которой нельзя было подкупить ничѣмъ,—даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія.

«Бѣлинскаго въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадала на глаза Бѣлинскому: онъ ее выворачивалъ тотчасъ же напоказъ всѣмъ и неумолимо, азвительно преслѣдовалъ несчаст-

наго дни и недѣли, не келейно, а соборнѣ, предъ всѣмъ кружкомъ... Извѣстно, что и себя онъ тоже не щадилъ. Панаеву немало доставалось за его суетность, мнѣ за «прекраснодушіе» и за славянофильскія наклонности, которыя въ то время были очень сильны. Вліяніе БѢлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо и оно никогда не изгладится изъ моей памяти»...

Называя, въ числѣ членовъ кружка, г. Тургенева, авторъ воспоминаній замѣчаетъ, что БѢлинскій благоволилъ къ нему между прочимъ и за нѣсколько стиховъ въ «Параши» — отрицательнаго и демоническаго свойства. Онъ припоминаетъ, что БѢлинскій особенно восторгался стихомъ, гдѣ говорится о «хотѣ сатаны», и привелъ этотъ стихъ въ критической статьѣ ¹⁾.

«Какъ мы проводили время и что происходило въ нашемъ капельномъ кружкѣ, это легко представить себѣ всякій, кто знакомъ, хоть по наслышкѣ, съ молодыми литературными кружками 30-хъ и 40-хъ годовъ. Аристократическимъ извѣществомъ людей съ достаткомъ всѣ мы, кромѣ Панаева и Тургенева, не отличались. Аристократическіе салоны и литературные тузы были намъ извѣстны только по имени. Но весело намъ было очень, насколько можно было веселиться при тогдашней обстановкѣ... Каждый литературный кружокъ, въ томъ числѣ и нашъ, былъ тогда похожъ на секту, въ которую новые члены принимались трудно, по испытанію и рекомендаціи. Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть, жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и рассказы, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало... приближеніе иного времени..., также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены. Каждый мѣсяцъ приносилъ намъ новинку — статью, а иногда и юльше, БѢлинскаго, которую читали и перечитывали. Жоржъ Зандъ и французская литература... пользовались великимъ авторитетомъ. За событіями политическими въ Европѣ мы слѣдили внимательно, но нельзя сказать, чтобъ съ настоящимъ пониманіемъ.

«Взаимныя отношенія членовъ кружка были самыя дружескія, тѣсныя, интимныя. Камертонъ имъ давалъ БѢлинскій. Шутамъ и остроуміямъ, часто и неостроумнымъ, не было конца. апѣвалой былъ почти всегда БѢлинскій... Споры и серьезные

¹⁾ Упомянутая здѣсь цитата изъ „Параши“ — въ Сочин., VII, стр. 272.

разговоры не велись методически, а всегда перемежались и смѣшивались съ остротами и шутками.

«Все это очень извѣстно и обыкновенно въ нашихъ русскихъ дружескихъ кружкахъ и по складу нашего ума не можетъ быть иначе. Отмѣчу нѣкоторыя особенности нашего тогдашняго кружка, обусловленные родомъ жизни и вкусами Бѣлинскаго. Онъ работалъ какъ истинно русскій человѣкъ — запоемъ, и когда могъ отдыхать; т.-е. когда необходимость не заставляла его работать, охотно лѣнился, болталъ и игралъ въ карты, ради препровожденія времени. Игрокомъ онъ никогда не былъ. Съ половины мѣсяца, или таеъ между 15 и 20 числами, Бѣлинскій исчезалъ для друзей — записался и писалъ для журнала. Ходить къ нему въ это время было не деликатно. Бѣлинскій болталъ охотно, во проведенное въ разговорѣ время приходилось ему наверстывать ночью, потому что работа была срочная... Съ выходомъ книжки Бѣлинскій становился свободнымъ и приходилъ почти каждый день къ намъ, иногда къ обѣду, но всего чаще тотчасъ послѣ обѣда — играть въ карты... Таеъ какъ друзья Бѣлинскаго знали, что онъ почти каждый вечеръ проводитъ у насъ, то приходили къ намъ, и такимъ образомъ квартира наша мало-по-малу обратилась въ клубъ. Каждый вечеръ кто-нибудь изъ друзей забѣгалъ хоть на минуту повидаться съ Бѣлинскимъ, сообщить новость, переговорить о дѣлѣ. Какъ только приходилъ Бѣлинскій послѣ обѣда — тотчасъ же начиналась игра въ карты, копѣечная, во которая занимала и волновала его до смѣшного. Заигрывались мы вчасую до бѣла дня. Т. игралъ спокойно и съ переменнымъ счастиемъ; я вѣчно проигрывалъ; Кульчицкому счастье всегда валило удивительное и онъ игралъ отлично. Бѣлинскій игралъ плохо, горячился, ремизился страшно, и рѣдко оканчивалъ вечеръ безъ проигрыша. На этихъ-то картежныхъ вечерахъ, увѣковѣченныхъ для кружка брошюровкой Кульчицкаго: «Нѣкоторыя великия и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ», изданной подъ псевдонимомъ кандидата Ремизова, происходили тѣ сцены высокаго комизма, которыя приводили часто въ негодованіе Т., забавляли друзей, а меня приводили въ глубокое умиленіе и еще больше привязывали къ Бѣлинскому¹⁾»...

¹⁾ Книжка кандидата Ремизова, которую рѣдко гдѣ можно теперь встрѣтить, стоить упоминанія, такъ какъ даетъ понятіе о невинныхъ развлеченияхъ кружка. Нѣчего упоминать, что она была написана (не безъ участія и другихъ пріятелей) именно для Бѣлинскаго.

Книжка носила слѣдующее заглавіе: „Нѣкоторыя великия и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ, заимствованныя у разныхъ древнихъ и новыхъ писателей и

«Повѣрить ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась руб-

приведенныя въ систему кандидатомъ философіи П. Ремизовымъ». Слб. въ тип. Жернакова. 1848. Въ 16-ю д. л. 31 стр. Ей посвящена рецензія въ 4-й кв. „Отеч. Зап.“ за этотъ годъ, — гдѣ отдана справедливость серьезному взгляду автора на предметъ. „Игра въ преферансъ“, — говоритъ рецензія, — „для насъ теперь тоже самое, чѣмъ было искусство для грековъ, гражданская жизнь для римлянъ, что теперь наука для нѣмцевъ, театръ, балы и маскарады для французозъ, {парламентъ и биржа для англичанъ. Маленькія дѣти теперь уже знаютъ у насъ, что такое „прикупка“ и „игра прямо“ и общаются въ своемъ лицѣ богатыми надеждами поволюбнѣе“. [Нѣсколько отрывковъ дадутъ понятіе о тонѣ книжки.

Авторъ желалъ изложить дѣло обстоятельно, и говорить по рубрикамъ объ исторіи преферанса, объ его пользѣ, объ его философіи, о нужныхъ для него спеціальныхъ познаніяхъ и т. д.

„§ 1. Преферансъ (говорится въ отдѣлѣ исторіи) есть самая древнѣйшая игра въ мірѣ, что уже достаточно доказывается однимъ наименованіемъ ея, ибо слово *Преферансъ* происходитъ отъ глагола *fero, tuli, latum, ferre*, что значить *несу, отношу или сношу*;

„§ 2. По паденіи Западной Римской Имперіи, игра сія перешла къ народамъ Галльскаго племени. Съ успѣхами наукъ и просвѣщенія, она болѣе и болѣе совершенствовалась и наконецъ, у французозъ, достигла высшаго своего развитія. Оттуда распространилась она по всѣмъ частямъ земнаго шара, достигнувъ таковымъ образомъ и нашего любезнаго отечества, и получивъ то великое значеніе, въ какомъ мы оную теперь видимъ.

„§ 4. Отъ игры *безъ переговоровъ* человечество, въ постоянномъ стремленіи своемъ къ совершенствованію, перешло наконецъ къ игрѣ *съ переговоровомъ*, и стало играть *семь, восемь* и т. д. безъ прикупки. Честь такового открытія принадлежитъ исключительно изобрѣтательному XIX вѣку. Впрочемъ, должно упомянуть, что и въ наше время нѣкоторые дикіе и невѣжественные народы играютъ еще въ Преферансъ безъ переговоровъ, такъ напр. Кафры, жители Огненной Земли и проч.“

„Въ преферансѣ“, — говоритъ кандидатъ философіи Ремизовъ, — „съ незапамятныхъ временъ, всегда существовало 10 взятковъ. Греки, любившіе все обожествлять и персонифицировать, полную преферансовую игру олицетворили въ Аполлонѣ съ 9-ю музами. Очевидно, что это было не что иное, какъ 10 въ червяхъ: Аполлонъ — тузъ, Мельпомена — король и т. д. Оттуда и преданіе, что музы услаждаютъ жизнь человѣческую. Римляне, все переносившіе въ право, тоже самое понятіе выразили въ законахъ, изобразивъ ихъ на доскахъ или таблицахъ, коихъ было первоначально 10; а двѣ прибавлены въ послѣдствіи для обозначенія прикупки“...

Для игры въ преферансъ требуется великое присутствіе духа, чувство собственнаго достоинства и предпримчивость: и въ доказательство этой теоретической истины приводится въ книжкѣ исторической эпизодъ о войнѣ Аннибала съ Фабиемъ.

„Садясь въ преферансъ, кромѣ спеціальныхъ познаній, должно имѣть непоколебимое присутствіе духа, единство цѣли и сосредоточенность мысли. Великая игра сія требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ предпримчивости полководца, настойчивости дипломата и глубокомыслія ученаго. Древніе приступали къ ней, очистивъ себя напередъ жертвой, и, какъ говорили — *manibus puris*. Мы, новѣйшіе, садясь въ преферансъ, должны сохранять какъ въ лицѣ своемъ, такъ и въ движеніяхъ отпечатокъ достоинства... Закройте ваши помыслы непроницаемой для противниковъ завѣсой. Пусть лицо ваше ничего не выражаетъ, кромѣ чувства собственнаго достоинства, не

лемъ, двумя ¹⁾, Бѣлинскій вносилъ всё перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ и если

оскорбляющаго, впрочемъ, достоинства другихъ. Тогда всё скажутъ: „какой прекрасный человекъ“, и будутъ играть съ вами спустя рукава.

„На счетъ присутствія духа и предпримчивости многіе имѣютъ весьма ложныя понятія. Я видѣлъ людей, которые безумно расточаютъ врожденную имъ храбрость и врываются въ отчаянныя игры почти безъ оружія (т.-е. безъ взятки). Правда, для нихъ увѣнчиваются иногда блистательнымъ успѣхомъ, но увн, слишкомъ кратковременнымъ: грозный расчетъ чаще всего падаетъ позоромъ на главу ихъ, опустошеніемъ на карманъ! Не таково присутствіе духа мужа испытаннаго!.. Поэтому, садясь въ преферансъ, не только не должно хвастаться передъ другими, говоря: „а, нынче, господи, обрѣжу васъ“, но даже и подумать о томъ предъ самимъ собой. Приведетъ разительный тому примѣръ изъ древняго міра. Когда Аннибалъ запугалъ римлянъ своими побѣдами, они послали къ нему Фабіа, старика чрезвычайно тонкаго и замисловатаго. Прибывъ къ войску, онъ тотчасъ понялъ, что тутъ силой ничего не возьмешь. Тогда онъ прибѣгнувъ къ хитрости и отправился въ станъ къ Аннибалу, будто бы для переговоровъ. Аннибалъ его принялъ очень вѣжливо и приказалъ поставить самоваръ. Такъ какъ дѣлошло въ вечеру, то хозяинъ спросилъ у Фабіа: „а что, не хотите ли въ преферансъ?“—Нѣтъ,—отвѣчалъ Фабій,—я плохо играю.— „Ничего; мы сядемъ по маленькой“. Сѣли и записали по XXX. (Тогда записывали римскими цифрами).

— Развѣ,—сказалъ Фабій,—для занимательности игры, не поставитъ ли намъ въ пульку судьбу Рима и Карфагена? Отъ этого и казна больше выиграетъ, и намъ будетъ...

— Почтеннѣйшій,—перебилъ его Аннибалъ:—оно такъ, казна дѣйствительно больше выиграетъ, да вѣдь я васъ обдую...

— Это еще неизвѣстно.

— Обдую непременно. Въ Карфагенѣ я обдувалъ весь свѣтъ.

— Ну, это еще неизвѣстно.

„Слово за слово; поспорили. И въ то время, какъ Аннибалъ, ставя Фабію ремизъ за ремизомъ, хвасталъ и смѣялся, старый римлянинъ тихо взывалъ къ богамъ: „есмертнел. Между тѣмъ, счастье къ Аннибалу валило чертовское. „А что, а что!“ кричалъ онъ въ восторгѣ: „вотъ вамъ еще ремизы!“—Ничего, отвѣчалъ Фабій: *finis coronat opus*.— „Какой тутъ *finis*—смотрите—я въ малинѣ“.—*Finis coronat opus*,—повторялъ упрямый старикъ. И дѣйствительно: подъ конецъ Аннибалъ какъ-то зацѣпилъ и поставилъ 3 ремиза. Это его взбѣсило. „Играю—говорить—въ червяхъ“. И, несмотря на карты, онъ объявилъ игру и поставилъ еще 5; потомъ дальше, дальше. Кончилось тѣмъ, что Аннибалъ проигралъ Фабію всё деньги, вещи, дорожную свою шкатулку, войсковой багажъ и пр. и со стыдомъ бѣжалъ зимовать въ Капуу (Титъ Ливій, книга III, стр. 281).

О Кульчицкомъ, авторѣ этой шутки, мы говорили прежде. Въ эти годы онъ выступилъ въ литературѣ съ легкими юмористическими разсказами, довольно забавными въ самомъ дѣлѣ,—подъ псевдонимомъ Говорилина. См. напр. „Омнибусъ“ въ „Физиологіи Петербурга“, изд. Некрасовымъ, 1844—1845; „Необикновенный Поездикъ“, въ „Отеч. Зап.“ 1845, кн. 3.—Кульчицкій вскорѣ умеръ (въ 1845 или 1846).

¹⁾ Но были у Бѣлинскаго одни знакомые, гдѣ ему приводилось дѣлать серьёзные проигрыши, напр. тѣ, на какіе онъ жаловался въ письмахъ къ Боткина.

ему везло, былъ доволенъ и весель... Поставя нѣсколько ремизовъ, БѢлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ и наконецъ съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру какъ будто ни въ чемъ не бывало. Кульчицкій (игравшій обыкновенно счастливо) нарочно ремизился отчаянно и мы шумно выражали свою радость, что наконецъ-то и онъ попался. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умышленныхъ ремизовъ и криковъ, сосѣдняя дверь тихонько пріотворялась и БѢлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру и она продолжалась вчетверомъ по прежнему. Такая наивность и ребячество меня всегда глубоко поражали въ замѣчательныхъ людяхъ и еще сильнѣе къ нимъ привязывали ¹⁾. Та же черта была и въ Г., съ которымъ БѢлинскій имѣлъ всего болѣе родства по натурѣ. Они во многомъ напоминали другъ друга. Я дорожу этой чертой какъ очень характеристической въ БѢлинскомъ и потому такъ подробно описываю случаи, повидимому совершенно ничтожные.

«Въ эпоху, которую описываю ²⁾, талантъ, нравственная фizioномія и образъ мыслей БѢлинскаго сложились окончательно и достигли своего апогея. Никакихъ колебаній и шатаній изъ стороны въ сторону не было. Его симпатіи клонились къ сторонѣ Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальныя болѣе, чѣмъ политическія. Политической программы ни у кого въ тогдашнихъ кружкахъ не было. Къ тогдашнему нашему status quo БѢлинскій относился отрицательно на всѣхъ путяхъ и ненавидѣлъ панславизмъ во всѣхъ его направленіяхъ и со всѣми его идеалами, чутко схватывая, что эти идеалы—пережитое прошедшее, которое и привело къ печальному настоящему. Ненависть и любовь его одинаково выражались страстно, подь-часъ ребячески, съ чудовищными преувеличеніями, но въ которыхъ всегда лежала вѣрная, свѣтлая и глубокая мысль, которую мы понимали. Разъ какъ-то въ спорѣ БѢлинскій съ яростью объявилъ, что черногорцевъ надо вырѣзать всѣхъ до послѣдняго. Другой разъ, по поводу какой-то книги, романа или стиховъ, гдѣ поминались русскіе племя, латы, до-спѣхи, онъ напечаталъ коротенькую рецензію, въ которой гово-

¹⁾ Подобныя анекдоты см. также въ „Воспоминаніяхъ Панаева, „Совр.“ 1860, кн. I, стр. 361, и Восп. Тургенева, „В. Евр.“, 1869, апр., стр. 717—718.

²⁾ 1843.

рилъ, что ничего этого никто не видалъ, а всё знаютъ лапти, мочалы, рогожи и палки. Враги Бѣлинскаго пользовались этими страстными выходками и отчасти умышленно, отчасти по глупости не хотѣли или не умѣли понять того, что онъ говорилъ или хотѣлъ сказать. Послѣ, положительная сторона его ненавистей и отрицаній выступила яснѣе. Говорятъ, что за-границей онъ страшно тосковалъ и стремился назадъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Москвѣ, въ одномъ разговорѣ съ Грановскимъ, при которомъ я присутствовалъ, Бѣлинскій даже выражалъ славянофильскую мысль, что Россія лучше сдумаетъ, пожалуй, разрѣшить социальный вопросъ и покончить съ враждой капитала и собственности съ трудомъ, чѣмъ Европа. Но Бѣлинскій ясно понималъ, что тогдашнее положеніе наше, съ ногъ до головы, ненормальное... Здѣсь будетъ встать сказать, что Бѣлинскій не любилъ поляковъ и съ необыкновеннымъ своимъ чутьемъ, далеко опережавшимъ время, прозрѣвалъ въ нихъ узкихъ провинціаловъ. Ему особенно не нравилось въ полякахъ то, что они считаютъ Варшаву наравнѣ съ Парижемъ, Мицкевича наравнѣ съ Гёте, что послушать ихъ—ихъ политики, поэты, художники, философы за поясъ заткнуть европейскія свѣтила. Эта черта, т.-е. провинциальность, недавно подмѣченная и разоблаченная Др—мъ у галичанъ и разныхъ западныхъ славянъ, не ускользнула отъ зоркаго взгляда Бѣлинскаго въ полякахъ. Бѣлинскій вмѣнялъ русскимъ въ особенное достоинство, что они трезвы умомъ, не таращатся, относятся въ себѣ отрицательно и что имъ нечего охранять. Петра Великаго онъ боготворилъ. «Пишите скорѣй его исторію», говаривалъ Бѣлинскій: «пройдетъ сто лѣтъ и никто не повѣритъ, что Петръ не миеъ, а историческая дѣйствительность».

«Изъ этого періода времени сохранилась въ моей памяти еще одна черта Бѣлинскаго, которой не могу пройти мимо. Въ концѣ моего пребыванія въ Петербургѣ, до московской профессуры, сюда пріѣхалъ Рубини, съ котораго началась здѣшняя итальянская опера. Нашъ кружокъ бросился съ жадностью на эту новинку. Разъ какъ-то давалась «Лучія ди-Ламмермуръ». Мы были въ ложѣ: Панаевы, Т., Бѣлинскій и я (другихъ не помню). Въ известной патетической сценѣ горькаго упрека героя оперы своей возлюбленной, Бѣлинскій былъ глубоко потрясенъ, на силу сдержалъ слезы и назвалъ Рубини великимъ актеромъ. Объективной цѣны этотъ отзывъ не имѣетъ никакой, но онъ характеризуетъ и Бѣлинскаго и время. Наше полное музыкальное невѣжество объясняетъ, какимъ образомъ ничтожная пьеса могла такъ глубоко подѣйствовать на Бѣлинскаго и вызвать то же

ное чувство, которое лежало въ душѣ каждаго въ то время. Это чувство объясняетъ и огромный успѣхъ Лермонтова и Некрасова—гораздо больше, чѣмъ ихъ дѣйствительныя поэтическія достоинства»...

Замѣтимъ, впрочемъ, что дѣло тутъ шло не столько о музыкѣ, сколько о драматическомъ исполненіи, которое съ полнымъ правомъ могло привести БѢлинскаго въ восторгъ и затронуть «горькое чувство»¹⁾. Въ перепискѣ съ Боткинымъ сохранилось воспоминаніе самого БѢлинскаго о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него Рубини.

„Слушалъ я третьяго дня Рубини (въ „Лучи Ламмермуръ“),—пишетъ БѢлинскій отъ 30-го апрѣля 1843,—страшный художникъ—и въ третьемъ актѣ я плакалъ слезами, которыми давно уже не плакалъ. Сегодня опять буду слушать ту же оперу. Сцена, гдѣ онъ срываетъ кольцо съ Лучи и призываетъ небо въ свидѣтели ея вѣроломства—страшна, ужасна,—я вспомнилъ Мочалова и понялъ, что всѣ искусства имѣютъ одни законы. Боже мой, что это за рыдающій голосъ—столько чувства, такая огненная лава чувства—да отъ этого можно съ ума сойти“...

Въ этомъ кружкѣ (для полнаго перечисленія котораго надо было бы еще назвать только два-три имени) проходила въ Петербургѣ жизнь БѢлинскаго: здѣсь онъ чувствовалъ себя между друзьями, свободно высказывался и былъ самимъ собой. Въ другомъ, мало знакомомъ обществѣ онъ былъ стѣсненъ, связанъ, и имъ овладѣвала та боязнь людей, на которую онъ самъ жаловался какъ на свое бѣдствіе, на болѣзнь. Попытки друзей, особенно Панаева, ввести его въ другіе круги, напр. на литературные вечера кн. Одоевскаго, оставались совершенно неудачны и мучительны для БѢлинскаго. Мы не будемъ повторять анекдотовъ этого рода, которые читатель можетъ найти въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» Панаева и въ еще болѣе извѣстныхъ разказахъ другаго современника. Мы уже говорили прежде объ этомъ свойствѣ БѢлинскаго. Эта боязнь общества была черта довольно ложная. БѢлинскій былъ неловокъ, легко приходилъ въ смущеніе въ незнакомомъ обществѣ, какъ часто бываетъ съ кабинетными людьми; но смѣшно было бы считать это за простую робость передъ свѣтскимъ міромъ, который ни малѣйшимъ образомъ ему не imponировалъ, или передъ свѣтскими литературными авторитетами, для которыхъ онъ никогда ничего не усту-

¹⁾ Музыкѣ „Лучи“ и тогда не придавали никакой особой важности, и весь успѣхъ той оперы приписывали пѣвцу и актеру, а не композитору. Ср. статью: „Рубини итал. музыка,“ въ „От. Зап.“ 1843, кн. 7, стр. 48.

паль изъ свободы и строгости своей критики;—здѣсь прежде всего были слѣды того стараго болѣзненнаго чувства, которое онъ объяснялъ однажды въ письмѣ къ Боткину мрачными воспоминаваніями изъ своего дѣтства и отрочества; съ теченіемъ времени и особенно теперь это чувство опредѣлилось и получило свои новыя основанія. Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ поръ своей сознательной жизни Бѣлинскій чувствовалъ, что его интересы и понятія слишкомъ расходятся съ понятіями общества, что этому обществу нѣтъ никакого дѣла до пламенныхъ стремленій небольшой горсти идеалистовъ, какими были Бѣлинскій и его друзья, что оно скорѣе будетъ смотрѣть на нихъ съ пренебреженіемъ и даже ненавистью. Мы читали прежде, въ письмахъ къ Боткину, горькія жалобы Бѣлинскаго на ихъ положеніе въ общественной средѣ, на то печальное сознаніе, что они не нужны этому обществу, что они — люди безъ отечества. Таково и дѣйствительно было положеніе этого кружка, какъ вообще бываетъ положеніе людей, которые въ эпохи застоя или реакцій, тяготясь настоящимъ своего общества, глубоко страдая отъ противорѣчій его съ ихъ лучшими стремленіями, только въ неясномъ будущемъ видятъ достиженіе своихъ, даже скромныхъ идеаловъ. Отвлеченное разсужденіе давало Бѣлинскому эту надежду; въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ умственной жизни онъ ясно предвидѣлъ, что желанное будущее должно наступить,—но въ данную минуту онъ долженъ былъ тѣмъ сильнѣе чувствовать свое отчужденіе отъ настоящаго. Понятно, что Бѣлинскаго отталкивало отъ «общества», въ которомъ онъ видѣлъ олицетвореніе застоя, внѣшній блескъ, покрывавшій бѣдность мысли и грубые инстинкты. Бѣлинскому не только нечего было дѣлать съ людьми этого общества, съ которыми пріатели пытались иногда его сблизить, но было положительно тяжело, потому что его живая впечатлительность не позволяла ему остановиться на внѣшнихъ отношеніяхъ, и напротивъ, тотчасъ рисовала ему весь его страшный разладъ съ этой средой. Даже съ лучшими представителями «общества», которые принимали и въ литературѣ большое участіе, какъ кн. Одоевскій, самъ составлявшій исключеніе въ своемъ кругѣ, — для Бѣлинскаго сближеніе было довольно трудно. Кн. Одоевскій, который былъ очень способенъ оцѣнить серьезность его таланта и дѣятельности, и въ самомъ дѣлѣ высоко цѣнилъ Бѣлинскаго, остался ему чуждъ: не говоря о мистическихъ и алхимическихъ пристрастіяхъ этого аристократическаго полигистора, не сочувственныхъ Бѣлинскому, онъ не могъ сойтись съ кн. Одоевскимъ въ самой сущности своего взгляда на вещи. Кн. Одоевскій удивлялся логиче-

ской энергіи БѢлинскаго, силѣ и смѣлости его выводовъ, понималъ ихъ въ теоріи, но никакъ бы не рѣшился послѣдовать за нимъ въ этой логикѣ. БѢлинскій съ своей стороны не могъ понять его двойственности, хотѣвшей примирить вещи непримиримыя.—БѢлинскій по всей своей природѣ былъ пламенный энтузіастъ: у него не было ни легкости характера, способной успокаиваться на мелкихъ сдѣлкахъ, ни скептическаго невѣрія, приводящаго къ равнодушной терпимости; ни той сдержанности, которая тяжелыми опытами научается таить для себя и ближайшихъ друзей свои интимныя мысли. БѢлинскій понималъ конечно необходимость этой сдержанности, но иногда не въ силахъ былъ одолѣвать свою страстную впечатлительность, и если бы затронуты были его задушевные мысли и идеалы, онъ, — въ какой бы ни былъ обстановкѣ, — способенъ былъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтить на вызовъ и высказать эти мысли.—Такъ это и случалось съ нимъ нѣсколько разъ. Подобный случай былъ съ нимъ въ тридцатыхъ годахъ, во время увлеченія его «фихтианствомъ». Два-три такихъ же примѣра повторились и теперь, — между прочимъ, однажды, въ большомъ обществѣ у князя Одоевскаго, гдѣ БѢлинскій, нетерпѣливо слушавшій фантазіи одного изъ собесѣдниковъ о чемъ-то въ родѣ реставраціи стариннаго боярства, наконецъ, взволнованный и раздраженный, заявилъ свое противорѣчіе словами, которыя поразили присутствующихъ своей суровой рѣзкостью... Само собою разумѣется, что такіе порывы могли представлять и самую серьезную опасность, и БѢлинскому случалось испытывать неприятную тревогу послѣ подобныхъ случаевъ...

Возвращаемся еще къ приведеннымъ воспоминаніямъ. Авторъ замѣчаетъ, что въ тогдашнихъ кружкахъ вообще не было опредѣленнаго политическаго взгляда, и это было очень естественно: политическія программы были еще слишкомъ бесполезны и невозможны; слишкомъ ясна была крайняя неразвитость общества, олицетворявшаяся въ той жалкой литературѣ, которую БѢлинскій называлъ «расейской» и къ которой питалъ настоящую ненависть. Опредѣленнаго взгляда этого рода одинаково не было въ обоихъ главныхъ кружкахъ тогдашней литературы — и западномъ и славянофильскомъ; въ обоихъ одинаково понимали необходимость разъяснить самые общіе вопросы историческаго развитія, которые и стали насущнымъ интересомъ литературы: оттого БѢлинскій относился къ нимъ съ такой страстью, и оттого крайняя вражда его къ славянофильству.

Эта борьба съ славянофильствомъ началась тотчасъ, какъ славянофильство нашло себѣ первый органъ въ «Москвитянинѣ», и усиливалась по мѣрѣ того, какъ умножались его заявленія. Къ половинѣ сороковыхъ годовъ эта борьба была едва ли не основнымъ практическимъ вопросомъ дѣятельности Бѣлинскаго. Сюда сводились и общіе философскіе принципы, и историческія соображенія, и мнѣнія о настоящемъ.

Бѣлинскаго нерѣдко обвиняли въ непониманіи и даже въ нежеланіи понять то, что было въ славянофильствѣ хорошаго и справедливаго. Но эти обвиненія бывали обыкновенно слишкомъ огульными. Чтобы вѣрно понять вражду Бѣлинскаго къ славянофильству, надо помнить время и лица. Первые впечатлѣнія славянофильства далъ Бѣлинскому «Москвитянинъ». Теперь уже забыли, что это было. Но стоить взглянуть на первые годы этого журнала, чтобы совершенно понять вражду Бѣлинскаго: невозможно было иначе относиться къ нелѣпой, юродивой формѣ, въ которой даны были здѣсь первыя заявленія славянофильства. Эти первыя впечатлѣнія опредѣлили взглядъ Бѣлинскаго на славянофильство. Правда, извѣстно было, что въ этомъ лагерѣ есть противники болѣе серьезной умственной силы, діалектики, остроумія, чѣмъ Шевыревъ и другіе дѣятели «Москвитянина», что есть противники съ болѣе серьезными убѣжденіями, — но это было еще хуже для дѣла: Бѣлинскій видѣлъ, что *эти* члены славянофильскаго лагеря (впослѣдствіи и составившіе настоящій славянофильскій кружокъ) ни мало не отвергали «Москвитянина», участвовали въ немъ, и Бѣлинскій могъ справедливо предполагать, что они съ нимъ солидарны. Онъ долженъ былъ думать, что и «Москвитянинъ» собственно, и этотъ кружокъ проповѣдуютъ одну и ту же ненависть къ западу и его образованности, дѣлать одни и тѣже археологическія влеченія, поддерживаютъ, въ настоящемъ, одни и тѣже принципы, для Бѣлинскаго ненавистные. Такъ онъ и судилъ о славянофильствѣ. Когда оно само опредѣлилось больше, измѣняются значительно и отзывы Бѣлинскаго.

По связи съ археологическими влеченіями славянофильства и съ его стремленіями къ народности (которыя Бѣлинскій считалъ тогда фальшивыми, видя въ нихъ только повтореніе официальной народности), Бѣлинскій очень недружелюбно относился и къ начинавшимся проявленіямъ панславизма, который былъ опять возвращеніемъ къ прошлому. Еще во времена гегеліанскихъ увлеченій, Бѣлинскій не сочувствовалъ панславистскимъ жалобамъ на угнетеніе славянскихъ народностей нѣмцами и турками — на томъ

гегеліянскомъ основаніи, что «сила есть право», что турецкое господство надъ южными, и нѣмецкое надъ западными славянами есть право «историческое», и слѣд. тѣмъ самымъ доказанное и оправданное. Впослѣдствіи, онъ безъ сомнѣнія покинулъ ту точку зрѣнія, но сохранилось нерасположеніе къ панславизму и, въ связи съ нимъ, къ мелкимъ народнымъ литературамъ, въ томъ числѣ и къ малорусской. Здѣсь опять БѢлинскаго обыкновенно упрекаютъ за непониманіе естественнаго права народности и существованіе и проявленіе своей особенности, права ея на себя независимости и національныхъ учреждений, за непониманіе тѣхъ жизненныхъ элементовъ, какія представляютъ частныя народныя литературы, и т. п. ¹⁾ Дѣйствительно, БѢлинскій и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, не бошелся безъ крайностей, — между прочимъ потому, что былъ искрененъ и не боялся высказывать свою мысль вполне, но какъ справедливо замѣтилъ авторъ выше приведенныхъ воспоминаній) въ основѣ его преувеличеній и крайностей была или вся истина или часть истины. Прежде всего, для вѣрной оцѣнки вѣной БѢлинскаго и здѣсь, какъ въ вопросѣ о домашнемъ славнофильствѣ, слѣдуетъ припомнить тогдашнее положеніе вопроса въ обществѣ и въ литературѣ. Начать съ того, что «сила» — конечно, плохое юридическое право, но оно есть своего рода право въ смыслѣ историческомъ: она — фактъ, который нужно объяснить изъ исторіи и характера народности, но котораго нельзя вычеркнуть или устранить жалобами и обвиненіями. Залычивыя слова, вырывавшіяся у БѢлинскаго противъ панславизма, были крайностью, если взять ихъ буквально и безотносительно; но ихъ смыслъ былъ тотъ, что и ученый вопросъ и самый вопросъ національнаго возрожденія долженъ былъ рѣшаться не одними лирическими изліяніями и патріотической хвалбой, которыхъ слишкомъ много расточалъ и западный славизмъ и наши его сторонники. Въ самомъ дѣлѣ, наша литература этого предмета, въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, очень мало объясняла положеніе вещей, но за то не дала высокопарныхъ словъ о дѣлѣ, почти неизвѣстномъ и вѣность котораго для русскаго общества была еще сомнительна. И здѣсь, какъ въ домашнемъ славнофильствѣ, не было недостатка въ нелѣпостяхъ, вызывавшихъ только насмѣш-

¹⁾ Точка зрѣнія БѢлинскаго известна теперь и западно-славянскимъ историкамъ славянской литературы; см. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. z, 1874.

ку; вспомнимъ, напр., полемику по поводу Коперника ¹⁾. Болѣе серьезная, научная постановка предмета сдѣлана была только позднѣе. Еще съ большимъ правомъ Бѣлинскій и его друзья могли быть нерасположены къ панславизму съ другой стороны. Для русскаго общества, панславянскій переворотъ, въ которомъ Россіи пророчилась великая, но нѣсколько темная роль,—этотъ переворотъ не только въ тѣ времена, но и въ настоящую минуту былъ нѣчто въ родѣ журавля въ небѣ, когда въ рукахъ и синица была довольно плохая. Время ли было (и есть) мечтать о панславянскомъ царствѣ, когда собственная ближайшая жизнь ставила еще самыя элементарныя задачи? Не были бы грубымъ самохвальствомъ—«освободить» другіе народы, когда милліоны собственнаго народа были тогда крѣпостными рабами, и еще не предвидѣлось ихъ освобожденія? Имѣли ли какой-нибудь смыслъ угрозы западному просвѣщенію, когда собственное стояло еще на азбукѣ и подъ ферулой? Могъ ли панславизмъ помочь всѣмъ этимъ домашнимъ невгодамъ, и напротивъ, не усилилъ ли бы онъ ихъ, отвлекая вниманіе и силы къ полу-фантастической цѣли?.. И наконецъ, возможно ли было какое-нибудь дѣйствительное, не воображаемое, участіе нашего общества въ подобномъ дѣлѣ—гдѣ могъ бы помочь только настоящей и свободный энтузіазмъ—когда это общество не имѣло престола и для своихъ домашнихъ скромныхъ желаній? Между тѣмъ наши партизаны панславизма не только не видѣли всего этого, но, напротивъ, въ домашнихъ вопросахъ еще являлись защитниками такихъ общественныхъ элементовъ, въ которыхъ Бѣлинскій и его друзья не безъ основанія видѣли наше бѣдствіе, причины нашего застоя. Съ патриотизмомъ панславянскимъ у насъ почти всегда соединялся домашній квасной патриотизмъ, и этого соединенія было довольно, чтобы возстановить Бѣлинскаго противъ панславизма, какъ противъ вреднаго и пустого фантазерства.

Наконецъ, народныя литературы, или собственно малорусскія. Бѣлинскій вообще не любилъ ея, отчасти по тѣмъ же общимъ причинамъ: онъ считалъ малорусскую литературу ненужнымъ провинціализмомъ и думалъ, что люди, посвящавшіе свои силы на созданіе особой малорусской литературы, съ гораздо большаго пользой могли бы употребить ихъ для литературы русскаго, господствующей и въ образованныхъ классахъ самой Малороссіи.

¹⁾ „Москвитиннаго о Коперникѣ“, ст. Г., въ „Отеч. Зап.“ 1843, кн. 11, стр. 56—58.

Во-вторыхъ, БѢлинскій возставалъ противъ самаго содержанія малорусской литературы. Чистѣйшій великорусскій, БѢлинскій мало зналъ и не любилъ малорусскаго языка ¹⁾ и, слѣдовательно, не могъ цѣнить вышней, формальной стороны этой литературы; что же касается до содержанія, оно различнымъ образомъ не удовлетворяло его. За немногими исключеніями, малорусская литература того времени не представляла ничего особенно талантливаго. БѢлинскій видѣлъ довольно большое число малорусскихъ писателей, но въ ихъ произведеніяхъ находилъ или повтореніе на малорусскомъ языкѣ устарѣлыхъ романтическихъ и сантиментальныхъ темъ, надоевшихъ и въ русской литературѣ, или повтореніе темъ народной поэзіи, изложенныхъ хуже, чѣмъ въ подлинникѣ, или шутку и пародію, которыя не казались ему достаточно остроумными, или, наконецъ, встрѣчалъ проявленія мѣстнаго патріотизма, котораго вѣроятно не считалъ серьезнымъ. Въ мѣстной поэзіи, какъ она создавалась въ то время, БѢлинскій не находилъ ни достаточнаго обще-человѣческаго поэтическаго интереса, ни настоящаго удовлетворенія потребностямъ мѣстнаго народа: народно-поэтическіе элементы, вводимые въ литературу, должны были, по его мнѣнію, быть просвѣтлены этимъ высшимъ интересомъ, какъ въ поэзіи Кольцова; мѣстныя потребности могли быть достаточно удовлетворены книгами элементарными, которыя служили бы переходомъ къ обще-русской образованности. Знаменательнымъ явленіемъ былъ для него малорусскій Гоголь, который могъ стать великимъ писателемъ только въ обще-русской литературѣ.

Вотъ, напр., нѣсколько словъ его изъ рецензіи вышедшей тогда оэмы Шевченка «Гайдамаки» ²⁾. Сославшись на, прежде высказанныя мнѣнія свои о «такъ-называемой» малороссійской литературѣ, БѢлинскій продолжаетъ:

... „Новый опытъ *стиваній* г. Шевченка, привилегированнаго, кажется, малороссійскаго поэта, убѣждаетъ насъ еще болѣе, что подобнаго рода произведенія издаются только для услажденія и назиданія *михъ* авторовъ: другой публики у нихъ, кажется, нѣтъ. Если же и господа *кобзари* думаютъ своими *позмами* принести пользу низшему классу своихъ соотчичей, то въ этомъ очень ошибаются: ихъ оэмы, несмотря на обиліе самыхъ вульгарныхъ и площадныхъ словъ выраженій, лишены простоты вымысла и разсказа, наполнены *вырамами* и замашками, свойственными всѣмъ плохимъ *пнтамъ*,—часто

¹⁾ Въ перепискѣ намъ встрѣтились доказательства этой нелюбви еще въ 1840 г.

²⁾ Эта рецензія въ „Отеч. Зап.“ 1842, кн. 5, не вошла въ изданіе „Сочиненій“.

нѣсколько не народны, хотя и подкрѣпляются ссылками на исторію, пѣсни и преданія,—и слѣдовательно, по всѣмъ этимъ причинамъ— онѣ непонятны простому народу и не имѣютъ въ себѣ ничего съ нимъ симпатизирующаго. Для такой цѣли ¹⁾ было бы лучше, отбросивъ всякое притязаніе на титуло поэта, рассказывать народу простымъ, понятнымъ ему языкомъ о разныхъ полезныхъ предметахъ, гражданскаго и семейнаго быта, какъ это прекрасно началъ (и жаль, что не продолжалъ) г. Основьяненко въ брошюрѣ своей „Лысты до любезныхъ землякивъ“...

„Что касается до самой поэмы г-на Шевченко — „Гайдамаки“, здѣсь есть все, что подобааетъ каждой малороссійской поэмѣ: здѣсь ляхи, жида, казаки; здѣсь хорошо ругаются, пьютъ, бьютъ, жгутъ, рѣжутъ; ну, разумѣется, въ антрактахъ кобзарь (ибо безъ кобзаря какая ужъ малороссійская поэма!) поетъ свои вдохновенныя пѣсни, безъ особеннаго смысла, а дивчина плачетъ, а буря гомонить“...

Онъ приводитъ далѣе отрывки, въ которыхъ дѣйствительно «хорошо ругаются, бьютъ», и проч.

И здѣсь Бѣлинскій опять враждебно встрѣчается съ славянофилами. Эти послѣдніе относились (пока) сочувственно къ малорусской литературѣ, какъ «народной», и безъ сомнѣнія ставили ее параллельно съ другими народными славянскими литературами, которыя въ то время возрождались. Для Бѣлинскаго эта солидарность малорусской литературы съ славянофильскими и панславистическими тенденціями должна была внушать только новое недовѣріе—какъ ненавистное ему противоположеніе національности и общечеловѣческой цивилизаціи, какъ воскрешеніе старины противъ новаго времени...

Полагаемъ, что въ этомъ смыслѣ Бѣлинскій также «не любилъ поляковъ». Въ его перепискѣ (съ 1841 года) мы находимъ ясныя свидѣтельства, что «нелюбовь» вовсе не простиралась на ихъ политическія отношенія; на эти отношенія, напротивъ, онъ смотрѣлъ теперь такъ, какъ можно было бы ожидать отъ его новаго образа мыслей. Выше мы указывали, какъ онъ осуждалъ себя за недружелюбный отзывъ о Мицкевичѣ, сказанный въ эпоху статей о «Бород. Годовщинѣ» и «Менцелѣ»...

Таковы были источники мнѣній Бѣлинскаго о славянствѣ и о движеніи народностей. Приписываемая ему вообще вражда къ славянскому движенію относилась въ сущности вовсе не къ самому дѣлу, а къ тогдашней постановкѣ его въ нашей литературѣ. Бѣлинскій не имѣлъ ничего противъ славянскаго и народнаго движенія, даже сочувствовалъ ему,—какъ «другъ человѣчества».

1) Т.-е. для пользы народа.

когда дѣло шло «не о славянахъ, но о людяхъ»¹⁾; но онъ съ жаромъ возставалъ противъ тѣхъ толкованій этого движенія, какія дѣлались тогдашнимъ славянофильствомъ, противъ той узкой и несомнѣнно фальшивой и вредной точки зрѣнія, которая противопоставляла это движеніе западному просвѣщенію, отождествляла такимъ образомъ это движеніе съ обскурантизмомъ, строила свои идеалы на возвращеніи (невозможномъ) старыхъ преданій, высокоиѣрно пророчила господство новаго славянскаго мира и гибель Запада и придавала вообще вопросу какой-то странный реакціонный смыслъ. Противъ этихъ-то извращеній дѣла, съ которыми БѢлинскій постоянно встрѣчался въ «Москвитянинѣ», онъ и ратовалъ со всей своей страстностью, которая иногда дѣйствительно заставляла его высказываться съ чрезмѣрной рѣзкостью. Но, конечно, не эти рѣзкости, вырывавшіяся въ разгарѣ спора, составляли его настоящую мысль, — и на дѣлѣ, разбирая мнѣнія БѢлинскаго объ этомъ предметѣ, слѣдуетъ поставить ему въ заслугу, что своимъ противодѣйствіемъ первому славянофильству онъ много способствовалъ новому, болѣе разумному пониманію вопроса, которое явилось потомъ въ самомъ видоизмѣнившемся славянофильствѣ. Болѣе благоразумные изъ нынѣшнихъ славянофиловъ сами не рѣшатся повторить тогдашнихъ мнѣній о славянскомъ вопросѣ, и устраненіе этихъ крайностей и преувеличеній есть въ большой степени дѣло БѢлинскаго.

Сколько видно изъ переписки, БѢлинскій, выѣхавши въ началѣ іюня изъ Петербурга, посѣтилъ на дорогѣ своихъ старинныхъ деревенскихъ друзей, и затѣмъ прожилъ въ Москвѣ до конца августа. Около 1-го сентября онъ былъ въ Петербургѣ, куда нѣсколькими днями раньше его пріѣхалъ Боткинъ... 4-го сентября Боткинъ уѣхалъ за границу, гдѣ остался нѣсколько лѣтъ (до конца 1846 года). Сношенія его съ БѢлинскимъ почти прервались: Боткинъ надолго былъ связанъ тяжелыми обстоятельствами своей личной жизни, потомъ занятъ и развлеченъ путешествіемъ, главнымъ литературнымъ плодомъ котораго были впоследствии извѣстныя «Письма объ Испаніи». Съ другой стороны, и въ жизни БѢлинскаго произошла существенная переиѣна.

¹⁾ См. статью по поводу «Дневника новоболгарскаго образованія» — въ „От. Зап.“ 1842, кн. 9; Соч. т. VI, стр. 447—449, гдѣ его отношеніе къ вопросу очень ясно.

Въ теченіи жизни въ Москвѣ Бѣлинскій сблизился съ особой, которая вскорѣ стала его женой. Важность этого событія для Бѣлинскаго должна быть ясна читателю изъ того, что мы знаемъ о нравственномъ настроеніи Бѣлинскаго за эти годы. Онъ внесъ въ эти отношенія все увлеченіе, какое отличало его характеръ: онъ былъ исполненъ ожиданій — должно было кончиться одиночество, подавлявшее его среди трудной внѣшней дѣятельности; онъ ждалъ цѣлаго переворота въ своей жизни... Сентябрь и октябрь заняты усиленной перепиской съ Москвою; наконецъ, въ началѣ ноября, Бѣлинскій сталъ семьяниномъ.

За слѣдующіе годы, 1844—1845, мы почти не имѣемъ переписки Бѣлинскаго. Ея безъ сомнѣнія и не было въ томъ размѣрѣ, какъ прежде. У домашняго очага началась для него новая жизнь съ ея особыми интересами и особыми тревогами, которыя могли быть только его личной заботой... Бѣлинскій продолжалъ много работать, и работалъ даже больше прежняго.

А. ПИПИНЪ.



НАБЛЮДЕНІЯ

НА ДѢ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ

2) Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ *).

Почти во всѣхъ государствахъ Европы сѣверныя части получаютъ преобладающее значеніе надъ южными: относительно всюду болѣе скупая природа сѣвера сохраняетъ въ человѣкѣ большую крѣпость, энергію, устойчивость, трезвость мысли и чувства — качества, необходимыя для успѣха въ государственномъ зидительствѣ, и отказываетъ ему въ другихъ качествахъ, которыя въ южномъ народонаселеніи производятъ большую быстроту и роскошь развитія. Съ другой стороны, въ извѣстныхъ странахъ имѣютъ важное значеніе тѣ ихъ части, тѣ окраины, которыя подвергаются наибольшей опасности отъ внѣшнихъ враговъ, должны первыя принимать на себя ихъ удары: здѣсь народонаселеніе крѣпнетъ въ борьбѣ, принимаетъ воинственный, предприимчивый характеръ, способность къ защитѣ, переходящую въ способность къ наступленію. Правителями такихъ частей могутъ быть только люди сильные духомъ, способные къ постоянной борьбѣ. Въ римской имперіи такою частью была Галлія, изначала подверженная нападенію германцевъ, изначала спорная между ними и Римомъ: отсюда важное значеніе Галліи,

*) См.: 1874, апр. 457 стр.

важное значеніе ея правителей и войска, въ ней расположеннаго. Галлія была украиною римскаго цивилизованнаго міра не по отношенію только къ варварамъ арійскаго племени, германцамъ, но и по отношенію къ азіатскимъ станнымъ вочевымъ варварамъ, которыхъ нельзя было усыновить цивилизаціи, которые кромѣ опустошенія не приносили ничего. Граница Европы съ Азією, которая теперь, во второй половинѣ XIX-го вѣка, на берегахъ Аму и Сыръ-Дарьи, въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, была на берегахъ Рейна; гунскія кибитки раскидывались въ Галліи, на поляхъ каталонскихъ и были отброшены отсюда страшными усиліями римско-германскаго ополченія. Когда Галлія стала владѣніемъ германцевъ-франковъ, то значеніе ея не измѣнилось, значеніе украины цивилизованнаго міра, возрожденнаго христіанствомъ. Вожди франковъ, ставши христіанами и римскими сановниками, начинаютъ въ отношеніи къ своимъ одноплеменникамъ, за-рейнскимъ германцамъ, ту же дѣятельность, какъ знаменитые римскіе полководцы, начиная съ Цезаря. Они начинаютъ наступательное движеніе на собственную Германію, а по ихъ слѣдамъ идутъ другіе завоеватели, проповѣдники христіанства, которые привязывали германцевъ духовною связью къ Риму и его цивилизаціи. Такая перемѣна въ движеніи, то-есть, когда, вмѣсто движенія германцевъ въ области имперіи и преимущественно въ Галлію, послѣдовало движеніе изъ Галліи въ Германію, условливалась прежде всего истощеніемъ Германіи. Никто, разумѣется, не предположить, что Германія во время перваго столкновенія своего съ Римомъ, дикая, покрытая дремучими лѣсами Германія, могла содержать большое народонаселеніе, особенно когда знаемъ, что германцы жили разбросанно, не скупиваясь въ городахъ, которыхъ не было. Конечно, мы не должны упускать изъ вниманія большой плодущности арійскихъ племенъ, слѣдовательно и германцевъ; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что это разбросанное въ дремучихъ лѣсахъ народонаселеніе ожесточенно дралось другъ съ другомъ, и кромѣ того въ продолженіе вѣковъ постоянно выдѣляло изъ себя толпы переселенцевъ, которыя подъ разными видами проходили въ области имперіи, и наконецъ перешли туда цѣлыми народами. Это послѣднее переселеніе, закончившееся утвержденіемъ франковъ въ Галліи, въ связи съ гунскимъ нашествіемъ, и обезсилило Германію, прекратило движеніе ея народовъ, привело ихъ въ состояніе покоя, которое заставило ихъ припасть къ землѣ, сродниться съ нею. Тутъ-то собственно и положено было начало Германіи, ибо до сихъ поръ страна, получившая это имя, была только перепутьемъ

для своего народонаселенія. Германія истощилась, а Галлія усилилась утвержденіемъ въ ней франковъ: это было самое сильное владѣніе въ цѣлой Европѣ, которое потому и начинаетъ наступательное движеніе на Германію, не могущую выставить ей сильнаго сопротивленія; одинъ германскій народъ за другимъ подчинялся франкскимъ вождямъ, которые самымъ фактомъ подчиненія прикрѣпляютъ германскія племена къ ихъ мѣсту жительства, вводятъ ихъ въ опредѣленныя границы, а идущее по слѣдамъ ихъ христіанство прикрѣпляетъ ихъ окончательно къ странѣ созданіемъ религіозныхъ церковныхъ центровъ, епископствъ, монастырей.

Но если мы знаемъ, что франкскія владѣнія въ Галліи раздѣлялись между потомками Кловиса, то имѣемъ право ожидать, что самую значительную, самую сильную часть между ними должна быть сѣверо-восточная часть, германская украинна, вожди и воины которой находились постоянно на самомъ опасномъ мѣстѣ, требующемъ особеннаго мужества, энергій и искусства. И дѣйствительно, мы видимъ, что сѣверо-восточная часть франкскихъ владѣній, такъ-называемая Австравія беретъ явно перевѣсъ надъ юго-западною или такъ-называемою Нейстриєю. Послѣ первыхъ Меровинговъ исторія франковъ въ Галліи представляетъ картину смуть, усобицъ, оканчивающихся перемѣною владѣльческаго дома, и во все это время за-рейнскіе германцы оставляютъ франковъ спокойно устроить свои дѣла въ Галліи, не пользуются удобнымъ случаемъ взять надъ ними верхъ, не трогаютъ ихъ въ богатой завидной Галліи: опять доказательство истощенія за-рейнской или собственной Германіи.

Какая же была причина смуть и усобицъ между франками въ Галліи? Обнаруживается безсиліе, неспособность къ правительственной дѣятельности между членами меровингскаго королевскаго дома, являются такъ-называемые *лѣнивые, ничего не дѣлающіе короли*. Это явленіе объясняется легко, если вспомнимъ, съ какою варварскою алчностью Меровинги бросились на чувственныя наслажденія, благодаря средствамъ, которыя доставило къ тому ихъ верховное положеніе въ Галліи. Понятно, что такой образъ жизни долженъ былъ скоро повести къ физическому и нравственному ослабленію, одряхлѣнію рода. Прежде всего оказалось, что Меровинги больше не воины, а потому и не вожди, могутъ заниматься только мирными дѣлами, судомъ; впоследствии оказалось, что они и ни къ чему негодны. Если короли не могутъ быть вождями, то на ихъ мѣсто должны быть другіе вожди. Меровинговъ вдругъ отстранить нельзя: это давній, знатнѣйшій владѣльчскій родъ. Къ ихъ верховному значенію привыкли; но

главное, у этого рода большія матеріальныя средства; у Меро-винговъ много земель, у нихъ большая *труста*, большое количество людей, связанныхъ съ ними земельными отношеніями, кормящимися отъ нихъ; главный между членами *трусты*, антрустіонами — это управляющій домою, хозяйствомъ королевскимъ, *major domus*, палатный мэръ; послѣ короля онъ видѣе всѣхъ въ его домою; во время малолѣтства короля онъ его опекунъ, а если король постоянно будетъ недорослемъ, правственно несовершеннолѣтнимъ, то палатный мэръ будетъ постоянно занимать его мѣсто, и если король будетъ постоянно недорослемъ, а должность палатнаго мэра будетъ оставаться въ одномъ родѣ, станетъ наследственной, то рано или поздно родъ, дѣйствительно властвующій, станетъ властвующимъ и номинально, отнявъ у старой династіи и номинальное владѣчество.

Палатные мэры франковъ имѣютъ важное значеніе въ исторіи западной Европы, въ исторіи этихъ трехъ странъ — Галліи, Италіи и Германіи, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, потому что эта тѣсная связь явилась вслѣдствіе дѣятельности палатныхъ мэровъ. Организмъ въ новорожденныхъ государствахъ былъ вѣрнѣе слабъ, внутренняго равновѣсія между органами быть не могло, вслѣдствіе чего сильнѣйшій стремился подчинить себѣ слабѣйшаго; при неразвитіи народной дѣятельности богатство, сила основаны исключительно на землевладѣніи, и сильнѣйшій землевладѣлецъ стремится подчинить себѣ слабѣйшаго; это подчиненіе происходитъ извѣстнымъ образомъ чрезъ обращеніе вотчинъ въ помѣстья: слабѣйшій отдаетъ свою вотчину сильнѣйшему и беретъ ее назадъ въ видѣ помѣстья и съ извѣстными обязанностями подчиненія, зависимости, ибо при господствѣ земельной собственности, полученіе земли въ бенефиціи или помѣстьи, было самымъ яснымъ выраженіемъ зависимости, подчиненія, а владѣніе своею землею, вотчиною, служило вѣрнѣйшимъ выраженіемъ независимости. При такомъ положеніи дѣлъ, при такихъ стремленіяхъ, бѣдный, слабый землевладѣлецъ могъ сохранить свою независимость, сохраняя свою вотчину, свой жребій или аллодъ только при помощи верховной власти, но это возможно было только въ томъ случаѣ, когда верховная власть была сильна, а при тогдашнемъ государственномъ бытѣ это могло быть только при условіяхъ личныхъ средствъ правителя, способности его бороться съ сильными, давать имъ чувствовать свою силу и защищать слабыхъ. Когда между Меровингами перестали являться такіе сильные правители, то сильные люди начали стремиться, съ одной стороны, къ независимости отъ короля: такъ

какъ эта зависимость выражалась въ полученіи отъ короля помѣстій или бенефицій и въ полученіи отъ него въ управление городовъ и областей, то освобожденіе отъ зависимости естественно состояло въ обращеніи помѣстій въ вотчины и въ обращеніи временныхъ правительственныхъ должностей въ наследственные; съ другой стороны, произошло стремленіе сильныхъ землевладѣльцевъ подчинить себѣ слабыхъ черезъ обратное измѣненіе вотчинъ ихъ въ помѣстья; слабые, не находя себѣ защиты въ верховной власти, естественно должны были закладываться за сильныхъ, отдавая имъ свои вотчины и принимая ихъ обратно въ видѣ помѣстій. При долгомъ рядѣ королей-недорослей, т.-е. при продолжительной слабости верховной власти, оба эти стремленія должны были увѣнчаться вѣрнымъ успѣхомъ; Галлія должна была явиться подѣленною между извѣстнымъ количествомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, за которыми слабѣйшіе были бы въ закладницахъ, закреветницахъ, однимъ словомъ, гораздо ранѣе должно было бы произойти то же самое, что произошло позднѣе при паденіи карловингской династіи, именно при крайнемъ ослабленіи государственной власти, господство частнаго союза по землѣ, господство закладничества, или, по западному выраженію, феодализма. Разумѣется, столкновеніе между этими сильными землевладѣльцами, незнающими надъ собою никакой власти, повело бы къ войнамъ между ними; могла бы отеряться возможность сильнѣйшимъ, способнѣйшимъ между ними подчинять себѣ другихъ; но все это потребовало бы времени, и Галлія или франки, ея владѣвшіе, не могли бы имѣть того вліянія на Италію и Германію, сыграть той посредствующей роли между ними, каковую они сыграли при Карловингахъ.

Палатные мѣры, перенеся на себя значеніе и средства Мероинговъ, сдержали на нѣкоторое время стремленіе, долженствовавшее необходимо привести къ феодализму, удержали, слѣдовательно, на нѣкоторое время франкское государство отъ феодализма и дали начало новой династіи, которая при Карлѣ Великомъ соединила съ Галліей, Италію и всю Германію. Какимъ же образомъ палатные мѣры могли противодѣйствовать развитію закладничества или феодализма? Если антрустіоны, пользуясь слабостію Мероинговъ, стремились оставить за собою навѣки земли, полученныя отъ короля, обратить помѣстья въ вотчины, и должности сдѣлать наследственными, то палатные мѣры должны были ослаблять ихъ отнятіемъ у нихъ земель и должностей; этимъ отнятіемъ земель и должностей у слишкомъ богатыхъ и сильныхъ вельможъ они приобрѣли средство набирать для себя болѣе покорныхъ слугъ,

раздавая новымъ, бѣднымъ людямъ конфискованныя земли и должности, набирать новыхъ, болѣе вѣрныхъ антрустіоновъ. Такъ поступалъ палатный мэръ Гримоальдъ, сынъ Пепина Ланденскаго, такъ поступалъ палатный мэръ Эброинъ, знаменитый своею ожесточенною борьбою съ старыми вельможами, замѣнявшій ихъ людьми новыми, покорными, Эброинъ, который, по свидѣтельству одного источника, наказавши людей несправедливыхъ и гордыхъ, водворилъ совершенное спокойствіе, а по свидѣтельству другого источника: человекъ худородный, Эброинъ заключилъ въ темницу всѣхъ франковъ знатнаго происхожденія; онъ замѣнилъ ихъ людьми худородными, которые не смѣли противиться его нечестивымъ приказаніямъ. Такъ поступалъ палатный мэръ Карль Мартелль, который, нуждаясь въ земляхъ для раздачи въ помѣстья своимъ антрустіонамъ, отбиралъ земли у епископовъ. Понятно, что борьба палатныхъ мэровъ съ старыми вельможами была тяжелая, что не всѣ они могли выходить изъ нея побѣдителями. Вельможи составляютъ заговоръ убить Пепина Ланденскаго, и онъ спасается отъ смерти только чудомъ; Гримоальдъ и Эброинъ гибнутъ въ борьбѣ. Вельможи стараются не допускать наслѣдственности въ должности палатнаго мэра, не хотятъ даже допускать пожизненнаго занятія этой должности однимъ лицомъ. Но, несмотря на все стараніе враговъ подавить эту силу, палатные мэры торжествуютъ, и опять повторяется то же явленіе, торжествуютъ палатные мэры изъ германской украины, изъ Австразіи. Они даютъ франкамъ и новую династію. Попытка замѣнить династію королей-недорослей новою крѣпкою династією изъ австразійскихъ палатныхъ мэровъ была сдѣлана давно, но, какъ обыкновенно бываетъ, первая попытка не удалась, ибо силы противниковъ были еще велики. Въ половинѣ VII вѣка извѣстный Гримоальдъ, палатный мэръ при австразійскомъ королѣ Сигибертѣ II, ведетъ сильную борьбу съ знатью, въ пользу короля отбираетъ у ней земли, которыя были ею получены по совершеннолѣтію короля, не щадитъ и духовенства; но когда Сигибертъ II умираетъ, Гримоальдъ постригаетъ его сына, отправляетъ его въ монастырь въ Ирландію и провозглашаетъ королемъ своего сына, выставляя, что послѣдній былъ усыновленъ покойнымъ королемъ. Но попытка, какъ сказано, была преждевременна: Меровинги не превратились еще совершенно въ недорослей, и царствовавшій въ Нейстріи Меровингъ (Хлодовикъ II) не хотѣлъ спокойно перенести потери для своего рода Австразіи; враждебные Гримоальду австразійскіе вельможи соединились съ Меровингомъ, и Гримоальдъ умеръ въ темницѣ.

Первая попытка не удалась и долго не повторялась. Не поднимая опаснаго вопросъ о переменѣ династіи, оставляя Меровингичихъ королей-недорослей владѣть по имени, довольствуясь скромнымъ, но многозначительнымъ титуломъ вождей франковъ, палатные мѣры усиливались на самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе; при этомъ, какъ легко было предвидѣть, палатные мѣры германской крайны, Австразіи, низлагаютъ палатныхъ мѣровъ Нейстрін. Чтобы вторая попытка замѣнить совершенно старую династію овою удалась, палатнымъ мѣрамъ необходимо было сломить всякое сопротивление со стороны вельможества, со стороны свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, ибо со стороны Меровинговъ сопротивленія быть не могло. Это было сдѣлано окончательно палатнымъ мѣромъ Карломъ, носившемъ знаменательное прозвище молота (Мартелль). Мы уже упоминали, что Карлъ для достиженія своей цѣли употребилъ тѣ же средства, которыя употреблялись его предшественниками палатными мѣрами, которыя употреблялись и въ другія времена, въ другихъ, далекихъ странахъ, о при одинакихъ обстоятельствахъ, когда государства носятъ земельскаго характера, когда земля составляетъ главное богатство, главную силу. Онъ раздавалъ приближеннымъ, вѣрнымъ людямъ епископства и монастыри; у епископовъ, которые остались на прежнихъ мѣстахъ, онъ отнимаетъ часть земель, чтобы раздать ихъ въ помѣстья своимъ людямъ. Мартелль повончилъ дѣло своихъ предшественниковъ, и сынъ его Пепинъ спокойно свелъ съ рестола Меровинга и самъ сѣлъ на его мѣсто. Разумѣется, религиозное освященіе, данное новой династіи церковью, старшимъ епископомъ или папою, имѣло свое значеніе; но нельзя думать, чтобы дѣло не обошлось и безъ этого освященія: все было приготовлено къ событію; Пепинъ получилъ новое значеніе, новый титулъ, благодаря преимущественно отцовской дѣятельности, ничтожившей всякое сопротивление окончательному возвышенію меровингической фамиліи.

Приготовленная Карломъ Мартелломъ средства Пепинъ передалъ сыну своему, Карлу Великому, котораго важное значеніе состоитъ въ томъ, что онъ соединилъ судьбу трехъ главныхъ западноевропейскихъ континентальныхъ странъ, судьбу Италіи, Галліи и Германіи. Мы видимъ, что сѣверо-восточная часть Галліи представляла Украину римско-христіанскаго міра, хранившаго остатки древней языческой цивилизаціи и начатки новой, христіанской; мѣже, на востокѣ, былъ міръ варваровъ, варваровъ способныхъ своей природою къ принятію цивилизаціи, германцевъ, и варваровъ, если не совершенно неспособныхъ, то крайне тугихъ къ

ея принятію, степныхъ варваровъ, обыкновенно знаменующихъ свою дѣятельность въ исторіи отрицательно, чрезъ опустошеніе, разрушеніе: такими были въ описываемое время авары. Слѣдовательно, здѣсь, на границѣ двухъ міровъ, мы должны ожидать тѣхъ явленій, какія обыкновенно происходятъ на украйнахъ между цивилизованными и варварскими народами: постоянную борьбу между ними. Если цивилизованный народъ слабѣетъ въ силу какихъ-нибудь внутреннихъ причинъ, то варвары берутъ верхъ, усиливаютъ свои нападенія, даже покоряютъ цивилизованный народъ и, смотря по своей способности, или основываютъ новое государство и новое общество, или довольствуются только внѣшнимъ подчиненіемъ, данью. Если же усиливается цивилизованное государство, то оно тѣснитъ варваровъ, съ которыми мирное сожителство невозможно, покоряетъ ихъ и подчиняетъ цивилизаціи съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по способности варваровъ къ принятію цивилизаціи. Таково было отношеніе Рима къ галламъ. Когда Римъ, пользуясь послѣдними своими силами, покорилъ Галлію и романизовалъ ее, то эта провинція явилась украиною римскаго цивилизованнаго міра относительно варварскаго міра германцевъ. Борьба между этими мірами началась немедленно, и такъ какъ римская имперія постоянно ослабѣвала, то варвары взяли верхъ, наводнили Галлію и утвердились въ ней. Образованіе въ этой богатой странѣ новаго владѣнія военственными вождями варваровъ, и, съ другой стороны, указанное выше истощеніе Германіи, даетъ Галліи перевѣсъ надъ послѣднею, ближайшіе народы ея должны признавать свою зависимость отъ франкскихъ вождей, владѣтелей Галліи. Разумѣется, тутъ не могло быть прочности отношеній: при первомъ удобномъ случаѣ, при первой усобицѣ между франками германскіе князья свергали съ себя зависимость и начинали дѣйствовать враждебно противъ франковъ. Среди этихъ германскихъ народовъ мы встречаемъ уже знакомое намъ явленіе: какъ въ Галліи время Цезаря тѣ народцы были суровѣе, энергичнѣе и крѣпче, которые были подалше отъ римскихъ владѣній, меньше были тронуты цивилизаціею; такъ и въ Германіи описываемаго времени: самыми суровыми изъ племенъ были тѣ, которые были подалше отъ гало-франкской границы, самыми суровыми, энергичными и крѣпкими между германцами были саксонцы.

Среди саксонцевъ франки должны были встрѣтить самое упорное сопротивленіе, и время страшной, окончательной борьбы приближалось: силы франковъ сосредоточились, благодаря астрозійскимъ вождямъ, преимущественно Карлу Мартеллу; средства

постояннаго, упорнаго наступленія на Германію, варварскую, раздѣленную и потому слабую, приготовились, но нападеніе на Германію шло съ двухъ сторонъ; кромѣ франкскихъ вождей, постоянно упорное наступательное движеніе на Германію видимъ со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ. Заодно съ Карломъ Мартелломъ дѣйствуетъ знаменитый проповѣдникъ Винфридъ или Бонифацій, но идетъ далѣе вождя франковъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, въ заповѣдныхъ языческихъ святилищахъ является безоружный богатырь, и свирѣпые варвары боязливо сторонятся передъ нимъ; въ его словахъ страшная сила, онъ проповѣдуетъ Бога, который сильнѣе ихъ боговъ, по его мановенію подсѣкаются, падаютъ священныя деревья, и ни одинъ богъ не приходитъ отмстить за свою обиду. Въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ жили только дикіе звѣри, слышится звукъ волокола: тамъ стоитъ деревянная церковь, около которой живутъ монахи; скоро къ этимъ мѣстамъ пролагается дорога отовсюду, а куда идетъ много народа, тамъ и начинается постоянно жить много народа, и подъ сѣнью монастыря растетъ городъ. Но завоеванія христіанскихъ проповѣдниковъ подвергались иногда горькой участи: варвары, оскорбленные вторженіемъ чужихъ людей, чужой вѣры, собираются, истребляютъ церкви, монастыри, убиваютъ, выгоняютъ проповѣдниковъ. На мѣсто убитыхъ и прогнанныхъ являются другіе, но, желая обезопасить начатки христіанства, дать ему пустить корни, они ищутъ покровительства свѣтской силы, и вождь франковъ ихъ надежный покровитель, вѣрный союзникъ, ибо у нихъ одно общее дѣло. «Еслибы не страхъ предъ герцогомъ австразійскимъ», говорили миссіонеры, «то намъ нельзя было бы ни устанавливать городъ, ни защищать духовенство». Помощь была взаимная, и ютъ же Бонифацій помазываетъ на царство, провозглашаетъ королемъ Пепина, сына своего союзника и покровителя Карла Мартелла.

Пепинъ получилъ вѣнецъ королевскій; Бонифацій жаждалъ и получилъ вѣнецъ мученическій: семидесятилѣтній старикъ оставилъ вою майнцкую епископію, пошелъ проповѣдовать христіанство между фризами и былъ убитъ ими. Пепинъ опустошилъ за это земли фризовъ, но сынъ его Карлъ поставилъ задачею своей дѣятельности, чтобъ впередъ въ Германіи не убивали проповѣдниковъ христіанства. Въ исполненіи этой задачи и состоитъ историческое значеніе Карла Великаго. Онъ уничтожилъ черту, которая до него отдѣляла Германію отъ римско-христіанскихъ странъ — Італіи и Галліи, сдѣлалъ Германію также христіанскою и доступною къ принятію начатковъ цивилизаціи, далъ Германіи единство,

во сколько она была способна въ нему, ввелъ ее въ общую жизнь съ Италією и Галлією, расширилъ историческую европейскую сцену, перенесши мѣсто борьбы съ варварскимъ міромъ изъ Галліи (изъ сѣверо-восточной ея части преимущественно) въ Германію, сдѣлалъ послѣднюю крайнюю европейскаго христіанскаго міра. То, что Цезарь сдѣлалъ съ Галлією, то Карлъ Великій сдѣлалъ съ Германією, и понятно, что приемы Карла въ войнѣ съ германцами очень сходны съ приемами Цезаря въ войнѣ съ галлами. Состояніе германцевъ при Карлѣ было одинаково съ состояніемъ галловъ при Цезарѣ, какъ вообще съ состояніемъ всѣхъ варварскихъ племенъ, раздѣленныхъ и потому слабыхъ въ борьбѣ съ народомъ, обладающимъ извѣстною степенью цивилизаціи. Цивилизація даетъ широту и ясность взгляда, умѣнье сосредоточивать силы; у варваровъ достаетъ силы нѣсколько разъ подниматься противъ завоевателей, благодаря случайнымъ воинскимъ обстоятельствамъ, особенно благодаря личности какого-нибудь отдѣльнаго человѣка, вождя; но эти возстанія не возвращаютъ свободы, ибо внутренней органической народной и государственной связи нѣтъ; такія же черты представляетъ намъ и послѣдующая борьба западныхъ славянъ съ Карломъ и его германскими преемниками, и борьба пруссовъ съ тевтонскими рыцарями.

Но если борьба германцевъ (преимущественно саксонцевъ) съ Карломъ Великимъ представляетъ поразительное сходство съ борьбою галловъ противъ Юлія Цезаря; если, повидимому, она и во-чилась одинакимъ образомъ, если Карлъ завоевалъ Германію и подчинилъ ее господствовавшему въ Галліи порядку, какъ Цезарь завоевалъ Галлію и подчинилъ ее римскимъ началамъ; то въ послѣдствіи обихъ явленій обнаруживается большое различіе. При завоеваніи Галліи Цезаремъ движеніе шло еще изъ вѣрзкаго государственнаго тѣла, изъ страны, легко задавившей богатствомъ своей цивилизаціи варварскую Галлію, не дававшей развиться въ ней самостоятельности политической и нравственной; но другое было въ отношеніяхъ между Галлією и Германією во времена Карла Великаго. Во-первыхъ, движеніе шло изъ страны внутренно далеко не сильной, изъ государства далеко еще не сложившагося, изъ государства, которое само переживало болѣзненное состояніе рожденія; во-вторыхъ, цивилизація въ Галліи была слаба, нисколько еще не сложилась, не опредѣлилась. Остатки римской цивилизаціи боролись съ германскимъ варварствомъ и заглашались имъ, еще не образовался языкъ. Въ дѣлѣ подчиненія Германіи сильнымъ, могущественнымъ средствомъ въ рукахъ галло-франкскихъ вождей было христіанство; но христіанство по своему существу, по вс-

общности своей, не заключало въ себѣ условій подчиненія, положенія одной національности другою; церковныя же отношенія, которыхъ будетъ рѣчь впереди, связывали Германію съ Италіею, а не съ Галліею. Но если Галлія была слаба въ политическомъ и духовномъ отношеніяхъ, не имѣла средствъ держать Германію въ подчиненіи себѣ, то Германія въ то же время прибрѣтала силу: она прибрѣтала христіанство и начатки цивилизаціи, прибрѣтала единство религіозное и сознаніе о единствѣ политическомъ, выражавшееся въ стремленіи имѣть одного короля; благодаря этимъ обстоятельствамъ, Германіи не только легко было приобрѣсти самостоятельность, но и важное значеніе, значеніе крайны христіанскаго цивилизованнаго міра, перенявъ роль, которая до сихъ поръ принадлежала Галліи, роль, какъ извѣстно, нагодную, ибо она поддерживаетъ народныя силы постоянною борьбою и опасностію. Если эта роль дала въ Галліи первенство северовосточной части, Австразіи, то она же давала теперь преимущество Германіи передъ Галліею, и была причиною, что римскій король удержалъ за собою первенство по титулу, держалъ за собою императорское достоинство. Но, съ другой стороны, и Германія, ставши настолько сильною, чтобъ удержать самостоятельность и прибрѣсть первенство положенія, была однако, какъ государство новорожденное, неустановившееся, заключившее въ себѣ много борющихся другъ съ другомъ элементовъ, такъ слаба, что не могла подчинить себѣ Галліи, и та сподвижно могла переживать внутренніе процессы своего государственнаго образованія, ставши Франціею.

Такимъ образомъ, въ началѣ западно-европейской исторіи мы имѣемъ на континентѣ двѣ главныя страны, которыя обѣ настолько сильны, чтобъ сохранить свою самостоятельность, и настолько слабы, чтобъ посягнуть на самостоятельность другъ друга, это равенство положенія двухъ главныхъ странъ западной Европы, не исключая ихъ постояннаго и сильнаго соперничества борьбы, носило однако въ зародышѣ будущую политическую тему Европы, ея политическое равновѣсіе. Политическая связь Галліи и Германіи могла продержаться только при Карлѣ Великомъ, благодаря личнымъ качествамъ этого государя и тому, что онъ дѣйствительно воспользовался преимуществомъ положенія римскаго владѣнія въ Галліи, чтобъ подчинить Германію христіанству и цивилизаціи; но какъ скоро это дѣло было совершено, Германія получила такія силы, которыя уравнивали ея положеніе съ положеніемъ Галліи, что дѣлало подчиненіе этихъ странъ другъ другу невозможнымъ, условливало ихъ раздѣльную, само-

стоятельную жизнь, тѣмъ болѣе, что знаменитый историческій дѣятель съ своею династією, принадлежа Галліи какъ владѣтель не принадлежалъ ея національности, которая еще не выработалась, — онъ принадлежалъ собственно германской національности хотя несовершенно, принадлежа также міру римско-христіанскому и цивилизованному. Эта принадлежность двумъ мірамъ, двумъ странамъ, и дѣлала Карла способнымъ сыграть ту посредствующую между ними роль, которою онъ знаменитъ въ исторіи; и при этомъ для каждаго ясно, что Карлъ Великій есть собственно дѣятель германской исторіи и начальный ея дѣятель; онъ былъ то же для Германіи, что Кловисъ для Франко-Галліи или послѣдующей Франціи. Франко-Галлія отъ дѣятельности Карла не получила ничего; она потеряла только вслѣдствіе ея значеніе укрѣпленны цивилизованнаго міра, ибо это значеніе, благодаря Карлу перешло къ Германіи; но Германія получила отъ дѣятельности Карла все.

Кромѣ Галліи и Германіи, дѣятельность Карла Великаго обняла также и Италію; но здѣсь эта дѣятельность должна была подчиниться условіямъ, въ которыхъ жила Италія, которая сама вынесла изъ прежней своей исторіи. Здѣсь римская старина была сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; здѣсь былъ вѣчный городъ съ своимъ притязаніемъ на всемірное главенство, съ своимъ соперничествомъ относительно Византіи, которая предъявляла то же притязаніе, съ своею извѣстною борьбою противъ варварскихъ вождей, хотѣвшихъ владѣть Римомъ такъ, какъ владѣли другими городами Италіи съ своею формою быта, какъ она образовалась во время религиознаго переворота, когда епископъ города получилъ первостепенное значеніе, а епископъ Рима былъ вѣренъ притязанію своего города, и потому считалъ себя главою всѣхъ другихъ епископовъ. Карлъ явился въ Италію какъ вѣрный слуга Рима: онъ освободилъ его и отъ лонгобардовъ, и отъ византійскаго императора, и за это былъ выкрикнутъ въ Римѣ императоромъ. При подчиненіи варваровъ римской цивилизаціи, при господствѣ римскихъ представленій и формъ, могущественный обладатель Галліи, Германіи и Италіи получилъ и высшій титулъ императора, тогда какъ предки его назывались только римскими патриціями. Этотъ высшій титулъ былъ переданъ сильнѣйшему изъ владѣтелей западной Европы, то онъ и остался между ними. Италія и Рим оставались при этомъ въ томъ положеніи, какое началось для нихъ въ послѣднее время имперіи, когда императоры покинули Римъ для Равенны; теперь императоры жили еще дальше Равенны за Альпами, и потому Римъ имѣлъ еще болѣе свободы опредѣлять

зи отношенія по новымъ историческимъ условіямъ. При этомъ явное явленіе преждее—борьба за независимость противъ слишкомъ сильныхъ владѣльцевъ, стремившихся подчинить Италію, Римъ, своему вліянію, своей власти. Борьба происходила и теперь подъ именемъ Рима, но знамя, по условіямъ времени, имѣло другой видъ: Римъ развилъ особенную власть, власть папскую, имѣвшую ригидизація на всемірное владычество; но тотъ же Римъ сохранилъ изъ своей старины другую власть, тѣсно, необходимо съ нимъ связанную въ мысли народовъ, власть римскаго императора, двѣ эти власти должны были вступить въ борьбу, имѣвшую важное значеніе для жизни всей западной Европы.

Поэтому, возстановленіе титула римскаго императора для одного изъ государей новыхъ западно-европейскихъ владѣній имѣло важное значеніе для послѣдующей исторіи; но въ началѣ этого возстановленія, при Карлѣ Великомъ, разумѣется, никто не могъ предугадать всѣхъ послѣдствій. Римъ призналъ императоромъ вѣрнаго владѣльца, жившаго въ Ахенѣ, какъ признавалъ императорами государей, жившихъ въ Равеннѣ или Константинополѣ. На очереди было явленіе, къ которому уже давно привыкли: ослабѣ сильнаго человѣка, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ большое количество земель, владѣнія его распадались, ибо между ними не выработалась крѣпкая внутренняя органическая связь, которая бы поддержала единство и порядокъ и при отсутствіи имъ въ правителѣ. Династическое начало, вмѣсто помощи единству, дѣйствовало противъ него разрушительно, ибо родовое начало не знало никакихъ сдѣлокъ съ государственнымъ. За всѣми новыями признавалось право наслѣдовать въ отцовскихъ владѣніяхъ, и только сила, жестокости и властолюбію предоставлялось обновлять нарушенное единство, когда сильнѣйшіе владѣльцы вытѣснялись отъ младшихъ братьевъ и племянниковъ, убивая ихъ, ослѣпляя, заключая въ монастыри. Все зависѣло отъ случайности: будь преемникъ Карла похожъ на него, то единство сохранилось бы въ его царствованіе; но такъ какъ сынъ Карла не былъ похожъ на отца, то единство Карловыхъ владѣній шло; но дѣла Карла остались—основаніе новой Германіи и веденіе ея въ связь съ Италіею; послѣ него на лицо было три страны, отъ взаимодѣйствія которыхъ зависѣла послѣдующая судьба западной Европы: Галлія, превращавшаяся во Францію, Германія, одна подлѣ другой, съ равными силами, третья—Италія, замѣняющая недостатокъ политическаго вліянія нравственнымъ вліяніемъ, приносящая въ это народное взаимодѣйствіе новую силу.

Теперь посмотримъ, что было сдѣлано при Карлѣ Великомъ и владѣтеляхъ изъ его рода относительно внутренняго строя. Дѣятельность Карла носить тотъ же характеръ, какъ и дѣятельность наиболѣе энергичныхъ его предшественниковъ: онъ старался задержать установленіе того порядка вещей, который былъ необходимъ по тогдашнимъ условіямъ новорожденныхъ государствъ западной Европы, именно закладничества, или такъ-называемаго феодализма. Мы видѣли, что варвары наследовали отъ имперіи самое жалкое состояніе экономическаго быта; городъ упалъ, жители его, не могшіе удовлетворить требованіямъ казны, бѣжали, мелкіе землевладѣльцы закладывались за богатыхъ, отдавали имъ свои земли, на которыхъ оставались уже въ видѣ временныя владѣльцевъ, что, по выраженію современниковъ, было первымъ шагомъ къ рабству. Подданные имперіи желали, говорить съ современники, владычества варваровъ; ихъ желаніе исполнилось, но могли ли они выиграть что-нибудь чрезъ эту перемѣну? Основныя отношенія остались прежнія. Новые варварскіе королѣ раздали своимъ сподвижникамъ земли въ помѣстья и вотчины, разослали своихъ сподвижниковъ правителями областей; по прежнему слабые и бѣдные явились безпомощными предъ сильными и богатыми, по прежнему, для полученія защиты отъ нихъ, они должны были за нихъ закладываться. Единственное, временное облегченіе происходило, когда сильный правитель, какое бы ни званіе онъ ни носилъ, начиналъ преслѣдовать другихъ сильныхъ преслѣдовать людей, которые хотѣли усилиться около себя, и брать себѣ всякими средствами побольше земель, полученныя отъ короля помѣстья превратить въ вотчины, управление областями сдѣлать наследственнымъ для себя. Истребленіе такихъ *тиранновъ*, какъ они называются въ источникахъ, разумѣется, должно было давать временное облегченіе угнетеннымъ, но только временно, ибо сильный правитель, истребившій опасныхъ для его власти тиранновъ, раздавалъ ихъ земли и должности преданнымъ себѣ людямъ, своимъ антрустіонамъ, которые опять пользовались своею силою и властью, чтобы обогащаться, усиливаться на счетъ слабыхъ, приводить послѣднихъ въ зависимость отъ себя. Въ 453 году Мартелла, Карлъ Великій, императоръ римскій, имѣлъ много побужденій водворить правду въ своихъ владѣніяхъ, защитить слабыхъ отъ сильныхъ, воспрепятствовать исчезновенію свободныхъ землевладѣльцевъ, переходу ихъ въ закладники или захребетники за частныхъ людей. Но какія были у него для этого средства, соотвѣтствующія собственному его представленію о своемъ характерѣ и представленію подчиненнаго населенія?

Представитель верховной власти былъ прежде всего для народа судья праведный, защитникъ отъ насилій. Епископъ говорилъ новому королю: «мы просили у Бога государя, который бы управлялъ нами по правдѣ, управлялъ каждымъ по его мѣсту и званію, государя, который былъ бы намъ покровомъ и защитою». Въ своихъ просьбахъ народъ говорилъ королю: «если хочешь, чтобъ мы были тебѣ вѣрны, дай силу законамъ». «Я буду судить по правдѣ,—говорилъ король,—если вы будете мнѣ воздавать честь и будете послушны». Мы хорошо знакомы съ этимъ общимъ для народовъ представленіемъ: «пойщемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и судилъ по праву». Какъ же могла доходить къ народу королевская правда, и прежде всего какъ могли доходить до ушей королевскихъ извѣстія о неправдахъ, жалобы на нихъ? Чѣмъ обширнѣе было новорожденное государство, тѣмъ, разумѣется, было больше препятствій этому. Извѣстная часть народонаселенія, именно: военная, свободные землевладѣльцы-вотчинники должны были собираться весною (сначала собирались въ мартѣ, а потомъ въ маѣ мѣсяцѣ) на военный сборъ или смотръ; но, какъ обыкновенно бываетъ въ государствахъ новорожденныхъ, неразвитыхъ, одинъ и тотъ же органъ служить для разныхъ отправленій, одно учрежденіе должно удовлетворять разнымъ потребностямъ, и потому майскіе военные сборы или смотры являлись сеймомъ, на которомъ король совѣщался съ вельможами и знатнымъ духовенствомъ о строѣ земскомъ и церковномъ, составлялись постановленія, которыя тутъ же объявлялись и утверждались одобрителными криками собранія; на сеймѣ рѣшались и важнѣйшія дѣла судныя. Пока каждый свободный человѣкъ могъ являться на сеймъ, до тѣхъ поръ онъ могъ на немъ представлять свои интересы и сдерживать сильныхъ. Но свободные люди, мелкіе землевладѣльцы-собственники не долго сохраняли возможность являться на сеймы. Обширность франкскихъ владѣній дѣлала эти путешествія затруднительными и тяжкими; поселеніе воиновъ на земельныхъ участкахъ необходимо производило перемѣну въ ихъ характерѣ, ослабляло воинственность, охоту къ движенію, выдвигало на первый планъ другіе интересы, хозяйственные: отсюда естественное стремленіе отбывать походоы и сеймовъ; отдаленные походы Карла Великаго не могли не имѣть вреднаго вліянія на мелкихъ, свободныхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, они должны были истреблять значительное ихъ число, вслѣдствіе чего въ вотчинахъ оставались довы и сироты, которыхъ легче было притѣснять насильникамъ; во-вторыхъ, отдаленность похода ужасала опасностями и разоре-

ніями вслѣдствіе покинутія хозяйствъ; по первой же причинѣ уменьшилось и число свободныхъ людей на сеймахъ; интересы ихъ оставались безъ защиты, а между тѣмъ стремленіе ихъ отбывать отъ военной службы, отговорки давали возможность областнымъ правителямъ обвинять ихъ въ непослушаніи, говорить, что съ ними нельзя ничего сдѣлать иначе, какъ силою, захватомъ ихъ домовъ. Чтобы избѣжать военной службы, мелкіе землевладѣльцы стали закладываться за монастыри и за богатыхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ; но у правителей областныхъ были еще средства заставлять мелкихъ землевладѣльцевъ закладываться за себя, свободные люди несли тяжкія повинности: у нихъ останавливались королевскіе гонцы, кормились на ихъ счетъ и брали подводы даромъ; кромѣ того, свободные же люди должны были содержать въ исправности дороги и мосты; областные правители заставляли ихъ работать на себя, и для избѣжанія всѣхъ этихъ тягостей свободные люди закладывались, тѣмъ болѣе, что управы противъ насильниковъ получить было трудно. Сначала свободное населеніе небольшихъ округовъ или сотенъ должно было являться въ назначенные сроки, черезъ недѣлю или двѣ на мѣсто, назначенное для суда; но во время частыхъ и далекихъ походовъ, во время отсутствія областныхъ правителей, которые были вмѣстѣ и судьями, во время отсутствія свободныхъ людей, способныхъ носить оружіе, такое соблюденіе сроковъ и полноты суда было невозможно, особенно когда число свободныхъ людей становилось все меньше и меньше, вслѣдствіе закладничества. Послѣ, при Карлѣ Великомъ, надобно было ограничить число свободныхъ людей, собиравшихся на судъ; вмѣсто всѣхъ, должны были являться, такъ-называемые *scabini*, соотвѣтствующіе нашимъ «лучшимъ людямъ», ибо одинъ указъ или капитулярій говоритъ о нихъ, какъ о «лучшихъ людяхъ, какихъ только можно найти, такихъ, которые Бога боятся, справедливы, кротки и добры». Скабины избирались государевыми посланцами, при содѣйствіи областныхъ правителей и народа, изъ среды свободныхъ людей.

Но подобныя мѣры только указывали на уменьшеніе числа свободныхъ людей, и никакъ не могли усилить ихъ благосостояніе и дать имъ средства удерживаться отъ закладничества. Карль очень хорошо понималъ, какъ важно было для его значенія и власти сохраненіе свободныхъ людей, которые давали ему независимыя средства вести внѣшнія войны и внутри державы въ повиновеніи сильныхъ людей; очень хорошо понималъ, что съ переходомъ вольныхъ людей въ захребетники къ богатымъ землевладѣльцамъ онъ или, по крайней мѣрѣ, его преемники

очутятся въ рукахъ послѣднихъ. Карлъ давалъ предписаніе за предписаніемъ въ пользу свободныхъ людей; но предписанія мало помогали въ новорожденномъ обществѣ, которое по своей слабости, по своему хаотическому состоянію, не могло помогать власти, и дѣйствіе власти ослаблялось самимъ Карломъ, который, расширивъ предѣлы своихъ владѣній и своей дѣятельности, тѣмъ самымъ отнималъ у себя средства прямо и сильно дѣйствовать въ предѣлахъ прежнихъ своихъ владѣній. У Карла оставалось одно средство — личное посредственное дѣйствіе, посылка довѣренныхъ людей для наблюденія за исполненіемъ предписаній, и Карлъ схватился за это средство, какъ наиболѣе дѣйствительное, и употреблялъ его въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что ему приписывается учрежденіе «государевыхъ посланцевъ» (*missi dominici*), хотя оно употреблялось и прежде него; при Карлѣ же это учрежденіе получило постоянство и правильное опредѣленіе; установлено было десять округовъ (*missatica*), изъ которыхъ каждый объѣзжали два лица — свѣтское и духовное; каждый округъ заключалъ въ себѣ шесть графствъ и четыре епископства. Разѣзды государевыхъ посланцевъ увеличивали еще тягости, лежащія на областныхъ жителяхъ, которые должны были содержать ихъ на свой счетъ и давать подводы; содержаніе доставлялось натурою: 40 хлѣбовъ, два поросенка, барашекъ, четыре цыпленка, двадцать яицъ и т. д. Брать деньги было строго запрещено. Прибывши въ назначенный округъ, посланецъ собиралъ всѣхъ свободныхъ франковъ и объявлялъ имъ о цѣли своего приѣзда; не будучи въ состояніи обозрѣть лично всѣ мѣстности округа, *missus* избиралъ лучшихъ, самыхъ вѣрныхъ людей и разсылалъ ихъ повсюду для наблюденій. Предметомъ надзора посланцевъ были — правосудіе, общее управленіе, взиманіе податей, взиманіе штрафа, который назывался *heriban*, платимый тѣми, которые не являлись на воинскій сборъ (*были съ нѣтъхъ*, по старому русскому выраженію). Посланецъ освѣдомлялся, кто изъ людей, при- ставленныхъ къ разнымъ дѣламъ, хорошо исполнялъ свою должность, чтобъ донести объ нихъ государю; самъ смѣнялъ дурныхъ, но главнаго областного правителя или графа смѣнить не могъ, а доносилъ только государю. Когда какой-нибудь сильный человекъ, свѣтскій или духовный, отказывался исполнять приказаніе посланца, то послѣдній оставался со всею свитою жить въ его владѣніяхъ, т.-е. кормился на его счетъ, до тѣхъ поръ, пока непокорный смирялся. Этотъ обычай замѣчательнъ, во-первыхъ, потому, что показываетъ, какъ тяжело было содержать посланца; во-вторыхъ, что было общаго у средневѣковыхъ народовъ, и считалось

самымъ естественнымъ наказаніемъ для ослушниковъ; въ русской лѣтописи, въ разсказѣ о бѣлозерскихъ волхвахъ, говорится: «въ это время пришелъ отъ князя Святослава Янъ, сынъ Вышатинъ, вошедши въ городъ къ бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: «если не перехватаете этихъ волхвовъ, то цѣлое лѣто не уйду отъ васъ. Бѣлозерцы привели къ нему волхвовъ».

И знаменитое установленіе государевыхъ посланцевъ не могло остановить усиленія закладничества. Чтобы эта мѣра была успѣшна, надобно было, чтобы всѣ *missi dominici* были достойны королевскаго довѣрія, чтобы, кромѣ честности, имѣли много ума, проницательности, ловкости для усмотрѣнія злоупотребленій и ихъ прекращенія; но этимъ условіямъ удовлетворить было не легко. Впрочемъ, оставя въ странѣ злоупотребленія правителей, всякаго рода отягощенія, которыми сильные заставляли слабыхъ закладываться за себя, мы должны остановиться на одномъ побужденіи къ закладничеству, которое одно имѣло большую силу и противъ котораго *missi dominici*, при всей добросовѣстности, не могли ничего сдѣлать: это побужденіе было избываніе военной службы, дальнихъ походовъ. Какъ только воинъ, дружинникъ, дѣлался землевладѣльцемъ, хозяиномъ, то онъ терялъ военный характеръ; походъ, особенно отдаленный, былъ ему въ страшную, нестерпимую тягость, и чтобы избавиться отъ него, онъ закладывался за ближайшаго крупнаго землевладѣльца, выговаривая себѣ большія льготы, именно относительно военной повинности. «Эти люди были свободны, но такъ какъ они не могли выносить военной повинности, то отдали свои земли (заложились)», говорятъ источники. Такимъ образомъ, закладничество, или феодализмъ знаменуетъ время усаживанія народовъ въ извѣстныхъ странахъ, превращеніе воинственныхъ движеній, которымъ знаменуется предшествующее время, время движенія дружинъ, переселенія народовъ. Воины, получившіе земли, принадлежатъ къ нимъ, не хотятъ съ ними разлучаться, вступаютъ въ частный союзъ, въ зависимость, лишь бы не отлучаться отъ своихъ земель, по крайней мѣрѣ въ долго. Здѣсь обнаружилась необходимая реакція предшествовавшему направленію наступательному, здѣсь обнаружилось стремленіе стать крѣпко, удержаться, сохранить прибрѣтенное. Страна покрылась замками и всѣ землевладѣльцы уцѣпились, такъ сказать, другъ за друга, для защиты. Карлъ Великій былъ послѣдній завоеватель. Германское движеніе кончилось его походами, и кончилось обратнымъ путемъ: вождь франковъ, сначала называвшійся римскимъ патриціемъ, потомъ императоромъ, двигался съ запада на востокъ и подчинилъ себѣ Германію изъ Галліи. Морскія движенія нор-

манновъ, начавшіяся съ этого времени, уже показываютъ, что на сухомъ пути движеніе германскаго племени закончилось, что на сухомъ пути ему нѣтъ больше мѣста, что здѣсь великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло; излишку сѣвернаго народонаселенія, безпокойнымъ силамъ, богатырству оставалась одна морская дорога, завоеваніе острововъ и кое-какихъ овеочностей западной части континента.

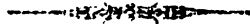
Великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло, давши западной Европѣ новыя, свѣжія силы въ новомъ, свѣжемъ словѣ народонаселенія, принадлежавшаго также къ любимому исторією племени арійскому, способному перенять древнюю греко-римскую цивилизацію и, при ея помощи, создать новую. При ея помощи? Давно уже историческая наука трудится надъ опредѣленіемъ степени этой помощи и встрѣчаетъ, какъ обыкновенно случается, препятствія въ своемъ дѣлѣ отъ ложнаго пониманія патріотизма, вслѣдствіе котораго, съ одной стороны, преувеличивается доля участія новыхъ народовъ въ построеніи новаго общества, съ другой преувеличивается дѣло участія римскаго, т.-е. олатыннаго народонаселенія; выставляютъ въ новыхъ народахъ ихъ варварство, страсть къ разрушенію, бѣдствія, которыя они причинили цивилизаціи. Но дѣло въ томъ, что еслибы цивилизація римскаго міра была сильна, еслибы она давала обладающему ея народу нравственныя и матеріальныя средства, то отношенія были бы иныя: не варвары поворили бы римскія области, а Римъ покорилъ бы себѣ германцевъ, какъ покорилъ галловъ, и заставилъ бы ихъ совершенно подчиниться своей національности, олатынили бы ихъ. Таковы бывають всегда слѣдствія столкновенія сильныхъ цивилизованныхъ народовъ съ варварами; если же встрѣчаемъ обратное явленіе, т.-е. что варвары покоряють цивилизованный народъ, то это значитъ, что послѣдній одряхлѣлъ, вслѣдствіе чего пала и его цивилизація; такой упадокъ цивилизаціи и представляетъ намъ описываемое время, время разложенія римской имперіи; одряхлѣвшій римскій элементъ и его цивилизація были слишкомъ слабы, и потому не могли подчинить себѣ варваровъ, олатынить ихъ, и этимъ самымъ варварамъ была дана возможность начать жить своею жизнью, хотя и при новыхъ условіяхъ; ихъ національность не была задавлена чужою, римскою цивилизаціею, но отчасти только подчинилась ея вліянію, и подчиненіе это имѣло свои степени, что обнаружилось на языкѣ, этомъ показателѣ народности: и въ прежнихъ римскихъ областяхъ варвары не приняли вполне латинскаго языка, но взмѣнили его, образовали особые языки изъ смѣшенія латин-

сваго съ германскимъ; а за Рейномъ, въѣ прежнихъ областей римскихъ, германскій языкъ сохранился свободнымъ отъ латинскаго вліянія. При столкновеніи съ Римомъ новые народы встрѣтили одну дѣйствительную силу и безусловно покорились ей: эта сила была сила новой религіи, христіанства; остатки нравственныхъ силъ древняго общества весь ушелъ сюда, новые народы также выставили на служеніе новой религіи лучшія свои силы, и началась новая сильная жизнь, преимущественно подъ вліяніемъ новаго начала; подъ покровомъ этого сильнаго начала нашла себѣ убѣжище и слабая цивилизація древняго міра.

Древнее государственное устройство и древній экономическій бытъ оказались несостоятельными, не могли служить непосредственному образованію прочныхъ государственныхъ тѣлъ. Самыми сильными внутренними и внѣшними средствами историческіе дѣятели не могли тутъ ничего сдѣлать, и государство Карла Великаго, знаменитаго возстановителя римской имперіи, представляло внутри хаосъ, разложеніе общества, безнаказанность силы за насиліе: «власть лежала тяжелымъ гнетомъ на слабыхъ; разбойники безнаказанно совершали свои грабительства; мстители беззаконій являлись сообщниками преступленій» (Алзуинъ).

Если такъ было при Карлѣ Великомъ, то легко понять, что стало послѣ него, когда личное ничтожество и междоусобныя войны еще болѣе ослабили власть его преемниковъ. Частный союзъ, частныя сдѣлки между слабыми и сильными явились единственнымъ средствомъ спасенія. Государство должно было отказаться отъ борьбы противъ частнаго союза, должно было отказаться отъ своихъ претензій, и мерзенскій эдиктъ 847 года провозглашаетъ: «всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина».

С. Соловьевъ.



I.

БАБУШКА

Послушай, Машенька, дружокъ,
Поправь въ каминѣ огонёкъ:
Намъ будетъ веселѣе;
И кресло то, что въ уголку,
Подвинь поближе къ камельку:
Мнѣ лучше, какъ теплѣе.

Я нынче, Маша, вся больна,
Всю ночь какъ есть лежу безъ сна,
А днемъ дремота клонить;
Къ дождю должно быть ноетъ боже,
Не въ силахъ я вязать чулокъ,
Въ могилу старость гонить.

Эй, Сенька! дровы! Огонь потушь.
Нейдетъ, не слышитъ, старый, глухъ,
Да, годы одолѣли!
Полвѣка Сенья отслужилъ;
Его мнѣ дѣдъ твой подарилъ,
Мы вмѣстѣ одряхлѣли.

Какъ пѣсь онъ преданъ, рѣдко пѣтъ,
Въ передней все подтяжки шьетъ,
Меня къ обѣднѣ водить.
Гдѣ сыщешь нынче прежнихъ слугъ:
Все стало суетно вокругъ,
Знать, міръ въ концу приходитъ.

Мальчишки судять-рядятъ свѣтъ,
 Къ роднымъ любви, почтенья нѣтъ,
 Надъ всѣмъ смѣяться стали;
 Быть можетъ, старыя глупѣй,
 А жили проще, веселѣй,
 Хоть меньше книгъ читали.

Скучненько!.. Нотную тетрадь
 Возьми, дружокъ, къ роялю садь,
 Потѣшь меня, старушку;
 Спой пѣсню, знаешь, про купца,
 Про удалого молодца,
 И про его подружку.

Я пѣсни старыя люблю:
 Въ нихъ память прошлаго ловлю,
 И сердцемъ молодѣю;
 Невольно вспомнишь домъ родной,
 Тѣнистый садъ, оврагъ крутой
 И старыхъ липъ аллею.

Мнѣ въ дѣвкахъ весело жилось,
 (Эхъ, жаль!—не долго довелось),
 Насъ было три сестрицы;
 Въ селѣ Покровскомъ былъ нашъ домъ;
 Красою славились кругомъ,
 Покровскія дѣвицы.

Сосѣди съѣдутся подь-часъ,
 Веселый пиръ пойдетъ у насъ,
 Смѣшки да прибаутки.
 Лѣтъ шестьдесятъ съ тѣхъ поръ прошло,
 Веселье время унесло—
 Лѣтъ шестьдесятъ не шутки!

Болтать—не кружево плести,
 Охота старой вздоръ нести,
 Такъ думаешь ты,—Мама.
 Болтливость—нашъ невольный грѣхъ,
 У насъ вѣдь нѣтъ другихъ утѣхъ,
 Тосклива старость наша.

Да ты не слушаешь меня,
 Забилась въ уголь безъ огня,
 И дремлешь надъ иглою
 (Мила лѣнливымъ темнота).
 Чтѣ это? слезы, дурнота,
 Ты плачешь, чтѣ съ тобою?

Съ утра сегодня цѣлый день
 Ты бродишь пасмурна какъ тѣнь,
 Задумчива, не въ духѣ,
 Глаза туманны, смотреть въ даль,
 Повѣдай мнѣ свою печаль
 Откройся мнѣ, старухѣ.

Ужъ не зажгла-ль дѣвичью кровь
 Шалуныя вѣчная—любовь?
 Но горю кто виновникъ?
 Мнѣ видѣть все не по лѣтамъ,
 А впрочемъ часто ходитъ къ намъ
 Молоденькй чиновникъ.

Взойдетъ онъ, шляпу мнетъ, холить,
 Умильно мнѣ въ глаза глядитъ,
 Какъ дѣвушка робѣетъ,
 Ведетъ лукавый разговоръ,
 Порою, встрѣтивъ милый взоръ,
 Запнется и краснѣетъ.

Смѣешься, Маша! въ добрый часъ,
 Сыграемъ свадьбу мы какъ разъ,
 Авось повеселѣемъ!
 Куда бѣжишь ты?—А, звонокъ!
 Продрогнулъ видно папъ дружокъ,
 Пускай войдетъ—согрѣемъ.



II.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Ты умерла, дитя, сама того не зная,
 На розовыхъ устахъ улыбка замерла,
 Въ лазури глазъ твоихъ погасла мысль живая,
 Сомнѣнью мѣста нѣтъ, дитя, ты умерла!

Я ночью лѣтнею, холодною, тоскливой,
 Къ могилѣ несъ тебя въ объятіяхъ своихъ,
 За нами звѣзды шли толпою молчаливой,
 Намъ пѣли соловьи прощальный грустный стихъ.

Когда мы съ рощею высокою поравнялись,
 Рядъ сосенъ съ грустію на шествіе глядѣлъ,
 Въ одеждахъ траурныхъ ихъ вѣтви наклонялись,
 Весь лѣсъ таинственно отходную гудѣлъ.

Пришли мы къ озеру: тамъ сифы веселились
 Вокругъ плачущихъ ивъ веселою толпой;
 Замѣтивъ насъ вдали, они остановились,
 Съ улыбкой скорбною, качая головой.

Къ могилѣ мы пришли, къ вѣнцу моихъ страданій,
 Намъ мѣсяцъ рѣчь надгробную читалъ,
 Онъ тихо говорилъ межъ вздоховъ и рыданій...
 За лѣсомъ волоколъ уныло прозвучалъ.



III.

ЧЕШСКАЯ ПѢСНЯ

Слушай ты, холодная,
Блѣдная звѣзда,
Сворбь моя глубокая
Для тебя чужда!

Еслибъ ласку женскую
Ты могла узнать,
Еслибъ душу нѣжную —
Сердце тебѣ дать, —

Искрами горячими
Надъ моей бѣдой
До утра-бъ ты плакала,
Звѣздочка, со мной:

За другого выдали
Милую мою,
Нищато не приняли
Въ гордую семью.

А. ЯЗЫКОВЪ.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846.

XI *).

Новые резиденты отъ трехъ покровительствующихъ державъ: Гартманъ, Лиманъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ.—Постоянная конференція изъ нихъ.—Дѣтельность польскихъ эмиграціонныхъ комитетовъ за-границей и сношенія ихъ съ Краковомъ.—Вопросъ о подданныхъ вольнаго города.— Столкновеніе конференціи резидентовъ съ сенатомъ.—Протестъ сенатора І. Мѣрошевскаго.—Арестъ К. Гуляницкаго.—Полемика въ англійскихъ газетахъ о нейтральности и независимости Кракова.—Отзвмы французской печати.—Вопросъ о назначеніи британскаго и французскаго консуловъ въ Краковъ.—Наплывъ эмигрантовъ въ Краковъ.—Мнѣніе сената о нихъ.—Молчаніе резидентовъ.—Статьи нѣмецкихъ газетъ противъ краковскихъ властей.—Убіеніе Павловскаго.—Завлятіе Кракова военными отрядами трехъ державъ.—Нота резидентовъ отъ 4-го февраля 1836 года.—Объявленія австрійскаго генерала фонъ-Кауфманъ фонъ-Траупштейнбурга.—Очищеніе Кракова отъ эмигрантовъ.—Письмо президента краковскаго сената Велѣгловскаго къ князю Меттерниху, и отставка его.

Введя въ политическую жизнь краковской республики новую конституцію, переустройвъ, при содѣйствіи особаго комитета, краковскія школы и назначивъ новыхъ сенаторовъ вмѣстѣ съ ихъ президентомъ, реорганизаціонная коммиссія выѣхала изъ Кракова и была замѣнена постоянными резидентами покровительствующихъ дворовъ: Гартманомъ отъ Пруссіи, Лиманомъ отъ Австріи и барономъ Унгернъ-Штернберггомъ отъ Россіи. Согласно § 27 новой конституціи, эти резиденты образовали изъ себя конференцію, которая имѣла право разбирать несогласія между сей-

*) См. выше: янв. 107; февр. 460; мар. 100 стр.

момъ и сенатомъ, между членами самаго сената, толковать основные законы, что давало имъ право постоянного вмѣшательства во внутреннiя дѣла республики. Такимъ образомъ, сенатъ очутился подъ контролемъ власти, стоявшей несравненно выше его и имѣвшей свой источникъ вѣхъ Кракова. Между тѣмъ, эпоха, о которой у насъ идетъ рѣчь, была самою трудною для правительства небольшой республики, долженствовавшей всякими мѣрами и всякою цѣною поддерживать ея вѣншнее и внутреннее спокойствiе. По окончанiи революцiи въ польскомъ королевствѣ, эмиграцiя толпами устремила за-границу, преимущественно во Францiю. 25-го октября (6-го ноября) 1831 года основанъ былъ въ Парижѣ временный эмиграцiонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Немоевскаго: здѣсь собрались главные вожди сеймовой оппозицiи, дѣйствовавшей до 1830 года, и чистые республиканцы. 26-го ноября (8-го декабря) образовался комитетъ Лелевеля, издавшiй воззванiе, въ которомъ порицались непослѣдовательность и измѣна, подорвавшiя успѣхъ возстанiя. Два дня спустя утверждено было такъ-называемое «общество литовскихъ и русскихъ князей». 5-го (17-го) марта 1832 года открыло свои дѣйствiя польское демократическое общество, главными вождями котораго были Гуровскiй и Кремповецкiй. Подъ рукою этихъ комитетовъ и обществъ, въ Парижѣ собралась значительная масса польскихъ эмигрантовъ. Вожди ихъ вошли въ тѣсныя сношенiя съ влiятельнѣйшими членами во французскомъ министерствѣ и въ обѣихъ палатахъ. По ихъ ходатайству, польскимъ эмигрантамъ назначена была субсидiя отъ Францiи въ 2,000,000 франковъ. Кромѣ того, многiе изъ магнатовъ, удаляясь изъ отечества, успѣли перевести свои капиталы за-границу. При такихъ средствахъ организацiя польской эмиграцiи на первыхъ порахъ шла съ большимъ успѣхомъ. Князь Адамъ Чарторыйскiй образовалъ даже польское литературное общество въ Парижѣ, открывшее свои дѣйствiя 17-го (29-го) апрѣля 1832 года. 10-го (22-го) октября образованъ польскiй народный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Дверницкаго, мечтавшаго сосредоточить около себя вѣхъ партiи, но ему удалось присоединить къ себѣ только нѣкоторыхъ членовъ Лелевелевскаго комитета, который былъ распущенъ въ декабрѣ того же года. Въ 1833 году эмиграцiя начинаетъ уже думать о поддержкѣ революцiоннаго направлениа во всей Европѣ, надѣясь извлечь изъ того выгоды для польскаго дѣла. 5-го (17-го) апрѣля этого года происходило въ Парижѣ засѣданiе бывшихъ членовъ варшавскаго сейма, на которомъ рѣшено было поддерживать намѣренiе эмиграцiи. Часть эмигрантовъ удалилась чрезъ

Швейцарію въ итальянскія земли для возбужденія въ нихъ революціи. Въ маѣ, эмиграціонные комитеты уже выслали своихъ эмиссаровъ въ Галицію и Варшаву, дабы подготовить тамъ умъ къ новому возстанію. Наконецъ, рѣшенъ былъ такъ-называемый партизанскій набѣгъ на Польшу, подъ начальствомъ Заливскаго, котораго поддерживали своими средствами не только польскіе комитеты, но также французскій и американскій. Заливскій уже выдалъ прокламацію къ жителямъ Галиціи, приглашая ихъ къ вторженію въ царство польское. Галиція наполнилась эмигрантами, но австрійское правительство приняло свои мѣры противъ ихъ замысловъ. Тогда эмиграція обратила вниманіе на Краковъ, какъ единственную польскую мѣстность, сохранившую свою независимость. Партизанскій набѣгъ не удался; только увеличилось число польскихъ узниковъ, интернированныхъ въ австрійской крѣпости Куфштейнѣ и прусской крѣпости Эльбингѣ; но Краковъ былъ скомпрометтированъ сношеніями эмиграціи съ его жителями и признанъ сосѣдними державами какъ пунктъ, опасный для спокойствія ихъ пограничныхъ областей. Въ сентябрѣ 1833 года реорганизаціонная коммиссія, еще не выѣзжавшая тогда изъ Кракова, объявила его сенату, что покровительствующіе дворы считаютъ свободный переходъ черезъ Вислу по мосту въ Подгорье существенно опаснымъ для общественнаго спокойствія и порядка не только въ краковскомъ округѣ, но и въ сосѣднихъ областяхъ, а потому признаютъ навсегда за Австріей право держать гарнизонъ въ Подгорьѣ и уничтожаютъ торговыя привилегіи этой мѣстности. Въ ноябрѣ, Австрія уже успѣла удалить часть эмигрантовъ, скрывавшихся въ Галиціи, въ Америку. Оставалось только внимательно слѣдить за Краковомъ, чтобы онъ не наполнился революціонными эмиссарами. Эта обязанность лежала на резидентахъ покровительствующихъ дворовъ.

Первымъ вопросомъ, въ которомъ выразился надзоръ резидентской конференціи за распоряженіями краковскаго правительства, былъ вопросъ о принятіи въ подданство республики поляковъ, переходившихъ изъ сосѣднихъ областей. Резиденты противились дарованію правъ гражданства такимъ лицамъ, которые не только принимали прямое или косвенное участіе въ польской революціи, но и считались подозрительными въ этомъ отношеніи. Противъ этого сенатъ не могъ возражать, ибо самая конституція требовала, чтобы подданные трехъ сосѣднихъ державъ, до перехода въ краковское подданство, представляли увольнительныя свидѣтельства отъ своихъ властей. Но въ началѣ 1834 года конференція вмѣшалась въ споръ между краковскимъ правитель-

ствомъ и начальствомъ госпиталя св. Лазаря, и приняла на себя организацію этого учрежденія, назначивъ для этой цѣли особый комитетъ. Тогда сенатъ, вооружившись храбростью, осмѣлился замѣтить резидентамъ, что § 27 конституціи предусматриваетъ лишь одинъ случай вмѣшательства конференціи, подъ который не подходитъ настоящее дѣло; а потому сенатъ не видитъ основаній, по которымъ конференція подвергается своему надзору его дѣйствія, подлежащія, по основнымъ законамъ, контролю законодательной власти. Резиденты, поставленные въ необходимость отразить оппозицію сената при самомъ ея зарожденіи, отвѣчали сухо, «что они не имѣли въ виду изясняться предъ сенатомъ относительно его дѣйствій; что они поступаютъ согласно съ предписаніями ихъ дворовъ, и, соединившись въ постоянную конференцію для дѣлъ сего края (*conférence permanente pour les affaires de ce pays*), дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ, и что сенатъ имѣетъ впредь призывать ихъ въ этомъ качествѣ». Сенатъ не рѣшился отвѣчать на такое заявленіе; но одинъ изъ членовъ его, прежній секретарь, а теперь сенаторъ, Іакинфъ Мѣрошевскій, предложилъ обратиться прямо къ покровительствующимъ дворамъ. Хотя это предложеніе и не было принято сенатомъ, но Мѣрошевскій навлекъ на себя неудовольствіе конференціи, которая опасалась, чтобы независимый голосъ давняго члена сената, извѣстнаго, впрочемъ, своею умѣренностью, не увлекъ къ подражанію остальныхъ сенаторовъ при будущихъ столкновеніяхъ между краковскимъ правительствомъ и конференціей. Даже еслибъ Мѣрошевскому удалось собрать около себя незначительное оппозиціонное большинство, то и тогда, при раздраженіи партій, существовавшихъ въ республикѣ, разногласіе между членами правительства могло быть причиной новыхъ раздоровъ и безпорядковъ. Но пока сенатъ не позволялъ себѣ входить въ препирательство съ конференціей резидентовъ.

Гораздо труднѣе было ладить съ учрежденіями, представлявшими власти законодательную и судебную, ибо ихъ независимость была признана конституціей и прямыя сношенія съ ними были невозможны: собраніе представителей собиралось, впрочемъ, часто и потому столкновеній вскорѣ не ожидалось; но члены дворовъ всѣхъ трехъ инстанцій дѣйствовали постоянно, и притомъ вмѣшаніе ихъ зависѣло только отъ сейма, такъ что даже сенатъ могъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. А сеймъ, какъ законодательная власть особаго государства, всегда могъ обратиться съ адресомъ если не къ покровительствующимъ дворамъ, то къ остальнымъ великимъ державамъ, подписавшимъ вѣнскіе договоры. Было

одно только средство держать и законодательную власть въ подчиненіи—военное занятіе краковской территоріи, и важность его одинаково сознавали всѣ три резидента, особенно австрійскій; но, съ другой стороны, вступленіе войскъ сосѣднихъ державъ въ краковскую территорію, безъ особенно важныхъ причинъ, представлялось тогда опаснымъ, ибо могло вызвать вмѣшательство Англии и Франціи. Только происки польской эмиграціи могли вызвать на такой рѣшительный шагъ, и эмиграція не замедлила оказать эту печальную услугу городу Кракову. Уже въ концѣ 1834 и началѣ слѣдующаго года, въ газетахъ распространились слухи, что въ Краковѣ проживаютъ эмиссары польской эмиграціи, что они имѣютъ сношенія съ академической молодежью и склоняютъ ее, не безъ вѣдома со стороны властей, вторгнуться въ Польшу или въ Галицію, или въ Венгрію. Несмотря на то, краковская полиція не могла открыть ни одного иностранца, прибывшаго изъ Франціи, но нашла нѣсколько лицъ, прибывшихъ изъ царства польскаго, паспорта коихъ были визированы русскимъ резидентомъ. Они были арестованы и подвергнуты допросу. Одинъ изъ нихъ, Климентъ Гуляницкій, далъ, надѣлавшее въ свое время большой шумъ, показаніе, что онъ есть подставной агентъ русскаго резидента. Конференція потребовала выдачи арестованныхъ, и особенно долженъ былъ настаивать на этомъ баронъ Унгеръ-Штернбергъ. Но сенатъ, ссылаясь на конституцію и уголовный кодексъ, представлялъ, что обвиняемые не принадлежать ни къ категоріи бѣглецовъ, ни къ категоріи военныхъ дезертировъ, выдавать которыхъ краковская республика была обязана, и что, совершивъ преступленіе на краковской территоріи, они должны быть судимы мѣстными властями. Тогда резиденты объявили сенату, что такова непремѣнная воля покровительствующихъ дворовъ, и споръ этимъ прекратился: заподозрѣнные въ сношеніяхъ съ эмиграціей были выданы русскому правительству. Краковъ на время избѣжалъ военнаго занятія.

Въ это самое время англійскія газеты подняли вопросъ: почему великобританское правительство, участвовавшее въ вѣнскомъ конгрессѣ, не имѣетъ своего консула въ Краковѣ? Необходимости англійскаго консульства въ краковской республикѣ доказывалась лондонскою печатью преимущественно съ точки зрѣнія торговыхъ выгодъ. Выгодное положеніе Кракова между восточной и средней Европой внушало англичанамъ мысль сдѣлать его однимъ изъ складовъ для своихъ товаровъ, а для покровительства великобританскимъ подданнымъ необходимо было учредить консульство. Особенно подробная статья объ этомъ вопросѣ напечатана

была въ октябрьской книжкѣ журнала «British and Foreign Review» за 1835 годъ. Статья начиналась нападеніемъ на притязательныя стремленія Россіи на Востокъ, на ея почти исключительное покровительство Греціи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи, на распространеніе ея торговли подъ прикрытіемъ дипломатіи, и потому обращалась къ русскому вліянію въ польскихъ земляхъ. Обвинивъ французскихъ и англійскихъ дипломатовъ, участвовавшихъ въ вѣнскомъ конгрессѣ, въ равнодушіи къ польскому вопросу, статья помянутаго журнала доказывала, что Англія и Франція не воспользовались даже тою долею покровительства надъ польскими провинціями, которую представляли имъ вѣнскіе договоры. Даже въ Краковѣ, городѣ вольномъ, независимомъ и строго-нейтральномъ, предназначенномъ преимущественно для торговли, Англія и Франція не позаботились открыть свои консульства. Это обстоятельство, по мнѣнію публицистовъ, повергло Краковъ въ подчиненіе Австріи, Пруссіи и Россіи, особенно послѣдней. Если когда-нибудь оправдается надежда на соперничество между покровительствующими державами, то, по мнѣнію англійскаго журнала, львиная доля достанется Россіи. Но не для одного только покровительства великобританской торговлѣ въ Краковѣ и защиты этого города отъ притязаній сосѣднихъ державъ представлялось необходимымъ для Англіи имѣть въ немъ своего консула. «Краковъ можетъ быть разсматриваемъ нынѣ», сказано было въ «Британскомъ Обзорѣніи», «какъ столица Польши, тѣмъ болѣе, что онъ былъ таковою въ теченіи десяти вѣковъ; ни одинъ изъ городовъ этой павшей страны не имѣетъ болѣе дипломатическихъ агентовъ отъ иныхъ земель. Въ столицахъ трехъ сосѣднихъ съ нимъ державъ мы можемъ бороться только съ каждою отдѣльно; но въ Краковѣ агенты англійскаго правительства могутъ убѣдиться въ ихъ замыслахъ съ полною достовѣрностію и противодѣйствовать соединеннымъ усиліямъ цѣлаго священнаго союза. Тамъ, и только тамъ мы можемъ видѣть подъ формою покровительства властолюбивые замыслы; тамъ мы можемъ видѣть эту коалицію, которая въ сосѣднихъ областяхъ ускользаетъ отъ нашего вниманія. Вы предстаете въ Вѣнѣ въ пользу охраненія польской народности и народныхъ учреждений, обѣщанныхъ полякамъ по вѣнскому договору, но ваши требованія могутъ быть примѣнены только къ полякамъ Галиціи; въ Петербургѣ или въ Берлинѣ ваши представленія будутъ имѣть своимъ предметомъ только извѣстныя провинціи; а въ Краковѣ они могутъ добиться исполненія обѣщаній, выговоренныхъ для всѣхъ поляковъ. Тамъ мы будемъ обращаться разомъ въ тремъ покро-

вительствующимъ державамъ, въ ихъ представителямъ, дѣйствующимъ согласно и пользующимся нѣкотораго рода верховною властью надъ этимъ маленькимъ государствомъ, — властью, которую дипломатическіе запросы могутъ низвести на степень простаго покровительства, какимъ она должна быть согласно договорамъ. Краковъ представляетъ еще другія выгоды для наблюдателя: онъ служитъ привычнымъ и любимымъ мѣстопребываніемъ для поляковъ, подданныхъ сосѣднихъ государствъ; они дышатъ свободнѣе въ его стѣнахъ; полиція трехъ державъ имѣетъ въ немъ меньшую силу; событія, совершающіяся въ другихъ частяхъ Польши, обсуждаются тамъ съ большою свободою. Такимъ образомъ, Краковъ представляетъ рѣдкую возможность наблюдать разомъ дипломатію Австріи, Пруссіи и Россіи».

Примѣру англійскихъ журналовъ и газетъ послѣдовала французская печать. Здѣсь не одни только торговые интересы дѣлали вопросъ о французскомъ консульствѣ въ Краковѣ желаннымъ и нуждавшимся въ скорѣйшемъ удовлетвореніи, но и давнія связи Франціи съ поляками, безпрестанныя ходатайства польской эмиграціи. Даже органы министерствъ французскаго и англійскаго стали поддерживать это предложеніе, которое было подсказано эмиграціонными публицистами. Заявленія англійской и французской печати отозвались немедленно въ краковскомъ обществѣ и возбудили надежды, какъ въ тамошней оппозиціонной партіи, такъ и во всѣхъ отдѣльныхъ лицахъ, имѣвшихъ поводъ къ неудовольствію по какимъ-либо личнымъ причинамъ. Но тѣ же личныя причины заставляли нѣкоторыхъ жителей Кракова, пользовавшихся опредѣленнымъ положеніемъ вслѣдствіе установившагося порядка вещей, противиться намѣренію Англій и Франціи. Резиденты покровительствующихъ дворовъ должны были выслушивать съ разныхъ сторонъ опасенія, что прибытіе въ Краковъ консуловъ двухъ западныхъ державъ можетъ вызвать новыя волненія со стороны демократовъ и революціонеровъ. Резиденты донесли о томъ своимъ дворамъ, а послѣдніе чрезъ своихъ посланниковъ сообщили англійскому и французскому министерствамъ, что прибытіе ихъ официальныхъ агентовъ въ Краковъ ободритъ мѣстныхъ демагоговъ и послужитъ сигналомъ къ новой революціи. Англія и Франція отложили на время свое намѣреніе.

Вскорѣ вопросъ объ эмигрантахъ сдѣлался вопиющимъ для Кракова. По § 8 дополнительнаго вѣнскаго договора, Кракову запрещено было держать свои границы закрытыми и охранять ихъ таможенною или пограничною стражею. Это давало любой изъ сосѣднихъ державъ возможность наполнить Краковъ такими

количествомъ эмигрантовъ, какое только было бы найдено необходимымъ, и въ то же время препятствовать ихъ выходу изъ краковской территоріи даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались открытыми для свободныхъ сношеній. Краковскій сенатъ поступилъ крайне непредусмотрительно, когда, узнавъ о занятіи Подгорья австрійскими войсками и лишеніи этой мѣстности правъ на свободную торговлю, не попытался возбудить вопросъ объ охраненіи собственныхъ границъ. Быть можетъ, онъ не надѣялся на благопріятный исходъ этого дѣла; тѣмъ не менѣе открытое положеніе границъ краковской республики послужило къ ея гибели. Въ это время прусская Силезія и австрійская Галиція были переполнены подданными царства польскаго, которые не рѣшались возвратиться въ свои земли, но и не хотѣли слишкомъ удалиться отъ своего отечества. Влача свое существованіе въ крайней бѣдности, они были въ тягость мѣстнымъ жителямъ; а потому власти этихъ провинцій получили приказаніе визировать всѣмъ этимъ лицамъ паспорта на Краковъ и увѣрить ихъ, что, ступивъ однажды на территорію этого города, они не будутъ болѣе обезпечиваемы. Въ самое короткое время Краковъ наполнился польскими бѣглецами всякаго рода и всякаго поведенія. Подобное скопленіе людей безъ занятій, безъ всякихъ средствъ къ существованію, не могло укрыться отъ вниманія мѣстнаго правительства. Предвидя съ одной стороны сильныя затрудненія, которыя могли произойти изъ того, и принимая также во вниманіе бѣдствія и жалобы этихъ бѣглецовъ, краковскій сенатъ волею съ представленіемъ въ конференцію резидентовъ, просилъ сложить предѣлы такому наплыву иностранцевъ въ краковскую территорію. «Еще реорганизаціонной комиссіи», сказано было въ этомъ представленіи, «сенатъ излагалъ тѣ необходимыя мѣры, которыя слѣдовало принять, чтобы облегчить людямъ, служившимъ въ прежнихъ польскихъ войскахъ, пребываніе въ здѣшнемъ краѣ, или возвращеніе на ихъ родину, или переѣздъ въ раны, гдѣ они могутъ скорѣй найти полезныя занятія, а чрезъ и средства къ своему существованію. Сенатъ имѣлъ честь предлагать этотъ вопросъ и на усмотрѣніе конференціи; но до сихъ поръ не послѣдовало никакого удовлетворительнаго отвѣта. Между тѣмъ истощившіяся средства, невозможность получить нова и вообще недостатокъ занятій могутъ вынудить этихъ людей такимъ дѣйствіемъ, которыя поведутъ къ нарушенію общеннаго спокойствія и ихъ личному бѣдствію. Еще нѣкоторое чуждество въ своемъ поведеніи могутъ представлять тѣ, которые, владѣя небольшою собственностію, расходуютъ понемногу

свои достатки, благословляя покровителей этой небольшой земли, давшей имъ убѣжище, или которые, обладая талантами, а чрезъ то и работою, могутъ поддерживать себя собственнымъ трудомъ. Но люди, которыхъ не могли исправить никакія испытанія, и которые своими бессмысленными рѣчами и распространениемъ ложныхъ новостей или превратныхъ понятій совращаютъ своихъ товарищей и, что еще хуже, могутъ вліять на духъ молодежи, неукрѣпленной ни возрастомъ, ни размышленіемъ, такіе люди должны быть немедленно удалены. А посему конференція благоволила сообщить свое мнѣніе по сему вопросу и уполномочила сенатъ выдавать желающимъ паспорта для отъѣзда въ другія страны. Такая мѣра должна быть распространена и на будущее время относительно всѣхъ, кого полиція отнесетъ къ сему разряду». Но и это представленіе осталось безъ послѣдствій. Конференція хранила молчаніе и резиденты продолжали отказывать въ визированіи паспортовъ, которые выдавала иностраннымъ подданнымъ особая комиссія, назпаченная сенатомъ для сей цѣли. Обѣ стороны, каждая съ своей точки зрѣнія, были совершенно правы: резиденты не могли требовать отъ краковскаго правительства удаленія такихъ лицъ, относительно которыхъ не получалось указаній отъ подлежащихъ властей; сенатъ краковскій не могъ взирать спокойно на переполненіе своего города людьми бездомными, гулящими и безпокойными. Нравственная отвѣтственность лежала именно на этихъ людяхъ, которые вмѣсто того, чтобы возвратиться прямо въ мѣсто своего рожденія и подчиниться ожидавшей тамъ ихъ участи, предпочитали послѣдней безцѣльную, почти скитальческую жизнь въ городѣ, который самъ находился подъ чужимъ покровительствомъ. Конечно, у правительства этого города не хватало духа изгнать такихъ людей насильно.

Между тѣмъ наибольшее число бѣглецовъ, проживавшихъ въ Краковѣ, было изъ Галиціи, и президентъ сената, Велѣгловскій, рѣшился самъ писать къ князю Меттерниху о принятіи нѣкоторыхъ изъ нихъ назадъ. Но австрійскія областныя власти выставили различныя затрудненія къ тому съ своей стороны. Австрійскій же резидентъ Лиманъ не упускалъ ни одного случая, чтобы выставить предъ Европой крайнюю необходимость рѣшительныхъ мѣръ относительно Кракова. Нѣмецкая «Аугсбургская газета», получавшая отъ австрійскаго правительства субсидію, напечатала въ послѣднихъ нумерахъ своихъ за 1835 годъ цѣлый рядъ новыя обвиненія противъ краковской республики. Въ этихъ статьяхъ представляли Краковъ какъ гнѣздо разбойниковъ; высказывали

вали сожалѣніе объ участи его жителей, трепетавшихъ подъ кинжалами якобинцевъ; оплакивали правительство, находившееся какъ бы въ осадѣ среди разнузданной демагоги. Краковскій сенатъ считалъ за нужное послать въ редакцію возраженіе съ изложеніемъ истиннаго положенія дѣлъ, но получилъ такой отвѣтъ: «редакціи запрещено публиковать что бы то ни было объ этомъ городѣ, что не сообщено ей изъ официальныхъ источниковъ». Австрія тихо подкрадывалась къ Кракову, предвидя въ немъ лакомую добычу; но ея вождѣніямъ не суждено было еще сбыться въ эпоху, о которой мы говоримъ, ей пришлось выжидать еще цѣлыя десять лѣтъ. Даже и теперь военное занятіе Кракова отрядами сосѣднихъ державъ не было бы приведено въ исполненіе, еслибъ въ самые первые дни 1836 года не совершилось происшествіе, которое могло оправдать подобную мѣру. Въ Краковѣ убитъ былъ временно проживавшій тамъ полякъ Павловскій, агентъ варшавской полиціи, и убійца остался неоткрытымъ. Общественное мнѣніе объясняло это преступленіе самою системою управления, которое таготѣло надъ городомъ. Дипломатія обвиняла въ этомъ польскихъ эмигрантовъ. Резиденты донесли объ этомъ происшествіи покровительствующимъ дворамъ, и вслѣдъ за тѣмъ возникла слѣдующая переписка между конференціею и сенатомъ.

28-го января (9-го февраля) резиденты извѣстили Каспера Велёгловскаго, что Австрія, Пруссія и Россія видятъ въ этомъ событіи новое непререкаемое доказательство глубоко вкоренившася и распространившагося внутри краковской территоріи зла, которое возмущаетъ не только ея собственное спокойствіе, но и безопасность сосѣднихъ провинцій; что покровительствующіе дворы признаютъ себя обязанными принять всѣ мѣры, предписываемыя обстоятельствами, дабы оградить отъ заразы свои собственныя государства; что для нравственнаго очищенія Кракова и его округа необходимо удалить изъ нихъ всѣхъ польскихъ бѣглецовъ, которые собрались въ этой землѣ въ огромномъ количествѣ; что отъ немедленнаго исполненія этой мѣры, конечно, не откажется краковское правительство, которое и само неоднократно указывало на нее, и которому выполненіе ея готовы облегчить всѣми мѣрами покровительствующіе дворы. Удалить польскихъ эмигрантовъ предписывалось въ теченіи восьми дней. Для этой цѣли обѣщано было открыть для выходцевъ подгорскую территорію: тѣ изъ нихъ, которые бы пожелали водвориться въ мѣстахъ своего рожденія, получать всѣ средства къ тому; другіе могутъ выѣхать въ Америку. Подданные другихъ державъ и отчужденные покровительствующими дворамъ, какъ люди опасные, также должны уда-

литься въ теченіи восьми дней; для этой цѣли резидентъ той покровительствующей державы, чрезъ которую эти люди пожелаютъ возвратиться въ свое отечество, выдаетъ имъ необходимыя паспорта. Кромѣ того, всѣ три державы считали полезнымъ придвинуть къ краковскимъ границамъ свои войска для того, дабы съ одной стороны воспрепятствовать вышеозначеннымъ лицамъ удалиться отъ того пути, который будетъ открытъ для нихъ, а съ другой, чтобы поддержать краковское правительство при выполненіи этой мѣры. Сенату предоставлялось право самому потребовать предлагаемую ему помощь, но если онъ не обратится за ней и въ то же время не будетъ имѣть достаточно воли или силы выполнить требованіе высокихъ дворовъ, то послѣдніе примутъ на себя эту обязанность. Сенатъ въ тотъ же день отвѣчалъ конференціи, что онъ поспѣшилъ обнародовать волю покровительствующихъ дворовъ и принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ ея выполненію. Но въ то же время онъ указывалъ, что въ краковской республикѣ проживаетъ нѣсколько лицъ не изъ числа ея подданныхъ, но уже вступившихъ въ семейныя связи съ жителями края, или приобрѣтшихъ недвижимую собственность, и потому спрашивалъ: не угодно ли будетъ покровительствующимъ дворамъ сдѣлать для нихъ великодушное исключеніе? Указаннымъ сенатомъ лица принадлежали большею частію къ числу сражавшихся въ 1830 и 1831 годахъ на сторонѣ польскаго возстанія, и нѣкоторые изъ нихъ даже были приняты на службу въ Краковъ. Покровительствующіе дворы отказались удовлетворить просьбу сената, и военное занятіе Кракова было рѣшено.

4-го (16) февраля конференція соединенныхъ резидентовъ обратилась къ краковскому сенату съ нотой такого содержанія: «Краковское правительство, принявъ мѣры нерѣшительныя, не обезпечивъ успѣхъ такими распоряженіями, каковыхъ должны были требовать отъ него покровительствующія державы, какъ въ интересахъ самого вольнаго города Кракова, такъ и въ интересахъ сосѣднихъ провинцій; пропустивъ срокъ, назначенный для полнаго и совершеннаго выполненія означенныхъ распоряженій и не воспользовавшись облегченіями и средствами, которыя были предложены ему для сей цѣли, дало ясное доказательство, что не только не имѣетъ силъ выполнить обязательства, проистекающія для него изъ 6-й статьи договора 3-го мая 1815 года, касательно бѣглецовъ и лицъ, находящихся внѣ закона, но даже не имѣетъ желанія удовлетворить ихъ. Три державы, будучи провинныя обязанностями, каковыя налагаетъ на нихъ характеръ покровительницъ вольному городу Кракову, равно какъ и ве-

обходимость положить предѣлъ безпорядкамъ, которые нарушаютъ спокойствіе этой страны и сопредѣльныхъ провинцій; принимая наконецъ во вниманіе, что ихъ обѣщаніе сохранять строгій нейтралитетъ свободнаго города Кракова имѣть силу лишь настолько, насколько послѣдній съ своей стороны выполняетъ условія, на коихъ единственно можетъ основываться его нейтралитетъ, вынуждены по необходимости принять на себя исполненіе всего, что ими признано неизбѣжнымъ для достиженія предположенной цѣли, чтобы дать мирнымъ обывателямъ сего края безопасность и спокойствіе и защитить ихъ собственныя государства отъ революціонныхъ замысловъ, для коихъ Краковъ и его территорія сдѣлались очагомъ. А посему нижеподписавшіеся имѣютъ честь увѣдомить г. президента и сенатъ, что военный отрядъ подъ начальствомъ генераль-майора Кауфмана займетъ отъ имени трехъ покровительствующихъ державъ Краковъ и его территорию. Это военное занятіе имѣетъ цѣлю изгнать всѣхъ революціонныхъ бѣглецовъ, эмиссаровъ пропаганды и людей безпаспортныхъ, которые со времени польской революціи набрались въ Краковъ и его округъ, и оттуда проводятъ свои революціонные замыслы въ сосѣднія государства. Лишь только эта цѣль будетъ достигнута и восстановленъ будетъ твердый порядокъ въ Краковѣ, войска трехъ царей оставятъ немедленно городъ и его территорию. А потому сенатъ приглашается назначить съ своей стороны нѣсколько лицъ, съ коими военныя власти могли бы имѣть сношенія обо всемъ, но имѣетъ отношеніе къ ихъ порученію. Дѣятельность правительства и судовъ не будетъ прекращена». При нотѣ приложены были два объявленія, подписанныя генераль-фельдъ-вахтмейстеромъ австрійскимъ, Францемъ Кауфманомъ фонъ-Трауенштейнбургомъ, изъ коихъ первое извѣщало жителей Кракова о причинахъ военнаго занятія и обѣщало соблюденіе строгой дисциплины между солдатами, а второе требовало, чтобы всѣ, прямо или косвенно, участвовавшіе въ польской революціи, и даже тѣ изъ нихъ, которые вступили въ краковскую службу или получили право гражданства въ республикѣ, должны удалиться въ теченія шести дней рекъ Подгорье; которые же не исполнятъ сего или захотятъ удалиться инымъ путемъ, а не указаннымъ выше, равно и жители вольнаго города, которые укроютъ бѣглецовъ или помогутъ имъ удалиться иными путями, подвергнуты будутъ наказанію. Эти объявленія обнародованы были 5-го (17-го) февраля, а на другой день послѣдовало третье объявленіе, которымъ предупреждаются всѣ, кто надѣялся остаться въ Краковѣ при помощи ложныхъ документовъ, свидѣтельствовавшихъ о рожденіи въ Кра-

вовѣ или о неучастіи въ польской революціи, или кто изъ назначеннаго къ изгнанію укрывался подъ другимъ именемъ, что они будутъ задержаны и выданы правительству того мѣста, гдѣ они родились, и подвергнуты строгой отвѣтственности. Несмотря на рѣшительныя требованія австрійскаго генерала, немного находилось между лицами, назначенными къ изгнанію изъ Кракова, охотниковъ воспользоваться путемъ, открытымъ чрезъ Подгорье. Большинство старалось пробраться чрезъ австрійскую границу въ иныхъ мѣстахъ, и даже готово было, въ случаѣ надобности, пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ чрезъ пограничную стражу. Это заставило Кауфмана обнародовать, 9-го (21-го) февраля, четвертое объявленіе такого содержанія: «Въ прошлую ночь многія лица пытались на разныхъ пунктахъ въ окрестностяхъ Пльшова пробраться на австрійскую территорію и открыть себѣ массою и съ оружіемъ въ рукахъ дорогу въ этомъ направленіи; но эти смѣльчаки были прогнаны огнемъ, направленнымъ противъ нихъ австрійскими войсками. Это происшествіе обязываетъ меня довести до общаго свѣдѣнія, что всѣ тѣ, кто дерзнетъ напасть съ оружіемъ въ рукахъ на военный кордонъ, образованный въ настоящее время войсками трехъ великихъ державъ покровительницъ, будутъ преданы военному суду и разстрѣляны.

Австрія была не только главною руководительницею всего этого дѣла, но имѣла еще въ виду пожать безраздѣльно плоды его. Открывъ единственный выходъ изъ краковской территоріи чрезъ Подгорье, Австрія получала въ свои руки всѣхъ изгнанниковъ, и наиболѣе опасныхъ между ними посылала немедленно въ Америку; а людей, уже водворившихся въ Краковѣ, вступившихъ въ семейныя отношенія и имѣвшихъ опредѣленные занятія, но не рожденныхъ въ краковской территоріи, водворяла въ своихъ владѣніяхъ. Главнымъ распорядителемъ очищенія Кракова отъ революціонныхъ элементовъ былъ австрійскій генералъ. Находившаяся подъ его начальствомъ сыскная полиція осматривала не только дома, но даже монастыри и церкви и находившіяся при нихъ кладбища. Каждый день высылались чрезъ Подгорье большіе или меньшіе транспорты изгнанниковъ. «Австрійскій Наблюдатель» объявлялъ съ торжествомъ объ успѣшныхъ результатахъ розыска, указывая на постоянно возраставшее число удаляемыхъ революціонеровъ. Собственное населеніе Кракова было страшно напугано всѣми этими мѣрами, и присмирѣло; нѣкоторые изъ жителей города, состоявшіе въ родственныхъ связяхъ съ удаленными, видѣли въ этомъ семейное несчастье. Считаая Австрію главною и почти единственною распорядительницею всего розыска,

они обращались къ сенату съ просьбой о ходатайствѣ предъ вѣнскимъ правительствомъ въ пользу близкихъ имъ людей, занесенныхъ въ общую категорію бѣглецовъ и революціонеровъ. Положеніе президента Велѣгловскаго стало невыносимо, и онъ обратился, 13-го (25-го) февраля, съ такимъ письмомъ къ князю Меттерниху:

«Изъ официальнаго письма, которымъ угодно было вашей свѣтлости почтить меня въ недавнее время, я вижу, по всѣмъ мѣрамъ, признаннымъ необходимыми и принятымъ отъ имени высокихъ дворовъ, что правительство, членомъ котораго я состою, обвиняется не только на основаніи фактовъ, но и простыхъ извѣстовъ, будто бы оно не только по моей неспособности, но, что еще хуже, по преступной небрежности, поддерживало въ Краковѣ польскую эмиграцію, пребываніе которой сдѣлалось равно предосудительнымъ какъ для вольнаго города, такъ и для пограничныхъ провинцій покровительствующихъ державъ. Насколько это обвиненіе согласуется съ истиной, время и обстоятельства объяснять когда-нибудь. Въ краковской республикѣ, которую высокіе двѣры желали видѣть управляемою на основаніи органическихъ законовъ, великодушно ей дарованныхъ, дѣятельность сенатскаго президента ограничивается только возможностью обращаться къ правительству съ предложеніями касательно улучшенія администраціи страны и утверждать своею подписью рѣшенія, принятыя большинствомъ сената; однакожь нельзя указать ни на одно распоряженіе, ни на одно предписаніе сената, изъ коихъ можно было бы извлечь приписываемыя ему дѣйствія, или коими можно было бы доказать предполагаемое въ немъ намѣреніе. Поддержка и безопасность польскихъ эмигрантовъ въ Краковѣ не были никогда обсуждаемы въ сенатѣ, а тѣмъ менѣе подписываемы декреты о нихъ; ибо, во время еще реорганизаціи сей страны, правительство просило комиссію, занимавшуюся этимъ дѣломъ, нотою отъ 14-го (26-го) сентября 1833 года, рѣшить участь бѣглецовъ и дать имъ возможность или свободно возвратиться на ихъ родину, или удалиться за границу; но представленія, сдѣланныя тогда по этому поводу, равно какъ и позднѣйшія неоднократныя ходатайства предъ конференціей, всегда оставались безъ отвѣта, вслѣдствіе чего число эмигрантовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ въ Краковѣ, особенно вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ противъ нихъ въ Галиціи, и такой наплывъ эмигрантовъ былъ тѣмъ легче, что переходъ изъ Подгорья въ Краковъ не былъ обставленъ никакими затрудненіями со стороны австрійскихъ властей.

«Второй упрекъ, дѣлаемый правительству, касается допущенія въ милицію или земскую стражу подданныхъ покровительствующихъ державъ и даже такихъ, которые поднимали оружіе противъ своихъ собственныхъ государей. Эгожь фактъ никогда не былъ отрицаемъ, напротивъ, вскорѣ послѣ своего устройства, нынѣшнее правительство предлагало господамъ полномочнымъ комиссарамъ распустить милицію, которая уже существовала, удалить подозрительныхъ людей и замѣнить ихъ посредствомъ набора туземцевъ. Эта мѣра была отвергнута потою отъ 19-го (31-го) марта 1833 года, и сенатъ вынужденъ былъ оставить милицію въ томъ же положеніи, въ какомъ нашелъ ее.

«Третье обвиненіе опирается на происшествія, которыя мы всѣ оплакиваемъ и горестныя послѣдствія которыхъ мы всѣ осуждены переносить. Я разумю: разбитіе оконъ 6-го (18-го) января, убійство Павловскаго и киданіе каштанами изъ оконъ въ день гражданскаго бала, о чемъ говорили вѣнскія газеты. Первое и второе изъ этихъ происшествій, конечно, не могли бы совершиться, судя по ихъ виновникамъ, еслибы конференціи резидентовъ угодно было обсудить благосклоннымъ образомъ сообщеніе нижеподписавшагося отъ 18-го (30-го) мая 1835 года, прилагаемое при семъ въ копіи, и согласиться на удаленіе изъ страны: Ксаверія Босскаго, который разбилъ окно, и Эйсмонта, одного изъ главнѣйшихъ участниковъ, какъ начинается разъясняться теперь, въ убійствѣ Павловскаго. Итакъ, вышепомянутая нота, не вызвавшая ни малѣйшаго отвѣта въ теченіи времени, равняющагося почти цѣлому году, произвела тѣ печальныя послѣдствія, которыхъ опасался нижеподписавшійся и которыя онъ предугадывалъ по мятежному характеру помянутыхъ лицъ. Наплывъ политическихъ эмисаровъ и присылка мятежныхъ сочиненій, издаваемыхъ польскою эмиграціею во Франціи и Бельгіи, не могли пугать правительство, которое знало, что каждая провинція, сосѣдняя съ нашимъ государствомъ, имѣетъ границу и таможию, хорошо охраняемые, и что всѣ почтовые учрежденія въ нашемъ городѣ находятся въ рукахъ иностранныхъ властей. Что касается эмисаровъ и ихъ пребыванія здѣсь, то да будетъ мнѣ позволено замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи доказать, что снабженъ паспортомъ для Кракова; всѣ они, имѣя паспорта для австрійской Галиціи, вступили въ наше государство только подъ видомъ проѣзда. Краковское правительство никоимъ образомъ не можетъ быть отвѣтственно за то, что дирекція бреславской полиціи позволила себѣ визировать на Краковъ паспорта, данныя Пруссіею для вѣзда въ австрійскія земли, и совратить такимъ

образомъ помянутыя лица съ пути, который имъ былъ назначенъ надлежащими властями; тѣмъ болѣе, что президентъ, основываясь на фактахъ, предупреждалъ во-время конференцію о неудобствахъ, происшедшихъ изъ того, что сюда прибываютъ различные лица подъ вымышленными именами, и даже о томъ, что онъ, по мѣрѣ появленія въ Краковѣ такихъ лицъ, извѣщаемъ былъ о прибытіи Доливы подъ именемъ Бека, Цибульскаго подъ именемъ Ршара, Оаддея Забицкаго подъ именемъ Назарчука; въ доказательство такихъ подозрѣній онъ сообщалъ гг. резидентамъ паспорта въ оригиналѣ. Такова непререкаемая истина, вапа свѣтлость, которую легко доказать актами и официальною корреспонденціею, и которой не можетъ отвергнуть резидентъ его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества, не ставъ въ видимое противорѣчіе съ документами, слѣды коихъ также находятся у него.

«Я буду ссылаться до конца для моей личной защиты на правительственные акты, чтобы доказать, каковы были мое поведеніе, предложенія, внесенныя въ сенатскія засѣданія, и мои усилія для поддержки и утвержденія общественнаго порядка. Но я не могу разъяснить вашей свѣтлости истинную причину столь великаго наплыва эмигрантовъ въ Краковѣ, ибо это можетъ имѣть нѣкоторый видъ обвиненія, и я предпочту всегда пасть одинокою жертвою, чѣмъ доносить на кого бы то ни было».

Указавъ, такимъ образомъ, на противорѣчіе между дѣйствіями реорганизаціонной комиссіи и конференціей резидентовъ съ одной стороны, и послѣдними требованіями покровительствующихъ дворовъ съ другой, чрезъ что краковское правительство, по его мнѣнію, поставлено было въ ложное положеніе, Велѣгловскій обращался къ оцѣнкѣ собственныхъ дѣйствій, извѣщая въ то же время князя Меттерниха о своемъ выходѣ изъ сената: «Вашей свѣтлости угодно было за три года предъ симъ призвать нижеподписавшагося, который уже сознавалъ слабость своихъ силъ, къ посту президента, сдѣлавшемуся чрезвычайно труднымъ въ силу обстоятельствъ; вамъ угодно было ясно выразить мнѣ свою волю. Желая всегда повиноваться верховной волѣ высокихъ дворовъ и вашей свѣтлости, я принялъ это званіе и, еслибъ имѣлъ какую-нибудь поддержку отъ конференціи, надѣюсь, что съ божею помощію выполнялъ бы мои обязанности. Нынѣ же, видя, что всѣ мои усилія были парализованы, я напелъ необходимымъ оставить мое мѣсто и представилъ просьбу объ отставкѣ гг. резидентамъ; конференція на основаніи полномочій, которыя у нея должны быть, приняла мою просьбу. А потому я желаю только

оправдаться предъ вашей свѣтлостью и принести жалобу вамъ на то, что неуличенный въ ошибкахъ, я подпалъ за нихъ наказанію въ виду населенія страны и чужеземцевъ, хотя польскіе бѣглецы по простому приглашенію правительства, когда имъ было указано на Подгорье, назначенное для выѣзда, удалились изъ Кракова съ покорностью и нравственною рѣшимостью, безпримѣрно въ подобныхъ случаяхъ, проявляя свои чувства только слезами и трогательными объятіями. Безпрестанно тревожимый, призываемый всякій день къ начальствующему генералу, я легко могъ видѣть съ первыхъ же минутъ военного занятія города, что благосклонность высочайшихъ покровительствующихъ дворовъ ко мнѣ, какъ къ главѣ правительства, была разрушена или пренебрегаема. Не мое дѣло судить о томъ, принесло ли пользу краковской территоріи и сосѣднимъ провинціямъ соединеніе воедино и гуртовое изгнаніе эмигрантовъ, ни доказывать, что правительство, которое могло простымъ воззваніемъ склонить почти всѣхъ бѣглецовъ къ удаленію изъ Кракова до вступленія войскъ, пользуется, несмотря на недостатокъ физической силы, яснымъ нравственнымъ вліяніемъ даже на иностранцевъ, которые пребывали въ его странѣ. Было бы, конечно, излишне останавливаться на этихъ разсужденіяхъ, ибо ваша свѣтлость съумѣетъ оцѣнить ихъ въ своей высокой мудрости, всегда руководимой чувствомъ справедливости и благоволенія. Если униженіе правительства, если мое личное униженіе, были недостаточны, чтобы удовлетворить волѣ высочайшихъ дворовъ и возстановить полный порядокъ, я отрекаюсь отъ своего званія безъ ропота и только прошу вашу свѣтлость разсмотрѣть мои оправданія, сравнить ихъ съ оригинальными актами и, обсудивъ такимъ образомъ все мое поведеніе, не оставитъ меня вашимъ милостивымъ покровительствомъ, которое я испытывалъ въ теченіи трехъ лѣтъ моего президентства и которое, какъ я льщу себя, не было никогда незаслуженнымъ». Такъ кончалъ свою дѣятельность первый президентъ, назначенный самою реорганизаціонною комиссіею, второе время провозглашенія Кракова вольнымъ городомъ. Конференція резидентовъ въ тотъ же день назначила на его мѣсто сенатора Галлера, въ качествѣ временнаго президента до предстоящаго сейма, хотя право такого временнаго выбора по уставу, выработанному реорганизаціонною комиссіею, и принадлежало самому сенату. «Выборъ трехъ дворовъ», сказано было въ сообщеніи конференціи сенату, «паль на одного изъ членовъ сената, и нижеподписавшіеся питаютъ надежду, что этотъ званіе дѣлать внушить гг. сенаторамъ чувства справедливой признательности».

къ покровительствующимъ дворамъ и побудить ихъ къ новымъ усиліямъ для поддержанія порядка и общественнаго спокойствія въ Краковѣ».

XII.

Новый президентъ, Иосифъ Галлеръ. — Декретъ сената противъ эмигрантовъ. — Легитимационная коммиссія отъ трехъ дворовъ: Вольфартъ, Клейнъ, Коростовцевъ. — Выходъ русскихъ и прусскихъ войскъ изъ Кракова. — Условія полнаго очищенія краковской территоріи отъ иностранныхъ войскъ. — Устройство милиціи, полиціи. — Вмѣшательство австрійцевъ въ это дѣло. — Австрійскій полиціймейстеръ въ Краковѣ. — Столкновеніе его съ краковскими властями. — Преслѣдованіе запрещенныхъ книгъ. — Новое измѣненіе сеймовыхъ статутровъ. — Участіе сената въ томъ. — Оппозиція сенатора І. Мѣрошевскаго. — Нота резидентовъ отъ 4-го іюня 1837 г. объ его удаленіи изъ сената. — Сенаторъ Шиндлеръ. — Три ноты резидентской конференціи къ преобразованному сенату. — Усиленіе власти сената. — Жалоба его предъ конференціей на краковскіе суды. — Созваніе сейма 1837—1838 года. — Ограниченная программа для его дѣятельности.

Новый резидентъ сената, Иосифъ Галлеръ, хотя и считался краковскимъ обывателемъ, но имѣнія его находились въ Галиціи, и вслѣдствіе того онъ болѣе или менѣе находился въ зависимости отъ Австріи. На другой же день послѣ своего назначенія онъ склонилъ сенатъ къ подписанію декрета, которымъ объявлялось, что каждый житель Кракова, укрывающій лицо, предназначенное къ изгнанію, будетъ подвергнутъ пенѣ въ 500 флориновъ или двухгодичному заключенію въ тюрьмѣ, если не въ состояніи выплатить означенную сумму; а десять дней спустя сенатъ объявилъ, что немедленно приступитъ къ переписи населенія краковской территоріи, причемъ составленъ будетъ списокъ туземцевъ и иностранцевъ, принимавшихъ участіе въ революціи, чтобы пригласить первыхъ приготовиться къ выѣзду изъ страны, а послѣднихъ немедленно удалить изъ нея на родину. Въ началѣ марта сенатъ отнесся къ конференціи съ просьбой помочь ему въ дѣлѣ очищенія города отъ подозрительныхъ лицъ, такъ или иначе участвовавшихъ въ возстаніи 1831 года. Онъ предлагалъ, что для успѣшнаго выполненія такой цѣли необходимо составить особую коммиссію, которая бы пересмотрѣла легитимационныя бумаги всѣхъ жителей Кракова, и просилъ резидентовъ назначить въ эту коммиссію по одному члену отъ покровительствующихъ дворовъ. Резиденты увѣдомили сенатъ 1-го (13) апрѣля 1836 года, что членами этой коммиссіи назначаются отъ Австріи правительственный комиссаръ Вольфартъ, отъ Пруссіи — Клейнъ, отъ Россіи коллежскій ассессоръ Коростовцевъ. Къ нотѣ

резидентовъ приложено было изложеніе основаній, по которымъ участвовавшіе въ польской революціи должны быть относимы или къ числу краковскихъ гражданъ, или къ числу подданныхъ другихъ державъ. Въ этомъ изложеніи было сказано: «всѣ тѣ, которые до участія въ польской революціи, то-есть до 18-го (30) ноября 1830 года, дѣйствительно владѣли правомъ гражданства въ Краковѣ, могутъ остаться въ немъ; всѣ другіе должны покинуть его территорію. Право краковского гражданства должно происходить или отъ рожденія, или отъ принятаго подданства. Въ первомъ случаѣ надо доказать документами, заслуживающими довѣрія, что данное лицо рождено на краковской территоріи и не потеряло своего права, сдѣлавшись подданнымъ другого государя, вслѣдствіе различныхъ территоріальныхъ измѣненій, совершившихся съ того времени. Положеніе несовершеннолѣтнихъ должно было опредѣляться положеніемъ ихъ родителей. Приобрѣтеніе права гражданства въ Краковѣ признано несомнѣннымъ: 1) если прибытіе въ Краковъ совершилось до 20-го мая (1 іюня) 1821 года, и если съ того времени поселившійся постоянно пребывалъ здѣсь; 2) если до 18-го (30) ноября 1830 года протекло пять лѣтъ со времени поселенія въ Краковѣ, и если при этомъ приобрѣтена была недвижимая собственность; 3) если, наконецъ, до 18-го (30) ноября 1830 года полученъ былъ отъ сената декретъ, даровавшій право гражданства». Несмотря на опредѣленность этихъ условій, могли встрѣтиться спорные случаи, и потому въ нотѣ резидентовъ было сказано, что окончательное рѣшеніе такихъ случаевъ принадлежитъ имъ. Послѣ этихъ распоряженій дѣло очищенія Кракова отъ иностранцевъ пошло быстрѣе и вскорѣ приведено было къ концу. вмѣстѣ съ тѣмъ должно было прекратиться и занятіе краковской территоріи войсками покровительствующихъ державъ; и дѣйствительно, русскіе и прусскіе солдаты возвратились въ свои земли, но австрійскій отрядъ съ генераломъ Кауфманомъ остался въ Краковѣ, съ общаго согласія всѣхъ трехъ дворовъ.

Сенатъ обратился къ резидентамъ съ запросомъ объ условіяхъ, при какихъ можетъ послѣдовать полное очищеніе Кракова отъ войскъ. 21-го мая (2 іюня) конференція отвѣчала: «давая существованіе краковскому государству посреди своихъ владѣній, августѣйшіе покровители его, конечно, не могли имѣть намѣреніе создать изъ него очагъ для заговоровъ противъ ихъ пограничныхъ провинцій, убѣжища для революціонеровъ и недовольныхъ всякаго рода, предметъ нескончаемаго безповойства для сосѣдей, каковымъ Краковъ сдѣлался въ послѣднее время. Законы и утреж-

деня, существующіе въ этомъ государствѣ, не могли устранить означенныхъ золъ и опасностей; а потому признано совершенно необходимымъ произвести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, согласныя съ обстоятельствами». При нотѣ находились три приложения: въ одномъ заключались основанія для преобразования милиціи, въ другомъ — основанія для преобразования полиціи, въ третьемъ—законопроектъ о положеніи иностранцевъ въ Краковѣ. Резиденты требовали, чтобы начальникомъ милиціи былъ человекъ, способный возбудить довѣріе въ покровительствующихъ державахъ своими политическими убѣжденіями, и который въ то же время обладалъ бы качествами, необходимыми для своей должности; чтобы остальные офицеры милиціи, а также и рядовые ея, были изъ людей, не принимавшихъ никакого участія въ польской революціи. Офицеры и солдаты, уже служившіе въ милиціи, но не принадлежавшіе къ помянутой категоріи, должны составить зерно милиціи новой. Милиція можетъ быть усилена до 450 пѣхотинцевъ, включая сюда и полицію, и 40 конныхъ жандармовъ. Начальникъ милиціи изслѣдуетъ и оцѣняетъ качества лицъ, ищущихъ званія милиціоннаго офицера, и по его предложенію сенатъ назначаетъ ихъ. Чтобы быть солдатомъ милиціи, необходимо принадлежать къ подданнымъ Кракова или одной изъ покровительствующихъ державъ, имѣть 25 лѣтъ отъ рожденія, быть физически способнымъ въ службѣ, отличатся необходимыми нравственными качествами и, кромѣ того, подчиниться обязательству прослужить въ милиціи не менѣе шести лѣтъ. При соблюденіи всѣхъ этихъ условій начальникъ милиціи можетъ принять новопоступающаго и выдать ему задатокъ. По мнѣнію резидентовъ, необходимо было назначить офицерамъ и солдатамъ милиціи приличное жалованье, которое могло бы привлекать ихъ къ службѣ, а также назначать пособія въ случаѣ ихъ болѣзни и по выходѣ въ отставку. Для составленія болѣе подробныхъ правилъ устройства милиціи, устава объ ея службѣ, а также дисциплинарнаго и уголовного кодексовъ для нея, сенатъ долженъ былъ составить особую комиссію съ участіемъ въ ея дѣйствіяхъ начальника милиціи. Уставы, выработанные этою комиссіею, прежде чѣмъ вступить въ дѣйствіе, должны быть утверждены конференціею. «Такъ какъ окончателное очищеніе краковской территоріи, — сказано было въ концѣ перваго приложения къ нотѣ резидентовъ, — зависитъ, главнымъ образомъ, отъ новаго устройства милиціи на предложенныхъ основаніяхъ, то три двора будутъ ожидать возможно скорого извѣщенія объ успѣхахъ этого устройства, и въ случаѣ, еслибы желаннаго успѣха не послѣдовало, сенатъ дол-

жень изложить препятствія, которыя были причиною того, дабы можно было указать на средства къ устраненію ихъ».

Что касается полиціи, то резиденты требовали, чтобы для удовлетворительнаго управленія ею, быстроты и единодушія ея дѣйствій, нераздѣльной отвѣтственности за нихъ, высшее управленіе дѣлами ея, особенно полиціи, имѣвшей надзоръ за иностранцами, сосредоточено было въ рукахъ президента сената; а такъ какъ § 16 сенатскаго устава предоставлялъ президенту надзоръ за дѣлами только высшей полиціи, то конференція предлагала измѣнить этотъ параграфъ распространеніемъ президентскаго надзора на всю полицію вообще. Для содѣйствія президенту въ этомъ случаѣ, онъ самъ могъ назначить особый комитетъ изъ сенаторовъ, который выбиралъ бы полицейскихъ комиссаровъ и ихъ помощниковъ, и въ этомъ смыслѣ долженъ былъ измѣниться и § 11 сенатскаго устава. Назначеніе директора полиціи оставлено было за сенатомъ, но выборъ его подвергался предварительному утвержденію резидентовъ. Директоръ полиціи могъ назначать и увольнять низшихъ полицейскихъ чиновъ; эти чины имѣли быть распределены между всѣми округами краковской территоріи равномерно. Директоръ полиціи долженъ былъ имѣть соотвѣтственный фондъ на содержаніе тайной полиціи, «въ чемъ до тѣхъ поръ чувствовался недостатокъ, и въ расходованіи этой суммы онъ долженъ былъ отвѣчать впредь только предъ президентомъ сената». Прежнее содержаніе директора полиціи въ 5000 польскихъ злотыхъ (около 1250 нѣмецкихъ гульденовъ) предлагалось увеличить въ виду великой отвѣтственности директора. Для полиціи, слѣдящей за иностранцами, пребывающими въ Краковѣ, указаны были слѣдующія правила: иностранные подданные не должны быть допускаемы на краковскую территорію, если не имѣютъ при себѣ паспортовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ закона; такія лица должны быть немедленно удалены, подданные трехъ покровительствующихъ дворовъ въ страны, которымъ они принадлежатъ, а другіе же по направленію, по которому они прибыли; за поддѣлку паспортовъ и другихъ бумагъ подобнаго рода должно быть опредѣлено соотвѣтственное наказаніе, причемъ подданные сосѣднихъ дворовъ выдаются своему правительству, а подданные другихъ государствъ изгоняются изъ Кракова. Наказанія лицамъ, допустившимъ на краковскую территорію иностранцевъ съ неправильными паспортами, или не представившимъ ихъ въ полицію, должны быть увеличены; что касается жителей сосѣднихъ съ Краковомъ областей, то живущіе на разстояніи трехъ часовъ отъ его границы пользуются всѣми

признанными въ этомъ отношеніи облегченіями паспортной системы. Равнымъ образомъ новый законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія для рабочихъ и служителей, прибывшихъ въ Краковъ безъ паспортовъ въ прежнее время, и невозбуждающихъ своимъ поведеніемъ никакого подозрѣнія. Кромѣ того, покровительствующіе двory общали, съ одной стороны, облегчить принатіе ихъ пограничными властями иностранцевъ, высылаемыхъ краковскимъ правительствомъ изъ предѣловъ краковскаго округа, а съ другой опредѣлить точныя правила для визированія паспортовъ лицамъ, желающимъ посѣтить Краковъ, что будетъ дозволяемо только по важнымъ причинамъ: «ибо, — сказано было въ концѣ третьяго приложения къ нотѣ резидентовъ, — никто не желаетъ и не можетъ навязывать краковскому правительству обязанности принимать и терпѣть всѣхъ преступниковъ и дурныхъ людей, которые, убѣжавъ на его территорію, не были бы, однакожъ, требуемы пограничными властями».

Итакъ, переустройство милиціи и полиціи было указано, какъ условіе для окончательнаго очищенія Кракова отъ австрійскихъ войскъ. Преобразованная милиціа должна была современемъ замѣнить собою австрійцевъ; а потому не удивительно, что австрійскій комиссаръ Вольфартъ, засѣдавшій въ комитетѣ, которому поручено было устройство милиціи, старался воспользоваться указанными конференціею основаніями къ выгодѣ Австріи. Основанія эти допускали строгую требовательность не только въ выборѣ самого начальника, но и остальныхъ милиціонеровъ. Подъ вліяніемъ генерала Кауфмана и подъ руководствомъ Вольфарта сенатъ призналъ, что краковская территорія не можетъ дать надлежащаго числа милиціонеровъ, подходящихъ подъ требованія, постановленныя конференціей резидентовъ. Не говоря уже о томъ, что большинство жителей Кракова не желало поступить въ милицію на вышеозначенныхъ условіяхъ, значительное число ихъ не могло быть принято потому, что самыя права ихъ на краковское гражданство были подвергнуты сомнѣніямъ. Сенатъ пришелъ мало по-малу къ мысли, что для пополненія милиціи, настоятельно требуемаго обстоятельствами, необходимо обратиться за подходящими людьми къ сосѣднимъ государствамъ. Вольфартъ подсказалъ сенату мысль обратиться съ спеціальною просьбой къ австрійскому двору, чтобы онъ позволилъ офицерамъ и солдатамъ своей арміи вступить на службу въ краковскую милицію. Сенатъ послушался совѣта и получилъ на этотъ разъ благопріятный отвѣтъ: австрійскій майоръ назначенъ былъ начальникомъ будущей милиціи; многіе изъ офицеровъ и солдатъ австрійскихъ полковъ,

размѣщенныхъ въ Галиціи, поступили на службу краковской республики, сохранивъ свои званія и служебныя права въ австрійской арміи. Организованная такимъ образомъ краковская милиція болѣе чѣмъ на половину могла считаться какъ-бы австрійскимъ гарнизономъ и, казалось, удаленіе отряда генерала Кауфмана было близко; но явились новыя препятствія къ тому. Начальникъ милиціи донесъ сенату, что безъ дисциплинарнаго и уголовно-военнаго кодекса онъ не можетъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей, причемъ предлагалъ избрать въ образецъ военный кодексъ Моденскаго княжества. Сенатъ однакожь отвѣчалъ, что утвержденіе всякаго закона принадлежитъ собранію народныхъ представителей; ему же можетъ принадлежать только инициатива. Нельзя было надѣяться, чтобы кодексъ, предложенный начальникомъ милиціи для 400 слишкомъ такъ-называемыхъ подданныхъ Кракова, былъ принятъ сеймомъ, ибо онъ во многомъ противорѣчилъ все еще продолжавшей дѣйствовать конституціи. Какъ присяга, такъ и обязанности милиціонеровъ отличались характеромъ, параллельно противоположнымъ правамъ и обязанностямъ краковского гражданина; строгость наказаній и частая угроза смертною казною не могли согласоваться со взглядами и привычками краковскихъ избирателей; наконецъ, неподсудность милиціи судебнымъ учрежденіямъ страны превращала ее изъ простой внутренней стражи, какою она должна была быть по смыслу первоначальной конституціи, въ специальную армію, находившуюся въ распоряженіи президента. Такое исключительное положеніе милиціи могло послужить только къ увеличенію внутреннихъ беспорядковъ. Кромѣ того, начальникъ ея, опираясь на формальный законъ, могъ не исполнять даже предписаній правительства каждый разъ, какъ признавалъ это нужнымъ. Можно ли было думать, что сеймъ утвердитъ подобное устройство милиціи? Такимъ образомъ, несмотря на то, что милиція уже была составлена и получала содержаніе, нельзя было признавать ее дѣйствующею, и одно изъ условій, необходимомъ для удаленія изъ Кракова австрійскихъ войскъ, осталось неисполненнымъ.

Несравненно быстрѣе совершилось преобразование полиціи, и притомъ въ смыслѣ еще болѣе благопріятномъ для Австріи. По совѣту резидентовъ, сенатъ объявилъ конкурсъ на должность директора полиціи; но никто изъ жителей Кракова не отозвался на это предложеніе. Тогда Вольфартъ посовѣтовалъ сенату просить содѣйствія самой конференціи для присканія необходимаго лица. Вслѣдствіе отрывшихся затѣмъ сношеній съ Австріей, признавъ

былъ достойнымъ званія директора и организатора краковской полиціи австрійскій полицейскій комиссаръ въ Подгорьѣ, Гуть. Такъ какъ сенатъ уже довѣрилъ конференціи избрать начальника для краковской полиціи, то назначеніе Гута не было даже облечено въ форму приваза, подписаннаго президентомъ Галлеромъ. Кромѣ того, онъ не давалъ присяги, предписанной для краковскихъ чиновниковъ конституціею; его содержаніе не вошло въ бюджетъ Кракова. А потому Гуть не несъ никакихъ обязательствъ, никакой отвѣтственности передъ государствомъ, чиновникомъ котораго считался. До него австрійскія газеты выставляли Краковъ убѣжищемъ польскихъ эмигрантовъ и людей, опасныхъ для внутренняго спокойствія республики; со времени назначенія Гута появились намѣки на скрывающійся въ нѣдрахъ Кракова политическій заговоръ противъ трехъ сосѣднихъ державъ. Дѣйствительно, не прошло двухъ мѣсяцевъ по вступленіи Гута въ должность, какъ начались ежедневные домовые обыски и политическіе аресты. Вскорѣ Краковъ увидаль не только тюрьмы, переполненныя узниками, но даже главныя гостинницы, занятыя подобными жильцами. Наполнивъ ряды полиціи австрійскими агентами, Гуть считаль Краковъ какъ-бы объявленнымъ въ осадномъ положеніи. Номинальное правительство страны не имѣло возможности ни спрашивать о причинѣ арестовъ, ни даже знать о числѣ заключенныхъ; имена большей части узниковъ оставались ему неизвѣстными, и только принадлежавшіе къ наиболѣе извѣстнымъ въ Краковѣ семействамъ возбуждали въ себѣ общее вниманіе. Къ числу послѣднихъ принадлежала болѣею частію академическая молодежь. Послѣ арестовъ началось слѣдствіе о тайныхъ обществахъ. Средства для открытія истины употреблялись чисто австрійскія. Окончивъ свое дѣло, Гуть долженъ былъ передать его судебному вѣдомству. На судѣ обвиняемые дали неожиданныя показанія о тѣхъ мѣрахъ, которыми вынуждали ихъ къ признаніямъ. Помимо того, самыя доказательства въ пользу существованія открытыхъ Гутомъ замысловъ были сомнительнаго достоинства. Уголовный судъ первой инстанціи призналъ всѣхъ обвиняемыхъ невинными, предписалъ освободить ихъ и въ то же время составилъ обвинительный актъ противъ директора полиціи въ злоупотребленіи властью. Но это не измѣнило участи обвиняемыхъ. Сенатъ, подчиняясь давленію извнѣ, апеллировалъ противъ такого рѣшенія, и обвиняемые снова были заключены. Обвинительный актъ противъ Гута былъ приостановленъ, а онъ самъ объявилъ, что считаетъ себя неподсуднымъ краковской юстиціи, ибо не зависитъ отъ мѣстныхъ властей. Равнымъ образомъ отка-

зано было въ допросѣ предъ краковскимъ судомъ свидѣтелей, выставленныхъ обвиняемыми въ качествѣ очевидцевъ насильственныхъ мѣръ, испытанныхъ надъ ними Гутомъ: предложеномъ къ такому отказу послужило то обстоятельство, что свидѣтели принадлежали большею частію къ австрійскому гарнизону, и какъ таковыя, никоимъ образомъ не могли быть предоставлены въ распоряженіе краковскихъ судовъ. Юридическій ходъ всего дѣла былъ надолго прерванъ: ни аппелляція сената не рассматривалась въ судѣ высшей инстанціи, ни дѣло по обвиненію Гута не могло состояться, ни обвиняемые, но уже оправданные низшей инстанціей, не были выпущены на свободу. Все это дало австрійскому директору краковской полиціи поощреніе къ новымъ преслѣдованіямъ, и общественное мнѣніе въ Краковѣ приняло волнующійся характеръ, что также давало поводъ генералу Кауфману настаивать на продолженіи занятія Кракова австрійскими войсками.

Конференція резидентовъ обратила также свое вниманіе на ввозъ въ Краковъ книгъ, издававшихся за границей; ибо рѣдко изъ изданій польской эмиграціи не поступало въ книжную торговлю Кракова, чрезъ который все печатавшееся эмиграціонными комитетами въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи, распространялось въ Галиціи, царствѣ польскомъ, Силезіи и Познаніи. Нотой отъ 19-го (31) марта 1836 года конференція сообщила сенату, что вопросъ о недопущеніи къ продажѣ запрещенныхъ книгъ сильно занимаетъ покровительствующіе дворы, почему управленіе этимъ дѣломъ не можетъ быть ведено безъ вѣдома резидентовъ. Конференція назначила съ этой цѣлью особыхъ комиссаровъ отъ себя, для присутствованія при допросахъ лицъ, обвинявшихся въ распространеніи запрещенныхъ книгъ. Такое распоряженіе мотивировано было слѣдующимъ происшествіемъ. Домовые обыски, произведенные у книгопродавца Грабовскаго и купца Яна Бохенекъ, открыли у перваго большое число книгъ заигнательнаго содержанія, стремящагося раздуть ненависть противъ правительствъ покровительствующихихъ государствъ, а у втораго корреспонденцію, изъ которой видно, что онъ самъ, равно какъ и сынъ его Левъ, были наиболѣе дѣятельными агентами революціонной печати. «Такъ какъ правительство вольнаго города, чувствуя само всю тяжесть такихъ преступленій, выразило въ своей нотѣ отъ 24-го февраля (7 марта) рѣшительное намѣреніе подвергать виновныхъ всей строгости существующихъ законовъ, то нижеподписавшіеся имѣли честь пригласить и президента сената вызвать предъ соотвѣтствующій судъ обвиняемыхъ въ томъ книгопродавца Грабовскаго, равно какъ Яна и Льва Бохенекъ. Такъ

какъ очевидно, что названныя лица состояли въ недозволенныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, и что ихъ преступныя намѣренія стремились главнымъ образомъ распространить революціонный ядъ въ пограничныхъ областяхъ; то обязанность покровительствующихъ дворовъ—охранять общественное спокойствіе вообще и благосостояніе ихъ подданныхъ въ особенности—налагаетъ на нихъ долгъ и даетъ имъ право требовать со стороны краковскаго правительства, чтобы приняты были самыя подробныя разслѣдованія для раскрытія всѣхъ тайныхъ замысловъ со стороны обвиняемыхъ, и чтобы конференціи сообщены были свѣдѣнія о всѣхъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ розыска, каковой будетъ сдѣланъ съ этою цѣлью. Дабы достигъ этой цѣли съ болѣею увѣренностью и легкостью, нижеподписавшимся поручено пригласить правительство вольнаго города присоединить къ судебному разслѣдованію комиссаровъ, которыхъ назначать на сей случай миссіи трехъ дворовъ, для присутствованія отъ ихъ имени. Извѣщая о такомъ распоряженіи, нижеподписавшіеся имѣютъ честь предупредить г. президента сената, что дѣятельность этихъ комиссаровъ ограничится присутствіемъ на всѣхъ допросахъ, ознакомленіемъ съ тѣмъ, что можетъ бросить свѣтъ на объемъ преступныхъ сношеній обвиняемыхъ, и указаніемъ всего того, что можетъ интересовать высокіе покровительствующіе дворы въ видахъ охраненія порядка и общественного спокойствія въ ихъ провинціяхъ. Лица, назначенныя къ отправленію сихъ обязанностей, суть: со стороны австрійской миссіи правительственный концепистъ Вольфартъ, со стороны прусской миссіи чиновникъ Клейнъ, со стороны русской миссіи коллежскій ассессоръ Коростовцевъ». Мѣсяць спустя конференція должна была обратиться къ сенату съ замѣчаніемъ, что судъ, разбиравшій дѣло Грабовскаго и братьевъ Бохенекъ, имѣлъ засѣданіе, не увѣдомивъ о немъ комиссаровъ, назначенныхъ конференцію; а потому послѣдняя считала своей обязанностью обратить вниманіе сената и его президента на такое обстоятельство, и приглашала ихъ потребовать отъ суда объясненій по этому поводу. «Конференція, — сказано было въ нотѣ отъ 19-го іюня (1 іюля) 1836 года, —должна настаивать на томъ, чтобы подобныя отступленія отъ воли высокихъ покровительствующихъ дворовъ не имѣли болѣе мѣста, и чтобы помянутое засѣданіе, равно какъ и всякое другое, которое могло происходить или произойдетъ по сему дѣлу безъ участія комиссаровъ, назначенныхъ ad hoc, объявлены были какъ непроизходившія и неимѣющія никакихъ послѣдствій». Кромѣ того, конференція просила сенатъ сообщить ей, какія распоряженія будутъ приняты по этому случаю.

Намъ неизвѣстно однакожь, чѣмъ кончилось дѣло книгопродавца Грабовскаго и купцовъ Бохенекъ.

Между тѣмъ истекало трехлѣтіе со времени послѣдняго сейма, принявшаго уставы отъ реорганизаціонной комиссіи. Надлежало созвать новый сеймъ, который могъ обратиться къ правительству съ запросами о происходившемъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ того, сеймъ долженъ былъ приступить къ избранію новыхъ сенаторовъ и президента ихъ, рассмотреть административные отчеты за три года, и въ случаѣ надобности произнести обвиненіе противъ чиновниковъ, дѣйствія которыхъ не согласовались съ предписаніями конституціи. Предупредить грозу, или по крайней мѣрѣ ослабить силу сеймовыхъ преній можно было только введеніемъ новыхъ ограниченій въ сеймовый уставъ. Но сенатъ не могъ сдѣлать этого собственною властью, и потому прибѣгъ подъ покровъ конференціи. 15-го (27) сентября 1836 года обнаружены были шесть измѣненій, внесенныхъ въ сеймовый статутъ. Обнародованіе протоколовъ сеймовыхъ засѣданій подчинено было вполнѣ цензурѣ президента сената; опредѣлено было для сеймовыхъ секретарей, еслибы они допустили какія-либо дополненія въ изложеніи преній или внесеніе рѣчей на основаніи письменнаго текста, представленнаго имъ ораторами, соотвѣтственное наказаніе, заключавшееся въ томъ, что сенатъ, освѣдомившись о такомъ поступкѣ, долженъ былъ немедленно исключить виновнаго изъ собранія представителей и лишить его на шесть лѣтъ права участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ и быть самому избраннымъ. Списокъ кандидатовъ на сенаторскія званія предписано было представлять на окончательное разсмотрѣніе конференціи резидентовъ, которая могла исключать кандидатовъ, признаваемыхъ ею ненадежными. Если сеймъ отвергнетъ какую-либо статью расходовъ въ новомъ бюджетѣ, а сенатъ не согласится съ тѣмъ, то споръ между ними рѣшено было разсматривать въ конференціи. Кромѣ того, сенатъ уполномоченъ былъ въ обстоятельствахъ, грозящихъ какою-либо опасностью странѣ, но непредвидѣнныхъ въ бюджетѣ, расходовать изъ общественныхъ суммъ по своему усмотрѣнію до 600,000 злотыхъ. Наконецъ, въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ во время сеймовыхъ засѣданій, сенатъ получалъ право провозгласить дѣйствующимъ весь прежній составъ чиновниковъ на шесть мѣсяцевъ; если въ возобновившейся по истеченіи этого времени сессіи безпорядки повторятся, то сенатъ могъ распустить сеймъ и объявить новые выборы, сообщивъ о томъ предварительно конференціи и получивъ отъ нея согласіе; въ такомъ случаѣ всѣ административныя и судебныя учрежденія

гли дѣйствовать въ прежнемъ своемъ составѣ; выбывающихъ же изъ нихъ членовъ могъ замѣщать сенатъ до распоряженій новаго сейма, и наконецъ сохранялся старый бюджетъ. Такое ограниченіе сеймовой дѣятельности, кромѣ мѣстныхъ условий и отношеній, легко объяснялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ Краковомъ, не было представительныхъ собраній въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, и примѣръ краковского сейма казался опаснымъ для ихъ населенія.

Обезпеченный отъ сеймовыхъ притязаній, сенатъ не только своимъ новымъ правамъ, но и по личному составу ни въ чемъ не согласовался съ требованіями конституціи 1833 года: одинъ изъ сенаторовъ не удовлетворялъ условію, по которому долженъ былъ обладать въ краковской территоріи недвижимою собственностію, платящею прямыхъ податей по крайней мѣрѣ на золотыхъ; большая часть изъ нихъ до своего вступленія въ должность принадлежала къ подданнымъ сосѣднихъ державъ, особливо Австріи, и имѣла тамъ свою недвижимую собственность, гдѣ либо находилась въ болѣе или менѣе зависимости резидентовъ, отъ которыхъ съ готовностію принимала личныя приказанія. Только одинъ Янъ Мѣрошевскій, бывший сперва первымъ секретаремъ сената съ самаго его основанія, и возведенный въ 1833 году въ званіе сенатора, оставался въ оппозиціи къ предписаніямъ конференціи. Онъ также имѣлъ недвижную собственность за границей, но ему постоянно отказывали въ выдачѣ паспорта на выѣздъ изъ Кракова, чего онъ просилъ въ предлогахъ посѣщенія своихъ имѣній. Поводовъ къ оппозиціи представлялось немало, и его дѣятельность шла въразрезъ съ поведеніемъ остальныхъ сенаторовъ. Наконецъ, 4-го (16)

1837 года конференція обратилась къ сенату съ такою резолюціею: «чрезвычайная коммиссія, учрежденная въ 1833 году для устройства правительства вольнаго города Кракова, предоставляя въ силу своихъ полномочій, г. Табинфу Мѣрошевскому мѣсто сенатора. Высокіе покровительствующіе дворы, обращая съ времени особенное вниманіе на дѣйствія сего правительства и особенно на политическое и административное поведеніе сенаторовъ, ими избранныхъ, получили горестное убѣжденіе, что Мѣрошевскій, руководясь внушеніями партій, политическія и намѣренія которой не согласуются съ благосостояніемъ страны, не оправдалъ довѣрія, оказаннаго ему реорганизаціоною коммиссіею, что онъ постоянно задерживалъ свою оппозиціею самыя спасительныя мѣры и что его присутствіе въ сенатѣ не только не приносило содѣйствія обществен-

ному благу, но и препятствовало восстановленію твердаго и заслуживающаго довѣрія порядка вещей; посему, признавъ это званіе сего чиновника необходимымъ въ интересахъ самого важнаго города Кракова, высшіе покровительствующіе дворы постановили взять назадъ приказъ реорганизаціонной комиссіи, въ которому г. Мѣрошевскій назначенъ былъ сенаторомъ. Нижеподписавшіеся получили повелѣніе объявить г. президенту и сенату Кракова, что сенаторскія обязанности г. Мѣрошевскаго прекращаются съ сего дня, и что для замѣщенія его, равно какъ и для замѣщенія мѣстъ, сдѣлавшихся свободными вслѣдствіе назначенія г. Галлера временнымъ президентомъ и вслѣдствіе смерти сенатора Михаловскаго, нижеподписавшіеся, дѣйствуя согласно приказаніямъ и полномочіямъ отъ своихъ дворовъ, назначили временными сенаторами г. Соболевскаго, уже дѣйствующаго и какъ-то въ качествѣ чрезвычайнаго сенатора, каноника Шиндлера и Яна Мѣрошевскаго, которые имѣютъ немедленно вступить въ исполненіе своихъ должностей. Но такъ какъ, по § 8 конституціи званіе сенатора не можетъ быть соединяемо ни съ какою другою оплачиваемою должностію, то каноникъ Шиндлеръ будетъ получать отнынѣ свое прежнее содержаніе, какъ правительственный комиссаръ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, каковыя обязанности онъ будетъ отправлять какъ и прежде, но за труды по сенаторскому званію будетъ получать прибавку въ 3,000 злотыхъ на канцелярскія издержки». Такъ подвигался впередъ профессоръ Ягеллонскаго университета, еще болѣе пріемлемый австріецъ Австріи, чѣмъ Галлеръ, имѣвшій современемъ занять мѣсто въ сенатѣ. Австрійское вліяніе получало въ немъ прочную силу въ средѣ краковскаго правительства.

Преобразованный сенатъ сдѣлался постояннымъ и вѣрнымъ органомъ, чрезъ который отнынѣ проводились не только реформы и измѣненія существовавшихъ уставовъ, но и радикальныя измѣненія въ устройствѣ властей законодательной, судебной и исполнительной. Сенатъ не только принялъ тѣ ограниченія, которыя введены были въ сеймовый уставъ, но и весьма охотно согласился на измѣненіе своихъ собственныхъ правъ. 28-го августа (9-го сентября) того же года послѣдовали три ноты конференціи президентовъ, касавшіяся отношеній между сенатомъ и сеймомъ права помилованія, вопроса о томъ: какъ понимать выраженіе конституціи «лица, стоящія внѣ закона», и общаго устройства. Въ первой нотѣ излагался общій взглядъ покровительствующихъ дворовъ на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Краковѣ, опредѣлявшее предложенныя измѣненія уставовъ. «Послѣ реоргани-

аціи вольнаго города Кракова въ 1833 году», сказано было въ той нотѣ, «покровительствующіе дворы, слѣдя внимательнымъ взоромъ за развитіемъ реформъ, введенныхъ въ то время въ граническіе законы сей страны, увидѣли съ сожалѣніемъ, что наченіе этихъ реформъ не отвѣчало ихъ намѣреніямъ и не пришло должныхъ улучшеній въ дѣлѣ возстановленія порядка и въ общемъ ходѣ управленія. Посреди величайшихъ беспорядковъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ, правительство не обнаружило ни достаточнаго предвидѣнія, чтобы предупредить ихъ, ни достаточной энергіи, чтобы прекратить ихъ. Самые спасительные совѣты, равно какъ и самыя серьезныя указанія, обращенныя въ сенату, остались безъ выполненія. Дерзость искателей мятежныхъ приключеній, увеличиваясь вмѣстѣ съ безнаказанностью реступленій, сильно нарушала личную безопасность и общественное спокойствіе, и три двора, убѣдившись наконецъ въ безсиліи зната устранить это зло, постоянно возраставшее, вынуждены были, наконецъ, прислать вооруженную силу, чтобы возстановить порядокъ и безопасность въ этой несчастной странѣ, благосостояе которой отдано было на волю нѣсколькихъ темныхъ анархистовъ. При наступленіи минуты, въ которую краковское правительство по возстановленіи общественнаго спокойствія было бы ова предоставлено своимъ собственнымъ силамъ, три союзные вора сочли бы себя неисполнившими своихъ обязанностей, нагаемыхъ на нихъ званіемъ покровительницъ, еслибъ не прили мѣръ, предупреждающихъ повтореніе происшествій, подобныхъ тѣмъ, которыя вызвали военное занятіе краковской терриріи, и возобновленіе которыхъ было бы столь же губельно для благосостоянія вольнаго города, какъ и опасно для его добрыхъ юшеній съ сосѣдними и покровительствующими государствами, ставляющихъ существенное условіе не только для его преуспѣянія, но и для его политическаго существованія. Такъ какъ опытно доказалъ, что шаткость административныхъ пружинъ, вно какъ слабость и бездѣйствіе правительства, которое во всѣхъ случаяхъ оказывалось столь легко побѣждаемымъ смѣлостью люді, возбуждавшихъ волненія, были если не единственною, то крайней мѣрѣ главною причиною всѣхъ этихъ беспорядковъ; покровительствующіе дворы прежде всего обратили свое вниманіе на средства придать сенату силу и энергію, которыхъ ему сихъ поръ недоставало, и замѣнить ихъ нравственною подужкой» содѣйствіе матеріальной силы, которую они вскорѣжны отнять у него. Съ этою преимущественно цѣлію составлены были измѣненія въ органическихъ статутахъ сената и по-

литическихъ собраній, каковыя нижеподписавшіеся имѣли честь сообщить сенату, согласно съ повелѣніями и полномочіями отъ ихъ высочайшихъ дворовъ, приглашая его привести ихъ въ исполненіе въ возможно кратчайшее время. Высокіе покровительствующіе дворы соглашались равнымъ образомъ на измѣненія §§ 7 и 11 конституціонной хартіи, предложенныя сенатомъ съ цѣлю согласованія ихъ съ началами, усвоенными при переустройствѣ полиціи, почему новая редакція этихъ параграфовъ и прилагается при семъ. Въ то же время они считали необходимымъ присоединить къ конституціи прилагаемую при семъ же дополнительную статью, отмѣняющую общинныхъ мэровъ и вспомогательныхъ судей, дѣятельность которыхъ только затрудняла административныя управленія и осложняла дѣло. Само собою разумѣется, что всѣ статьи различныхъ уставовъ и конституціи, дѣйствующей съ 1833 года, которыя будутъ въ противорѣчіи съ постановленіями, изложенными въ приложеніяхъ къ настоящей нотѣ, должны быть разсматриваемы, какъ отмѣненныя. Въ заключеніи было сказано, что таковая воля покровительствующихъ дворовъ должна служить сенату новымъ доказательствомъ ихъ благоволенія къ нему и побудить его не только къ охраненію общественнаго порядка въ странѣ, но и къ устраненію безпорядковъ, какія могли бы возникнуть въ его собственной средѣ.

Изъ приложеній къ этой нотѣ видно было, что § 7-я конституціи, гласившій: «сенатъ пользуется исполнительною властью во всей ея обширности; всякая исполнительная и административная власть получаетъ свое начало только отъ него», былъ замѣненъ такимъ чтеніемъ: «сенатъ и его президентъ пользуются исполнительною властью, согласно дѣйствующимъ законамъ и уставамъ»; а § 11-й: «сенатъ назначаетъ на всѣ административныя мѣста, кромѣ изъятыхъ изъ того конституціей,» замѣненъ былъ такъ: «сенатъ назначаетъ на всѣ административныя мѣста, кромѣ изъятыхъ изъ того конституціей, или относительно которыхъ будетъ постановлено, иначе». Новый текстъ определялъ шире права президента сената и вмѣстѣ съ тѣмъ вводилъ подъ общія выраженія тѣ распоряженія, которыя уже сдѣланы были касательно исполнительной власти конференціе резидентовъ. По § 7-му въ новомъ его видѣ президентъ могъ оставаться, на своей отвѣтственности за то, любое изъ распоряженій сената, чѣмъ отстранялись отчасти несогласія въ средѣ посольствъ, а по § 11-му назначеніе начальника милиціи и директоръ полиціи, равно и удаленіе ихъ, поставлены были въ зависимость отъ резидентовъ. Кромѣ того, изъ права помилованія, принадле-

каваго отчасти сенату, отчасти его президенту, изъяты были преступленія членовъ милиціи; ибо послѣдняя подчинена была особому исправительному и уголовному кодексу, согласно съ ея уставомъ, утвержденнымъ конференціей. Наконецъ, общинные яры и добавочные судьи были отмѣнены и ихъ дѣятельность въ Краковѣ передана полицейской дирекціи, а въ территоріи окружнымъ комиссарамъ; что же касается выдачи людей, стоявшихъ внѣ закона, то подъ таковыми предложено было разумѣть не однихъ осужденныхъ за участіе въ революціи 1830 и 1831 годовъ, но и могущихъ впредь подвергнуться подобной же участи.

Всѣ эти измѣненія введены были въ жизнь краковской республики въ то самое время, какъ процессъ о тайныхъ обществахъ, возбужденный Гутомъ, вызвалъ протестъ противъ судебного рѣшенія со стороны сената. 21-го октября (2-го ноября) сенатъ обратился къ конференціи съ нотой, прося резидентовъ привести до свѣдѣнія покровительствующихъ дворовъ о поступкѣ судебного вѣдомства и обратить ихъ вниманіе на необходимость произвести реформы въ краковской юстиціи, согласно указаніямъ опыта. 17-го (29) ноября резиденты увѣдомили сенатъ, что его просьба принята дворами, какъ новое доказательство его росвѣщенныхъ заботъ о благосостояніи управляемыхъ имъ и какъ совѣстливое исполненіе надзора, который возложенъ на него институціей относительно судебного вѣдомства всего края, и что покровительствующіе дворы займутся безъ промедленія пріисканіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для устраненія недостатковъ, существующихъ въ краковскомъ судоустройствѣ и обогащенныхъ опытомъ, дабы обезпечить жителямъ этой страны нагодѣнія юстиціи болѣе правильной и болѣе безпристрастной. Предметъ этотъ однакожь», сказано было въ нотѣ, «такъ важенъ по себѣ, что требуетъ глубокаго изученія и особаго согласенія между тремя дворами. Въ ожиданіи, что нижеподписавшіяся сообщать тотчасъ же правительству вольнаго города мнѣя дворовъ, на нихъ возлагается также обязанность довести до свѣдѣнія собранія представителей, которое созывается, намѣренія покровительствующихъ дворовъ и предложить, что въ виду перемѣнъ, какія могутъ совершиться въ организаціи судовъ, необходимо на время удержаться отъ всякаго назначенія на вакантные мѣста въ судебномъ вѣдомствѣ, за исключеніемъ миротворцевъ и судей».

Разрѣшивъ сенату созвать сеймъ для утвержденія всѣхъ административныхъ мѣръ, принятыхъ со времени удаленія изъ Кра-

кова реорганизаціонной комиссіи, конференція резидентовъ того же 17-го (29) ноября извѣстила сенатъ, что покровительствующіе дворы рѣшились сохранить дѣйствующій составъ краковскаго правительства и потому созываемый сеймъ не долженъ заниматься ни выборомъ президента, ни выборомъ сенаторовъ. Сенатъ съ своей стороны представилъ конференціи два проекта бюджета на слѣдующее трехлѣтіе и семь законопроектовъ, относящихся къ тому же предмету. Конференція отвѣчала 10-го (22) декабря, что не имѣетъ съ своей стороны препятствій къ предложенію этихъ проектовъ на обсужденіе сейма; но замѣтила, что такъ какъ организація полиціи и милиціи уже утверждена покровительствующими дворами, то сенатъ долженъ извѣстить собраніе представителей, что суммы, назначенныя въ бюджетъ на эти двѣ отрасли общественной службы, не могутъ быть предметомъ преній, и еще менѣе подвергаться какому-либо сокращенію.

Таковы были условія, при коихъ долженъ былъ открытъ свое засѣданіе сеймъ 1837—1838 года. Посмотримъ, какъ же онъ вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія.

ХІІІ.

Противорѣчія между фундаментальными законами или конституціонной хартіей вольнаго города и органическими статутами его.—Смѣшеніе властей.—Отношенія сейма къ сенату.—Большой адресъ сейма къ покровительствующимъ дворамъ, отъ 26-го января 1838 года.—Краткій адресъ отъ 13-го февраля.—Сношенія сената съ резидентами.—Нота резидентской конференціи отъ 29-го мая.—Новыя перемѣны въ органическихъ статутахъ.—Столкновеніе между магистратскою и судебною властями.—Реформа судовъ въ іюнь 1839 года.—Вліяніе Австріи во всѣхъ этихъ дѣлахъ.—Дисциплинарный судъ.—Введеніе въ Краковъ австрійскаго уголовнаго кодекса и судоустройства.—Отзывы французскихъ и англійскихъ газетъ объ этихъ реформахъ.

Когда сеймъ 1838 года, предпоследній въ исторіи вольнаго города, приступалъ къ своей дѣятельности, политическая жизнь Кракова управлялась двоякаго рода законами: основными или фундаментальными, которые состояли изъ конституціонной хартіи, включенной въ вѣнскіе договоры 1815 года, и произведенныя затѣмъ измѣненія въ ней въ 1818, 1833 и 1837 годахъ; такъ называемыми органическими законами или различными статутами и уставами, подвергавшимися безчисленнымъ измѣненіямъ, произведеннымъ еще организаціонною комиссіей, потомъ ея преемницей, комиссіей реорганизаціонной, конференціей резидентовъ

отчасти сенатомъ, дѣйствовавшимъ то въ соглашеніи съ временными комиссарями покровительствующихъ дворовъ, то съ частями военныхъ отрядовъ, занимавшихъ Краковъ. Конституціонная хартія заключала въ себѣ только главныя основанія политическаго устройства краковской республики; органическіе же статуты развивали и опредѣляли различныя части всего зданія; акковы были статуты сената, собранія представителей, судебныхъ учрежденій, университета, общиннаго управленія, милиціи и полиціи и т. п. Имѣвшіе цѣлю развивать начала, положенныя въ основаніе конституціи, эти статуты не могли, конечно, заключать въ себѣ никакихъ противорѣчій съ фундаментальными законами или отступленій отъ нихъ, и это признано было заключительнымъ постановленіемъ реорганизаціонной комиссіи отъ 4-го (16-го) сентября 1833 года, обнародованнымъ въ «Дневникѣ» краковскихъ законовъ, по повелѣнію сената отъ 21-го сентября (3-го октября) того же года, гдѣ было сказано: «впрочемъ, чтобы странить на будущее время всякія затрудненія, на случай какихъ-либо сомнѣній при толкованіи органическихъ статутовъ политическихъ учрежденій, комиссія признала за неизмѣнное правило и основаніе, что органическіе статуты, вытекающія изъ конституціи и будучи только ея развитіемъ, не должны быть объяснены способомъ, противорѣчающимъ фундаментальному закону». Со времени управленія Кракова конференціею резидентовъ, только не соблюдалось на практикѣ это правило, но введено было немало измѣненій какъ въ статуты, такъ и въ нѣкоторыя статьи конституціонной хартіи, о чемъ официальнымъ образомъ вѣдалъ одинъ только сенатъ. Вслѣдствіе этого происходило жовое противорѣчіе: конституція не была еще отмѣнена, и сая измѣненія въ ней были незначительны, но она не могла іать на практику, основывавшуюся на уставахъ, уже далеко зопедшихся съ конституціонною хартіею. Конституція предовывла всю законодательную власть сейму, а исполнительную—нату; но практика мало-по-малу передала значительную часть конодательной дѣятельности въ руки сената, образовавъ, тамъ образомъ, изъ него и сейма какъ-бы двѣ палаты. Но въ же время въ сенатѣ заключалось и все правительство Крава, а такъ какъ члены его уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ начались не по указаніямъ конституціонной партіи, а по волѣ конференціи резидентовъ, то сенатъ, не имѣя истиннаго характера первой палаты, не былъ въ то же время и самостоятельнымъ авительствомъ. Этотъ характеръ принадлежалъ конференціи, и истически сенатъ уже признавалъ его, будучи только посред-

никомъ между конференціей и остальными органами политической жизни Кракова; сеймъ же не имѣлъ еще случая ни признать такого порядка вещей, ни отвергнуть его. Сеймъ 1838 года хотя и составилъ подъ сильнымъ вліяніемъ конференціи и сената, однакожь большинство его членовъ состояло изъ обывателей, которые считали себя въ правѣ обвинять во всемъ, происшедшемъ съ конца 1833 года, однихъ только сенаторовъ. Изъ объясненій послѣднихъ сеймъ легко могъ замѣтить ту власть, какую приобрѣла конференція надъ сенатомъ, а чрезъ него и надъ остальными органами краковской жизни. Такимъ образомъ оппозиція сейма должна была проявиться двояко: противъ сената и противъ конференціи. Не удивительно, что сенатъ вступилъ въ борьбу съ сеймомъ, ища опоры у конференціи.

Предметомъ для первыхъ споровъ на сеймѣ послужилъ бюджетъ. Сеймъ не хотѣлъ признать тѣхъ изъ расходовъ, сдѣланныхъ сенатомъ, которые не значились въ бюджетѣ, утвержденномъ предшествовавшимъ сеймомъ и основывались только на правѣ, данномъ сенату конференціей—производить расходы собственной власти въ непредвидѣнныхъ случаяхъ. Сеймъ отвергалъ также права сената измѣнять бюджеты общинныхъ управленій и, кромѣ того, руководясь только конституціонною хартіею, рѣшился внести значительныя измѣненія въ нѣкоторыхъ статьяхъ представленнаго на его обсужденіе бюджета. Сенатъ не протестовалъ противъ такихъ рѣшеній въ первую минуту, хотя въ сеймовыхъ статутахъ и значилось, что собраніе представителей можетъ или отвергнуть, или принять весь бюджетъ, какъ финансовый законъ, въ цѣлой его совокупности, но не вносить въ него частныхъ измѣненій по собственной инициативѣ, которая могла принадлежать, согласно уставамъ, только сенату. Послѣдній выждалъ, когда собраніе представителей вступитъ въ борьбу съ самою конференціею. И дѣйствительно, въ засѣданіи 26-го января (7 февраля) 1838 года сеймъ принялъ адресъ къ тремъ государямъ, покровительствовавшимъ вольному городу, въ которомъ изложена бѣдственное и печальное положеніе страны, вызванное безпрестанными измѣненіями въ фундаментальныхъ законахъ, органическихъ статутахъ, и открытіемъ новыхъ учреждений, произведенными благодаря постоянному вмѣшательству во внутреннія дѣла Кракова трехъ резидентовъ. Вотъ этотъ адресъ:

«Высочайшіе, могущественнѣйшіе и августѣйшіе государь покровители! Уже неоднократно законодательное собраніе вольнаго города Кракова было выразителемъ чувствованій, которыми проникнутъ всѣ его жители къ августѣйшимъ особамъ вселен-

стивѣйшихъ покровителей сего государства. Нынѣшнее собраніе предъ окончаніемъ своихъ занятій считаетъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ послѣдовать сему примѣру, что событія, совершившіяся въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, равно какъ и свойство нѣкоторыхъ предметовъ, представленныхъ на обсужденіе собранія, заставляютъ опасаться, что еслибъ оно не обратилось съ постоянно одинаковымъ и твердымъ выраженіемъ глубочайшаго уваженія и живѣйшей признательности къ тремъ высокимъ покровительствующимъ дворамъ, и еслибъ оно въ то же время не хотѣлось объ ихъ милости, въ виду настоящаго положенія страны, то его молчаніе дало бы поводъ предполагать, что оно равнодушно ко всѣмъ благодѣяніямъ, которыя получила отъ нихъ до сего времени страна эта, или, что оно не имѣетъ достаточнаго довѣрія къ тому, чего можетъ еще ожидать въ будущемъ. Конечно, не таковы убѣжденія жителей этой страны; и если законодательное собраніе, вынужденное настоятельно необходимостью, беретъ на себя смѣлость прибѣгнуть къ непосредственному покровительству августѣйшихъ государей, оно дѣлаетъ это въ полномъ убѣжденіи, что такой шагъ согласуется съ чувствами всей страны, которая, довѣряясь великодушію своихъ покровителей, ждетъ единодушно отъ нихъ исполненія надеждъ, какія она осмѣливается соединять съ своею участію. Моленія и просьбы, которыя собраніе представителей полагаетъ нынѣ у подножія троновъ августѣйшихъ покровителей, служатъ только выраженіемъ нуждъ всѣхъ обывателей, заявленныхъ отчасти яснымъ образомъ въ петиціи, которая подана была ремесленными цехами ашего города въ палату представителей. Пусть достигнетъ сей искренній и молящій голосъ, изображающій вѣрно несчастія и бѣдствія сего государства, до слуха его августѣйшихъ покровителей, которые, воззвавъ его къ политическому бытію, не откажутъ, — мы въ томъ не сомнѣваемся, — продолжать свое милостивое благоволеніе и свое покровительство, на воихъ исключительно окончится его преуспѣаніе! Нѣтъ сомнѣнія, до свѣдѣнія вашихъ величествъ дошло, что съ нѣкотораго времени торговля и промышленность нашей страны разрушены и источники ея преуспѣанія изсякли; и въ самомъ дѣлѣ, трудно найти страну, въ которой обѣднѣніе и общая нищета поражали бы больше, чѣмъ въ шей. Такое матеріальное бѣдствіе является еще болѣе ощутительнымъ въ силу того обстоятельства, что личныя права подданныхъ этой страны не находятъ никакой гарантіи въ ея существующихъ учрежденіяхъ. Жители города Кракова видятъ себя лишеными двухъ существенныхъ условій для общественнаго пре-

успѣянія, именно: возможности развивать свою промышленную дѣятельность въ границахъ, необходимыхъ для ея успѣха, и до статочнаго покровительства частнымъ интересамъ противъ преемниковъ. Пренія настоящаго собранія представляютъ вѣрную картину отягощеній, которыя испытываетъ вся страна въ этихъ двухъ отношеніяхъ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что сдѣлалось съ матеріальнымъ благосостояніемъ страны, достаточно прочесть оффиціальныи отчетъ, представленный парламенту правительствующимъ сенатомъ, и выслушать горькія жалобы, во данныхъ торговою корпораціею и ремесленными цехами нашего города. И въ виду такого-то разоренія требуютъ отъ собранія представители, чтобы оно согласилось на огромный бюджетъ бюджетъ, удвоенный сравнительно съ тѣмъ, который организаціонная комиссія нашла возможнымъ возложить на страну при данныхъ обстоятельствахъ, совершенно иначе сложившихся и болѣе удобныхъ для ея преуспѣянія! Вотъ уже два года, какъ наши свободныя сообщенія, нѣкоторымъ образомъ секвестрованные въ нашихъ узкихъ границахъ, прерваны съ пограничными государствами и особенно съ царствомъ польскимъ, такъ что произведенія нашей промышленности имѣютъ затруднительный и ограниченный вывозъ, между тѣмъ какъ предметы, вывозимые изъ сосѣднихъ государствъ, находятъ на нашей территоріи свободный рынокъ. Краковскій университетъ, который, будучи посѣщаемъ юношествомъ сосѣднихъ странъ, согласно вѣнскому договору, долженъ обезпечить краю извѣстное благосостояніе и выгоды, приносимыя научнымъ движеніемъ, имѣетъ нынѣ ограниченное число студентовъ вследствие запрещенія молодежи сосѣднихъ провинцій учиться въ немъ. Эта мѣра удержавна, несмотря на то, что университетъ при образованъ согласно съ намѣреніями покровительствующихъ государей и конкурсъ для занятія каждаго профессоромъ подчиненъ рѣшенію университетовъ, находящихся въ государствахъ покровительствующихъ Кракову. Удивляться ли тому, что краковская промышленность и торговля разрушены въ этой несчастливой странѣ, существованіе которой каждый мѣсяцъ, принося новыя перемены въ ея учрежденіяхъ, дѣлаетъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ и невѣрнымъ? Хотя самая конституція потерпѣла въ сентябрѣ 1837 года только легкія измѣненія, но перемены, внесенныя въ то же время въ органическіе статуты, имѣли цѣль создать множество властей и независимыхъ другъ отъ друга учреждений, такъ что въ этомъ смѣшеніи жители вольнаго города Кракова и его территоріи не знаютъ болѣе, къ какому закону или законамъ они должны прибѣгать? Эти перемены от-

няли у собранія представителей право избранія должностныхъ лицъ, что было обезпечено за нимъ конституціей, и оно лишено такимъ образомъ одного изъ самыхъ существенныхъ правъ своихъ. Наконецъ, эти перемѣны совлекли съ правительства нравственную силу и значеніе, столь необходимыя для охраненія порядка и поддержки довѣрія, которое власть должна внушать. Порядокъ вещей, введенный въ 1833 году единственно по непосредственной волѣ нашихъ августѣйшихъ покровителей, подвергнуть былъ опять новымъ измѣненіямъ, внушающимъ тѣмъ болѣе безпокойство, что страна совершенно не знаетъ, до какихъ предѣловъ они могутъ простираться. Наиболѣе важныя должности поручены иностранцамъ, которые не подчинены нашему правительству и не отвѣтственны предъ нимъ, и которые даже отказываются принести присягу законамъ страны. Надо полагать, что люди неблагоклонные и желающіе зла этому краю успѣли выставить его въ подозрительномъ свѣтѣ предъ августѣйшими покровителями, если высокіе дворы, считая его недостойнымъ привилегій, пользованіе которыми было ему предоставлено, нашли необходимымъ подчинить его дѣйствию новыхъ и унижительныхъ распоряженій. Собраніе представителей всегда было расположено принимать всякаго рода предложенія, въ коихъ оно могло видѣть какой-либо признакъ непосредственной воли августѣйшихъ покровителей, и при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оно не переставало имѣть въ виду живѣйшее желаніе довести о нихъ до свѣдѣнія высочайшихъ дворовъ чрезъ посредство ихъ представителей, присутствовавшихъ при его преніяхъ. Мало того, раздѣляя съ большинствомъ жителей сего государства глубокое убѣжденіе, что все счастье и вся будущность нашей страны зависятъ отъ ея августѣйшихъ покровителей, собраніе представителей обращаетъ ихъ милостивые и отеческіе взоры на народъ, отъ имени котораго оно возвышаетъ голосъ, и который своимъ полномочіемъ звѣрилъ ему наиболѣе дорогіе интересы свои. Оно проситъ ваши величества имѣть жалость къ безграничному несчастію сей страны; умоляетъ смотрѣть на ея жителей съ тѣми же чувствами благоклоннаго великодушія, какія оказываются собственнымъ подданымъ. Мы не провозглашаемъ нынѣ никакихъ новыхъ конституціонныхъ прерогативъ; всѣ наши просьбы принадлежатъ къ числу такихъ, какія позволительно подавать вѣрнымъ подданнымъ вашихъ величествъ; всѣ наши желанія ограничиваются возможностью пользоваться съ твердою увѣренностью тихимъ и спокойнымъ существованіемъ и благосостояніемъ, основаннымъ на усердіи и производительномъ трудѣ. Мы умоляемъ ваши величества

прислать новую комиссію, столь же непристрастную, какъ и совѣстливую, для изслѣдованія нынѣшняго порядка вещей и подтвержденія нашей невинности. Мы умоляемъ васъ возстановить правительствующій сенатъ въ его прежнемъ значеніи и, поставивъ его во главѣ всѣхъ властей, возвратить единство управленія, которое нынѣ не существуетъ болѣе. Благоволите дозволить, чтобы дарованы были облегченія въ нашихъ торговыхъ связяхъ и ежедневныхъ сношеніяхъ съ жителями вашихъ государствъ. Дозвольте наконецъ, чтобы молодежь сосѣднихъ провинцій могла посѣщать наши школы и нашъ университетъ, устроенные на основаніяхъ, вами самими указанныхъ. Каково бы ни было рѣшеніе, которое угодно будетъ вашимъ величествамъ принять относительно предмета этой всепокорнѣйшей просьбы собранія представителей, страна и жители Кракова примутъ его съ уваженіемъ и признательностію, будучи вполне убѣждены, что только отъ васъ однихъ они могутъ ожидать облегченія бѣдствій и страданій государства, которое уже пользуется величайшимъ счастіемъ находиться подъ вашимъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ, — покровительствомъ, счастливыя послѣдствія котораго, конечно, не замедлятъ распространиться на нихъ и устранить страданія, причиненныя временемъ и несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Этотъ адресъ подписали: президентъ сейма Вивентій Вольфъ, въ ассессора: Францъ Липчинскій и Антонъ Гельцель, и секретарь Гиларій Мѣцишевскій. Сеймъ представилъ этотъ адресъ сенату, прося довести его до свѣдѣнія покровительствующихъ государей; сенатъ препроводилъ резидентамъ, но не получилъ отъ нихъ никакого отвѣта.

Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи 13-го (25-го) февраля сеймъ принялъ новый, самый краткій адресъ къ покровительствующимъ дворамъ. «Краковскій сеймъ», сказано было въ этомъ адресѣ, «заканчивая свою сессію, ходатайствуетъ предъ тремя покровительствующими державами: 1) чтобы австрійскія войска оставили территорію краковской республики; 2) чтобы границы этой республики были открыты для торговли и путешественниковъ, согласно конституціи, дарованной въ 1815 году вѣнскимъ конгрессомъ; 3) чтобы учрежденія и регламенты 1833 года были снова объявлены дѣйствующими; 4) чтобы власть, сила и значеніе, которыми сенатъ пользовался издавна, были возстановлены; 5) чтобы отнынѣ управлялъ сенатъ, а не комиссія, состоящая изъ трехъ резидентовъ покровительствующихъ державъ и генерала, командующаго австрійскимъ оккупационнымъ отрядомъ; 6) чтобы дирекція полиціи и дирекція таможенъ были возвращены въ руки

лѣстныхъ властей краковской республики». Этотъ адресъ былъ представленъ резидентамъ съ порученіемъ доставить его ихъ дворамъ; но и онъ остался безъ отвѣта. Только 6-го (18-го) апрѣля сенатъ, препроводивъ резидентамъ копію съ перваго адреса, о полученіи котораго не имѣлъ нивакого увѣдомленія, рѣшился просить резидентовъ увѣдомить его о послѣдующемъ. Резиденты отвѣчали 2-го (14-го) мая, что они не находятъ возможнымъ представить своимъ дворамъ такой адресъ, тѣмъ болѣе, что и само краковское правительство, повидимому, сомнѣвается въ его приличіи; а потому онъ будетъ оставленъ безъ послѣдствій, какъ бы никогда и не было его. Такъ устранено было одно изъ важнѣйшихъ рѣшеній, принятыхъ сеймомъ 1838 года, на которое онъ повидимому возлагалъ серьезныя надежды. Оставалось еще разрѣшить несогласія, возникшія между постановленіями сейма и предложеніями сената.

Еще 9-го января н. с. 1838 года сенатъ сообщилъ резидентамъ два проекта устава постоянной учетной комиссіи, которая обыкновенно дѣйствовала въ промежутокъ между двумя созываемыми сеймами: одинъ изъ проектовъ былъ составленъ самимъ сенатомъ, другой означенною комиссіею. Сообщены они были резидентамъ для того, чтобы покровительствующіе дворы утвердили тотъ-либо изъ нихъ. 29-го марта (10-го апрѣля) резиденты отвѣчали сенату, что по важности тѣхъ операцій, которыя должны ходить въ кругъ дѣятельности учетной комиссіи, они разсмотрѣли оба проекта во всѣхъ подробностяхъ и пришли къ такому сужденію: проектъ, изготовленный сенатомъ, недостаточно углубился въ важнѣйшія стороны вопроса, не указывалъ средствъ для страненія столкновеній между правительствомъ и комиссіею, и вообще носилъ на себѣ ясныя слѣды тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ былъ составленъ; проектъ же комиссіи ясно стремился къ такому возвышенію ея собственной власти, къ надѣленію членовъ такими привилегіями и правами, что комиссіа ставилась такъ сказать нѣкотораго рода финансовой диктатурой, — потому резиденты не могли представить покровительствующимъ дворамъ ни одного изъ этихъ проектовъ. При такомъ исходѣ была конференція резидентовъ считала за лучшее возвратить оба проекта сенату для составленія новой редакціи, и уполномочивала сенатъ отстранить требованія комиссіи до того времени, когда будетъ утвержденъ окончательный уставъ ея.

Затѣмъ, съ двумя нотами, отъ 11-го (23-го) марта и отъ 30-го апрѣля (10 мая), увѣдомилъ резидентовъ сперва о множествѣ незаконныхъ постановленій, принятыхъ послѣднимъ сей-

момъ, потомъ о безвыходномъ положеніи, въ какое сенатъ былъ поставленъ дѣйствіями сейма, не имѣвъ возможности ни предвидѣть, ни остановить тѣ неправильности, въ какія вдался сеймъ. 20-го мая (1-го іюня) конференція резидентовъ отвѣчала сенату длинною нотой, въ которой входила въ подробный разборъ всѣхъ столкновеній между сенатомъ и послѣднимъ сеймомъ, а также письменныхъ сообщений, которыми они обмѣнялись между собой.

Нота начиналась заявленіемъ, что покровительствующіе дворы раздѣляютъ мнѣніе сената относительно необходимости вновь пересмотрѣть политическое законодательство Кракова, и не замедлятъ сообщить сенату о результатахъ этого пересмотра. Что же касается финансовыхъ постановленій послѣдняго сейма, то они должны быть отвергнуты на основаніи § 15 конституціи и §§ 119 и 120 сеймоваго статута, изъ коихъ по первому сеймъ можетъ только или отвергать, или принимать предложенія сената, а по вторымъ не можетъ вносить никакихъ перемѣнъ въ финансовыя проекты, не сообщивъ ихъ предварительно сенату; причемъ для вторичнаго обсужденія въ сеймѣ необходимо, чтобъ большинство сенаторовъ высказалось въ ихъ пользу. Далѣе, рассмотрѣвъ всѣ письменныя сношенія между сенатомъ и сеймомъ о законопроектѣ, увеличивавшемъ личную подать и промысловый налогъ, которые сеймъ не только понизилъ въ общей суммѣ, но и предложилъ иную раскладку ихъ на плательщиковъ, конференція со стороны своихъ обязанностей заявить, что покровительствующіе дворы не могутъ признать въ этомъ дѣйствіи ничего другого, кромѣ рѣшительнаго нарушенія фундаментальнаго закона и органическихъ статутовъ; а потому она объявляетъ несостоявшимся постановленіе сейма отъ 26-го января (7-го февраля) по этимъ вопросамъ и предлагаетъ удержать финансовый законъ отъ 24-го декабря 1820 года (5-го января 1821) въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до послѣдняго сейма. Потомъ, назначивъ безъ согласія правительства несравненно болѣшую сумму доходовъ отъ рубльса въ государственныхъ рощахъ, сравнительно съ предложеною сенатомъ, которая представляла собою средній выводъ въ доходовъ, получавшихся до тѣхъ поръ, и основывалась на началахъ систематической экономіи, собраніе представителей, по мнѣнію резидентовъ, превысило свои полномочія, ясно ограниченныя вышеприведенными параграфами, и въ то же время дало несомнѣнное доказательство того, какъ мало оно заботится о сохраненіи государственныхъ имуществъ края; а потому высшіе дворы должны признать это постановленіе сейма незаконнымъ и не подлежащимъ исполненію, и предложить сохраненіе дѣйствующей силы за

постановленіями сейма 1833 года. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что сенатъ, въ качествѣ высшей муниципальной власти, призванъ исключительно устанавливать и управлять общинные доходы города Кракова и его предмѣстій, изъ коихъ важнѣйшій заключается въ податяхъ, платимыхъ содержателями гостинницъ, трактировъ, харчевенъ и т. п. за право торговать различными питьями; принимая потомъ во вниманіе, что, со времени существованія краковской республики, сенатъ отправлялъ эту обязанность безъ содѣйствія сейма и собственной властью подчинялъ эти подати различнымъ правиламъ и новымъ уставамъ, особенно же 1-го (13-го) августа 1817 года и 19-го апрѣля (1-го мая) 1822 года, причѣмъ ни одно собраніе представителей не оспаривало у него такого права и никогда не подвергало его сомнѣніямъ; принимая, наконецъ, во вниманіе, что сеймъ 1820 года, къ которому обращались многіе граждане пятаго округа съ просьбой пересмотрѣть регламентъ, касающійся этихъ податей, отослалъ эту просьбу 7-го (19-го) декабря того же года въ сенатъ, который, назначивъ особый комитетъ для изслѣдованія помянутой просьбы, издалъ собственной властью регламентъ 1822 года, дѣйствовавшій до сихъ поръ, и что, стало быть, само собраніе признало сенатъ единственною властью, компетентною въ этомъ вопросѣ, — высшіе дворяне пришли къ убѣжденію, что завленія послѣдняго сейма, направленные противъ предложеннаго сенатомъ новаго тарифа сихъ податей, не основываются ни на какомъ фундаментальномъ законѣ и должны быть считаемы не подлежащими къ исполненію, а потому признали за сенатомъ на будущее время право опредѣлять эти подати во всей его полнотѣ и уполномочили привести немедленно въ дѣйствіе представленный имъ новый тарифъ. Увеличеніе же этихъ податей должно было служить для покрытія дефицита въ бюджетѣ, вывавшего тѣ постановленія сейма, которыя отмѣнены высшими дворами, какъ незаконныя. Такъ какъ сеймъ могъ обсуждать бюджетъ только въ общемъ его составѣ, а не по частямъ, то и рѣшеніе его о закрытіи мѣста помощника городского эконома, которое внесено было еще въ первый бюджетъ республики 1816 года и утверждено организаціонною комиссіей 19-го (31-го) июля 1818 года, объявлено было само по себѣ неимѣющимъ никакого значенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было сенату обсудитъ, можетъ ли эта должность быть отмѣнена безъ ущерба для службы, или должна быть сохранена въ прежнемъ видѣ. Затѣмъ, нота резидентовъ касалась вопроса о правѣ сейма разматривать подаваемые ему петиціи о назначеніи пенсій, денеж-

ныхъ наградъ, объ увеличеніи жалованья и другихъ денежныхъ вопросовъ подобнаго рода. Еще сеймъ 1833 года выразилъ сомнѣніе не только на счетъ порядка, какимъ могутъ быть удовлетворяемы эти просьбы, но и на счетъ самаго права выслушивать ихъ, почему и просилъ реорганизаціонную комиссію чрезъ сенатъ высказаться по этому поводу. Комиссія тогда же рѣшила: «что петиціи, имѣющія предметомъ только частныя интересы, напримѣръ, ходатайство о пенсіяхъ и т. п., не могутъ быть обсуждаемы въ собраніи представителей, но должны быть предварительно разсмотрѣны въ сенатѣ, который одинъ, какъ высшая административная и исполнительная власть, можетъ знать, имѣетъ ли проситель достаточныя права для полученія награды и основательны ли приведенныя имъ въ пользу того доказательства; что, на основаніи такихъ соображеній, вытекающихъ изъ духа конституціи, собраніе представителей должно сначала послать въ сенатъ всѣ петиціи, которыя не требуютъ какого-либо измѣненія въ законодательствѣ или не содержатъ въ себѣ какой-либо жалобы, и что отъ сената зависитъ, если онъ найдетъ петицію заслуживающею обсужденія, представить ее на разсмотрѣніе сейма при своемъ мнѣніи, или же, въ противномъ случаѣ, оставить ее безъ движенія». Но сеймъ 1838 года, несмотря на такое ясное рѣшеніе реорганизаціонной комиссіи, разсматривалъ подобныя петиціи и назначалъ многимъ лицамъ пенсіи, увеличивалъ жалованье, давалъ денежные награды, не выслушавъ предварительнаго мнѣнія сената, чѣмъ вышелъ изъ пределовъ своей власти и обнаружилъ неуваженіе къ одной изъ самыхъ существенныхъ прерогативъ правительства — оказывалъ прямое и рѣшительное вліяніе на раздачу наградъ. А потому покровительствующіе дворы сочли себя обязанными отмѣнить всѣ постановленія послѣдняго сейма по вопросамъ подобнаго рода; но такъ какъ въ числѣ награжденныхъ сеймомъ могли находиться люди, коимъ сенатъ не отказалъ бы въ своей поддержкѣ, еслибъ ихъ петиціи были ему сообщены сеймомъ, и такъ какъ высшіе дворы вовсе не имѣли намѣренія возлагать на лица, достойныя рекомендаціи, отвѣтственность за незаконныя дѣйствія сейма; то и уполномочили сенатъ и его президента исполнить постановленія сейма, хотя они и приняты въ порядкѣ незаконномъ, впрочемъ относительно тѣхъ только лицъ, которыя, по мнѣнію сената, заслуживали того. Далѣе, сеймъ 1838 года, по мнѣнію резидентовъ, нарушилъ постановленіе, изданное реорганизаціонною комиссіей 10-го (22-го) августа 1833 года и гласившее такъ: «всѣ жалованья, назначенныя со времени первой

организации этой страны, равно какъ и предоставленныя самою комиссіей 1833 года чиновникамъ какой бы то ни было административной отрасли служебныя льготы, не могутъ подвергаться никакому измѣненію; но что касается увеличеній содержанія, предлагаемыхъ сенатомъ, то собраніе представителей можетъ или принять ихъ, или отвергнуть*. Между тѣмъ сеймъ 1838 года отмѣнилъ разѣздныя деньги, назначенныя комиссіей 1833 года, по надлежащемъ изслѣдованіи мѣстныхъ условий и служебныхъ потребностей, профессорамъ терапевтической и хирургической клиникъ и профессору астрономіи; а потому покровительствующіе дворы уполномочили сенатъ не давать никакого хода такому рѣшенію сейма. Кромѣ того, сеймъ поручилъ учетной комиссіи управление денежнымъ вспоможеніемъ, которое назначено было для краковскаго театра, но конференція пригласила сенатъ считать такое распоряженіе сейма не состоявшимся; ибо ни конституція, ни дѣйствовавшіе статуты не давали собранію представителей права ни опредѣлять условия для сохраненія какихъ-либо фондовъ, ни назначать лица для управленія ими и предписывать самый порядокъ ихъ расходованія, что, по мнѣнію резидентовъ, должно составлять исключительную обязанность властей административныхъ и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ представлено законодательному собранію, безъ нарушенія правильныхъ отношеній между установленными властями. Въ заключеніе нота резидентовъ указывала на такія замѣчанія сейма относительно бюджета, которыя, по мнѣнію покровительствующихъ дворовъ, казались вѣрныя и цѣлесообразныя предложенія, сдѣланныхъ жимомъ сенатомъ. Сюда отнесено было замѣчаніе сейма, что прежде чѣмъ опредѣлять суммы, необходимыя для покрытія изишковъ, внесенныхъ въ государственную казну фермерами и крестьянами, живущими на государственныхъ земляхъ, необходимо высчитать какъ излишекъ, внесенный каждымъ отдѣльнымъ ипомъ, такъ и общую сумму ихъ съ возможною точностью. Хотя покровительствующіе дворы и признавали, что было бы желательно, чтобы фермеры и крестьяне возможно скорѣе получили суммы, причитавшіяся имъ вслѣдствіе поздняго назначенія выкупной платы, но полагали, что нѣтъ другого средства къ ому, кромѣ указаннаго сеймомъ; ибо сенатъ, съ одной стороны, е сообщалъ еще на утвержденіе сейма уже произведенныхъ имъ ликвидацій, а съ другой—поспѣшилъ представить о суммахъ, требуемыхъ на будущее время, для покрытія которыхъ должны быть указаны источники будущимъ сеймомъ, для котораго сенатъ долженъ приготовить всѣ данныя, необходимыя для обсужденія

столь важнаго предмета. Равнымъ образомъ отвергнуто было предложеніе сената сохранить старый порядокъ содержанія военнаго отряда, занимавшаго Краковъ: съ одной стороны, покровительствующіе дворы согласились на просьбу краковскихъ домовладѣльцевъ, заявившихъ, что они готовы вознаградить тѣхъ домохозяевъ, которые въ состояніи были размѣстить у себя офицеровъ, принадлежащихъ краковскому гарнизону, съ тѣмъ, чтобы солдаты помѣщены были въ казармахъ; а съ другой—они предпочли расчетъ, произведенный сеймомъ, объявившимъ, что расходы на австрійскій отрядъ по отопленію и освѣщенію вполнѣ могутъ быть покрыты изъ суммъ, назначенныхъ на милицію.

Изъ всѣхъ этихъ препирательствъ между сенатомъ и сеймомъ не трудно усмотрѣть, что оппозиція сейма касалась преимущественно бюджета, причѣмъ сеймъ, дѣлая измѣненія въ немъ, не хотѣлъ представлять ихъ на предварительное обсужденіе сената, какъ требовали органическіе статуты. Поступая такимъ образомъ, сеймъ долженъ былъ знать, что его постановленія не будутъ утверждены, но онъ и не рассчитывалъ на ихъ исполненіе: не имѣя надежды, что сенатъ приметъ эти измѣненія добровольно, онъ желалъ только выразить своими постановленіями неодобреніе распоряженіямъ сената и тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя, помимо сейма, воспользовались благосклонностью правительства. Но такіа дѣйствія сейма не обошлись ему даромъ; конференція резидентовъ, согласно просьбѣ сената, занялась изготавленіемъ новаго сеймоваго устава, который долженъ былъ прекратить навсегда возможность малѣйшихъ столкновеній между правительствующимъ сенатомъ и утверждающимъ его законопроектъ сеймомъ. Конференція, конечно, понимала при этомъ, что никакіе уставы не могутъ устранить подобныхъ столкновеній, если за обѣими дѣйствующими сторонами будутъ сохранены права, соотвѣтственныя съ назначеніемъ обоихъ учреждений. Волей-неволей конференція представлялась необходимою ограничить сеймъ обязанностью принимать только къ свѣдѣнію и утвержденію всѣ представленія сената, а недостаточность законодательной власти въ послѣднемъ восполнить собственною инициативою и вмѣшательствомъ. Такимъ путемъ представители покровительствующихъ державъ должны были придти къ радикальному измѣненію первоначальныхъ основаній, заключавшихся въ конституціонной хартіи 1815 года. Но прежде чѣмъ совершена была эта перемена въ политическомъ устройствѣ Кракова, не менѣе сильныя нововведенія коснулись его судебныхъ учреждений, будучи вызваны борьбою между послѣдними и начальствомъ австрійскаго оку-

паціоннаго отряда и полуавстрійской милиціи и полиціи, завѣдывавшихъ въ Краковѣ общественнымъ благочиніемъ.

Въ сентябрѣ 1838 года, извѣстный всему городу агентъ гайной полиціи Цѣлякъ найденъ былъ убитымъ въ одно изъ краковскихъ предмѣстій. Общественное мнѣніе обвинило въ этомъ преступленіи самую дирекцію полиціи, которая, по общему убѣжденію, нуждалась въ такого рода фактахъ, чтобы снова выступить съ преслѣдованіями противъ людей подозрительныхъ, на время прекратившимися послѣ обвиненія Гута въ превышеніи своей власти. Гуть употребилъ всѣ свои старанія, чтобы открыть убійцу Цѣляка, но, кажется, не попалъ на слѣдъ истины. Полиціею арестованъ былъ одинъ изъ учениковъ гимназіи, противъ котораго она имѣла подозрѣніе если не въ совершеніи преступления, то въ знаніи его виновниковъ. Гимназистъ настаивалъ на своей невинности, и одно изъ уважаемыхъ въ городѣ семействъ показывало въ его пользу, говоря, что обвиняемый провелъ въ его средѣ весь тотъ вечеръ, въ который совершено было убійство. Но это доказательство alibi обвиняемаго не было принято полиціею. Гуть лично былъ убѣжденъ въ его виновности, и званіе гимназиста представлялось ему достаточнымъ указаніемъ на политическій характеръ преступления. Чтобы вынудить признаніе у обвиняемаго, Гуть подвергъ его допросу на одномъ изъ дворовъ полицейскаго дома, причемъ употреблено было тѣлесное наказаніе. Допросъ продолжался почти цѣлыя сутки, и допрашиваемый впалъ въ агонію. Полиція на другой день объявила по улицамъ при звукахъ трубъ, что обвиняемый отравился, но во время агоніи открылъ своихъ сотоварищей. Опасаясь за участь собственныхъ сыновей, жители Кракова не знали, куда обратиться за помощью. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Наибольше почетные граждане избрали однакожь изъ среды своей 12 человекъ, и отправили ихъ въ качествѣ депутаціи къ президенту сената съ просьбой положить предѣлы полицейскимъ жестокостямъ. Президентъ отвѣчалъ, что онъ крайне сожалѣетъ обо всемъ случившемся, но не можетъ ничѣмъ помочь тутъ; что директоръ полиціи назначенъ конференціей и ему неподвѣдомственъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщавъ довести до свѣдѣнія сената о просьбѣ жителей. Само собой разумѣется, что посѣщеніе президента сената депутаціей стало извѣстно въ городѣ, и директоръ полиціи выразилъ передъ конференціей опасеніе за общественный порядокъ, который можетъ быть вновь нарушенъ взволнованной молодежью, на этотъ разъ поддерживаемою сочувствіемъ старшаго поколѣнія. Въ самой депутаціи, являвшейся отъ имени гражданъ къ

президенту, усмотрѣнъ былъ революціонный шагъ. Слѣдствіемъ всего этого было прибытіе въ Краковъ, 26-го сентября (8-го октября), еще 1,500 человекъ австрійской пѣхоты и конницы. Офицерамъ и солдатамъ, принадлежавшимъ къ этому новому отряду, сенатъ, подъ вліяніемъ стороннихъ приказаній, отвелъ квартиры именно въ домахъ тѣхъ гражданъ, которые осмѣлились протестовать передъ президентомъ противъ дѣйствій директора полиціи. Вновь прибывшіе австрійцы вели себя далеко не безукоризненно, и одинъ изъ домовладѣльцевъ, къ воюму они были помѣщены, вынужденъ былъ удалиться изъ своего дома вмѣстѣ съ семействомъ. Между тѣмъ заподозрѣнный въ убійствѣ Цѣляка выздоровѣлъ и отрекся отъ своихъ прежнихъ показаній, объявивъ ихъ вынужденными. Затѣмъ послѣдовалъ арестъ всѣхъ тѣхъ, кто свидѣтельствовалъ въ пользу alibi обвиняемаго. Судебныя власти Кракова пытались-было дать всему дѣлу обычное теченіе, но участь самихъ судебныхъ учреждений была уже рѣшена. Члены судебной власти вскорѣ могли лично убѣдиться, до какой степени ихъ независимое положеніе возбуждало гнѣвъ въ представителяхъ Австріи и Пруссіи, Лиманъ и Гартманъ. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда обыкновенно совершались церемоніальныя представленія всѣхъ краковскихъ властей резидентамъ, Гартманъ обернулся спиной къ президенту высшаго суда, который, во главѣ всѣхъ чиновъ судебного вѣдомства, готовился принести ему обычныя поздравленія. При подобномъ же случаѣ Лиманъ объявилъ членамъ суда, что покровительствующіе дворы недовольны ихъ поведеніемъ и рѣшили преобразовать судебное вѣдомство, причемъ только тѣ изъ его членовъ, которые отнынѣ постараются заслужить благоволеніе высшихъ дворовъ, сохранять свои должности.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ введенія иностранныхъ комиссаровъ въ разслѣдованіе дѣла о запрещенныхъ книгахъ, послѣ изыятія изъ вѣдѣнія общихъ судовъ дѣлъ съ политическимъ характеромъ, послѣ отмѣны общинныхъ мэровъ и вспомогательныхъ судей низшей инстанціи, и наконецъ послѣ жалобы сената на дѣйствіе судебныхъ властей въ процессѣ, затѣянномъ Гутомъ, ничего болѣе не оставалось, какъ произвести рѣшительную реформу въ устройствѣ судовъ двухъ высшихъ инстанцій. Жалоба сената послужила въ этомъ случаѣ достаточнымъ основаніемъ, и 15-го (27-го) ноября сенатъ объявилъ суду первой инстанціи, что на-канунѣ имъ получено сообщеніе конференціи, повелѣвавшее: «1) приостановить всѣ дѣйствія судебныхъ властей края по дѣлу о тайныхъ обществахъ и по дѣлу объ убійствѣ Цѣляка; 2) пе-

редать въ особый слѣдственный комитетъ изъ юристовъ, присланныхъ покровительствующими дворами, все производство по вышеозначеннымъ дѣламъ, для разъясненія фактовъ, находящихся въ связи съ этими процессами, и всѣхъ преступныхъ дѣйствій, какія направлены были противъ спокойствія и общественнаго порядка въ Краковѣ». Членами же этого комитета назначались: отъ Австріи—совѣтникъ судебной палаты въ Галиціи Зайончковскій, отъ Пруссіи—совѣтникъ городского суда въ Берлинѣ Зульцеръ, отъ Россіи—членъ апелляціоннаго суда въ царствѣ польскомъ Бржезинскій. Главнымъ поводомъ къ установленію этого чрезвычайнаго суда было недовѣріе въ краковскимъ судебнымъ властямъ. Само собою разумѣется, что такая мѣра разсматривалась какъ исключительная и временная; но 7-го (19-го) іюня 1839 года объявлена была полная реформа судебного вѣдомства, подробности которой сенатъ обнародовалъ 20-го іюня (2-го іюля) того же года. Вотъ въ чемъ состояли нововведенія въ краковскомъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ:

«1) 8-го (20-го) текущаго іюля теряютъ силу закона всѣ дополнительныя статьи и объяснительныя примѣчанія, введенныя во времена варшавскаго герцогства или позднѣе въ австрійскій кодексъ уголовного судопроизводства, обязательный для Кракова, такъ несогласныя съ духомъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, и съ того же времени всѣ уголовныя дѣла, по которымъ еще не объявлено окончательнаго приговора, имѣютъ быть разсматриваемы и судимы по австрійскому кодексу въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ 1809 году.

«2) Довольно не будетъ обнародованъ новый статутъ судебной организации, власти, имѣющія заниматься разсмотрѣніемъ и обужденіемъ уголовныхъ дѣлъ въ порядкѣ и въ предѣлахъ нижебозначенныхъ, суть слѣдующія: а) дирекція полиціи; б) судъ первой инстанціи; в) апелляціонный судъ; г) верховный уголовный судъ.

«3) Пространство и границы судебной власти полицейской дирекціи и подчиненныхъ ей чиновниковъ, участковыхъ и окружныхъ комиссаровъ, какъ относительно опредѣленія виновности преступленій и важныхъ проступкахъ, такъ и относительно указанія за сіи послѣдніе, будутъ обозначены въ особомъ регламентѣ дирекціи.

«4) Судъ первой инстанціи будетъ отправлять во всѣхъ уголовныхъ процессахъ обязанности, присвоенныя дѣйствующими законами уголовнымъ судамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ: а) гдѣ дѣло будетъ касаться государственной измѣны, политиче-

свихъ злодѣяній и другихъ преступленій, вытекающихъ изъ нихъ, или связанныхъ съ ними; б) когда дѣло будетъ касаться злоупотребленій властью, взяточничества, подкупа или преступленій по должности членовъ сената (включая сюда и главнаго секретаря), президентовъ, судей и прокуроровъ сего суда и апелляціоннаго, или директора полиціи, въ каковыхъ случаяхъ слѣдствіе должно быть производимо по предписаніямъ, заключающимся во 2-мъ прибавленіи въ настоящему повелѣнію, и нѣмецкій текстъ которыхъ долженъ считаться подлиннымъ и обязательнымъ.

«5) Для законности приговора суда первой инстанціи необходимо присутствіе по крайней мѣрѣ трехъ судей, включая въ то число и президента.

«6) Апелляціонный судъ будетъ поступать при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ по предписаніямъ уголовного кодекса, относящимся къ высшему суду. Въ тяжкихъ преступленіяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя въ силу 1-го приложенія къ сему акту и въ силу дѣйствующихъ регламентовъ, подчинены въ послѣдней инстанціи юрисдикціи полицейскаго отдѣленія сената, апелляціонный судъ образуетъ вторую и послѣднюю инстанцію.

«7) Для законности приговора апелляціоннаго суда необходимо присутствіе по крайней мѣрѣ пяти членовъ, когда дѣло будетъ касаться преступленій, и трехъ членовъ, когда будутъ разбираться проступки. Президентъ всегда включается въ это число.

«8) Верховный уголовный судъ будетъ состоять: а) изъ трехъ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, назначенныхъ депутатами отъ трехъ покровительствующихъ дворовъ; б) изъ двухъ членовъ апелляціоннаго суда, избранныхъ по жребію между тѣми, которые не присутствовали въ двухъ первыхъ инстанціяхъ при разсмотрѣніи дѣла, перенесеннаго въ верховный судъ.

«9) Президентство въ верховномъ судѣ будетъ принадлежать всегда одному изъ депутатовъ трехъ покровительствующихъ державъ, и будетъ отправляемо каждымъ изъ нихъ въ теченіи цѣлаго года; по истеченіи сего срока оно переходитъ по очереди къ другому депутату, причемъ алфавитный порядокъ наименованій державъ будетъ служить указаніемъ для очереди.

«10) Верховный уголовный судъ будетъ собираться обыкновенно въ Бравовѣ чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ происшествій онъ можетъ собираться и чаще по желанію, выраженному резидентами, соединенными въ конференцію.

«11) Верховному уголовному суду будутъ принадлежать всѣ права, какія, на основаніи существующихъ законовъ, принадле-

жали въ Краковѣ высшей судебной инстанціи, насколько они могутъ имѣть мѣсто при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Особенно ему будетъ принадлежать право предписывать, чтобы уголовныя дѣла, производимыя въ другихъ судахъ, были представляемы на его пересмотръ, и въ случаѣ признанной неправильности ихъ веденія право отдавать виновныхъ подъ судъ.

«12) Для дѣйствительности приговора верховнаго уголовного суда необходимо присутствіе всѣхъ пяти членовъ его; для всѣхъ другихъ актовъ сего суда достаточно присутствія трехъ депутатовъ покровительствующихъ державъ.

«13) Всѣ уголовныя дѣла, по коимъ еще не объявлено окончательнаго приговора до 8-го (20-го) іюля, будутъ разсматриваться и обсуждаться по предписаніямъ сего декрета.

«14) Во всѣхъ инстанціяхъ число судей, разрѣшающихъ уголовное дѣло, должно быть всегда нечетное. Жребій будетъ указывать на членовъ суда, которые должны удалиться для сего; президентъ и дождчикъ не подлежатъ жребію.

«15) Всѣ существующіе законы, насколько они окажутся въ противорѣчій съ настоящимъ повелѣніемъ и съ обоими приложеніями къ нему, навсегда отмѣняются.

«16) Исполненіе настоящаго повелѣнія, которое получаетъ силу дѣйствующаго закона съ 8-го (20-го) іюля текущаго года, поручается всѣмъ, кому надлежитъ то по праву».

Повелѣніе это было подписано, за президента сената, членомъ послѣдняго каноникомъ Быстржоновскимъ. Все значеніе этого новаго положенія о краковскомъ судоустройствѣ раскрывалось въ двухъ приложеніяхъ къ нему, подлинность коихъ удостовѣрилась подписью австрійскаго резидента Гартмана. Изъ нихъ оказывалось, что на первый разъ назначеніе всѣхъ членовъ преобразованнаго судебного вѣдомства принадлежало конференціи, которой сенатъ долженъ былъ представить списовъ кандидатовъ. Всѣ прежнія наименованія разсматривались какъ отмѣненныя, и особый комитетъ, составленный изъ резидентовъ и нѣсколькихъ членовъ сената, долженъ былъ рѣшить, какіе изъ членовъ прежде дѣйствовавшаго судебного состава могли быть приняты въ новыя учрежденія. При будущихъ назначеніяхъ резиденты сохраняли за собой право исключать изъ списка кандидатовъ имена лицъ, противъ которыхъ они имѣли важныя подозрѣнія, самый же выборъ судей по этому списку предоставлялся сенату. Для преслѣдованія новыхъ судей за преступленія по должности учреждался особый дисциплинарный судъ, причемъ дисциплинарный кодексъ поручено было изготавить сенату, съ обязательствомъ представить его

на утверждение покровительствующихъ дворовъ. Этотъ дисциплинарный судъ основывался главнымъ образомъ на томъ, что каждый судья, каждый членъ новыхъ судебныхъ учреждений, при обсужденіи какого бы то ни было дѣла, долженъ былъ записывать свое мнѣніе въ судебный протоколъ, равно какъ и основанія, на коихъ оно утверждалось. Преступленія судей по должности, то-есть ихъ судебныя мнѣнія, и могли быть разсматриваемы и судимы этимъ дисциплинарнымъ судомъ, хотя рѣшеніе вопроса объ отдачѣ ихъ подъ судъ предоставлено чрезвычайному трибуналу, созываемому каждый разъ *ad hoc* резидентами трехъ дворовъ и состоящему изъ судей, бывшихъ депутатами въ верховномъ уголовномъ судѣ отъ имени покровительствующихъ дворовъ; этотъ же самый трибуналъ долженъ былъ производить и слѣдствіе по дисциплинарному дѣлу, и подвергать допросу обвиняемаго. Введя новымъ положеніемъ въ юридическую жизнь Кракова австрійскій уголовный кодексъ и австрійское судоустройство, за исключеніемъ того, что въ высшемъ судѣ присутствовали три иностранныхъ депутата, новая судебная реформа въ приложенияхъ къ главному статуту предоставила сначала одной только конференціи резидентовъ право обвиненія въ политическихъ преступленіяхъ, а потомъ предписала имъ вызывать каждый разъ въ Краковъ особую слѣдственную комиссію изъ депутатовъ покровительствующихъ державъ, для переспроса обвиняемыхъ и для полноты слѣдствія; наконецъ, она поручала произнесеніе приговора по этимъ преступленіямъ упомянутому верховному уголовному суду. О публичности судебныхъ преній не упоминалось ни въ самомъ законоположеніи судебной реформы, ни въ приложенияхъ къ нему. Право помилованія или уменьшенія наказанія, принадлежавшее до тѣхъ поръ сенату и его президенту во всѣхъ дѣлахъ, новымъ положеніемъ было ограничено въ процессахъ политическихъ и дисциплинарныхъ необходимостью испрашивать согласіе на то конференціи резидентовъ. Наконецъ, такъ какъ краковская республика не владѣла никакимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, въ которомъ могли бы содержаться государственные преступники, то покровительствующіе дворы приглашались принимать обвиненныхъ въ мѣста заключенія, находившіяся въ ихъ государствахъ, и даже на свой собственный счетъ, если обвиненные были ихъ подданными; въ противномъ же случаѣ Краковъ долженъ былъ уплачивать одной изъ сосѣднихъ державъ за содержаніе этихъ новаго рода пенсіонеровъ.

Когда новая судебная реформа была обнародована въ «Двѣстникѣ» краковскихъ законовъ, а потомъ въ газетахъ, то въ за-

падной европейской печати появились статьи, порицавшія главныя основанія ея. Критики говорили, что покровительствующіе дворы произвели судебную реформу въ Краковѣ потому, что не довѣряли краковскимъ судамъ, и спрашивали: почему магистратура вольнаго и независимаго города должна заслуживать довѣріе иностранныхъ правительствъ? Выражая свое удивленіе по этому поводу, европейскіе публицисты замѣчали, что и преобразованные суды, повидимому, не пользуются требуемымъ довѣріемъ. Создавъ новый верховный судъ, трое членовъ котораго были непосредственными депутатами покровительствующихъ дворовъ и составляли абсолютное большинство предъ остальными двумя членами, реформа 1839 года отнимала однакожъ у этого судилища право обвиненія за политическія преступленія и ввѣряла эту власть конференціи трехъ резидентовъ, учрежденію совершенно не юридическому, а только дипломатическому. Кромѣ того, для разсмотрѣнія дисциплинарныхъ преступленій понадобилась новая спеціальная коммиссія, которая должна была обсуждать дѣйствія всѣхъ членовъ преобразованнаго судебного вѣдомства, очевидно не внушавшихъ довѣрія реформаторамъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ тремя инстанціями новое краковское судоустройство включало въ себѣ еще три разнородныхъ элемента въ самомъ составѣ судебныхъ чиновъ. Подобныя замѣчанія доказывали, что вниманіе европейской публицистики къ положенію Кракова, ослабшее послѣ 1836 года, снова было возбуждено и могло повести къ новымъ запросамъ въ парламентарныхъ собраніяхъ Франціи и Англіи. Но краковская жизнь представляла немало и другихъ предлоговъ къ тому.

Нилъ Поповъ.

ДВА РАЗА ЗАМУЖЕМЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Среди волнистой равнины, на рубежѣ Новороссійскаго края и Малороссіи, верстахъ въ двѣнадцать отъ желѣзной дороги, длинной и узкой полосой, по теченію мелкой и тинистой рѣчки, раскинулись Липовцы, мѣстечко, пожалованное нѣкогда вслѣдствіе административныхъ потребностей въ званіе уѣзднаго города, но сохранившее и донинѣ характеръ большого земледѣльческаго села.

Взорамъ наблюдателя, пожелавшаго обозрѣть Липовцы съ одного изъ пригорковъ, ихъ окружающихъ, представлялась обширная долина, по которой было разбросано среди садовъ и огородовъ тысячи полторы хижинъ и домиковъ. Только въ одномъ направленіи Липовцы пересѣкались широкою и прямою улицю, версты двѣ въ длину, съ чисто выбѣленными, очевидно недавно построенными зданіями. Прежде всего, у самаго спуска въ городъ стоялъ большой каменный домъ, обнесенный высокой стѣною. Полосатыя будки по угламъ и мѣрно расхаживавшіе часовые указывали его назначеніе. За острогомъ, на разстояніи четверти версты, видѣлся среди обширнаго двора одноэтажный домъ уѣзднаго училища, съ садомъ и флигелемъ; за нимъ наглымъ домъ земской управы, направо мировой сѣздъ, далѣе полиційское управленіе, почта, — и наконецъ, улица замыкалась большою и красивою церквю, возвышавшеюся среди базарной площади. Кругомъ были расположены грязные еврейскіе постоянные дворы, а возлѣ навѣсы и деревянные бараки, въ которыхъ продавали

самые разнообразные товары, от дегтя, гвоздей и веревокъ, до шелковыхъ матерій, лайковыхъ перчатокъ и поддѣльнаго шампанскаго вѣлчительно.

Было морозное январское утро. Свѣтъ, большая рѣдкость въ Липовцахъ, обыкновенно утопавшихъ зимою въ липкой грязи, покрывалъ улицы довольно толстымъ слоемъ. Пользуясь удобнымъ путемъ, обозы саней, нагруженныхъ хлѣбомъ и мукою, тянулись въ направленіи къ желѣзной дорогѣ. Медленно выступали, жуя жвачку, сытые волю, медленно шли за возами погонщики малоруссы и молдаване, и степенно снимали свои высокія барашковыя шапки, завидя кого-нибудь изъ мѣстной аристократіи: достопочтеннаго Ицѣу, содержателя шинка и постоялаго двора; сосѣдняго помѣщика, поставляющаго хлѣбъ въ Одессу и спѣшащаго на станцію справиться, отправлены ли наконецъ его кули, или все еще благополучно гниютъ на открытой платформѣ; наконецъ, акцизнаго ревизора, объѣзжающаго районъ.

Небольшими шумными группами въ тулупчикахъ и ватныхъ пальтишкахъ бѣгутъ въ училище ученики, скользя какъ на конькахъ другъ за другомъ по каждой встрѣчной замерзшей лужѣ. До звонка еще далеко, но они спѣшатъ поиграть въ свѣжки и окончить битву, начатую еще наканунѣ и прерванную въ самый рѣшительный моментъ неумолимымъ звонкомъ.

Мы послѣдуемъ за ними и войдемъ въ небольшой флигель, примыкавшій къ училищу. Флигель этотъ, въ которомъ помѣщался смотритель училища, состоялъ изъ пяти небольшихъ чистенькихъ комнатъ съ простою опрятною мебелью.

Въ одной изъ комнатъ у большого круглаго стола сидѣлъ, съ газетою въ рукахъ, высокій худой мужчина лѣтъ сорока-пяти. Землянистый цвѣтъ его продолговатаго, испитого лица и глубоко-ввалившіеся сѣрые глаза обличали въ немъ давнишнюю и опасную болѣзнь. Видно было, что и въ настоящую минуту ему не здоровится: отхлебнувъ изъ стакана, онъ вдругъ сильно и продолжительно закашлялся.

Это былъ смотритель училища Воскресенскій. За тѣмъ же столомъ у самовара сидѣла жена его, молодая женщина лѣтъ двадцати-двухъ. Въ ея темныхъ глазахъ, устремленныхъ на мужа, сквозь безповойство и даже жалость, просвѣчивало и утомленіе, и раздражительность. Когда мужъ кашлялъ, губы ея нервически вздрагивали.

— Тебѣ опять не хорошо, Николай Петровичъ, — сказала она: — ты бы лучше остался сегодня дома.

— Нельзя, Васюковъ боленъ, некому замѣнить его; и такъ

все пропуски да пропуски; объ этомъ ужъ и директоръ недавно писалъ. Впрочемъ, мнѣ сегодня не хуже, чѣмъ всѣ эти дни. Мнѣ пишутъ, что директоръ давно къ намъ собирается, да его все задерживаютъ неисправные поѣзды. Ну, ужъ эта дорога! Не знаю, какъ ты въ Краевъ поѣдешь.

— Если ты боленъ, я лучше не поѣду.

— Ахъ, матушка, ради-Бога безъ этихъ великодушныхъ прощаній. Ты знаешь, что я терпѣть не могу жертвъ. Если я самъ сталъ никуда негодной влячей, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и тебѣ нужно закабалиться въ четырехъ стѣнахъ.

— За что ты сердился? Изъ того, что мнѣ было бы не-приятно оставить тебя больного, не стоить раздражаться.

— Я и не сержусь, я только не хочу, чтобы изъ-за меня ты лишала себя тѣхъ немногихъ развлеченій, которыя возможны въ нашей глуши. Когда свадьба Гавриловой?

— Свадьба назначена девятнадцатаго.

— Сегодня девятое; значить, остается съ небольшимъ недѣля. Ну, и поѣзжай, пока хорошая погода, а то, пожалуй, снова начнутся матели и опять не будетъ проѣзда. Нужно бы сказать встати Паловцеву: ему все равно, гдѣ ни копитъ небо. Пусть бы проводилъ тебя до Краева. Тебѣ было бы и удобнѣе и веселѣе. Да онъ чуть ли и не собирался.

— Слушай, Николай Петровичъ! не ѣхать въ Краевъ было бы дѣйствительно для меня большимъ лишеніемъ: ты знаешь, какъ я дружна съ Гавриловой. Но къ чему тутъ Паловцевъ? Недавно ты предполагалъ во мнѣ намѣреніе путешествовать съ Карбанардомъ, теперь чуть ли не боишься, что я уѣду съ Паловцевымъ. Неужели ты думаешь, что мнѣ хоть сколько-нибудь можетъ нравиться этотъ пустоголовый мальчишка!

— Съ тобой сегодня не сговоришь, — отвѣчалъ Воскресенскій, замѣтно повеселѣвшій отъ словъ жены: — послушать тебя, такъ я въ самомъ дѣлѣ Синяя-Борода, ко всѣмъ тебя ревнующій.

— Ты просто блажишь. Относительно же Паловцева у меня не разъ вертѣлось на языкѣ просить его избавить меня и отъ своихъ услугъ, и отъ своихъ посѣщеній, но это такое ничтожество, что какъ-то совѣстно обращать на него какое бы то ни было вниманіе.

— Богъ съ тобою, Маша; ты полная хозяйка, и можешь принимать или не принимать кого хочешь. Однако мнѣ пора Прощай.

Воскресенскій ушелъ. Марья Игнатьевна осталась у стола съ тѣмъ же видомъ тоски и утомленія. Она глубоко задумалась. По

выраженію лица ея можно было судить о характерѣ ея мыслей, и выраженіе это постепенно мѣнялось: оставаясь по прежнему серьёзнымъ, оно дѣлалось менѣе мрачно, губы сжимались, глаза глядѣли бодрѣе и упорнѣе; въ нихъ начинали проглядывать и рѣшимость, и надежда... Это была и рѣшимость, и надежда—жить.

Марья Игнатьевна была уроженка далекаго сѣвера. Отецъ ея, Игнатій Васильевичъ Скоропадскій, былъ священникомъ въ Архангельскѣ. Сначала онъ пользовался репутаціей умнаго священника и хорошаго проповѣдника, но скоро не поладилъ съ благочиннымъ. Въ его проповѣдяхъ было усмотрѣно свободомысліе, и его перевели въ бѣдное село. Хотя, съ назначеніемъ новаго архіерея, ему и удалось возвратиться, но онъ оставался въ черномъ тѣлѣ. Проповѣди его строго цензуровались. Его стали чуждаться. Богатыя свадьбы, крестины и похороны выпадали на долю другихъ, и тамъ, гдѣ эти другіе получали рубли, онъ долженъ былъ довольствоваться копѣйками. Правда, прихожане его любили: онъ не вымогалъ у нихъ платы за совершаемыя требы; не разъ видѣли, какъ онъ искренно плакалъ на похоронахъ; новобрачные съ глубокимъ вниманіемъ и почтительностію слушали его практическія, чуждыя рутины наставленія,—но въ неравной борьбѣ онъ падалъ духомъ и началъ пить.

— Умничанье всегда до этого доводитъ,—говорилъ благочинный.

Семья у отца Игнатія была большая: сынъ и три дочери, изъ которыхъ средняя была калѣка и больная. Сынъ кончилъ курсъ въ гимназій и поступилъ въ петербургскій университетъ, но оказался замѣшанъ въ какую-то студенческую исторію, и его послали на житье въ Вятку.

— Яблочко отъ яблони не далеко катится,—говорили архангельскіе доброжелатели отца Игнатія, и не упускали случая при встрѣчѣ вольнуть его разглагольствованіями о пагубномъ мѣняніи современнаго образованія, и пророчили полную гибель молодому человѣку. Пророчество не исполнилось: молодой Скоропадскій успѣлъ пристроиться въ Вяткѣ; честностію и исполнительностію приобрѣлъ полное довѣріе одного богатаго купца, поручившаго ему черезъ нѣсколько лѣтъ всё свои дѣла,—но невзгода была подѣйствовала на отца Игнатія: онъ сталъ смиратъся.

Марья Игнатьевна была младшая дочь. Она училась въ женской гимназій, училась хорошо и была уже въ пятомъ классѣ, какъ заболѣла тифомъ. Послѣ болѣзни она оправлялась медленно,

и докторъ нашель, что ей по крайней мѣрѣ на годъ нужно оставить занятія. Въ это время къ ней посватался смотритель духовнаго училища Воскресенскій.

Воскресенскій давно былъ друженъ съ отцомъ Игнатіемъ, остался съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ во время его опалы, и, какъ говорили, возвращеніемъ своимъ въ Архангельскъ отецъ Игнатій былъ обязанъ энергическому и не безъ риска ходатайству за него предъ преосвященнымъ молодого смотрителя. Такимъ образомъ, въ продолженіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ Воскресенскій былъ ближайшимъ человѣкомъ въ домѣ отца Игнатія, обращавшагося къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтомъ и помощію.

Матушка Дарья Никитишна въ первое время знакомства по-сматривала на Воскресенскаго, какъ на жениха для своей старшей дочери, Глашеньки, хорошенькой дѣвушки, любившей пофрантить и потанцовать, — но вскорѣ разочаровалась въ этой надеждѣ. Воскресенскій не выказалъ ни малѣйшаго расположенія къ женитьбѣ. Сама Глашенька, сдѣлавшая нѣсколько попытокъ обратить на себя вниманіе серьезнаго смотрителя, тотчасъ же замѣтила тщету своихъ усилій и, вздернувъ свой хорошенькій носикъ и сжавъ презрительно розовыя губки, разъ навсегда отвернулася отъ Воскресенскаго и направила стрѣлы своихъ губительныхъ сѣрыхъ глазокъ на молодого семинариста, только-что окончившаго курсъ и по родству съ вліятельными членами мѣстной духовной іерархіи обѣщавшаго недолго остаться безъ мѣста. На этотъ разъ она не ошиблась: повинная отца Игнатія была уже въ это время заявлена и принята, и скоро Глашенька уѣхала попадѣй въ богатое промышленное село, гдѣ имѣла полную возможность блистать среди женъ мѣстныхъ купцовъ-промышленниковъ полнотою кринолина и вычурностію купленныхъ въ Архангельскѣ шляпокъ.

Ни отцу Игнатію, ни Дарьѣ Никитишнѣ и въ голову не приходила мысль выдать за Воскресенскаго младшую дочь, Машу, которую еще пятилѣтнимъ ребенкомъ часто ласкалъ и держалъ на колѣняхъ степенный смотритель. Правда, въ послѣднее время они замѣчали, что Воскресенскій, почти ежедневно бывая у нихъ, вступалъ въ продолжительные разговоры съ пятнадцатилѣтней гимназисткой, подробно спрашивалъ ее объ ея занятіяхъ и по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ нею надъ урокомъ славянской грамматики или русской словесности; но на это они смотрѣли какъ на доказательство расположенія Воскресенскаго вообще къ ихъ дому. Поэтому отецъ Игнатій былъ немало удивленъ, когда,

мѣсяца два спустя послѣ болѣзни Маши, Воскресенскій, уединясь съ нимъ въ его «кабинетъ», игравшемъ въ то же время роль кладовой для наливокъ и банокъ съ вареньемъ, сталъ говорить о томъ, что въ женской гимназiи учать плохо, что по его мнѣнiю Марья Игнатьевна легко могла бы чтенiемъ пополнить недостающiя ей знанiя; потомъ перешелъ въ скукъ своей холостой жизни, никому не нужной, и наконецъ объявилъ, что, имѣвъ случай узнать довольно близко характеръ и наклонности Марьи Игнатьевны, думаетъ, что она была бы для него хорошею женою, и былъ бы счастливъ, еслибы ихъ долговременная дружба ссрѣпилась этимъ союзомъ.

— Правда, — говорилъ Воскресенскій, — Марья Игнатьевна нѣсколько молода для меня: ей семнадцать лѣтъ, а мнѣ тридцать девять (онъ не хотѣлъ сказать—сорокъ, хотя до полныхъ сорока оставалось всего четыре дня), но у нея серьезный характеръ и серьезный взглядъ на вещи; что же до меня, то я буду любить и лелѣять ее... Впрочемъ, если вы имѣете для нея въ виду бо-
гѣ подходящую партiю...

— Полноте, — перебилъ отецъ Игнатiй, обнимая и цѣлуя его, — считаю за честь и за счастье. Все, разумѣется, зависитъ отъ Маши; да вотъ мы ее сейчасъ спросимъ.

— Позвольте мнѣ самому переговорить съ Марьей Игнатьевною, но не сегодня, а завтра. Пока же я просилъ бы васъ не общать ей о моемъ предложенiи. Посовѣтуйтесь съ матушкой, если не раздумаете...

— Раздумать-то мы не раздумаемъ, но вы знаете, Николай Петровичъ, наше положенiе: достатковъ у насъ нѣтъ, едва-ли и приданое сможемъ сдѣлать порядочное, а ужъ дать за дочьрю чего.

— Что вы! Развѣ я ищу денегъ? Но знаете, пока дѣло не вшено въ главномъ, лучше не толковать о подробностяхъ. Въ случаѣ согласiя Марьи Игнатьевны, все устроимъ. Еще разъ ропшу не говорить ей пока ничего.

Но просить объ этомъ было легче, нежели это исполнить. вчеромъ Дарья Никитишна подсѣла на постель дочери и, начавъ иньяками, кончила полнымъ изложенiемъ дѣла, приправляя свою рчь восторженными похвалами Воскресенскому и благодаренiемъ бу за посылаемое счастье.

Когда на другой день часовъ въ одиннадцать Воскресенскiй ишелъ въ домъ священника, по виду встрѣтившей его дѣвушки въ могъ догадаться, что ей дѣло уже извѣстно: яркiй румянецъ

разлился по ея все еще блѣдному лицу; потупивъ глаза, подала она ему руку и въ замѣшательствѣ опустила на стулъ.

— Вы вѣроятно догадываетесь о причинѣ моего сегодняшняго посѣщенія, — началъ Воскресенскій. — Я не стану говорить вамъ о своихъ чувствахъ: человѣкъ, предлагающій дѣвушкѣ свое имя, предлагающій ей навѣки соединить ея судьбу съ своею, тѣмъ самымъ доказываетъ ей высшую степень своего довѣрія, уваженія и привязанности. Родители ваши приняли мое предложеніе, но я хотѣлъ слышать отъ васъ самихъ, согласны ли вы быть моею женою?

— Я согласна, — прошептала дѣвушка.

— Марья Игнатьевна! бракъ имѣетъ важное значеніе: онъ соединяетъ двѣ жизни въ одну, соединяетъ ихъ на радость и горе, честь и безчестье, здоровье и болѣзнь. Назначеніе брака — образованіе семьи, а честное воспитаніе дѣтей возможно только тогда, когда мужа и жену связываютъ не одни только внѣшніе интересы, но когда у нихъ однѣ и тѣ же цѣли, надежды, и даже убѣжденія. Я прошу васъ подумать объ этомъ, вникнуть хорошенько въ себя, и тогда вполне сознательно отвѣтить на мой вопросъ.

— Я согласна, — также тихо, но твердо отвѣчала дѣвушка, поднимавъ на него свои большіе каріе глаза.

Рѣчь Воскресенскаго видимо произвела на нее впечатлѣніе.

Нѣсколько секундъ онъ молча глядѣлъ ей въ глаза; ему хотѣлось прочесть, чтó происходитъ въ ея душѣ. На лицѣ ея не было замѣтно ни радости, ни удивленія: оно было ясно, серьезно и покойно.

«Она поняла значеніе моихъ словъ и съ полнымъ сознаниемъ принимаетъ на себя обязанности жены и матери», думалось ему.

Онъ горячо поцѣловалъ ей руку.

Тутъ въ первый разъ Воскресенскій взглянулъ на стоявшую предъ нимъ дѣвушку, какъ на женщину, подмѣчая детали, до сихъ поръ не останавливавшія его вниманія: въ его рукѣ лежала бѣлая, нѣсколько большая рука съ красивыми длинными пальцами; на него изъ-подъ темныхъ, рѣзко очерченныхъ бровей смѣло смотрѣли ясные каріе глаза, густая коса темношапановыхъ волосъ просто обвивала красивую голову съ правильными, нѣсколько крупными чертами выразительнаго лица, голубое форменное платье ловко охватывало стройный, хотя и не сложившійся еще станъ.

Привлекая къ себѣ дѣвушку и поцѣловавъ ее въ лобъ, Воскресенскій перешелъ съ нею въ другую комнату, гдѣ ждала ихъ

вся семья* отецъ и мать, сіяющіе радостью, и третья дочь ихъ Варвара, блѣдная, болѣзненная дѣвушка, горячо обнявшая сестру.

Марья Игнатьевна стала невѣстой. Эго положеніе ей нравилось. Она съ веселой улыбкой встрѣчала Воскресенскаго, приходившаго къ нимъ каждый вечеръ, и безъ особенной скуки слушала его длинныя рѣчи на тѣму объ обязанностяхъ жены, о священномъ долгѣ матери, хотя, правду сказать, немного въ нихъ понимала, такъ какъ онѣ не оставляли въ ней никакихъ отчетливыхъ представленій.

Впрочемъ, она давала себѣ слово быть хорошей женой, т.-е. заботиться о томъ, чтобы во-время былъ готовъ обѣдъ, и стараться наливать мужу именно такой чай, какой онъ любитъ, не слишкомъ горькій и не слишкомъ сладкій; давала себѣ слово, если Богъ пошлетъ имъ ребенка, быть хорошей матерью: заботиться, чтобы у ребенка была всегда чистая рубашечка и чистый чепчикъ, — не такъ какъ у ребенка дьякона, вѣчно грязнаго, — и о томъ, чтобы онъ не плавалъ. Она по цѣлымъ днямъ будетъ играть съ нимъ, а когда онъ сдѣлается постарше, станетъ рассказывать ему сказки.

Ей нравилось ея положеніе относительно подругъ - гимназистокъ.

«Счастливая!» твердили онѣ, навѣщая ее послѣ классовъ и разсматривая шившееся приданое.

— Только онъ старый! Какъ ты его не боишься? — вырывался шопотъ болѣе откровенной и болѣе наивной дѣвочки.

— Онъ очень хорошій человекъ, только старъ для Маши, — говорила какая-нибудь молодая замужня женщина.

— Ну, что-же, что старый, — возражала другая, — тѣмъ больше будетъ любить. Что толку-то въ молодыхъ? Только и блага, что каждый годъ по ребенку.

Эти рѣчи какъ-то безслѣдно проходили мимо ушей Маши. Почему старый? Что значить старый? Она видѣла, что молодые дѣвушки выходили за людей еще болѣе пожилыхъ, и жили не уже другихъ.

— Онъ старый, какъ ты будешь цѣловать его? — говорила и же наивная подруга; но Маша не рѣшила еще для себя вопроса, есть ли такая крайняя необходимость цѣловать мужа.

Серьезный и увѣренный взглядъ, съ которымъ она объявила оскресенскому свое согласіе и въ которомъ онъ прочелъ полное знаніе того, что она дѣлала, былъ серьезнымъ взглядомъ ребенка, общающаго, «когда будетъ большой», снять и подарить имъ мѣсяць.

Бракъ представлялся ей обрядомъ вѣнчанья, гдѣ ей будутъ говорить о чемъ-то и о чемъ-то спрашивать; — о чемъ? ей не могла точно передать ни одна изъ выпешшихъ замужъ подругъ; потомъ, болѣе или менѣе шумнымъ вечеромъ, гдѣ ей придется краснѣть, такъ какъ на нее будетъ обращено общее вниманіе. И только. Далѣе мечта не представляла ей ничего.

Съ недоумѣніемъ слушала Маша въ свадебный вечеръ какія-то наставленія кумушекъ, успѣвшихъ выхлопотать себѣ порученіе преподавать ей напутствіе въ жизнь брачную.

Въ первые же дни послѣ свадьбы въ душѣ Марьи Игнатьевны возникло подозрѣніе, что бракъ дѣло болѣе сложное, нежели ей казалось, но она была какъ въ чаду и хорошенько не понимала, чтó съ нею дѣлалось. Воскресенскаго, къ которому до сихъ поръ она была довольно равнодушна, хотя ей и казалось, что она его любитъ, теперь она стала бояться. До замужства она относилась къ нему довѣрчиво, а въ то время, когда онъ былъ женихомъ ея, даже нѣсколько фамиллярно, съ легкимъ отгѣнкомъ той бравады, которая такъ свойственна молодымъ дѣвушкамъ, только-что промѣнявшимъ свое форменное школьное платье на длинное. Но теперь она стала его чуждаться, и ей было неловко оставаться съ нимъ наединѣ.

Мужъ былъ съ нею ласковъ, предупредителенъ, даже нѣженъ, но это была предупредительность и нѣжность отца, это была ласковость взрослого съ ребенкомъ. Она если еще не сознавала, то начинала чувствовать, что онъ старъ для нея.

Вѣрный программѣ, что жена должна раздѣлять интересы мужа, Воскресенскій сталъ-было посвящать Марью Игнатьевну въ свои дѣла, разумѣется, служебныя, такъ какъ другихъ у него не было. Жена понимала въ нихъ очень мало. Раза два она попыталась вставить свое мнѣніе, но оно оказалось неудачно и вызвало рѣзкое замѣчаніе со стороны Воскресенскаго. Съ тѣхъ поръ она обратилась въ терпѣливую, но безмолвную слушательницу его разсужденій и плановъ.

Предположеніе учить и развивать жену также не удалось. Въ первое время Маша часто обращалась къ нему съ просьбою объяснить какое-нибудь явленіе, фактъ или мысль, но обыкновенно оказывалось, что запасъ свѣдѣній Воскресенскаго, воспитанника семинаріи и духовной академіи, былъ слишкомъ скуденъ. Его объясненія были неопредѣленны и сбивчивы, постоянно ударялись въ отвлеченія, и онъ сердился на безтолковость Мани, когда она не понимала того, чего онъ и самъ не понималъ хорошенько. Воскресенскій сознавалъ недостаточность своихъ зна-

нѣй, послѣ какого-нибудь вопроса Маши принимался за книги, читалъ, справлялся, но эта была горчица послѣ ужина: онъ отучилъ Машу отъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, единство умственныхъ и нравственныхъ интересовъ оказалось недостижимымъ. Маша уединилась. Посѣщеній и выходовъ въ гости она не любила, довольно рѣдко видѣлась даже съ родными, еще рѣже съ подругами; она пристрастилась къ чтенію, и цѣлые дни проводила за книгами, преимущественно за романами.

Впрочемъ, жизнь Воскресенскихъ шла мирно и правильно. Маша обладала бодрымъ и ровнымъ характеромъ, была аккуратна и заботлива, и сумѣла хорошо поставить домъ и хозяйство. Въ домъ было чисто, во всемъ соблюдался порядокъ, и съ этой стороны Воскресенскій могъ только любоваться и хвастать своей молодой хозяйкой.

Но въ первый же годъ супружества Воскресенскій сталъ болѣть. Здоровье его уже давно было разстроено; теперь болѣзненные припадки стали чаще, обнаружился хроническій катарръ желудка и вмѣстѣ страданіе легкихъ. Маша и въ качествѣ сидѣлки явилась одинаково терпѣливой и заботливой.

Черезъ годъ Маша оказалась беременной. Радости Воскресенскаго не было границъ. Жена получила въ его глазахъ чуть не въшечное значеніе; онъ нянчился съ нею, старался предупредить всѣ ея желанія, постоянно приставалъ съ разспросами, какъ на себя чувствуетъ, и выводилъ ее изъ терпѣнія непрерывными обѣтами, вычитанными въ разныхъ популярныхъ сочиненіяхъ, томъ, какъ ей слѣдуетъ вести себя. Тѣмъ не менѣе Маша утвствовала себя одинокою: она старалась скрыть отъ мужа болѣзненные признаки беременности въ первые мѣсяцы; позднеѣе, е смѣла взять его руку и, приложивъ ее къ груди, дать ему почувствовать первыя проявленія жизни существа, готовящагося видѣть свѣтъ божій.

А между тѣмъ съ какимъ любопытствомъ она старалась изъ изговоровъ съ матерью разгадать совершающійся въ ней таинственный процессъ, съ какою любовью готовилась встрѣтить того гостя, уносясь мечтою въ далекое будущее.

Роды были тяжелые. Маша сильно заболѣла. Кормить она не могла. Болѣла она долго, а когда выздоровѣла, существа, которое могло бы наполнить ея жизнь, уже не было: оно исчезло злѣдно, правда, не причинивъ ей большой горести своею смерью, но сдѣлавъ пустоту ея жизни еще болѣе ощутительною. Она же больше ушла въ себя, даже читать стала меньше. Вся жизнь

ея сосредоточилась въ мелкихъ хозяйственныхъ заботахъ и въ пассивномъ ухаживаньи за мужемъ. Это была спячка, грозившая обратиться въ хроническую, еслибы Машу не вывела изъ нея совершенная перемѣна ея жизни.

На Воскресенскаго смерть маленькой дочери произвела тяжелое впечатлѣніе; онъ сталъ мраченъ и раздражителенъ. Болѣзнь его усилилась. Доктора, къ которымъ онъ обращался, настоятельно совѣтовали ему поселиться въ климатъ болѣе благопріятномъ, гдѣ-нибудь на югѣ. По словамъ доктора, здоровье его жены также требовало такой перемѣны. Послѣдній доводъ заставилъ его рѣшиться. Въ Краевѣ былъ у него пріятель и товарищъ по семинаріи, занимавшій въ это время видное мѣсто въ учебномъ округѣ. Воскресенскій написалъ ему и вскорѣ получилъ отвѣтъ. Воскресенскому предлагали въ Липовцахъ мѣсто смотрителя уѣзднаго училища, основаннаго на особыхъ правахъ земствомъ, которое намѣрено обратить его въ прогимназію. Пріятель увѣдомлялъ, что условія очень выгодны, жалованье относительно большое, притомъ Воскресенскій будетъ имѣть еще и уроки латинскаго языка съ особенною платой.

При другомъ душевномъ настроеніи Воскресенскаго ужаснулъ бы перспектива переселенія за двѣ тысячи верстъ, и перемѣна прочнаго и опредѣленнаго положенія на невѣдомое и, быть можетъ, невѣрное. Но теперь мысль о югѣ, о здоровьѣ, о возможности замѣнить недавнюю потерю радужными цвѣтами переливалась предъ нимъ.

Напротивъ, Марьей Игнатьевной вѣсть о предстоящемъ перѣздѣ была встрѣчена съ полной апатіей. Но чѣмъ ближе становилось время отъѣзда, тѣмъ болѣе она оживлялась. Ее начинало манить даль, въ ней пробудилась жажда впечатлѣній.

Длинный путь не оставилъ въ ней отчетливыхъ представлений: пароходы, тарантасы, вагоны желѣзной дороги, разноцѣпныя главы московскихъ церквей и необъятный лабиринтъ московскихъ улицъ, пыль и безлюдье губернскихъ городовъ, грязь и безлюдье городовъ уѣздныхъ — быстро, какимъ-то хаосомъ промелькнули въ ея глазахъ. Истома лѣтнаго пути въ накаленныхъ солнцемъ вагонахъ довела ее почти до одури. Но вотъ, отъ нихъ отобрали билеты, локомотивъ свиснулъ въ послѣдній разъ, и поѣздъ остановился у станціи, откуда Воскресенскіе должны были ѣхать въ Липовцы.

Радужная и элегантная предупредительность къ пріѣзжимъ нашихъ провинцій, и особенно южныхъ, если не вошла, то можетъ войти въ пословицу. Кто бы вы ни были, министръ или

фокусникъ, провинціалы встрѣтятъ васъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ, нелишенномъ, впрочемъ, достоинства, и обворожительною любезностію. Правда, это не помѣшаетъ имъ (разумѣется, если вы не министръ) завтра же напавостить вамъ самымъ нежентльменскимъ образомъ, но зато сегодня вы готовы думать, что попали въ Аркадію.

Провинціальная любезность поджидала Воскресенскихъ у самаго преддверія Липовець. Едва вышли они изъ вагона съ сакъ-возжами и пледями, какъ къ нимъ подошелъ прилично одѣтый человекъ и, освѣдомившись объ ихъ фамиліи, подалъ письмо и объявилъ, что ждетъ ихъ уже нѣсколько дней. Письмо было отъ предводителя дворянства и вмѣстѣ попечителя училища Карбонарда; онъ поздравлялъ Воскресенскихъ съ пріѣздомъ, писалъ, что посланному они могутъ безъ всякаго опасенія вручить свои багажные билеты, и наконецъ извинялся на случай, если въ приготовленной для нихъ квартирѣ они встрѣтятъ какія-нибудь неудобства.

Природа была къ Воскресенскимъ также любезна, какъ и люди: вечеръ былъ восхитительный. Обычные августовскіе жары были въ этомъ году не такъ сильны, а перепавшій за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ дождь освѣжалъ воздухъ и наполалъ его своеобразнымъ ароматомъ травы и сброшеннаго хлѣба. Когда, черезъ нѣсколько минутъ по приходѣ поѣзда, Воскресенскіе въ щегольской и покойной коляскѣ выѣхали со станціи, глазамъ ихъ представилась безконечная равнина, кое-гдѣ перерѣзываемая зеленѣющими оврагами и усѣянная рядами копенъ. Со всѣхъ сторонъ, о всѣхъ направленіяхъ тянулись высоко наложенныя длинныя елѣги, запряженныя волами. Черныя, густыя тучи сворцовъ, то биваясь въ плотную кучу, то снова разсыпаясь, вились надъ оляской, а когда кучеръ свернулъ на проселокъ, изъ густой равы по сторонамъ дороги стали поминутно шнырять куропатки, гѣша укрываться отъ зоркихъ глазъ неподвижно парившаго надъ ними ястреба. Издали влетали тяжелыя драхвы и стаи журавлей, оглашавшихъ воздухъ звучнымъ, веселымъ и гармоничнымъ крикомъ, между тѣмъ какъ невозмутимо оставались на юемъ посту аисты и, стоя на одной ногѣ, съ высоты копны, къ вѣрныя сторожа, пытливо провожали взорами проѣзжавшій экипажъ.

— Что за благодатный край!—говорилъ Воскресенскій.

Марья Игнатьевна молчала, но эта новая для нея природа, отъ полный мягкости и нѣги воздухъ, туманно синѣющая даль, летая слабыми лучами заходящаго солнца, какъ-то жутко, раз-

дражительно дѣйствовали на душу, возбуждая въ ней неясныя желанія невѣдомаго счастья.

Но вотъ и Липовцы. Справа, въ полуверстѣ отъ дороги, по ложбинѣ давно уже тянутся длинные ряды бѣлыхъ хатъ, крытыхъ соломой и окруженныхъ садами. Наконецъ, съ крутого холма открылась и главная часть города, также купающаяся въ зелени и обставленная высокими пригорками, увѣчанными вѣтрянными мельницами. Быстро спустившись по крутому спуску, экипажъ въѣхалъ во дворъ училища и подъѣхалъ къ подъѣзду смотрительскаго дома. На крыльцѣ стояла опрятная женщина среднихъ лѣтъ, и отвѣсила низкій поклонъ выходящимъ изъ экипажа Воскресенскимъ, между тѣмъ какъ два отставные солдата, сторожа училища, браво вытянулись по сторонамъ.

— Кто вы такая, милая?—спросилъ Воскресенскій женщину.

— Предводитель приказалъ мнѣ встрѣтить, какъ пріѣдете, вашу милость, а если господамъ будетъ угодно, то я и совсѣмъ могу остаться хоть бы въ кухаркахъ.

— Какимъ господамъ будетъ угодно?

— Да все-жъ вашей милости.

Пять небольшихъ комнатъ будущаго жилища Воскресенскихъ показались имъ очень уютными. Къ дому примыкалъ большой тѣнистый садъ, окаймленный рядомъ высокихъ тополей, трепетныя листья которыхъ чуть слышно шелестѣли при легкихъ порывахъ набѣгавшаго вѣтерка.

— Чья же это мебель?—спросилъ Воскресенскій.

— Да вдовы прежняго смотрителя, Гавриловой. Она все жила здѣсь, а какъ почувяла, что вы пріѣдете, то наняла себѣ комнату тутъ черезъ дорогу, а мебель покинула пока: можетъ, купите.

— А смотритель давно умеръ?

— Слышно было, съ мѣсяцъ какъ померъ въ больницѣ въ Краевѣ, а то съ годъ какъ рехнувшись былъ.

На новомъ мѣстѣ, говорятъ, плохо спится. Долго не могли заснуть въ этотъ вечеръ Марья Игнатьевна. Ей было душно. Она открыла окно и долго сидѣла, вдыхая въ себя мягкій воздухъ, слушая заунывные крики ночныхъ птицъ и всматриваясь въ темное небо, усѣянное мириадами блестящихъ звѣздъ.

Безцвѣтные годы ея жизни проходили предъ нею. Неужели и здѣсь будетъ то же, думалось ей; неужели неизмѣнный удѣлъ женщины быть только отблескомъ чужой жизни, ея подкладкой, тѣнью, покорно повторяющею чужія движенія; вѣчнымъ недоросткомъ, не имѣющимъ ни возможности, ни права пріобрѣтать собственныя убѣжденія или руководиться собственными симпатіями?..

Мысль перешла въ грёзы: въ ея воображеніи рисовался образъ за образомъ. Она воображала себя «Татьяной» Пушкина съ Онѣгинимъ у ногъ, но отвергала его не во имя чужой воли (она читала Бѣлинскаго), а во имя возмущившагося чувства и оскорбленной гордости. Она была Тургеневской Еленой и смѣло шла въ борьбу съ предрассудками и лишеніями, но не ради Инсарова. Она была то Лизой, то Надеждой Павловной «Дворянскаго гнѣзда», и отъ восторженнаго аскетизма одной переходила къ беззаботному, разгульному хохоту второй. Вмѣстѣ съ Ириной, она воображала себя на верху какаго-то могущества и повелительно бросала оттуда людямъ презрѣніе и сарказмы. Какъ Ребекка Шарпъ, терпѣливо и настойчиво создавала она себѣ карьеру, но, отдѣляясь отъ нравоучительнаго романа Теккерея, она останавливалась на высотѣ успѣха и звонко смѣялась надъ одураченными ею леди и лордами. То замыкалась въ себя, какъ «Юдифь» Домби, таѣ въ душѣ неизсякаемый источникъ ненависти и любви и переходя отъ беспощадно-суроваго презрѣнія къ безконечно-умилительной нѣжности...

Смутнѣе становились ея мечты, блѣднѣли образы, и, навѣвая дремоту, таинственно шумѣли надъ нею листья... Утренній холодъ и пѣніе пѣтуховъ, наконецъ, разбудили ее; бѣлая полоса горизонта показывала близкое утро. Когда она затворила окно и усталая шла къ постели, всѣ мечтанія ея приняли форму опредѣленнаго желанія извлечь изъ жизни все, что она можетъ дать, но предварительно узнать и людей, и жизнь. Изъ скромнаго, робкаго и, повидимому, апатичнаго ребенка, она вдругъ переходила въ смѣлую и самоувѣренную женщину, твердо рѣшившуюся стать на собственные ноги, жить своимъ умомъ, если можно, быть счастливой, но своимъ счастьемъ; бороться, если будетъ нужно, собственными силами.

Обстоятельства способствовали такой перемѣнѣ: жизнь началась среди новой обстановки, приходилось встрѣтиться съ новыми людьми, и когда они явились, Воскресенскій первый не югъ достаточно надивиться ея самообладанію, свободѣ обращенія и находчивости.

Впрочемъ, предварительно познакомиться съ этими людьми помогъ ей случай.

На другой день, пока мужъ ея дѣлалъ официальные визиты представителямъ мѣстнаго земства и администраціи, Марья Игатьевна пошла къ Гавриловой поблагодарить ее не только за ебель, но за самоваръ и ужинъ, которымъ она снабдила ихъ аканунѣ.

Гаврилова была милостивая женщина лѣтъ 26 или 27, веселая и откровенная, очень понравившаяся Марьѣ Игнатьевнѣ. Уроженка Липовець, прожившая въ нихъ почти всю свою жизнь, Гаврилова знала какъ нельзя лучше всѣхъ здѣшнихъ обывателей, со всѣми ихъ тайными дѣлами и тайными помыслами. Ея указанія помогли Воскресенской выпутываться изъ лабиринта льстивыхъ фразъ и любезностей, которыми ее осыпали послѣ со всѣхъ сторонъ.

Особенно мелкимъ бѣсомъ разсыпался предъ нею Карбонардъ, богатый, холостой, хотя и немолодой помѣщикъ, живавшій когда-то въ столицахъ и любившій вспоминать объ этомъ, а теперь почти безвыѣздно поселившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города въ своей деревнѣ, гдѣ у него, какъ говорили, цѣлый гаремъ, что однако не мѣшало ему ухаживать за всѣми болѣе или менѣе молодыми липовецкими женщинами.

— Будьте какъ можно осторожнѣе съ Карбонардомъ, — говорила Воскресенской Гаврилова. — Это человѣкъ, способный на все. Вотъ ужъ лѣтъ семь, какъ мать поссорилась съ нимъ и переехала въ Краевъ; они долго совсѣмъ не видѣлись, а теперь разъ въ годъ, дня на два, она прѣзжаетъ къ нему. Ссора вышла изъ какихъ-то денегъ, которыя принадлежали ей и которыхъ онъ не отдалъ, а главное, изъ-за воспитанницы матери, которую онъ увлекъ, даже, какъ рассказываютъ, насильно. Онъ безсовѣстенъ и дерзокъ, а богатство и общее потворство сдѣлали его наглымъ. Если онъ не будетъ имѣть возможности повредить, онъ оклеветаетъ васъ. Это я знаю не по наслышкѣ.

— Къ сожалѣнью, нашъ убогій городокъ, — говорилъ Карбонардъ Воскресенской въ первый визитъ свой, — представить вамъ немного заманчиваго; особенно теперь, когда почти всѣ разѣхались по деревнямъ; но скоро настанетъ и нашъ сезонъ, съѣдутся наши помѣщики, и вы увидите, какъ, живя тѣснымъ и дружнымъ кружкомъ, мы все же меньше скучаемъ въ нашемъ захолустьѣ. Единственное, что можно теперь предложить вамъ, это прогулки за городъ; мой экипажъ всегда къ вашимъ услугамъ. Если вамъ когда-нибудь вздумается почтить своимъ посѣщеніемъ мою деревню, я былъ бы очень радъ похвастать вамъ своимъ садомъ и оранжереями, а Николаю Петровичу конскимъ заводомъ и хозяйственными машинами.

— Ваша матушка, какъ я слышала, постоянно живетъ въ Краевѣ и рѣдко здѣсь бываетъ.

— Да, она почти постоянно хвораетъ... но вы, кажется, заочно успѣли хорошо познакомиться съ нами.

— Я успѣла уже слышать такъ много хорошаго о вашей матушкѣ, что очень бы желала, какъ и Николай Петровичъ, имѣть честь познакомиться съ нею, и впередъ прошу у васъ позволенія тотчасъ же пріѣхать къ вамъ, какъ только она будетъ здѣсь.

— Матушка моя дѣйствительно очень хорошая женщина, и я всегда искренно счастливъ, когда ее вижу; теперь же, заручившись вашимъ обѣщаніемъ быть у меня при первомъ ея посѣщеніи, стану ждать съ особеннымъ нетерпѣніемъ ея пріѣзда. Впрочемъ, когда мы поживемъ вмѣстѣ и ближе познакомимся, вы, надѣюсь, увидите, что въ такому старику, какъ я, можно иногда заѣхать и безъ особенныхъ церемоній.

Вмѣстѣ съ Карбонардомъ пріѣхалъ въ Воскресенскимъ и исправникъ, Кольскій, красивый, видный сорокалѣтній мужчина, прожившій въ молодости большое состояніе и имѣвшій нѣкогда большой успѣхъ въ салонахъ и будуарахъ московскихъ дамъ. Онъ былъ женатъ на какой-то щедушной княжнѣ, которая однако давно его покинула и переѣхала къ роднымъ въ Москву. Благодаря отчасти этому обстоятельству, а отчасти какой-то громкой скандальной исторіи за актрису, ему конфиденціально посоветовали въ столицахъ не жить, а поселиться гдѣ-нибудь подале, и обязательно предложили мѣсто исправника въ Липовцахъ. Кольскій былъ мастеръ на всѣ руки; о немъ ходило множество легендъ. Рассказывали, напримѣръ, какъ на какой-то ярмаркѣ онъ обыгралъ шулеровъ, метавшихъ банкъ, прихлопнувъ рукою, намазанной чѣмъ-то липкимъ, по подтасованной колодѣ, отчего одна карта прилипла незамѣтно къ его ладони, и вмѣсто того, чтобы убить всѣ поставленныя карты, шулера, къ вѣрѣ глазамъ своимъ, всѣ ихъ дали. Рассказывали, какъ онъ увезъ жену у одного помѣщика-пріятели, причемъ устроилъ такъ, что самъ же мужъ заготовлялъ ему лошадей на промежуточной станціи; но вмѣстѣ упоминали и о другой исторіи, когда мужъ купецъ, заставъ у себя Кольскаго не въ урочный часъ, какъ избилъ его съ помощію двухъ своихъ дюжихъ прислуживъ, то онъ лечился два мѣсяца. Бродяги и бѣгле боялись его, какъ огня, и клялись, что когда-нибудь его уходятъ. Не разъ, обратясь поздно съ интимнаго свиданія или разгульной пирушки, онъ приказывалъ заперчь въ телѣжку свою лихую тройку, бѣжалъ черезъ плечо револьверъ, и самъ-другъ, съ мѣщаниномъ, жившимъ ему помощникомъ и посредникомъ во всевозможныхъ дѣлахъ, скакалъ въ какой-нибудь отдаленный уголъ Ли-

повецъ или подгородное село, и навѣрное наврываетъ или дѣлателей фальшивыхъ бумажекъ, или бѣглаго каторжника.

«Кольскому не кончить добромъ», говорили о немъ знакомые, да и самъ онъ былъ увѣренъ, что жить ему недолго, что его или параличь прихлопнетъ, или убьютъ бѣшенныя лошади, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, или пырнетъ ножомъ бродяга. Онъ показывалъ пальто, прострѣленное какими-то молодцами, за которыми онъ гнался, и револьверъ, изъ котораго онъ положилъ на мѣстѣ бросившагося на него съ ножомъ бѣглаго каторжника. Но, въ ожиданіи безвременнаго конца, онъ жилъ пока во всю ширь своей уже износившейся и опошлившейся, но все еще мощной натуры.

Какъ слѣдуетъ полицейскому чиновнику, Кольскій былъ большой либераль, врагъ бюрократіи и административнаго произвола. Это были любимыя темы его разговора. Просвѣщенію Кольскій покровительствовалъ.

— Да, батюшка Николай Петровичъ,—говорилъ онъ Воскресенскому,—пришлось намъ съ вами тянуть лямку на земской службѣ (служба его земству состояла въ томъ, что земство вмѣстѣ съ городомъ назначило ему полторы тысячи добавочнаго содержания). Хорошая, скажу вамъ, штука земство, но наши администраторы таковы, что все съумѣютъ испортить, дай имъ только волю,—а ее-то, на бѣду, они теперь забрали довольно. Нѣтъ-нѣтъ, да и напакостятъ! Земство и бьется какъ рыба объ ледъ. Представить оно, на примѣръ, проектъ—какъ ни поверни, кромѣ общей пользы, ничего не можетъ выдти, а нѣтъ: «представленіе-моль, какъ несогласное съ высшими соображеніями, оставить безъ послѣдствій». Вотъ и молоты рожь на обухъ. Чтѣ имъ за дѣло до общественныхъ потребностей,—у нихъ есть высшія соображенія! Вотъ и по вашей части два года бьемся, а ничего не сдѣлаемъ. «Хотите—говорать—классическую прогимназію, открывайте хоть сейчасъ взамѣнъ училища. Если же желаете непременно реальную, то это еще посмотримъ, а пока на уѣздное училище все-таки шесть тысячъ платите: нужно, моль, по высшимъ соображеніямъ—тамъ все же-де вашихъ лавочниковъ да крестьянскихъ мальчишекъ латинской азбуки обучаютъ». У насъ непечатный край чернозема; у насъ работникъ полтора рубля въ день стбитъ; земледѣльческихъ машинъ нельзя завести потому, что управлять ими некому; у насъ моста построить не умѣютъ; на желѣзную дорогу машинистовъ на вѣсь золота изъ-за градевать земель выписываемъ; о толковомъ и рациональномъ земледѣліи и скотоводствѣ мы и понятія не имѣемъ, не умѣемъ на-

чертить плана скотнаго двора,—а мы себѣ сидимъ, да какъ дятлы отдалбливаемъ: pensa, pensaе, pensam, pensa... виновать, впрочемъ, я увлекся и не спросилъ: вы за классицизмъ или за реализмъ?

— Я прежде всего за образованіе,—отвѣчалъ уклончиво Воскресенскій:—но въ томъ, что вы сказали, нахожу много справедливаго и думаю, что образованіе должно соответствовать народнымъ потребностямъ.

— Да, дѣла здѣсь и вамъ, и намъ, и земству довольно. Добро бы только со стороны: на то они и администраторы, чтобы не видѣть нужды народныхъ,—а то и свои не лучше; два-три лица дѣйствительно понимаютъ дѣло и заботятся о немъ; а остальные—мошеники на олухѣ сидятъ и олухомъ погоняютъ. Вотъ увидите въ сентябрѣ наши земскія собранія. Намъ нужна пропаганда и пропаганда. А ужъ это дѣло дамское,—продолжалъ ораторствовать Кольскій, сдѣлавъ любезный полупоклонъ по направленію къ Воскресенской:—любая изъ нихъ каждаго классика обратитъ въ реалиста, впрочемъ, и отъявленнаго реалиста можетъ заставить пѣть Тибуллою и Овидіемъ.

— Ну, ты, пессимистъ!—прервалъ Кольскаго Карбонардъ; ты такъ распишешь наши дѣла Николою Петровичу, что онъ—чего добраго—повернетъ отъ насъ оглобли, а что мы безъ него станемъ дѣлать! Что же до пропаганды, ты правъ, она намъ нужна, и, я увѣренъ, Марья Игнатьевна будетъ на нашей сторонѣ, а съ такой союзницей мы много сдѣлаемъ. Попечитель обѣщаль мнѣ скоро пріѣхать къ намъ, и тогда мы въ вамъ съ нивкиимъ поклономъ: не обратите ли вы его на путь истины.

— А вамъ это не удалось?

— Что дѣлать! Наши средства убѣжденія ограничены, женская же власть не имѣетъ границъ, сказалъ, или могъ сказать какой-нибудь поэтъ. Еслибы не дамы, съ этими господами и сладу бы не было.

Когда, черезъ четверть часа, Карбонардъ и Кольскій выходили отъ Воскресенскихъ и сѣли въ коляску, между ними происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Ну, что?—спросилъ Кольскій.

Карбонардъ поцѣловалъ кончики пальцевъ.

— Куда всѣмъ нашимъ до этой. А мужъ-то, важись, плохъ.

— Тебѣ-то она отлила ужъ пилюлю.

— Должно быть, Гаврилова наболтала. Распишетъ она ей насъ съ тобою.

— Велика бѣда! Онѣ — что перепелы: одинъ попался, другого приманять.

— А ты тоже намѣренъ силки-то раскинуть?

— Не лькомъ же шить, — знаемъ толкъ въ апельсинахъ.

— Значить, соперничество. Хочешь пари?

— Съ тобою-то? Прихвастнешь.

— Шила въ мѣшкѣ не спрячешь.

— Пари, такъ пари: дюжина шампанскаго, да твоего воронного въ придачу. Только условіе — несомнѣнные доказательства.

— На твоего сѣраго? — идетъ. Ты-то поосторожнѣе: неравно Александра Петровна уши надеретъ.

— Свои люди — сочтемся.

Черезъ нѣсколько дней Воскресенскихъ посѣтила еще одна группа липовецкихъ обывателей: предсѣдатель земской управы съ двумя ея членами.

Предсѣдатель Сорокинъ былъ человѣкъ далеко еще не старій, но расплывшійся, какъ сорока-ведерная бочка, и потерявшій способность и говорить, и двигаться. Что касается до способности мыслить, то Сорокинъ никогда ея не обнаруживалъ; это, вѣроятно, и было причиной, что всѣ партіи согласно выбрали его въ предсѣдатели. Въ дѣлахъ онъ во всемъ полагался на Василія Васильевича Потапенко, маленькаго, невзрачнаго человѣчка, по видимому робкаго и застѣнчиваго, но въ сущности пронику и мошенника, державшаго въ рукахъ весь уѣздъ, полнаго хованна земскаго собранія, благодаря вліянію на сельскихъ гласныхъ своего тестя, мирового посредника.

Другой членъ управы, юный Паловцевъ, былъ богатый маленькинъ сыночекъ, когда-то съ трудомъ дотащившійся до третьяго класса гимназій и выбывшій оттуда тотчасъ по смерти матери. Но ни юность, ни природная тупость не помѣшали ему сдѣлаться хозяиномъ-кулакомъ, у котораго не пропадала ни одна копейка. Своимъ членствомъ, которымъ очень гордился, онъ былъ обязанъ Потапенко, имѣвшему въ немъ удобное и покорное орудіе. У липовецкихъ дамъ Паловцевъ пользовался большою популярностью и служилъ, на посылкахъ, особенно у одной изъ нихъ, жены земскаго доктора, Залѣской, что не мѣшало однако влюбчивому молодому человѣку таять и предъ всѣми остальными. Воскресенская произвела на него сильное впечатлѣніе; онъ мѣлъ и трепеталъ, маленькое личико его то блѣднѣло, то краснѣло; а отъ сильнаго волненія онъ захлебывался и едва могъ произ-

нести нѣсколько словъ, между тѣмъ какъ въ другомъ углу комнаты Потапенко плавно излагалъ Воскресенскому свой взглядъ на преобразование училища.

Нужно замѣтить, что хотя проныры новаго пошиба обыкновенно либералы, но Потапенко принадлежалъ къ дѣльцамъ стараго закала, и былъ консерваторъ.

— Оно конечно-съ, — повѣствоваль онъ, — васъ назначилъ почитель, вы вполнѣ отъ него зависите и не можете считаться, такъ сказать, земскимъ человѣкомъ; можно бы подумать, что на земскіе интересы вы и вниманія не обратите, а вы вотъ, я вижу, иначе на это смотрите. Да оно и резонно. Какъ бы то ни было, все же мы съ вами получаемъ земскія, а не какія-нибудь инныя деньги, такъ кому же, какъ не намъ, и радѣть о нуждахъ земства. А у земства нуждъ много-съ, и на земство все больше и больше валять. Начнешь соображать, голова кругомъ пойдетъ: мировые суды, мировые посредники, разныя воинскія повинности, земскія почты, тюрьмы, больницы, продовольствіе, уѣздное училище, сельскія шволы, дорожныя повинности, постройки да поправки то мостовъ, то амбаровъ... да и не перечтешь всего. На все это денежки подай, денежки, нажитыя не спекуляціей, а потомъ да кровью. На училище мы вотъ тратимъ шесть тысячъ, а на прогимназію слишкомъ вдвое пойдетъ. А кому она нужна? Двумъ-тремъ помѣщикамъ, да и тѣ легко могутъ отправить своихъ дѣтей въ Краевъ или Одессу. Остальнымъ же и училища много, особенно такого, какъ наше, съ латынью да французскимъ и нѣмецкимъ языками. Пять лѣтъ существуетъ это училище, а въ немъ ни одинъ годъ болѣе пятидесяти учениковъ не было, а курсъ кончили пока всего только три человѣка. Повѣрите, тутъ не забота членовъ объ общей пользѣ или просвѣщеніи, тутъ все личное самолюбіе дѣйствуетъ: «какая бы молъ шальная мысль ни пришла намъ въ голову, — поставимъ-таки на своемъ, да и памятникъ себѣ воздвигнемъ: прогимназію устроимъ, да не какую-нибудь, а самую модную — реальную; знай нашихъ! Намъ-то тридцать-сорокъ рублей ничего не значить, остальные земство заплатитъ, а честь-то вся на нашу долю. «Московскія Вѣдомости» о насъ ядовито отзовутся, «Петербургскія» сдуру похвалятъ, — вотъ мы и приобрѣли несокрушимую російскую славу либераловъ и прогрессистовъ; а до того, что мы въ былия времена до полусмерти засѣвали людей на конюшнѣ, что и теперь держимъ гаремъ изъ крестьянскихъ дѣвогъ и аѳинскіе вечера устраиваемъ съ друзьями-пріятелями, кто станетъ доискиваться!» Такъ-то, добрыйшій Николай Петровичъ, и у насъ не все то

золото, что блеститъ. Возьмемъ съ другой стороны и ваше положеніе. Конечно, тысяча двѣсти рублей въ настоящее время не Богъ-знаетъ какія деньги, а все съ грѣхомъ пополамъ жить можно, а тамъ еще, поди, добивайся инспекторства. Людей по достоинству нынче мало цѣнятъ: подвернется какой подлипадо, поди и соперничай съ нимъ. Повѣрьте, почтеннѣйшій Николай Петровичъ, лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Я это и про васъ говорю, да и про насъ тоже: ну ихъ, съ безпрестанными реформами да передѣлками!

— Да я вообще, многоуважаемый Василій Васильевичъ, держусь мнѣнія, что эти вопросы до меня не касаются. Постараюсь дѣлать свое дѣло, не мѣшаясь ни въ какія реформы, пользу или вредъ которыхъ мнѣ, какъ человѣку новому, незнаемому съ мѣстными обстоятельствами, и опредѣлить трудно.

— То-то и бѣда, что у насъ никто не хочетъ сообразоваться съ обстоятельствами: лошади чужія, хомутъ не свой—лупи во всю ивановскую.

— Хотя и нельзя не согласиться вполне съ тѣмъ, что говоритъ Василій Васильевичъ, но я долженъ заявить, что стою за просвѣщеніе,—говорилъ въ это время Воскресенской Паловцевъ.

— За какое же, классическое или реальное?

— Вотъ видите ли... я больше за классическое: оно открываетъ болѣе широкую карьеру; притомъ, всѣ мы сознаемъ крайнюю потребность въ государственныхъ дѣятеляхъ... Вы не повѣрите, какъ мало развито у насъ просвѣщеніе: во всемъ городѣ едва ли найдется три человѣка, которые выписывали бы журналъ или газету.

— Но вы вѣрно выписываете?

— Да, я получаю «Петербургскія» и «Русскій Вѣстникъ».

— Я не читала послѣднихъ нумеровъ «Вѣстника»; есть тамъ что-нибудь занимательное?

— Да, есть интересныя статьи... впрочемъ, я тотчасъ по полученіи отдалъ ихъ Ольгѣ Платоновнѣ; если прикажете, я завтра же возьму и принесу вамъ. Вы не любите ѣздить верхомъ?

— Нѣтъ, я не ѣзжу.

— Очень жаль, у меня есть пресмирная дамская лошадь. Ольга Платоновна собиралась устроить на-дняхъ прогулку большимъ обществомъ. Впрочемъ, можно и въ экипажѣ. Если вамъ будетъ угодно, я устрою это завтра же и пришлю вамъ свой фаэтонъ.

— Благодарю васъ, при случаѣ я воспользуюсь вашимъ предложеніемъ, но завтра было бы слишкомъ скоро.

Мужъ нѣсколько разъ упомянутой Ольги Платоновны, Осипъ Вивентьевичъ Залѣскій скоро сталъ у Воскресенскихъ своимъ человѣкомъ. Онъ былъ земскимъ врачомъ въ Липовцахъ со времени отерятія земскихъ учреждений. Залѣскій слылъ большимъ шутникомъ и большимъ философомъ, что не мѣшало ему однако пользоваться славой врача, глубоко знающаго свое дѣло. Когда, опустивъ немного голову, сжавъ брови и выставивъ впередъ нижнюю губу, онъ сосредоточенно выслушивалъ больного, а потомъ, кивнувъ увѣренно головой, быстро прописывалъ рецептъ, самому отягвленному свептику могъ вселить полное довѣріе его внушительный видъ и не менѣе внушительный жестъ въ отвѣтъ на несеромные разспросы любознательнаго паціента о причинахъ и ходѣ болѣзни.

— Объ этомъ ужъ предоставьте судить намъ, — говаривалъ онъ обыкновенно: — ваше же дѣло слушаться да выздоравливать.

Разговоры о медицинѣ Залѣскій вообще не любилъ ни съ больными, ни съ здоровыми. Если какой-нибудь не въ мѣру начитавшійся липовецъ заводилъ съ нимъ рѣчь о вліяніи жилища и одежды на человѣка, о причинахъ холеры или несостоятельности коровьей оспы, Залѣскій слушалъ его нѣкоторое время съ своимъ обычнымъ глубокомысліемъ и въ такомъ же молчаніи, но лѣвый глазъ его постепенно щурился, а лѣвый уголъ рта немного приподнимался.

— Расскажите-ка намъ, батенька, лучше о томъ, почему пшеницу въ Одессѣ продали, — прерывалъ онъ собесѣдника, потрепавъ его по плечу и слегка подмигнувъ присутствующимъ, — а то Петенкоферы да вакцинаціи, — куда намъ до такихъ премудростей!

Еще въ молодости, Залѣскій перешелъ въ православіе и былъ глубоко религіозенъ, впрочемъ, не столько по буквѣ, сколько по духу: въ церкви бывалъ онъ только по табельнымъ днямъ, но съ глубокимъ убѣжденіемъ, на основаніи несомнѣнныхъ физиологическихъ данныхъ, толковалъ съ пріѣзжавшимъ архіереемъ о безсмертіи души, а съ губернаторомъ о благотворномъ вліяніи религіи на народное здоровье. Почти старикомъ женился онъ на двадцатилѣтней дѣвушкѣ, дочери аптекаря въ Краевѣ, и съ добродушной усмѣшкой слушалъ въ продолженіи десятилѣтняго супружества безцеремонныя шуточки подкутившихъ пріятелей на счетъ своей дражайшей половины. Но шутки оставались шутками, а философъ-докторъ, благодаря ловкости супруги, безпрестанно получалъ то денежную награду отъ земства, то суточные на какую-нибудь экстраординарную командировку, то изрядную сумму въ

безконтрольное распоряженіе по устройству или ремонту больницы. Въ сущности, Залѣвскій былъ добрый человѣкъ, искренно сошелся съ Воскресенскимъ и былъ съ нимъ откровененъ.

— Эхъ, коллега,—говаривалъ онъ, какъ себѣ ни толкуйте, а лучше казенной службы нѣтъ. Говорятъ: жалованья мало. Да умѣй только повести дѣло, такъ ты на законнѣйшемъ основаніи получишь втрое больше, чѣмъ здѣсь. Ладь только съ начальствомъ, да не будь слишкомъ ретивъ, а то надобно. Главное то, что ты всегда знаешь, чего отъ тебя хотятъ; а на земской службѣ, какъ ни работай, всегда точно подъ судомъ находишься. Сколько головъ, столько пановъ: одинъ тебя бранить за то, что халаты на больныхъ грязны, а другой—за то, что слишкомъ чисты: интересовъ земства, молъ, не соблюдаешь, много на мыло выходить. Иной Иванъ Ивановичъ и въ больницѣ ни разу не былъ, и тебя въ глаза не видалъ, а ужъ врагъ тебѣ потому, что о тебѣ хорошаго мнѣнія Петръ Петровичъ, перебившій у него мѣсто мирового судьи. Врагъ бранить тебя потому, что онъ тебѣ врагъ, а другъ потому, что иначе-де заподозрять въ пристрастіи.—«Да за что же бранить? Развѣ я поступилъ неправильно?»—Нѣтъ, на мой взглядъ совершенно правильно; но вы знаете, учрежденіе земское, нужно обращать вниманіе на общественное мнѣніе, а ужъ объ этомъ и статья анонимная въ газетахъ была.—Значитъ, если правильно поступать не хорошо, нужно поступать неправильно?—Нѣтъ, какъ можно!—Вотъ наша логика, вы и ладьте съ нею. Разумѣется, я все это не къ себѣ отношу: меня считаютъ хорошимъ медикомъ, а умирать никому не хочется. Но вамъ скажу одно: держитесь вы казенной службы и не гонитесь за инспекторствомъ въ земской прогимназіи. Вашъ предшественникъ и на вашемъ мѣстѣ съ ума сошелъ, гоняясь, какъ за вѣтромъ въ полѣ, за общественнымъ мнѣніемъ. Другой совѣтъ: ладьте съ Потапенко; онъ всѣмъ здѣсь ворочаетъ; третій—не обращайте вниманія на сплетни. Сплетничать будутъ и про васъ, и про Марью Игнатьевну, а вы дѣлайте какъ я, слушайте да улыбайтесь. Dixi, collega!

Вслѣдъ за знакомствомъ съ мужчинами послѣдовало и знакомство съ дамами. Выждавъ время, полагаемое этикетомъ на отдыхъ съ дороги и устройство домашняго быта, Воскресенскіе начали свои визиты. Дамы приняли Марью Игнатьевну съ обворожительною любезностію, хотя нѣкоторые и не упустили случая показать ей самый маленькій кончикъ остреньаго жала. Особенно радушно отнеслась къ ней жена толстаго предсѣдателя

травы, Александра Петровна, видная тридцатилѣтняя кокетка, чень разбитная, большая модница, хотя и глуповатая нѣсколько.

— Какая вы миленькая, — говорила она Воскресенской при первомъ ея визитѣ, уводя ее въ свой «будуаръ» и дружески бинмая ее, — не даромъ всѣ наши мужчины бредятъ вами. Вы коро всѣхъ ихъ съ ума сведете, особенно брата моего, Жана. Онъ служить въ гусарахъ, и его эскадронъ стоитъ недалеко отсюда. Прежде онъ часто прѣвжалъ въ Липовцы, но окончательно разочаровался въ нашихъ дамахъ, хотя, какъ кажется, и имѣлъ у нихъ успѣхъ. Но я увѣрена, что вы произведете на него сильное впечатлѣнiе, и отъ него опять отбою не будетъ, а нѣ, скажу вамъ по секрету, прехорошенькiй.

Залѣская приняла Воскресенскую не совсѣмъ доброжелательно: она восилась на нее за Паловцева, не умѣвшего достаточно искусно скрыть своего восторга отъ прѣвжей.

— Я сплю и мечтаю о томъ, когда мы выберемъ изъ этой рущобы, — говорила она. — Признаюсь, меня даже нѣсколько ердитъ беззаботность Осипа Вивентьяча. Онъ имѣлъ прекрасную практику въ Краевѣ, и съ его знанiями и опытностiю легко прiобрѣсть ее въ любомъ городѣ. Но онъ просто влюбленъ въ вон земскiя больницы и на всѣ мои просьбы постоянно отвѣаетъ одно: «погоди, ша снѣге, устрою все, какъ слѣдуетъ, передамъ въ надежныя руки, и тогда уѣдемъ, куда хочешь.»

— Сколько я слышала, Осипъ Вивентьевичъ пользуется здѣсь бщiмъ уваженiемъ и довѣрiемъ.

— Но у него есть обязанности болѣе серьезныя, нежели ружба къ людямъ, которые льстятъ ему въ глаза, а украдкой редятъ, гдѣ только могутъ: нашей дочери скоро семь лѣтъ, пора подумать объ ея воспитанiи. Да и я, признаюсь вамъ, привыкла къ обществу болѣе... разборчивому, между тѣмъ какъ здѣшнее... о вы его сами скоро увидите въ полномъ составѣ и во всемъ лескѣ, отъ сорокалѣтнихъ кокетокъ, всѣмъ строящихъ глазки, о наивныхъ дѣвицъ, или сидящихъ вдоль стѣнъ, или хихикающихъ по угламъ съ юнкерами и канцеляристами; узнаете лучше мужчинъ нашихъ, которые всѣ, начиная отъ пятидесятилѣтнихъ селадоновъ до безбородыхъ мальчишекъ, готовы, какъ сумашедшiе гоняться за каждымъ личикомъ, напоминающимъ верб-аго херувима.

— Да, мы засидѣлись-таки въ Липовцахъ, — говорилъ Залѣскiй: — давно бы пора двинуться.

Остальныя дамы отнеслись къ Воскресенской сдержаннѣе, и юка не выказали ни покушенiй на ея личность, ни ревности.

Между тѣмъ приближалось время, о которомъ давно уже всѣ толковали въ Липовцахъ: наступало земское собраніе и ярмарка. Въ этомъ году съѣздъ предстоялъ особенно многолюдный, такъ какъ должны были происходить выборы гласныхъ управы и мировыхъ судей. Уже недѣли за двѣ до собранія постоянные дворы, а особенно два изъ нихъ, либерально именовавшіеся гостиницами, были биткомъ набиты. Общественный клубъ съ утра до ночи былъ полонъ посѣтителей, изъ которыхъ только половина, не теряя золотого времени, уединялась за зелеными столами. Остальные въ биллиардной, столовой и читальной вели шумные и оживленные разговоры. Поминутно раздавались слова: почтовая повинность, реальная прогимназія, нерадѣніе мирового съѣзда, — очевидно, липовцы занимались политикой.

Въ обширномъ предводительскомъ сараѣ, ежегодно превращавшемся на это время въ театр, гдѣ давались представленія странствующей труппой, производились капитальныя передѣлки. Было заранѣе извѣстно, что въ этомъ году составъ труппы будетъ особенно блестящій, что будетъ поставлено нѣсколько балетовъ и даже оперетовъ Оффенбаха, въ томъ числѣ и «Прекрасная Елена». На площади рано стали разбиваться балаганы: ожидался усиленный съѣздъ купцовъ, привлеченныхъ молвой объ особенно сильномъ урожаѣ въ этомъ году. Наконецъ, ходилъ слухи, что нѣсколько первоклассныхъ артистовъ, переѣзжавшихъ вмѣстѣ съ ярмаркой изъ одного города въ другой и пользующихся европейскою извѣстностію въ пяти уѣздныхъ и одномъ губернскомъ городахъ, намѣрены дать въ клубѣ три или четыре концерта, за которыми послѣдуютъ танцы и ужинъ по подпискѣ. Поговаривали даже о маскарадѣ, но вліятельнѣйшія дамы наши, что это лишнее: «подъ маской душно, много хлопотъ съ костюмами, а между тѣмъ всѣ такъ хорошо знаютъ другъ друга, что ни отъ кого не спрячешься».

Жидки суетились необыкновеннѣйшимъ образомъ. Было извѣстно, что балаганы ихъ полны самыми свѣжими модными матеріями (изъ числа валежавшихся въ московскихъ и харьковскихъ магазинахъ) и грудями ящичковъ съ *самыми настоящими шампанскими*, а ихъ конторки кипами вексельной бумаги. Дамы, какъ мотыльки, порхали изъ балагана въ балаганъ, а оттуда мимоходомъ къ какой-нибудь Марьѣ Семеновнѣ съ затаенной надеждой, воспользовавшись ея оплошностію, провѣдать, во что она будетъ одѣта на первомъ семейномъ вечерѣ. Но Марья Семеновна была себѣ на умѣ и томно распѣвала, что она еще не знаетъ, будетъ ли на семейныхъ вечерахъ въ этомъ году; что это такъ уютно-

тельно, а удовольствія такъ мало... притомъ ея слабое здоровье... и любопытные уходили ни съ чѣмъ, не успѣвъ убѣдиться, сказаль ли правду или солгалъ Берко, увѣряя, что Марья Семеновна купила матерію именно въ томъ же необыкновенномъ родѣ, какую онъ предлагалъ имъ. Пытались-было онѣ справиться о нарядахъ у трехъ модистокъ, заваленныхъ работой, но тѣ держали себя недоступно и въ рабочія комнаты не пускали ни подь какимъ предлогомъ.

Предводитель дворянства собирался предъ открытіемъ земскаго собранія дать большой обѣдъ и уже зубрилъ по утрамъ рѣчь, въ которой, по примѣру англійскихъ государственныхъ людей, намѣренъ былъ изложить программу своей политики. Въ этой рѣчи была даже одна чрезвычайно смѣлая и либеральная тирада, цѣликомъ заимствованная изъ какого-то давнишняго спича лорда Пальмерстона.

Словомъ—городъ кипѣлъ. Страсти, желанія, надежды и сомнѣнія, волновали сердца и были причиной не одной безсонницы.

Хотя Марья Игнатьевна и не понимала всего значенія предстоявшихъ дней, но и она была наконецъ втянута въ вихрь общей суеты. Сердобольныя дамы, заходя или заѣзжая къ ней на минуту, жужжали ей о наступающихъ увеселеніяхъ.

— А какое я сейчасъ видѣла платье у Ицки въ лавѣ,— говорила одна: — оно такъ было бы вамъ къ лицу и стбитъ не дорого, всего двадцать-два рубля.

— Вы не думайте, что у насъ столица, — говорила другая: — трехъ-четырехъ платьевъ вамъ станетъ на цѣлую зиму, развѣ только придется слегка измѣнить отдѣлку, да и съ одной и той же можно быть два-три раза, разумѣется не вряду.

Воскресенскій морщился, слушая эту болтовню, но пришелъ къ заключенію, что нельзя же будетъ сидѣть имъ взаперти среди общихъ увеселеній.

— Въ самомъ дѣлѣ, Маша, тебѣ бы пора позаботиться о своемъ туалетѣ. Ужъ вы, Надежда Васильевна, — обратился онъ къ Гавриловой: — помогите ей въ этомъ.

Но вотъ и сезонъ въ разгарѣ. Ярмарка давно началась. Факторы-жидки бѣгають по городу съ пробкою пшеницы, завязанною въ платѣ; по улицамъ скачутъ офицерскія телѣжки, запряженныя борзыми тройками въ наборныхъ хомутахъ съ бубенчиками. Въ театрѣ давалась уже «Преврасная Елена» съ артист-

кой, выписанной изъ Одессы нарочно для этой роли. Пьеса произвела впечатлѣніе; когда говорятъ о ней, дамы презрительно сжимаютъ губы и отворачиваются, мужчины признаются, что ожидали большаго. Рѣчь предводителя комментируется во всѣхъ углахъ. Одинъ артистъ далъ концертъ и потерпѣлъ полнѣйшее фіаско: зала была пуста. Два другіе, пріѣхавшіе съ тою же цѣлью, поспѣшили убраться вмѣстѣ со своимъ злополучнымъ собратомъ.

Земское собраніе на носу. Предсѣдатель управы по всѣмъ угламъ шарить ключки бумажекъ, замѣнявшіе ему приходорасходныя книги, и, повѣряя суммы, то не досчитывается десяти тысячъ, то вдругъ находитъ пятитысячный излишекъ. Писцы день и ночь перебѣливаютъ отчеты. Потапенко ухмыляется, держится въ сторонѣ и что-то готовитъ!

За день до земскаго собранія назначенъ первый *семейный вечеръ* въ общественномъ клубѣ. Въ этотъ день дамскія сердца бьются такъ же сильно, какъ черезъ два дня будутъ биться сердца ихъ мужей. Впрочемъ, послѣдніе и въ этотъ вечеръ не совсѣмъ покойны; имъ будетъ не мало дѣла. Подъ звуки музыки, гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ, въ буфетѣ или курильной, будутъ происходить таинственныя шептанья, сверѣпятся союзы, устроятся компромиссы, окончателно обсудятся планы нападенія или защиты, между тѣмъ какъ въ залѣ подъ звуки той же музыки будетъ вестись уже настоящая атака, будутъ попытки защиты, хотя и слабой, и наконецъ заключатся компромиссы, какъ нельзя болѣе льготныя для каждой изъ договаривающихся сторонъ.

Десять часовъ; балъ во всемъ ходу. Въ боковой комнатѣ гремитъ оркестръ, составленный изъ выписныхъ артистовъ-жидковъ. Пары кружатся въ быстромъ вальсѣ; глазамъ наблюдателя представляются то бѣлоснѣжная спина прекрасной липовянки, то золотыя шнуры гусарскаго мундира. Распорядитель танцевъ бѣснуется отъ усердія; на-скоро повлотившись своей дамѣ, онъ летитъ какъ вихрь по залѣ и отдаетъ приказаніе играть кадрили. Первая кадрили перваго бала! Сколько въ ней значенія! Сколько тутъ успокоившагося и обманутаго чувства; удовлетвореннаго и оскорбленнаго самолюбія!

Эту первую кадрили Воскресенская танцевала съ Кольскимъ. — Если вы любите наблюдать, — говорилъ онъ ей, — то лучшаго случая не найдете. При нѣкоторомъ вниманіи, вы могли бы читать въ сердцахъ какъ въ открытой книгѣ. Посмотрите, съ какою страстной нѣжностію глядитъ тотъ черноволосый юноша на

танцующую съ нимъ полную блондинку. Посмотрите, какъ она вспыхнула: дѣлая съ нею туръ, онъ навѣрное пожалъ ей руку. Но она не сердится: видите ли, какъ томно подняла она на него свои небесные взоры. Но, къ сожалѣнію, не мы одни это видѣли, — видѣла и та маленькая старуха, мать ея; оттого-то такъ и сморщилось ея лицо, и блондинкѣ не танцовать больше сегодня со своимъ брюнетомъ, потому что онъ не болѣе какъ вольно-практикующій адвокатъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, а такая профессія защитника вдовъ и сиротъ не внушаетъ большого довѣрія маменькамъ, хотя и можетъ воспламенить сердца дочекъ. Посмотрите еще на ту брюнетку. Какъ разсѣянно слушаетъ она своего длинноногаго кавалера; взоръ ея ищетъ встрѣтиться съ другимъ взоромъ, со взоромъ того блестящаго гусара, который, какъ видите, рассыпается мелкимъ бѣсомъ предъ томной дамой, занятой однако, повидимому, гораздо больше своимъ двухаршиннымъ шлейфомъ, нежели своимъ кавалеромъ, несмотря на его очаровательные черные усики и румяныя щеки. Если бы вы захотѣли знать причину такого равнодушія, вамъ стоило бы только обратить вниманіе на стоящую какъ разъ напротивъ нихъ въ дверяхъ приземистую фигуру купца, вперившаго въ дражайшую и дрожащую половину свои ястребиныя очи. Повторяю вамъ, смотрите, и вы прочтете и видимый міру смѣхъ, и невидимыя слезы.

— Сморгѣть мало: чтобы читать такъ, какъ вы, нужно еще имѣть ключъ этихъ іероглифовъ. Такъ, напримѣръ, я давно вижу, что и въ нашу сторону часто обращается пара гнѣвныхъ глазъ, хотя и не могу понять причины.

— Между тѣмъ о причинѣ догадаться не трудно... впрочемъ, главное въ томъ, что вы это замѣтили; это показываетъ въ васъ хорошую наблюдательницу. Хотите, я дамъ вамъ совѣтъ, какъ эти гнѣвные взоры обратить въ самыя ласковые: вамъ стоить только быть полюбезнѣе вонъ съ тѣмъ бѣлокурымъ гусаромъ, такъ живописно красующимся въ задумчивой позѣ на фонѣ бѣлой печки и такъ меланхолически крутящимъ усы, посматривая на васъ.

— Благодарю за совѣтъ; мнѣ тѣмъ легче имъ воспользоваться, что именно съ этимъ гусаромъ я танцую слѣдующую кадрили.

— Придумайте же заранѣе тему для разговоровъ, такъ какъ онъ умѣетъ только крутить усы. Впрочемъ, зная за собой недостатокъ краснорѣчія, онъ уполномочиваетъ услужливую сестрицу быть его говорящимъ министромъ во всѣхъ объясненіяхъ, даже, какъ кажется, и въ любовныхъ.

— Какъ вы злы. Я готова думать, что вы и съ нимъ держали какое-нибудь пари на сѣраго, и боитесь проиграть.

Кольскаго точно укололо. Онъ быстро взглянулъ на Воскресенскую.

— Марья Игнатьевна, позвольте мнѣ пережѣнить тонъ нашего разговора. Знаете ли вы подробно сущность пари, на которое намекнули?

— Знаю.

— Нечего говорить, что это пари величайшая пошлость. Не большимъ извиненіемъ можетъ служить для меня то, что не я его предложилъ и не я разболталъ о немъ. Гораздо большимъ—мое чистосердечное раскаяніе. Если вы захотите повѣрить моей искренности—а увѣряю васъ, я не часто расплываюсь въ излишнихъ—если захотите простить мнѣ эту глупость, позвольте мнѣ смотрѣть на васъ какъ на лучшаго друга, какъ на любимую сестру, покой и счастье которой для меня будутъ всегда дороже собственнаго.

— Я очень рада этому. Я всегда была увѣрена, что при вашемъ умѣ вы сочтете недостойнымъ себя дѣлать честь женщины игрушкой мелочнаго самолюбія, а ея имя забавой застойной бесѣды. Поэтому-то я такъ прямо и высказалась вамъ.

— Клянусь вамъ, что вы и ваше имя будете для меня святыней, быть можетъ единственной—я говорю чуть не стихами Пушкина; но слушайте, Марья Игнатьевна: мы всѣ, все наше общество испорчено до мозга костей, въ немъ всюду ложь и притворство. Пусть же вина моя будетъ имѣть и полезныя для васъ слѣдствія: позвольте мнѣ беречь и охранять васъ, позвольте предупредить, если вамъ будетъ грозить какая-нибудь опасность, и дайте слово тогда повѣрить мнѣ.

— Николай Александровичъ! Я замужемъ, я не измѣню мужу и не предполагаю въ кого-нибудь влюбиться. Но вы жили, а я не жила, говорю вамъ это съ полною откровенностію; между тѣмъ я хочу жить, хочу сама за себя думать и сама за себя дѣйствовать. Пусть мнѣ предстоятъ ошибки, увлеченія, даже, какъ вы говорите, опасности; всѣ онѣ не очень серьезны, но во всякомъ случаѣ я сама хочу изъ нихъ выпутаться, мнѣ не нужно опекуновъ. Будемъ же только друзьями, а главное перестанемъ играть со мною въ любовь, какъ вы это до сихъ поръ дѣлали.

— Игра въ любовь! Да, дѣйствительно я много игралъ и въ любовь и любовью. Ну, а если это будетъ уже не игра, если пустота всей жизни станетъ давить невыносимымъ кошмаромъ, если душа, одинаково измученная и окружающею и своею соб-

твенною пошlostiю, невольно прорвется горячимъ признаньемъ, съ надежды на взаимность и только съ мольбой о состраданiи—что вы сказали бы тогда?

«Это кажется изъ «Каменнаго гостя», мелькнуло у него въ головѣ; «ничего, сойдетъ».

— Сказала бы, что если не добиваться взаимности, то не и чего и признаваться, тѣмъ болѣе, что мнѣ, какъ замужней ещичи, неудобно слушать такія признанiя. Но если бы я и вѣрила искренности вашихъ словъ, то подумала бы, что тотъ, ю всю жизнь шутилъ чувствомъ, долженъ ждать, что и чувство свою очередь подшутитъ надъ нимъ, и что для васъ спасенiе въ пошлости не въ чувствѣ, а въ дѣлѣ; подумала бы, что дѣлать, какъ я гдѣ-то читала, всего опаснѣе тогда, когда имѣть прошія намѣренiя, и мнѣ пришла бы въ голову сѣрая лошадь.

«Чтобъ чортъ ее побралъ», — сказалъ Кольскій про себя, а духъ отвѣчалъ:

— Вы жестоки, но я считаю это для себя справедливымъ казанiемъ. Будете же друзьями и, по вашему желанiю, въ чтительномъ отдаленiи; но это не помѣшаетъ дружбѣ съ моею ироню быть вполне искреннею.

— Ба, да ты имѣешь такіе серьезные виды на моего ворога,—сказалъ чрезъ нѣсколько минутъ Кольскому Карбонардъ, рѣшивъ его въ буфетной.

— Послушай ты, шутъ гороховый!—отвѣчалъ Кольскій, отъ я его въ сторону: — если ты еще разъ мнѣ или кому бы то было зайкнешься объ этомъ глупомъ пари, я размозжу тебѣ ову, а если задумаешь селадонничать съ Воскресенской, то аю публично оплеухъ. Я не шучу, ты меня знаешь. Сможе.

Карбонардъ взглянулъ на Кольскаго и ему повзавалось, что точно не шутить.

— Эта бабенка его совсѣмъ съ ума свела, — пробормоталъ отходя.

Начиная разговоръ съ Кольскимъ, Воскресенская вовсе не ла намѣренiя коснуться пари, о которомъ разгласилъ Карбонъ и о которомъ она узнала отъ Гавриловой. Оборотъ, вотопринялъ этотъ разговоръ, показался ей выиграннымъ сраженiемъ и наполнилъ ее самонадѣянностiю и отвагой, ее самое нею дивившей. Щеки ея раскраснѣлись, она танцовала до ду и была весела чуть не до истерики.

— Ну, какъ вы нашли моего брата? — спрашивала е Сорокина.

— Премилый молодой человекъ, — отвѣчала она, — и какі скромный: во всю кадрилъ мы съ нимъ только и проговорил что зимою пріятно ѣздить въ саняхъ на тройкѣ съ бубенчиками.

— Какая вы злая, но къ вамъ идти и это. Я узнаю Жак онъ всегда становится нѣмъ какъ рыба, если что-нибудь проведетъ на него сильное впечатлѣніе. Но завтра, я увѣрена, он цѣлый день будетъ жужжать мнѣ въ уши объ одной особѣ. Кстати, вы позволите мнѣ привести его къ вамъ?

— Мужу моему навѣрное будетъ очень пріятно видѣть себя Ивана Петровича.

— Злая вы, злая! — повторила ей шопотомъ Сорокина, и скаясь вальсировать съ пригласившимъ ее кавалеромъ.

Пароксизмъ веселости Воскресенской не проходилъ. Она и дѣла, какъ Залѣская что-то сказала Паловцеву и какъ тот устремился по залѣ.

— Григорій Ивановичъ! — окликнула она его.

— Чтѣ прикажете?

— Присядьте на минуту. Не стыдно ли, не подойдете ли лый вечеръ, а мнѣ нужно бы поговорить съ вами. Но, быть жеть, вамъ некогда?

— Нѣтъ-съ, ничего; меня только Ольга Платоновна проситъ приказать въ буфетѣ...

— Такъ, пожалуйста, идите скорѣе.

— Я сейчасъ возвращусь.

— Зачѣмъ же, я вовсе не хочу мѣшать вамъ быть тамъ гдѣ вамъ пріятнѣе. Къ тому же, я хочу танцевать. Идите и мѣшайте другимъ приглашать меня, если сами не хотите. Ч же, хотите, или нѣтъ? Давайте же скорѣе руку.

Воскресенская сдѣлала съ нимъ два тура и потомъ удержав его возлѣ себя, принявшись рассказывать ему планъ какой фантастической загородной поѣздки. Такое вниманіе было чужуръ сильно для Паловцева. Онъ впивался глазами въ необыкновенно оживленное лицо Воскресенской, и забывалъ все на свѣтѣ.

— Merci, monsieur Паловцевъ, за вашу готовность исполнить мою просьбу, — проговорила проходившая мимо Залѣская, — не трудитесь, мнѣ уже подали лимонадъ.

— Да, я приказывалъ, — смущенно отвѣчалъ Паловцевъ.

— Я это видѣла. Но извините, madame Воскресенская, кажется, прервала очень интересующій васъ разговоръ.

Залѣская величественно удалилась.

— Ну, надѣлали же мы съ вами бѣды, — говорила Воскресенская. — Какъ же быть вамъ такъ невѣжливо и невнимательну къ порученіямъ дамъ. Ольга Платоновна никогда не проститъ вамъ этого, да и я вѣчно буду раскаяваться, что черезъ меня она на васъ разсердилась.

— Марья Игнатьевна, повѣрьте, когда я имѣю счастье быть возлѣ васъ, я готовъ забыть о цѣломъ свѣтѣ, и мнѣ все равно...

— Ба, да какой вы опасный человѣкъ, какъ нужно быть осторожной съ вами. Николай Петровичъ! — позвала она стоявшаго недалеко мужа.

— Что вы хотите дѣлать? — въ волненіи проговорилъ Павлицевъ.

— Николай Петровичъ! Григорій Ивановичъ сейчасъ обѣщанія мнѣ въ своей страсти... къ загороднымъ прогулкамъ. Мы хотимъ устроить съ нимъ какую-нибудь прогулку большимъ обществомъ. Ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Ты знаешь, Маша, что я никогда ничего не имѣю противъ того, что можетъ доставить тебѣ удовольствіе.

— Ну, такъ идите же и устройайте, но помните, что безъ улы Платоновны я не поѣду.

— Наконецъ-то я улучилъ минуту побесѣдовать съ вами, — говорилъ Карбонардъ, подсаживаясь къ Воскресенской. — Ну, какъ мнѣ понравилось наше общество и наши увеселенія?

— Я въ своей жизни такъ мало предавалась удовольствіямъ, а теперь веселюсь отъ всего сердца, а обществу могу быть только благодарной за его любезность и привѣтливость.

— Очень радъ, что оно произвело на васъ такое впечатлѣніе, и еще болѣе былъ бы радъ, еслибы это впечатлѣніе не измѣнилось въ послѣдствіи, хотя и сильно въ этомъ сомнѣваюсь: наше общество слишкомъ разнокалиберно и слишкомъ... *tranchons le mot...* къ бы это сказать по-мягче... слишкомъ первобытно, оно не вѣдетъ себя сдерживать. Рядомъ съ любезностію оно обнаруживаетъ и проявленіемъ самаго непростительнаго инстинкта. Да-съ, мы воспитаны; мы все еще медвѣди, хотя и выучились танцовать временамъ на заднихъ лапкахъ и снимать шапку... Кстати, о вѣдяхъ. Что у васъ было за объясненіе съ Кольскимъ? Онъ-то болталъ мнѣ, но мнѣ было некогда.

— Право, не знаю. Я танцевала съ нимъ, мы говорили о ныхъ разностяхъ, но, сколько помню, не было ничего похожего на объясненіе. Да и съ какой стати?

— Въ томъ то и дѣло, что для этого у насъ не нужно ни чины, ни повода. Въ сущности, Кольскій не такой ужъ дур-

ной человекъ, какъ о немъ говорятъ, но это одна изъ тѣхъ дивныхъ натуръ, съ которыми ни за что нельзя ручаться. Но такъ какъ мы уже заговорили о дикаряхъ, то по праву старика — я, какъ видите, почти старикъ — маленькое дружеское предостереженіе и вмѣстѣ просьба. Нашъ городъ, какъ и вообще провинція, любитъ скандалы. Намъ оно ни почемъ, мы къ нимъ привыкли, и съ насъ они скатываются какъ съ гуся вода. Но вѣдь вы можете подѣйствовать иначе. Поэтому, не говоря ужъ объ осторожности, позвольте просить васъ въ случаѣ, если бы вы имѣли причину быть кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь недовольны не тревожа Николая Петровича, обратиться ко мнѣ. Я думаю, что мнѣ будетъ легче и уладить все, и подать нужный совѣтъ. Надѣюсь, я смѣю рассчитывать на такое дружеское довѣріе съ вашей стороны?

— Очень вамъ благодарна. Но, извините, два вопроса. Скажите мнѣ, неужели положеніе женщины въ здѣшнемъ обществѣ таково, что она безъ всякаго повода съ своей стороны должна постоянно бояться какой-нибудь неприятности, и для избѣжанія скандала искать чьего-нибудь покровительства? Но если ужъ это такъ, то кто ей поручится, что избранный ею покровитель не будетъ лисицей, приставленной стеречь курятникъ, и самъ именно не сдѣлается для нея причиной неприяностей и скандала?

— На вашъ первый вопросъ вамъ вѣроятно не замедлитъ отвѣтить очевидность и собственный опытъ. Что касается до второго, то, восхищаясь его остроумной формой, я все-таки позволю вамъ за скрытое въ немъ недовѣріе къ человеку, искренно расположенному къ вамъ и къ Николаю Петровичу; къ человеку, который былъ причиной пріѣзда вашего сюда и отъ души желаетъ, чтобы вы въ этомъ не рассказали; который, наконецъ, предлагалъ вамъ себя не въ качествѣ покровителя, а смиреннаго и преданнаго друга, готоваго, даже съ рискомъ прослыть наливнымъ, помѣшать нашей провинціальной грязи запачкать и бы подошвы вашихъ сапожекъ. Но мы еще поговоримъ объ этомъ когда подозрѣнія, какъ видно, очень искусно внушены съ стороны, нѣсколько разсѣются. А пока самый прозаическій переходъ — пойдемте ужинать: у насъ здѣсь это принято. Мы встали нужно поговорить кое-о-чемъ съ Николаемъ Петровичемъ. Я пойду и приведу его сейчасъ.

Поздно воротились Воскресенскіе домой, но долго не могли заснуть еще Марья Игнатьевна. Послѣ тихой, почти затвор-

ческой жизни въ Архангельскѣ, двухмѣсячное пребываніе ея въ Липовцахъ было для нея шумно и разнообразно, а нынѣшній вечеръ могъ считаться даже полнымъ приключеній. Воображеніе ея работало, развивая въ затѣйливые романы недавніе разговоры, не потому, чтобы она придавала имъ какое-нибудь значеніе: она повторяла себѣ, что во всякомъ случаѣ Карбонардъ, Кольскій или блондуристый гусарь Жанъ—герои не ея романа; болтовня съ ними—игра безъ ставки, и по необходимости должна кончиться ни въ-чью. Но ее занимала новость положенія, она испытывала упоеніе интриги, хотя и ни въ чему не ведущей. Правда, когда фантазія, утомленная пестрымъ калейдоскопомъ фигуръ и положеній, замолчала и заговорилъ разумъ, Воскресенской стало нѣсколько не ловко. Припоминая все сказанное, она не находила ничего, въ чемъ прямо могла бы упрекнуть себя, многое казалось ей очень находчивымъ и даже остроумнымъ, но ее тревожила мысль, не зашла ли она слишкомъ далеко, не была ли слишкомъ развязна. Ей чудилось, что почва ускользаетъ у нея изъ-подъ ногъ. Размышленіе привело ее скоро въ вопросу, должна ли она рассказать мужу о подробностяхъ этого вечера? Она разбирала этотъ вопросъ, отыскивала доводы, но этотъ анализъ, точно также какъ и предшествовавшая фантазія, не имѣлъ цѣли: въ ней еще раньше сложилось не выговоренное, но твердо принятое рѣшеніе ничего не говорить мужу. Этимъ рѣшеніемъ создавался для Марьи Игнатьевны важный прецедентъ. Хотя и до сихъ поръ она не была особенно сообщительна съ мужемъ, но ей, кромѣ своихъ думъ, мечтаній и чувствъ нечего было и сообщать ему. Теперь являлось нѣчто фактическое, дѣло шло о тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ людямъ и, скрывая ихъ отъ мужа, она тѣмъ самымъ начинала отдѣлять свою судьбу отъ его судьбы, и принимала на себя отвѣтственность за дальнѣйшее. Марья Игнатьевна если не сознавала вполне, то чувствовала важность своего поступка и, переходя такимъ образомъ Рубиконъ, была не совсѣмъ покойна.

Впрочемъ, природный здравый смыслъ Воскресенской не допустилъ ее на первый разъ вполне подчиниться атмосферѣ интриги, сомнѣнія и нервнаго раздраженія, и когда она наконецъ просила себя, такая ли это жизнь, о какой она мечтала и на пароходѣ, глядя при закатѣ солнца на убѣгающія струи рѣки, въ лунные вечера у открытаго окна быстро несущагося вагона, въ ночь своего пріѣзда въ Липовцы,—отвѣтъ получался отрицательный: она чувствовала, что въ душѣ ея та же пустота, умъ также не занятъ.

— Михаилъ Ивановичъ!—обратилась она на другой день къ учителю, пришедшему къ нимъ въ промежуткѣ уроковъ,—приходите къ намъ сегодня обѣдать, я имѣю къ вамъ дѣло: я хочу просить васъ разсказать мнѣ, что такое земскія учрежденія и о чемъ будутъ толковать въ нашихъ земскихъ собраніяхъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, насколько сумѣю,—отвѣчалъ тотъ.—Я встаети принесу вамъ и самыя положенія о земствѣ.

— Что это тебя интересуеть?—спросилъ мужъ.

— Говорятъ, здѣсь и женщины постоянно бывають въ земскомъ собраніи; мнѣ тоже хотѣлось бы пойти, но я боюсь, что ничего не пойму, если раньше не узнаю, въ чемъ дѣло.

Предшествовавшую ночь не спала не одна Воскресенская думая о ней, и мужъ ея тоже долго ворочался въ своей постели. Онъ не могъ не замѣтить перемѣны, происшедшей въ послѣднее время въ женѣ, не могъ не видѣть ея одушевленія на вечерѣ и ея оживленныхъ бесѣдъ. Все это его беспокоило и вызвало въ немъ чувства, въ которыхъ ему совѣстно было признаться. Воскресенскій былъ человѣкъ далеко не глухой, а сравнительно съ средою, въ которой жилъ, и развитый, но разумѣлся не стоялъ впереди ни вѣва, ни общества. Онъ смотрѣлъ на женщину такъ же, какъ на нее смотрятъ въ Архангельскѣ и въ Липоцахъ, въ Петербургѣ и въ Парижѣ—какъ на существо неполноправное, низшее по крайней мѣрѣ по положенію, и вполнѣ ирился съ такимъ взглядомъ не только практически, но и теоретически, если можно назвать теоріей убѣжденіе, хотя и не высказанное, но руководившее всѣми поступками и даже ощущеніями.

Постоянно толкуя объ обязанностяхъ женщины, какъ жены и матери (объ обязанностяхъ дочернихъ онъ не имѣлъ случая размышлять), онъ ни разу не задумался о правахъ ея и, кажется, признавалъ за нею только право на кровь и пищу. Ему въ голову не приходило, что у жены его могутъ быть взгляды и убѣжденія помимо его взглядовъ и убѣжденій; привязанности и связи, не совпадающія съ его связями и привязанностями (допускалась только разница въ степени); интересы, не вытекающіе болѣе или менѣе изъ его особы. Въ его умѣ, быть можетъ, невѣдомо для него самого, сложилось представленіе, что жена не болѣе какъ спутникъ главнаго свѣтила— мужа, обладающій весьма ограниченнымъ правомъ собственнаго движенія, поворотно слѣдящій за движеніями своего солнца и свѣтящійся заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ круга своихъ интересовъ онъ, разумѣется, не исключалъ жену, она была даже его главнымъ интересомъ; ея поведѣ-

ея здоровье (хотя и не ея счастье) онъ предпочелъ бы своему; но для своего я онъ требовалъ полного господства. Оскорбленіе жены онъ почувствовалъ бы сильнѣе своего, но почувствовалъ бы какъ свое личное оскорбленіе; отъ жены же былъ готовъ требовать, чтобы и въ этомъ случаѣ она оскорбилась не столько за себя, сколько за него. Словомъ, онъ почти не признавалъ въ женѣ того я, которымъ такъ дорожилъ въ себѣ; я было для него, для жены допускалось *мы*, но и въ этомъ *мы* ей выпадала не равная доля.

Три первые года ихъ жизни могли только утвердить его въ этихъ воззрѣніяхъ; онъ окончательно привыкъ смотрѣть на жену, какъ на свое пассивное пополненіе. Теперь же онъ съ кажимъ-то безпокойнымъ удивленіемъ сталъ замѣчать, что жена его думаетъ о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ никогда не думалъ; высказывается по вопросамъ, о которыхъ онъ не могъ бы сказать ни слова; интересуется вещами, не только вовсе его не касающимися, но и не интересующими его. Вдумываясь въ ея слова и поступки, онъ не могъ не замѣтить, что у нея образовался цѣлый міръ идей и потребностей, ему неизвѣстныхъ и недоступныхъ; она жила своею собственною жизнью, она отъ него ускользала. Это производило на него впечатлѣніе, если не столь же сильное, то однородное съ тѣмъ, какое произвела бы его собственная рука или нога, задумавшая жить самостоятельно. Безпокойная мысль его бродила во всѣхъ направленіяхъ. Онъ задалъ себѣ даже вопросъ, не можетъ ли для жены его возникнуть къ кому-нибудь серьезная привязанность, не можетъ ли она полюбить кого-нибудь (онъ не прибавлялъ — *другого*: онъ сознавалъ, что чувство Марьи Игнатьевны къ нему — не любовь), не можетъ ли измѣнить ему? Кровь бросилась ему въ голову при этомъ вопросѣ, но съ ослѣпленіемъ, свойственнымъ всѣмъ мужьямъ, даже самымъ ревнивымъ, остающимся по большей части при одномъ такомъ подозрѣніи тамъ, гдѣ для другихъ полная очевидность, — онъ поспѣшилъ рѣшить его отрицательно. «Это невозможно», думалъ онъ. «Да и кто же? Карбонардъ и Кольскій слишкомъ стары, да и слишкомъ развратны — Маша это знаетъ; Паловцевъ слишкомъ ничтоженъ, гусаръ слишкомъ глушь... къ тому же Маша и горда, и честна»... Но на послѣднемъ словѣ Воскресенскій задумался еще больше и скоро впалъ въ цѣлый лабиринтъ мыслей, сталкивавшихся одна съ другою и представлявшихъ, вмѣсто какого-нибудь вывода, нескончаемый рядъ вопросовъ. «Во всякомъ случаѣ, она слишкомъ правдива», заключилъ онъ, «и не станетъ

меня обманывать. Нужно только постараться, чтобы она не скучала, нужно найти ей занятіе, нужно поговорить съ нею.

Средство найдено — поговорить, и все какъ рукой снятъ. Воскресенскій начиналъ даже жалѣть, что три года не говорилъ съ женою.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, Мама, — сказала ей вечеромъ, допивая второй стаканъ чаю. — Я замѣчаю, Мама, что ты скучаешь.

— Напротивъ, мнѣ здѣсь гораздо веселѣе, нежели было въ Архангельскѣ.

— Такъ, тебя занимаютъ и новыя мѣста, и новые люди, и такое веселье не прочно, все это скоро прѣѣтся, если не будетъ какого-нибудь постоянного интереса, на которомъ была бы основана жизнь.

— Его у меня и прежде не было. Я сама объ этомъ думала, но ничего не могла придумать. Я буду очень рада, если ты найдешь мнѣ что-нибудь.

— Объ этомъ я и хотѣлъ обстоятельно поговорить съ тобою, и просилъ бы тебя внимательно выслушать меня.

— Я слушаю.

— Видишь ли, въ основѣ образованнаго современнаго общества лежитъ семейство — едва ли когда-нибудь и возможно другое разумное основаніе, но я умышленно оставляю въ сторонѣ этотъ вопросъ, такъ и то, насколько семейство связано съ христіанскою религіею (я, молъ, разсуждаю, а не поучаю), я знаю только фактъ: господство семейнаго начала, на которомъ основана вся современная цивилизація. Семейство не есть случайное сотоварищество двухъ личностей, оно есть ихъ полное сліянiе въ одно органическое цѣлое, такъ что каждая изъ частей организма имѣетъ свое опредѣленное назначеніе. Какъ въ физиологическомъ отношеніи, такъ и въ общественномъ и духовномъ разъ мужчины дѣятельная и творческая, роль женщины — охранительная сфера мужчины — общество и улица, со всѣми ея бурями и тревоженіями; сфера женщины — тѣсный кружокъ знакомыхъ, но главное — семья, домъ и очагъ. И здѣсь назначеніе женщины не менѣе славно и, во всякомъ случаѣ, не менѣе почетно, чѣмъ роль мужчины. Женщина не можетъ быть Сципіономъ, но можетъ быть женою Сципіона; она можетъ отереть его потъ, перевязать его раны; она не можетъ быть Гракомъ или Ванингеномъ, но можетъ быть ихъ матерью, можетъ вдохнуть въ нихъ и гражданское чувство, и непоколебимое сознаніе долга.

— Но чтобы все это вдохнуть, нужно самой имѣть обѣ

этомъ какое-нибудь понятіе не по наслышкѣ. Откуда же его взять, сидя у очага?.. Но ты хотѣлъ отыскать мнѣ какое-нибудь дѣло. Я думала, нельзя ли мнѣ открыть школу для дѣвочекъ, хотя бы бесплатную. Въ здѣшнемъ женскомъ училищѣ, какъ мнѣ говорили, учать плохо; къ тому же оно на томъ концѣ города, и многіе затрудняются посылать туда дѣтей.

— Да, разумѣется, это было бы очень хорошо. Но не придется ли тебѣ въ такомъ случаѣ совершенно бросить хозяйство. Потомъ, это легко можетъ повести къ какимъ-нибудь неприятностямъ, особенно для меня.

— Почему же непремѣнно къ неприятностямъ? Но такъ можно бояться неприятностей, за какое бы дѣло ни взялся; точно также всякое дѣло оставить менѣ времени сидѣть у печки. Но что же ты собственно имѣлъ въ виду?

— Я дѣйствительно нахожу, что преподаваніе въ школѣ или завѣдываніе ею могло быть для тебя лучшимъ занятіемъ, и постараюсь современемъ это устроить. Но, начиная съ тобою разговоръ, я имѣлъ въ виду не столько найти тебѣ какое-нибудь вѣдшее дѣло, сколько указать на другую цѣль: я думаю, что тебѣ слѣдовало бы систематически поработать надъ собой и подготовить изъ себя жену и мать.

— Объ этомъ самомъ была рѣчь нѣсколько разъ три года тому назадъ, но и тогда мы ни до чего не договорились и не рѣшили, что нужно дѣлать для таковой подготовки. Впрочемъ, если ты находишь, что я недостаточно хорошая жена, то скажи въ чемъ, и я постараюсь измѣниться. О подготовкѣ же изъ себя матери, нечего и хлопотать, такъ какъ у меня дѣтей нѣтъ.

— Могутъ быть. Но ты не хочешь понять меня, Маша! Я вовсе не думалъ упрекать тебя въ чемъ-нибудь, я хотѣлъ только указать тебѣ на необходимость какого-нибудь внутренняго интереса, который придавалъ бы цѣль и смыслъ жизни. Я знаю, напримѣръ, что ты читала много, но читала что попадетъ подъ руку. Я бы думалъ, что для тебя было бы и полезнѣе и интереснѣе систематическое чтеніе, которое постепенно разъясняло бы тебѣ окружающее и развивало твои понятія.

— Ты выберешь мнѣ книги и скажешь, какъ читать ихъ?

— Да, я постараюсь найти... вотъ, напримѣръ, прекрасная книга «Самодѣтельность» Смайльса...

— Ты говоришь со мною, какъ съ двѣнадцатилѣтней дѣвочкой. Смайльса я читала еще въ гимназій, и тогда не видѣла отъ нея особенной пользы. Надѣюсь, ты началъ со мною этотъ

разговоръ не потому, что я вчера много танцевала, или что хочу быть въ земскомъ собраніи!

— Гм... разумѣется нѣтъ, хотя, какъ я тебѣ сказала, я стою за то, что сфера, преимущественно свойственная женщинамъ,—это домъ и семья. Но, разумѣется, нужны иногда развлечения...

— А ты не думаешь, что, кромѣ развлечения, мнѣ можетъ доставить и пользу то, что я лучше узнаю людей и дѣла, которыя ихъ занимаютъ?

— Но такая польза можетъ иногда достаться женщинамъ слишкомъ дорогою цѣною. Еслибы я былъ самый ярый поборникъ такъ-называемой эманципаціи женщинъ, то и тогда я все-таки желала бы, чтобы она началась не съ моей жены, сестры или дочери.

— Я и не подозрѣвала, что посѣщеніе вечера или управы можетъ имѣть связь съ эманципаціей, о которой ты говоришь. Но я все-таки хочу знать, можно ли мнѣ посѣщать собраніе. Признаюсь, я бы очень желала этого.

— Ты знаешь, что я тебя ни въ чемъ не стѣсняю. Высказывая мое мнѣніе, я вовсе не хотѣлъ мѣшать тебѣ идти туда завтра. Ты съ вѣмъ располагаешь быть тамъ?

— Съ Гавриловой.

— Иди; если успѣю пораньше освободиться въ училищѣ, то тоже приду.

Между тѣмъ, въ Липовцахъ событія текли подобно бурному потоку мутныхъ весеннихъ водъ. Наступилъ наконецъ день открытія земскаго собранія. Съ ранняго утра на улицахъ стали появляться экипажи помѣщиковъ, безвыѣздно живущихъ въ деревнѣ и пріѣзжавшихъ въ городъ только въ экстренныхъ случаяхъ. Около девяти часовъ густая толпа сельскихъ гласныхъ направилась отъ постоялаго двора въ управу и смиренно усѣлась у крыльца въ ожиданіи «начальства». Писцы суетились съ бумагами. Зала понемногу наполнялась. Около десяти часовъ явился предсѣдатель собранія, Карбонардъ; онъ очаровываетъ всѣхъ своею добродушною любезностію, нелишненною однако величавости. Вотъ и члены управы. Отдуваясь, вваливается Сорвинъ. Онъ довоенъ и почти доволенъ: ему удалось собрать свои влочки, и онъ остается въ сомнѣніи только насчетъ пятисотъ рублей, не рѣшивъ окончательно, попали ли эти рубли ошибкой изъ его кармана въ сундукъ земства или, наоборотъ, изъ кармана земства въ его собственный. Онъ убѣжденъ въ первомъ, Потапенко доказываетъ второе, и намѣренъ представить свои со-

ображенія собранію. Такое разномысліе могло бы навести уѣзднаго премьера на мысль, что положеніе его не совсѣмъ прочно, но тяжелый умъ его, повидимому, и не пытался заняться этимъ вопросомъ.

Войдя однако въ залу, Сорокинъ начинаетъ тотчасъ чувствовать, что что-то неладно: его или не замѣчаютъ, или отъ него сторонятся, сухо съ нимъ раскланиваясь. Даже письмоводитель и писцы обращаются не къ нему, а къ Потапенко, и въ крайнемъ случаѣ къ Паловцеву. Потапенко, напротивъ, встрѣченъ съ низкими поклонами. Онъ держитъ себя важно и молчаливо, но любовно жметъ всѣмъ руки, не исключая и сельскихъ гласныхъ. Мизерная фигурка Паловцева дышитъ самодовольствомъ и напыщенностью, доходящими до комизма.

Мы не станемъ подробно слѣдить за ходомъ собранія и разматывать запутанную нить сложной провинціальной интриги. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ выдающихся пунктахъ.

Уже съ перваго собранія Карбонардъ, имѣвшій и безъ того довольно многочисленную партію, успѣлъ значительно усилить ее, сдѣлавъ предложеніе выдавать денежное пособіе сельскимъ гласнымъ, являющимся въ собраніе. Слышится голосъ, что предложеніе это незаконно, но оно принято большинствомъ, и управѣ поручено привести его въ исполненіе. Въ первый же перерывъ засѣданія депутація сѣрыхъ свитовъ окружаетъ въ корридорѣ Карбонарда и изъявляетъ ему свою признательность. Стронники Карбонарда ливуютъ и видятъ въ этомъ залогъ полной побѣды его надъ Потапенко. «Независимые» волнуются и называютъ Карбонарда продувной шельмой. Потапенко молчитъ и потираетъ руки.

Особенный интересъ начинается со втораго дня. Гласные въ полномъ составѣ, посторонняя публика особенно многочисленна. Комиссія для повѣрки счетовъ управы только-что выбрана, но одинъ изъ гласныхъ дѣлаетъ предложеніе теперь же приступить къ выбору членовъ управы. Кто-то замѣчаетъ, что нужно бы подождать отчета комиссій, но другіе находятъ это лишнимъ.

— Что мы были бы за гласные, если бы только изъ доклада комиссій узнавали, какъ ведутъ дѣла члены управы.

Предложеніе пущено на голоса, и принято.

— Это дѣло подпольной интриги одного изъ членовъ управы!— раздается громкій голосъ на скамьѣ оппозиціи.

Управа устами Потапенко проситъ разъяснить, кого именно изъ членовъ разумѣетъ почтенный гласный.

— Кого же, какъ не васъ!—гремитъ оппозиція.

Потапенко, чрезъ предсѣдателя, требуетъ, чтобы эти слова были взяты назадъ.

— Умудритесь прежде взять назадъ свои поступки!— рѣжетъ оппозиція.

Но голосъ ея заглушается; собраніе волнуется; парламентаристы требуютъ призыва къ порядку. Предсѣдатель баллотируетъ вопросъ, одобряются ли собраніемъ выраженія, подобныя словамъ: «подпольная интрига»? По большинству десяти голосовъ оказывается, что собраніе ихъ не одобряетъ. Предсѣдатель звонитъ, и все успокоивается. Одинъ изъ оппозиціонеровъ, съ очевидными признаками негодованія, выходитъ изъ залы и въ дверяхъ провозноситъ слово, еще менѣе парламентское:

— Бараны!

Многіе дивятся безпристрастію предсѣдателя, вражда котораго съ Потапенко длилась уже цѣлые годы; но вскорѣ между Карбонардомъ и Потапенко замѣчается еще болѣе удивительное единомысліе почти по всѣмъ вопросамъ, хотя они по прежнему держатся далеко другъ отъ друга.

Сорокинъ забаллотированъ, но собраніе великодушно: по предложенію Карбонарда, недочетъ въ пятистахъ рубляхъ оно приписываетъ недоразумѣнію и принимаетъ ихъ насчетъ земства. Предсѣдателемъ управы избранъ Потапенко, членами Паловцевъ и Ивановъ, бывший секретарь уѣзднаго суда, закадычный другъ и повѣренный по дѣламъ Карбонарда.

— Можно бы теперь приступить и къ выбору мировыхъ судей,—предлагаетъ одинъ изъ сторонниковъ Карбонарда, види его силу и желая ему прислужиться.

Но Карбонардъ возражаетъ, что будетъ гораздо лучше избирать мировыхъ судей послѣ:

— Многіе помѣщики еще не съѣхались; мы еще не знаемъ, кто хочетъ быть мировымъ судьей, выберемъ—а тѣ стануть отъказываться. Лучше подождать.

— Разумѣется,—подхватилъ Потапенко.

Оппозиція промолчала.

— Вы хорошо понимаете, что здѣсь дѣлается?—спрашивалъ Кольскій Воскресенскую, сдѣлавшуюся одной изъ самыхъ аккуратныхъ посѣтительницъ земскаго собранія.

— Не совсѣмъ. Для чего слѣшили такъ выборомъ членовъ управы, и почему теперь откладываютъ выборы мировыхъ судей?

— Во-первыхъ, потому, что управа интересуется ихъ больше, нежели мировые судьи: здѣсь замѣшаны ихъ постоянные интересы, а тамъ случайные. Собраніе въ настоящую минуту состав-

лено и настроено именно такъ, какъ имъ нужно для желанныхъ выборовъ. Кромѣ того, такимъ благопріятнымъ расположеніемъ собранія они спѣшатъ воспользоваться для того, чтобы провести еще нѣсколько интересующихъ ихъ вопросовъ. Къ выбору же мировыхъ судей имъ хочется приступить, когда половина гласныхъ разѣдется.

— Кому это—имъ?

— Карбоварду и Потапенко.

— Почему же они не воспользуются своимъ вліяніемъ, чтобы выбрать и мировыхъ судей по своему вкусу?

— Они имъ и воспользуются, но для этого нужно выждать время. Кандидаты, любезные имъ, таковы, что если ихъ предложить теперь, они возбудятъ неудержимый хохотъ. Съ другой стороны, вотъ эта сѣрая братія, такъ послушно подающая голосъ за того или другого предсѣдателя управы — что ни попъ, то батька—иначе отнесется къ выбору мирового судьи. Поэтому-то и нужно подождать, пока и ихъ поубавится, а они разбѣгутся тотчасъ, какъ только «позволятъ», да и вообще разойдутся тѣ, кто прямо въ выборахъ не заинтересованъ. Останутся или кандидаты на эту должность, или ихъ повровители и сторонники. Начнутся выборы. Всѣ сколько-нибудь годные на эту должность окажутся забаллотированными, потому что каждый баллотирующій, владя чернымъ шаръ, тѣмъ самымъ думаетъ очистить дорогу себѣ или своему. Когда наконецъ баллотировка кончится, всѣ аспиранты пожрутъ другъ друга, и окажется, что число выбранныхъ далеко не полно; тогда-то ловкіе дѣятели и подсунутъ своихъ кандидатовъ, которые до сихъ поръ сидѣли въ какой-нибудь щели и носу не показывали. «Такъ и такъ, молъ—судей недостааетъ; стыдъ и срамъ не найти ихъ у себя. Есть еще, правда, нѣсколько человѣкъ, да не знаемъ, пойдутъ ли. Иванъ Ивановичъ, Петръ Петровичъ! согласитесь пожалуйста». Иванъ Ивановичъ и Петръ Петровичъ соглашаются, и ихъ выбираютъ отчасти по необходимости, отчасти съ досады: «меня, молъ, не выбрали, такъ пусть же будетъ у васъ такой судья, за котораго сами станете краснѣть». Потомъ дѣйствительно весь уѣздъ, а особенно гласные только руками разводять: «быль, молъ, и такой-то и такой-то, а мы навывирали чортъ знаетъ кого; самимъ гадо». Но послушаемъ, что еще будетъ.

Въ это время раздавался звонокъ предсѣдателя. Гласные шумною гурьбою разсаживались по мѣстамъ.

— Въ прошлое собраніе, — обратился съ рѣчью Карбовардъ, — избрана коммиссія, которой поручено разработать вопросъ объ

учрежденіи у насъ прогимназіи. Коммиссія довольно давно уже представила свой докладъ въ управу, и интересующіеся вѣроятно съ нимъ уже познакомились. Коммиссія, какъ и слѣдовало ожидать, высказалась въ пользу учрежденія у насъ реальной прогимназіи. Вамъ извѣстно, господа, мое давнишнее, не разъ высказанное убѣжденіе въ крайней необходимости въ настоящее время реального образованія какъ для всѣхъ вообще, такъ и для нашего края въ особенности. Но, господа, я долженъ сознаться... сказать мимоходомъ, мнѣ очень прискорбно употребленіе этого *но*, повидимому совершенно у насъ неизбѣжнаго, какъ только рѣчь зайдетъ о пользѣ образованія, особенно реального... Но, господа, должно признаться, что для полнаго успѣха этого образованія нужна твердая и испытанная почва. Чѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе отнесемъ мы къ дѣлу, тѣмъ вѣрнѣе обезпечимъ ему несомнѣнный успѣхъ. Кто также коротко, какъ я познакомился съ докладомъ коммисіи, тотъ не можетъ не отдать ей полной справедливости. Поэтому, прежде всего я предлагаю собранію высказать коммисіи искреннюю признательность собранія какъ за трудъ ея, такъ еще болѣе за вполне успѣшное и рациональное рѣшеніе вопроса. Во-вторыхъ, я предлагаю избрать новую коммиссію, которая, заручившись прекраснымъ трудомъ предшествовавшей, и такимъ образомъ работая, такъ сказать, на твердой почвѣ, могла бы еще всестороннѣе рассмотреть вопросъ и подготовить его къ слѣдующему собранію для окончательнаго рѣшенія. Тѣхъ изъ господъ гласныхъ, которые согласны съ моимъ предложеніемъ, прошу встать.

Гласные стали подниматься. Сельскіе гласные однако оставались на своихъ мѣстахъ, очевидно недоумѣвая, въ чемъ дѣло.

— Что же вы! — шепнулъ имъ кто-то сзади, — вставайте! Хоть одинъ годъ еще не придется платить даромъ деньги на какую-то прогимназію.

Они встали.

— Надъ нами смѣются, что-ли? — раздался дикій возгласъ какого-то диваго липовца лѣвой стороны.

— Вопросъ рѣшенъ! — провозгласилъ Карбонардъ, — и я попросилъ бы собраніе, отдохнувъ четверть часа, перейти къ другимъ очереднымъ вопросамъ.

— Bravo, bravo! — восхищался Кольскій. — Наши гласные мудры какъ сорокъ Кунятаторовъ вмѣстѣ. Ничѣмъ нельзя больше угодить имъ, какъ предложеніемъ выбрать коммиссію для по-вѣрки, а главное для всесторонняго, непремѣнно всесторонняго, обсужденія рѣшеній предшествовавшей коммисіи. Впрочемъ, во

избѣжанія повторенія въ будущемъ году придется предложить уже не комиссію, а комитетъ. Видно еще не скоро придется намъ поздравить васъ инспекторшей!

— Вѣдь, кажется, реальная прогимназія была любимой мечтой Карбонарда; по крайней мѣрѣ онъ постоянно толковалъ объ этомъ. Почему же онъ теперь отступаетъ?

— Вѣтеръ подуль съ другой стороны. Почтмейстеръ говоритъ, что на-дняхъ Карбонардъ получилъ два конфиденціальные пакета... Да вѣрно въ этомъ они и съ Потапенко условились: видите ли, какъ эти враги теперь усердно поддерживаютъ другъ друга.

— Но я все-таки не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло: или они дѣйствительно поступаютъ по убѣжденію, или имѣютъ какія-нибудь личныя цѣли, но какія же?

— Неужели вы думаете, что мы, — русскіе вообще, а мы, провинціалы, въ особенности, дѣлаемъ что-нибудь ради убѣжденій или цѣлей, хотя бы и личныхъ? Правда, объ убѣжденіяхъ мы кричимъ много, благо и убѣжденій у насъ всегда пропасть въ запасъ, благодаря легкому способу составлять ихъ: какой-нибудь несимпатичный или несимпатизирующий намъ Федоръ Федоровичъ сболтнулъ, что классическое образованіе въ нѣкоторомъ смыслѣ столбъ—и я распинаюсь за образованіе реальное; или, наоборотъ, пожаловался онъ, что сахаръ дорогъ, потому что поплина велика, — я становлюсь защитникомъ отечественной промышленности; похвалилъ онъ Каткова, — я гроплю лордовъ и изъ вожи лѣзу за меньшую братію. Что до цѣлей, то Потапенко знаетъ еще пожалуй, чего хочетъ; Карбонардъ же просто болтаетъ и политика ворчитъ.

— Но есть же какое-нибудь средство выдти изъ этого хаоса?

— Какъ не быть; самое вѣрное, не разъ испытанное: стѣбить кого-нибудь кликнуть. Когда-то у насъ порядка не было, — позвали нѣмцевъ, и они разомъ завели столько порядковъ, что мы и сами не рады. Теперь придется позвать если не американцевъ—тѣ, пожалуй, не пойдутъ, какъ ни любятъ насъ,—то хоть чеховъ.

Дѣла не мѣшали бездѣлю; спектакли, концерты и танцевальныя вечера смѣняли другъ друга, служа мѣстомъ отдохновенія и дебатовъ липовецкимъ политикамъ. Но Марья Игнатьевна на нихъ не бывала; Воскресенскій заболѣлъ, и она сидѣла дома, несмотря на убѣдительныя, почти навойливыя просьбы Сорокиной, которой удалось-таки вытащить ее на одинъ изъ концертовъ.

— Ну, положимъ, танцевальный вечеръ — я еще согласна, но концертъ—тутъ ужъ рѣшительно нѣтъ ничего такого. Впрочемъ, какъ я недогадлива: я не сообразила, что именно со мною вы и не хотите вѣхать послѣ этой гнусной интриги противъ моего мужа. Да вы и правы: мы въ настоящее время не можемъ защитить васъ; Карбонардъ и Потапенко именно за близость съ нами могутъ надѣлать Николаю Петровичу тысячу неприятностей.

— Что за вздоръ, Александра Петровна!—прервалъ ее Воскресенскій. — Защищать насъ и не отъ кого, и не отъ чего, да и что намъ за дѣло до всѣхъ этихъ дразгъ. А тебѣ, Маша, въ самомъ дѣлѣ не дурно разсѣяться. Поѣзжай, если только Александра Петровна пообѣщаетъ привезти тебя обратно.

Концертъ былъ удачный, благодаря тому, что догадливый артистъ упросилъ дирекцію клуба назначить послѣ концерта танцы и принялъ на свой счетъ музыку и освѣщеніе. Впрочемъ, и музыкальная часть заслужила одобреніе публики. Чувствительные русскіе романсы, въ родѣ «Матушки-голубушки», вызывали общій восторгъ; особенно восхищался уланскій полковникъ, длинный, рыжій баронъ изъ остзейцевъ. По-русски онъ зналъ не лучше того статскаго совѣтника русской службы, который не могъ попасть въ присяжные по незнанію русскаго языка, но, какъ и всѣ наши нѣмцы, былъ большой русскій патриотъ и покровитель отечественныхъ дарованій,—если не Глинки, то Варламова. «Прифоскотню, прифоскотню!» приговаривалъ онъ, поднимая голову и вытянувъ впередъ губы, что должно было изображать крайнюю степень упоенія. Гѣловурый адъютантъ почтительно кланялся.

Воскресенскую общество встрѣтило съ замѣтнымъ оживленіемъ: дамы вослились и перешептывались, мужчины поспѣшно раскланивались. Рыжій полковникъ, считавшій себя почему-то петербуржцемъ и потому позволявшій себѣ быть нахальнымъ, лорнировалъ ее въ двухъ шагахъ, склонивъ немного голову въ сторону что-то шептавшаго ему адъютанта. Карбонардъ и Кольскій подсѣли къ ней въ первомъ антрактѣ; Паловцевъ вертѣлся все время вовлѣ, не смѣя подойти. Самъ Потапенко не преминулъ осведомиться о здоровьѣ Николая Петровича, выразилъ удивленіе къ терпѣнію, съ которымъ она слѣдитъ за ходомъ земскаго собранія, и заявилъ желаніе, чтобы такое же вниманіе къ общественному дѣлу явилось и у другихъ дамъ. Братецъ-гусаръ былъ, разумѣется, здѣсь же. Сидя рядомъ съ Воскресенской, онъ краснѣлъ и волновался, побрякивалъ шпорами, крутилъ усы, но не могъ придумать ни одной фразы, несмотря на то, что еще дома,

упрашивая сестру привести Воскресенскую въ концертъ, далъ себѣ слово быть ераснорѣчивымъ.

— Вы не были здѣсь въ прошломъ собраніи?—нашелся наконецъ спросить онъ.

— Нѣтъ.

— Всѣ объ этомъ очень жалѣли, особенно я и сестра.

— Я очень благодарна Александрѣ Петровнѣ за вниманіе.

— А послѣ-завтра вы будете на вечерѣ?

— Едвали; мужъ нездоровъ, и сегодня только по неотступной просьбѣ Александры Петровны я рѣшилась прѣхать.

— Позвольте просить васъ на кадрили послѣ концерта.

— Послѣ концерта я тотчасъ уѣду домой.

Несмотря на убѣжденія Карбонарда, Кольскаго, Потапенко и особенно Сорокиной, она дѣйствительно собралась ѣхать.

— Но вы не безпокойтесь, Александра Петровна, я доѣду одна.

— Одну я васъ никакъ не отпущу; что сказалъ бы въ такомъ случаѣ Николай Петровичъ! Если позволите, я провожу васъ вмѣстѣ съ братомъ.

Гусаръ звякнулъ шпорами.

Они ѣхали въ фаэтонѣ. Гусаръ помѣщался впереди на скамейкѣ. Ночь была очень хороша—мягкая, нѣсколько прохладная октябрьская ночь, съ ярко-блестящими звѣздами и голубымъ небомъ.

— Что за погода! Не хотите ли проѣхаться немного?

— Я спѣшу домой.

— Мы сейчасъ же вернемся.

Городъ спалъ или казался соннымъ, только въ двухъ-трехъ окнахъ мерцалъ огонекъ; по дворамъ лаяли собаки, гдѣ-то слышался телѣга. Разговоръ не клеился. Марья Игнатьевна чувствовала, какъ колѣно гусара нѣсколько разъ слегка дотронулось до ея колѣнъ; онъ подвинулся къ ней, и ноги его сжали ея ногу, что рука искала ея руки.

Да простятъ намъ благонравные критики: на одно мгновеніе е всю обдало жгучимъ чувствомъ томящей страсти, но только на мгновеніе; затѣмъ, это нехитрое ухаживанье, со всею ея юдготовею, показалось ей отвратительно до омерзѣнія.

— Мнѣ холодно, прикажите ѣхать домой,—сказала она такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Соровина не противорѣчила.

— Иванъ Петровичъ! вы мнѣ миѣте платье и отдавали югу,—обратилась Марья Игнатьевна въ гусару.

— Какой ты неловкій, Жанъ; садись ко мнѣ поближе,—загѣтила Соровина.

У воротъ училища Воскресенская сухо простилась съ Сорокиной и едва живнула головой гусару.

— Ради Бога, что съ вами вчера сдѣлалось?—заботливо спрашивала на другой день Сорокина, явившись утромъ къ Воскресенской.— Въ чемъ провинился передъ вами бѣдный братъ мой? Онъ въ отчаяніи; онъ самъ хотѣлъ прѣхать просить у васъ прощенья, но не посмѣлъ.

— И хорошо сдѣлалъ, такъ какъ я его ни въ чемъ не обвиняю. Но мы при каждой встрѣчѣ только и говоримъ, что о вашемъ братѣ. Это, наконецъ, можетъ вывести изъ терпѣнія... Ивана Петровича. Однако, извините, двѣнадцатый часъ, я собираюсь въ земское собраніе.

— Не хотите ли, я доведу васъ?

— Благодарю васъ, но я обѣщала зайти къ Гавриловой, мы идемъ вмѣстѣ съ нею.

Липовцы принимали мало по-малу свой обычный будничныи видъ. Ярмарочная площадь пустѣла: наскоро уложивъ товары, купцы спѣшили въ сосѣдній городъ на новую ярмарку. Спектакли въ театрѣ прекратились по несостоятельности антрепренера, который, несмотря на очень хорошіе сборы, не доплатилъ залованья труппѣ и скрылся неизвѣстно куда. Актеры попробовали-было дать спектакль отъ себя, но неудачно, и они разбрелись искать новыхъ вондицій, за исключеніемъ нѣсколькихъ актрисъ, нашедшихъ себѣ временный пріютъ у гостепріимныхъ сивновъ Марса.

Земское собраніе кончилось и гласные разѣхались: одни на собраніе въ губернской городъ, другіе въ Краевъ или Одессу, третьи по деревнямъ или на ближайшую ярмарку, съ надеждой реванша на зеленомъ полѣ. Лихія офицерскія тройки рѣже и рѣже катились по опустѣлымъ улицамъ; рѣже бряцали плѣнительныя шпоры, рѣже какой-нибудь прекрасной, но томнящейся одиночествомъ липовянкѣ удавалось замѣтить изъ окна красиво-нафабранные молодецкіе усики. По улицамъ скрипѣли нагруженные пшеницею возы, переваливался тяжелою поступью малоруссъ въ свитѣхъ и бараньей шапкѣ, или мелькала растрепанная и тощая фигурка вѣчно торопящагося еврея.

Скука царяла въ Липовцахъ. Семейные вечера, дававшіеся два или три раза въ мѣсяцъ въ общественномъ клубѣ, были скромны и немногочисленны. Ихъ посѣщала только мелкій людъ: семейства мѣстныхъ купцовъ, незначительныхъ чиновниковъ и бѣдныхъ землевладѣльцевъ. Липовецкій фашіонъ, и особенно жен-

скаго пола, презрительно ихъ игнорировалъ. Въ Липовцахъ во всей красѣ ея наступала та аркадски счастливая жизнь, которая заставляеть жалѣть о томъ, что человѣкъ не можетъ спать по пятнадцати часовъ въ сутки. Пошли дожди; улицы обратились въ серdito-журчащiе ручьи, а площади въ топкія болота. Съ фонаремъ въ рукахъ и съ геройской рѣшимостью въ сердцѣ, тяжело шлепая по жидкой грязи, мужское населеніе Липовецъ, два наступалъ вечеръ, шло искать гдѣ-нибудь пріюта отъ одумяющей скуки, и находило его обыкновенно въ клубѣ, гдѣ тотчасъ же и усаживались за преферансъ или мушкету, между тѣмъ какъ населеніе женское, собравшись у кого-нибудь тѣснымъ кружкомъ, отводило душу въ вѣчно занимательныхъ разговорахъ о томъ, въ которомъ часу ночи видѣли надняхъ Кольскаго у ажитки какой-нибудь Прасковьи Венедиктовны, или сколько ней Залѣская съ дочерью гостила у Карбонарда. На Воскресенской нерѣдко останавливалось вниманіе этихъ дамскихъ кокеттовъ общественной нравственности.

— Боже ты мой, что это за кокетка!—говорила въ одномъ изъ такихъ кружковъ высокая и худая жена Потапенко, счастливая мать пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трое тутъ же верѣлись у ея подола, — кому только она не строитъ глазокъ: и Карбонарду, и Кольскому, и Паловцеву, и гусарамъ, — даже оему мужу.

— А вы слышали, — прервала другая, — съ Сорокиной у нея блая исторія вышла. Она до того явно стала вести съ ея брамомъ всякія шуры да амуры, что даже и ту въ краску бросило. Они почти цѣлый день не разставались: утромъ въ земскомъ собраніи, вечеромъ или въ клубѣ, или кататься за-городъ ѣздили; Сорокиныхъ за это время она просто пороги отбила. Такъ то уже сама Александра Петровна не вытерпѣла: начисто обзвела Воскресенской, что если это будетъ продолжаться, то она е расскажетъ ея мужу, потому что не хочетъ за нее попасть томъ въ исторію. Мнѣ объ этомъ тогда же сама Александра Петровна разсказала.

— Впрочемъ, и то связать: она женщина молодая, а мужъ нея — только слава, что мужъ.

— Они и живутъ врозь, мнѣ ихъ кухарка связывала: онъ бѣ въ кабинетѣ, а она совсѣмъ въ другомъ концѣ.

— Вѣдь есть же мужья волпаки такіе, которые не видятъ, б о нихъ подъ носомъ творится.

— А что проку видѣть-то? Да у нихъ, чай, такая круговая

порука заведена: небось, самъ съ молоду чужими женами позовался, за то теперь и своей, пожалуй, готовъ поступиться.

— Воскресенская и Паловцева совсѣмъ у Залѣской отбѣла

— Залѣская опять въ милость къ Каборнаруду попала.

— А пари у Кольскаго съ Карбонардомъ чѣмъ кончилось?

Кто изъ нихъ выигралъ?

— Должно быть оба выиграла, такъ при своемъ и остались

Для Воскресенской опять началась жизнь, похожая на ту какую она вела въ Архангельскѣ. Напоевъ утромъ мужа чаемъ и проводивъ его на службу, она заказывала завтракъ и обѣдъ, одѣвалась и потомъ ходила изъ угла въ уголь, или перебирала до-нельзя надоѣвшія книжки журналовъ. Къ завтраку приходилъ мужъ съ кѣмъ-нибудь изъ учителей, чаще всего со священникомъ, и между ними завязывался разговоръ о какомъ-нибудь новомъ распоряженіи попечителя или директора; затѣмъ, до обѣда она оставалась снова одна съ книгами и безконечными думами. Въ будни рѣдко кто заходилъ къ нимъ въ это время, только разъ или два въ недѣлю являлся неизбѣжный Паловцевъ съ тобою что полученной книжкой журнала или свѣжей новостью.

— Я вамъ не помѣшалъ?—спрашивалъ онъ, раскланиваясь

— Нисколько. Сдѣлайте одолженіе, садитесь.

— Я шелъ мимо и зашелъ узнать о здоровьѣ Николая Петровича.

— Ему гораздо лучше. А вы изъ управы?

— Да... нѣтъ, у насъ сегодня въ управѣ нѣтъ занятій, никого нѣтъ: Василий Васильевичъ уѣхалъ смѣту составлять, — Быковой-Балкѣ мостъ сорвало.

— Это тотъ мостъ, на который столько денегъ вышло и въ которомъ такъ много толковали въ собраніи?

— Да.

— Но его весной только-что кончили, самъ же Василий Васильевичъ его и строилъ.

— Да, но теперь его снесло водою.

— Не хотите ли кофе?

— Благодарю васъ, мнѣ некогда.... А вы слышали, что случилось съ Александрой Петровной?

— Нѣтъ, ничего не слышала.

— Она поссорилась съ мужемъ за Кольскаго, взяла денегъ и переехала къ матери. Данило Данилычъ пошелъ жаловаться на него, но его не пустили. Онъ хочетъ подавать жалобу въ судъ и со-

бирается выписать изъ Краева адвоката. Нужно признаться, что Александра Петровна кругомъ виновата передъ Даниломъ Данилычемъ...

— Какой вы строгій судья; это не потому ли, что, какъ говорятъ, вы сами недавно очень усердно, но неудачно за ней ухаживали?

— Ахъ, ей-Богу неправда! Это все Ольга Платоновна выдумала, за то, что въ маскарадѣ я какъ-то угостилъ Александру Петровну мороженымъ, а ее нѣтъ. Ради Бога не вѣрьте. Это все равно, какъ она теперь и про васъ выдумываетъ за то, что я не подаль ей тогда лимонаду; она говорить, будто...

— Пойдите, пойдите; я ужъ замѣчала вамъ, какой вы опасный человѣкъ, а теперь должна признаться, что откровенность къ вамъ вовсе нейдетъ, вы такой сосредоточенный. Расскажите лучше, что вы читали новаго въ газетахъ?

Приходилъ мужъ изъ училища, и если заставалъ Паловцева, то морщился, сухо кланялся съ гостемъ, удалялся въ свою комнату, за обѣдомъ дулся и молчалъ, а послѣ обѣда снова уходилъ въ себѣ. Нѣсколько часовъ до вечера Марья Игнатьевна проводила съ Гавриловой за работой или за чтеніемъ. Вечеромъ собиралась обычная компанія: два-три учителя съ женами, иногда Потапенко, изрѣдка Кольскій, большую часть времени проводившій или въ уѣздѣ, или въ Одессѣ, куда его вызывали какъ свидѣтеля по дѣлу открытой имъ шайки дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій. Разговоръ шелъ о предметахъ учебнаго міра, о преимуществѣ классическаго или реальнаго образованія, съ ссылками на подлежащія журналы и газеты. Но даже и эта, въ то время животрепещущая тема, отъ частаго повторенія, заставляла зѣвать самыхъ завзятыхъ спорщиковъ, и бесѣда шла оживленнѣе только въ тѣ дни, когда получался номеръ Краевской или Одесской газеты съ обличительною статьей, касающеюся Липовецъ.

— А каково отдѣляли нашу больницу, да и Карбонарду порядкомъ досталось; на Залѣскую очень остроумно намекнули.

— Любопытно бы знать, кто это писалъ; подписано: «Провѣзкій», но это вздоръ, у насъ и провѣзкихъ нивакихъ не бываетъ.

— Алексѣевъ писалъ.

— Отчего вы такъ думаете?

— Я отъ него слышалъ одну фразу, которая и въ статьѣ

есть.

— Какая фраза?

— Да вотъ у меня есть газета съ собою. «Не можетъ же

либераль не поднять ноги тамъ, гдѣ поднялъ ее передъ его носомъ другой». Да и вся статья гладко написана,—кромѣ Алексѣева некому.

— Ну вотъ, нашли доказательства: фразу эту и Алексѣевъ, и авторъ статьи могли вычитать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а что гладко написана, такъ въ редакціи поправили. А пожайлуй, что и Алексѣевъ, онъ что-то больно за Залѣской ужалываль,—такъ съ досады.

Впрочемъ, и интересные разговоры скоро прекращались, и собесѣдники усаживались за вистъ или ералашъ, а Марья Игнатьевна, полудремля, слушала безконечные рассказы какой-нибудь чадолюбивой маменьки о томъ, какъ у Пети рѣзались зубы.

Съ Сорокиной Марья Игнатьевна не видѣлась; Залѣская также давно у нихъ не была, но наконецъ какъ-то въ праздникъ заѣхала съ воротчимъ визитомъ въ коляскѣ Карбонарда.

— Ахъ, та сhère, сколько времени мы съ вами не видѣлись, а я давно уже собираюсь къ вамъ между прочимъ и для того, чтобы заявить, какъ гнусна сплетня, распушенная о насъ Сорокиной, и какъ мало придаемъ мы ей значенія; для этого мы слишкомъ хорошо знаемъ и Сорокину, и ея брата.

— Какая сплетня, что такое?

— А вы не знаете? Ахъ, pardon, какая же я неосторожная! Я думала, что вамъ извѣстно, объ этомъ говорить весь городъ.

— Но въ чемъ же дѣло, наконецъ?—спросилъ нетерпѣливо Воскресенскій.

— Извините, но право, мнѣ не хотѣлось бы быть сплетницей; я и такъ уже наказана за свою неосторожность... Да, я забыла сказать вамъ, порадитесь за насъ: вчера мы получили письмо отъ Карбонарда изъ Одессы; онъ увѣдомляетъ, что мужу уже послано официальное предложеніе мѣста въ одесской городской больницѣ, и есть надежда, что мы скоро разстанемся съ прелестными Липовцами. Кстати, что вы, все о нихъ такого же хорошаго мнѣнія, какъ и прежде?

— Все такого же, несмотря даже на существованіе сплетницъ, ѣздящихъ изъ дома въ домъ со вздорными вѣстями,—рѣзко сказалъ Воскресенскій.

— Очень рада за васъ; но позвольте проститься съ вами, мнѣ нужно еще заѣхать къ Сорокиной.

— О чемъ это она болтала? Какая сплетня?—спросилъ Воскресенскій жену.

— Не знаю.

— Но было же что-нибудь.

— Было то, что Сорокина слишкомъ настойчиво навязывала мнѣ своего брата съ его любезностями, и я дала ей понять, что не желаю продолжать съ нею знакомства.

— Почему же ты ничего не сказала мнѣ объ этомъ.

— Я не считала нужнымъ говорить о такомъ вздорѣ.

— Но ты видишь, къ какимъ сценамъ приводитъ этотъ вздоръ. Да и такъ ли еще!

Воскресенскій, разсерженный, вышелъ изъ комнаты.

— Подумайте хоть вы за меня, что мнѣ дѣлать; я пропадаю съ тоски, — говорила чрезъ нѣсколько дней Воскресенская Гавриловой.

— Влюбиться, — отвѣчала, улыбаясь, Гаврилова.

— Развѣ въ Паловцева, чтобы по крайней мѣрѣ не даромъ Залѣская гнѣбалась... Но право, я не шута вамъ завидую въ томъ, что у васъ будетъ дѣло.

— Я думала — въ другомъ; что же касается до дѣла, то вѣдь это будетъ только приготовленіе къ нему; да и будто ужъ акушерство такъ заманчиво.

— Все-таки это нѣчто опредѣленное; вы будете имѣть хоть какое-нибудь положеніе, и можете ни отъ кого не зависѣть.

— Зависѣть я буду, такъ какъ вы знаете, что я выхожу замужъ; да и не гонюсь за независимостью, еслибы даже она и была возможна. Когда-то и я о ней мечтала, и вотъ стала совершенно независима: у меня нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ; надняхъ продамъ домъ и у меня будетъ достаточно денегъ, чтобы прожить нѣсколько лѣтъ; потомъ надѣюсь ихъ зарабатывать, — а между тѣмъ, признаюсь вамъ, я не дождусь дня, когда мнѣ снова придется отказаться отъ этой независимости.

— То-есть, вы просто любите вашего жениха.

— Но гдѣ любовь и бракъ, тамъ и зависимость.

— Да и я не говорю о такой независимости, при которой мнѣ ни до чего не было бы дѣла. Независимостию я называю такое положеніе, въ которомъ знаешь, что чужой капризъ не заставитъ тебя отказаться отъ желаній, самыхъ безобидныхъ; что имѣешь право думать и чувствовать такъ, какъ думается и чувствуется; знаешь, что ты не раба, которая молча должна глотать обиды и оскорбленія.

— Но въ этомъ отношеніи и положеніе мужчинъ не лучше нашего; и они не могутъ думать и чувствовать, что хотятъ; имъ

также приходится подчиняться чужимъ капризамъ и молча терпѣть обиды и оскорбленія изъ-за куска хлѣба, о которомъ часто они заботятся вдобавокъ не столько для себя, сколько для насъ же.

— Мужчина знаетъ по крайней мѣрѣ, что этотъ кусокъ хлѣба вполнѣ его, а женщина и въ этомъ должна считать себя обязанною.

— Почему же? Если она хозяйка, особенно если она мать, и смотреть за дѣтьми, то зарабатываетъ по крайней мѣрѣ столько, сколько заработала бы на ея мѣстѣ ключница и нянька, — значитъ, живетъ не на чужой счетъ.

— Но ужъ и то, что женщина должна быть только ключницей и нянькой, не кажется вамъ унижительнымъ?

— Вы берете крайность. Для чего быть непременно только ключницей и нянькой, если можно заниматься еще чѣмъ-нибудь другимъ? На вашемъ мѣстѣ я непременно постаралась бы занять мѣсто учительницы въ здѣшнемъ училищѣ, а современемъ и начальницы.

— Но вы видите, что мужъ этого не хочетъ.

— Мнѣ кажется, что вы сами пока не очень этого хотѣли, хотя много говорили и спорили объ этомъ. Вѣдь вамъ нужно еще подготовиться и держать экзаменъ. Примитесь за дѣло, и вы увидите, что вашъ мужъ самъ же будетъ помогать вамъ.

— Да, пока, — а когда придется ѣхать держать экзаменъ или опредѣляться на мѣсто, онъ опять станетъ находить препятствія.

— Едва ли, такъ какъ въ сущности онъ ничего не можетъ имѣть противъ этого. Правда, мужчины слишкомъ самолюбивы и любятъ видѣть себя во всемъ творцами, но мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи не грѣхъ и уступить: обратитесь къ мужу за совѣтомъ и помощью, и онъ самъ же все это вамъ устроитъ.

— Видите ли, я должна хитрить, поддѣлываться, просить совѣта и помощи, когда мнѣ не нужно ни того, ни другого, въ дѣлѣ, которое касается главнымъ образомъ меня.

— Ну, а мужъ вашъ никогда не совѣтовался съ вами, не спрашивалъ вашего мнѣнія о томъ, что касалось исключительно его?

— Сейчасъ видно, что вы собираетесь замужъ; оттого-то вы такъ и благодумны къ мужьямъ, и видите все въ розовомъ свѣтѣ.

— Мнѣ очень жаль, что вамъ все это кажется слишкомъ

чернымъ. Вашъ мужъ всего менѣе похожъ на тирана, и право, только отъ нечего дѣлать вы создаете себѣ разныя бѣды.

— Бѣда въ безправьѣ. Бѣда въ томъ, что я не принадлежу себѣ, что я не только не вольна въ своихъ поступкахъ, не только вещь, которую по произволу можно оторвать отъ всего и увести за тридевять земель,—но я не вольна въ своихъ словахъ, не вольна въ мысляхъ. Какъ собака, привыкшая въ ошейнику, какъ рабъ, чувствующій себя неловко безъ колодки, я сама готова считать проступкомъ мысль, невольно забредшую въ голову, преступленіемъ — откровенный разговоръ въ родѣ этого. Бѣда въ томъ, что мнѣ душно, что я задыхаюсь. Я—живая; я не могу и не хочу быть прикованною къ трупу или за-живо погребенною.

Воскресенская зарыдала. Гаврилова взяла ее за руку и обняла ее.

— Успокойтесь, Марья Игнатьевна, — говорила она:—ваша жизнь еще впереди, и вы испытаете еще много радостей и много горя. Избытокъ ощущеній, быть можетъ, будетъ томить васъ современемъ такъ же, какъ томить теперь ихъ недостатокъ, и вы пожалѣете о мирной жизни, которая кажется вамъ столь ужасною. Назовемъ пока бѣду ея настоящимъ именемъ — скукой, и постараемся какъ-нибудь помочь ей. Я разузнаю въ Краевѣ, какъ и когда можно вамъ держать эвзамень, и пришлю книги, какія нужны. Потомъ вы и сами ко мнѣ прѣдете. Не забудьте, что вы дали мнѣ слово непремѣнно быть у меня на свадьбѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Гавриловой уѣзжалъ изъ Липовецъ и Кольскій. Часовъ въ одиннадцать утра онъ пришелъ въ Воскресенскимъ.

— Я пришелъ къ вамъ проститься, — говорилъ онъ Марьѣ Игнатьевнѣ,—и очень радъ, что засталъ васъ одну; правду сказать, на это я немножко и рассчитывалъ.

— Вы снова ѣдете, и на долго?

— Собственно я ѣду на мѣсяцъ, въ отпускъ, въ Петербургъ, но думаю, что сюда уже не вернусь, а останусь или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ. Изгнаніе мое, кажется, кончается,—дѣло о фальшивыхъ бумажкахъ помогло. Но право, мнѣ и думать не хочется, что мы съ вами если и встрѣтимся, то не скоро.

— Я сама искренно жалѣю объ этомъ.

— Какимъ тономъ вы это говорите! Точно олимпійская богиня, которая и не прочь бросить милостыню нашему брату

грѣшному смертному, но которой въ сущности мало дѣла до нашихъ печалей и радостей... Смѣйтесь надо мною, сколько хотите, но, право, я снова готовъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, разсыпаться предъ вами пылкимъ признаньемъ.

— Дурная привычка. Я думаю, безъ двухъ-трехъ признаній въ недѣлю вы умерли бы отъ скуки.

— Вы угадали. Но мнѣ хотѣлось поговорить съ вами не столько о себѣ, сколько о васъ. Вы позволите мнѣ быть совершенно откровеннымъ.

— До сихъ поръ вы обходились, кажется, въ этомъ безъ особенныхъ позволеній.

— Вамъ хочется дать мнѣ урокъ терпѣнья. Богъ съ вами, на прощаньи не стану ссориться... но серьезно, скажите мнѣ, что вы намѣрены съ собою дѣлать?

— Какъ это? Я не понимаю вопроса.

— Не могу же я думать, что вся ваша жизнь должна пройти въ этомъ захолустьѣ, среди Карбонардовъ, Паловцевыхъ, Забѣвскихъ и Сорокиныхъ. Надѣетесь же вы на что-нибудь лучшее?

— На что и какимъ образомъ могу я надѣяться?

— Простите, если я коснусь предмета, быть можетъ, очень щекотливаго. Вашъ мужъ боленъ весьма серьезно, и долго прожить не можетъ; вы должны къ этому приготовиться. Что будетъ съ вами въ случаѣ его смерти, что вы имѣете въ виду?

— Для чего вы спрашиваете меня о томъ, на что, какъ вы сами понимаете, мнѣ нечего вамъ отвѣтить. Что это? Привычка ли непрошенно забираться въ чужую душу и безцеремонно пошиться въ ней?—въ такомъ случаѣ избавьте меня отъ удовольствія помогать вамъ въ этомъ; или слова ваши имѣютъ цѣль, и вы дѣйствительно хотите и можете сказать что-нибудь для меня полезное?

— Изъ разговора съ вами я и хотѣлъ выяснитъ, нельзя ли чего-нибудь придумать; но меня прежде всего поражаетъ горечь вашихъ словъ и тѣхъ чувствъ, которыми эти слова вызваны.

— Только-то! и вы вѣроятно думали подсластить эти чувства вашими признаніями и вопросами. Если вы не пятнадцатилѣтній мальчикъ, вамъ пора бы знать, что не слѣдуетъ такъ легкомысленно играть постоянно словами. Вамъ угодно моей откровенности, — извольте, я буду откровенна и о себѣ, и о васъ. Вы хотите знать, люблю ли я мужа?—Нѣтъ. Буду ли жалѣть о его смерти?—Снова нѣтъ и нѣтъ, хотя и стану ходить за нимъ до послѣдней минуты. Что будетъ со мною затѣмъ, не знаю; знаю только одно, что не буду мухой, которая легко позволила

бы проглотить себя какому-нибудь пауку, называйся этот паукъ Карбонардомъ или Кольскимъ. Теперь о васъ. Вы показывали мнѣ постоянно расположеніе и дружбу; я ей всегда вѣрила: вы слишкомъ умны для того, чтобы не быть въ сущности добрымъ. Но положитесь серьезно въ чемъ-нибудь на вашу дружбу я никогда не думала: вы одинъ изъ тѣхъ людей, пріязнь которыхъ опаснѣе вражды. Но ваши отношенія ко мнѣ опредѣляются не одною дружбой. Васъ интересуется моя будущность, признайтесь, положя руку на сердце: если бы я была вашей любовницей, вы покидали бы меня съ меньшей заботой и васъ не очень занималъ бы вопросъ о томъ, кому я достанусь, Карбонарду или Паловцеву. Но теперь васъ точно преслѣдуетъ угрызение совѣсти: вы видите, что женщина отъ васъ ускользаетъ, и хотите по крайней мѣрѣ подчинить себѣ ея мечты и надежды; не успѣвъ увлечь ее, вы готовы даже проповѣдывать ей добродѣтель въ отношеніи къ другимъ ловецамъ вашего покроя... Но, повторяю, вашей дружбѣ, подъ условіемъ, впрочемъ, не класть вамъ пальца въ ротъ, я вѣрю, и въ благодарность за нее успокою ваше самолюбіе: если вы держали пари не съ однимъ Карбонардомъ, а также и съ другими пріятелями на всѣхъ вашихъ сѣрыхъ,—можете вѣхать покойно: сѣрые останутся при васъ, но и воронье вашихъ друзей ни въ какомъ случаѣ не подвергались и не подвергнутся ни малѣйшей опасности. Вотъ вамъ мое вполне откровенное признаніе.

— Я не прерывалъ васъ, и очень радъ, что вы подъ конецъ развеселились, хотя и на мой счетъ, и готовъ въ сотый разъ повторить, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Правду сказать, я никакъ не думалъ, что своими вопросами, въ сущности вовсе не такими коварными, какъ это вамъ повезало, заслужу такую горячую филиппику, но готовъ признаться, что во многомъ на мой счетъ вы правы. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что еслибы вы были моею женою, никто лучше меня не цѣнилъ бы васъ, но это не помѣшало бы мнѣ, пожалуй, измѣнить вамъ ради Залѣской или Сорокиной. Да будутъ же сохранны воронье и сѣрые, и на томъ простимся.

— Подождите Николая Петровича, онъ сейчасъ придетъ... да вотъ, онъ и идетъ ужъ встать.

— Мужья приходятъ всегда встать, какъ разъ въ-время, чтобы не слышать того, чего имъ слышать не слѣдуетъ.

Такъ мало-по-малу пустѣли для Воскресенской Липовцы, и ей почти не съ кѣмъ было обмѣняться словомъ. Мужъ постоянно хворалъ и день ото-дня становился капризнѣе и подозрительнѣе. Присутствія постороннихъ онъ не выносилъ: Карбонардъ, Паловцевъ, Потапенко одинаково поднимали въ его душѣ цѣлую бурю сомнѣній и ревности. Онъ ничего не говорилъ женѣ, но его неотступный взоръ тяжело ее преслѣдовалъ. Пересуды досужныхъ кумушекъ, постоянно доходившіе до него то подъ видомъ наивной болтовни, то дружескаго предостереженія или негодованія, еще болѣе раздражали его. Жизнь Воскресенской сдѣлалась невыносимой.

— Эхъ барыня, барыня!—говорилъ ей какъ-то Карбонардъ, —скупаемъ мы съ вами. Чтѣ дѣлать: плохъ нашъ городишко! Ну, да не только свѣту, что въ окно. Вотъ, Богъ дастъ, лѣто придетъ, — пусть Николай Петровичъ и не думаетъ провести его здѣсь: въ Крымъ его, на кумысь. У меня есть маленькое имѣніе возлѣ Алушты; доходу оно даетъ столько, что на жалованье приващнику не хватаетъ, но зато есть пріютъ, гдѣ иногда съ удовольствіемъ можно провести лѣто, а особенно осень. Какъ посадимъ мы тамъ Николая Петровича на виноградъ да баранину, онъ у насъ на десять лѣтъ помолодѣетъ. А природа! Горы да море — Швейцаріи не нужно. Васъ, уроженку сѣвера, она поразитъ особенно, вы и скучать забудете. А то теперь такая работа нашимъ кумушкамъ: не могутъ рѣшить, по комъ вы скучаете: однѣ говорятъ по Гавриловой, другія по Кольскомъ. Ну-ка на ушко: кто изъ нихъ правъ?

— И тѣ, и другія: мнѣ дѣйствительно жаль, что Кольскій уѣхалъ. Это былъ единственный у насъ человекъ, отъ котораго можно было услышать живое слово.

— Спасибо за то, что насъ не балуете. Впрочемъ, такимъ сорванцамъ, какъ Кольскій, всегда у женщинъ везетъ. По немъ, говорятъ, и жена его соскучилась и выпросила ему прощенье чрезъ своихъ вліятельныхъ дядюшекъ, и онъ, глядите, какъ въ гору пойдетъ. Только едва ли надолго; натура ужъ слишкомъ цыганская, опять наурокоесить. А Гаврилова замужъ выходитъ за бывшаго нашего слѣдователя, Соколова; вы, я слышалъ, на свадьбу къ ней собираетесь?

— Да, она взяла съ меня слово, что я къ ней непременно приѣду.

— А когда свадьба?

— Въ началѣ января.

— Жаль, что нужно въ Москву ѣхать, а то бы вмѣстѣ от-

правились. Впрочемъ, я въ тому времени и успѣю еще вернуться въ Краевъ; съ матушкой встати васъ познакомлю. На свадьбѣ потанцуемъ; такъ и быть, и я стариной тряхну. Полноте тосковать, барыня, будетъ еще и на нашей улицѣ празднигъ.

— Да отчего вы думаете, что я тоскую? Я по крайней мѣрѣ этого вовсе не замѣчаю.

— Толкуйте. Посмотрите на себя, на что вы похожи. Въ былое время и мы, немножко въ медицинѣ мороковали; знаемъ мы эти нервныя натуры, для которыхъ волненье—жизнь, а скука—смерть.

— Я къ вамъ безъ церемоніи на обѣдъ, дорогой Николай Петровичъ, — говорилъ Карбонардъ Воскресенскому, когда тотъ возвратился изъ училища. Пріѣхалъ невзначай изъ деревни, и пользуюсь случаемъ провести съ вами лишній часокъ.

— Милости просимъ, очень радъ.

— А мы тутъ съ Марьей Игнатьевной о васъ толковали. Что вамъ за охота такъ убивать на службѣ свое здоровье? Этимъ, батюшка, никого не удивите. Знаете, что бы я вамъ посоветовалъ: берите на нѣсколько мѣсяцевъ отпускъ за-границу; земство авось не поскушится выдать вамъ на поѣздку нѣсколько сотенъ; объ этомъ мы ужъ похлопочемъ. Скуки боитесь,—насъ прихватите. Мнѣ и то ужъ, признаться, надоѣло наше сѣрое небо. Вамъ въ такомъ случаѣ и чичероне не будетъ нужно: по этимъ Римамъ да Неаполямъ я въ свое время пошлялся-таки. А, какъ вы думаете? Въ Вѣнѣ съ докторами посоветуетесь, весну въ Италиі, на лѣто въ Крымъ. Къ осени такимъ молодцомъ станете, что васъ не узнаешь. Да и Марья Игнатьевна поправится. Самъ-другъ поѣдете, самъ-третей, пожалуй, вернетесь.

Воскресенскій блѣднѣлъ, кусалъ губы и едва сдерживался.

— Благодарю васъ, но на такія путешествія у меня нѣтъ ни времени, ни денегъ, а на чужія я кататься не намѣренъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился Воскресенскій къ женѣ по уходѣ Карбонарда,—не вамъ ли принадлежитъ планъ этихъ блистательныхъ вояжей втроемъ?

— Что ты говоришь, Николай Петровичъ!

— Не позавидовали ли вы той роли, какую играетъ при Карбонардѣ Залѣская, а въ былое время играла, какъ говорить, и пріятельница ваша, Гаврилова?

— Это низко! — вскричала внѣ себя Воскресенская, выходя изъ комнаты.

Эта первая рѣзкая семейная сцена очень взволновала Воскре-

сенскую. Она цѣлый день проплакала у себя въ комнатѣ; мужъ также просидѣлъ у себя.

— Маша, не сердись пожалуйста за вздоръ, который я наговорилъ тебѣ,—сказалъ онъ женѣ на другой день.—Я боленъ и раздражителенъ, а нахальство этихъ праздныхъ баръ не знаетъ границъ. Если бы ты знала, какая сѣтъ грязныхъ интригъ и сплетенъ окружаетъ насъ.

Марья Игнатьевна промолчала. Какъ-бы стараясь загладить свою выходку, Воскресенскій нѣсколько дней былъ веселѣе и привѣтливѣе съ женою, но наступившіе праздники съ ихъ визитами и необходимостію принять приглашенія на два-три вечера снова заставляли его дуться, хотя онъ и старался себя сдерживать. Марья Игнатьевна, дома обыкновенно серьезная и молчаливая, въ обществѣ являлась одушевленною и разговорчивою. Воскресенскій самъ старался убѣдить себя, что это очень естественно, понималъ, что печальный видъ жены былъ бы упрямомъ ему, что въ такомъ случаѣ она имѣла бы видъ жертвы,—но не имѣлъ силы сладить съ тревожнымъ чувствомъ, и, проводя бессонныя ночи, не могъ окончательно рѣшить вопроса, было ли обращеніе жены слѣдствіемъ живого и общительнаго характера, или направленаго противъ него кокетства.

Но прошли праздники и наступило наконецъ утро, съ котораго мы начали рассказъ.

Къ завтраку Воскресенскій пришелъ съ священникомъ.

— Написала ты Гавриловой о томъ, когда она должна ждать тебя? — спросилъ онъ жену.

— Я не знала, рѣшено ли окончательно, когда я поѣду.

— Да вотъ батюшка говорить, что сегодня возвратился изъ Краева дьяконъ, дорогу очистили, нужно ѣхать, пока ее опять не замело; но, правду сказать, мнѣ немного страшно отпустить тебя одну: не лучше ли, какъ я говорилъ, попросить Паловцева проводить тебя.

— Къ чему ты хочешь давать поводъ новымъ сплетнямъ; до Краева менѣе пятнадцати часовъ ѣзды, а если бы что и случилось, то Паловцевъ ничему не поможетъ.

— Но кто проводить тебя до станціи?

— Я бы могъ свезти Марью Игнатьевну въ своихъ саночкахъ,—предложилъ священникъ, и во всей сохранности усадить въ вагонъ.

— Ну, и прекрасно,—очень вамъ благодаренъ; значить, въ среду ты можешь ѣхать.

— Вы съ какимъ поѣздомъ поѣдете?

— Съ вечернимъ, въ семь часовъ, чтобы въ Краевъ пріѣхать утромъ.

Послѣ обѣда, въ среду маленькія санки священника подѣхали къ крыльцу смотрительскаго дома.

— Ну, съ Богомъ, Маша, прощай, да смотри, пиши же. Не забудь увѣдомить, къ какому дню выслать за тобою экипажъ на станцію.

— Однако не тепло,—говорилъ Марьѣ Игнатьевнѣ священникъ, когда они выѣхали за городъ.—Какъ мететь, не замело бы опять дороги.

Бодрыя лошади священника ѣжали быстро, и скоро показался освѣщенный домъ стоявшей среди поля станціи.

— Скоро будетъ поѣздъ?—спрашивалъ священникъ у станціоннаго служителя.

— Не могу знать, должно будетъ, но пока ничего не слышно.

Наступило семь часовъ, прошло восемь, девять,—поѣзда все не было. Въ это время соблаговолилъ наконецъ явиться начальникъ станціи.

— Поѣздъ придетъ черезъ два часа,—объявилъ онъ Воскресенской.

— Отчего онъ такъ опоздалъ?

— Богъ его знаетъ, кажется, подъ Краевомъ дорогу занесло, да должно быть вода въ водочачальняхъ мерзнетъ.

— Ужъ не вернуться ли вамъ лучше,—спросилъ Воскресенскую священникъ.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ, лучше недѣлю просидѣть въ снѣгу среди дороги.

Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ, гремя и свервая фонарями, къ платформѣ подкатилъ поѣздъ.

Марья Игнатьевна поспѣшила въ вагонъ.

— Такъ до свиданья, — говорилъ ей священникъ:—будьте благополучны, кланяйтесь Надеждѣ Васильевнѣ, да возвращайтесь скорѣе.

Раздался звонокъ, и длинный поѣздъ, мало по-малу ускорая ходъ, скрылся во мглѣ снѣжной и вѣтряной ночи.

II.

[Изъ записокъ А. В. Вошинникова].

...Болѣе пяти лѣтъ не былъ я въ Москвѣ, успѣвъ въ это время исколесить по крайней мѣрѣ половину Россіи. Наконецъ, судьба снова привела меня въ Бѣлокаменную.

По пріѣздѣ я тотчасъ пустился отыскивать университетскаго товарища и когда-то весьма близкаго пріятеля, Вилантьева, о которомъ давно уже не имѣлъ никакихъ извѣстій. Вначалѣ, по отъѣздѣ моемъ, мы были съ нимъ въ перепискѣ, но вскорѣ, какъ это обыкновенно бываетъ между русскими людьми, переписка становилась отрывочнѣе и наконецъ совсѣмъ прекратилась.

Вилантьева я оставилъ тридцатилѣтнимъ холостякомъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ значительнѣйшихъ частныхъ банковъ, получалъ прекрасное содержаніе и былъ на виду, вообще же принадлежалъ къ числу людей, которымъ особенно легко жидется на свѣтѣ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, но обладалъ тѣмъ практическимъ складомъ ума, который избавляетъ отъ поползновеній бороться съ вѣтранными мельницами. Въ университетѣ онъ былъ хорошимъ студентомъ и хорошимъ товарищемъ. Отъ студенческихъ исторій, которыхъ было много въ то историческое время, Вилантьевъ старался держаться дальше, но тамъ, гдѣ дѣло было серьезнѣе, онъ не отставалъ отъ другихъ и по выбору товарищей храбро шелъ депутатомъ въ переговоры съ университетскимъ начальствомъ, выполняя эти порученія съ свойственнымъ ему достоинствомъ и хладнокровіемъ и умѣя безъ особеннаго старанія и безъ задней мысли сохранить и довѣріе товарищей, и хорошее мнѣніе о себѣ начальства. Товарищи не могли не сознаться, что слова и совѣты Вилантьева полны благоразумія, а начальство видѣло, что если Вилантьевъ въ нѣкоторомъ смыслѣ и бунтуесть, то бунтуесть самымъ благонамѣреннымъ образомъ, не столько по наклонности къ бунту, сколько по обязанности. По выходѣ изъ университета, Вилантьевъ не утратилъ умѣнья невредимо проходить между Сциллой и Харибдой. По службѣ постоянно аккуратный и исполнительный, онъ однако никогда не грѣшилъ тѣмъ избыткомъ усердія, которое часто, какъ говорятъ, вредитъ дѣлу и постоянно вредитъ дѣльцу. Съ своими патронами по банку онъ держалъ себя съ независимой почтительностію, въ одно и то же время льстившею ихъ самолюбію и удалявшюю мысль о какой-нибудь подчиненности.

По убѣжденіямъ, Вилантьевъ былъ оптимистъ, — не настолько, чтобы называть бѣлымъ черное, если оно непрошено лѣзло въ глаза, но не поставлявшій себѣ въ обязанность непременно всюду его отыскивать; по образу жизни — жуиръ, знавшій толкъ и въ хорошей книгѣ, и въ хорошемъ обѣдѣ. Онъ имѣлъ десятки пріятелей и сотни близкихъ знакомыхъ, и со всѣми оставался въ лучшихъ отношеніяхъ, умѣя снисходить къ людскимъ слабостямъ, хотя и позволяя себѣ иногда добродушно надъ ними подтрунивать.

Знаніе людей и умѣнье ладить съ ними, постоянно бодрствующій здравый смыслъ, веселый характеръ и готовность всегда всѣмъ и каждому оказать услугу — заставляли всѣхъ высоко цѣнить знакомство Вилантьева; а способность усидчиво заняться дѣломъ, схватить его сущность и передать ее въ короткой и понятной рѣчи, нелишенной, когда нужно, остроумія и ироніи, дѣлали его неоцѣнимымъ членомъ разныхъ компаній, обществъ, комиссій и комитетовъ.

Словомъ, Вилантьевъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, и я искренно любилъ его.

Была и у него маленькая слабость — женщины. Онъ тратилъ на нихъ много времени и много денегъ. Онъ былъ другомъ пяти-шести хорошенькихъ замужнихъ дамъ, за которыми слегка ухаживалъ, и хорошимъ пріятелемъ десятеа дѣвиць, которымъ возилъ конфеты и книги. Но и съ тѣми и съ другими Вилантьевъ держался твердыхъ принциповъ и тщательно избѣгалъ отношеній, которые могли бы имѣть болѣе или менѣе серьезныя послѣдствія. Не стѣснялся онъ позволялъ себѣ только съ метрессами своихъ пріятелей — коммерческихъ тузовъ.

Таковъ былъ другъ мой Вилантьевъ пять лѣтъ тому назадъ, какимъ же я рассчитывалъ найти его и теперь. На прежней квартирѣ я уже не засталъ его. «Года два ужъ будетъ, какъ переѣхалъ», — сказалъ мнѣ дворникъ.

— Куда?

— А вотъ ужъ дома-то не знаю, чей называется. Да какъ поѣдете по Арбату, — первый переулокъ налево; на правой рукѣ церковь будетъ, такъ отъ церкви второй домъ, на углу.

Я отыскалъ указанный домъ и позвонилъ у квартиры Вилантьева. Мнѣ отворила дверь пожилая, прилично одѣтая женщина, за платье которой держался прехорошенькій мальчишекъ въ четырехъ.

Вилантьевъ былъ дома и принялъ меня съ распростертыми бѣгатыями. Въ его наружности я не нашелъ почти никакой пере-

мѣны, онъ только раздобрѣлъ немного, но глядѣлъ по прежнему красивымъ мужчиной, съ густыми темными волосами и аккуратно подстриженной бородой.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, довольно несвязнаго, какъ это обыкновенно бываетъ между людьми когда-то близкими, но долго не видавшимися, я вспомнилъ о встрѣтившемъ мени мальчикѣ.

— Да ты не женатъ ли?—спросилъ я.

— Пока еще нѣтъ, а что?

— Что это у тебя за ребенокъ?

— Сынъ мой, Андруша.

— Откуда же онъ у тебя? Ты, помнится, и *гражданскимъ* бравоу избѣгалъ такъ же тщательно, какъ и законныхъ.

— Конь о четырехъ ногахъ, и тотъ спотыкается. Это цѣлая исторія. Пойдемъ обѣдать, и я расскажу ее тебѣ, благо ты приѣхалъ встать, чтобы принять маленькое участіе въ ея развязкѣ.

— Кушанье подано!—доложила няня.

Мы вышли въ столовую. Вбѣжалъ Андруша. Сначала, увидѣвъ меня, онъ было смутился, но скоро освоился со мною и сталъ вѣшаться на шею большому водолазу. Вилантьевъ схватилъ его на руки, нѣсколько разъ перевернулъ въ воздухѣ, посадилъ верхомъ на спину сильной и терпѣливой собаки, и затѣмъ отправилъ съ няней обѣдать въ столовую.

Послѣ супа Вилантьевъ началъ рассказъ.

— Если помнишь, мы въ одно время съ тобой выѣхали изъ Москвы; ты на востокъ, я на югъ: правленіе посылало мени въ Одессу и въ Краевъ для ревизіи отдѣлений банка. Это было въ декабрѣ. Покончивъ скоро дѣла въ Одессѣ и съѣздивъ, въ виду наступавшихъ праздниковъ, на нѣсколько дней въ Крымъ, чтобы хоть зимою увидѣть Севастополь, въ началѣ января я долженъ былъ отправиться изъ Одессы въ Краевъ. На бѣду зима въ этотъ годъ стояла снѣжная, метели не прекращались и дорогу отъ Одессы до Краева то-и-дѣло заносило снѣгомъ, такъ что поѣзды по нѣскольку дней простаивали у какой-нибудь станціи среди пути. Тщетно прождавъ перемѣны погоды, я наконецъ рѣшился ѣхать, улучивъ день, когда, по имѣвшимся въ Одессѣ свѣдѣніямъ, путь до Краева былъ свободенъ. Сначала мы дѣйствительно ѣхали какъ слѣдуетъ, но вскорѣ поѣздъ сталъ опаздывать. На наши разпросы о причинахъ, железнодорожный персоналъ стоически отмалчивался. Наконецъ мы узнали, что гдѣ-то впереди, недалеко отъ Краева, дорогу снова занесло, и насъ везутъ такъ тихо для того, чтобы выиграть время для очистки пути и предупредить

скопление многочисленной публики на маленькой станціи, гдѣ, пожалуй, и ѣсть будетъ нечего. На такое объясненіе можно бы возразить много, но приходилось быть благодарнымъ и за него, такъ какъ разговоры съ публикой не входятъ въ программу нашихъ желѣзнодорожныхъ администрацій, особенно одесской. Я радъ былъ бы возвратиться въ Одессу, но обратныхъ поѣздовъ не было. Скука была смертная. Даже поговорить было не съ кѣмъ, потому что въ углу вагона, носившемъ названіе перваго класса, я былъ одинъ. Проклинаая дорожные порядки и поплотнѣе закутавшись, я улегся спать.

Проснувшись утромъ и замѣтивъ, что поѣздъ долго не движется, я хотѣлъ-было пойти отвести душу и съ кѣмъ-нибудь побраниться, — но переѣмнилъ намѣреніе. Дѣло въ томъ, что рядомъ со мною сидѣла молодая и прехорошенькая женщина.

Я ей поклонился, она отвѣчала на поклонъ. Неаккуратность поѣзда служила отличной темой для разговора, и мы разговорились. Оказалось, что она жена смотрителя въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ, и ѣдетъ въ Краевъ на свадьбу къ пріятельницѣ. Вскорѣ затѣмъ я узналъ, что у Марьи Игнатьевны нѣтъ дѣтей, что мужъ слишкомъ вдвое старше ея, что въ своихъ Липовцахъ она страшно скучаетъ и, наконецъ понялъ, что въ ней что-то броить. Впрочемъ, въ ней броженіе было серьезнѣе обычнаго броженья многихъ изъ нашихъ барынь въ ихъ поискахъ того —

Кто-бъ имъ помочь упасть...

— Если судьба дала тебѣ роль Агамемнона, — прервалъ я Зилантьева, — не становись Терситомъ и не клевети. Повѣствуй, оставь прокурорамъ доказывать, будто всѣ наши помыслы вертутъ клубнички вертятся.

— Виновать, я и забылъ, что на тѣму о женскихъ стремленіяхъ ты написалъ когда-то забористую статейку. Продолжаю. Поѣздъ подвигался черепашимъ шагомъ и времени поговорить было достаточно. Досада ли на свѣгъ и управление дороги, годъ ли, — но я наговорилъ вещей, о которыхъ и теперь не могу помнить не краснѣя, но которыя тѣмъ не менѣе произвели эффектъ. На языкъ лѣзло такое, что давно ужъ кануло и сгинуло тревожныхъ жизни сей, и такое, что до этой минуты ни да и не мерещилось. Словомъ, вмѣсто сытаго буржуа, какимъ былъ въ дѣйствительности, я могъ показаться Марьѣ Игнатьевнѣ Гильдъ-Гарольдомъ, одержимымъ міровою скорбью. Правда, я про спохватился и перешелъ въ другой тонъ, но впечатлѣніе оно сдѣлано, и барыня стала видѣть во мнѣ провозвѣстника

любезныхъ ей идей и вѣщателя новыхъ для нея словъ; она слушала меня съ любопытствомъ, въ ея взорахъ свѣтилось участие.

— Нельзя ли узнать, что это были за слова и за идеи?

— Да тѣ же, которыми и ваша братья безвѣрныио вертѣли въ былое время бабьи головы, только въ болѣе удобопонятной формѣ. Должно быть, я и изъ твоей статьи прихватилъ кое-что. Вообще вы, рыцари печальнаго образа, оказали намъ у женщинъ много неоцѣнимыхъ услугъ, и намъ, баранамъ, куда какъ бываетъ привольно щеголять въ вашей львиной шкурѣ.

— Не проглянули бы уши рано или поздно.

— Да мы ихъ и не прячемъ, они драгоценнѣйшее наше украшеніе. Благодаря имъ, и своя шкура цѣла, и вапа на плечахъ. Вся задача—однихъ убѣдить въ томъ, что они настоящія, а другихъ заставить думать, что поддѣльныя, и привѣшаны только для отвода глазъ кому слѣдуетъ.

— Впередъ, веселый философъ!

— Такимъ образомъ, мы успѣли уже очень хорошо сойтись съ Марьей Игнатьевной къ тому времени, когда поѣздъ пришелъ на станцію верстахъ въ пятьдесятъ отъ Краева, гдѣ намъ объявили, что дальше ѣхать нельзя.

— Долго ли поѣздъ простоятъ здѣсь?—спрашивали мы у начальника станціи.

— Пока очистятъ дорогу.

— А когда ее очистятъ?

— Какъ только найдутъ рабочихъ; въ такую погоду никто не хочетъ идти; впрочемъ, теперь и очищать бесполезно: опять тотчасъ заносить.

— Еще бы найти рабочихъ,—заговорилъ кто-то,—если ихъ постоянно обчитываютъ: наймутъ рубля по полтора въ день, а потомъ станутъ высчитывать время проѣзда, остановокъ, и за-платятъ по полтиннику. Съ чего-жъ бы и наживаться ниже-нерамъ!

— До Краева недалеко; нельзя ли лошадей нанять?—спросилъ я у начальника.

— Не знаю, это меня не касается,—сухо отвѣчалъ онъ, но тотчасъ прибавилъ:—въ верстахъ отсюда есть село, тамъ, быть можетъ, и найдете.

Я отправилъ въ село одного изъ служителей, и черезъ часъ онъ привелъ мнѣ рыжебородаго еврея Янвеля, который, послѣ долгихъ переговоровъ и безконечной болбы, согласился наконецъ свезти меня въ Краевъ за десять рублей. Я выговорилъ при

этомъ, что въ саняхъ онъ приладить будку, которая хотя немного защитила бы отъ вѣтра.

— Не возьмете ли вы и меня съ собою?—спросила меня Марья Игнатьевна, когда я сообщилъ ей о своемъ намѣреніи.

— Съ большимъ удовольствіемъ, но я боюсь, нѣтъ ли въ этомъ риска; я мѣстности не знаю и никакой отвѣтственности на себя принять не могу.

— Да если я замерзну, такъ вѣрно и вы тоже; значить, и отвѣчать вамъ не придется. Здѣсь же, на станціи, все равно умрешь со скуки.

Часа въ три сани явились. Пассажиры цѣлой гурьбой высыпали на крыльцо провожать насъ, и среди шутливыхъ пожеланій всего хорошаго, мы выѣхали.

Въ полѣ лежалъ глубокій снѣгъ и лошади, едва вытягивая ноги, шли почти шагомъ. Холодный сѣверовосточный вѣтеръ не замедилъ дать себя почувствовать, особенно моей спутницѣ, одѣтой довольно легко для такой погоды. Я вытащилъ одѣяло, закуталъ ей ноги, прикрылъ ее пледомъ, и она скоро согрѣлась.

Намъ весело болталось. Марья Игнатьевна рассказывала мнѣ о своей жизни въ Липовцахъ, о тамошнихъ дѣлахъ и людяхъ. Я засматривался на ея выразительное личико и забылъ и о мятели, и о дорогѣ. Между тѣмъ вспомнить о томъ и о другомъ было давно пора: нашъ Янкель давно уже какъ-то неодобрительно побрякивалъ и нѣсколько разъ, не останавливая лошадей, соскакивалъ съ возель, забѣгалъ впередъ и тыкалъ кнутовищемъ въ снѣгъ, надѣясь ощупать дорогу. Вѣтеръ не утихалъ, снѣгъ валилъ хлопьями; въ двухъ-трехъ шагахъ уже не было ничего видно.

— Что, далеко отѣхали?—спросилъ я.

— А кто его знаетъ! Не разберешь, по дорогѣ ли мы ѣдемъ, или нѣтъ. Ѣдемъ, кажется все прямо: вѣтеръ все съ одной стороны,—между тѣмъ деревни нѣтъ, а ей давно бы пора быть.

Я посмотрѣлъ на часы, былъ шестой часъ; слѣдовательно, мы ѣхали больше двухъ часовъ и должны были сдѣлать по крайней мѣрѣ верстъ пятнадцать. Начинало темнѣть. Янкель остановилъ лошадей и пошелъ осматривать дорогу; уже чрезъ нѣсколько секундъ мы потеряли его изъ глазъ, а минутъ черезъ пять услышали его голосъ. Онъ звалъ насъ. Я отделился, и онъ пошелъ.

— И зналъ, въ которой сторонѣ оставилъ сани, а все не могъ найти, говорилъ онъ. Недалеко влѣво примѣтна дорога; наша или нѣтъ, не знаю, а нужно ѣхать, чтобы хоть куда-нибудь добратся: бѣда, если придется ночевать въ полѣ. Сель и

деревень кругомъ много, но при такой мятели по улицѣ проѣдешь, а избы не замѣтишь.

Мы повернули нѣсколько влѣво, и на пригоркѣ, гдѣ снѣгу было меньше, замѣтили, какъ намъ казалось, слѣды колен. Скоро сдѣлалось совершенно темно. Янвель чаще и чаще слѣзая съ козелъ и разсматривая дорогу. Спутница моя дремала, склоняясь головой въ мою сторону; я почти совершенно укуталъ ее своей шубой. Сани сильно наклонились на ухабѣ, она схватила мою руку и уже не выпускала ее. Голова ея лежала на моемъ плечѣ, и когда я наклонился немного, почти машинально,—губы наши встрѣтились: Маша не отвела своихъ, и хотя слабо, но отвѣчала на мой поцѣлуй.

Я въ свою очередь забывался въ какой-то полудремотѣ, мало заботясь о томъ, скоро ли мы доѣдемъ, да и доѣдемъ ли куда-нибудь. Мнѣ было почти досадно, когда раздался голосъ Янвеля:

— Слава Богу, впереди слышенъ собачій лай и что-то чернѣетъ.

— Марья Игнатьевна! — тихо заговорилъ я, — проснитесь: куда-то пріѣхали.

Она приподнялась, взглянула на дорогу, потомъ еще крѣпче прижалась ко мнѣ и вдругъ, обвивъ мою шею руками, крѣпко и горячо меня поцѣловала.

— Э, да это Лейбинъ шинокъ,—говорилъ Янвель.—Версть пять мы дали врюку; отсюда до Краева еще двадцать пять версть. Зато вамъ здѣсь будетъ покойно, комната есть, и чаю напиться, и поужинать можно.

Вилантьевъ замолчалъ на минуту и отхлебнулъ изъ стакана нѣсколько глотковъ лафиту.

— Если я останавливаюсь на всѣхъ этихъ подробностяхъ,— продолжалъ онъ,—то не столько для того, чтобы тебя посвятить въ нихъ, сколько потому, что мнѣ самому пріятно о нихъ вспомнить, и ты долженъ извинить старческую болтливость. Что же касается до разныхъ лирическихъ отступленій, которыя ты встрѣтишь въ моемъ рассказѣ, то, признаюсь тебѣ, я радъ случаю подвести нѣкоторые итоги, и знаешь ли, не во гнѣвъ твоей милости, во многомъ доволенъ этими итогами. Повѣривъ когда-то въ призваніе вашей братіи нести свѣточъ жизни, я не разъ, въ былое время, упрекалъ себя за несчастную привычку чхать, когда чхалось, и хотѣть ѣсть, когда былъ голоденъ. По глѣни и безопасности, я исправиться не могъ, но часто считалъ себя преступнымъ въ *lèse-majesté* какого-нибудь великаго принципа, ко-

торый вы для насъ измыслили. «Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы», соображалъ я себѣ въ утѣшеніе, но это мнѣ самому казалось неблаговидной уверткой, и я иногда дорого бы далъ за способность забнуть, задыхаясь отъ жару.

— Я вижу, что въ тѣхъ мѣстахъ разказа, гдѣ ты чувствуешь себя не совсѣмъ ловко, ты ударяешься въ диверсію и начинаешь громить какую-то воображаемую нашу братію, якобы (говорю излюбленнымъ московскимъ слогомъ) въ чемъ-то тебя обвиняющую. Впрочемъ, это хорошій признакъ, и лучше всего доказываетъ благотворность тѣхъ принциповъ, которые тебѣ мерещатся въ нашемъ образѣ. Поэтому, я возражать тебѣ не буду и только съ удовольствіемъ замѣчу, что манера выражаться, которую ты приобрѣлъ, дѣлаетъ много чести московскому краснорѣчю.

— Благодарю за комплиментъ и себѣ, и московскому краснорѣчю... но ты отчасти правъ: на другой день, когда мы довольно поздно покинули корчму, въ которой ночевали, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Маша была задумчива, ея рука лежала безучастно въ моей. Она долго молчала.

— Владимиръ,—заговорила она наконецъ, поднявъ на меня глаза, полные печали и смущенья,—ради Бога, не думай обо мнѣ очень дурно послѣ того, чтó случилось. Вѣрь, что до тебя я никого не любила. Ты мнѣ понравился, какъ только я тебя увидѣла. Теперь я люблю тебя, и никого, кромѣ тебя, никогда любить не буду.

Я крѣпко обнялъ Машу, ничего ей не отвѣчая. Въ ея словахъ и въ голосѣ было столько искренности и застѣнчивой нѣжности, что во мнѣ шевельнулось тревожное чувство. То, чтó въ другомъ случаѣ мнѣ самому могло казаться, такъ-сказать, удачнымъ приключеніемъ, теперь возбуждало во мнѣ печаль и безпокойство. Я съ удивленіемъ замѣчалъ, что Маша мнѣ слишкомъ близка, и меня заботила и пугала ея будущность.

Подъѣзжая въ Краеву, мы рѣшили дня два прожить въ Краевѣ вмѣстѣ. Краевъ—городъ большой, и было мало опасности, что контрабандное пребываніе Маши будетъ открыто, тѣмъ болѣе, что поѣздъ, который мы покинули, долженъ былъ придти еще не скоро. Мы остановились въ гостинницѣ подальше отъ центра города и заняли два сосѣдніе номера.

Описать подробно, какъ мы провели эти три дня, было бы для меня чрезвычайно трудно. Когда я впослѣдствіи думалъ объ этомъ времени, оно казалось мнѣ какимъ-то фантастическимъ

сномъ, но сномъ настолько живымъ и рельефнымъ, что предъ нимъ блѣднѣла дѣйствительность.

Мама непремѣнно настаивала, чтобы мы отправились въ одно время,—я въ Москву, она къ Гавриловой. Она говорила, что ей было бы слишкомъ тяжело знать, что я такъ близко отъ нея, и не имѣть возможности меня видѣть; а возможности этой не было, такъ какъ она не могла ни видѣться со мной тайкомъ отъ Гавриловой, ни дѣлать ее участницей своей измѣны мужу.

Я видѣлъ, какъ при каждомъ обстоятельстве, которое должно было напомнить Машѣ о мужѣ, она мрачно задумывалась. Ей было очень тяжело, но и мнѣ глядѣть на нее было не легко.

— Мама,—началь я въ одну изъ такихъ минутъ,—между нами есть много невыговореннаго. Мы оба поступили неосторожно, но того, что случилось, не вернемъ. Нужна какая-нибудь развязка. Ты страдаешь и теперь. Разлука будетъ горемъ одинаково и для тебя, и для меня. Поѣдемъ со мною.

— Это невозможно.

— Послушай, бываютъ въ жизни положенія, изъ которыхъ нельзя придумать вполнѣ удовлетворительнаго выхода. Таково теперь наше. Изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее. Я не смѣю тебѣ совѣтовать; что тебѣ дѣлать—рѣши сама, но имѣй жертвы, на которую я не рѣшился бы ради тебя. Хочешь, я поѣду въ Липовцы и объяснюсь съ твоимъ мужемъ.

— Въ чемъ ты можешь съ нимъ объясниться? Ты скажешь ему, что я его бросаю. Послѣ того, что случилось, онъ имѣетъ право бросить меня, а не я его. Но и то, и другое его убьетъ одинаково, точно также, какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ я буду одинаково несчастна. Бросить его, больного, одинокаго, бросить на жертву и собственной скорби, и грязнаго хихиканы кругомъ,—это не только измѣна, это предательство. Я этого никогда не сдѣлаю, какъ ни люблю тебя.

Я не возражалъ. Ты вѣроятно готовъ замѣтить, что въ словахъ Маши было мало логики; я думалъ это тогда же, но о логикѣ я вообще не высокаго мнѣнія и полагаю, что часто безъ нея не только можно, но и должно обходиться въ жизни. Къ тому же, настаивать на своемъ предложеніи—значило бы брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность за всю будущность Маши, а, признаюсь, я и въ себѣ не былъ достаточно увѣренъ. Наконецъ, я не могъ не замѣтить, что при характерѣ Маши трудно заставить ее измѣнить то, на что она твердо рѣшилась.

Согласно ея желанію, я спѣшилъ покончить дѣла свои въ Краевѣ. Въ два утра дѣятельность банка была обрѣзана, къ

великому удовольствію, какъ завѣдывающихъ банкомъ, такъ и ихъ пріятелей, болѣе или менѣе вліятельныхъ Ицекъ и Гершекъ. Впрочемъ, сказать къ слову, по пріѣздѣ въ Москву, я откровенно заявилъ правленію, что ревизія произведена мною далеко не полно, намекнулъ на кое-какія плутни, концы которыхъ мнѣ удалось подмѣтить, и просилъ послать кого-нибудь для новой, болѣе тщательной ревизіи. Такъ и сдѣлали. Но это къ дѣлу не идетъ.

Три дня быстро прошли. Нужно было разстаться. Маша непремѣнно хотѣла проводить меня на дебаркадеръ.

— Маша, ѣдемъ со мною,—говорилъ я ей еще разъ.

— Нѣтъ. Прощай. Не забывай меня. Я буду писать тебѣ. Пиши, если будешь меня помнить.

Я уѣхалъ.

Я никогда не считалъ себя способнымъ къ глубокимъ чувствамъ и, признаюсь, покидалъ Марью Игнатьевну безъ раздирающей скорби. Но воспоминаніе трехдневной семейной жизни (съ ея розами, безъ ея шиповъ) наполняло меня сознаниемъ невознаградимой утраты и заставило предаться печальнымъ размышленіямъ на социальныя тѣмы. Я думалъ объ уродливой молодости нашего брата-бурлака, выросшаго внѣ общества, и главное, внѣ семьи и объ уродливыхъ отъ этого отношеніяхъ къ женщнѣ. Это точно отношеніе двухъ враждебныхъ породъ, кошки и собаки, такъ что наша нѣжность едва ли не опаснѣе для нея нашего гнѣва. Въ послѣднемъ случаѣ она по крайней мѣрѣ на сторобѣ, а въ первомъ мы того и глади, совершенно неожиданно и для нея и для себя, прихватимъ ее зубами. Отъ этого женщина или наша жертва, или игрушка, или тиранъ. Иногда все вмѣстѣ. Истребить въ насъ такіе инстинеты бываетъ очень трудно, и отъ женщины, которая поставила бы себѣ цѣлью воспитать въ этомъ смыслѣ мужа, потребовались бы не только развитіе, умъ, сильный характеръ и большое умѣнье, но еще и то ясное, всеобъемлющее великодушіе, которое менѣе всего свойственно женщинамъ. Я не буду излагать тебѣ всей цѣпи моихъ мыслей въ вагонѣ по выѣздѣ изъ Краева, но онѣ приводили къ тому, что трехдневное пребываніе въ Краевѣ представлялось мнѣ благодатнымъ оазисомъ среди пустынной степи, безконечно тянувшейся отъ него какъ въ прошедшее, такъ и въ будущее. Ближайшимъ результатомъ этого было первое, весьма нѣжное, хотя и короткое письмо мое къ Машѣ изъ Курска.

Дня черезъ три по пріѣздѣ въ Москву я получилъ отъ нея длинное посланіе; оно было веселое: Маша въ шутовомъ тонѣ

описывала свадьбу Гавриловой и своихъ новыхъ краевсентхъ знаемыхъ; въ заключеніе просила чаще писать ей.

Переписка наша велась чрезъ Соколову, бывшую Гаврилову. Въ количествѣ писемъ я былъ довольно исправенъ, но, правду сказать, роль Абеяра была вовсе не по мнѣ, все это стало скоро казаться мнѣ слишкомъ монотоннымъ и слишкомъ прѣснымъ. Нашъ романъ кончился бы, вѣроятно, на нѣсколькихъ десяткахъ писемъ, еслибы новое обстоятельство не измѣнило совершенно характера нашихъ отношеній.

Мѣсяца черезъ три Маша написала мнѣ, что она беременна. Какъ ей сказать объ этомъ мужу, который не могъ, въ настоящемъ случаѣ, не изумиться такому извѣстію...

Извѣстіе было серьезное. То, что до сихъ поръ могло считаться пикантнымъ приключеніемъ, теперь становилось жизненнымъ вопросомъ. Я старался отдать себѣ отчетъ, какое впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе. Впечатлѣніе, какъ мнѣ казалось, было болѣе радостное, нежели тревожное. На меня налагалась обязанность, влекущая за собой и щекотливыя отношенія, и серьезную отвѣтственность, но жизни моей давался смыслъ, въ ней являлась цѣль и содержаніе.

Я написалъ Машѣ горячее письмо, умоляя ее, оставить мужа, пріѣхать ко мнѣ полной хозяйкой и женой, насколько это возможно.

Отвѣтъ я получилъ не скоро. Маша писала, что она все рассказала мужу, предлагала ему развѣхаться, предлагала даже начать съ нею процессъ о разводѣ за невѣрность, но мужъ не согласился. Онъ объявилъ, что рѣшается признать ребенка своимъ, позволяетъ ей кормить его, но желаетъ, чтобы, отнявъ отъ груди, она отослала его къ отцу, т.-е. ко мнѣ.

«Но до этого еще долго,—прибавляла Маша,—и тогда увидимъ, на что рѣшиться, а теперь я не могу оставить мужа; онъ хвораетъ, онъ тоскуетъ; меня онъ любитъ, и бросить его было бы безчеловѣчно. Правда, несмотря на все свое стараніе былъ мягкимъ, онъ сталъ еще болѣе капризенъ и раздражителенъ, но не мнѣ жаловаться на это. По крайней мѣрѣ теперь онъ пересталъ ревновать меня къ первому встрѣчному».

Наконецъ, я получилъ извѣстіе о рожденіи Андрюши. «Онъ совершенно похожъ на тебя,—писала мнѣ Маша мѣсяца черезъ два:—у него такіе же быстрые черные глаза, такой же смѣлъ губъ, даже рука твоя».

Мысль о находящемся гдѣ-то маленькомъ, безпомощномъ и пока еще бессмысленномъ, но почему-то мнѣ близкомъ существѣ.

и о его матери неотступно преслѣдовала меня; съ нею я засыпалъ и съ нею просыпался. Увидѣть Машу и ея ребенка сдѣлалось наконецъ для меня непреодолимою потребностью, и я написалъ ей объ этомъ.

«Пріѣзжай въ Краевъ», отвѣчала она, «я хоть на одинъ день найду возможность пріѣхать туда съ Андрюшей. По пріѣздѣ обратись въ Соколовой, но прежде точно назначь время своего пріѣзда и приготовься, если будетъ нужно, недѣлю прожить въ Краевѣ въ ожиданіи насъ».

Возможность продолжительной отлучки изъ Москвы представлялась мнѣ не раньше мая, да прежде я и боялся подвергать Машу съ ребенкомъ неудобству зимней или весенней поѣздки. Извѣстивъ за недѣлю Машу, я отправился въ Краевъ и остановился въ той же гостинницѣ, въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ мы жили когда-то. Послѣ двухъ дней томительнаго ожиданія, утромъ часовъ въ одиннадцать постучались въ дверь моего номера, и въ комнату вошла Маша съ черноглазымъ, здоровымъ и веселымъ семимѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ. Объясняй какъ хочешь, но въ то время мнѣ казался самымъ счастливымъ часомъ жизни тотъ, когда я въ первый разъ держалъ у себя на волѣняхъ мать, ставшую для меня вдвое красивѣе прежняго, и сына, теребившаго меня за бороду, смотрѣвшаго мнѣ въ глаза своими глазенками и гримасничавшаго отъ усилій что-то пролететь.

— Ты надолго, Маша! Гдѣ ты остановилась, почему не пріѣхала прямо сюда?

— Я остановилась у Соколовой, и сегодня же ѣду обратно.

— Что такъ скоро.

— Дальше нельзя. Да повѣрь, Андрюша скоро бы надоѣлъ тебѣ. Это теперь только для перваго знакомства онъ такой умнигъ, а тр-съ нимъ много возни. Потомъ, я общалась мужу возвратиться тотчасъ же. Я уѣхала подъ предлогомъ необходимости посоветоваться съ докторомъ Верникомъ о своемъ здоровьѣ и объ Андрюшѣ, но мужъ, кажется, догадывается объ истинной причинѣ моей поѣздки. «Маша, будь благоразумна ради себя и ради ребенка», сказала она мнѣ на прощаньи, «и не забудь, что я вѣрю твоей чести».

— Но такое положеніе невыносимо. Я имѣю на тебя больше правъ, нежели твой мужъ. Маша, уѣдемъ со мною.

— Это невозможно. Я тебѣ говорила, что это значило бы убить человѣка, имя котораго я ношу и которому многимъ обязана.

— Но ребенокъ мой, и ты отдашь мнѣ его.

— Когда выкормлю, отдамъ. Отдамъ ради мужа. Сколько онъ ни старается быть ласковымъ со мною и съ Андрюшей, какъ ни заботится о насъ, я вижу, что одинъ видъ Андрюши постоянно раздражаетъ его и усиливаетъ и до сихъ поръ неизгладившуюся въ немъ скорбь о потерѣ нашей дочери. Это раздраженіе тѣмъ вреднѣе, что онъ старается подавить его... Послушай, мужъ мой очень боленъ. Силы его падаютъ съ каждымъ днемъ, онъ проживетъ не долго, но я не хотѣла бы ни однимъ днемъ ускорить смерть его. Я отдаю тебѣ ребенка, чтобы видъ его не дѣйствовалъ вредно на мужа, и для того, чтобы посвятить уходъ за нимъ все свое время, но предупреждаю тебя, если я останусь одна, ты возвратишь мнѣ Андрюшу.

• — Объ этомъ нѣтъ надобности говорить заранѣе.

Мы разстались, условившись, что Маша зимою привезетъ мнѣ сына: Я уѣзжалъ съ тяжелымъ сердцемъ и далеко не въ такомъ романтическомъ настроеніи духа, въ какомъ пріѣхалъ. Но въ концѣ-концовъ долженъ былъ сознаться, что Маша права: было бы очень печально, если бы отношенія, создававшіяся и поддерживавшіяся годами, разлетались вдругъ прахомъ въ вихрѣ неизвестно откуда явившагося *чувства*; слово «чувство» я произносилъ даже съ нѣкоторой ироніей, а самое чувство, къ которому до сихъ поръ я питалъ по-наслышѣ большое довѣріе, стало терять въ моихъ глазахъ свой авторитетъ. Я, очевидно, старѣлъ.

Къ осени я нанялъ помѣстительную квартиру, обзавелся хозяйствомъ и пріискалъ хорошую женщину въ няньки для Андрюши. Маша привезла мнѣ его въ январѣ. Онъ былъ здоровый мальчикъ, забавно ковылялъ на своихъ крохотныхъ ножкахъ и начиналъ уже лепетать.

Сколько я ни убаждалъ Машу поселиться въ Москвѣ, она не соглашалась. Она не хотѣла даже остановиться у меня въ время пріѣзда.

— Ты не любишь меня,—говорилъ я ей.

— Я тебя крѣпко люблю; я тебѣ оставляю ребенка, которого люблю больше жизни, и оставляю охотно, потому что онъ будетъ служить связью между нами. Мысль и сердце мое постоянно будутъ съ вами, но я и такъ ужъ много виновата предъ мужемъ и дала ему слово при жизни его не принадлежать больше ни тебѣ, ни кому другому.

Маша пробыла въ Москвѣ дней пять. Няня оказывалась хорошею, ребенокъ привыкъ къ ней, и Маша уѣхала, взявъ съ меня слово писать ей какъ можно чаще и какъ можно больше объ Андрюшѣ, и писать уже прямо на ея имя въ Липовцы.

Наканунѣ отъѣзда я подаль Машѣ паветъ съ нѣсколькими стами рублей.

— Ты вѣрно даешь мнѣ деньги? Какъ мнѣ ни совѣстно брать ихъ отъ тебя, но еще болѣе совѣстно заставляя мужа тратиться на мои поѣздки. Но здѣсь слишвомъ много. Я возьму сто рублей, изъ которыхъ останется довольно, чтобы пріѣхать сюда весною взглянуть на Андриюшу.

По отъѣздѣ, Маша писала мнѣ часто. Содержаніемъ цѣлаго письма былъ обыкновенно Андрияша. О мужѣ она писала, что онъ все хвораеть, хотя зимою ему стало замѣтно лучше. Съ нею онъ ласковъ и внимателенъ, объ Андрияшѣ не говоритъ. Знакомымъ они сказали, что отвезли его въ одной родственницѣ, такъ какъ весною собираются въ Пятигорскъ на воды; съ собою взять ребенка не могутъ, а оставить его въ Липовцахъ не на кого.

Весною пріѣздъ Маши въ Москву не состоялся. Она заболѣла корью, и проболѣла долго, а въ маѣ доктора настоятельно совѣтовали мужу ѣхать на-воды. Начальство дало ему довольно продолжительный отпускъ и выхлопотало у земства пособіе на поѣздку. Получивъ извѣстіе, что Мама ѣдетъ на Кавказъ, я послалъ ей-было чрезъ Соколову триста рублей, но получилъ ихъ обратно въ листѣ бѣлой бумаги съ надписью отъ Николая Воскресенскаго, а чрезъ нѣсколько времени и письмо отъ него. Оно у меня цѣло.

Вилантьевъ досталъ изъ письменнаго стола почтовый листъ большого формата, исписанный крупнымъ почеркомъ. Въ это время мы уже сидѣли у него въ кабинетѣ и вели нашу бесѣду за рюмками какого-то хитраго ликера.

«Милостивый государь,—писалъ Воскресенскій,—я не имѣю чести знать васъ, но такъ какъ судьба поставила насъ въ близкія отношенія, то я считаю за нужное написать вамъ. Я вѣроятно очень виноватъ передъ Машей: я былъ уже въ лѣтахъ, когда женился на ней, молоденькой дѣвушкѣ. Разница въ возрастѣ была бы, можетъ быть, не такъ замѣтна, если бы не болѣзнь, которая меня преждевременно состарила. Вдобавокъ, у насъ былъ только одинъ ребенокъ, и тотъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія; жена моя по болѣзни его не кормила, и потому почти не знала материнскихъ чувствъ, а отъ надежды имѣть другихъ дѣтей мы должны были отказаться... Я не буду говорить вамъ о чувствахъ, которыя должна была возбуждать во мнѣ мысль о томъ, что, лишившись собственнаго ребенка, я сталъ номинальнымъ отцемъ чужого: я принялся писать вамъ не о себѣ, да вы и не поймете этого.—Я не обвиняю Машу, тѣмъ бо-

лѣе, что свой проступокъ она искупила предо мною терпѣніемъ и кротостью, съ какими выносила и мою болѣзнь, и подчасъ капризы, и даже несправедливость. Если она и была три года тому назадъ легкомысленной женой, то въ послѣднее время оказала себя вполне честною и хорошею женщиною, хорошею матерью, а въ отношеніи ко мнѣ заботливой, преданной и искренней дочерью. Я не только прощаю ее: я благодаренъ ей. — Обращаюсь къ вамъ. Поступокъ вашъ съ Машею былъ болѣе, нежели легкомысленъ: подъ вліяніемъ минутной прихоти, даже, положимъ, болѣе глубокаго минутнаго увлеченія, вы не побоялись рискнуть репутаціей, совѣстью и счастьемъ женщины. Но готовность, съ которою вы взяли на себя заботы о ребенкѣ и ваши письма къ Машѣ — я читалъ нѣкоторыя изъ нихъ — показываютъ, что вы можете руководиться и лучшими побужденіями. Я боленъ, боленъ сильно и неизлечимо; жить остается мнѣ не долго, а съ моею смертію для васъ возникаютъ серьезныя обязанности какъ въ отношеніи Андрея, такъ и въ отношеніи Маши. Чтобы вы лучше могли понять значеніе этихъ обязанностей, я и допустилъ Машу передать вамъ ребенка. Я далъ вашему сыну свое имя, имя человѣка честнаго; небольшія крохи, которыя мнѣ удалось собрать честнымъ, прилежнымъ, а подчасъ и тяжелымъ трудомъ, я оставляю Машѣ и вмѣстѣ Андрею; — прошу не возражать: Маша жена моя, а Андрей мой сынъ! Вашъ долгъ — честное имя сохранить честно за Андреемъ, прежде всего тѣмъ, чтобы не сдѣлать изъ его матери свою конкубину. Или оставьте ее, возвративъ ей сына, или женитесь на ней. Въ послѣднемъ случаѣ вы найдете въ ней хорошую жену. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Затѣмъ, прощайте. Да будетъ на васъ благословеніе божіе, если вы его заслужите.

Николай Воскресенскій.

«PS. Отвѣта не ожидается».

Только въ октябрѣ Маша собралась пріѣхать на два дня въ Москву. Она похудѣла и видимо измучилась. Воды мало могли ей мужу, и здоровье его было хуже, чѣмъ когда-либо; онъ былъ такъ слабъ, что едва ходилъ. Эти два дня Маша провела безвыходно съ ребенкомъ и была въ страшной тревогѣ: мысль о больномъ мужѣ не давала ей покою; она послала нѣсколько телеграммъ и безпрестанно порывалась ѣхать.

— Владимиръ, — говорила она: — я должна ѣхать. Если тебя не затруднитъ, проводи меня съ Андрюшей до Краева.

— Меня это нисколько не затруднитъ, и я провожу тебя,

но для Андриюши такой путь взадъ и впередъ будетъ очень тяжелъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я не подумала. Проводи меня до Курска, и возвратись.

Изъ Липовецъ Мама стала писать чаще, чѣмъ прежде, но письма ея были коротки. Все ея время было отдано уходу за мужемъ, который уже не вставалъ съ постели и тосковалъ, если Мама отъ него отходила. Она читала ему или работала у его постели. «Нѣсколько разъ,—писала Мама,—поднимая глаза отъ книги или газеты, я встрѣчала пристальный взглядъ мужа. Въ этомъ взглядѣ бывало столько кротости и вмѣстѣ столько печали, что мнѣ становилось невыносимо больно. Меня брало раскаяніе, хотѣлось создать что-то невозможное, возвратитъ то, чего никогда не существовало. Въ эти минуты, признаюсь, я больше его, нежели твоя, нежели Андриюшина: мнѣ кажется, нѣтъ жертвы, предъ которой я остановилась бы для него. Разъ я съ рыданіемъ упала предъ постелью и стала цѣловать его руку.— «Будь счастлива,—Мама, связалъ онъ...—поди, успокойся... пошли узнать, не принесли ли почту; я жду важную бумагу отъ попечителя».

Въ началѣ марта я получилъ письмо за черною печатью: Мама увѣдомляла, что двѣ недѣли назадъ Воскресенскій умеръ.

Письмо это было вообще странное. Мама извинялась предо мною въ хлопотахъ, которыя мнѣ надѣлала; писала, что намѣрена ѣхать въ Краевъ держать экзаменъ на званіе учительницы, и что ей общали мѣсто въ женской прогимназій; затѣмъ просила прислать ей какъ-нибудь Андриюшу въ Краевъ, куда она за нимъ пріѣдетъ.

Я, разумѣется, отвѣчалъ, что все это вздоръ, дѣлающій весьма мало чести ея сердцу и ея характеру, что Андриюши я посылатъ къ ней не буду, а пріѣду за нею, какъ за женою.

Отвѣтъ ея былъ снова лаконическій: она просила въ десятихъ числахъ апрѣля пріѣхать, хотя бы и безъ Андриюши, въ Краевъ, если только я не переѣмлю намѣренія ее видѣть.

Нечего говорить, что десятого апрѣля я былъ въ Краевѣ, и черезъ часъ Мама рыдала на груди моей.

— Дорогой мой Владимиръ!—говорила она,—наконецъ эти страшные четыре года миновали. Если бы ты зналъ, сколько я страдала въ разлукѣ съ тобою, въ разлукѣ съ Андриюшей... Помню я, какъ я была беременна, была больна и ни съ кѣмъ не смѣла говорить о своемъ положеніи, съ горечью думая о будущности ребенка, тоскуя объ отцѣ его... Потомъ, когда у

меня родился Андриша, мнѣ не съ кѣмъ было порадоваться его улыбка... Я запиралась съ нимъ въ комнату и, прижавъ губами къ его ножкамъ, горько и горько рыдала... А болѣзни Андриши!.. Одна сидѣла я надъ колыбелью горящаго въ жару и стонущаго ребенка, не рѣшалась даже говорить объ его опасномъ положеніи, изъ боязни подмѣтить невольную радость при этомъ извѣстіи...

— Полно, Маша, успокойся; все это прошло; мы больше не разстанемся и завтра же можемъ обвѣнчаться. Я взяла всѣ нужныя бумаги...

— Послушай, Владимиръ! можешь вѣрить, что мнѣ самой тяжело то, что я скажу тебѣ. Я готова ѣхать съ тобою, готова жить у тебя, но не принуждай меня быть твоею раньше, нежели пройдетъ годъ со дня смерти мужа. Ты скажешь, что это предрассудокъ; пусть такъ, но этимъ я обязана его памяти. Мы долго ждали, теперь остается ждать не долго, и ждать уже не въ разлуку, но если ты думаешь, что жить такъ вмѣстѣ намъ будетъ неудобно, я останусь пока здѣсь.

Я, разумѣется, предпочелъ первое предложеніе второму, и Маша поселилась у меня. Правду сказать, такая жизнь была мнѣ вовсе не по-нутру. Маша была для меня самой заботливой хозяйкой, нѣжной сестрой и веселой собесѣдницей, но мени томило неопредѣленное положеніе. Оно продолжалось уже черзчуръ долго.

На мои замѣчанія объ этомъ Маша отвѣчала постоянно одно:

— Если ты станешь настаивать, я готова быть твоею сегодня же,—женой или не женой, все равно,—но это будетъ противъ моей совѣсти, и ты долженъ быть снисходителенъ. Притомъ, въ это время мы лучше узнаемъ другъ друга. Знаешь ли, что я дѣлала эти четыре года въ Липовцахъ: я очень прилежно училась и читала; я выучилась хорошо по-французски, порядочно по-нѣмецки, выучила нѣсколько учебниковъ, прочла и составила извлеченіе изъ многихъ книгъ по исторіи, путешествіямъ, физикѣ и даже физиологіи. Я не хотѣла, чтобы ты краснѣлъ за мое невѣжество, если мнѣ придется стать твоею женою, чего я всегда желала и на что, признаюсь, втайнѣ надѣялась.

Въ февралѣ Маша объявила, что ей необходимо съѣздить по дѣламъ въ Краевъ, но я думаю, что всѣ дѣла заключались въ намѣреніи отслужить панихиду на могилѣ мужа.

— По возвращеніи я твоя, и твоя на всю жизнь,—говорила она мнѣ, прощаясь.

Я ее жду на-дняхъ.

— Андриюша! скоро мамà прїѣдетъ? — обратился Вилантьевъ къ мальчику, уже нѣсколько разъ выглядывавшему въ дверь во время разсказа.

— Завтра прїѣдетъ, — отвѣчалъ ребенокъ.

— А кого ты больше любишь, маму или меня?

— Маму люблю.

— А еще кого?

— Няню люблю, Тлезола люблю, — отвѣчалъ Андриюша, тебѣ махавшаго хвостомъ и повернувшаго къ нему голову водолаза.

— Ну, а меня любишь?

— А ты мнѣ дася конфетъ?

— Трезоръ же не дастъ тебѣ конфетъ?

— У Тлезола нѣту, онъ самъ бы съѣлъ, онъ конфеты любить.

Около недѣли не видалъ я Вилантьева. Онъ заѣзжалъ нѣсколько разъ, но не заставалъ меня: я рыскалъ по старымъ знакомымъ. Наконецъ, онъ оставилъ записку съ просьбою непременно прїѣхать вечеромъ къ чаю.

Въ залѣ встрѣтилъ меня Вилантьевъ, и рядомъ съ нимъ стройная и миловидная молодая женщина.

— Наконецъ-то ты пожаловалъ, а мы тебя давно ждемъ; иди же и знакомься. Представляю тебѣ жену мою, Марью Игнатьевну, которая встаети имѣетъ на тебя все-какіе виды.

— Не совсѣмъ еще жену, — замѣтила та, улыбаясь, и именно хотѣла просить васъ, Андрей Васильевичъ, быть моимъ шаферомъ.

Я долго просидѣлъ у Вилантьевыхъ. Марья Игнатьевна припала мнѣ очень по душѣ. Она держала себя необыкновенно просто и мило. Каждое слово и движеніе ея дышало тою женственною прелестію, которая одна можетъ надолго привязать чужину, но въ то же время было видно, что она умѣетъ хотѣть и умѣетъ достигнуть того, чего хочетъ. Мнѣ особенно нравились, какъ она обходилась съ сыномъ, какъ однимъ взглядомъ мѣла остановить слишкомъ развѣвившагося ребенка. Но это не былъ строгій взглядъ, — это былъ взглядъ какой-то безконечно-нимательный, точно магнетическій, подъ вліяніемъ котораго сынъ гадывалъ желанія матери.

«Съ нею Вилантьевъ будетъ вполне счастливъ» думалось

мнѣ. Марья Игнатьевна рассказывала о Липовцахъ; мы сравнивали съ нею свои провинціальныя впечатлѣнія.

— Кстати, Владимиръ, я забыла сказать тебѣ: на обратномъ пути я встрѣтила на желѣзной дорогѣ Кольскаго. Онъ постарѣлъ и сталъ какъ-то мраченъ. Я приглашала его какъ-нибудь побывать у насъ, съ условіемъ, впрочемъ, не дѣлать мнѣ больше признаній.

Черезъ недѣлю я былъ шаферомъ Марьи Игнатьевны. Свадьба была, разумѣется, самая простая. Но несмотря на то, что она имѣла значеніе, такъ сказать, констатированья свершившагося факта, въ ней все-таки чувствовалось нѣчто торжественное. Казалося, все остается по прежнему, тѣмъ не менѣе это прежнее получало новый характеръ, точно начиналась новая жизнь.

Въ числѣ пяти или шести человекъ товарищей Вилантьева, и двухъ-трехъ дамъ, ихъ женъ, мы весело провели свадебный вечеръ, много болтали, много смѣялись. Одна Марья Игнатьевна была задумчивѣе обыкновеннаго, почти не говорила, и какъ бы нехотя улыбалась, если обращались прямо къ ней. Но взоры ея съ таковой любовью останавливались на мужѣ и на сынѣ, сначала рѣзвившемся, а потомъ заснувшемъ у нея на колѣняхъ, что вѣроятно не одинъ я позавидовалъ Вилантьеву.

Въ немъ самомъ, несмотря на его напускную развязность и шутовство, проглядывало нѣчто торжественное. Мнѣ удалось подмѣтить два-три взгляда, брошенные имъ на жену и полные таковой нѣжности и вмѣстѣ гордости, что, прощаясь съ нимъ, я отъ души его обнялъ и отъ всего сердца пожелалъ имъ счастья.

«Ужъ не записаться ли и мнѣ въ Донъ-Кихоты, и пуститься разыскивать по свѣту свою Дульцинею?» раздумывалъ я возвращаясь въ тотъ вечеръ домой, въ свою одинокую, холостую квартиру. «Пора», шептало въ одномъ ухѣ; «берегись» — шептало въ другое: «бракъ—лотерея очень рискованная. Благо, кто вынестъ счастливый номеръ, но горе и гибель тому, кто вытянетъ неудачно».

Прошло три года. Я уѣзжалъ изъ Москвы и вновь вернулся, но все еще не женатъ, и едва ли скоро женюсь, хотя Вилантьевы и сватаютъ мнѣ свою двухлѣтнюю дочь Сашу, мою крестницу. Она, кажется, больше похожа на отца, нежели на мать, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть прелестнымъ ребенкомъ. Я заслушиваюсь ея звонкаго веселаго смѣха и готовъ по цѣлымъ часамъ просиживать на коврѣ, пуская съ нею оловянные кораблики или отыскивая въ книгѣ съ картинками «Му-му» и «Та-

таку» (Каптану), между тѣмъ, какъ мать разучиваетъ на фортепьяно сонату Бетховена, а отецъ помогаетъ Андришѣ клеить изъ картона какую-то чудовищно-громадную крѣпость. Нужно сказать, что Марья Игнатьевна тотчасъ послѣ свадьбы стала брать уроки музыки, прилежно занимается и общается стать хорошей музыкантшей. Что касается до Вилантьева, онъ безъ ума любитъ дѣтей и не наглядится на жену. Онъ по прежнему немного сибарить, но во многомъ значительно измѣнился. Марья Игнатьевна, какъ кажется, имѣетъ на него сильное вліяніе, хотя это и незамѣтно. На мой взглядъ онъ сталъ менѣе индифферентенъ, меньше трунить надъ нашей «братіей», и по временамъ обнаруживаетъ поползновеніе черное передѣлать, если не совсѣмъ въ бѣлое, то хоть въ сѣрое. Домъ ихъ полная чаша; они вполнѣ счастливы; но... но ровно нѣтъ никакого *но*. Я хотѣлъ сказать только, что въ послѣднее время Марья Игнатьевна сдѣлалась какъ-то задумчивѣе и какъ будто похудѣла немного, хотя и увѣряетъ меня, что совершенно здорова. Впрочемъ, чуть-ли она опять не беременна. Но... наконецъ, отыскалось это *но*... Но я самъ, какъ зажестся, впадаю въ ипохондрію и серьезно начинаю подумывать о поѣздѣ въ Ташкентъ...

Θ. СТУДЛИ.



ОТРЫВКИ ВИЗАНТІЙСКАГО ЭПОСА

ВЪ РУССКОМЪ.

Посв. А. Н. Пышину.

I.

Поэма о Дигенисѣ.

Въ сборникѣ Мусина-Пушкина, заключающемъ въ себѣ «Слово о полку Игоревѣ», находилось также, въ числѣ прочихъ повѣствовательныхъ статей, «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита». Первымъ знакомствомъ съ содержаніемъ этой повѣсти мы обязаны Карамзину (2. прим. 333; 3. прим. 272); съ утратой сборника, дальнѣйшія свѣдѣнія о ней сдѣлались невозможными, такъ какъ другихъ списковъ повѣсти не встрѣчалось, пока г. Пышину не удалось найти ее въ одной рукописи XVII—XVIII вѣка¹⁾. Карамзинъ, послѣ нѣкотораго колебанія, призналъ ее не русскимъ сочиненіемъ; г. Пыпинъ увидѣлъ въ ней, совершенно справедливо, византійскій героическій романъ, относящійся къ такому въ византійской литературѣ отдѣлу повѣстей и сказаній о герояхъ и богатыряхъ; его легко можно сравнить съ тѣми полуфантастическими исторіями, которыя порождены были крестовыми

¹⁾ Напечатано г. Пыпинымъ въ приложеніи къ его «Очерку литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ», 1857, стр. 316—332; и Востокаровымъ въ «Полн. стар. русск. литер.», II, стр. 379—87.

походами и странствованіями западныхъ рыцарей, и которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдѣльный эпосъ византийска-палестинскій. Для Греціи противоборство восточнымъ завоевателямъ наступило гораздо ранѣе, и какъ въ памятникахъ западныхъ отражалась эпоха столкновенія Запада съ Востокомъ, ожесточенная борьба съ невѣрными, романтическіе эпизоды дальнихъ странствованій — такъ подобные мотивы существовали и для византийской литературы. Впрочемъ, памятники византийскіе, обязанные своимъ происхожденіемъ этому историческому факту, извѣстны очень мало; къ нимъ именно причисляется и прототипъ «Девгеніева Дѣянія», доказывающаго съ своей стороны давнишній переходъ къ намъ произведеній повѣствовательной византийской литературы. Переходъ этотъ совершался, по всей вѣроятности, при посредствѣ южно-славянскаго перевода, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: «сухое золото» — обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ сербской народной поэзіи; «тисуща» своимъ образованіемъ принадлежитъ южно-славянскимъ нарѣчіямъ; слово «фаръ» встрѣчается также въ исторіи Александра и въ сказкѣ о Синагрипѣ, иногда въ формѣ «фарижъ», и происходитъ отъ средне-греческаго *φάρας*, также *φάρης*, *φάριον* = арабская лошадь, вообще лошадь благородной крови ¹⁾.

Имена лицъ, дѣйствующихъ въ повѣсти, хотя и испорченные, не менѣе свидѣлствуютъ въ пользу греческаго ея происхожденія. Всего болѣе затрудненія представляло имя Девгенія. Онъ сынъ сарацинскаго эмира и гречанки; это давно повело меня къ предположенію, что Девгеній не что иное, какъ испорченное греч. *δέγενης*, какъ звали дѣтей отъ разноплеменныхъ браковъ ²⁾. Дигенисъ — извѣстный герой народныхъ греческихъ пѣсенъ; но что поется и разсказывается о немъ, слишкомъ мало подходило къ подробностямъ нашего «Дѣянія» и не давало повода къ сближенію, пока не найденъ былъ посредствующій членъ сравненія. Этой находкой мы обязаны Саввѣ Іоаниду ³⁾. Онъ первый сообщилъ о существованіи большой византийской поэмы

¹⁾ Пининъ, Очеркъ, стр. 88—9.

²⁾ Пахимеръ прилагаетъ это названіе къ дѣтямъ, происшедшимъ отъ греческихъ матерей и отцовъ — итальянцевъ. Понятіе принималось, вѣроятно, и шире, какъ турецко-монг. *Arghün*, армян. *Arkaiun*, *Arkauu*, старофранц. *gasmul*, *gasmul*. См. Yule, *The book of ser Marco Polo*. I, p. 254—7, note 4.

³⁾ *Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος, καὶ τῆς περὶ ταύτην χώρας ὡς καὶ τὰ περὶ τῆς ἐντάθρα ἑλληνικῆς γλώσσης, ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1870, стр. 35—39.*

(болѣе 3,000 стиховъ), написанной до взятія Трапезунта, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ событій X-го вѣка, времени императоровъ Романа II и Никифора Фоки (960—990). Сааа ¹⁾ полагаетъ, что и самая поэма написана въ томъ же столѣтіи. Ея герой—Василій, по прозванію *Акритъ*, потому что онъ старожилъ границы (*τὰς ἀκρὰς ἢ τὰ ὄρια*) византійской имперіи, былъ влейсурархомъ халдійскихъ и каппадокійскихъ областей до Евфрата; также *Дигенисъ*, потому что происходилъ отъ отца сирійца и матери гречанки. Иоаннидъ, въ сожалѣнію, сообщилъ лишь въ весьма краткихъ чертахъ содержаніе поэмы; небольшой отрывокъ подлинника (53 стиха), напечатанный имъ, представляетъ résumé поэмы, нисколько не знакомя насъ съ ея подробностями. Содержаніе ея слѣдующее.

При Никифорѣ Фокѣ начальствовалъ въ Хайріанѣ и Каппадокіи стратегъ Андроникъ, возводившій свой родъ къ Клемадамъ; онъ жилъ въ Левкопетрѣ и ему поручено было сторожить эти области отъ нападений враждебныхъ народовъ, особенно сарацинъ. У него было пять сыновей, отправлявшихъ ту же должность. Однажды, когда они были на стражѣ противъ враговъ, набѣгавшихъ къ Евфрату, эдесскій ²⁾ эмиръ (*Ἀρχηγός*) Мусулъ, внукъ тарсійскаго султана Амврона и стратегъ киликійскихъ сарацинъ, вторгся въ Каппадокію во главѣ 3000 войска и, найдя страну беззащитной, захватилъ въ плѣнъ, въ числѣ прочихъ, дочь Андроника, знаменитую своею красотой. Узнавъ о томъ, ея братья нападаютъ на Мусула врасплохъ, убѣждаютъ его креститься, принять имя Іоанна и стать ихъ зятемъ. Отъ этого брака родится сынъ Василій, котораго отецъ воспиталъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ доблестяхъ. Этотъ Василій, по прозванію Дигенисъ и Акритъ—былъ одаренъ отъ природы необыкновенной силой и ростомъ; военныя упражненія развили его мощь и онъ сдѣлался непобѣдимымъ, безстрашно нападая на дикихъ звѣрей и на людей; вскорѣ онъ достигъ званія своихъ дядей, и благодаря своей предприимчивости и мужеству, не только освободилъ Романію отъ всякаго набѣга, но и присоединилъ къ византійской имперіи многія области Сиріи и Вавилоніи, также одно племя, по ту сторону Евфрата, царица котораго, *Маевима*, по словамъ поэта, происходила отъ амазонокъ. Разъ увидѣлъ онъ дочь одного изъ сосѣднихъ вождей, полюбилъ ее и похитилъ. Женившись на ней съ согласія отца, онъ поселился съ ней на

¹⁾ Constant. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi, II, p. 46, прим. 2.

²⁾ См. Сааа, I. с., стр. 47, въ концѣ.

Евфратъ и жилъ въ великомъ благополучіи до самой смерти, не приживъ дѣтей.

Жизнь Василя, говоритъ Іоаннидъ, полна любовныхъ приключеній и воинскихъ подвиговъ. Слава его дошла и до Византіи; самъ императоръ не только хвалилъ его въ своемъ посланіи за его мужество и вѣрность, но и посѣтилъ его въ Каппадокии и обмѣнялся съ нимъ дарами, причемъ Акрить поучилъ его многому относительно царскаго управленія, можетъ быть познавъ слабость самого императора.

Сарпобра (= сарпобри, цитра), кингара, копье и мечъ — вотъ въ чемъ состояли забавы и развлеченія Акрита. Хотя весь рассказъ о немъ, какъ и оставшіяся о немъ пѣсни отличаются романтическимъ и мифическимъ содержаніемъ, тѣмъ не менѣе они интересны и какъ историческій матеріалъ. Мы узнаемъ изъ нихъ, что какъ Трапезунтская, такъ и Каппадокійская область, до Сиріи и Вавилоніи, были страны греческія, что ихъ жители часто были въ состояніи счастливо отражать враговъ; что ихъ души и правители, даже тѣ, которые казались наполовину независимыми, тѣмъ не менѣе тѣсно связаны были съ Византіей, потому что масса продолжала смотрѣть на нее, какъ на очагъ народности. То была эпоха, когда оружіе императоровъ Нивифора, Цимисхія и Василя II внушало уваженіе даже за пустынями Аравіи и Каспія.

Къ этимъ немногимъ указаніямъ на содержаніе поэмы Іоаннидъ присоединяетъ еще замѣтку, что въ ней выведены на сцену другіе витязи: Филопаппъ и Іоанникій, которыхъ Акрить побѣждаетъ въ поединкѣ. Небольшой отрывокъ той же поэмы (26 стиховъ), напечатанный Саеой ¹⁾, знакомитъ насъ съ Филопаппомъ: онъ — изъ тѣхъ удалцевъ, крѣпкихъ духомъ и мышцами, полу-разбойниковъ и полу-героевъ, которыхъ тогда звали *апелатами*, а потомъ *паликарами*, *клефтами*. Войны противъ сарациновъ породили ихъ во множествѣ. Дигенисъ приходитъ къ Филопаппу, съ желаніемъ пристать къ этой вольницѣ; онъ находитъ его на ложѣ, устланномъ шкурами дикихъ звѣрей; Филопаппъ вначалѣ относится къ нему подозрительно, затѣмъ пытается отвлечь его отъ его намѣренія, представляя ему трудности и неудобства ихъ быта.

Слѣдующая кипрская пѣснь, съ именами Дигениса (Διγενής), Хилопаппа (= Филопаппа) и Янниса (Γιάννης = Іоанникій?), доскажетъ намъ, съ чертами народной передѣлки, эпизодъ поэмы,

¹⁾ Саеа, I. с., стр. 46—7.

слишкомъ краткій въ изложеніи Іоаннида. Дигенисъ увозитъ себѣ жену; такъ и въ поэмѣ ¹⁾):

Три архонта сидятъ за столомъ и хвалятся: одинъ хвалится своей саблей, другой своимъ копьемъ, третій своими дальними странствованіями. Много дворцовъ онъ видѣлъ, но нѣтъ краше дворца Аліантриса: его двери украшены мозаикой, стѣны точенныя, жемчугъ виситъ съ выгнутыхъ оконницъ; у окна стояла дѣвушка и печалилась, что ее просватали за Янниса; ей пристало быть за Дигенисомъ. Внезапно появляется Дигенисъ, его приглашаютъ раздѣлить трапезу, но онъ отказывается. Ему повторяютъ, что говорено было о немъ и дочери Аліантриса. Дигенисъ тотчасъ же ѣдетъ къ Хиліопанпу и проситъ его быть ему сватомъ. Тотъ отказывается, ссылаясь на свое грязное платье, ржавое оружіе и хромую лошадь. Когда Дигенисъ предлагаетъ ему свои доспѣхи и коня, онъ ѣдетъ; архонты встаютъ, увидѣвъ его, и приглашаютъ отвѣдать ихъ хлѣба-соли, выпить за здоровье хозяина и хозяйки. Хиліопанпъ, однакожь, отказывается и говорить, что онъ явился сватомъ отъ Дигениса. Мать дѣвушки отказывается ему, но дѣлаетъ предлогомъ, что мать Дигениса — сарацинка, отецъ еврей, онъ самъ — бродяга; а хозяинъ говоритъ, что онъ надѣется прижитъ еще другихъ дочерей, и одну изъ нихъ готовъ просватать за Дигениса. Когда Хиліопанпъ приноситъ этотъ отвѣтъ Дигенису, онъ приходитъ въ ярость: «сдѣлай съ коня, Хиліопанпъ, ты замаралъ мое платье, мое оружіе на тебѣ заржавѣло, конь захромалъ». Онъ самъ пускается въ путь; Хиліопанпъ даетъ ему совѣтъ срубить по дорогѣ сосну, сдѣлать изъ нея скрипку, чтобъ игрой и пѣніемъ привлечь красавицу къ огню и затѣмъ увести ее. Такъ и дѣлаетъ Дигенисъ; видя за собой погоню, онъ считаетъ постыднымъ бѣжать далѣе, останавливается вмѣстѣ съ похищенной дѣвушкой у одной скалы и готовится защищаться. Но онъ боится, какъ бы изъ утеса не вышелъ змѣй (драконъ) и не поглотилъ дѣвушки; онъ ударяетъ по камню кулакомъ, и змѣй дѣйствительно выходитъ. Дигенисъ ушибъ его такъ сильно, что своротилъ ему челюсть. «Смотри, змѣй, вотъ твоя повелительница». Затѣмъ, онъ снова садится на лошадь и нападаетъ на гнавшихся за нимъ, причѣмъ убиваетъ мать и отца своей милой въ отместку за тотъ презрительный отзывъ о немъ, который передалъ ему Хиліопанпъ.

¹⁾ Τὰ Κοπριακὰ τ. III ὑπὸ 'Αθ. 'Α. Σακελλάριου (Αθήνησι 1868): Α' ἱστορία, № 4, p. 11—15. Сл. F. Liebrecht, Ueber cyprische Volkslieder, p. 27—28.

II.

ДЕВГЕНІЙ—ДЕВГЕНІОЪ.

Рукопись, въ которой сохранилась поэма о Дигенисѣ, отнесена Іоаннидомъ, въ общихъ чертахъ, ко времени до взятія Трапезунта турками (въ 1461 г.). Въ ожиданіи изданія полнаго текста поэмы, которая явится съ примѣчаніями Legrand'a и Вагнера ¹⁾, интересно обратить вниманіе на русскій пересказъ, находившійся, какъ извѣстно, въ сборникѣ XIV—XV в. ²⁾, содержащемъ и «Слово о полку Игоревѣ». Отрывки этого пересказа, сохраненные Карамзинымъ ³⁾, позволяютъ заключить, что онъ принадлежитъ къ одной редакціи съ текстомъ, обнаруженнымъ Пыпинымъ. Разница представляется въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, такъ впрочемъ, что древнія черты сохранены попеременно то тѣмъ, то другимъ текстомъ. Такъ въ Мусино-Пушкинскомъ сборникѣ — греческій Филопатъ пишется: Филопатъ; въ текстѣ Пыпина: Филипапа; наоборотъ, послѣдній называетъ Максимьяной воинственную дѣву, которую и греческій подлинникъ и пересказъ Мусина-Пушкина зовутъ Максимой. Главный герой носить въ томъ и другомъ спискѣ имя Девгенія; въ Мусинь-Пушкинскомъ, кромѣ того, и Девгѣй («о свадьбѣ Девгѣевѣ»). Замѣтимъ особенность русскаго пересказа: исключены или обобщены всѣ мѣстныя, географическія и историческія приуроченія, дѣлающія византійскую поэму о Дигенисѣ дѣйствительнымъ памятникомъ X-го столѣтія. Въ отдѣлѣ географіи русское изложеніе ограничивается простымъ упоминаніемъ греческой и арабской земли, греческаго города, Евфрата и т. п.; императоры не названы, какъ не названъ Андроникъ, дѣдъ Девгенія. Онъ даже не является дѣйствующимъ лицомъ; о немъ нѣтъ рѣчи, и на сценѣ его вдова. Эпитеты и прозвища возведены въ значеніе собственныхъ именъ, а имена отсутствуютъ. Въ греческомъ текстѣ герой названъ Василиемъ съ двоякимъ прозвищемъ: Дигениса и Аврита; въ русскомъ просто: Девгеній Авритъ; въ греческомъ эмиръ (Ἄμνηρας) Мусуль крестится и названъ Іоанномъ; въ русскомъ онъ просто Амиръ, т. е. эмиръ. Послѣ того легко пред-

¹⁾ Сава, I. с., стр. 46, прим. 2.

²⁾ Я держусь хронологическаго опредѣленія И. И. Срезневскаго. См. его „Древніе памятники русск. письма и языка“, стр. 135.

³⁾ Пыпинъ, Очеркъ, 85—6.

положить, что и Стратиговна (отъ стратигъ — воевода, вождь), воинственная дѣва, которую увозить Девгеній, названа такъ отъ прозвища, и что при немъ пропало собственное имя.

Вотъ содержаніе русскаго Девгенія.

Жила была бѣдная вдова, царскаго роду; у ней три сына, прекрасныхъ и храбрыхъ, и дочь, о красотѣ которой слышался Амиръ, царь аравитской земли. Съ большимъ войскомъ онъ нападаетъ на греческую землю и похищаетъ красавицу, когда ея мать была въ церкви, а братья «въ иной странѣ, на ловлѣ»; только одна старуха была свидѣтельницею этого похищенія; на вопросы матери она отвѣчаетъ: «пришелъ, госпожа, аравитской земли Амиръ царь, и, похитивъ дочь твою, а нашу госпожу, мудростію своею невидимъ сталъ въ землѣ нашей». Мать горько плачется по своей дочери; когда возвратившіеся сыновья спрашиваютъ ее о причинахъ ея скорби, она говоритъ, что царь Амиръ увезъ ихъ сестру «и вырвалъ у меня сердечное кореніе и подсѣкъ меня, какъ бездушную трость». Она заклинаетъ сыновей пуститься въ погоню за хищникомъ, и они тотчасъ же собираются въ путь, принявъ благословеніе матери: «и возсѣли на коней своихъ и поѣхали, будто златокрылатые ястребы, кони летятъ подъ ними». На межѣ сарацинскаго края они встрѣчаютъ одного Сарацина, стража, который, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить имъ, далеко ли до жилища царя Амира, бросается на нихъ съ оружіемъ. Они привязываютъ его къ дереву, а сами ѣдутъ дальше и встрѣчаютъ у рѣки Багрянницы (Ксанъ?) новую многочисленную стражу Амира: было ихъ числомъ три тысячи. Братья раздѣлились: большой братъ заѣзжаетъ съ правой руки, меньшей съ лѣвой, а средній нападаетъ на большой полкъ. И начали они Амировыхъ стражей побивать, что добрые косцы траву косятъ, а иныхъ связали, погнали передъ собою, какъ добрый пастухъ овецъ, и побили ихъ на высокой горѣ; только трехъ оставили въ живыхъ, чтобы было кому провести ихъ къ Амиру. Плѣнники говорятъ, что Амиръ стоитъ въ шатрахъ за семь поприщъ отъ города; его собственный шатеръ червленый, «а по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и серебромъ и жемчугомъ усаженъ и драгимъ каменіемъ украшенъ». Братья посылаютъ плѣнныхъ сарацинъ къ Амиру, пусть не говорятъ, что они пришли къ нему, какъ тати. Получивъ это извѣстіе, царь ужаснулся, собралъ своихъ приближенныхъ и говоритъ: «братья мои, сильные вѣсты, видѣлъ я ночью сонъ, будто три ястреба били меня своими крыльями и чуть не изранили; это три брата пріѣдутъ и начнутъ брань». Между тѣмъ они уже прибыли къ шатру и вызы-

вають Амира: не умѣешь ты, царь Амиръ, на пути сторожей ставить; вотъ мы пріѣхали, и никто насъ не задержалъ. А теперь скажи намъ, зачѣмъ ты воровски похитилъ нашу сестру? Гдѣ она?—Амиръ отвѣчаетъ: «братья мои милые! Видите вы ту гору: тамъ много женъ и прекрасныхъ дѣвицъ посѣчено; тамъ посѣчена и сестра ваша, потому что не сотворила воли моей».—Зло тебѣ будетъ отъ насъ, говорятъ братья, и ѣдутъ на гору искать тѣла сестры; не найдя ея въ числѣ убитыхъ, они снова скачутъ къ шатру Амира и поднимаютъ его на копья. Царь предлагаетъ имъ бросить между собою жребій: на кого онъ падетъ, съ тѣмъ онъ будетъ биться; если побѣдитъ его противникъ, онъ отдастъ дѣвушку, если онъ побѣдитъ, ему вольно умертвить всѣхъ троихъ братьевъ. Три раза мечутъ жребій, и всякій разъ онъ падаетъ на младшаго, потому что онъ былъ единоутробный съ своей сестрой. Братья снаряжаютъ его къ бою, и гдѣ снаряжаютъ, тамъ сіяетъ солнце, а гдѣ Амира, тамъ какъ тьма темно; братья же возсылаютъ къ Богу ангельскую пѣсню: Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуются поганые, оскверня христіанскую дѣвицу.

Амиръ, побѣжденный въ поединкѣ, обѣщаетъ принять святое крещеніе «любви ради той дѣвицы», и женится на ней.—«Ты нашъ рабъ, убить тебя или отпустить — въ нашей волѣ; какъ же намъ за раба выдать свою сестру? А ты скажи намъ, гдѣ она?» Такъ говорятъ Амиру братья, и по его указанію находятъ сестру, сидящую на золотомъ стулѣ, въ шатрѣ, устланномъ золотыми паволоками, «а лицо ея покрыто драгимъ магнитомъ (?)». Дважды обращаются они къ ней съ вопросомъ, какъ обошелся съ ней Амиръ; если прикоснулся хоть единымъ словомъ, они снимутъ съ него голову и отвезутъ въ греческую землю. Но сестра успокоиваетъ ихъ: Амиръ пріѣзжалъ къ ней лишь однажды въ мѣсяцъ и смотрѣлъ на нее издалека; онъ велѣлъ ей закрывать лицо отъ сродичей, и никто не смѣлъ входить въ ея шатеръ. «Если же Амиръ крестится», прибавляетъ она, «то другого такого зятя вамъ не найти: онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію мудръ, и богатствомъ богатъ».—Да совокупить васъ матерня молитва съ Амиромъ царемъ, говорятъ братья, и предлагаютъ Амиру тотчасъ же креститься и ѣхать съ ними въ греческую землю. Но онъ не хочетъ идти полоняникомъ; пусть отправятся они впередъ, да не томятъ коней и его подождутъ по дорогѣ; онъ явится самъ съ богатствами и людьми и наречется ихъ зятемъ съ великою честью.

Братья пустились въ путь, а Амиръ идетъ къ матери и брату и заводитъ хитрыя рѣчи: былъ онъ въ греческой землѣ, увезъ оттуда дѣвицу, пришли ея братья и отняли ее. Бился съ нимъ меньшей братъ и побѣдилъ его, а еслибы стали биться всѣ трое, то всю бы землю поработили. Мать выходитъ изъ себя отъ гнѣва, терзаетъ лицо, рветъ на себѣ волосы. «Зачѣмъ же ты называешься царемъ?» говоритъ она сыну:—«собери войско и иди въ греческую землю, братьевъ побѣди и мнѣ приведи любимую дѣвицу». Амиръ тотчасъ же соглашается съ матерью, устраняетъ предложеніе брата—сопутствовать ему въ походѣ, и садитъ его на мѣсто себя на престолъ. Затѣмъ онъ начинаетъ собирать войско и богатства со всей земли: навьючилъ на верблюдовъ дорогого золота аравитскаго и каменія драгоцѣннаго. Видя сарацины, что такъ въ походъ не ходятъ, но ничего не сказали Амиру. Прибывъ на границу греческой земли, онъ обращается къ своимъ аравитянамъ: кто изъ нихъ хочетъ идти съ нимъ разорять греческую землю? Отвѣчаетъ ему одинъ аравитянинъ, съ двѣнадцатью замками на устахъ: «Одинъ юноша побѣдилъ твою вѣрность, трое все бы царство твое поработили; а ты хочешь идти въ греческую землю! Они насъ всѣхъ до остатка погубятъ». Тогда Амиръ, отпустивъ часть рати и пославъ впередъ свои сокровища, самъ пошелъ далѣе съ немногими вѣтями. Братья, по просьбѣ сестры, ждали его на дорогѣ; большой и средній братъ съ сестрою отправились впередъ и вошли въ городъ ночью, «народа ради». Какъ увидѣла ихъ мать, заплакала: сестрицу въ свою добычу, а брата изгубили! Но тѣ утѣшаютъ ее: братъ остался позади «съ зятемъ нашимъ нареченнымъ, съ Амиромъ царемъ. А нынѣ ты, мати, dospѣвай бракъ великъ».

Амира крестить въ купели на Евфратѣ самъ патриархъ; воспріемникомъ былъ царь того города. Брачный пиръ длился три мѣсяца, послѣ чего Амиръ поставилъ себѣ особый дворъ и палаты, и сталъ жить съ женою.

Между тѣмъ прослышала о немъ его мать, что онъ отвергся своей вѣры; пришла въ ярость, собираетъ многое множество войска и говоритъ: кто изъ васъ хочетъ идти въ греческую землю и увести Амира царя вмѣстѣ съ его любимую дѣвицею? Три сарацина выходятъ на вызовъ; царица даетъ имъ золото, три (вѣщія?) книги и трехъ коней: одинъ конь *вѣтрянница*, другой *громъ*, третій *молнія*. Какъ выведете Амира съ его дѣвицею изъ греческой земли и сядете на вѣтрянницу, никѣмъ не будете видимы; какъ войдете въ сарацинскую землю и сядете на громъ-коня, тогда услышать всѣ аравитяне сарацинской земли; какъ

сидете на коня-молнію, невидимы будете въ греческой землѣ. Сарацины прибыли подѣ греческій городъ и остановились въ потаенномъ мѣстѣ. Въ ту ночь женѣ Амира видѣлся страшный сонъ: златокрылатый соколъ влетѣлъ въ ея палату и унесъ ее; затѣмъ прилетѣли три ворона и напали на сокола, и соколъ упустилъ ее. Волхвы и книжники, спрошенные братьями, такъ толкуютъ сонъ: Амиръ—соколъ, по повелѣнію матери своей, хочетъ похитить свою жену и увести въ свою землю; три ворона—три сарацина, стоящіе за городомъ и присланные къ Амиру съ грамотами отъ его матери. Амиръ клянется живымъ Богомъ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ замыслѣ; вмѣстѣ съ братьями онъ отправляется за-городъ, гдѣ находятъ скрывавшихся сарацинъ. Они во всемъ сознались, приняли святое крещеніе и начали жить у Амира, который роздалъ ихъ коней своимъ шурьямъ.

Вскорѣ книжники возвѣщаютъ царю рожденіе сына, котораго назвали Авритомъ, а по божественномъ крещеніи—Девгеніемъ. Слѣдуютъ подробности о воспитаніи мальчиwa: на 11—12-мъ году онъ началъ копьемъ играть, на 13-мъ на добрыхъ коняхъ ѣздить; «и былъ гораздъ на драгантъ храбровать, а драгантъ подѣ нимъ играетъ. Самъ же юноша прекрасенъ, лицо его, что свѣтъ, а румяно, какъ маковъ цвѣтъ, волосы его, что золото, очи у него великіе, какъ чаши; страшно смотрѣть на него. Отецъ его выбралъ ему коня бѣлаго, какъ голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы: отъ гудѣнія ихъ умъ человѣческій не можетъ смыслить». На 14-мъ году прекрасный Девгеній сталъ выѣзжать на всякаго звѣря безъ оружія. «Чадол! рано тебѣ о ловахъ звѣриныхъ помышлять», говоритъ ему отецъ, и посылаетъ его съ шурьями своими на охоту за зайцами. Но Девгеній смѣется надъ такой забавой и зоветъ отца въ дальные пустыя лѣса: тамъ онъ догоняетъ «борзѣе борзаго фарыжа (кона), лося и медвѣдя и раздираетъ ихъ руками на полы; убиваетъ «лютаго звѣря», который готовился поглотить его ¹⁾. Отецъ любитъ подвигами сына и зоветъ его къ находившемуся въ лѣсу источнику: «въ немъ что свѣча сіяетъ, изъ простыхъ людей не можетъ никто къ нему подойти, потому что въ немъ многія чудеса творятся»; онъ хочетъ своими руками омыть лицо, руки и ноги своего сына. Но Девгеній говоритъ: «ты моешь мѣ руки, а имъ еще грязнымъ быть». Только-что онъ сказалъ это, какъ великій змѣй прилетѣлъ къ источнику; у него четыре головы человѣчьи. Девгеній срубаетъ ихъ, къ удивленію отца и всѣхъ

¹⁾ Ср. „лютаго звѣра“, рядомъ съ туромъ, оленемъ и др. въ „Почуеніи Мономаха“.

предстоящихъ, и съ торжествомъ возвращается домой: конь подъ нимъ играетъ, звонцы же его dobroгласные начали гудѣть. Мать радуется его приѣзду; самъ же Девгеній началъ съ той поры помышлять о ратныхъ дѣлахъ.

Услышали объ его силѣ и храбрости Филопапъ и дочь его Максима, и стали помышлять, какъ бы уловить его, какъ зайца въ тенета. Филопапъ и Максима сами отличались мужествомъ и силой, и воины ихъ были храбры, какъ македоняне. Придя подъ греческій городъ, они остановились съ войскомъ на Евфратѣ, и Максима послала Девгенію грамоту, въ которой просила придти къ ней съ немногими людьми; она хочетъ полюбоваться на его юность и храбрость: «ты царствуешь надъ всѣми нами, храбрыми и сильными, какъ май мѣсяць надъ всѣми мѣсяцами». Амиръ отговариваетъ Девгенія отъ поѣздки: «ты еще въ ратяхъ не бывалъ, а Филопапъ силенъ и дочь его мужескую дерзость имѣетъ, и войска у нихъ много». Но Девгеній, по нѣкоторомъ волебаніи, рѣшается ѣхать: когда онъ прибылъ къ Евфрату и его люди переправились черезъ рѣку, Филопапъ и Максима стали гоняться за нимъ со всѣмъ войскомъ. Девгеній не вытерпѣлъ: упершись концомъ копья въ берегъ, онъ перескочилъ черезъ рѣку, «словно соволъ дюжій отъ руки ловца», и, сбѣвъ на коня, началъ тысячами побивать непріятельское войско. Самого Филопапа онъ свалилъ съ коня, ударивъ его тупымъ концомъ копья промежъ плечей. Максима, увидѣвъ, что Девгеній вѣдетъ ея отца, готовится проволочь Девгенія сзади; но онъ ухватилъ ея копьё, и ударивъ ее по лицу, повергъ на землю и связалъ вмѣстѣ съ отцомъ. Филопапъ обращается къ своему побѣдителю: «О, злато-крылатый ястребъ! ты сильнѣе и храбрѣе всѣхъ насъ, но есть тебя еще храбрѣе и сильнѣе: преславный Стратигъ, у него четыре сына и дочь Стратиговна: у ней мужская дерзость и храбрость, и нѣтъ никого на семь свѣтѣ краше ея; многие цари и короли за нее сватались, но никто не отѣзжалъ живъ отъ ихъ царства; развѣ тебѣ поможетъ Господь». И онъ проситъ Девгенія пощадить его старость и отпустить его. Девгеній обѣщаетъ ему это, если все имъ сказанное окажется справедливымъ, а пока хочетъ возложить на лицо его «знаменіе». Максима также молитъ Девгенія: «многихъ царей и королей она побѣждала; теперь Господь покорилъ меня тебѣ; если ты сочетаешься со мною и мы будемъ вмѣстѣ, никто не будетъ въ силахъ противостоять намъ». Но мудрый Девгеній посмотрѣлъ въ вѣщую книгу «о житіи своемъ и о смерти», и досмотрѣлся въ ней: воли Девгеній соединится съ Максимой, жить ему шестнадцать

лѣтъ, если же овладѣть прекрасной Стратиговной, то тридцать-шесть. Онъ отправляетъ Филопаппа и Максиму къ своимъ родителямъ, съ тѣмъ, чтобы они держали плѣнниковъ въ чести, а самъ ѣдетъ на новые подвиги. Отецъ останавливаетъ его: «многіе помышляли о Стратиговнѣ, но никому еще не сбылось увидѣть ее». Собравъ большое войско, взявъ съ собою драгоцѣнныя одежды и «воя своего съ звончатыми гуслими», онъ доходитъ до границы Стратиговой земли. Здѣсь онъ оставляетъ войско и ѣдетъ одинъ къ городу Стратига. Юноша съ его двора говоритъ Девгенію, что самого царя съ сыновьями нѣтъ дома, что они отправились въ другую страну ловы дѣять; дома Стратиговна: краше ея нѣтъ на свѣтѣ, многіе цари и царевичи пріѣзжали сюда, но никто въ очи ее не видалъ и живъ отсюда не выѣзживалъ. Такова сила Стратига; но и сама Стратиговна мужскую дерзость имѣетъ, и никому не подобаетъ на нее зрѣть, развѣ тебѣ. Девгеній ѣдетъ городомъ и останавливается передъ дворцомъ стратиговымъ; красавица смотритъ на него въ окно и думаетъ: красивъ витязь, но не силенъ. Вернувшись въ свой станъ, Девгеній веселится всю ночь, велитъ бить въ тимпаны и набаты, въ сурны и гусли играть. Стратиговна спрашиваетъ у своихъ мамокъ: «что это значитъ?» — Это пріѣхалъ изъ греческой земли царевичъ, хочеть тебя взять за себя. — На другое утро Девгеній снова является передъ дворомъ Стратиговны, на бѣломъ конѣ, у котораго въ гриву вилетены гудцы и звонцы. Стратиговна шпять смотритъ на него въ оконце и высылаетъ къ нему жорчлицу съ такою рѣчью: «О, свѣтозарное солнце, молодой юноша! ѣла тебѣ сказать государыня наша, жалуючи тебя: красивъ а не силенъ; зачѣмъ имѣлъ ты дерзость пріѣхать къ ея дворѣ? Лучше отправляйся домой, пока не пріѣхали мой отецъ и братья».

На этомъ останавливается, къ сожалѣнію, текстъ, найденный г. Пыпинымъ. Отрывки Мусинъ-Пушкинскаго текста, сообщенные Карамзинымъ, досказываютъ остальное. Девгеній играетъ подъ окнами Стратиговны на серебряныхъ гуслихъ съ золотыми струнами и говоритъ: «скажи мнѣ про отца своего и братьевъ, каковы они?» Отвѣчаетъ ему дѣвица: «на отцѣ моемъ броня золотая и шлемъ золотой, каменіемъ драгимъ и жемчугомъ сажень, воя у него покрытъ паволокою зеленою; у братьевъ — брони серебряныя, только шлемы золотые, воя, покрыты паволокою червеною». Девгеній побѣждаетъ отца и братьевъ Стратиговны и отпускаетъ ихъ на свободу, взявъ у Стратига, «за знаменія мѣсто», крестъ его правды многоцѣнный, у сыновей его жуво-

вины съ дорогимъ каменіемъ. Онъ женится на дѣвушкѣ: тестъ и теща и шурья предлагаютъ ему богатые дары, между прочимъ 30 фаревъ (коней), 30 пардусовъ и соволовъ съ кормильцами своими ¹⁾, шатеръ, шитый золотомъ, вмѣщавшій многія тысячи воиновъ, икону св. Теодора, четыре копы аравитскіе, 50 поясовъ златокованныхъ.

Нельзя не пожелать, чтобы византійская поэма о Дигенисѣ была напечатана въ скоромъ времени. Она не только уяснитъ намъ характеръ передѣловъ русскаго Девгенія, но и представитъ намъ, въ памятникѣ X-го вѣка, любопытный прототипъ многихъ фантастическихъ образовъ, получившихъ право народной давности въ эпосѣ средневѣковой Европы. Таковы, напр., дѣвы-воительницы, въ родѣ Максимы, образъ которой мы найдемъ и въ Брунрильдѣ Нибелунговъ, и въ «свѣтломъ мѣсяцѣ», дочери хана Кайду, которая хочетъ отдаться жениху лишь подъ условіемъ— быть имъ побѣжденной въ поединкѣ ²⁾. Таковы служебные великаны Ротера: одинъ изъ нихъ, Витольдъ, такъ свирѣпъ, что его принуждены держать на цѣпи; я не прочь сблизить его съ тѣмъ аравитяниномъ Девгенія, у котораго уста замкнуты двѣнадцать замками. Нѣмецкая поэма о Ротерѣ принадлежитъ къ особому циклу эпическихъ сказаній, который принято называть ломбардскимъ; но ихъ главное мѣсто дѣйствія Константинополь; Ротеръ царитъ въ Бари, королю Орнгиту повинуются Абруццы (Brussa. Bruzzen). Было бы, можетъ быть, правильнѣе назвать этотъ цикл византійско-ломбардскимъ, принимая Ломбардію въ смыслѣ южной Италіи. Главное содержаніе этихъ поэмъ: добываніе невѣсты, при столь же затруднительныхъ условіяхъ, при какихъ Дигенисъ добываетъ Стратиговну. Изученіе византійской поэмы будетъ, можетъ быть, не бесполезно и по отношенію къ другому ряду средневѣковыхъ разсказовъ, *romes d'aventures*, избирающихъ мѣстомъ дѣйствія Востокъ и переносящихъ насъ въ міръ такихъ же диковиновъ, какія мы видѣли въ «Девгеніѣ»: волшебные кони, вѣщія книги, чудесные источники и бои съ драконами. Все это отзывается восточной фантазіей, опредѣляя посредствующую роль Византіи между Востокомъ и Западомъ.

Что изученіе Дигениса-Девгенія не безынтересно и по отношенію къ русскому былинному эпосу, я попытаюсь показать въ частномъ примѣрѣ въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ Известно, что на Востокѣ пардусы, равно какъ и соволы, употреблялись въ охотѣ.

²⁾ Yule, The book of sir Marco Polo. II, 393—6.

III.

ДИГЕНИСЪ-АНИКА И «СТАРШІЕ БОГАТЫРИ».

Молва о Дигенисѣ, объ его невиданной силѣ и чудныхъ подвигахъ до сихъ поръ живетъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ греческаго народа. Указываютъ на вѣрности, будто-бы имъ построенны; дно селеніе въ Халдіи до сихъ поръ зовется Акританте; встрѣаются многія семейныя прозвища, связанныя съ его именемъ: Акритиды и Акритопулы; близъ Трапезунта, около Телиели-тази, указываютъ его могилу и на нее, по обычаю, носятъ новорожденныхъ, чтобы предохранить ихъ отъ чаръ.

Народная фантазія продолжала работать надъ его образомъ. Интересно было представить себѣ, какимъ образомъ его, никѣмъ и побѣжденнаго, побѣдила смерть—и вотъ явился цѣлый рядъ реческихъ пѣсней о борьбѣ Дигениса съ воплощенной смертью, (арономъ ¹⁾).

Во вторникъ родился Дигенисъ, и во вторникъ онъ долженъ умереть! Зоветь къ себѣ своихъ друзей и всѣхъ храбрыхъ: Мину Мавруди, и сына Драка, Триматохила, отъ котораго дрожить земля и весь свѣтъ. Они пришли и увидѣли его лежащимъ на алѣ. «Что съ тобой, Дигенисъ, ты не собираешься ли умирать?» — «Вѣшайте и пейте, друзья мои, я стану вамъ рассказывать. Въ грахъ у Аламаны, въ полѣ у Арашіи, не пройти бывало пятидесяти человѣкамъ, а прошло ихъ 50 и сто вооруженныхъ. И бѣдный прошелъ пѣшкомъ, вооруженный; триста медвѣдей, 62 ва убилъ я, убилъ и вѣщаго оленя съ распятіемъ среди роговъ, вѣдой на лбу и образомъ Богородицы среди лопатокъ. За этотъ вѣхъ я и долженъ умереть. Триста лѣтъ жилъ я на этомъ свѣтѣ, какаго храбреца не боялся, а теперь увидѣлъ храбраго, босого, пестрой одеждѣ, съ блестящими, какъ молнія глазами; какъ увидѣлъ, мое сердце содрогнулось. За тотъ грѣхъ я и умру ²⁾».

Другая греческая пѣсня ³⁾ развиваетъ подробнѣе мотивъ этой слѣдней встрѣчи. На вопросы друзей Дигенисъ отвѣчаетъ, что онъ долженъ умереть: «восемьдесятъ лѣтъ жилъ я на этомъ свѣтѣ, боялся никакого храбреца, а теперь увидѣлъ босого, въ бога-

¹⁾ О Харонѣ см. Поллга, *Μελέτη, 'Επί τοῦ βίου τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων*, т. I, стр. 1 и слѣд.

²⁾ Kind, *Anthologie neugriechischer Volkslieder*, стр. 62.

³⁾ Тамъ же, стр. 66.

тыхъ одеждахъ; его волосы блистали, какъ солнце, какъ молнія его глаза. Онъ звалъ меня на бой на томъ мраморномъ току; кто кого побѣдитъ, тому взять душу побѣжденнаго». Они пошлѣ и стали биться на мраморномъ току; ударить Дигенисъ, потоками течеть кровь; ударить Харонъ, течеть рѣкою.

Въ слѣдующей пѣснѣ ¹⁾ Харонъ не названъ, но содержаніе то же, что и въ предыдущей. Являются нѣкоторыя новыя подробности, хотя вообще изложеніе спутано:

Умираетъ Дигенисъ, и земля пугается. Узнали о томъ три друга его, три вѣрные друга. Одинъ приносить ему холодной воды, другой свѣжаго мускуса, а третій зелья (*ἀντίφορον*) для того, чтобы не умереть. За столомъ, гдѣ они сидѣли и обѣдали, не было у нихъ распри, а распри нашли. — «Насъ было три удалца, всѣ трое истые храбрецы; но какого мужа я видѣлъ вчера на лугу Драка! Привѣтъ тому, кто его посѣялъ и кто его въ утробѣ носилъ! Подобны утесу были его плечи, подобна крѣпости голова его, а широкія груди, что стѣна, заросшая травою». Какъ будто услышалъ это мертвый (умирающій?), тяжело застоналъ. «Принесите мнѣ сюда вина напиться, принесите хлѣба поѣсть; а ты, сынъ писца, сними со стѣны саблю и тяжелое мое копье, чтобы воскресло мое сердце». Ободрился и поднялся, одѣвается въ двѣнадцать броней, въ пятнадцать плащей, надѣлъ мѣдную вольчугу и желѣзную шапку, пошелъ и напелъ его (Харона) въ полѣ, гдѣ онъ охотился. «Бто это ты, охотившійся на лугу Драка?» — Себѣ хозяинъ и твой господинъ, и господинъ моего господина. — «Бей меня, чтобы и я тебя удрилъ, бей меня, чтобы и я тебя билъ». — Словно молнія гласъ его, а голосъ его, что громъ. Разъ его ударилъ, и второй разъ; гротъ наполнился кровью, и онъ (Харонъ) растащилъ его въ длину. Весь свѣтъ сбѣжался посмотреть на раненаго. Привѣтъ мой лежащему, полумертвому, привѣтъ и тому врачу, что излечиваетъ мертвыхъ.

Кипрская пѣсня изъ собранія Сакедларія ²⁾ такъ поетъ о борьбѣ Дигениса съ Харономъ. Облеченный въ черныя одежды, съ золотымъ мечомъ при бедрѣ, садится Харонъ на вороного коня и хочетъ ѣхать. Мать проситъ его на прощаньи не трогать женщинъ,

¹⁾ Passow, *Popularia carmina Graeciae recentioris*, № ССССХСІ. Переводомъ : обязанъ проф. Г. С. Дестунису.

²⁾ Сакедларій, I. c. t. II, № 17; Liebrecht, *Ueber cyprische Volkslieder*, стр. 42—4. Съ началомъ этой пѣсни см. Tommaseo, *Canti del popolo Greco*, p. 293: *La madre di Caronte*.

ни старыхъ, ни красивыхъ, ни маленькихъ дѣтей, потому что матери стануть о нихъ плавать. «Если ему всего этого не дѣлать, затѣмъ же ему и зваться Харономъ», отвѣчаетъ Харонъ и уѣзжаетъ. Съ вершины холма онъ видитъ садъ, въ которомъ пируютъ нѣсколько архонтовъ. Они приглашаютъ Харона къ участию, но тотъ отказывается: не затѣмъ онъ пришелъ, чтобы пировать, а чтобы увлечь съ собою самаго храбраго изъ нихъ. Спрошенный ими, онъ называетъ себя длинноперстымъ, беззубымъ. Слышнть это Дигенисъ и, разгорѣвшись гнѣвомъ, опрокидываетъ столъ, и стулья и посуду, и вызываетъ Харона на борьбу. Условіе такое: если побѣдитъ Дигенисъ, Харонъ пощадитъ его жизнь. Они схватились: гдѣ хватить Харонъ, брызжетъ кровь, гдѣ Дигенисъ, ломаются камни. Бой длится три дни и три ночи, побѣждаетъ Дигенисъ и благодаритъ Бога за побѣду. А Богъ говоритъ Харону: не затѣмъ послалъ я тебя, чтобы бороться, а чтобы отнимать души. Золотой орелъ спускается на голову Дигениса и точитъ ее своими когтями. Дигенисъ лежитъ въ предсмертныхъ мѣжахъ.

Послѣдняя изъ приводимыхъ мною греческихъ пѣсенъ ¹⁾ записана въ Трапезунтской области, и интересна тѣмъ въ особенности, что Дигенисъ, обычно являющійся въ борьбѣ со смертью, названъ здѣсь другимъ своимъ прозвищемъ: Акритомъ.

«Слышишь, слышишь, мой Акритъ, что говорятъ птицы? Всегда пѣли онѣ и говорили: долго проживетъ Акритъ; а теперь юютъ и говорятъ: умереть Акритъ». Слышнть это Акритъ, смѣется и говоритъ: «онѣ маленькія, глупыя птицы и пѣть не умѣютъ; ставьте этихъ глупыхъ; пусть поютъ и радуются. А принесите мою стрѣлу, что длиною въ триста локтей; приведите моихъ охотничьихъ собакъ, привязанныхъ на цѣпь; я пойду на охоту и въ тѣвзжія мѣста. Если не найдется птицы, чтобы мнѣ поохотиться, тогда въ самомъ дѣлѣ я умру». Акритъ ѣдетъ на охоту и въ тѣвзжія мѣста, и нечѣмъ ему поохотиться, нигдѣ не нашелъ и птицы... «Куда идешь, куда идешь, Харонъ, чему такъ обрадовался?» — Я къ тебѣ прихожу, оттого я такъ весель. — «Меня зовутъ Акритомъ, непобѣдимымъ Акритомъ». — Ты, Акритъ, не лишешкомъ-то хвастай. Знаешь ли кто меня послалъ къ тебѣ, къ какому молодцу? Ну-ка, выходи, поборемся на мѣдномъ току. Если будетъ такъ, что ты побѣдишь, то возьми мою душу и ходи; если я буду побѣдителемъ, я возьму твоего вороного. — Вы-

¹⁾ Иоанниды, 1. с., стр. 282—3, № 14. Пѣсня приводится въ приблизительной передачѣ проф. Дестуниса.

ступили и поборолись, и побѣдилъ Харонъ. «Возьми серебра, Харонъ, возьми золота, сколько хочешь; если хочешь и воли моего; тавого и у царя нѣтъ; возьми мою стрѣлу, что длиною въ триста локтей; возьми и охотничьихъ собакъ, возьми, воли жезлешь». — Кто меня послалъ къ тебѣ, я не помню, только онъ сказалъ мнѣ: возьми душу его и приходи. — «Горе мнѣ, несчастному, мнѣ ли помирать! Пусть радуются высокія горы и долины! Приди, красавица моя, и постели мнѣ смертное ложе, положи фіалки въ головѣ моей и цвѣты долины». Вышла красавица и разостлала цвѣты.

Я остановлюсь на одномъ выраженіи этой пѣсни, имѣющемъ для меня особое значеніе: Акритъ-Дигенисъ зоветъ себя *Аникитомъ* (ἀνικητος), т.-е. *непобѣдимымъ*. Но то же значеніе имѣетъ и имя *Аники*, сказочнаго богатыря старинныхъ русскихъ повѣстей, народныхъ пѣсней и поговорокъ (Оникой глядять, щелчкомъ свалить), даже мѣстныхъ преданій, въ которыхъ Аника является разбойникомъ, могилу котораго до сихъ поръ показываютъ гдѣ-то близъ Вологды: на Аникину могилу всякій прохожій обязанъ бросить пруть ¹⁾. Такъ глубоко обнародилось и вѣстѣ съ тѣмъ исказилось у насъ преданіе о византійскомъ Аникитѣ; потому что въ такомъ именно происхожденіи нашего Аники едва ли возможно сомнѣваться. Главное и исключительное содержаніе повѣстей и пѣсней объ Аникѣ-воинѣ — его борьба со смертью. Онъ — сильный и храбрый богатырь, много войнъ новоевалъ, много городовъ разорилъ на своемъ вѣку. Одна пѣсня ²⁾ заставляеть его жить «въ славномъ городѣ, въ Евлесѣ (Эфесѣ?); старыя лубочныя картинки изображаютъ его въ восточной красной шапочкѣ, съ мечомъ. Какъ и Дигенисъ греческихъ пѣсней, онъ живетъ долгіе годы (222, 331 и даже 390 лѣтъ). Разбойникъ Аника, вологодскаго преданія, отчасти объясняется тѣмъ особымъ освѣщеніемъ, въ которомъ выступаетъ Аника народныхъ пѣсней: много онъ цервей разорилъ, иконъ поругалъ, многихъ христіанъ облатынивалъ; подъ конецъ онъ собирается на «начальный градъ Ерусалимъ». Выѣхалъ въ поле, и тутъ повстрѣчалось ему чудо чудное, диво дивное — смерть: голова у него ж

¹⁾ См. Пыпина, Очеркъ, стр. 135—6; Тихомирова; Повѣсть о преніи живота съ смертію въ „Лѣтоп. русск. лѣт. и древн.“ 1859. II, стр. 183 и слѣд.; Пѣсни, собраныя Кирѣевскимъ, вып. IV, заѣтка Безсонова, стр. CVIII и слѣд.; Пѣсни объ Аникѣ, тамъ же, стр. 115—138 (5 №); Пѣсни, собраныя Рыбниковымъ, I, стр. 465—466; II, стр. 255—258; Варенцова, Сборн. русск. духовн. стиховъ, стр. 100—127 (3 №) и др.

²⁾ Варенцовъ, стр. 110.

ловѣческая, туловище звѣриное, ноги лошадиныя, волосы до пояса; фантазія русскихъ пѣвцовъ не посеушила, рисуя этотъ образъ. Греческія пѣсни заставляютъ Дигениса вступить въ рукопашный бой съ Харономъ: иначе—русскій стихъ. Когда смерть объявляетъ, на вопросъ Аники, кто она такая, Аника грозитъ зашибить ее палицей, потоптать конемъ. Смерть говоритъ, что она искосила и другихъ богатырей, искоситъ и его. Тогда Аника прямо обращается къ мольбамъ, сулитъ золотую казну, проситъ отсрочки на годъ, на полгода, на мѣсяць; онъ хочетъ проститься съ отцомъ, съ матерью. Но всѣ просьбы оказываются тщетными: смерть «вынимаетъ пилы невидимыя, потираетъ его по востямъ и по жиламъ», и Аника валится съ коня.

Каковъ былъ источникъ русскаго стиха объ Аникѣ, обыкновенно помѣщаемого подъ лубочными картинками, изображающими его встрѣчу со смертью? Прозаическій пересказъ, иногда заступающій мѣсто объяснительнаго стиха, легко могъ быть составленъ на основаніи послѣдняго и не приближаетъ насъ къ его оригиналу. Имя Аники—Аникита и нѣсколько книжный стиль пѣсень, о немъ сохранившихся, побуждаютъ искать ихъ первичнаго источника въ какой-нибудь византійской аскетической статьѣ, и непосредственнаго—въ русской переводной статьѣ того же содержанія. Такою могла быть распространенная въ рукописяхъ повѣсть о «Преніи живота со смертію», на связь которой съ пѣснями объ Аникѣ указалъ уже г. Тихомировъ¹⁾. Мотивъ этотъ долженъ былъ нравиться читателямъ многочисленныхъ преній религиозно-учительнаго содержанія, распространенныхъ въ средневѣковой литературѣ. Выводились на сцену въ разговорѣ и борьбѣ другъ друга въ другомъ личности, носители противоположныхъ принциповъ и понятій, либо эти принципы и понятія олицетворялись въ стилѣ аллегорическихъ *moralitys*: препирались душа и тѣло, вода съ иномъ, синагога съ церковью и т. п. Преніе живота со смертію принадлежитъ къ тому же циклу школьно-поэтическихъ упражненій, иногда переходившихъ въ народную поэзію. На такомъ школьномъ источникѣ основана сицилійская пѣсня, выводящая на сцену юношу, препирающагося со смертью²⁾, и отрывокъ ѣмецкаго стихотворенія, записанный въ началѣ XVI-го вѣка на борту стариннаго переплета: можетъ быть, отрывокъ какой-нибудь драмы, какъ полагаетъ Вавернагель³⁾. Онъ начинается

1) „Лѣтоп. русск. лит.“ I. с., стр. 185.

2) Pitrè, *Canti popolari siciliani*, II, стр. 423—5: *La morte e l'ignorante*.

3) *Haupt's Zeitschrift f. d. Alterth.* IX, 845—6; Wackernagel, *Kleinere Schriften* стр. 353; приведено г. Тихомировымъ, I. с., 189—190.

вопросомъ война, повстрѣчавшагося со смертью и пораженнаго ея видомъ:

Wer bis tu den ich nie sich
Ainer Gestalt so erschrockenlich?

Онъ никогда не видалъ ничего столь ужаснаго: его сила и мужество, не оставлявшее его во многихъ бояхъ, его покинулъ. «Я думаю, что ты горькая (bitter) смерть». Смерть называетъ себя; противъ нея нѣтъ оружія; она велитъ войну слѣдовать за собою.

Въ русскомъ преніи ¹⁾ также вступаетъ на сцену война, или же олицетворенію смерти противопоставляется такое же олицетвореніе жизни: «животъ бѣ человекъ». Онъ ѣздитъ по полю чистому, по раздолью широкому, конь у него крѣпкій, звѣровидный, мечъ обоюду наточенъ и оружіе твердое. «Онъ побивалъ много полковъ, прогонялъ сильныхъ царей и побѣждалъ богатырей. Всегда отличался великою силой и храбростью, исполненъ разума и всякой мудрости. И говорилъ высокія и гордыя слова: на семь свѣтъ и подъ всей поднебесной кто бы могъ со мною биться или противостать мнѣ — царь или богатырь или звѣрь сильный? И еще, помышляя въ себѣ, говорилъ: *еслибы я былъ на облакахъ небесныхъ, а въ земляхъ было бы колыцо утверждено, и я бы всю вселенную подвизалъ. И внезапно пришла къ нему смерть, образъ ея страшенъ, обличіе ея человѣческое и грозный видъ. Ужасно было смотрѣть на нее. И несла она съ собою много мечей, скованныхъ на человекъ, и ножей, и пилъ, и рожковъ, и серповъ, и сѣчивъ, и востъ, и бритвъ, а также несла и члены человѣческаго тѣла, отсѣченные, и многое другое, невѣдомое, чѣмъ она вознодѣйствуетъ на развращеніе человекъ» ²⁾.*

¹⁾ Я слѣдую тексту, напечатанному г. Тихомировымъ, I с., стр. 186—188, и отрицаю другое тексты у г. Буслаяна, Очерки, I, 635—7.

²⁾ На миниатюрѣ къ крению Ж. и С., помещенной въ сборникѣ Буслаяна, жизнь и смерть изображены гнѣисъ, верши въ одеждѣ римскаго воина, поверхъ которой накинута плащъ, съ мечомъ, завесеннымъ надъ головою, тогда какъ другая держитъ щитъ; Смерть-смереть, съ вычавомъ воевалъ мечъ, изъ котораго выглядываютъ различныя смертоносныя орудія: серпъ, топоръ, коса и т. п.; она захватилась косою, которой дѣлаетъ движеніе, такое обычное при косѣ; ниже ея, подъ ногами, вставились изъ земли три фигуры, изъ нихъ двѣ въ кивотахъ, одна протянула руку, какъ будто въ моленіи: это сильныя міра сего, склоненныя смертью. Фонъ миниатюры: гора и зданіе. Въ миниатюрѣ лентовой бабыи, принадлежавшей гр. Уварову, встрѣча живота со смертью ближе отъчаетъ подробностями гнѣисъ объ Анникѣ: въ колѣ, сзади котораго водвигаются гнѣисъ и горы, животъ и смерть встрѣтились; верхній на косѣ, грозитъ возразить колыбель противника; Смерть-смереть сидитъ въ

Слѣдуетъ преніе живота со смертью, открывающееся похвалой воина и кончающееся его мольбами о пощадѣ и его пораженіемъ—существенно такъ же, какъ и въ стихѣ объ Анигѣ. Смерть хвалится въ свою очередь: «отъ Адама и до сего дни сколько было людей, царей, и князей, и воеводъ, и простыхъ людей, и женъ и дѣвицъ, и младенцевъ—всѣхъ тѣхъ азъ прибрала. Салмонъ не богатырь-ли былъ? Не силенъ-ли былъ? Такъ говорилъ: *еще бы отъ было кольцо отъ земль утверждено, и азъ бы отъ всю землю поворотилъ* ¹⁾. Да того азъ взяла. Александръ, царь македонскій, удалецъ и храбръ былъ... Царь Давидъ въ пророчѣхъ пророкъ былъ... Соломонъ царь сколь хитръ и мудръ былъ... Акиръ премудрый былъ въ алевгитскомъ царствѣ: такова мудреца и въ подсолнечной не было, да и тотъ со мною не смѣлъ говорить, и того азъ взяла».

Упомянутое Авира принадлежитъ, вѣроятно, русскому переказчику и отвѣчаетъ той особой репутаціи святости и мудрости, какую получилъ у насъ этотъ герой старой арабской сказки. Самсонъ, Александръ, Давидъ и Соломонъ могли находиться и въ византійскомъ оригиналѣ. Преніе, школьное происхождение котораго обличается, между прочимъ, и эпизодическою подробностью о кольцѣ,—это, очевидно, переименованный анекдотъ объ архимедовой точкѣ.

Отношеніе этой византійской статьи къ ново-греческимъ пѣснямъ о Дигенисѣ и смерти я представляю себѣ такимъ образомъ: когда содержаніе ея стало достояніемъ народной поэзіи, рассказы о славномъ витязѣ Дигенисѣ были уже въ ходу, и анонимный воинъ—жизнь, хвалящійся своею непобѣдимостью при встрѣчѣ со смертью, естественно представился въ чертахъ Дигениса. Этому соглашенію аскетическаго содержанія съ народными мотивами греческія пѣсни о Дигенисѣ одолжены своими поэтическими достоинствами, своею свѣжестью. У насъ произошло другое, хотя тотъ же переходъ отъ школьной статьи въ народному стиху совершился: никакой народный герой не подставился на мѣсто анонимнаго олицетворенія «живота»; русскіе переказчики шли ближе по слѣдамъ подлинника, не претворяя его въ плоть и

какомъ-то звѣрѣ, напоминающемъ своими статями льва; она вооружена косою, за плечами колчанъ со стрѣлами; она цѣлится въ воина изъ лука. Ниже—какъ послѣдній эпизодъ борьбы—лежащая на землѣ фигура: воинъ, сраженный смертью. См. Булаева, Очерки, I, стр. 625 и изображенія къ стр. 624 (чит. 625): №№ 5 и 6.

¹⁾ Въ другомъ переказѣ эта похвальба приписана Александру Великому. См. Пшавы, Очеркъ, стр. 186.

кровь; оттого слѣды оригинала здѣсь замѣтнѣе—даже въ имени Аники. Я предполагаю, что и въ этомъ случаѣ употребленъ былъ приемъ, съ которымъ познакомили насъ русскій пересказчикъ поэмы о Дигенисѣ: эпитетъ Аникиты, непобѣдимаго, сталъ собственнымъ именемъ.

Но возвратимся къ стиху объ Аникѣ и остановимся на нѣкоторыхъ его подробностяхъ.

Въ одномъ пересказѣ ¹⁾ Аника такъ похваляется своею мощью:

Кабы даль да мнѣ-ка, Господи,
Съ небеси во столбы колецошко булатно,
Повернулъ бы я всю землю на сине небо,
А сине небо на сыру землю:
На міру бы смерти не было.

Далѣе онъ встрѣчаетъ на пути двѣ сумочки переметныя и хвалится, что задѣнетъ ихъ ногой — и сумокъ, какъ не бывало. Обличенный въ хвастовствѣ, онъ разсердился:

Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть:
Задѣлъ Оника ноженькой правою—
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.

Чѣмъ болѣе онъ хочетъ показать свою богатырскую силу, тѣмъ меньше успѣха; и онъ отъ чрезмѣрнаго усилія уходитъ въ землю по колѣна, по поясъ, по грудь. Со стыдомъ садится онъ на добраго коня и ѣдетъ на встрѣчу Чуда.

То же самое рассказывается въ русскихъ былинахъ и про такъ-называемыхъ старшихъ богатырей: про Святогора ²⁾, Самсона и др. ³⁾.

Та же похвальба: еслибы было кольцо въ небѣ, другое въ землѣ, они повернули бы землю. Господь наказываетъ ихъ за эту похвальбу: сумка, которую они напрасно пытаются поднять, заключаетъ въ себѣ именно всю «тягу» земную—какъ въ болгарскомъ сказаніи о Маркѣ Краевичѣ, похвалившемся, что онъ въ копье подниметъ всю землю: Господь посылаетъ къ нему ангела, который проситъ его взвалить ему на плечу торбу съ землею— а въ ней заключалась тяжесть всей земли. Марко едва можетъ

¹⁾ Рыбниковъ, II, 255 и слѣд.

²⁾ Рыбн. I, 32—3; Миллеръ, Илья Муромецъ, 213, 244.

³⁾ Гильфердингъ, Оловецкія былинны, стр. XLI—II, № 270; Миллеръ, I, с., 215.

приподнять торбу и съ тѣхъ поръ теряетъ силу ¹⁾—наши старшіе богатыри погружаютъ въ землю отъ усилія. Они или случайно находятъ сумку, или имъ предлагаетъ сдвинуть ее проходной, отвѣчающій ангелу болгарскаго преданія; одинъ прозаическій пересказъ ²⁾ зоветъ его Микулушкой; можетъ быть, св. Никола. Въ этомъ видѣ существуетъ сходный, хотя и сильно искаженный рассказъ объ Аниѣ: однажды онъ остановилъ старика, несшаго за плечами сумку; онъ хочетъ его ограбить; въ сумкѣ оказались *узелки съ землею, пескомъ*—и части св. мощей. Аника разбрасываетъ съ досады узелки, старикъ грозитъ ему скорымъ наказаніемъ и исчезаетъ — послѣ чего рассказъ переходитъ во встрѣчѣ Аники со смертью ³⁾.

Указанное сходство легенды объ Аниѣ съ пѣснями о Святогорѣ и Самсонѣ дѣлаютъ для насъ особенно интереснымъ тотъ фактъ, что именно съ этими богатырями сопоставляется и Аника въ отвѣди Смерти своему противнику:

Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
 Былъ на землѣ Святогоръ богатырь:
 И я ихъ искосила;
 Хочу и тебя, Аника, искосити ⁴⁾.

Эти имена встрѣчаются вмѣстѣ постоянно; Самсонъ извѣстенъ намъ изъ «Пренія»; иногда къ нимъ присоединяются и другіе богатыри: Малафей — Молоферъ (Олофернъ), Соловей (Соломонъ «Пренія»?) и даже Полванъ, заимствованный, какъ извѣстно, изъ итальянской народной книги. Намъ занимаетъ въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что на ряду съ Аникой не упомянуть ни одинъ изъ тѣхъ богатырей, которые обыкновенно являются въ окруженіи Владиміра: ни одного богатыря съ собственно русскимъ, мѣстнымъ пріуроченіемъ. Если Аника—Дигенисъ, то кто же эти такъ называемые «старшіе» наши богатыри?

Между ними и Аникой есть много общаго. Аника стоитъ особнякомъ отъ русскаго былиннаго эпоса, въ небольшомъ циклѣ пѣсенъ объ его борьбѣ со смертью. «Старшіе богатыри» хотя и введены въ составъ русскаго эпоса, но какъ-то стороною, слу-

1) Миллеръ, ib. 213.

2) Рыбниковъ, I, стр. 39—40, въ выносѣ.

3) Кирѣевскій, II, IV, замѣтка Безсонова, стр. СХII.

4) Кирѣевскій, IV, 121, 128.

чайно. Они почти не принимаютъ участія въ интересахъ русской земли. Святогоръ—

Былъ богатырь чудный,
Что-ль во весь же міръ онъ дивный,
.....
Не ѣздилъ онъ на святую Русь.

Илья Муромецъ ѣдетъ къ нему —

На тни было горы на высокіи.

Святогоръ говорить ему:

Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,
Не носить меня мать сыра земля,
Мнѣ не придаютъ тутъ ѣздить на святую Русь,
Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ по высокіимъ,
Да по щелейкамъ по толстымъ ¹⁾.

Какъ и Аника, старшіе богатыри отличаются необычайной, вѣщественной силой, до которой далеко русскимъ, земскимъ богатырямъ. «Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка, а нѣтъ-то мнѣ да поединщичка» ²⁾, говорить о себѣ Святогоръ; никому не совладѣть съ его конемъ. Слѣпому отцу Святогора Илья Муромецъ подаетъ, вмѣсто руки, кусокъ раскаленного желѣза; тотъ, «какъ захватилъ желѣзо, сдвинулъ его и говорить: крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырь!» ³⁾ О. Миллеръ ⁴⁾ сравниваетъ съ этимъ свазаніемъ греч. свазку о Дравѣ ⁵⁾; но подобное же разсказывается въ Греціи о старухѣ-эллинеѣ: раздавивъ вочеру, поданную ей вмѣсто руки, она говорить: «сильные вы, но не такъ, какъ мы бывали сильны» ⁶⁾. Въ преданіи новыхъ грековъ, эллины такіе же необыкновенные люди, необычайнаго роста и силы, какими представляются намъ наши старшіе богатыри ⁷⁾. Ихъ трудно сломить самой смертію: Аника-Дигенисъ борется съ

¹⁾ Гильфердингъ, I. с., № 1.

²⁾ Миллеръ, I. с., 244.

³⁾ Рыбн. III, 3.

⁴⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 241.

⁵⁾ Hahn, Griechische und albanesische Märchen, I, 39, 40 (и прим.).

⁶⁾ Πολιτης, I. с., стр. 503—504. См. также датскія преданія о Holger Danske у Pio, Sagnet om Holger Danske, стр. 17, (№ 1), 19—20 (№ VII); о Gode Orsaal, ib. стр. 26—7 (№ XI); шведскія преданія, ib. стр. 39—40: о великанѣ Gallas Doo.

⁷⁾ Πολιτης ib. весь отдѣлъ объ ἄλληνας.

нею; старшіе богатыри погрязаютъ въ землю отъ избытка собственной силы; обыкновенная смерть имъ не писана.

Я останавлиюсь на имени Святогора не затѣмъ, чтобы объяснить его, а чтобы обратить вниманіе на народную этимологию, къ нему привязавшуюся. Его связываютъ съ горами, или даже съ святыми горами; онъ живетъ на высокихъ горахъ и въ скалахъ. Горы часто встрѣчаются въ русскомъ былинномъ эпосѣ: и какъ опредѣленіе мѣстности—обыкновенно горы Сарачинскія, — и какъ составная часть собственныхъ именъ и эпитетовъ: Горынычъ; бабы: Горынчанка, Горынича, Латыгорка, Семигорка; Загорскій. Легко предположить, что такое богатство производныхъ словъ, заимствованныхъ отъ горы, не могло быть внушено преимущественно равниннымъ характеромъ русской мѣстности. Съ образомъ горы часто соединяется образъ змѣя: змѣй-Горынычъ живетъ на Сарачинскихъ горахъ ¹⁾; Тугаринъ Змѣевичъ Загорскій ²⁾. Я не отрицаю возможности, что въ этихъ образахъ горы и змѣя дозволено искать и даже находить народно-миѣическое содержаніе. Въ другомъ мѣстѣ ³⁾ я указалъ, что при объясненіи былиннаго змѣя слѣдуетъ обратить вниманіе, помимо народныхъ повѣрій, и на апокрифическія легенды, имѣвшія сильное вліяніе на народную словесность. Но необходимо замѣтить, что эти змѣи носятъ характеръ двойственный: Тугаринъ то изображается чудищемъ, съ головой что пивной воетель, изъ хайлица пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ; онъ летаетъ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является богатыремъ, въ цвѣтномъ дорогомъ платьѣ, конь подъ нимъ, какъ потый звѣрь ⁴⁾. Интересно было бы различить, что въ этомъ образѣ первоначальнаго, и какія черты принадлежать искаженію.

Разбирая византійскаго Дигениса, я указалъ на типъ *ателатоса*, удалыхъ молодцовъ, съ которыми пришлось перевѣдаться Дигенису. Филопатръ является представителемъ этой воинственной вольницы, любимымъ орудіемъ которой была *апелатихион* ⁵⁾, *маллица*, «тяги желѣзныя» нашихъ *паленицъ*; въ Стратиговѣ и мазонѣ Максимѣ византійской поэмы наши женщины-паленицы

¹⁾ Кир., II, стр. 23—25.

²⁾ Ib. I, стр. 57.

³⁾ Калѣки переходіе и богомильскіе странники, „Вѣстн. Европы“ 1872, апр., стр. 712.

⁴⁾ Кир. IV, указатель, стр. 145—8.

⁵⁾ Сава, I. с., стр. 45—6.

гарциной, когда татарщина явилась общимъ выраженіемъ всего зражяго, съ чѣмъ приходилось биться русскимъ богатырямъ. Гугаринъ дѣйствительно прѣвзжалъ изъ-за горъ, оттого его эпитетъ «загорскій»; впоследствии его заставили прѣвзжать изъ «улу-ховъ» загорскихъ ¹⁾. Но другая пѣсня осталась о немъ ²⁾, гдѣ онъ является цареградскимъ богатыремъ, при царѣ Константинѣ Боголюбовѣ и царицѣ Еленѣ Александровнѣ; его мать живетъ въ Царьградѣ; онъ собирается на Кіевъ, но взятъ русскими богатырями и отвезенъ въ Владиміру, который отпускаетъ его назадъ по просьбѣ матери и честному слову русскихъ богатырей. (другая пѣсня ³⁾ довазываетъ, что онъ жилъ въ чести у Владиміра и особенно у его жены, княгини Апраксѣевны. Эти былины связи между Кіевомъ и Константинополемъ не указываютъ ли на тѣ пути, которыми пришли въ намъ нѣкоторые элементы нашего стариннаго эпоса?

АЛЕКСАНДРЪ ВЕСЕЛОВСКІЙ.



¹⁾ Кир., I, стр. 57.

²⁾ Ib. IV, № 5, и сказаніе о Седьми русскихъ богатыряхъ, напечатанное по рук. VII вѣка въ „Пам. старин. русск. литер.“, II, стр. 311—315.

³⁾ Кир., II, стр. 75, слѣд.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ.

Сборникъ государственныхъ знаний, подъ ред. В. П. Безобразова, д. ч. имп. акад. наукъ, при ближайшемъ содѣйствіи профессоръ имп. Спб. университета: о. М. К. Горчакова (по церковному законовѣднію), А. Д. Градовскаго (по государственному праву), Ф. Ф. Мартенса (по международному праву), В. И. Сергѣевича (по исторіи русскаго права), Ю. Э. Янсона (по статистикѣ), и профессора академіи генералъ Г. А. Леера (по военнымъ наукамъ). Томъ I. Спб. 1874.

Въ нашей періодической литературѣ давно чувствовался недостатокъ такого изданія, которое могло бы служить центромъ для разработки „государственныхъ знаний“ въ формѣ общедоступной для образованнаго большинства. Новый специальный органъ, основанный обществомъ петербургскихъ профессоръ въ концѣ прошедшаго года можетъ весьма встать пополнить этотъ недостатокъ; первый, появившійся выпускъ служить достаточнымъ тому ручательствомъ. Основатели задались, какъ то и слѣдовало, весьма широкою программю, включивъ въ предѣлы государственныхъ знаний „публичное право (церковное, государственное, международное, административное), полицію, финансы, государственное хозяйство, военныя науки, судебную часть и статистику, въ ихъ ближайшихъ отношеніяхъ къ государству“. Программа—весьма обширная: она обнимаетъ собою почти всѣ вопросы, которые называются политическими и социальными. Своевременность появленія „Сборника“ въ свѣтъ и свою вѣру въ успѣхъ „Сборника“ издатели объясняютъ „пробужденіемъ“ въ русскомъ обществѣ „интересовъ къ сознательному участію въ государственной жизни отечества“, а это пробужденіе вызвано всеми новѣйшими преобразованіями, которыя „приобщили само общество къ государственному дѣлу: въ мѣстномъ управленіи, судѣ и отчасти законодѣ-

ельствъ". „Сборникъ" имѣеть въ виду „усилить способы изученія и публичнаго обсужденія вопросовъ государственной науки". И онъ, действительно, достигаетъ своей цѣли, такъ какъ многія изъ его статей вполне заслуживаютъ вниманія образованныхъ читателей.

Кромѣ специальныхъ изслѣдованій по разнымъ современнымъ государственнымъ вопросамъ, „Сборникъ" заключаетъ въ себѣ довольно обширный отдѣлъ „критики и библиографіи" новыхъ книгъ того же одержанія, и „обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія въ Россіи за первую половину 1874 года". Такое же обозрѣніе за послѣднюю половину 1874 года издатели обѣщаютъ въ своемъ второмъ томѣ, который долженъ былъ появиться въ первыхъ мѣсяцахъ нынѣшняго года.

Итакъ, въ этихъ двухъ томахъ русская образованная публика олучитъ довольно подробный обзоръ политической жизни Россіи за 874 годъ, а также критику и библиографію всего наиболѣе выдающагося въ нашей литературѣ по государственнымъ вопросамъ, и, верхъ того, до двадцати статей, имѣющихъ цѣлью объяснить разныя стороны и разныя потребности нашего общественнаго и государственнаго быта. Правда, что не всѣ статьи отличаются одинаковымъ достоинствомъ, но есть между ними весьма замѣчательныя и только по своимъ литературнымъ свойствамъ, но и по самому предмету изложенія: особенно пріятно встрѣтить опыты гг. Граовскаго и Фойницкаго въ ихъ инициативѣ относительно обсужденія важнѣйшихъ потребностей современнаго русскаго законодательства; съ большимъ интересомъ читается живая статья князя Вальчикова о социальномъ значеніи эмиграціи въ современной Европѣ; очень дѣльно составлено предложеніе г. Янсона объ устройствѣ правильной переписи населенія въ Россіи, и есть нѣсколько олезныхъ замѣчаній въ статьѣ профессора Бунге о нашихъ банковыхъ законахъ.

Остальныя статьи не представляютъ ничего выдающагося. Обширное разсужденіе русскаго дипломата Мартенса о брусельской конференціи, — разсужденіе, ловко составленное, но оно односторонне и объясняетъ неудачу этой конференціи однимъ лишь недоброжелательствомъ „коварнаго Альбіона"; даже наши газеты разсматривали этотъ вопросъ гораздо шире.

Г. Вешняковъ, сравнительно съ выведеннымъ имъ результатомъ, ишкомъ долго останавливается на разсужденіи о привилегіяхъ изобрѣтателей: въ концѣ-концовъ онъ все же приходитъ къ такому заключенію, что хотя, кромѣ самихъ привилегированныхъ и разнующихъ привилегіи, никто въ современной Европѣ не одобряетъ издачи привилегій, и хотя „все могло бы убѣдить въ томъ, что

и для Россіи, какъ для Голландіи, въ существованіи законовъ, ограждающихъ изобрѣтенія, не настоятъ существенной надобности и выгодноѣ было бы совершенно отмѣнить эти законы, въ интересахъ промышленности“,—однако дѣйствительная отмѣна ихъ все-таки была бы поступкомъ „поспѣшнымъ и крайне неблагоразумнымъ“. Даже число дѣйствительно осуществляющихся привилегій этого рода ясно показываетъ, что о подобномъ вопросѣ говорить не стоить. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 527 привилегій, выданныхъ съ 1867 года по 1874, только по 95 привилегіямъ представлены законныя удостовѣренія объ осуществленіи ихъ въ дѣйствительности! Да и эти 95 привилегій принадлежать по большей части „иностранцамъ, которые привыкли за-границею на каждый новый предметъ испрашивать привилегію не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ, гдѣ ожидаютъ сбыта для своихъ произведеній“ (стр. 307). Чему же послѣ этого удивляться, что въ нашей литературѣ никто не занимается этимъ вопросомъ, [и что лишь нѣкоторые профессора (гг. Бунге и Андреевскій) заносятъ въ свои курсы намѣцѣнаго права фактъ существованія *отозиции* противъ привилегій на изобрѣтенія?.. Мы готовы допустить, что въ настоящее время наша литература сильно ограничена въ своемъ выборѣ подлежащихъ ей обсужденію вопросовъ, однако бѣдность эта все-таки еще не такъ велика, чтобы ей необходимо было разсуждать объ интересахъ одной сотни людей, жаждущихъ личной наживы. О „поспѣшности“ и „крайнемъ неблагоразуміи“ въ рѣшеніи участи этихъ интересовъ, намъ кажется, не можетъ быть и рѣчи.

Профессоръ Андреевскій представляетъ отчетъ объ устройствѣ призрѣнія бѣдныхъ во Франціи, составленный на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ трехтомнаго парламентскаго изданія: „Enquête parlementaire sur l'organisation de l'assistance publique dans les campagnes“. Версаль, 1873—1874. Въ этомъ отчетѣ собрано много интересныхъ фактовъ, но изъ нихъ можно заключить лишь только то, что французская администрація не понимаетъ въ этомъ вопросѣ своего собственнаго призванія.

Профессоръ Григорьевъ помѣстилъ въ „Сборникѣ“ историческій очеркъ о русской политикѣ въ отношеніи къ Средней Азій; разсказъ начинается съ исторіи XVI вѣка и кончается 40—50-ми годами нашего столѣтія.

Наконецъ, есть еще статья профессора Сидоренко, который предлагаетъ нѣсколько оригинальный проектъ о новомъ налогѣ на всѣхъ лицъ, освобождающихся по жребію или по какимъ-либо другимъ причинамъ отъ личнаго несенія военной службы. Этотъ налогъ авторъ намѣренъ употребить на нужды обязательнаго образованія народа.

вторъ полагаетъ, что такъ какъ всѣ люди, побывавшіе въ народной школѣ, служатъ въ рядахъ арміи вмѣсто шести лѣтъ только четыре, то стоить лишь ввести обязательное посѣщеніе народныхъ школъ, срокъ армейской службы тотчасъ сократится на два года. Этотъ дивительный проектъ основывается на слѣдующихъ примѣрахъ, тысканныхъ авторомъ въ жизни европейскихъ народовъ. Во Франціи, напримѣръ, существовалъ съ 1798 по 1818 годъ военный законъ, который постановлялъ, чтобы всѣ тѣ, которые по какой-либо причинѣ будутъ освобождены отъ исполненія военной службы, платили особый, соразмѣрный съ ихъ имущественными средствами налогъ. Зачѣмъ этотъ законъ былъ отмѣненъ—г. Сидоренко ничего не говоритъ. Въ Швейцаріи, въ 1846 году, введенъ сперва въ кантонѣ аатландскомъ, а потомъ и во всѣхъ другихъ, кромѣ двухъ, ежегодный *военный налогъ* въ 5 франковъ и 2 процента подоходнаго налога съ каждаго лица, не несущаго воинской службы. Вся сумма этого налога предназначается тамъ на облегченіе служащихъ, и именно на ихъ вооруженіе и обмундированіе, которыя въ Швейцаріи вообще падаютъ на частныя средства самихъ служащихъ. Такой же налогъ взимается въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ: въ Виртембергѣ съ 1868 года, въ Баваріи съ 1869 и въ Саксоніи съ 1866 г., распределяется между служащими. Въ первомъ изъ этихъ государствъ берутъ по 20-ти гульденовъ, во второмъ—по 3 и до 100 гульденовъ, смотря по ежегодному доходу лицъ (съ 200 до 1600 гульденовъ и выше), а въ Саксоніи слѣдуетъ уплатить выкупъ въ 40 талеровъ разомъ или по частямъ. Профессоръ Сидоренко, не ративъ никакого вниманія на разницу, какая существуетъ между богатствомъ населенія въ этихъ процвѣтающихъ и малыхъ странахъ бѣдностью нашей обширной, но вѣчно въ недомысляхъ пребывающей Россіи, и нисколько не думая о томъ, что русскій народъ и съ новаго налога уже давно оплачиваетъ своими общими налогами съ вооруженіе, такъ и обмундированіе нашихъ войскъ,—прямо рѣшетъ, что и у насъ можно найти до 550,000 человѣкъ, съ которыхъ слѣдуетъ будто бы брать не по 5-ти франковъ, какъ въ Швейцаріи, но по 5 рублей, да потомъ еще съ неподатныхъ лицъ отъ 20-ти рублей до 200. И вотъ, на эти-то новыя деньги мы устроимъ обязательность народной школы, и чрезъ нея сократимъ воинскую повинность съ шести лѣтъ на четыре!..

Но обратимся къ статьямъ съ серьезными и широкими предложениями, и прежде всего къ статьѣ профессора Градовскаго: „Законъ административное распоряженіе по русскому праву“. Цѣль этой статьи заключается въ опредѣленіи средствъ и способовъ, посредствомъ которыхъ административныя распоряженія имѣли бы силу

только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ закону, чѣмъ такимъ образомъ царство закона вполне замѣняло старый порядокъ. При новомъ порядкѣ вещей, который уже упрочился и продолжаетъ упрочиваться въ большинствѣ европейскихъ законодательствъ, введенъ принципъ раздѣленія властей, законодательной и административной, и вся задача въ этомъ раздѣленіи заключается въ томъ, чтобы отношеніе между волею верховной власти, выражающейся въ законѣ, къ волѣ исполнительной, выражаемой *административными распоряженіями*, способствовало упроченію той степени законности, при какой можетъ существовать и развиваться каждое цивилизованное общество.

Старый порядокъ вещей не замѣчалъ различія между дѣятельностью законодательной и исполнительной властей; онъ видѣлъ въ этомъ различіи лишь форму. Но въ новомъ порядкѣ хотя законодательная власть продолжаетъ издавать общія нормы или законы, а исполнительная—примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, административныя распоряженія, сверхъ того, начинаютъ становиться столь же *общими*, какъ законы, такъ что разница между ними и дѣйствительными законами можетъ быть опредѣлена лишь по внутренней природѣ ихъ, по цѣли и содержанию. Дѣятельность государства при нынѣшнемъ развитіи цивилизаціи не можетъ ограничиваться одною прежнею задачею: ставить законные предѣлы всѣмъ сторонамъ жизни; нынѣшняя государственная власть можетъ участвовать въ расширеніи общественной дѣятельности и жизни. Само собою разумѣется, что прежняя задача остается и теперь въ плечахъ государства: оно должно создавать и сохранять юридическое опредѣленіе всѣмъ правоотношеніямъ, какъ между отдѣльными людьми, такъ и между властью и гражданами; оно должно опредѣлять *мѣру свободы* каждаго общими и равными для всѣхъ положеніями, а также *кругъ вѣдомства* и *степень власти* каждаго изъ сихъ органовъ. Все это достигается закономъ, и законъ, следовательно, есть юридическая основа всѣхъ правоотношеній, а также мѣра свободы каждаго частнаго лица и граница власти каждаго органа государства. Итакъ, въ законѣ каждый гражданинъ обязанъ и имѣетъ право видѣть мѣру дозволеннаго и недозволеннаго; въ томъ же законѣ каждый органъ управленія и суда обязанъ находить предѣлы своей дѣятельности и власти.

Другая сторона государственной дѣятельности состоитъ въ исполненіи способовъ и мѣръ, необходимыхъ для осуществленія лежащихъ на немъ общественныхъ задачъ. Здѣсь уже дѣло идетъ не о правоотношеніяхъ, а объ общественной пользѣ: это мѣры экономическія, педагогическія, врачебныя и т. п., не заключающія въ себѣ ничто

риджического. Правда, что законъ можетъ вводить свои постановленія и въ эту область административной дѣятельности, но практика показала многими вѣскими примѣрами, что прочная и однообразная регламентація здѣсь скорѣе вредна, чѣмъ полезна. Какъ бы то ни было, здѣсь открыто широкое поприще для свободной и творческой дѣятельности администраціи, для ея распоряженій. И административныя распоряженія, такимъ образомъ, приобретаютъ самостоятельное содержаніе: это уже не простое примѣненіе закона къ частному случаю, но общія правила, приложимыя къ цѣлому ряду однородныхъ случаевъ, которыхъ не касается законъ чисто-юриджического свойства.

Разумѣется, что и въ этой новой сферѣ государственной дѣятельности возможны злоупотребленія административной власти, и о противъ нихъ законъ долженъ быть охраненъ соотвѣтственными мерами.

Противъ *неправильныхъ* административныхъ распоряженій есть и рода мѣръ, которыя всѣ имѣютъ въ виду одну общую цѣль: *исправленію* распоряженія. Первая мѣра этого рода есть *право представленія*, даваемое подчиненнымъ мѣстамъ въ случаѣ полученія ими неавидныхъ распоряженій. Затѣмъ, есть *право судебного контроля*, которымъ пользуются суды при разсмотрѣніи дѣлъ о неисполненіи административныхъ распоряженій частными лицами. Наконецъ, есть и *право жалобъ*, которымъ пользуются частные люди и общественныя учрежденія ради огражденія ихъ правъ, въ случаѣ нарушенія еми административнаго распоряженія.

Въ наше время, когда въ Россіи совершилась уже отмѣна вѣчного права и введены судебныя учрежденія, которыя имѣютъ цѣлю создать въ нашемъ отечествѣ царство закона, и когда такія дѣйствительныя учрежденія, какъ земство и городскія думы, организованы тоже на новомъ началѣ, на принципѣ *законности*, — необходимо, разумѣется, чтобы законность вошла во всѣ области нашего государственнаго управленія. „Не настала ли пора, — говоритъ профессоръ Градскій, — занести въ основные законы начала, проникшія въ нашу дѣйствительный бытъ, благодаря реформамъ послѣдняго времени, на-а, подъ влияніемъ которыхъ у насъ зарождается право судебного контроля, и право жалобы получаетъ болѣе широкое основаніе. Занести въ основные законы, подобныя правила получили бы болѣе общности и общности, чѣмъ теперь, когда они разсѣяны въ разныхъ частяхъ свода, въ специальныхъ учрежденіяхъ и положеніяхъ“ (р. 31).

Посмотримъ теперь, что говорятъ наши основные законы, и что можно сдѣлать, по мнѣнію профессора Градовскаго, чтобы эти за-

коны удовлетворяли новымъ потребностямъ государственной жизни Россіи, возникшимъ изъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія.

Законодательная власть, во всемъ ея объемѣ, сосредоточивается въ Россіи въ рукахъ верховной власти: „никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона“. Что же касается до распоряженій, исходящихъ отъ исполнительныхъ властей, они могутъ касаться лишь мѣръ, необходимыхъ для лучшаго исполненія закона, для разрѣшенія недоумѣній или затрудненій въ порядкѣ этого исполненія, или, наконецъ, общихъ подтвержденій объ исполненіи изданнаго закона. Сенату, какъ „хранителю законовъ“, дается право наблюдать за исполненіемъ законовъ, разрѣшать „ихъ силою“ различныя затрудненія и недоразумѣнія. То же право дается и министерствамъ, сущность власти которыхъ опредѣляется особымъ закономъ: „министерства установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ ихъ дѣйствіемъ и надзоромъ доставить законамъ скорое и точное исполненіе“. Поэтому, имъ предоставлено: 1) „разрѣшеніе, силою существующихъ законовъ и учрежденій, всѣхъ затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи, и 2) принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ дѣйствію законовъ“. Отсюда очевидно, что наше законодательство не признаетъ въ административныхъ распоряженіяхъ самостоятельнаго содержанія, а только порядокъ принятія изданныхъ законовъ. Законность министерскихъ распоряженій опредѣляется, съ одной стороны, по согласію ихъ съ законами вообще, и съ другой,—ихъ компетентностью по роду дѣлъ, такъ какъ каждое министерство не должно входить въ управленіе дѣлъ, ввѣренныхъ другому министерству. Основные законы имѣютъ въ виду лишь согласіе административныхъ распоряженій съ закономъ; они указываютъ, поэтому, что каждое начальство, подчиненное министру, обязано представлять объ его распоряженіи, несогласномъ съ закономъ, прежде всего ему. Въ случаѣ подтвержденія со стороны министра дѣло представляется на окончательное разрѣшеніе въ сенатъ, который, слѣдовательно, поставленъ судьей законности распоряженій, исходящихъ изъ министерствъ, въ случаѣ сомнѣнія въ этой законности. Но нѣсколько иначе бываетъ въ случаяхъ нарушенія министромъ своей компетенціи. Подчиненное мѣсто, получивъ некомпетентное предписаніе министра, обязано, не исполняя его, испросить разрѣшеніе отъ того министра, къ которому относится предметъ предписанія. Здѣсь переносъ дѣла на разрѣшеніе сената зависитъ уже отъ министра другого вѣдомства. На подобныхъ же основаніяхъ построены отношенія мѣстныхъ учреждений къ предписаніямъ, исходящимъ отъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ.

Законность административныхъ распоряженій утверждается и обезпечивается лишь въ томъ случаѣ, когда законодательство страны признаетъ въ извѣстной степени принципъ закономѣрнаго повиновенія въ противоположность повиновенію пассивному. При существованіи въ законодательствѣ лишь одного пассивнаго принципа, о законности административнаго распоряженія не можетъ быть и рѣчи, какъ какъ подобное распоряженіе имѣетъ тогда такую же обязательную силу, какъ и законъ. Русское законодательство довольно дачно проводить начало закономѣрнаго повиновенія лишь въ области правительственныхъ установленій, или въ общемъ порядкѣ дѣлопроизводства присутственныхъ мѣстъ: это—*право представленія*. Но въ примѣненія того же принципа къ обществу и къ частнымъ лицамъ наше законодательство сдѣлало только очень недавно нѣкоторую уступку. Что же касается до уложенія о наказаніяхъ, которое продолжаетъ имѣть свою обязательную силу, оно и теперь основано исключительно на одномъ пассивномъ повиновеніи: въ одной изъ вонхъ статей оно прямо угрожаетъ карою всѣмъ, кто „явно и горю не повинуется или сопротивляется какой-либо власти“, всякое „противодѣйствіе“ тоже присоединяется этимъ уложеніемъ къ числу наказуемыхъ преступленій. Между тѣмъ, новѣйшая наука, въ лицѣ Бернера и другихъ писателей по уголовному праву, признавая полнѣ, что „власть не можетъ поставить рѣшеніе о правомѣрности вонхъ дѣйствій въ зависимость отъ взглядовъ тѣхъ, противъ кого направлены эти дѣйствія“, допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что приказанія власти, „видимо не облеченныя въ законную форму и очевидно противозаконнаго содержанія, безъ сомнѣнія, считаются по общему праву необязательными“. Въ этомъ научномъ положеніи признается не открытое сопротивленіе, но именно пассивное неповиновеніе правомъ частнаго лица противъ незаконнаго распоряженія. Сославшись съ такимъ научнымъ положеніемъ, законодательству придается создать органъ, который могъ бы лишать обязательной силы съ незаконныя распоряженія: эти органы—*право судебного контроля* и *право жалобы*. Судъ дѣйствительно можетъ судить о степени законности распоряженій, вызвавшихъ пассивное неповиновеніе, и тѣмъ дозвѣтвовать обѣ стороны. Однако судъ не даетъ окончательнаго рѣшенія по вопросамъ о законности распоряженій; онъ имѣетъ дѣло лишь съ *отдѣльными дѣйствіями* администраціи, основанными на какомъ-либо общемъ распоряженіи; онъ разбираетъ поступки подчиненныхъ, примѣняющихъ распоряженіе лицъ, но не имѣетъ дѣла съ властью, издавшею его; онъ не допускаетъ примѣненія общаго распоряженія къ извѣстному случаю, но не вообще. Поэтому необхо-

димо право жалобъ высшему установленію, имѣющему возможность *отменить* незаконное распоряженіе въ дѣломъ его составѣ.

Принципъ судебного контроля „въ зародышѣ, по крайней мѣрѣ“, введенъ новыми учрежденіями, и именно 29 статьею уст. о наказ. налагаемыхъ миров. судьями; но она примѣняется исключительно къ случаямъ пассивнаго неповиновенія *одного лица*, ~~безъ~~ предварительнаго уговора съ другими. Во всѣхъ другихъ случаяхъ пассивное неповиновеніе преступно. Въ указанной 29-й статьѣ дѣло идетъ о наказаніи за неисполненіе *законныхъ* распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій; но такъ какъ это наказаніе примѣняется лишь къ неисполнителямъ *законныхъ* требованій и т. л. то судъ долженъ прежде всего рѣшить, законно ли требованіе административной или общественной власти. Рѣшеніемъ кассаціоннаго департамента сената опредѣлено именно въ этомъ смыслѣ предписаніе 29 статьи. Въ этомъ рѣшеніи сказано: „распоряженіе можетъ быть признано незаконнымъ, и обвиняемый можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности, хотя бы онъ не обжаловалъ въ установленный срокъ этого распоряженія и даже далъ подписку въ его исполненіи“.

Другое условіе закономѣрнаго повиновенія, право жалобъ, представлено у насъ какъ общественнымъ и сословнымъ собраніямъ, такъ и частнымъ лицамъ, но не коллективно, а каждому лицу въ отдаленности. Есть два рода жалобъ: по искамъ о вознагражденіи, и объ отменѣ распоряженій. Что касается до частныхъ лицъ, имъ дозволено жаловаться лишь по искамъ о вознагражденіи съ административныхъ лицъ, и объ отменѣ такихъ распоряженій, которыя касаются специально ихъ личныхъ правъ; относительно же распоряженій высшихъ административныхъ органовъ русское законодательство еще скупѣе на точное опредѣленіе порядка ихъ обжалованія. Право сената принимать жалобы отъ частныхъ лицъ на министерства, и право частныхъ лицъ приносить ихъ, вытекаетъ изъ общихъ опредѣленій компетенціи сената, какъ хранилища законовъ; первому департаменту специально принадлежитъ, между прочимъ, надзоръ за дѣйствіями разныхъ мѣстъ управленія, особенно министерствъ и губернскихъ мѣстъ,—однако при всѣхъ такихъ широкихъ правахъ сената, законодательство не установило точнаго и яснаго порядка отменѣ неправильныхъ распоряженій, особенно высшихъ административныхъ органовъ, и права сената имѣютъ лишь относительное значеніе.

Относительно жалобъ общественныхъ и сословныхъ собраній права сената опредѣлены гораздо яснѣе. Въ дѣлахъ этого рода всѣ

вое столкновение съ административною властью всегда может достигнуть до суда сената и получить его рѣшеніе. Профессоръ Градовскій приводитъ одинъ примѣръ изъ дѣятельности самарскаго губернскаго земства, гдѣ сенатъ возстановилъ истинный смыслъ закона въ пользу земства и не согласно съ сообщеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ (стр. 22 и 23).

Изъ всего этого обзора мѣръ нашего законодательства въ поддержанію силы закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ приходитъ въ столкновение съ распоряженіями подчиненныхъ властей, профессоръ Градовскій выводитъ такое лестное заключеніе о нашемъ правительствующемъ сенатѣ, что этому установленію, *по его идее*, могло бы позавидовать, на примѣръ, французское законодательство. Но, къ сожалѣнію, такимъ оно является лишь по идеѣ, а не въ практическихъ или техническихъ подробностяхъ и условіяхъ нашего права: оно нуждается еще во многихъ „существенныхъ улучшеніяхъ“, и—что особенно печально—эти улучшенія могутъ совершиться лишь одновременно съ важными преобразованіями „большихъ несовершенствъ нашего свода“. Уже въ 1858 г. въ правительственныхъ сферахъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости точно опредѣлить: что именно въ нашемъ законодательствѣ должно составлять законъ, и что административное распоряженіе. Но такъ какъ это вопросъ не теоретическаго свойства, а чисто-практическій, то въ практической же жизни слѣдуетъ искать и разрѣшенія его. При изданіи каждаго закона, въ немъ самомъ должно быть опредѣлено, что именно законодатель предоставляетъ распорядительной власти администраціи; тогда только судъ или сенатъ будутъ въ состояніи судить въ каждомъ случаѣ, насколько распоряженіе согласно съ закономъ. Законодательство наше, до извѣстной степени, усвоило себѣ этотъ примѣръ. Однако въ послѣднее время у насъ вошло въ обычай, при изданіи новыхъ законовъ, предоставлять высшей административной власти право издавать отъ себя постановленія *въ ихъ развитіе*. Такъ это случилось, между прочимъ, и съ уставомъ о воинской повинности. Редакція „Сборника государственныхъ знаній“ объясняетъ этотъ фактъ сложненіемъ и расширеніемъ круга административной дѣятельности и господствомъ въ ней бюрократической или приказной организаціи, требующей для себя несравненно болѣе административныхъ постановленій и инструкцій, чѣмъ самоуправленіе. Но съ расширеніемъ круга административной дѣятельности возрастаетъ все сильнѣе необходимость въ установленіи границъ для административныхъ распоряженій и гарантій противъ нарушенія этихъ границъ. Такою гарантіею можетъ служить, по мнѣнію редакціи „Сборника“ и профессора Градовскаго, власть правительствующаго сената по I-му де-

партаменту. „Безъ этого, — объясняетъ свою мысль редація (стр. 19), — власть законодательная можетъ практически быть совсѣмъ поглощена во власти административной: инструкція и циркуляръ, не поставленные ни подъ чей контроль, могутъ совсѣмъ парализовать дѣйствіе закона; вмѣсто усиленія того духа законности и правоты въ нашемъ государственномъ строѣ, который, очевидно, воодушевлялъ законодателя въ нынѣшнее царствованіе, во всѣ главнѣйшихъ его дѣяніяхъ, сталъ бы усиливаться у насъ административный произволъ. Этого никто не можетъ желать, а всего меньше сама верховная власть, — высшая представительница законности въ государствѣ“.

Профессоръ Градовскій называетъ защищаемое имъ право сената *правомъ противиться обнародованію* неправильнаго распоряженія, и ему кажется, что задача современнаго законодательства состоитъ въ преобразованіи перваго департамента сената „въ *верховное административное судилище*, поставленное на стражѣ закона и правъ частныхъ лицъ“. Хорошимъ образцомъ для этой реформы онъ считаетъ учрежденіе новыхъ кассационныхъ департаментовъ по судебнымъ дѣламъ...

Статья г. Фойницкаго: „Русская карательная система“, занимается критикою работъ двухъ комиссій, учрежденныхъ для введенія въ русское законодательство и въ русскую жизнь коренной тирекальской реформы. Одна изъ этихъ комиссій, подъ предѣлательствомъ графа Соллогуба, занималась составленіемъ проекта преобразованія нашихъ тюремъ на новыхъ началахъ, а другой, подъ предѣлательствомъ сенатора Фриша, поручень былъ пересмотръ того раздѣла „Уложенія о наказаніяхъ“, въ которомъ изложены постановленія существующей въ Россіи карательной системы. Обѣ комиссіи „вели свои работы условившись предварительно въ существѣ и цѣляхъ наказанія, не выяснивъ внутреннихъ законовъ, заправляющихъ развитіемъ и состояніемъ карательной системы. Мѣсто почвы эмпирической, рещищенной согласно логическимъ началамъ мысленія и оплодотворенной дозрѣвшими идеями о преступленіи и наказаніи, въ работахъ ихъ, къ сожалѣнію, занимало субъективное отношеніе къ карательнымъ мѣрамъ“. Этими причинами объясняетъ нашъ авторъ полное разнообразіе въ выводахъ обѣихъ комиссій, и неспособность ихъ предложить строго выдержанную карательную систему, приткнутую одною цѣльною идеею. Обѣ комиссіи пришли къ тому заключенію, что нужны разныя карательныя мѣры, и такимъ образомъ спутали въ своихъ предложеніяхъ прежнія воззрѣнія на наказаніе съ новѣйшими. Такъ, напр., комиссія гр. Соллогуба, заявившая свою преданность системѣ исправленія бывшихъ преступни-

ковъ мѣрами тюремнаго содержанія, допускаетъ въ то же время начало пожизненнаго заключенія, прямо противоположное всякому исправленію. Комиссія сенатора Фриша тоже не безукоризненна въ этомъ отношеніи: возставая противъ кары лишеніемъ правъ, которую она считаетъ институтомъ отжившимъ, она тутъ же предлагаетъ замѣнить лишеніе правъ „гражданскою смертью“, которая еще менѣе соответствуетъ современнымъ требованіямъ.

Современный взглядъ на наказанія, принятый и уже примѣняемый съ усѣхомъ почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, имѣетъ совершенно не тѣ стремленія и цѣли, какія проводились въ жизнь мѣрами старой системы, недостигнувшей никакого нравственнаго результата. Та, старая система, была основана на чувствѣ мести: око за око, зубъ за зубъ; ее вовсе не занимала участь преступника, въ которомъ она видѣла лишь открытаго врага общества, а общественную пользу наказанія она находила лишь въ устрашеніи другихъ варварскими карами. Этихъ каръ было много: одни наносили моментальное или тѣлесное страданіе (смертная казнь, различнаго рода бичеванія, цѣпи, кандалы и т. п.), другія — вѣчное или социальное (изгнаніе, конфискація, лишеніе правъ, гражданская смерть, вѣчное заточеніе и т. п.). Эта старая система стала исчезать изъ европейскихъ законодательствъ только въ очень недавнее время, но и то лишь по частямъ; но у насъ въ Россіи она господствуетъ пока со всѣми своими страшными атрибутами. Правда, что нынѣшнее царствованіе, отмѣнивъ тѣлесное наказаніе, нанесло рѣшительный ударъ старой системѣ, но до сихъ поръ все еще остаются въ законодательствѣ разныя другія наказанія, проникшія въ него какъ необходимыя послѣдствія такой кары, какъ тѣлесное наказаніе. Г. Фойницкій изумляется, что обѣ комиссіи, имѣвшія правильные взгляды на измѣнившіяся задачи наказанія, удерживаютъ однако нѣкоторые изъ этихъ послѣдствій въ своей лѣстницѣ наказаній, и между прочимъ институтъ лишенія правъ, который прямо противоположенъ новой тюремной системѣ. „Мы, — говоритъ авторъ, — не можемъ не протестовать противъ этой попытки примиренія непримиримыхъ, одного другому враждебныхъ, взаимно себя ослабляющихъ институтовъ. Идеи, лежащія въ основаніи мѣръ моментальныхъ по исполненію и вѣчныхъ по дѣйствию съ одной стороны, и мѣръ продолжительныхъ (тюремныхъ) по исполненію съ другой, расходятся во всѣхъ точкахъ. Намъ все построено на недовѣрїи къ личности преступника, на убѣжденіи въ полной и безповоротной его нравственной испорченности; дѣсь — на надеждѣ встрѣтить въ немъ чувствительныя струны добра и правды, могущія выработать его въ полезнаго члена общества. Намъ выходятъ изъ мысли, что злая воля, разъ укоренившись, жи-

вогь постоянно въ челоуѣкѣ и составляетъ единственную причину его преступныхъ актовъ; здѣсь — злая воля расчленяется на свои составные элементы, отрывается связь ихъ съ массою другихъ условий, лежащихъ внѣ личности преступника, и является увѣренность, что съ измѣненіемъ ихъ можетъ быть измѣнено и направленіе волн. Тамъ, наконецъ, вѣрятъ въ возможность, оставляя преступника среди общества, изолировать его и сдѣлать безвреднымъ при помощи фиктивныхъ преградъ; здѣсь — опытъ распаталъ эту вѣру, показавъ ей полное несогласіе съ дѣйствительностью и поставилъ на ее мѣсто другое убѣжденіе, что безопасность общественная лежитъ не въ такихъ фиктивныхъ преградахъ, а въ извѣстномъ, дружественномъ цѣлямъ обществѣ, настроеніи воли бывшихъ преступниковъ, достигнуть котораго почти невозможно при институтѣ вѣчнаго правосудія. Идеи эти генерически различны, онѣ не могутъ быть практикуемы одновременно“ (стр. 119, 120).

Тюрьма новаго времени имѣетъ цѣлью не возмездіе преступнику, не преслѣдованіе его всѣми злыми мѣрами, которыя когда-либо изобрѣтались мстительнымъ воображеніемъ прежнихъ законодателей, но, напротивъ, исправленіе преступника и даже *перевоспитаніе* его. Современный взглядъ на преступленіе, какъ на признакъ общественной болѣзни, заставляетъ законодателей искать средствъ не къ отищенію вреда на преступникѣ, но для прямой борьбы съ самимъ преступленіемъ. Съ этою цѣлью общество можетъ принимать разнообразныя мѣры соотвѣтственно разнымъ причинамъ, такъ или иначе вліяющимъ на увеличеніе или уменьшеніе преступленій. Такъ какъ самъ преступникъ есть то же одна изъ такихъ причинъ, то нужно дѣйствовать и на него. Всѣ другіе люди въ обществѣ находятся подъ вліяніемъ тѣхъ же общественныхъ условий, но далеко не всѣ покушаются на нарушеніе чужихъ правъ; — преступниками, слѣдовательно, слѣдуетъ считать такихъ людей, которые не въ состояніи противодѣйствовать подавляющимъ ихъ обстоятельствамъ или не умѣютъ поборотъ ихъ такими средствами, которыя признаны безвредными для достиженія личныхъ цѣлей въ обществѣ. Но эта самая несостоятельность и это самое неумѣнье бывають почти всегда, въ болѣе части преступныхъ случаевъ, результатомъ отсутствія всякаго воспитанія или прости дурнаго воспитанія. Въ этомъ и заключается обыкновенно вся вина преступника; мстить ему за то бесполезно, но исправить его недостатки, это—долгъ общества. Отсюда—право общества лишить преступника свободы, и тюрьма, какъ средство для его исправленія или перевоспитанія.

Тюрьма, какъ учрежденіе исправительное и воспитательное, не имѣетъ ничего общаго съ тюремой мести и позора. Тюрьма новаго

направленія и не можетъ существоватьъ въ томъ государствѣ, гдѣ карательная система основана на началѣ возмездія. Вотъ почему у насъ, когда поднялся вопросъ о преобразованіи прежней тюремной системы, вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и потребность въ коренной реформѣ самаго уложенія о наказаніяхъ. Только тогда русская тюрьма станетъ дѣйствительно исправительнымъ учрежденіемъ, когда самое головное законодательство наше приметъ новые взгляды на преступленіе и преступниковъ, и когда оно станетъ посылать преступниковъ въ тюрьмы ради общественной пользы, а не ради общественной ести.

Новая тюремная система, какъ она практикуется во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, еще далеко не достигла до полного совершенства, но хорошо и то, что всѣ проводники ея прониклись уже воспитательною идеею и направляютъ свои усилія къ удовлетворенію всѣхъ потребностей, соответствующихъ воспитательнымъ цѣлямъ тюрьмы. Въ нынѣшней тюрьмѣ всѣ распоряженія тюремнаго начальства, принимаются ли они ради соблюденія дисциплины или ради содержанія заключенныхъ вообще, имѣютъ характеръ чисто воспитательный. „Арестантская работа необходима пенитенціарнымъ учрежденіямъ не какъ источникъ дохода, ни тѣмъ менѣе какъ средство изнуренія арестантовъ, а именно какъ одна изъ важныхъ воспитательныхъ мѣръ; въ способахъ содержанія и порядкѣ подчиненности арестантовъ господствуетъ та же воспитательная идея. Она же вызвала въ жизни арестантскую школу, бесѣды, визиты въ нихъ новѣйшей обстановкѣ, классификацію арестантовъ, тюремную бібліотеку; она поставила запросъ на пенитенціарный институтъ для образованія тюремныхъ дѣятелей, на газету для арестантовъ. Ею, и только ею, держатся тюремныя учрежденія на той высотѣ, которая принадлежитъ въ общественномъ мнѣніи Запада, а забывая ее, становятся неднми даже тѣ тюрьмы, въ которыхъ отдѣльныя мѣры тюремной дѣятельности: арестантская работа, арестантскія прогулки, школа и п., продолжаютъ оставаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: живильный духъ этихъ мѣръ вылетаетъ изъ такихъ тюремъ, остается трепать распоряженій, слѣпо бредущихъ по невѣдомымъ тропинкамъ и къ невѣдомой цѣли“ (стр. 141).

Въ русской карательной системѣ, какъ въ уложеніи о наказаніяхъ, такъ и въ тюремныхъ постановленіяхъ XIV тома, г. Фойницкій не ходитъ воспитательною идеею; напротивъ, въ ея мѣрахъ виднѣтъ только „грубый эмпиризмъ“ и въ ней нѣтъ даже сознанія, что карательныя мѣры, направленные противъ преступниковъ, должны имѣть свою задачу: „противодѣйствіе преступленію“. Одинъ изъ рельефовъ примѣровъ такого отношенія въ дѣлу представляетъ ссылка

на житье для лицъ привилегированныхъ классовъ. Когда существовали въ законодательствѣ тѣлесныя наказанія для лицъ непривилегированныхъ, то ссылка на житье была замѣною этихъ наказаній. Но тѣлесныя наказанія уничтожены, а ссылка на житье осталась, хотя она не заключаетъ въ себѣ ни одного воспитательнаго элемента. „Ее очевидно, нельзя объяснить соображеніями колонизаціи, такъ какъ члены привилегированныхъ классовъ представляютъ изъ себя наименѣе пригодный для этого матеріалъ; она не только не противодѣствуетъ рецидиву, но даже создаетъ для него богатую почву, ставъ ссылаемаго въ безпомощное положеніе въ странѣ ему незнакомой, и отводя ему такія сферы дѣятельности, къ которымъ онъ вовсе не привыченъ“. Обѣ комиссіи предлагаютъ уничтожить ссылку на житье. Но и въ самомъ тюремномъ законодательствѣ нѣтъ ничего воспитательнаго. О мѣрахъ этого рода законъ постоянно выражается условными оборотами: „кажется, лучше бы“, или „полезно, можетъ быть“, и т. п.; сами отдѣльныя мѣры слишкомъ разрознены и даже ослабляютъ другъ друга, такъ что тюремное начальство принуждено было отказываться отъ исполненія ихъ. Классификація арестантовъ, напримѣръ, почти не существовала; тюремныя власти „легко обходили постановленія объ арестантской работѣ, объ обученіи мастерствамъ, — и только тѣ узаконенія, которыми опредѣлялись наказанія для арестантовъ, исполнялись аккуратно, потому именно, что они логически вытекали изъ ясно сознанный тогда идеи наказанія, какъ ли или лишенія“. Въ числѣ этихъ тюремно-дисциплинарныхъ взысканій были: заключеніе въ цѣпи, бритые половины головы, *тяжкая* работа съ цѣлью наибольшаго изнуренія арестанта; наконецъ, самый фактъ лишенія свободы сопровождается физическимъ томленіемъ арестантовъ съ доходящимъ до мелочей надзоромъ, возбуждающимъ и затѣмъ ослабляющимъ нервную систему арестантовъ. „Подобныя мѣры, — говоритъ г. Фойницкій, — идутъ противъ природы человѣческой, а не за-одно съ нею; онѣ могутъ создать хорошихъ арестантовъ, исполняющихъ всѣ распоряженія тюремнаго начальства, пока они состоятъ арестантами, но онѣ не въ силахъ создать хорошихъ гражданъ“ (стр. 139). Комиссіи не обратили достаточнаго вниманія на этотъ предметъ: онѣ удержали цѣпи для каторжныхъ и заботились гораздо болѣе о мѣрахъ физическаго, чѣмъ о мѣрахъ нравственнаго воздѣйствія на арестантовъ. И относительно всего тюремнаго воспитанія вообще обѣ комиссіи, хотя заявили, что тюремная дѣятельность по ихъ мнѣнію, должна быть системою мѣръ для предупрежденія причинъ преступленія въ лицѣ объявленныхъ преступниковъ, — сдѣлали очень мало для обще-воспитательнаго назначенія тюрьмы, увлекаясь тѣми или другими отдѣльными тюремными мѣрами. Такъ, напр.

Объ комиссиі, и особенно графа Соллогуба, возлагають преувеличенныя надежды на арестантскую работу. Последняя комиссиія ждетъ этой работы удивительныхъ вещей не только для самой арестантской жизни, но даже для финансоваго положенія самихъ тюремъ; влекаясь этою стороною дѣла, она оставляетъ на заднемъ планѣ другія важныя мѣры; классификацію арестантовъ, тюремную школу, бібліотеку, тюремныя бесѣды и т. п. Объ комиссиі, сверхъ того, не даютъ полнаго развитія такъ-называемому принципу постепенности, въ силу котораго каждый арестантъ, въ какое бы онъ неблагопріятное положеніе поставленъ ни былъ, долженъ имѣть возможность постепенно выбиваться изъ него путемъ честнаго поведенія. Эта возможность обусловливается тѣмъ, что тюремному начальству предоставлено право облегчать участь арестанта по мѣрѣ его успѣховъ въ воспитаніи, по мѣрѣ его исправленія. Въ европейскихъ и американскихъ тюрьмахъ для этой цѣли служатъ система отмѣтокъ съ досрочнымъ освобожденіемъ: „въ проектахъ нашихъ комиссиій система отмѣтокъ совѣмъ неизвѣстна, а досрочное освобожденіе — и то только для арестантовъ каторжныхъ тюремъ — получило частичное и весьма неудовлетворительное развитіе. Каторжные, поступающіе на льготный срокъ (для приговоренныхъ къ пожизненной каторгѣ — не ранѣе 20 лѣтъ, а для приговоренныхъ къ срочной каторгѣ — по истеченіи двухъ-третей назначеннаго судомъ времени), за хорошее поведеніе и работы, содержатся не въ острогѣ, но въ правительственной колоніи, до истеченія срока судебного приговора, отправляя въ ней тѣ же тяжкія работы, какъ и въ острогѣ. Нельзя не согласиться съ г. Фойницкимъ, что въ этой льготѣ слишкомъ мало прилежательнаго для того, чтобы направить всѣ силы арестанта къ наладенію за собою и заставить его отказаться отъ привычекъ прежней, порочной жизни. Что касается до приговоренныхъ къ пожизненной каторгѣ, для нихъ эта льгота даже не льгота вовсе; и, вообще говоря, тюрьма не можетъ стать исправительнымъ учрежденіемъ для лицъ, приговариваемыхъ къ *пожизненному* заключенію или рабству: лишить человѣка всякой надежды на возможность приобрѣтенія полной свободы, значитъ лишить его всякихъ побужденій къ исправленію. Иностранныя законодательства смотрятъ на этотъ предметъ иначе, — да и неужели изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ одинъ только русскій человѣкъ уродился такимъ звѣремъ, что даже 20 лѣтъ го хорошаго поведенія и добросовѣстнаго труда не могутъ обратить го въ человѣка, способнаго мирно и честно жить въ обществѣ?..

Такимъ же вопіющимъ противорѣчіемъ противъ правильной дѣятельности тюремнаго исправленія или воспитанія служатъ и всѣ другія кары, имѣющія пожизненный характеръ, какъ, напр., лишеніе

гражданскихъ правъ или гражданской чести. Подъ этою группою правъ разумѣются слѣдующія: „право на честный трудъ и на пользование его плодами, право на честный семейный союзъ, и вообще такія права, совокупность которыхъ образуетъ юридическое понятіе гражданской личности и безъ которыхъ остается только физическій человѣкъ, предоставленный всецѣло своимъ матеріальнымъ инстинктамъ“. Безъ этихъ правъ, однимъ словомъ, отъ человѣка остается только его животная натура. Между тѣмъ, наше уложеніе о наказаніяхъ примѣняетъ кару пожизненнаго лишенія правъ съ такою неслѣдательностью, что тюремное исправленіе преступниковъ становится совершенно невозможнымъ. Законодательство само отчасти смягчаетъ суровость уложенія, вводя въ постановленія о ссыльныхъ предоставленіе послѣднимъ правъ на имущество, пріобрѣтенное за мѣстѣ ссылки, но и требуетъ, чтобы возвращали имъ и то прежнее ихъ имущество, которое они принесли съ собою въ ссылку. Мало того, законодательство поощряетъ браки ссыльныхъ, со всѣми ихъ законными послѣдствіями, какъ у полноправныхъ гражданъ, и даже открываетъ доступъ къ общественной дѣятельности на правахъ свободныхъ крестьянъ, лишь бы только, съ момента водворенія ихъ на поселеніи, истекъ 10-тилѣтній срокъ, который можетъ быть сокращаемъ мѣстнымъ начальствомъ. Нашимъ комиссіямъ слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ фактъ, и вмѣсто того, чтобы рекомендовать замѣну лишенія правъ пожизненнымъ лишеніемъ свободы или французскимъ институтомъ гражданской смерти (*mort civile*), отмененнымъ въ самой Франціи закономъ 1854 года, высказаться прямо противъ института лишенія правъ. Относительно лишенія *гражданскихъ* правъ г. Фойницкій высказывается рѣшительно: „сдать въ архивъ безъ всякихъ ограниченій“; но онъ стоитъ за „временное сохраненіе лишеній нѣкоторыхъ политическихъ правомочій и полномочій, имѣющихъ общественный характеръ, пока тюремная реформа не сдѣлаетъ ихъ излишними“.

Еще г. Фойницкій упрекаетъ обѣ комиссіи въ томъ, что онѣ въ своихъ работахъ отвели лишь „едва замѣтное мѣсто“ принципу индивидуализаціи тюремнаго заключенія. Есть нѣсколько разныхъ видовъ тюремнаго заключенія. Въ проектѣ графа Соллогуба ихъ принято три: 1) каторжная тюрьма, построенная на началѣ *общаго* заключенія и назначаемая для тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ; 2) исправительный домъ, допускающій оба начала заключенія: *одиночное* и *общее*, и принимающій въ себя преступниковъ средней важности; и 3) смирительный домъ, на началѣ *одиночнаго* заключенія, для не нѣ важныхъ преступниковъ. Но проектъ требуетъ, чтобы правила устанавливаемыя для каждаго вида заключенія, исполнялись безъ

словно, и чтобы отъ разъ принятыхъ правилъ содержанія арестантовъ никакія отступленія не допускались. Проектъ сенатора Фриша овсѣмъ ничего не говоритъ о возможности измѣненій въ предписываемыхъ тюрьмамъ правилахъ содержанія арестантовъ, но за то, съ другой стороны, онъ избѣгаетъ дробной регламентаціи этихъ правилъ и тѣмъ отерываетъ возможность индивидуализаціи ихъ путемъ временной практики. Для воспитательныхъ цѣлей чрезвычайно важно тличать арестантовъ одной и той же тюрьмы по личному характеру, о ихъ образѣ жизни, по роду преступленій, однимъ словомъ, по сѣмъ индивидуальнымъ отличіямъ; воспитательныя или исправительныя цѣли тюремныхъ мѣръ достигаются гораздо легче не рутиннымъ сполненіемъ тѣхъ или другихъ правилъ, иногда придиричивыхъ до елочей, но разнообразнымъ приложеніемъ разныхъ приѣмовъ, соотвѣствующихъ личнымъ особенностямъ арестантовъ...

Намъ остается еще познакомить читателей съ интересною статью отчетнаго земскаго дѣятеля и неутомимаго изслѣдователя всѣхъ горонъ самоуправленія, князя Васильчикова. Эта статья разбиаеть, съ соціальной точки зрѣнія, вопросъ объ европейской эмиграціи, и приходитъ къ слѣдующимъ четыремъ выводамъ:

I. „Европейская эмиграція приняла особенный характеръ норально періодическаго явленія только съ начала настоящаго столѣтія, и съ тѣхъ поръ развивается прогрессивно, достигнувъ повиному максимуму въ Англій, но еще постоянно усиливалась въ Гераніи и другихъ странахъ средней Европы, такъ что это движеніе аходится еще въ періодѣ развитія и, вѣроятно, при быстромъ усоршенствованіи путей сообщенія, прижетъ вскорѣ еще большіе, невалые размѣры.

II. „Главнѣйшимъ побужденіемъ къ переселенію оказывается не олько абсолютная густота населенія, сколько стѣсненіе, причиняемое одними классами народа другимъ вслѣдствіе неравномѣрнаго испредѣленія поземельной собственности, и большая часть выходцевъ принадлежитъ къ тѣмъ областямъ Англій и Германіи, гдѣ наленіе менѣе густо, чѣмъ въ другихъ, но гдѣ помѣстное сословіе владѣло болѣею частью территоріи. Тавими главными источниками эмиграціи, гдѣ ежегодныя переселенія достигли уже пропорціи /о всѣхъ жителей, являются все такія страны или провинціи, въ торыхъ крупное землевладѣніе и вотчинныя права (*и майораты*, привимъ мы отъ себя) преобладаютъ и поддерживаются законодательствомъ или помимо закона вліяніемъ и происками помѣстнаго соовія, а именно Ирландія, горная Шотландія, Мекленбургское, Геснь-Кассельское герцогства и другія.

III. „Большинство эмигрантовъ состоитъ не изъ бѣднѣйшихъ, ни-

щихъ, чернорабочихъ, а изъ ремесленниковъ, торговцевъ, фермеровъ и вообще людей не вовсе еще разоренныхъ и немущихъ, но сохранившихъ еще нѣкоторый достатокъ, нѣкоторыя сбереженія, которыя они спѣшатъ помѣстить въ другихъ странахъ, не находя выгоднаго помѣщенія въ своихъ отечествахъ.

IV. „Люди эти составляютъ безспорно лучшую часть рабочихъ классовъ, самую бережливую, трудолюбивую и бодрую. Это ясно показывается, во-первыхъ, крупными цифрами суммъ, вывозимыхъ эмигрантами, отъ 280 до 546 руб. на душу, и во-вторыхъ, громадными сбереженіями, которыя они реализуютъ въ Америкѣ и отчасти выслать обратно въ Европу“.

Свои четыре положенія авторъ очень убѣдительно доказываетъ статистическими данными объ эмиграціи и устройствѣ землевладѣнія въ странахъ, изъ которыхъ происходитъ эмиграція. Въ Германіи, кромѣ дурнаго распредѣленія въ землевладѣніи и дороговизны земли, на усиленіе эмиграціи много вліяетъ тяжесть военной повинности: значительная часть нѣмецкихъ переселенцевъ — бѣглецы рекруты. Князь Васильчиковъ указываетъ еще на одно различіе между двумя эмиграціями. Англійская эмиграція сохраняетъ свои связи съ Англійей, потому что она отправляется въ англійскія колоніи или въ Соединенные Штаты, между тѣмъ какъ для Германіи эмиграція — чистый проигрышъ, ибо нѣмцы, переселяясь въ чужія страны, мало по-малу теряютъ свой національный характеръ.

Князь Васильчиковъ приписываетъ эмиграціи роль *ограничительнаго клапана*, выпускающаго излишніе пары изъ котла: „она даетъ выходъ тревожной дѣятельности народныхъ массъ, замкнутыхъ въ слишкомъ тѣсной средѣ современныхъ обществъ“. Въ доказательство этого мнѣнія онъ указываетъ на Англійю и Германію, какъ на страны, въ которыхъ „соціальныя смуты какъ будто нѣсколько укрощаются, но крайней мѣрѣ не доходятъ до революціонныхъ и жестокихъ усобныхъ браней, между тѣмъ какъ французское общество, лишенное этого охранительнаго снаряда, бродитъ и вскипаетъ периодически“. Что связь между этими явленіями существуетъ, это — несомнѣнно, но только связь эта не такъ близка, какъ полагаетъ почтенный авторъ. Соціальное положеніе Германіи нѣсколько не лучше французскаго, и въ ней происходили соціальныя смуты въ очень широкихъ размѣрахъ; отсутствіе эмиграціи во Франціи можно объяснить однимъ тѣмъ фактомъ, что народонаселеніе во Франціи почти не возрастаетъ въ числѣ. И про Англійю нельзя сказать, что только эмиграція спасаетъ ее отъ соціальныхъ смутъ. Это правда, что и будь въ Англійи эмиграціи, заработная плата могла бы падать ниже нынѣшняго, и пролетаріатъ возрасталъ бы въ болѣе усиленной про-

порціи; но и объ этомъ можно говорить лишь гадательно, такъ какъ въ Англіи есть еще много другихъ „клапановъ“, которыхъ нѣтъ ни во Франціи, ни въ Германіи. Но эмиграція во всякомъ случаѣ указываетъ на глубокое разстройство въ народномъ хозяйствѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она находится въ тѣсной связи съ устройствомъ поземельной собственности и съ ненормальнымъ развитіемъ городской промышленности...

Итакъ, мы нашли не мало интереснаго и оригинальнаго въ первомъ томѣ „Сборника“.

О критическомъ отдѣлѣ его можно сказать, что онъ довольно юловъ и составленъ вообще хорошо; впрочемъ, критическія статьи въ иностранныхъ книгахъ не оригинальныя, а переводныя.

По политическому обзору можно судить, что издатели одушевлены наилучшими намѣреніями, что они готовы защищать все, что способствуетъ у насъ правильному развитію самоуправленія и вободы, что они если и не прямыя враги привилегій, то во всякомъ случаѣ не питаютъ къ нимъ особаго расположенія, и не ждутъ отъ нихъ общественной пользы.

Ю. Р.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1875.

Судебная реформа въ царствѣ польскомъ. — Сессія петербургскаго дворянства. — Всесословная волость. — Дѣло г. Безобразова. — Приговоръ по дѣлу Исаева. — Общество и полиція. — Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки.

Судебная реформа въ царствѣ польскомъ, обнародованная 19-го минувшаго февраля, въ главныхъ чертахъ совершенно соотвѣтствуетъ тому, чего можно было ожидать по слухамъ о ходѣ предварительныхъ работъ. Объ этихъ слухахъ мы упоминали въ одномъ изъ предшествующихъ обзорѣй, говоря о десятилѣтнемъ юбилеѣ обнародованія общихъ судебныхъ уставовъ. Весьма существенныя, коренныя отступленія отъ этихъ уставовъ представляются въ судебной реформѣ для царства польскаго слѣдующими условіями. Мировые судьи и предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ опредѣляются правительственной властью, и по ея же усмотрѣнію предоставлено увольнять ихъ отъ службы или перемѣщать ихъ; института присяжныхъ засѣдателей не вводится, и окружные суды будутъ постановлять свои приговоры, рѣшая сами и вопросъ о виновности; совѣтовъ присяжныхъ пороченныхъ также не образуется; изъ предсѣдателей и членовъ общихъ судебныхъ установленій въ царствѣ будутъ пользоваться несмѣняемостью только тѣ, которые прослужили не менѣе трехъ лѣтъ въ той же должности. Такимъ образомъ, въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ въ царствѣ несмѣняемыми членами въ окружныхъ судахъ и судебной палатѣ будутъ только тѣ лица, которыя перейдутъ въ царство съ подобной же должности въ имперіи, предполагая, что они прослужили трехлѣтній срокъ; по прошествіи же трехъ лѣтъ, несмѣняемостью будутъ пользоваться какъ эти лица, такъ и всѣ тѣ, которыя бывъ назначены при введеніи реформы, не были смѣнены въ теченіи трехлѣтія. Вообще же, вполнѣдствіи трехлѣтній срокъ для судей и

судователей въ царствѣ будетъ какъ бы пробой ихъ благонадежности; явивъ ее въ теченіи этого періода, они уже будутъ пользоваться несмѣняемостью (кромѣ мировыхъ судей, которые по самому учреженію будутъ смѣняемы). Для точности слѣдуетъ замѣтить, что статьи невведеніи въ царствѣ института присяжныхъ и полнаго примѣненія несмѣняемости членовъ обнѣихъ судебныхъ установлений оговорены въ оложеніи словами: „впредь до особаго распоряженія“; стало быть, въ принципѣ предположено ввести со временемъ то и другое и въ царствѣ. Можно только пожелать, чтобы это признано было возможнымъ въ неотдаленное время, въ особенности что касается учрежденія присяжныхъ. Если по политическимъ соображеніямъ предвидится затрудненіе допустить въ край какіе-либо самостоятельные органы, отъ бы органы судебной власти, и потому начало несмѣняемости водится пока только въ весьма ограниченной степени, то трудно бяснить себѣ въ равной степени возможность политическаго претствія въ введенію института присяжныхъ. Противъ удобопримѣимости его въ царствѣ возможно привести только одно, далеко не полнѣ убѣдительное соображеніе: что присяжные въ Польшѣ стали и дѣлать различіе между поляками и русскими въ уголовныхъ дѣлахъ. Всѣ же прочія соображенія могли бы быть только въ пользу предженія присяжныхъ: относительная многочисленность образованнаго класса въ край, существованіе Наполеонова кодекса, и существованіе самаго учрежденія присяжныхъ засѣдателей въ древнѣйшемъ польскомъ законодательствѣ.

Весьма важное различіе противъ общихъ судебныхъ уставовъ поановляется настоящимъ положеніемъ еще въ правѣ, предоставляемъ правительственной власти переносить дѣла изъ одного суда и друга въ другой судъ и округъ; право это будетъ имѣть тѣмъ болѣе значеніе, что такъ какъ все царство составить одинъ судебный кругъ, то перенесеніе дѣла изъ одного округа въ другой означаетъ перенесеніе дѣла изъ вѣдѣнія суда, находящагося въ царствѣ, въ одинъ изъ судовъ, находящихся въ имперіи. Право перенесенія дѣлъ изъ одного судебного округа въ другой существуетъ и въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 г.; но тамъ, во-первыхъ, случаи его примѣнія опредѣлены съ точностью; во-вторыхъ, оно предоставлено высшему суду, а не администраціи. Въ статьяхъ 247 и 248 устава уголовнаго судопроизводства установлено, что въ двухъ случаяхъ, именно: гда болѣе число обвиняемыхъ и свидѣтелей по преступленію имѣютъ жительство въ округѣ другого суда, и еще когда по отдаленности мѣста, гдѣ совершено преступленіе, отъ суда, которому оно досудно, дѣло можетъ быть переносимо въ другой судъ, но разрѣшенію высшаго въ порядкѣ подчиненности суда. Сверхъ этихъ слу-

чаевъ, дѣло можетъ быть переносимо въ другой судебный округъ и случаѣ, если обвиняемыми являются сами члены суда, или если они же оказываются причиною злоупотребленіямъ, допущеннымъ по дѣлу, имъ подвѣдомственному; въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ разрѣшеніе и перенесеніе дѣла зависитъ отъ кассационнаго департамента сената. Таковы опредѣленія судебныхъ уставовъ, дѣствующихъ въ имперіи; они весьма точны и прямо указываютъ, въ какихъ именно случаяхъ перенесеніе дѣла допускается, притомъ и иначе, какъ съ разрѣшеніемъ высшаго суда. Въ „Положеніи“ же о судоустройствѣ въ царствѣ польскомъ соответствующая статья 94 постановляетъ, что „сверхъ случаевъ, указанныхъ въ статьяхъ 247 и 248 устава уголовного судопроизводства, министру юстиціи представляется право, по представленіямъ прокуроровъ, перенести дѣла изъ одного судебного округа въ другой, въ видахъ огражденія государственнаго или общественнаго интереса, испрашивая на сіе каждый разъ особое высочайшее разрѣшеніе“. Такимъ образомъ случаи, въ которыхъ перенесеніе можетъ быть допускаемо, не опредѣлены и не выражены прямо: касается ли это постановление только уголовныхъ дѣлъ или и дѣлъ гражданскихъ? Опредѣленіе „въ видахъ огражденія государственнаго и общественнаго интереса“ скорѣе указываетъ, что перенесенію, въ указанномъ порядкѣ, могутъ подлежать и гражданскія дѣла.

Указавъ на тѣ особенности „Положенія“ 19-го февраля, въ которыхъ представляются коренныя различія отъ общаго судоустройства существующаго въ имперіи, обратимся къ другимъ особенностямъ судебной организаціи, вводимой въ царствѣ. Главная изъ нихъ та, что судебная организація здѣсь будетъ обнимать и волостной судъ остающійся въ имперіи совершенно внѣ судебной системы безъ всякой съ нею связи и отношенія. Волостные, то-есть гминные суды, въ царствѣ будутъ представлять одну изъ отраслей мировой юстиціи, отличающейся отъ мировыхъ уставовъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ они вводятся въ царствѣ, своимъ выборнымъ характеромъ. Итакъ, сельская среда въ краѣ единственная, которой предоставляется участіе общественнаго элемента въ судебномъ дѣлѣ. Въ гминахъ, то-есть сельскихъ волостяхъ, будетъ выборный гминный судъ, а въ городахъ мировые судьи, хотя и не выборные, но состоящіе въ связи съ гминными судами, такъ что нѣсколько уѣздовъ, съ находящимися въ нихъ городами, посадами и сельскими гминами будутъ составлять одинъ мировой округъ, имѣющій высшую инстанцію—мировой съѣздъ. Въ мировомъ округѣ, кромѣ участковыхъ городскихъ мировыхъ судей, будутъ еще добавочные мировые судьи (почетныхъ не будетъ). Мировой съѣздъ въ царствѣ будетъ состояться въ каждомъ мирѣ

омъ округѣ изъ мировыхъ и гминныхъ судей того округа. Предсѣтели сѣздовъ, какъ уже сказано выше, назначаются правительственной властью, какъ и мировые судьи. Вѣдѣнію мировыхъ сѣздовъ въ царствѣ подлежатъ апелляціонныя и кассаціонныя жалобы не только на рѣшенія мировыхъ судей, но и на рѣшенія сельскихъ, т. е. гминныхъ судовъ. Эти послѣдніе суды и по атрибуціямъ, и по численности поставлены здѣсь на одномъ уровнѣ съ мировыми судьями: общему вторюю инстанцію для тѣхъ и другихъ здѣсь слушать мировые сѣзды.

Весьма рациональною частью новаго судебного положенія для царства польскаго является сохраненіе и организація гминныхъ судовъ, какъ судовъ сельскихъ всеобщихъ. Эта часть реформы имѣетъ весьма благопріятное значеніе въ тройномъ смыслѣ. Во-первыхъ, сохраненіе гминнаго выборнаго суда, устроеннаго на основаніи Положенія 1864 года, показываетъ довѣріе правительства къ польскому населенію, къ польскому крестьянству, показываетъ, что политическая мысль, которая внушила отміну натуральныхъ повинностей и помѣщичьей опеки въ краѣ, сохранила свою убѣдительность и въ настоящее время; что правительство продолжаетъ питать идею на возможность, посредствомъ освобожденія и улучшенія этаго большинства жителей въ царствѣ, создать въ немъ такое общество, не только многочисленное, но надѣленное правами, сознательное и дѣйствующее общество, которое будетъ относиться дружелюбно къ русской власти, осуществившей преобразованія, много разъ обѣщанія, но никогда не исполненныя дворянствомъ, стремившимся къ независимости посредствомъ революцій. Во-вторыхъ, сохраненіе и совершенная организація виѣ городовъ суда національнаго, выборнаго должно быть тѣмъ болѣе принято населеніемъ съ удовольвіемъ, что вмѣсто него могло быть только одно: введеніе и въ польскихъ округахъ юрисдикціи мировыхъ судей, которые назначаются административнымъ порядкомъ и отъ которыхъ не требуется плата, и которые, стало быть, въ большинствѣ случаевъ были бы нашіе чиновники, ничѣмъ не связанные съ мѣстностью. Наконецъ, третьихъ, та организація, которая дается теперь гминнымъ судамъ, сама по себѣ представляетъ значительныя гарантіи правильности ихъ дѣйствій и ставитъ ихъ, безъ всякаго сравненія, выше нашихъ русскихъ волостныхъ судовъ. Гминные суды не только будутъ входить въ правильную систему общаго судоустройства, подлежа апелляціи и ревизіи, но и во внутреннихъ своихъ условіяхъ представлять больше гарантіи правильности дѣйствій. Гминный судъ состоитъ изъ гминнаго судьи и лавниковъ (засѣдателей), которыхъ должно быть не менѣе трехъ; судья и лавники избираются гминнымъ сходомъ на три года.

Въ гминные судьи избираются только жители гмины и притомъ только такіе, которые имѣютъ отъ роду не менѣе 25-ти лѣтъ, имѣютъ право участія въ дѣлахъ схода, получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и начальныхъ училищъ, или выдержали соотвѣтствующій экзаменъ, или же прослужили трехлѣтіе въ такихъ должностяхъ, въ которыхъ они могли приобрѣсть практическія свѣдѣнія въ судопроизводствѣ, и наконецъ, владѣютъ въ предѣлахъ гмины, на правѣ собственности, землею въ размѣрахъ, установленныхъ для избранія въ должность гминнаго войта. Въ лавники могутъ быть избираемы только грамотные жители гмины. Такимъ образомъ и мѣстному дворянству не закрывается доступъ къ участию въ сельскомъ судѣ, что, во-первыхъ, совершенно правильно, такъ какъ судъ этотъ долженъ быть всеословнымъ, а во-вторыхъ, желательно и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ невозможно навсегда устранить образованные классы отъ участія въ правильномъ отправленіи общественныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ какъ-бы поддерживать ихъ въ искусственныхъ стремленіяхъ или замыкать эти классы въ область мечтаній, не имѣющихъ никакой связи съ реальными условіями. Политическая программа 1864 года ясна: нельзя создать правильной и прочной системы управленія краемъ на одной военной силѣ, хотя и не можетъ быть сомнѣнія, что ея у насъ слишкомъ достаточно, чтобы подавить всякую новую попытку къ мятежу, еслибы таковая произошла; польское крестьянство, новое, гораздо болѣе многочисленное противъ прежняго, надѣленное правами польское общество должно примирить Польшу съ Россією; но для того, чтобы примиреніе это было прочное и полное, нельзя оставлять совершенно въ сторонѣ отъ участія въ общественной жизни образованные классы, какое бы меньшинство они ни представляли въ сравненіи съ массою крестьянства. Крестьянство, надѣленное правами и призванное къ самоуправленію и самосуду, должно поглотить въ себѣ и образованные классы, которые примкнуть къ нему въ силу необходимости, если только не будутъ отстраняемы отъ практической дѣятельности искусственными преградами. Вотъ эта, совершенно ясная программа 1864 года, единственная добавочъ, которой можно держаться теперь послѣ всего, что сдѣлано для преобразованія края именно въ этомъ смыслѣ. Теперь уже мѣнять программы нельзя. Организанія гминныхъ судовъ вполне соотвѣтствуетъ этой программѣ, хотя и можно указать въ подробностяхъ провѣрки списковъ избираемыхъ кандидатовъ на нѣкоторыя, быть можетъ, излишнія предосторожности. Но, несмотря на нихъ и говоря вообще, гминный судъ въ царствѣ представитъ весьма благоприятныя условія правильности, какъ всеословный судъ въ сельскихъ округахъ, и можно даже пожелать, чтобы онъ послужилъ

образцомъ для созданія такихъ же всесословныхъ волостныхъ судовъ и въ русскихъ губерніяхъ, если замѣна нашихъ нынѣшнихъ волостныхъ судовъ мировыми судьями оказывается намъ не по средствамъ.

Годъ тому назадъ мы излагали ходъ преній въ здѣшнемъ губернскомъ дворянскомъ собраніи по вопросу о всесословной волости; пренія эти заключились тѣмъ, что представленныя собранію проекты о всесословной волости были отвергнуты, и комиссіи поручено было оставить новый проектъ на основаніи шести пунктовъ, предложенныхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Пункты эти сводились на то, чтобы помѣщики получили въ своихъ имѣніяхъ полицейскую власть, а волостной старшина избирался земствомъ изъ „образованныхъ лицъ“. Въ истекшемъ мѣсяцѣ происходило опять губернское собраніе петербургскаго дворянства, которому и былъ представленъ новый проектъ всесословной волости, составленный комиссіею. Предсѣдателемъ комиссіи былъ самъ князь Лобановъ-Ростовскій, и проектъ, ею составленный, былъ совершенно согласенъ съ духомъ предложенной имъ программы, хотя и не вполнѣ соответствовалъ ей буквъ, такъ какъ первымъ пунктомъ программы было устраненіе всякаго предположенія хозяйственной - всесословной волости, а проектъ предлагаетъ разрѣшить частнымъ сельскимъ сходамъ право отбирать общинное владѣніе землею простымъ большинствомъ головъ, то-есть вторгается въ хозяйственную область самымъ рѣшительнымъ образомъ. При этомъ, предполагаетъ ограничить право голоса въ частныхъ сходахъ — установленіемъ ценза трехъ душевыхъ адѣловъ, стало бытъ, отдаетъ рѣшеніе вопроса объ общинѣ въ руки зажиточныхъ крестьянъ, которые скорѣе могутъ быть заинтересованы въ ея отбѣнѣ. Замѣчательно вообще, что программа, составленная кн. Лобановымъ, поручила комиссіи составить только проектъ о территориальныхъ волостныхъ старшинахъ“, а проектъ, составленный комиссіею подъ предсѣдательствомъ кн. Лобанова и съ участіемъ, въ числѣ ея членовъ, г. Безобразова, по поводу волостныхъ гаршинъ, предложилъ передѣлку даже не волости, а самихъ сельскихъ обществъ, введеніе въ нихъ ценза и облегченіе къ устраненію общиннаго пользованія землею.

Но выйдя, такимъ образомъ, изъ границъ, положенныхъ буквою программы, проектъ тѣмъ самымъ только полнѣе согласовался съ духомъ предложенныхъ кн. Лобановымъ пунктовъ. Сущность заключается въ томъ, что въ каждую волость назначаются губернаторомъ нѣсколько земскихъ головъ изъ лицъ образованныхъ и имѣющихъ нѣнзъ мировыхъ судей, для наблюденія за крестьянскимъ самоуправ-

леніемъ, а помѣщики получаютъ въ своихъ имѣніяхъ званіе помѣстныхъ старостъ съ полицейской властью. Было бы совершенно излишне долѣе останавливаться надъ проектомъ комиссіи дворянства петербургской губерніи. Онъ заслуживалъ вниманіе развѣ только какъ образецъ тѣхъ „вотчинныхъ“ идей, которыя съ нѣкотораго времени стали носиться въ воздухѣ и нашли себѣ талантливаго, хотя и не глубокаго теоретика въ г. Фадѣевѣ. Но едва ли и самъ авторъ брошюры „Чѣмъ намъ быть“ рѣшился бы подписаться подъ проектомъ комиссіи, о которомъ достаточно отозваться заключительными словами одного изъ лицъ комедіи Дюма „Les idées de m-me Aubray“: c'est raide!

Судьбѣ не даромъ приписывается иногда свойство ироніи. Тому самому собранію дворянства, въ которое былъ внесенъ проектъ, предлагавшій отдать волость въ дворянскую опеку, для спасенія крестьянства отъ неправильностей его самостоятельнаго самоуправленія, пришлось обсуждать вопросъ о неправильности дѣйствій предводителя петербургскаго уѣзднаго дворянства, г. Безъобразова, одного изъ членовъ комиссіи, составившей этотъ знаменитый проектъ, — о неправильности его дѣйствій по храненію и расходованію суммъ въ томъ числѣ именно и по дворянской опекѣ. Дѣло это весьма многолюдно и должно имѣть во всякомъ случаѣ болѣе практическія послѣдствія, чѣмъ то дилеттантское преобразование крестьянскихъ учреждений, въ которомъ участвовалъ г. Безъобразовъ. Поэтому, мы расскажемъ его съ возможной краткостью. Ровно годъ тому назадъ, 6-го марта 1874 г., бывшій письмоводитель предводителя дворянства петербургскаго уѣзда Безъобразова, г. Александровъ, явился къ предводителю дворянства петербургской губерніи, графу Шувалову, и сдѣлалъ ему, для передачи дворянству, „заявленіе“, сущность котораго была такая: г. Безъобразовъ уволилъ г. Александрова отъ должности; а г. Александровъ, „оставляя“ должность, — но, замѣнивъ, не во время исправленія имъ должности, — счелъ своей обязанностью сдѣлать извѣстнымъ дворянству тотъ фактъ, что, какъ по суммѣ частной съ дворянскихъ имѣній повинности, такъ и по имуществу завѣщанному г-жею Уткиной, „отчетность ведется не въ порядкѣ“. Графъ Шуваловъ посоветовался съ царскосельскимъ предводителемъ Платоновымъ, и тотъ, съ общаго ихъ согласія, отправился къ г-чу Безъобразову предложить, „не пожелаетъ ли онъ“ обратиться самъ въ собраніе предводителей и депутатовъ съ просьбою о ревизіи. Г. Безъобразовъ однако этого „не пожелалъ“, но потребовалъ, чтобы г. Александровъ формулировалъ свой „доносъ“ письменно, для того, чтобы его можно было преслѣдовать за клевету судебными порядкомъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала, представители дворян-

ства обратились въ этомъ дѣлѣ на путь частныхъ переговоровъ для скорѣйшаго прекращенія всѣхъ толковъ, а г. Безобразовъ, съ самаго же начала, ни на какія частныя соглашенія не пошелъ, но твердо сталъ на почву строго-легальную, оперся на букву закона, и такъ и оставался въ этомъ положеніи до конца. Объясненія, данныя впоследствии г. Безобразовымъ о порядкѣ храненія и расходванія имъ суммъ, можно признавать какъ угодно—удовлетворительными, или неудовлетворительными; скорѣе послѣднее, конечно. Но въ одномъ нужно отдать ему справедливость: онъ твердо стоялъ на легальной почвѣ, а графъ Шуваловъ, и впоследствии большинство, какъ въ уѣздныхъ, такъ и въ дворянскомъ собраніяхъ, взглянули на лучшіе способы вести это дѣло болѣе съ точки зрѣнія правилъ „общества“ и „товарищества“, чѣмъ съ точки зрѣнія буквы закона. Вотъ почему первыя возраженія г. Безобразова положительно сбивали графа Шувалова съ занятой позиціи, и почему, въ концѣ-концовъ, веденіе этого дѣла дворянствомъ не разъяснило въ немъ ни спорныхъ вопросовъ, ни даже нравственной сущности этого дѣла въ тѣхъ размѣрахъ, какіе оно затѣмъ приняло. Дѣло разъяснится только путемъ судебного разбирательства.

Г. Александровъ, по требованію, изложилъ свое „заявленіе“ письменно. Въ немъ указывалось въ сущности, что въ суммахъ сбора частной повинности остатка оказывалось на 5,000 р. менѣе, чѣмъ бы слѣдовало по отчету, и что г. Безобразовъ, состоя, въ качествѣ предводителя, исполнителемъ духовнаго завѣщанія Уткиной, выдавалъ наслѣдникамъ ея только незначительныя суммы, несмотря на ихъ жалобы, а какое далъ назначеніе значительному остатку—г-ну Александрову не было извѣстно. Это заявленіе было внесено графомъ Шуваловымъ въ собраніе предводителей и депутатовъ дворянства и въ собраніи этомъ записано въ протоколъ, съ отсрочкою сужденія до представленія г. Безобразовымъ объясненій. Объясненія свои г. Безобразовъ изложилъ въ запискѣ, замѣчательной по юридической ясности и силѣ, хотя менѣе удовлетворительной для разъясненія оборотовъ дворянскихъ суммъ. Онъ доказывалъ неопровержимыми ссылками на законы, что губернской предводитель, графъ Шуваловъ, не имѣлъ права принимать доносъ на предводителя уѣзда, какъ какъ это прямо запрещено закономъ; что тотъ же предводитель не имѣлъ права обратиться въ судилище вопросовъ, для депутатскаго собранія совершенно чуждыхъ, собраніе это, которое по закону занимается только составленіемъ родословныхъ книгъ, формулярныхъ списковъ и т. п. На этомъ основаніи, г. Безобразовъ принавалъ собраніе, требовавшее у него объясненій, незаконнымъ, произвольнымъ, но соглашался дать объясненія „для круга товарищей и

знакомых". Сущность этихъ объясненій заключалась въ томъ, что г. Александровъ былъ у него вольнонаемнымъ письмоводителемъ и уволенъ имъ по неблагонадежности, не возвративъ нѣкоторыхъ сумм, и всѣ его показанія отрицаются подробно и довольно убѣдительно, но именно только отрицаются, а полнаго изложенія, въ какомъ изложеніи находились дѣйствительно суммы, г. Безобразовъ не давалъ и утверждалъ даже, что „доброхотные ревизоры“ могли бы уяснить себѣ положеніе дѣлъ по книгамъ, такъ какъ „предводитель не начея, а хозяинъ“ и „отвѣчаетъ передъ дворянствомъ не за количество денегъ, у него въ каждую минуту находящихся, а за распоряженіе въ теченіи трехлѣтія“. Кроме того, въ своихъ объясненіяхъ г. Безобразовъ намекалъ на интриги противниковъ, въ рукахъ которыхъ г. Александровъ могъ быть только орудіемъ, и весьма вѣдко описывалъ положеніе, занятое въ этомъ дѣлѣ разными членами дворянства, выражая главнымъ образомъ удивленіе, что губернский предводитель „бросается во всѣ стороны свѣтоваться и разсуждать, какъ ему поступить, и распространяетъ слухъ о небывалой растратѣ денегъ“. Вмѣстѣ съ этими объясненіями г. Безобразова, собраніе предводителей и депутатовъ получило чрезъ графа Шувалова новое „заявленіе“ г. Александра, въ которомъ онъ просилъ дозволить ему явиться лично въ собраніе и между прочимъ „представить собранію новое заявленіе по поводу производящагося въ настоящее время г. вице-губернаторомъ по званію дворянской опеки конфиденціального дознанія о займѣ г. Безобразовымъ у двухъ опекуновъ денегъ изъ опекунскихъ суммъ въ количествѣ 68 тысячъ руб. сер., безъ разрѣшенія на то присутствію опеки, и незаконномъ расходованіи имъ, Безобразовымъ, на содержаніе чиновъ опеки денегъ 8 тыс. руб. изъ % капиталовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ“. Собраніе предводителей и депутатовъ не вошло въ разсмотрѣніе этого новаго заявленія, а по сущности объясненій г. Безобразова пришло къ заключенію, что „законность собранія не подлежитъ его обсужденію“ и что само оно начать ревизіи не можетъ „за отсутствіемъ прамыхъ на сей предметъ указній въ постановленіяхъ губернскихъ собраній“, между тѣмъ какъ „не только ревизія въ данную минуту, но самое обсужденіе о необходимости оной“ уѣзднымъ предводителемъ признаются незаконными. Короче: собраніе предводителей и депутатовъ, предпринявшее оффиціальнымъ образомъ, съ составленіемъ протоколовъ, повѣрять дѣйствія г. Безобразова, по жалобѣ г. Александрова, въ виду повѣсти, занятой г. Безобразовымъ, и положительнаго закона, потерпѣвъ въ этомъ пунктѣ поражение и должно было отказаться отъ своего предпріятія. Но оно все-таки нашло въ самомъ содержаніи записки

г. Безобразова доказательство, что отчетность велась имъ несогласно съ общепринятыми правилами, и постановило просить губернатора передать это дѣло министру юстиціи для законнаго направленія.

Оказалось, что и это постановленіе собранія было ошибочно. Министръ юстиціи въ ноябрѣ 1874 г. возвратилъ представленія губернатора министру внутреннихъ дѣлъ „на дальнѣйшее распоряженіе“, такъ какъ по закону повѣрка отчетности въ расходованіи дворянскихъ суммъ по уѣзду подлежить разсмотрѣнію губернскаго собранія дворянства. Поэтому, министръ внутреннихъ дѣлъ, чрезъ губернатора, просилъ предложить это дѣло на разсмотрѣніе имѣвшаго открытія, въ мартѣ 1875 года, очереднаго петербургскаго губернскаго собранія дворянства. Между тѣмъ г. Безобразовъ былъ устроенъ сенатомъ отъ должности уѣзднаго предводителя дворянства, а самъ возбудилъ противъ г. Александрова судебное дѣло о клеветѣ. Губернское собраніе, въ засѣданіи 10-го марта, положило передать вопросъ по дѣлу г. Безобразова и Александрова на обсужденіе въ уѣзды, и въ губернскомъ собраніи разсмотрѣть его 13-го марта. Уѣзды всѣ выразили болѣе или менѣе порицаніе дѣйствіямъ бывшаго уѣзднаго предводителя, но при этомъ большинство уѣздовъ стало опять на точку внѣ-законную, на точку зрѣнія общезнатія, осуждая г. Безобразова за то, что онъ въ теченіи нѣлаго года не пріиималъ мѣръ въ тому, чтобы очиститься отъ взведеннаго на него нареканія. Такъ какъ г. Безобразовымъ между тѣмъ начато противъ г. Александрова судебное дѣло, то это мнѣніе уѣздовъ слѣдуетъ, очевидно, понимать въ такомъ смыслѣ, что г. Безобразовъ поступилъ не по-товарищески, отказавшись отъ какой-бы то ни было ревизіи и ставъ въ отношеніи къ своему обществу въ позицію, обороняемую строгою буквою закона. Важнѣе другихъ въ этомъ дѣлѣ постановленія петербургскаго уѣзднаго собранія, которыя затѣмъ были приняты и большинствомъ губернскаго собранія. Петербургское уѣздное собраніе постановило: 1) „извѣщаніе г. Александрова считать не доносомъ, а заявленіемъ“. Это странное постановленіе комментаторскаго свойства было принято по перевѣсу всего 4-хъ голосовъ, такъ что, не говоря уже о юридическомъ смыслѣ, и нравственнаго значенія въ немъ немного, ибо противъ 26 голосовъ, признавшихъ извѣщеніе „заявленіемъ“, были 22 голоса, положительнo признавшихъ его „доносомъ“; 2) признать порядокъ храненія и расходованія суммъ г. Безобразовымъ несоотвѣтствующимъ общепринятому порядку (большинствомъ 47 голосовъ противъ 1); 3) за представленіемъ г. Безобразовымъ оставшихся суммъ, заявленіе Александра о неправильности расхода дворянской кассы оставить безъ послѣдствій (39 голосовъ противъ 9); 4) относительно послѣдовав-

шаго по этому дѣлу сношенія г. Безобразова съ собраніемъ предводителей и депутатовъ дворянства, выразить со стороны уѣзднаго собранія неодобреніе дѣйствіямъ г. Безобразова; 5) депутатамъ изъ дворянства выразить, въ лицѣ губернскаго предводителя, признательность за всѣ дѣйствія по настоящему дѣлу. Относительно дѣла Уткиной собраніе нашло себя не вправѣ его разсматривать. Само собою разумѣется, что какъ уѣздное, такъ и губернское собраніе не могли входить въ разсмотрѣніе дѣла по дворянской опецѣ, возбужденнаго губернаторскою ревизіею.

Итакъ, собственно по дѣлу, подлежащему собранію, ревизія документовъ по дворянскимъ сборамъ показала, что остатокъ изъ сданныхъ г. Безобразовымъ въ цѣлости и начетовъ на него нѣтъ. Это только одна часть всего дѣла, по обвиненіямъ г. Александрова; остальное должно разъясниться на судѣ, такъ или иначе. Губернское собраніе, въ засѣданіи 13-го марта, имѣло весьма оживленныя пренія, въ которыхъ г. Безобразовъ былъ слабъ только въ защитѣ своего хозяйственнаго порядка, но въ юридической постановкѣ отношеній между дѣйствовавшими въ этомъ дѣлѣ лицами оказались гораздо сильнѣе и графа Шувалова, и барона Корфа. Замѣчательно было объясненіе графа Шувалова, почему онъ не принялъ предложенія г. Безобразова явиться лично, какъ дворянинъ уѣзда, ревизовать кассу уѣзда, но желалъ ревизіи болѣе формальной. Гр. Шуваловъ заявилъ, что „какъ дворянинъ петербургскаго уѣзда, онъ не имѣлъ *ни малѣйшаго любопытства* знать, въ какомъ состояніи находится касса и не имѣлъ причины сомнѣваться въ ея цѣлости; онъ не пошелъ ревизовать на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ не вошли и всѣ другіе дворяне; забота его была совершенно другого рода: задача его состояла въ томъ, чтобы способствовать скорѣйшему разъясненію истины, такъ какъ дѣло было крайне неблаговидно“. Невозможно было яснѣе выразить той чисто-житейской, свѣтской точки зрѣнія, которою руководствовался въ этомъ дѣлѣ губернский предводитель дворянства: вся суть въ томъ, что дѣло было неблаговидно, а относительно реальнаго, общественнаго интереса, который представлялся вопросомъ, въ самомъ ли дѣлѣ въ общественной кассѣ есть недочетъ или нѣтъ, графъ Шуваловъ не имѣлъ „ни малѣйшаго любопытства“, по крайней мѣрѣ, какъ дворянинъ, хотя, въ оправданіе противъ этого признанія, нельзя не признать, что все-таки, въ качествѣ губернскаго предводителя, гр. Шуваловъ такое законное любопытство имѣлъ, потому что иначе не препроводилъ бы этого дѣла для „законнаго направленія“ министру юстиціи, который впрочемъ, на основаніи закона, нашелъ его подлежащимъ губернскому собранію самого дворянства. Во всемъ этомъ дѣлѣ далеко не про-

явилось такой общей со всѣхъ сторонъ правильности дѣйствій, твердости въ пониманіи своихъ правъ и обязанностей, чтобы петербургскому собранію дворянъ могло быть доступно съ легкимъ сердцемъ и искреннимъ убѣжденіемъ въ послѣдствіи относиться сочувственно къ проектамъ о ломѣѣ крестьянскаго самоуправленія для спасенія его посредствомъ дворянской опеки. Имъ могутъ сказать не безъ основанія: „врачу, исцѣлился самъ“.

Прибавимъ для полноты обзора, что въ губернскомъ собраніи, при баллотированіи постановленій собранія петербургскаго уѣзда, состоялось весьма значительное большинство по пунктамъ о признаніи отчетности г. Безобразова несогласною съ общепринятымъ порядкомъ (118 голосовъ противъ 27) и объ оставленіи заявленія г. Александрова безъ послѣдствій (120 гол. противъ 24). Гораздо слабѣе было большинство, выразившее г. Безобразову неодобреніе за сношенія его по этому дѣлу съ собраніемъ предводителей и депутатовъ (93 голоса противъ 51), и по выраженію этому послѣднему собранію признательности губернскаго собранія (99 голосовъ противъ 42).

Въ здѣшнемъ окружномъ судѣ разбиралось на-днякъ дѣло, которое по обнаруженнымъ имъ порядкамъ должно произвести повсемѣстное и самое прискорбное впечатлѣніе. Двѣ дѣвушки, бывшія на гуляньѣ съ своими родными братьями, были оскорблены неизвѣстнымъ человѣкомъ, а когда братья заступились за нихъ, то неизвѣстный, оказавшійся смотрителемъ врачебно-полицейскаго комитета, съ досады отправилъ ихъ въ полицію, куда онѣ потомъ были вытребованы еще нѣсколько разъ и затѣмъ подвергнуты освидѣтельствованію, причемъ оказались дѣвственными. Окружной судъ приговорилъ виновнаго къ лишенію особенныхъ правъ и ссылки на житье въ Тобольскую губернію. О немъ мы говорить не будемъ, хотя нельзя не пожалѣть, что законъ не предоставлялъ средствъ подвергнуть его наказанію еще болѣе чувствительному для подобнаго человѣка, а именно заключенію, съ обязательнымъ трудомъ. Но изъяснить въ этомъ дѣлѣ слѣдующее обстоятельство: если, какъ то ноложительно удостовѣрено предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ, дѣвушки не подавали ни малѣйшаго повода заподозрить свое поведеніе, сидѣли на скамейкѣ съ братьями и разговаривали съ ними, и въ результатѣ оказалось, что никакихъ поводовъ къ подозрѣнію и быть не могло; если городской, околоточный и даже приставъ сами колебались исполнить требованіе смотрителя, а приставъ даже зналъ этихъ дѣвицъ и полагалъ, что смотритель ошибся, но тѣмъ не менѣе

эти полицейскіе чины были *вынуждены* исполнить требованіе, — то спрашивается, какою же властью облечены люди, подобные гг. смирителямъ врачебно-полицейскаго комитета, то-есть, говоря просто-сыщики развратныхъ женщинъ? Вѣдь это значило бы, что каждый изъ нихъ можетъ остановить любую женщину на улицѣ и отправить ее въ комитетъ, наблюдающій за развратными женщинами, несмотря на чьи-либо убѣжденія, и хотя бы даже полицейскіе чины — что, конечно, рѣдко можетъ случиться — могли имѣть лично свѣдѣнія, что женщина это порядочная. Ошибки въ данномъ случаѣ не могло быть никакой, была сознательная злая воля, и оказалось полное безсиліе и правъ, должствующихъ оградить неприкосновенность личности и даже убѣжденія самихъ полицейскихъ — передъ всемогущимъ произволомъ какого-нибудь сыщика. Но если это въ самомъ дѣлѣ такъ, то намъ не нужно врачебно-полицейскаго комитета, съ его дѣятельностью, которая ограждаетъ здоровье нѣсколькихъ развратниковъ съ такимъ рискомъ для всего общества. Злая воля всегда и вездѣ можетъ встрѣтиться; но если установленія или правила таковы, что все должно преклоняться передъ произволомъ какого-нибудь агента, то главная вина безотговорочно падаетъ на самихъ эти установленія, на эти правила, и общество вправе желать ихъ опубликованія, на своей безопасности. Здѣсь кстати будетъ замѣтить на счетъ общаго нашего прогресса, что у насъ, въ Россіи, въ настоящее время помокъ Рюрика и сынъ крестьянина сидятъ рядомъ въ земскихъ собраніяхъ, съ равнымъ голосомъ, и въ юнкерскихъ училищахъ съ равными правами, оба обязаны лично воинскою повинностью, оба судятся однимъ судомъ, въ которомъ послѣднему негодяю предоставлены всѣ права защиты, такъ что ему могутъ быть извѣстны точные предѣлы власти cadaго судебного органа, отъ слѣдователя до предсѣдателя кассационнаго департамента сената, и можно только радоваться, что Россія доросла до этого. Но нельзя не удивляться, что рядомъ съ этимъ ни одинъ человѣкъ въ государствѣ, какъ бы ни заслуживалъ уваженія, и какое бы положеніе онъ ни занималъ, скромное или высокое, не знаетъ своихъ правъ по отношенію къ полиціи, потому только, что полицейскія правила объ отношеніяхъ къ частнымъ лицамъ остаются негласными. Можетъ ли всякій городской, отъ править въ участокъ“ всякаго идущаго мимо него по улицѣ, и въ случаѣ отказа послѣдняго, подать свистокъ и повалить его въ сани, при помощи дворниковъ, или не можетъ? Если нѣтъ, то въ какой именно мѣрѣ рѣшеніе подобнаго вопроса, въ случаѣ если городской имѣетъ на прохожаго подозрѣніе, предоставлено усмотрѣнію городского, или въ какой мѣрѣ оно ограничено правилами и какими именно? Обязанъ ли каждый слѣдовать за городовымъ въ участокъ,

если нѣтъ къ тому повода, подъ опасеніемъ ослушанія власти, или обязанъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и въ какихъ именно? Не знаемъ какъ теперь, но всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ городовые тащили въ участокъ всякаго осматрѣвшаго номеръ на нихъ бляхѣ, хотя повидимому онъ и выставленъ для того, чтобы быть замѣчаемъ. Это объяснялось „необходимостью“, чтобы мѣстное полицейское начальство не было застигнуто врасплохъ жалобой къ высшему начальству полиціи, какъ будто въ интересы высшаго контроля могло входить, чтобы низшіе агенты были напередъ приготовлены къ „отпискѣ“. Много вопросовъ, ежедневно встрѣчающихся въ уличной жизни, такъ и остаются загадочными для всѣхъ. Стоить подойти къ толпѣ, составившейся на улицѣ вокругъ какой-нибудь „исторіи“, чтобы убѣдиться изъ словъ свидѣтелей, до какой степени публика ничего не знаетъ о своихъ правахъ по отношенію къ полиціи; а пока ихъ не знаетъ, она ихъ въ дѣйствительности вовсе и не имѣетъ. Мы знаемъ свои права передъ судомъ, передъ присутственнымъ мѣстомъ, передъ министрами, но совершенно не знаемъ своихъ правъ передъ городовыми, околоточными и приставами, даже передъ дворниками, когда они сидятъ у своихъ воротъ со знаками на шапкахъ. И дворникъ можетъ подать свистокъ—и признаемся въ невольномъ невѣжествѣ—можетъ даже, хотя бы члена судебной палаты, „отправить въ участокъ“, съ прибавленіемъ обычныхъ словъ: „много васъ тутъ такихъ ходить“.

При такой общей безвѣстности, не мудрено, что и для высшаго полицейскаго начальства весьма труденъ контроль надъ правильностью дѣйствій низшихъ полицейскихъ чиновъ. Въ толпѣ, смотрящей на „исторію“, обыкновенно слышатся самые противорѣчивые отвѣты на вопросы, которые должны бы быть совершенно ясны для всѣхъ. Напримѣръ: имѣлъ ли право офицеръ приказать городовому отправить челоуѣка въ участокъ, и имѣлъ ли городской право исполнить это „приказаніе“, или былъ даже обязанъ его исполнить, ибо иначе нарушилъ бы чиновочитаніе и дисциплину? Чтѣ можетъ ожидать въ участкѣ того, кто туда отправленъ, или, выражаясь полицейскимъ слогомъ: „доставленъ?“ Можетъ ли онъ быть задержанъ тамъ на ночь, или на сутки, или не можетъ, и въ какихъ именно случаяхъ то и другое? Можетъ ли всякій челоуѣкъ быть вытребованъ во всякое время въ участокъ, или когда именно и по какому поводу? Есть ли какія-либо взысканія, которымъ должны подлежать олицейскіе чины за напрасное безпокойство, причтняемое ими частнымъ лицамъ, или нѣтъ?

Такъ какъ ни намъ, ни воумъ, не вращавшимся въ этой области, никакихъ подобныхъ правъ и правилъ неизвѣстно, то извинительна

была бы съ нашей стороны и ошибка, еслибы мы сказали, что въ какихъ такихъ правъ, ни правилъ вовсе не существуетъ, и что полицейскіе агенты—единственная власть, дѣйствующая просто „на благоразумію“, и общество въ отношеніи ихъ можетъ руководствоваться однимъ только „благочиніемъ“. Но мы въ эту ошибку и впадемъ потому, что намъ случилось когда-то читать о какой-то школѣ или курсѣ, куда ходятъ полицейскіе агенты для изученія своихъ обязанностей, и правъ, и полицейскихъ правилъ. Въ сожалѣнію, не можетъ существовать школы, куда могла бы ходить полиция для ознакомленія со своими правами и обязанностями по отношенію къ полицейскимъ чинамъ. Но, вѣдь если они обучаются правиламъ, стало-быть, правила существуютъ, а правило въ томъ и состоитъ, что указываетъ предѣлы; права и обязанности полиціи немислимы безъ ограниченій, которыя, по сущности дѣла, и представляютъ права публики. Отчего же эти правила остаются негласными? Правила о дѣйствіи полицейскихъ властей въ общественныхъ мѣстахъ и о правахъ ихъ по отношенію къ частнымъ лицамъ вообще должны бы быть изданы особой брошюрой, и эта брошюра найдется въ каждомъ участкѣ, у cadaго городского, и сверхъ того въ продажѣ. Этого, кажется, общество могло бы ожидать отъ деятельности и усердія къ улучшеніямъ нынѣшняго начальника города. Когда въ другихъ городахъ послѣдовали бы такому примѣру, то только тогда и могла бы открыться необходимость установленія какихъ-нибудь общихъ, основныхъ правилъ; теперь же можно себѣ представить, какіе курьёзы должны заключать въ себѣ полицейскія инструкціи въ разныхъ мѣстахъ провинціи. Желаніе, нами высказываемое, не можетъ показаться несправедливымъ и петербургскому полицейскому управленію. Оно не возразитъ намъ указаніемъ на все, что имъ сдѣлано для улучшенія состава полиціи, на вѣжливость полицейскихъ чиновъ и т. д. Улучшенія прекрасны, и ихъ сдѣлаю не мало; но по отношенію къ самой лучшей полиціи въ мірѣ мы все-таки хотимъ знать наши права и обязанности, уже для того, чтобы не оказать иногда послушанія законному требованію по незнанію полицейскаго закона, то-есть правилъ. Какъ бы удовлетворителемъ ни былъ во всѣхъ отношеніяхъ нынѣшній составъ петербургской полиціи, но одни личныя качества не могутъ и не должны закрывать обществу ту гарантію, какую представляло бы знаніе предѣловъ ихъ правъ. Нельзя не согласиться, что составъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ обусловливаетъ личныя свойства гораздо высшія, а между тѣмъ обществу даны въ гласности законы и правила судопроизводства всевозможныя гарантіи, чтобы провѣрять каждое дѣло

ствіе судебныхъ органовъ и твердо отстаивать свои права на почвѣ законности.

Въ минувшемъ февралѣ появился отчетъ Публичной бібліотеки въ Петербургѣ, представленный министру народнаго просвѣщенія. Отчеты бібліотеки за послѣдніе годы вообще весьма сухи; они представляютъ свѣдѣнія о расходованіи суммъ, измѣненіяхъ въ личномъ составѣ, и обычныя, весьма подробныя, впрочемъ, данныя о важнѣйшихъ приобрѣтеніяхъ бібліотеки, о числѣ и родѣ вытребованныхъ публикою книгъ, числѣ и категоріи лицъ, взявшихъ билеты на чтеніе. Изъ работъ бібліотекарей указаны только особы, выдающіяся изъ ряда; относительно же работъ по каталогизаціи также упомянуты только отдѣльные результаты, но нѣтъ свѣдѣній о совокупности достигнутыхъ доселѣ въ этомъ отношеніи результатовъ. Такъ, мы узнаемъ, что въ 1873 году окончено печатаніе каталога иноязычныхъ писателей о Россіи, такъ-называемой коллекціи *Rossica*, (строенной прежнимъ директоромъ бібліотеки, графомъ Корфомъ, который и впоследствии продолжалъ заботиться объ ея пополненіи и составленіи ея каталога. Это, безспорно, весьма благопріятный результатъ, но все-таки было бы интересно знать, въ какомъ положеніи находятся нынѣ работы по общей каталогизаціи. Такъ какъ притомъ въ отчетѣ не показывается и настоящій составъ самой бібліотеки, то-есть количество находящихся въ ней книгъ и другихъ предметовъ — хотя эти свѣдѣнія были бы важнѣе и полезнѣе того исчисленія наградъ чинами и орденами лицъ служащихъ при бібліотекѣ, которое наполняетъ обыкновенно первыя страницы ежегодныхъ отчетовъ, — то по нимъ нельзя составить себѣ понятія именно важнѣйшемъ фактѣ, о томъ, въ какомъ положеніи и порядкѣ бібліотека нынѣ находится. Въ отчетѣ бібліотеки за 10 лѣтъ по управленію ея прежняго директора (1849—1859 г.) значилось, что бібліотека въ 1860 году имѣла: 849,946 томовъ печатныхъ книгъ, 29,867 рукописей и 65,875 эстамповъ. Но нельзя, даже и просмотрѣвъ погѣдовавшіе затѣмъ ежегодные отчеты, вывести нынѣшній составъ бібліотеки посредствомъ сложенія цифръ ея ежегодныхъ приобрѣтеній, нельзя потому, что приращенія бібліотеки съ 1860 по 1873 г. означивались не во всѣхъ годовыхъ отчетахъ. Только за девять послѣднихъ лѣтъ такое свѣдѣніе въ отчетахъ встрѣчалось непрерывно, и въ теченіи этого ближайшаго періода бібліотека приобрѣтала ежегодно среднимъ числомъ около 20 тыс. печатныхъ сочиненій, 600 рукописей и 800 эстамповъ. Здѣсь надо замѣтить, что за послѣдніе за года число вновь приобрѣтенныхъ какъ рукописей, такъ и эстамповъ было значительно ниже средней цифры восьмилѣтія. При

сравнительной немногосложности сообщенныхъ отчетами Публичной библіотеки свѣдѣній, непонятно еще, почему отчетъ ея за 1873 г. является только въ 1875 году. Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета 1873 года, конечно, не можетъ быть сравниваемъ, по объему и разработкѣ данныхъ, съ отчетомъ библіотеки; самые предѣлы исполненія росписи 1873 г. захватывали попомню слѣдовавшаго года; тѣмъ не менѣе контрольный отчетъ за 1873 г. вышелъ все-таки нѣсколькими мѣсяцами ранѣе отчета публичной библіотеки. Здѣсь кстати упомянуть мимоходомъ о характеристическомъ фактѣ, что не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ постоянно требовалось, чтобы даже отчетъ государственнаго контроля представлялся непременно въ началѣ года слѣдующаго за отчетнымъ, и требованіе это во всей точности исполнялось.

Переходя къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ свѣдѣніямъ нынѣшняго отчета библіотеки, замѣтимъ, что изъ общей суммы $82\frac{1}{2}$ т. р., представляющей итогъ расходовъ библіотеки за 1873 годъ, наибольшая часть, около $33\frac{1}{2}$ т. р., шла на содержаніе личнаго состава изъ служащихъ и служителей; затѣмъ, двѣ главныя, почти равныя части употреблены были на приобрѣтеніе рукописей и книгъ—17 т. 700 р., и на хозяйственные расходы по помѣщенію—17 т. 113 р.; на переплеты книгъ и печатаніе каталоговъ, изданій и др. издержано около 14 т. р. Такимъ образомъ, собственно содержаніе библіотеки требуетъ болѣе 50 тысячъ р. изъ $82\frac{1}{2}$ -тысячнаго бюджета. Средства свои библіотека почерпаетъ почти исключительно изъ казны, такъ какъ отъ продажи ея изданій выручено за годъ только 662 р., а никакихъ частныхъ пожертвованій деньгами не оказалось, хотя приношенія книгами, рукописями и т. д. были весьма значительны, особенно по числу. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ сочувствіе, что и такая сумма, какъ 17,700 р., была употреблена въ теченіи года на обогащеніе библіотеки покупкою. Въ числѣ покупокъ библіотеки слѣдуетъ упомянуть коллекцію рукописей, принадлежавшую писателю Гильфердингу, коллекцію рѣдкихъ русскихъ изданій, принадлежавшую библіографу Соболевскому, коллекцію бумагъ, оставшихся послѣ бывшаго министра Норова, и коллекцію книгъ генерала Лазарева, купленную и подаренную библіотекѣ австрійскимъ камергеромъ графомъ Видманомъ Седльницкимъ, большое число купленныхъ библіотекою роскошныхъ иллюстрированныхъ изданій по части искусства, и нѣсколько писемъ историческихъ лицъ, въ томъ числѣ Меншикова, Потемкина, Пушкина (письмо на французскомъ языкѣ къ Н. И. Гачаровой, съ предложеніемъ руки ея дочери, напечатанное въ 1873 въ „Р. Арх.“), Екатерины II-й и т. д. Говоря о приобрѣтеніяхъ библіотеки, мы должны обратить вниманіе на одно особенное обстоя-

тельство. Изъ обзорѣнія приложенныхъ къ отчету вѣдомостей оказывается, рядомъ съ 10,137 выданныхъ русскихъ сочиненій 3,184 отказа въ требованіяхъ; изъ этихъ отказовъ почти половина (1,382) послѣдовали только потому, что книги во время требованія находились уже въ чтеніи у другого лица. По иностраннымъ книгамъ, мы находимъ соответствующія цифры: выдано 5,823 сочиненія, и послѣдовало 2,846 отказовъ, въ томъ числѣ адѣсь уже главнымъ образомъ по немѣннѣю потребованнаго (въ 2,009 случаяхъ), и затѣмъ за отдачею потребованнаго другому лицу 461. Итакъ, посѣтитель библиотеки, требующій себѣ книгу въ 1 случаѣ изъ 4 получаетъ отказъ, если книга русская, и болѣе чѣмъ въ 1 случаѣ изъ 3-хъ, если она иностранная. Это, очевидно, несоразмѣрно много; это обстоятельство весьма затрудняетъ пользование библиотекою для публики и отталкиваетъ отъ нея весьма многихъ посѣтителей, особенно такихъ, которые приходятъ за справкою иногда настоятельно нужною. Если книга новая, т.-е. издана въ послѣднемъ пятилѣтіи, то она не получена, если старая—то зачастую отдана въ переплетъ (гдѣ и остается нѣсколько мѣсяцевъ); если требователь минуетъ эти шансы отказа, то ему представляется еще главный — книга находится въ чтеніи. Намъ, и вѣроятно не намъ однимъ случалось иногда удовольствоваться менѣе точной справкой, лишь бы не обращаться къ содѣйствію библиотеки, несмотря на всю легкость обращенія къ ней.

Сравненіе приведенныхъ цифръ указываетъ прямо на необходимость принятія двухъ мѣръ въ интересѣ обыкновенной публики, пользующейся библиотекою. Огромное число отказовъ должно быть во всякомъ случаѣ устранено. Замѣтимъ здѣсь, что въ сравненіи съ 1872 годомъ числа читателей и требованій книгъ въ библиотекѣ упали, а число отказовъ возрасло. Это обстоятельство требуетъ самаго серьезнаго вниманія и должно быть, повторяемъ, устранено во что бы то ни стало, если не хотятъ, чтобы Публичная библиотека обратилась въ сокровище, существующее для самого себя и десятка избранныхъ, могущихъ работать въ отдѣленіяхъ, а не для публики. Намъ могутъ возразить, что бываютъ требованія ни съ чѣмъ несообразныя, требованія несуществующихъ и даже немогущихъ существовать сочиненій, затѣмъ требованія неопредѣленныя, неточныя, неразборчивыя. Все это весьма вѣроятно, но мы видимъ изъ самаго отчета, что число отказовъ по требованіямъ „неопредѣленнымъ, неточнымъ, неразборчивымъ“, требованіямъ романовъ (которые по ставу не выдаются), сочиненій, „никогда не появлявшихся въ печати“, наконецъ—книгъ запрещенныхъ, составляло всего 1,053, то есть цифру незначительную въ сравненіи съ общимъ числомъ отказовъ. Мы имѣемъ основаніе полагать, что и эту цифру можно было

значительно сократить при нѣкоторомъ стараніи со стороны бібліотечарей. Въ настоящее время требуется безусловно, чтобы всякое требованіе было совершенно точно; неопредѣленные требованія не допускаются. Но такое условіе было бы справедливо только въ такомъ случаѣ, еслибы въ читальной залѣ находился полный каталогъ всего состава бібліотеки. Тогда, дѣйствительно, бібліотечари могли бы предоставить каждому, кто ищетъ источника или пособія, трудъ отыскать его въ каталогѣ и затѣмъ указать на него въ требованіи съ точностью. Но вѣдь полный систематическій каталогъ, если онъ и оконченъ, не напечатанъ и никогда напечатанъ не будетъ, и для посѣтителей недоступенъ. Въ такомъ случаѣ, очевидно, иногда невозможно обойтись безъ неопредѣленныхъ требованій. Положимъ, на примѣръ, приходитъ ученикъ духовной академіи, который желаетъ составить себѣ понятіе о направленіи католичества за послѣдніе вѣка, въ виду послѣдствій ватиканскаго собора; онъ предполагаетъ, что должно же быть что-нибудь по этой части и вса вѣроятности есть цѣлая литература по этому предмету. Но если онъ напишетъ такое требованіе: „что нибудь по исторіи римской церкви за послѣдніе вѣка, на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ“—онъ непремѣнно получитъ отказъ по неопредѣленности требованія; между тѣмъ бібліотечарь, при малѣйшемъ истребаніи, долженъ былъ признать это требованіе вовсе не неопредѣленнымъ, но напротивъ совершенно достаточно опредѣленнымъ, и выдать ему, напр., сочиненіе Ранке или назначить ему часъ для личнаго объясненія въ отдѣленіи. Мы не видимъ, почему вообще бібліотечари не могли бы каждый день приходиться въ читальную залу, въ определенное время, хоть на полчаса, для подобной консультациіи. Между тѣмъ ничего подобнаго у нихъ нѣтъ, и обыкновенная публика совершенно отчуждена отъ бібліотечарей. Служащіе въ нашей бібліотекѣ раздѣляются на двѣ категоріи: одна категорія — дежурные въ читальной залѣ чиновники, которые на столь же приготовлены къ этому дѣлу, какъ и къ дежурству въ любой канцеляріи; ни совѣтъ ни объясненія они дать не въ состояніи; приказникъ книжнаго магазина скорѣе можетъ быть полезенъ въ этомъ смыслѣ; другая категорія—ученые бібліотечари-специалисты. Въ лучшемъ случаѣ они—библіофилы, и болѣе ихъ интересуется (коллекція, независимо отъ пользы, какую она можетъ принести, цѣнность, рѣдкость книгъ, пополненіе коллекціи чѣмъ-либо выдающемся изъ ряда, хотя бы дряннымъ переплетомъ; читальная же зала ихъ вовсе не интересуется, и они относятся къ ней съ довольно естественнымъ со стороны бібліофиловъ, но несомнѣнно полезнымъ въ чиновникахъ Публичной бібліотеки пренебреженіемъ. Между тѣмъ, безъ читальной залы вся бібліо-

тека представляла бы (за рѣдкими исключеніями) совершенно мертвый капиталъ. Публика имѣетъ дѣло исключительно съ первой категоріею служащихъ, которымъ интересы образованія и научнаго изслѣдованія должны быть нисколько не ближе, чѣмъ чиновникамъ государственнаго казначейства или военнаго министерства. Вторая категорія—библіотекари живутъ исключительно въ горнихъ областяхъ своихъ отдѣленій; допустимъ, что они и тѣлесно бывають тамъ каждый день; но они все-таки доступны только для немногихъ изслѣдователей, которые нашли возможнымъ и пожелали заручиться компетентными рекомендаціями и разрѣшеніемъ директора. Этимъ немногимъ избранныкамъ бібліотекари согласны посодѣйствовать иногда и въ „неопредѣленныхъ“ поискахъ. Они дѣлають это съ удовольствіемъ и большой любезностью, но считаютъ истиннымъ своимъ призваніемъ все-таки нѣчто совсѣмъ иное. Напримѣръ—открыть въ числѣ старинныхъ книгъ на старомъ историческомъ разсказѣ переплеть знаменитаго переплетчика Маіоли, собранный съ „архитектуры“ Витрувія—вотъ истинное торжество ученаго бібліотекаря. И безспорно, торжество это вполне законное; вполне понятно, что ученый бібліофилъ дорожитъ имъ болѣе, чѣмъ цѣлой сотней совѣтовъ, которые онъ далъ бы какому-нибудь ученикамъ или ученымъ in spe, указавъ имъ какое-либо вульгарное пособіе. Однако и послѣднее, согласитесь, имѣло бы свою цѣну, сравнительно даже весьма большую, реальную цѣну.

Публичная бібліотека вездѣ имѣетъ двоякій идеалъ: 1) быть собраніемъ книгъ рѣдкихъ и цѣнныхъ, и 2) быть собраніемъ всѣхъ книгъ. Само собою разумѣется, что идеалъ бібліофиловъ исключительно—первый. Инкунабулы, Альды, Эльзевиры, Гриффы—вотъ божества ихъ въ мірѣ печати; ихъ дѣло—настоящій культъ. Вздорный календарь XVI вѣка, если поля у него не слишкомъ обрѣзаны при переплетѣ, для нихъ цѣннѣе, чѣмъ Бюль. Такъ, любители фарфора предпочитаютъ хотя бы надломленную чашку, съ двумя мечами подъ дномъ, — фаянсовой мисѣ съ дюжиною тарелокъ, при посредствѣ коихъ питается почтенное семейство. И нѣтъ сомнѣнія, что владѣльцы частныхъ бібліотекъ вольны ограничиваться собраніемъ рѣдкостей; вопросъ о вульгарной полнотѣ и утилитарности для нихъ можетъ не существовать. Но въ совершенно иномъ положеніи представляется задача бібліотекъ публичныхъ, говоря вообще. Этимъ вопросомъ о полнотѣ и утилитарности онѣ никакъ пренебрегать не могутъ. Мы были бы варварами, еслибы не согласились, что Остромирово евангеліе—украшеніе здѣшней бібліотеки; но мы были бы маніаками, еслибы присутствіе въ ней такого сокровища и многихъ другихъ дѣлало насъ совершенно равнодушными къ факту,

что, изъ трехъ или четырехъ требованій обыкновенной публики въ библиотекѣ, одно навѣрное встрѣчается съ отказомъ, что число требованій за послѣдній годъ уменьшилось, а цифра отказовъ возрасла. Если изъ двухъ указанныхъ направленій было бы необходимо избрать исключительно одно, то мы все-таки отдали бы предпочтеніе направленію утилитарному. Дѣло въ томъ, что публичныя библиотеки менѣе приносятъ пользы соединеніемъ въ себѣ рѣдкостей, чѣмъ сосредоточеніемъ полныхъ литературъ по каждой отрасли знанія. Еслибы плиты, содержащія подлинныя хроники ассирійскихъ царей, и не были доставлены Леярдомъ въ Британскій музей, онѣ не были бы недоступны ученымъ; при нынѣшней системѣ сообщеній, ученымъ легко предпринимать поѣздки для обзоренія нужныхъ имъ источниковъ, хотя бы послѣдніе находились въ раскопкахъ Ниневіи. Здѣсь главная заслуга — открытіе источника; разъ онъ открытъ и извѣстенъ, онъ доступенъ людямъ, которые посвящаютъ всю свою жизнь ихъ изученію. Что извѣстная рукопись библии IV-го вѣка находилась въ Синайскомъ монастырѣ,—это не помѣшало Тишендорфу описать ее и издать ее на средства русскаго правительства, прежде чѣмъ она сдана была въ здѣшнюю Публичную библиотеку, между тѣмъ какъ нѣкоторыя драгоценныя рукописи доселѣ не издали, несмотря на то, что составляютъ собственность библиотеки. Со всѣмъ иное значеніе имѣетъ публичная библиотека, какъ собраніе въ возможности полной литературы по каждой отрасли знанія. Ученныя занятія были бы доступны только богачамъ, то-есть рѣшительно недоступны для тѣхъ классовъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ выходятъ ученые, еслибы каждый студентъ долженъ былъ имѣть полную библиотеку пособій, а приготовляясь къ магистерской степени можно было не иначе, какъ предварительно купить все важнѣйшее, что только было напечатано по всѣмъ факультетскимъ предметамъ. Итакъ, полнота и доступность публичной библиотеки для обыкновенныхъ ученыхъ и даже учебныхъ работъ — вотъ важнѣйшія и драгоценнѣйшія свойства публичной библиотеки. Пусть она удовлетворяетъ идеалу музея рѣдкостей печатныхъ и рукописныхъ, но только никакъ не въ ущербъ утилитарному своему назначенію, пусть она будетъ непременно „библиотекою“, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова библиотекою, и даже до нѣкоторой степени—читальнею.

Изъ весьма подробныхъ свѣдѣній о категоріяхъ лицъ, взявшихъ въ 1873 г. билеты на чтеніе, мы выписали отдѣльныя цифры учащихся всѣхъ вѣдомствъ, и итогъ ихъ оказался у насъ 3,588; всѣхъ же выданныхъ билетовъ было 10,451, въ томъ числѣ 848 лицамъ женскаго пола, изъ которыхъ нѣкоторая часть, очень можетъ быть по-

ловина, принадлежали также къ категоріи учащихся. Если принять, что въ числѣ 10,451 взявшихъ билеты до 4,000 были учащіеся въ разныхъ заведеніяхъ, то это одно уже указываетъ на одно изъ отличительныхъ условій, въ которыхъ стоитъ бібліотека. Мы видѣли, что по части русскихъ книгъ главное число отказовъ послѣдовало по той причинѣ, что требуемая книга находилась въ чтеніи. Опытъ долженъ показывать, какія сочиненія наиболѣе требуются, и такихъ сочиненій бібліотека должна была бы имѣть по нѣскольку экземпляровъ. Если намъ возразятъ, что удовлетворять требованіямъ данной публики, какъ она есть, есть дѣло читальни, а не публичной бібліотеки, то это возраженіе будетъ неосновательно. Въ томъ-то и дѣло, что въ публичной бібліотекѣ изучающій ожидаетъ найти соединенною и доступною себѣ всю литературу по извѣстной части. Онъ потребуетъ въ бібліотекѣ учебное руководство, но рядомъ съ нимъ ему доступны въ ней источники, и пользоваться учебникомъ въ бібліотекѣ или внѣ бібліотеки—совсѣмъ не все равно. Встрѣтивъ отказъ въ выдачѣ того или другого руководства, которое ему потребовалось для справки, онъ можетъ встрѣтить препятствіе къ пользованію самими источниками или специальными трудами. По части книгъ иностранныхъ главной причиной отказовъ было неизмѣніе въ бібліотекѣ потребованныхъ сочиненій. Мы не ошибемся, предположивъ, что при этомъ отказывалось главнымъ образомъ въ иностранныхъ трудахъ, вышедшихъ за послѣдніе годы, въ новѣйшихъ книгахъ. Въ самомъ дѣлѣ, бібліотека не торопится приобрѣтать новѣйшія, хотя бы и замѣчательнѣйшія книги, и вотъ важный недостатокъ, подлежащій устраненію. Онъ значительно уменьшаетъ ту пользу, какую бібліотека могла бы приносить для обыкновенныхъ изучающихъ и учащихся, а между тѣмъ эта польза бібліотеки реальнѣе всякой иной. Необходимо было бы улучшеніе въ этомъ смыслѣ. Библіотекѣ все равно приходится, рано или поздно, приобрѣтать новѣйшіе труды ученыхъ; почему же не дѣлать этого по возможности скоро, такъ чтобы посѣтитель могъ всегда найти въ ней не только устарѣлые труды и старія изданія, когда уже явились труды новые и изданія дополненныя, но и въ самомъ дѣлѣ полную, доведенную до послѣдняго года литературу по каждой отрасли знанія.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1875.

Программа министерства Бюффэ.—Закритіе сессіи національнаго собранія.—Докладъ Саварі.—Прокламація Кабреры.—Его прошлое, и его отношенія къ донъ-Карлосу.—Ходъ военныхъ дѣйствій.

Хотя республика и установлена во Франціи конституціей 25-го февраля, которою опредѣлены отношенія между государственными властями, но доселѣ еще не замѣтно ни изъ заявленій, ни изъ дѣйствій правительства, чтобы оно признавало республику дѣйствительно существующею, не говоря уже о признаніи ее окончательной, безповоротно-установленною формою правленія. Относительно расположенія самого президента этой республики весьма характеристичен тотъ фактъ, что при образованіи кабинета, испедепшаго изъ соглашенія, которое было вызвано страхомъ передъ бонапартистами, маршалъ самъ рѣшительно устранилъ отъ включенія въ этотъ кабинетъ герцога Одиффрѣ-Пакьѣ, рѣшительнаго врага бонапартистовъ. Герцогъ Пакьѣ былъ избранъ президентомъ собранія, вмѣсто Бюффэ. Въ засѣданіи національнаго собранія 12-го марта, вице-президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Бюффэ прочли слѣдующую программу новаго кабинета: „новое министерство, облеченное довѣріемъ г. маршала-президента республики, не было бы въ состояніи исполнить свою задачу, еслибы оно не нашло въ національномъ собраніи поддержку большинства, одобряющаго его политику и рѣшившагося содѣйствовать ей. Итакъ, первый его долгъ—объяснить эту политику. Она будетъ чисто-консервативна, но свободна, какъ отъ вызывательнаго характера, такъ и отъ слабости. Это объявленіе, которому не представитъ противорѣчія ни одно изъ дѣйствій министерства, могло бы показаться излишнимъ, если бы фолкванія, въ какихъ послужило поводомъ утвержденіе учредительныхъ законовъ и слѣдствія, которыя были изъ него выводимы, не произвели втораго колебанія въ общественномъ мнѣніи и даже—мы должны при-

знаться въ томъ — извѣстныхъ опасеній въ умахъ, которые необходимо успокоить. Слѣдуетъ прежде всего устранить недоразумѣнія и внушить каждой общинѣ во Франціи убѣжденіе, что населеніе честное, мирное, трудолюбивое, привязанное къ порядку своими чувствами и своими интересами, имѣетъ правительство на своей сторонѣ и можетъ разсчитывать на насъ противъ порывовъ разрушительныхъ страстей. Мы не сомнѣваемся, что для исполненія такой задачи встрѣтимъ содѣйствіе въ томъ разумномъ и преданномъ административномъ составѣ, который сумѣлъ поддерживать порядокъ среди пережитыхъ нами трудныхъ обстоятельствъ, и который можетъ разсчитывать съ нашей стороны на постоянную поддержку. До тѣхъ поръ, пока вопросъ объ устройствѣ государственныхъ властей оставался открытымъ, онъ могъ раздѣлять и такихъ людей, которые совершенно согласны между собою, относительно духа управленія (*la direction à donner au gouvernement*). Но такъ какъ вопросъ этотъ нынѣ разрѣшенъ, то и произведенное имъ разногласіе должно исчезнуть. Тѣ, кто нашли въ устройствѣ, данномъ, государственнымъ властямъ, болѣе или менѣе полное удовлетвореніе своихъ видовъ, потрутся доказать согласіемъ съ единственной политикой, могущей успокоить страну, что нынѣшній порядокъ не несомнѣтеленъ съ общественной безопасностью. Что же касается тѣхъ, которые желали дать конституціонному вопросу рѣшеніе иное, не почерпнуть ли они въ своемъ патриотизмѣ совѣта—соединить свои усилія съ нашими для защиты принциповъ порядка и охраненія общества (*conservation sociale*)?

„Итакъ, мы съ довѣріемъ возобновляемъ тотъ патриотическій призывъ, съ которымъ г. президентъ республики обратился къ умѣреннымъ людямъ всѣхъ партій и настойчиво просилъ ихъ содѣйствія. Нашъ долгъ—обезпечить учредительнымъ законамъ, принятымъ національнымъ собраніемъ, послушаніе и уваженіе всѣхъ; наше твердое желаніе—защищать ихъ противъ всякой мятежной интриги (*menée factieuse*); но, будучи служителями закона, мы никогда не сдѣлаемся орудіями какой-либо мести. Во Франціи, гдѣ перемѣны въ учрежденіяхъ и династіяхъ были столь часты, и гдѣ каждое изъ этихъ разрушеній оставило въ сердцахъ большого числа хорошихъ гражданъ сожалѣнія и убѣжденія, которыя достойны уваженія, когда они не выражаются никакимъ предосудительнымъ дѣйствіемъ, всякій иной образъ дѣйствій не былъ бы согласенъ ни съ справедливостью, ни съ благоразумною политикой. Духъ подозрительности не только не укрѣпилъ бы нынѣшняго правительства, но лишилъ бы его такого содѣйствія, которое необходимо, раздражилъ и упрочилъ бы раздоры, которые всякое управленіе должно стараться изгладить. Твердый и

примирительный образъ дѣйствій казался бы намъ наилучшимъ во всякое время; но нынѣ только онъ одинъ и можетъ соответствовать положенію дѣлъ, возникшему изъ нашихъ бѣдствій. Можетъ ли кто-либо полагать, что теперь время для внутреннихъ распрѣй и выставленія ихъ на показъ міру? Не значило ли бы это, что мы собственными руками наносимъ послѣдній ударъ могуществу Франціи? Передъ этимъ соображеніемъ, которое должно преобладать надъ всѣмъ остальнымъ, всякое колебаніе, какъ намъ кажется, должно исчезнуть. Правительство намѣрено поднести вамъ измѣненія законовъ, нинѣ опредѣляющихъ положеніе печати. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ обещать правильнымъ образомъ дѣйствительное подавленіе такихъ крайностей, которыя въ умахъ самыхъ умѣренныхъ людей могли бы наконецъ дискредитировать законное право свободного обсужденія. До тѣхъ же поръ, пока не утверждено подобнаго закона, правительство не можетъ отказаться отъ полномочій чрезвычайныхъ, которыя предоставляются ему осаднымъ положеніемъ въ нѣкоторыхъ числѣ департаментовъ. Мы желаемъ также сохраненія, на опредѣленный періодъ времени, нынѣ дѣйствующихъ законовъ о способѣ назначенія мэровъ, которыхъ будемъ однакоже, по мѣрѣ, возможности, назначать изъ среды муниципальных совѣтовъ. Еслибѣ избраніе не раздѣляло тѣхъ видовъ относительно направленія правительственной политики, которые мы имѣли честь изложить ему, то мы просили бы его выразить это безотлагательно и не уклонившись отъ исполненія того долга, который представился бы намъ въслѣдствіе такого отказа въ содѣйствіи“.

Отъ „дня учрежденія республики“, т. е. отъ 25-го февраля и до отсрочки сессіи, на семь недѣль, по поводу праздникоу пасхи, программа, прочтенная главою новаго кабинета, была главнымъ и даже единственнымъ событіемъ во Франціи, такъ какъ всѣ остальные факты группировались около нея и болѣе или менѣе относились къ ней. Вотъ почему необходимо было привести самый текстъ этого тяжеловѣснаго, многорѣчиваго и вмѣстѣ неяснаго документа. Наборъ общихъ мѣстъ консервативнаго свойства, представляемый этою программой, не могъ однако не имѣть своего спеціальнаго значенія. Спрашивалось только, вправдѣ ли было новое министерство подвести подъ эти общія мѣста то положеніе партій, которое создало республику и изъ котораго возникло самое это министерство? Такъ, напримѣръ, то мѣсто, которое относилось къ „духу подозрительности“, вредному для дѣйствій новаго кабинета, не было ли правильнѣе, согласнѣе съ положеніемъ дѣлъ отнести къ лѣвой сторонѣ, чѣмъ къ бонапартистамъ, къ которымъ оно, безъ всякаго сомнѣнія, относилось по мысли кабинета? Дѣйствительно, относиться съ подозрительностью

въ умѣренной части лѣвой стороны, въ лѣвому центру, который былъ главною дѣйствующею стороною въ новомъ соглашеніи, произведемъ республику и министерство Бюффэ, очевидно, не могло бы быть ни рационально, ни полезно для этого кабинета; политика недозрительности къ лѣвой сторонѣ и республикѣ требовала бы кабинета Брولли, опиравшагося на прежнее большинство, въ которомъ лѣвый центръ не участвовалъ, а не кабинета Бюффэ, который возникъ изъ новаго большинства, состоявшагося при участіи лѣваго центра. А между тѣмъ, никто не сомнѣвался, что приведенное мѣсто программы провозглашало вовсе не необходимость довѣрія къ лѣвой, но желаніе кабинета „менажировать“ бонапартистовъ, избилующихъ въ составѣ администраціи. Съ какой же стати новое министерство сговорило именнo о необходимости падить бонапартистовъ, которые подавали голосъ противъ учредительныхъ законовъ и должны были считаться въ рядахъ самой непримиримой оппозиціи новому юрядку?

Объяснить себѣ этотъ фактъ можно было не иначе, какъ вспомянувъ, что самъ Бюффэ былъ министромъ имперіи, а президентъ республики—маршаломъ Франціи императорской, и что, принимая изъ рукъ новаго большинства республику, они хотѣли прежде всего разбить слишкомъ оптимистскія надежды республиканцевъ, предупредить либеральнѣйшую часть новаго большинства, что они не намѣнены принести ему въ жертву бонапартистскій составъ администраціи и даже желали подать руку возстановленію, буде возможно, прежняго чисто-консервативнаго республиканскаго большинства 24-го мая. „Общія мѣста“ имѣютъ весьма различный смыслъ, смотря по обстоятельствамъ, и вотъ тотъ смыслъ, какой могли имѣть нынѣ въ программѣ министерства тѣ изношенныя формулы консерватизма, изъ которыхъ она была составлена. Ее легко было значительно сократить, переведа ее на общепонятный и опредѣленный языкъ, нисколько не отступая отъ точнаго смысла, единственнаго, какой могли имѣть изложенные выше ея пункты. Установленіе учредительныхъ законовъ было истолковано какъ окончательное установленіе во Франціи республики, и это произвело безпокойство, какъ въ консервативныхъ сословіяхъ и классахъ, такъ и въ средѣ чиновничества, гдѣ есть много бонапартистовъ. Но пусть консерваторы успокоятся: мы будемъ продолжать борьбу съ радикализмомъ; пусть успокоится и многочисленная армія бюрократіи, со всей ея роднею: мы не намѣрены очищать“ ея состава въ угоду республиканцамъ. Напротивъ, мы желали бы, чтобы возсоздалось въ собраніи прежнее, монархистское большинство 24-го мая. Оно разрушилось только потому, что, опасаясь успѣховъ бонапартистовъ, прочія монархическія

партіи согласились съ желаніемъ республиканцевъ дать устойчивость нынѣшнему порядку, опредѣливъ способъ передачи власти изъ однихъ рукъ въ другія. Но теперь, когда это сдѣлано, не нѣтъ повода къ разбѣденію монархистовъ, которые всѣ прежде всего консерваторы, и должны дружно поддерживать правительство въ томъ направленіи, которое знаменуется формулами: „поддержка порядка“ и „спасеніе общества“. Республиканцамъ же, то-есть тѣмъ умѣренной ихъ части, съ которою возможно разговаривать, остается только довольствоваться буквою республики, прописанною въ законѣ, и не добиваться дѣйствительнаго осуществленія республики въ политикѣ и отдѣльныхъ законахъ, если они не хотятъ испугать всѣхъ консерваторовъ и понудить монархистовъ къ рѣшительному шагу для отміны того порядка, который вслѣдствіе ихъ агитаціи оказался бы несомнѣстимымъ съ общественной безопасностью. Мы исполнимъ желаніе орлеанистовъ и будемъ слѣдить за дѣятельностью бонапартистскихъ комитетовъ въ странѣ, но мы отказываемся изгонять ихъ изъ должностей, потому что уважаемъ ихъ „сожалѣнія и убѣжденія“. Въ этихъ видахъ, мы представили имъ проектъ суроваго закона относительно печати; пока такого закона нѣтъ, мы оставляемъ почти половину Франціи въ осадномъ положеніи. Изъ этого признанія вы усмотрите, что для удержанія его нѣтъ рѣшительно никакого иного повода, кромѣ того полного произвола дѣятельности печати, который предоставляется намъ осаднымъ положеніемъ и который особенно необходимъ именно въ Парижѣ, такъ какъ парижская печать вліяетъ на всю страну. Законъ, предоставившій администраціи право назначенія мэровъ, заимствованъ у второй имперіи; онъ прямо противоположенъ началу республиканскому; онъ былъ вотированъ прежнимъ монархистскимъ большинствомъ. Но онъ годится для республики, какъ понимаемъ ее мы, и мы не намѣрены отъ него отказаться потому, что иначе мы лишились бы вліянія на будущіе выборы. Но тамъ, гдѣ въ самой средѣ муниципальнаго совѣта найдется человѣкъ, внушающій намъ довѣріе, мы охотно назначимъ его въ должность мэра, предпочтительно передъ какимъ-нибудь какимъ-нибудь чиновникомъ.

Таковъ былъ истинный смыслъ программы новаго кабинета. Такъ должны были понять ее республиканцы, и такъ они ее поняли. При чтеніи Бюффэ, важнѣйшія мѣста были подчеркнуты одобреніемъ правой стороны, и только вставки о послушаніи учредительнымъ собраніемъ и о защитѣ противъ бонапартистскихъ происковъ (*toute menace factieuse*) вызвали одобреніе лѣвой стороны собранія. Впрочемъ, въ которые республиканскіе органы, и въ числѣ ихъ „*Journal des Debats*“, утѣшали себя мыслью, что министерство Бюффэ, выступивъ

съ такою почти прямо враждебною республикѣ программю, хотѣло гѣмъ только заявить свою самостоятельность отъ лѣваго центра, увѣрить консерваторовъ, что оно не пойдетъ на буксиръ за лѣвой стороною; органы эти думали, что на практикѣ новое министерство все-таки принуждено будетъ сообразовать свои дѣйствія съ тѣмъ положеніемъ, которое было создано голосованіемъ 25-го февраля и присутствіемъ членовъ лѣваго центра въ кабинетѣ. Насколько этимъ оптимистскимъ воззрѣніемъ органовъ лѣваго центра, столь искренно преданнаго соглашенію, суждено оправдаться теперь—сказать еще нельзя, такъ какъ сессія прервалась слишкомъ скоро послѣ заявленія министерской программы. Но практика, успѣвшая обнаружиться на это короткое время, показывала скорѣе, что слова программы имѣли болѣе значенія, чѣмъ полагали умѣренные республиканскіе органы. Въ самомъ дѣлѣ, при послѣдовавшихъ назначеніяхъ нѣсколькихъ мэровъ, почти всѣ они не были избраны изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ, но взяты на сторонѣ. Что же касалось печати, то виды министерства обнаружались весьма ясно случаемъ, представившимся въ Парижѣ. Нѣкто Пессаръ просилъ разрѣшенія издавать новую политическую газету, подъ заглавіемъ „Le Jour“; министръ внутреннихъ дѣлъ Бюффѣ отвѣчалъ ему, 25-го марта, письмомъ: „имѣю честь увѣдомить васъ, что рѣшеніемъ, принятымъ въ совѣтѣ министровъ и сообщеннымъ парижскому губернатору, 31-го іюля 1873 года, правительство постановило не давать ни одного разрѣшенія этого рода. Такъ какъ рѣшеніе это не было отиѣнено, то мнѣ невозможно сообщить г. генералу де-Ладиро отзыва, благопріятнаго вашему желанію“. Итакъ, „республиканское“ министерство Бюффѣ основываетъ свою политику въ вопросѣ, столь близкомъ къ основнымъ принципамъ—на рѣшеніи министерства Брольи, рѣшеніи, принятомъ чрезъ два мѣсяца послѣ испроверженія Тьера, въ самое цвѣтущее время „политики борьбы“ и „нравственнаго порядка!“

Послѣ закрытія засѣданій собранія уже распространились слухи о несогласіяхъ, возникшихъ между членами лѣваго центра, вошедшими въ министерство и прочими министрами. Говорили, что самъ президентъ совѣта считаетъ нынѣшнее министерство непрочнымъ, и заходили доказательства тому въ словахъ, сказанныхъ самимъ Бюффѣ при приемѣ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Весьма понятно, что разногласія успѣли уже возникнуть, хотя министерство еще ничего не сдѣлало. Вредить упроченію республики оно можетъ двоякимъ образомъ: во-первыхъ, проводя реакціонные законы, и, во-вторыхъ, воздерживаясь отъ всякаго „очищенія“ административнаго состава отъ бонапартистовъ, какъ оно уже заявило о томъ. Комиссія, назначенная собраніемъ по поводу выборовъ въ Неврѣ, гдѣ избраніе бона-

партиста Бургуэна сопровождалось стараниями его партіи выставить самого маршала Макъ-Магона тайнымъ приверженцемъ падшей династии, представила свой докладъ 25-го февраля, въ самый день окончательнаго принятія учредительныхъ законовъ. Докладчикомъ и былъ Саварі. Его изложеніе показало, какими обширными средствами располагаетъ бонапартистская пропаганда, какую стройную она имѣетъ организацію, какую неусыпную дѣятельность она проявляетъ, и какъ выгодно именно для нея продолженіе непримиримости и недоразумѣній въ политической жизни Франціи. Содержаніе доклада Саварі было извѣстно депутатамъ ранѣе, чѣмъ онъ былъ прочтенъ, и по всей вѣроятности оказало очень большое вліяніе на готовность праваго центра къ соглашенію съ умѣренными республиканцами. Важнѣйшія данныя были доставлены этой комиссіи полицейскимъ префектомъ Парижа, Леономъ Рено. Въ докладѣ объяснялось, какъ цѣлая сеть бонапартистскихъ комитетовъ, имѣя во главѣ главный комитетъ, управляемый бывшимъ „вице-императоромъ“ Руа, опутываетъ Францію. Организациа эта располагаетъ 80-ю газетами, и органы ея выходятъ за недѣлю въ числѣ полумилліона экземпляровъ. Въ каждомъ департаментѣ, рядомъ съ правительственнымъ префектомъ, есть прежній префектъ имперіи, сохранившій мѣсто рядомъ съ государственной полиціею—правильно-организованная полиція бонапартистовъ, и нерѣдко одно и то же лицо состоитъ въ обеихъ службахъ. Такъ какъ на государственной службѣ, особенно въ арміи, немалое число бонапартистовъ находится доселѣ въ высшихъ должностяхъ, то бонапартистскіе комитеты тамъ, гдѣ не могутъ привлечь къ себѣ чиновника, пугаютъ его своими связями съ прежнимъ его начальствомъ и достигаютъ иногда смѣщеній, которыя производятъ страхъ въ мирѣ служащихъ и убѣжденіе, что само правительство втайнѣ предано бонапартизму и что восстановленіе имперіи невозможно. Многочисленность же бонапартистовъ въ составѣ муниципальной администраціи дѣлаетъ то, что заявленія и дѣйствія каждаго лица должностнаго или частнаго, на виду у этой партіи, и потому вслѣдствіе многихъ боятся получить у нея дурную отмѣтку и затѣмъ, по волеизъявленію имперіи, подвергнуться преслѣдованіямъ. Въ докладѣ Саварі сообщалось между прочимъ письмо одного изъ бонапартистскихъ агентовъ, Пьетри, въ которомъ выражалось, что массы убѣждены въ намѣреніи маршала Макъ-Магона восстановить имперію, и замѣчалось, что это было бы естественно со стороны маршала, и что, какъ бы онъ самъ ни думалъ на этотъ счетъ, бонапартисты должны пользоваться такимъ убѣжденіемъ и распространять его. Докладъ объяснялъ, что въ особенности въ сельскомъ населеніи недоразумѣніе это пускаетъ корни, и весьма распространено убѣжденіе

то имперія будетъ восстановлена, а потому крестьяне охотно и подаютъ голоса на выборахъ за бонапартистскихъ кандидатовъ.

Положимъ, во Франціи нѣтъ большой партіи, которая не имѣла бы всей организаціи, своихъ комитетовъ, органовъ въ палатѣ и т. д. Это огромное преимущество бонапартизму въ этомъ отношеніи даетъ обстоятельство, что имперія пала всего 4 года тому назадъ, существовавъ 18 лѣтъ, и что въ ея распоряженіи находится готовый равительственный составъ, что въ пользу ея восстановления ратуютъ интересы огромнаго числа живыхъ людей, такъ сказать еще только жерея лишившихся какого-нибудь положенія или дохода, что въ числѣ агентовъ находится много людей, которыхъ населенія долгое время ривыбли видѣть своими начальниками, и наконецъ, что истинные цды правительства массамъ непонятны, а понятно имъ только одно, именно, что Макъ-Магонъ—маршалъ императорской Франціи. Достаточно, чтобы новое министерство не дѣлало ничего, пусть бы только очищало администраціи отъ бонапартистовъ и не разсѣивало неразумныя рѣшительными заявленіями въ пользу республики и мѣрами къ ея упроченію — чего трудно ожидать отъ министерства Бюффѣ—и очевидно, что массы бонапартизма должны постоянно возрстать. Вотъ почему для упроченія республики прежде всего необходимо было бы рѣшительно устранить всякое недоразумѣніе отсительно окончательныхъ видовъ правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ истить администрацію отъ бонапартистовъ. Но если признавать, что задачей новаго министерства должно быть не упроченіе республики, а продолженіе того консервативнаго „упроченія основъ“, а горя проще — подготовленія законовъ и другихъ средствъ для доавленія консерваторамъ торжества на будущихъ выборахъ, тогда, зумѣется, оно должно щадить бонапартистовъ и въ собраніи, и въ администраціи. Стало быть, настоявъ въ своей программѣ на томъ, что никакихъ измѣненій въ составѣ администраціи произведено недетъ, Бюффѣ тѣмъ самымъ принялъ положеніе неблагопріятное вить на упроченіе республики и члены лѣваго центра въ кабинетѣ могли не быть недовольны тѣми комментаріями, которые появились по этому поводу въ „Ordre“ и другихъ брганахъ бонапартизма. Бюффѣ, по слухамъ, рѣшительно требовалъ увольненія нѣкоторыхъ эффектвовъ, слишкомъ явныхъ бонапартистовъ; Бюффѣ соглашался только перевести ихъ въ другіе департаменты. Вопросъ о 12-ти доинительныхъ выборахъ, которые имѣютъ быть произведены для гщенія открывшихся въ національномъ собраніи вакансій, остался рѣшеннымъ. Бюффѣ опасался, что они послужатъ новымъ проявленіемъ силы бонапартизма, и полагалъ не торопиться ими, выжидая реченія полного законнаго срока. Пока Бюффѣ давалъ свои объяс-

ненія по этому предмету комиссiи, новый президентъ его, герцъ Одиффрѣ-Пакъѣ закрылъ сессiю, исполняя состоявшееся по этому предмету рѣшеніе собранія. Вакаціи его начались съ 21-го марта и окончатся 11-го мая. Въ постоянную комиссiю, назначенную по этому случаю, собраніе на этотъ разъ избрало членовъ всѣхъ партій, а исключеніемъ однихъ бонапартистовъ. Упомянемъ еще объ извѣстiи, уже дошедшемъ до насъ во время заключенія этого обзора, что разладъ въ кабинетѣ проявился рельефно по поводу циркуляра министра юстиціи, республиканца Дюфора къ прокурорамъ, относительно возбужденія дѣлъ противъ печати, съ которыми не соглашался Бюффѣ.

Въ положеніи карлистскаго дѣла произошли въ прошломъ гдѣсидѣ неожиданныя и довольно существенныя перемѣны: первое проявленіе усталости и недовольства со стороны преданныхъ донъ-Карлосу провинцій и разладъ, произведенный въ самыхъ рядахъ арміи посредничествомъ Кабреры. Рамонъ Кабрера—единственный удѣлившій еще изъ старинныхъ карлистскихъ вождей, котораго имѣли большую популярность на сѣверѣ. Во время первой карлистской войны, его мать и три сестры были умерщвлены християнами, шверженцами того самаго дома, который вновь воцарился нинѣ въ Испаніи въ лицѣ донъ-Альфонса. Кабрера щедрою рукою отплатилъ своимъ врагамъ за это убійство. Онъ прославился своей жестокостью даже въ такое время, когда обѣ стороны разстрѣливали плѣнныхъ. Кабрера принималъ дѣятельное участіе во многихъ карлистскихъ попыткахъ, и имя его значило бы очень много для поднятія карлистскаго дѣла въ 1870 году. Но нынѣшній донъ-Карлосъ разошелся съ нимъ. Вообще, судя о претендентѣ по его частымъ смѣнамъ генераловъ, слѣдуетъ полагать, что онъ человѣкъ въ одно время и твердый, и своенравный. Отношеніе къ нему Кабреры, если признать достовѣрность собственныхъ его словъ, какъ и передавалъ сотрудникъ французской газеты „Figaro“, видѣвшій теперь генералъ въ Парижѣ, были слѣдующаго рода: Кабрера, которому теперь 65 гдѣ давно живетъ въ Англiи, гдѣ и женился, и убѣдился изъ размыслиній и примѣра правильной конституціонной жизни, что дѣло карлизма въ Испаніи въ настоящее время должно быть ведено путемъ не возстанія, которое не можетъ привести къ цѣли, но избирательной агитаціей и парламентской тактикой. Въ 1869 году, какъ увѣрялъ онъ, благодаря избирательной агитаціи, какъ она была устроена при его участіи, изъ 300 избранныхъ депутатовъ 72 были карлисты, и карлизмъ сталъ рѣшительно „входить въ моду“. Въ началѣ 1870 года Кабрера имѣлъ свиданіе съ донъ-Карлосомъ въ Бадень-Баденѣ, и принцъ въ то время совершенно согласился со взглядами Кабреры.

возможности вступленія на престолъ мирнымъ путемъ, но впослѣдствіи онъ поддался совѣтамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ, составившихъ партію войны. Въ апрѣлѣ 1870 года, при новомъ совѣщаніи арлистскихъ вождей, донъ-Карлосъ взялъ свои обѣщанія назадъ и бъявилъ себя за войну. „Я сказалъ ему: вы сами — единственное препятствіе къ осуществленію нашихъ плановъ“, такъ разсказывалъ абрера сотрудику „Figaro“. Все остальное въ этомъ разсказѣ можно оставить безъ вниманія; достаточно привести еще показаніе абреры, что карлистская армія въ настоящее время состоитъ всего изъ 5 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ только 6 тыс. находятся въ удовлетворительномъ устройствѣ. Вѣрно или невѣрно переданы газетой слова знаменитаго карлистскаго генерала, но главному факту, который ими обнаруживается, легко повѣрить: Кабрера не хотѣлъ войны, совѣтывалъ отъ войны, считалъ успѣхъ войны невѣроятнымъ. Это юлиѣ авторитетное мнѣніе весьма важно для нашего сужденія о шансахъ карлистовъ. Повѣрить, что таково именно было мнѣніе абреры съ самаго начала, тѣмъ легче, что иначе было бы непонятно, почему донъ-Карлосъ не поручилъ бы ему съ самаго начала командованіе своей арміей. Мы помнимъ изъ первыхъ газетныхъ корреспонденцій изъ сѣверныхъ провинцій, при началѣ войны, что тамъ дали донъ-Рамона, ждали его съ фанатическимъ вѣрованіемъ въ почти легендарную силу. Въ то время появленіе его въ горахъ (но равнялось бы для донъ-Карлоса цѣлой арміи. Если Кабрера не явился, то этому не могло быть иной причины, кромѣ его собственнаго нежеланія. Какъ бы своенравенъ ни былъ претендентъ, его интересъ привлечь къ себѣ Кабреру былъ слишкомъ очевиденъ.

Но отъ нежеланія участвовать въ войнѣ, по его мнѣнію, напрасно, до личнаго вмѣшательства для ея прекращенія еще далеко. Для того, чтобы рѣшиться на это, для того, чтобы стать на сторону донъ-Альфонса противъ донъ-Карлоса во время военныхъ дѣйствій, Кабрерѣ нужно было принять на себя отвѣтственность въ мнѣніи тому дѣлу, котораго онъ являлся доселѣ знаменитѣйшимъ представителемъ, и признаться самому себѣ, что тѣ потоки крови, которые были пролиты имъ прежде, тѣ безчисленныя казни, которыя въ предѣ своей совѣстью, вѣроятно, извинялъ святостью дѣла законнаго короля, необходимою спасти Испанію отъ революціоннаго чала, были напрасны и должны лечь на его личную отвѣтственность, какъ ужасная ошибка, нынѣ торжественно имъ сознанная. Это можетъ, этотъ вопросъ, который не могъ ему не представиться, онъ рѣшилъ противъ себя, вооружась особымъ нравственнымъ гѣйствомъ, счелъ долгомъ лучше запятнать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ соотечественниковъ, чѣмъ не сдѣ-

лать того, что онъ сдѣлалъ для восстановления мира. Но свѣтъ и довѣрчиво относится къ возможности такой нравственной высоты и не только въ Испаніи, но и за ея границами найдется немало людей, которые не сочтутъ Кабреру предателемъ. Богатое приданое, которое онъ взялъ за женой, и обѣщаніе, высказанное имъ нигдѣ не принимать отъ правительства дона-Альфонса никакой платной должности, никакого почетнаго титула, до нѣкоторой степени могутъ освобождать его отъ прямого подозрѣнія въ подкупѣ. Но дѣлѣ тѣмъ не менѣе выходитъ нехорошее, хотя и нельзя не пожелать, чтобы хоть такимъ путемъ положенъ былъ конецъ безплодной рѣзни.

Пріѣхавъ, въ началѣ марта, въ Парижъ, Кабрера вступилъ въ переговоры съ агентами альфонсистскаго правительства, заключилъ съ ними формальный трактатъ (convenio) отъ имени карлистскій арміи, и написалъ прокламацію отъ своего имени къ карлистамъ. Приводимъ эту прокламацію: „За Бога, отечество и короля—гиситъ наше знамя. Впередѣ—Богъ, потомъ—отечество, и наконецъ—король. Забывать для короля Бога и губить отечество, значило бы разрывать наше знамя. Тѣ же причины, которыя уничтожили наши усилія въ 1839 и 1848 годахъ, проявились и нынѣ. Обязаны ли же мы вѣчно возвращать то зерно раздора, которое осуждаетъ наше отечество на вѣчное мученіе? Обязаны ли мы провозглашать христіанскую любовь, стоя на трупахъ? Благородная кровь нашихъ солдатъ проливается въ славныхъ, но бесполезныхъ бояхъ. Страна, которая сознаетъ свою цѣну и свои силы, тщетно ждетъ малѣйшаго указанія отъ тѣхъ, кто ведетъ ее, на политику, которой они нагребши держаться. Предъ нами либеральная Европа, и доселѣ ничего не сдѣлано, чтобы привлечь къ нашему дѣлу добрые ея элементы. Обращаюсь къ вашему разуму и вашимъ чувствамъ. Если вы послѣдуете за мною, вы совершите великое дѣло, ибо въ такомъ случаѣ вы послушаетесь голоса любви къ отечеству, которая выше всего ставитъ миръ. Если же нѣтъ—то знамя наше будетъ разорвано: вы останетесь при королѣ, а я становлюсь на сторону Бога и отечества“. Къ этой прокламаціи приложенъ былъ текстъ трактата въ 9-ти пунктахъ, заключеннаго Кабрерою съ правительствомъ Альфонса XII-го въ пользу карлистовъ, которые пожелаютъ, подобно ему, перейти царствующему государю. Сущность этого convenio состояла въ слѣдующихъ условіяхъ: правительство признаетъ и подтверждаетъ за бискайскими провинціями и Наваррою ихъ особня права (fueros), въ томъ видѣ, какъ они существовали до настоящей войны; но правительство отказывается впередъ отъ этого обязательства въ отношеніи къ той провинціи, которая въ теченіи мѣсяца, со дня

обнародованія договора въ „Мадридской официальной газетѣ“, не поворится королю Альфонсу XII. Генералы и офицеры карлистской арміи вступаютъ въ армію правительства съ сохраненіемъ ихъ чиновъ и орденовъ за тѣми изъ нихъ, которыхъ патенты будутъ признаны правильными Кабрерою, при возлагаемой лично на него повѣркѣ; тѣмъ же преимуществомъ могутъ воспользоваться и гражданскіе чиновники карлистской службы. Но преимуществомъ этимъ могутъ воспользоваться только тѣ лица, которыя покорятся правительству въ мѣсячный срокъ. Генералу Кабрерѣ предоставляется представлять въ должностямъ и наградамъ и такихъ офицеровъ, которые, хотя бы и не состояли прежде дѣйствительными начальниками, но заслуживали своимъ поведеніемъ такой милости. Наконецъ, правительство обязывается, въ согласіи съ кортесами, дать общинамъ и частнымъ лицамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили военныя дѣйствія, вознагражденіе за понесенныя ими матеріальныя потери. Договоръ былъ помѣченъ 11-мъ марта 1875 года и носилъ на себѣ слѣдующія подписи: Рамонъ Кабрера—со стороны карлистовъ; ерцогъ де-Сантонья, маркизъ Мансанедо и Мерри-дель-Валь—со стороны правительства.

Предположено было одновременно нанечатать этотъ договоръ и прокламацію Кабреры въ официальной мадрридской газетѣ и распространить ихъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ карлистами, и въ ихъ арміи. Но донъ-Карлосъ узналъ о „заговорѣ“ ранѣе, отъ племянника своего Кабреры, Гомедеса. Затѣмъ еще ранѣе, чѣмъ документы были официально обнародованы, они появились въ парижской клерикальной газетѣ „Univers“. Такимъ образомъ, вслѣдствіе обратной измѣны, кружавшей самую попытку Кабреры къ измѣнѣ, донъ-Карлосъ могъ принять мѣры къ предупрежденію ея дѣйствія, насколько то отъ его зависѣло. Онъ предупредилъ свои войска насчетъ попытокъ епріятеля къ поселенію среди нихъ недовѣрія и раздора, вызывая бѣявленія нѣсколькихъ муниципальныхъ конгъ, осуждавшія измѣну Кабреры; а когда прокламація его и текстъ соупенію были обнародованы, издалъ декретъ, лишавшій Кабреру титуловъ, чиновъ, орденовъ и предписывавшій немедленное разстрѣляніе его, согласно приговору военнаго суда, какъ только онъ попадетъ въ руки карлистовъ. Измѣнѣ не менѣе, вмѣшательство Кабреры произвело то дѣйствіе, что въ рядахъ карлистовъ усилилось дезертирство. Главные вожди карлистовъ, Доррегарэ, Мендири, Сабальс, Тристан, съ своей стороны, потествовали противъ прокламаціи Кабреры. Но не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы альфонсистскимъ войскамъ удалось вскорѣ одержать значительную побѣду надъ карлистами, то готовый договоръ, подписанный Кабрерою, произвелъ бы весьма сильное дѣйствіе. Но

Кабрера очевидно думалъ, что достаточно будетъ появленія его прокламаціи, чтобы произвести немедленно отпаденіе значительной часті карлистской арміи; иначе онъ не назначилъ бы въ договоръ имень мѣсячнаго срока. Но если онъ ожидалъ такого результата, то ошибся. Во всякомъ случаѣ, онъ нанесъ значительный ударъ карлистскому дѣлу, возбудивъ недоувѣріе къ успѣху. Вскорѣ послѣ обнародованія договора, нотабли, созванные въ Наваррѣ донъ-Карлосомъ для установленія дополнительныхъ налоговъ, рѣшились прямо отвергнуть это требованіе, ссылаясь на истощеніе страны.

Что касалось военныхъ дѣйствій, то и они въ послѣднее время не были благоприятны карлистамъ. Когда по воцареніи Альфонса онъ самъ отправился въ армію, состоявшую подъ главнымъ начальствомъ Ласерны, въ концѣ января, и генералы его, Моріонесъ и Примо-де-Ривера, двинулись изъ Тафаллы на Памплону, то единственнымъ результатомъ такого движенія было освобожденіе этого города, столицы Наварры, отъ осады. Затѣмъ, они атаковали карлистовъ въ крѣпкихъ позиціяхъ на Карраскалѣ, и взявъ нѣкоторыя изъ этихъ позицій, подошли довольно близко къ Эстелльѣ. Моріонесъ и Примо-де-Ривера хотѣли воспользоваться этимъ успѣхомъ, чтобы взять укрѣпленныя позиціи карлистовъ вокругъ Эстеллы, завладѣли Лоркою, Мурильо и Лакаромъ и открыли огонь по Санта-Барбара, и снаряды ихъ попадали уже въ самую Эстеллю. Но карлистскій генералъ Мендири нанесъ бригадѣ Бархеса чувствительное пораженіе при Лакарѣ 3-го февраля, отнявъ у нихъ снова эту позицію и тѣмъ лишивъ ихъ возможности приступить къ осадѣ Эстеллы. Это пораженіе побудило Ласерну къ отступленію, и серьезныя военныя дѣйствія, по обычаю, прервались на цѣлый мѣсяцъ. Испанскій солдатъ, получая по тебету (франку) въ день, не хочетъ серьезно драться болѣе раза въ мѣсяцъ, оцѣнивалъ, такимъ образомъ, свое участіе въ генеральной битвѣ въ 30 франковъ. Донъ-Альфонсъ 13-го февраля возвратился въ Мадридъ не въ особенно хорошемъ настроеніи духа и занялся приемомъ иностранныхъ посланниковъ, подносившихъ ему грамоты, свидѣтельствовавшія о признаніи его державами. Изъ числа посланниковъ, представители Англіи и Германіи выразили въ своихъ рѣчахъ надежду, что король будетъ править согласно конституціоннымъ принципамъ и сохранить вѣротерпимость, установившуюся за послѣдніе годы. Альфонсъ XII, повидимому, усмотрѣлъ въ такихъ совѣтахъ оскорбительное вмѣшательство во внутреннія дѣла Испаніи, потому что ни словомъ не отвѣчалъ на заявленіе такихъ надеждъ, но ограничился увѣреніемъ въ своей дружбѣ къ королевѣ великобританской и германскому императору. Сестра донъ-Альфонса, вдова графа Джирдженти, прибыла въ мартѣ въ Мадридъ.

чтобы помогать молодому королю въ „представительствѣ“, то-есть приемахъ. Декретомъ, вышедшимъ въ мартѣ, ей, какъ наслѣдницѣ своего брата (вслѣдствіе отмины салического закона при вступленіи на престолъ Изабеллы) присвоенъ былъ титулъ принцессы астурийской. Принцессу считаютъ преданною клерикальной партіи. Другимъ декретомъ возвращены были титулы и чинъ генерала герцогу Монпансѣ.

Еще до этихъ декретовъ, въ половинѣ февраля, Альфонсъ смѣнилъ Ласерну, назначивъ главнокомандующимъ сѣверной арміею генерала Кесаду, который до этого времени командовалъ центральнымъ корпусомъ и уступилъ начальство надъ нимъ генералу Эчагѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ отозваны были съ сѣвера Моріонесъ и Примо де Ривера: Моріонесъ, какъ говорили, по интригамъ клерикаловъ, которые ненавидятъ его за либерализмъ, а Примо—вслѣдствіе сильнаго ропота между солдатами, которые обвиняли его въ томъ, что при послѣднихъ штурмахъ карлистскихъ позицій онъ напрасно велъ ихъ на убой. вмѣсто этихъ генераловъ, корпуснымъ командиромъ въ сѣверную армію назначены были Бассольсъ и Эчеварриа. Карлисты думали воспользоваться своимъ успѣхомъ, чтобы внезапно овладѣть неприступнымъ Бильбао, котораго имъ еще ни въ одну изъ войнъ не удавалось взять и отъ котораго отбилъ ихъ въ прошломъ году Конча. Но это предпріятіе не удалось. Приступъ, при которомъ обѣ стороны дрались съ большимъ упорствомъ и понесли значительныя потери, былъ отбитъ, и карлисты удалились отъ Бильбао. Затѣмъ, съ театра войны сообщалось много извѣстій о побѣдахъ той и другой стороны, но всѣ эти извѣстія или не оправдались, или оказались преувеличенными, и не было ни одного значительнаго дѣла до половины марта, когда въ Каталоніи Мартинесъ-Кампосъ разбилъ карлистскій отрядъ вблизи Олота, и 21-го марта занялъ этотъ городъ, взявъ у карлистовъ 300 плѣнныхъ. Разбитый при этомъ карлистскій отрядъ состоялъ изъ 6 т. чел., подъ начальствомъ Сабалльса, Тристани и Лиссарраги. Потеря Олота, сепарціо Кабреры и отказъ наваррскихъ нотаблей въ новыхъ налогахъ—вотъ послѣдніе факты въ карлистской войнѣ, и всѣ они неблагопріятны дѣлу претендента. Послѣднія извѣстія, какія мы имѣемъ подъ рукою, доходятъ до 1-го апрѣля и сообщаютъ о вторженіи карлистовъ въ Сантандеръ, о слухахъ, будто донъ-Карлосъ предпринимаетъ вторгнуться въ Кастилью, что было бы съ его стороны отчаяннымъ поступкомъ, и вмѣстѣ о заявленіяхъ въ пользу мира нѣсколькихъ карлистскихъ офицеровъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 марта 1875.

ОБЗОРЪ СЕССИИ ПРУССКАГО ЛАНДТАГА.

Три дня тому назадъ наконецъ настало затишье въ мельничномъ шумѣ парламентскихъ преній. Въ самомъ дѣлѣ, кто не переживаетъ самъ, тотъ едва ли въ состояніи представить себѣ, какъ утомительны эти парламентскія пренія, и если кто способенъ сжиться съ прусскимъ парламентаризмомъ, доведеннымъ теперь до излишества, тотъ дѣйствительно долженъ отличатся особеннымъ здоровьемъ. Если бы въ Германіи старались убить свуку, какъ во Франціи, то убили бы парламентаризмъ, и государственный переворотъ, затѣянный для этого правительствомъ, заслужилъ бы общее одобреніе; но въ Германіи всякое дѣло ведется съ педагогическою серьезностью, и терпѣе есть національная добродѣтель, или, можетъ быть, порокъ нѣмецъ, отъ котораго они никогда не избавятся. До какихъ размѣровъ онъ доходить, доказываетъ лучше всего то обстоятельство, что проектъ государственныхъ расходовъ на 1875 годъ при второмъ чтеніи въ палатѣ депутатовъ занялъ 12 долгихъ засѣданій, весь результатъ которыхъ заключался въ томъ, что измѣнены были три статьи правительственнаго проекта, а притомъ двѣ изъ нихъ выброшены, именованно 40,000 талеровъ на покупку помѣщенія для провинціального управленія въ Данцигѣ и 630 талеровъ на издержки по устройству помѣщенія для полиціи въ Висбаденѣ, тогда какъ палата увеличила требуемыя правительствомъ 400,000 талеровъ на уплату старыхъ военныхъ долговъ Шлезвигъ-Голштиніи до 1.500,000 талеровъ, такъ что сумма бюджета увеличена на 1,1 милліона талеровъ или 3,1 милліона марокъ, при общей суммѣ бюджета почти въ 695 милліоновъ марокъ.

По строго-конституціоннымъ понятіямъ, задача парламента при обсужденіи бюджета состоитъ въ томъ, чтобы умѣрять требованія правительства, однако мыслимы и такіе случаи, когда парламентъ съ полнымъ правомъ можетъ требовать даже увеличенія издержекъ; но достигнутые въ настоящемъ случаѣ результаты совершенно ничтожны, въ особенности если считать потери. Вслѣдствіе этого замедленія становится въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы относительно расширенія самоуправленія (парламентаризмомъ и т. п.) былъ достигнутъ хотя какой-нибудь замѣтный результатъ, и опытливіише члены парламента даже имѣли въ виду, чтобы сессія въ этомъ на-

правленіи не дала никакого результата. Откуда ведетъ начало это стремленіе, трудно сказать. Можетъ быть, не ошибаются тѣ, которые объясняютъ это чувствомъ общаго утомленія отъ такой продолжительной сессіи, а также въ чувствѣ подчиненности сравнительно съ рейхстагомъ, который низвелъ всѣ собранія отдѣльныхъ государствъ на степенъ провинціальныхъ собраній, какъ ни стремятся они къ противоположному.

Послѣдняя сессія палаты депутатовъ, — единственное, могущее интересовать иностранцевъ, — есть принятіе предложеннаго правительствомъ закона объ уничтоженіи государственнаго содержанія для католическихъ епископствъ и духовенства, до тѣхъ поръ пока они не подчинятся государственнымъ законамъ. Проектъ закона содержитъ только 15 параграфовъ. Въ первомъ постановлено, что въ прусскихъ епархіяхъ, а также въ прусскихъ частяхъ епархій Пражской, Ольмюцкой, Фрейбургской и Майнцкой со дня обнародованія закона всѣ суммы, назначенныя на епископства и на принадлежащія къ нимъ учрежденія и духовенство, причисляются къ государственнымъ суммамъ. Отчисленныя суммы (такъ постановлено въ § 2) вновь начинаютъ выдаваться, какъ только находящійся теперь въ должности епископъ или управляющій епархіею письменно обязатся передъ правительствомъ подчиниться государственнымъ законамъ. Въ § 3 опредѣлено, что архіепископство Гнѣзенско-Познанское и епископство Падерборнское (епископы которыхъ лишены должностей по приговору духовнаго суда) получать суммы тотчасъ же, такъ только управляющіе епархіею или новые епископы будутъ постановлены по указаніямъ закона. — Извѣстно, что духовенство отказывается признать компетентность духовнаго суда и приступить къ новымъ выборамъ. Ближайшіе затѣмъ §§ заключаютъ только выводы или дополненія предыдущихъ, а въ основаніи важны тѣ, которые имѣютъ въ виду возможность равногласія между епископомъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ относительно вопроса о подчиненіи. Въ этомъ отношеніи возможны два случая: или можетъ подчиниться епископъ, а всѣ или нѣкоторые духовные его епархіи не сдѣлаютъ этого, или наоборотъ. Въ первомъ случаѣ правительство возобновляетъ плату суммъ подчинившемуся духовенству. Второй случай въ практическомъ отношеніи важнѣе, такъ какъ вообще болѣе можно надѣяться на то, что нѣкоторые члены низшаго духовенства подчинятся скорѣе епископовъ, стоящихъ вообще во главѣ сопротивленія. На этотъ случай постановлено: если духовное лицо само за себя даетъ правительству обязательство повиноваться государственнымъ законамъ, или если оно обнаруживаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ склонность къ этому, то правительство можетъ возобновить ему содержаніе. Осо-

бенно важно еще положеніе, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ возобновлено содержаніе для духовныхъ изъ государственныхъ суммъ, правительство не считаетъ своею обязанностью заботиться о частныхъ доходахъ и расходахъ епископствъ и принадлежащихъ къ нимъ учреждений. Это относится къ тѣмъ частнымъ доходамъ, по которымъ духовныя учрежденія и лица имѣютъ право обращаться къ суду, какъ только лица обязанныя платить имъ превращаютъ платежи.

Законъ былъ предложенъ палатѣ депутатовъ 4-го марта (20-го февраля), слѣдовательно нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ сдѣлалась извѣстною здѣсь папская энциклика отъ 5-го февраля. Очень естественно, что существуетъ общее мнѣніе, будто бы предложеніе закона сдѣлано вслѣдствіе этого новаго акта папы; въ этомъ предположеніи утвердились тѣмъ сильнѣе, что и въ числѣ мотивовъ къ предложенію было точно указано на энциклику, причѣмъ было сказано, что государство не можетъ допускать своихъ противниковъ усиливаться въ ихъ сопротивленіи, и всего менѣе въ тотъ моментъ, когда „энциклика папы отъ 5-го февраля прусскіе и германскіе церковные законы называетъ для католическаго міра негодными и санкціонируетъ сопротивленіе противъ нихъ“.

Впослѣдствіи однако это предположеніе,—я не совсѣмъ понимаю, по какимъ причинамъ,—оспаривалось, причѣмъ полагали, что совпаденіе внесенія закона въ парламентъ съ обнародованіемъ энциклики было чисто случайное, и что законъ былъ подготовленъ еще раньше. Послѣднее во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что князь Висмаркъ, какъ хорошій полководецъ, предусматривалъ всѣ вѣроятности борьбы противъ Рима и подготовилъ средства къ нападенію. Но точно также вѣроятно и то,—и министръ народнаго просвѣщенія подтвердилъ это,—что энциклика ускорила предложеніе закона. Между правительственными дѣятелями господствуютъ два направленія,—во главѣ одного стоитъ князь Фалькъ, во главѣ другого—князь Бисмаркъ. Фалькъ стоитъ за болѣе медленное, Бисмаркъ—за быстрое совершеніе дѣла. Первый всегда хочетъ посмотрѣть сперва, какое дѣйствіе будетъ имѣть существующій законъ, послѣдній считаетъ, что чѣмъ скорѣе готовъ весь аппаратъ, тѣмъ лучше. Этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто между ними есть равногласіе въ принципахъ; напротивъ, очень рѣдко, можетъ быть, можно встрѣтить въ одномъ правительствѣ двухъ человѣкъ, которые бы дѣйствовали столь единодушно, какъ эти. Точно также нельзя предполагать въ Фалькѣ недостатка энергіи или мужества, но это только слѣдствіе темперамента. Натуры ихъ можно сравнить съ неукротимымъ Влюхеромъ и осмотрительнымъ Гвейсеномъ, которые, несмотря на различіе, превосходятъ ладилы. Надъ

обѣими стоитъ король, какъ рѣшающій факторъ. Навѣрное ему борьба не совсѣмъ пріятна, и онъ съ удовольствіемъ прожилъ бы свои послѣдніе годы въ мирѣ, но въ немъ надъ всѣмъ берутъ верхъ заботы о государствѣ, можетъ быть болѣе, чѣмъ въ великомъ его предшественникѣ. Когда ему кажется, что государство подвергается опасности, когда онъ видитъ стремленіе уничтожить его самостоятельность, тогда онъ становится тверже и неподатливѣе камня. Только вслѣдствіе этого согласія и возможна борьба, о трудностяхъ которой иностранцы до сихъ поръ не имѣютъ настоящаго понятія, и можетъ быть даже думаютъ, что она направлена противъ свободы совѣсти и религіи.—Въ насмѣшку указываютъ на то, что культурная борьба обнаруживается въ цѣлой массѣ ежедневныхъ обвиненій въ судахъ. Но я того мнѣнія, что уже самое слово „культурная борьба“ само по себѣ не должно бы выпучивать. Впервые оно сказано Вирховымъ, который хотя по временамъ и можетъ заблуждаться, но безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ и наиболѣе свободномыслящихъ людей, изъ всѣхъ современниковъ; онъ навѣрное ни за что не согласился бы дать свое согласіе на такую мѣру, которая была бы по его мнѣнію вредна для свободы.

Главный пунктъ, на которомъ сосредоточивается церковная борьба, со времени закона объ іезуитахъ, есть главенство, требуемое для себя католическою церковью въ церковныхъ дѣлахъ. Епископы сознаются, что они могли бы дѣлать многое изъ того, что отъ нихъ требуется государствомъ. Они и дѣлаютъ это въ другихъ мѣстахъ, и только въ Пруссіи отказываются отъ этого. Такимъ образомъ, еще недавно папа дозволилъ епископу Рюдигеру въ Линцѣ (въ Австріи), большому охотнику до споровъ, подчиниться церковнымъ законамъ, которые тотъ сперва отвергъ и которые основаны на тѣхъ же началахъ, какъ и прусскіе. Причина этого очевиднаго противорѣчія, которое обнаруживается постоянно со стороны ультрамонтановъ, заключается въ самой сущности ихъ понятія о католической церкви. Католическая церковь признаетъ, такъ же, какъ и евангелическая, что она выполняетъ свое назначеніе, въ качествѣ учителя людей, по опредѣленію Бога; но въ политическомъ отношеніи между обѣими церквями замѣчается громадная разница: по отношенію къ государству, евангелическая церковь выполняетъ свое призваніе, *уча* и управляя только *священными* предметами; католическая, напротивъ, имѣетъ притязаніе на *господство*. Католическая церковь полагаетъ, что епископы, если только имъ это кажется необходимымъ въ интересахъ спасенія душъ, имѣютъ отъ Бога полномочіе править и издавать законы. Признавая этотъ догматъ, вслѣдствіе логической послѣдовательности, необходимо придти къ признанію того, что только

папа и епископы могутъ опредѣлять границы своей власти надъ управляемой ими областью. Ясно, что въ этомъ-то и заключается и заключалась вся суть столкновений между церковью и государствомъ.

Если кто захочетъ уяснить себѣ, что собственно заключаетъ въ себѣ упомянутое положеніе католической церкви, къ какимъ выводамъ оно неизбѣжно приводитъ, тотъ не долженъ забывать, что, по католическому вѣрованію, церковная община, управляемая папою, *одна только и составляетъ церковь*; другихъ христіанскихъ церквей, кромѣ нея, не существуетъ. Въ церковь, т.-е. въ эту единственную церковь, принимаются вслѣдствіе крещенія, слѣдовательно, каждый духовно-крещенный принадлежитъ къ католической церкви. Это неоспоримая догма, которую самъ папа призналъ въ письмѣ къ королю Вильгельму, отъ 7-го августа 1873 года, причемъ онъ сказалъ, что каждый крещенный, такимъ или инымъ образомъ, подлежитъ наблюденію папы. Папа, слѣдовательно, считаетъ себя призваннымъ заботиться о душахъ всѣхъ крестившихся. Выполняя это призваніе чрезъ посредство епископовъ и духовенства, онъ передаетъ ихъ заботамъ души всѣхъ крестившихся въ ихъ округахъ: послушныхъ католиковъ—ихъ молитвамъ о спасеніи душъ, а еретиковъ—ихъ заботамъ объ обращеніи на путь истинный.

Что же дѣлаетъ церковь относительно душъ еретиковъ?—спрашиваетъ извѣстный преподаватель церковнаго права, д-ръ Мейеръ.

Она имѣетъ на счетъ этого подробныя предписанія, которыя исходятъ изъ ея мнѣнія о сущности вѣры, необходимой для спасенія. Евангелическая церковь считаетъ вѣру божественнымъ даромъ, который не можетъ быть навязанъ насильственно; католическая церковь считаетъ вѣру, напротивъ, подчиненіемъ церковному авторитету, признанному божественнымъ, т.-е. считаетъ ее послушаніемъ. Послушаніе же можетъ быть вынуждено, и оно должно быть вынуждено, если оно составляетъ необходимое условіе для спасенія, и это должно лежать на обязанности лицъ, призванныхъ для этого Богомъ и имѣющихъ необходимую для этого силу. На этомъ зиждется церковный порядокъ о способахъ, посредствомъ которыхъ выражается забота о душахъ еретиковъ. Сперва попытка обратить ихъ поученіями; если она окажется неудачною, тогда очевидно, что ересь является не простымъ, но упорнымъ заблужденіемъ (технически, разница эта выражается словами—матеріальная и формальная ересь), и тогда для ея искорененія употребляется сила. Если кроткія мѣры оказываются неудачными противъ непослушанія, то употребляютъ болѣе сильныя, а если и эти не дѣйствуютъ, то остаются еще костры. Вотъ установленное церковью въ средніе вѣка право объ еретикахъ. Для выполненія его употреблялась государственная власть, пока она

подчинена была церкви, и это право, какъ всё церковныя права, строго соблюдалось. Последнее понудительное средство наиболѣе нравилось церкви. Формы, въ которыхъ оно прилагалось, измѣнялись, но само оно оставалось неизмѣннымъ. Церковь не взяла назадъ еще ни одного изъ своихъ положеній; она даже не можетъ сдѣлать этого, такъ какъ ея право объ еретикахъ есть только выраженіе ея догмата.

Что католическая церковь не взяла назадъ ни одного изъ своихъ положеній, въ достаточной мѣрѣ доказано силлабусомъ 1864 года. Кто изъ свободно-мыслящихъ и просвѣщенныхъ людей нашего времени хотя на минуту впадетъ въ сомнѣніе при настоящемъ спорѣ относительно того, не грозитъ ли дѣйствительно опасность свободѣ вѣрованій кого-нибудь, не есть ли лицемѣріе признаніе германскихъ либераловъ этой борьбы—борьбою культурною, тому слѣдуетъ прочесть силлабусъ, положенія котораго облечены высшимъ авторитетомъ. Вотъ, напримѣръ, § III, въ которомъ сказано: „индифферентизмъ и вольнодумство приводятъ къ слѣдующимъ заблужденіямъ (силлабусъ имѣетъ, какъ извѣстно, такую форму, что въ немъ перечисляются заблужденія, проклинаемыя папою): „Каждый человекъ свободенъ принимать и исповѣдывать ту религію, которую онъ, по своему разуму, считаетъ истинною“. „Люди могутъ найти путь къ спасенію и достигнуть вѣчнаго блаженства, исповѣдуя какую бы то ни было религію“. „Протестантизмъ есть не что иное, какъ другая форма той же истинной христіанской религіи, въ которой можно также угождать Богу, какъ и въ католической церкви“. Въ § 10-мъ, который говоритъ о заблужденіяхъ, связанныхъ съ современнымъ либерализмомъ, отвергаются слѣдующія положенія: „77) Въ наше время нѣтъ никакой пользы признавать одну только католическую религію государственною религіею, исключая всѣ другія. 78) Поэтому похвально, что въ извѣстныхъ католическихъ странахъ постановлено закономъ, что поселенцамъ дозволяется открыто совершать богослуженія, какой бы религіи они ни были. 79) Такъ какъ совершенно ложно, будто бы государственная свобода всѣхъ вѣроисповѣданій и гарантированная для всѣхъ полная свобода обнародовать свои мнѣнія и взгляды легко приводитъ къ порчѣ нравовъ и нравственности, и способствуетъ распространенію заразы индифферентизма“. Слѣдовательно, папа считаетъ государственную свободу безбожнымъ заблужденіемъ, онъ считаетъ безбожнымъ заблужденіемъ признаніе протестантской религіи одною изъ формъ истинной религіи и т. д.

Ультрамонтаны, конечно, оказываются вездѣ, гдѣ они остаются въ меньшинствѣ, пламенными защитниками свободы; они, напр., въ предпоследнемъ рейхстагѣ не могли и слышать о какихъ-либо законахъ о печати, который, по ихъ мнѣнію, стѣсняетъ свободу, тогда

какъ силлабусъ самымъ рѣзкимъ образомъ отвергаетъ свободу печати; но это двоедушіе и лицемеріе въ настоящее время настолько прозрачны, что не способны никого ввести въ заблужденіе, и союзъ между либералами и ультрамонтанами теперь болѣе не возможенъ. Но какъ только ультрамонтаны гдѣ-либо захватываютъ власть, то они совсѣмъ забываютъ свои прежнія фразы о свободѣ, и думаютъ только о насильственномъ введеніи силлабуса. Такимъ образомъ, правительство короля Альфонса, въ которомъ ультрамонтанскіе элементы хотя не всемогущи, но все-таки очень вліятельны, скорѣе всего позаботилось объ уничтоженіи закона о гражданскихъ бракахъ, тогда какъ Германія въ этомъ году установила такой законъ.

Либералы въ Германіи издавна имѣютъ одинъ и тотъ же недостатокъ, которому подвержены и германскіе ученые (германская наука представляетъ главнѣйшій источникъ германскаго либерализма)—всі они идеологи. Стоитъ только вспомнить 1848 годъ, когда франкфуртскій парламентъ, полный патриотическихъ стремленій, но не имѣя ни малѣйшаго практическаго политическаго понятія о государственномъ строѣ Германіи, настроилъ воздушныя замки, которые никогда не могли сдѣлаться обитаемыми. Стоитъ подумать о томъ, что съ 1848 по 1850 годъ не было ни одного человѣка, который бы въ опредѣленія понятій объ управленіи внесъ хотя малѣйшее сомнѣніе относительно полной независимости церкви (что, конечно, нѣло во благо только католической церкви). Причина этого главнымъ образомъ заключалась въ заблужденіи, которое само по себѣ достойно уваженія, но способно приводить къ страшнымъ ошибкамъ,—это вѣра въ могущество духовныхъ средствъ, просвѣщенія и прогресса. Я, конечно, питаю къ нимъ величайшее уваженіе и вполне цѣню саркастичность словъ въ Фаустѣ:

Verachte nur Vernunft und Wissenschaft,
Der Menschen allerhöchste Kraft!

но думать, что они одни въ состояніи подвигать міръ впередъ—роковое заблужденіе. Еслибы это было справедливо, то никогда не могло бы быть регресса: мудрость египтянъ не была бы покрыта развалинами, а Греція и Римъ не были бы разрушены варварами. Эта связь между духомъ и матеріею до сихъ поръ остается мало понятною для людей и постоянно забывается, хотя все понятіе о современномъ государствѣ основано на ней, и хотя на нее обращали вниманіе еще греческіе мудрецы (ἐν καὶ πᾶν).

Римско-католическая церковь, напротивъ (т.-е. въ противоположность либераламъ), вполне практична; она вездѣ пользуется политическими и дипломатическими средствами—*силою*. Въ превосходномъ, извѣстномъ и у васъ въ Россіи, сочиненіи объ исторіи раціонализма

въ Европѣ, англичанинъ Лекки говоритъ: „вмѣшательство мірской власти оказываетъ почти столь же сильное вліяніе на религіозныя убѣжденія, какъ и на ихъ признаніе. Такъ какъ, хотя въ исторіи мнѣній, какъ въ степеняхъ развитія отражающейся въ нихъ цивилизаціи, дѣйствительно существуетъ извѣстный порядокъ и послѣдовательность, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вполнѣ нарушены, однако не менѣе справедливо и то, что человѣкъ можетъ въ высшей степени ускорить, замедлить и видоизмѣнить ихъ. Мнѣнія 99-ти человѣкъ изъ 100 главнымъ образомъ развиты воспитаніемъ, а правительство можетъ рѣшить, въ какія руки слѣдуетъ передать воспитаніе, какіе предметы оно должно обнимать и къ какимъ началамъ должно стремиться. Исслѣдованіе показываетъ, что въ великихъ борьбахъ между разумными основаніями и преслѣдованіемъ послѣднее всегда побѣждаетъ. Преслѣдованіе истребило христіанство въ Японіи и разрушило прѣкрасныя надежды альбигойцевъ; оно истребило всякіе слѣды протестантизма въ Испаніи. Франція представляетъ повидимому, и долгое время была на самомъ дѣлѣ главною представительницею католицизма, но ея католичество произошло главнымъ образомъ изъ Варооломеевской ночи и уничтоженія Нантскаго эдикта. Англія сдѣлалась теперь главнымъ образомъ страпою протестантскою, но народъ долго ошибался между тою и другою религіею, пока наконецъ умная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественная политика Елизаветы покончила это колебаніе“.

Въ австрійскихъ государствахъ въ третьей четверти XVI-го столѣтія казалось, будто бы протестантизмъ получить почти всеобщее распространеніе. Императоръ Максимилианъ II-й отличался терпимостью. Въ 1568 и 1569 году онъ даровалъ протестантскимъ рыцарямъ и дворянамъ дозволеніе безпрепятственно отправлять богослуженіе въ ихъ замкахъ и имѣніяхъ. Знатные и низшіе съ жадностью читали лютеранскія книги, и необходимость церковной реформы была повсемѣстна. Между 1574 и 1576, когда императоръ Максимилианъ II-й былъ близокъ къ смерти, подъ вліяніемъ іезуитовъ началась реакція, и она велась съ такою послѣдовательностью, что въ наслѣдственныхъ земляхъ Австріи и въ Богеміи протестантизмъ былъ совершенно уничтоженъ. Послѣ нѣсколькихъ поколѣній это измѣненіе вѣры было совершенно забыто. Я, конечно, не хочу писать здѣсь исторію преслѣдованій; факты, доказывающіе мое положеніе, безъ сомнѣнія останутся непоколебимыми; также точно несомнѣнно, что послѣ Вестфальскаго мира, когда въ Германіи насиліемъ католическихъ правительствъ противъ евангелическихъ подданныхъ, и протестантскихъ правительствъ противъ католическихъ подданныхъ, встрѣчались какъ исключенія, численное отношеніе между ка-

толиками и протестантами существенно не измѣнилось. Вестфальскій миръ (1648) первый упрочилъ мирную совмѣстную жизнь въ роисповѣданій въ Германіи. Каждый католикъ могъ безпрепятственно послѣ этого вести свою католическую жизнь, но возлѣ него также безпрепятственно шла протестантская жизнь. Подъ защитою такихъ условій, католики и протестанты въ Германіи выучились узнавать и переносить другъ друга. Хотя Римъ и не призналъ Вестфальскаго мира, и объявлялъ его въ своихъ главнѣйшихъ постановленіяхъ ничтожнымъ, но германскіе епископы считали за лучшее приняться къ условіямъ, и Римъ, въ основаніяхъ дѣлавшій то же самое и соблюдавшій только принципъ, ничего не имѣлъ противъ этого. Подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ терпимости большее число нѣмецкихъ католиковъ пришли къ мысли, что ихъ протестантскіе сограждане не просто отлучены отъ ихъ церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ люди, достойные полнаго уваженія. Но дѣйствительныя единомышленники Рима считали такую терпимость еретическою заразою, которая постепенно должна быть искоренена.

Эта реакція началась въ 1814 году, когда папа Пій VII-й опять возстановилъ уничтоженный 40 лѣтъ тому назадъ орденъ іезуитовъ, не измѣняя его цѣлей, слѣдовательно для той цѣли, для которой онъ былъ учрежденъ, именно для возвышенія власти папъ надъ епископами и возстановленія римской ортодоксіи противъ протестантовъ. Орденъ іезуитовъ есть настоящій представитель ученія ультрамонтановъ, и пламенно заботится объ его распространеніи. Изъ его школы происходитъ католическій клиръ, ведущій борьбу съ государствомъ въ настоящее время. Ультрамонтаны противопоставляютъ слабости религиозныхъ воззрѣній, на которыхъ основана терпимость, упомянутыя выше церковныя догмы, считая ихъ безусловно, безвозвратно и неизбѣжно справедливыми. Германское государственное церковное право, въ томъ видѣ, въ какомъ оно образовалось со времени реформацій, они считаютъ не правомъ, а только фактомъ. Государство будто бы не имѣло никакого права давать религиозную свободу протестантамъ. Однако католическая церковь не можетъ не признать, что она въ настоящее время не можетъ устранять такіе факты, и ограничивается поэтому тѣмъ, что старается укрѣплять въ вѣрѣ оставшихся католиками, обращать отпавшихъ отъ нея; но она дѣлаетъ это въ надеждѣ, что здѣсь, какъ вообще во всякой ереси, силъ постепенно ослабнуть и тогда снова возстановлены будутъ католическія правила, даже и относительно обращенія съ еретиками. Въ этомъ отношеніи имъ оказывало услуги (я обращаюсь опять къ вышеупомянутому сочиненію Мейера) въ особенности прежняя германская имперія, распаденіе которой точно также не признается церковью.

и она, можетъ быть, надѣется на восстановленіе ея для прежнихъ услугъ. Для ультрамонтанства подобныя вещи кажутся не совсѣмъ невѣроятными, такъ какъ государства, государственныя формы, образованіе государствъ,—все это кажется имъ явленіями столь же проходящими, какъ и еретичество, и только церковь кажется вѣчною. Она можетъ ждать, пока ея права не будутъ восстановлены. Въ этомъ лежитъ смыслъ той политики ультрамонтановъ, которую иногда считаютъ не имѣющею значенія, но которая всегда находится въ связи съ тѣми прочными формулами, которыми выражались въ древнее время права и привилегіи церкви. Духовенство знаетъ очень хорошо, что теперь эти формулы есть слова безъ содержанія, но они берегутъ ихъ и крѣпко держатся за нихъ, въ надеждѣ на ихъ употребленіе въ благопріятномъ будущемъ.

Вмѣстѣ съ этою принципиальною политикою католичество слѣдуетъ другой, въ высшей степени практической. Недавно умершій Вольфгангъ Менцель въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „*Rom's Unrecht*“ приводитъ слѣдующія слова, сказанныя въ Фрейбургѣ баденскимъ ультрамонтаномъ, профессоромъ Бушемъ, въ пятидесятыхъ годахъ: „мы соберемъ католиковъ, разсыянныхъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ сѣверной Германіи, снабдимъ ихъ денежными средствами, чтобы они удержали католицизмъ и служили бы пионерами для будущаго. Мы опутаемъ старый протестантизмъ въ Пруссіи отъ востока до запада цѣлою сѣтью католическихъ общинъ, безчисленныя количество монастырей, укрѣпимъ эти общины и такимъ образомъ одавимъ протестантизмъ“. Въ какой мѣрѣ шла работа въ этомъ направленіи, показываетъ превосходная статья Швигце, въ послѣдней етради журнала королевскаго прусскаго статистическаго бюро, о находившихся въ Пруссіи орденахъ и конгрегаціяхъ въ 1872—1873 годахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые были высланы по имперскому указу 4-го іюля 1872 года, именно іезуитовъ и сродныхъ съ ними конгрегацій, — лазаристовъ, отцевъ Святого Духа, сестеръ святого Иеронима и др. Авторъ при своей работѣ пользовался находящимися въ министерствѣ схематизмами различныхъ епископствъ, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ другимъ источникамъ. Общее число орденскихъ поселеній въ 1873 году доходить до 958, именно 79 мужскихъ съ 1037 монахами, и 879 женскихъ съ 11 монахинями. Авторъ, само собою разумѣется, перечисляетъ всѣ ордена и конгрегаціи поодиночкѣ, указываетъ число членовъ, цѣли учрежденія сообразно уставу и т. п., точно также какъ и нѣкоторыя другія обстоятельства, изъ которыхъ въ политическомъ отношеніи вытекаетъ всего—большое число тѣхъ орденовъ, начальники которыхъ живутъ за границей. Такимъ образомъ, картезианцы (*Carthäuser*) со-

стоятъ подъ управленіемъ французскаго генераль-пріора, пріора „Grande Chartreuse“ близъ Гренобля; братья христіанскихъ школъ—подъ управленіемъ французскаго начальника; кануцины, францисканцы и доминиканцы подъ управленіемъ генераль-министра въ Римѣ; въ высшей степени вліятельныя и многочисленныя „сестры милосердія святаго Винцента“, носящія нѣсколько другихъ названій, имѣютъ отечество въ Парижѣ. Имѣеть ли вліаніе начальника ихъ въ Пруссіи и какое именно, не изслѣдовано,—говорится очень наивно въ упомянутой статьѣ. Начальница имѣеть право поселять сестеръ куда угодно, я даже думаю, что онѣ живутъ нѣкоторое время въ главномъ монастырѣ въ Парижѣ, и такимъ образомъ имъ сообщается космополитическій характеръ, столь существенный для цѣлей Рима, потому что, только потерявши всякія національныя связи, можно видѣть единственное отечество въ Римѣ. Результатъ изслѣдованій, произведенныхъ Швитцке, заключаетъ интересныя данныя о распространеніи нѣкоторыхъ орденовъ и конгрегацій съ 1850 года, которое дѣйствительно необычайно велико. Такимъ образомъ, въ архіепископствѣ Кѣльнскомъ съ 1850 по 1863 годъ число монаховъ возрасло съ 32 до 205, число монахинь до 1132; въ 1869 году число ихъ было 243 и 2322; въ 1872 году—405 и 2826, или монаховъ и монахинь было въ упомянутыя годы 272, 1337, 2665, 3131. Въ епископствѣ Бреславльскомъ возрасло число монаховъ съ 1853 по 1865 годъ съ 57 до 78, число монахинь съ 171 до 847 (въ суммѣ—отъ 228 до 924); въ 1869 году число ихъ было—126 и 1223 (въ суммѣ 1349); въ 1871 году—130 и 1328 (въ суммѣ 1458). Въ архіепископствѣ Познанско-Гнѣзненскомъ въ 1851 году не было ни одного поселенія, въ 1860 году было 19 монаховъ и 94 монахини; въ 1865—37 монаховъ и 134 монахини, наконецъ въ 1871 году 93 монаха и 244 монахини. Подобное же отношеніе и въ епископствѣ Кульмскомъ.

Въ тѣсной связи съ распространеніемъ орденовъ и конгрегацій находится повсемѣстное учрежденіе многочисленныхъ католическихъ общинъ и братствъ, изъ которыхъ почти всѣ относятся ко времени послѣднаго десятилѣтія. Въ особенности это можно сказать относительно епископства Кульмскаго, гдѣ въ 1867 году учреждено 52 братствъ, изъ которыхъ 373 братства умѣренности,—остальныя болѣею частію духовнаго характера. Эти братства распределены между пасторами епископства и руководятся духовными лицами. Въ архіепископствѣ Кѣльнскомъ въ 1872 году были католическія общины въ 42 городахъ, и общее число католическихъ членовъ этихъ общинъ во всей Германіи доходило до 8000. Сюда слѣдуетъ причислить еще весьма распространенныя мужскія католическія общины (община Св. Варволомея и т. д.) и женскія разныхъ наименованій, а также строе

организованныя розенкранцовскія общины мужскія и женскія, для наблюденія надъ образованными семействами и для религіознаго вліанія на нихъ. Пятнадцать человѣкъ образуютъ „розу“, 11 розъ „божье дерево“, а пятнадцать божьихъ деревьевъ „садъ пресвятой дѣвы Маріи“

Всѣ эти общины и братства, также какъ ордена и конгрегаціи, имѣютъ религіозную или гуманную цѣль, но въ дѣйствительности уже давно приняли политическій характеръ и почти вездѣ управляются духовными лицами, и составляютъ въ ихъ рукахъ страшное оружіе, такъ что гдѣ подобнаго рода организаціи прочно укоренились, тамъ уже нѣтъ бургомистровъ и собраній городскихъ представителей, которые занимались бы городскими дѣлами, и ведутся только дѣла духовныя. Отъ времени до времени снимается покрывало съ этой тихой дѣятельности, и тогда ужасаются передъ этимъ страшнымъ положеніемъ дѣлъ. Такъ, недавно въ „Kölnische Zeitung“ разсказаъ случай, по истинѣ постыдный, о которомъ я упомяну вкратцѣ, не зная, извѣстенъ ли онъ въ Россіи, и по возможности смягчая отвратительное. Въ одномъ небольшомъ вестфальскомъ городкѣ капланъ, относительно одной дѣвушки, дочери уважаемаго купца, приходившей къ нему на уроки для конфирмаціи, позволилъ себѣ такія вещи, которыя кладутъ на женщину латю на всю жизнь. Объ этомъ заговорили въ городѣ и, какъ водится, до отца вѣсть объ этомъ дошла послѣ всѣхъ. Онъ отослалъ свою дочь въ пансіонъ въ другой городъ и думалъ, что эта исторія забудется. Но когда черезъ годъ дочь его возвратилась уже не дитятею, но взрослою дѣвушкой, капланъ началъ преслѣдовать ее снова. Нашелся претендентъ на руку дѣвушки, но капланъ всячески навлекалъ на него подозрѣніе и клеветалъ на него даже съ каеэдри. Между тѣмъ состоялась помолвка, но оказалось, что отношенія дѣвушки къ каплану продолжаются. Тогда несчастный отецъ обратился къ каплану съ просьбою хотя оставить городъ, чтобы онъ не былъ вынужденъ ежедневно видѣть соблазнителя своей дочери, но его просьбы были напрасны. Онъ обратился къ начальству каплана, и также безуспѣшно. Голько случайно узналъ онъ впоследствии, что капланъ приговоренъ былъ къ 14-дневному духовному покаянію. Проступокъ купца былъ разуврашенъ капланомъ такъ, что отъ него всѣ отвернулись, перестали ему кланяться и покупать у него; наконецъ, онъ обратился съ жалобою на каплана въ судъ, который, къ счастью, не состоя подвліаніемъ ультрамонтановъ, приговорилъ преступника къ двухгодичному заключенію въ смирительномъ домѣ. Разсказъ „Кельнской азеты“ не вызвалъ ни одного слова въ возраженіе, хотя онъ былъ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ (за исключеніемъ, конечно, ультрамонтанскихъ). Я привелъ эту исторію, какъ одинъ примѣръ изъ мно-

гихъ тысячъ, чтобы показать, какую громадную силу имѣть князь даже теперь, и какъ справедливъ былъ князь Бисмаркъ, сказавши въ началѣ борьбы, что не долго ждать того времени, когда войсками будутъ командовать капланы вмѣсто капитановъ.

Каждая католическая община, какъ я сказалъ, имѣетъ какую-нибудь религіозную или гуманную цѣль. Но католическая церковь съ удовольствіемъ облегчаетъ жизнь людей, если они только послушны. Жизнь католическихъ общинъ очень часто есть не что иное, какъ рядъ удовольствій. Сегодня балъ, завтра театральная репетиція, затѣмъ театръ, концертъ, собраніе, а лѣтѣмъ—прогулка. Католическая церковь въ этомъ отношеніи дѣлаетъ почти то же, что ультра-соціальная демократія. Послѣдняя также не выпускаетъ изъ рукъ своихъ приверженцевъ и заботится о всѣхъ ихъ потребностяхъ. Эти „рабочіе“, которые въ ихъ газетахъ и собраніяхъ декламируютъ о бѣдности рабочихъ и проклинаютъ капиталъ, выражаются и поступаютъ такъ, какъ будто бы они вынуждены умереть съ голоду, а между тѣмъ у нихъ постоянные праздники, собранія, балы, театры и развлечения всякаго рода. „Соціальный демократъ“ — главный органъ здѣшней соціальной демократіи, на трехъ страницахъ гонитъ и жалуется, а на четвертой помѣщаетъ превосходно составленный указатель развлеченій.

Это сходство въ тактикѣ между римско-католическою церковью и ультра-соціальной демократіей понять легко, но оно все-таки заставляетъ задуматься. Я позволю себѣ уклониться въ сторону, чтобы разъяснить мою мысль. Давно, когда я пришелъ въ Берлинъ еще молодымъ человѣкомъ, я былъ такъ восхищенъ обширностью и красотой города, что рѣшилъ остаться въ немъ, во что бы то ни стало. У меня былъ другъ, съ которымъ мы пришли вмѣстѣ, и вмѣстѣ ищали всѣ берлинскія удовольствія. Но вотъ приблизилось то время, когда намъ нужно было оставить Берлинъ, и онъ радовался этому, чего я никакъ не могъ понять. Наконецъ я спросилъ его, какъ онъ можетъ радоваться этому. „Да, ты этого не понимаешь“, отвѣчалъ онъ: „когда я пойду въ провинцію, то буду референдаріемъ (онъ былъ юристъ и сдавалъ тогда свои экзамены), замѣтною личностью съ удовольствіемъ принимаемою во всѣхъ домахъ, и буду львомъ во всѣхъ балахъ. Здѣсь меня никто не знаетъ“.

Я тогда не совсѣмъ понялъ это, но впоследствии постигъ, по тому что узналъ лучше и себя, и міръ. Я былъ восхищенъ тѣмъ, что того пугало. Здѣсь, въ большомъ городѣ, никто обо мнѣ не заботится, и я ни о комъ не забочусь. Если я тѣмъ или другимъ способомъ заработаю достаточно денегъ, чтобы устроить безбѣдную жизнь, тогда я свободенъ, какъ желалъ бы философъ или поэтъ. Но, конст

но, такое положеніе имѣть свою темную сторону. Я совершенное ничто; въ государствѣ не только референдарій гораздо выше меня, но даже ночной сторожъ. У меня нѣтъ честолюбія, и я чувствую себя хорошо въ такомъ одиночествѣ: Этому, конечно, способствуетъ то, что я былъ настолько счастливъ, что достаточно зарабатывалъ и не нуждался въ помощи другихъ. Такимъ образомъ, во мнѣ преобладало либеральное направленіе, которое возникло въ политической жизни въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, и выразилось наиболѣе ясно въ области политической экономіи въ манчестерской школѣ: невозможная свобода для развитія всѣхъ силъ, которая имѣетъ слѣдствіемъ совершеннѣйшее развитіе индивидуализма. Дальнѣйшій опытъ жизни привелъ меня къ тому заключенію, что этотъ принципъ имѣетъ преходящее значеніе, потому что онъ не соответствуетъ многимъ существеннымъ потребностямъ людей. Немного найдется людей, которымъ бы не хотѣлось имѣть побольше власти и значенія. Бѣднѣйшій человѣкъ въ большинствѣ случаевъ есть король въ своемъ семействѣ, которое оказываетъ ему извѣстную степень подчиненія. Еще сильнѣе дѣйствуетъ на людей ассоціація, гдѣ каждый старается занять видное положеніе. На это-то чувство и спекулируетъ католическая церковь и ультра-соціальная демократія. Какъ только отдѣльныя личности теряютъ чувство индивидуализма, то они охотно причисляютъ себя къ чему-нибудь цѣлому, въ которомъ они представляютъ хотя незначительную дѣятельную единицу, но раздѣляютъ чувство его могущества. Многія тысячи изъ принадлежащихъ къ католическимъ мужскимъ общинамъ совсѣмъ не рыцарские католики, но они получаютъ при этомъ значеніе, какого не имѣли бы въ качествѣ отдѣльныхъ личностей, и такимъ образомъ вполне удовлетворяются. Въ промышленной жизни мѣсто церкви занимаютъ ассоціаціи соціальныхъ демократовъ, въ которыхъ также строго наблюдаютъ другъ за другомъ. Отдѣльныя личности сливаются съ общимъ, работа становится общею, удовольствія общими, и никто не можетъ освободиться изъ-подъ надзора начальства. Если бы кто дѣлалъ это, тотъ былъ бы дурнымъ членомъ общества. Современное старое поколѣніе, выросшее на идеѣ индивидуализма, глубоко ненавидитъ это стремленіе, и не постоитъ ни передъ какими средствами противъ него; но нельзя не признать, что мношество живетъ въ иномъ кругѣ идей, и что оно не чувствуетъ такого отвращенія отъ этого стремленія; что изъ этого выйдетъ—сказать трудно. Я думаю, что реакція противъ индивидуализма побѣдитъ, не сегодня или завтра, но тогда, когда сила перейдетъ въ руки молодого поколѣнія. Эта побѣда произведетъ тогда могущественную революцію въ соціальныхъ условіяхъ, не потрясая государства, которое по

своей сущности отрицаетъ индивидуализмъ, не уничтожая арміи и чиновничества, которыя не совсѣмъ уживаются съ индивидуализмомъ. Конечно, тогда опять возникнетъ противоположный потокъ индивидуализма.

Однако, время обратиться къ предмету моего письма. Однообразие тактики римской церкви и социальныхъ демократовъ не мѣшаетъ имъ быть злѣйшими врагами, такъ какъ въ современномъ государствѣ религія уважается и защищается до тѣхъ поръ, пока она не вредитъ его могуществу; поэтому, социальные демократы рѣшительные противники религіи, и если они достигнуть могущества, то тотчасъ же вступятъ между собою въ ожесточенную войну. Я далекъ отъ того, чтобы признавать протестантизмъ единственнымъ представителемъ прогресса и просвѣщенія. Въ этомъ спорѣ онъ противникъ ультрамонтанизма только въ Германіи, и специально въ Пруссіи. Официальная газета куріи, издающаяся въ Римѣ „Voce della Verita“ высказала это съ полною откровенностью. „Справедливо,—говорилось въ ней,—что князь Бисмаркъ сильный противникъ католической церкви, и можетъ быть онъ вызвалъ противъ нея борьбу въ ея теперешней формѣ. Но не онъ началъ ее. Князь раньше или позже сойдетъ со сцены, господствующіе теперь либералы смѣнятся другою партией, но борьба будетъ продолжаться въ той или иной формѣ, пока будетъ существовать Пруссія. Истинная причина борьбы заключается во внутренней сущности этого государства. Пруссія, какъ по своему возникновенію, такъ и по своему развитію, на всѣхъ ступеняхъ находится въ прямомъ противорѣчій съ римскою церковью, и по этой своей натурѣ есть главный и смертельный врагъ Рима. Пруссія въ ея теперешней формѣ и составѣ основана на протестантизмѣ и его ученіи, Пруссія представляетъ крѣпость протестантской Германіи. На Пруссію обращены взоры тѣхъ, которые, вслѣдствіе достойнаго сожалѣнія спора, отторглись отъ католической церкви въ XVI столѣтіи. Пруссією держится и съ нею падетъ борьба противъ церкви въ Европѣ“.

Вотъ послѣднее слово и послѣдняя мысль теперешней ультрамонтанской партіи,—мысль, санкціонированная также папою. И какъ же кто-нибудь, не принадлежащій къ ультрамонтанской партіи, можетъ полагать, что борьба противъ нихъ, которая ведется въ Пруссіи, есть борьба противъ религіи! Это чисто политическая борьба, которая ведется германскимъ правительствомъ за Пруссію, за имперію, за свободу науки и изслѣдованія, и наконецъ за свободу совѣсти, такъ какъ подъ *тою* свободой совѣсти, каковой требуютъ они, слѣдуетъ разумѣть католическую догму, которая не знаетъ иного иссвѣданія, кромѣ римско-католической церкви.

Законъ о прекращеніи содержанія, до сихъ поръ уплачиваемомъ

епископамъ со стороны государства, вызвалъ сравнительно слабыя иренія въ палатѣ депутатовъ, во время которыхъ князь Бисмаркъ подтвердилъ справедливость того обстоятельства, о которомъ упоминали офиціозные корреспонденты, именно, что папская энциклика отъ 5-го февраля подѣйствовала на него освѣжающимъ образомъ. Первое его появленіе сопровождалось въ высшей степени замѣчательнымъ случаемъ, который у древнихъ римлянъ сочли бы счастливымъ предзнаменованіемъ. Депутатъ Зибель (извѣстный историкъ) указывалъ на опасную дѣятельность мелкой ультрамонтанской прессы, такъ-называемой „капланской прессы“. Въ послѣдніе годы въ Рейнской провинціи основано до 80 мелкихъ ультрамонтанскихъ газетъ, которыя популяризируютъ то, что печатается въ большихъ руководящихъ газетахъ, напримѣръ, именно въ „Germania“, съ цѣлью познакомить съ этимъ даже бѣднѣйшія хижинны. Въ этихъ листкахъ при каждомъ удобномъ случаѣ задѣваютъ правительство, и если дѣйствительно случится судебное преслѣдованіе или наказаніе, то это считается для каплана патентомъ на благодарность и награду отъ его начальства и на поощреніе. Но ультрамонтаны не довольствуются журнальной прессой. Въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ являются календари (они теперь освобождены отъ пошлины, и могутъ продаваться по невѣроятно дешевой цѣнѣ). Календарь, мимоходомъ сказать, можетъ быть самая вліятельная книга на народныя массы, единственная, которая проникаетъ даже въ бѣднѣйшія хижинны, такъ какъ и самые бѣдные обзаводятся календаремъ, и для безчисленнаго множества, нечитающаго даже газетъ, календари представляютъ единственный источникъ политическихъ свѣдѣній. Зибель говорилъ на эту тему, причѣмъ превосходно и тонко коснулся многихъ вещей, напримѣръ того, что ультрамонтаны имѣютъ особенное понятіе о свободѣ прессы, желая дозволенія печатать все, что они хотятъ, но учить народъ только тому, чему они дозволяютъ. Законоучители и патеры требуютъ, чтобы либеральныя сочиненія скрывались отъ учениковъ и горничныхъ, если они находятъ такія сочиненія у родителей или лицъ, нанимающихъ прислугу. Зибель рассказываетъ, что когда одинъ школьный инспекторъ спросилъ дѣвочку въ женской школѣ, какъ зовутъ императора, то она послѣ долгаго молчанія отвѣтила: Пшемъ. Одно патріотическое общество, къ которому принадлежитъ Зибель, во дню рожденія императора приготовило 100,000 портретовъ его для распространенія, но учителя школъ уклонялись отъ принятія ихъ, боясь духовенства. Одинъ изъ искуснѣйшихъ ультрамонтанскихъ писателей—патеръ, пишущій подъ псевдонимомъ Конрада фонъ-Роландена. Новый его романъ „Врагъ имперіи“ напечатанъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Въ немъ рассказы-

вается о гоненіи противъ христіанъ при Діоклетіанѣ (ультрамонтаннѣ полагаютъ, что теперешнее „преслѣдованіе“ таково же, какъ при Неронѣ и Діоклетіанѣ). У императора Діоклетіана, человѣка очень строгаго, есть министръ Маркъ-Требоній, называемый вездѣ для краткости просто Маркомъ. Это лысый человѣкъ въ 6 футовъ ростомъ, дьявольски суровый, который руководитъ императоромъ во всѣхъ злыхъ дѣлахъ. Наконецъ, однако, императоръ узнаетъ истинное положеніе дѣлъ, велитъ арестовать его, но Маркъ убѣгаетъ и скрывается въ болотахъ. Христіанскіе солдаты, которые его преслѣдуютъ, настигаютъ его и удивляются правосудію божію.

Въ то мгновеніе, какъ Зибель проговорилъ эти слова, вошелъ совершенно неожиданно канцлеръ (неожиданно потому, такъ какъ было извѣстно, что онъ не хотѣлъ присутствовать при преніяхъ о новомъ церковномъ законѣ, и такъ-какъ вообще совсѣмъ не бывалъ въ палатѣ депутатовъ); онъ вошелъ съ веселымъ выраженіемъ лица, и вообще имѣлъ видъ человѣка, котораго не легко загнать въ болото. Я самъ не видѣлъ этого, но многіе депутаты передавали мнѣ, что едва ли видано было что-либо подобное. Появленіе его произвело такое потрясающее впечатлѣніе, что вся палата (за исключеніемъ центра) поднялась съ своихъ мѣстъ и привѣтствовала князя крикомъ и смѣхомъ; онъ не понималъ, что это значитъ, пока его сосѣди министры не рассказали ему въ чемъ дѣло.

Когда волненіе улеглось, началъ рѣчь депутатъ Герлахъ, извѣстный прежній составитель обзорной въ „Крестовой газетѣ“, который по своимъ неистовымъ реакціоннымъ стремленіямъ постоянно отдалялся все болѣе и болѣе отъ правительства, и наконецъ онъ, протестантъ, перешелъ въ центръ. Герлахъ считаетъ ультрамонтановъ вполне справедливыми, и церковную политику называетъ войною противъ католическихъ подданныхъ, и декламируетъ противъ всемогущества государства и противъ идолопоклонства передъ нимъ (излюбленное выраженіе ультрамонтановъ противъ всякаго проявленія государственной жизни), затѣмъ повторяетъ нѣсколько разъ, что Бога слѣдуетъ болѣе слушать, чѣмъ людей. Бисмаркъ отвѣчалъ ему, и очень основательно отдѣлалъ своего бывшего политическаго друга. „Ультрамонтаннѣ говорятъ, — сказалъ онъ, — будто они повинуются Богу болѣе, чѣмъ людямъ, какъ предписываетъ библія. На самомъ же дѣлѣ они болѣе повинуются папѣ, чѣмъ королю. Когда церковныя дѣла устроены были сообразно прусскому праву, по которому верховный надворъ государства надъ церковью долженъ быть обширнѣе, чѣмъ по майскимъ законамъ, то ни одинъ католикъ не думалъ о томъ, что этимъ стѣсняется его совѣсть“. Еще сильнѣе было другое возраженіе канцлера. Герлахъ сказалъ, между прочимъ, что до

сихъ поръ борьба только усиливаетъ и подкрѣпляетъ католическую церковь. Возражая на это, князь Бисмаркъ спросилъ: „улучшило ли въ сущности поведеніе епископовъ положеніе католической церкви? Центръ отвѣчаетъ на это утвердительно. Но зачѣмъ же тогда лицемерныя жалобы, будто бы мы уничтожили церковь. Мыслимы ли тогда эти жалобы, если мы только укрѣпляемъ церковь, какъ вы теперь утверждаете? Или жалобы на преслѣдованіе церкви простое лицемеріе, и я всегда скажу это, какъ только услышу ихъ, или вы не имѣли никакого успѣха“.

Послѣднее вполне справедливо. Борьба колеблется туда и сюда безъ всякаго результата, и вопросъ заключается только въ томъ, какія силы продержатся долѣе. По моему мнѣнію, конечно, силы государства, потому что оно предъявляетъ весьма умѣренные требованія римскому престолу. Я попрошу русскаго читателя поставить себя въ положеніе нѣмца: пусть онъ представитъ себѣ, что въ вашей странѣ поселено 20 или 30 милліоновъ католиковъ, которые требовали бы, чтобы въ религіозныхъ дѣлахъ они имѣли право повиноваться болѣе папѣ, чѣмъ правительству, и желали бы сообразныхъ съ этимъ законовъ. Я думаю, что такое положеніе нельзя не признать невыносимымъ для государства.

Я долженъ извиниться за свои долги разъясненія. Но они имѣютъ главною цѣлью дать по возможности полное понятіе о стремленіяхъ, идеяхъ и работахъ нѣмецкихъ либераловъ. Нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, какъ мысль, что наши либералы въ настоящее время сдѣлались прислужниками Бисмарка. Можетъ быть, ни въ одной странѣ столь заслуженный человекъ, какъ Бисмаркъ, не нашелъ бы меньшаго поклоненія, чѣмъ въ Германіи. Въ каждую сессію рейхстага бываетъ до дюжины столеновеній съ нимъ, и онъ, въ большинствѣ случаевъ, долженъ уступать, какъ ни непріятно ему это.

Безконечно труднѣе вполне умственная, ни разу не прерванная насильственнымъ актомъ работа,—это созданіе широкихъ основаній для свободной, конституціонной государственной жизни; прогрессъ въ этомъ отношеніи медленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, у жителей которыхъ горячѣе кровь, но онъ тѣмъ основательнѣе, и относительно прибрѣтенныхъ правъ и свободы едва ли можно бояться реакціи, такъ какъ они прибрѣтены безъ всякаго вышшняго побужденія отъ такого осторожнаго и по своимъ годамъ, опытности и образу мыслей консервативнаго государя, какъ императоръ Вильгельмъ.

Точно также иностранцы заблуждаются—я не говорю здѣсь о предвзятыхъ сужденіяхъ, какія встрѣчаются, напр., у французовъ, которые не хотятъ знать состоянія Германіи или даютъ преднамѣренно иска-

женныя свѣдѣнія о нихъ—когда придають слишкомъ большое значеніе отдѣльнымъ явленіямъ. Я раздѣляю сожалѣніе о томъ, что не вездѣ можно читать „Frankfurter Zeitung“, и вполне понимаю это. Газета эта радикальная, и ея редакторъ и издатель Зоннеманъ, занимаясь между прочимъ биржевыми спекуляціями, приобрѣлъ очень большое богатство, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти социальный демократъ. Въ рейхстагѣ, членомъ котораго онъ состоитъ, онъ обыкновенно вотируетъ за-одно съ социальными демократами. Но тотъ же самый Зоннеманъ во время трудныхъ преній по поводу закона объ имперскомъ банкѣ, въ которыхъ онъ принималъ самое живое участіе, какъ знатокъ этого дѣла, обратилъ на себя большое вниманіе какъ рейхстага, такъ и правительства, такъ что банковый законъ во многомъ носитъ на себѣ слѣды его дѣятельности. Я не знаю, есть ли у васъ пословица: нельзя ѣсть кушанья, пока оно кипитъ. Она можетъ быть цѣликомъ отнесена къ преніямъ въ свободной странѣ. Обыкновенно, разногласія выходятъ очень рѣзкими и явными, а то, въ чемъ всѣ согласны, проходитъ молчаніемъ. Напримѣръ: князь Бисмаркъ далъ недавно парламентскій обѣдъ, на который, какъ это бываетъ на всѣхъ его празднествахъ, приглашены были нѣкоторые представители прогрессивной партіи. Между ними находился одинъ простой человекъ, владѣлецъ помѣстья въ Силезіи, г. Альпахъ, который съ 1849 года былъ представителемъ во всѣхъ парламентскихъ собраніяхъ. Бисмаркъ представилъ его, какъ своего старѣйшаго сотоварища по парламенту, сказавши: прежде мы борлись другъ противъ друга, теперь боремся за-одно. Я еще живо помню, что въ 1863 году при изданіи закона, по которому государство тогдашній судебный порядокъ относительно преступленій въ печати замѣнило французскою системою предостереженій, то г. Альпахъ протестовалъ противъ этого въ „Schlesische Zeitung“, вслѣдствіе чего эта уважаемая и уже полтора столѣтія издававшаяся газета получила второе предостереженіе, послѣ котораго она тотчасъ же могла быть закрыта. Такъ измѣнилось время! Наиболѣе сильная переиѣна есть совершенный разгромъ староконсервативной партіи, которая была господствующею въ періодъ борьбы отъ 1849 до 1858 года. Эта партія представляла просто собраніе донотопныхъ ископаемыхъ, тогда какъ теперешняя консервативная партія по необходимости признаетъ прогрессъ, и при всѣхъ реформаціонныхъ работахъ держится въ области законодательства“.

Что касается дальнѣйшаго развитія церковно-политической борьбы, то можно полагать, что правительство едва ли будетъ вносить какія новыя предложенія въ эту парламентскую сессію. Теперешніе законы въ дѣйстви, и нужно подождать результатовъ, какіе они принесутъ. Напротивъ, все указываетъ на то, что правительство съ

напряженнымъ вниманіемъ ожидаетъ того момента, когда теперешній папа умретъ, и должно будетъ выбрать новаго. По всему можно заключить, что папа принялъ мѣры для того, чтобы измѣнить существующій до сихъ поръ выборъ папы; онъ возвелъ множество лицъ въ кардиналы, изъ которыхъ пятеро сдѣлаются извѣстными только послѣ его смерти; между извѣстными въ настоящее время находится отрѣщенный и заключенный въ тюрьму архіепископъ графъ Ледоховскій (возведеніе котораго въ кардиналы было особенно сильнымъ вызовомъ прусскому правительству), и его можно считать итогомъ всѣхъ остальныхъ.

Князь Бисмаркъ при прежнихъ обстоятельствахъ много разъ выражался, что германское правительство не намѣрено вмѣшиваться въ выборъ папы, но что оно посмотритъ, свершится ли оно законно. Для непризнанія выборовъ достаточно уже измѣненія въ ихъ формѣ. Съ того времени, какъ это было сказано, несогласіе между Римомъ и Германіей настолько усилилось, что германское правительство можетъ быть пойдетъ и далѣе, и не признаетъ такого папу, который будетъ имѣть о границахъ своей власти такія же понятія, какъ Пій IX. Во всякомъ случаѣ столкновеніе, которое произойдетъ тогда, получить международное значеніе. Французскія газеты обсуждаютъ этотъ случай уже теперь, и наиболѣе горячіе требуютъ, чтобы Франція поддержала папу, тогда какъ умѣренные думаютъ, что Франція не въ состояніи будетъ сдѣлать этого. При такихъ условіяхъ отношенія между Германіей и Италіей получаютъ особенно важное значеніе. Я не настолько знакомъ съ этимъ, чтобы сказать, справедливы ли извѣстія о переговорахъ съ Италіей относительно гарантіи независимости папы (полагаютъ, что итальянское правительство гарантируетъ независимость папы, а германское правительство требуетъ, чтобы гарантія дана была подъ условіемъ, чтобы папа не предпринималъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ другихъ государствъ); намѣреніе императора Вильгельма предпринять путешествіе въ Италію, чтобы отдать визитъ королю Виктору-Эммануилу, бывшему въ Берлинѣ два года тому назадъ, повидимому, рѣшено въ положительномъ смыслѣ, хотя глубокая старость императора дѣлаетъ мало вѣроятною возможность такого далекаго путешествія. Хотя въ настоящее время въ Европѣ повсюду господствуютъ дружественныя отношенія, но если принять во вниманіе, на чемъ основываются эти дружественныя отношенія восточныхъ государствъ, то нужно признать, что добрыя отношенія между Италіей и Германіей—растеніе очень нѣжное, требующее заботливаго ухода. Я, конечно, не имѣю въ виду той связи, которая основывается на опредѣленныхъ интересахъ и обуславливается извѣстной цѣлью, и легко можетъ быть ра-

зорвана, но такую, которая основана на постоянныхъ взаимныхъ интересахъ двухъ народовъ. Извѣстно, какія препятствія могутъ мѣшать Италіи доброжелательно смотрѣть на Германію. Многія столѣтія Италія была предметомъ германскаго властолюбія при прежней германской имперіи. Въ новѣйшее время господство Австріи, которая также принадлежала къ германскому союзу, тяжело отзывалось на Италіи. Еще въ 1859 году, во время первой итальянской войны, а въ 1860 году во время присоединенія Неаполя и т. д. замѣтно было недружелюбное отношеніе Италіи къ Пруссіи. Только князь Бисмаркъ понялъ истинное положеніе дѣла, и только съ 1866 года проявилось обоюдное вниманіе и уваженіе не со стороны однихъ государственныхъ людей. Италія съ тѣхъ поръ, какъ она достигла національной независимости и единства, представляетъ выдающійся факторъ въ комбинаціяхъ европейской политики уже по своему географическому положенію между Германіей, Франціей и Австріей, и это значеніе гораздо болѣе усилится, когда она преодолѣетъ всѣ внутреннія затрудненія вслѣдствіе своихъ переворотовъ, и достигнетъ надлежащаго устройства.

Сравнительно съ церковною борьбою почти всѣ другіе вопросы отошли на задній планъ. Теперь нельзя и думать, чтобы въ эту же сессію прошелъ законъ о провинціяхъ (Provinzialordnung), такъ какъ хотя коммиссія окончила свою работу вполне, такъ что пренія въ общемъ собраніи могутъ начаться тотчасъ же по открытіи засѣданій, но обсужденія его будутъ очень продолжительны; такъ какъ, кромѣ того, этотъ законъ перейдетъ въ палату господъ послѣ того, какъ онъ вполне будетъ обсужденъ въ палатѣ депутатовъ, то онъ окончательно можетъ пройти только осенью. Вообще, многіе не совсемъ довольны тѣмъ, что въ послѣдніе годы издано слишкомъ много новыхъ законовъ, и нѣкоторое затишье въ этомъ отношеніи очень желательно.

Всѣ умы давно уже заняты продолжающимся неблагоприятнымъ хозяйственнымъ положеніемъ Германіи, и въ особенности потерей цѣнности желѣзныхъ дорогъ. До кризиса во всякомъ случаѣ еще очень далеко, чтобы положеніе можно было признать опаснымъ для промышленности, и въ дѣлахъ нигдѣ довѣріе не уменьшается. Можно вообще принять, что во время головокруженія сдѣлано было много ошибокъ противъ здоровой хозяйственной политики, но все-таки нельзя не признать, что существенною причиною этого положенія слѣдуетъ признать недостатокъ мужества и энергіи. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать преимущество французамъ, что они безконечно большія затрудненія перенесли и преодолѣли съ необыкновенною эластичностью, и конечно нѣмцы должны чувствовать стыдъ при

этомъ, хотя, какъ всегда, порицанія обращаются не къ самимъ себѣ, а къ правительству. Министры рѣшительно и побѣдоносно опровергаютъ эти порицанія, если они дѣлаются въ парламентѣ. Именно, Кампаузенъ чрезвычайно удачно высказался по поводу торговаго баланса, который въ настоящее время неблагопріятенъ для Германіи, что онъ видитъ единственное средство поправить его, — это болѣе сберегать и работать. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другого вѣрнаго средства предотвратить потерю народнаго богатства, какъ трудъ и бережливость. Относительно послѣдней Германію обвинять нельзя, но относительно перваго можно, и всѣ согласны въ томъ, что уменьшеніе труда обусловливается не однимъ возвышеніемъ заработной платы (хотя и оно оказываетъ свое дѣйствіе въ международной конкуренціи), но въ ослабленіи интензивности труда, т.-е. рабочіе стали не только дороже, но они и работаютъ и меньше, и хуже. Это дѣйствительно печальное положеніе, и необходимо отыскать средства помочь ему. Въ самой организаціи общества лежитъ невозможность отдѣльнымъ лицамъ возвыситься надъ своею средою и стать въ положеніе хозяевъ. Поэтому, лица выдающіяся берутъ на себя роль руководителей, но они прикованы къ своимъ товарищамъ, оставить которыхъ считается за измѣну. Поэтому, сословіе мелкихъ ремесленниковъ по необходимости уменьшается (на чтó жалуются уже давно), и поэтому вражда между крупными хозяевами и рабочими дѣлается все ожесточеннѣе. Странно, что несмотря на финансовый кризисъ и несмотря на общее мнѣніе объ упадкѣ торговли, спросъ на рабочихъ все-таки остается болѣе предложенія, и рабочая плата совсѣмъ не такъ низка, какъ утверждаютъ теоретики.

Какъ въ финансовой области послѣдняя война съ ея милліардами контрибуціи не соответствовала ожиданіямъ, но вызвала скорѣе горькія разочарованія, такъ точно и другое предсказаніе относительно возвышенія литературы не оправдалось. Обыкновенно, считается непреложнымъ положеніе, что за большой войной должно слѣдовать сильное умственное возбужденіе народа; но какъ же можно объяснить себѣ, какъ послѣ столь геройскихъ подвиговъ нѣтъ Гомеровъ, которые воспѣли бы ихъ, нѣтъ великихъ драматурговъ и блестящихъ историковъ. Ничего подобнаго! Нѣсколько блестящихъ, или по крайней мѣрѣ талантливыхъ историковъ было въ Германіи еще до начала великой воинственной эры, и они дѣйствуютъ по-прежнему, но новыхъ талантовъ на этомъ поприщѣ не является. Во всѣхъ другихъ областяхъ литературы совершенная бѣдность, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи, еслибы долженъ былъ по-прежнему дать вамъ краткую литературную хронику. Фактъ этотъ можно объяснить себѣ. Нація еще не чувствуетъ спокойствія, и всѣ ея силы направлены на службу государства (на поприщѣ чиновниковъ

въ парламентѣ), а кромѣ того, самое время отличается общимъ стремленіемъ къ матеріальнымъ приобретеніямъ. Каждый стремится упрочить сперва свое матеріальное положеніе, прежде чѣмъ пуститься въ ту область, гдѣ выводы весьма проблематичны.

Только въ одномъ отношеніи замѣтенъ успѣхъ послѣ войны, это въ искусствѣ, и въ особенности выиграла архитектура Берлина. Въ прежнее время улицы были похожи на длинныя казармы и одинъ домъ былъ такъ похожъ на другой, что можно было смѣшать одинъ съ другимъ. Со времени войны начали появляться, напротивъ, большія красивыя постройки, которыя придаютъ городу совсѣмъ иную фізіономію. Въ нихъ, конечно, нѣтъ опредѣленнаго и оригинальнаго стила, но уже употребляемый на элегантныя постройки матеріалъ, песчаникъ, гораздо красивѣе кирпича. Одно искусство вліяетъ на другое, и если Берлинъ становится красивымъ городомъ, то можно надѣяться и на то, что искусство мало по-малу распространится повсюду. Предварительное необходимое условіе для этого состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы городъ сдѣлался богаче, такъ какъ до сихъ поръ онъ далеко отставалъ въ этомъ отношеніи отъ большихъ городовъ Европы—Парижа, Лондона, Вѣны или Петербурга.

Искусство въ сильной степени поощряется кронпринцессою, которая сама опытный художникъ, и съ удовольствіемъ видитъ близъ себя художниковъ. Во время этого карнавала она представила новое доказательство своего художественнаго вкуса, устроивши съ помощію лучшихъ берлинскихъ художниковъ, во главѣ которыхъ въ качествѣ главнаго руководителя былъ Гейденъ, большой костюмированный праздникъ въ своемъ дворцѣ, причѣмъ всѣ костюмы съ пунктуальною точностію были приготовлены по средневѣковымъ итальянскимъ и нѣмецкимъ образцамъ. Главное на этомъ праздникѣ—была процессія—торжество искусства. Праздникъ восхваляется всѣми участвующими въ немъ, какъ нѣчто небывалое. Императоръ былъ такъ восхищенъ, что пожелалъ повторить процессію на другой день въ своемъ дворцѣ во время бала. На балѣ участвовали, само собою разумѣется, всѣ представители и представительницы красоты, и только присутствіе художниковъ обуславливалось единственно ихъ искусствомъ. Вообще, предпочтеніе художникамъ составляетъ характеристическую черту теперешней жизни двора. На вечерахъ у императрицы по четвергамъ бывають Адольфъ Менцель, Бертольдъ Ауэрбахъ и другіе корифеи литературы и искусства. Точно также ихъ принимаютъ и въ другіе салоны, и Адольфъ Менцель недавно превосходно изобразилъ салонъ г-жи Тлейпицъ (супруги министра двора), со всѣми его посѣтителями.

К.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

ПО ПОВОДУ СПИРИТИЗМА *)

М. Г. „Есть много на свѣтѣ вещей, другъ Горацио, которыя во снѣ не снились нашимъ мудрецамъ!“. Эти общезвѣстныя слова Шекспира были публично высказаны непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ, К. С. Веселовскимъ, по поводу открытія мною педогезиса у насѣкомыхъ, открытія, которому ученый міръ долгое время не хотѣлъ вѣрить. Теперь мнѣ приходится самому повторить эти слова по поводу фактовъ, о которыхъ я желаю рассказать вамъ и которымъ, надѣюсь, также не повѣритъ ни ученый міръ, ни наша скептическая публика. Тѣмъ не менѣе я рѣшился на ихъ сообщеніе, заранее извиняясь передъ вами за длинноту моего письма, и убѣдительноше прося васъ помѣстить его на страницахъ вашего журнала.

Четыре года тому назадъ, по возвращеніи моемъ изъ-заграницы, я былъ немало удивленъ, услыжавъ, что другъ мой, профессоръ Бутлеровъ, человекъ, котораго я знаю болѣе 20 лѣтъ и мнѣніямъ котораго я привыкъ вѣрить и дорожить ими, совершенно увлеченъ спиритическими воззрѣніями. Толкуя съ нимъ нѣсколько разъ о спиритизмѣ, я вѣрилъ и не вѣрилъ въ существованіе тѣхъ явленій, о которыхъ онъ заявлялъ, какъ очевидецъ, тѣмъ болѣе, что не задолго передъ этимъ опытъ съ спиритическими явленіями, произведенный въ стѣнахъ университета, въ присутствіи Юма, потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Кромѣ того, мнѣніе нашихъ журналовъ и заграничной прессы было далеко не въ пользу Юма. Понятно послѣ этого, что я съ крайней недоувѣрчивостью и даже неохотой воспользовался приглашеніемъ Бутлерова посѣтить сеансы Юма, который жилъ въ его квартирѣ. Въ одинъ вечеръ я, вмѣстѣ съ двумя моими добрыми знакомыми, явился на приглашеніе. Юмъ былъ боленъ, и я предложилъ

*) Имя автора и избранный имъ предметъ, обратившій на себя въ послѣднее время, такъ или иначе, вниманіе въ обществѣ, и не въ одномъ нашемъ обществѣ, возбуждаютъ насъ исполнить выраженное почтеннымъ профессоромъ зоологіи здѣшняго университета Н. П. Вагнеромъ желаніе сообщить нашимъ читателямъ его обращеніе къ намъ.—М. С.

сдѣлать опытъ безъ его участія,—на что Бутлеровъ и присутствующіе согласились. Я самъ выбралъ столъ, который ни разу не былъ употребляемъ въ спиритическихъ сеансахъ, небольшой, но довольно тяжелый круглый столъ на четырехъ прямыхъ ножкахъ. Мы сѣли впятеромъ: я, двое моихъ знакомыхъ, также ни разу не видавшихъ спиритическихъ явленій, Бутлеровъ и одна, также моя давнишняя знакомая, весьма почтенная дама, крайне боявшаяся этихъ явленій, какъ несомнѣнной чертовщины. Мы сѣдѣли и разговаривали, положивъ руки на столъ, минутъ двадцать; столъ не двигался. Вдругъ дверь отворяется и входитъ Юмъ, до половины закутанный пледомъ.

— А! вотъ вы чѣмъ занимаетесь?! Позвольте и мнѣ присѣсть...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. говоримъ мы.—Васъ-то намъ и не надо!...

— Позвольте, я только на одну минутку, *tout un petit moment!*...—И онъ садится подлѣ меня.

Не прошло пяти минутъ, какъ столъ началъ двигаться ко мнѣ.

— Это вы двигаете?—говорю я сѣдѣвшей противъ меня дамѣ.

— Положите,—говоритъ Юмъ,—всѣ руки ладонями кверху,—и самъ дѣлаетъ тоже.

Столъ продолжаетъ двигаться.

— А ноги ваши гдѣ?—спрашиваю я Юма.

— Вотъ мои ноги!—И онъ кладетъ обѣ свои ноги, закутаннымъ пледомъ, на мои и смотритъ на меня въ упоръ. Столъ продолжаетъ двигаться все въ томъ же направленіи, и притискиваетъ меня къ стулу.

Таково было мое первое знакомство съ спиритическими явленіями. Результатъ опыта былъ рѣзокъ, поразителенъ. Я былъ въ положеніи человѣка, передъ глазами котораго свершилось нѣчто необыкновенное, въ чемъ онъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета.

Столъ двигался, это несомнѣнно,—двигался безъ участія кого-либо изъ присутствующихъ, потому что эти присутствующіе не могли, не имѣли ни цѣли, ни выгоды меня мистифицировать. Исключеніе составляла только одинъ Юмъ. Но его руки и ноги были подъ контролемъ моихъ глазъ.

Съ одной стороны, я дѣлалъ различныя предположенія, ставилъ одну теорію за другой, чтобы объяснить видѣнное. Но тамъ, гдѣ нѣтъ данныхъ для этой постановки, тамъ поле для теорій не имѣетъ границъ.

Съ другой стороны, мнѣ невольно представлялся вопросъ: ну, а если все это фокусничество, ловкое притязаніе, искусство, доведенное до тонкости, неуловимой для нашего глаза? Признаться, это предположеніе мнѣ казалось наиболѣе вѣроятнымъ. Я даже не могъ совершенно отрѣшиться отъ него. Я припоминалъ различныя

слухи и журнальные толки о спиритическихъ сеансахъ. Для меня становилась подозрительна эта постоянная, казалось мнѣ, игра однихъ и тѣхъ же условій, постоянное верченье столовъ, явленіе стукомъ и ружь. Не найдено ли было такъ-называемыми „медіумами“ какого-нибудь средства или способа постоянно мистифицировать и эксплуатировать публику, довѣрчивую и склонную къ мистицизму? Но въ то же время допускать фокусничество въ данномъ случаѣ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходили спиритическія явленія въ присутствіи Юма, мнѣ казалось дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ.

Юмъ, родственникъ по женѣ профессору Бутлерову, жилъ въ его квартирѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно, Бутлеровъ и его домашніе имѣли случай наблюдать за нимъ постоянно въ теченіи довольно долгаго періода времени. Невозможно, чтобы кто-либо въ это время не подмѣтилъ какихъ-либо подготовленій; а тѣ явленія, которыя происходили въ его сеансахъ, требовали не одного ловкаго притворства, а махинацій болѣе или менѣе сложныхъ и, слѣдовательно, весьма затруднительныхъ для выполненія.

Изъ личнаго моего знакомства съ Юмомъ и рассказовъ Бутлерова я узналъ о немъ слѣдующее. Юмъ прежде всего человѣкъ болѣзненно-нервный, способный впадать въ сомнамбулическое состояніе, человѣкъ, подверженный почти постоянно разнымъ припадкамъ, о которыхъ наши медицинскія познанія слишкомъ недостаточны и темны. Во время его пребыванія здѣсь, въ Петербургѣ, я имѣлъ случай присутствовать на двухъ его спиритическихъ сеансахъ. Въ одномъ изъ этихъ сеансовъ ровно ничего не произошло. Были легкія, незначительныя движенія стола, слабыя, едва уловимыя, неопредѣленные стуки. Мы сидѣли около полутора часа вокругъ ломбернаго стола, и разошлись весьма недовольные этой неудачей. А между тѣмъ на эффектъ этого сеанса Юмъ очевидно рассчитывалъ. Сеансъ былъ заранее указанъ и обставленъ мистическими подготовленіями. Во время его одна дама постоянно играла въ сосѣдней комнатѣ разныя шотландскія мелодіи. Этотъ сеансъ мнѣ ясно показалъ, что Юмъ не можетъ управлять или располагать спиритическими явленіями, что они находятся внѣ его воли.

Другой сеансъ былъ довольно удаченъ; онъ точно такъ же, какъ и первый, происходилъ за ломбернымъ столомъ, раскинутымъ и покрытымъ тонкой шерстяной салфеткой. На столѣ горѣли двѣ стearиновые свѣчи, лежалъ колокольчикъ и гармоника. За столомъ, кромѣ Юма и меня, сидѣло пять человѣкъ, изъ которыхъ трое были мои зрѣшіе знакомые или товарищи. Одинъ изъ незнакомыхъ, сидѣвшій лѣвую руку Юма, былъ старый генералъ, давно уже занимающійся

спиритизмомъ. Я сидѣлъ по правую сторону Юма. Минуть черезъ десять-пятнадцать послѣ начала сеанса, начались легкія движенія дрожанія стола и стуки. Столъ слегка наклонялся то на ту, то на другую сторону, и это движеніе, очевидно, не было произведено Юмомъ. Его руки свободно лежали на столѣ; онъ часто синилъ ихъ, складывалъ ладонями вмѣстѣ, и очевидно, не обращалъ на нихъ, занятый разговоромъ, никакого вниманія. Раза два кресло его вмѣстѣ съ нимъ отодвигалось отъ стола, онъ преспокойно придвигалъ его снова, говоря: „меня оттолкнули!“—Чѣмъ дольше мы сидѣли, тѣмъ сильнѣе становились явленія, причемъ въ нихъ замѣчалась очевидная періодичность. Они какъ-бы наплывали волнами, достигали до очевиднаго максимума, послѣ котораго наступало полное затіеніе. Стуки, сперва едва уловимые, которые были слышны только Юму и людямъ, привыкшимъ къ нимъ, сдѣлались вполне явственными. Стуки глухіе, какъ-бы подъ сурдинкой, но происходившіе безъ сомнѣнія въ опредѣленныхъ мѣстахъ — въ столѣ, въ стѣнахъ, въ полу, подъ нашими ногами. Одинъ разъ, когда столъ очень сильно и послѣдовательно наклонялся на всѣ четыре стороны, каждый наклонъ его сопровождался очень сильнымъ рѣзкимъ стукомъ, какъ будто внутри стола, въ самую его середину, кто-то ударялъ со всего размаха кулакомъ. При этихъ стукахъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ послѣдовательно, одинъ изъ присутствовавшихъ, постоянно занимавшійся спиритизмомъ, спросилъ, нужна ли будетъ азбука; вслѣдъ за этимъ вопросомъ раздались три удара, и присутствовавшій началъ отчетливо и мѣрно произносить французскій алфавитъ. Съ нѣкоторыми буквами совпадали стуки въ столѣ и принимались за указанія на эти буквы. Но никакого слова изъ этихъ буквъ не составилось. Признаюсь, этотъ процессъ стологоворенія на меня произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе. Я уже прежде слышалъ объ этихъ таинственныхъ и ребяческихъ сообщеніяхъ съ духами, и мнѣ непріятно было сознавать, что я самъ теперь принимаю до нѣкоторой степени участіе въ этомъ суевѣрномъ приѣмѣ. Я очень былъ радъ, что этотъ приѣмъ оказался неудачнымъ, но въ то же время думалъ, что онъ могъ удался, и что очень легко могло, вслѣдствіе случайныхъ совпаденій, образоваться изъ указанныхъ буквъ слово къ крайнему удовольствію присутствовавшихъ спиритовъ.

Вскорѣ послѣ этого неудачнаго стологоворенія, салфетка на столѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Юмъ, начала натягиваться, какъ будто кто-нибудь тащилъ ее внизъ. Вслѣдъ затѣмъ около лѣвой руки Юма ближе ко мнѣ, появилось небольшое возвышеніе или бугорокъ, который двигался и переходилъ съ одного мѣста на другое. Я быстро положилъ на него свою руку, и бугорокъ исчезъ. Вскорѣ онъ снова

появился, почти на томъ же мѣстѣ, ближе ко мнѣ, причѣмъ форма его яснѣе опредѣлилась. Онъ напоминалъ сложенный кулакъ или горсть руки. Я снова быстро прижалъ его рукой, и онъ опять мгновенно исчезъ. Юмъ взялъ со стола гармонику, опустилъ ее внизъ клавиатурою, держа на вѣсу въ уровнѣ со столомъ въ той сторонѣ, гдѣ сидѣлъ генераль. Гармоника начала дѣлать сильныя размахи, качаясь свободнымъ концомъ то въ ту, то въ другую сторону. Черезъ нѣсколько минутъ Юмъ отнялъ свою руку, гармоника держалась на воздухѣ.

— Monsieur le général!—обратился онъ къ генералу—посмотрите пожалуйста, внизу ее кто-то держитъ.

Генераль нагнулся и провелъ рукою между поломъ и гармоникою.

— Никого нѣтъ!—сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она упала. Юмъ поднялъ ее. Доска съ клавиатурою оказалась отклеенною.

— А! вотъ почему она не могла играть!—догадался онъ.

Но почему же она могла держаться въ воздухѣ, и притомъ съ отклеенной доской?

Изъ всѣхъ видѣнныхъ явленій я вынесъ одно ясное, неопровержимое убѣжденіе: движеніе стола и стуки дѣйствительно существуютъ. Это суть явленія чисто-реальныя, объективныя, вѣроятно принадлежащія съ одной стороны къ области физики, а съ другой—къ явленіямъ психическимъ. Но далѣе слѣдуетъ, казалось мнѣ, другая сторона этихъ явленій. При особенномъ настроеніи всѣхъ присутствующихъ и въ особенности медиума, который представляетъ нѣчто въ родѣ камертона въ засѣдающемъ кружкѣ,—эти явленія переходятъ незамѣтно въ субъективныя, въ область галлюцинацій, паники, психіатріи. Вотъ почему въ этихъ явленіяхъ сильно играетъ мистическій элементъ и тѣ странныя толкованія, которыя приписываютъ имъ спириты. Нѣсколько разъ во время послѣдняго засѣданія Юмъ спрашивалъ присутствующихъ: не видать ли они что-то бѣлое, что стоитъ впереди его передъ столомъ? Но этотъ предметъ былъ видѣнъ только для Юма, или, лучше сказать, онъ существовалъ только въ его воображеніи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что еслибы особенное, загадочное нервное настроеніе, которое можетъ эпидемически распространяться, охватило насъ, то и мы стали бы участниками этой галлюцинаціи, и мы точно также увидали бы это нѣчто бѣлое, которое при дальнѣйшемъ развитіи болѣзненнаго настроенія могло бы принять форму человѣческой фигуры. Точно также могли показаться объективными тѣ кажущіяся прикосновенія, которыя ощущали нѣкоторые изъ присутствующихъ. Я самъ чувствовалъ, какъ что-то касалось моего колѣна, но ощущеніе было такъ слабо, такъ неопредѣ-

ленно, что я нисколько не затруднился принять его за чисто субъективное. Мнѣ казалось, что рядъ спиритическихъ явленій начинается всегда съ объективныхъ, совершенно реальныхъ, выраженныхъ болѣ или менѣ опредѣленно стуками и движеніями стола. Затѣмъ, когда присутствующіе, съ одной стороны утомятся долгимъ сидѣньемъ, а съ другой—нервная система ихъ начнетъ приходить въ особенное возбужденное состояніе, въ это время начинается рядъ тѣхъ обманимыхъ явленій, которыя всѣ спириты признають за дѣйствительныя.

Но какія же причины вызываютъ реальные спиритическія явленія? Этотъ вопросъ остался для меня и остается до сихъ поръ совершенно темнымъ. Я весьма желалъ бы изслѣдовать ихъ, но для этого у меня не было средствъ. Для этой цѣли, какъ я убѣдился, необходимо присутствие медиума, т.-е. лица, котораго нервная система вѣроятно имѣетъ весьма тонкое, но тѣмъ не менѣ достаточно сильное отличіе отъ нервной системы обыкновенныхъ людей и можетъ вызывать всѣ эти явленія, которыя, мнѣ кажется, можно назвать психодинамическими. Я сильно нападалъ на Бутлерова и А. Н. Аксаова, который принималъ почти постоянное участіе въ спиритическихъ сеансахъ Юма, нападалъ за то, что они не ведутъ дѣло чисто-научнымъ путемъ и не превращаютъ свои сеансы въ рядъ психо-физическихъ опытовъ и изслѣдованій. Въ отвѣтъ на эти нападки я постоянно получалъ отговорки, что всѣ эти явленія чрезвычайно капризны, вѣднчивы, что они трудно подчиняются условіямъ опыта и необходимы цѣлые годы для того, чтобы получить здѣсь что-либо опредѣленное. И въ доказательство этому приводилось изслѣдованіе надъ этимъ предметомъ извѣстнаго англійскаго химика Крукса. Я прочелъ объ этихъ изслѣдованіяхъ въ небольшой брошюрѣ, изданной г. Аксаковымъ для русской публики ¹⁾).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года я снова былъ приглашенъ г. г. Аксаковымъ и Бутлеровымъ участвовать въ спиритическихъ сеансахъ, которые обуславливались другимъ медиумомъ, г. Бредифомъ. Я принялъ приглашеніе, и въ свою очередь пригласилъ одного моего добраго пріятеля, физиолога, доктора А. Въ кружѣ нашемъ пожелала принять также участіе жена г. Аксаова, и такимъ образомъ онъ составилъ изъ шести постоянныхъ участниковъ. Кромѣ того, въ эти сеансы были приглашаемы одинъ изъ моихъ товарищей, натуралистомъ, одинъ молодой, но извѣстный намъ зоологъ, и одинъ также молодой химикъ, ученикъ Бутлерова.

Камилль Бредифъ принадлежитъ въ числу профессиональныхъ медиумовъ, т.-е. такихъ, которые являются въ сеансы по найму. Фраг-

¹⁾ „Спиритуализмъ и наука“, 1872, 120 стр.

цузъ изъ Парижа, торговецъ фарфоромъ, пожелавшій, съ выгодой для собственнаго кармана, воспользоваться тѣми медиумическими способностями, которыми природа довольно щедро снабдила его организацію, молодой человекъ, небольшого роста, съ довольно благообразной, добродушной, хотя нѣсколько тривиальной фізіономіей, и живыми черными глазами. Понятно, что личность подобнаго рода внушала очень мало довѣрія, и необходимо было почти постоянно контролировать его руки и ноги, для того, чтобы убѣдиться, что явленія, происходившія въ этихъ сеансахъ, совершались безъ участія этихъ рукъ и ногъ. Я буду говорить здѣсь только о явленіяхъ, которыя происходили въ то время, когда руки медиума были подъ руками или въ рукахъ его сосѣдей, и на его ногахъ также стояли ноги лицъ рядомъ съ нимъ сидѣвшихъ. Притомъ въ реальности и неподдѣльности совершавшихся явленій я убѣдился неоднократнымъ повтореніемъ ихъ при различныхъ условіяхъ. Такъ, напр., движенія стола, хотя очень слабыя, совершались въ томъ случаѣ, когда руки и ноги присутствующихъ не касались его.

Всѣхъ сеансовъ было десять, и всѣ они происходили въ квартирѣ г. Аксакова, за различными столами. Всего чаще употреблялся столъ небольшой, квадратный, на четырехъ прямыхъ ножкахъ безъ перекладней. Освѣщеніе обыкновенно состояло изъ одной стеариновой свѣчи, но такъ какъ спиритическія или, правильнѣе, медиумическія явленія при слабыхъ медиумахъ удобнѣе совершаются въ темнотѣ, то иногда мы заслоняли свѣчу ширмочкой, или гасили ее, причѣмъ руки и ноги медиума находились въ рукахъ и подъ ногами сосѣдей. Съ правой стороны его обыкновенно сидѣлъ я.

Пять-десять минутъ спустя послѣ начала сеанса, начинались явленія. Сила ихъ, интензивность зависѣли отъ различныхъ, въ большинствѣ случаевъ неопредѣлимыхъ причинъ. Такъ, присутствіе лицъ внѣ кружка обыкновенно вредило имъ, но всего болѣе мѣшало этимъ явленіямъ присутствіе такихъ лицъ, которыхъ организація представляетъ какую-то удивительную неспособность къ восприниманію и участію въ этихъ явленіяхъ. Свойства индивидуальности здѣсь, очевидно, играютъ значительную роль, и это всего болѣе доказывается существованіемъ медиумовъ. Ниже я буду имѣть случай говорить объ этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе.

Движенія стола можно раздѣлить на дрожанія, перемѣщенія или приближенія его къ одному изъ присутствующихъ, качанья, наклоны, выстукиванья и поднятія. Дрожанія или сотрясенія стола всего чаще являются при началѣ сеанса. Иногда они бывають такъ сильны, что пламя свѣчи, стоящей на столѣ, также дрожить. Я не придаю особеннаго значенія этимъ движеніямъ, такъ какъ они легко могутъ

быть произведены искусственно быстрыми сокращеніями двуголовыхъ мышць рукъ. Вообще, я долженъ сказать, что за неподдѣльность всѣхъ описываемыхъ движеній я не могъ бы ручаться, еслибы не убѣдился въ томъ посредствомъ небольшого кружка лицъ мнѣ хорошо знакомыхъ, которыя всѣ пожелали убѣдиться въ дѣйствительности этихъ явленій. Наши маленькіе сеансы были безъ официального или признаннаго медиума, и медиумическія явленія безъ сомнѣнія были вызваны однимъ изъ присутствующихъ, на котораго всякая доля взята на себя физиологическую роль медиума.

Качанія и передвиженія стола—одно изъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ медиумическихъ явленій. Всего чаще онъ придвигается къ медиуму, какъ будто въ немъ присутствуетъ и развивается какая-то притягательная сила, которая сообщаетъ столу это движеніе. Но точно также онъ двигается безразлично во всѣ стороны. Эти движенія, и въ особенности качанія стола, почти всегда предшествуютъ какимъ-нибудь особннымъ явленіямъ; такъ, на примѣръ, поднятію стола на всѣхъ четырехъ ножкахъ вверху. Этотъ послѣдній родъ движенія безспорно принадлежитъ къ самымъ страннымъ и убѣдительнымъ. Первоначально столъ начинаетъ сильно раскачиваться и наклоняться во всѣ стороны. Затѣмъ, онъ упирается только одной ножкой въ полъ и вдругъ плавно, ровно поднимается на воздухъ. Я припомню здѣсь, что руки присутствующихъ лежатъ всѣ на столѣ. Если всѣ другія движенія еще можно объяснить, разумѣется, гипотетически, безсознательнымъ сокращеніемъ мышць, которое передается то тому, то другому изъ присутствующихъ, то эти поднятія стола не подлежатъ такому объясненію. Столъ поднимается на вершокъ, на четверть, даже на полъ-аршина отъ полу, и тотчасъ мгновенно снова падаетъ. Но иногда онъ держится въ этомъ положеніи нѣсколько мгновеній, а одинъ разъ онъ висѣлъ въ воздухѣ въ продолженіи двѣнадцати секундъ. Два раза я былъ свидѣтелемъ, какъ столъ совершенно взлеталъ на воздухъ. Оба эти раза въ комнатѣ была или полная темнота, или освѣщеніе входило сквозь растворенную дверь изъ другой комнаты. При такомъ поднятіи всѣ присутствующіе, разумѣется, должны были встать съ своихъ мѣстъ. Въ первый разъ Бредифъ торопливо положилъ обѣ свои руки мнѣ на голову, крича: вотъ мои руки! — съ цѣлью убѣдить меня въ неподдѣльности этого движенія съ его стороны. Во второй разъ я быстро оцупалъ ножку, которая обращена была къ Бредифу; руки его на ней не было, а вѣсъ стола былъ таковъ, что поднять его, а тѣмъ болѣе держать на воздухѣ за одну ножку, хотя бы обѣими руками, было положительно невозможно. Вѣсъ стола равнялся девяти вилб.

Не менѣе поразительное явленіе представляетъ измѣненіе тяжести стола, которое совершается по желанію присутствующихъ. Къ одной сторонѣ стола былъ прикрѣпленъ динамометръ, и вѣсъ этой стороны равнялся 7-ми килб. Когда же тяжесть стола увеличивалась, то динамометръ показывалъ отъ 25-ти до 30-ти килб. Для доказательства, что это увеличеніе тяжести не зависѣло отъ рукъ присутствующихъ, всѣ эти руки держались надъ столомъ, не касаясь его.

Самое убѣдительное доказательство неподдѣльности этихъ явлений представляетъ движеніе предметовъ, находящихся въ сторонѣ отъ стола, за которыми происходить сеансы. Такъ, довольно большой столъ, который стоялъ позади меня и болѣе чѣмъ на полъ-аршина отъ столика, за которымъ мы сидѣли, вдругъ быстро двинулся къ намъ и ударилъ меня въ спину съ такою силой, что на спинкѣ моего стула остались знаки.

Интересны также тѣ стуки, которые почти всегда сопровождаютъ медіумическіе сеансы. Обыкновенно они находятся въ компенсаціи съ движеніями стола, такъ что одни замѣняютъ другія. Чѣмъ сильнѣе вообще медіумическія явленія, тѣмъ опредѣленнѣе и рѣзче эти стуки. Слабые медіумы не способны вызывать ихъ, и всегда они начинаются послѣ того, какъ движенія стола уже ясно опредѣлились. Интенсивность и характеръ этихъ стуковъ бываютъ чрезвычайно разнообразны. Въ одномъ случаѣ это глухіе, неопредѣленные удары чѣмъ-то мягкимъ, которые слышатся въ столѣ, въ стѣнахъ, шкафахъ, въ полу комнаты. Въ другомъ случаѣ это рѣзкіе, опредѣленные удары чѣмъ-то твердымъ, которые слышатся въ разныхъ точкахъ стола, но всегда на его нижней поверхности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти стуки напоминаютъ удары ногтей въ ножки стола или въ нижнюю поверхность столешницы. Самыя интересныя изъ этихъ явлений представляютъ звукоподражающіе шумы. Такъ, на примѣръ, если кто-либо изъ участвующихъ проводитъ по столу чѣмъ-либо твердымъ, бородкой ключа, или дѣлаетъ на немъ кругъ и ударяетъ въ центръ его, то тотчасъ же на нижней поверхности слышится точно такой же звукъ, но болѣе глухой.

Но самыя удивительныя медіумическія явленія представляютъ тѣ заранѣе условленные, осмысленные знаки, которыя составляютъ сущность стологоворенія. Для меня эта область явлений, какъ я выше замѣтилъ, была внѣ всякаго вѣроятія, и только рядомъ несомнѣнныхъ доказательствъ я пришелъ къ убѣжденію въ ея существованіи. Столъ представлялъ очевидно орудіе какой-то интеллектуальной силы, которая болѣе или менѣе опредѣлительно и вполне осмысленно отвѣчала на наши вопросы или говорила съ нами. При этомъ, по предварительному соглашенію одинъ ударъ принимался за отрицаніе,

два за сомнѣніе, три за утверженіе. Эти удары выражались или стуками, или ударами ножки стола въ полъ. Нерѣдко при этомъ столъ придвигался къ стулу, на которомъ сидѣлъ докторъ А., и ударялъ ножкой въ этотъ стулъ. Докторъ А. отодвигался отъ этого надѣдливаго сосѣда, но столъ упорно преслѣдовалъ его и продолжалъ свое дѣло. Обыкновенно кто-либо изъ участвующихъ, по указанію стола, произносилъ азбуку русскую, французскую или нѣмецкую, и стуки отмѣчали тѣ буквы, которыя были необходимы. Нерѣдко процессъ этотъ, утомительный и скучный для произносящаго, замѣнялся просто печатной азбукой, на буквы которой указывалъ одинъ изъ насъ. Очень часто по нашему желанію столъ произносилъ цѣлыя длинныя фразы на выворотъ, или русскими буквами складывалъ французскія и итальянскія слова. Такимъ образомъ русскими буквами была сложена цѣлая фраза изъ Данте:

Nessun maggior dolore che ricordarsi dei tempi felici nella miseria...

Какъ образецъ такого стологоворенія, я приведу разговоръ, полученный нами въ одномъ изъ первыхъ засѣданій. Столъ вытребовалъ французскую азбуку, которую произносилъ Бредифъ, и совершенно правильно сложилъ:

Licht! mehr Licht!

—къ крайнему удивленію всѣхъ насъ, которые очень хорошо знали, что Бредифъ ни слова не знаетъ по-нѣмецки. Мы приняли эту фразу буквально, и свѣчу, которая стояла въ сторонѣ, поставили прямо на столъ. Затѣмъ уже, послѣ сеанса, мы вспомнили, что эта фраза были послѣднія слова умирающаго Гёте.

— *Göthe hergeben!*—выговорилъ столъ.

— Требуется сочиненія Гёте?—спросилъ Бутлеровъ по-нѣмецки, и столъ отвѣчалъ утвердительно.

— Который томъ?

Столъ простучалъ три раза.

— Чтб это? Стихи или проза?

— Стихи.

— На которой страницѣ слѣдуетъ читать?

Столъ указалъ на 21-ю страницу.

— Сверху?

— Да.

— Къ кому относится это мѣсто?

Было выговорено имя доктора А., и затѣмъ по прочтеніи указанной строфы сложено:

— *Du zollst der Wissenschaft mit Zeit und Geduld!*

Изъ приведеннаго образчика можно ясно видѣть общій характеръ тѣхъ фразъ и разговоровъ, которые ведутся въ медиумическихъ сеансахъ. Въ этихъ разговорахъ постоянно встрѣчаешь таинственность, неопредѣленность и уклончивость въ отвѣтахъ. На прямой вопросъ никогда не получается отвѣта также прямого. Докторъ А. предложилъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыми полагалъ хотя нѣсколько уяснить сущность дѣла. Столъ или отказывался отвѣчать, или отвѣчалъ отрицательно и уклончиво. Правда, всѣ эти вопросы были предложены письменно. Но точно то же случается и съ словесными вопросами. Такъ, на примѣръ, на вопросъ, въ чемъ источникъ той силы, которая производитъ медиумическія явленія—полученъ отвѣтъ:

— Geist und Stoff

И на предположеніе доктора А., что духъ здѣсь есть синонимъ силы—столъ отвѣчалъ:

— Kraft ist nicht immer Geist, Geist ist immer Kraft.

Нѣсколько разъ въ сложенныхъ фразахъ высказывалось ребячество или чистое сумасбродство. Эти бесѣды мнѣ удивительно напоминаютъ тѣ спутанные, безалаберные разговоры, которые часто ведутся во снѣ.

Позвольте остановиться здѣсь, чтобы поговорить вообще о медиумическихъ явленіяхъ, насколько этотъ предметъ мнѣ извѣстенъ.

Повторяю еще разъ, я глубоко убѣжденъ въ реальности этихъ явленій, и это убѣжденіе составилось иснодволь, длиннымъ рядомъ самыхъ мелочныхъ доказательствъ, которыя я провѣрялъ и обдумывалъ со всѣхъ сторонъ. Если какое-нибудь явленіе оставляло во мнѣ сомнѣніе во время сеанса, я тщательно наблюдалъ его въ слѣдующій сеансъ и не ставилъ его въ несомнѣнный, если подлинность его была для меня хотя немного подозрительна. Поэтому я не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ явленіяхъ, для безыскусственности которыхъ я не имѣю доказательствъ.

Всѣ эти явленія безспорно имѣютъ начало въ общихъ, физическихъ законахъ и подчиняются физическимъ законамъ. На нихъ, очевидно, вліяніе оказываютъ нѣкоторыя внѣшнія условія. Такъ, на примѣръ, сухость и холодъ воздуха мѣшаютъ имъ. Сила, которая производитъ эти явленія, безъ всякаго сомнѣнія сосредоточивается въ медиумахъ, т.-е. въ лицахъ, въ которыхъ дѣятельность нервной системы имѣетъ особый характеръ. Этими словами я вовсе не хочу сказать, чтобы эта дѣятельность отличалась качественно отъ дѣятельности другихъ нервныхъ людей. Нѣтъ! Мнѣ кажется, что всѣ эти люди болѣе или менѣе медиумичны, но медиумы представляютъ проявленіе этой дѣя-

тельности въ высшей степени. При нихъ, въ особенности при такихъ сильныхъ медиумахъ, какъ Юмъ, явленія могутъ совершаться безусловно, безъ спиритическихъ сеансовъ и столовъ. Но присутствіе этой дѣятельности подлежитъ очевиднымъ колебаніямъ. Вотъ причины, почему спиритическіе сеансы часто не удаются. Юмъ самъ говорилъ мнѣ, что медиумичность иногда совершенно оставляетъ его на нѣсколько мѣсяцевъ. Эта сила поддерживается и развивается въ присутствіи кружка во время спиритическихъ сеансовъ, — и лица, участвующія въ кружкѣ, приходятъ въ особенное настроеніе, согласное съ настроеніемъ медиума. Несомнѣнные факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что нервное настроеніе медиума сообщается присутствующимъ въ сеансѣ. Такъ, въ спиритической хроникѣ есть нѣсколько случаевъ, гдѣ лица немедиумичныя получили способность медиумичности, бывавъ въ спиритическихъ сеансахъ въ присутствіи сильнаго медиума. Очевидно, эта способность можетъ такъ же передаваться, какъ многія нервныя болѣзни. Я очень хорошо понимаю, что предлагаемое объясненіе съ физиологической точки зрѣнія вполнѣ несостоятельно. Но я не могу придумать другого, которое лучше бы обрисовывало существующіе факты. Я не могу допустить здѣсь только одно безсознательное движеніе мышцъ и объяснить имъ всѣ медиумическія явленія, какъ это пытался сдѣлать Фарадѣ, лѣтъ 20 тому назадъ, — или принять странную теорію „безсознательной церебрація“, которую недавно предложилъ Карпентеръ, и которая ровно ничего не объясняетъ.

Одинаковому настроенію медиума съ кружкомъ лицъ, участвующихъ въ сеансѣ, сильно помогаетъ музыка. Въ сеансахъ, въ которыхъ я присутствовалъ, почти всегда игралъ маленькій ящикекъ съ музыкой. Обыкновенно, медиумическія явленія усиливались подъ эту музыку и переставали вмѣстѣ съ ней, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ періодическихъ приливовъ и отливовъ, которымъ они вообще подвержены. Очень часто стуки идутъ въ тактъ съ играющей музыкой, а одинъ разъ я видѣлъ, какъ столь буквально выпрыгивалъ подъ тактъ хивинскаго марша. Понятно, что всѣ условія, разстраивающія гармоническія отношенія кружка, вредятъ медиумическимъ явленіямъ. Споры, ажитация лицъ, въ немъ участвующихъ, громкій, оживленный разговоръ, посторонній стукъ или шумъ, быстрыя, рѣзкія, угловатая движенія — все это мѣшаетъ этимъ явленіямъ или вовсе ихъ останавливаетъ. Здѣсь кроется одна изъ причинъ, почему спиритическіе сеансы устраиваются по вечерамъ, когда дневной шумъ и возня затихаютъ.

Расположеніе лицъ, участвующихъ въ сеансѣ, имѣетъ огромное вліяніе на его успѣхъ, въ особенности, при началѣ сеанса, когда

явленіе только-что развивается. При этомъ, какъ я замѣтилъ, лица наиболѣе медиумичныя должны сидѣть другъ противъ друга, а затѣмъ должны чередоваться лица болѣе медиумичныя съ немедиумичными. Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ, какъ явленія шли чрезвычайно вяло или вовсе не развивались при дурномъ размѣщеніи лицъ. Спириты въ этихъ случаяхъ обыкновенно прибѣгаютъ къ указаніямъ стола, но эти указанія въ началѣ сеанса бываютъ весьма сбивчивы и непонятны.

Почему столъ, этотъ странный посредникъ спиритическихъ сеансовъ, необходимъ для медиумическихъ явленій? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только гадательно, какъ и на все, касающееся спиритизма. Конечно, столъ не представляетъ непремѣннаго условія для медиумическихъ явленій. Онъ удобно и, полагаю, съ болѣею выгодой можетъ быть замѣненъ другимъ столообразнымъ аппаратомъ, на которомъ могли бы лежать руки участвующихъ въ сеансѣ. Вообще, въ этомъ отношеніи, сколько мнѣ извѣстно, было сдѣлано весьма мало опытовъ. Теплота, а очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ ней и электричество лицъ, сидящихъ за столомъ, концентрируются въ столешницѣ и за тѣмъ переходятъ въ движенія. Одновременно или нѣсколько позднѣе къ этимъ двумъ силамъ присоединяется психическая сила. Такъ я называю ту силу, которая составляется изъ всѣхъ силъ организма, соединенныхъ въ нѣчто общее, которое выражается индивидуальностью.

Медиумическія явленія приводятъ къ заключенію, что эта сила, подобно всѣмъ другимъ физическимъ силамъ, можетъ дѣйствовать на разстояніи, и что эффектъ ея не только отдѣляется отъ ея первоначальнаго источника, но даже можетъ, въ свою очередь, дѣйствовать, какъ нѣчто до нѣкоторой степени самостоятельное. Я объясню эти слова общедоступнымъ примѣромъ. Теплота выходитъ изъ какаго-нибудь источника и переходитъ въ окружающія тѣла, которыя ее поглощаютъ. Затѣмъ, та же самая теплота можетъ уже дѣйствовать, въ свою очередь, въ этихъ тѣлахъ независимо отъ ея первоначальнаго источника. Я не вижу ничего невозможнаго допустить, что психическая сила, которая, вѣроятно, есть смѣсь или соединеніе различныхъ общихъ физическихъ силъ, можетъ выходить изъ человѣка, какъ изъ первоначальнаго источника и дѣйствовать до нѣкоторой степени на разстояніяхъ. До сихъ поръ не было примѣра подобныхъ явленій, и такое предположеніе или сопоставленіе общихъ физическихъ силъ съ психическими могло считаться чистымъ *pop sens*. Но вотъ, открываются медиумическія явленія, и въ нихъ мы видимъ подтвержденіе такого тождества.

Я очень хорошо понимаю, что высказанное объясненіе *крайне*

неудовлетворительно, но я предлагаю его только какъ попытку перевести на физиологическій или психологическій языкъ видѣнныя мною явленія. На самомъ дѣлѣ они такъ своеобразны, такъ далеки отъ всѣхъ данныхъ, существующихъ въ наукѣ, что всякое толкованіе здѣсь является слишкомъ *преждевременной* и *туманной гипотезой*. Одно только кажется несомнѣннымъ—всѣ эти явленія представляютъ продукты психической дѣятельности лицъ, участвующихъ въ сеансѣ, и преимущественно медиума.

Я перехожу теперь къ описанію явленій, видѣнныхъ мною въ спиритическихъ сеансахъ, которые были устроены совершенно иначе, чѣмъ обыкновенные.

Въ Лондонѣ и Америкѣ спириты давно уже приняли къ убѣжденію, что медиумическія явленія совершаются гораздо успѣшнѣе и интенсивнѣе въ томъ случаѣ, когда медиумъ сидитъ отдѣльно отъ кружка, въ темномъ помѣщеніи, за занавѣской, гдѣ онъ вскорѣ впадаетъ въ магнетическій сонъ. Такіе сеансы извѣстны подъ именемъ „*face seance*“. Мы приложили этотъ самый способъ къ Бредифу. Мысль этого приложенія пришла въ голову нѣкоторымъ спиритамъ, которые были свидѣтелями медиумическихъ явленій при такихъ условіяхъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Я опишу здѣсь одинъ изъ такихъ сеансовъ, который произошелъ въ средѣ нашего обыкновеннаго кружка, т.-е. состоящаго изъ меня, Бутлерова, Аксакова, жены его и доктора А. Сеансъ происходилъ, по обыкновенію, въ квартирѣ Аксакова. Одна изъ дверей его кабинета, съ глубокой амбразурой, была назначена для помѣщенія медиума. Опущенная портьера изъ тонкаго сѣраго сукна отдѣляла эту амбразуру отъ кабинета и дѣлала помѣщеніе совершенно темнымъ. Кстати замѣчу здѣсь, что темнота составляетъ одно изъ любимыхъ условій для медиумическихъ явленій, а для того отдѣла ихъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, это условіе превращается въ необходимость. Въ описываемомъ сеансѣ мы употребляли для освѣщенія одну стеариновую свѣчу, которая была поставлена въ углу комнаты и заслонена ширмочкой.

Предварительно передъ этимъ сеансомъ было обычное засѣданіе за столомъ. Вѣроятно, оно необходимо для того, чтобы привести всѣхъ участвующихъ въ сеансѣ въ одинъ согласный строй. Во время этого сеанса были обычные стуки, движенія, поднятія стола, и затѣмъ, спустя полчаса, мы приступили къ устройству сеанса *a parte*. Осмотрѣвъ, хорошо ли заперта дверь, которая вела въ амбразуру, превращенную въ темное помѣщеніе, и спрятавъ ключъ отъ нея, мы

заялись связываніемъ медиума, для того, чтобы предохранить себя отъ обмана съ его стороны. Способъ завязки былъ нами заранее тщательно обдуманъ. Для этой цѣли мы употребили тесьму, шириной въ $1\frac{1}{2}$ цент. Предварительно мы обвязали этой тесьмой кисти руки Бредифа, сдѣлавъ на каждой рукѣ тесемочной браслетъ, настолько плотно обхватывающій руку, что онъ никакимъ образомъ не могъ быть снятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько свободно завязанный, что онъ не мѣшалъ кровообращенію. Каждый изъ этихъ браслетовъ былъ завязанъ четырьмя узлами. Сквозъ эти браслеты мы продернули тесьму и затѣмъ посадили Бредифа на низенькій покойный стулъ, съ высокой спинкой, и пропустивъ конецъ этой тесьмы подъ стулъ, продернули его сквозъ каточекъ задней его ножки и завязали его здѣсь крѣпкимъ узломъ. Затѣмъ пропустили этотъ конецъ сквозъ каточекъ другой задней ножки, и закрѣпили его также узломъ. Далѣе, этотъ конецъ мы подняли вверхъ и, натянувъ, обвязали имъ лѣвую руку Бредифа выше локтя. Потомъ, протянули его поперекъ груди и обвязали правую руку. За этимъ, обернувъ его около спинки стула, привязали къ лѣвой рукѣ и отсюда провели опять подъ стулъ напередъ къ браслетамъ, гдѣ и закрѣпили нѣсколькими узлами. Затѣмъ, особой тесьмой были связаны ноги медиума. Привязанный, такимъ образомъ, плотно къ стулу, на которомъ онъ сидѣлъ, онъ былъ перенесенъ, вмѣстѣ съ стуломъ, и поставленъ въ амбразуру двери. Наложеныя завязки были такъ прилажены, что Бредифъ не могъ отодвинуть своихъ рукъ одну отъ другой далѣе, какъ на полвершка. Въ то же время эти руки, хотя свободно лежали на волѣнкахъ, но не могли быть отняты отъ нихъ, потому что тесьма привязывала ихъ къ стулу. Точно также нельзя было отодвинуть торсъ отъ стула, потому что тесьма обходила кругомъ его и спинки стула. Не было никакой физической возможности допустить, чтобы Бредифъ могъ самъ себя развязать. При томъ, на развязку пятнадцати крѣпкихъ узловъ, которыми онъ былъ завязанъ, потребовалось бы болѣе часу, а весь сеансъ продолжался часъ съ небольшимъ. Въ слѣдующіе сеансы мы разнообразили эти завязки и для полноты убѣжденія остановились на слѣдующей системѣ. На руки Бредифа надѣваются небольшіе мѣшочки изъ тюля и пришиваются къ обшлагамъ его сюртука. На концахъ оба мѣшочка сшиваются вмѣстѣ и къ нимъ пришивается тесьма, которая продѣвается подъ стулъ и привязывается на его спинкѣ въ особенному, нарочно ввернутому колечку. Затѣмъ, каждая рука его, выше локтя, также привязывается отдѣльной тесьмой къ колечку, ввернутому для этой цѣли въ спинку стула. Ноги также привязываются отдѣльными тесьмами къ переднимъ ножкамъ

стула. Осмотры послѣ сеансовъ каждый разъ убѣждаютъ насъ, что завязки остаются нетронутыми и тюлевые мѣшечки неизмятыми.

За занавѣскою, напротивъ Бредифа, былъ поставленъ маленький столикъ, на которомъ лежало нѣсколько чистыхъ лоскутковъ бумаги и карандашъ. Устроивши все это, мы опустили занавѣску, поставили передъ нею въ серединѣ небольшой столикъ, на которомъ положили тамбуринъ, колокольчикъ и нѣсколько карандашей. Около этого стола подлѣ самой занавѣски справа помѣстился Бутлеровъ, докторъ А. и г-жа Аксакова; слѣва сидѣлъ Аксаковъ и я. Вскорѣ мы перемѣнились съ нимъ мѣстами. Довольно большой ящикъ съ музыкой, поставленный на другомъ столѣ, игралъ во все продолженіе сеанса.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы сѣли, Бредифъ сказалъ: *O, ça vient! Je sens l'oppression...*—Затѣмъ за занавѣскою все смолкло. Черезъ три минуты послѣ этого мы услышали рѣзкіе стуки въ косякъ двери, и вся занавѣска заколыхалась, какъ будто кто-нибудь въ различныхъ мѣстахъ трогалъ ее руками. Вскорѣ въ серединѣ, въ разрѣзѣ, нѣсколько выше стола, за которымъ мы сидѣли, появилась рука. Хотя эта дрожащая рука оставалась нѣсколько мгновений и въ комнатѣ былъ полусвѣтъ, но тѣмъ не менѣе мы всѣ очень ясно видѣли форму этой руки, небольшой, узкой, женской руки, которая вовсе не походила на руку Бредифа. Вслѣдъ затѣмъ какъ она исчезла, я тихонько раздвинулъ портьеру и сквозь отверстіе ясно видѣлъ руки медиума, спокойно лежація на его колѣняхъ.

Затѣмъ мы услышали, какъ двигался маленький столикъ, который былъ за занавѣскою, услышали, какъ сильно шелестели бумажки, которыя лежали на столикѣ и какъ двигался по нимъ карандашъ. На вопросъ „Жеке, ты пишешь намъ? всѣмъ намъ?“ послѣдовали утвердительныя удары въ косякъ двери.

Я долженъ здѣсь привести небольшое объясненіе по поводу употребленнаго нами имени Жеке. — Спириты, которые пользовались услугами Бредифа, увѣряютъ, что къ нему является духъ китайской женщины, которая называетъ себя Жеке. Я, разумѣется, не желалъ вмѣшиваться въ эти суевѣрные объясненія. Мнѣ было все равно, подъ какимъ именемъ и при какихъ воображаемыхъ условіяхъ происходить явленія.

Черезъ нѣсколько мгновений мы услышали еще болѣе явственный шелестъ бумажками, какъ будто ихъ складывали. Затѣмъ занавѣска заколыхалась, кто-то дрожащими руками шарилъ около отверстія, и на мгновеніе выдвинулась опять та же рука и въ ней двѣ сложенные бумажки. Мы взяли ихъ. Одна была пустая, на другой нацарапана небольшая каракуля.—По окончаніи сеанса, когда мы осматривали темное помѣщеніе, то на полу нашли двѣ другихъ бумажки. На ед-

ной, на углу было написано Je..., на другой довольно четко и красиво Жеке—съ росчеркомъ. Въ теченіи слѣдующихъ сеансовъ эта подпись сдѣлалась гораздо тверже и явственнѣе. Кромѣ того, мы получили нѣсколько написанныхъ фразъ: Жеке. 11 Fevrier 23.,—Je vous aime, mais je...—Grâce à Dieu, je vais bien...

Затѣмъ мы услышали обычные пять ударовъ—требованіе азбуки. Стуки означили три буквы: T, a, m...—«Tambourin!»—догадались мы, и послѣ подтвержденія тамбурина былъ переданъ. Его тотчасъ же взяли и начали на немъ сильно выстукивать подъ тактъ музыки. При этомъ онъ отыбался въ разныхъ точкахъ темнаго помѣщенія. Но всего интереснѣе были прикосновенія этой руки, которая намъ являлась, или, правильнѣе говоря, при насъ образовалась, руки совершенно теплой, маленькой, женской, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенной человѣческой руки. Каждый изъ насъ, кто пожелалъ вдвинуть свою руку за занавѣску, чувствовалъ, какъ трогали его руку или пожимали его пальцы. Съ меня рука пробовала стащить кольцо и очень явственно зацѣпляла его ногтемъ. Черезъ сукно занавѣски мы всѣ совершенно явственно ощущивали эту руку; я сжималъ ея пальцы, ощущивалъ на нихъ ногти. Точно также эта рука или эти руки въ свою очередь схватывали и сжимали наши руки, утягивали ихъ внутрь темнаго помѣщенія. Одинъ разъ занавѣска, въ той сторонѣ гдѣ сидѣлъ медиумъ, сильно отодвинулась и приподнялась, такъ что Бутлеровъ и докторъ А., сидѣвшіе съ этой стороны, явственно видѣли Бредифа, сидящаго на стулѣ неподвижно, съ сложенными руками и завязками на локтяхъ, а надъ его головой мелькала изъ-за занавѣски бѣлая рука.

Всюрѣ послѣ этого явленія стали слабѣе и, наконецъ, вовсе прекратились. Мы услышали движенія и вздохи медиума, который просыпался. Мы тщательно осмотрѣли его положеніе. Всѣ наши узлы и завязки были не тронуты. Допустить какое-нибудь участіе съ его стороны или фокусничество было положительно невозможно. Правда, какой-нибудь скептикъ можетъ заподозрить самое помѣщеніе, косяки двери, наконецъ самую дверь, которая могла быть отперта со стороны противоположной занавѣскѣ, и какой-нибудь помощникъ медиума могъ проскользнуть и разыграть роль видѣнныхъ нами и осязаемыхъ рукъ. Но такое предположеніе, для насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, лишено всякаго человѣческаго смысла. Мы очень хорошо знаемъ, что косяки двери—самые обыкновенные косяки, и что никто къ ней не подходилъ, не могъ подходить во все время сеанса. При томъ, эта дверь была отчасти видима для насъ сквозъ отверстіе, оставленное въ занавѣскѣ. Повторяю еще разъ, что для всѣхъ насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, всѣ происходившія явленія имѣютъ

несомнѣнную неподдѣльность и полнѣйшую объективность. Всѣ они повторялись съ различными измѣненіями въ теченіи нѣсколькихъ сеансовъ.

Я привожу здѣсь факты, толкованіе которыхъ считаю въ настоящее время положительно невозможнымъ. Всѣ видѣли, осязали руки, сложившіяся въ нашемъ присутствіи. Правда, мы не видали самаго процесса этого образованія, но мнѣ кажется вполне возможнымъ и даже необходимымъ допустить его. Позволю себѣ только одно указаніе. Выше я имѣлъ случай заявить, что въ медиумическихъ явленіяхъ наблюдается своего рода волнообразность, періодичность. Точно также и здѣсь, при явленіяхъ рукъ, происходила та же самая волнообразность. Явленія наплывали, становились поразительно сильными; руки энергично толкали занавѣску или съ замѣчательной силой стучали по столу, стоявшему передъ занавѣской. Затѣмъ періодъ развитія кончался, и явленія стихали или вовсе прекращались на нѣсколько мгновений, какъ будто истративъ весь запасъ силы, которая была необходима для его произведенія. Въ самыхъ появленіяхъ рукъ, какъ я выше замѣтилъ, были явно замѣтны осцилляторныя движенія. Вообще, удивительна та быстрота, съ которою они двигаются, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Замѣчательно также бессиліе этихъ образованій въ первый періодъ ихъ развитія. Нерѣдко они роняли карандашъ на полъ, не дописавъ слова, и долго трудились надъ тѣмъ, чтобы поднять его. Та же исторія была съ тамбуриномъ и колокольчикомъ.

Я представляю вамъ вѣрное изложеніе тѣхъ фактовъ, которыхъ былъ очевидцемъ. Я не спору, что эти факты фантастичны, невѣроятны, но я вовсе не желаю, чтобы мнѣ вѣрили. Я знаю, что въ развитіи человѣчества произошло чрезвычайно много ошибокъ, вследствие излишней довѣрчивости къ авторитетамъ; да и какой же авторитетъ въ области явленій, которая представляется совершенно новою для науки! Я желалъ бы одного, чтобы всѣ невѣршіе мои словамъ доказали, что я ошибаюсь, доказали фактами, настолько же вѣскими, какъ и тѣ, которые заставили меня придти къ убѣжденію въ существованіи медиумическихъ явленій.

Вѣра въ эти явленія растетъ съ поразительною быстротою. Правда эта вѣра держится на совершенно ложныхъ, мистическихъ воззрѣніяхъ. Но одна уже цифра американскихъ спиритовъ, доходящая до 11.000,000, ¹⁾ указываетъ намъ на существованіе какихъ-то фактовъ.

¹⁾ Эта цифра взята изъ статистическихъ свѣдѣній, представленныхъ въ 1867 году собранію римско-католическихъ епископовъ. См. Edmond's letter. Spiritual Magazine 1867. p. 327.

на которыхъ держатся эти заблужденія. Съ другой стороны, къ такому же убѣжденію приводитъ и то обстоятельство, что люди серьезные, вооруженные всѣми силами современныхъ научныхъ методовъ, пришли къ неопровержимому убѣжденію въ существованіи медиумическихъ явленій. Имена этихъ людей достаточно извѣстны въ наукѣ, какъ имена точныхъ, серьезныхъ изслѣдователей ея вопросовъ. Но видно таково уже свойство человѣческаго разума, что онъ тотчасъ же встаетъ въ оппозицію, какъ скоро дѣло касается фактовъ, опрокидывающихъ его привычныя убѣжденія. Когда Круксъ, Гёпинсъ и Варлей излагали свои научныя изслѣдованія, то ученый міръ ни разу не сомнѣвался въ вѣрности этихъ изслѣдованій; но вотъ, дѣло коснулось медиумическихъ явленій, и тотъ же ученый міръ тотчасъ же опрокидывается на этихъ ученыхъ съ полнѣйшимъ скептицизмомъ. Мнѣ кажется, я не имѣлъ бы права говорить объ этихъ отношеніяхъ, если бы самъ личнымъ опытомъ не испыталъ всю ихъ несостоятельность. Мнѣ точно также казались подозрительными изслѣдованія Крукса надъ явленіями психо-динамическими, до тѣхъ поръ пока я самъ лично не убѣдился въ существованіи этихъ явленій. Какъ бы ни убѣдительно представлялись намъ доказательства, полученные отъ чужихъ свидѣтельствъ, свойства скептицизма будутъ всегда имѣть перевѣсъ надъ этими доказательствами, и только тогда, когда факты, пройдя черезъ мой глазъ, или черезъ мой осязательный аппаратъ, отпечатаются въ моемъ сознаніи, только тогда они становятся дѣйствительно достояніемъ этого сознанія. Вотъ почему я желаю бы, чтобы всѣ тѣ, которые прочтутъ это письмо и пожелаютъ убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, убѣдились бы въ томъ личнымъ опытомъ. Средства для постановки этихъ опытовъ вѣроятно найдутся у cadaго, а нервныя люди, способныя вызывать медиумическія явленія, полагаю, не рѣдкость въ нашемъ обществѣ.

По поводу этихъ явленій, мнѣ пришлось столкнуться съ силою скептицизма и придти къ заключенію, что эта сила вовсе не подчиняется убѣжденіямъ, основаннымъ на свидѣтельствѣ другихъ лицъ, какъ бы ни было велико довѣріе къ этимъ лицамъ. И это очень понятно. Разказы этихъ лицъ, какъ бы ни были пластичны, они не могутъ передать намъ предметъ во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ и произвести ту ясность представленія о немъ, которую даютъ намъ наши собственныя чувства. При этомъ я невольно вспоминаю слова Гумбольдта, высказанныя одному господину, который старался убѣдить его въ реальности медиумическихъ явленій. „Я вѣрю“, сказалъ онъ, „потому что слышу разказъ о видѣнномъ вами; но еслибы я самъ видѣлъ эти явленія, я не повѣрилъ бы своимъ глазамъ“. Парасюкъ весьма характеристичный! Еслибы убѣжденія общества были

вполнѣ свободны, то безъ всякаго сомнѣнія развитіе его поди-
лось бы гораздо быстрѣ впередъ. Но въ томъ-то и дѣло, что оно же-
стоко ошибается, думая, что его убѣжденія вполнѣ независимы и по-
чинаются только силѣ фактическихъ доказательствъ, а на самомъ
дѣлѣ оно постоянно живетъ предвзятыми идеями и міросозерцаніемъ,
подготовленнымъ цѣлымъ рядомъ условій, при которыхъ оно разви-
вается. Скептицизмъ его представляетъ обоюдоострое орудіе. Съ од-
ной стороны онъ предохраняетъ его отъ ложныхъ дорогъ, но въ
то же время этотъ скептицизмъ сильно потворствуетъ консерватизму.
Онъ сохраняетъ въ обществѣ тотъ складъ идей, которымъ противорѣ-
чать очевидные факты и опытные доказательства. Мнѣніе Спен-
сера, высказанное имъ въ его „Введеніи къ изученію социологіи“, о
консерватизмѣ общества прилагается не только къ массамъ, но и
къ тѣмъ изъ насъ, которые считаютъ себя вполнѣ свободными отъ
всякихъ предвзятыхъ теорій.

Разумѣется, допущенію существованія медиумическихъ явленій
сильно препятствуютъ тѣ возрѣнія, которыя придаютъ имъ спирити-
уалисты и допустить которыя не рѣшится самый снисходительный
скептикъ. Но, помимо этихъ возрѣній, самая обстановка явленій та-
кова, что подаетъ поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ и подо-
зрѣніямъ! „Почему“, говорила одна дама, „эти явленія требуютъ те-
ноты, почему они не могутъ совершаться просто, безъ занавѣсокъ,
темныхъ сеансовъ или столовъ?“ Другими словами: „почему мнѣ не
дадутъ вполнѣ убѣдиться, что здѣсь нѣтъ мѣста шарлатанству и
фокусничеству?“ Я надѣюсь, что тѣ условія, при которыхъ были
поставлены наши опыты, вполнѣ устраняютъ всякія подозрѣнія. На
съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы какое бы то ни
было естественное явленіе могло быть вызвано безусловно, помимо
тѣхъ законовъ, которыя имъ управляютъ.

Мнѣ случалось слышать отъ лицъ, которыхъ я приглашалъ въ спиритическіе сеансы, такой отвѣтъ: „Зачѣмъ я пойду смотрѣть на я-
вленія, въ которыхъ я ровно ничего понять не могу?“—отговорка се-
вершенно неосновательная. Физики, открывшіе электричество и галь-
ванизмъ, точно также сначала ничего не понимали въ открытыхъ ими
явленіяхъ. Между тѣмъ эти явленія принадлежатъ къ болѣе простымъ,
примитивнымъ, сравнительно съ психическими явленіями. Продолжа-
тельные, усидчивыя изслѣдованія прольютъ, вѣроятно, въ этой те-
ной области такой же свѣтъ, какъ и въ другихъ областяхъ человѣ-
ческаго знанія. Мысль, что въ этой области нѣтъ данныхъ для
научныхъ изслѣдованій, совершенно невѣрна. Уже одно то обстоя-
тельство, что медиумическія явленія зависятъ отъ общихъ окружаю-
щихъ условій—даетъ возможность изучать ихъ и приводить къ яв-

ность. Такъ, напр., на нихъ очевидное вліяніе оказываетъ состояніе атмосферы, сухость или холодъ воздуха, вліяніе свѣта и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ условія, которыя скрыты въ лицахъ, вызывающихъ эти явленія, въ ихъ психическомъ состояніи, въ ихъ индивидуальности.

Мнѣ могутъ возразить, почему я, вмѣсто странныхъ теорій, предлагаемыхъ мною для объясненія этихъ явленій, самъ не принялся за ихъ изслѣдованіе научнымъ путемъ? Но отъ этого упрека, полагаю, достаточно оправдываетъ меня новизна видѣнныхъ мною явленій. Я долженъ былъ прежде всего констатировать факты, и я это дѣлаю въ виду того, что вѣроятно кто-либо изъ нашихъ физиологовъ обратитъ на нихъ вниманіе, а этого вниманія, полагаю, вполне заслуживаютъ видѣнные мною явленія. Если они принадлежатъ даже къ области психіатріи, то тѣмъ болѣе наша обязанность противо-дѣйствовать распространенію ихъ, разоблачать ихъ сущность и бороться съ тѣми ребяческими, суевѣрными толкованіями, которыя стараются придать имъ спириты.

Примите, и пр.

Н. ВАГНЕРЪ.



ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 2-го февраля 1875 г.

- 1) Выслано 100 руб. писателю, лишившемуся занятій, и 25 руб. другому писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.
- 2) Положено уплатить въ гимназію за воспитанницу Общества 166 р. 68 к.
- 3) Выдано 75 р. молодому писателю въ возмѣщеніе издержекъ его по переѣзду къ мѣсту служенія и на первоначальное обзаведеніе.
- 4) За силою § 5-го устава отклонены двѣ просьбы.
- 5) Выдано въ ссуду: одному лицу 300 р. и другому 50 р.
- 6) Изъявлена благодарность Общества: Н. Н. Буличу, за его содѣйствіе Комитету, и чиновникамъ туркестанской контрольной палаты за ихъ пожертвованіе.

Засѣданіе комитета 17-го февраля 1875 г.

- 1) Выдано по 50 руб. дочери умершаго писателя и вдовѣ другого писателя, лишившимся занятій и находящихся въ затруднительномъ положеніи.
- 2) Выдано 100 руб. семейству писателя, находящемуся въ крайней нуждѣ.
- 3) Выслано 25 руб. больной дочери умершаго писателя, живущей на счетъ подаяній, и 50 руб. дочери умершаго составителя словарей и учебниковъ, лишившейся послѣднихъ средствъ къ существованію.
- 4) Выслано 75 руб. семейству писателя, оставшемуся послѣ его смерти въ нищетѣ.
- 5) Выдано 60 руб. на воспитаніе дочери писательницы, не имѣющей на это никакихъ средствъ.
- 6) За силою § 5 устава, отклонены двѣ просьбы о пособіи и, за непредставленіемъ ручательства, одна просьба о ссудѣ.
- 7) Выдано въ ссуду: одному лицу 1,500 руб. за поручительствомъ 5 членовъ, и другому 50 руб., за поручительствомъ 1 члена общества.
- 8) Изъявлена благодарность Общества г. черниговскому губернатору за его содѣйствіе комитету; а Р. А.—ву и лицу, пожелавшему остаться неизвѣстнымъ, за ихъ пожертвованія.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1875.

Книга третья.—Мартъ.

	стр.
Хай-дава.—Повѣсть.—А. А. ПОТЪХИНА	5
Вольный городъ Краковъ.—1815-1846.—VIII-X.—Н. А. ПОПОВА	100
По берегу моря.—Легенда.—И. З. СУРИКОВА	150
Пьеръ-Жозефъ Прудонъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья первая.—I-IV.—Д—ЕВЪ	154
Въ низовьяхъ Аму.—Путевныя очерки.—Окончаніе.—Н. Н. КАРАЗИНА	186
Гривосадовская Москва, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.—1812-1818 гг.—1816-й годъ—М. П. СВИСТУНОВОЙ	230
Проступокъ аббата Муръ.—Романъ, соч. Эм. Золя.—Книга третья и послѣдняя.—А. Э.	271
Хроника.—Реформа кредитной денежной системы.—И. И. КАУФМАНА	365
Внутреннее Овозраженіе.—Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ нивѣсной росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсмытныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избиеніе адвокатовъ г. Марковичъ, по избіеніи литераторовъ г-ми Катковичъ и Леонтьевичъ	400
Иностранное Овозраженіе.—Депеша англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны.—Два парламентскихъ избранія.—Слухи объ удаленіи германскаго канцлера.—Статистика политической репрессіи Германіи.—Сессія французскаго собранія.—Конституціонныя законы.—Соглашеніе центровъ.—Установленіе республики	423
Новый академикъ.—По поводу приѣма А. Дюма-сына во Французскую Академію.—Письмо въ Редакцію.—Э. З—л	441
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	460
Библиографическій Листокъ	

Книга четвертая. — Апрель.

- ✓ Кудяръ.—Историческая хроника въ трехъ книгахъ.—Книга первая.—Н. И. КОСТОМАРОВА 549
- ✓ В. Г. Балдинскій.—Опытъ биографіи.—VIII. Время полного развитія характера и дѣятельности Балдинскаго; его личныя отношенія. 1842-44 гг.—А. Н. ПЫПИНА 549
- НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ.—2. Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ.—С. М. СОЛОВЬЕВА 549
- СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Бабунка.—II. Изъ Гейне.—III. Чешская пѣсня.—А. И. ЯЗЫКОВА 613
- ✓ ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ.—1815-46 гг.—XI-XIII. Н. А. ПОПОВА 613
- ✓ ДВА РАЗА ЗАМУЖЕМЪ.—Повѣсть.—Ф. С. СТУЛЛИ 679
- ✓ ОТРЫВКИ ВИЗАНТІЙСКАГО ЭПОСА ВЪ РУССКОМЪ.—I. Поэма о Дигенисѣ.—II. Девгеній-Дигенисѣ.—III. Дигенисѣ-Ангела и старшіе богатыри.—А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО 709
- ХРОНИКА.—СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ.—Сборникъ государственныхъ знаній. Т. I.—Ю. Р. 779
- ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРАНИЕ.—Судебная реформа въ царствѣ польскомъ.—Сессія петербургскаго дворянства.—Всесошловная волость.—Дѣло г. Безъобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 785
- ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРАНИЕ.—Программа министерства Буффе.—Закрытіе сессіи національнаго собранія.—Докладъ Саварі.—Прокламація Кабрери.—Его прошлое и его отношеніе къ донъ-Карлосу.—Ходъ военныхъ дѣйствій 825
- КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ БЕРЛИНА.—Озоръ сессіи прусскаго ландтага.—К. 825
- ПО ПОВОДУ СПИРИТИЗМА.—Письмо къ редактору.—Проф. Н. П. ВАГНЕРА 825
- ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 825
- ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ РУССКИХЪ КНИГЪ.—Январь и февраль.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

592570

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

И. А. ШАРЕНКО

Digitized by Google

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1875.

I.—ХАЙ-ДѢВКА.—Новѣль.—А. А. Потъхнинъ	1
II.—ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ.—1815-1846.—УШ-Х.—Н. А. Попова	10
III.—ПО БЕРЕГУ МОРЯ.—Легенда.—Н. З. Сурикова	13
IV.—ПЬЕРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ.—Correspondance de P.-J. Proudhon. — Статьи перваа.—I-IV.—Д—евъ	34
V.—ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ.—Путевые очерки.—Озючтаніе.—Н. П. Карзинна	41
VI.—ГРИБОВОДОВСКАЯ МОСКВА, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Липской.— 1812-1818 гг.—1816-й годъ.—М. П. Свистуновой	50
VII.—ПРОСТУНОКЪ АББАТА МУРЭ.—Романъ, соч. Эм. Золя.—Книга третья и по- слѣдняя.—А. Э.	53
VIII.—ХРОНИКА. — РЕФОРМА КРЕДИТНОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ.—Н. Ф. Кауфмана	120
IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ пивъшей росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.— Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверх- сметныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избіеніе адвока- товъ г. Марковимъ, по избіеніи литераторовъ г-ми Катковимъ и Леонтьевимъ	127
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Делеша англійскаго правительства объ пере- дѣленіи законовъ войны.—Два парламентскихъ избранія.—Слухи объ удаче и нѣ германскаго канцлера.—Статистика политической репрессіи Германіи.— Сессія французскаго собранія.—Конституціонные законы.—Соглашеніе о пер- сифи.—Установленіе республики	137
XI.—НОВЫЙ АКАДЕМИКЪ.—По поводу пріема А. Дюма-сына во Французскую Ака- демію.—Письмо въ Редакцію.—Э.	141
XII.—ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	142
XIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. —	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XXXII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., и объ отбавкѣ изданія
тѣмъ же редакціею втораго тома „Года“, истор.-полит. обзоръми 1873—74 гг., см. стр.

Объявленіе о четырехъ первыхъ книгахъ «Русской Библіотеки»: избранная
сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и В. А. Жу-
ковскаго — см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. XXII.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Василій Андреевичъ Жуковский. Русская Библиотечка, томъ IV. Сиб. 1875. Стр. 46 + 365. Цѣна 75 к.

Новый выпускъ „Русской Библиотечки“, издаваемой въ прошедшемъ году избранными сочиненіями Пушкина, Лермонтова и Гоголя (по общедоступной цѣнѣ, 75 коп. за томъ), посвященъ Жуковскому. Подобно предыдущимъ выпускамъ, послѣдній снабженъ портретомъ поэта, по оригиналу Капренскаго, биографіею, составленною по Бейляцу, и ввлеченіемъ изъ Виландсаго о поэзии Жуковскаго. Почти все, что составляетъ истинно поэтическую славу Жуковскаго, вошло въ настоящій томъ, по большей части цѣлкомъ, или въ крайней мѣрѣ значительными отрывками, представляемыми по себѣ въ томъ цѣпѣ. Такъ, изъ „Училища“ взято 9 главъ; изъ „Одессы“—9 лѣтъ; изъ „Пустыни“—цѣлая глава. Всѣ ссылки помѣнены въ скобки. Въ заключеніе первой серіи „Р. Б.“ помещены Грабодовы, сочиненія котораго займутъ нѣтъ томъ, находящійся въ печати.

Начала русскаго государственнаго права. А. Грабодовскаго, пр. Сиб. Унив. Томъ I: О государственномъ устройствѣ. Сиб. 1875. Стр. 488. Ц. 2 р. 50 к.

Полное отсутствіе какаго-нибудь законченнаго сообія по столь важному предмету, какъ наука государственнаго права, обращаетъ особенное вниманіе на обширній, предпринимаемый трудъ р. Грабодовскаго. Отложивъ теорію государства и государственное право европейскихъ державъ въ заключеніе своего изданія, авторъ началъ съ естественнаго права, и подраздѣлилъ изложеніе на два отдѣла: ученіе о государственномъ устройствѣ и объ органахъ управленія. Въ настоящій выпускъ предъ нами весьма обстоятельное и подробно изложеніе перваго отдѣла, въ которомъ дано обширное развитіе и главное мѣсто занято о законѣ, такъ какъ, по идѣе автора, ученіемъ о законѣ опредѣляется существо неравнѣнной монархіи, какъ юридической формѣ государства. Затѣмъ слѣдуетъ особо развитіе внутреннихъ вопросовъ, относящихся къ верховной власти и подданству. Разъясненіемъ положеній въродителю и иностранцевъ заключаются первыя томы. Тѣмъ весьма богато снабженъ указанный на источникахъ и пособіяхъ.

Воводство къ изученію сценическаго искусства. въ 2-хъ частяхъ. Состав. Н. Санденцовъ, преподават. сценич. искусства въ имп. театр. училищѣ. Сиб. 1874.

Указавшемъ на эту книгу, какъ на первую книгу положить въ системѣ тѣ правила и свѣдѣнія, которыя необходимы въ школѣ сценическаго искусства. Это, такъ сказать, театральная риторика и пѣтушья волыга ея преподавателя можетъ быть поцому весьма спорною, и если кто-нибудь, прочтя въ этомъ руководствѣ теорію жестикуляціи и мимики въ свѣдѣ характеристической страстей и душевныхъ состояній, и равно теорію декламаций, судается отличнымъ актеромъ. Вторая часть книги—хрестоматія—представляетъ единственный у насъ действительно весьма полезный сборникъ сценическихъ упражненій.

Свѣдѣніе о главнѣйшихъ городахъ Россіи. Т. I. Введеніе: города Россіи въ XVIII столѣтіи. Н. Дитлатина. Сиб. 1875. Стр. 507. 2 р. 80 к.

Въ своемъ введеніи къ началу труда, обещанаго быть обширнымъ, авторъ очерчиваетъ

историческую судьбу западно-европейскихъ городовъ, и затѣмъ, посвящая небольшую главу исторіи русскаго города до Петра Великаго, приступаетъ къ разработкѣ главной темѣ, а именно, другимъ капитальнымъ городскимъ реформамъ прошедшаго столѣтія, при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II. Первыи томъ останавливается на жалованной грамотѣ городамъ 1785 года. Въ результатѣ изслѣдованія автора оказывается, что всѣ исторія русскаго города состояла въ томъ, что сначала государство употребило всѣ усилія на уничтоженіе городской общины, а въ послѣдствіи прошедшаго вѣка оно же устремляется къ тому, чтобы возрѣтитъ ее къ жизни. Слѣдующая часть труда будетъ посвящена исторіи города въ текущемъ столѣтіи.

Астрономическій атласъ Брунола, профессора унив. и директ. Лейпциг. Обсерваторіи. Второе изданіе. Перев. Е. А. Сисоевой, подъ ред. Р. Н. Граммана. Съ 12 таблицами. Сиб. 1875. Ц. 3 руб.

Карты атласа превосходно выполнены загранично, у вѣдѣзнаго Броугауза, и обнимаютъ собою задачи сферической, теоретической и практической астрономіи. Имя автора ручается вполнѣ за достоинство текста къ атласу и пригодность многочисленныхъ таблицъ и каталоговъ, приложенныхъ къ тексту. Въ каталогѣ туманностей и звѣздныхъ кучъ помѣщены прямыя восхожденія (AR) и склоненія (δ) въ текущемъ 1875 году.

Русскій работн у сѣверо-американскаго плантатора. Воспоминанія, очерки и замѣтки. А. С. Курбскаго. Сиб. 1875. Стр. 448. Ц. 2 р.

Нашимъ читателямъ знакомы эти воспоминанія по отдѣльнымъ статьямъ, печатавшимся въ журналѣ. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ, появившихся въ послѣднее время книгъ въ этомъ родѣ, именно тѣмъ, что авторъ провелъ свое время въ Америкѣ не въ путешествіяхъ, а въ постоянной работѣ, то на фабрикахъ, то на фермахъ, и если посѣщалъ въ свободное время Индіанскій Территоріи, то опять съ торговымъ цѣлью, какъ служащій, иногда компаньонъ различныхъ предпринимателей. Появившееся теперь отдѣльное изданіе дополнено новымъ главою, содержащемъ въ себѣ рассказы объ одной изъ такихъ коммерческихъ странствованій по дальнему западу съ торговыми скотомъ.

Исторія малышковой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. Сиб. Сиб. 1875. Стр. 349. Ц. 1 р. 50 к.

Мы затруднились бы сказать, кого авторъ могъ разсчитывать имѣть своимъ читателемъ: это—исторія дѣвочки-сироты, до 9-ти-лѣтняго ея возраста, но книга вовсе не для дѣтскаго чтенія, уже по одному тому, что обширность ея не искушается интересомъ; взрослому читателю также трудно рекомендовать эти малышкіе рассказы, заключающіеся весьма ходячею моралью: „Богъ сбережетъ лучше людей“, и рядомъ съ которою существуетъ и другая мораль, не менѣе справедливая: „береженого и Богъ бережетъ“. Авторъ, повидимому, имѣлъ почетную задачу—оставить на сцену одинъ дѣтскій міръ, съ его маленькими радостями и печальми; но не вполнѣ справился съ своею задачею, такъ какъ онъ ограничился фотографіей, не осмысливъ этого міра маленькихъ людей, будущахъ дѣйствующихъ лицъ на большой сценѣ свѣта.

Съ 1-го марта 1875 г.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

Подписная цѣна на годовою экземпляръ журнала, 12-ти чиселъ:

Городскіе въ С.-Петербургѣ:	{ 15 р. 50 коп. безъ доставки. 16 р. — „ съ доставкою на домъ.
Изгородные въ Москвѣ и губерніи:	{ 17 р. съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.
Иностранные:	{ Германия и Австрія—19 р.; Бельгія, Нидерланды и Прованскаго королевства—20 р.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—22 р.; Швейцарія и Италия—23 р.; Азія—24 р.; Америка—25 рублей.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ	{ Базуновъ, Нев. пр., 30. Исаковъ, Гос. Дв., 24. Чересовъ, Нев. пр., 50. Магаз. для Изгород., Нев. пр., 27.	Москва	{ Соловьевъ, Страстная. Бульв. Центр. Книжн. магаз., Садовая. Базаръ.	Одесса	: Чересовъ, Преображ. ул.	Харьковъ:	Чересовъ, Мясной. ул. 8.
---------------	--	--------	---	--------	---------------------------	-----------	--------------------------

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ изгородныхъ и иностранныхъ, которые вносили подолскую сумму *по почте* въ Редакцію „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“, въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса проситъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстоожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ изгородные уплачивается 1 р. 50 к.; изъ изгородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ въ изгородныхъ въ иностраніе—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственной.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

ГОДЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Томъ второй: 1873-74 гг. Стр. 746. Въ трехъ частяхъ, съ приложеніемъ картографическимъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1874 г. Стр. 500.

Цѣна: ДВА рубля съ пересылкою.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Сиб., Галерная, 20. Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБЕЦКАГО.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1875.

I.—КУДЕЯРЪ.—Историческая хроника въ трехъ книгахъ.—Книга первая.—И. И. Костомарова	79
II.—В. Г. БѢЛИНСКІЙ.—Опытъ біографіи.—VIII. Время полного развитія характера и дѣятельности БѢлинскаго; его личныя отношенія, 1842-44 гг.—А. Н. Шенкина	81
III.—НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.—2. Политическое соединеніе Італіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ.—С. М. Соловьева	100
IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Бабушка.—II. Изъ Гейне.—III. Чешская пѣснь.—А. П. Языкова	111
V.—ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ.—1815-46 гг.—XI-XIII.—П. А. Непова	123
VI.—ДВА РАЗА ЗАМУЖЕМЪ.—Повѣсть.—Ф. С. Стулли	150
VII.—ОТРЫВКИ ВИЗАНТІЙСКАГО ЭПОСА ВЪ РУССКОМЪ.—I. Поэма о Дигенисѣ.—II. Дегеній-Дигенисъ.—III. Дегенисъ-Аника и старшіе богатыри.—А. П. Веселовскаго	159
VIII.—ХРОНИКА.—Спеціальныи журналъ для русской публицистики.—Сборникъ государственныхъ званій. Т. I.—Ю. Р.	178
IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Судебная реформа въ царствѣ польскомъ.—Сесіи петербургскаго дворянства.—Всесловная волость.—Дѣло г. Безъобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и волостя.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки	186
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Программа министерства Бюффе.—Закрытіе сесіи національнаго собранія.—Докладъ Саварі.—Прокламація Кабрера.—Его прошлое, и его отношеніе къ дош-Карлосу.—Хольъ военныхъ дѣйствій	218
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Обзоръ сесіи прусскаго ландтага.—К.	222
XII.—ПО ПОВОДУ СПИРИТИЗМА.—Письмо къ редактору.—Проф. П. П. Вагнера	255
XIII.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ	257
XIV.—ПОЛНЫИ КАТАЛОГЪ РУССКИХЪ КНИГЪ.—Январь и февраль	
XV.—ВИВЛОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.—	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., и объ особеннхъ измѣненіяхъ въ редакцію второго тома „Года“, истор.-полит. обзорѣмъ 1873—74 гг., см. 262

Объявленіе о пяти первыхъ книгахъ «Русской Библіотеки»: избранныя сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго и А. С. Грибоедова—см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. XVI

№ 1. ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ 1875.

РУССКИХЪ КНИГЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ КНИЖНЫМЪ СКЛАДОМЪ ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 2-я лин., 7.

Главнымъ источникомъ „Полнаго Каталога“ служить издаваемый при Главномъ Правленіи по дѣламъ печати двухнедѣльный „Указатель по дѣламъ печати“, куда входитъ все изданное въ Россіи, въ хронологическомъ порядкѣ поступленія отпечатаннаго въ цензурные комитеты. Въ настоящемъ каталогѣ книги размѣщаются по своимъ предметамъ, слѣдующимъ другъ за другомъ въ алфавитномъ порядкѣ и, сверхъ того, въ каждомъ отдѣлѣ принять такой же алфавитный порядокъ для именъ авторовъ или заглавія книгъ, безъ имени авторовъ. Каталогъ начинается съ января 1875 года, и нынѣшній разъ обнимаетъ собою два первые мѣсяца, январь и февраль, въ теченіе которыхъ поступило около 350 названій, распределенныхъ въ Каталогъ по 16 отдѣламъ:

1) *Агрономія* и сельское хозяйство. 2) *Богословіе*, религія и церковная исторія. 3) *Географія*, топографія, этнографія и путешествія. 4) *Законодѣніе*, судъ, администрація. 5) *Естествознаніе*, физика, химія. 6) *Исторія*, политика, біографія, археологія, памятники. 7) *Искусства*, музыка, живопись, театр. 8) *Каталоги*, справочныя книги. 9) *Математика*, астрономія, военныя и морскія науки. 10) *Медицина*, гигиена. 11) *Педагогія*, учебники, дѣтскія и народныя изданія. 12) *Словесность*: исторія литературъ, культура, романы, драмы и пр. 13) *Статистика*, политическая экономія, финансы, торговля, промыслы. 14) *Технологія*. 15) *Филологія*. 16) *Языкознаніе*.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ.

АГРОНОМІЯ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства за 1873 г. М.

БОГОСЛОВІЕ—РЕЛИГІЯ—ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ.

Бахметова, А. Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четьихъ-Миней. Мѣсяць май. М. 6-е изд. Ц. 15 к.

Тоже—мѣсяць іюнь.

Тоже—мѣсяць іюль.

Тоже—мѣсяць ноябрь.

Тоже—мѣсяць январь.

Витторинъ, еп. чебоксарскій. Понятія о женщинѣ, и бытъ ея у мухаммеданъ и христіанъ. Казань.

О превосходствѣ христіанъ предъ мухаммеданствомъ. Казань. Ц. 20 к.

Гласъ святой истинны. Размышленіе въ Новый годъ. Спб.

Гоненія на христіанъ при Юліанѣ Отступникѣ и житіе св. Іоанна Воиня. Спб.

Дмитріи, архіен. Послѣднее слово высокопреосв. къ одесской пастыри и прощаніе съ нимъ херсонской пастыри и Одессы. Одесса. Ц. 20 к.

Вѣстникъ Европы.—Апрѣль, 1875,

А

Духъ и заслуги монастыря для Церкви и общества. Спб.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ. М.

Житіе святаго Андрея, Христа ради проидваго. М.

Житіе и страданіе святаго славнаго великомученицы Ирины. М.

Житіе св. женъ въ пустыняхъ востока. Вятка.

Заменгофъ, М. Ф. Сокращенная библейская исторія съ краткимъ катехизисомъ религіозно-правственнаго ученія. Для еврейскихъ училищъ. Варшава. Ц. 20 к.

Изъ чтеній по русской церковной исторіи. Тамбовъ.

Красовскій, Александръ. Установленіе въ русской Церкви праздника 9-го мая въ память перенесенія мощей святителя Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ гор. Баръ. Кіевъ.

Краткое объясненіе богослуженія православной Церкви. Тверь.

Краткое сказаніе о явленіи Пресв. Богородицы со св. Николаемъ клирику Георгію въ пустынѣ, 1883 г. Спб.

Михайловскій, В., свящ. Краткая св. исторія Новаго Завѣта. Спб.

Молитва ко Пресвятой Богородицѣ. Спб.

— ко Пресв. Богородицѣ Бесѣдной. Спб.

— „Отче нашъ“, напечатанная рѣзнымъ шрифтомъ. Спб.

Монашество и современное о немъ толки. М.

Невскаго, А. Избранныя мѣста изъ твореній св. Іоанна Златоуста. Духовно-правственное чтеніе для народа. М.

О вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ. М. 3-е изд., Козельской Введенской-Оптиной пустыни.

О чудотворной Цареградской иконѣ Божіей Матери въ Елеазаровскомъ монастырѣ Псковской губерніи. Спб.

Орловъ, Д., прот. Молоканство предъ судомъ слова Божія. Вып. II. Самара.

Палладій, еп. саранулскій. Толкованіе на книги св. пророковъ Іонн и Михея. Вып. 3-й. Вятка.

Пархомовичъ, А. Общій смыслъ пророчества Іереміи. Кшиневъ.

По поводу вопроса объ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона. Спб.

Поировскій, прот. Православныя молитвы съ объясненіями. Спб. Ц. 20 к.

Полные святцы. Спб.

Праздникъ Рождества Христова. Спб.

Притчи Господа нашего Іисуса Христа. Спб.

Протопоповъ, Д. М. Молитвы, символъ вѣры и заповѣди съ объясненіемъ ихъ, составленнымъ для народныхъ училищъ. М.

Размышленіе о вѣчномъ блаженствѣ праведныхъ, при воспоминаніи видѣній о сев. св. Андрея, Христа ради проидваго. Изд. 3-е, Козельской Введенской-Оптиной пустыни. М.

Римско-католическій катехизисъ для руководства при преподаваніи закона Божія въ низшихъ классахъ гимназій. Изд. Рудольфомъ Рейхертомъ. Одесса. Ц. 75 к.

Смирлягинъ, А., свящ. Начальный курсъ закона Божія. Для народныхъ училищъ. Кн. I. М. Ц. 25 к.

Служба преподобному отцу нашему Сергію игумену, Радонежскому чудотворцу. М. Солярскій, П., прот. Правственное православное богословіе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Стихи на явленіе пресв. Богородицы со св. Николаемъ клирику Георгію, въ 1883 году. Спб.

Толковный молитвенникъ. Спб.

Ученіе православной восточной календарской церкви о святыхъ постахъ. Изд. 2-е, Козельской Введенской-Оптиной пустыни. М.

Ханюковъ, Іоаннъ. Катехизическія ученія. Самара. Ц. 1 р.

Христіанинъ, здраво разсуждающій о любви къ ближнимъ и къ самому себѣ. М. Чудотворный образъ Богоматери-Скоропалчицы грѣшныхъ въ Кяхтѣ, съ приложеніемъ копій съ чудотворной иконы. М.

Шафъ, Іисусъ Христосъ—чудо исторіи. Перев. Спб. Ц. 1 р.

ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Брызгаловъ, А. Географія. Курсъ I. Изд. 3-е. М. Ц. 50 к.

— Курсъ II и III классовъ гимназій. М. Ц. 1 р.

Еремѣвъ, С. Кіевъ и его городское коженіе. Кіевъ. Ц. 45 к.

Заменгофъ, М. Ф. Приготовительный курсъ всеобщей географіи. Изд. 6-е. Варшава. Ц. 35 к.

Ивановъ, А. Браткая географія Россійской Имперіи. М.

Краткое описаніе Михайло-Архангельскаго черемисскаго монастыря. Спб.

Крымъ и его достопримѣчательности. Изд. ред. ж. „Мірской Вѣстн.“ Спб. Въ прилож. альбомъ „Виды Крыма“.

Немировичъ-Данченко, В. М. Соловьи. Воспоминанія и разказы изъ поѣздокъ съ богомольцами. Спб.

Путешествіе посадскаго человѣка Матвія Гаврилова Нечаева, въ Іерусалимъ (1719—1720 г.). Изд. подъ ред. Н. П. Барсова. Варшава.

Риза-Нули-Мирза. Краткій очеркъ Амударьинской области. Спб.

Смирновъ, И. Учебная книга географіи. Съ 12 черт. Изд. 15-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Семеновъ, П. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. Т. V. Вып. I: Таа—Тоб. Спб.

ЗАКОНОВѢДЕНІЕ—СУДЪ—АДМИНИСТРАЦІЯ.

Арсеньевъ, М. М. Замѣтки о русской адвокатурѣ. Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за 1866—74 гг. Спб. Ц. 2 р.

Видишайдъ, Б. Обь обязательствахъ по римскому праву. Перев. съ нѣм., подъ ред. и съ примѣч. А. Б. Думашевскаго. Спб. Ц. 4 р.

Вопросъ о незаконнорожденныхъ. Соч. А. И. Спб.

Градовскій, А. Начала русскаго государственнаго права. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Дѣло объ убійствѣ дворянина Франца Завадскаго. Стеногр. отчетъ А. Липскерова. М. Ц. 1 р.

помѣщиковъ Екатеринбургской губерніи Николая и Александра Новохацкихъ. Стеногр. отчетъ М. Тульчинскаго и В. Брагина. Одесса. Ц. 1 р.

Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (Съ зак. т. X, ч. II). Изд. 6-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Положеніе объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Спб. Ц. 25 к.

Правила о домашнихъ и хозяйственныхъ работникахъ и прислугѣ для всѣхъ провинцій прусской монархіи. (Gesinde-Ordnung). Спб.

Туръ, И. Практика С.-Петербургскаго коммерческаго суда за 1874 годъ. Спб. Ц. 2 р.

Уставъ о воинской повинности, съ дополненіями и разъясненіями. Спб.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Бальфуръ-Стьюартъ. Краткій учебникъ физики. Перев. С. Ламанскаго. Съ 146 рис. Спб. Ц. 2 р.

Волкенштейнъ, П. Словарь главнѣйшихъ терминовъ, употребляемыхъ при описаніи растений. Спб.

Лавдовскій, М. Гистологія концаваго аппарата улитковаго нерва. Съ предварит. сообщеніемъ о структурѣ „мозговыхъ“ нервовъ вообще. Спб.

Критическія дополненія къ сочиненію „Гистологія концаваго аппарата улитко-

ваго нерва“. Нѣсколько словъ рецензентамъ моей книги, гг. Голубеву и Циону. Спб.

Марануевъ, В. Н. Куры и родственныя имъ птицы. Съ рис. М. Ц. 35 к.

Труды четвертаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Казани, съ 20-го по 30-е августа 1873. Вып. IV. Отдѣленія химіи, минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Казань.

Вып. VI. Статистико-гигиеническое отдѣленіе секціи научной медицины. Казань.

Флавицкій, Флавианъ. Обь изомеріи амиленовъ изъ амильнаго алкоголя броженія. Казань.

Хандриковъ, Василій. Остеопластическая резекція верхней челюсти. М.

Хозеусъ. Методическій курсъ неорганической химіи. Руковод. для учащихся. Перев. А. Крылова. Вып. II.

Шеникъ, С. А. Учебникъ сравнительной эмбриологіи позвоночныхъ животноныхъ. Перев. подъ ред. Э. К. Браунта. Спб. 4 табл. рис. Ц. 2 р. 50 коп.

Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и за-границею. М.

Шубертъ. Естественная исторія животныхъ и млекопитающихъ въ изображеніяхъ, снятыхъ и раскрашенныхъ сходно съ натурою. Для нагляднаго изученія. Перев. Г. И. Кори. Изд. 4-е. Спб.

Уильямсъ, В. С. Лучшія тепличныя и оранжерейныя растенія. II. Растенія цвѣточныя. Руков. для садовниковъ и любителей. Перев. съ англ. съ дополн. для Россіи, П. Волкенштейнъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ—ПОЛИТИКА—БИОГРАФІЯ—АРХЕОЛОГІЯ—ПАМЯТНИКИ.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Царствованіе Императора Александра I (съ 1810 по 19-е ноября 1825 г.). Журналъ по дѣламъ департамента законовъ. 2 ч. Спб.

Болотовъ, А. Т. 1) Памятникъ протекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и о воевавшихся въ народѣ слухахъ. 2) Любопытныя и достопримѣчательныя дѣянія и анекдоты Государя Императора Павла Перваго. М. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлозерской, М. А. Картины изъ русской исторіи отъ начала Руси до нашихъ временъ. Просмотрѣны Н. Костомаровицъ. Вып. I. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Бонль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. II. Перев. А. Буяницкаго и Э. Ненаждомова. Изд. 8-е. Спб.

Бриннеръ, А. Г. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1804). М.

Веселаго, Ф. Очеркъ русской морской исторіи. Ч. I. Спб., 1 портр. и 26 л. чертежей, плановъ и рис.

Гастанъ, Буассе. Римскія женщины, ихъ воспитаніе и положеніе въ обществѣ. Спб.

Годъ „Вѣстника Европы“, историко-политическое обзорніе. 1873—1874. Т. II. Спб. Ц. 2 р.

Голицынъ, Н. С., кн. Всеобщая военная исторія древнихъ временъ. Ч. IV. Отъ начала войнъ Юлія Цезаря до Августа (68 г.—30 г. до Р. Х.). Спб. Ц. 2 р.

Гротъ, Я. Н. Матеріалы для исторіи пугачевского бунта. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Спб. Ц. 60 к.

Львовъ. Въ Сибирь на каторгу. Знаменитые каторжники, М. Ц. 1 р. 25 к.

Макушевъ, Викентій. Историческіе памятники южныхъ славянъ и сосѣднихъ имъ народовъ, извлеченные изъ итальянскихъ архивовъ и библиотекъ. Ч. I. Меньшіе архивы и нѣкоторые библиотеки. Кн. I. Аккова, Болонья, Флоренція. Варш.

Маслибъ, Б. Жизнь Стефенсона. М.

Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки. М.

Отчетъ и рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета. 12-го января 1875 г. М.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, изд. П. Н. Батюшковымъ. Вып. VI. Спб. Ц. 5 р.

Плейеръ и Фоммеродтъ. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію. Перев. съ нѣм. А. Н. Шемякина. М.

Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти. М.

Рѣдкинъ, А. Политическій сборникъ. Вып. I. Великобританія, Австро-Венгрія, Данія. Изд. Е. Анисимова и А. Рѣдкина. Спб. Ц. 75 к.

Снугаревскій, А. О военной исторіи. Наброски. Спб. Ц. 50 к.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ Т. XVII. Исторія Россіи въ эпоху преобразованія. Т. V. Изданіе 2-е. М. Ц. 2 р.

Стремцель, М. Иванъ Николаевичъ Изяльмевъ. Біогр. очеркъ. Спб.

Термопскій, Филиппъ. Изученіе византийской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси. Вып. I. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.

Шиле, А. Походъ въ Хиву и ея покореніе. Съ карт. Спб. Ц. 20 к.

ИСКУССТВА — МУЗЫКА — ЖИВОПИСЬ — ТЕАТРЪ.

Андреевъ, А. Н. Театръ. Т. I. Спб. Бандиты. Балетъ въ 2 д. (На русск. и фр. яз.) Спб.

Брянскій, Н. Сборникъ трехголосныхъ пѣсь для однороднаго хора. Спб. Ц. 50 к. Виндзорскія кумушки. Комич. опера въ 3 д. (На русск. и англ. язк.). Спб.

Висковатовъ, П. А. Демонъ. Фантастич. опера въ 3 д. Либретто по Лермонтову. Спб. Ц. 50 к.

Волшебный стрѣлокъ. Опера въ 3 д. Слова въ перев. П. Казашникова. Кіевъ.

Гебелеръ, А. Правила шахматной игры между двумя, тремя и четырьмя игроками. Перев. съ нѣм. Елисаветградъ. Ц. 1 руб. 50 коп.

Донъ-Паскале. Ком. опера въ 3 дѣйств. Москва.

Евстигнѣевъ, М. Сельскохозяйственное лото. М.

Каталогъ картинкамъ, этюдкамъ и рисункамъ В. В. Верещагина. Москва.

Илервилъ, Смароденъ и Комингъ. Дочь рыска. Комич. опера въ 3 д. Спб.

— Перед. В. Курочкинымъ. Спб. Ц. 75 коп.

Москвичъ. Русскій народный нѣсенникъ. Москва.

Одноголосныя 32 пѣсни для учениковъ, элементарной школы. Спб.

Пуритане. Опера въ 3 д. Москва.

Руководство къ правильному употребленію гигиенической и комнатной гимнастики. Кіевъ.

Свадьба Фигаро. Ком. опера въ 4 д. Москва.

— Опера въ 2 д. Спб.

Севильскій цирюльникъ. Опера въ 2 д. Москва.

Трубадуръ. Др. въ 4 д. Тифлисъ.

КАТАЛОГИ—СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Адресная книга с.-петербургскаго биржеваго купечества, биржевыхъ маклеровъ и браковщиковъ при с.-петербургскомъ портѣ. (до 1-е декабря 1874). Спб.

Всеобщій письменный и проч. Изд. Абрамовыхъ. Москва.

Иллюстрированная справочная книга для сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ, съ календаремъ на 1875 г. Изд. М. Ф. Салча. М. Ц. 1 р.

Можовъ, В. М. Литература русской географіи, статистики и этнографіи за 1871 и 1872 гг. Т. V. Спб.

Календарь. Первыбитный Брюсселя. Харьковъ.

Календарь Восточно-сибирскій на 1875 г. Иркутскъ.
 ————— Для духовенства на 1875 г. Спб.
 ————— Иллюстрированный народный на 1875 г. Одесса.
 ————— Калужскій стѣнной на 1875.
 ————— Карманный на 1875. „Ваза“. Спб.
 ————— „Аврора“. Спб.
 ————— Народный сельско-хозяйственный.
 Съ рис. М.
 ————— Народный для Холмской Руси. Варшава.
 ————— Православный на 1875. Москва.
 ————— Ростово-Нахичеванскій на 1875.
 ————— Садовый на 1875. Ц. 70 к.
 ————— Самарской губернии на 1875 г. (Адресс-Календарь).
 ————— Тавричскій на 1875.
 ————— Техническій на 1875.
 ————— Ярославской губернии на 1875.
 Мѣсяцесловъ, полный христіанскій. Кіевъ.
 ————— Православный на 1875. Спб. Тип. Реттера.
 ————— Тип. бр. Пантелѣевыхъ.
 ————— для воинскихъ нижнихъ чиновъ на 1875.
 ————— Холмскій Грехо-Униатскій на 1875. Варшава.
 Настоящій подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Тысяча обѣдовъ дорогихъ и дешевыхъ, и проч. Съ политип. М. Ц. 3 руб. 50 коп.
 Памятная книга на 1875 г. Архангельской губернии.
 ————— Виленской губернии.
 ————— Гродненской губернии, ч. I.
 ————— Области Войска Донскаго.
 Сводный систематическій указатель къ „Судебному Вѣстнику“. 1866—1873 гг. Спб.
 Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 Справочная книжка для сельскихъ хозяевъ на 1875 г. 2 ч. Баталина. Спб. Ц. 2 р.
 ————— для служащихъ въ казенныхъ палатахъ и казначействахъ. Ходотова. Петро-заводскъ.
 Толкованіе сновидѣній ста-шестидѣтиго старца Мартина Задеки. Изд. 6-е. Москва.
 Указатель вопросовъ гражданскаго права, разрѣшавшихся на консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной. 1867—1871. И. Г. Данилова. Спб.
МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ВОЕННЫЯ И МОРСКІЯ НАУКИ.
 Брунсъ. Астрономическій атласъ. Перев. Е. А. Сясовой. Изд. 2-е, испр. подъ ред. Р. Н. Гришана. 12 табл. Спб.
 Джемъ-Иенсъ Лафтонъ. Руководство къ

изученію морской съемки. Перев. А. Храмовъ. Спб.
 Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ по Вѣялю, Шпицу и др. Кн. I. Планиметрія. Спб.
 Ильминскій, И. Ариметика и собраніе ари-метическихъ задачъ. Изд. 4-е. Ч. I. Варшава. Лѣтописи главной физической обсерваторіи, изд. Г. Вильдомъ. 1869 годъ. На рус. и франц. яз. Спб.
 Метеорологическій сборникъ, изд. подъ ред. Г. И. Вильда. Т. IV. Вып. I. На нѣм. и фр. яз. Спб. Ц. 3 р. 55 к.
 Назаровъ, Д. Руководство къ ариметикѣ. Изд. 2-е. М. Ц. 60 к.
 Начальная геометрія на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Ч. I. Планиметрія. Казань.
 Практическія правила для дѣйствія надъ обыкновенными логарифмами, съ примѣненіемъ къ вычисленію сложныхъ процентовъ. Г. М. Спб. Ц. 50 к.
 Руководство къ употребленію англійскаго морскаго мѣсяцеслова Nautical Almanac на 1876 г. Спб.
 Сорре, А. Курсъ ариметики. Перев. Н. Юденячъ. Изд. 3-е. М. Ц. 1 р. 25 к.
 Систематическій сборникъ формулъ, относящихся къ опредѣленію тригонометрическихъ линий. Съ объясненіями С. И. С. Спб. Ц. 75 к.
 Сомижъ. Геометрія теоретическая и практическая съ примѣненіемъ къ линейному черченію, архитектурѣ, землѣмѣрїю и проч., и главнѣйшія начала начертательной геометріи. Перев. съ франц. В. Прохорова. Съ полит. В. I. О линияхъ. М. Ц. 85 к.
 Тихомамаршій, А. И. вспомоательныя таблицы для вычисленія пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій. Спб.
 Фламмаріонъ. Небесныя свѣтила. Съ 74 полит. Перев. съ фр. Москва. Ц. 1 р. 50 к.
 Фаворскій, А. Рѣшенія всѣхъ задачъ геометріи А. Ю. Давидова. М. Ц. 75 к.
МЕДИЦИНА—ГИГИЕНА.
 Боткинъ, С. П. Курсъ клиники внутреннѣхъ болѣзней. Вып. III. Спб. Ц. 75 к.
 Драгендорфъ, Георгъ. Судебно-химическое открытіе ядовъ въ пищевыхъ веществахъ, воздухѣ, остаткахъ пищи, частяхъ гѣла и т. д. Съ нѣм. перев. М. Капустинъ и Н. Мейтинъ. Съ рис. Спб.
 Дубровинъ, А. А. Самолеченіе болѣзней. Книга о разумныхъ и цѣлесообразныхъ способахъ и средствахъ къ восстановленію потеряннаго и разстроеннаго здоровья. М.
 Жанину. Клиническія лекціи. М. Ц. 1 р.
 Мансуровъ, И. Третичный сифилисъ, воз-

говня страданія и умопомъшательства при немъ и ихъ лечение. М. Ц. 1 р. 50 к.

Мейснеръ, И. Руководство для фельдшерскихъ школъ. Изд. 13-е, испр. и доп. Вильна.

Монури и Сальмонъ. Курсъ акушерства. Перев. В. Н. Жукъ, подъ ред. А. П. Волкенштейна. Съ рис. Слб. Ц. 3 р. 50 к.

Нинитицъ, Н. Д. Руководство къ устройству медицинскихъ садовъ при сельскихъ земскихъ лечебницахъ. Съ рис. М.

Опытный врачъ тайныхъ болъзней мужчинъ. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Слб. Ц. 75 к.

Отчетъ объ опытахъ чумопрививанія рогатому скоту, произведенныхъ въ полтавской губ. въ 1874 г. комиссией изъ членовъ Иессена, Равича и Медвѣдскаго. Слб.

Руководство къ частной патологии и терапії. изд. У. Ziemsseu'a. Перев. подъ ред. и съ доп. В. Г. Лашкевича. Т. II. Вып. I. Перев. В. Хавкина. Слб.

Субботинъ, В. А. Третій международный медицинскій конгрессъ въ Вѣнѣ въ 1878 г. Слб.

Фебусъ, Филиппъ. Къ вопросу о современномъ положеніи фармаціи. Перев. съ нѣм. М. Ц. 1 р. 25 к.

Фогель, Ю. Тучность, ея причины, предотвращеніе и лечение простыми діететическими средствами. На основаніи системы Бантинга. Перев. съ нѣм. Слб. Ц. 50 к.

Шалтовъ, А. Новый путь для здоровья. Ростовъ на Д. Ц. 75 к.

О температурѣ въ воспаленіи грудной плеви. Ростовъ на Д.

ПЕДАГОГІЯ — УЧЕБНИКИ — ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Александровъ. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ? Жители дѣсной полосы. Чт. для нар. Слб. Ц. 10 к.

Андріашевъ, А. Книга для первоначальнаго чтенія въ сельскихъ и гор. прих. и народн. училищахъ. Съ рис. Ч. II. Кіевъ.

Антоновъ, П. Русская азбука. Изд. 4-е. Слб. Ц. 25 к.

Баранцевичъ, М. М. Методическое руководство для систематическаго обученія скорописанію безъ помощи линеекъ. М. Ц. 1 р.

Бенене, Ф. Э. Руководство къ воспитанію и ученію. Ч. I. Руководство къ воспитанію. Перев. съ нѣм. Н. Х. Весселя. Изд. 2-е. Слб. Ц. 2 р. 50 к.

Бестужевъ-Рюминъ, Н. О крещеніи Руси, о Владимірѣ святомъ, о сновыяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ. Изд. 3-е. Слб.

Бѣляева, Анна. Подарокъ Машѣ. Азбука для маленькихъ дѣтей (нѣм. и русская). Съ рис. Изд. 2-е, испр. Слб.

Вернъ, Жюль. Вокругъ Луны. Перев. Марка Вовчя. Изд. 2-е. Съ рис. Слб. Ц. 2 р.

Вернъ, Жюль. Путешествіе къ центру земли. Перев. Марка Вовчя. Изд. 2-е. Съ рис. Слб. Ц. 2 р.

Гасабовъ, Е. М. Письмо гр. Л. Н. Толстому по поводу его статьи „О народномъ образованіи“ Слб.

Де-Прессансо. Роза. Пов. для дѣтей. Пер. съ франц. А. Хероидиновой. М.

Дистервегъ, Адольфъ. Начатки дѣтскаго школьнаго ученія. Перев. съ нѣм. Изд. 4-е. Слб. Ц. 50 к.

Дяденькины рассказы и бесѣды съ дѣтьми. М. Ц. 25 к.

Жизнь и приключенія Робинзона Крузо. Съ карт. 3 ч. Изд. Морозова. М.

Жуновскій, В. А. Русская Библиотека. Т. IV. (Избранныя сочиненія). Слб. Ц. 75 к.

Заринскій, П. Солдатская школа. Подробное практическое руководство къ устройству школъ грамотности въ войскахъ и къ обученію нижнихъ чиновъ въ ротныхъ школахъ и учебныхъ командахъ. Ч. I. Устройство солдатской школы. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань. Ц. 60 к.

Золотовъ, В. Русская азбука съ наставленіемъ, какъ должно учить. Изд. 22-е. Слб. Ц. 5 к.

Зрѣніе и слухъ. Популярныя очерки. Съ 24 картин. М.

Изъ „Ясной поляны“. Рассказы для крестьянскихъ ребятъ. Кн. 6. Одесса. Ц. 15 к.

Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ. Перев. В. Н. Зинковой. Съ рис. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

Кирпичниковъ, А. и Гиларовъ, Ф. Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій. Изд. 9-е. М. Ц. 40 к.

Книжки для школъ. Изд. Общ. распр. велен. кн. № 94. Пропащія часн. Съ англ. М. Ц. 4 к.

№ 97. Трость моего дѣдушки. Съ англ. Ц. 6 к.

№ 98. Грезнъ Вioлетн. Ц. 2 к.

№ 101. Правдивый Петя. Ц. 1 к.

№ 102. Горячія уголья или средство смягчить ожогъ чуженныхъ. Ц. 2 к.

Кравковскій, В. М. Новое лого для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Практич. упражненіе въ 4 правилахъ ариметики. Изд. 4-е. Слб. Конекъ-горбунокъ или царь-дѣвица. Пьеса для дѣтей. М.

Манарова, С. Дѣду—время, отдыху—часъ. Рассказы для дѣтей младшаго возр. Съ карт. Слб.

Изъ русской жизни. Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Съ рис. Слб.

Малниницъ, И. Начальное народное училище. Педаг. очеркъ изъ наблюденій за училищами. М. Ц. 75 к.

Михайловскій, свящ. О религіозномъ воспитаніи дѣтей до школы. Слб.

Михлевичъ, Ва. Смутное время. Рассказъ изъ русск. исторіи. Съ карт. Спб.

Наши друзья. Рассказы о домашнихъ животнхъ, какъ они живутъ и какую приносятъ намъ пользу. Съ карт. М.

Новаловскій, Ва. Изборникъ, заключающій въ себѣ народныя сказки, пѣсни, пословицы, басни и проч. Для народныхъ училищъ. Изд. 4-е. Спб. Ц. 80 к.

Новые уроки русской грамоты. Букварь и первонач. чтеніе. Для еврейскаго юношества. Изд. 5-е. Вильна.

Новѣйшая полная россійская азбука. М. Отечественная война (1812 г.). Чтеніе I. Бородино. (Народн. чт.). Съ карт. Спб. Ц. 15 к. Чтеніе II. Бѣгство французовъ.

Павловъ, А. М. Самоучитель русскаго языка. Книга грамматическо-практическая, приложенъ къ быту евреевъ. Варшава.

Прибалтійскій дѣтскій альбомъ русскхъ стихотвореній. Собраніе И. Я. Зандера. Изд. 2-е. Рига.

Программы для испытанія лицъ, желающихъ получить званія: а) воспитателя гимназій и прогимназій, б) учителя уезднаго училища, в) домашнаго учителя или учительницы, г) учителя прих. и нач. учил. и д) частнаго начальнаго учителя. М. Ц. 75 к.

Рождественскій, С. Чтенія для народа о Буворовѣ. съ карт. Спб. Ц. 15 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній въ переводахъ русскхъ писателей, изд. подъ ред. А. Чудинова. Т. I. Произведенія народнаго творчества древнихъ скандинавовъ. Шведскіе поэты: И. Тернеръ. Воронежъ. Ц. 2 р.

Смирновскій, П. Посobie при изученіи русской словесности. Вып. III. Новый періодъ. Отд. I. Отъ Ломоносова до Карамзина. Спб.

Соловьевъ, М. М. Подарокъ дѣтямъ. Сборникъ пьесъ и пѣсенъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепiano. Спб. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Е. Рассказы для дѣтей изъ сельскаго быта. Изд. 2-е. Казань. Ц. 40 к.

Рассказы о полезныхъ и вредныхъ птицахъ. Изд. 2-е. Казань. Ц. 20 к.

Сонина мачиха. Разск. для юношества. Перев. съ англ. Спб.

Терентьевъ, М. Первые уроки по азбукѣ. Спб.

Трещинъ-Сенетовичъ. Начальное обученіе русской грамотѣ. Для взрослыхъ. Съ рис. Спб. Ц. 40 к.

Ушинскій, И. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ первый. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 26-е. Спб.

Филоновъ, Андрей. Русская хрестоматія, съ примѣч. для высшихъ классовъ средн. уч. завед. Ч. I. Эпическая поэзія. Изд. 5-е. Спб. Ц. 1 р. 30 к.

Циммерманъ, Эдуардъ. Путешествіе по Венесуелѣ. Для дѣтей. Съ рис. Спб. Ц. 1 р.

Что долженъ знать всякій солдатъ? Вильна. Шемановскій, С. Руководство (для учителя) къ русской азбукѣ. Изд. 2-е, испр. и доп. Варшава. Ц. 20 к.

Русская азбука по звуковому способу для сельскихъ школъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Варшава. Ц. 20 к.

Штейнъ, А. Дневникъ трехъ дѣтей. Перев. съ нѣм., съ карт. Изд. 2-е, испр. Спб.

Дѣтскія письма. Разск. и пов. для маленькихъ дѣтей. Съ рис. Спб.

СЛОВЕСНОСТЬ — ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЪ КУЛЬТУРА—РОМАНЫ—ДРАМЫ и пр.

Аи да прославимъ! вотъ такъ народецы и похождения пройдохи. Изд. 4-е. Спб. Ц. 20 коп.

Альготъ, Луиза. Американка. Ром. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Атаманъ разбойничества «Сорви голова» или Похищеніе изъ замка прелестной Елены. Ром. въ 3 ч. М.

Ашаръ, Амедей. Прямо къ пѣли. Ром. Пер. съ франц. («для легкаго чтенія» Х.). Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Базилевичъ, Петръ. Женить, какихъ мало. Драма въ 1 д. стих. М.

Бале, Адольфъ. Елена и Матильда. Ром. Перев. съ франц. М.

Борнъ, Георгъ. Донъ - Карлосъ. Истор. ром. Т. I. Спб. Тип. Безобразова. Ц. 1 р. 50 коп.

Донъ-Карлосъ. Ром. Перев. съ нѣм. Тип. Антонова. Ч. I. Спб. Ц. 1 р.

Брифо. Тайны римскаго двора. Истор. ром. Изд. А. Лулакова. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Бѣловъ, М. Виновата ли она? Пов. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к.

Володимъ. Хроника села Смурина. Спб. Ц. 2 р.

Въ глухую ночь. Ром. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гейзе, Павелъ. Несчастная Елена и Сльшиме. Пов. Перев. М. Я. Хашкеца. Спб. Ц. 75 коп.

Гегель, Н. В. Майская ночь или Утопленница. М. Ц. 8 к.

Грибѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д. Ред., примѣч. и объясненія И. Д. Гарусова. Изд. 40-е. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гуссе, Арсенъ. Полны руки розъ, золота и крови. Ром. — Сядни Мостинъ. Правда или ложь. Ром. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гюго, Викторъ. Мои сыновья. Перев. М. Думаниной. Одесса. Ц. 40 к.

Мои сыновья. Перев. съ фр. Спб. Ц. 30 к.

Де-Монтемонъ, Исавье. Парижская драма.

Блѣкоура чародѣйка. Ром. Перев. съ фр. А. Пюге. Ц. 1 р.

Де-Монтенонъ, Исавье. Бракъ и преступленіе. Ром. Перев. съ фр. Д. Ланге. Изд. 2-е. М. Ц. 1 р.

Ясновидящая. I. Соръ Париза. II. Смыслнй. III. Мошеническая контора. Пер. Н. Бартъ. М. Ц. 3 р.

Диккенсъ, Чарльзъ. Замогильныя записки Пневнесскаго клуба. Перев. И. Введенскаго. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. I. Изд. В. Александрова. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Донъ-Мануэль Тамайо и Баусъ. Сумасшествіе отъ любви. Драма въ 5 д. Перев. В. Родиславскаго и О. Новицкаго. М.

Дюма, А. Графиня Шарри. Ром. Перев. съ фр. Изд. Львова. Ч. I и II. Спб.

Записки врача Жозефъ Бальсамо. Ром. Т. II и III. Спб.

Евстигнѣвъ, М. Ярославка въ столицѣ. М.

Якимъ-простота или мужикъ-то сѣръ, да умъ у него не медвѣдь съѣлъ. М. Ералашъ безъ козырей. Карикат. Листки изъ Альбома. Э. Безкозырнаго. Кіевъ. Ц. 1 р. Забытые мотивы. Стихотв. I. I. Я. Черниговъ.

Захаревъ, П. А. Часы досуга моего. Стихи. Спб.

Мизрицевъ, Н. Панъ Радичъ или Страшныя ночи за Днѣпромъ. Ром. въ 3 ч. М.

Козыревъ, М. А. Старшина. Пов. Изд. Н. Соловьева-Несмѣлова. М. Ц. 50 к.

Комаръ. Легучій листокъ. Спб. Ц. 20 к.

Комедія въ комедіи. Вод. въ 1 дѣйствіи. Т. Москва.

Львовичъ. Солдатскіе рассказы о Туркестанскомъ краѣ. I. Стопъ. Спб.

Львовъ, Н. (Стебницкій). На ножкахъ. Ром. Изд. 3-е. М.

Малюта Сураатовъ и опричники. Ром. въ 4 ч. Сост. В. С. М. Ц. 1 р. 50 к.

Маринтъ, Е. Тайна старой дѣвы. Ром. Перев. съ нѣм. А. Пюге. М. Ц. 1 р. 25 к.

Масловичъ, Н. Жлѣтскіе напѣвы. Куплеты и пѣсни. Спб. Ц. 1 р.

Масляница!!! Сборникъ куплетовъ, сценъ и проч. Спб.

Мещеряковъ, Ц. 1) Наслѣдство или женихъ изъ Апраксина. Комич. сцены въ 2 карт. 2) Кто кого перехитрилъ, или маскарадъ. Комич. сцены въ 2 карт. Спб.

Мироневъ, Н. П. Польскій колдунъ напѣвъ Твардовскій. 8 т. М.

Охота пуще неволи. М.

Медестовъ, В. И. Лекціи по исторіи римской литературы. Курсъ II. Въѣзъ Августа. Кіевъ.

Мумшинскій, М. И. Шико и прочія шансонетки г-жи Зоринвой, съ присовокупленіемъ

куплетовъ, рассказовъ и сценъ изъ русскаго и еврейскаго быта. М.

Орловъ, М. Курсъ исторіи русскаго литературнаго Вѣя. II. Пушкинскій періодъ, первая половина. Спб. Ц. 60 к.

Поль-де-Монъ. Веселый домъ или приключенія волокиты-парижанина. М. Ц. 1 р. 50 к.

Понсонъ-дю-Террайя. Молодость Генриха IV. Похищеніе королевы. Кровавое истребленіе гугенотовъ. М. Ц. 2 р.

Проклятое мѣсто и нечистые духи. М. Раевскій, Петръ. Сцены и рассказы изъ малорусскаго народнаго быта. Изд. 2-е. Б. Кореяво. Кіевъ. Ц. 1 р.

Сверчокъ. Стих. и разск. Изд. В. Консевича и В. Долгорукаго. М. Ц. 40 к.

Своихотовъ, Д. Васиш. М.

Соболевъ, В. И. Сказка о солдатѣ, мелодіи и хватѣ. Въ стих. Съ карт. М. Ц. 50 к.

Соколовъ, А. А. Земское дѣло—семейное дѣло. Ром. Спб.

Странный человекъ. Ком. въ 1 д., передъ съ франц. М. Ц. 50 к.

Турбинъ, С. Укротительница. Сцены изъ военно-походной жизни. Изд. 2-е. Спб.

Тургеневъ, М. С. „Стучить“. Изъ записокъ охотника. Перев. съ фр. М. *).

Удалой Ермакъ Тимофеевъ, коворитель Сибирскаго царства. Пов. Изд. Пріснова. М.

Фанъ-Неринетъ, Николай. Что носѣлъ, то и жни. Ком. въ 4 д. Спб.

Фиреръ, Авраамъ. Дитя Израиля или почему бытъ не можетъ. Повѣсть. Елисаветградъ. Ц. 1 р.

Фрейтагъ. Инго и Инграбанъ. Спб. Ц. 2 р.

Цебринова, М. Записки губерналткн. Спб. Ц. 1 р.

Шмитановскій, В. Проклятый жидъ и человекъ въ мясо, или сонное зелье и прелестная царевна. Сказка въ стих. М.

СТАТИСТИКА—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—ФИНАНСЫ—ТОРГОВЛЯ—ПРОМЫСЛЫ.

Брашелли, Г. Ф. Статистическіе очерки Германіи. Спб.

Бродевскій, М. И. Технические производства въ Туркестанскомъ краѣ. Спб.

Гамбаровъ, П. По вопросу о выпускѣ банковыхъ нотъ и о выравнигерованныхъ крупныхъ банкнотъ. Банковій актъ Роберта Пина 1844 г. Спб.

*) Французскій текстъ былъ переведенъ съ русскаго оригинала, напечатаннаго прежде въ полномъ собраніи сочиненій Т.

Гелубицевъ, М. Готовое домашнее счетоводство. Въ 3 кн. Одесса. Ц. I кн. 45 к., II—65 к., III—40 к.

Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ. Флотъ настоящаго времени. Перев. Н. Тресковский. Спб. Миттельштадтъ, Иванъ. Отвѣтъ корресп. газ. «Голосъ» на критику, напис. на мою книгу: «70 миллиардовъ рублей для Россіи». Спб.

Наша биржа. Нѣсколько словъ о дѣятельности нѣкоторыхъ акціонерныхъ кредитныхъ учреждений коммерческихъ и земельныхъ. А.—ра Р.—на. Вып. I. Одесса.

Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1878 году въ судебныхъ учрежденияхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20-го ноября 1864. Спб.

Соловьевъ, Е. Тупленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ. Чт. для вар. Казань. Ц. 20 коп.

Риттихъ, А. Ф. Племенной составъ контингентовъ русской арміи и мужского населенія Европейской Россіи. Спб.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Гронскій, П. Опытъ начальнаго руководства въ содержанію пути, зданій и сооруженийъ желѣзныхъ дорогъ. Съ рис. Спб.

Двадцать пять формулъ Пресслера для вычисленія древеснаго прироста и гѣсной приростной буравъ. Перев. съ нѣм. В. Ольшевскаго. Спб. Ц. 75 к.

Мальниковъ, И. П. и Фаерманъ, Л. А. Писчебумажное производство. Композиція бумагъ. Одесса.

Отчетъ и рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи Императорскаго Московскаго технического училища 1873—74 акад. года. М.

Половъ, М. Санитарныя мѣропріятія. Сто-

ки городскіе и загородныя (канализація), домовныя и дворовыя. Съ чертежами. Спб.

Чертежи типовъ рельсовъ желѣзныхъ и стальныхъ, утвержденныхъ г. Министромъ Путей Сообщенія. Спб.

ФИЛОСОФІЯ.

Козловъ, А. А. Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго, д-ра философіи Эдуарда фонъ-Гартмана. Полное изложеніе системы. Вып. II и посл. М.

Погодинъ, М. П. О модныхъ у насъ философскихъ толкахъ. М. Ц. 30 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Вольфъ, Теофиль. Весь французскій языкъ въ педагогическихъ играхъ. Вып. I. Неправ. глаголы, галлицизмы и формы. Спб. Ц. 1 р.

Захаровъ, Иванъ. Полный маньчжурско-русскій словарь. Спб.

Кейзеръ, Ф. Краткая нѣмецкая грамматика. Ч. II. Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія на правила этимологіи. Изд. 4-е. М. Ц. 70 к.

Лебединскій, М. Латинско-русскій словарь къ сочиненіямъ К. Саллюстія Криспа: Bellum Catilinarium, sive de conjugatione Catilinae et Jugurtha, seu Bellum Jugurthinum. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р.

Носовичъ, М. М. Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ. Спб.

Словарь къ русской хрестоматіи для учебн. заведеній Прибалт. края, составленный Е. Козиннымъ. Рига.

Трембовскій, А. Краткая нѣмецкая грамматика. Изд. 2-е, испр. и допол. (на нѣмецк. языкѣ). Спб. Ц. 60 к.

Фурманъ, Е. Полнѣйшій и новѣйшій самоучитель живого нѣмецкаго слова. Изд. 3-е. Спб. Ц. 75 к.

Апрѣль, 1875.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ и МАГАЗИНЪ

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ВНОВЬ ПОСТУПИЛИ ВЪ СКЛАДЪ:

А ПРИОРНАЯ ФИЛОСОФІЯ или положительная наука? По поводу диссертациі г. В. Соловьева. М. Кавелина. Спб. 1875. Ц. 50 к.; вѣс. 1 ф.

ГЕРМАНСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ. Часть I. Историческій очеркъ Германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго. Ц. 1 р. 75 к.; в. 1 ф.

СОЛОВКИ. Воспоминанія и рассказы изъ поѣздовъ съ богомольцами. В. И. Мирновичъ-Дайченко. Ц. 1 р. 50 к.; в. 2 ф.

ХРИСТОМАТІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образахъ, составилъ Ник. Вас. Гербель. Ц. въ бум. 3 р., въ пер. 3 р. 70 к.; в. 4 ф.

ПОЭЗІЯ СЛАВЯНЪ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ пер. 4 р. 20 к.; в. 4 ф.

СОЧИНЕНІЯ ЛОРДА БАЙРОНА въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакцію Н. В. Гербеля. Т. I и II. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к.; в. 4 ф.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГОФМАНА, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакцію Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I, II, III, IV. Ц. каждого тома отдѣльно 75 к.; в. 2 ф.

ГОРЕ ОТЪ УМА. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоедова. Изданіе Н. В. Гербеля. Ц. 25 к., въ переплетѣ 50 к.; в. 1 ф.

ШЕКСПИРЪ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I, II, III, IV. Ц. 14 р.; в. 8 ф.

МЕХАНИКА ЖИВОТНАГО ОРГАНИЗМА. Передвиженіе по землѣ и во воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, переводъ съ французскаго. Ц. 2 р. вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПОЛИТИКА. Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу. Вальтеръ Баддигъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію Д. А. Корончевскаго. Ц. 1 р. 50 к.; в. 2 ф.

СОХРАНЕНІЕ ЭНЕРГІИ. Бальфуръ Стьюартъ. Съ 14 политипажами, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р.; в. 2 ф.

ХИМИЧЕСКІЯ ДѢЙСТВІЯ СВѢТА и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутевскаго. Ц. 3 р.; в. 2 ф.

БАСНИ И СКАЗКИ дикихъ народовъ. I. Животный эпосъ и легенды Готтштеговъ. II. Дѣтскія сказки и преданія Зулусовъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к.; в. 1 ф.

- ПУТЕШЕСТВІЕ** по Средней и Восточной Аравіи. Джиффордъ Пальгрэвъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р. 50 к.; в. 3 ф.
- НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ ТАЛАНТА**, ея законы и послѣдствія. Френсисъ Галтонъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р.; в. 2 ф.
- ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ**. А. П. Федченко. Томъ I. Ч. II. Ц. 3 р. 50 к.; вѣс. 5 ф.
- ИСТОРИЧЕСКІИ АТЛАСЪ РОССІИ**. Н. М. Павлицева. Ч. 1 и 2. Ц. 4 р. 50 к. вѣс. 4 ф.
- РУКОВОДСТВО** къ физической и математической географіи для средних учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и самообразованія. Составилъ Ф. Винклеръ. Пер. К. К. Сень-Илеръ. Ц. 1 р.; в. 2 ф.
- НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ**. Сборникъ для юношества. Составилъ П. Ползевъ. Ц. 75 к.; в. 1 ф.
- АМЕРИКАНЦЫ У СЕБЯ ДОМА**. Дэвидъ Мэри. Переводъ съ англійскаго. Ц. 3 р. 50 к.; в. 4 ф.
- КУРСЪ КЛИНИКИ** внутреннихъ болѣзней. С. П. Боткина. Выпускъ III. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.
- ПЕРВОЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ** къ уложенію о наказаніяхъ и мировому уставу. Н. С. Таганцева. Ц. 1 р.; в. 1 ф.
- НАЧАЛЬНАЯ АЛГЕБРА** съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ I. Сомовъ. Ц. 1 руб.; вѣс. 2 ф.
- АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ**. Составилъ I. Сомовъ. Цѣна 2 руб. 50 коп.; вѣс. 2 ф.
- РАЦИОНАЛЬНАЯ МЕХАНИКА**. Часть первая. Кинематика. Составилъ I. Сомовъ. Ц. 2 р. 50 к.; в. 2 ф.
- РАЦИОНАЛЬНАЯ МЕХАНИКА**. Часть II, выпускъ I, съ билетомъ на получение II выпуска. Введеніе въ статику и динамику, и статика. Составилъ I. Сомовъ. Ц. 2 р.; в. 2 ф.
- НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРІЯ**. Составилъ I. Сомовъ. Цѣна 2 руб.; вѣс. 4 фунта.
-
- ЖУКОВСКІЙ**, В. А. Русская Библіотека, т. IV. Съ портретомъ, биографіею и извлеченіемъ изъ Бѣлинскаго о поэзи Жуковскаго. Спб. 1875. Стр. XLVI и 555. Ц. 75 к. въ бум. и 1 р. въ пер.; вѣс. 2 ф. — Всѣ четыре тома (Пушкинъ, Гермонтовъ, Гоголь и Жуковскій) 3 р. въ бум., и 4 р. въ пер.; вѣс. 8 ф.
- РУССКІЙ РАБОЧИЙ У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА**. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.
- НАЧАЛА РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА**. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
- АСТРОНОМИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ**, съ XII таблицами, Брунса. Спб. 1875. Стр. 43. Переводъ съ вѣмецкаго Е. А. Сысоевой, 2-е изд. подъ редакціей Р. Н. Гринина. Цѣна 3 руб.; вѣс. за 2 ф.
- РУССКАЯ ИСТОРІЯ** въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. М. Нестомарова. Первый отдѣлъ, въ трехъ выпускахъ: 3 р. 75 к. — Второй отдѣлъ: выпускъ четвертый — цари Михаилъ и Алексѣй. Ц. 1 р. 25 к.; выпускъ пятый — царь Федоръ и царица Софья. Ц. 1 р. 50 к.
- АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ** въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 2 ф.
- КУРСЪ РУССКАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА**, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга I-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 2 ф.

ГОДЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ. Историко-политическое обозрѣніе за 1873-74 г. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 3 ф.—За 1872-73 г., т. I, ц. 2 р.; вѣс. 3 ф.

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ. О методахъ и программѣ психологическихъ изслѣдованій. К. Кавелина. Спб. 1872. Ц. 1 р. 25 к. вѣс. 2 ф.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ, въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Три тома. Спб. 1863-65. Т. I—783 стр.; Т. II—966 стр.;—Т. III, часть первая—824 стр.—Всѣ три тома—7 р. съ пересылкою.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. М. Сяблицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

АЛЕКСѢЙ СЛОВДИНЪ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. Н. Аляксинскаго. Спб. 1873. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

НАТАНЪ МУДРЫЙ, драматич. стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Спб. 1875. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

ВОПРОСЫ О ЖИЗНИ И ДУХѢ, Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

ИЗУЧЕНІЕ СОЦІОЛОГИИ, Г. Спенсера. Пер. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРИ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ, Маудсли. Пер. съ англ. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 коп.; вѣс. 2 ф.

УЛЭ и ВАГНЕРЪ. Руководство къ общей патологій. Переводъ съ шестого дополненнаго нѣмецкаго изданія 1874 г. студентовъ университета св. Владимира. Подъ редакціей доцента общей патологій, д-ра Н. С. Афанасьева. Ц. 4 р.; вѣс. 3 ф.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ Андрей Филоновъ. Ч. IV. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1873. Стр. 877. Ц. 1 р. 60 к.; вѣс. 4 ф.

Всѣ четыре части Русской Христоматіи одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просв. для гимназій и прогимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для духовныхъ семинарій.

РОВИНЗОНЪ КРУЗЕ, А. Амисской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажамъ. Изд. В. Лесевича. Спб. 1874. Ц. 2 р.; перепл. 2 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИКИНГЕНЪ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Спб. 1873. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Состав. П. В. (Петръ Вейнвергъ). Спб. 1873. Ц. 20 к.

ОТПЕЧАТАНЪ

А. С. ГРИБОѢДОВЪ, томъ V «Русской Библиотеки»: сюда вошло, кромѣ «Гора отъ ума», собраніе другихъ его сочиненій и извлеченіе изъ переписки.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на себя комиссію по постороннимъ изданіямъ и доставку книгъ и періодическихъ изданій иногороднымъ.



КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА



С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ мартъ поступили въ продажу слѣдующія книги:

Леонардъ, П. Германія или Франція? Одна и другая. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., пер. за 1 ф.

Лѣсковъ, Н. Захудалый родъ, семейная хроника князей Протозаровыхъ, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., пер. за 2 ф.

Дюканъ, М. Парижъ, его органы отправления и жизнь во второй половинѣ XIX вѣка. Т. I, съ рисунками. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Курбокій, А. Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. Воспоминанія, очерки и замѣтки. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Виндшейдъ, В. Объ обязательствахъ по Римскому праву, пер. съ нѣмецкаго подъ редакцію А. Думашевскаго, Сп. 1875 г. Ц. 4 р., пер. за 3 ф.

Гальтонъ, Ф. Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія. Пер. съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. пер. за 2 ф.

Вологдинъ, Хроника села Смурина. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Соколовъ, А. Театральный Альманахъ на 1875 г. (съ портретами). Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Мордвиновъ, А. Путеводитель главныхъ поклонниковъ, по городу Риму и по окрестностямъ, съ 40 рисунками. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Ушинскій, К. Собраніе педагогическихъ сочиненій. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., пер. за 3 ф.

Никаноръ, (епископъ). Позитивная философія и сверхчувственное бытіе. Т. I. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., пер. за 3 ф.

Шердъ, В. Санскритская грамматика. Сарковъ. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.

Немировичъ-Данченко, В. Соловки, ослепленія и рассказы изъ поѣздокъ съ огомольцами. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Таганцевъ, Н. Первое продолженіе къ коженію о наказаніяхъ и мировому уставу,

съ разъясненіями по рѣшеніямъ уголовного кассационнаго департамента и главнаго военнаго суда. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.

Левандъ, Л. Горячее время. Романъ изъ послѣдняго польскаго возстанія. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Градовскій, А. Германская конституція. Ч. I. Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., пер. за 2 ф.

Желябужскій, Е. Очерки и завоеваніе Хивы (съ 9-ю картинками). М. 1875 г. Ц. 75 к., пер. за 1 ф.

Мельниковъ, Н. и Ферманъ, Л. Писчебумажное производство, композиція бумагъ. Одесса. 1875 г. Ц. 2 р., пер. за 1 ф.

Шаффъ, Ф. Исусъ Христосъ—чудо исторіи. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.

Шилтовъ, А. Новый путь для здоровья (общепонятное изложеніе). Ростовъ на Дону. 1875 г. Ц. 75 к., пер. за 1 ф.

Вершъ. Увеличеніе количества и улучшение винограда вина. Общедоступное руководство для винодѣловъ, съ прибавленіемъ указаній о наивыгоднѣйшемъ пользованіи остатками отъ винодѣлія и простого средства очищенія вина. Одесса. 1875 г. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.

Штрумпъ, Ю. Измѣненіе различныхъ болѣзней по правиламъ гомеопатіи. В. I. М. 1875 г.

Ранке, Л. Римская церковь и церковная область при Піѣ IX. Спб. 1875 г. Ц. 50 к., пер. за 1 ф.

Захаровъ, И. Полный маньчжурско-русскій словарь. Спб. 1875 г. Ц. 12 р., пер. за 8 ф.

Цебриковой, М. Записки гувернантки. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., пер. за 2 ф.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, издаваемый подъ редакцію А. Н. Чудинова. Т. I. Воронежъ. 1875 г. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, какъ вновь выходящими, такъ и прежде изданными.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. MUX).

St.-Petersbourg, Perspective de Nevsky, № 14.

Nouveautés de Février 1875.

Aus den Papieren des Ministers u. Burggrafen v. Marienburg Theod. v. Schoen. I. Bd. 5 r.

Année, l', géographique p. Vivien de St. Martin. 1874. 1 r. 60 k.

ANSERINI. Compendio della storia delle arti. 2 r. 20 k.

BECQUEREL, M. Des forces physico-chimiques. 6 r.

BERSOT. Jean Jacques Rousseau. 2 r. 80 k.

BIRCH, J. The Hawaiian Archipelago. Sex months among the palm groves of the Sandwich Islands. 6 r.

BOISSONAS, B. Un vaincu. Souvenir du général Robert Lee. 1 r. 40 k.

Briefwechsel zwischen Varnhagen v. Ense u. Rahel. 3 u. 4 Bd. à 3 r.

BUNGENER. Sermons. Neuer Band. 1 r. 60 k.

BUONACORSO DA MONTEMAGNO. Prose. 2 r.

CACCIANIGA. Il bacio della contessa Savina. 1 r. 20 k.

CARUS, I. Handbuch der Zoologie. I. 2. 6 r.

CHABAS, F. L'Egyptologie. Abonnement p. 1875. 9 r. 60 k.

CHERBULIEZ. Miss Rovel. 1 r. 60 k.

CORNELIUS, C. Wechselwirkung zwischen Leib u. Seele. 2 Af. 1 r. 10 k.

CHARENCEY, H. DE. Djemsched et Quetzalcohuatl. L'histoire légendaire de la Nouvelle Espagne. 1 r. 20 k.

COURRIÈRE. Littérature contemporaine en Russie. 1 r. 40 k.

DALTON. Beschreibende Ethnologie Bengalens. 2 r. 50 k.

DIDOT, A. Alde Manuce et l'Hellenisme à Venise. 3 r. 20 k.

DRANMOR'S gesammelte Dichtungen. 2 r.

DU CAMP, M. Paris, ses organes, ses fonctions, sa vie dans la seconde moitié du XIX siècle. 18 r.

DÜRINGSFELD. Sprichwörter der germanischen und romanischen Sprachen. 2 Bde. 11 r.

FAVRE, E. Recherches géologiques

dans la partie centrale de la chaîne de Caucase. 5 r.

FLIGIER. Beitrage zur Ethnographie Kleinasiens und der Balkanhalbinsel. 50 k.

GARDINER. History of England under the duke of Birmingham and Charles I. 2 vls. 12 r.

GAY, I. Bibliographie des ouvrages relatifs à l'Afrique et à l'Arabie. 10 r.

GOETHE'S BRIEFE an Johanna Fahlmer. hrsg. v. Urlichs. 2 r.

GOETTE, A. Die Entwicklungsgeschichte der Unke als Grundlage einer vergleichenden Morphologie der Wirbeltiere. 75 r.

HIS, W. Unsere Koerperformen und das Problem ihrer Entstehung. 2 r. 75 k.

HUGO, V. Oeuvres. Nouvelle édition. Vol. I. 2 r. 40 k.

HUME. Essays: moral, political and literary. 2 vls. 14 r.

IASTRAM, H. Lebensbilder u. Skizzen a. d. Culturgeschichte. 2 r. 50 k.

KLUGE, A. Philosophische Fragmente. Heft. 1. 1 r. 50 k.

MASCH, A. Grundzüge der Witterungskunde für practische Landwirthe. 2 Af. 1 r. 60 k.

MEJERS, V. Remains of lost empires. Sketches of the ruins of Palmyra, Niniveh, Babylon and Persepolis. 6 r.

MONTEPIN, XAVIER DE. Le mari de Marguerite. 1 r. 20 k.

MÜLLER, A. Die chemische Zusammensetzung d. wichtigsten Nahrungsmittel. 4 Af. 1 r.

MÜLLER, E. Telegraphen-Technik. 2 r.

NOHL, L. Eine stille Liebe zu Beethoven. 1 r. 80 k.

OVERBECK, I. Atlas der griech. Kunstmythologie. Lief. 3. Poseidon. 14 r.

PESHOTUN DUSTOOR BEHRMYEE SUNJANA. The Dinkard. Vol. I. 10 r. 50 k.

POUTZILO, M. Essai de dictionnaire russe-coréen. 6 r.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Компьютеръ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

I. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невского проспекта)

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступили въ продажу

НОВЫЯ ДШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ ЮРГЕНСОНА:

Школы для фортепiano: Браессеръ и Ютти, Сокровище для матерей семействъ. Элементарная школа для фортепiano, одобренная гг. Гензельтомъ, Герке, Лешетикимъ, Пштейномъ и др. 7-е издание (6 р., съ перес. 6 р.). Приложение къ сокровищу, или 2-я къ новой элементарной школѣ для обученія музыкѣ и фортепiano подъ названіемъ „Сокровище для матерей семействъ“. 2-е издание (4 р., съ перес. 5 р.). Бургеръ, Первоначальная школа для юныхъ пианистовъ (2 р.). Бейеръ, Первоначальная фортепiанная школа для дѣтей самаго нѣжнаго возраста (3 р.). Гюнтенъ, Школа фортепiano. 17-е издание, пересмотрѣнное и дополненное А. И. Дюбукомъ, съ приращеніемъ 20 новыхъ пьесъ и жизненныхъ правилъ молодымъ музыкантамъ Р. Шумана изображеніемъ клавиатуры (3 р. 50 к.).

Этюды и упражненія для фортепiano: Berens, Nouvelles études de la vérité op. 61 (2 р.); Тоже въ 4 тетрадахъ (по 60 к.). Bertini, 12 petits morceaux préliminaires op. 97 liv. 1. 2 (по 1 р.); 25 études à quatre mains op. 97 liv. 1. 2 (по 50 к.); 48 études pour ceux qui ont se préparer pour les célèbres études de Cramer, 2 тетра. (по 1 р.). Эти же 48 этюдовъ, пересмотрѣнные, поправленные и посвященные воспитанницамъ институтовъ блаженнаго дѣвицы вѣдомства Императрицы Маріи А. Гензельтомъ. 4 тетради (по 1 р.). Miller, 25 études faciles et progressives pour les petites mains op. 100 (1 р.); 18 études de genre, faisant suite à l'op. 100 (1 р. 30 к.). Chopin, 12 études op. 10 op. 10 (1 р.); 12 études op. 25, liv. 1. 2 (по 90 к.); 24 préludes op. 28 (50 к.). Cramer, Etudes célèbres. 2 тетра. (по 1 р.); 50 études choisies revues et corrigées par H. de Bülow (3 р.); Тоже въ 4 тетрадахъ (по 1 р.). Czerny, Etudes de virtuosité en 40 exercices op. 299 (3 р.); Тоже, въ 5 тетра. (по 75 к.); Exercices journaliers op. 337 (1 р. 50 к.); Die Varschule zur Fingerfertigkeit, 24 Übungstücke op. 100 (1 р. 65 к.); Тоже, въ 3 тетра. (по 60 к.); Die Kunst der Fingerfertigkeit (l'art de les doigts); 50 études dans le style brillant op. 440 (3 р. 30 к.); Тоже, въ 6 тетра. (по 90 к.); Les heures du matin. 160 exercices du huit mesures (2 р. 50 к.); въ 4 тетра. (по 75 к.). Duvernoy, Ecole du mécanisme. 15 études pour précéder de Czerny (1 р. 20 к.). Gammes dans tous les tons majeurs et mineurs (15 к.). Giuliani, 25 études mélodiques op. 45 (1 р. 25 к.); Тоже, въ 3 тетра. (по 50 к.); 30 études progressives op. 46 (1 р. 25 к.); Тоже, въ 3 тетра. (по 50 к.); 25 études pour former le sentiment du rythme et à l'expression. 2 тетра. (по 60 к.); 25 études dédiées à la jeunesse op. 125, 2 тетра. (по 75 к.). Jensen, 25 études op. 32 (60 к.). Köhler, Die ersten Etuden op. 50 (60 к.); 12 Etuden in leichten Passagen op. 85 liv. 1. 2 (по 45 к.); Technische Virtuosen Studien op. 120, 2 тетра. (по 1 р.). Die leichtesten Etuden op. 151 (35 к.). Lemoine, 50 études enfantines op. 37 (по 90 к.). Moscheles, Etudes célèbres op. 70 тетра. 1 (2 р. 40 к.); тетра. 2 (1 р. 55 к.).

пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Отъ дешевыхъ изданій высылаются бесплатно. Требованія гг. покупателей исполняются съ первоюходящею точкою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были и объявлены.

Дено лучшихъ итальянскихъ струнъ.

75 КОПѢКЪ—КАЖДАЯ КНИГА

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I.—А. С. ПУШКИНЪ.

Съ портретовъ, биографіевъ и выключеніевъ изъ Бѣликинаго и Гоголеваго о Пушкинѣ.

Первый отдѣлъ: Мѣднй Всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгений Онегинъ (гл. 2-я и 6-я). — Братья-разбойники. — Галубъ.

Второй отдѣлъ: Пѣсни, сказки и пр., всего 26.

Третій отдѣлъ: Арапъ Петра Великаго. — Дѣтонисъ села Горохина. — Дубровскій.

II.—М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Съ портретовъ, биографіевъ и выключеніевъ изъ Бѣликинаго о жизни Лермонтова.

Первый отдѣлъ: Демонъ (весь). — Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. — Дума. — Три Пальмы. — Мцыри (изъ исповѣди). — Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего до 49.

Второй отдѣлъ: I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамаръ; Фаталисъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

III.—Н. В. ГОГОЛЬ.

Съ портретовъ, биографіевъ и выключеніевъ изъ Бѣликинаго о Гоголѣ.

I. Старосвѣтскіе помѣщики. — II. Вій. — III. Разсказъ о томъ, какъ пострѣлся Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. — Ревизоръ (два послѣдніа дѣйствія). — Мертвыя души (первыя четыре главы). Всего около 30 печатныхъ листовъ.

IV.—В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Съ портретовъ, биографіевъ и выключеніевъ изъ Бѣликинаго о жизни Жуковскаго.

Сельское кладбище. — Свѣтлана. — Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. — Аббадона. — Золота арфа. — Овсяный кисель. — Графъ Габсбургскій. — Орлеанская дѣва (Прологъ). — Шильонскій узникъ. — Торжество побѣдителей. — Спящая царевна. — Война мышей и лягушекъ. — Сказка о царѣ Берендѣ. — Ундина (9 главъ). — Рустемъ и Зорабъ (Третій бой). — Сказка о Иванѣ Царевичѣ. — Одиссея (9-я глава). — Царскосельскій лебедь и др. мелкія стихотворенія.

V.—А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Отпечатанъ и выйдетъ въ первыхъ числахъ апрѣля.

ЦѢНА: Всѣ пять томовъ вмѣстѣ—3 р. 75 к. въ бум., и въ пер.; съ пересылкою: 5 р. въ бум., и 6 р. 25 к. въ пер.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, образцы Книжный Складъ Типографія М. Стасюлевича, въ Спб., Вас. О., 7, пользуются уступкою 20% съ цѣны экземпляра: 3 р. въ бум. и 4 р. въ пер.; съ пересылкою: 4 р. 25 к. въ бум., и 5 р. 25 к. въ пер.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Путешествіи въ Туркестанъ. *А. П. Федченко.* Т. 1, ч. II. Въ Коканскомъ ханствѣ. Тетр. 1-я. Съ портретомъ, 3 картами, олеографіей, 4 литографіями и 9 позитив. Сиб. 1875. Стр. 160 in 4°. Ц. 3 руб. 50 к.

Первые шесть выпусковъ этого замѣчательнаго труда были посвящены исключительно естественно-научнымъ изслѣдованіямъ края, и представляютъ собою богатый сборникъ самыхъ подробныхъ наблюденій и изученій рыбы и насекомыхъ. Новый выпускъ носить на себѣ совершенно другой характеръ, и имъ заинтересуются не одни спеціалисты; это весьма оживленный мемуаръ путешественника по Коканскому ханству, которое врѣзывается въ наши средне-азиатскія владѣнія, въ виду Ташвента и Ходжента. Кочанъ занимаетъ собою около 1000 кв. м. на плоской возвышенности Памиръ, прорѣзывается рѣкою Сиръ-Дарьей на протяженіи 250 верстъ, и отдѣляетъ насъ отъ Камгара. Трудъ покойнаго Федченко обращаетъ на себя вниманіе не въ одной нашей, но и въ европейской литературѣ, какъ первое полное описаніе цѣлаго ханства, малоизвѣстнаго до такой степени, что въ письмѣ, гдѣ наши власти рекомендовали Федченко кочанскому хану Худаяру, не было возможности указать маршрутъ путешествія, и приходилось выражаться весьма неопредѣленно. Теперь, благодаря трудамъ Федченко, мы имѣемъ весьма обстоятельную карту Кочана, превосходно выполненную Петерманомъ въ Готт. Самыя подробности путешествія и разнобразныя примѣченія до такой степени интересны, что нельзя не пожелать особаго изданія этого выпуска, какъ отдѣльнаго цѣлаго, въ обыкновенномъ форматѣ, съ цѣлью общедоступности. Такие труды должны не только украшать нашу литературу, но и находить для себя возможно большее обращеніе въ общества.

Германская конституція. *Ч. I. Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учреждений въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго.* Сиб. 1875. Стр. 301. Ц. 1 р. 75 к.

Семидесятилѣтіе, протекшее отъ паденія св. Римской Имперіи до установленія Германской имперіи, совершающагося на нашихъ глазахъ, останется надолго однимъ изъ самыхъ интересныхъ для исторической науки періодомъ. Сначала идетъ печальная исторія германскаго союза, замѣнявшаго собою древнюю имперію; внутреннія политич. союзы привела къ революціи и подавила ее для вѣчнаго торжества реакціи 1849-58 гг., заключившейся паденіемъ союза въ пользу главенства Пруссіи въ созданной политикою кн. Висмарка новой имперіи. Лучшіе публицисты и историки нѣмцедіе посвятили обширные труды изученію этой эпохи, и главное достоинство книги пр. Градовскаго состоитъ именно въ томъ, что она въ сжатой формѣ вѣрно знакомитъ насъ теперь съ главными результатами этихъ изслѣдованій, и излагаетъ въ системат. факты и самыя учрежденія, безъ всякихъ выраженной симпатіи или антипатіи, какія могли бы возникнуть въ современникѣ, касающагося вопроса, не безразличнаго для сосѣдей Германіи.

Соловьевъ. Воспоминанія и рассказы изъ побѣды съ богомольцами. *В. И. Шенниковъ-Данченко.* Сиб. 1875. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

Вторая часть этой книги знакома нашимъ читателямъ; въ новомъ изданіи присоединена къ ней

цѣлая часть, состоящая изъ очерковъ Северо-Двинскаго края: описаны Шенкурскій, Колмогоровскій и Онежскій уѣзды и города Архангельскія. Мы очень рады успѣху первыхъ литературныхъ трудовъ г. Немировича, но это не имѣетъ намъ упрекнуть автора за избытокъ лирическихъ силъ, особенно въ первой части его книги, и за вычурность языка. Если, напримеръ, извоишь въ Архангельскѣ заговорить съ нимъ неожиданно по-английски, принявъ его за „капитана“, то авторъ спроситъ его не иначе, какъ такъ: „Ты гдѣ научился коверкать языкъ Шекспира и Байрона?“ Къ великому изумленію читателя архангельскій извоишь отвѣчать автору, какъ слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы спросить у него: кто это такой Шекспиръ и какой у него такой языкъ? Конечно, авторъ на дѣлѣ и не думалъ такъ хитро спрашивать извоища, а все это сказано для слога; но такой приемъ производить непріятное впечатлѣніе на чувство истины, и совершенно излишенъ.

Авгюстина философія или положительная наука? По поводу диссертациі г. В. Соловьева. *К. Кавалина.* Сиб. 1875. Стр. 48. Ц. 50 к.

Авторъ, извѣстнѣйшимъ нашимъ читателямъ по своимъ изслѣдованіямъ о задачахъ психологіи, вызвавшимъ полемику его съ И. М. Сѣченовымъ, взялъ на себя трудъ разобрать недавно появившееся разсужденіе г. В. Соловьева, усмотрѣвшаго кризисъ западной философіи и проповѣдующаго на томъ основаніи обновленіе ея во вкусѣ Шопенгауера и Гартмана. Цѣль брошюры состоитъ въ томъ, чтобы умѣрить такіе восторги и ограничить возмущеніе новизной, будто бы свѣтлымъ, а вмѣстѣ защитить позитивизмъ отъ пристрастія г. Соловьева. По мнѣнію К. Д. Кавалина, ученія Шопенгауера и Гартмана не составляютъ поворота современной философіи на правильный путь, а помыляются какъ послѣдній всплывшій утасопаго отвлеченнаго идеализма. Если г. Соловьевъ, и весьма многіе вмѣстѣ съ нимъ, увлекается Шопенгауеромъ и Гартманомъ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго или говорящаго въ пользу философіи бессознательнаго, такъ какъ, по справедливому замѣчанію автора брошюры, не мало увлекаются даже и спиритизмомъ.

Рача, по-русски произнесенная въ еврейскомъ молитвенномъ домѣ, въ Москвѣ, раввиномъ *Э. Миноромъ.* Вып. I. М. 1875. Стр. 331. Ц. 1 р. 50 к.

Предъ вами весьма любопытная книга, на которую обращаемъ вниманіе читателей. Пять лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ была основана синагога (еврейскій молитвенный домъ), и ея раввинъ издалъ теперь свои проповѣди, въ которыхъ онъ задается счастливою мыслью не гоняться за цѣтми красноречія или толковать темныя мѣста Талмуда, а бесѣдовать объ общенныхъ сторонахъ общественной и нравственной жизни своей паствы. Такое живое участіе церкви въ житейскихъ дѣлахъ, съ цѣлью направленія къ добру и справедливому, заслуживаетъ полного одобренія и подражанія со стороны другихъ раввиновъ. Какъ на образецъ, указываемъ на проповѣдь, въ концѣ прошедшаго года, по поводу явленія къ волнской повинности. Провѣдникъ усматриваетъ въ этой повинности дарованіе евреямъ права гражданія и свободному надежду, что со временемъ они и въ другихъ отношеніяхъ перестанутъ быть только „гостями“.

Съ 1-го марта 1875 г.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе	{	15 р. 50 коп. безъ доставки.
С.-Петербургѣ:		16 р. — „ съ доставкою на домъ.
Иногородныя	{	17 р. съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.
въ Москвѣ и губерніи:		
Иностранныя:	{	Германія и Австрія—19 р.; Вельгія, Нидерланды и Редундайскія княжества—20 р.; Франція и Далія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—22 р.; Швейцарія и Италія—23 р.; Азія—24 р.; Америка—25 рублей.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ	{	Базуновъ, Нев. пр., 30.	Москва {	Соловьевъ, Стрѣтн. Буль.
		Исаковъ, Гос. Дв., 24.		Центр. Книжн. магаз., Слав.
		Черкесовъ, Нев. пр., 50.	Одесса : Черкесовъ, Преображ. ул.	Вазаръ.
		Магаз. для Иногор., Нев. пр., 27.		Харьковъ: Черкесовъ, Москов. ул., 6.

Отъ редакціи Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* къ Редакціи „Вѣстника Европы“, въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія въ уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *должна* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородныя доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ въ иногородныхъ въ иностранныя—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственн.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

ГОДЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Томъ второй: 1873-74 гг. Стр. 746. Въ трехъ частяхъ, съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1874 г. Стр. 746+39.

Цѣна: ДВА рубля съ пересылкою.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Сиб., Галерная, 20. Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

D. OCT 17 1913

